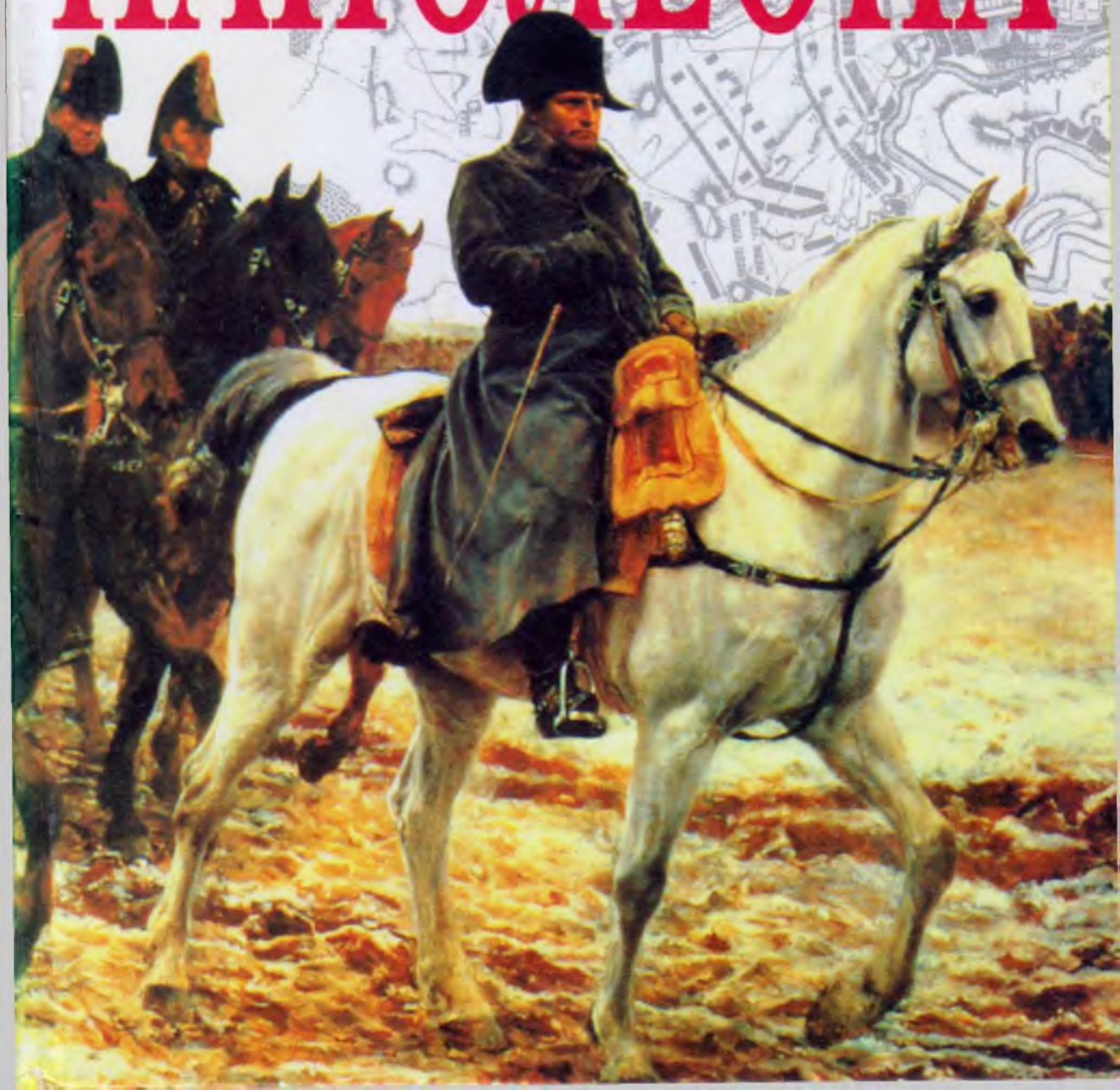

Beziehungen und Verbindungen der Welt
von Berlin

Д. ЧАНДЛЕР

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ

НАПОЛЕОНА

DAVID CHANDLER

THE CAMPAIGNS OF

NAPOLEON

Д. ЧАНДЛЕР

**ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ
НАПОЛЕОНА**

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
1999

Автор благодарит следующие издательства за разрешение цитировать отрывки из их книг:

«Кассел и К^о, лтд.», Лондон, за выдержки из мемуаров Коленкура;

«Кларендон пресс», Оксфорд, за выдержки из книг «Французская армия до Наполеона» и «Возвышение генерала Бонапарта» — обе Спенсера Уилкинсона — и из «Армии первой Французской республики» (5 томов) полковника Р.-У. Фиппса;

«Уильям Морроу и К^о инк.», Нью-Йорк, за выдержки из книги «С Наполеоном в России» — американского издания мемуаров Коленкура;

«Раутледж и Киган Пол, лтд.», Лондон, за выдержки из работ А. Бека «Введение в историю тактики» и «Наполеон и Ватерлоо».

Также выражается благодарность следующим музеям и библиотекам за разрешение использовать иллюстрации и карты:

Национальной библиотеке, Париж; Опекунскому совету Британского музея, Лондон; Музею армии в Париже; Национальному морскому музею в Гринвиче; Военному музею в Лиссабоне; музею Прадо в Мадриде; Национальной портретной галерее в Лондоне; Библиотеке Королевской военной академии в Сандхерсте; Музею города Страсбурга; Версальскому музею; Музею Виктории и Альберта, Лондон;

и следующим компаниям за помощь — представленные фотографии и другие работы: «Дж.-К. Фримен и К^о», Лондон; «Маршаллс, лтд.», «Кэмберли»; «Р. Виолет»; Архив фотографии, Париж.

УДК 820
ББК 84(4Вел)
Ч34

**Карты и схемы-рисунки Шейлы Уотерс
с набросков автора книги**

Художник Эйб Лернер

Художественное оформление И.А. Озерова

**Научные консультанты:
кандидат исторических наук
полковник Г.А. Черных
доцент майор Л.А. Седов**

**David Chandler
THE CAMPAIGNS OF NAPOLEON**

© Перевод
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1999
© Издание на русском языке
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1999
© Художественное оформление
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1999

ISBN 5-227-00456-0

**Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.**

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ

НАПОЛЕОНА

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

С уважением посвящаю эту книгу памяти Хьюберта Уайли (1894—1965), преподавателя в Мальборо-колледже, 1927—1959.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стопятидесятая годовщина битвы при Ватерлоо кажется уместной датой для завершения исследования военного искусства Наполеона. За последние годы ряд интересных работ добавился к поистине необозримой литературе, вдохновленной многосторонним гением этого необычайного полководца и государственного деятеля. Прошло более шестидесяти трех лет с тех пор, как граф Йорк фон Вартенбург¹ опубликовал свою знаменитую двухтомную работу о военных кампаниях Наполеона. С тех пор появилось много военных исследований, посвященных почти каждой из этих кампаний и тщательному анализу многих сторон военного гения императора. Среди плеяды выдающихся авторов на память сразу приходят имена генералов Камона и Колена, полковника Ваше, Ф.-Л. Пите, профессора Спенсера Уилкинсона и полковника Фиппса; среди более поздних писателей выделяются Лашук, Херолд и Мансерон. Следует особо упомянуть замечательные картографические работы бригадного генерала Эспозито и полковника Элтинга из Вест-Пойнтской военной академии США. Можно было бы привести и внушительный список биографов Наполеона, но для любой попытки упомянуть хотя бы самые значительные работы, вдохновленные наполеоновской темой, потребуется много страниц. Тем не менее есть оправдание для появления данной книги как опыта оценки кампаний Наполеона, рассматриваемых в целом в одной работе. За исключением недавнего исследования покойного майора Лашука², тенденцией современных авторов было специализироваться по отдельным кампаниям или военным аспектам, и можно надеяться, что данное более общее изучение будет не лишено интереса для читателей в Великобритании и Соединенных Штатах пусть даже только в качестве «первого знакомства» для перехода к более детальным и академическим военным исследованиям, появившимся теперь.

Чтобы воздать должное подобному предмету изучения, потребовалась бы работа целой жизни, и за последние 150 лет написано такое количество книг авторитетнейшими писателями, что едва ли можно добавить что-либо полезное к созданной подобным созвездием литературе о Наполеоне. Однако открытие значительного числа новых источников в конце прошлого века и начале нынешнего бросило новый свет на этот период, вызывая в некоторых случаях необходимость переоценок. Например, «Мемуары генерала Коленкура, герцога Виченцкого», которые стали впервые доступны в 1930-х годах, освещают роковую русскую кампанию 1812 года и дают многое для понимания характера Наполеона в годы взлета, упадка и кру-

¹ York von Wartenburg. Napoleon as General. — 2 v., London, 1902.

² Commandant H. Lachouque. Napoléon — Vingt ans de campagnes. — Paris, 1963.

шения. Везде, где это было возможно, такой «новый» материал включен в последующие главы наряду с мнениями современных ученых и военных историков. В остальном во многом это пересказ захватывающей истории восшествия к славе и последующего падения великого полководца, а также дополнения к исследованию Йорка фон Вартенбурга в свете новых современных данных.

Книга не претендует на полное изучение Наполеона и его эпохи. Многие аспекты того яркого времени вообще не отражены, и даже чисто военная сторона не всегда и не во всем полна. С самого начала было решено ограничиться рассмотрением кампаний, проведенных лично Наполеоном; в результате этого в книге не описана долгая война на Иберийском полуострове (за исключением ее общих стратегических аспектов), а также опущено многое из того, что относится к великой морской войне.

Однако было бы невозможно правдиво показать Наполеона как военачальника, не обращая внимания и на некоторые близко касающиеся его вопросы. Поэтому определенное место уделено анализу его военного образования и различных методов, применявшихся им и его современниками в военных действиях. Также оказалось необходимым включить обзор некоторых сторон его созидательного труда как французского государственного деятеля, чтобы показать контраст с его разрушительными действиями и в то же время объяснить поразительную стойкость народа Франции и ее экономики, находившихся под бременем более десяти лет непрерывной большой войны. Понадобилось и краткое обсуждение всех махинаций и стратегий, стоявших за переворотом 18 брюмера, потому что эти критические события 1799 года бросают яркий свет на характер Наполеона — особенно выявляя его великий дар пользоваться даже случайными возможностями, как бы неожиданно ни сложились обстановка, — тот дар, который он постоянно применял в военной и политической сферах.

Считаю своим долгом выразить свою благодарность бригадиру П. Янгу — преподавателю военной истории в Королевской военной академии (Сандхерст) за ознакомление с частями рукописи этой книги и многие ценные замечания, а также за предоставление им материала. Мой другой коллега А. Брегг-Джеймс любезно ознакомился с разделами книги, относящимися к 1812 году, и предоставил в мое пользование много мемуаров и дневников из своей личной коллекции. Также я глубоко благодарен покойному генерал-майору Фуллеру за его бесценное обсуждение частей рукописи, посвященных кампаниям 1806, 1813 и 1815 годов, и подполковнику О'Флаерти за возможность использования его глубочайших познаний битвы при Ватерлоо; также генерал-майору Х. Эссейму за любезное предоставление мне карты современной России. Кроме того, хочу поблагодарить мою терпеливую жену за ее бесценную помощь в составлении указателей (и за то, что она мирилась со своим очень рассеянным и занятым мужем в течение последних четырех лет), мою кузину мисс П. Динс и мисс П.-К. Макглинчи за их стоическую работу над моей не всегда аккуратной рукописью. И наконец, я не могу не высказать благодарности издателю за осуществление публикации этой книги и оказанные одобрение, советы и помощь на всех этапах ее создания.

Дэвид Чандлер

*Королевская военная академия Сандхерст
Кэмберли
Июнь 1965 года*

Общее введение

НАПОЛЕОН — ЧЕЛОВЕК И ПОЛКОВОДЕЦ

Личные качества и недостатки

«История — это действительно бесконечный спор», — писал профессор Гейл¹ в своей работе о Наполеоне. Едва ли в истории когда-либо был более захватывающий и вместе с тем вызывающий такие бесконечные разногласия герой, как Наполеон; во всех научных исследованиях (а их тысячи), посвященных Наполеону Бонапарту, рисуются его разные портреты. Правда, производящие разное впечатление на людей. Некоторые работы различаются только глубиной оттенков в интерпретации образа, но нет двух работ, рисующих одинаковый характер. Поэтому нельзя не признать, что Наполеон и до наших дней остается загадкой, дразнящей и ускользающей, и в то же время он является наиболее благодарной темой для изучения. Настолько широки были его интересы, настолько всеобъемлющ его гений, настолько велики его недостатки, что про него можно сказать, будто он является отображением в гигантском масштабе почти всех качеств и слабостей рода человеческого. Именно в этом заключается немалая часть его обаяния.

Уже со времени битвы при Ватерлоо Наполеон привлекал к себе неустанное внимание историков, мемуаристов и просто сплетников. Вообще говоря, они распадаются на две основные категории — почитателей и хулителей. Личность Наполеона редко рассматривали вполне объективно и беспристрастно — просто он был не такой человек, как все. Общее мнение о Наполеоне менялось у разных поколений. Взгляды его современников были весьма неопределенны; путаница в их мнениях в немалой степени объясняется влиянием пропаганды, исходившей от Лонгвуда на острове Святой Елены, но смысл приговора может быть выражен фразой, сказанной графом Кларендоном об Оливере Кромвеле: «Великий дурной человек». Образ «людоеда» долго сохранялся даже в викторианскую эпоху. Как известно, английские матери, например, пугали своих непослушных отпрысков страшной угрозой: «...А то Бони придет и заберет тебя», но такое отношение долго не продержалось. К середине XIX века маятник мнений качнулся в другую сторону; легенда о «человеке судьбы», новом воплощении образа Карла Великого,

¹ P i e t e r G e y l. Napoleon. — London, 1946, p. 16.

непонятом гении и трагическом узнике Святой Елены начала все больше завоевывать умы. Эта легенда усердно питалась бесконечными публикациями дневников и мемуаров, написанных состарившимися полководцами и государственными деятелями Империи, чьи воспоминания — расцветенные или смягченные под налетом времени — подливали еще больше масла на жертвенники перед алтарем Наполеона. Некоторые умеряли свое восхищение критикой, но большинство обожало его безоговорочно, и во Франции режим племянника великого Наполеона поощрял рост культа чуть ли не за пределы разумного.

После 1870 года это поклонение приняло несколько другое направление. Французы старались не думать о недавнем поражении, предпочитая вспоминать великие дни Первой Империи. Военные специалисты всех наций углубились в тщательное изучение методов и кампаний великого мастера военного искусства в надежде раскрыть тайну его гения. Только пулеметы и колючая проволока 1914 года вернули генералов к реальности. Но в первые месяцы войны французские армии шли в наступление — всегда в наступление — в белых перчатках, с развернутыми трехцветными знаменами, изо всех сил стараясь оживить героический дух наполеоновского поля боя. Знаменитый германский план Шлиффена¹ был вдохновлен стратегическими концепциями императорских кампаний 1805-го и 1806 годов в не меньшей степени, чем более близкими по времени опытами франко-прусской войны. Результаты этих попыток воссоздать методы столетней давности были одинаковы для обеих воюющих сторон: ужасающие потери, неизбежное замедление боевых действий и безвыходность позиционной войны, затянувшейся на долгие четыре года. Редкий случай столь наглядного показа опасности некритического использования военной истории. Со времен Наполеона производство оружия, в особенности артиллерийского и стрелкового, сделало такие успехи, что старые методы больше не годились. Более прозорливые давно могли бы извлечь прекрасный урок из последних лет Гражданской войны в Америке и тем паче из более ограниченных опытов 1870 года во Франции, 1900 года в Южной Африке и 1904 года в Маньчжурии. Как ни трагично, но мало кто внял этому уроку, и целое поколение молодых европейцев, да и немало американцев заплатили за это ценой своей жизни в агонии войны на измор — в сражениях на Сомме, под Ипром, Верденом, Шменде-Дамом и Сен-Мишелем. Оказалось, что одного мужества недостаточно, чтобы преодолеть грязь, колючие заграждения и автоматическое оружие.

Понятно, что отвращение к ужасам войны, ощутившееся после 1918 года, снова качнуло маятник мнений о Наполеоне обратно к образу «человека крови», «корсиканского людоеда», его даже начали рассматривать как главного инициатора Армагеддона. Эта тенденция чуть ли не жива и поныне, но с 1939 года она получила новый поворот — сравнения Наполеона с другим пресловутым «капралом», Адольфом Гитлером. Хотя с конца 1940-х годов начал складываться более уравновешенный взгляд, многие ученые все еще склонны считать Наполеона в лучшем случае талантливым головорезом. Вместе с тем появление многочисленных «роскошных» изданий в последние годы, кажется, имеет тенденцию оживить прежнее поклонение.

И так происходит уже не одно колебание этого маятника, который, по-видимому, так и будет непрерывно раскачиваться для многих грядущих поколений, ибо очарование — или отвращение, — порожаемое именем Наполеона, вечно. Несомненно, что он был одним из самых сложных и одаренных людей, ниспосланных для украшения — или наказания — нашей планеты.

Прежде чем обратиться к рассмотрению достоинств и недостатков Наполеона как полководца, необходимо попробовать разобраться в вопросах, относящихся к

¹ Ш л и ф е н Альфред фон (1833—1913) — генерал-фельдмаршал, начальник германского генерального штаба (1891—1905), автор плана ведения войны на два фронта: против Франции и против России. (Примеч. перев.)

эпохе и его характеру в целом, потому что основные черты Наполеона-человека неизбежно влияли на особенности Наполеона-полководца. Прежде всего следует определить, насколько его феерическая карьера обязана его собственным достоинствам и насколько — обстоятельствам и современной ему эпохе. Нельзя отрицать яркость и силу его природных способностей, вероятно, в любую эпоху он был бы выдающимся человеком, но ему еще исключительно повезло родиться именно в то время. До конца своих дней, несмотря на возрастающую у него склонность самому верить в свой создаваемый пропагандой образ полубога, Наполеон признавал, что удача играла большую роль в его поразительной карьере. Он всегда говорил Лас Казу, что Французская революция приоткрыла дорогу талантам (*ouverte aux talents*)¹ и создала ситуацию для их использования, именно к ней он идеально подходил. Наполеону повезло, что ему в 1789 году было двадцать лет — именно тогда все старинные монархии Европы (за исключением Великобритании) пришли в упадок. Ему повезло также, что он родился в семье мелкопоместного корсиканского дворянина, потому что это облегчило его путь к карьере в юные годы и вместе с тем не помешало его возвышению и обретению власти после свержения королевского режима. Он сам говорил, что его корсиканское происхождение очень помогало ему в первой итальянской кампании, когда у него, двадцатилетнего, необстрелянного, только что выдвинутого главнокомандующего, решалась судьба и временами многое висело на волоске. Его женитьба на Жозефине оказалась подарком судьбы, потому что через нее он сблизился с умеренными роялистами, которые в дальнейшем помогли ему на пути к трону. Он сам говорил о себе, что ему повезло и с его большой семьей, потому что родство помогло ему многократно усилить каналы своего влияния через брачные союзы и раздачу корон родственникам — хотя можно и усомниться, было ли это везением, — помощь, оказываемая ему его *fratello*² и сестрами, часто оказывалась обоюдоострым оружием. Еще ему повезло в том, что почти всем его боевым противникам было уже за пятьдесят. Удача редко оставляла его на поле боя, хотя он сам, вероятно, энергично отрицал бы такое непостижимое качество; у него было твердое убеждение, что гений может почти математически точно определить место удачи в своих расчетах. Но вообще говоря, мы можем утверждать, что судьба наградила его замечательным везением — по крайней мере, до конца 1806 года. Как сказал историк Хадсон³, «его способности были врожденными, но обстоятельства превратили их в действующую силу».

Одной из задач книги является попытка ответить на трудный вопрос: был Наполеон в целом хорошим или дурным человеком? На это сложно ответить, потому что вообще практически невозможно определить абсолютную степень хорошего или дурного в человеке. В основном он был одарен столькими же достоинствами и недостатками, как и любой обычный человек, но только уникальные особенности его гения и обстоятельства усилили их и сделали их превышающими нормальные пределы. Вероятно, он обладал большей властью, чем любой другой человек в истории, живший до него, и, наверное, это и испортило его. С самого начала его реализм всегда был окрашен склонностью к фатализму. «Все, чему суждено случиться, уже определено. Наш час отмечен, и мы не можем продлить его ни на минуту больше, чем предопределила судьба»⁴. Это фаталистическое отношение постепенно слилось с его верой в собственную исключительность — верой, которая кристаллизовалась (или так утверждал Наполеон) вечером после битвы у Лоди в 1796 году. В конце эпохи успехов эта убежденная вера в свою «судьбу» подточила его здравомыслие и привела Наполеона к безрассудному упрямству и нежеланию считаться с

¹ Букв.: открыто для талантов (*фр.*).

² *Fratelli* — братья (*ит.*).

³ Hudson W.H. *The Man Napoleon*. — London, 1915, p. 210.

⁴ Hudson, *op.cit.*, p. 228.

фактами в годы его упадка. Он считал официальную религию силой, подлежащей контролю, но его личные взгляды могут быть определены как деистские или даже агностические, но никак не традиционно религиозные.

Он был любящим мужем и гордым отцом и не был безразличен к благоденствию своих подчиненных (хотя нещадно эксплуатировал их). Это не исключало его внебрачных приключений и его черствости по отношению к гибели людей на поле боя. Но его горячая корсиканская кровь и так контрастирующее с ней холодное самообладание полководца объясняют, хотя и не оправдывают, обе эти черты. Он мог быть безжалостным или великодушным, добрым или жестоким, гневливым или очаровательным — но он всегда искрился энергией и производил незабываемое впечатление на всех, с кем он встречался.

Весьма заманчиво гадать, каким полководцем или государственным деятелем был бы он в середине XX века! Может быть, это было бы сочетание генерала де Голля и Дугласа Макартура. А в эпоху ядерного оружия он был бы, вероятно, истинником угрозы для осторожных: «Принцип войны состоит в том, что, если можно воспользоваться громом и молниями, их следует предпочесть пушкам»¹.

Важно постараться определить, в какой мере он лично ответствен за ряд опустошительных войн, немедленную ассоциацию с которыми всегда у всех вызывает одно лишь упоминание его имени. Очевидно, невозможно отрицать, что он был человеком, любящим войну. За двадцать три с небольшим года его активной карьеры он провел *не менее шестидесяти сражений*. Это огнюдь не репутация пацифиста! Подсчитано, что за период с марта 1804 года по апрель 1815 года практически два миллиона французов состояли на активной службе в его армиях; было не менее тридцати двух призывов различных категорий за это время и, вероятно, мобилизовано еще не менее миллиона человек из стран-союзниц или сателлитов. Оценки количества потерь за одиннадцать лет сильно колеблются. Некоторые авторы считают, что они достигали 1 750 000 (вероятно, включая и потери союзников), другие оценивают их как относительно «низкие» — 450 000 убитыми и навсегда выведенными из строя. Единственной статистикой, которую можно привести с достаточной уверенностью, является цифра потерь офицерского состава — 15 000 человек.

Однако как ни огромны эти потери, их следует правильно представлять. Количество выведенных из строя — пусть даже это будет 1 500 000 человек — охватывает период в одиннадцать лет и включает все фронты, то есть в среднем 136 000 человек в год. Эта цифра оказывается незначительной при сравнении со списками потерь войны 1914—1918 годов, когда французы потеряли 1 360 000 человек на одном только Западном фронте (или в среднем 340 000 в год) — и в эти цифры не входят тяжелые потери, понесенные британцами, бельгийцами и американцами. Это сравнение огнюдь не оправдывает наполеоновские войны и принесенные ими страдания. С одной стороны, население было тогда малочисленнее, так что потери в отношении к нему были тяжелее, чем кажется на первый взгляд; важно также учитывать масштабы потерь, понесенных жертвами Франции или ее противниками. Тем не менее вопрос о потерях следует рассматривать в его истинной перспективе, если попытаться оценить ответственность Наполеона как зачинщика войн. Степень его ответственности как инициатора войн — тоже очень сложная проблема. За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно вначале на него нападали. Однако нельзя отрицать, что многие из этих нападений в конечном счете были спровоцированы самим императором в военных и пропагандистских целях. В его защиту можно сказать, что он жил в эпоху, крайне склонную к войнам, и что, совершенно очевидно, длительные и многочисленные жестокие войны были тогда неизбежны, безотносительно к тому, встал ли бы Наполеон у руля Франции или нет, Французская революция, продуктом которой он

¹ C o m m a n d a n t g. C o l i n. The Transformation of War. — London, 1912, p. 251.

был (а также ее охранителем, распространителем и ликвидатором одновременно!), уже поставила особняком в Европе Первую республику, пока Наполеон был всего лишь никому не известным лейтенантом артиллерии и полковником корсиканских волонтеров. Социальные и экономические потрясения, последовавшие за актом политического неповиновения в 1789 году, означали конец «старого порядка» (Ancien Régime) не только во Франции, но и на всем континенте (хотя из-за Ватерлоо окончательный распад произошел в Германии только в 1848 году и в России в 1917-м). Концепция «Свободы, Равенства, Братства», высказывания Руссо и Дидро подразумевали полное разрушение старого порядка и высвободили колоссальную энергию и мощное стремление у французского народа обращать всех в свою новую веру. Войны стали неизбежны, и столь же справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был «человеком крови», ответственным за огромный пожар войны, пылавший в Европе так много лет. Он сам понимал это, говоря во время Амьенского мира: «Между старыми монархиями и молодой республикой должен всегда быть дух вражды. При теперешнем состоянии дел каждый мирный договор означает не более чем краткое перемирие; и я думаю, что моя судьба — почти непрерывно воевать»¹. Вероятно, этот реалистический — а возможно, и слегка циничный — взгляд заставлял его относиться к войне как к неизбежному злу и, следовательно, предаваться ей с несколько меньшими муками совести, чем следовало бы. Но после 1791 года Франция созрела для захватнических и пропагандистских войн, и очень сомнительно, мог ли бы Наполеон устоять перед этим потоком агрессивной энергии, даже если бы он этого хотел. Посему его фаталистический взгляд в некоторой степени оправдан.

Конечно, это принятие вероятности великих войн не мешало хитрому корсиканцу — вероятно, самому беззащитнейшему государственному деятелю со времен Макиавелли — извлекать любую пропагандистскую выгоду из длительных «наступлений во имя мира», преследующих собственные честолюбивые цели. Он всегда с пафосом заявлял о своих мирных намерениях — хотя все эти «Божьи бичи» со времен Аттилы и Чингисхана изо всех сил старались создать образ миролюбивого человека, с сожалением берущего в руки оружие в борьбе за справедливое дело, если не оправдывались все другие средства убеждения. И вполне возможно, что его протесты были искренними — по крайней мере, в его собственных глазах. Однако Наполеон всегда стоял на том, что он призван вручать мир с Олимпа благодарным государствам-клиентам; его корсиканская натура была мало склонна к компромиссу, несмотря на все его великолепное умение использовать момент в критических ситуациях. В силу этого, если Европе и суждено было бы жить в мире, этот мир должен быть только Pax Romana², продиктованный и управляемый императором Наполеоном. Такая претенциозность, его самоуверенная и высокомерная позиция могла только еще более обострить отношения Франции с другими державами, которые до конца его дней считали Наполеона корсиканским выскочкой, лишенным вкуса и хорошего воспитания, несмотря на весь его гений; например, в Великобритании он именовался «генерал Бонапарт» в большинстве официальных документов еще долгое время после его смерти. Поэтому, несмотря на всю неизбежность войн из-за снобистских подозрений старых монархий, дерзкой самоуверенности новой Республики (и позднее Консульства и Империи) и еще более фундаментальных колониальных и торговых соперничеств, омрачивших англо-французские отношения, все-таки Наполеона можно обвинить в том, что он вел дипломатическую игру, отнюдь не утруждая себя проявлением высокой тактичности.

Этот недостаток такта у Наполеона — «золотого качества» государственного деятеля — был, по крайней мере отчасти, причиной бесконечных войн, а также его

¹ M a r k h a m F. Napoleon. — London, 1963, p. 95.

² Воздержание от войн, налагаемое на государства, подчиненные Римской империи (уст.).

падения. Он никогда не хотел превратить бывшего врага в преданного союзника, как ни велики были его личное обаяние и магнетизм в *têtes-à-tête*¹ с королями и императорами. Каждый союзник превращался у него в неудачливого вассала, каждый разбитый враг — в мятежного сателлита; Наполеон требовал всегда очень высокую цену за свои благодеяния — будь то люди, деньги или торговая политика. Он презирал многих современных правителей и особо не старался скрыть это. Он рассматривал каждый новый договор о союзничестве как средство выкачать побольше солдат, больше помощи в его «кровной мести» «вероломному Альбиону» — единственному противнику, не подчинившемуся его воле.

Естественно, Наполеона нельзя никоим образом представить в виде голубя мира. Острейший клюв и когти орла совсем недостаточно были спрятаны под наспех наброшенным белым оперением доброжелательного благоразумия. Если Европе был нужен мир, он должен был быть принят на условиях Франции — или, скорее, Наполеона. И то, что казалось состоянием мира императору, слишком сильно походило на рабство для других держав. Более того, когда Франция выпустила дух национализма из бутылки, уже стало невозможно контролировать его последствия. Националистический энтузиазм французских армий мало-помалу распространял этот дух в Германии и Италии, и, хотя силы реакции смогли оттянуть свой конец почти на полстолетия, дух национализма продолжал тлеть, чтобы позднее разгореться и в конце концов оказаться одним из мощнейших противников Наполеона. Военные победы и продиктованные документы о мире больше не обещали покоя и подчинения; подполье патриотов жило и работало и в Пруссии, и в других странах, ожидая того дня, когда французские «цепи будут сброшены», а «деспот Европы» побежден. И все это действительно случилось после 1812 года. Оказалось, что Империя была построена на ненадежном фундаменте.

Хотя Наполеон и был, по крайней мере, частично ответствен за порождение и распространение идей, могущих привести только к новым конфликтам, он никогда не начинал войн с легким сердцем (это, конечно, его мало оправдывает), а всегда стоял за относительно более гуманный тип войны: он стремился к быстрым, энергичным, победоносным кампаниям и никогда — к длительной изнуряющей агонии войны на измор. Но если эта цель не давалась ему — что стало часто повторяться после декабря 1806 года, — он мог прибегнуть и к звериной жестокости и беспощадности, которые тоже были частью его корсиканского наследия... И его терпение, и его величие имели свои пределы. Трудно провести точную границу между годами успеха и годами постепенного упадка Наполеона. По крайней мере, можно утверждать, что с военной точки зрения в декабре 1806 года Наполеон прошел пик своего триумфа. Многие историки (не военные) и биографы склонны считать Тильзитскую конференцию (1807) или даже встречу в Эрфурте (1808) кульминационной точкой истории Первой империи. Может быть, с политической и конституционной точек зрения это и так, но есть достаточные причины считать, что период расцвета военной карьеры Наполеона миновал уже после двойной победы под Йеной и Ауэрштедтом.

Для оправдания такого взгляда есть следующие доказательства. Несмотря на очевидную полноту военного триумфа над Пруссией (не менее 70% ее боеспособных сил были или в списках потерь, или в плену после этой двойной победы и последующих недель безжалостного преследования), Наполеону не удалось добиться желанного замирения (разумеется, на его условиях) с прусским правительством. Наполеон всегда стремился к быстрому решающему удару, быстрому и экономному разрушению воли неприятеля к сопротивлению. Этого никак не удавалось добиться после Йены — Ауэрштедта; каким бы трусом ни был Фридрих-Вильгельм III, железная воля королевы Луизы оставалась такой же непоко-

¹ Встреча без свидетелей (фр.).

лебимой, и в силу этого Наполеон не достиг решительного успеха. Эта преграда его планам имела два важных следствия.

Во-первых, она привела к непредвиденной и безусловно нежелательной зимней кампании 1806—1807 годов в Польше и Восточной Пруссии. А это, в свою очередь, повлекло новое прямое столкновение с царем Александром. Наполеон очень не хотел этого осложнения, надеясь, что молниеносное нападение на Пруссию выведет ее полностью из войны и, следовательно, разубедит Россию вступать в войну, которая столь наглядно закончилась в пользу французов. Но затем эти планы потерпели крушение.

Вторым непосредственным следствием ссоры с Россией было тяжелое поражение, понесенное Великой армией у Прейсиш-Эйлау в феврале 1807 года. Хотя действительный исход этого ожесточенного сражения был завуалирован официальной французской пропагандой, правда об этом сражении была известна в России и вскоре распространилась и стала известной патриотическим группам, работавшим против французов в Германии и Италии. Конечно, исход битвы может быть по всей справедливости определен как ничья, но это не должно приводить к недооценке его значения в то время; суть была в том, что кажущийся несокрушимым победитель при Арколе, Риволи, Маренго, Аустерлице и Йене получил незначительное поражение. Эта новость подбодрила врагов Наполеона, и по его репутации был нанесен первый настоящий удар, который не могли полностью перечеркнуть ни последующий триумф под Фридландом, ни пышный спектакль в Тильзите. «Людоед» оказался уязвим.

За несколько месяцев до битвы под Прейсиш-Эйлау Наполеон совершил капитальную ошибку в большой стратегии, которая со временем оказалась роковой для его Империи. Лишенный возможности наслаждаться покоем завоевателя после Йены — Ауэрштедта и приписывая эту кажущуюся небольшую помеху «нации лавочников», император обдумывал способ отомстить Великобритании, которая после Трафальгарского сражения в предшествующем году получила возможность безнаказанно пренебрегать угрозами Наполеона осуществить прямое военное нападение на Англию. Начиная с 1803 года (если даже не ранее) Наполеона обуяло желание видеть Великобританию покоренной. Все тяготы жизни в Европе совершенно безоговорочно приписывались зловредному сочетанию британского золота, британских интриг и английского королевского военного флота. Даже в победном бюллетене после Аустерлица Наполеон упоминает в презрительных выражениях о любимом адъютанте царя как о «молодом барабанщике Англии». Теперь, спустя год, он снова вернулся к мысли запугать британский народ. Результатом стали берлинские декреты декабря 1806 года. Понимая, что в этот момент не может быть речи о прямом военном давлении, Наполеон решил нанести удар по британской торговле, жизненно важной для благосостояния страны. В идее экономической блокады не было ничего нового, но никогда до этого не налагались такие строгие запреты на ввоз английских товаров не только в Империю, но и во всю Европу.

Однако дело обернулось так, что творец континентальной системы (как стала называться эта декларация о всеобщей экономической войне) получил ответный удар большей силы. Это имело три тяжелых последствия. Во-первых, «континентальная система» не смогла запугать Великобританию или даже постоянно ухудшать ее экономическое положение. Причиной тому была невозможность достаточно эффективно усилить эту политику, а также то, что владычество Британии над морями давало ей возможность направлять не находившие спроса товары вместо европейского рынка на другие рынки через Атлантику. Во-вторых, британские контрмеры (законы короля, проведенные через Тайную палату в разные годы) исполнялись гораздо эффективнее. Поэтому, несмотря на свои природные богатства и ресурсы, выжимаемые из союзников и сателлитов, французская экономика начала со временем чувствовать неблагоприятное давление этой

системы — безусловно, это уже было в 1812 году. Далее, все неудобства и трудности, вызванные блокадой во всех континентальных странах, стали приписываться императору. Все более жесточенные меры, вынужденно применявшиеся для эффективности блокады, ничего не давали, кроме разочарования и недовольства, в свою очередь ослабляя основы Империи. Стали широко использоваться всякие лазейки; начала процветать контрабандная торговля между Великобританией и Голландией, Италией и, в меньшей степени, Германией. Некоторые из наиболее доверенных подчиненных Наполеона открыто потворствовали этим нарушениям, включая Луи, короля Голландии (пока Наполеон не вынудил его отречься в 1810 году), Массены в Италии и Бурьена (губернатора Гамбурга). В-третьих, что было пагубнее всего, возрастающая одержимость Наполеона идеей расширения этой системы и ее усовершенствования сыграла не последнюю роль в двух совершенно ошибочных решениях, когда ему изменило военное и политическое чутье: в решении вторгнуться в Португалию и Испанию в 1807—1808 годах и решении напасть на Россию в 1812 году. Все эти осложнения коренились в действиях, принятых в декабре 1806 года; поэтому последняя дата, очевидно, является «поворотным пунктом судьбы» в наполеоновских войнах.

Конечно, невозможно подвести итог всем качествам, которые делали Наполеона великим главнокомандующим, в таком ограниченном книжном пространстве.

Наполеон обладал некоторыми личными качествами — не обязательно такими, которые могли найти себе чисто военное применение, — они несомненно делали его вождем. Чуть ли не первое из этих качеств — его личный магнетизм. Наполеон обладал почти гипнотической властью над всеми, кто с ним встречался. Это было сочетание его железной воли, неотразимого обаяния и возникающего у его собеседника чувства, что он находится перед властелином среди людей. Физически он скорее не располагал к себе — он был небольшого роста, имел грубые, даже вульгарные привычки, обладал резкой прямоотой почти во всех случаях, и тем не менее он мог заставить любого мужчину или женщину безоговорочно подчиниться ему, если он этого хотел. Невозможно было сопротивляться обаянию его больших серых глаз (о которых упоминали многие современники) — они были всевидящие, всезнающие и вместе с тем почти лишённые всякого выражения). Даже закаленный в боях ветеран генерал Вандамм признавался в том, что его охватывало чувство беспомощности в присутствии императора: «Я, не боящийся ни Бога, ни дьявола, готов дрожать, как ребенок, приближаясь к нему»¹. Несомненно, это гипнотическое обаяние объясняет в большой мере ту власть, которую он имел над военными всех званий. Он прекрасно знал силу своей личности и всегда вполне обдуманно пользовался ею, чтобы добиться своего. Наполеон был готов на многое, чтобы подчинить себе человека, если чувствовал, что тот стоит этих усилий. Но это редко требовалось: одного долгого пронизательного взгляда его серых глаз было довольно, чтобы поработить человека. Эта способность никогда не покидала его; за несколько дней после того, как он взшел на борт британского военного корабля, увозившего его на Святую Елену, он полностью завоевал сердца и офицеров и команды. Был только один человек, оказавшийся полностью нечувствительным к обаянию отрешенного императора, — губернатор Святой Елены, сэр Хадсон Лоу, ничем не выдающийся военный, совершенно лишенный воображения, с грубыми манерами, неотесанный, раздражавший своих соотечественников не менее, чем своего коронованного узника.

Что касается интеллектуальных способностей Наполеона, говоря словами одного из современных прекрасных его биографов, Октава Обри, Наполеон был «величайшей личностью всех времен, превосходящей всех других деятелей широтой и ясностью интеллекта, скоростью принятия решений, своей непреклонной реше-

¹ Hudson, *op. cit.*, p. 213.

тельностью и острым чувством реальности, сочетавшимися с силой воображения, на котором процветают великие умы»¹. Это не был ограниченный профессиональный солдат — его интересы были глубоки и обширны. Его ум редко не находил новой идеи в любом вопросе, и у него была замечательная способность видеть каждую деталь проблемы, одновременно не впадая в опасность «не видеть леса за деревьями». Каждое представленное ему дело он изучал широко и глубоко. Он мог одновременно проникать в самую суть и охватывать все сопутствующие подробности. Его владение деталями было феноменальным, и во время своего расцвета он знал свою армию до мельчайших подробностей. Его способность сосредоточиваться была невероятной, и тем не менее он мог переключаться с одного предмета на другой без малейшего затруднения и без ущерба для его аналитического ума. Однажды он так сказал о своих умственных способностях: «Различные предметы и различные дела уложены у меня в голове, как в комод. Когда мне нужно перейти к другому предмету, я просто задвигаю этот ящик и выдвигаю нужный. А если я хочу спать? Я просто закрываю все ящики — и я уже сплю»².

Такими же поразительными были способности его памяти. Согласно порою не всегда надежным воспоминаниям Бурьена, Наполеон лучше помнил факты, местности и статистику, чем имена собственные, даты или слова, — но даже если это и так, то это чисто вопрос степени. Два примера проиллюстрируют замечательную цепкость его памяти. В сентябре 1808 года император со своим штабом неожиданно наткнулся на часть недавно созданной Великой армии, которая во время долгого похода в разделенном порядке отбилась от своей дивизии на пути от Ла-Манша к Рейну. Командир потерял приказ и теперь не знал, где ему искать дивизию. Пока штабные офицеры изучали карты и перелистывали бесчисленные записные книжки и книги приказов, Наполеон тут же, не заглядывая никуда, сообщил пораженному командиру теперешнее местонахождение его дивизии и указал, где она окажется на следующие три ночевки, добавив подробные сведения о ее численности — цифры, содержащиеся в послужном списке командира дивизии. А в этот момент на марше находилось не менее семи армейских корпусов, или 200 000 человек! Однажды, в 1813 году, когда все его административные службы были перегружены работой, стараясь компенсировать потери в материальной части, понесенные в русской кампании, Наполеон пишет записку в военное министерство о том, что он, насколько помнит, видел два орудия на причале в Булонском порту. Скорее всего, прошло целых восемь лет с тех пор, как император в последний раз был в том порту. По-видимому, он обладал фотографической памятью на статистику, и бывало, не один смущенный министр или высший чиновник выслушивал от него данные о торговле, например, зерном за последние пять лет.

Точно так же у него был дар помнить лица и личные дела отдельных солдат. Конечно, у старых вояк была склонность преувеличивать степень узнавания их императором в каких-то случаях в далеком прошлом, но все эти истории нельзя оспаривать. Некий Куанье рассказывает, как император узнал его в толпе солдат после смотра 14-го линейного полка на площади Сент-Этьен в 1815 году и тут же назначил его дворцовым квартирмейстером и начальником обоза генерального штаба. Именно вокруг таких случаев кристаллизовались легенды, но они, несомненно, служили для поддержки морального духа и вдохновляли рядовых солдат на беззаветное служение «Le Tondu»³. Это было одной из сторон его магического обаяния.

Наполеон обладал феноменальной способностью к тяжелому, неустанному труду. «Работа — это моя стихия, — говорил он. — Я рожден и создан для работы. Я признаю пределы сил для моего зрения, ног, но никогда — для моей работоспо-

¹ Aubrey O. Napoléon. — Paris, 1964, p. 314.

² Kircheisen F.M. Memoirs of Napoleon. — London, 1929, p. 254—255.

³ Остриженный — одно из прозвищ Наполеона среди солдат. Академик Тарле перевел это как «стригунок» (фр.).

собности»¹. По другому случаю он заметил, что он работает за столом, в опере, даже в постели. Восемнадцати или даже двадцатичасовой рабочий день не представлял для него особых трудностей. Он читал много и жадно. На работе загонял чуть ли не до смерти орды потеющих секретарей и чиновников. Эта великая работоспособность, стремление неустанно трудиться были еще одним секретом его успеха.

Напряжение от такого тяжелого труда и от бесконечных переездов, неминуемо сопровождавших каждую кампанию, было, безусловно, огромно. Физические силы Наполеона отнюдь не были так безмерны, как это иногда изображают. Известно со слов его камердинеров, что он, безусловно, нуждался в сне. У него была счастливая способность спать урывками в спокойные минуты дня — даже среди грохота Ваграма он растягивался на своей медвежьей шкуре для короткого сна. Он часто болел, страдая от геморроя и непорядка с мочевым пузырем; фактор физического здоровья имел немаловажное значение в двух критических случаях, когда он не был похож на себя, — при Бородине и под Ватерлоо. Во время кампаний он питался беспорядочно, и это влияло на его пищеварение; но он никогда не страдал бессонницей.

При необходимости он мог работать несколько дней подряд, почти не отдыхая, хотя потом это тяжело сказывалось на его состоянии. Известен случай, когда он работал три дня и три ночи без перерыва. Огромный запас нервной энергии был тем фактором, который позволял ему так непрерывно напрягаться. Однако это неизбежно делало его не только воплощением хладнокровия, но и нервным человеком, что замечали многие. Спокойное неподвижное лицо скрывало сильные страсти. Они иногда проявлялись приступами дикого гнева, ярости или даже в эпилептических припадках, приводивших в ужас близких. Иногда он хлестал слуг и офицеров хлыстом для верховой езды, который он неизменно носил с собой; однажды он пнул министра в живот, а потом спокойно позвонил в колокольчик, велел слугам унести несчастного, корчившегося на полу. А однажды схватил за горло бедного вечного труженика Бертье и стал колотить его головой о каменную стену. Жизнь в императорском окружении имела свои незабываемые моменты. Однако как правило, он прекрасно владел собой, давая выход своим эмоциям только когда это было ему нужно.

Чисто военные таланты Наполеона были замечательны. Совершенно выдающейся особенностью было его полное владение военной профессией. Как-то он сказал, что знает, как изготовлять порох, как отливать пушки и ядра, как соорудить лафеты и передки орудий. Этот интерес ко всем деталям военного дела был частью его стремления к полному совершенству. Конечно, и у него были свои «белые пятна»; например, он никогда не утруждал себя тщательным изучением сложностей морского сражения и до конца своей карьеры не мог оценить значение приливов и ветров для ведения военных действий на море. Он очень мало интересовался тактическими деталями сухопутного боя. На Святой Елене он был твердо убежден, что идеальным является линейный боевой порядок в две шеренги, но никогда не настаивал на его применении в более ранних кампаниях. Под Соммеррой (1808) он загубил целый эскадрон отважных поляков из-за своего задетого самолюбия и нежелания видеть последствия своего приказа. Он поступал совершенно правильно, предоставляя людям решать тактические задачи на месте, но кроме его определенно выраженного предпочтения — смешанного боевого порядка (*ordre mixte*) пехоты, он обращал относительно мало внимания на элементарную тактику. Но в том, что относилось к большой общевойсковой тактике, был непревзойденным мастером величайшего таланта, по крайней мере в большинстве случаев.

Уместно привести его слова, обращенные к Лористону в 1804 году. Он перечислил три основных требования к настоящему полководцу: сосредоточение силы, активность и твердая решимость героически погибнуть. «Вот три принципа воен-

¹ L a s C a s e s E. Memoirs of the Emperor Napoleon, vol. VI. — London, 1836, p. 359.

ного искусства, которые обеспечивали мне удачу во всех операциях. Смерть — ничто, но жить побежденным — значит умирать каждый день»¹.

На такую судьбу он был сам обречен. К этим трем принципам, как предложил полковник Ваше, следует добавить и четвертый: «Брать врага врасплох стратегией и секретностью, неожиданностью и быстротой операции»².

Используя свой огромный интеллектуальный потенциал, Наполеон обычно продумывал заранее будущие военные проблемы — за много дней или даже месяцев вперед. Этот сосредоточенный мыслительный процесс был нелегким делом, и однажды он сравнил эти свои усилия по выработке плана военных операций с муками женщины, производящей на свет ребенка. Он подолгу обдумывал возможную проблему, учитывая любые предвидимые и случайные обстоятельства и принимая во внимание все возможные осложнения. Импровизация решения прямо на месте совершалась только в тех редких случаях, когда его расчеты оказывались незаконченными.

Наполеон был уверен, что «полководец должен обладать такой же силой характера, как и интеллекта, — основание должно равняться высоте»³. Он был богато одарен обоими качествами; он был также убежден, что «главный талант военачальника состоит в знании умонастроения солдата и в умении завоевать его доверие»⁴. В этом он тоже был непревзойденным мастером. Наполеон знал детально все сильные и слабые стороны французского солдата «до последней черточки» — от его «храбрости нетерпения» до склонности унывать после неудачи. Он владел всеми сторонами искусства управлять людьми.

Централизация высшей власти была другим *sine qua non*⁵ взгляда Наполеона на успешное проведение кампании. «В войне люди — ничто; один человек — все». «Лучше один плохой командующий, чем два хороших». Степень достигаемой им централизации была невероятна. Почти каждое решение исходило от него одного, и его современники дивились тому, как он мог управлять войной и государством одновременно. Пока пропорции в количестве его армий были разумны, этот уникальный способ командования работал исключительно хорошо; французские корпуса двигались по тщательно скоординированным планам, и все направлялось интеллектом великого мастера. Однако впоследствии это железное стремление к централизации превратилось в оковы и заблуждение.

Безусловно, гений Наполеона — это абсолютно неопределимое качество, которое позволило ему максимально использовать все свои великие способности и дарования. «Бесконечная способность трудиться» была, безусловно, одной стороной его феномена, но не единственной. Другие свойства, входящие в его гениальность, — богатое воображение (для приспособления планов к конкретным ситуациям), интуиция (в разгадке намерений противника), непобедимая сила воли (сделать по-своему, несмотря ни на какие препятствия) и то, что генерал Камон называет «душевной твердостью» (его отказ отвлекаться от своей главной цели или облегчить ее из-за любых трудностей, осложнений и усталости). Наполеон как-то пытался дать определение понятию «гений». «Гений — иногда только инстинкт, неспособный усовершенствоваться. В большинстве случаев искусство судить правильно усовершенствуется только посредством наблюдения (включая изучение) и опыта»⁶.

За всем прочим стояло бесконечное честолюбие, которое и являлось этой божественной искрой. «Честолюбие — главная движущая сила человека, — написал он однажды. — Человек расходует свои способности, пока он надеется возвыситься; но

¹ Correspondance de Napoléon Premier, vol. X.-Paris, 1870, p. 69.

² V a c h é e A. Napoleon at Work. — London, 1914, p. 17.

³ Lucien Bonaparte et ses mémoires. Ed. by T. Jung, vol. II. — Paris, 1836, p. 162.

⁴ C h a p t a l J.A. Mes souvenirs de Napoléon. — Paris, 1896, p. 296.

⁵ Абсолютно необходимое условие (лат.).

⁶ Kircheisen, op. cit., p. 242.

когда он достигает вершины, он просит только покоя»¹. Там, где дело касалось Наполеона, честолюбие, по-видимому, было ненасытным. Это служило питательной почвой и для достижений, и для крушений. В остальном его уникальность заключалась в сочетании гения и профессионализма (*génie et métier*), вдохновения и кропотливого труда.

Почему же тогда он потерпел неудачу? Почему он остался в истории просто «Наполеоном», а не «Наполеоном Великим»? На это опять нет легкого или простого ответа. Но с начала 1807 года что-то надломилось, что-то стало не так в этом мощном источнике энергии, особенно в его характере. Хитроумный Талейран одним из первых заметил это почти неуловимое изменение атмосферы и, не желая быть причастным к будущему падению императора, ушел в отставку с поста министра иностранных дел вскоре после кажущегося триумфа в Тильзите.

Многие из слабостей, способствовавших упадку и краху Наполеона, были порождением тех самых сильных сторон его натуры, которые помогли ему подняться. Каждое качество переходит в свою противоположность, и, как известно, лишь невидимая черта отделяет гений от безумства². Со временем иллюзии начали затмевать его здравомыслие в критические моменты; он начал верить в то, чему хотел верить, а не тому, что являлось правдой при объективном анализе фактов. Он начал делать всевозрастающие ставки, отказываясь признать, что фортуна окончательно отвернулась от него. Он отказывался признавать, что возможно, а что нет, надеясь на то, что его спасет чудо. Как один из министров Империи сказал об этом печальном факте: «Странно, что, хотя здравый смысл Наполеона был равнозначен гению, он никогда не мог увидеть, где кончается возможное»³. В этом недостатке был залог бедствия 1812 года и грядущего падения у Ватерлоо.

Мало-помалу способности Наполеона начали атрофироваться или чудовищно искажаться. Его страсть к порядку, эффективности и централизации власти вырождалась в глубокий эгоизм и мучительную для всех тиранию. Бессовестное обращение с испанской королевской семьей в Байонне, возрастающая рассылка карательных экспедиций по всей стране для внушения страха, быстрое расширение аппарата полицейского террора в Империи, даже само непомерное расширение физических границ Франции — все это были признаки усиливавшейся мании величия. Многие старые идеалы забывались один за другим, а потом подвергались осмеянию; честолюбие императора стало все больше сосредоточиваться на воссоздании империи Карла Великого и на частном возвеличении семейства Бонапарт. Борьба с Великобританией стала принимать дикие оттенки корсиканской вендетты: страны были или за Наполеона и подчинялись его воле, или считались враждебными; нейтральной, отстраненной позиции не признавали. И непрерывно все временные полномочия императора все более обрастали реальной властью, по мере того как члены его семейства получали все новые короны вассалов.

Если знаменитый афоризм лорда Актона «Власть портит; абсолютная власть портит абсолютно» несколько преувеличен по отношению к Наполеону, в нем все-таки есть элемент правды. Наиболее явными результатами неутолимой жажды власти Наполеона были растущее возмущение, а также сопротивление среди поработанных народов (во всяком случае, вне Франции) его бесконечным требованиям людей, вооружения, денег и общий рост национального самосознания среди побежденных, однако Наполеон, сам являвшийся причиной распространения националистических настроений, теперь не желал считать их реальной силой. Эти явления были предвестниками будущих осложнений.

¹ Kircheisen, *op. cit.*, p. 242.

² Некоторые современные психиатры заходят так далеко, что считают Наполеона почти вырванным психопатом. Он безусловно проявлял симптомы невротических и истерических пароксизмов и, возможно, также страдал — подобно Александру Великому и Цезарю — истерической формой эпилепсии (также называемой «синдромом завоевателя»).

³ Markham, *op. cit.*, p. 42.

К концу Империи Наполеон становился все более иррациональным в поведении и склонным к иллюзиям. Даже в начале 1814 года, когда все карты уже были раскрыты, он отказывался признать факт поражения и в силу этого отверг, несмотря на все уговоры Коленкура (как он сделал в 1813 году), несколько шансов на компромиссные соглашения, которые оставили бы Французскую империю (собственно) фактически целой. Он верил, что может воссоздать большую наполеоновскую Империю, которая, в сущности, уже прекратила существование за катастрофические месяцы 1813 года. Наполеон ставил вопрос только так: «Все или ничего», и с этим убеждением он продолжал воевать, когда его шансы были один к десяти. Если невозможно не восхищаться выдержкой и стойкостью этого человека, никоим образом нельзя одобрить безумство, лежавшее в основе его упорства. А в начале своей деятельности он был замечательно реалистически мыслящим человеком.

С возрастающей склонностью к иллюзиям пришло растущее недоверие к своим подчиненным. Это проявлялось уже с ранних дней учреждения маршалства. Осознано или подсознательно Наполеон никогда не мог допустить мысль о сопернике. Вот почему у него никогда не ладилось дело с Моро или (надолго) с царем Александром; вероятно, даже Луи Дезе повезло в момент его смерти. Вследствие этого для исключения опасности появления слишком талантливых подчиненных император намеренно не обучал своих маршалов методам, которые сделали бы возможными их самостоятельные действия. Он не организовал штабной академии. До самого конца удерживал в своих руках все бразды правления — гражданского и военного. Но что было осуществимо с армиями умеренных размеров общей численностью 200 000 человек в золотые дни 1805-го или 1806 года, стало абсолютно невозможно по мере быстрого роста численности армий, да и добавившегося второго фронта, еще более осложнившего все, — притом русского фронта! Как мог один человек надеяться управлять 600 000 людей, разбросанных на расстоянии более 500 миль во времена, когда не было радио? Однако именно это хотел делать Наполеон — с хорошо известными результатами.

Это отсутствие здравого смысла, происходящее из полной уверенности, что в его силах преодолеть любое препятствие, совпало с некоторым ухудшением физического состояния Наполеона начиная с 1809 года и позднее. Хотя этот упадок иногда преувеличивался, нет сомнения, что в проведении русской кампании уже не было прежнего натиска до середины отхода в 1812 году, когда у него, как казалось, появились новые силы. Проведение им кампании 1813 года, может быть, не такое искусное, как в годы расцвета, было в целом эффективно до самого конца. Действия Наполеона в 1814 году вызвали бурное восхищение у многих знатоков военного искусства. Однако его собственное высказывание «Есть возраст для войны» слишком справедливо подтвердилось в этом случае.

Находясь в окружении трудностей, он был склонен винить своих маршалов. Конечно, они все уже устали от войн; например, Ней так никогда и не оправился от последствий отступления в 1812 году. Это правда, что они оказались почти не способны справляться с неожиданностями, но кто был виноват в этом? Сам Наполеон, а не его подчиненные, которых он держал на голодном пайке в смысле военного образования и обучения высшему искусству войны. Слишком долго он играл в игру древних цезарей: «Разделяй и властвуй» («Divide et impera»). Подобная макиавеллиевская политика тоже обратилась против него в усиленном варианте. «Эти люди думают, что они незаменимы, — ворчал император. — Они не знают, что у меня есть сотня командиров дивизий, которые могут их заменить»¹. И однако, он не предпринял никаких шагов, чтобы реформировать командную систему. Конечно, были маршалы, являвшиеся талантливыми полководцами, — среди них Массена и Даву, но система, специально ориентированная на то, чтобы подчиняться и полагаться только на личные приказы императора, была явно ущербной.

¹ Chaptal, op. cit., p. 248.

Еще два фактора сопровождали упадок Наполеона и способствовали ему. Вопервых, все более истощались силы Франции, по мере того как быстро уменьшались людские и материальные ресурсы, возрастали потери и все время сокращались территории под властью Наполеона. В любом случае возрастание надежд (с 1807 года) на многонациональные армии было признаком потенциальной слабости, хотя бы только из-за действия языковых барьеров и разнокалиберности созданных таким образом войск.

Однако поведение «мари-луизочек»¹ и населения Восточной Франции в 1814 году было замечательно по всем меркам, хотя их противодействие союзникам было отчасти продиктовано отчаянием, а также верностью своему вождю.

Вторым фактором было быстрое повышение военного качества армий противников Наполеона. Старые, поседевшие генералы первого десятилетия XIX века уступили место более динамичным полководцам. Увидев разгром своих войск, совершенных замечательной военной машиной, какой являлась Великая армия в период своего расцвета, правительства Пруссии, Австрии и России вняли здравому смыслу и перестроили свои армии по французскому образцу. Огонь национального патриотизма, вначале зажженного Францией, теперь воспламенил простых людей на борьбу с их бывшим благодетелем. Один за другим стали отпадать французские союзники и сателлиты: Бавария, Саксония, Голландия, королевство Вестфалия, Швейцарская Конфедерация, Неаполь и Бельгия присоединились к лагерю союзников. А в 1814 году наступил конец. Последней вспышкой были Сто дней в 1815 году — и великая личность навсегда ушла со сцены мировой истории.

С 1940-х годов в некоторых кругах стало модно сравнивать Наполеона с Гитлером. Ничто не может быть более унижительным для первого и более лестным для последнего. Сравнение одиозно. В целом Наполеона вдохновляла, по крайней мере в ранние годы, благородная мечта, абсолютно чуждая провозглашенному мертворожденному «новому порядку» Гитлера. Наполеон оставил великие и прочные свидетельства своего гения — в кодексах законов и национальных ценностях, живых и поныне. Адольф Гитлер не оставил после себя ничего, кроме разрушения. В некоторых чисто внешних сторонах можно найти сходство между карьерами этих двух людей. Оба поднялись к власти, используя силу обстоятельств, в смутное время, способствовавшее появлению авантюристов и диктаторов. Оба владели магнетическими свойствами личности, которые воодушевляли их последователей. Оба разрушили старое общество, создали новые законы в попытке построить новый общественный строй, оба оспаривали положение Церкви, обращались к государственному полицейскому террору и жестокости для достижения своих целей, оба оказались не в состоянии превратить завоеванный континент в прочную наполеоновскую Империю или тысячелетний Рейх. И на этом кончается всякое сходство.

Хотя в наше время все еще трудно составить объективный портрет Гитлера, нет сомнения, что он был отлит не в той форме, что Наполеон. Несмотря на вспышки удачной интуиции, Гитлер не был полководцем. Наиболее прочным «достижением» Гитлера, за которое его будут вечно помнить, является геноцид. Наполеона всегда будут вспоминать как гениального полководца и создателя современной Европы. Поэтому два наиболее разрушительных «капрала» в современной истории имеют мало общего. По словам Октава Обри: «В этом его [Наполеона] отличие и, если нужно, его оправдание. Когда достижения сохраняются собственным оправданием»².

¹ «Les Marie-Louise» — прозвище солдат последнего набора 1813 года, состоявшего из шестнадцатилетних мальчиков, прошедших только двухнедельную военную подготовку.

² Aubry, op. cit., p. 376.

Часть первая

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА СТРАТЕГА

*Военное образование Наполеона и опыт,
формирующий его личность до 1796 года*

Введение

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ

Артиллерийскому капитану Наполеоне ди Буонапарте (как он подписывался на итальянский манер вплоть до 1796 года) было двадцать четыре года, когда это имя впервые привлекло внимание современников. Его появлению на общественной арене способствовали отнюдь не военные подвиги, но скорее его дарование как политического пропагандиста. Маловероятно, что он мог бы когда-либо стать начальником артиллерии в Тулоне в сентябре 1793 года, если бы за два месяца до этого написанный им памфлет «Ужин в Бокере» не привлек к себе одобрительного внимания брата Робеспьера — Огюстена.

Это произведение написано в форме беседы-спора путешественников, остановившихся в гостинице. Два торговца из Марселя пытаются убедить своих попутчиков — военного, фабриканта из Монпелье и жителя Нима — в справедливости восстания их города против революционного правительства в Париже. Собеседники защищают свои мнения, но в конце концов победу в споре одерживает военный, сказавший, что как бы тяжелы ни были беды граждан Марселя, их никак нельзя оправдать за вовлечение их страны в гражданскую войну, в то время как идет отчаянная борьба с внешними врагами; любой отказ повиноваться якобинскому правительству, следовательно, равнозначен измене и контрреволюции. Другими словами, «Ужин...» явился политическим памфлетом, направленным против жителей более благополучных областей юга Франции, и целью здесь являлось осуждение аргументов в пользу крайних мер, использовавшихся южанами(1)*.

Обстоятельства появления этого памфлета были совершенно случайны. В лихорадочные дни после пробурбонского мятежа на юге Франции капитан Буонапарте оказался включенным в собранную второпях армию генерала Карто, и во время паузы в неумело проводимых операциях по умиротворению он старался скрасить часы отдыха, берясь за перо. Результат не стал литературным шедевром, но случаю было угодно, чтобы он оказался созвучен времени и был вскоре замечен влиятельным корсиканским соотечественником молодого Буонапарте — Саличетти, направленным в армию Карто в качестве члена всемогущей комиссии комиссаров Конвента (Députés-en-Mission), назначавшихся недоверчивым цент-

* Здесь и далее см. раздел «Ссылки на источники» в конце книги.

ральным правительством для контроля над действиями военных. Дружеские отношения Буонапарте с Саличетти продолжались уже несколько лет, но личное влияние комиссара было тогда не настолько велико. Однако одним из его товарищей в это время был не кто иной, как Огюстен Робеспьер — брат «Диктатора», в тот момент всеильного члена Комитета общественного спасения в Париже и фактически правителя Франции. Саличетти поспешил показать «Ужин в Бокере» Огюстену, затем представил ему и самого автора. Так возникла одна из тех случайных, но решающих связей, которым было суждено сыграть столь важную роль в появлении Наполеона на европейской исторической сцене. Якобинская окраска и вся идея «Ужина» совпадали по духу с господствующей философией радикального правительства, исповедовавшего принцип «сильный всегда прав». Младший Робеспьер был не только восхищен этим удачным пропагандистским произведением — он уже попал под магнетические чары пылкого юного офицера с Корсики. С этого времени он, как правило, с одобрением препровождал в Париж все советы капитана Буонапарте, даже когда они шли вразрез с планами и политикой его официального военного начальства, что случалось часто. Так имя Буонапарте впервые зазвучало в ушах сильных мира сего; теперь он уже не был неизвестным младшим артиллерийским офицером-чужеземцем. Связи с Робеспьерами продолжались всего год — в августе 1794 года бригадный генерал Буонапарте только что не внесет свою долю в падение бывших покровителей, но за эти решающие двенадцать месяцев он успеет утвердить свою репутацию будущего полководца и ступить на первую ступень лестницы, ведущей к славе. О большом впечатлении, произведенном им на младшего Робеспьера, свидетельствует письмо от апреля 1794 года, в котором Огюстен описывает брату героя Тулона как человека поистине замечательного(2).

Глава 1

ПОДГОТОВКА

Почти девять лет военной службы были за плечами гражданина капитана ди Буонапарте, когда он писал «Ужин в Бокере». За этот немалый срок многое произошло в жизни молодого корсиканца, юношеский опыт имел важное значение для его будущей карьеры. Прежде всего, за это время у Наполеона сложилось большинство представлений о военном искусстве и других связанных с ним вопросах. Поэтому для правильной оценки его будущего величия и завершающего падения важны ранние периоды его жизни.

Наполеон родился 15 августа 1769 года в городе Аяччо на Корсике и был вторым из выживших сыновей Карло Марии Буонапарте и его супруги Летиции. Несколько поколений назад семья переехала из Италии(3), но к 60-м годам XVIII века род Буонапарте укоренился в патрицианской среде Корсики и стал столпом местного общества, важным и влиятельным, хотя и не богатым. Несколько предков сыграли определенную роль в хаотической истории острова. Отец Наполеона — адвокат с несколько беспокойным и экстравагантным характером, со склонностью к поэзии, постоянно нуждавшийся в деньгах и вечно пытавшийся добиться успеха. Он был близким другом мятежного патриота Корсики — Паоли. Мать Наполеона — красавица с весьма твердым характером, всегда сохранявшая простые привычки своей юности, стойчески переносила все взлеты и падения в судьбе семьи. До самого конца жизни «сударыня мать» (*Madame Mère*) оставалась грозной и величественной фигурой, железной рукой правившей своим замечательным потомством. Ни одному члену семьи, кем бы он ни был, не позволялось ни на минуту забывать о должном почтении к матери — главе всего клана. Известен рассказ (воз-

можно, апокрифический) о том, как вскоре после коронации Наполеон протянул свою руку матери для поцелуя. По одной версии, энергичная старая дама дала ему пощечину, по другой (менее вероятной) укусила его руку. Какова бы ни была истина, нет сомнений, что Летиция была силой, с которой нельзя было не считаться, и оставалась такой до самого конца жизни. Она скончалась в возрасте восьмидесяти шести лет, в 1836 году.

Детство на Корсике едва ли можно назвать одиноким для будущего императора французов. В семье было восемь детей, не считая пятерых, умерших в детстве. Из пяти выживших мальчиков четверым было суждено в будущем носить короны. Жозеф — старший, несколько легкомысленный юноша, взявший на себя обязанности главы семьи после смерти отца в 1785 году, всегда получавший знаки должного почтения от младшего брата, стал вначале королем Неаполитанским (1806), а спустя два года и Испанским. Луи, пятый по счету, стал королем Голландии (1806). Жером — младший в семье — был коронован в 1807 году как Вестфальский король. И наконец, сам Наполеон соединял в своем лице императора Франции и короля Италии. Одному только Люсьену, следующему после Наполеона, не досталось трона, хотя дело было не в отсутствии возможностей или желания. Из трех дочерей одна, Каролина, впоследствии стала супругой Иоахима Мюрата, коронованного в Неаполе вслед за Жозефом. Оставшиеся две, Элиза (которую Наполеон недолюбливал за ее острый язык) и Полина (которую он обожал), удачно вышли замуж — за герцога и генерала.

Хотя все это величие и блеск были еще в далеком будущем, дом Буонапарте в Аяччо посещало немало важных лиц, и, возможно, наиболее примечательным из них был генерал де Марбёф — французский губернатор Корсики и старый друг семьи. Злые языки поговаривали, что он был отцом Наполеона, однако верить этому нет никаких оснований. Но несомненно, что де Марбёф сыграл важную роль в жизни юного Наполеона, взяв на себя все хлопоты по его устройству в Бриеннское военное училище во Франции. Потребовалось некоторое время, чтобы доказать наличие необходимых четырех поколений дворянства для поступления в училище, и наконец он был принят. Обучение в Бриенне было бесплатным для большинства учащихся, и, таким образом, Наполеон получил свое первое настоящее образование на казенном коште, как если бы это было государство всеобщего благосостояния, хотя на самом деле оно было таковым только для аристократии. Конечно, условия на Корсике отнюдь не были благоприятны для образования. Наполеон выучил там историю в пределах Библии, и «дядя Феш» (впоследствии весьма светски настроенный кардинал) научил племянника читать. Едва ли этих знаний оказалось бы достаточно для поступления в Бриеннское училище, поэтому девятилетним мальчиком Наполеон вместе со старшим братом Жозефом был отправлен на четыре месяца в Отенский коллеж для усиленных занятий французским языком. И здесь его поступление было обеспечено заботами де Марбёфа, который приходился дядей тогдашнему епископу Отенскому.

В возрасте девяти лет, 23 апреля 1779 года, Наполеон стал воспитанником королевского училища в Бриенне и пробыл в нем пять с половиной лет. В училище все было поставлено по-военному, порядки были заведены монахами, и все же это не было школой подготовки офицерских кадров, хотя часть воспитанников-дворян, включая и Наполеона, мечтали о военной карьере. Здесь он изучал французский, латынь, математику, историю и географию. Едва ли можно сказать, что он был особенно счастлив в Бриенне. Ему было не по себе среди лощенных отпрысков-дворянчиков, он чувствовал себя неуклюжим и плохо одетым, не раз у него бывали стычки и драки с однокашниками, дразнившими его якобы низким происхождением, дурным французским со странным корсиканским акцентом. Даже учителя были склонны подшучивать над ним. Если бы не гостеприимство дружеского дома некой мадам Ломени и не возня в своем маленьком садике, устроенном на терри-

тории училища, бедному корсиканцу по прозвищу Солома в Носу (La Paille-au-nez, как дразнили его товарищи, коверкая его имя, — по созвучию с «Наполеон») приходилось бы совсем плохо.

Это одиночество сформировало у Наполеона две главные черты характера — страстную любовь к книгам и пламенную гордость за Корсику — и помогло окрепнуть третьей — умению руководить. Из преподававшихся там предметов он больше всего любил математику и историю и проводил бесконечные часы, читая все, что мог достать. Возмущавшие его издевательства некоторых однокашников заставили его замкнуться в себе. Идолом Наполеона стал Паоли — герой борьбы за независимость Корсики. Он мечтал о том дне, когда его родина освободится от чужеземного ига. Эта навязчивая идея оставалась у него до 1793 года и сыграла в его раннем развитии двойственную роль — и сковывающую и формирующую. Наконец, гонения со стороны нескольких преподавателей сделали корсиканского мальчика даже популярным среди одногодков, и мало-помалу он стал их неофициальным лидером. Он постоянно выдумывал игры, воссоздающие войны античности, и однажды, в одну из очень морозных зим, даже прославился среди местных горожан, построив сложные фортификации из снега, откуда он со своей командой открыл военные действия против старшекласников, одержав над ними решительную и не совсем бескровную победу. Его практическая одаренность начала проявляться еще в школьные годы.

К моменту окончания учения в Бриенне Наполеон стал заметно выделяться среди других воспитанников. Одним из немногих друзей, которые появились у него там, был Бурьен, его будущий главный секретарь. По словам его не слишком достоверных «Мемуаров», «отец Патро, наш преподаватель математики, был очень привязан к Бонапарту и имел полные основания гордиться им как своим учеником. Другие преподаватели, по чьим предметам он так не отличался, едва ли замечали его»(4). Инспектор училища де Керальо дал неплохой отзыв о нем в 1783 году, по которому мы можем составить себе представление о Наполеоне в этом возрасте: «Мсье де Бонапарт (Наполеон), р. 15 августа 1769 г. Рост 5 футов 3 дюйма¹. Здоровье — отличное, послушен, характер спокойный, прямой, вдумчивый. Поведение — более чем удовлетворительное; всегда выделяется прилежанием в математике. Достаточно полные знания в истории и географии. Слаб во всех светских дисциплинах — рисовании, танцах, музыке и т.п. Из мальчика выйдет прекрасный моряк; достоин поступления в Парижскую военную школу»(5).

Рекомендации относительно флота не осуществились, но заманчиво предполагать, каким прекрасным флотоводцем мог бы стать Наполеон!

Выдержав выпускные экзамены в Бриенне, он объявил о том, что намерен специализироваться по артиллерии. Решение было мудрым. В артиллерии он не только мог развернуть свой математический талант, но это был и единственный род войск (кроме инженерных), где талант мог быть вознагражден независимо от наличия богатства и происхождения. Теперь многое зависело от того, дадут ли ему стипендию в Парижской военной школе. Уже менее чем через месяц он получил благоприятный ответ на свое прошение и 30 октября 1784 года прибыл в столицу Франции. Ему было чуть больше пятнадцати лет.

Нельзя сказать, что в это время в Парижской военной школе уделялось много внимания подготовке будущих офицеров. Наполеон продолжил занятия математикой, географией и историей, неплохо овладел немецким языком, занимался танцами, фехтованием и фортификацией, но, по-видимому, не пользовался уроками верховой езды. Он подружился с неким де Мази, с которым достаточно приятно коротал время. Но весной 1785 года умер отец Наполеона. Это было не только большим горем для него, но и грозило крахом финансовому благополу-

¹ 160 см. (Здесь и далее примеч. перев.; примеч. автора оговорены особо.)

чию семьи. Жозеф и Люсьен оба бросили свои занятия во Франции и поспешили на Корсику помогать матери поднимать остальных детей. Наполеон остался в Париже, живя в настоящей нищете. Он много читал, мало ел и постепенно приобрел тот тощий и голодный вид, столь характерный для портретов, написанных на заре его славы. Возможно, что начальство школы намеренно сократило ему обязательный курс, чтобы он мог спастись от крайней бедности получением чина младшего лейтенанта с «роскошным» жалованьем 4 доллара 45 центов в неделю (1120 ливров в год). Как бы то ни было, в августе 1785 года Буонапарте предстал перед экзаменаторами и был выпущен, получив только сорок второе место — не блестящий результат, хотя и лучше, чем у де Мази, который кончил школу пятьдесят шестым. В надлежащий срок оба молодых офицера получили назначение в Лаферский артиллерийский полк, стоявший в Валансе. Они выехали из Парижа 31 октября и явились в расположение части 5 ноября. Стоит заметить, что они закончили свое путешествие уже пешком, изрядно покутив в Лионе; видно, свежеиспеченные офицеры одинаковы во всем мире и во всех поколениях.

В годы, непосредственно предшествовавшие революции, французская армия не была на вершине мастерства. Однако среди развалин старого зрели молодые таланты и свежие идеи. Но военная карьера не считалась особо завидной, тем более для рядовых. Каждый полк испытывал большие трудности при комплектовании. Не был исключением и Лаферский полк. Согласно выдающемуся историку Слоуну, этот первый полк Наполеона был вынужден публиковать такие объявления, приглашавшие волонтеров: «Танцы три раза в неделю, игра в ракетки два раза, остальное время кегли, лапта и упражнения. Удовольствия, высокая плата и отличное обращение»(6).

Подобные приманки не исчезают с плакатов, заманивающих новобранцев, и по сей день; но, по крайней мере, реальность за сто восемьдесят лет, с 1785 года, хоть немного приблизилась к плакатным утверждениям. Молодой офицер без личных средств или влиятельных друзей мог видеть лишь неутешительную перспективу: 720 ливров его жалованья вычитались за жилье и питание, таким образом, оставалось чуть больше семи долларов в месяц на все прочее, в том числе, как в случае с Буонапарте, на оказание хотя бы небольшой денежной поддержки матери и семье. На продвижение по службе тоже нельзя было особо рассчитывать. Он мог ожидать, что прослужит пятнадцать лет лейтенантом, еще столько же капитаном, если повезет, станет майором в конце службы и выйдет в отставку после пятидесяти лет с нищенской пенсией в пол-оклада до конца жизни.

Но Буонапарте с увлечением погрузился в свои новые обязанности. В это время во французской артиллерии существовала очень разумная практика — все новые младшие офицеры должны были пройти трехмесячный испытательный срок начальной подготовки. Часть этого срока они служили в качестве рядовых артиллерии, изучая профессию с самого начала; а часть выполняли обязанности заместителя сержанта. Подобная подготовка была очень важна.

Наполеон научился говорить с солдатами и смотреть на многое их глазами. В золотое время Консульства и Империи и вплоть до конца своей карьеры Наполеон никогда не терял умения быть своим среди простых людей; он всегда мог стать кумиром солдат, стоило ему только пожелать этого. Частично это умение управлять людьми было приобретено им в первые месяцы в Валансе, когда ди Буонапарте тянул лямку наравне со всеми. Но вот подготовительный период развития закончился, и 10 января 1786 года он превратился в лейтенанта.

В Валансе он провел девять месяцев. Несмотря на безденежье, это было приятное время. Ошибочно представление о том, что лейтенант ди Буонапарте был одиноким и замкнутым человеком. Есть свидетельства, что он полностью влился в светскую жизнь гарнизонного города — брал уроки танцев, с удовольствием посещал балы и рауты. Если он относительно мало виделся со своими сослуживца-

ми, то только потому, что все они, как правило, разбрелись в поисках удовольствий. Но есть и свидетельства о том, что тоска по родине, по Корсике, где все еще пребывала его душа, заставила его пройти через период острой меланхолии. Мирная гарнизонная жизнь была весьма малопривлекательной для серьезного молодого офицера. В августе 1786 года он был послан со своей ротой для помощи в усмирении местных беспорядков в Лионе, вызванных непопулярным винным налогом. Затем его полк получил приказ оставить Валанс и отправиться маршем в Дуэ (к новому месту расквартирования части) и с октября 1786 года до февраля 1787 года ди Буонапарте продолжал свои профессиональные и личные занятия под холодными северными небесами. Наконец приблизилось время его первого отпуска. Первого февраля 1787 года он отправился на Корсику. После быстрого проезда через Марсель он ступил на землю Аяччо после восьмилетнего отсутствия. Большая часть отпуска была посвящена распутыванию семейных дел, но в промежутки между посещениями адвокатов и нотариусов он продолжал много читать и начал собирать материал для задуманной им истории Корсики. В апреле, когда уже приближался конец его отпуска, он послал просьбу маршалу герцогу де Сегюру, военному министру, в которой просил продлить ему отпуск «на пять с половиной месяцев считая с 16 мая, необходимые ему для восстановления здоровья в соответствии с прилагаемым заключением доктора и хирурга»(7). Он также просил, чтобы этот дополнительный отпуск был ему дан с сохранением содержания (!), и в надлежащий срок было получено разрешение либерально настроенных военных властей. Неизвестно, не желал ли юный лейтенант просто узаконить «самоволку», выставляя предлогом плохое здоровье, чтобы спастись от нудной рутины гарнизонной службы мирного времени, но безусловно, он достаточно окреп, чтобы съездить в ноябре в Париж по тем же семейным делам. Наполеон снова решил просить продления отпуска — и невероятно, но ему из сочувствия позволили отсутствовать на службе еще шесть месяцев. Конечно, семейные дела были запутаны, но это показательно для распушенности, царившей в старорежимной армии (Ancien Régime) — армии королевского режима, в которой допускались такие долгие отпуска. Греясь в лучах корсиканского солнца, прогульщик приступил к написанию «Истории Корсики».

Наконец, в начале июня 1788 года, когда уже не оставалось больше поводов далее откладывать свое возвращение в армию, ди Буонапарте отправился в Оксонн¹ в свой полк. Начались самые плодотворные для его становления пятнадцать месяцев службы. В это время Оксонн был лучшей школой подготовки артиллеристов во всей Франции; школой командовал опытнейший барон дю Тейль, чья репутация великого дамского угодника не мешала ему быть одновременно великим артиллеристом. Под отеческим оком старого солдата занятия ди Буонапарте приобрели новый смысл и глубину. Кроме фрагмента неоконченного романа, от этого периода сохранилось тридцать шесть записных книжек, исписанных его четким почерком, из которых три посвящены вопросам артиллерии, а остальные — истории и философии. Благотворное влияние дю Тейля дополнялось участием профессора математики Ломбара; дружеское внимание этих двух наставников оказало глубокое влияние на восприимчивого молодого корсиканца. Для особых поручений выделяли именно ди Буонапарте. В августе он был назначен командиром демонстрационной роты, выполнявшей различные эксперименты, предлагавшиеся начальством, которое занималось нахождением способов стрельбы минами из обычных пушек. Это рискованное занятие имело для Наполеона свои преимущества, ибо оно свело его с лучшими артиллеристами того времени. С Ломбаром сотрудничал целый совет опытных артиллеристов в составе бригадного генерала, нескольких капитанов и трех лейтенантов. Наполеон был настолько

¹ Принятая в нашей историографии транскрипция Осона (Auxonne).

увлечен этой практической задачей, что написал специальный «мемуар» на эту тему для барона дю Тейля в марте 1789 года. Заботливое отношение старого артиллериста проявлялось в том, что он поощрял подобные занятия молодых офицеров.

В это время Наполеон впервые принимал участие в тактических занятиях на местности без участия войск. У дю Тейля был обычай вывозить своих офицеров в поле, разделяя их на оборонительные и наступательные команды для овладения какой-либо деревушкой или холмом, после чего он предоставлял их самим себе, чтобы они обосновали свои решения, которые затем обсуждали и сравнивали. Этот практический и теоретический опыт в решении тактических задач очень пригодился ди Буонапарте, подведя прочную основу под его жадное чтение работ Гибера и барона дю Тейля, да и многих других источников военного опыта, специальных книг, которые он брал из солидной библиотеки. Можно с уверенностью сказать, что за эти месяцы у Наполеона начали складываться основные принципы его стратегической и тактической концепций, на которых позднее будут строиться его великие кампании и битвы.

Параллельно с этим свершалась и его постепенная духовная и моральная адаптация к Франции в целом и к французской военной службе в частности. Ди Буонапарте все еще ощущал себя прежде всего пламенным корсиканским националистом, но мало-помалу он стал избавляться от озлобления против всего французского, угнетавшего его в Бриенне. Он уже следил с пристальным интересом за драматическими политическими событиями, происходившими в Париже и Версале, где с собранием Генеральных штатов в мае 1789 года начало прорастать семя революции.

Жизнь в Оксонне имела и свои темные стороны; дела семьи оставались плохими, и лейтенанту ди Буонапарте приходилось помогать родным из своего скудного жалованья. Эта вынужденная нищета почти загубила его здоровье, и он лишь медленно поправлялся после долгой болезни, свалившей его в последние месяцы 1788 года. В начале 1789 года в письме к матери он приоткрывает истинную картину своих лишений: «У меня нет других доходов, кроме жалованья. Я меняю одежду только раз в восемь дней; с начала болезни я сплю очень мало; невероятно — я ложусь в десять (чтобы сэкономить на свечах) и встаю в четыре утра. Ем один раз в день в 3 часа; для моего здоровья это хорошо»(8). Нельзя сказать, что это был идеальный режим для выздоравливающего эго. Восьмого августа 1789 года он обратился с просьбой об отпуске, который ему полагался, но позднее, осенью. Он просил дать его немедленно, ссылаясь на трудности зимнего путешествия морем, но в действительности ему не терпелось включиться в революционные события — недавно началось брожение нашего любимой Корсике. Как обычно, на его просьбу последовал благоприятный ответ, и 16 сентября он отправился из Оксонна на Корсику.

Вернувшись на родину, ди Буонапарте немедленно попал в гущу революционных событий. Через четыре недели он уже был признанным революционным вождем и тут же обратился с воззванием о помощи к французскому Национальному собранию; через неделю был в Бастии, возглавив нападение на арсенал, чтобы добыть оружие. Национальное собрание официально возвестило, что Корсика является частью новой Франции, и предложило старому корсиканскому патриоту Паоли — герою Наполеона — возглавить новое местное правительство. Наш корсиканец торжествовал, но его надежды на продвижение разбились о холодный прием, оказанный ему Паоли, только что вернувшимся из изгнания.

В новом 1791 году, после шестнадцатимесячного отсутствия, несколько разочарованный Наполеон вернулся к своей полковой службе, уже в Гренобльском полку, но прослужил еще меньше, чем в предыдущие разы. Четвертого августа 1791 года Национальное собрание, нуждавшееся в надежных войсках, постановило создать добровольные батальоны в каждом департаменте (восемьдесят три новых

административных областях, заменивших прежние провинции); в соответствии с революционным принципом равенства, все офицеры в этих частях должны были избираться рядовыми солдатами, за исключением начальника штаба, назначавшегося старшим офицером, который командовал местным военным округом. Далее Собрание постановило, что избранные офицеры могут служить в федеральных батальонах без утраты звания и выслуги лет в регулярной армии. Это было золотой возможностью для продвижения по службе, и вновь назначенный первый лейтенант Буонапарте¹, не теряя времени, обратился с просьбой о переводе его на Корсику. Полученный отказ был для него неожиданным ударом (возможно, начальство посчитало, что он в избытке пользовался отпусками; в самом деле, за шесть лет офицерской службы лейтенант получал отпуска на тридцать два месяца). Однако не таков был Наполеон, чтобы у него опустились руки от подобной неудачи. Он тут же поехал к своему старому командиру дю Тейлю (теперь главному инспектору артиллерии в Гренобле) и, проведя несколько приятных дней в его имении в Помьере, с триумфом возвратился в полк, привезя желанное разрешение на трехмесячный отпуск с сохранением содержания.

Появившись в третий раз на Корсике (6 сентября), он вскоре добился своего избрания на пост подполковника батальона волонтеров Аяччо. Но вскоре Национальное собрание со свойственной ему непоследовательностью постановило, что офицеры, служащие в батальонах волонтеров, обязаны уволиться из регулярной армии, хотя было разрешено заполнять посты командиров и их заместителей в каждой части офицерами регулярных войск без потери их званий при условии получения этих постов свободным волеизъявлением волонтеров. Наполеон был вынужден действовать; он был полон решимости оставаться и лейтенантом в регулярной артиллерии, и офицером корсиканских волонтеров. Он выехал на Корсику, чтобы добиться на выборах должности подполковника аяччских волонтеров и провел свою избирательную кампанию эффективно и беззастенчиво, изумив своих родных и добившись своего. Первого апреля 1792 года он был избран подполковником волонтеров, что было немалым успехом для скромного первого лейтенанта двадцати двух лет.

Наполеон немедленно приступил к разработке Устава корсиканской национальной гвардии(9), и это его первое административное произведение не могло не вызвать восхищения своей четкостью и продуманностью. Но непредсказуемый ход маятника революции, до сих пор благоприятствовавший Наполеону, внезапно качнулся в обратную сторону. В Аяччо то и дело вспыхивали мятежи, и Буонапарте участвовал в их подавлении. Вероятно, он действовал чуть решительнее, чем было нужно, так как его действия вызвали неудовольствие Паоли; в разгар одной из операций самонадеянный подполковник слишком вольно использовал имя великого патриота для достижения собственных целей. Беда редко приходит одна; потеряв популярность на корсиканской сцене, он вскоре потерял благорасположение к себе и в Париже. В Валансе был назначен внезапный обязательный сбор всех офицеров; все, кто не явился 1 апреля, включая Буонапарте, были немедленно вычеркнуты из списков личного состава. Для Наполеона это было ударом. Он бросился в Париж добиваться отмены приказа.

Наполеон появился в Париже в критический момент. Там он встретил своего школьного друга Бурьена, и они вдвоем наблюдали бушующие парижские толпы. По мере того как испарялась вера в добрые намерения Людовика XVI, революция начинала перехлестывать дворцовые границы. Буонапарте был свидетелем похода на Тюильрийский дворец 20 июня, вызванного постановлением короля о роспуске пра-

¹ В это время он отбросил аристократическую частицу «ди» от своей фамилии — несомненно, в соответствии с эгалитарными устремлениями революционного правительства. (Примеч. автора.)

вительства Бриссотена. По словам Бурьена, Буонапарте с презрительным негодованием отзывался о вялом сопротивлении королевской гвардии. «Какое безумие! — громко восклицал он. — Как они могли позволить этой черни вломиться во дворец? Почему не рассеяли пушками несколько сотен? Остальные бы живо убрались со сцены» (10). (Предсказание грядущего Вандемьера и «свинцового дождя»!)

Почти двумя месяцами позже он видел настоящую осаду Тюильри, когда толпа перебила швейцарских гвардейцев. Эта трагедия только усилила его презрение к бесчинствам толпы и безволию командования регулярных войск. На следующей неделе ему довелось с отвращением наблюдать сентябрьские кровавые расправы, когда и толпа, и Национальное собрание потеряли головы в панике при упорном приближении австрийских и прусских войск. Несмотря на весь этот хаос, Наполеону удалось получить звание капитана регулярной артиллерии и подтвердить звание подполковника волонтеров (с 17 сентября). Он понимал, что в смутное время полезно не забывать и о своем интересе.

Он снова направился на Корсику через Тулон и появился там 15 октября. Там политическая обстановка становилась еще более злобещей, чем была до его отъезда. Паоли все решительнее порывал узы с Францией и уже был в состоянии холодной войны с Национальным собранием. Показательно, что подобное развитие событий не вызвало одобрения Наполеона, когда-то самого пылкого защитника узкого корсиканского национализма; очевидно, процесс французской акклиматизации у Наполеона почти завершился.

Неудивительно, что Паоли холодно встретил возвратившегося подполковника волонтеров и постарался всеми силами помешать его попыткам активно сотрудничать с полковником Квенцей в волонтерском батальоне Аяччо. Положение было трудным, но в последующие месяцы оно стало еще больше осложняться.

Глава 2

ТУЛОН

В этот момент начала карьеры Наполеона он перешел от периода теоретической подготовки (состоявшей из кратких периодов службы, более долгих периодов революционной деятельности и постоянных стараний получить отпуск или следующий чин) к периоду настоящего военного опыта.

Первый опыт активной военной службы Буонапарте относится к началу 1793 года. Он оказался полной неудачей, хотя и не по его вине. Правительство страны повелело Паоли осуществить морской десант с Корсики в город Кальяри на южной оконечности Сардинии, которая теперь была открытым врагом Франции. Этот приказ совершенно не устраивал Паоли, и он принялся всеми силами его саботировать. Однако прибытие «буйной вольницы» — войск из Марселя, которые должны были участвовать в экспедиции, заставило его вскоре передумать. Эти солдаты вносили хаос в жизнь на Корсике, и корсиканцы понимали, что чем скорее они уберутся в Сардинию, тем будет лучше для Корсики. В начале 1793 года экспедиция пустилась в путь под парусами до Кальяри, где ее, естественно, встретил кровавый и вполне заслуженный отпор.

Между тем, чтобы обеспечить прикрытие в виде отвлекающего маневра, была послана вторая экспедиция в составе 150 регулярных солдат, 450 волонтеров батальона Квенцы и четырех пушек, на шестнадцати суденышках в сопровождении единственного корвета. Местом их назначения был порт Ла-Маддалена на противоположной северной оконечности острова.

Этим отрядом командовал полковник Колонна-Чезари (племянник Паоли), а Буонапарте являлся членом экспедиции. Отправление было неудачным, эскадра

попала в сильный шторм, вынудивший их вернуться в гавань. Наконец 22 февраля экспедиция приблизилась к месту назначения и бросила якорь у западного конца пролива между Ла-Маддаленой и островком Санто-Стефано. 23 февраля, после сильной неразберихи, войска высадились на островок, к ночи им удалось захватить небольшой форт, а подполковник Буонапарте вернулся к своим обязанностям артиллериста и установил небольшую батарею из двух пушек и единственной мортиры для обстрела Ла-Маддалены.

В течение 24 февраля по городу велся постоянный, хотя и не интенсивный обстрел. Колонна-Чезари назначил на утро атаку всеми своими силами. На деле ничего подобного не произошло. На фоне всей этой фарсовой обстановки, характерной для операции против Сардинии, внезапно ночью восстала команда корвета, состоявшая из французов. Во всяком случае, так утверждал впоследствии Колонна-Чезари. Они принудили протестующих начальника экспедиции и его штаб отплыть обратно в Аяччо. Прежде чем поднять якоря, матросы, обеспокоенные судьбой оставшихся, разрешили полковнику послать гонца к Квенце с приказом прекратить все действия и грузиться на суда.

Весь день 25-го Квенца был занят эвакуацией людей, и никто не подумал о том, чтобы известить о происходившем подполковника Буонапарте и его одинокую батарею из трех орудий. Поэтому слух об эвакуации дошел до него лишь к вечеру, когда большая часть экспедиции уже уютно устроилась на борту кораблей, шедших под полными парусами на Корсику. Буонапарте оказался в опасном положении, но с характерным упорством и решительностью заставил своих усталых и проклинающих все на свете артиллеристов вручную перетащить пушки через весь островок к месту погрузки. Эта храбрая попытка спасти пушки оказалась бесполезной: к тому времени, когда они добрались до берега, остались лишь мелкие суда, не способные взять на борт пушки, а воспрявший духом сардинский гарнизон Ла-Маддалены начал проявлять решительные признаки жизни. Буонапарте был вынужден заклепать пушки, спасти которые ему стоило так много усилий.

Неудивительно, что, когда Буонапарте сошел на берег Корсики 26 февраля, он был вне себя от ярости. Он не скрывал своего убеждения в том, что все объяснения Колонна-Чезари были сплошной ложью и что командир экспедиции явно действовал по секретным указаниям Паоли, чтобы сорвать военные действия. Не теряя времени, он послал донесение об этом в Конвент, что едва ли могла простить ему паолистская партия. Героический ореол Паоли все более угасал в его глазах. Однако эта провалившаяся операция послужила ему уроком, раскрывшим все практические трудности высадки войск на враждебный берег и проблемы взаимодействия разных родов войск.

Этот урок он запомнил на всю жизнь, и вполне вероятно, что столь жалкие воспоминания о Ла-Маддалене повлияли на его решение отказаться от вторжения в Англию в июне 1805 года.

Вскоре рознь между Паоли и французским правительством дошла до опасного предела. Пятого февраля Конвент отправил трех комиссаров для расследования дел на Корсике. Ссылаясь на возраст и болезни, Паоли искусно уклонялся от встреч с представителями правительства, а затем скрылся в замке в горах в сопровождении своих приспешников. После двух месяцев бесплодных стараний встретиться с Паоли комиссары, включая и корсиканца Саличетти, переехали в город Сан-Фьоренцо (Сен-Флоран), где стали готовиться к открытию переговоров. Буонапарте полностью встал на сторону комиссаров Конвента и получил задание провести военную разведку и оценку портов Корсики. Так обстояли дела, пока на сцену не выступил другой член семьи Буонапарте. Находясь в относительной безопасности в Тулоне, Люсьен не нашел ничего лучшего, чем открыто в своей речи в республиканском клубе обвинить Паоли в контрреволюционной деятельности. Это опрометчивое заявление имело важные последствия. Во-первых, оно вынудило Паоли четко обо-

значить свои позиции по отношению к Франции. Вполне понятно, что он решительно высказался за независимость Корсики.

А семье Буонапарте стало невозможно оставаться жить на острове — таково второе следствие заявления Люсьена. Уже через несколько дней вспыхнул мятеж; открыто нападали на французских эмиссаров. Весь май патриоты охотились за капитаном Буонапарте, скрывавшимся с опасностью для жизни и несколько раз чуть не попадавшим к ним в руки. Было объявлено, что он и его семья отныне *personae non grata* и поставлены на Корсике вне закона. После полного опасностей путешествия из Аяччо в Кальви он соединился с матерью и младшими детьми, и 10 июня 1793 года они сошли с корабля в Тулоне. Вскоре все поселились в деревне Левалетт около Марселя.

Это был поворотный пункт в жизни Наполеона; отныне он рвал все узы, соединявшие его с «землей отцов» (ее Паоли вскоре передал в руки англичан) — со страной, которая продолжала жить в его мыслях с ранней юности и которой он отдал столько сил, повзрослев. С этого времени все его замыслы и честолюбивые мечты сосредоточились на Франции и ее армии, на них переклонила вся его энергия. Ему суждено было только один раз снова побывать на «земле отцов», и то не по своей воле: при возвращении из Египта в октябре 1799 года ему пришлось переждать там бурю в течение недели.

Устроив свою семью на новом месте, Буонапарте вернулся в свою часть, переименованную теперь в 4-й артиллерийский полк, соответственно указаниям Конвента, неприязненно относившегося к старорежимным пышным названиям. В это же время он отправил в Конвент свой доклад с оценкой корсиканских портов. Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, он подчеркнул выгоды, которые французское правительство могло иметь в результате учреждения опорного пункта флота на острове, господствующем над западной частью Средиземного моря. Наиболее подходящим местом был найден Сан-Фьоренцо, который является ближайшим к Тулону портом. Хотя это предложение так и не было осуществлено, оно подтверждает интуицию Наполеона в вопросах морской стратегии, ибо через год или два Нельсон пришел к точно такому же заключению. Во-вторых, в приложении к докладу он предложил схему обороны Аяччо против неприятельской атаки с моря. Гавань Аяччо имеет две якорные стоянки, внешняя — это глубоководный залив шириной 2200 ярдов у входа с четко ограниченным мысом на каждой стороне, причем над западным возвышается цитадель и город Аяччо, а над восточным господствует высота Монте-Аспрето; далее в сушу вдается меньшая и более мелководная бухта Порт-дель-Кампо-дель-Оро. Для защиты гавани от любого вторжения с моря Буонапарте советовал соорудить две батареи под высотой Монте-Аспрето, чтобы каждая могла покрывать огнем одну якорную стоянку, а на холме над ними, считал он, следовало возвести большие земляные укрепления для защиты от нападения с суши. Расположенная таким образом артиллерия сможет (вместе с пушками цитадели в Аяччо с другой стороны) держать под перекрестным огнем вход на рейды. Из сравнения карт Аяччо и Тулона ясно большое топографическое сходство между этими двумя портами и расположением гаваней. Это обстоятельство оказалось немаловажным в драме Тулона, которая развернется через пять месяцев. Детальное изучение требований обороны города подсказало Наполеону ключевое решение для овладения (или обороны) защитными сооружениями Тулона. Холм Монте-Аспрето и мыс Л'Эгийет выполняют одну и ту же господствующую функцию по отношению к соответствующим рейдам. В чьих руках они бы ни оказались — осажденных или осаждающих, — они контролируют воды залива.

Немного позднее капитан Буонапарте был послан в Авиньон для организации конвоя пороха, предназначенного для Итальянской армии¹. Его поездка совпала с

¹ Принятое название армий той эпохи — особенно во французской историографии — по имени страны, куда они направляются.

контрреволюционным мятежом на юге Франции — самой серьезной угрозой, которую до того времени встретила Французская республика. Обстановка была настолько серьезна, что Итальянской армии пришлось еще некоторое время дожидаться подвоза боеприпасов.

Причины восстания уходили в прошлое — в первые дни революции. Местное католическое население не одобряло ни Гражданскую конституцию духовенства, ни внезапный призыв в армию 300 000 мужчин для защиты родины от интервенции по приказу далекого, но во все вмешивавшегося парижского правительства. Последней соломинкой стали репрессивные законы от 31 мая и 2 июня 1793 года. Эти жестокие законы новой якобинской диктатуры, так явно ломавшие принципы свободы и равенства, заставили Марсель запылать костром восстания. За ним взбунтовался Авиньон, и стало известно, что и граждане Тулона замышляют мятеж. Встревоженный комиссар Конвента в Лионе Дюбуа-Крансе приказал немедленно собрать в Валансе трехтысячное войско, подчинив его некоему полковнику Карто, бывшему жандарму и живописцу. К 6 июля марсельцы заняли Авиньон, и капитан Буонапарте не раздумывая предложил свои услуги Карто. Его предложение было принято, и Буонапарте стал участником хаотического сражения за Авиньон, которое лишь по неорганизованности противника кончилось номинальным успехом для республиканских войск (хотя в «Ужине в Бокере» автор пытался изобразить этот незаслуженный успех выдающимся военным достижением).

После передышки для перегруппировки своих сил Карто двинулся на Марсель, и в результате его военного и пропагандистского напора город пал 25 августа. Военные действия фактически закончились, и капитан Буонапарте обратился с просьбой, чтобы ему разрешили вернуться в Авиньон и довести до конца порученное ему дело в качестве начальника порохового конвоя. Он был вычеркнут из списков личного состава армии Карто, хотя, как оказалось, совсем не надолго.

В ночь с 27-го на 28 августа в Тулоне вспыхнуло восстание, и в залив вошла англо-испанская флотилия. Для республиканской Франции это было весьма опасно. Тулон был не только важнейшим военно-морским арсеналом страны, но и ключом к французскому господству в Средиземном море, утрата которого в силу этого предательства наносила тяжелый удар по репутации Республики в стране и за ее пределами. В Париже понимали, что если не вернуть Тулон, то неизвестно, куда дальше может разползтись пламя мятежа, уже ярко полыхавшего в Вандее. Другими словами, Тулон был теми весами, на чаше которых лежала жизнь Республики.

Французское правительство не теряя времени приняло все доступные меры. Численность армии Карто была доведена до 12 000, и ему были приданы еще 5000 человек под командой генерала Лапуапа, выделенных из Итальянской армии. Тулон же защищался вначале всего четырьмя тысячами человек союзных войск (в основном англичанами и испанцами), но их число быстро возросло до 8000, а затем и до 15 000 по мере прибытия в порт все новых конвоев с подкреплениями.

К концу первой недели сентября Лапуап достиг восточных сухопутных подступов к Тулону и успешно занял Йер и Солли. Тем временем Карто (с прикомандированными к нему комиссарами Саличетти, Гаспареном и Баррасом) медленно продвигался с противоположной стороны к Тулону, оттесняя сторожевые охранения тулонского гарнизона. Седьмого сентября в одной из таких стычек у деревни Оллиуль был тяжело ранен капитан Доммартен, командир артиллерии, приданной армии Карто.

Без Доммартена генералу Карто пришлось бы вести решающую осаду без компетентного артиллерийского командования. Приданная армии артиллерия состояла всего лишь из двух 24-фунтовых пушек, двух 6-фунтовых, пары мортир и нескольких полевых пушек при скудном запасе боеприпасов и снаряжения (всего пять батарей).

Перспективы были не блестящими. Тем не менее в последующие дни революционная армия (вернее, армии, потому что части Карто и Лапуапа действовали независимо друг от друга), насчитывавшая в тот момент около 15 000 человек, продолжала окружать Тулон и пояс его защитных фортов.

И вдруг 16 сентября выручила рука судьбы. Капитан Буонапарте, охранявший свой медленно двигавшийся обоз с порохом по пути из Марселя в Ниццу, по дороге заехал в Боссе, чтобы засвидетельствовать свое почтение знакомому еще по Корсике комиссару Саличетти. Он уже знал, что штаб Карто располагался в этой деревне. Через несколько часов он оказался назначенным командиром артиллерии в армии Карто. Саличетти, несомненно, помнил об энергичной деятельности своего компатриота на Корсике и ценил значение «Ужина в Бокере». Сейчас он был уверен, что нашел именно того человека, который нужен для выполнения такой задачи. Используя огромную власть комиссара Конвента, даже превышающую власть командующего, он тут же назначил Буонапарте на место Домартена.

Это назначение безусловно отвечало желаниям капитана Буонапарте, однако тот оказался трудным подчиненным. С самого начала он продумал необходимые шаги. Вероятно, он был первым, кто понял, что овладение французами выступом с высотой Мон-Кэр, оканчивающегося мысом Л'Эгийет, вынудит союзников эвакуировать Малый рейд и бережные Тулона; путь к победе лежал через изоляцию Тулона с моря и с суши. У Карто и Лапуапа были совсем другие замыслы; несомненно, вскоре им стало тошно от юного всезнайки, навязанного им сверху. Но и не обращать внимания на его советы они не могли. Все-таки он явно больше них знал о ведении осады (хотя признать это им было весьма неприятно); к тому же он пользовался почти неограниченной поддержкой всемогущих эмиссаров Конвента, а ни один генерал не мог себе позволить забыть, что эти всеильные гражданские эксперты буквально решают вопросы жизни или смерти даже самых высокопоставленных военачальников.

Что же касается Буонапарте, он мало уважал своего номинального начальника. Карто был выдвинут типично революционным способом с должности полковника на должность главнокомандующего, перескочив за три месяца через промежуточные степени бригадного генерала и генерал-майора, которые обычно выслуживаются очень долго. Очевидно, он и не мог отвечать требованиям, предъявлявшимся его теперешнему высокому положению.

Карто же будто торопился показать свою некомпетентность; он настоял на размещении одной батареи около ущелья Оллиуль — вероятно надеясь оттуда стрелять по флотилии союзников; однако, когда батарея открыла огонь, выяснилось, что она размещена далеко за пределами досягаемости целей. Кроме того, Карто приказал артиллеристам греть ядра в кухонных котлах из-за нехватки нужного оборудования¹; и, что было хуже всего, он фактически ничего не предпринял, чтобы собрать материальную часть, необходимую для ведения осады, хотя с падения Тулона минуло уже две недели. Все это отнюдь не говорило в его пользу.

С присущей ему энергией пришелец принялся исправлять дело. Пользуясь громадным влиянием Саличетти и Поля Барраса (еще одно знакомство, имевшее для него громадное значение в будущем), Буонапарте взялся за сооружение двух батарей, названных батареями Горы и Санкюлотов, выбрав для них место на склоне холма, обращенном к западным берегам Малого рейда. После недолгой бомбардировки 20 сентября Буонапарте вынудил адмирала лорда Гуда переместиться с судами ближе к Тулону — то есть как раз в задуманную ловушку. Через два дня, пользуясь всей своей силой убеждения, Наполеон заставил Карто атаковать Ле-Кэр. Однако главнокомандующий отрядил туда лишь небольшую группу людей с

¹ Для обстрела морских судов ядра накаливали на решетках на открытом огне.

пушками, и эта операция имела плачевный исход. И хуже того, союзники внезапно, как бы проснувшись, поняли все стратегическое значение мыса Л'Эгийет и немедленно выслали значительные силы для удержания его в своих руках. Работая как кроты, английские инженеры быстро выстроили большие земляные укрепления, известные как форт Малгрейв, или «Малый Гибралтар», как прозвали его французы. Он разместился на высоте, господствующей над этим мысом. Там имелось 20 тяжелых пушек и 4 мортиры. После появления этих укреплений даже самоуверенному Буонапарте пришлось признать неприятный факт, что выполнение его стратегического замысла будет не простой и не скоро выполнимой задачей.

Между тем он упорно работал, используя все средства для подготовки необходимого снаряжения и пушек. Реквизиции делались им повсюду. Пушки спешно перебрасывались из Марселя, Авиньона, из Итальянской армии. Лошади и припасы отбирались у негодующих крестьян искусным использованием шантажа. «У санкюлотов юга одно желание — очистить территорию Республики от всех тиранов», — писал он в комиссариат Валанса, несомненно намекая на их недавнюю нелояльность. «Для быстрого осуществления этой цели мы должны достать лошадей для артиллерийского парка... Департамент Дром, который дал такие доказательства своего республиканского духа, должен представить вам значительные ресурсы... реквизируйте больше лошадей, чтобы организовать четыре бригады, и волов еще для двух — всего 300 голов»(11).

Однако с самого начала административные трудности и неразбериха преследовали Буонапарте: прибыли 10-дюймовые мортиры с 12-дюймовыми боеприпасами; Марсэль поставил 6 8-дюймовых мортир и ни одной бомбы. Буонапарте приходилось на ходу решать эти головоломки. Узнав, например, что артиллерийский подполковник Гассенди оказался около Гренобля 4 ноября, он попросил его сделать крюк до Сент-Этьена, чтобы взять оттуда 10 000 запасных стволов для мушкетов(12). Нечеловеческими усилиями в конце концов ему удалось набрать почти сотню пушек и достаточное количество 24-фунтовых и дальнобойных мортир. Обеспечение надлежащего воинского состава снова стало проблемой, но Буонапарте не растерялся. По его просьбе комиссары объявили принудительную мобилизацию местных отставных артиллерийских офицеров, а пехотные офицеры были направлены на ускоренное обучение артиллерийской стрельбе под орлиным оком главного канонира.

Все это время Буонапарте не мог примириться с задержками, вызванными бездарностью начальства, нерешительностью и отсутствием целеустремленности. В конце концов (25 октября) он настолько потерял надежду, что послал призыв о немедленной помощи в Комитет общественного спасения, даже рискуя последующим снятием со своего поста. «Первое, что я предлагаю, чтобы вы послали сюда командовать пушками какого-нибудь артиллерийского генерала, который сможет — хотя бы только в силу своего ранга — потребовать уважения к себе и справиться с кучей дураков в штабе, с которыми приходится без конца спорить, предъявлять им уставы и заставлять их принимать меры, теоретически и практически являющиеся аксиомами для любого артиллерийского офицера»(13). В этом же документе первое известное письменное описание плана Наполеона по освобождению Тулона путем захвата Л'Эгийета и установки батарей на оконечности мыса. Его гнев был едва сдержан новостью о присвоении ему звания майора (*chef de bataillon*) 18 октября. В конце концов после долгих проволочек Комитет прислал престарелого шевалье дю Тейля, брата бывшего наставника Буонапарте в Оксонне; к сожалению, дю Тейль был слишком стар и немощен, чтобы сделать что-либо большее, чем хоть словесно поддержать Буонапарте; впрочем, и это уже кое-что значило.

Главной бедой в проведении осады Тулона было изобилие планов осады. Каждый думал, что он один знает, как сделать лучше; с верхов не было задано направ-

ления. Буонапарте был убежден, что он прав. Лапуап стоял на том, что Тулон должен быть атакован с востока, и продемонстрировал свою уверенность в этом, под свою ответственность начав преждевременную и дорого обошедшуюся атаку на гору Фарон (1 октября), которая была отражена с большими потерями для нападавших. Карто отказался решать этот вопрос, но, к счастью, был переведен командовать Итальянской армией (23 октября).

Однако все оптимистические надежды, что Король Чурбан будет замещен знающим военачальником, вскоре были разбиты, когда командование армией было передано некоему генералу Доппе (по профессии врачу), чуть ли не более глупому, чем его предшественник. К счастью, его власть длилась менее трех недель. Столь короткий срок был в немалой степени обусловлен закулисными отъездами о нем майора Буонапарте и его союзников — Саличетти и Барраса. 16 ноября его сменил генерал Дюгомье — способный и умный ветеран. Однако приход Дюгомье был омрачен тем, что почти одновременно возникла принадлежавшая Комитету общественного спасения идея проведения осады. Начертанный каким-то идеалистом-теоретиком по имени Д'Аркон этот план предусматривал захват горы Фарон (к удовольствию Лапуапа), засим должно было воспоследовать открытие линий регулярной осады — траншеи, сапы, минирование и все прочее, для чего рекомендовалось использовать фантастическую армию в 150 000 человек. Все это было смехотворно, но сколько такта требовалось для объяснения парижским бюрократам, что они несколько не правы.

Несмотря на все эти разногласия и отсутствие решений, Буонапарте спокойно продолжал собственные приготовления. Между 15 октября и 30 ноября он установил одиннадцать новых батарей, причем на восьми было всего 38 тяжелых пушек, расположенных таким образом, чтобы нейтрализовать форт Малгрейв перекрестным огнем; еще (с 9 стволами) — чтобы держать под огнем форт Мальбуске на северном берегу Малого рейда, и последняя батарея должна была вести огонь шестью дальнобойными мортирами по городу и береговым сооружениям Тулона(14).

Буонапарте был уверен, что этих правильно размещенных батарей будет достаточно для достижения целей «первого периода» осады, как он назвал его, а именно — захвата мыса Л'Эгийет, вытеснения английского флота с Малого рейда и прикрытия ложной атаки против горы Фарон. Если будет необходимость, во «втором периоде» в дело будут введены дополнительные пушки для обстрела форта Мальбуске перед его штурмом; после достижения этой цели остается только сосредоточить огонь на тулонском арсенале и проделать брешь между этим бастионом и его соседом Ле-Маре.

Некоторые из этих французских батарей, с точки зрения солдат и канониров, были расположены в очень опасных местах. В особенности одна, находившаяся прямо под фортом Малгрейв, имела столь дурную славу, что Буонапарте придумал изобретательный ход — приказал повесить у входа большой плакат с надписью: «Батарея бесстрашных», и с этого момента стало не нужно искать волонтеров на этот опасный участок.

Недели превращались в месяцы, а Тулон все бросал вызов трехцветному флагу Республики. Наконец 25 ноября генерал Дюгомье созвал военный совет, на котором секретарем был Буонапарте, и было принято решение, а именно — массированная бомбардировка оборонительных сооружений мыса с последующей атакой на рассвете против форта Малгрейв, поддерживаемой ложной атакой на гору Фарон и, наконец, установка батареи на мысе Л'Эгийет, откуда будет прямой наводкой вестись обстрел британского флота.

Но через четыре дня гарнизон союзников совершил вылазку превосходящими силами из форта Мальбуске и фактически уничтожил батарею Конвента на левом конце линии, заклепав все семь 24-фунтовых пушек. Дюгомье и Буонапарте лично возглавили контратаку, перешедшую в ожесточенный бой, о котором Наполеон

вспоминал позднее на Святой Елене. Разместив несколько пушек для обстрела подходов к местечку Оллиуль, чтобы британский генерал О'Хара не мог развить успех и прорваться к артиллерийским паркам и складам, «я пробрался к одной из высот над потерянной батареей... и с батальоном в 400 человек прополз по траншее, прикрытой оливковыми ветвями и ведущей к той высоте, где была батарея. Эта траншея была устроена для подноса пороха и других припасов. Таким образом я добрался незамеченным к подножию батареи и оттуда направил сокрушительный огонь справа и слева по англичанам и неаполитанцам, занявшим батарею и неспособным определить, откуда ведется огонь. Неаполитанцы начали отвечать беспорядочным огнем, считая, что по ним стреляют англичане. Офицер в красном мундире, которого мы приняли за полковника, поднялся на бруствер разглядеть, что происходит. Сержант из французского батальона выстрелил и ранил его в руку. Офицер, которого мы приняли за полковника, оказавшийся самим генералом О'Хара, скатился к подножию батареи на сторону французов»(15). Позднее Буонапарте сам (или так он утверждает) взял его в плен, он позаботился, чтобы его хорошо лечили, и вернул ему саблю. Апокрифичен ли этот рассказ или правдив, но генерал Дюгомье в своем донесении в Париж отмечает положительную роль Буонапарте. «Среди наиболее отличившихся и оказавших мне наибольшую помощь, ведя за собой солдат, — граждане Бонна Парте, командующий артиллерией, и Арена и Червони, полковники»(16).

Вылазка союзников была отражена, их потери составили 400 убитыми и 200 пленными.

Потеря главнокомандующего ослабила моральный дух тулонского гарнизона. После следующих двух недель подготовки (включая прибытие 14 декабря новой бригады под командованием Андре Массены) и тяжелого обстрела 17 декабря генерал Дюгомье дал приказ на штурм форта Малгрейв. Рано утром под прикрытием сильного огня 6000 солдат под командованием генерала Мюирона штурмом захватили форт Малгрейв (потери — 1000 человек), а на северо-восточной окраине Тулона бригадный генерал Массена овладел фортом Д'Артиг; через несколько часов Буонапарте тоже захватил более мелкие укрепления на мысе Л'Эгийет и соседний бастион Балакбер. Под ним была убита лошадь, и он сам получил штыковую рану в бедро. К вечеру 18-го батарея из десяти пушек была готова к обстрелу внутренней гавани.

Это был решительный момент осады — когда равновесие нарушилось. Едва Буонапарте открыл огонь по британскому флоту, как лорд Гуд приказал эвакуировать Малый рейд. В тот же вечер британские войска взорвали арсенал. Это говорило о том, что осада почти закончена. Один из английских капитанов, сэр Уильям Сидней-Смит, сделал попытку уничтожить торговые суда французов и склады в гавани, но преуспел лишь в том, что сжег десять судов из-за неподчинения испанских моряков. Через несколько часов последние британские и союзнические войска отплыли от Тулона, забрав сколько могли жителей города на свои переполненные транспортные суда. Наконец, в 9.00 19 декабря революционные войска овладели Тулоном*.

Согласно мемуарам Наполеона, в Тулоне не было таких позорных массовых убийств, как, например, в Лионе. Несколько сотен изменников были арестованы, судимы особым трибуналом и расстреляны. Но сэр Уильям Сидней-Смит сообщает, что месть французского правительства была страшной. «Роялисты и освобожденные узники были загнаны на большую площадь Тулона, — пишет он, — одной огромной массой. Буонапарте, который тогда командовал артиллерией, приказал стрелять из пушек по людям, кося их как траву. Те, кто уцелел, бросились на землю, надеясь избежать страшной участи, когда будущий император Франции, воспользовавшись первым моментом гробовой тишины после грохота пушек, громко воскликнул: «Мшение Французской республики свершилось — встаньте и идите по

* Здесь и далее см. в «Приложениях» раздел «Карты и схемы сражений».

домам». Несчастные едва успели подняться на этот призыв, как второй убийственный залп пушек швырнул их всех в небытие»(17). Если это описание событий верно (воспоминания сэра Сиднея не всегда безупречны относительно фактов, ибо впоследствии он осуществлял какую-то личную вендетту против репутации Наполеона), то оно свидетельствует о раннем проявлении особой жестокости в натуре Буонапарте. Тогда этот случай в Тулоне должен быть поставлен в один ряд с кровавыми убийствами в Яффе как свидетельство об одном из бесчестнейших поступков в его жизни. Как бы то ни было, Конвент, желая стереть даже память о восстании, постановил переименовать Тулон в Порт-о-Монтань и в наказание потребовал снести все памятники и дорогие жителям сооружения в городе.

Так завершилась прославленная осада Тулона. Хотя официально майор Буонапарте был всего лишь командиром артиллерии при бесконечно меняющихся главнокомандующих, он стал общепризнанным творцом замысла операции. 22 декабря комиссары Конвента своей властью присвоили ему звание бригадного генерала, а 16 февраля 1794 года это решение было утверждено Комитетом общественного спасения.

Это была заслуженная награда. Бригадный генерал Буонапарте открыл тайну успеха, правильно решив военную задачу. Для этого ему потребовались интуиция и знания, полученные в Аяччо и во время многих морских путешествий в Тулон и из Тулона. Потом ему пришлось неустанно защищать свой план, несмотря на множество практических трудностей и намеренных одергиваний со стороны своих командиров, пока ему не удалось убедить военный совет. Он лично выбирал места и следил за сооружением каждой батареи. Он принимал личное участие в нескольких рукопашных схватках с неприятелем, защищая свои пушки. И конечно, именно артиллерия явилась избранным оружием для этой цели, или, как он писал в Комитет общественного спасения, «артиллерия завоевывает, пехота может только помочь ей»(18).

Итак, наконец Наполеон Буонапарте появился на сцене европейской истории. Если «Ужин в Бокере» предоставил ему первый шанс в карьере, первую военную славу ему принесла его роль в осаде Тулона. Однако было бы ошибкой считать, что после 19 декабря 1793 года ему уже была обеспечена дальнейшая блестящая военная карьера; стать бригадным генералом в двадцать три года было, конечно, большим достижением, но подобный взлет во французской армии того времени не был залогом будущего успеха. Ведь с 1789 года вечно меняющееся французское правительство и его предшественники уволили не менее 680 высших офицеров — в среднем по 170 человек в год. Более того, не менее половины из них не избежали гильотины или расстрела. Таким образом, высокий чин и талант были также опасны, потому что самонадеянные и безграмотные в военном деле комиссары Конвента могли в любой момент подписать смертный приговор генералу, если ему случалось потерпеть поражение в момент их дурного настроения. И бригадному генералу Буонапарте грозила такая же участь в последние месяцы его военной карьеры, и во время череды сменявшихся режимов во Франции он не менее трех раз лишался своего генеральского звания. В тревожные дни Первой Французской Республики судьба военного была полна неожиданностей.

Глава 3

БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ АРТИЛЛЕРИИ

Приобретение раннего военного опыта Наполеоном до сих пор шло почти с математической точностью. Стажером — младшим лейтенантом в Валансе — он учится наводить пушку и работать банником. В последние годы он накапливает громадный запас знаний, в основном извлеченных из книг, с добавлением скром-

ного опыта искусства управлять людьми и руководства небольшими полицейскими операциями на Корсике и во Франции. Он непосредственно изучает особенности регулярных и волонтерских войск в разных условиях и начинает не доверять вмешательствам хамелеонов политиков в военные дела. Затем, в неудачной экспедиции в Ла-Маддалену, он учится размещать и командовать батареями в действии и начинает видеть трудности, тающиеся в операциях, выполняемых сводными силами, а также опасность слабого руководства на уровне полка. Затем, в Тулоне, его кругозор расширяется — практически он руководит крупной операцией, а через личные столкновения с бездонной глупостью Карто он начинает видеть, какие возможности раскрываются перед способным военачальником. Теперь, через два года, отделяющие его взлет в Тулоне от самостоятельного командного поста в 1796 году, он руководит стратегической операцией целой армии на важном театре военных действий.

Буонапарте усвоил весь этот громадный многогранный опыт за короткий промежуток времени — всего за одиннадцать лет. Он получил свой первый руководящий военный пост в возрасте двадцати шести лет. Правда, ему повезло родиться и развиваться в такое время, когда (в 1790-х годах) карьера *ouverte aux talents* была реальностью. Лишь карьера Александра Македонского сравнима по молниеносности взлета с карьерой Наполеона Буонапарте.

За 28 месяцев с декабря 1793 года по март 1796 года созрел Наполеон-стратег и — хотя и в меньшем масштабе — беспринципный политик, достойный Макиавелли. Этот период можно изучать, во-первых, как период теоретической подготовки к триумфу Наполеона 1796—1797 годов; во-вторых, как период отнюдь не гладкого продвижения к укреплению его личного положения.

После недолгого пребывания на посту инспектора береговой артиллерии на Ривьере бригадный генерал Буонапарте переехал в Ниццу, приняв назначение на пост главного артиллериста в Итальянской армии. В обычных условиях это не было бы положением, которое дает широкие возможности руководить операциями, но в тех необычных обстоятельствах Буонапарте начал как раз их использовать. Его новый главнокомандующий, генерал Дюмербион, звезд с неба не хватал. Опытный, хороший солдат, он был уже стар и знал многих своих товарищей, изгнанных из армии и даже казненных за неудачные действия или за неугодные политические взгляды. Поэтому он старался ничем не рисковать. Он нашупал безопасный выход из дилеммы, стоявшей перед каждым революционным генералом: всегда просил совета у комиссаров и действовал сообразно, считая, что так он хотя бы сохранит голову на плечах.

Сложилось так, что в это время и Саличетти и Огюстен Робеспьер были официальными представителями правительства в Итальянской армии. Неудивительно, что они были готовы слушать энергичного, пусть и слишком молодого начальника артиллерии, который недавно так прекрасно доказал свои способности и к тому же был настоящим якобинцем, что было редкостью среди кадровых офицеров. Итак, Дюмербионом правили комиссары Конвента, а ими правил бригадный генерал Буонапарте. Обстоятельства безусловно складывались в его пользу.

Весной 1794 года Итальянская армия оказалась в незавидном положении. После двух лет незавершенной войны против Пьемонта французы очутились зажатыми между Альпами и Средиземным морем; к северу от них стояла хорошо окопавшаяся пьемонтская армия, на юге крейсировали британские фрегаты. Неотложной задачей было разбить пьемонтцев и одновременно снять блокаду с жизненно важной для Генуи торговли зерном. Блокада осуществлялась эскадрой британского королевского флота и пьемонтскими добровольцами, стоявшими у Онельи. Неприветливый и суровый характер альпийских предгорий заставил даже Буонапарте отказаться от идеи прямой атаки в направлении окопов пьемонтской армии около

Саорджо. У Буонапарте появилась другая идея, вдохновленная трудами Гибера и Бурсе. Он решил, что наилучший план — вести главное наступление по прибрежной дороге для захвата Онелья. Тем самым восстановится связь морем с Генуей. Эти действия должны были сопровождаться наступлением в направлении гор между долинами рек Руайя и Нервия, к горе Танардо и оттуда на город Ормеа и рубеж реки Танаро при поддержке ложной атаки на крепость Саорджо. Эти действия имели три цели: первая — облегчить положение с каботажной торговлей; вторая — для того, чтобы обезопасить свой фланг, заставить пьемонтскую армию, оставив свои позиции, отступить, и третья — в конце кампании сохранить за Итальянской армией контроль двух важных горных перевалов в готовности к наступлению на плодородные равнины Пьемонта. Этот план был вскоре принят, и Дюмербион не стал возражать ни против того, что Буонапарте забирает 20 000 человек из его полевой армии численностью 43 000 для образования ударной силы, ни против того, что из них созданы три атакующие силы и резерв.

Несмотря на долгие задержки из-за сильных снегопадов, наступление далее пошло по плану. Шестнадцатого апреля генерал Массена¹ с приданными ему двумя бригадами, которые должны были вклиниться в глубь суши, стремительно продвинулся мимо горы Танардо и далее к городу Ормеа, не встретив серьезного сопротивления. Узнав, что пьемонтцы все еще находятся около Саорджо, он резко повернул к западу, перерезал их пути отхода и вынудил их сдать в плен Дюмербиону, который продвигался по главной дороге от Ниццы с остальной частью армии. Наступление на береговом секторе тем временем шло так же успешно. Не только Онелья, но и Альбенга и Лоано быстро пали друг за другом, так что к началу мая Итальянская армия прочно утвердилась на водоразделе Приморских Альп, имея под своим контролем стратегически важные перевалы Коль-д'Аржантьер, Коль-ди-Тенде и Сен-Бернар. Снова правильная оценка обстановки помогла Буонапарте разработать хорошо продуманный план операций, решающих главную стратегическую задачу. Многие особенности замысла кампании, возможно, непосредственно навеяны руководством Бурсе «Принципы ведения военных действий в горах», которое, вероятно, Буонапарте изучал несколько лет назад в Оксонне или Поммье, когда ему покровительствовал барон дю Тейль. Тем не менее это было многообещающее начало. Многие особенности будущих кампаний — использование отвлекающих сил, разделение армии на «petits paquets» (отдельные отряды, как бы беспорядочно разбросанные, но на самом деле действующие в тесной связи друг с другом), применение размещенного в центре резерва точно напоминают принципы Бурсе. Через посредство прикомандированных депутатов Конвента генерал Буонапарте немедленно представил второй план операции. Он был рассчитан на развитие начального успеха и прорыв фронта 45-тысячной Пьемонтской армии, чтобы проникнуть на равнину Мондови и тем самым обеспечить снабжение Итальянской армии. Кое в чем этот план был даже более обширен; он предусматривал строгое согласование действий Итальянской армии с соседней Альпийской; непосредственной целью объявлялась местность, известная под названием «Баррикады» — чуть выше перевала Коль-д'Аржантьер. Пока обе эти французские армии будут сходитьсь по своим операционным направлениям к месту соединения у крепости Кони, ударная сила отдаленного перевала Коль-ди-Тенде должна ворваться на равнину, завершая этим разрыв армии противника. Этот план Буонапарте, как водится, был одобрен комиссарами и 21 мая отослан в Париж для окончательного утверждения. После небольших разногласий Карно и Комитет общественного спасения утвердили его, и 5 июня началась первая фаза его выполнения.

¹ Андре Массена был повышен до звания дивизионного генерала за его действия в Тулоне. (Примеч. автора.)

Снова вначале все шло хорошо. «Баррикады» были заняты относительно легко. Но военный министр Карно не разрешил Итальянской армии продвигаться дальше этого рубежа. Причина была в том, что он не мог допустить главного наступления в Италии в момент, когда ожидалось крупные действия на рейнском фронте. Кроме того, он опасался возобновления беспорядков на юге Франции, если Итальянская армия продвинется слишком далеко. Пытаясь преодолеть это вето, Огюстен Робеспьер лично повез план в Париж для дальнейшего рассмотрения. К нему был приложен меморандум, подписанный младшим Робеспьером, но без сомнения составленный генералом Буонапарте, который иллюстрировал зрелое понимание последним общих стратегических задач. Ставя себе целью отговорить Комитет от распыления своих небольших ресурсов на такие не важные фронты, как испанский, автор подчеркивал необходимость объединенного удара против главного врага — Австрии.

«Если армии, находящиеся на границе с Пьемонтом, примут наступательный принцип, они вынудят австрийский трон защищать свои итальянские владения... Принципы войны таковы же, что и осады. Огонь следует сосредоточить на отдельном участке, и, как только прорыв достигнут, все равновесие рушится, остальное уже ничто — место взято.

Именно Германия¹ должна быть раздавлена; после этого Испания и Италия падут сами собой. Наступление должно быть сконцентрированным, но не рассеянным»(19).

Другими словами, отвлекающий маневр против Пьемонта заставит Австрию ослабить свои силы на Рейне и тем создать благоприятные условия для решающего французского прорыва на главном фронте. Этот документ практически является прототипом кампании 1796 года, как она была первоначально задумана. Он говорит о мощи военного гения двадцатичетырехлетнего генерала.

Пока ожидалось окончательное решение, Буонапарте был послан в Геную представителем правительства Рикором. Это была секретная миссия с целью выведать обстановку. В самом ближайшем будущем это тайное поручение едва не стало для Буонапарте угрозой для жизни.

Двадцать седьмого июня 1794 года произошел термидорианский переворот. После хаотического дня в столице Франции Робеспьер взошел на гильотину вслед за несколькими тысячами своих жертв. В охоте на ведьм, последовавшей после внезапного конца якобинского террора, разыскивали и хватали всех, кто был так или иначе связан с павшим диктатором. Бригадный генерал Буонапарте, друг брата Робеспьера, автор пронизанного якобинским духом «Ужина в Бокере», не мог не быть в списках подозреваемых. Он был арестован 6 августа и помещен в тюрьму не кем иным, как Саличетти, который явно настроился на спасение своего поста и решил «охотиться с гончими», а там — чья бы голова ни скатилась бы с плеч... Формальным обвинением было подозрение в измене, связанное с его тайной поездкой в Геную, которую можно было бы представить и как акт измены.

Во время своего вынужденного досуга в форте Антиб Наполеон использовал свободное время для изучения записок маршала Майбура о кампании в Пьемонте (1745). Учитывая, что его жизнь была в самой настоящей опасности, это показывает незаурядное хладнокровие и самообладание; или у него была юношеская уверенность в своей бессмертии, или, что более вероятно, он относился к тем, кто продолжает учиться и на смертном одре. Заключение в антибском форте длилось ровно две недели. Были представлены доказательства, что его поездка в Геную была разрешена начальством. Причиной освобождения скорее было то, что во время его отсутствия Итальянская армия полностью остановилась в своем продвижении и для возобновления координации местных операций в штабе сроч-

¹ Так у автора цитаты.

но потребовалась скрытая, но решающая воля бригадного генерала Буонапарте. Освобождение его было сделано не кем иным, как опять-таки гражданином Саличетти, который с завидной гибкостью решил теперь бежать с зайцем, а не только хотеться с гончими.

Не успела благополучно завершиться эта неприятная история, как Буонапарте уже представил третий план на одобрение Карно. Такая поспешность объясняется полученными сведениями о сосредоточении австрийских войск в долине Бормида для контрнаступления с целью захвата города Савоны, что дало бы возможность еще раз оторвать Геную от Франции. Главные силы союзников под командой австрийского генерала Валлиса должны были прорваться через перевал Коль-ди-Кадибона, в то время как второстепенный удар осуществлялся десантом британского флота, чтобы захватить Савону с моря. Австрийско-пьемонтское сотрудничество, столь слабое и ненадежное с 1792 года, теперь значительно укрепилось благодаря недавним успехам Итальянской армии, ставшей реальной угрозой австрийскому владычеству в той отдаленной части долины По.

План Буонапарте по отражению этого контрнаступления был основан на ясном понимании необходимых действий. Французы должны были удержать Савону, чтобы провести приближавшуюся зиму в относительной безопасности. Но все еще оставалось в силе вето, наложенное Лазаром Карно на активные действия. Несмотря на это препятствие, комиссары решили, что положение слишком серьезно, и под свою ответственность двинули Итальянскую армию против врага, срочно отправив посланца в Париж, чтобы объяснить неотложность такого решения. У Буонапарте был уже давно готов план разгрома любого наступления австрийцев на Савону: быстрыми ударами вдоль обоих берегов западного притока реки Бормиды Итальянская армия должна была достигнуть такого положения, которое позволило бы одновременно оторвать австрийцев от их пьемонтских союзников и угрожало бы правому флангу и даже тылу колонн, направлявшихся к Савоне.

Девятнадцатого сентября французские войска начали наступление. Продвижение шло даже успешнее, чем ожидалось. Австрийцы были захвачены врасплох и быстро отступили к деревне Дего по своей линии отхода в направлении Акви, и 21 сентября французские войска нанесли им поражение в сражении у Дего («Первое Дего»). Австрийцы потеряли 42 орудия и понесли другие большие потери; ночью они продолжали отход к Акви, отказавшись от своих наступательных планов.

Ликвидировав таким образом непосредственную опасность, генерал Дюмербион почел бы за благо выполнить буквальное требование Карно, запрещавшее наступление на итальянском военном театре; в любом случае его армия сильно нуждалась в отдыхе после весьма активных действий в течение всего года, а его кавалерия все еще была далеко, занимаясь поисками фуража в долине Роны. К разочарованию Буонапарте, 24 сентября французские войска начали отходить на подготовленные позиции. По пути молодой бригадный генерал успел заметить, что перевал Коль-ди-Кадибона, спускающийся к Савоне от Дего, доступен для прохождения артиллерии и обозов (деталь топографических наблюдений, которым суждено было иметь огромное значение в апреле 1796 года). Итак, французы отошли к рубежу, идущему от окрестностей Ормеа через гору Сен-Бернар к Вадо, находящемуся на побережье. Таким образом, они остановились достаточно близко к Савоне, чтобы не допустить ее использования противником в качестве военно-морской базы, и вместе с тем недалеко от Генуи, обеспечивая ее «хорошее поведение» и сотрудничество с этой маленькой республикой. Генерал Дюмербион совершенно справедливо воздал должное Буонапарте за все военные успехи этого года. «Именно способностям генерала артиллерии я обязан нашими военными успехами»(20).

«САБЛЯ» ПОЛЯ БАППАСА

В это время, однако, в карьере Наполеона Буонапарте началась полоса невезения. Вначале он был откомандирован обратно в Турин в состав 10-тысячной экспедиционной армии, которую готовили для наступления на Корсику в марте будущего 1795 года. Но эта армия так никогда и не отплыла на Корсику, потому что британская эскадра под командованием адмирала Готема рассеяла французскую эскадру прикрытия в ряде стычек на море между 11-м и 14 марта. Экспедиция была отменена. Это явилось большим разочарованием для Буонапарте, но дальше его ждало еще худшее. Военное министерство вдруг обнаружило у себя избыток бригадных генералов артиллерии и в мае 1795 года решило перевести самого молодого из них на командование второстепенной пехотной бригадой, выполнявшей вместе с Западной армией задачи по борьбе с мятежниками в завидомо беспокойной Вандее.

Это назначение было весьма далеко от надежд и желаний Буонапарте. С одной стороны, его не привлекало новое участие в гражданской войне; с другой — ему очень не хотелось связывать себе руки полицейской службой, вдали от театров военных действий, где он мог добиться славы и продвижения. Он сразу выехал в Париж протестовать против несправедливого, по его мнению, решения. По пути его нагнал документ, согласно которому он числился уже в списке офицеров, вообще подлежащих увольнению. Это было уже слишком; последовал ряд бурных объяснений в Париже, и он снова был назначен бригадным генералом пехоты в Западной армии. Имея перспективу такой нежелательной службы, Буонапарте, по своему обыкновению, потребовал отпуска по болезни и остался в Париже. Проведя частное расследование в военном министерстве, он обнаружил, что целый ряд политиков, включая и самого военного министра, имели чин и жалованье бригадных генералов артиллерии, хотя ни один из них ни в малейшей степени не стремился служить в этом качестве. В припадке возмущения бригадный генерал Буонапарте подал прошение об отставке.

Его карьера могла кончиться на этом, но к счастью для него и очень ко времени дела в Италии приняли плохой оборот. Через восемь дней (29 июня) после отставки Буонапарте австрийцы начали новое наступление и смогли оттеснить до Лоано войска нового командующего Итальянской армией генерала Келлермана, прославившегося под Вальми год назад. Таким образом, все успехи прошлого года уничтожены одним махом, и французы (всего 30 000 боеспособных солдат) вынуждены были стоять на своем исходном рубеже. Келлерман мрачно предсказал, что он не сможет даже удержать Ниццу, если не получит немедленной помощи. В большой тревоге французское правительство собрало на совет всех комиссаров, сколько-нибудь знавших итальянский фронт, чтобы срочно решить, что делать. Сам Наполеон в «Мемуарах на Святой Елене» утверждал, будто все они в один голос требовали: «Пошлите за Буонапарте». Так рассерженный гражданин Буонапарте внезапно снова оказался назначен бригадным генералом артиллерии с полуофициальным местом в топографическом бюро военного министерства.

Тем не менее некоторое время он раздумывал о переходе на службу в турецкую армию — настолько ему надоели непредсказуемые выходки военных властей Франции. Собственно, он даже представил формальное прошение об этом и даже получил устное согласие. Но тут, к счастью для его будущей карьеры (хотя, может быть, не так уж и к счастью для мира в Европе), снова помешал административный хаос; бестолковые служащие военного министерства превзошли самих себя и прислали на имя Буонапарте несколько противоречащих друг другу приказов. Эта неразбериха прояснилась только к середине сентября, когда Буонапарте

опять ожидало временное поражение в карьере. Мысль об участии в турецкой армии была первым проявлением внимания Наполеона к Востоку. Конечно, отчасти это поступок, продиктованный отчаянием, но с другой стороны, изучение им кампаний Александра Великого и Кира Персидского давно подогревало его интерес к тем краям. Восток его манил, и он сыграет не последнюю роль в его политике и замыслах в будущем.

Топографическое бюро было учреждено Лазаром Карно в мрачные дни 1792 года, когда революционной Франции почти грозила гибель. Это была довольно пестрая штабная организация, составленная из более интеллигентных кадровых офицеров (многие, как и сам Лазар Карно, были военными инженерами), и она была задумана как род генерального штаба для согласования военных действий. Буонапарте теперь был назначен в отдел, ведающий операциями на итальянском театре. Доклады, резюме, предложения и инструкции, свидетельствующие о богатом воображении, непрерывно появлялись из-под его неустанного пера.

«Совершенно необходимо, — писал Буонапарте в июне 1795 года, — для восстановления каботажного сообщения [с Генуей] и обеспечения южных областей, Тулона и армии снова занять позиции у Вадо»(21). Подкрепления должны были быть доставлены любой ценой, даже отнимая последнее у Рейнской и Пиренейской армий. В силу своего решающего положения город Чева должен быть снова взят Альпийской армией, невзирая на потери, чтобы вбить клин между австрийцами и их пьемонтскими союзниками. В конечном счете Комитет общественного спасения встал на точку зрения, столь решительно выраженную их молодым советником, и направил приказ, несущий явный отпечаток стиля Буонапарте, генералу Шереру, только что заменившему Келлермана.

Вскоре 6-тысячное войско отправилось с Рейна в Ниццу, и еще 10 000 солдат выступили с Пиренеев. Наступление французских сил шло мучительно медленно. К счастью для Итальянской армии, трения между австрийским главнокомандующим де Винем и генералом Колли (командующим пьемонтскими силами) вызвали период бездействия союзников. Только в конце сентября генерал Шерер вступил на пост командующего французской армией. Даже к началу октября у него было только 33 тысячи солдат при сильной нехватке вооружения и боеприпасов. Им противостояли 30 тысяч австрийцев и 12 тысяч пьемонтцев.

Но в лагере союзников задержка следовала за задержкой. Наконец 16 ноября все было готово к их наступлению, но сильнейший снегопад заставил его отложить до 23-го. Это промедление оказалось очень на руку французам. К тому времени раздоры в лагере союзников достигли такой силы, что де Винь отказался командовать и снова передал свои обязанности генералу Валлису. Неразбериха из-за перемен работала на пользу французского генерала Шерера, и его войска смогли опередить противника на один переход. После разделения своей армии на три полусамостоятельные дивизии (по приказу из Парижа), подчиненные Серюрье (действующего от Ормеа), Массене (от Дзукарелло) и Ожеро (от Боргетто), 23 ноября Шерер дал приказ на генеральное наступление. Неожиданность его застала врагшплох еще не готовых к выступлению австрийских генералов, и с самого начала они потеряли равновесие. Массена успешно прорвался через центр войск австрийцев, расчленив их и пьемонтцев надвое, и вынудил оба фланга союзных войск отойти с постыдной поспешностью. К 25 ноября успешно завершилось сражение у Лоано, и уже казалось, что Чева почти в руках французов, а пьемонтские генералы даже начали советовать королю Виктору-Амадею заключить мирный договор без лишних проволочек. И в этот момент удача стала изменять Шереру. Его линии коммуникаций были слишком растянуты и проходили по сильно пересеченной местности; солдат не хватало, они голодали; далеко не все обещанные подкрепления были доставлены. В силу всего этого преследование против-

ника после Лоано было плохо организовано, и к 29 ноября австрийцы собрали все свои силы и заняли прочные позиции у Акви.

А в это время в Париже происходили весьма важные события. Бригадный генерал Буонапарте снова испытал почти полный провал, когда калейдоскоп французской революционной политики вызвал новые изменения в составе Комитета общественного спасения. Его прежние покровители внезапно исчезли со своих высоких постов, а новые политические вожди поспешили уволить бригадного генерала Буонапарте (15 сентября). Соответствующий документ начинался с лозунга «Свобода, Равенство», а далее следовало: «Извещение о решении Комитета общественного спасения от 29 фруктидора III года Французской республики, единой и неделимой»:

«Комитет общественного спасения постановляет, что бригадный генерал Буонапарте вычеркивается из списков высших офицеров по причине его отказа занять пост, на который он был официально назначен (имеется в виду его отказ ехать в Вандеу в мае). Девятой комиссией поручено выполнение этого решения. Подписи: Ле Турне, Мерлен, Т. Берлье, Буасси и Камбасерес — президент»(22). Это было вызывающе несправедливым решением, учитывая, что Буонапарте получил затем назначение в топографическое бюро, но таковы были непостижимые ходы политиков. Снова Наполеон фактически оказался гражданским лицом.

Впрочем, ненадолго. Париж — этот кишачий муравейник интриг и неистовства толпы — снова запылал в пламени мятежа. Поводом было опубликование новой Конституции III года, передающей власть в руки исполнительной Директории из семи человек и снова продлившей жизнь ненавистного Конвента, постановившего, что две трети его членов автоматически переходят в будущие законодательные собрания. Коммуны и секции Парижа вместе с 20 тысячами национальных гвардейцев взяли за оружие и приготовились к походу на Тюильрийский дворец, где Конвент занимался вопросами увековечения своей власти. В крайней тревоге новое правительство поручило Полю Баррасу задачу защиты Собрания от ярости толпы силами 5 тысяч регулярных солдат. Баррас, который никогда не изображал из себя солдата, послал за экс-генералом Буонапарте. Тот не колебался ни секунды.

Он дал поручение капитану Мюрату скакать аллюром в артиллерийский парк в Саблоне и привезти пушки. Буонапарте сосредоточил орудия, нацелив их на подступы к Тюильри. Когда толпы вышли из своих казарм и хлынули к церкви Святого Роха, был дан приказ стрелять. Несколько залпов крупной картечью ударили прямой наводкой по толпе, убив не менее двухсот человек и ранив примерно вдвое больше. Толпа, вначале оцепенев от такой жестокости, заколебалась, затем повернула назад и рассеялась. К вечеру 5 октября порядок был везде восстановлен. Кризис кончился; власть парижской толпы — до сих пор непредсказуемого арбитра революционной политики — была сломлена раз и навсегда.

Если Тулон создал военную репутацию Наполеону Буонапарте, его энергичная, хотя и кровавая, поддержка правительства 13 вандемьера укрепила его политическую репутацию. Баррас и его успокоившиеся коллеги из Директории не жалели ничего, чтобы отблагодарить свою «саблю» и спасителя. Десятого октября Наполеон был назначен заместителем командующего внутренними войсками; через шесть дней ему было присвоено звание дивизионного генерала. Двадцать шестого октября Наполеон был назначен уже главнокомандующим. Возможно, в это время это был самый влиятельный пост во французских вооруженных силах, потому что внутренняя армия явно была самой многочисленной и выполняла ключевую задачу поддержания закона и порядка во Франции.

Теперь Наполеон Буонапарте в полном смысле слова вышел на революционную сцену. С присущим ему рвением он составил ряд наставлений для внутренних войск, являвшихся шедевром четкости и полноты. Однако он не был удовлетво-

рен, мысли его постоянно возвращались к итальянскому театру военных действий, где неспособность Шерера развить успех, достигнутый Массеной при Лоано, жгла ему душу.

Генерал Буонапарте продолжал бомбардировать своих новых начальников бесконечными меморандумами, касающимися проведения операций на лигурийском побережье. Он был резок в своих характеристиках и едко критиковал Шерера и его военачальников. «Они совершили главную ошибку, не форсировав окопы противника у Чевы, пока разбитые австрийцы откатывались назад к Акви, — начинались его «Записки о задачах Итальянской армии» (от 11 декабря). — ...Взятие Чевы и сосредоточение нашей армии вокруг этого плацдарма являются единственными действиями, которые могут вынудить туринский двор заключить мир и в то же время на значительную сумму уменьшить ужасающие расходы на Итальянскую армию, которые несет казначейство»(23). Патриотическая забота о кошельке Директории является средством достижения его цели. Вторая записка от 19 января 1796 года еще более конкретна. «Если Итальянская армия проведет февраль ничего не делая, точно так же, как она попусту тратит время в январе, итальянская кампания будет проиграна. Следует понять, что крупных успехов в Италии можно добиться только зимой. Если Итальянская армия начнет наступление как можно раньше, она сможет двинуться на Чеву и захватить там укрепленный лагерь (противника), прежде чем австрийцы (в Акви) смогут соединиться с пьемонтцами»(24).

Дрожь от холода в негостеприимных альпийских предгорьях среди голодных солдат, генерал Шерер с советниками все более и более раздражался на нескончаемый поток приказов и инструкций, поступающих из уютных кабинетов военного министерства. Хотя все они были подписаны самим министром, генерал прекрасно знал, чьим пером они на самом деле были написаны. Третьего февраля Риттер, один из тогдашних комиссаров при штабе Шерера, возмущенно жаловался в письме к Летурнеру (члену Директории): «Я уже говорил вам, что правительство окружено прожектерами. Я не хочу называть по именам всех этих персон, снedaемых завистью и жадно стремящихся к постам, которых они недостойны. В свое время вы их правильно оценили. Почему же теперь вы не противостоите их гигантским и химерическим планам? Неужели вы позволите погибнуть Итальянской армии, прославленной своим терпением и победами только потому, что каким-то безумцам угодно показывать вам на картах страны (у которой вообще не существует точных карт), как они вцепятся зубами в Луну?»(25) Несомненно, что тяготы жизни и военных действий в альпийских предгорьях могли показаться среднему человеку величиной с Луну, но не таков был генерал Буонапарте, когда он закусывал удила.

Вскоре между Ницей и Парижем установились отношения ожесточенных спорщиков. Шерер подтверждал получение объемистых пакетов с инструкциями, но в ответ предлагал куда более скромные планы, сопровождавшиеся истерическими требованиями солидных подкреплений. Если их не будет, угрожал он, то ему придется просить об отставке с этого поста. Он повторял это в своих письмах в Директорию от 4-го и 11 февраля, а 2 марта его желание удовлетворили.

Устав от бесконечных жалоб и от непрестанных протестов генерала Буонапарте, Директория уведомила Шерера, что его отставка принята. В тот же день, 2 марта, генералу Буонапарте было официально предложено занять вакантный пост. Возможность шагнуть к величию наконец осуществилась.

Можно предположить, что генерал Бонапарт (теперь мы будем писать его имя на французский манер, как он это сделал) знал о своем предстоящем назначении по крайней мере за сутки, потому что он послал требование в библиотеку военного министерства о подготовке для него всех имеющихся книг по Италии.

Последовала неделя деятельных сборов и планирования. Общий план французских военных действий на 1796 год должен был напоминать прошлогодний. Снова

за ним стоял Лазар Карно. Главными целями было обезопасить границы Франции и перенести военные действия в глубь неприятельской территории. Это была стратегия наступления, уже не обороны. Перед «организатором победы» стояли сложные задачи противостоять таким силам, как Великобритания, Священная Римская империя, Австрия, Сардиния, папские государства и Неаполь.

К счастью для Франции, характеристики войск этих разных наций были такими же различными, как и политика их государственных деятелей.

Гнетущая память о поражениях в войне за американские колонии была еще свежа в умах англичан, поэтому подготовка и репутация британской армии были в то время не высокого уровня. Вначале она насчитывала всего 15 000 человек в метрополии и, вероятно, вдвое больше в многочисленных колониях по всему миру. Армейская дисциплина была грубой и жестокой. «Ругать, пороть, вешать» — такова была свирепая доктрина британских военных властей в начале 1790-х годов. Только Фредерик, герцог Йоркский (брат короля Георга III и главнокомандующий) пытался устранить наиболее вопиющие недостатки в управлении войсками.

Печальная череда поражений и разочарований, составлявших историю армии в период 1793—1801 годов, была связана с почти полным отсутствием реалистического планирования и управления. Правительство закрывало глаза на злоупотребления, окружавшие рекрутские наборы и продажу офицерских чинов. Процветала коррупция. Многие влиятельные в обществе лица были заведомо крупнейшими спекулянтами. Результат был пагубен для боеготовности британской армии. Экономика Британии была очень слаба, к тому же ее ресурсы постоянно расточали на разорительные и почти бесцельные экспедиции, проводившиеся согласно устаревшей Чатамской стратегической доктрине, рассчитанной на захват колоний противника и совершение ряда нападений на незащищенные участки береговой линии противника.

Поэтому боеготовность британской армии представляла жалкое зрелище. Отсутствовала компетентная штабная организация, хотя из училища в Хай-Уикоме (основано в 1799 году) вскоре вышло несколько так называемых экспертов, а училище было превращено в штабной колледж. Организация батальонов в бригады и дивизии велась непостоянно. Несмотря на сильный военно-морской уклон Уайтхолла, вплоть до 1801 года не делалось попыток проводить учения по взаимодействию разных родов войск. Британская система тактики, хотя и включала немало потенциально полезных качеств, как правило, была слишком жестоко линейной, чтобы быть достойным противником молниеносной подвижности и гибкой тактике революционных войск Франции. Генерал сэр Дэвид Дандас, известный всей армии под прозвищем Старый Шкворень, ввел некоторое единообразие в тактических упражнениях, настояв на принятии усовершенствованных двухшеренговых боевых порядков (вместо прежних трехшеренговых), но и его военные идеи оставались слишком скованными прусской догмой.

Консервативная линейная тактика, драконовская дисциплина под страхом розог, бесконечная муштра и полное подавление всякой личной инициативы были явными особенностями армии красных мундиров острова Джона Буля. Общество не питало доверия к своим защитникам, считая их бывшими каторжниками или никудашными людьми. Рядовых набирали из самых бедных слоев населения. Большинство офицеров были младшие сыновья аристократии и мелкопоместного дворянства, у которых не было ни состояния, ни земли, ни каких бы то ни было перспектив. Продвижение по службе обеспечивалось скорее благосклонностью начальства и тугим кошельком, чем способностями. Однако в армейской жизни были и хорошие стороны. Британский солдат славился своим мрачным юмором и стойкостью перед лицом опасности. Начиналось и движение в пользу реформ, имевшее громадное значение в будущем, во главе его стояла группа просвещенных офицеров. Среди них выделяются сэр Джон Мур и генерал Крофорд. Оба настаивали

на необходимости более гуманного подхода к рядовому солдату, на повышении требований к полковым и батальонным офицерам, на применении поощрений, а не только взысканий и прежде всего — на необходимости воспитания самостоятельности и инициативы на каждом уровне. В лагере Шорнклифф и других местах по инициативе Мура в конце 1790-х годов начала развиваться более прогрессивная система тактики, основанная на гибких и быстрых маневрах, осуществлявшихся в открытом или рассыпном строю, задуманных, чтобы справиться с тактикой застрельщиков, характерной для французских вольтижеров и егерей. Несколько способных военачальников обещали достичь в будущем еще большего. Среди них были генералы Аберкромби и Стюарт, а в далекой Индии еще малоизвестный сэр Артур Уэлсли накапливал тот богатый опыт, которому в будущем было суждено поставить преграду военным притязаниям Франции. За всеми этими прогрессивными переменами стоит фигура «великого старца» — герцога Йоркского, который с лихвой искупил свою ограниченность в качестве боевого командира дальновидностью и искусством руководства. Его поддержка и одобрение позволили полковнику Ле Марчену основать военно-учебное заведение для подготовки офицеров, которое впоследствии превратилось в Королевскую военную академию в Сандхерсте¹, что привело к улучшению подготовки офицерского корпуса в пехоте и кавалерии.

И все же следует считать, что Великобритании повезло в том, что у нее была естественная защита от континентального противника — пролив Ла-Манш. Вплоть до первого десятилетия XIX века безопасность Британии больше зависела от ее военного флота, чем от армии. Адмиралтейство имело 113 линейных кораблей общей мощностью бортового залпа около 90 000 фунтов. Французский же флот насчитывал только 76 боевых кораблей, и мощность бортового залпа составляла только 75 000 фунтов. В последующие годы Великобритания никогда не теряла господства в этой области, хотя географически обширные задачи, стоявшие перед ее флотом, часто ослабляли его боевые возможности по отношению к соседствующим французским эскадрам. Кроме того, по мере развертывания войн необходимость помешать Франции овладеть флотами других государств мечом или деньгами вынуждала британское правительство снаряжать сомнительные, с точки зрения международного права, экспедиции.

Несомненно, британский военный флот составлял один из главных факторов в окончательном поражении Франции и Наполеона, хотя условия службы на британских судах оставались ужасающими на всем протяжении этих войн, даже несмотря на здоровые уроки мятежей в Норе и Спитхэд-Мьютиниз в 1797 году. К счастью, Британия имела ряд выдающихся адмиралов — лорда Хау, лорда Сент-Винсента и, конечно, Горацио Нельсона. Эти талантливые флотоводцы умели воодушевлять на подвиги мужества и терпения своих моряков, пусть даже набранных против воли печально известными отрядами вербовщиков. В результате британский флот вытеснил своих соперников на морях (к 1805 году), загнал их остатки и запер их в континентальных портах, защитил жизненно важную торговлю с другими странами, установил блокаду побережья враждебной Европы (лишив тем самым Францию и ее союзников необходимых ресурсов), перевозил, обеспечивал припасами или эвакуировал при необходимости британскую армию во многих заморских экспедициях — малых и больших.

Таково было состояние вооруженных сил его британского величества короля Георга III — одного из противников французов.

¹ Первое военное училище было открыто в Хай-Уикоме (1799), но было переведено в качестве младшего отделения в Грейт-Марлоу (1802). Окончательное водворение в Сандхерст произошло в 1812 году. Курсанты — артиллеристы и инженеры — обучались в старой Королевской военной академии в Вулидже (основанной в 1741 году и известной как «Арсенал»). Оба училища были объединены в 1947 году, став современной Королевской военной академией Сандхерст. (Примеч. автора.)

Однако главным врагом Франции на континенте была Габсбургская империя. Вероятно, в 1790-х годах император располагал 350 тысячами солдат, включая 58 тысяч отборной кавалерии, по общему мнению — лучшей в Европе. Однако это был лишь военный фасад.

Внутри армии Габсбургов дела были значительно менее благополучны. По своему составу она не могла не быть многонациональной. В ней служили австрийцы, венгры, сербы и хорваты. Всегда стояли языковые проблемы, так как в армии не было эффективной штабной системы, которая могла бы решить национальный вопрос. Каждый полевой командир тонул в потоке бумаг, потому что венский гофкригсрат¹ и министерства традиционно больше всего интересовались донесениями о численности личного состава, выслушивая бесконечные доклады.

Как и у всех других армий европейских монархий, австрийская тактика строилась по старому линейному образцу. В самые первые годы войны Первой коалиции эти методы были достаточно эффективны против плохо обученных обрванцев, из которых состояла большая часть республиканских войск. Но к 1796 году стали заметны улучшения во французской армии и стали сильнее проявляться слабости старой тактической системы. Годом раньше это убедительно доказал генерал Массена в сражении при Лоано. Австрийцы слишком полагались на успешную стрельбу взводными, ротными и батальонными залпами и мало заботились о том, чтобы защищать свои боевые порядки глубиной в 3—4 шеренги в белых мундирах хотя бы при помощи естественных укрытий или полосой застрельщиков. Австрийские генералы неумело пользовались своей хорошо обученной кавалерией, имевшей прекрасных лошадей. Отрицательным качеством артиллерийских частей была случайность выбора мест их дислокаций. Вскоре стало очевидно, что такие методы безнадежно устарели, их войска не могли устоять против подвижных и легко ускользающих масс французских метких стрелков и умело действующих батарей, которые косили австрийские боевые порядки еще до начала главного маневра. Габсбургские генералы и высшее командование оказались не способны улучшить свою систему вплоть до катастрофы 1805 года.

Французские армии на марше славились одной особенностью (кроме грабежа, насилий и поджогов) — своей скоростью передвижения. В этом отношении сильно перегруженные (запас продовольствия и др.) солдаты Австрии и Священной Римской империи никогда не могли сравниться с французами. Одна из причин заключалась в совершенно разных концепциях тылового обеспечения. Французы по необходимости использовали все местные резервы — «война самоокупалась». Во всяком случае, это освобождало их от медленно следовавших за боевыми частями обозов и от стратегии, основанной на сети заранее создававшихся арсеналов, интендантских складов и магазинов. Солдаты имели при себе только трехдневный запас. Австрийцы же перемененно двигались с девятидневным запасом в обозе. Неудивительно, что правильно руководимые стратегически и тактически французские войска буквально бегали вокруг своих медлительных противников.

Все касающееся военных дел было в Австрии устаревшим и неэффективным. Гофкригсрат — сборище седовласых старцев, наделенных высшей властью (под эгидой императора) над всеми делами, относившимися к стратегии, — постоянно мешал боевым генералам. В эту эпоху Габсбурги не были богаты талантливыми генералами. Старые генералы масштаба Меласа, Больё, Альвинци или Края обычно оказывались слабыми противниками для молодых, но умелых командиров революционной Франции. Только молодой эрцгерцог Карл в качестве командующего отличался большими способностями, но в решающие моменты он страдал эпилептическими припадками.

¹ Го ф к р и г с р а т — военный совет при императоре (нем.). (Примеч. ред.)

Остальные противники Франции в 1796 году были малозаметными фигурами на театре военных действий. Действия войск все еще живых бурбонских монархий больше походили на фарс, чем на серьезное участие в войне настоящих армий. Испания вышла из коалиции в 1795 году; ее нищенски оснащенная и плохо руководимая армия держалась только чувством национальной гордости. То же самое (минус гордость) относится к солдатам Королевства обеих Сицилий (Неаполь и Сицилия). Даже их король и номинальный главнокомандующий не питал никаких иллюзий насчет храбрости своих солдат в бою. Когда ему предложили изменить мундиры солдат, дабы пробудить в них воинские добродетели, он, будучи реалистом, ответил: «Как их ни одень — в красное ли, синее или зеленое — они все так же побегут». Временные войска папских государств были такими же ненадежными и едва ли могли рассматриваться в качестве серьезного противника. Войска Савойского королевства — Пьемонта и Сардинии — обучались по австрийскому образцу военными, которых присылали из Вены, а их главнокомандующий генерал Колли, сам австриец, и князь Карриган были истинными полководцами XVIII века в полном смысле слова.

Для борьбы с этими многочисленными противниками французское правительство весной 1796 года имело 5 главных армий¹. Генерал Журдан командовал армией Самбры-Мааса (вначале имела 70 тысяч солдат) по нижнему Рейну; генерал Моро — Рейнско-Мозельской армией такой же численности и дислоцирующейся в Эльзасе; Итальянская армия насчитывала, вероятно, 63 тысячи (включая гарнизоны и войска второго эшелона). Кроме этих передовых армий, имелись две меньшие резервные армии, способные выполнять оперативные задачи: Альпийская армия Келлермана, насчитывавшая в этот момент 20 тысяч, и еще меньшая — в Провансе и вдоль реки Вар. На восточных рубежах всего находилось до 240 тысяч французских солдат.

Что собирался делать Карно с этими силами? Стратегически имелись два театра войны — Германия (главный фронт) и Италия (второстепенный). Такой порядок по степени важности Карно утвердил в декрете от 6.01.1796. Генералу Журдану надлежало обложить осадой крепость Майнц и после ее захвата продвинуться во Франконию. Генералу Моро предстояло обойти крепость Маннергейм и войти в Швабию, между тем как командующий Итальянской армией должен был осуществить вторжение в Италию и ударить по австрийцам, удерживавшим долину реки По. Французы надеялись, что при надлежащем подходе Пьемонт перейдет в их лагерь. Тогда после занятия Ломбардской равнины Итальянская армия сможет подойти к реке Адидже. При благоприятных условиях французы смогут двигаться по этой речной долине и, перейдя через Альпы у Тренто, войти в Тироль, где соединятся с Моро и будут совместно воевать, чтобы разгромить австрийскую армию.

Такова была схема плана. В целом он был разумен, хотя высокая степень взаимодействия и связи была ненадежна, даже очень рискованна во времена, когда самым быстрым средством передачи донесений был всадник, несущийся галопом. Общая «агрессивность» плана Карно диктовалась отнюдь не только соображениями «наступательных действий»: финансовое положение Республики было столь плачевно, что для состояния ее экономики было жизненно важно «заставить войну платить за себя». По крайней мере, тем, что армии Франции перестали бы добывать себе пропитание на родной земле. Пустые сундуки казначейства ждали денег или любой добычи, которые приобретались методичным и полным ограблением захваченных или «освобожденных» территорий. Кроме этих нескрываемо материалистических соображений, к схеме Карно примешивался и некий идеалистический

¹ Внутренняя армия намеренно не внесена в этот список. Ее роль в основном заключалась в подавлении мятежей, поддержании порядка и закона и обеспечении рекрутского набора для армии. (Примеч. автора.)

элемент. Исповедуя революционный принцип «братства», Карно и его коллеги в Директории не могли устоять перед желанием распространить свою веру и на «порабощенную и реакционную Европу». К тому же очень бы не мешало отвлечь внимание и недовольство народа Франции от бесконечных лишений, поманив надеждами на завоевание чужих земель.

По настоянию Карно был пересмотрен план действий для генерала Бонапарта. Первая редакция плана предписывала ему направить главный удар против миланцев, поддерживая это наступление лишь второстепенной атакой на Акви и сковыванием Чевы; причем он должен был особенно беречься обидеть пьемонтские власти. Эти политические оковы были неприемлемы для Бонапарта; он должен был быть свободен в своих решениях или отказаться от командования. Он был несокрушимо уверен, что путь к успеху лежит через немедленное завоевание Пьемонта. К 6 марта он буквально принудил Директорию (члены ее, наверное, были рады наконец отделаться от него!) изменить приказ на следующий: «Нашей главной целью является всеми доступными силами принудить врага отступить за реку По, и затем мы должны развить наступление в направлении миланцев».

Очевидно, эту основную операцию нельзя было осуществить, не овладев вначале городом Чева. Директория предоставила главнокомандующему свободу в начале операции. Он может атаковать врага именно здесь, и, независимо от того, разобьет ли он их на месте или они отступят в Турин, Директория далее приказывает ему неотступно преследовать их и даже в случае необходимости подвергнуть эту столицу артиллерийскому обстрелу.

Овладев Чевой и подведя левый фланг Итальянской армии к Кунео в виде угрозы сковывания его гарнизона, главнокомандующий должен немедленно пополнить армейские запасы, используя все ресурсы Пьемонта. После этого он должен направить свои силы против миланцев и австрийцев. Он должен заставить врага отступить за реку По, овладеть средствами переправы через эту реку и попытаться захватить крепости Асти и Валенца»(26).

Другими словами, генерал Бонапарт опять добился своего, руки его были полностью развязаны.

Погруженность в военные дела в последние десять месяцев не совсем исключила его из светской жизни. Как раз перед тем, как отправиться командовать своей первой боевой армией, он сделал еще один шаг, оказавшийся поворотным пунктом в его жизни, — 9 марта он женился на обворожительной вдове генерала де Богарне, «прекрасной креолке» Жозефине.

Часть вторая

СОТВОРЕНИЕ ИМЕНИ

*Кампания в Северной Италии,
апрель 1796 — апрель 1797*

Глава 5

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

«Солдаты! Вы голодны и раздеты: правительство должно вам много, но не может дать ничего. Терпение и храбрость, показанные вами среди этих скал, восхищают. Но они не приносят вам славы — даже отблеск ее не падает на вас. Я поведу вас в самые плодородные равнины на земле. Богатые провинции, роскошные города — все будет в ваших руках. Там вы найдете честь, славу и богатство. Солдаты Италии! Вам ли занимать смелости или выносливости?»(1)

Двадцать седьмого марта 1796 года молодой генерал Бонапарт сделал смотр части оборванной, ропшущей Итальянской армии в Ницце, где помещалась его штаб-квартира, хотя прошло всего несколько часов после его вступления в должность. Некоторые исследователи подвергают сомнению подлинность этого воззвания, обвиняя Наполеона в фабрикации текста, сочиненного много лет спустя на Святой Елене, чтобы расцветить свои мемуары. Справедливо ли это обвинение или нет, этот призыв к солдатам дает яркое представление об условиях первого командования им боевой армией в начале кампании и о тех обращениях к войскам, которые затрагивали душу революционного солдата той эпохи. Для разношерстного сборища голодных оборванцев, больше похожих на разбойников, чем на солдат регулярного войска, перспектива сытно поесть и шанс пограбить значил куда больше, чем все пропагандистские призывы о «правах человека» или о благородной миссии Французской республики.

Моральное состояние Итальянской армии было отнюдь не высоким: ее подразделения рассыпались на многочисленные маленькие отряды и располагались вдоль береговой линии от Ниццы до Савоны. Их коммуникации страдали от нападений с моря, с фрегатов Нельсона; с гор на них нападали банды местных партизан («barbets»), а дальше в горах находились численно превосходившие итальянцев австрийские и пьемонтские войска, скудные рационы солдат зависели от мошенников — поставщиков армии, накапливавших целые состояния за счет обираемых ими солдат. Истощенные холмы Пьемонта уже ничего не могли дать ордам фуражиров, солдатам, офицерам и прочим участникам кампании, и они были вынуждены бросать свои позиции, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Не получая жалованья уже много месяцев, они все еще надеялись на казну французского правительства, практически обанкротившегося. Нужда была во всем. Це-

лые батальоны не имели обуви, у многих солдат не было мушкетов и даже штыков. Все транспортные средства армии сводились к двумстам мулам. Уже больше года лошади в кавалерии получали лишь полрациона. Только 24 горные пушки были полностью укомплектованы. В этих условиях армия быстро рассыпалась. Вначале, при ее образовании в 1792 году, в ней было 106 000 человек, когда же спустя четыре года Бонапарт принял армию от старого и малоспособного генерала Шерера, то за вычетом «мертвых душ» (дезертиров, больных, погибших) она насчитывала всего 63 тысячи, и даже из этого количества реально боеспособными оказались только 37 600 человек. К немедленным действиям были готовы лишь 60 полевых пушек. Пополнений практически не было.

У части армии чувствовалось мятежное настроение, и всем стало известно, что агенты роялистов вовсю действуют в солдатской среде. В нескольких полубригадах¹ проводились тайные сходки сторонников дофина, а в январе одно подразделение демонстративно не подчинилось генералу Лагарпу, потребовавшему снять траурный креп с трехцветных знамен, который они надели в память казни бывшего короля Людовика XVI. Восемнадцатого марта дивизия Серюрье, стоявшая в Ормеа, отказалась подчиняться приказам, а 25-го, только за два дня до прибытия генерала Бонапарта, в Ницце взбунтовался 3-й батальон 209-й полубригады. Голод и заброшенность быстро превращали армию в распущенный сброд, и новому командующему было очевидно, что только успешное наступление может исправить дело. Через Бертье, своего начальника штаба, Наполеон немедленно вызвал к себе в ставку трех дивизионных командиров, чтобы дать им приказ о начале кампании.

Странное трио появилось перед генералом 27 марта 1796 года. Пятидесятитрехлетний Серюрье был самым старым. Этот высокий мрачный человек со шрамом на губе прослужил тридцать четыре года в старой королевской армии до революции и, в сущности, был по опыту и взглядам военачальником старого режима; он был методичен в работе и педант в вопросах дисциплины, он выбивался из общего тона этой армии-вольницы и был равнодушен к наградам; атмосфера ностальгии по прошлому окружала этого сдержанного бывшего аристократа.

Полным контрастом ему был генерал Ожеро — этот «продукт сточных канав» парижских улиц. Тридцать восемь лет его жизни были заполнены красочными авантюрами. Сын бедного каменщика, Ожеро поступил служить в королевскую кавалерию; убил офицера, оскорбившего его, после этого бежал в Швейцарию, оттуда попал в русскую армию, дослужился до сержанта в войне с турками. Через несколько лет он оказался в рядах знаменитой гвардии Фридриха Великого, но, недовольный жалованьем, опять дезертировал и некоторое время кормился в Дрездене уроками фехтования. Цепь приключений — военных и любовных — в Греции, Италии и Португалии оборвалась по его возвращении во Францию в 1792 году. Через год он уже стал дивизионным генералом. Современники описывают его как шута, бретера и отличного малого. Но он славился также как способный тактик и отличный солдат, очень популярный в войсках. Ожеро был человеком неотесанным, до самой смерти говорил на уличном парижском жаргоне, но громадный рост и величественный орлиный нос делали его весьма импозантным. Вечно всем недовольный ворчун, он, однако, имел зоркий глаз и на слабое место противника, и на заманчивую добычу.

¹ Термином «п о л у б р и г а д а» по приказу Карно в 1793 г. был заменен термин «полк», что было попыткой уничтожить старые династические и региональные ассоциации постоянной армии. В хаотические первые годы революционных войн автономные полубригады волонтеров, или федератов, служили рядом с регулярными частями. Это оказалось так нецелесообразно, что незадолго до Вальми в 1792 г. генерал Келлерман решил объединить в своей армии в бригаду один регулярный и два федератских батальона. Этот разумный шаг был затем сделан везде в сухопутной армии, после так называемой «Амальгамы» 1794 г. — объединения регулярных и волонтерских (федератских) сил. (Примеч. автора.)

Третий командир — тридцативосьмилетний Андре Массена — был уже известен генералу Бонапарту: они вместе служили в Тулоне и оба участвовали в кампании 1794 года. Он родился в Ницце, начал самостоятельную жизнь юнгой, потом поступил в армию и быстро дослужился до старшего сержанта, в 1789 году был уволен в отставку. Следующие три года (согласно довольно сомнительному источнику) он вел жизнь контрабандиста, доставляя товары через Савойские горы в Италию, и детально изучил эти края. Если это так, то подобный опыт впоследствии стал для него неоценимым. В 1792 году он возобновил военную службу в революционной армии и к 1795 году был старшим дивизионным командиром в Итальянской армии, знаменитым победителем сражения при Лоано. Смуглый, высокий, молчаливый человек с безграничной любовью к золоту и женщинам, Массена вскоре проявил себя как один из талантливейших наполеоновских маршалов, позднее он уже стал опытным военачальником.

Первой реакцией этих трех вояк на то, что ими будет командовать двадцатисемилетний мальчишка, было изумление. Бонапарт представлялся им выскочкой, «политическим» военачальником, выдвинутым на столь высокую должность ненавистным Баррасом, членом Директории, на чьей бывшей любовнице Жозефине Богарне недавно женился этот молодец. Видя, как он с юношеской пылкостью смотрит на ее портрет, они цинично пересмеивались. Его небольшой рост и худоба заставили одного современника сказать, что он «выглядит как какой-нибудь математик, а не генерал»(2). Граф Йорк фон Вартенбург дал его более полное описание: «Из-за худобы черты его лица казались почти уродливо острыми; походка была неровная, одежда небрежная. В целом весь его вид оставлял неблагоприятное впечатление и не имел ничего величественного; но, несмотря на явную хрупкость, Наполеон был крепкий и жилистый, а из-под высокого лба, несмотря на смуглость лица, сверкали глаза гения — глубоко сидящие, большие и серо-голубые. Перед этим взглядом и властными словами, исходящими из его тонких бледных губ, склонялись все»(3). Хотя эти трое командиров оставили за собой свое мнение по поводу его военных талантов, на них невольно подействовала его энергия и решительность. «Минуту спустя, — писал Массена, — он надел свою генеральскую шляпу и, казалось, сразу вырос на два фута. Он расспросил нас о расположении наших дивизий, о моральном духе и боеготовности каждой дивизии, поставил задачи и объявил, что наутро он проведет смотр, а на следующий день войска выступят в поход».

Новый генерал привез с собой небольшой штаб. Бонапарту посчастливилось в том, что на должность начальника штаба он нашел Александра Бертье, сорокадвухлетнего офицера инженерных войск с исключительными способностями к штабной работе. В предшествующем году он возглавлял штаб генерала Келлермана в Альпийской армии и был хорошо знаком с проблемами войны в горах. Бертье был нелюбезен и грубоват, имел весьма нерасполагающую наружность — очень крупную голову при небольшом росте, постоянно грыз ногти, был неуклюж, но его способности запоминать тысячи деталей и работать по двадцать часов в сутки были феноменальны. Своими многими ранними успехами Бонапарт был обязан этому «серому кардиналу» Бертье. Те же, кто думал, что начальник штаба будет «нянькой» молодому генералу, очень скоро стали думать иначе.

Кроме начальника штаба, в окружение Наполеона входил ряд блестящих молодых офицеров, которым всем была суждена громкая слава и высокое положение. Живой гасконец кавалерист полковник Иоахим Мюрат, с невероятным хладнокровием сам напросившийся на это место, служил адъютантом. Его удаль и личная храбрость компенсировали некоторый недостаток воображения и интеллекта. Из близких Наполеону офицеров выделялись двадцатичетырехлетний майор Жюно, служивший сержантом в Тулоне и разделявший с Бонапартом скудное житье в Париже в последующие годы. Здесь были и брат Наполеона Луи Бонапарт, и моло-

дой Мармон, которому едва минуло двадцать два, уже несколько лет близкий друг Наполеона и собрат-артиллерист. Редко встречалось такое созвездие военных талантов, служивших вместе одновременно. Всем этим штабным офицерам была суждена блестящая карьера, и из полубригад Итальянской армии вышло еще много будущих знаменитых военачальников.

Признавая необходимость минимального периода реорганизации и пополнения, Бонапарт объявил, что кампания начнется 15 апреля, и жестко потребовал все подготовить к этому сроку. Но одних приказов было бы мало; он распорядился немедленно выдать солдатам немного денег из ограниченных финансовых ресурсов, врученных ему Директорией. Наполеон приказал своему главному интенданту Шове расследовать дела поставщиков и попытаться сделать большие займы у богатых торговцев в Генуе. Захваченное капёрское судно было продано за 500 фунтов, и эти деньги также пошли в денежный ящик армии.

Генеральный план Директории по операциям в 1796 году был во многих отношениях схож с планом предыдущего года, и в нем ясно ощущался почерк Карно. Главный удар предполагалось нанести на германском фронте, а вспомогательный — в Северной Италии. Генералу Бонапарту предстояло проверить на деле свои реальные знания, сформированные им во время краткой службы в топографическом бюро в Париже. Директория надеялась, что внимание Австрии будет отвлечено от решающего северного театра войны действиями Итальянской армии против Пьемонта и Ломбардии и что после успешного «усмирения» Северной Италии генерал Бонапарт сможет перейти через Альпы и соединиться с Моро в Тироле для завершающего удара по Вене — конечной цели операции. Две небольшие резервные армии — одна на склонах Западных Альп под командованием Келлермана и две другие, еще дальше, в районе реки Вар, будут поддерживать эту операцию, по крайней мере частично защищая линии коммуникаций Бонапарта с Провансом.

Этот план кампании прекрасно выглядел на бумаге, но при критическом взгляде сразу обнаруживалось несколько огрехов. Во-первых, оба наступления французской армии отнюдь не находились друг от друга на реально поддерживающей дистанции, так как были разделены громадным барьером Альп, где главные перевалы все находились в руках австрийцев. Во-вторых, если какое-нибудь наступление захлебнется, вся сила вражеских войск могла переноситься с этого направления через эти же самые перевалы на помощь своим еще более сильно теснимым товарищам на соседнем фронте. Наконец, этот план исходил из предпосылки, что все французские генералы будут действовать согласованно, но в реальности оба командующих на германском фронте подозрительно относились к своему коллеге в Италии и не оказывали ему надлежащего содействия; Бонапарт же рассматривал свой театр войны как единственно значимый. Директория отказалась назначить верховного главнокомандующего для координации этих взаимно дополняющих операций, и с течением времени проблема стала все более обостряться. Наиболее тяжело их кумулятивное действие проявилось по отношению к операциям Итальянской армии, и потребовались весь гений и энергия молодого генерала Бонапарта, чтобы преодолеть эти трудности.

Сцена действий первой итальянской кампании была характерна своими контрастирующими ландшафтами. Отроги Приморских Альп и предгорья Апеннин вынуждали вести основные бои на западе за овладение шестью перевалами и долинами, пересекающими горный барьер между Генуей и Ниццей. Далее всего к западу лежал перевал Коль-ди-Тенде со своим северным выходом в центр Пьемонта, охраняемым крепостью Кунео. Через 25 миль к востоку шла долина реки Танаро, также ведущая в Пьемонт. В верхнем течении реки главенствующее положение занимал город Чева. Между прибрежным городом Савона и важным узлом дорог в Каркаре находился перевал Коль-ди-Калибона, дающий доступ к Пьемонту через город Чева или вниз в Ламбардию вдоль двух притоков реки Бормида. У города

Сассело находился более трудный перевал Коль-ди-Джово, а далее к востоку был перевал Туркино, идущий к северу от Вольтри на побережье в долину реки Стура. Наконец, исторический перевал Бокетта соединял Геную с ломбардскими равнинами. Южные оконечности всех этих долин вели к узкой и холмистой полоске побережья, соединяя с дорогой из Марселя и Тулона в Геную — важнейшей боковой линией коммуникаций Итальянской армии. Унылый характер этой местности описывавшими ее преувеличивался — долины и предгорья являлись плодородными землями по меркам XVIII века. Но все же местных ресурсов было недостаточно, чтобы удовлетворить нужды населения и размещавшейся здесь оккупационной армии, если у нее не было эффективно работавшей сети интендантских складов и конвоев с продовольствием. В Итальянской армии не было ни того, ни другого, и перед командующим поневоле вставала жесткая альтернатива — или продвинуться в более богатые, занятые противником области, или беспомощно смотреть на своих голодных солдат.

Но если перейти через горы, перед глазами возникали поражающие богатством равнины Ломбардии. Главной природной особенностью была большая река По с чередой ее альпийских притоков — Сестии, Тичино, Адды, Ольо и Минчо. Дальше к востоку шли реки Адидже и Брента, впадающие в Адриатическое море. Любому наступлению с запада эти водные артерии являли грозную цепь преград, фланги с севера были защищены Альпами, а с юга — рекой По. Ряд более мелких рек также связывал Апеннины с рекой По, но с точки зрения обороны их расположение было не так выгодно, потому что стоило только наступающим с лигурийского побережья успешно форсировать горные цепи, как они получали ряд удобных доступов к Ломбардской равнине. Очевидно, что переправы через крупные реки имели важнейшее военное значение: Алессандрия господствовала над водной системой Бормиды, у города Валенца была лучшая переправа через По, а далее к востоку на реке находились большие города Пьяченца и Кремона, за ними на реке Минчо стояла Мантуя — административный и военный центр австрийского владения в Северной Италии и самая южная крепость знаменитого Квадриматерале — «Четырехугольника» крепостей. Важность этого стратегического района, ограниченного реками Минчо и Адидже (на первой стоят Мантуя и Пескьера, на второй — Верона и Леньяно, причем последние три крепости принадлежали Республике Венеция), обеспечивается его географическим положением поперек доступов к ключевым австрийским перевалам, соединяющим Северную Италию с Южной Австрией. Наиболее удобными подступами являются долины рек Кьеze, Адидже и Бренты. Ключ к военному господству над североитальянской равниной находился в районе, заключенном внутри «Четырехугольника».

В последние годы XVIII столетия на Итальянском полуострове было двенадцать важнейших княжеств. Кроме оккупированной австрийцами Ломбардии, имелись следующие (по порядку значения): Королевство Сардиния, которое включало Пьемонт и Савой, папские государства в центральных областях Италии и Королевство Неаполь и Сицилия. Из остальных только Великое Царство Тосканское и Светлейшая Венецианская республика имели под своей властью значительные территории, а более мелкие княжества, такие, как Генуя, Парма и Модена, были поставлены в положение сателлитов своих более мощных соседей или пытались сохранять претензии на независимость. Единственным объединяющим чувством у всех реакционных правителей этого «лоскутного одеяла» отдельных государств был страх перед революционными доктринами французского правительства. Однако население Пьемонта и Генуи не было так враждебно настроено к этим опасным идеям, как их правители. Наличие такой тайной симпатии объясняет, почему Директория приказала Бонапарту лояльно вести себя по отношению к местному населению, теряя надежду, что страну Виктора-Амадея по ее доброй воле можно будет выманить из Австрийского союза. Повсюду, даже в Милане,

недовольство австрийским игом порождало первые проявления итальянского национализма. Существовала надежда, что эти тенденции могут материально способствовать планам французского правительства и его военным операциям.

Сочетание нескольких армий под австрийским командованием порождало ряд проблем для генерала Бонапарта. Австрийским главнокомандующим был только что назначенный семидесятидвулетний генерал Больё — опытный военачальник, чьим крупнейшим недостатком было полное отсутствие инициативы, настолько жестко все его действия контролировались венским военным советом. Под командованием Больё находилось три армии. Под его прямым управлением было 19 500 солдат, причем половина была рассеяна на гарнизонной службе в Александрии и других местах; остальные солдаты, пригодные для активных действий и находившиеся под командованием генералов Питтони и Вукассовича, в начале апреля все еще стояли на зимних квартирах. Второе соединение состояло из 11 500 человек под командованием генерала Аржанто с базой в Акви и было в этот момент уже развернуто обычным австрийским манером — то есть длинным кордоном из аванпостов, тянувшимся по горам от Каркаре до высот над Генуей. Третьим соединением являлась армия генерала Колли, состоявшая из 20 000 пьемонтских солдат, подкрепленных отрядом под командованием Проверы, которая тонкой редкой линией тянулась от Кунео на западе до Чевы и Коссейры на востоке; основным назначением этой армии была охрана западных перевалов, через которые французские армии могли вторгнуться в Пьемонт. Еще одно соединение из 20 000 пьемонтцев стояло к западу от Турина, находясь под командой принца Корригана, и наблюдало за позициями армии Келлермана в Альпах. За вычетом этих двух последних армий, практически уравновешивавших друг друга, против 37-тысячной Итальянской армии Франции стояла 52-тысячная армия австрийцев и пьемонтцев.

Однако численное превосходство противника было эфемерно, не говоря о разбросанности половины их боеспособных сил. Союзников ослабляла их взаимная подозрительность. Между двумя правительствами и их армиями существовала давняя неприязнь, и, хотя генерал Колли сам был австриец, откомандированный в пьемонтскую армию, Вена предупредила Больё, чтобы он был готов к измене его союзника, которая может совершиться через некоторое время.

Атмосфера взаимного недоверия вынудила каждую армию организовать собственные независимые линии коммуникаций, идущие по расходящимся направлениям в Мантую и Турин. Такая организация, несомненно, служила максимальному расширению административного бремени для двух полевых армий. Однако при существующих политических трениях она только выпячивала независимость каждого крыла от номинального командования Больё. Слабость армии увеличивалась еще из-за особенностей местности, позволяющих союзникам иметь только слабые боковые коммуникации, и это делало их взаимодействие крайне трудным, а размер территории для боевых действий исключал возможность создания эффективного стратегического резерва.

Глава 6

ПОРАЖЕНИЕ ПЬЕМОНТА

Если Бонапарт и не был уверен во всех деталях плана, он прекрасно видел возможности, возникавшие из данной диспозиции противника, и он сразу начал использовать их, чтобы предотвратить любое агрессивное движение с их стороны. Пока он завершал свой план, штаб армии был перенесен из Ниццы в Альбенгу, а оттуда 9 апреля — в Савону. Несмотря на предостережения Директории о необходимости мягкости по отношению к Виктору-Амадею, Бонапарт был настро-

ен начать немедленно безжалостное наступление, чтобы вывести Пьемонт из войны. Ему было известно, что в Турине устали от войны, и его захват должен был оказаться относительно легким, а ему — если он хотел перенести военные действия на территорию Австрии — было жизненно необходимо обезопасить свои линии коммуникаций с Францией. Первая фаза в поражении Пьемонта предусматривала изоляцию намеченной жертвы. Изучение карт показало, что город Каркаре является уязвимым местом соединения австрийских и пьемонтских сил. Захватив эту центральную позицию, Бонапарт мог сконцентрировать мощь армии против изолированного генерала Колли, оставив часть своих войск сковывать австрийцев Аржанто в окрестности Дего.

У этого плана было много сильных сторон, так как он основывался на анализе событий 1794 года. Главными были скорость и неожиданность. Чтобы избежать дальнейшего ухудшения боеспособности Итальянской армии, было очень важно быстро продвинуться к богатым областям вокруг Турина, захватить врага врасплох, для чего следовало принять меры, чтобы Больё не знал, что готовится против него; наступление через Коль-ди-Кадибона представлялось наиболее удачным. Он обеспечивал ближайший подход к Каркаре, подходил для пропуска артиллерии, и у врага оставалось бы очень мало времени, чтобы сосредоточить силы для обороны. Другие направления наступления имели большие неудобства. Продвижение через долину Танаро стало бы тормозиться сложным рельефом местности, а наступление через более удобный перевал Коль-ди-Тенде было бы слишком удалено от цели наступления. Оба эти варианта дали бы Больё время обезопасить свой ослабленный сектор. Поэтому было решено, что дивизия Массены двинется из своего расположения около Савоны через Кадибону, чтобы соединиться с войсками Ожеро, идущими из Финале через деревню Сан-Джакомо, для совместного удара по Каркаре. Таким образом Бонапарт надеялся сосредоточить 24 тысячи солдат в этом критическом месте всего за два дня. Тщательное изучение позиций противника показало, что Аржанто сможет собрать только 11 000 солдат в Дего, а Колли за этот же период — не более 12 000 между Чевой и Каркаре.

Однако превосходство сил в пользу французов в этом месте будет очень незначительным, и многое будет зависеть от ряда отвлекающих маневров, предназначенных другим частям Итальянской армии. Рассчитывали, что Серюрье со своей резервной позиции около Ормеа отвлечет внимание Колли, имитируя угрозу наступления вверх по течению Танаро на город Чева, в то время как 6800 человек под командой Маккара и Гарнье демонстративно двинутся к Кунео через Коль-ди-Тенде. На средиземноморском фланге часть дивизии генерала Лагарпа должна была зондировать подход к Сассело, соединяясь основной массой с правым флангом, где бригадный генерал Червони должен был продолжать операцию в окрестностях Вольтри, как бы готовясь к броску на Геную. Все эти операции должны были начаться 15 апреля.

Однако сила обстоятельства вынудила Бонапарта открыть кампанию на четыре дня раньше. Против всех ожиданий австрийские войска внезапно пошли в наступление у Вольтри. Первоначальное продвижение бригады Червони осуществилось еще по приказу генерала Шерера как раз перед сдачей его поста Бонапарту, а целью этого маневра было принудить генуэзских купцов дать большие денежные займы Итальянской армии. Известие об этом наступлении побудило Больё к действию — венский гофкригсрат дал главнокомандующему весьма неопределенные указания по проведению кампании. Самый общий смысл был в том, что он должен оттеснить французов обратно в Прованс. Незащищенность позиции бригады Червони показалась благоприятным моментом для начала кампании, двум колоннам было приказано спускаться через перевал Бокетта в долину Туркино, чтобы обойти с флангов и уничтожить французов при Вольтри, тогда как генерал Аржанто должен был ударить по Савоне с гор, чтобы отрезать Лагарпа и Массену. Завершив унич-

тожение войск Червони и оставив достаточно кавалерии для защиты Генуи, силы Больё должны были отойти обратно к Алессандрии, перейти в долину Бормиды и снова продвинуться вперед, поддерживая Колли и Аржанто, чтобы нанести окончательный удар. Следуя этому плану, крупное австрийское соединение внезапно продвинулось 10 апреля к позициям у Вольтри, захватив Бонапарта врасплох. Но Червони провел мастерский маневр, отойдя перед лицом намного превосходящих сил противника, тогда как на его фланге полковник Рампон сдерживал части войск Аржанто.

Генерал Бонапарт приказал выполнять первоначальный план и перейти в наступление, не смотря на то что многие детали подготовки были не завершены.

К счастью для французов, два обстоятельства были в их пользу. Наступление Больё на Вольтри открыло местонахождение австрийского главнокомандующего и подтвердило уверенность Наполеона в том, что у него будет еще время расправиться с Колли перед подходом основной массы австрийских войск с побережья в помощь Пьемонту. Вторым благоприятным обстоятельством было то, что Аржанто получил приказ на день позже. Это означало, что он не сможет начать наступать на Савону до окончания начальной концентрации войск 11 апреля. Прежде чем эти австрийские войска смогли продвинуться по избранному операционному направлению, генерал Лагарп нанес удар. Начало австрийского наступления оказалось смятым, а французы в этот момент могли перехватить инициативу.

Не обращая пока никакого внимания на Больё, Бонапарт быстро шел вперед, чтобы обеспечить победу над Аржанто, а это развязало бы французам руки для разгрома Пьемонтской армии. Рано утром 12 апреля 9000 французских солдат напали на 6000 австрийцев у Монтенотте. Генерал Лагарп возглавил фронтальное наступление на позиции, а Массена во главе бригады Менара окружил правый фланг австрийцев. С течением времени Аржанто понял опасность и дал приказ отступать, но было уже поздно; войска Массены пошли в атаку и разбили австрийские линии. К рассвету следующего дня под прямым командованием Аржанто осталось только 200 солдат, и у него не было другого выхода для отступления, с целью снова собрать своих людей. Тем временем захваченными у австрийцев мушкетами вооружили тысячу солдат из дивизии Ожеро, которым пришлось идти в наступление безоружными.

Успешное завершение первого сражения Бонапарта в качестве главнокомандующего характерно для тактики революционных войск. К 1796 году она уже сложилась в определенную форму, но чтобы лучше понять ее, следует вернуться назад и посмотреть на хаотические первые дни войны Первой коалиции, когда против военной мощи европейских монархий выступили необученные армии волонтеров и федератов с малочисленным ядром регулярных войск, унаследованных от старого режима (*Ancien Régime*). В неразберихе первых сражений постепенно складывалась система тактики, которая, созрев, стала основой военных побед величайшего полководца Европы.

Официально с 1791 года французские армии должны были следовать правилам, приемам и дисциплине, изложенным в знаменитом Строевом уставе, вышедшем в том же году. Его разрабатывали в течение десяти лет, предшествовавших революции. Устав предусматривал сочетание линейной и колонной тактики в зависимости от тактических целей, характера местности, где развертываются боевые действия, и от боевых возможностей противника. Ведение залпового огня осуществлялось последовательно по трем шеренгам, но предусматривалось использование и атакующих колонн. На практике же выполнение этих перестроек было за пределами возможностей необученных республиканских армий. Первые соединения волонтеров, старавшихся выполнить требования устава, натолкнулись на тактические тонкости за пределами их понимания и опыта. Перестройка колонны в линию, готовую к огневым действиям, сложна, так же как и маневры, производившиеся в ответ на при-

каз наступать или отходить под огнем. Результат нетрудно предсказать: полный хаос, часто сопровождавшийся массовым бегством в тыл, подальше от рева снарядов и свиста мушкетных пуль. У первых революционных войск не было ни дисциплины, ни строевой подготовки, необходимой для умения перестраиваться с точностью часового механизма в восьмидесяти ярдах от противника. Даже прославленный подъем и храбрость новых армий (часто преувеличивавшийся тогдашними пропагандистами) были обоюдоострым оружием. С одной стороны, они могли спровоцировать необдуманные атаки, с тяжелыми потерями; с другой стороны, внезапное изменение боевой обстановки могло вызвать такую же резкую реакцию — храбрость и удач могли мгновенно смениться паникой и бегством.

После ряда тяжелых неудач в 1792 году французские военные теоретики постепенно осознали недостатки структуры своего военного контингента и приняли за основу так называемую «тактику орды». Общепринятым приемом стало посылать вперед самых надежных солдат, окруженных многочисленными застрельщиками (их боевое значение было оценено генералом Лафайетом и его французскими волонтерами во время войны за независимость Америки), за ними, то есть за образованным таким образом щитом, двигалась менее надежная масса батальонов, обычно новобранцев, жмущихся друг к другу и не знающих во время сражения, идти вперед или бежать с поля боя. Затем, после того как пушки и застрельщики уже вызвали начинавшийся беспорядок в рядах врага, французские колонны стремительно бросались вперед неистовыми набегами, размахивая саблями и штыками, и во многих случаях ошеломленный противник отступал. Известный военачальник тех времен генерал Фуа оставил следующее описание типичного сражения революционного периода, которое, несмотря на его героизацию, представляет собой интересное свидетельство: «Сражение было начато стрелками — пешими и конными — в рассыпном строю, высланными вперед для выполнения скорее общей, чем конкретно разработанной задачи; они начали изводить противника, увертываясь от его превосходящих сил своею подвижностью и от его пушек — рассыпным строем. Их непрерывно сменяли новые, стараясь ни на секунду не ослабить огонь, и затем, в свою очередь, последних усиливало подкрепление. Редко бывало, что войска могли разместить свои фланги в неприступном месте; в любой позиции всегда есть естественные или искусно проделанные бреши, удобные для нападения. В этих точках стрелки сосредоточивают свой огонь, а в те времена у этих войск всегда хватало порыва и вдохновения. Как только в обороне врага обнаруживались трещины, в них направлялась главная атака. Галопом приближалась конная артиллерия и открывала огонь картечью с близкого расстояния. Атакующая сила тем временем продвигалась все ближе в указанном направлении, пехота двигалась колонной (потому что ее огневая мощь была ограничена), кавалерия полками или эскадронами появлялась в любом месте, где требуется. Затем, когда град пуль и пушечных ядер ослабевал, какой-нибудь офицер или солдат, а то и представитель Конвента запевал гимн Победы. Генерал поднимал свою шляпу с большой трехцветной кокардой на кончике сабли... так что она, видная отовсюду, служила местом сбора доблестных воинов. Солдаты бросались вперед, передние примыкали штыки под звуки барабанов, зовущих на штурм; эхо отвечало тысячами боевых возгласов: «Вперед! Вперед! Да здравствует Республика!» («En avant! En avant! Vive la République!»)(4)

Сочетание рассыпного стрелкового строя с атаками батальонных колонн, безусловно, хорошо подходило к темпераменту и особенностям революционных армий на раннем этапе. Требовалась небольшая строевая подготовка рядовых, максимально использовались подъем и пыл волонтеров, часто подавлявших одним напором лучше обученного, но менее воодушевленного противника. Армии Европы XVIII века — закостенелые в устаревших методах, погрязшие в сложностях и формальностях ведения боевых действий «по Фридриху» — часто теряли вся-

кое присутствие духа и беспомощно уступали мощной и примитивной тактике новых армий.

С течением времени крепкие французские войска приобрели достаточный опыт, им стала доступна более изощренная тактика, сочетавшая огонь пехоты и наступательный удар в необходимых соотношениях. Было отмечено, что стрелковые цели и пушечный огонь не всегда наносят необходимый ущерб целостности боевого порядка противника и что требуется большая мощность мушкетного огня.

Возможно, лучшее решение этого вопроса заключалось в принятии американского порядка (*l'ordre mixte*) — тактического сочетания рассыпного стрелкового строя с колонной. Знаменитая «Амальгама» 1794 года намного облегчила ведение боя, ибо регулярный батальон в каждой полубригаде был идеально обучен движению и ведению прицельного огня в линейном строю, а два батальона федератов лучше годились для использования в колонне на каждом фланге.

Вначале каждый линейный батальон состоял из трех рот по 330 бойцов, но в дальнейшем их стало девять (а в конце концов шесть), по 150—200 солдат в роте. Линейный пехотный батальон (из девяти рот) состоял из восьми фузилерных и одной гренадерской (элитной) роты. Батальоны же легкой пехоты, рассчитанные на то, чтобы они последовали за кавалерией на рысях, состояли из шести рот — четырех егерских, одной карабинеров (эквивалент фузилеров и гренадер) и одной роты вольтижеров, которая постоянно использовалась для атак в рассыпном строю. Примерно три роты в каждой полубригаде постоянно использовались в роли застрельщиков в рассыпном строю (независимо от того, имелось ли в составе части подразделение регулярной легкой пехоты).

Из-за превратностей активной службы в легкой пехотной полубригаде перед боем редко было более 1000 солдат, а линейная пехотная полубригада имела не более 2500 боеспособных солдат.

Французская кавалерия этого периода была в катастрофическом состоянии. Этот род войск наиболее пострадал от эмиграции офицеров. Для подготовки хорошего кавалериста требуется немало времени, а его не хватало. Пагубно сказывалась и нехватка лошадей. На бумаге кавалерийская полубригада делилась на четыре эскадрона, каждый из которых подразделялся на две роты по 116 кавалеристов в каждой. Таким образом, официально в полубригаде насчитывалось около 9000 сабель; на самом же деле в период Республики их было не более двух-трех сотен. Существовали три главные категории кавалерии — тяжелая (для атаки в сомкнутом строю), драгуны (способные сражаться в конном или пешем строю с тесной поддержкой пехотных подразделений) и легкая кавалерия (ответственная за разведку, охранение и преследование). Общий уровень был весьма невысок, многое было малоутешительно. Однако именно тогда в той среде выросли будущие великие военачальники — Мюрат, Ласаль, Груши и Мило. Более того, уже были достигнуты выдающиеся победы, например, захват французской кавалерийской дивизией с использованием атак по льду голландского флота в 1794 года.

Другая картина была в артиллерии революционных армий. Она меньше всего пострадала от эмиграции офицеров, так как большинство рекрутировалось скорее из среднего класса, чем из аристократии. Пушки благодаря Грибовалю (а впоследствии и Карно) были лучшими в Европе, но хотя артиллерия на конной тяге так же страдала от нехватки лошадей¹, как и кавалерия, и до начала 1800-х годов в ней еще сохранялись ненадежные гражданские погонщики лошадей, боевой уровень ее был выдающимся. В артиллерии существовала ротная (или батарейная) организация. В батарее было по 8 орудий. Революционный период оказал влияние и на ар-

¹ Поэтому наступление Бонапарта могли сопровождать только 60 пушек и несколько горных орудий. Особенно остро чувствовалось отсутствие тяжелых пушек перед Мантуей. (Примеч. автора.)

тиллерию. Значительно возросло количество конных артиллерийских батарей, и к старым видам артиллерии — пешей и конной — добавился новый вид: летучая артиллерия (*l'artillerie volante*).

Военные инженеры были столь искусны при Республике, как и при королевском режиме. Вековые принципы Вобана остались основой всех фортификационных работ (с последующими усовершенствованиями, предложенными Шаселу-Лоба, Монтеламбером и Лазаром Карно). Французские саперы умело строили дороги и сооружали мосты. Однако при большом увеличении французских сил обычно не хватало военных инженеров, и генерал Бонапарт, как оказалось, имел менее 2000 саперов в 1796 году, когда официально Итальянская армия должна была бы иметь 3300 специалистов (одну роту минеров и два батальона саперов). Поэтому больше всего ценилось умение обходиться собственными средствами. Особенно не хватало понтонных секций и портативных лодок, а недостаток ломовых лошадей усугублял положение. Однако в Итальянской армии было два талантливейших инженера с почти гениальными способностями к импровизации — Андреосси и Мареско. Медицинских и интендантских служб практически не существовало. Отсутствие надежды на медицинскую помощь и обеспечение провизией вырабатывало дух самостоятельности и солдатскую смекалку (хотя, с другой стороны, часто порождало и дезертирство) и позволяло совершать те быстрые стратегические перемещения, которые так ошеломляли противника, живущего старыми представлениями об обязанности интендантских складов и обозов.

В целом в руках генерала Бонапарта оказалось грозное оружие.

Генерал Бонапарт выиграл свое первое сражение, но поздравлять себя было некогда. Подход Ожеро от Финале неожиданно задержался из-за трудностей пути, и в результате усталые солдаты Массены были вынуждены совершить еще один марш и захватить Каркаре, опередив врага. Однако к полуночи передовые части Ожеро достигли ключевых пересечений дорог. В самом большом доме деревни устроили штаб. Теперь французы овладели центральными позициями, и австрийцы были отброшены назад; пока все шло согласно плану.

Когда Бонапарт и Бертье изучили карты, они поняли, что перед ними новая проблема. Хотя войско Аржанто было рассеяно, они не имели доказательств того, что при Монтенотто участвовали все австрийские силы. Бонапарту было необходимо решить, потратить ли день 13 апреля на преследование австрийцев или согласно своему плану наступать для изолирования пьемонтских сил Колли. Он рискнул и выбрал второе. Массена с половиной своей дивизии должен был удерживать Дего — тем самым блокируя наиболее вероятный путь похода противника, а силы Ожеро со второй половиной дивизии Массены продвинулись к городу Чева; дивизия же Серюрье вышла из Ормеа, чтобы обеспечить сосредоточение не менее чем 25 000 солдат против пьемонтцев. Чтобы обезопасить себя от непредвиденных обстоятельств, центральному резерву из шести батальонов было приказано остаться в Каркаре вместе со всей кавалерией Стенгеля.

События 13 апреля показали всю мудрость, проявленную в принятии этих предосторожностей, особенно выделение резерва, ибо все пошло не так, как ожидалось. Несмотря на успешное начало у Миллесимо, продвижение Ожеро на Чеву натолкнулось на препятствие перед развалинами замка Коссериа, где небольшой гарнизон из 900 гренадеров под командованием австрийского генерала Проверы отразил все попытки выбить их оттуда. (Часть Проверы первоначально соединяла австрийский и пьемонтский секторы.) Полковник Жубер вел последнюю атаку в этот день. «Ничего более ужасного, — писал он впоследствии, — нельзя было вообразить, чем эта атака, где меня ранило, когда я пролезал через бойницу; мои карабинеры подняли меня в воздух, одной рукой я цеплялся за верхушку стены, я загораживался саблей от катящихся камней, и мое тело было мишенью для обстрела из двух траншей на расстоянии десяти шагов от меня»(4).

Этот штурм пришлось прекратить, французы отошли после целого дня сражений, потеряв 900 человек. Тем временем на другом французском фланге Массена обнаружил, что Дего занята достаточно крупными силами противника. Бонапарт, сидя на коне, осмотрел обстановку и приказал Массене отложить свою атаку до тех пор, пока не узнает, что Коссерия пала. Но Провера продолжал держаться, и Массена так и не тронулся с места. В довершение всех разочарований этого дня хлынул сильнейший ливень, ухудшив общее настроение и задержав прибытие обозов. Так Бонапарт потерял важные сутки. Полный решимости исправить положение на следующий же день, он приказал Ожеро оставить только одну бригаду следить за Проверой и послать остаток своих войск ночью на соединение с Массеной.

На следующее утро дела приняли лучший оборот. Большой отряд французских войск атаковал деревню Дего около полудня, и за короткое время Массена взял в плен большую часть из 5000 австрийцев и 19 пушек. Наконец пришла новость о долгожданной сдаче замка Коссерия, и открылся путь для наступления на войска Колли. Оставив Массену в занятой деревне Дего, Бонапарт снова направился вместе с Лагарпом на запад, надеясь встретить дивизию Серюрье около Чевы.

Но не все еще было хорошо на неприкрытом правом фланге французов. Разгоряченные утренним успехом, солдаты Массены, по своему обыкновению, разбрелись в поисках еды и добычи и рано утром следующего дня были захвачены врасплох пятью австрийскими батальонами под командой генерала Вукасовича. Неожиданное появление этого отряда было чистой случайностью. Вукасович имел приказ Больё, датированный 14 апреля, предписывавший ему двинуться на Дего «завтра»; фактически же приказ был продиктован поздно вечером 13-го, и главнокомандующий рассчитывал, что Вукасович будет участником сражения на следующий день. Во всяком случае, запоздавшее появление австрийских солдат оказалось катастрофичным для французов. Согласно одному рассказу — вероятно, какого-то недоброжелателя — сам Массена едва не попал в плен, успев выскокить из постели местной прелестницы чуть ли не в одной рубашке. Очевидно, его солдаты были разбиты и потеряли все пушки. Вукасович немедленно воспользовался успехом и занял оборону в деревне Дего.

Этот удар заставил Бонапарта снова отказаться от своего марша на Чеву. Ведь отряд Вукасовича мог быть авангардом более крупных австрийских сил, а генерал Бонапарт не мог не опасаться такой угрозы своему флангу. Снова проклинаящие все на свете солдаты Лагарпа и резерва были отправлены назад на деревню Дего, чтобы штурмом еще раз овладеть ею. Это было выполнено ценой больших потерь (более 1000 убитых и раненых). Таким образом, хотя на другом фланге Серюрье и Ожеро успешно оттеснили Колли от Монте-Земоло под защиту укреплений Чевы, Бонапарт все-таки потерял и второй день, а каждый потерянный час увеличивал вероятность вмешательства войск Больё в бой. К тому же французские войска все более голодали и все меньше подчинялись дисциплине, как показывает случай с Дего. Для того чтобы выжить, армии было необходимо вырваться из горной местности на простор равнин как можно скорее.

Весь день 16 апреля внимание Бонапарта было сосредоточено на угрозе со стороны австрийцев, которые могли напасть на его правый фланг и перерезать его коммуникации с Савоной. День был потрачен на перегруппировку войск и высылку дозоров для прощупывания намерений австрийцев. Собственно, опасность была более воображаемой, чем реальной. Потерпев три значительные неудачи и потеряв около десяти батальонов, Больё нерешительно стоял в окрестностях Акви, ожидая здесь нападения французов. Поэтому к вечеру Бонапарт перестал беспокоиться о судьбе своего фланга и перенес свое внимание за Чеву, где войска Ожеро преждевременно штурмовали позиции Колли, но были отра-

жены со значительными потерями. Оставив солдат Лагарпа гарнизоном в Дего, Бонапарт послал Массену к Момбаркаро, откуда он смог бы напасть на фланг и тыл Болъё в случае атаки австрийцев на Дего, а сам в тот же день перенес свою штаб-квартиру из Каркаре в Миллесимо. К этому времени Ожеро и Серюрье собрали 24 000 солдат у Чевы, чтобы атаковать 13 000 пьемонтцев Колли. Атака планировалась на утро 18 апреля. Но ночью противник совершил искусный обход на более сильные позиции в треугольнике, образованном слияниями рек Танаро и Корсалья.

Взбешенный генерал Бонапарт послал войска вдогонку, приказав Серюрье выполнить фронтальную атаку новых позиций, а Ожеро спускался по восточному берегу Танаро, чтобы выйти во фланг пьемонтцев. Однако и тут его постигла неудача; солдаты не смогли форсировать реку Танаро, чтобы поддержать атаку Серюрье, которая и была отбита неприятелем. Девятнадцатого попытка была возобновлена, но неразбериха и неподчинение опять привели к неудаче; дивизия Серюрье потеряла начальное преимущество, так как солдаты разбрелись в поисках добычи. Тогда Бонапарт объявил двухдневный перерыв в боевых действиях для тщательной подготовки к наступлению тремя дивизиями и чтобы дать время подойти артиллерии.

Первым важным шагом было изменение армейских линий коммуникаций. До сего времени они проходили через незащищенный перевал Кадибона от Савоны; с 19 апреля открылась новая система — по долине реки Танаро к Ормеа. Такая перемена позволила ослабить силы, удерживавшие правый фланг, — теперь Дего потеряла стратегическое значение. Лагарпу было приказано оставить в Каиро одну бригаду, а остальную часть дивизии отправить маршем для смены Массены у Сан-Бенедетто; Массене же было приказано занять центральную позицию между дивизиями Серюрье и Ожеро и готовиться возобновить атаку на деревню Сен-Микеле, которая была ключом к позициям генерала Колли. Большой штурм был назначен на утро 21-го.

Однако ночью генерал Колли снова отошел к Мондови. Штенгель немедленно бросился преследовать его своей кавалерией, но в стычке был смертельно ранен. Итальянская армия потеряла самого опытного кавалерийского офицера. Однако Колли не имел времени, чтобы организовать оборону города. Старый Серюрье ошеломил всех теоретиков военного искусства — он сам возглавил фронтальную атаку против пьемонтцев.

Мармон так описывает происшедшее: «Построив солдат в три колонны, он встал во главе центральной, путив вперед стрелков в рассыпном строю, и с саблей в руке, в десяти шагах впереди, повел беглым шагом колонну — вот что он сделал. Великолепное зрелище представлял этот старый генерал — твердый и решительный, чья сила удвоилась при виде врага. Я сопровождал его в атаке, успех которой был полным»(5).

Сочетая силу и хитрость, французы выбили врага из города Мондови, овладев богатым арсеналом. Это был поворотный момент кампании; с захватом Мондови Бонапарт вышел на плодородные равнины Пьемонта, и его заботы о снабжении солдат значительно облегчились. Голод более не угрожал армии, и, хотя солдаты немедленно распоясались, начав оргию грабежей и разбоя, длившуюся целый день, Бонапарт имел все основания облегченно вздохнуть и поздравить себя. Он не пробыл в Мондови ни минуты дольше, чем было необходимо для переформирования армии. Силы Колли, строго говоря, не были уничтожены, и еще надо было заставить Пьемонт запросить мира. Поэтому 23 апреля было начато наступление на Турин. Массена и Ожеро двигались по обоим берегам реки Танаро, их флаги были под защитой Серюрье, каждая часть армии находилась на расстоянии дневного перехода от другой и была, таким образом, в состоянии сосредоточиться против любого потенциально опасного пункта. Но на деле воля пьемонтцев к сопротивлению

оказалась сломленной после потери Мондови, и вечером 23-го Колли запросил перемирия.

Реакцией Бонапарта на это был приказ ускорить наступление. Через два дня Массена занял Кераско, а Ожеро был в Альбе. Эти маневры завершили отделение сил пьемонтцев от любых коммуникаций с Больё. Развивая этот успех, Бонапарт снова сместил свои линии коммуникаций — на этот раз из долины Танаро до защищенного перевала Коль-ди-Тенде — и приказал Лагарпу наступать на Акви, чтобы полностью сковать войска Больё.

К этому времени туринский двор был в полном смятении, и молодой французский чудо-генерал мог диктовать свои условия. Он дал понять, что не уполномочен Директорией вести официальные переговоры, но может вступить во временное соглашение, пока запросы идут в Париж. Река Стура должна была явиться демаркационной линией между двумя армиями; кроме Чевы, французские гарнизоны должны были стоять и в крепостях Кунео и Тортона, но если последняя еще будет в руках неприятеля, французы получат взамен Алессандро. Следующая статья соглашения представляла французам право свободного прохода через территорию Пьемонта и разрешение на переправу через реку По у Валенцы, если генерал этого пожелает. Таковы были предварительные условия, сформулированные в тексте перемирия в Кераско, которое король Савойский, брошенный на произвол судьбы своим австрийским союзником, быстро отходящим к реке Агоньо, официально подписал 28 апреля. Вопрос об окончательном договоре был перенесен в Париж, куда полковник Мюрат был послан в Директорию со всеми деталями условий перемирия.

В десятидневной кампании генерал Бонапарт поставил на колени государство Пьемонт и, по крайней мере на определенное время, обеспечил фланг и тыл Итальянской армии, которая теперь могла обратиться к борьбе с главным противником — австрийской армией в долине По.

Хотя многое в будущем еще было неизвестно — Бонапарт понимал, что Директория может отвергнуть его предложения и отказаться заключить мир с Пьемонтом на удовлетворительных условиях, особенно потому, что он намеренно пренебрег их первоначальными инструкциями относительно территории и интересов Пьемонта. Тогда коммуникации Итальянской армии опять будут в опасности. Однако проницательная оценка Бонапартом всех слабых сторон членов Директории позволяла ему не сомневаться, что они благосклонно встретят его предложение. Он принес славу французскому оружию, и ни один политик не решится зачеркнуть его заслуги; кроме того, генерал был житейски предусмотрителен и отослал членам Директории и материальное сопровождение в виде награбленного добра. Его корсиканский друг Саличетти — старший комиссар французского правительства, сопровождавший его армию в боях, — давно вручил свою судьбу молодому генералу, поэтому можно было не сомневаться в благосклонном тоне его отчета правительству.

Благодаря решительным наступательным действиям, многогранным сосредоточениям сил в критические моменты и в критических точках, изобретательности и экономии, эффективному боевому обеспечению и блестящему прослеживанию каждого движения любой части армии Наполеон Бонапарт завершил свою предварительную задачу. Ценой потерянных 6000 солдат он ворвался в долину По, обойдя альпийские преграды. «Ганнибал перевалил через Альпы, — воскликнул он, — а мы, мы их обошли!» Он сам подвергался многократно риску, а второстепенные неудачи в Коссерии и Дего могли вполне обернуться катастрофами, если бы его противник имел больше смелости и решительности. Нежелание генерала Шерера начать наступление вполне может быть понято с точки зрения опасностей, которым суждено было подстергать его более талантливого преемника, но несгибаемая воля Бонапарта и его понимание проблем места и времени преодолели все препятствия.

В выразительном, ярком по стилю манифесте были подведены итоги кампании: «Солдаты! В течение 15 дней вы одержали 6 побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, заняли несколько крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта. Вы захватили 15 тысяч пленных, вы вывели из строя убитыми и ранеными 10 тысяч человек...»(6)

Обещания 27 марта были целиком выполнены; и это, однако, было еще только начало.

Глава 7

МОСТ ЧЕРЕЗ ЛОДИ

Французская армия взяла короткую передышку, чтобы подготовиться к наступлению против Больё. Во время этого затишья Бонапарт вызвал войска генералов Макара и Гарнье с перевала Коль-ди-Тенде и отправил красноречивое послание в Директорию, прося еще подкреплений, в том числе 10 000 солдат из Альпийской армии Келлермана. Приходилось действовать быстро, ибо никак нельзя было считать, что французские линии коммуникаций находились в безопасности, пока с Пьемонтом не будет подписан официальный договор, а австрийцы все еще могли оправиться от своих печальных поражений и начать контрнаступление, если бы у них оказалось достаточно времени. В действительности это было маловероятно. Больё уже пессимистически доложил в Вену, что «армия находится в очень тяжелом положении», и его вялые попытки помочь Колли как нельзя лучше свидетельствуют о его осласливости и нерешительности. Потери от 5 до 6 тысяч австрийцев к этому времени из его армии численностью 30 000 никак не воодушевляли старика рисковать далее, и его единственным желанием было отвести свое войско в сравнительно безопасное место на северный берег По с его множеством хороших оборонительных позиций в виде притоков реки и крепостей.

Именно этот отход и желал предотвратить Бонапарт, будь это в его силах. Он пишет, обращаясь к Карно: «Я намереваюсь нагнать австрийцев и разбить их, прежде чем вы успеете ответить на это письмо». Для этого он приказал Лагарпу 28 апреля начать движение на Акви, но тому пришлось отложить свой выход из-за мятежа, поднятого голодными солдатами, оставшимися без всякой добычи после взятия Мондови, так как они находились слишком далеко на крайнем фланге французской армии. Из-за этой задержки Лагарп достиг места назначения только 30-го, а к этому времени эвакуация армии Больё шла полным ходом; Алессандрия была оставлена 28 апреля, и через два дня большая часть войск австрийцев оказалась за рекой По, благополучно переправившись у Валенцы, несмотря на протесты пьемонтцев. Лишившись своей добычи, Бонапарт приказал армии сосредоточиться на местности между городами Тартона, Алессандрия и Валенца. К этому времени его армия выросла до 39 600 человек и новые линии коммуникаций с Коль-ди-Тенде работали в полную силу.

Проблема состояла в том, как форсировать реку По перед лицом армии Больё и после этого вынудить его принять бой. Трудности переправы через реку усугублялись отсутствием переправочно-мостового парка во французской армии. Однако решение австрийского главнокомандующего расположить свою армию вокруг города Валеджо на пьемонтской территории, вместо того чтобы отойти на гораздо более выгодные позиции далее на восток к реке Тичино, давало хотя и недолгое, но преимущество для французов. Бонапарт мог выбрать одну из трех возможных переправ через быструю По. Самой близкой была переправа у Валенцы, и право на свободную переправу было обещано пьемонтцами в Кераско. Но недостатком здесь была непосредственная близость к главным австрийским силам, и даже Итальян-

янская армия панически боялась быть захваченной посреди переправы. Вторая возможность — переправиться через По южнее Павии; здесь французы, переправившись, очутились бы в тылу Больё, перпендикулярно его коммуникациям, но и это место было в пределах досягаемости удара австрийцев и могло бы оказаться роковым. Третья возможная переправа, у Пьяченцы, уже отстояла на пятьдесят миль от Валенцы. Несмотря на такую удаленность и большую ширину и глубину реки По в этом месте, Бонапарт выбрал именно его. Оно имело несколько явных преимуществ, и французский генерал был уверен, что его солдаты смогут совершить марш-бросок, опередив и перехитрив противника. Шестого мая после начала сложной операции он писал в Директорию, объясняя причины такого решения: «Вчера утром мы обстреляли из пушек врага, находящегося на другом берегу реки По. Река очень широка и трудна для переправы. Я намереваюсь переправиться через нее как можно ближе к Милану, чтобы передо мной не было бы никаких препятствий, и достичь этой столицы. Затем я обойду те три линии обороны, которые Больё подготовил вдоль рек Агоньо, Тердоппио и Тичино. Итак, сегодня я выступаю в Пьяченцу; Павия будет обойдена, и, если противник пожелает защищать ее, я окажусь между ним и его интендантскими складами»(7). Успех будет зависеть от старой формулы «скорость и неожиданность», но дело стоило этого. По крайней мере, его движение заставит Больё стремительно отступить; в лучшем случае он даже может полностью уничтожить неприятеля.

Замысел Бонапарта состоял в отвлечении внимания Больё на то решающее время, пока специально отобранный отряд не дойдет до Пьяченцы и не займет позицию на северном берегу реки По перед мостом через нее. Первый этап был доверен Массене и Серюрье, которые должны были вести отвлекающие маневры, якобы подготавливая основную переправу войск у Валенцы. Вторая задача была поручена элитному соединению, составленному из гренадерских подразделений всей армии, которое возглавлял генерал Дальмань. Четыре батальона этого соединения были доверены доблестному полковнику Ланну, и в целом соединение Дальманя насчитывало 3600 гренадер и 2500 кавалеристов. Им должны были оказывать непосредственную поддержку дивизии Лагарпа и Ожеро, следовавшие за ними по пятам, а со временем весь остаток армии должен был двинуться за ними на восток.

Предварительные маневры были завершены 5-го и 6 мая. В 4 часа утра следующего дня Дальмань вышел из Страделлы и благодаря прекрасно организованному маршу достиг Пьяченцы к 9 часам. Солдаты захватили большую паром и тут же начали переправляться; первым ступил на северный берег полковник Ланн. К середине дня авангард получил подкрепление в лице дивизии Лагарпа, что было очень кстати, так как Дальмань внезапно обнаружил, что перед ним находятся пехотная дивизия и несколько кавалерийских эскадронов во главе с австрийским генералом Липтаем. Противник среагировал раньше, чем ожидалось. Еще 4 мая Больё послал Липтая занять мосты около Павии и держать под наблюдением все переправы далее к востоку. В последующие двое суток внимание австрийского главнокомандующего было поглощено отвлекающими маневрами Серюрье около Валенцы, и, так как французы не делали никаких серьезных попыток переправиться через По, Больё благоразумно решил отвести главную массу своих войск за реку Тичино. В середине этого маневра Больё получил известие, что французское войско переправляется у Пьяченцы, немедленно переменял свой план и поспешил выйти на помощь Липтаю, забрав еще 4500 солдат генерала Вукасовича из Валеджо. Таким образом, к ночи 7 мая длинная колонна австрийских войск, растянувшаяся более чем на 50 миль в длину, направилась к позиции французов, расположившихся перед мостом.

А днем Дальмань несколько раз вступал в стычки с авангардными подразделениями войска Липтая, и австрийские патрули отошли в деревню Фомбио. На следующее утро Лагарп и Дальмань атаковали их позиции и рассеяли войско Липтая.

Французы с подъемом преследовали беглецов. Саличетти писал: «В течение двух часов Ланн и его гренадеры преследовали австрийцев, не отставая от наших гусар, мчавшихся на рысях»(8). Тем временем дивизия Ожеро переправлялась через По у Варетто, несколько западнее Пьяченцы, а Серюрье и Массена неуклонно приближались со своими войсками. Однако ночью головные части сближающихся колонн Больё столкнулись в ожесточенном бою с французами у Кодоньо, и в суматохе ночного боя генерал Лагарп трагически погиб от французской пули. Лишившись надежного командира, французские войска дрогнули, но положение спас начальник штаба, Бертье, выехавший вперед с группой офицеров, чтобы лично возглавить войско французов. Вскоре австрийцы стали отходить, оставив в руках французов пушку и шестьдесят пленных. Это сражение сломило решительность Больё и, несмотря на свое превосходство в силах, он дал приказ на полное отступление к Лоди, на реке Адда, надеясь, что река станет преградой и отгородит его от французов. Это позволило Бонапарту беспрепятственно закончить сосредоточение Итальянской армии, и весь день 9 мая последние подразделения дивизий Массены и Серюрье переходили через По после 60-мильного марша, чтобы соединиться со своими. Форсирование реки в непосредственной близости от крупной армии неприятеля стало заслуженно считаться классической военной операцией, а успех был достигнут точным планированием, умелым введением противника в заблуждение и прежде всего скоростью марша. Но Бонапарт не был вполне доволен результатом. Больё ухитрился выскользнуть из сетей до того, как его линии коммуникаций были перерезаны. Падение Милана теперь уже было предрешено, но предстояло еще разбить армию австрийцев, прежде чем они смогли бы получить подкрепление, если целью французов был захват остальной части долины По и прежде всего города и крепости Мантуя.

Принуждая быстро продвигаться вперед и вперед, разъяренный командующий заставил авангард французских войск оказаться в пределах видимости Лоди к раннему утру 10 мая, но выяснилось, что практически вся австрийская армия за это время благополучно форсировала реку Адда, оставив заслон в 10 000 человек под командованием генерала Зеботтендорфа. Три батальона этих войск с дюжиной пушек были расставлены на позициях, господствовавших над мостом у Лоди и над подходящей к нему дамбой. Шесть из этих пушек находились на восточном конце самого моста, а два артиллерийских подразделения, каждое с тремя пушками, были расположены по обе стороны проезжей части моста, чтобы накрывать его продольным огнем. Было очевидно, что овладение мостом будет очень нелегкой задачей для французских войск.

Передовые части Итальянской армии вскоре очистили город Лоди от последних отрядов австрийцев, и Бонапарт со своим штабом поскакал вперед, чтобы лично руководить захватом моста. Ожидая, пока последняя запыленная колонна Массены подтянется к городу, генерал занялся размещением двадцати четырех пушек вдоль восточного берега, выслав кавалерийские отряды вверх и вниз по течению в поисках брода, который позволил бы французам обойти позиции неприятеля с фланга. Он построил гренадер в колонну у городских стен Лоди и, обратившись к ним с зажигательной речью, бросил их в наступление через ворота на дамбу. Первая волна атаки под градом австрийских ядер достигла середины моста, не успев потерять порыва, но откатилась, когда тут же последовала вторая волна, причем во главе колонны были Массена, Дальмань, Червони и Бертье. С криками «Vive la République!» солдаты устремились в водоворот битвы.

На этот раз исход был успешным. Часть солдат спрыгнула с дамбы на мелкие места у дальнего берега и открыла продольный огонь по австрийским канонирам. Под прикрытием этого огня головная часть французской колонны захватила мост, оттесняя австрийских защитников. Контратака Зеботтендорфа чуть не вернула мост в руки австрийцев, но подоспевшие солдаты Массены и следовавшие за ними вой-

ска Ожеро решили исход сражения, прорвав середину растянутой линии австрийцев, а кавалерийский отряд под командованием Орднера наконец появился на фланге противника, найдя брод. Зеботтендорф поспешил вывести своих солдат из боя и отошел к основным войскам Больё, оставив 153 убитых, 1700 пленных и 16 пушек. Потери французов — 350 человек.

Однако хладнокровная оценка результата разочаровала Бонапарта — Больё опять ускользнул из его когтей и спасся, но воодушевление и храбрость солдат и офицеров Итальянской армии в этом ожесточенном сражении поставили «мост Лоди» на особое место в мифологии французской армии. Именно при Лоди Бонапарт полностью завоевал доверие и преданность своих солдат, которые прозвали его «маленьким капралом», воздавая должное его личной храбрости, решительности и умению подать пример. Это сражение помогло кристаллизироваться честолюбию Наполеона. «Только вечером после Лоди, — записал он спустя долгое время, — я поверил в себя как в человека судьбы и поверил, что смогу выполнить то великое, что до тех пор занимало мои мысли только в фантастических мечтах»(9).

По другому случаю на Святой Елене он писал: «Так была внесена первая искра высокого честолюбия», а через несколько дней после сражения у Лоди он сказал Мармону: «Они (Директория) еще ничего не видели... В наши дни еще никто не совершил ничего великого. Я покажу пример»(10).

Однако в тот же самый вечер в его ставку пришла депеша из Парижа, содержание которой никак не могло понравиться Бонапарту. Желая приобрести как можно больше добычи, чтобы подлатать расползающуюся экономику Франции, члены Директории извещали Бонапарта, что армия, действующая в Италии, будет разделена на две самостоятельные армии. Одна, возглавляемая Бонапартом, должна будет выступить против Папы — самого ожесточенного идеологического врага революции и ее принципов, а вторая, во главе которой будет поставлен генерал Келлерман, будет удерживать долину По. Несомненно, одним из мотивов этой идеи была зависть к успехам молодого генерала — надо было его укоротить. С военной же точки зрения назначение двух военачальников вместо одного было смертным приговором Наполеону.

Его ответ был немедлен и обоснован: «Келлерман будет командовать армией так же, как и я, ибо никто более меня не убежден, что победы завоевываются храбростью и дерзостью солдат, но я считаю, что соединить Келлермана и меня в Италии значит потерять все. Я не могу с охотой служить вместе с человеком, считающим себя первым генералом в Европе, а кроме того, я уверен, что один плохой командующий лучше двух хороших. Война, как и управление, — это вопрос такта»(11).

Очевидно, юный командующий уже тогда четко осознал великий принцип, сформулированный им позднее на Святой Елене: «Единоначалие — самое важное в войне». Разделять армию, перед которой стоит еще не разбитый враг, который может уже вскоре получить большие подкрепления, — это значит действительно напрашиваться на гибель. Но с другой стороны, писать в таком тоне Директории значило рисковать увольнением. Однако корсиканец тонко оценил обстановку; его начальство не осмелится опорочить человека, который — единственный из всех генералов — все время приносит победу французскому оружию, и он, не без цинизма, подкрепил свои доводы следующим большим конвоем с награбленными ценностями в адрес Директории. Очень скоро «они» отступили. «Бессмертная слава победителю при Лоди, — писали они 21 мая, — ваш план — единственный, которому необходимо следовать... Директория тщательно обсудила этот вопрос и решила его положительно»(12).

Военные заслуги Бонапарта были уже достаточно велики, чтобы обеспечить ему известную степень политической независимости, и он полностью использовал свое

преимущество, чтобы выдти из армии Келлермана подкрепления численностью 10 тысяч солдат для Итальянской армии. Герой Вальми смирился с этим и даже послал своего сына служить к Бонапарту.

Через пять дней после битвы при Лоди и через один месяц и два дня после начала кампании Бонапарт вошел в Милан, где его приветствовали как героя. Масена занял город без сопротивления двумя днями раньше, так как Больё отошел к Мантуе, оставив в Миланском замке только небольшой гарнизон. Именитые горожане приветствовали французов как освободителей от австрийского ига, и, хотя этот общий энтузиазм продержался не долго, он дал французам возможность отдохнуть и переформироваться. Генерал делал все возможное, чтобы отождествить себя и свою армию с делом пробуждающегося итальянского национализма, но здесь он не был очень удачлив. Официальный грабеж, осуществлявшийся французскими комиссарами, во главе которых был неумолимый Саличетти, и бесстыдное мародерство, которым занимались все — от солдата до командира дивизии, вскоре уничтожило доброжелательство миланцев, и отношения стали очень напряженными. Граждане внесли в счет контрибуций два миллиона ливров, и огромные суммы были получены от герцогов Пармского и Моденского. Приобретенные фонды дали возможность генералу выплатить золотом половину жалованья солдатам, которое им давно не платили. Это было совершенно невероятным событием в истории Итальянской армии и щедрым подарком солдатам после практически обесцененных ассигнаций французского правительства.

«Когда я увидел свои 60 франков, я почувствовал себя богачом»(13), — вспоминает один офицер. «Впервые с 1793 года мы получили звонкую монету», — подтверждает некий капитан Роге из 32-го пехотного полка. Бонапарт делал все, что в его силах, чтобы сдержать грабеж, но так как его генералы не стеснялись, обогащались без зазрения совести и почти каждую неделю в Париж отправлялись конвои, нагруженные произведениями искусства и другими сокровищами, практически было невозможно убедить солдатню в греховности мародерства. Этот мимолетный и неожиданный отдых оборвался 21 мая, когда новая депеша из Парижа принесла долгожданное известие о ратификации мирного договора с Пьемонтом.

Теперь, имея в безопасности свои линии коммуникаций с Францией, Бонапарт, не теряя времени, дал приказ к наступлению. Оставив отряд в 5000 человек для осады Миланской цитадели, которая все еще держалась, с 30 000 солдат основной армии он выступил из Милана 22 мая, чтобы снова пуститься в погоню за Больё. Австрийский генерал со своими 28 000 солдат теперь занял сильную позицию за рекой Минчо, причем его фланги были надежно прикрыты водами озера Гарда на севере и рекой По на юге. Но Больё опять повторил свою ошибку, пытаясь обезопасить все возможные места форсирования Минчо; в результате его чрезмерно растущая армия осталась без резерва. Бонапарт был уверен, что сможет прорвать австрийский фронт в центре, у Боргетто, организовав ложную атаку на Пескьеру, из-за чего создавалось впечатление угрозы вражеским коммуникациям с Тиролем — всегда очень уязвимым участком, и таким образом отогнать противника от Мантуи.

Но не успело еще войско войти в соприкосновение с противником, как его штаб получил тревожные известия из Милана и Павии. Осмелев после ухода главной французской армии, граждане обоих этих городов восстали, и французский гарнизон Павии даже сдал цитадель мятежникам.

Через два дня Бонапарт был опять в Милане, во главе отборного отряда в 1500 человек под командой Ланна, Мармона и Мюрата, но оказалось, что генерал Деспиуа полностью владеет обстановкой. Повернув на Павию, отряд штурмом взял городские ворота и получил разрешение беспрепятственно грабить город в течение нескольких часов. Много безвинных горожан погибло во время этого, но Бонапарт твердо решил преподать хороший урок всей Северной Италии, да так,

чтобы его хватило надолго. Он приказал казнить и несчастного французского офицера, сдавшего цитадель. Примерно в таком же духе вершил правосудие и Ланн в деревне Бинаско, без всяких угрызений совести спалив все дома и перестреляв всех мужчин.

Тем временем основная кампания развертывалась под руководством Бертье, и дивизии неуклонно подходили к реке Минчо, а к 28 мая Бонапарт вернулся со своей армией в Брешию и приготовился вступить на землю Венеции. Таким образом, следующий акт кампании разыгрывался обеими армиями на нейтральной территории.

Через два дня мост у Боргетто был успешно взят гренадерами, и разрозненные силы Больё были вынуждены снова отойти за реку Адидже. На последних этапах операции произошел мелкий, но показательный случай, который иллюстрирует устаревшие тактические концепции австрийской армии. Полковник Томас Грэм из 90-го пехотного полка, служивший в качестве британского наблюдателя при австрийском штабе в течение всей кампании, так описывает его: «Несколько французских стрелков, укрывшихся в кустах на краю реки... поддерживали непрерывный беспокоящий огонь по прекрасному полку Кея, три батальона которого были нелепо выстроены по гребню дамбы, образующей большую дорогу на левом берегу реки; время от времени слышались залпы, направленные в сторону невидимых противников. Если бы они отступили назад на шесть или восемь ярдов и залегли бы на обратном склоне дамбы, ни один выстрел врага не затронул бы их, тогда как в результате этой глупой бравады было потеряно чуть ли не 150 человек убитыми и ранеными. Как будто была бы задета честь такого полка, если бы в этих обстоятельствах солдаты заняли более безопасные позиции»⁽¹⁴⁾. В последующие дни инициатива была на стороне французов.

Однако в этот период не обошлось без событий; в какой-то момент 1 июня Бонапарт едва не был захвачен лазутчиками из дивизии Зеботтендорфа, пробравшимися в деревню Валеджо¹. Генералу пришлось в одном сапоге прыгать через несколько садовых оград. Этот случай заставил Бонапарта усилить свою личную охрану и привел к образованию элитных частей — особых подразделений, состоявших из ветеранов, их задачей была охрана главнокомандующего; вначале в ней состояло около двух сотен солдат под командованием капитана Бесьера, с течением времени этой охране суждено было стать ядром знаменитого полка конных егерей императорской гвардии.

Французы развивали успех у Боргетто с привычной скоростью — Ожеро подходил к Пескьере, Серюрье — к Капель-Нуово, а оттуда к Мантуе, а Массена уже занял Верону. Эти операции заставили Больё отойти с основной массой армии по берегам озера Гарда для защиты своих коммуникаций, но отряд (4500 человек), отрезанный от остальной армии, был отгеснен в крепость Мантуи, которая в этот момент была изолирована (окружена рвами с водой). Рассредоточенность удара снова привела австрийцев к поражению, так как противник отличался превосходной скоростью на марше, и все силы Итальянской армии были полностью сосредоточены. В последующие семь дней французские войска упрочили свой контроль над особо ответственным участком, господствующим над южными подступами к альпийским перевалам, а генерал Больё снова отошел через Ровередо к Тренто, и первая осада Мантуи была уже близка.

Этот успех — веха, конец второго этапа Итальянской кампании. Вся ломбардская равнина и Четырехугольник, за исключением Мантуи, теперь находились в руках французов, но победа была далеко не полной. Австрийскую армию не удалось заставить вступить в генеральное сражение, и, несмотря на всю решительность

¹ Не смешивать с пьемонтским городом того же названия, часто упоминавшимся на первом этапе кампании. (Примеч. автора.)

и искусство Бонапарта, Больё проиграл только несколько относительно второстепенных арьергардных схваток. Согласно историку Адлоу, «Больё не был выброшен из Ломбардии; уместнее сказать, он отошел из страха»(15). Французы оказывались явно в незавидном положении; австрийцы безусловно попытаются вернуть Ломбардию в самом недалеком будущем, ибо неудача французского наступления на Рейне, которое не смогло начаться вовремя, означала, что значительные неприятельские пополнения уже находятся в пути на итальянский фронт.

К тому же французские линии коммуникаций оказались уже растянутыми; миланцы стали проявлять свою враждебность к завоевателям, в это же время восстали жители Тартоны, Поццоло и Аркварты. Тем более важной была проблема Мантуи — мощной крепости, которую защищали не менее 316 пушек и 12-тысячный гарнизон. Бонапарту нелегко было разрешить все эти проблемы, а это означало, что впервые с начала кампании Итальянской армии придется перейти к обороне.

В следующие месяцы Итальянской армии пришлось нелегко, ибо нужно было поддерживать контроль над завоеванной территорией и одновременно прикрывать осаду Мантуи, так как австрийские отряды один за другим делали попытки прорваться, чтобы выручить гарнизон. Способности генерала Бонапарта в наступательной роли были достаточно доказаны, теперь ему предстояла суровая проверка умения держать стратегическую оборону против превосходящих сил противника.

Глава 8

УСПЕХ ПОСРЕДИ ОПАСНОСТЕЙ — МАНТУЯ

Два месяца активных боевых действий не способствовали улучшению внешнего вида солдат Итальянской армии. Один итальянский священник оставил интересное описание воинов после взятия Павии: «Одежда у офицеров и солдат изношенная и рваная... У них нет ни палаток, ни обоза. У них нет мундиров, некоторые только в одних панталонах, другие в штанах; одни в ботинках, другие в сапогах; у кого жилет, а на ком-то надето первое, что под руку попало. Сюртуки красные с синим воротником... Что касается головных уборов, то я видел некоторых в шляпах, но у большинства — кожаные каски с эгретом из мягкой кожи или с конским хвостом». Однако славный послужной список этих солдат затмевал их убогую внешность.

Священник был поражен, что «эти люди, умирающие от голода, обычно невысокие, ослабевшие от утомления и лишений, раздетые, разутые, люди, которых можно принять за самые несчастные отбросы общества, смогли победить австрийскую армию, у которой было всего в избытке — и обмундирования, и пищи, и пушек, вдоволь всяких складов и которая состояла из рослых, крепких, приученных к войне ветеранов» (16).

У Бонапарта, однако, не было времени наслаждаться плодами побед. Уже через шесть недель против него выступит усиленная австрийская армия; а тем временем все его устремления посвящены неотложным задачам. Прежде всего, нужно было усмирить и обезопасить свой мятежный тыл. Бонапарт лично возглавил отряд в Тартону, а Ланн двинулся на Поццоло и Аркварту, сея гибель и разрушение, чтобы показать, к чему приводит безрассудство мятежников, восставших против Французской республики. Подозревали, что Генуя тайно участвует в этих бунтах; и туда для острастки явился Мюрат, принудивший Сенат сместить губернатора Гави и уволить нескольких неаполитанских должностных лиц, подозревавшихся в заговорах против интересов Франции.

Внимание главнокомандующего в то время занимала в основном проблема захвата Мантуи. Французское наступление захлебнулось, наткнувшись на эту кре-

пость. Ее неприступность была обусловлена ее местоположением: три озера защищали ее северную и восточную части, а с юга и запада ее окружали малярийные болота. Трудности подхода к крепости усиливали мощные укрепления, прикрывавшиеся сложными фортификационными сооружениями, из которых важнейшими были цитадель и форт Святого Георгия, господствующий над дорогой на Леньяно. Попытка взять город штурмом 31 мая провалилась. К 3 июня осада Мантуи полностью завершилась войсками Серюрье и Ожеро при поддержке войск Дальмана, Ланна и кавалерии генерала Кильмена. В этот же день отряд grenадер смог захватить форт Святого Георгия, что, казалось, предвещало близкий конец осады. Однако произошло много событий, которые затянули капитуляцию Мантуи более чем на восемь месяцев.

Первое событие совершилось почти сразу же. Памятуя о желании Директории нанести урон Папе и попользоваться сокровищами Ватикана, Бонапарт немедленно отвел дивизию генерала Ожеро, оставив Серюрье с уменьшенными силами продолжать осаду. В последующие недели Бонапарт, Ожеро и Вобуа повергли в ужас папские государства и Тоскану, и после кровавой стычки у форта Урбан близ Болоньи 23 июня Пий VI запросил перемирия. Оно было заключено в обмен на занятие французами Анконы и уплату огромной контрибуции, в которую вошел и ряд шедевров из Ватиканской галереи. Брошенная Святым Отцом на произвол судьбы Тоскана не долго сопротивлялась, Флоренция и Феррара открыли свои ворота, и отряд генерала Вобуа к концу месяца занял Леггорн, лишив британский флот удобной средиземноморской базы. Кроме звонкой монеты и сокровищ искусства, французы забрали большие пушки из форта Урбан и тосканских городов, чтобы сформировать осадный поезд для Серюрье под Мантуей, но вначале эти пушки были отправлены в Милан для ускорения капитуляции замка; его австрийский гарнизон сдался 29 июня — в тот самый день, когда мадам Бонапарт — прекрасная и своевольная Жозефина — прибыла в город, чтобы на несколько месяцев соединиться с супругом.

Успешно завершив свои рейды на юг, французские войска снова сосредоточились вокруг Мантуи, где к ним присоединился Бонапарт с осадной артиллерией. Так как разведка теперь давала определенные сведения о грядущем австрийском наступлении из Тироля, французское командование попыталось взять Мантую новой атакой 17 июля. Это закончилось неудачей из-за внезапного падения уровня воды, из-за чего Мюрат с одной из главных штурмующих частей сел на мель посреди нижнего озера. Теперь стало ясно, что для овладения крепостью потребуются регулярная осада, ибо губернатор граф Канто д'Ирл презрительно отказался от всех предложений почетной сдачи. Тяжелые пушки были установлены в боевых позициях, и начался обстрел крепости, но Бонапарт вскоре стал с опасением оглядываться на озеро Гарда. Двадцать девятого июля он дал приказ Серюрье, возглавлявшему осадную операцию, подготовиться к отходу на север, и 31-го этот приказ вошел в силу. Пришлось оставить 179 пушек, несколько было закопано, часть — заклепана, но большинство все-таки попали в руки австрийцев. Таким образом, первая осада Мантуи закончилась неудачей, и был потерян собранный с таким трудом осадный артиллерийский парк. Отказ от осады был тяжелым решением для Бонапарта, но если ему предстояло отбивать нависшее наступление австрийцев, нельзя было шадить ни одного человека в Итальянской армии. Бросив свои окопы, дивизия Серюрье отошла на запад к Маркарии на реке Ольо.

Силы австрийского возмездия подходили все ближе. Эльзасский кавалерийский генерал граф Вюрмсер, которого полковник Грэм описывает как «ветерана с высокой репутацией в качестве командира небольших корпусов авангарда», был снят с 25 000 солдат с Рейна 18 июня и поставлен командовать силами Больё в Тироле. К последней неделе июня объединенная армия численностью, вероятно, около пятидесяти тысяч человек, была сосредоточена около Трента, но переход

через перевал удалось осуществить только через несколько дней. Причиной задержки была дезорганизованность и низкий моральный дух полков Больё. Грэм отмечает «почти невероятный факт, что около 400 разных офицеров... были обнаружены в Тренте, которые, как и хорваты в предшествующем периоде кампании, бросили свои части»(17). Неудивительно, что поведение рядовых бывало не менее позорно. Грэм описывает один случай, когда французских военнопленных непрерывно грабили солдаты, отнимая у них одежду. Один офицер «был буквально раздет догола и пришел в штаб жаловаться совсем голым, накинув только драную шинель, полученную от австрийского солдата, чтобы прикрыть наготу».

Восстановив минимальный порядок в армии, граф Вюрмсер приступил к выполнению своей миссии — с боями прийти на помощь Мантуе и затем выгнать французов из Северной Италии. Его армия медленно продвигалась тремя отдельными корпусами — два по одному шли вдоль берегов озера Гарда, а третий двигался несколько дальше к востоку по долине реки Брента. Двадцать девятого июля головные части колонны, двигаясь вдоль реки Адидже, вошли в соприкосновение с частями сторожевого охранения Массены, отгеснили их и заставили французского генерала отступить за реку Минчо, оставив Верону. «Я никогда не видел, — писал он, — чтобы австрийцы так яростно сражались; они все были пьяны». К счастью для французов, Квазданович, спускавшийся по западному берегу озера Гарда, двигался медленнее, но тем не менее он захватил город Сало, прежде чем был остановлен войсками Ожеро 1 августа у Брешии. Положение стало настолько серьезным для Бонапарта, что он приказал собрать всех имевшихся солдат, чтобы укрепить рассыпавшийся северный фронт и снять осаду с Мантуи, хотя это позволило гарнизону сойти со своих оборонительных позиций и, возможно, даже открыть действия против его тыла. Неудивительно, что Бонапарт на какое-то время утратил свой оптимизм и даже начал колебаться. Тридцатого июля он писал: «Возможно, мы оправимся от поражений... но я должен серьезно подготовиться к неудаче». И на следующий день: «Противник прорвался через наши линии в трех местах... Он овладел Коронай и Риволи — обоими важными пунктами; Массена и Жубер вынуждены отступить перед превосходящими силами; Соре сдал Сало... Вы можете видеть, что наши коммуникации с Миланом и Вероной перерезаны»(18). Штаб был вынужден эвакуировать Брешию, и военные госпитали были перевезены в Кремону.

Следующие шесть дней были все кризисными: главная опасность заключалась в том, что Вюрмсер и Квазданович могли соединиться южнее озера Гарда, и в этом случае австрийцы получили бы решающее численное превосходство.

Однако Вюрмсер не смог полностью использовать свое преимущество, хотя он и намеревался раздавить французов силами своих двух сходящихся колонн, но ему не удалось согласовать действия двух частей этих клешей, и, кроме того, его преследовала мысль о необходимости прийти на помощь Мантуе, которая, как он ошибочно полагал, могла сдать в любой момент. Поэтому у Бонапарта как раз хватило времени извлечь максимальную выгоду из своего центрального положения и по очереди, хотя и с трудом, разбить оба сближающихся крыла австрийцев. После ряда предварительных операций 3 августа он направил свой главный удар против 18 тысяч солдат Кваздановича, а Ожеро, сражаясь с передовыми частями Вюрмсера, покрыл себя славой у Кастильоне. Австрийский главнокомандующий потерял три решающих дня у Валеджо (30 июля — 2 августа), убедившись в том, что осада Мантуи действительно снята. Эта задержка дала Бонапарту время поставить дивизию Ожеро для прикрытия тыла Массены, пока тот сражался с Кваздановичем. Поэтому, когда Вюрмсер наконец 3 августа выступил для поддержки своего генерала, путь ему был перерезан дивизией Ожеро. Хотя австрийцы сражались исключительно ожесточенно, как свидетельствует Грэм, их продвижение было остановлено. Наполеон всю жизнь помнил, как вел себя Ожеро в этом

сражении; многочисленным недоброжелателям Ожеро он всегда возражал: «Да, но вспомните, что он сделал для нас у Кастильоне!»(19) С течением времени и сам Ожеро уверовал в то, что он был спасителем всей кампании. Всегдашний хвастун, в 1814 году он написал фантастический рассказ о том, как он — единственный из всех генералов — подбодрял своего павшего духом командира и убедил его принять бой у Лонато и Кастильоне, тогда как все другие хотели отступить на юг, за реку По. Разумеется, это колоссальное преувеличение своей роли, но несомненно, его стойкость подняла дух всей армии и дала Бонапарту время для расправы с западной австрийской колонной.

После того как Квзданович был отброшен с тяжелыми для него потерями (по численности равными дивизии), Бонапарт смог заняться Вюрмсером. Последовало классическое наполеоновское сражение. Совершив большой марш, Массена подошел к левому флангу Ожеро, а войска Серюрье должны были продвинуться от Маркарии (там они уже отразили попытку 4000 солдат из Мантуи соединиться с основной армией Вюрмсера) и напасть на левый фланг и тыл противника.

Тем временем Вюрмсер остановил свои войска, ожидая подхода Квздановича. Пятого августа все три французские дивизии (общей численностью 30 000 человек) ударили по стоявшей под Кастильоне армии Вюрмсера (25 000 человек). Атакованный с фронта войсками Массены и Ожеро и увидев, что Серюрье наступает слева на его тылы, австрийский генерал был вынужден отойти на восток, в направлении Валаджо, но французы были уже слишком измотаны, чтобы организовать настоящее преследование. Бертье описывает усталость штабных офицеров: «Восемь дней мы не слезали с коней; лошади — полумертвые от усталости, и мы физически измучены, но голова совершенно свежа»(20). Многие офицеры заболели и были помещены в госпиталь, а Серюрье, страдавший лихорадкой еще с 1 августа, был вынужден вернуться во Францию для лечения. Положение рядовых, естественно, было намного хуже.

После своего поражения при Кастильоне Вюрмсер сделал только краткую остановку в Пескьере и продолжил свой отход. Французы вернули Верону 2 августа, и австрийскому генералу пришлось отказаться от своего плана удерживать фронт по реке Минчо. Отослав две свежие бригады в Мантую, вывезя часть больных солдат гарнизона и доставив запасы продовольствия в крепость, Вюрмсер перешел реку Адидже и направился в Трент по восточному берегу реки, успешно пройдя под огнем французов дефиле поблизости от Алы. Через несколько дней Мантуя опять оказалась в блокаде французов.

Таким образом, Бонапарт выдержал несколько критических положений и отразил первую попытку австрийцев вернуть себе Ломбардскую равнину. Военные действия обошлись французам в 6000 убитых и раненых, не считая потери 4000 пленных, но австрийские потери за это же время были больше — 16 700 убитыми и ранеными. Тем не менее Вюрмсер отнюдь не потерял присутствия духа, он предотвратил падение Мантуи своевременным наступлением, пополнил запасы, усилил ее гарнизон и дал французам хорошую трепку, не понеся сам катастрофического поражения. Французы славились самоотверженностью в бою и еще большей самоотверженностью на маршах, например, дивизия Ожеро в один из критических дней прошла 50 миль за 36 часов, а Бонапарт, как рассказывают, за три дня загнал насмерть пять лошадей. Все это позволило Итальянской армии предотвратить катастрофу, но серьезность обстановки выявила значительные недостатки в организации обороны французской армии, кроме тех, что вызвали временное снятие осады с Мантуи и потерю осадного поезда. Тем не менее истинная мера способностей Бонапарта как военачальника доказывается тем, что он сумел поочередно сосредоточить превосходящие силы против неприятельских флангов. Наполеоновский метод ведения кампании и сражений явно быстро развивался.

Эти волнующие события оказывали влияние и на германский фронт. Давно задуманное французское наступление наконец началось в июле, и в первые три недели августа удача сопутствовала войскам Моро и Журдана. Что касается Самбры — успех был кратковременным, к 23-му Журдану уже пришлось отступить. Армия же Моро на Рейне-и-Мозеле одержала значительные победы при Нересхайме и Фридбурге 11-го и 24 августа, а к началу сентября Моро был на Дунае, несмотря на успех эрцгерцога Карла при Амбурге и Вюрцбурге. Несомненно, отвлечение армии Вюрмсера в Северную Италию в июне сыграло свою роль в первых успехах французов на севере, и после Кастильоне Директория решила, что можно начинать выполнять следующий этап генерального плана. Он предусматривал совместное наступление Моро и Бонапарта против Австрии, и вскоре Итальянская армия получила директивы из Парижа преследовать потрепанные легионы Вюрмсера через Альпы в Тироле.

Хотя эта операция являлась частью первоначального плана Бонапарта, он теперь не был полностью уверен в его осуществимости. Во-первых, было очевидно, что этот план потребует теснейшего взаимодействия с Моро, но Карно не предусматривал создание секретного кода, который позволил бы обоим командирам беспрепятственно общаться. Во-вторых, Итальянская армия отчаянно нуждалась в отдыхе и пополнении.

Массена писал своему генералу 1 сентября, указывая на прискорбное состояние своих солдат: «Солдаты жестоко страдают; по крайней мере две трети моей дивизии нуждаются в мундирах, штанах, рубашках и проч. и ходят буквально босыми». Но наиболее весомые возражения были связаны с временем года и стратегической стороной. Первоначальный план предусматривал наступление через Альпы в мае, после разгрома армии Больё, однако реальное положение — начинать действия в конце августа — никак не соответствовало этим предположениям. Во-первых, стояла осень, во-вторых, Вюрмсер имел пусть и потрепанную, но все еще дисциплинированную армию, способную справиться с французским наступлением, и, самое главное, в тылу у французов осталась незахваченная Мантуя со своим несдавшимся большим гарнизоном. Тем не менее, несмотря на некоторые опасения, Бонапарт подчинился указаниям Директории и отдал необходимые приказы. Саюже должен был продолжать осаду Мантуи силами в 10 000 человек, а генерал Кильмен с 3000 солдат встал в заслон у Вероны и нижнего течения Адидже, чтобы исключить нападение со стороны Триеста — громадного австрийского арсенала на берегу Адриатики. Остальная часть армии, пополненная до 33 000 солдат под руководством Вобуа, Массены и Ожеро, должна была двигаться на Трент, а затем соединиться с Моро около реки Лех, оттесняя перед собой Вюрмсера.

К этому времени часть армии Вюрмсера численностью 19—20 тысяч человек готовилась начать новое наступление; предполагалось идти вниз по долине реки Брента, текущей от Трента к Адриатике. Австрийский главнокомандующий разработал изобретательный план, по которому можно было расстроить намерения французов. Он имел категорический приказ из Вены снова попытаться пробиться к гарнизону Мантуи и, в качестве второй задачи, должен был отвлечь Бонапарта от Тироля. Но в любом случае Вюрмсер не желал оказаться зажатым между Моро и Бонапартом. Чтобы исключить эту возможность, Вюрмсер решил наступать на Мантую по Бренте, используя Триест как свою исходную базу и оставив Давидовича с 25 000 солдат для защиты Трента и Тироля. Генерал тонко рассчитал, что Бонапарт никогда не пропустит такую угрозу своему тылу и коммуникациям — в противном случае французская армия могла бы застрять в долине Адидже, зажата между Давидовичем и Вюрмсером. Чтобы избежать этой опасности и предотвратить помощь гарнизону Мантуи, Бонапарту придется отступить тем же путем, каким он и пришел, то есть вдоль Адидже, чтобы сосредоточить свою армию для поддержки дивизии Саюже, — так это представлялось австрийским стратегам.

Продвижению Итальянской армии по долине Адидже препятствовали только силы Давидовича (14 000 человек), которые немало пострадали от рук Вобуа и Массены у Ровередо 4 сентября, и на следующий день французы заняли Трент. И только в этот момент Бонапарт получил окончательное подтверждение, что Вюрмсер продвигается по долине Бренты. Он понял, что дальнейшее проникновение в Тироль исключено, но его решение новой стратегической задачи было совершенно неожиданно и отличалось невероятной смелостью. Вместо того чтобы отступить по долине Адидже со всей своей армией, Бонапарт приказал Воа с 10 000 солдат блокировать ущелья к северу от Трента, а остальные 22 000 солдат бросились преследовать Вюрмсера по тому же пути, что использовали австрийцы. Это была крайне рискованная операция, потому что, выполняя ее, Итальянская армия полностью зависела бы от местных ресурсов и даже временная остановка на Бренте могла привести к голоду среди наступавших, находившихся в Альпах. С другой стороны, Бонапарт понимал, что Вюрмсер никогда не осмелится наступать на Адидже и Мантую, если главные французские силы перережут его линии коммуникаций с Триестом. Это заставит австрийцев либо принять генеральное сражение, либо отойти к Адриатике, и при этом в любом случае осаждать Мантую можно продолжать непрерывно.

Шестого сентября началось преследование. На следующий день дивизия Ожеро штурмом взяла дефиле Примолано перед лицом всей австрийской дивизии, и к ночи Итальянская армия достигла Чизмоны, покрыв за два дня расстояние почти в шестьдесят миль. Вюрмсера, естественно, ошеломила феноменальная скорость марша голодных, но решительных солдат, прошедших по его тылам, что было совершенно неожиданно.

Он приказал своим дивизиям остановиться у Басано и, сделав «на месте кругом», держать подвижную оборону против французов, толпами выходивших из альпийских ущелий. Одновременно он отозвал назад дивизию Месароша, вначале высланную вперед для захвата Вероны. Таким образом, Бонапарту удалось вступить в сражение вдали от Мантуи: риск его смелого маневра в тылу противника окупился полностью.

На следующее утро 8 сентября Бонапарт бросил две свои дивизии на австрийские позиции у Бассано. Австрийцы не смогли устоять перед напором наступления, которое снова возглавил полковник Ланн — герой дня, прорвавший австрийские ряды и с боем ворвавшийся в Бассано. Кавалерия Мюрата преследовала бежавшие остатки австрийской армии, и к концу сражения французам достались почти 4000 пленных, 35 пушек, 5 знамен и два понтонных поезда. Разбитые батальоны Вюрмсера раскололись на две части: остатки одной дивизии бежали к Фриули, остальные — едва 3500 человек с самим Вюрмсером — ушли к Адидже. Этот отряд потом встретил Месароша, спешившего к ним на помощь, и, таким образом, Вюрмсер получил 16 000 боеспособных солдат.

Совершенно неожиданно Вюрмсер продолжал идти к Адидже и Мантуе. (Бонапарт считал, что он направится в Триест.) Он призвал Итальянскую армию сделать еще усилие и обогнать австрийцев, чтобы преградить им путь.

Без этого можно было бы обойтись, если бы Кильмену удалось удержать переправы на Адидже, но в своих попытках защитить Верону от войска Месароша Кильмен ранее снял несколько гарнизонов, включая и гарнизон Леньяно. Саюже согласился дать людей из войска под Мантуей, но отряды не появились вовремя. Эта ошибка позволила Вюрмсеру спокойно переправиться через Адидже 10-го. Чтобы его захватить, пока он не достиг Мантуи, французы должны были бы совершить исключительно быстрый марш. Солдаты Массены прошли 100 миль за шесть дней, а дивизия Ожеро — даже 114 миль, причем оба войска по пути еще имели три ожесточенные схватки с австрийскими отрядами. Однако эти героические усилия не увенчались успехом. Передовые части Массены столкнулись с Вюрмсером около

Кастеллеро, но получили сильнейший отпор, и австрийцы с боем прорвались через сопротивление боевого охранения Саюже и вошли в Мантую 12 сентября. Это пополнение увеличило численность гарнизона города до 23 000 солдат, и Вюрмсера все еще был полон решимости сражаться. Пятнадцатого доблестный старый полководец начал сильную атаку против пригорода Святого Георгия и деревни Ла-Фаворита, которые удерживали французы. Но к этому времени войско Массены было уже достаточно близко, чтобы оказать поддержку дивизии Саюже, и после ожесточенного боя австрийцы были оттеснены назад за укрепления Мантуи.

Так закончилась вторая попытка графа Вюрмсера прийти на помощь Мантуе. Ухитрившись ускользнуть из клещей Бонапарта после разгрома у Бассано, старый лис все-таки попался в ловушку. Его прибытие в Мантую оказалось в последующем сомнительным благодеянием для гарнизона: прибавилось ртов, и запасы продовольствия начали быстро таять; очень скоро гарнизон стал есть лошадей, а к Новому году от болезней и голода умирало по 150 человек в день. Вскоре новый адъютант Бонапарта польский аристократ Йозеф Сулковский вошел в город под белым флагом с предложением об обмене пленными. Его впечатления от посещения гарнизона были весьма горестные: «Из ста офицеров, которых я смог увидеть, по крайней мере шестьдесят были больны; а так как они не знали, что я понимаю по-немецки, я свободно слушал их разговоры, которые более напоминали беседы инвалидов из Отель-Дьё»(21)¹.

Следовательно, Бонапарт имел основания быть довольным течением событий. Хотя ему пришлось отказаться от намеченного соединения с Моро, чей отход с Дуна начался 19 сентября, и хотя ему не удалось полностью разбить Вюрмсера после Бассано, общая картина успехов французов достаточно впечатляюща. Ответ Бонапарта на неожиданный сильный ход противника показывает всю гибкость его ума, а высокий уровень подготовки его армии был снова доказан способностью, невзирая на все лишения, совершать длительные марши, которые сыграли столь важную роль в проведении кампании. В своем стремлении помочь Мантуе австрийский главнокомандующий сам попал в каменную ловушку, и теперь началась третья, самая тяжелая осада этой большой крепости.

Глава 9

КАЛЬДЬЕРО И АРКОЛА

На театре военных действий наступило затишье, но было ясно, что оно продлится не долго. На германском фронте армия Моро непрерывно отступала перед войсками эрцгерцога Карла, и, несмотря на победу французов при Биберахе 2 октября, в конце месяца Рейнско-Мозельская армия оказалась опять на западном берегу Рейна. Теперь на этом главном фронте австрийцы чувствовали себя уверенно, и венский кабинет мог снова сосредоточить все свое внимание на обстановке в Италии и послать подкрепления в Мантую.

Положение Итальянской армии было очень незавидным. Несмотря на многочисленные просьбы о помощи, подкрепления поступали медленно. К концу октября численность французских войск достигала лишь 41 400 человек; из них 9 тысяч стояли вокруг Мантуи и, вероятно, не менее 14 тысяч были больны. Действительно, Бонапарт загнал Вюрмсера в каменный мешок крепости в Мантуе, но и французские войска оказывались столь же скованными этой непрерывной осадой. Учитывая сосредоточение неизвестного количества австрийцев в Тироле, готовых вновь начать наступление, Бонапарту нельзя было забывать и о 23-ты-

¹ О т е л ь - Д ь ё — госпиталь для отставных военных в Париже.

ссячном гарнизоне Мантуи, находившемся в его тылу, даже если 10 000 человек выведены из строя болезнями. Итак, перед французами стояли два взаимно отдаленных, но опасных противника, поэтому продолжать держать стратегическую оборону оказалось единственным выходом из положения.

Были немедленно приняты меры, чтобы обеспечить защиту всей территории против внезапного наступления. Дивизия Вобуа численностью 10 тысяч человек была поставлена у Лависа, чтобы блокировать подходы к озеру Гарда, а Массена занял Бассано. Эти два отряда имели связь, используя долину Brentы, соединявшей их по флангу, и Бонапарт был уверен, что его генералы немедленно оповестят его о любом приближении австрийцев с севера.

Серюрье все еще отсутствовал, и оборону Мантуи возглавлял генерал Кильмен. Бонапарт разместил свою ставку в Вероне, в центре стратегического треугольника, образованного этими тремя важными пунктами, и поставил дивизию Ожеро под Вероной в виде главного резерва. Более мелкие отряды держали под контролем нижнее течение Адидже и район вокруг Брешии. Такая диспозиция неизбежно обуславливала сильное рассредоточение войск на большой площади, но все расстояния были тщательно вычислены с точки зрения возможности немедленного сосредоточения, как только противник обнаружит направления своего наступления.

Октябрь поставил перед Бонапартом много других проблем, кроме угрозы возобновления австрийского наступления. Непопулярность французских войск во всей Италии становилась все более ощутимой. К бесконечным требованиям Директории все новых контрибуций, которые безжалостно собирали Саличетти и его алчные коллеги, добавлялись бесконечные ограбления населения французскими войсками. Первые восторженные встречи давно обернулись озлоблением и ненавистью, когда итальянцы увидели, что обменяли австрийского Короля Чурбана на еще более опасного французского Короля Аиста. Папа продолжал плести заговоры с Неаполем, Сардинией, Моденой и Венецией, чтобы устранить французских хлебников, и Бонапарту потребовалось много политической хитрости и жестокости, чтобы предотвратить взрыв.

Считая свои линии коммуникаций через Коль-ди-Тенде чрезмерно открытыми, французский главнокомандующий вынудил Генуэзскую республику дать возможность французам разместить у себя их базу и отказаться от пробританской ориентации. Точно так же крохотное княжество Модена было оккупировано под совершенно прозрачным предлогом. Провели ряд военных демонстраций, чтобы запугать Светлейшую Республику Венецию. План Папы выставить 30 000 неаполитанских солдат против французов был в последний момент сорван новым французским договором с Неаполем, подписанным 10 октября. И все же, даже в самом лучшем случае, все это были паллиативные решения очень сложной проблемы. В поисках более надежного решения и понимая, что его прежняя попытка взять в союзники нарождающийся итальянский национализм провалилась, — Бонапарт учредил три новые республики: Цизальпинскую (включающую Милан), Циспаданскую, объединявшую Модену и Реджо, и Транспапанскую, объединявшую Болонью и Ферару. В более благоприятный момент в будущем Бонапарт планировал объединить эти три государства в единую Северо-Итальянскую Республику, но, как и следовало ожидать, его устремления встретили невероятную враждебность со стороны власть имущих в этих странах и поэтому сделали мало для обеспечения будущей политической стабильности.

Но эти политические проблемы вскоре отошли на второй план из-за насущных военных дел. Австрийская армия снова приготовилась к наступлению. Новый контингент (46 000 человек, не считая гарнизона Мантуи) был отдан под команду барона Йозефа Альвинци, испытанного полководца, воевавшего в Нидерландах и на Рейне. Решив извлечь выгоду из рассредоточенности французских войск, венский военный совет дал приказ наступать двумя почти независимыми армиями под

командованием Альвинци и Давидовича с целью захвата Бассано и Трента; это обеспечивало единую линию коммуникаций по долине реки Brenta и давало Альвинци возможность сосредоточить все свои усилия по любому операционному направлению или после наступления по сходящимся операционным направлениям объединить их в Вероне на Адидже для мощного наступления на войска, осаждавшие Мантую. Для этого был разработан тщательный план, который должен был ввести Бонапарта в заблуждение и убедить его, что 28-тысячное войско Альвинци — единственная угроза его безопасности. Австрийцы надеялись, что нападение Давидовича с 18 000 солдат на Трент будет совершенно неожиданным ударом для французов и внесет в их ряды смятение, которое будет на руку австрийцам.

Когда в первых числах ноября началось наступление, австрийцы торжествовали — Бонапарт действовал точно так, как они надеялись. Считая, что силы австрийцев к северу от Трента очень незначительны, французский главнокомандующий приказал Вобуа перейти в наступление и разбить врага, а затем отправить 3000 своих солдат к Вероне, где сосредоточивался остаток полевой армии перед наступлением на Альвинци. Вобуа повиновался этому приказу, но предварительные доклады, пришедшие в ставку 5 ноября, ясно показали, что перед ним стоят гораздо большие силы, чем ожидалось, и Бонапарт немедленно изменил свой первоначальный план. Он уже не ожидал, что Вобуа сможет разбить Давидовича, и дал приказ удерживать свои позиции, пока будет разворачиваться главное наступление против Альвинци, как и планировалось, потому что Бонапарт теперь надеялся выбить войска австрийского главнокомандующего из долины Brenta, а уже потом напасть на тылы Давидовича. Тем временем Массена медленно отходил перед двумя колоннами армии Альвинци, движущимися к Виченце, и две его попытки остановить австрийцев 7 ноября при Фонтанове и Бассано не имели успеха, хотя беззаветная храбрость его солдат даже обескуражила Альвинци. Однако и второй план Бонапарта не был им реализован, 6 ноября в Верону пришли мрачные новости с северного сектора. Вобуа не только не смог удержать свои позиции около Трента, но и был полностью разбит 4 ноября, и Трент и Роверето пали один за другим, и Вобуа удалось остановить и собрать своих бегущих солдат уже только у Риволи.

Эта неожиданная беда заставила французов заново готовить все планы военных действий. Бонапарт был вынужден на время отказаться от нанесения удара по Альвинци и приказал Массене и Ожеро занять позиции вдоль Адидже, а также «центральную позицию». Чтобы усилить подкреплениями разбитую армию Вобуа, Жуберу было приказано совершить марш на Риволи, получив в придачу две бригады из осаждавших Мантую. Таким образом, общая численность у Вобуа достигла 13 000 человек. Седьмого ноября Бонапарт неожиданно появился на этом секторе и дал жестокий нагоняй солдатам Вобуа: «Солдаты, я не доволен вами. Вы не показали ни храбрости, ни дисциплины, ни упорства... Вы позволили выгнать себя с позиций, на которых горстка людей могла бы остановить армию. Солдаты 39-го и 85-го полков, вы не французские солдаты. Генерал, начальник штаба! Пусть на знаменах у них будет написано: «Они больше не входят в Итальянскую армию!» (22) Устыженные солдаты сникли от этих резких слов, и вскоре у них значительно улучшились дисциплина и моральный дух.

Однако Бонапарт еще не был убежден, что этот сектор выдержит напор следующей атаки Давидовича, и поэтому предупредил Массену, чтобы тот приготовился к подходу к Адидже. События следующих дней сделали это ненужным. Массена лично провел рекогносцировку передовых участков 7-го и 8 ноября и доложил, что нет признаков готовящейся атаки Давидовича. Это же подтвердил и Вобуа 9-го. На какое-то время на риволийском фронте все успокоилось.

Убедившись во временной безопасности своего северного фланга, Бонапарт разработал четвертый план операции. Снова главное усилие французских войск на-

правлялось против Альвинци с тем, чтобы обеспечить безопасность Вероны и не дать сомкнуться двум направлениям австрийского наступления. Австрийский главнокомандующий тем временем решил прийти на помощь Давидовичу, прежде чем начать операцию в направлении на Мантую. С 17 000 солдат он форсировал реку Альпоне у Вилла-Новы. Предварительное прощупывание у Вероны 11-го было отражено, и это заставило Альвинци сосредоточить свои главные силы у деревни Кальдьеро, выставив 4000 солдат у Арколы, чтобы охранять переход через Адидже и защищать свой южный фланг. Хотя на всей территории у Бонапарта было 16 000 человек, он усилил дивизию Массены до 13 000 и 12-го отправил его в наступление на Кальдьеро.

Снова неудача. Альвинци нанес поражение французам, потерявшим 2000 человек и 2 пушки, перед тем как им удалось укрыться на западном берегу Адидже. Единственный выход для Бонапарта был отвод обеих своих разбитых дивизий обратно в Верону.

Очевидно, Итальянская армия находилась во все более опасном положении. Два сильных противника, оба успешно сражавшиеся против французов, продолжали угрожать тем, что сомкнутся у Вероны. Для того чтобы встретить их с достаточными силами, Бонапарту пришлось бы снова снять осаду с Мантуи, но тогда в его тылу начали бы действовать 17 000 австрийских солдат, что дало бы австрийцам преимущество в 20 000 человек. Разведывательные органы Бонапарта предполагали, что в армии австрийцев 50 000 человек. При таком перевесе сил противника молодой главнокомандующий начал испытывать сомнения в возможности выжить. «Может быть, близок час храброго Ожеро, неустрашимого Массены и мой, — обращался он мрачно к Директории. — Мы покинуты в глубине Италии»(23). Он посоветовал Жозефине перебраться из Милана в Геную. Однако естественно, что тон его обращений к войскам звучал по-иному: «Мы должны сделать еще одно усилие, чтобы Италия стала нашей. Несомненно, враг многочисленнее нас, но половина его солдат рекруты; если мы разобьем его, Мантуя должна пасть, и мы станем хозяевами всего»(24).

«Последнее усилие», к которому он призвал, было крайне трудно осуществить. Ясно, что Ожеро и Массена со своими 18 000 солдат должны будут оттеснить Альвинци от Адидже, а австрийцы получили подкрепление, так что численность их войск в районе Кальдьеро — Аркола достигла не менее 23 000.

Сражаться с численно превосходящим противником противоречило стратегической теории сосредоточения сил Бонапарта, но в этом случае альтернативы не было. Против Вобуа на северном фланге уже стояли превосходящие силы австрийцев, и любое ослабление его позиций нанесло бы его войскам непоправимый ущерб, но нельзя было отвлечь силы и от Мантуи, так как это означало бы снятие осады и освобождение австрийского гарнизона. Подобно жонглеру с тремя подброшенными в воздух предметами, Бонапарт был вынужден уравнивать опасность, грозившую каждому из трех секторов, и сохранять ясную оценку их относительного значения. Он наметил Альвинци как направление главного удара, однако было ясно, что любой агрессивный ход со стороны Давидовича или даже Вюрмсера может вынудить французов отказаться от нанесения удара по главному операционному направлению и вместо этого бросить все имеющиеся силы на усиление угрожаемого участка. Поражение французов на любом секторе вполне могло означать катастрофу и уничтожение Итальянской армии. В этой атмосфере стратегической неуверенности и нависшей опасности развернется растянутое на три дня сражение при Арколе. В периоды особой опасности Бонапарт проявлял свои величайшие таланты. Итальянский историк Карло Ботта, отнюдь не поклонник Наполеона, писал: «Его тактические решения в этот критический момент свидетельствовали о совершенном владении военным искусством. Они обдумывались и воплощались с молниеносной быстротой, к тому же австрийцы не

имели никакого понятия о том, что делает Наполеон, пока он не стал хозяином положения и полностью не изменил ход кампаний»(25).

План Бонапарта был возвратом к типу операции, проведенной им против Больё у Лоди и Вюрмсера — у Бассано, а именно, нанесения главного удара по противнику с тыла. Он намеревался бросить все имеющиеся в Вероне войска на захват Вилла-Новы, используя Адидже для прикрытия своего марша, с тем чтобы захватить полевой парк и конвои австрийской армии. Такой маневр, несомненно, вынудил Альвинци отказаться от наступления на Верону и отойти, чтобы восстановить свои линии коммуникаций. Для этого ему придется сражаться с французами на выбранной ими местности — на болотистом участке, зажатом между реками Альпоне и Адидже, и на узком фронте, где австрийцы, терявшие свое превосходство в численности, едва ли смогут развернуться. Та исключительная способность французов приспосабливаться к любой сложной местности предвещала им успех, однако часто это свойство связано с большим риском.

Полное осуществление этого плана зависело от быстрого захвата Вилла-Новы, — прежде чем Альвинци сможет предпринять ответный ход. Поэтому важно было срочно решить, как перебросить армию к этому месту, не ослабляя оборону Вероны и не открывая преждевременно свои планы. Авангардные части Альвинци 14 ноября уже были видны из Вероны, и, если Верона падет, пока Бонапарт выполняет марш против тыла Альвинци, все будет потеряно, ибо только силы Вобуа останутся между Альвинци и Давидовичем. Чтобы свести этот риск к минимуму, Бонапарт поручил оборону города генералу Макару с 3000 человек, взятых у Вобуа, и ночью 14 ноября в сопровождении большей части своих полевых войск — 18 000 человек — вышел на деревню Ронко, находившуюся в 18 милях от Вероны. К рассвету 15-го начальник инженерной службы армии Андресси построил картонный мост через Адидже, и вскоре французские войска стали переходить по нему на обширные болотистые луга на северном берегу, через которые проходили лишь три гати. Однако Бонапарт не был уверен в успехе. «Слабость и истощение армии, — писал он, — заставляют меня бояться худшего. Возможно, мы накануне потери Италии»(26).

Первыми перешли на противоположный берег войска Ожеро, сразу вслед за ним — Массена, который повернул влево, чтобы захватить деревню Порчиле. Вскоре они пошли в атаку на передовые части генерала Проверы; деревня почти тотчас же перешла в руки французов, и на некоторое время западный фланг Итальянской армии оказался вне опасности. Альвинци все еще находился в счастливом неведении о намерениях Бонапарта, хотя уже знал, что тот разделит свою армию. К несчастью, Ожеро не был таким везучим. Его задачей было перейти через Альпоне и завладеть деревней Вилла-Нова, но как только головные части его колонны приблизились к мосту у Арколы, их встретил сильнейший обстрел: огонь вели с дамбы по левому берегу Альпоне, всего в ста ярдах от дороги, по которой шли французы. Два батальона хорватской пехоты и несколько пушек были удачно размещены противником и держали под огнем всю дорогу на протяжении полумили. Из-за этого неожиданного и непреодолимого препятствия французские войска не смогли двинуться вперед и залегли в укрытие за дамбами. Эта задержка пагубно сказалась на развитии первоначального плана Бонапарта. «Величайшее значение, — писал он, — имел захват Арколы и нападение на вражеский тыл с занятием моста через Альпоне у Вилла-Новы, который обеспечивал единственный путь для отхода противника и за которым лежало единственное место, где его армия могла полностью развернуться» (27). С каждым часом становилось все более тревожно, что Альвинци может попасть в ловушку, и Бонапарт старался изо всех сил обеспечить решающий переход через реку. Он отослал Гийо во главе отряда в 3000 человек искать переход у Альбаредо, чтобы взять Арколу с востока, но на это опять-таки требовалось драгоценное время. Тем вре-

менем 3000 человек австрийских подкреплений подошли к Порчиле, и такой же отряд под командованием Метрусски прибыл на усиление обороны Арколы. Под прикрытием этих сил встревоженный Альвинци уже отходил с половиной своей армии от подступов к Вероне, и шансы отрезать его таяли на глазах. В один из моментов отчаявшийся Бонапарт схватил трехцветное знамя и повел солдат Ожеро в новую атаку на Аркольский мост, но в критический момент, когда успех еще не был предопределен, неизвестный французский офицер обхватил своего главнокомандующего, восклицая: «Генерал, вас убьют, а без вас мы погибнем; вы не пойдете дальше, вам не место там!»(28) В этой суматохе Бонапарт упал в воду и был спасен своими преданными адъютантами, вытащившими в безопасное место своего мокрого главнокомандующего под угрозой штыков австрийской контратаки. Таким образом, все фронтальные атаки не смогли прорвать оборону австрийцев.

Все это время шел отход Альвинци и к Вилла-Нове. «С верхушки церковной колокольни в Порчиле французы с огорчением следили, как ускользает от них их жертва»(29), но они ничего не могли сделать, чтобы захлопнуть западню. Неустрашимые солдаты Гийо захватили городок Аркола в семь часов вечера, но это было на целых шесть часов позднее, чем предполагалось, ибо, даже если бы еще и было возможно совершить марш на Вилла-Нову, на ее защиту уже была подтянута чуть ли не половина главной имперской армии. Тревожные вести пришли в ставку и с северного сектора, где Вобуа оказался оттеснен к Буссоленго. Учтя эту информацию, Бонапарт принял трудное, но разумное решение оставить Арколу и все свои мучительно завоеванные позиции на другом берегу Альпоне и отвести свои войска через Адидже на случай, если будет необходимо идти ускоренным маршем на выручку Вероне.

Тем не менее первый день аркольского сражения был не без успехов: исчезла угроза Вероне, и, очевидно, Альвинци отказался от надежды на скорейшее соединение с Давидовичем, а стремительность австрийского отхода показывала, насколько неожиданный маневр французов встревожил противника.

На следующее утро Бонапарт решил повторить атаку на Арколу, так как не было сведений о том, что Давидович возобновил свои действия. Разумеется, за ночь австрийцы опять заняли Арколу и Порчиле, так что за все пришлось сражаться заново. Ожесточенные бои среди гатей в течение всего дня привели к возврату Порчиле, но Аркола оставалась в руках австрийцев, и попытка генерала Виала навести мост через Альпоне недалеко от ее впадения в Адидже тоже не удалась. Но австрийцы несли тяжелые потери, и Альвинци начинал терять самообладание. На следующее утро австрийский главнокомандующий послал Давидовичу записку, в которой говорилось, что он сможет отбить еще только одну атаку французов. Действия на измор, какими они теперь стали, работали на французов. Вечером Бонапарт опять отвел свои войска на правый берег Адидже, чтобы быть готовым ко всякому непредвиденному движению с севера, оставив лишь небольшой авангард на левом берегу реки. Этой ночью генерал Кильмен привел долгожданное подкрепление — 3000 солдат из Мантуи.

Рассвет 17-го не принес тревожных новостей от Вобуа, и французы приготовились к третьей атаке против Альвинци. К этому времени общее положение стало складываться уже в пользу Бонапарта. Армия Альвинци была разделена на две части, лишённые коммуникаций, причем не меньше трети от общей численности его войска сражались в болотах под командованием Проверы и Гогенцоллерна. Это означало, что Бонапарт имел численное преимущество над каждым флангом противника и заманил его в невыгодное положение. Бонапарт решил наступать на главные силы Альвинци, чтобы довершить деморализацию его солдат. Поэтому дивизия Массены должна была отвлекать внимание противника, находившегося в болотах, а Ожеро двинулся к переправе у Альбаредо, атаковал с тыла Арколу и ударил по Сан-Бонифачо.

Но за это сражение лавры победителя в этот день достались главным образом Массене. Его обратный переход через Адидже у Ронко встретил сильное сопротивление австрийцев, и в какой-то момент в середине операции французам грозила неудача, когда рухнул мост, однако через некоторое время после его восстановления неприятель был отброшен. Продолжая выполнять приказ, Массена поставил одну бригаду у перекрестка дорог на Арколу и Порчиле, скрыв остальных солдат в кустарнике и за дамбами. Австрийский гарнизон Арколы клюнул на эту приманку и бросился в атаку на незащищенную бригаду, которая под их напором начала отходить, заводя противника прямо в засаду. Австрийцы понесли тяжелые потери и были совершенно деморализованы такой неожиданностью; Массена воспользовался этим замешательством и в штыковой атаке захватил часть Арколы.

Но успех Массены контрастировал с затруднениями Ожеро. Часть его колонны повернула на Леньяно, где был хороший мост, а остаток его дивизии благополучно достиг Альбаредо, но там оказалась сильно обороняемая переправа. Нескольким атак не смогил выбить австрийцев с плацдарма между переправой и Арколой. Бонапарт пошел на тонкую военную хитрость. Зная низкий уровень военного духа австрийцев, он послал небольшой отряд своих разведчиков с четырьмя трубачами, чтобы посеять панику в тылу врага. Противник не заметил, как этот отряд перешел реку вброд, затем солдаты нарочно подняли такой шум, что командир австрийцев вообразил, что идет мощное наступление, и приказал быстро отходить для соединения с основными силами. По мере ослабления сопротивления противника солдаты Ожеро сгрудились на речном берегу, соединяясь с частью дивизии Массены в Арколе, и оттуда устремились на равнину. Это наступление совпало с прибытием колонны из Леньяно. Альвинци принял этот натиск за готовящийся главный удар по его тылам и приказал всей своей армии отойти ночью к Виченце. На следующее утро французские патрули увидели, что австрийцы ушли.

Так закончилось сражение при Арколе. Трехдневная битва принесла победу Бонапарту. Французы потеряли 4500 убитыми и ранеными, австрийцы — 7000, и, кроме того, был расстроен главный план Альвинци — соединение его сил с войсками Давидовича. Это был настоящий подвиг выносливости французов, и их армия вернулась в Верону 18 ноября.

Пользуясь выгодностью своего центрального положения, Бонапарт немедленно направил все усилия против Давидовича. Это вмешательство пришлось как раз на критический момент, потому что днем 17 ноября Давидович начал свое долгожданное наступление против Вобуа и оттеснил французов с боями обратно в Кастельнуово. Оставив кавалерию преследовать отходившего Альвинци, Бонапарт бросил свою пехоту на помощь Вобуа. Двадцать первого ноября Ожеро двинулся форсированным маршем по левому берегу Адидже в попытке обойти Давидовича в окрестностях Дольче, но австрийский генерал почувствовал опасность и в самый последний момент смог выскочить из ловушки, поспешно отступив к Тренту. Этот маневр стоил ему потери двух мостовых поездов, девяти пушек и большей части обоза. Известие об отходе Альвинци окончательно заставило его отказаться от своего прежнего замысла идти в Мантую, и он отошел по долине Brentы для перегруппировки своих разгромленных сил.

Таким образом, третья австрийская попытка контр наступления оказалась не более удачной, чем две первые; обе части армии Альвинци потерпели жестокую неудачу и были оттеснены соответственно к Бассано и в Тироль, не успев даже увидеть Мантую издали. В гарнизоне крепости осталось продовольствия на 28 дней. Но и у французов положение было весьма трудным, и только гений Бонапарта предотвратил катастрофу перед лицом превосходящих сил противника. Победа в Арколе была высшей точкой кампании и, вероятно, величайшим достижением Бонапарта в то время. Немецкий военный историк фон Клаузевиц так

подвел итог этой кампании: «Что же тогда превратило эту ожесточенную схватку в победу Наполеона? Это было лучшее использование тактических приемов, большая храбрость на поле боя, гениальный ум и безграничная храбрость»(30). Бонапарт показал себя истинным мастером стратегической обороны. Он не дал поражению при Кальдьеро ослабить его решительность, но немедленно принял второй, еще более дерзкий план операции. Великий американский историк Додж выразительно обрисовал эту кампанию: «Есть мало коротких сражений, которые бы лучше иллюстрировали значение сильных примкнутых флангов в сочетании с энергичной обороной, а также слабость операций, выполняемых разделенными войсками или по сходящимся операционным направлениям»(31). И все-таки свою задачу Бонапарт еще не считал завершенной, воля австрийцев к сопротивлению была еще далеко не сломлена. Не прошло и нескольких недель, как перед Итальянской армией встала необходимость отразить последнее усилие имперских войск предотвратить падение крепости Мантуи.

Глава 10

РИВОЛИ

Французское правительство желало увидеть войну законченной к концу ноября, пусть даже ценой компромиссного мира. Начались переговоры с австрийским императором, в которых Директорию представлял генерал Кларк, но они были прерваны из-за разногласий по поводу судьбы Мантуи. Австрийцы требовали права пополнить запасы крепости во время ведения переговоров, но французская сторона на это не пошла.

Тем временем Итальянская армия становилась на наиболее выгодные позиции для отражения следующего наступления Альвинци. Австрийский генерал угрожающе остановился близ Бассано, получая подкрепления, которые довели численность его войск до 45 000 человек.

Было три главных пути, которые могли быть использованы австрийцами для подхода к Мантуе: вниз по долине реки Адидже, через долину Brentы к Виченце и вдоль реки Кьеze в тылу французов. Как и в прежних случаях, Бонапарту было необходимо так расставить свои войска, чтобы прикрыть направление каждого возможного подхода, пока противник не выберет направление главного удара. Эта необходимость ложилась тяжелым постоянным бременем на французские ресурсы. Армия получила подкрепление в составе нескольких новых бригад, что довело ее боевой состав до 34 500 человек, кроме 10 000 стоявших вокруг осажденной Мантуи, и, возможно, столько же размещенных вдоль линий коммуникаций, но необходимость изолировать гарнизон Мантуи не давала возможности Бонапарту перейти в наступление. Все усилия были направлены на разработку наилучшего плана обороны. Полевые укрепления возводились в Ла-Корона, Риволи и вдоль нижнего течения Адидже. Слишком хорошо зная, как ухудшалось положение в предшествующие месяцы из-за ошибочной информации и запоздалой передачи новостей, французский главнокомандующий перестроил систему связи. Был организован ряд курьерских постов, связавших различные подразделения со ставкой, и разработана система передачи сообщений при помощи пушечных выстрелов. Артиллерия была переоснащена, количество полевых пушек доведено до 78, и много старых или неспособных офицеров были уволены. Накануне последнего наступления Альвинци французские войска имели следующую диспозицию: дивизия Жубера держала участок между Ла-Короной и Риволи по восточному берегу озера Гарда, имея поддержку со стороны Массены в Вероне. Войско Ожеро находилось у нижнего течения Адидже южнее Ронко. Генерал Рей занял западные берега озера Гарда. Вобуа был

назначен на менее важный участок в Легорне, сменив выздоравливавшего Серюрье, который был обрадован восстановлением его на посту командующего осадой Мантуи в конце декабря, когда он сменил заболевшего генерала Кильмена.

Бонапарт использовал период затишья в декабре, чтобы заключить договор с великим герцогом Тосканы и подготовить экспедицию против Папы Римского, закоренелого врага Франции. Но эта операция так никогда и не осуществилась, потому что 8 января 1797 года Ожеро известил, что его авангардные части отгеснены назад к Леньяно наступающими австрийцами. Французский главнокомандующий получил это известие 11-го и немедленно вернулся в свою расположенную в центре ставку в Ровербелле, чтобы изучить развитие событий. Направившись в Верону, он увидел, что и против Массены идет наступление, но Бонапарт все еще не считал, что Альвинци обнаружил направление своего главного удара. Ожеро, наоборот, был уверен, что главный удар направлен против него, и запросил помощи. Бонапарт тщательно анализировал направление этих ударов, но ждал окончательных известий с сектора озера Гарда, где было подозрительно тихо. Обращаясь к Жуберу утром 13-го, Бонапарт пишет о своих сомнениях: «Дайте мне знать как можно скорее, считаете ли вы, что противник на вашем фронте насчитывает более 9000 человек. Крайне важно, чтобы я знал, серьезна ли атака против вас... или это просто отвлекающий маневр, чтобы нас обмануть. Здесь в Вероне противник насчитывает более 6000 человек, и в этот момент я приказываю начать атаку. Если против вас находятся восемь или девять тысяч — что и должно быть, если противник готовит настоящую атаку, — то отсюда следует что у Леньяно не может быть больше (неприятельских) солдат, и если это так и если ваша и моя атаки удадутся, — а они должны — к вечеру, тогда мне не нужно опасаться, что они (австрийцы) перейдут через Адидже»(32).

Ответ на это послание пришел в три часа дня и не оставил больше никаких сомнений. Жубер докладывал, что он был атакован крупными силами и выбит из Ла-Короны.

Альвинци наконец открыл свои карты. Австрийский генерал начинал наступление по нескольким операционным направлениям, но главный удар направлял с севера. Одна колонна (6200 человек) под командой Баялича нанесла удар по Вероне, Провера (9000 человек) атаковал Леньяно, надеясь в этом месте прорваться и перейти Адидже, чтобы подойти к Мантуе, соединиться с Вюрмсером и затем напасть на французов с тыла. Тем временем Альвинци с основной массой армии (28 000 человек) должен был разбить Жубера в долине Адидже.

Реакция Бонапарта была мгновенной. Приказав Жуберу держаться изо всех сил, он тут же поскакал в Риволи, чтобы соединиться с ним, и вызвал туда же Массену и Рея. «План противника наконец раскрылся, — писал он Серюрье, — он наступит со значительными силами на Риволи»(33). Три тысячи человек остались в гарнизоне Вероны, все остальные бросились на север.

Местность, на которой происходила битва при Риволи, несомненно, благоприятствовала обороне. Несколько хороших дорог шли на север из Вероны к подковообразной возвышенности Тромбалоре, находящейся между реками Адидже и Тассо, что очень облегчало сосредоточение войск. Северные подходы к плато Риволи были менее удобны для австрийцев. Между озером Гарда и рекой Тассо возвышалось трудное препятствие — гора Балодо, через которую шли только тропы. Долину Тассо и Адидже разделял высокий отрог — гора Маньоне, и далее к востоку тоже лежали горы. Австрийцы располагали только двумя хорошими дорогами — обе шли вдоль берегов Адидже, но только вторая — западная — давала прямой доступ к Риволи через ущелье и деревню Остерия. Поэтому у Альвинци был единственный выход — пустить всю свою артиллерию и обозы по этим дорогам двумя колоннами. Его остальные силы двигались по местности, имея с собой только несколько горных пушек.

Австрийский генерал сделал несколько ошибок, снизивших его шансы на победу. Он не стал развивать свой начальный успех против Жубера 12-го, а это как раз дало время Бонапарту усилить его передовую дивизию. Медленность наступления австрийцев отчасти была вызвана характером местности, а отчасти — всевозрастающими нехватками продовольствия из-за просчетов австрийских интендантов. Но наибольшим недостатком была сложность плана сражения, предусматривавшего атаку не менее чем шестью колоннами, которые должны были двигаться по обширному участку местности. Три колонны под командой генералов Липтая, Коблоса и Оксея должны были атаковать северную часть плато, но отсутствие дорог в этом секторе означало, что у них не будет австрийской поддержки. Еще две колонны — Лузиньяна и Вукассовича — должны были обходить с флангов позиции у Риволи — один с запада, другой — с востока — и ударить французам в тыл, в то время как 7000 человек под командой Квядановича при поддержке австрийской артиллерии должны были занять штурмом ущелье Остерии, отгеснив боевое охранение французов с вершины горы Маньоне. Проблема координации стольких различных сил оказалась не по плечу генералу Альвинци.

Бонапарт подъехал во главе своих войск, соединясь с Жубером в Риволи в 2 часа ночи 14 января — как раз вовремя, чтобы предотвратить отход численно уступающей французской дивизии. Оба командира тут же выехали вперед, чтобы осмотреть позиции. «Ландшафт был залит ярким лунным светом, — писал Бонапарт, — мы поднимались на разные высоты, наблюдая линии костров противника; они заполнили все пространство между Адидже и озером Гарда... Мы могли отчетливо различить пять лагерей, каждый принадлежащий одной колонне»(34). Ключом к победе была, конечно, деревня Сан-Марко; завладев ею, французы расколют надвое атакующие силы австрийцев. Бонапарт немедленно дал приказ занять Сан-Марко. Исход сражения, очевидно, решит скорость маневра; все зависело от быстроты подхода подкреплений, чтобы успеть отражать все большее число австрийцев, вводимых в бой. К шести часам утра с поля уже можно было разглядеть первые эшелоны дивизии Массены с батареей конной артиллерии. Бонапарт приказал Жуберу занять восточную часть плато силами одной бригады, чтобы удерживать ключевые позиции Сан-Марко и Остерийское ущелье, а остальные две бригады послать для занятия северного сектора и задерживания Коблоса и Липтая, чьи атаки ожидались первыми. Массена, прибывший раньше своих частей, получил приказ удерживать долину Тассо на левом фланге силами одной бригады, а остальные силы дивизии сосредоточить по мере их прибытия в резерве вокруг Риволи.

Сражение у Риволи началось с рассветом, когда Жубер выслал вперед 10 000 своих солдат с 12 пушками и 6 дополнительными, которые дал Массена. Они отогнали первые три австрийские колонны общей численностью 12 000 человек. Французская атака началась успешно. Захватили деревушку Сан-Джованни, но Коблосу удалось остановить наступление французов, а Липтай начал обходить фланг самой западной бригады. Положение стало угрожающим, когда бойцы 8-й полубригады (той самой, что так опозорилась в составе отряда Вобуа в ноябре) потеряли присутствие духа и бежали с поля боя. Бонапарт сразу же затребовал к себе часть резерва Массены из Риволи. Генерал Массена скакал впереди своих солдат, и его чуть было не захватили в плен бегущие австрийцы. «Пленный! Пленный!» — кричали они, но с великолепным хладнокровием храбрый Андре повернул коня и, посвистывая, поскакал прочь к своим солдатам, которые вскоре поправили положение. К восьми часам французы вывели на поле боя 17 000 солдат, и к полудню их количество должно было возрасти до 23 000, если Рей прибудет вовремя с западного берега озера Гарда и сможет присоединиться к своим боевым товарищам.

За утренние часы сражения французам становилось все тяжелее. Австрийцы в долине Адидже воспользовались преимуществом, полученным благодаря нескольким обманным маневрам на северном секторе, установили несколько батарей на

противоположном берегу реки и овладели подступами к стратегически важному Остерийскому ущелью, включая и господствующую высоту — гору Маньоне. Было ясно, что вот-вот начнется атака австрийцев, и в этот самый момент появилась новая угроза французам. Колонна Лузиньяна совершила значительный обход, занявший большую часть утра, и теперь внезапно появилась на гребне к югу от Риволи, отрезая Бонапарта от новых подкреплений. Задача восстановления линии обхода была доверена 18-й полубригаде, только что подошедшей от озера Гарда. Бонапарт обратился к солдатам: «Храбрецы Восемнадцатой! — крикнул он. — Я знаю вас; враг не устоит перед вами!» Вслед заговорил Массена. «Товарищи, — закричал он, — перед вами 4000 молодцов из богатейших семей Вены; они ехали до Бассано на почтовых лошадях; рекомендую их вам». С раскатами смеха солдаты бросились в бой, крича «Вперед!».

А в это время в Остерийском ущелье шло решающее сражение. Австрийские гренадеры захватили деревню в 11 часов и, по-видимому, могли в любой момент прорвать линию усталых солдат Жубера. Тактическая интуиция Бонапарта подсказала ему, что в этот момент Коблос и Липтай уже вымотаны, и он тут же перестроил бригады Жубера против угрозы с восточного сектора. Батарея легкой артиллерии стала в упор поливать картечью плотные ряды австрийцев. Благодаря точному попаданию французам взорвались две австрийские повозки с боеприпасами, что принесло ужасные потери. В момент полного замешательства французы бросили в атаку 500 пехотинцев и кавалеристов, под водительством Леклерка и Ласалля. Австрийцы стали откатываться назад перед повторными ударами, и вскоре ущелье было освобождено. Бонапарт успешно преодолел решающий кризис сражения, но сейчас нужно было немедленно бросить каждого из военачальников на северный край плато, чтобы отбить перегруппировавшиеся силы Коблоса и Липтая. Это было сделано с большим подъемом, причем французы раскололи австрийскую армию надвое. Теперь они смогли заняться флангирующими колоннами австрийцев. Дивизия Лузиньяна потеряла 3000 человек, взятых в плен на участке между подходившими войсками и резервной бригадой Массены из Риволи.

К пяти часам вечера победа была практически обеспечена, но у Бонапарта не было времени для отдыха. После полудня пришло известие, что Провера пытается навести переправу через Адидже у Анджари, и, как только победа у Риволи стала несомненной, Бонапарт передал управление войсками Жуберу и Рею и поспешил на юг с героическими бригадами Массены, чтобы помешать Провере проникнуть к Мантуе.

На Жубера легла тяжелая ответственность; была разгромлена только одна колонна Лузиньяна из 6 австрийских дивизий, а у Альвинци было все еще почти 20 000 солдат. Вторая фаза сражения у Риволи произошла 15-го, и Жубер полностью оправдал возложенное на него доверие. В конце сражения три австрийские колонны центра пустились в бегство к Ла-Короне, но были перехвачены Мюратом и Виалом, стоявшими в ущельях, и попали в плен. «Я точно исполнил ваши предначертания для нападения на Корону, — писал Жубер Бонапарту вечером, — успех превзошел все ожидания; итог сражения: три пушки, 4000 или 5000 пленных, а сам Альвинци, обрушившийся со скал, бежит, как застрельщик, обратно по долине Адидже, и без солдат»(36). Общие потери австрийцев за два дня сражения составили 14 000 человек, включая 11 000 пленных. Уцелевшие в беспорядке отступили по долине Адидже, так последнее большое наступление австрийцев практически провалилось.

Оставалось покончить только с Проверой и изголодавшимся гарнизоном Мантуи. Бонапарт и Массена не успели перехватить 9-тысячный отряд Проверы во время его перехода через Адидже и приближения к Мантуе. Австрийский генерал умело ускользнул от всех попыток перехвата, хотя и потерял во время этого 2000 солдат, но остаток его войска 15-го был уже в виду Мантуи. Однако подходы к крепости оказа-

лись прочно заблокированными; войска Серюрье удерживали деревню Ла-Фаворита и форт Святого Георгия, перерезав таким образом обе дороги. Шестнадцатого Вюрмсер попытался сделать последнюю вылазку из города, чтобы соединиться с Проверой, но и она была отбита. После полудня Бонапарт подошел в тыл к австрийцам. Провере оставалось лишь сдаться со своими 6000 солдат в Ла-Фаворите.

За пять дней сражений и маршей от 48-тысячной армии австрийцев осталось всего 13 тысяч бегущих солдат. Это было достигнуто лишь благодаря великолепной выносливости и храбрости французской пехоты. Дивизия Массены, например, сражалась у Вероны 13-го; всю ночь она шла, чтобы попасть в Риволи рано утром 14-го, весь этот день дивизия вела бой с войском Альвинци, вечером, всю ночь и весь день 15-го была опять на марше в Мантую и закончила свой поход схваткой у Ла-Фавориты 16-го. Таким образом, за 120 часов солдаты участвовали в 3 боях и прошли 54 мили. Это потребовало поразительной доблести, и командир дивизии бесспорно заслужил свой будущий титул герцога Риволийского. Его единственным соперником на поле чести был Жубер, но этому блестящему военачальнику было не суждено дожить до раздачи титулов в эпоху Империи.

Разгром Альвинци и Проверы означал падение Мантуи с Вюрмсером. Без всякой надежды на помощь старый вояка продержался до конца месяца, но 2 февраля 1797 года эта огромная крепость наконец перешла в руки французов. Из всего гарнизона в 30 000 человек только 16 000 могли идти в плен на собственных ногах. Бонапарт по справедливости предоставил честь приема капитуляции генералу Серюрье и, признавая храбрость Вюрмсера, позволил ему, сделав рыцарский жест, выйти из крепости свободным, с эскортом и всеми военными почестями.

Падение Мантуи практически завершило завоевание Северной Италии французами. Австрийские армии были отогнаны в Альпы, и Бонапарт получил возможность укреплять и расширять свои завоевания. В тот же день, когда Вюрмсер вручил Серюрье ключи от города, его главнокомандующий уже направлялся в папские территории. Оставив Жубера с 10 000 солдат удерживать Трент, Бонапарт с 9000 солдат ворвался в Романью и принудил Святого Отца подписать договор в Толентино, по которому Директории следовало 30 миллионов франков для продолжения войны против Австрии. Несмотря на разгром при Риволи и потерю Мантуи, австрийское правительство не желало идти на переговоры с французским правительством и начало собирать новую армию, поручив командование своему лучшему полководцу — эрцгерцогу Карлу. Хотя Италия была полностью в руках французов, но еще предстояло завершить войну.

Глава 11

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЛЕОБЕНУ

Французская армия была недостаточно сильна после падения Мантуи, чтобы идти на Вену, так как имела только 55 000 человек. Но в следующем месяце Директория наконец признала правду о своем военном положении и внесла радикальные изменения в генеральный план ведения войны. До сих пор итальянский фронт считался второстепенным, что влекло за собой вечные ограничения в подкреплениях. Но сравнение успехов генерала Бонапарта и поражений его старших коллег на главном германском фронте больше не позволяло игнорировать Наполеона. В силу этого усталое от войны французское правительство сменило приоритеты. Бонапарту следовали подкрепления до 80 000 человек благодаря передаче ему дивизий Бернадота и Дельмаса, и с этих пор его операции стали считаться главными среди всех других фронтов, что имело целью облегчить положение на Рейне и в надлежащее время обеспечить благоприятный мир с Веной.

Однако типично, что Бонапарт не собирался откладывать свое наступление в ожидании прибытия подкреплений. Он знал, что эрцгерцог Карл сосредоточил не менее 50 000 человек в области Фриули и Тироле. В конце февраля эти силы были еще рассеяны, но с каждой неделей имперский главнокомандующий все больше собирал войска в кулак и улучшал их диспозицию.

Все говорило в пользу нанесения скорейшего удара, и французский командующий решил нанести этот удар по Вене через Фриули. Нельзя считать, что Бонапарт недооценивал своего противника, и его план кампании отражает его крайнюю осторожность. Не менее трети из имеющихся 60 000 французских солдат должны были, расположившись вдоль реки Авизио, охранять Тироль под командованием Жубера. Бонапарт рассчитывал, что, если неожиданное наступление австрийцев будет направлено на юг по старому пути, Жубер сможет отступить с боями до Кастельнуово не менее десяти дней. За это время Бонапарт успеет сняться со своего направления при наступлении по Фриули и форсированным маршем по долине Бренты зайдет в тыл противника у Трента. Разумеется, это был план на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Если все шло хорошо, то два клина наступления французов — Бонапарт и Жубер — должны были продвигаться по сходящимся операционным направлениям и окончательно соединиться в долине реки Драва для решающего броска на Вену.

Предварительные операции начались на последней неделе февраля, когда дивизии Массены, Гийо (заменял Ожеро), Бернадота и Серюрье переправлялись через реку Брента и оттеснили слабые австрийские заслоны в Примолано, который был сдан 1 марта. Этот успех открыл путь на Трент и завершил меры Бонапарта по обеспечению безопасности. Перед Итальянской армией высились головокружительные дефиле в главной альпийской цепи, но генеральное наступление было отложено на неделю, — ожидали, чтобы успел стаять снег на важнейших перевалах. Наступление возобновилось только 10-го.

Из разведывательных источников Бонапарту было известно, что эрцгерцог Карл сосредоточил основную часть своих войск между городами Спилимберго и Сан-Витто, и он предположил, что австрийский командующий намеревается начать отступление с боем, заманивая противника в глубь труднопроходимых Альп. Имперская армия могла избрать четыре направления обхода. Первое — по долине Тальяменто, второе — вверх по реке Изонзо до большого перевала Тарвис, третье — между Лайбахом и Клагенфуртом и последнее — вдоль реки Мур от Марбурга до Брука через Грац. В последующие недели Бонапарт решил закрыть по очереди все эти проходы вдоль долины.

Первый этап марша французов шел через Сачиле к Вальвазоне; 32 000 человек направлялись по главной дороге на Вену, а Массена с 11 000 солдат остался в предгорьях Альп, чтобы охранять левый фланг и не дать эрцгерцогу Карлу сделать бросок в Тироль. Четырнадцатого марта Массена разбил небольшой отряд под командованием Лузиньяна около Серравилля и на следующий день обнаружил авангард главного войска в Сачиле, где произошла ожесточенная перестрелка. Первую большую преграду — реку Тальяменто — почти достигли 16 марта Гийо и Бернадот и переправились через реку под прикрытием сильного артиллерийского огня, захватив австрийцев врасплох и взяв 6 пушек и 500 пленных. Имперская армия отошла к Удине, и Бонапарт успешно прорвал первую линию противника.

Французы не давали эрцгерцогу передохнуть и преследовали его войска до Изонзо, а Массена подошел к Тарвису. Карл послал три дивизии на помощь Лузиньяну, чтобы удержать главное ущелье близ города, но они опоздали и вскоре оказались меж двух огней, так как Бонапарт подходил с тыла. Много солдат спаслось от плена, бежав в горы, но 32 пушки, 400 повозок и 5000 пленных попали в руки французов. Тем временем Бернадот гнался за отрядом имперской армии, отступавшей к Лайбаху, а генерал Дюжюа захватил большой арсенал Триеста своим

кавалерийским отрядом. Таким образом, австрийцы потеряли вторые ряды линий коммуникаций, но Бонапарта уже начали беспокоить его чрезмерно растянутые коммуникации. Чтобы обезопасить их, он организовал новый центр операций, который должен был служить базой для последующих наступлений в Пальма-Нове.

За это время Жубер успешно воевал в Тироле, дойдя до Ботцена, и Бонапарт знал, что пришло время начинать третье наступление. Целью удара теперь был Клагенфурт, и, чтобы обезопасить левый фланг своих основных сил от возможного нападения австрийского отряда, продвигавшегося от Инсбрука через перевал Бреннер, Бонапарт приказал Жуберу занять Бриксен, находящийся на главном пути. Двадцать девятого марта основная армия вступила тремя дивизиями в Клагенфурт (Массена, Гийо, Шабо, заменивший опять заболевшего Серюрье), и Бонапарт получил возможность открыть коммуникацию с Жубером вниз по долинам Дравы и Пустера. Но в Клагенфурте французское наступление приостановилось. Большие отряды находились в Бриксене и на Изонзо для охраны обоих флангов, в то время как большие силы генерала Виктора были далеко, в Романье. Бонапарт нуждался в пополнении, чтобы совершить окончательный бросок на Вену. Чтобы дать возможность своим находившимся на большом расстоянии частям примкнуть к главным, молодой генерал принял смелое решение оставить все свои коммуникации и устроить новый центр операций в Клагенфурте. Жубер, Бернадот и Виктор — все получили приказ сосредоточиться в новом центре, и только 15 000 человек под командой Фриана были оставлены для охраны Триеста.

Но теперь возникло новое осложнение. Успех наступления на Вену зависел от согласованности двух операций по сходящимся направлениям — Бонапарта из Италии и Моро с Рейна, но тот не подавал признаков подготовки к переходу в наступление. Бонапарт попал в незавидное положение. Он не обладал достаточным количеством боевых сил, чтобы наступать на Вену одному, но если он остановится в Клагенфурте или отойдет, кампания будет проиграна. Время шло, а Итальянская армия не двигалась, и у австрийцев стал подниматься моральный дух.

Там, где нельзя было добиться цели силой оружия, Бонапарт прибегал к дипломатии. Тридцать первого марта он обратился к эрцгерцогу Карлу с предложением приостановить военные действия, надеясь этим выиграть некоторое время, чтобы Моро мог начать свое наступление. Чтобы создать впечатление, будто он действует с позиций силы, Итальянская армия отважно рванулась вперед, к 7 апреля заняла Леобен. Части авангарда достигли перевала Земмеринг, откуда виднелись башни и шпили Вены, уже находившиеся в 25 милях к северу. В этот же день австрийцы согласились на пятидневное перемирие.

Но это было лишь временным решением проблемы; на деле положение непрерывно ухудшалось. Моро все еще тянул с наступлением, а тирольцы и венецианцы поспешили воспользоваться уходом войск Жубера и Бернадота, чтобы немедленно приняться поднимать восстания. Бонапарту пришлось снова прибегнуть к дипломатическим мерам. Тринадцатого апреля он обеспечил продление перемирия еще на пять дней и по собственной инициативе, не дожидаясь прибытия генерала Кларка (официального полномочного представителя Директории), 16 апреля предложил проект основы для официальных переговоров. Императорский двор колебался, напряжение росло. Если 18 апреля не придут известия о французском наступлении на Рейне или благоприятный ответ из Шёнбрунна, обнаружится слабость Бонапарта и игра будет проиграна.

В самый последний день австрийцы сдались. Видя, что Ош и Моро готовы к переправе через Рейн, имперские министры советовали императору подписать предварительные условия мира в Леобене. Некоторые статьи были впоследствии модифицированы в мирном договоре в Кампо-Формио, подписанном 17 октября 1797 года, но первоначальные предложения Бонапарта были в значительной мере приняты. Император решил уступить Бельгию Франции, согласился на занятие

его левого берега Рейна и Ионических островов и признание новой Цизальпинской республики, образованной объединением Милана, Болоньи и Модены. Взамен французы передавали Австрии Венецианскую республику, Далмацию и Фриули, оставляя тем самым Шёнбрунну точку опоры в Италии, что означало практически залог будущей войны.

Леобенское соглашение явилось достойной вершиной и концом тяжелой и длительной итальянской кампании 1796—1797 годов. С небольшими перерывами операции длились более чем двенадцать месяцев, и о невероятной напряженности боев свидетельствует высокий процент серьезно заболевших старших французских офицеров, не говоря о рядовых. Боевые действия почти всегда были крайне ожесточенными, потому что, несмотря на все отжившие доктрины, регулярная австрийская армия была грозным противником, и большее число ее генералов отнюдь не были бездарностями. Французские солдаты — полуволонтеры — могли издеваться над «шагающими мушкетерами» имперской армии, но им самим потребовалась их прославленная способность к отчаянным порывам и стойкость для победы над врагами, а также расцветающий гений Наполеона Бонапарта, чтобы разгадать замыслы противника и превзойти в военном искусстве австрийских полководцев.

Глава 12

МЕРА УСПЕХА

Уроки и военное значение первой итальянской кампании были очень важны для полководческой карьеры Наполеона. Впервые он проверял на практике те идеи, которые он уже сформировал относительно управления войсками. Кроме осады Тулона и недолгой кампании на лигурийском побережье в 1794 году, у него было мало опыта личного участия в активных крупномасштабных боевых действиях. В громадной мере его великолепное воображение и феноменальные умственные способности оказались достаточными, чтобы компенсировать отсутствие опыта, но, как и следует ожидать, молодой генерал Бонапарт сделал ряд ошибок на первом этапе овладения полководческим искусством.

Бонапарту повезло в двух отношениях. Во-первых, ему не пришлось создавать армию на пустом месте. Он унаследовал от Шерера потенциально хорошее оружие, несмотря на нищее продовольственное и вещевое снабжение и низкое моральное состояние войск. Более того, его дивизионные генералы Массена, Ожеро и Серюрье были опытные военачальники с прекрасной репутацией, что и было причиной почти всех первых успехов генерала Бонапарта. Во-вторых, у него было определенное везение во взаимоотношениях с противниками, когда он еще только начинал карьеру полковника. В первой фазе кампании это были Больё, Колли и Аржанто — военачальники весьма среднего качества; позднее ему пришлось сражаться со значительно более способными генералами — Вюрмсером и Альвинци: но хотя они были куда более «твердыми орешками», чем их предшественники, все же они не были самыми крупными и грозными противниками среди австрийцев. В результате только что «становящийся на крыло» Бонапарт сумел воспользоваться теми серьезными ошибками, которые они все поочередно совершали, и в то же время преодолеть самые тяжелые последствия собственных ошибок.

Если общеизвестно, что Бонапарт нарушал некоторые так называемые принципы ведения войны на разных этапах кампании, то нет сомнений в том, что его противники были виновны в гораздо более тяжелых нарушениях правил. Бонапарта несколько оправдывает, что он только еще овладевал военным искусством, тогда как ошибки его более маститых врагов нельзя иначе квалифицировать, как

профессиональную некомпетентность и заостренную приверженность устаревшим военным идеям.

Ни одна военная кампания не может быть эффективно проведена, если за всеми операциями не стоит четко намеченная и неуклонно преследуемая цель. Нет оснований для серьезной критики первоначальной цели Бонапарта в апреле 1796 года; жестокая необходимость поставила перед Итальянской армией дилемму — «достичь Ломбардии или голодать», и, отколов силы Больё от Колли, против которого он и сосредоточил свои усилия, Бонапарт успешно выполнил задачу по выживанию армии. Однако в последующие девять месяцев молодой генерал не всегда был на уровне своей ранее проявленной целеустремленности. В последующие годы он всегда провозглашал, что главными целями любой войны должно быть уничтожение полевых армий противника и подавление его воли к дальнейшему сопротивлению. В этой кампании он не выполнил ни одной из этих целей. Он так и не разбил наголову австрийскую армию, несмотря на то что выиграл чуть не десяток сражений — от небольших — у Монтенотте и Лоди, — до более крупных битв при Кастильоне, Арколе и Риволи. Это не было целиком его виной: французское правительство не проявляло должного рвения для обеспечения пополнениями Итальянской армии до весны 1797 года. Именно из-за этого Бонапарт был вынужден потратить чуть не весь год на стратегическую оборону, прибегая иногда к крайним мерам, чтобы удержать рубеж обороны против многократных австрийских атак силами графа Вюрмсера и Альвинци, даже учитывая их малую эффективность.

Тем не менее он совершил две ошибки. Во-первых, обуреваемый желанием взять мощную крепость Мантую, он позволил себе разделить свои скудные ресурсы надвое перед лицом двух несовместимых целей: поражение противника на оперативном просторе и блокирование гарнизона крепости. Можно возразить, что Бонапарт обдуманно использовал Мантую как приманку для отвлечения австрийских армий от Рейна. И то, что он был вынужден дважды снимать осаду и с трудом отбил австрийское наступление, показывает, что безопасность французов висела на тонкой ниточке. Этим подтверждается, что он был в некоторой степени виновен, колеблясь между двумя альтернативными направлениями действий. Однако позднее он твердо уверовал в то, что приоритет должен отдаваться полевым операциям. Во-вторых, трудно оправдать его отказ подчиниться приказу Директории соединиться с генералом Моро в Тироле для совместного наступления на австрийцев осенью 1796 года. Когда он повернул войска и направил их вниз по долине Brenty, преследуя австрийскую армию, он, несомненно, не повиновался приказу и вместе с тем помог осуществлению самых заветных надежд венского кабинета и самого генерала Вюрмсера. Собственно говоря, Мантуа оказалась и для Бонапарта такой же губительной приманкой, как и для австрийских генералов, и только после падения этой крепости в феврале 1797 года Итальянская армия возвратилась к своей первоначальной стратегии и направилась на Вену. Даже тогда Бонапарту не удалось сломить волю противника к сопротивлению. Леобенское перемирие и последующий мирный договор Кампо-Формьо, в сущности, являются всего лишь передышкой в военных действиях.

В 1800 году снова встала задача завоевания Северной Италии.

Разумеется, постановка задачи и преследование цели австрийцами заслуживают неизмеримо более суровой критики. Нельзя осуждать австрийцев за их устаревшие догмы и косность, так как все же они провели четыре крупных наступления одно за другим в течение семи месяцев, но венский кабинет фатально ошибся в конечной цели своих операций. Вместо того чтобы направить все свои усилия на преследование и уничтожение численно более слабой и рассеянной на больших расстояниях французской армии, члены кабинета поставили на первое место освобождение Мантуи, видимо, не понимая, что наилучшим способом достичь этого было бы решительное уничтожение Итальянской армии на отдель-

ных направлениях широкого фронта. Вместо этого Вюрмсер в июле успешно пробивает себе путь к городу, заставив французов снять осаду, но затем в течение нескольких дней теряет время, стоя у стен Мантуи, вместо того чтобы сразу пуститься на поиски Бонапарта.

Эта задержка как раз и дала французам время, чтобы сосредоточить достаточное количество сил и выиграть сражение у Лонато и Кастильоне, в результате которых Вюрмсер был оттеснен обратно и вынужден был идти по тому же пути, откуда пришел, а Бонапарт смог возобновить осаду Мантуи. Во время своей второй попытки спустя два месяца Вюрмсер снова пошел на Мантую, хотя уже с войсками в несколько потрепанном состоянии, и только для того, чтобы самому попасться в эту мышеловку и добавить лишние рты к иссякающим запасам продовольствия у осажденных. Точно так же последняя попытка Альвинци прийти на помощь Мантуе окончилась тем, что посланный на выручку ему отряд Проверы был вынужден сдать перед стенами крепости. Весь год Мантуа роковым образом притягивала австрийские полевые силы и приводила их к одному тяжелому поражению за другим.

Хотя безусловно Бонапарт заслуживает критики за преследование одновременно нескольких целей, нельзя не воздать ему должное за то, как неутомимо он осуществлял давление на австрийцев. Несмотря на то, что его численная слабость и неудачи главных французских наступлений на рейнском фронте вынудили его перейти к стратегической обороне, большую часть рассматриваемого времени он ни на один день не отказывался от тактического наступления. Полностью используя свое положение в центре, он атаковал, контратаковал, преследовал и изматывал своего более сильного противника, не давая ему передышки, пока не сломал его решимость и не заставил отказаться от своих задач; проведение Бонапартом операций под Арколой и Риволи великолепно доказывают наличие у него больших тактических способностей. Действия же австрийцев показывают обратное: гарнизон Мантуи, часто количественно превосходящий осаждающих, проявлял мало активности даже тогда, когда генералу Бонапарту пришлось отозвать свои блокирующие силы. Только храбрый граф Вюрмсер проявлял наступательный дух в период своего вынужденного заточения в крепости. В целом австрийские генералы в своих боевых действиях проявляли недостаточную инициативу или наступательный азарт, даже имея сильные преимущества. Например, Давидович не смог прижать отходящую дивизию Вобуа в критические дни ноября, когда Бонапарт напрягал все силы, чтобы выиграть сражение под Арколой у Альвинци. Несомненно, нерешительность стоила австрийцам проигрыша этой фазы кампании.

Еще один пример — промедление в продвижении Вюрмсера до Кастильоне. Бонапарт же, в отличие от них, старался изо всех сил все время держать неприятеля под ударом и почти не упускал случая так поступать, даже ценой невосполнимых потерь и все растущего изнеможения солдат.

Один из основных принципов Наполеона — понимание важности максимального сосредоточения сил в нужном месте и в нужный момент — то есть на поле боя.

Другая заметная особенность первой итальянской кампании — способность Бонапарта собрать наибольшее количество солдат на поле боя. Австрийцы же, наоборот, без конца использовали плохо продуманную стратегию, которая оказывалась на руку французам. В каждой из своих четырех попыток освобождения Мантуи австрийское высшее командование разделяло свои силы на разобщенные отряды, отправлявшиеся по расходящимся направлениям, что не позволяло скоординировать действия в надежде отвлечь внимание Бонапарта и вызвать такое же дробление его сил. Однако это приводило к уничтожению сил австрийцев по отдельности и мешало возможности добиться решающего численного превосходства в критический момент сражения, что шло вразрез с принципом подлинной экономии сил.

Тактическая гибкость и умение французских солдат совершать молниеносные марш-броски позволили главнокомандующему Итальянской армии опережать и

приводить в замешательство своих медлительных противников, мыслящих устаревшими догмами. Бонапарт всегда появлялся в неожиданных местах, так было при попытке форсировать реку По в глубоком тылу Больё, при стремлении спасти Верону, став поперек линий коммуникаций Альвинци или бросившись на север от Арколы, чтобы укрепить колеблющиеся ряды войск Вобуа. Быстрота и неожиданность были двумя главными факторами в успехе этого корсиканца, позволявшими ему расправляться с превосходящими силами противника в быстрой последовательности, не подвергая риску свои шансы на окончательную победу. Бросок Ожеро на поле боя у Кастильоне и длительный марш Массены к сцене битвы у Риволи, а оттуда обратно к Мантуе без минутной передышки — таковы примеры быстроты и выносливости французских войск. По сравнению с ними тщательно расписанные попытки австрийцев добиться преимущества искусством маневрирования были безнадежно медленны и плохо согласованы.

В административных вопросах не блистала ни одна сторона; французская армия часто голодала, и вынужденное мародерство приводило к серьезным нарушениям дисциплины, а иногда и к дезертирству, как перед вторым Дего. Также ошибка в расчете рационов у Альвинци лишила его шансов на успех у Риволи. Французы тратили много энергии и времени, изыскивая средства переправы и разведывая броды в многочисленных водных препятствиях в долине По, а французское правительство даже не сделало попытки обеспечить армию Бонапарта понтонным мостом, который намного бы облегчил эту задачу. Действительно ли были неизбежны эти ожесточенные сражения за мосты у Лоди, Ронко и Арколе, если в каждом случае через некоторое время находили броды неподалеку? Вероятно, затраты времени на сооружение мостов были невыносимы для динамического характера Бонапарта.

Особенного успеха Бонапарт добивался своим несравненным даром объединять вокруг себя людей, вызывая у них чувство преданности к себе, граничащее с обожествлением. Его моральное состояние бывало очень разным в разные моменты: после Лоди он чувствовал себя вознесенным над прочими смертными; перед Кастильоне его настроение было колеблющимся и подавленным; таким же он был в критические дни под Арколой. Но что касается его солдат, несмотря на то что он изнурял их маршами, плохо кормил, почти не платил жалованья и бесконечно требовал от них храбрости и выносливости, Бонапарт стал после Лоди их идолом, создав узы личной привязанности, которые заставляли солдат, даже идя на верную смерть, кричать «Vive Bonaparte!».

Во многих отношениях итальянская кампания знаменует конец эпохи. Ограниченные войны XVIII столетия стали быстро подходить к концу перед взрывом энергии и идей французских революционных армий, впервые получивших полководца, действительно достойного их потенциальных талантов. Ибо этот период отмечен появлением одного из величайших стратегов всех времен. В марте 1796 года Наполеоне Буонапарте был известен лишь узкому кругу лиц во Франции, но через год его имя привычно звучало в любом уголке Европы. Однако и после Лобена только немногие увидели в худом молодом человеке в большой шляпе и неуклюжих сапогах (за что светские кокетки Парижа прозвали его Котом в Сапогах) будущего повелителя двух третей Европы и бича Божьего для древних монархий, тогда как пока его военные успехи завоевали ему славу прекрасного командира и все пророчили ему блестящую военную карьеру. Среди французских генералов только Моро стоял на одном уровне с ним по популярности. Жалкие дни Аяччо и Бриенна были теперь уже в далеком прошлом. Молодой орел поднялся на крыло, и его вела Судьба. Ибо, как пронизательно заметил генерал Массена при первой встрече с ним (сохраняя некоторую свою грубость и нарушение норм языка): «Ну, и нагнал же этот... малый на них страху!»(37)

Часть третья

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА

Изучение наполеоновской философии войны. Анализ его стратегических и тактических методов и источники его идей

Введение

СЛОВА УЧИТЕЛЯ

Война всегда была одной из самых страшных и наименее плодотворных форм человеческой деятельности. Старая шотландская поговорка говорит: «Война начинается, когда ад открывается»(1). Ту же мысль повторил генерал Уильям Текумсе Шерман — отнюдь не самый добрый и мягкий участник Гражданской войны в Америке — в своей речи в Коламбусе (Огайо): «Многие из вас смотрят на войну как на славу и героизм, но, ребята, это — настоящий ад»(2). И тем не менее, несмотря на естественное отвращение нормального человека к боли, страданиям и жестокости, в военных делах таится какая-то настойчивая притягательная сила, затрагивающая почти каждого в большей или меньшей степени. Это подметил и великий писатель Томас Гарди: «Война делает историю захватывающей, читать про мир — скучно»(3). Для людей же, серьезно исследующих историю войн, еще большее наслаждение — изучать войны, которые велись великими полководцами; подробный анализ их трудов и особенно их действий стимулируется честолюбивой надеждой открыть секрет их успехов и причины их неудач.

В этом отношении наполеоновская система ведения войн и проведения сражений — наиболее захватывающий и вместе с тем загадочный предмет изучения. Она всегда привлекала огромное внимание историков и комментаторов — одних восхищающихся безмерно, других — осторожно. Но вероятно, наиболее справедливый и правильный анализ содержится в работах двух прославленных военных историков Франции — генерала Камона и майора Ж. Колена. Из современников Наполеона было только двое близко подошедших к пониманию его военного гения. Первым был барон Жомини, служивший официальным историком в штабе Наполеона и начальником штаба Нея до своего перехода на сторону союзников в 1813 году. Он смог понять несколько основополагающих идей Наполеона, но, к сожалению, в своих последующих работах пытался трактовать их с точки зрения концепций XVIII века. Второй современный ему исследователь — пруссак фон Клаузевиц. Он включил большой материал о сущности военного искусства Наполеона в свою знаменитую трехтомную работу «О войне» (впоследствии она стала военной Библией для фон Мольтке, графа фон Шлиффена и прусско-

го генерального штаба). Однако он совершенно не понял значения решающего наполеоновского «стратегического маневрирования вне поля боя» (*manœuvrer sur les derrières*).

Главная трудность, встающая перед каждым военным историком, — понимание того, что Наполеон в действительности никогда не формулировал своей системы ведения войны, во всяком случае письменно. Отчасти это объясняется его намерением держать своих соотечественников, даже маршалов, в неведении; но главная причина в том, что его гений имел более практический, чем теоретический характер. В силу этого в его проведении кампаний всегда было столько вариаций и кажущихся экспромтов, что вполне можно прийти к поспешному выводу, будто у него вообще не было никакой «системы». Собственное утверждение Наполеона «*Je n'ai jamais eu un plan d'opérations*»¹ на первый взгляд подтверждает такой вывод, но изучение объемистой «Переписки» содержит много примеров, когда император подчеркивает прямо противоположное. Действительно, официальная переписка Наполеона полна противоречивых высказываний и, подобно тому как в Библии можно всегда найти цитату для оправдания любых поступков человека, так и император в то или иное время будто бы высказывается за прямо противоположные способы ведения военных действий. У исследователя иногда сразу складывается неправильное понимание истинного смысла его высказываний только из-за двойственности значения не всегда удачно выбранных слов.

Конечно, по рождению Наполеон был корсиканцем, и до самого конца жизни он полностью не овладел всеми тонкостями французского языка. Обычно его приказы стремительно диктовались толпе запыхавшихся секретарей, которые передавали свои дословные записи начальнику штаба Бертье для превращения в письменные приказы. Хотя Бертье обладал великим даром составлять ясные и четкие приказы командирам корпусов, в сущности, он был главным клерком, но проявлял склонность к самопрославлению. Он это признавал: «Я в армии — ничто, — как-то жаловался он. — Я получаю доклады маршалов на имя императора, и я подписываю приказы от его имени»(4). И кроме того, незаменимый Бертье имел склонность к буквализмам, и едва ли он решался заменить хотя бы слово в продиктованных Наполеоном указаниях. В результате в приказы вкрадывались еще заметные неточности, которые в дальнейшем начинали ставить в тупик военных историков, стремившихся отыскать истинные слова Учителя в его писаниях. Одно из общеизвестных высказываний Наполеона следующее: «Принципы войны — те же, что и осады. Огонь должен быть сосредоточен *на отдельной точке* (курсив наш. — Д. Ч.), и, как только будет пробита брешь, равновесие нарушается, и все прочее уже ничто»(5). Как указывает капитан Б. Лиддел-Харт, последующие военные историки ухватились за выражение «отдельная точка» и почти не заметили действительно важного слова «равновесие» в конце предложения, содержащее, безусловно, главное указание, которое император желал передать. Ибо победа завоевывается именно нарушением «равновесия» противника; сосредоточение огня и пробивание бреши — это только средства достижения настоящей цели, какой является психологическое подавление воли врага к продолжению сопротивления. Это не единственное неправильное понимание, вызванное одним подобным высказыванием. Споры бушевали и вокруг слова «точка». Одна школа утверждает, что Наполеон имел в виду самый сильный сектор на рубежах неприятеля, другая — что он говорил о слабейшем. Но изучение той кампании², в которой Наполеон сделал такое заявление, позволяет думать, что он с таким же

¹ «У меня никогда не было плана операций». Истинный смысл в том, что он никогда не связывал себя жестким планом, выработанным заранее. (Примеч. автора.)

² Кампания против Пьемонта, 1794 год. (Примеч. автора.)

успехом мог использовать слово «соединение», «стык» вместо слова «точка»; таким образом, такая мелочь, как неточный выбор одного слова, может вызвать бесконечные споры и непонимание(б). Наполеону приписывалось много идей, которые он бы первый опроверг.

Несмотря на эти проблемы, связанные с непоследовательностью и отсутствием четкости, все же основные представления Наполеона о войне лучше всего изложены на страницах его официальной «Переписки». Военные бюллетени во время кампаний, а затем написанное на Святой Елене часто составлялись с расчетом сбить с толку врага или оправдать, ссылаясь на вновь открывшиеся факты, некоторые ошибки Наполеона, и, следовательно, к ним не может быть полного доверия. Но в его повседневных письмах и приказах содержится много путеводных нитей, особенно в тех случаях, когда он упрекает подчиненного за какие-нибудь ошибки или добавляет примечания с объяснением сложной серии указаний по перемещению войск. Именно в таких случайных обстоятельствах Наполеон иногда «ронял перлы» полководческой мудрости для своих маршалов, по которым можно получить представление о его действительных убеждениях. Но и здесь нужна большая осторожность. Наполеон никогда не придерживался жесткой системы принципов, но постоянно вырабатывал и корректировал свои идеи в каждой конкретной обстановке; иногда он формулировал свои указания с учетом способностей и склонностей определенного военного или государственного деятеля, к которому он обращался, и часто кажется, что в процессе этого он противоречил своим важнейшим высказываниям. Ум гения, о котором свидетельствуют его произведения и приказы, неизбежно многогранен и многоцветен, ибо таковым же является и само военное искусство. Нельзя сомневаться в том, что дела больше говорят о человеке, чем слова, поэтому любой анализ наполеоновского искусства ведения войн должен исходить из изучения реальных событий.

Глава 13

ИСТОКИ ДОКТРИН НАПОЛЕОНА

Наполеон получил уже подготовленную и закаленную для войн армию от своих предшественников эпохи королевского режима и начала революции, точно так же и многие свои стратегические и тактические идеи он почерпнул у мыслителей и полководцев прошлого. Одна из наиболее интригующих сторон полководческих успехов Наполеона — это отсутствие у него подлинной оригинальности. За некоторыми редкими исключениями, Наполеон не был новатором; скорее он продолжал и развивал идеи других полководцев; он лучше, чем любой другой военачальник его времени, видел весь потенциал французских военных доктрин¹ и

¹ Изучая поражения, понесенные в Семилетней войне, французские военные теоретики искали новую тактическую доктрину для действий пехоты. Были тщательно взвешены преимущества сражения в линейном или колонном строю. Каждый боевой порядок имел своих приверженцев, и результатом были страшные распри. Гибер внес некоторое равновесие, выступив в пользу линейного порядка, но признавал и ценность колонн для вступления в бой, особенно на пересеченной местности. Сторонники колонн — особенно Фолар и Мениль-Дюран — не принимали в расчет огневую мощь пехоты и проповедовали всемогущество внезапности и численного превосходства. Герцог де Бройль проводил опыты с использованием предложений последних в лагере Васье в 1778 году, но нашел их практически малоприменимыми. Исходом споров стал компромисс, отраженный во Временном строевом уставе 1788 года, где отрицался догматический подход к этому вопросу и предлагалось пользоваться преимуществами, которые давало во многих положениях принятие смешанного боевого порядка (*l'ordre mixte*) — сочетания линейного строя и колонн. Этот строевой устав в новой редакции стал действовать с 1791 года и явился теоретической основой для тактики пехоты, которая использовалась во время революции, Консульства и Первой империи (см. часть VI, глава 32). (Примеч. автора.)

вооруженных сил и умело соединял и использовал до конца все эти возможности с той холодной, расчетливой и безжалостной физической и моральной энергией, что лишь одна могла превратить слабую надежду в твердую реальность. Его вклад в военное искусство или усовершенствование армии Франции невелик; ценны сами его победы, и их он достиг, превращая теорию в реальность.

Развитие военных идей Наполеона вначале было чисто интеллектуальным процессом, и большая часть была, несомненно, выполнена в 1788—1789 годах, когда он девятнадцатилетним лейтенантом служил в училище артиллерийской подготовки в Оксонне. Кроме командования «демонстрационным орудийным расчетом», в его обязанности входила проверка новых теорий в области артиллерии — занятие достаточно интересное само по себе; молодой Бонапарт находил время для усиленного чтения, он использовал довольно полную библиотеку училища в качестве основного питания своего прожорливого ума. По словам генерала Камона, он был «пожирателем книг». Он читал том за томом, затем безжалостно анализировал и брался за новый. Наполеон извлекал идею за идеей и тщательно взвешивал каждую, прежде чем ее отбрасывал или находил ей место в своей поразительной памяти. Постепенно идеи из разных источников начинали срашиваться и сливаться в его сознании, когда математический ум Бонапарта прорывался через несущественное, чтобы извлечь рациональное зерно. Мало-помалу начинали складываться основные концепции военного искусства, которым суждено было определять следующие двадцать семь лет его жизни. Молодой офицер подчинял себя строжайшей дисциплине труда. «В военных, общественных или административных делах, — писал он спустя долгие годы, — необходимы глубокие размышления, глубокий анализ, а также способность долгое время сосредоточиваться на предмете не уставая»(7).

Следовательно, свои основные военные идеи Наполеон вначале почерпнул скорее из книг, чем из личного боевого опыта. Правда, эти убеждения затем часто видоизменялись в свете приобретенного опыта, но они были основаны на вере Наполеона в то, что «в искусстве Войны, как и в Природе, ничто не теряется, ничто не создается»(8). Он ясно отдавал себе отчет, что тот ранний период его жизни был исключительно важен для его формирования. «Я сражался в шестидесяти битвах, — говорил он позднее, — и не узнал ничего, чего бы я не знал вначале»(9). Едва ли это высказывание справедливо, иначе это было бы губительным ударом по репутации Наполеона как полководца. Военная доктрина должна быть развивающейся наукой, растущей и совершенствующейся, так как иначе она деградирует до уровня простой догмы (как это случилось в прусской армии к 1800-м годам), и тогда ее неизменно ждет крушение. С другой стороны, мало у кого из его современников-военачальников в биографии умещалось так много военного опыта, как у Наполеона за одиннадцать лет между получением первого офицерского звания в 1785 году и назначением командующим армией.

Молодому Бонапарту еще исключительно посчастливилось со знакомствами, сделанными им во время пятнадцатимесячного пребывания в Оксонне, где начальником артиллерийского училища был прославленный артиллерист барон дю Тейль — один из первых, кто почувствовал великое будущее девятнадцатилетнего корсиканца. Руководство и поддержка дю Тейля помогли Бонапарту заняться глубоким изучением военного искусства в целом и предметов, непосредственно относящихся к избранному им роду войск. Старик давал читать своему протеже книги, в том числе и знаменитую книгу по артиллерии своего брата¹, и был всегда готов обсуждать с ним тонкости военного искусства.

¹ Шевалье Ж а н д ю Т е й л ь. Об использовании новой артиллерии в маневренной войне... — Париж, 1778.

Дю Тейль сам был учеником великого Грибоваля¹ и несомненно оказал важное влияние на формирование идей Бонапарта в юности.

Библиотека в Оксонне была золотым дном для юного корсиканца. Первое место в его чтении занимали книги по военной истории. «Читать и размышлять о войнах великих полководцев, — писал он впоследствии, — это единственный способ правильного изучения военной науки»(10). Он жадно читал все, что мог достать, — в особенности истории Вежеса, Флоара и Гримоара — о кампаниях Кира и Александра Великого, Цезаря, Тюренна, Люксембурга, принца Евгения, маршала Мориса Саксонского и больше всего — Фридриха Великого. Эти героические фигуры далекого и более близкого прошлого воспламеняли его воображение и превращались в его постоянных мысленных спутников — его вдохновение черпало многое из их великих достижений. Но он читал все это не только с пылом увлечения, но и критически, и из их ошибок или недостатков он извлек для себя не меньше пользы, чем из их успехов.

Далее, вероятно, он перешел к изучению работ современных или почти современных ему историков военного искусства. На первом месте, безусловно, снова стоял Фридрих Великий; его знаменитая «Секретная инструкция» прусским генералам вызвала одобрение и восхищение Бонапарта своим ясным и реалистическим подходом к стратегии. Вероятно, он изучал и произведения уэльсца Генри Ллойда, который поочередно служил в австрийской, прусской и русской армиях в середине XVIII века, а также аналитические работы Тюрпина де Криссе, Гримоара и Бороже. Но прежде всего он читал и перечитывал знаменитый «Общий очерк тактики» Жана Антуана Ипполита графа Гибера (1743—1790), впервые вышедший в 1772 году, когда автору было только 29 лет; изучал также и следующую его книгу «Защита системы современной войны»; опубликованную семью годами позже. На Бонапарта оказала влияние и книга Пьера де Борсе «Принципы войны в горах», написанная между 1764-м и 1771 годами. Из этой книги почерпнуто много схем кампаний, проведенных в 1794-м и в 1796 годах. Что касается чтения по своему предмету, Наполеон мог использовать труды обоих братьев дю Тейль и других учеников великого Грибоваля.

До конца жизни Наполеон с уважением отзывался об этих авторах, вдохновлявших и формировавших его военное мышление. Что же именно он узнал из их книг? Можно было бы привести много отрывков из них и сопоставить их с отрывками из бумаг Наполеона, отражающими те же убеждения и мысли. Они про-

¹ Г р и б о в а л ь, Жан Батист Вакедт де (1715—1789) — протеже такой спорной фигуры, как герцогу де Шуазель — провел большие реформы во французской артиллерии. В этом он частично продолжал работу своих предшественников, но его влияние было всеобъемлющим. Хотя воплощение многих его реформ прерывалось из-за периодов озлобленного сопротивления реакционных «красных» (возглавлявшихся Ла Вальером Младшим), когда он впадал в немилость. Идеи Грибоваля и его союзников (известных под коллективным названием «синие») в конце концов победили в 1774 году, когда король Людовик XVI приказал внедрить его систему в полном объеме.

Реформы Грибоваля затронули почти все стороны французской артиллерии. Полевая артиллерия была стандартизована до 3 типов орудий (12-, 8- и 4-фунтовые), к которым добавлялось определенное количество 6-дюймовых гаубиц и мортир. Орудия были облегчены за счет укороченных стволов, внедрены усовершенствованные способы литья и были заново сконструированы лафеты, хоботы и зарядные ящики. Теперь новое 8-фунтовое орудие вместе с хоботом и лафетом стало весить 1600 кг вместо 3200 кг — веса старой пушки, которую оно заменило. Увеличенные и усиленные колеса, улучшенная упряжь повысили мобильность, а усовершенствование прицелов, введение указателей наклона и обеспечение артиллерийскими таблицами улучшило баллистические данные. Введение заранее подготовленных комплектов выстрела (мешочки из ткани с ядром и зарядом) ускорило темп ведения огня; был создан также новый тип картечи. В области организации Грибоваль сделал стандартной батарею из 8 пушек для всей артиллерии и рекомендовал придавать каждой пехотной дивизии не менее одной батареи. При нем артиллерия была организована в 7 полков, каждый с собственным парком и школой. Полк состоял из 20 «рот», а именно: 12 канонирских, 4 бомбардиров и столько же инженерных. Было стандартизовано обмундирование. Таким образом, Наполеон унаследовал реорганизованную и в целом очень эффективную артиллерию. (Примеч. автора.)

являлись в философии войны, исповедуемой императором; интересны важные факторы, признаваемые им, описание его системы маневра и проведения сражения, добавления и примечания об источниках, влиявших на становление его идей в каждый период. Но несколько важных отрывков из Гибера заслуживают цитирования вначале, потому что они содержат знаменитое пророчество о приближении Французской революции и появлении великого вождя; вполне допустимо думать, что эти слова воспламеняли честолюбие и мечты девятнадцатилетнего артиллерийского лейтенанта в Оксонне и поэтому являются отправной точкой для нашего изучения наполеоновского военного искусства.

Великий философ писал это в 1772 году — в пору расцвета старого режима, и его слова явились уничтожающим осуждением Европы XVIII века (и будущих врагов Наполеона), критикующим экономические, политические и социальные системы, а также современные ему военные доктрины. Гибер предсказывал появление вооружившейся нации и пришествие вождя, подобного Наполеону.

«Каков может быть сегодня результат наших войн? — спрашивает Гибер своих читателей. — У государств нет ни средств, ни излишнего населения: Их расходы даже в мирное время превышают доходы. Тем не менее они объявляют войну. Они посылают сражаться армии, в которые они не могут набрать достаточно солдат и которых не могут прокормить. Победители и побежденные одинаково истощены. Возрастает объем национального долга. Кредит падает. Денег становится все меньше. На флотах не хватает матросов и в армиях — солдат. Министры обеих сторон понимают, что пора вести переговоры. Заключается мир. Несколько колоний или провинций переходят в другие руки. Очень часто причина ссоры все еще тлеет, и каждая сторона сидит у своих разбитых корыт, пытаясь заплатить долги, и готовит оружие.

Но предположим, что в Европе появится народ, одаренный энергией, гением, ресурсами, с сильным правительством; народ, который соединит идеалы аскетизма с организацией народного ополчения, который добавит к этому выработанный план расширения [своих границ]; который будет всегда иметь в виду эту цель; который, научившись воевать, не тратя много средств и живя за счет побед, не сложит оружия из-за финансовых расчетов. И мы тогда увидим, что этот народ подчинит себе своих соседей и опрокинет наши немощные конституции, как северный ветер гнет слабый тростник»(11).

«Современные правительства, — продолжает Гибер в другой части своей работы, — предпочитают доверять свои армии посредственностям, неспособным формировать их, послушным прихотям каждого, а не талантливым людям, которые могут завоевать слишком сильное доверие, могут противостоять модным мнениям, могут стать каналом благоволения правителя к армии и в конце концов стать избранниками солдат — настоящими военачальниками»(12).

Далее он продолжает (имея в виду упразднение избыточных вещей обзоров в армии): «Такая революция может быть достигнута только изменением духа и привычек, которые сейчас распространены. Но изменение духа и привычек нации не может быть делом писателя, каким бы он ни был. Это может быть только властитель или гениальный человек, в руки которого руль государственного руководства будет вложен великими невзгодами [нации] и общественным мнением, а не заговорами». Гибер заключает: «Среди таких людей, как эти, пусть появится — не может не появиться — какой-нибудь гений. Он как бы воспользуется всеми знаниями [накопленными обществом], он создаст политическую систему, он встанет во главе машины и даст ей толчок к движению».

Известный британский историк Спенсер-Уилкинсон комментирует: «Вот картина, способная стимулировать ум, воображение и честолюбие молодого офицера»(13).

Наполеоновская философия войны была простой и конкретной. Если между Францией и какой-либо другой державой существовало состояние враждебности,

была ли война официально объявлена или нет — это не имело серьезного значения, император, не мешкая и не колеблясь, стремился уничтожить полевые войска противника всеми имеющимися средствами, чтобы сломить его волю к сопротивлению (во всяком случае, так он надеялся). При достижении этой цели следовало действовать максимально быстро и решительно; все прочие соображения Наполеон считал второстепенными.

«В Европе много хороших полководцев, — говорил он в 1797 году, — но они видят слишком многое одновременно. Я вижу только одно, именно главные силы противника. Я стараюсь раздавить их, зная, что все второстепенное уладится само собой»(14). В этом заключается весь смысл, вся суть наполеоновской концепции войны: молниеносная атака, нацеленная на главное сосредоточение военной мощи противника — его армию.

Этот реалистический, brutальный и расчетливый подход к войне был резким отказом от более церемонных военных условностей XVIII века, и очень показательно, что Наполеон черпал многое для своей философии из заветов Фридриха Великого — знаменитого государя и полководца XVIII столетия. В своей «Секретной инструкции», написанной им для полевых командиров в 1748 году, великий прусский полководец выдвигал как образец именно тот тип войны, который было суждено далее усовершенствовать его еще более великому последователю. «Наши войны, — учил Фридрих, — должны быть быстрыми и краткими, ибо не в наших интересах затягивать дело; долгая война мало-помалу ухудшает нашу прекрасную дисциплину и приводит только к опустошению среди населения нашей страны и истощению ресурсов»(15). Фридрих указывал лучшие средства достичь быстрого решительного исхода. «Вы должны заставить противника принять от вас бой на марше; путем ускоренных маршей вы должны оказаться в его тылу и перерезать все коммуникации, или, в другом случае, вы должны угрожать городу, сохранить который для него жизненно важно...»(16) Как мы увидим, все эти правила занимают видное место в системе наполеоновской стратегии. «Однако, — добавляет Фридрих, — делая подобный маневр, нужно следить, чтобы самому не попасть в такое же неудобное положение». Снова и снова прусский король несокрушимо убежден, что «кровавое решение» (как позднее называет его фон Клаузевиц) является непременным условием успешной войны. «Именно сражение решает судьбу страны». Фридрих без всяких колебаний осуждает «позиционную войну» и завоевание территорий, как было общепринято в его времена. Сражающийся должен захватить инициативу и удерживать ее любой ценой; следует воздерживаться от искушения разделять собственные силы; любые средства достижения цели: обман, предательство, разрушения на территории врага (и даже на своей) — все должно использоваться без колебаний. И самое главное — неприятель должен быть выведен из равновесия: «Вообще все действия, к которым неприятель не готов, беспокоят его и заставят оставить свои позиции. Лучшие сражения — это те, которые мы навязываем противнику, не желающему их».

Мы часто встречаем эхо этих слов у Наполеона: «Именно на поле боя решаются судьбы крепостей и империй»(17). Император одобрял сочетание силы и хитрости, рекомендуемое Фридрихом. «В войне разрешено все, что полезно», — таково безжалостное и беспринципное заключение Наполеона. Однако порой он проявлял критическое отношение к своему великому предшественнику; хотя Наполеон постоянно повторял, что основные идеи Фридриха правильны, он был также убежден, что Фридрих в свое время не имел возможности их реализации.

Были и другие источники вдохновения в военном искусстве Бонапарта. Гибер сделал определенный, хотя и не непосредственный вклад в практику военного дела 70-х годов, неустанно критикуя ее. «Мы забыли искусство маневрирования войсками, — утверждает он в одном месте. — Мы можем выигрывать мелкие стычки аванпостов, но не умеем выигрывать большие сражения»(18), — пишет он далее.

Говоря о бездарных военачальниках после Тюренна, Гибер осуждает «несерьезность» войн XVII—XVIII веков. «Это неумение вести войну en masse, то есть отсутствие маневрирования одновременно всей армией, боязнь проведения сражений и замена этого тактикой разобщения — передвижений малыми силами, подставляющими под удар отдельные части, — это абсолютно противоречит принципам современной общевойсковой тактики. Собственно говоря, это уже распад военного искусства...»(19) Вероятно, Бонапарт принял близко к сердцу эти критические замечания Гибера.

В том, что касается времени, мнения Лазара Карно — революционного «Организатора Победы» и тоже ученика Гибера — были еще более актуальны. Во многом Карно был скорее администратор, чем полководец¹; его величайшим вкладом в войны Наполеона было создание эффективного оружия из хаоса и энтузиазма революционных волонтерских армий.

Некоторые части военной доктрины Карно безусловно были очень актуальны: «L'Audace, l'audace — toujours l'audace»² — был постоянный призыв Карно к его генералам, повторяющий слова великого Дантона. Во многих своих идеях он близко следовал доктринам Гибера. Он приближался к разгадке секрета успешной войны, когда писал, что «искусство полководца состоит в том, чтобы достичь превосходства над врагом, когда бы тот ни появился»(20). Однако у Карно не было той способности или характера, чтобы заставить полностью принять свою доктрину. Довести эти идеи до их логического и практического конца суждено было другому, намного превосходившему его гению.

¹ Лазар Карно возглавлял «Военный отдел» Комитета общественного спасения. Военный инженер, он мог соперничать даже с Наполеоном в способности к длительному напряженному труду; Карно сделал многое, чтобы реорганизовать не имевшие военного порядка армии Первой республики. Для согласования действий различных армий он создал Топографическую контору (le Bureau Topographique — прообраз генерального штаба). Через институты всемогущих представителей народа (représentants du peuple) — комиссаров Конвента — он добился установления некоторой дисциплины в армии, используя поощрения наряду с наказаниями для улучшения морального духа. Именно он был творцом «Амальгам» 1794-го и 1796 годов; он положил конец практике выборов офицеров, распустил массу «временных» волонтерских отрядов и на их месте создал 198 «линейных» и 15 легких полубригад, придав им в поддержку 213 резервных батальонов. Кавалерия была аналогично реорганизована в полубригады из 4 эскадронов в каждой.

В артиллерии Карно способствовал сохранению системы Грибовалья и значительно увеличил количество батарей на конной тяге. Он продолжил работу Дюбуа-Крансе по организации батальонов, батарей и эскадронов в сводные дивизии. Пять или шесть таких дивизий образовывали полевую армию, и к 1795 году официально имелось 15 армий Первой республики, каждая численностью (на бумаге) 100 тысяч. Такая численность, собственно, никогда и не достигалась, и считалось, что в 1795 году было 323 000 человек в линейной пехоте, 97 000 — в легкой пехоте, 59 000 кавалеристов, 29 000 артиллеристов и 20 000 человек в инженерных войсках, или 528 000 бойцов первого эшелона; кроме этого, вероятно, такое же количество было в Национальной гвардии, являющейся резервом. Далее Карно создал упорядоченную систему армейских и дивизионных штабов, придав командирам разное количество штабных офицеров, в зависимости от их чина и размера армий. Например, дивизионный генерал обычно имел 5 штабных офицеров и 4 помощника.

В качестве администратора Карно делал чудеса, обеспечивая новые армии снаряжением. Хотя провианта всегда не хватало и жалование практически не выплачивали, большинство армий было достаточно хорошо оснащено (Итальянская армия в 1796 году была исключением). Используя большие полномочия Комитета, Карно добывал валюту реквизициями, насильственными и договорными займами. Но финансовые трудности Республики были так велики, что Карно с самого начала настаивал на положении, что «война должна платить за себя сама». Он создал фабрики и литейные мастерские и в целом полностью заслужил свое почетное имя «Организатор Победы». Понимая основную проблему связи в войсках, он использовал оптический телеграф Шаппе для связи Парижа с Рейнским фронтом и организовал две роты для обслуживания аэростатов, применявшихся в разведке. (За ненадобностью последние перестали использоваться Наполеоном, очевидно, в какой-то момент малооптимистического настроения.)

То есть Карно создал то оружие, которое Наполеон впоследствии использовал с таким мастерством, Бонапарт умел улучшать и развивать, но редко изобретал новое.

Как ни велик был административный гений Карно, но как военачальник он имел ограничения. Правда, к июлю 1795 года его армии вынудили трех противников (Пруссию, Голландию и Испанию) выйти из Первой коалиции и заключить мир с Францией. (Примеч. автора.)

² «Смелей, еще смелей и всегда смелей» (фр.).

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ НАПОЛЕОНОВСКОЙ СТРАТЕГИИ

Наиболее выдающаяся черта наполеоновской стратегии — это ее безграничные гибкость и многовариантность. Тем не менее, несмотря на то, что император никогда не связывал себя никакими жесткими рамками устоявшихся правил проведения военных операций, существовали некоторые важнейшие принципы действия, которые он почти неизменно тщательно учитывал. Действительно, Наполеон часто говорил о важности надлежащего соблюдения «принципов войны» и в следующей выдержке дает определение значения этой чрезмерно часто употребляемой фразы. Он пишет в «Максимах»:

«Все великие полководцы древности и те, кто достойно шли по их стопам, совершали свои подвиги, повинуюсь правилам и принципам искусства, то есть правильности их сочетания и тщательному взвешиванию способов и результатов, усилий и трудностей. Они завоевывали успех только тем, что сами применялись к этим правилам, какими бы разными ни были смелость их замыслов и размах их операций. Они никогда не переставали делать войну настоящей наукой. Именно в этом качестве они — великие образцы для нас, и лишь подражая им в этом, мы можем надеяться соперничать с ними»(21).

Две фразы привлекают внимание в этом отрывке: «...тщательное взвешивание способов и результатов» и взгляд на войну как на «настоящую (или живую) науку». Первая фраза ассоциируется со следующими представлениями: с идеей экономии сил, тщательным соизмерением всех имеющихся военных и политических ресурсов с желаемой политической и военной целью. Эта цель состоит в уничтожении воли неприятеля к сопротивлению, при этом следует избегать: а) ненужной траты людских ресурсов на педантически построенные тыловые эшелоны или на выделение больших количеств войск на второстепенные цели, б) другой крайности — введения в бой слишком малых сил или в слишком поздний срок. Прежде всего нужно добиваться тщательно рассчитанного баланса средств и целей в соответствии с их первостепенностью. Тогда достигается желаемое уничтожение состояния равновесия у неприятеля — по возможности — еще до физического проведения решающего сражения. Вторая фраза относится к необходимости вести военные действия реалистически, решительно.

Для достижения этих военно-политических целей Наполеон, во-первых, прибегал к смелым наступательным действиям. «Делай войну наступательной; это единственное средство стать великим полководцем и познать тайны искусства»(22). Солдат, сидящий на своих позициях и ожидающий, пока нападёт противник, уже более чем наполовину побит до первых выстрелов, — так молодой Бонапарт понял пассивное положение солдат к тому времени, когда писал «Ужин в Бокере». Однако необходимость быть агрессивным не должна превращаться в безрассудство и бросание в атаку ради атаки: необходимо учитывать требования безопасности. Идеальным сочетанием этих двух противоречивых факторов, по Наполеону, является «хорошо продуманная и осмотрительная оборона с последующим быстрым и дерзким наступлением»(23), — то есть он предпочитал нападать с сильной позиции или из «центра операции», зная, что его коммуникации в безопасности, и дать врагу как раз столько времени, сколько понадобится, чтобы раскрыть свои намерения, и в то же время обнаружить его ошибки в диспозиции и расчетах.

Наполеон разрабатывал все свои планы с исключительной тщательностью, стараясь как можно меньше полагаться на волю случая. При возникновении вероятности войны с европейской державой император затребовал от своего библиотекаря максимально полный набор книг — исторических, географических или тематических, которые он прочитывал со всей энергией оксонских времен, составляя чет-

кую мысленную картину своего противника. Наполеон не признавал спешные и поверхностные приготовления к кампании. «Я привык продумывать свои действия на три-четыре месяца вперед, и я веду свои расчеты исходя из наилучшей мыслимой ситуации»(24). Это высказывание свидетельствует о методе и расчете времени в наполеоновском планировании. Он всегда разрабатывал вначале гипотетический план действий, включающий наиболее осложненное военное положение, которое он мог себе представить при его богатом воображении и зная силы, наличие возможной поддержки и склонности вероятного противника. Но сложившийся основной план не был окончательным для предстоящих операций; скорее он был «усредненным» или стандартным, относительно которого можно было бы оценивать все реальные события и мысленные поправки, соизмеряя их эффективность. Наполеон был убежденным сторонником разработки «альтернативного плана», необходимость которого он взял у Бурсе, который подчеркивал, что план должен «иметь много разветвлений»(25). Ибо после разработки основного стратегического плана император затем начинал анализировать каждый возможный вариант в цепи событий и проверял, удовлетворяет ли его генеральная диспозиция любым неожиданным обстоятельствам. «В войне все достигается только расчетами, — писал он. — Во время кампании то, что тщательно не просчитано во всех деталях, остается безрезультатным. Каждое дело должно вестись по определенной системе; случайность никогда не может принести успех»(26).

Вместе с тем Наполеон всегда учитывал роль чистой случайности на войне, зная ей цену. Вместо того чтобы отмахиваться от случайных, не поддающихся учету фактов, он требовал быть готовым к неожиданностям и уметь их систематизировать. Продуманным предвидением, учил он, можно свести к минимуму вред, наносимый случайностью. В каждый свой план — дневного ли перехода или целой кампании — Наполеон включал запас времени для исправления или использования непредвиденного.

В сражении Наполеон непрерывно взвешивал шансы в свою пользу. В начале сражения при Ватерлоо он сказал Сульту, что шансы в его пользу равны 90 против 10; когда в дело вступили пруссаки, он снизил эту оценку до 60 против 40. Это непрерывное взвешивание ситуации с меняющимися условиями является важной гранью наполеоновского гения. Его редко можно было поймать врасплох; его энциклопедическая память и проницательный ум предусматривали место практически для всякого мыслимого события за несколько часов или дней. Однажды он сказал: «Наука стратегии состоит, во-первых, в точном расчете всех шансов и затем в точном, почти математическом определении их места в своих расчетах. Именно в этом нельзя обманывать самого себя, и тем не менее одной незначительной величиной больше или меньше — и все может измениться.

Такое точное определение долей случайного и предвиденного может совершаться только в голове гения. Случайность, риск, шанс — называйте это как хотите, — тайна для обыкновенных умов становится реальностью для выдающихся людей»(27).

Для снижения элементов случайности в войне служит обеспечение боевых действий. В него, помимо прочего, входят мероприятия по сохранению в тайне от врага численности войск и своих намерений, а Наполеон был великий мастер дезинформации. Задолго до начала кампании опускалась завеса секретности; газеты — обычный источник информации о близящихся военных действиях в XVIII веке — попадали под безжалостный контроль и специально «настраивались» на подачу тех сведений, которые, по расчету Наполеона, заинтересуют противника; за несколько недель до открытия боевых действий через границы Франции не пропускались иностранцы, а секретная полиция Фуше удваивала старания в слежке за подозрительными лицами. Одновременно пускалась в ход изощренная машина дезинформации и открыто готовились к наступлениям на второстепенных направлениях,

чтобы сбить с толку противника и вывести его из равновесия. Все эти обычные для XIX века меры по обеспечению военной безопасности применялись Наполеоном в начале XIX века.

Затем, когда начинались настоящие боевые действия, для обмана противника применялось много стратегических хитростей. Впереди быстродвигающихся колонн легкая кавалерия — гусары, уланы, егеря — образовывали плотную подвижную завесу, через которую не могли поникнуть вражеские дозоры. Эта движущаяся завеса скрывала операционное направление (или марш) и в то же время защищала свои линии коммуникаций, непрерывно наведываясь на свою операционную базу (*place de campagne*), где вначале располагаются склады, госпитали и парки. Далее в интересах безопасности и для дезинформации Наполеон всегда непрерывно изменял состав своих главных соединений, руководствуясь стратегическими или административными соображениями. Он то добавлял сюда одну дивизию, то брал бригаду оттуда, создавая временный армейский корпус для выполнения особой миссии в разгаре кампании. Меры такого рода обычно сбивали противника с толку; например, австрийская разведка доносила, что 16 октября 1805 года V корпус маршала Ланна под Ульмом состоит из пехотных дивизий генералов Удино и Газана и легкой кавалерии Трейяра, но с 24-го числа того же месяца под команду Ланна добавились еще две пехотные дивизии, взятые из корпусов Нея и Мармона, и не менее трех отрядов кавалерии, взятые из кавалерийского резерва Мюрата. Даже если это изменение и становилось известным неприятелю, передача сообщения была далеко не мгновенной, и противник узнавал об этом в тот момент, когда уже шло продвижение французов на восток через реку Энс, и Наполеон по тем же стратегическим и административным соображениям уже перебросил три пехотные дивизии от Ланна, превратив их в новый временный корпус (VIII) под командой маршала Мортье. Таким образом, не было момента, чтобы неприятель мог получить «точную» информацию о численности французов или о диспозиции их частей.

Кроме того, в это же время летучая кавалерия Наполеона, выполняя свои контрразведывательные задачи, прочесывала каждую деревню, забирая всю корреспонденцию из почтовых ящиков в поисках информации о противнике; захватывала, если удавалось, одного-двух пленных, находила кучку дезертиров, выслушивая и в свою очередь передавая дальше деревенские слухи и сплетни. Из этой массы информации наполеоновскому штабу можно было установить, где неприятеля явно нет, и выработать представление о том, где он еще может быть. Как сказал герцог Веллингтон: «Все искусство войны заключается в узнавании того, что скрывается за другой стороной холма, или, другими словами, — в отсеивании уже известного от еще неизвестного»(28).

По мере уменьшения расстояния между обоими противниками становилось все труднее обеспечивать безопасность; в обе стороны лились потоки информации — часть, разумеется, ложной, но больше истинной. Затем, когда «завеса скрывалась», Наполеон полагался на скорость движения войск, чтобы завершить поход к растерянному противнику. Резко возрастала длина дневных переходов, запрещалось фуражирование, раздавались бережно сохранявшиеся в обозах рационы. Как описывает это Колен, «быстрога — это исконный решающий фактор стратегии Наполеона»(29).

Постоянное использование скорости и подвижности — основная черта кампании императора с начала до конца; именно эта особенность его стратегии наиболее выбивала из равновесия большинство его противников, воспитанных на традициях более неторопливых типов боевых действий. Его «ворчуны» — члены старой гвардии, — то ли жалуясь, то ли восхищаясь, говорили: «Наш император открыл новый способ воевать — не штыками, а нашими ногами»(30). Так, например, в один из критических моментов первой итальянской кампании генерал Оже-

ро за 36 часов переместил свою дивизию на расстояние 50 миль с тем, чтобы вовремя подоспеть к Кастильоне для сражения с Вюрмсером. В 1805 году Наполеон провел 210 000 солдат от Рейна к Дунаю и затем оттуда часть их — к окрестностям Ульма всего за 17 дней; за то время — между 24 сентября и 16 октября — войско одного только маршала Сульта покрыло расстояние 275 миль — настоящий подвиг непрерывного марша. В этой же кампании Даву прославился искусством форсированного марша. Вызванный Наполеоном из Вены, чтобы соединиться с ним у Аустерлица, Даву с главной дивизией III корпуса покрыл огромное расстояние в 140 километров почти за 48 часов, из которых не меньше 35 были потрачены на дорогу. Эти три примера, безусловно выдающиеся, — отнюдь не единственные. Наполеон с полным правом мог сказать: «Марши — это война».

Эта поразительная скорость маршей по дорогам Европы обусловлена тремя факторами: системой самообслуживающихся и более или менее самостоятельных дивизий и корпусов; французской системой отказа от медленных, неповоротливых обозов и использования вместо них принципа «подножного питания» и, наконец, железной волей и решительностью императора, умевшего запугать, обласкать и вдохновлять своих солдат на слепое послушание ему, причем день за днем, неделя за неделей. Ниже в этой главе мы рассмотрим эти факторы детальнее. Нет сомнения, что для Наполеона скорость была тем элементом, который мог преобразовывать опасность поражения в победу.

Это постоянное предпочтение быстрых маневров как главного принципа обнаруживает одну из главных концепций стратегии Наполеона — решающего значения времени и точного расчета по отношению к пространству. «Потеря времени невозможна в войне», — однажды сказал он. Соображения о сроках и расстояниях были главными в его расчетах, на которых базировались все его великие стратегические решения: «Стратегия — это искусство использования времени и пространства. Я не так забочусь о последнем, как о первом; расстояния можно навестать, время — никогда. ...Я могу потерять успех в сражении, но я никогда не теряю и минуты. ...Время — великий элемент между весом и силой»(31).

Вся переписка Наполеона полна ссылок на этот элемент стратегии в его представлении. Часы, иногда даже дни можно сэкономить или выиграть, если тщательно продумывать наилучшие пути к выбранной цели. Действительно, в обычных случаях Наполеон не требовал излишних усилий от своих колонн на марше, кроме моментов кризиса. В более или менее нормальных условиях он требовал, чтобы они проходили в среднем по 10—12 миль в день. Ибо истинная тайна его быстрых сосредоточений и неожиданных молниеносных (Blitzkrieg) ударов лежала скорее в выборе кратчайших и наиболее удобных путей к заранее выбранным пунктам, чем в непрерывном моральном подстегивании солдат на сверхчеловеческие усилия. Такая политика истинной экономии усилий уменьшала утомление и износ войск, снижала потери людского состава, учитывая болезни и дезертирство, и, в идеале, оставляла ежедневный запас времени на непредвиденности или внесение изменений в планы. Так, в мае 1800 года резервная армия смогла изменить направление марша с западного на восточное без малейшего замешательства или задержки, а непосредственно перед Йеной в октябре 1806 года Великая армия оказалась способной переменить свое операционное направление с север—юг на восток—запад по получении лишь одного приказа из императорской ставки.

Разумеется, эта великолепная простота стратегических движений с их бесконечным разнообразием крайне обманчива. Задача координирования и коррелирования дневных переходов десятка или более крупных соединений, где каждое движется по собственному пути; задача обеспечения, чтобы каждый компонент находился бы на расстоянии одно-, редко двухдневного перехода от своего соседа; и в то же время необходимость сохранения видимой картины случайных и плохо согласованных перемещений рассыпавшихся на большой территории войск

для обмана противника и введения его в заблуждение относительно их реального положения — это работа для математического ума невероятного масштаба. Такова настоящая печать гения — «неограниченная способность напрягаться». При наличии ясной цели и наполеоновской решимости ее добиться, наряду с несравненным талантом и безупречным расчетом, тренированным взглядом, сразу оценивающим особенности топографии, и воображением, способным воочью воссоздавать точную картину находящейся перед ним местности только на основе скудной картографической информации — при таких способностях Наполеона ничто не могло помешать французской армии прибывать на нужное место в рассчитанное время. Иногда его подчиненные изменяли ему, ставя его в затруднительное положение. Иногда неприятель действовал по наименее ожидавшемуся варианту. Необычайно неблагоприятная погода или разлив реки могли нарушать неуклонное развертывание замысла Наполеона, но почти неизменно все подобные неожиданности были предвидены и учтены всеобъемлющим мозгом императора. Он оставался хладнокровным, продолжая отмерять на карте дистанции дневных маршей циркулем, поставленным на 20 километров в масштабе, внося поправки по мере необходимости в план, но все так же неуклонно и спокойно преследуя цель кампании.

Конечная цель всей этой тщательно спланированной деятельности — сосредоточить максимальное количество сил на поле боя, которое иногда намечалось за несколько месяцев до реального события. Бурьен дает прославленное — хотя, может быть, и не очень достоверное — свидетельство того, как первый консул в самом начале итальянской кампании 1800 года лежал растянувшись на полу и вытаскивал цветные булавки из карты, приговаривая: «Вот здесь я дам ему сражение — на равнине Скривии»(32) с этим сверхъестественным предвидением, которое на самом деле было результатом расчетов точного ума; их сложность была бы по силам лишь теперешним компьютерам. Рассмотрев последовательно все варианты ходов, открытых для австрийского генерала Меласа, он отверг их один за другим, сделал поправки с учетом влияния случайностей на ход событий и пришел к единственно правильному решению, которое и было подтверждено событиями 14 июня на поле Маренго, находящемся как раз на равнине между реками Бормида и Скривия. Такая пророческая точность достигалась не всегда — ни Аустерлиц, ни Йена не были так точно предсказаны, — но почти в каждой кампании Наполеон знал вероятный исход своих и неприятельских действий с самого начала благодаря тщательному расчету неблагоприятных факторов. Наполеон с полным правом сказал, что «у полководца способность к маневру является высшим искусством. Это самый ценный и редкий из даров, по которым узнается гений»(33).

Каждодневный переход или маневр планировался, разумеется, с конечной целью — достижения благоприятного боевого положения своих войск в кратчайший срок. Перед вступлением в сражение, однако, должны были быть выполнены определенные требования, и эти «принципы» стратегии Наполеона можно кратко выразить двумя тезисами: «занятие исходных положений и сосредоточение сил». Конечно, для Наполеона являлось аксиомой — собрать максимальное количество штыков и сабель для использования в бою, но достижение подобной концентрации отнюдь не было таким простым делом, как сбор большого числа людских резервов в данном пункте. Ибо рассредоточение перед боем было так же важно, как сосредоточение в бою. Накануне сражения более важно, чтобы войска были «рассредоточены», чем «сосредоточены». Под «рассредоточением» Наполеон понимал размещение своих главных частей в пределах расстояния одного перехода от предполагаемого места сражения, а не их физическое присутствие в контакте с врагом или друг с другом. Ибо, хотя и было важно иметь как можно больше солдат для предстоящего на завтра «кровавого решения», не менее важно было как следует рассредоточить свои войска накануне боя, чтобы им можно было дать зада-

ние на обход фланга с любого крыла, которое император назначит в боевом приказе, не затрагивая основной диспозиции войск. Так как любая боевая ситуация чревата неожиданностями, корпуса должны быть так гибко расположены, чтобы они могли ответить на любое неожиданное развитие событий с минимумом дезорганизации и перестроений. И наконец, в целях обеспечения успеха боевых действий и сохранения в тайне намерений императора в интересах французов было всеми силами скрывать направление главного удара. Покажется невероятным, что можно сочетать эти противоречащие друг другу требования сосредоточения и рассредоточения, но именно это чудо Наполеон совершал многократно.

Секрет его успеха заключался в создании сети тщательно расположенных боевых порядков. В начале кампании эта стратегическая сеть часто бывала очень широко растянутой; она часто напоминала кордон. С первых чисел апреля 1796 года Итальянская армия была растянута по фронту на 120 километров; в середине сентября 1805 года Великая армия занимала 200-километровый фронт между Страсбургом и Вюрцбургом; аналогичная ширина фронта была в октябре 1806 года, а в начале июня 1812 года полумиллионная армия — Великая армия России (*Grande Armée de la Russie*) — формировалась на исходном рубеже за Вислой на фронте шириной до 400 километров. Широкие фронты имели и свои преимущества: первое — протяженность исходной диспозиции французов не позволяла противнику догадаться о направлении главного удара; второе — операционная гибкость, обеспечивавшаяся широким размещением французских корпусов, позволяла Наполеону захватить противника в ловушку, где бы он ни стал сосредоточиваться, — другими словами, Наполеон не связывал себя ни одним конкретным направлением действия, но его генеральный план был приложим к любым конкретным обстоятельствам. И третье — противника провоцировали на такое же растяжение своих сил в попытке перекрыть все секторы французского фронта, а это только способствовало уничтожению его по частям, когда захлопывалась ловушка.

По мере того как боевые действия набирали силу, стратегическое положение корпусов начинало радикально меняться. Как общее правило, приближаясь к врагу, французская армия начинала все сильнее суживать свой фронт. Так, к тому времени, когда Великая армия достигла Дуная в 1805 году, ее фронт от 200 километров сократился до 90 километров. В соответствии с требованиями момента, ширина фронта могла суживаться или растягиваться, ставя врага в тупик. Так, в 1806 году Наполеон уменьшил ширину фронта армии с 200 до 45 километров для прохождения трудной местности — Тюрингского леса, — а затем снова увеличил его до 60 километров в марше на Лейпциг.

Характерен приказ Наполеона по поводу экстренного сосредоточения всех сил к Веймару, как только он открыл расположение прусских войск на реке Заале. Эта стратегическая гибкость и мобильность (возникшая благодаря системе армейских корпусов и упрощенным методам тылового обеспечения) была проклятием для противников Империи и великой тайной успеха Наполеона. Кстати сказать, ширина исходного фронта не имела никакого отношения к численности участвующих французских сил: император настаивал, чтобы удерживался каждый сектор театра военных действий («удерживался» не значило «был занят»), как бы мала ни была его армия. Но эта «широкая основа» его стратегии ни в коем случае не противоречила его принципу «сосредоточения» для боя, так как эти две фазы кампании логически развивались в единую последовательность операций. Ключ к этому основному элементу наполеоновской стратегии заключался в его максиме: «...Армия должна быть собранной [réuni] и наибольшая сила сосредоточена [concentré] на поле боя»(34).

Таким образом, начальное занятие исходных позиций переходило в тщательное продуманное по фазам сосредоточение, когда приближался момент начала сра-

жения. Великая армия неуклонно окружала свою жертву, и, когда наконец петля была туго затянута, противник оказывался в ловушке. Наполеон часто достигал конечного сосредоточения своих сил, обрушиваясь на врага в последнюю минуту. Давая своему противнику насладиться чувством ложной безопасности из-за того, что он оставлял свои основные корпуса на расстоянии двухдневного перехода к намеченному полю боя, император выигрывал один переход, приказывая совершить быстрый марш уже в темноте (как это было при Лоди, 1796, или Йенной, 1806), выигрывая таким образом целый день. На следующее утро он ставил ошеломленного врага перед необходимостью принять бой на 24 часа раньше, чем тот ожидал, когда все элементы французских сил появлялись на поле боя.

Так Наполеон соединил бой с маневром и, вероятно, внес этим величайший вклад в военное искусство. Все его стратегические планы построены с целью добиться решающего сражения, и каждый маневр его войск исходил из вероятности возникновения выгодной боевой ситуации. В отличие от своих предшественников XVIII столетия, которые жестко разделяли маневрирование и сражение, применяя разные боевые порядки для каждого вида действий, Наполеон объединил подход, сражение и преследование врага в один непрерывный процесс.

Одной из главных причин его успеха, конечно, была система армейских корпусов¹ (*corps d'armée*); он знал, что каждый самостоятельный сводный корпус, в котором представлены все виды войск, способен вступать в бой или удерживать неприятеля численностью в несколько раз больше него в течение нескольких часов, пока на его поддержку успеют подойти соседние части или совершить обходной маневр против врага. Этот основной факт давал возможность армии двигаться широко расчлененными частями, оставляя между собой большие коридоры для удобства фуражирования и поддержания скорости марша, а главное — для обмана противника. Однако такая расчлененность тщательно контролировалась и кажущаяся «рассыпанность» совсем не была такой в реальности, потому что на самом деле вся армия держалась тщательно «собранной» вдоль одной операционной линии в каком-то одном из нескольких тщательно продуманных построений. Самым знаменитым из них было батальонное каре (*bataillon carré* — см. схему). Батальоны были готовы к быстрому сосредоточению в течение одного или двух дней, как только становилось возможным добиться желательной боевой ситуации.

Многое в наполеоновской теории целенаправленного рассредоточения сил определялось заветами его предшественников. Бурсе красноречиво подчеркивал ценность намеренного расчленения как средства вынудить врага в свою очередь расчленить свою армию, тем самым поставив ее перед быстрым французским повторным сосредоточением против какого-то ее слабого звена. Аналогично следующие слова Гибера имели большое значение для молодого Бонапарта: «Искусство состоит в том, чтобы расширить свои силы, не подставляя их; окружить врага превосходящими силами, соединить маневр или атаку, чтобы взять врага с фланга, не обнажая свои собственные фланги»(35). Сочетав, таким образом, преимущества и недостатки маскирования и расчленения и соединив эти два противоречивых элемента в одну военную операцию, Наполеон проявил свою гениальность полководца.

¹ В письме к Евгению Богарне от 7 июня 1809 года Наполеон снова говорит о пользе преимуществ системы армейских корпусов: «Вот в этом общий принцип войны — корпус численностью 25 000—30 000 человек может быть совершенно самостоятельным. При правильном использовании он может вести бой или маневрировать, смотря по обстоятельствам, без всякого ущерба для себя, потому что противник не может заставить его принять бой, но если тот считает нужным пойти на это, он может сразиться один долгое время.

Дивизию в 9000—17 000 человек можно на час оставить одну без какого-либо неудобства; она будет сдерживать врага, по численности превышающего ее в несколько раз, и выиграет время для подхода своей армии» (Переписка, т. XIX, № 15310). (Примеч. автора.)

Используя принципы наступательного действия, скорости, боевого обеспечения, сбора на исходных позициях и сосредоточения, Наполеону часто удавалось ошеломить противника внезапностью, а ошеломленный враг обычно деморализован. Наполеон всегда учитывал решающее значение морального духа в войне. Ему принадлежит известное изречение: «...Моральное состояние относится к физическому как три к одному»(36). На Святой Елене он снова говорит о своем убеждении, что «моральная сила, а не численность, решает победу»(37). Для Наполеона военные принципы морального состояния и руководства должны были всемерно внедряться, а при необходимости и создаваться искусственно. Здесь ему снова повезло с эпохой и усыновившей его страной, ибо врожденный энтузиазм и убежденность революционных волонтерских армий явились хорошей основой и сформировали складывавшуюся традицию, которая смогла вдохновить солдат новых регулярных армий Консульства и Империи, ставших пугалом Европы.

Для того чтобы обеспечить беззаветную преданность и строгую дисциплину рядовых солдат, Наполеон не колебался ни перед чем, завоевывая их любовь и уважение. Он стремился развить две главные черты характера у своих офицеров и рядовых: «Если храбрость — первое качество солдата, стойкость является вторым»(38). Храбрость нужна в сражении в критические моменты, стойкость и выносливость — во все другие времена. Наполеон понимал, что «храбрость не купишь за деньги»(39), и сознательно стремился создать иллюзию славы (*La Gloire*), играя на тщеславии и врожденной доверчивости солдат. «Человек не захочет быть убитым за несколько лишних су в день или за мелкую награду, — сказал он однажды. — Вы должны обратиться к его душе, чтобы воодушевить его»(40). Тщательно продуманная система военных наград — от желанного Креста Почетного легиона, золотого оружия за храбрость, денежных наград и кандидатства на освободившееся место в императорской гвардии для рядовых до дарований герцогств, княжеств и даже тронов для избранных военачальников — была одной стороной его политики. Признание таланта и способностей выражалось в ускоренном присвоении званий и продвижений по службе. Была и третья сторона его политики — это создание духа товарищества и простых отношений с солдатами.

Наполеон хорошо знал своих солдат и их потребности, их достоинства и недостатки, их надежды и опасения. Их достоинствами были сообразительность, беззаветная храбрость и чувство юмора; к их порокам относились тенденция к анархии, отвращение к дисциплине и слабость духа при поражениях. Он чутко оценивал необходимую меру в похвале и порицании. Он мог пойти бродить между костров и, пользуясь своей энциклопедической памятью, обращаться то к одному, то к другому ветерану: «Ты был со мной в Египте. Сколько кампаний? Сколько у тебя ран?» Солдаты любили его за то, что он интересовался их жизнью и заботился об их нуждах; высшей наградой было, если император, побеседовав, трепал солдата за ухо. Он серьезно выслушивал жалобы — и обычно следил, чтобы в них тщательно разбирались. Он мог иногда простить даже самые отвратительные дисциплинарные проступки, если они не нарушали его планов.

Но бывали случаи, когда Наполеон превращался в грозного формалиста, перед которым дрожал самый храбрый гренадер. Из его больших серых глаз, казалось, начинали сыпаться искры. «Пусть напишут на их знаменах, — приказал он однажды в Италии на смотре мятежной полубригады, — что они больше не входят в Итальянскую армию!» Мало кто из маршалов осмеливался возразить Бонапарту, когда он бывал в гневе; он изрыгал страшные проклятия на объект своего гнева, хлестал по голове и плечам виновного своим хлыстом, который всегда носил с собой, а иногда, бывало, и пинал свою жертву в живот. И хотя несомненно, что он по-своему заботился о своих солдатах, он также был способен посылать их толпами на верную смерть без малейших сожалений и мог бросать целые армии на произвол судьбы (как в Египте в 1799 году или в России в 1812 году), когда они обма-

нывали его ожидания или были в безнадежном положении. Всегда и прежде всего он был жесткий реалист и безжалостно использовал любые удобные случаи для своих целей; но иногда человек проглядывал сквозь непробиваемую броню полководца и императора. «Зрелища поля боя после сражения довольно, чтобы вдохнуть во властителей любовь к миру и ужас перед войной» — таково изречение Наполеона. После Эйла в 1807 году он писал Жозефине: «Местность покрыта убитыми и ранеными. Это ужасная война. Страдания повсюду, и душа угнетена при виде стольких несчастных»(41). И когда его разбитые войска начали свой долгий обратный путь из Москвы, Наполеон приказывал Мортье: «Все внимание больным и раненым. Бросайте свой багаж, все должно быть для них. Отдайте им все повозки и, если нужно, собственные седла...»(42) И это был тот же человек, который хладнокровно приказывал провести массовые казни в мятежных районах, перебить турок в Яффе или мог заметить австрийскому дипломату Меттерниху: «Человек, подобный мне, мало волнуется из-за жизни миллиона людей»(43).

Очевидно, отношение Наполеона к своим солдатам было загадкой, но нет сомнений, что он мог воодушевлять людей, вызывая у них чувство привязанности, заставляя служить себе. «Если мне нужен человек, я готов поцеловать его в...», как он сам выразился. Пусть это была хладнокровно обдуманная политика, она не становилась менее эффективной. Как сказал Веллингтон: «Я всегда говорил о нем, что его присутствие на поле боя было равнозначно добавлению еще 40 000 людей»(44). То, как его приветствовали солдаты, когда он проезжал мимо частей на поле боя, — даже в конце кампании, когда ветеранов оставалось мало и солдатами стали в основном так называемые «мари-луизочки» — просто недавно призванные шестнадцатилетние мальчишки, — является неоспоримым доказательством его власти над людьми и его способности воодушевлять людей на подвиги.

Зная важность поддержания высокого морального духа в своих войсках, император обращал большое внимание и на способы подрыва корпоративного духа у своих противников. Он вел войну умов, не только штыков и пушек, и психологическое воздействие смелых планов Наполеона бывало губительным для противника, как и методы, которые он применял — скорость, неожиданность, наступательность. Лучшим примером такого страшного воздействия на боевой дух и уверенность врага является стремительное наступление Великой армии на тыл несчастного генерала Мака в 1805 году. Одна только скорость движения войск Наполеона буквально загипнотизировала австрийцев, заставив их «застыть» под Ульмом, пока не стало слишком поздно, и австрийскому командующему больше ничего не осталось, как сдаться. Конечно, под этим аспектом стратегии Наполеона таилась огромная работа по изучению характера своего противника. Очень часто он специально видоизменял свой план, чтобы наилучшим образом использовать присущую данному противнику опрометчивость или робость. Наполеон очень ценил старинную поговорку: «Изучи своего врага», поэтому в целом он всегда играл против своих противников с изощренным искусством.

Один из его самых важных принципов был принцип единоначалия. С первых дней своей военной карьеры император был убежден, что «поделенный дом не может стоять». Разделение командования было отвергнуто им еще в 1796 году. Когда Директория пожелала поделить Итальянскую армию на две части, чтобы Наполеон нес ответственность наряду с генералом Келлерманом, он готов был подать прошение об отставке. «Лучше один плохой командир, чем два хороших», — так он аргументировал свое решение перед Парижем. Французские наступления подчас терпели неудачу или разочаровывали своими результатами из-за плохой координации армий: в 1796 году провал Журдана поставил под удар действия Моро на Дунае и усилил угрозу, висевшую над Итальянской армией. Весной 1800 года непослушание Моро и замедление действий на Рейнском фронте почти разрушили план операций первого консула на этот год, и только его решительное изменение спас-

ло положение. Как только Наполеон получил возможность полностью настаивать на своем, он сразу покончил с революционной системой ведения боевых действий полуавтономными армиями и объединил все силы в единую армию под своим командованием. Так, в 1805 году войска Массены в Италии или Сен-Сира в Неаполе были в такой же мере частью Великой армии, как и корпуса, двигавшегося к Дунаю. С годами Наполеону становилось все труднее поддерживать тесную связь со своими удаленными в разные стороны частями. В силу этого его стремление к простоте в построении системы управления и командования было совершенно правильным. Единоначалие, говорил Наполеон убежденно, является «первой необходимостью в войне»(45). «Главнокомандующий является главой; он для армии — все; не римская армия завоевала Галлию, но Цезарь... Не прусская армия защищала Пруссию семь лет от трех наиболее сильных государств Европы, но Фридрих»(46).

Такая централизация военной власти оказалась, однако, в дальнейшем обоюдоострым оружием. Явившись важным фактором в величайших успехах Наполеона, она позднее стала главной причиной его неудач. В дни, когда еще не было беспроводного телеграфа, оказалось практически невозможным поддерживать эффективный контроль над широко развернутой армией или рядом армий. Гений императора не мог переступить физическую границу больших расстояний.

Таковы основные факторы или компоненты, которые в своей совокупности составляли стратегическую концепцию Наполеона. Кроме своей идеи о важности стратегического сражения как интегральной части и единственного возможного исхода для успешного плана кампании, Наполеон внес в стратегию мало нового; все военачальники всегда старались в меру своих сил добиваться скорости, неожиданности, сосредоточения и всего прочего. Более того, наполеоновская система войны осуществлялась благодаря трем основным идеям, завещанным ему старым режимом (Ancien Régime) и революцией.

Первой была идея разделения армии на постоянные самостоятельные дивизии. Эта концепция впервые стала активно воплощаться маршалом де Бройлем в Семилетней войне, а он, в свою очередь, использовал идею некоего графа Мортена¹. В своей «Инструкции 1761 года» де Бройль сформулировал принципы, на которых покоилась наполеоновская система дивизий и корпусов. «Две линии пехоты² армии должны быть разделены на четыре дивизии во время кампании», — приказывал маршал. Каждая дивизия должна состоять из четверти бригад первой и второй линий. Каждой дивизией должен командовать генерал-лейтенант, назначенный на срок всей кампании; под его командой будут еще несколько генералов. Генерал-лейтенант должен отвечать за все в своей дивизии — дисциплину, переходы, военную полицию, комиссариаты и караулы. Он должен иметь в бригаде батальон grenадер, батальон егерей и придать к ним артиллерию... Также он должен иметь артиллерийский дивизион, называвшийся «авангардом колонны» и состоявший из десяти 12-фунтовых и десяти 8-фунтовых орудий, со всеми необходимыми боезапасами для этих орудий и полковой артиллерии...»(47) Если заменить звание «генерал-лейтенант» на «маршал», а фразу «авангард колонны» на «артиллерийский резерв корпуса» и отказаться от устарелой системы деления армии на «линии», то получится почти описание армейского корпуса Даву или Массены через 50 лет.

Итак, это является первым вкладом в важное практическое наследие, полученное Наполеоном, и, хотя эта система исчезла после смерти де Бройля, концепция сохранилась как составная часть в учении Гибера, а в феврале 1793 года

¹ Великий маршал Саксонский также в свое время экспериментировал с соединениями средней численности, содержащими нужное соотношение пехоты, кавалерии и артиллерии, штаб и вспомогательные службы. (Примеч. автора.)

² В XVIII столетии армии постоянно делили на две линии, и это было стандартным боевым порядком. (Примеч. автора.)

система постоянных дивизий (из которых каждая состояла из 4 полубригад) была окончательно принята по совету Дюбуа-Крансе в революционной армии. То есть Наполеон, как обычно, получил готовую армейскую организацию от своих предшественников и продолжал совершенствовать и расширять ее, пока не создал совершенное соединение — армейский корпус, с которым он должен был воплотить на практике свои идеи мобильной, тотальной войны на огромном театре военных действий.

Далее Наполеон унаследовал от революции идею снабжения. Как говорили, «из-под копыт» — из местных ресурсов. С давних времен армии всегда в большей или меньшей мере полагались для своего пропитания на ресурсы, захваченные у врага, реквизируемые или (весьма редко) закупленные у местных торговцев, но в XVII и XVIII веках снабжение войск стало зависеть от длинных, медленно движущихся обозов, подвозивших припасы, и заранее созданных складов и арсеналов, которые были главным источником снабжения армий. Для этого было две причины: во-первых, в «век разума» проявилась сильная реакция на тотальный характер и ужасы войны, как это было в эпоху религиозных войн, и общественное мнение осудило огульный грабеж; во-вторых, большинство армий состояло из крайне неохотно воюющего «материала» — насильно завербованных крестьян, освобожденных каторжников и других, кому никак нельзя было доверять и кого не следовало отпускать из расположения частей в поисках припасов из страха широко распространившегося дезертирства. Однако в первых революционных войнах отношение французского правительства и всего населения к войне претерпело сильное изменение. Огромные армии (в одном случае до 600 000) собирались из волонтеров (а позднее из призванных), и оказалось невозможным иметь «узаконенное» тыловое обеспечение: отсюда скорее по необходимости, чем из соображений новации, французская армия обратилась к почти полному самообеспечению. Существовавшие еще обозы были целиком использованы на подвоз боеприпасов. Это отчаянное нововведение, однако, оказалось вполне действующим. Из-за более высокого культурного уровня и революционного воодушевления солдат нового типа угроза массового дезертирства отпала сама собой. Вначале каждый француз был полон решимости защищать «Родину и Революцию!» («La Patrie et la Revolution!») от чужеземцев; позднее революционная миссия распространения нового Евангелия — «Свобода, Равенство, Братство» («Liberté, Egalité, Fraternité») среди других «порабощенных» народов и «освобождения» их дала новый стимул. В результате оказалось возможным управлять армиями, практически не кормя их, и Наполеон унаследовал эту систему, или, вернее, отсутствие ее, самообеспечения войск. Но и в это, — что типично, — он внес усовершенствования и упорядоченность. Хотя к 1805 году Первая Империя могла обеспечить войска провиантом в нужном количестве, Наполеон намеренно обратился к старым, порожденным нуждой, методам; армия, направленная на Дунай, несла с собой только 8-дневные рационы, но и они выдавались, только когда неприятель был в непосредственной близости и, следовательно, нельзя было отпускать солдат для поисков пропитания. Лишь в 1812 году, оказавшись среди бесконечных равнин и лесов Святой Руси, Наполеон все-таки попытался вернуться к старой системе обозов (без особого успеха). Во всех других случаях он полностью использовал улучшенную мобильность войск, освобожденных от громоздких обозов, связав дивизионную и корпусную организацию с политикой «самообеспечения на местности». Для облегчения фуражировки французская армия могла двигаться самостоятельными соединениями, образуя между собой широкие коридоры и имея каждое свою определенную территорию фуражирования с последующим быстрым сосредоточением для сражения. Такова сущность наполеоновского «блицкрига», который оказался фатально грозным для реакционных правительств Европы.

И в-третьих, революция предоставила Наполеону возможность воспользоваться системой открытого талантам продвижения в карьере. Важность этого революционного наследия нельзя переоценить. И именно этот высокий уровень истинно «врожденных» свойств героев, поднявшихся из рядов революционных армий, обеспечил им высокие должности: командовать батальонами, полубригадами, дивизиями, корпусами и армиями — и сделал возможными достижения Наполеона. Сам он, конечно, в этом отношении был ярчайшим продуктом революции. Сомнительно, чтобы не имевшему высокого аристократического происхождения или влиятельных связей Наполеону удалось бы когда-либо достичь выдающегося положения за пределами своего собственного рода войск; конечно же он никогда бы не поднялся так быстро и столь высоко, чтобы согласовывать и направлять все военные усилия Франции. Точно так же он не смог бы достичь таких успехов без помощи своих военачальников — таких, как Ланн, Даву, Массена или Мюрат, которые были его ближайшими помощниками и советниками.

Если Наполеон был вдохновением, мозгом и силой воли, его подчиненные олицетворяли силу, мускулы, храбрость, а также ум (хотя и в меньшей степени), превращавшие теорию в факт. Со временем Наполеон стал злоупотреблять этой системой выдвижения по заслугам, не поощрял даже самых способных генералов к самостоятельному оригинальному мышлению, но все-таки до конца его головокружительной карьеры путь к продвижению для каждого солдата лежал через его храбрость и способности. Вошедший в пословицу «маршальский жезл» действительно лежал в ранце каждого солдата. Эта сторона гения Наполеона была полностью признана великим историком викторианской эпохи Томасом Карлейлем; известно его высказывание: «До самого последнего времени у него было что-то вроде идеи — карьера, открытая талантам, была для него орудием манипуляции ими»(48). Но, как и раньше, создание этой концепции не было связано с ним одним — этим «лютым волком в европейской овчарне». Во все времена он был скорее усовершенствователем и «применителем», чем творцом.

Глава 15

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Стратегическая и тактическая система Наполеона, с его «принципами» или «компонентами» ведения войны, не следовала каким-то жестким правилам. Каждая его операция была уникальна; не было двух похожих. Однако в основе каждой кампании и сражения лежали некоторые фундаментальные идеи, которые использовались по-разному применительно к обстоятельствам. Эти основные стратегические концепции дают возможность составить истинное представление о способностях Наполеона как военачальника.

«Стратегия — это искусство использования времени и пространства», — писал император. Оно включает в себя планирование и проведение операций с самого начала кампании и до ее кульминации. Как мы видели, Наполеон всегда требовал, чтобы сражение было неотъемлемой частью стратегического планирования. Каждая успешная кампания, в его представлении, могла быть разделена на три части: сближение с противником, сражение, затем преследование и фаза развития успеха. Разумеется, то не были отдельные фазы — все три переходили одна в другую, ибо военная кампания по своей сущности является целостным явлением, в которой единая тема проходит через последовательность событий.

Наполеон изложил пять принципов для ведения начальной стадии кампании; они основаны на его теории войны или любой операции. Первое: армия должна иметь только одно операционное направление; то есть должна быть четко постав-

лена цель, и все соединения должны быть направлены к ней. Это отнюдь не значит, что все войска должны двигаться по одной дороге; в интересах безопасности, тылового обеспечения и скорости армия должна двигаться разными путями. Но конечная цель должна быть четко поставлена с самого начала, и не следует отвлекать людской состав на ненужные второстепенные операции. Второе: целью всегда должна быть главная армия противника; только разбив полевые армии врага, можно заставить его отказаться от боевых действий. Лишь изредка Наполеон слегка отходил от своего принципа, обычно из-за особых обстоятельств или каких-нибудь веских причин. В 1800 году он напал на Меласа на второстепенном театре военных действий (Северная Италия), хотя дорога к окончательной победе шла вдоль Дуная к Вене. Также в 1805 году он избрал армию Мака под Ульмом как свою начальную цель; хотя теоретически его главный противник — эрцгерцог Карл — командовал главной австрийской армией в Северной Италии. Были и другие примеры. Однако свой молниеносный удар он всегда нацеливает на главную армию противника. Третье: французская армия должна приближаться таким образом, чтобы огибать фланги врага, выходя на его тылы; это важный аспект наполеоновской стратегии. Четвертое: французская армия должна всегда стремиться обойти наиболее уязвимый фланг противника — то есть отрезать его от складов, соседей по фронту или от его столицы. Пятое и последнее: император подчеркивал необходимость всегда зорко следить, чтобы свои линии коммуникации были в безопасности и открытыми.

Наполеон использовал три разных типа стратегического маневра для достижения своей военной цели — создания благоприятной боевой обстановки, способной дать «решающий» результат. Эти маневры таковы: стратегический маневр вне поля боя (*la manœuvre sur les degrières*), также называемый в терминологии Лиддел-Харта непрямым маршем сближения; затем — стратегия «центрального положения» и третье — стратегическое вклинивание или наступление с целью прорыва.

«Маневр вне поля боя» применялся не менее тридцати раз с 1796-го по 1815 год и был рассчитан на разгром отдельной вражеской армии, лишив ее тесной поддержки союзников или резервов. Целью этого маневра было достижение благоприятной боевой ситуации, когда Наполеон сам диктовал условия. Император, будучи вполне готов «разбить яйца, желая сделать омлет», как выразился фон Клаузевиц, все-таки всегда стремился завоевать полную победу с наименьшими жертвами и затратами. Поэтому он не любил, когда его вынуждали применять большое фронтальное сражение — то есть лобовое сближение с врагом на местности, которую тот выбрал, ибо такие сражения были неизбежно кровавыми и редко окончательными (пример — Бородино в 1812 году). Вместо этого всегда, когда позволяли обстоятельства, предварительно сковав противника фронтальной демонстрационной атакой, он направлял главную армию скорейшим «безопасным» путем, скрываясь за кавалерийской «завесой» и естественными препятствиями, чтобы попасть в тыл или фланг противника. Если этот маневр был успешен, он занимал какой-нибудь природный рубеж в виде стратегической преграды (обычно река или горная цепь), приказывал блокировать все переправы и проходы (часто ущелья), изолируя свою жертву от тыловых складов, и исключал возможность получения подкреплений. После этого Наполеон неотступно наступал на армию врага, предоставляя ему выбор — сражаться насмерть на неудобной для него местности или сдаться в плен.

Преимущества такой стратегии очевидны. Армия неприятеля будет застигнута врасплох и почти всегда деморализована внезапным появлением противника у себя в тылу, отрезающим его от своих коммуникаций. Их военачальник может попытаться выбрать одно из трех решений для спасения положения: если он достаточно храбр, он будет продолжать наступать на «группу сковывания»; второе — он может попытаться перерезать главные французские линии коммуникаций, что опасно из-за протяженности при использовании маневра; третье — в надежде про-

рваться и снова открыть свои линии коммуникаций ему придется сражаться перевернутым фронтом против вышедшей на его фланг и тыл французской армии, то есть принять бой в невыгодных условиях.

Однако изощренность и гибкость плана — костяка Наполеона — была настолько велика, что ни одно из этих решений противника не ломало его планов на дальнейший исход кампании. Во-первых, император всегда делал свою сковывающую или прикрывающую силу достаточно мощной, чтобы подольше задерживать врага. В апреле 1800 года Массена, осажденный в Генуе, был тем сковывающим элементом для Меласа; в 1805 году кавалерия Мюрата и корпус Нея (вначале) выполняли ту же функцию в дефиле Шварцвальда против генерала Мака; в 1806 году это был Луи, король Голландии, что выполнял эту задачу, удерживая крепости на Рейне и делая тактические диверсии на правый берег. Наполеон также обращал большое внимание на то, чтобы второстепенное наступление было бы обеспечено безопасным укрытием, когда была возможность — несколькими крепостями или водными рубежами, внутри или за которыми можно было бы укрыться при сильном напоре противника. Но главное преимущество по этому плану заключалось в том, что, даже если противник успешно наступал на непосредственного врага — сковывающую силу — и даже оттеснял ее, он только все глубже попадал в стратегические сети французов, все дальше и дальше отдаляясь от своих исходных баз, и был вынужден действовать на территории противника, а в это время Наполеон наносил ему удар с тыла.

Если же противник наносил удар по коммуникациям Наполеона, он оставался спокоен. Для выполнения такой операции неприятелю приходилось неизбежно разделять свои силы: одну часть оставлять, чтобы следить за французской группой сковывания, другую часть — для прикрытия своего тыла против атак французов и только оставшуюся часть — для задуманной операции. Такое расчленение сил противника было на руку Наполеону. К тому же французская армия, привыкшая сама себя кормить, была гораздо менее чувствительна к положению своих коммуникаций, чем противник, полагающийся на свои склады. По мере развертывания кампании Наполеон специально укорачивал свои непосредственные линии коммуникаций, создавая сеть операционных баз (*centre d'opérations*), размещавшихся в непосредственном тылу главной армии, где для обеспечения операции сосредоточивались госпитали, обозы с боеприпасами, основные полевые парки и конвои. В случаях, когда главная ударная сила уходила вперед более чем на шестидневный переход, Наполеон почти всегда выбирал новое место, и все поддерживающие части и подразделения немедленно передвигались вперед. Посредством этого Наполеон всегда держал свой «хвост» коротким и близким к фронту. Конечно, он полагался и на главную линию коммуникации, которая могла идти, например, до самого Рейна, и по ней шли подкрепления, боеприпасы и — самое главное — новости из Парижа. Но Наполеон был вполне готов к временным разрывам такой линии, если это означало, что армия неприятеля, не престанно слабеющая от отделения от нее отрядов, в конце концов попадет в окончательно гибельное положение.

И наконец, если противник избирал третий курс и сближался с целью сражения против Наполеона, он наилучшим образом выполнял желание императора — принять с ним бой на неизученной местности, с пониженным или вовсе утраченным моральным духом, когда чаще всего дело кончалось рассеянием противника, хаосом и суматохой при его стремительном отступлении.

Каждая из этих вероятностей, кроме активного вмешательства соседней армии противника или подхода сильных подкреплений, учтена в наполеоновском гибком плане операций. Но даже и такие осложнения можно было свести к минимуму. В таком случае Наполеон откомандировывал подготовленный заранее «наблюдательный корпус» для занятия и удержания выгодных стратегических рубежей заграж-

дения, блокирующих возможность подхода противника. Этим он мог задержать вмешательство нового противника до полного уничтожения главного врага.

Кампания 1805 года — характерный пример такого плана операции: перейдя Дунай, Наполеон отрядил два корпуса — Бернадота и Даву — для удержания рубежа по рекам Изар, Аммер и Ильм для отражения возможного русского нападения с востока. Одновременно третий корпус (маршала Сульта) был направлен к Меммингену, чтобы перерезать второстепенную линию отхода (или доставки подкреплений), идущую вдоль по реке Иллер к Тиролю, где располагалась армия эрцгерцога Иоанна, а остаток армии — Мюрат, Ней, Ланн и Мармон — шел по сходящимся операционным направлениям, имея целью австрийскую армию Мака, изолированную под Ульмом. По первоначальному плану Наполеона, следующим шагом должен быть подход Сульта к Иллеру с направлением на Ульм с тем, чтобы обойти стратегический фланг Мака, а также перерезать его коммуникации с Тиролем. Все это время резервный корпус (VII) маршала Ожеро двигался с Рейна, чтобы защитить главные французские линии коммуникаций, идущие вдоль Дуная к Нердлингену и — в конце концов — к Страсбургу, тогда как удобный по доступности и расположенный в центре Аугсбург на реке Лех служил «операционной базой» для всех соединений Великой армии к югу от Дуная. Все эти отдельные силы были тесно связаны, подобно паутине, в которой можно было бы мгновенно усилить любой сектор. Генерала Мака настолько деморализовали эти маневры французов, что он капитулировал почти без сопротивления 21 октября, и Наполеон добился поистине «бескровной» победы. Сразу после этого он занялся проблемой востока и начал уничтожать русские войска, одержав окончательную победу при Аустерлице 2 декабря 1805 года.

Несомненно, молодой Бонапарт сформулировал эту концепцию до 1796 года, так как на второй фазе итальянской кампании этого года он использовал ее уже в более совершенной форме, хотя конечная цель еще не была достигнута. После перемирия в Кераско с Сардинией Итальянская армия должна была загнать в ловушку и разбить австрийскую армию генерала Больё, которая была заслоном для Ломбардской равнины и Милана. Больё сосредоточил большую часть своих сил за реками Агоньо и Тердоппио, явно ожидая, что французы попытаются перейти через них на северный берег По у Валенцы — пьемонтского города, где французы по условиям перемирия могли использовать мосты. Догадавшись о ходе мыслей своего противника, Бонапарт решил использовать дивизию Серюрье и организовать ложную атаку на Валенцу (чтобы путем обмана подтвердить предположения Больё и сковать его в этом месте). Но пока внимание австрийца было отвлечено таким образом, остальная часть армии (во главе с отборной кавалерией и гренадерами под командой Дальмана и с движущимися за ними с выверенными интервалами войсками Лагарпа, Массены и Ожеро) была брошена ускоренным маршем для захвата предместного плацдарма далеко ниже по течению По, около Пьяченцы (принадлежавшей нейтральной Парме; Наполеон был уверен в том, что там целы мост и паромы). После этого французы планировали занять рубеж по реке Адда, захватив Лоди и другие места переправ и тем самым отрезать пути отхода для Больё.

Этот маневр был выполнен за время между 4 часами 7 мая и ночью 10 мая. Больё понял угрозу в самый последний момент, и лишь путем панического отступления (и нарушения границ нейтральной Венеции, скопировав ход Бонапарта и использовав его с успехом против него) австрийцам удалось перейти через Адду двумя колоннами, у Лоди и у Бассано, прежде чем французы смогли захватить эти мосты и захлопнуть их в ловушке к западу от реки.

Последующая победа у Лоди, где Бонапарт жестоко разбил австрийский арьергард, была, в сущности, лишь «утешительным призом», несмотря на ее важное место в наполеоновской мифологии. Тем не менее его планирование этой опера-

ции доказывает, чего можно было бы достичь «маневром вне поля боя» («*manœuvre sur les derrières*»). В этом наступлении все необходимые компоненты начального этапа скрыты за «завесой над маневром» (река По), «стратегическим заслоном» (река Адда) и «прикрывающей силой» (Серюрье в Валенце); имеется и удобная «операционная база» (Пьяченца), и все это работает на наступление. Правда, в последующие годы этот маневр несколько раз не имел успеха. Так, 3 февраля 1807 года французам не удалось захлопнуть в ловушке русскую армию генерала Беннигсена, и он ускользнул с войсками из наполеоновской сети в последний момент, узнав о плане французов из захваченного донесения. Однако в целом «*la manœuvre sur les derrières*» оказался самым удачным стратегическим маневром Наполеона до конца 1813 года. Противники Наполеона медленно усваивали смысл своих ошибок, и только жестокая школа десятка крупных поражений в течение десяти лет научила их принимать необходимые контрмеры.

Секрет стратегического маневра вне поля боя заключается в перехватывании инициативы с самого начала, выведении противника из равновесия путем перерезывания его коммуникаций и затем уничтожения его; при этом сочетались физическое окружение и психологическая деморализация (как в случае с незадачливым генералом Маком). Попав в эту цепкую паутину, противник, в сущности, был бессилен и не мог эффективно сопротивляться. Однако против этой системы существовало «противоядие», и к концу наполеоновских войн союзники дважды с успехом применяли его. Оно заключалось в том, что при благоприятных условиях — большей численности и достаточном количестве запасов, приданных армии, и знании возможного плана Наполеона — следовало не обращать внимания на присутствие его войск в своем тылу, но продолжать продвигаться к своей цели. Четвертого октября 1813 года под Дубеном союзники не клюнули на его приманку и не стали отвлекаться с целью перерезать французские коммуникации на его движение вверх вдоль реки Мульда. И еще раз, 23 марта 1814 года, союзники продолжали марш на Париж, несмотря на хорошо проведенную атаку войск Наполеона против их тыла, рассчитанную на приостановку их продвижения.

Однако, как и во многих других случаях, Наполеон едва ли был оригинальным автором этой концепции стратегического обхода путем «непрямого сближения». И Фридрих Великий в своей «Секретной инструкции», и Бурсе в «Принципах войны в горах» высказывались в пользу такой стратегии. Более того, только примерно годом раньше, до того как генерал Бонапарт стал командующим Итальянской армией, генерал Журдан на практике продемонстрировал все возможности, вытекающие из этой идеи (хотя и не осознавая ее). Вместо осады Намюра, как ему было приказано, он оставил только группу прикрытия для сдерживания гарнизона и двинул фланг Мозельской армии с целью удара в тыл генералу Кобургу в окрестностях Шарлеруа. Как только Кобург узнал, что происходит, он приказал своей армии отступить, что было сделано в спешке и неразберихе, и, потеряв присутствие духа, он потерпел значительное поражение в битве при Флёрюсе (26 июня 1794 года). Едва ли можно назвать это триумфом в стиле Наполеона, но во всяком случае, уничтожив небольшую часть армии неприятеля, Журдан заставил стремительно отступить всю армию. Однако совершенно очевидно, что Журдан так и не понял причины своего успеха, ибо двумя годами позже он позволил эрцгерцогу Карлу (ему посоветовал бригадир Науэндорф) передвинуть 12 000 австрийцев к флангу французской армии. В ответ на это Журдан стремительно отошел назад, чтобы спасти свои коммуникации, и полностью загубил главное наступление Директории 1796 года, потому что развал войск Журдана на левом фланге вынудил Моро отойти, чтобы сохранить целостность фронта. Это привело к эвакуации французами сил Баварии и последующему увеличению давления австрийцев на Бонапарта в Италии. Поэтому Наполеон опять получил пищу для размышлений, что помогло ему сформулировать свой стратегический завет. Так он гениально использовал идеи

других, создавая наиболее усовершенствованную для своей эпохи и, по-видимому, непогрешимую систему маневра.

Однако бывали случаи, когда французам противостояла не одна, а две или целый ряд армий противника, находившихся одна от другой в пределах дистанции поддержки. Оказываясь в таком трудном положении, Наполеон часто применял вторую систему маневра — «стратегию центрального положения». В этих условиях очень часто французы оказывались в количественном проигрыше против общей численности своих противников, но могли собрать превосходящие силы против любой одной части войск неприятеля. Его система была создана для использования этого второго фактора. «Искусство вождения войск состоит в умении превратить относительную слабость в количестве войск по отношению ко всей численности неприятеля в превосходство над ним на поле боя»(49). Короче говоря, Наполеон ставил себе задачу изолировать одну часть войск противника, сосредоточив против него большую численность своих войск для обеспечения его поражения и, по возможности, уничтожения, а затем обращая все свои силы на удар по второму противнику. То есть вместо одного решающего удара он планировал серию более мелких ударов против разъединенных противников, уничтожая их по очереди.

Как это можно было осуществить? Снова изучение последовательности наполеоновских атак выявляет его формулу. Прежде всего император накапливал максимальное количество информации о противостоящем неприятеле из захваченных газет, от дезертиров и особенно от результатов зондирования противника кавалерийскими рейдами. Из собранных таким образом сведений для него вырисовывались диспозиции противников, которые он наносил на свои карты, а затем выбирал место стыка границ соответствующих армий. Этот стык стратегических диспозиций противника и был уязвим для атаки. Именно эту точку выбирал Наполеон для своей начальной молниеносной атаки, часто выполнявшейся не всеми силами. Загородившись кавалерийской завесой, французская армия стремительно концентрировалась и неожиданно нападала на массу войск, защищавших это центральное положение. Такая начальная атака оказывалась неизменно успешной. Наполеон немедленно «массировал» свою армию на этом вновь захваченном участке, то есть становился хозяином «центрального положения», успешно вклинив свои сосредоточенные части между армиями противника, которые в идеале должны были бы отойти назад под напором неожиданного удара и еще больше удалиться одна от другой. Это неизбежно означало, что противнику приходилось вести действия на «внешних линиях» (то есть иметь большие расстояния для маршей с одного фланга на другой), а у французов, занявших лучшие позиции, были более короткие расстояния для подхода к каждому из противников.

Затем возникала задача уничтожения этих разрозненных армий неприятеля. Конечно, если бы французы проявляли бы неосторожность и обращали все свои силы против отдельной части противника, они бы сразу спровоцировали отчлененную армию врага на маневр против своего незащищенного фланга и тыла в поддержку атаковавшего соседа. Но Наполеон обычно умел предотвращать в таких случаях возможную опасность. С самого начала атаки французская армия обычно делилась на три части: левое крыло, правое крыло и центральный резерв; каждая часть состояла из двух или трех армейских корпусов, подчиняющихся назначенному командующему армией. Император как главнокомандующий обычно имел резерв, в который неизменно включалась императорская гвардия, основная масса кавалерийского резерва и артиллерии и, возможно, один-два дополнительных корпуса. Как только центральное положение было успешно захвачено, Наполеон превращал ближайший город в центр операции и начинал второй этап своей стратегии: изолирование первой намеченной жертвы и предотвращение вражеского вмешательства в операцию извне.

Как только была определена непосредственная цель (обычно та в группировке врага, которая была физически ближе к французской армии), ближайшее крыло Великой армии немедленно начинало двигаться для сближения с противником и приступало к сокрушительному или «сковывающему» наступлению. Одновременно резерв продвигался для его поддержки и пытался предпринять тактический обходной маневр или просто усилить фронт в соответствии с обстоятельствами. Тем временем оставшееся крыло отходило, чтобы служить корпусом прикрытия, не позволявшим противнику вступить в уже идущий бой. Эта роль не была чисто оборонительной. Император всегда настаивал на том, что «только остановить врага недостаточно». От командира прикрытия требовалось атаковать второго противника и делать все возможное, чтобы сковать его перед третьей фазой наступления. Более того, если противник на этом второстепенном секторе фронта оказывался малочисленным или слабым по боевому духу, французский командир мог выделить до половины своих сил (как планировалось для корпуса д'Эрлона под командованием Нея под Катр-Бра 16 июня 1815 года) и послать их на помощь в обход противника на главном секторе. Но основная функция этого корпуса — обеспечение защищенного фланга для главной операции.

После разгрома первого избранного противника Наполеон отделял часть своих победоносных сил на преследование бегущих с поля боя, а затем немедленно пускался с уцелевшими для повторения той же формулы атаки против второй части противника. В благоприятном случае через 2—3 дня постоянных боев и маневров все части неприятельских сил были по очереди разбиты и общая стратегическая ситуация обращена несомненно в пользу французов.

Как всегда, эта схема и последовательность операций могли бесконечно варьироваться в деталях. Так, в короткой кампании при Ватерлоо Наполеон вначале намеревался нанести удар по Веллингтону, но затем изменил направление главного удара и, переориентировавшись, нацелил его на Блюхера, после того как его разведчики выяснили, что прусская армия подставила свой фланг после марша около Сомбреффа и Линьи, что было опасно, когда английской армии еще не было. Одного приказа императора было достаточно, чтобы изменить схему для использования этой новой возможности. Размещенный в центре резерв двинулся на северо-восток от Шарлеруа против Блюхера, вместо прежнего решения двигаться на северо-запад против Веллингтона. Однако преимущества и недостатки этого маневра, базировавшегося на «центральной позиции» и «внутренних линиях», практически аннулировали друг друга. С одной стороны, можно было бы ожидать, что противник проявит растерянность при первом набеге французов; может быть, удастся втянуть врага в бой двумя или несколькими разорванными частями, обычно с меньшей численностью и не на своей территории. С другой стороны, для Наполеона становилось крайне трудно точно координировать и управлять обоими крылами своей армии — так как он мог физически присутствовать только на каком-то одном крыле. С точки зрения Наполеона, самой нежелательной здесь была необходимость немедленно после разгрома первого противника сосредоточиваться против второго, отказываясь от преследования остатков первого с целью его полного уничтожения. Другими словами, эта система имела тенденцию лишать Наполеона его решающего успеха; он мог прекрасно выиграть ряд небольших сражений «лобового» типа; но у него было мало шансов одержать победу масштаба Аустерлица или Йены — Ауэрштедта. Барон Жomini утверждает, что этот тип маневра был у Наполеона излюбленным. Но то, что он не приводит к достижению конечного, быстрого, безупречного разрешения, едва ли могло сделать этот маневр заманчивым для Наполеона, предпочитавшего один решающий удар. Вот почему он применял этот способ только при крайней необходимости; поэтому его можно вполне определить как «стратегию малочисленности».

Тем не менее эта система маневра использовалась во многих случаях. На третьей фазе итальянской кампании она применялась постоянно, так как генералу Бонапарту приходилось бороться, чтобы не дать большим австрийским армиям соединиться в попытке снять осаду с Мантуи. Действительно, ситуация в ноябре 1796 года — прекрасный пример использования этой системы Наполеоном. Имея против себя сближающиеся армии Давидовича (от Трента) и Альвинци (от Басано), он оставил Вобуа с дивизией уменьшенного состава, чтобы тот задержал продвижение Давидовича (от Альп), в то время как он сам ринулся с Массеной и Ожеро против Альвинци. Отбитый при Кальдьеро в фронтальном бою с Альвинци, он отошел через свою операционную базу в Вероне, пополнив запасы на ходу, и затем немедленно провел знаменитый маневр охватывающего движения вдоль по Адидже к Арколе. Это не совсем удалось, потому что местные австрийские силы неожиданно оказали крайне упорное сопротивление, сражаясь за Аркольский мост. Более того, Наполеон не мог максимально использовать свои местные преимущества, будучи чувствителен к опасному положению Вобуа, который со страхом ожидал наступления превосходящих сил противника на берегах озера Гарда. В силу этого в первые две ночи трехдневного сражения (15—17 ноября) Наполеон почувствовал неизбежность отказа от своих с таким трудом завоеванных территорий и отхода на южный берег Адидже, чтобы быть готовым к немедленному маршу к Вобуа. Это оказалось ненужным, и на третий день Наполеон превратил безвыходное положение в победу над измотанным, со сломленным духом Альвинци, найдя еще и время, чтобы перебросить на север основную массу своих двух дивизий, готовых встретить удар Давидовича. Но удар так и не состоялся, и австрийской армии посчастливилось не испытать наступления Бонапарта.

Это почти образцовый пример преимуществ, даваемых наличием внутренних линий и центральным положением. Однако ни один из успехов Наполеона не был окончательным, и единственным ощутимым результатом его блестящего управления Итальянской армией было получение короткой передышки для переутомленных солдат и для продолжения третьей осады Мантуи без перерыва.

Если аркольский эпизод — один из лучших примеров этой системы операции, то есть и много других. Та же Итальянская кампания 1796—1797 годов видела использование чрезмерной растянутости австро-сардинских сил с последующей затем операцией при Кастильоне — Лонато. После сражения под Арколой произошел разгром австрийской последней армии при ее попытке прийти на помощь маршалу Вюрмсеру — также прославленный эпизод Риволи — Мантуи в январе 1797 года. В годы расцвета Первой Империи было гораздо меньше примеров использования Наполеоном этой «стратегии центрального положения», потому что в это время французы, как правило, имели численное преобладание и, следовательно, не было нужды прибегать к этой «оборонительной» по своему смыслу стратегеме. Но в 1813, 1814 и, конечно, в 1815 годах, когда Наполеон сражался против численно превосходивших его сил противника, он часто прибегал к такому типу маневра в отчаянном стремлении предотвратить свой разгром.

Именно в этом позднем периоде кампании эта система часто не приводила к успеху. Например, в июне 1816 года блестящее стратегическое начало кампании при Ватерлоо кончилось разгромом. Неожиданным ударом вогнав клин между союзниками (15-го), разгромив Блюхера при Линьи и удерживая Веллингтона под Катр-Бра (16-го), Наполеон почему-то не дает приказа Груши немедленно преследовать пруссаков или совершить немедленно марш на помощь Нею против Веллингтона. Из-за этих просчетов пруссаки незамеченными отходят к Вавру на север (вместо отхода на восток, к Льежу, как предполагал император), Веллингтон уклоняется от сражения 17-го и, наконец, 18-го Веллингтон оказывается в состоянии принять бой против Наполеона на выбранной им позиции, пока не появляются Блюхер с прус-

саками, обходя фланг Наполеона и превращая тактическую задержку в полное поражение французов.

Третий тип наполеоновского маневра — это так называемый «стратегический клин», или «стратегический прорыв», — система, рассчитанная как введение или начало одного или второго маневра из более важных систем. Когда Наполеон видел, что противник держит растянутую линию обороны «кордонного типа», он разрабатывал способ прорыва ее в каком-нибудь удобном месте, за которым следовал марш в глубину территории противника (используя скорость, чтобы избежать опасности окружения) с целью захвата большого или небольшого города, который затем использовался как операционная база на следующей стадии кампании. Так, в 1796 году он прорвался через кордон войск Колли и Аржанто под Чевой, чтобы занять свое центральное положение; чуть позже, преследуя Больё, он пробился через линию обороны по реке Минчо у Боргетто и разделил надвое разбросанные силы врага. Самые яркие операции этого типа происходили в 1812 году, когда французы совершили бросок через Неман в направлении на Вильно, пытаясь оторвать большую часть армии Барклая от соприкосновения с генералом Багратионом. Затем причиной главного наступления Наполеона к Витебску и Смоленску было желание Наполеона достичь стратегического внедрения клином через подготовленные русские рубежи по рекам Двина и Днепр. Но такой маневр никогда не мог исчерпываться сам собой; он не приводил к решающему сражению, но вел к созданию начальной благоприятной ситуации, или к «трамплину», с которого затем можно было предпринимать главные операции кампании.

Однако при всем различии этих трех главных наполеоновских стратегем ни одна из них непременно — или даже обычно — не исключала две другие. Всеобъемлющий гений Наполеона мог придумывать способы объединения особенностей всех трех типов в единой кампании. Так, в 1796 году он развил начальный «стратегический прорыв» (Чева) в действия, основанные на «центральном положении» (сражения у Дего и наступление на Мондови), прежде чем перейти к целой серии «маневров вне поля боя» в своих тщетных попытках не дать уйти Больё, заманив его в ловушку. Затем, когда его наступление перешло в оборонительную фазу, по мере того как австрийцы сделали ряд мощных рывков, чтобы снять осаду с Мантуи, генерал Бонапарт опять вернулся к своей концепции маневрирования вокруг «центрального положения», иногда прибегая к кратким фланговым обходам (как под Арколой). Наполеоновская война всегда была крайне сложной. Это был бесконечно меняющийся калейдоскоп операций и планов, которые сами по себе всегда сбивали противника с толку, ослепляя растерявшихся, догматически мыслящих консервативных генералов противника и погружая их в хаос и деморализацию, часто влекущие их к катастрофическому поражению.

Глава 16

ОБЩЕВОЙСКОВАЯ ТАКТИКА

Общевойсковая тактика наполеоновской эры включала в себя науку и искусство руководства людьми, лошадьми и артиллерией во время самых острых моментов соприкосновения с противником. Эта тактика не связана с изучением разнообразных приемов рукопашного боя, относящихся к тактике кавалерии и артиллерии и др. Наполеон внес мало действительно оригинальных тактических новшеств в искусство ведения войны. Его разработка «дивизионного каре» в Египте — практически единственное новаторство. Он исключительно умел использовать методы завоевания преимущества над противником в последние часы перед сражением, для разгрома его на поле боя и для уничтожения его в преследовании.

Величайшим вкладом императора в искусство ведения сражений является его принцип объединения маневра и «кровавого решения» как неотъемлемой части стратегии. Он опровергает разделявшийся всеми в XVIII веке взгляд на то, что движение и сражение являются разными актами войны, из которых первое относится к науке стратегии, а второе — к тактике. Наполеон смотрел на это по-другому. «Часто система сражения рождается в системе кампании»(50), — утверждал он.

Наполеоновская концепция сражения во многом почерпнута у авторов, которых он изучал в Оксонне. Военный теоретик уэльсец Ллойд учил его, что сражения должны быть гибкими, не застывшими, что неожиданность — лучший способ деморализовать врага и поставить его в невыгодное положение. Одна идея Ллойда часто находит отклик в «Переписке»: «Сражение — это театральная пьеса, с началом, серединой и концом»(51). Но вероятно, наибольший вклад Ллойда в военное образование Наполеона заключается в его настойчивом утверждении, что истинным проявлением военного гения Фридриха Великого было сражение под Прагой (6 мая 1757 года), когда он атаковал австрийского маршала фон Брауна в момент, когда тот собирался разомкнуть свою линию. Поведение Фридриха под Прагой во многом обогатило общеевропейское мышление Наполеона(52), потому что оно вдохновило его на разработку системы сражения, вынуждающей противника к нарушению целостности боевой линии и подставлению тем самым себя под фатальный удар.

Вклад Гибера был менее заметен. Он подчеркивал необходимость тщательнейшего выбора цели для атаки, важность вступления в бой в виде ряда небольших колонн ради большей подвижности, которые, однако, должны быть развернуты для самого боя, а также преимущества компромиссного смешанного боевого порядка (*ordre mixte*) над прежним линейным порядком (*ordre mince*) и над колонным порядком (*ordre profonde*). Все эти тактические идеи нашли отражение в мышлении Наполеона. Но Гибер был также и автором нескольких идей, которые крайне не импонировали юному артиллеристу, и самым неприемлемым для него было убеждение Гибера, что артиллерия как род войск на поле боя является скорее помехой, чем помощью. Наполеон постоянно оспаривал эту идею в своих трудах: «Необходимо иметь столько же артиллерии, сколько ее имеется у неприятеля. Опыт показывает, что на каждую тысячу людей необходимы четыре пушки... Чем лучше пехота, тем больше надо беречь и поддерживать ее хорошими батареями...»(53) «Артиллерийское оружие теперь становится главным», — писал он, вторя положению Тюргенна де Криссе, что «битвы решаются теперь огнем, а не ударом»(54). Или опять: «Войну ведут артиллерией»(55).

Наполеон хорошо усвоил учение дю Тейля, что большие батареи — истинный секрет победы. Он применял их при Маренго, Эйлау, Фридланде, Бородине и Ватерлоо. Бонапарт с жадным интересом изучал все споры военных теоретиков своего времени, сопоставляя факты и извлекая идеи, он постепенно выработал свое представление о формуле сражения, или, скорее, целый ряд альтернатив, группирующихся вокруг центральной темы как идеала.

В основе его мышления лежали несколько фундаментальных идей. Среди них самой важной была концепция наступательного сражения, основанного на мощной атаке и имеющего целью завершить войну одним ударом. Собственно, это и было стратегическим, а также и тактическим идеалом Наполеона, вынесенным им из изучения работ Фридриха Великого, который, в свою очередь, почерпнул свои заветы из практики великого персидского полководца Кира, усовершенствовавшего идеи маневренного сражения. Наполеон редко вел чисто оборонительную битву, даже если он стратегически находился в обороне. Очень истрепанная поговорка Наполеона «Лучшее средство обороны — нападение» тем не менее является кратким выражением его философии. Только три раза Наполеон вел настоящий оборонительный бой — под Лейпцигом в 1813 году и под Ларотьером и Арси

в следующем году. Но в каждом из этих случаев он прибегал к этим «второсортным» мерам лишь после страшного провала главного наступления.

На протяжении всей своей военной карьеры Наполеон придерживался идеи нападения на противника, получая преимущества в виде его дезорганизации, расстройств его планов и захвата инициативы. Даже при Аустерлице, где при поверхностном знакомстве казалось, что французы сидят и ждут атаки союзников, Наполеон действовал наступательно. Он весьма тонко и лукаво создал впечатление полной слабости и нерешительности французов и заставил своих более мощных противников совершить роковые ошибки. Но Наполеон не вел оборонительно-наступательных сражений в истинном смысле слова, хотя на Пиренейском полуострове некоторые наполеоновские полководцы, а именно Султ и Массена, довольно успешно вели их против герцога Веллингтона. Однако если французы всегда предпочитали атаковать, то, как ни парадоксально, по словам Колена, меньше всего страдали от них те противники, которые с наибольшим упорством оставались в обороне. Исход сражений при Прейсиш-Эйлау, Бородине и Ватерлоо, по-видимому, подтверждает это. Таким образом, атаки Наполеона были весьма успешны, если только они успешно провоцировали противника на плохо продуманную и несвоевременно проведенную контратаку.

Если максима «всегда нападать» («Toujours l'attaque») — одна из основ стратегической философии Наполеона, то «всегда сбивать с толку» («Toujours confondre») — ее вторая основа. С самого первого момента противник должен быть выбит из равновесия, и тогда он будет и далее оставаться в этом положении. Для достижения этого Наполеон принял совет Тюрпенна де Криссе: «Очень важно знать настрой, характер и способности своего военачальника-оппонента; на этом основании можно строить планы...» И многие из планов сражений Наполеона специально исходят из его представлений о сильных и слабых сторонах противника. Если император входил в соприкосновение с трусливым или же, наоборот, превосходящим в силе противником слишком поздно, чтобы навязать ему решающий бой, он не откладывал своей атаки на завтра; чаще всего он начинал немедленную, хотя часто и недолгую, но сокрушительную атаку с целью сковать противника, исключить возможность его отказа от сражения путем ночного отхода и в то же время стараясь нарушить боевые порядки врага, втягивая его в дело с расчетом использовать их разрозненность на следующее утро. Таковы были те намерения, которые скрывались за кажущимися преждевременными боями в первый день под Прейсиш-Эйлау и Ваграмом, да и за главным сражением при Фридрихсфельде. Наполеон всегда, от начала до конца, стремился добиться господства над противником и запугать его, создавая свое моральное превосходство, которое часто полезнее, чем численный перевес.

Как в своей стратегической системе, так и в своих общевойсковых тактических формулах Наполеон придавал огромное значение обходу противника. Это был третий элемент его военной философии. Если стратегической концепцией он был обязан Фридриху Великому, то его тактические взгляды заметно отражали идеи Бурсе. Принципы Фридриха в облическом¹ боевом порядке не нашли аналогий в планах Наполеона, хотя он перенял некоторые черты для конечной, решающей атаки; он гораздо больше надеялся на обходной маневр для того, чтобы достичь действительно великих результатов. Целью фланговой атаки, в том виде, как она применялась почти во всех наполеоновских сражениях начиная со скромного Монтенотте в 1796 году и более сложном при Кастильоне в этой же кампании до полностью разработанной концепции, использованной в сражении под Бауценом в 1813 году, всегда было создать возможность для тотальной победы, беспокоя врага, расстраивая его ряды, нарушая равновесие и моральный дух, созда-

¹ Облический — косой, диагональный.

вая этим атмосферу и ситуацию, в которой можно добиться конечного решения. Велико психологическое воздействие внезапного грома пушек или появления громадного облака пыли, несущегося к флангу и тылу противника. При Арколе (на третий день) это было появление весьма малого отряда французской кавалерии на вражеском фланге, которое и решило исход боя; так, в битве на горе Табор (1799) понадобилось всего лишь два пушечных выстрела в нужный момент, чтобы вызвать паническое бегство огромной армии Дамаска. Существует еще много подобных примеров.

Однако в этой основной идее обхода фланга неприятеля с помощью независимого соединения есть важный прием, который Наполеон применял, когда у него не было достаточно сил для оказания помощи войскам. Этой альтернативой было тактическое обходное движение. Различие между этими двумя видами — важное, хотя на первый взгляд оно не кажется таковым. «Обходное движение» может быть выполнено только достаточно большой силой — по численности не менее корпуса, которая способна вступить в бой *независимо* от главного войска. «Движение в охват» фланга, в отличие от первого, дает менее яркие результаты. Оно всегда выполнялось отрядом, который входил как составная часть во французскую боевую линию и оставался всегда связанным с главным фронтом. Этот отряд отнюдь не был самостоятельным соединением. Такая атака часто вынуждала противника изменить фронт или частично передислоцировать свою линию, но сама по себе она редко приводила к полному расстройству дислокации противника, дающему шанс на окончательную победу, которой всегда добивался Наполеон. Однако степень достигнутого успеха в «идеальном» наполеоновском сражении зависела от точного расчета времени — от правильно просчитанной по времени последовательности исходного сосредоточения, появления силы, совершающей обходное движение, решающего артиллерийского обстрела ключевого сектора фронта врага и, наконец, губительной главной атаки. Его способность определить нужный момент одним взглядом (*coup d'oeil*) была непременным условием.

Как и в его системе маневра, имелись три разных типа наполеоновских сражений, хотя и они были крайне подвижными, диалектическими понятиями, способными бесчисленно варьироваться и даже сливаться, в зависимости от обстоятельств. Основные три типа: сражение, основанное на простой фронтальной атаке, двойное сражение и охватывающее, или «стратегическое» сражение. Несомненно, излюбленным типом Наполеона было третье.

Фронтальное сражение несло на себе сильный отпечаток войны XVIII века. Обычно это было сражение двух армий, выстроенных достаточно жестким боевым порядком или внутри четко очерченной позиции, ведущих бой огнем и ударом, пока одна из сторон не признавала свое поражение. Наполеон, вероятно, не любил этот тип сражения — «взятие на измор» — по двум причинам. Во-первых, этот тип был чреват крайне большими потерями в людской силе, а вопреки расхожему мнению, Наполеон всегда старался сохранить численность своей армии. Он мог рисковать тяжелыми потерями не моргнув глазом, только когда они были неизбежны или необходимы. Во-вторых, разработанное во всех подробностях фронтальное сражение едва ли могло дать решающий результат, так как разбитое войско обычно отходило по своей линии коммуникаций. Тем не менее в некоторых обстоятельствах Наполеон был готов дать сражение и такого типа. Иногда требования стратегической обстановки делали необходимым сражение на любых условиях. Примером может быть битва 14 января 1797 года у Риволи, когда генерал Бонапарт отчаянно пытался остановить и, если возможно, рассеять северное крыло «клещей» Альвинци до того, как их южная часть сможет пробиться через Адидже к Мантуе. В этом случае Наполеон принял бой на довольно узком плато, что мешало войскам использовать большой тактический маневр. Точно так же он шел на такой тип боя и в тех случаях, когда противник не проявлял достаточной

смекалки и ставил сам себя в крайне уязвимое положение. Например, под Фридрихсдорфом 5 июня 1807 года, когда Беннигсен поставил свою армию на перешейке излучины реки Алле, где ее приток Мюлен-Флюсс далее рассекал надвое его боевую линию. Здесь Наполеон был готов дать лобовой бой, чтобы использовать столь благоприятные обстоятельства. Но бывали и такие случаи, когда ему навязывали сражения подобного типа. Один из примеров — битва при Маренго (июнь 1800 года). Точно так же — у Бородина. Из-за того что Великая армия была слишком ослаблена, чтобы провести полномасштабную обходную атаку против незащищенного левого фланга Кутузова (по крайней мере, так утверждал Наполеон, хотя у Даву было другое мнение), и потому что тактическое движение в охват князя Понятовского вокруг русского левого фланга с целью закрепления на местности тоже не удалось, император был вынужден принять большое фронтальное сражение на измор. Лейпциг в 1813 году является еще одним подобным примером, хотя в этом случае, конечно, события диктовались союзниками. Однако генеральное фронтальное сражение никак нельзя смешивать с начальной «сковывающей» атакой идеального наполеоновского сражения, хотя здесь есть некоторое сходство.

Второй тип сражения — двойное. Очень часто к двойным сражениям прибегали в связи и с фронтальными, и со стратегическими типами. Двойные сражения неизменно играли роль в развитии стратегии, основанной на центральном положении. Двойные сражения также обычно использовались, когда форма поля явно делилась на две части какой-нибудь географической чертой (горой или рекой) или когда большие количества войск с обеих сторон не оставляли места для другого типа с точки зрения управления боем. Так, при Аустерлице главное сражение шло за овладение центральными Праценскими высотами и местностью к югу от них, а местность к северу от этого массива была выбрана Наполеоном как место второстепенного сражения. Ланну и Мюрату, которые дислоцировались вокруг возвышенности Сантон, поднимающейся над главной дорогой Ольмюц — Брюнн, была поручена в основном оборонительная задача — не дать армии Багратиона (правое крыло союзников) вмешаться в главное сражение. В Бородинском сражении бой сосредоточивался вокруг деревни с этим названием и потом шел по северному берегу реки Колоча. Вначале Наполеон доверил вести бой IV корпусу принца Евгения в виде второстепенного сражения, но на более поздней стадии главного сражения Наполеон счел нужным переместить половину войск принца на южный берег для участия в главном бою, сосредоточенном вокруг захвата Большого редута.

Иногда и стратегическое сражение могло превращаться в двойное в силу обстоятельств. Так, 13 октября 1806 года намеченная Наполеоном стратегическая битва с противником, предположительно сосредоточенным в районе Веймара (Даву и Бернадот должны были действовать в ней как охватывающая сила), превратилась в двойное сражение под Йеной и Ауэрштедтом, когда выяснилось, что пруссаки передислоцировались к востоку и к северу от их начального положения. Еще одним хорошим примером двойного сражения, тесно связанного в этом случае со стратегией центрального положения, являются Катр-Бра и Линьи. И наконец, знаменитое сражение при Ватерлоо должно бы, в сущности, тоже называться двойным, хотя, как и под Йеной и Ауэрштедтом, это специально не планировалось, но было вызвано складывавшимися обстоятельствами. Лучшим названием было бы «Ватерлоо-Вавр», потому что неудачная попытка Груши связать Блюхера второстепенным боем у Вавра к востоку от главного поля боя оказала самое непосредственное влияние на исход дневного боя вдоль гребня Мон-Сен-Жан. Однако в этом пункте важно различать двойное сражение, с его главным и второстепенным боями (они аналогичны главному и второстепенному театру в наполеоновской стратегии), и важные главные и второстепенные атаки, занимающие заметное место в стратеги-

ческом сражении. Это не академические тонкости, ибо за каждым лежат совершенно разные намерения.

Помимо фронтальных и двойных сражений, Наполеон разработал идеальный тип боя — «норму» настоящего стратегического сражения. Эта форма общевойсковой тактики применялась им в многочисленных случаях между 1796-м и 1813 годами, и именно она являлась настоящим основным фактором в наполеоновской войне. Подобно его любимому стратегическому маневру, его «идеальное сражение» использовало концепцию охватывающего наступления, рассчитанного на то, чтобы морально потрясти противника и вызвать ослабление его главной боевой линии в заранее выбранной, критической точке. Наполеон постоянно подчеркивал: «Сражения выигрываются обходом врага, наступлением на его фланг». Он никогда не считал нужным изменять этому фундаментальному принципу (за исключением, может быть, сражения при Бородине), ибо это было средством создания бреши в боевой линии противника небольшой ценой, и «после проделывания бреши равновесие нарушается, и все остальное уже не помогает» (для военачальника противника). С охватывающим наступлением, создающим условия для полной победы, ассоциируется понятие (в фразеологии Камона) мастерского удара (*le coup de force*), превращающего возможности победы в победу совершившуюся.

Это понятие означает точный просчет времени и идеальное согласование для достижения успеха. Наконец, сюда же относятся организация и координация эффективного преследования с целью уничтожить все, что осталось от сплоченности и воли к дальнейшему сопротивлению у противника. Поэтому эти три идеи — охват с фланга, прорыв и развитие успеха — образуют главные элементы в наполеоновском стратегическом сражении. Все остальное подчинено задаче облегчения этих трех последовательных стадий сражения.

Последовательность событий типичного стратегического сражения часто отвечает следующей схеме: после получения доклада от командира кавалерийской завесы о том, что противник сосредоточился в непосредственной близости, Наполеон приказывал ближайшему главному соединению (обычно отдельному армейскому корпусу) сблизиться с врагом и всеми силами сковать его на этом месте, которое явится конкретной точкой, вокруг которой будет сосредоточиваться остальная французская армия. Благодаря великолепной гибкости наполеоновской системы перемещения корпусов на большие расстояния в свободном, но тщательно согласованном порядке не имело особого значения, на каком направлении был обнаружен противник. Если впереди, то в бой вступал авангард, если на левом фланге направления наступления (как в йенской кампании), то ближайший корпус (вначале находившийся на фланге) превращался в новый авангард, и весь боевой порядок французов плавно перестраивался, применяясь к новой ситуации, и главная армия заходила флангом к месту боя. Так начинался первый акт наполеоновского сражения.

Кроме обеспечения этого ювелирного маневрирования и подстройки, система армейских корпусов также давала возможность отдельному корпусу принимать удар в несколько раз превосходящих сил противника на некоторое время. Ибо каждый корпус имел свои собственные пехотные, кавалерийские и артиллерийские части и подразделения и фактически являлся армией в миниатюре. Очень часто бывало так, что кажущаяся слабость воюющего французского соединения провоцировала врага кинуться в атаку с целью его уничтожения. Такое искушение сработало под Йеной 13 октября 1806 года, когда пруссак Хоэнлоэ посчитал, что перед ним лишь изолированный боковой отряд наполеоновской армии, увидев, что маршал Ланн переправился через Заале, чтобы занять открытую позицию на Ландграфенберге. Он не торопясь стал подводить ближе свои войска, надеясь на легкую победу на следующий день. А к тому времени появилось и гораздо большее французское соединение. Еще лучше эта военная уловка осуще-

ствилась под Фридландом (13 июня и рано утром 14 июня 1807 года), когда Беннигсен бросился на подставленную ему приманку в виде кажущегося открытого и безнадежного положения Ланна (опять). Он перевел свои русские дивизии через реку Алле в очень опасное боевое положение, будучи полностью уверен в том, что на расстоянии поддержки от его «жертвы» нет никаких французских войск. Но Наполеон знал, что этот корпус с его полным составом пехоты, легкой кавалерии и пушек (дивизионных и корпусного резерва) может удерживать свои позиции и продержаться не менее одного дня, невзирая на потери, до подхода форсированным маршем сил соседних соединений.

Прежде чем кончился этот период задержки, на поле боя появился ближайший корпус поддержки для подкрепления сил сражающихся, и противник, к своему изумлению, оказался вовлеченным во все более ожесточающуюся битву, рассчитанную на измор, против все прибывающих французских войск. Снова его естественной реакцией в таких условиях было немедленно ввести в дело резервы, пытаясь удержать свое начальное превосходство, и добиться победы, пока шансы окончательно не пропали. Как раз этого и желал Наполеон — раннего перемалывания поддерживающих сил противника. Нарастало напряжение фронтального боя — вначале от редкого грохота пушек и шелканья мушкетного огня до постоянного грохота взрывов по мере того, как все больше пехотных дивизий, поддерживаемых дивизионной артиллерией, и кавалерийских сил вступало в дело, сковывая, удерживая и перемалывая армию противника. При необходимости использовались специальные резервы (не смешивать с главным резервом, стоящим при императоре для критических случаев или *coup de grâce*¹) для усиления французской боевой линии.

Все это время скрытые за кавалерийской завесой и не замечаемые противником войска обходного маневра спешили к указанному пункту на фланге или в тылу противника. Так как очевидно, что для такого движения скорость решает все, основная часть этой операции возлагалась на соединения, взятые из кавалерийского резерва с поддержкой конной артиллерии, хотя в этом участвовали и мощные пехотные колонны. Наполеон постоянно поручал командование такой критической операцией своим наиболее доверенным военачальникам, потому что все зависело от появления этих войск точно в нужном месте и в нужный момент, чтобы результаты этого вмешательства были бы решающими. Перед таким маневром император определял фланг, подлежащий обходу, изучая пути естественного отхода противника; он назначал обход фланга, находившегося ближе всего к этому пути. Однако при Прейсиш-Эйлау он попытался провести двойной охват флангов (Ней с севера, Даву с юга), который не осуществился, потому что Даву слишком долго добирался до назначенного пункта сбора.

Теперь рассмотрим критическую проблему определения нужного момента, когда охватывающее соединение должно показаться врагу на его фланге. Для максимального эффекта это не должно случиться раньше, чем противник введет все или большую часть своих резервов во фронтальное сражение. Этот точный расчет момента фланговой атаки требовал величайшего умения от Наполеона и его маршалов. Первому нужно было увидеть тот момент, когда все войска противника уже вступили в бой (а это было очень нелегко из-за клубившихся облаков порохового дыма, заволакивавшего сцену боя), а маршалам нужно было удерживать свои рвущиеся в бой войска «на поводке», чтобы не дать врагу раньше времени увидеть их подход. Затем, когда наступал этот момент, Наполеон давал сигнал. Если охватывающее наступление начиналось издали, то производился специальный пушечный сигнал — например, тридцать пушек стреляли одновременно по два выстрела с условленным интервалом. Если же обходящий отряд находился близко (как бывало, когда предпринималась тактическая атака в охват — подобно атаке корпусом

¹ Последний удар (фр.).

Сульта под Аустерлицем и Йеной), то император обычно посылал соответствующий приказ с надежным адъютантом или лично скакал туда.

Затем начиналось обходное движение. Внезапный грохот пушек на доселе безопасном фланге вынуждал генерала тревожно оглянуться назад, и вскоре в подзорные трубы взволнованных штабных офицеров ясно виделась полоска пыли и дыма, все ближе подхлывшая с фланга или тыла. Нельзя было не обратить внимание на эту угрозу своим коммуникациям и путям отхода. Теоретически противник мог принять одно из двух действий (но на практике только одно). Генерал мог или приказать немедленный общий отход, чтобы выскользнуть из ловушки, прежде чем она закроется за его армией (хотя, как правило, об этом уже и не могло быть речи: Наполеон в этот момент начинал генеральную фронтальную атаку против всех секторов боевой линии противника, которая по времени совпадала с самообнаружением обходной силы. Таким образом, противник еще крепче приковывался к занимаемой позиции.

Вторым выходом для противника было бы где-то изыскать дополнительные силы, чтобы образовать новую боевую линию под прямым углом к своей главной позиции, чтобы обратиться фронтом к новому наступлению и защитить свой фланг. Но так как (в идеале) все его резервы уже были введены в бой, такой маневр можно было бы легко и быстро выполнить только за счет намеренного ослабления тех секторов фронта, что стоят ближе всего к новой угрозе. Такое перемещение войск с неприятельского фронта, ослабляющее его, было тем, что Наполеон называл «событием» — именно тем, что, по его расчетам, должно было произойти. Окончен «первый акт». Противник реагировал на действия Наполеона так, как тот задумал. Теперь можно было приступить к разрушению целостности боевой линии врага и окончательному его уничтожению практически с полной гарантией успеха.

Начинает развертываться «второй акт» боевой драмы — решающая атака. Цель: провести внезапный наступательный бой свежими войсками против ослабленного участка изогнувшейся боевой линии противника, используя достаточное количество солдат для прорыва и разрыва неприятельской армии на две несвязанные части. Для этого момента в течение всего первого акта Наполеон за линией фронта секретно сосредоточивал ударную силу для прорыва (*masse de rupture*), состоявшую из отборных войск всех родов. В идеале ударная сила скрывалась до времени в естественных укрытиях местности. Под Аустерлицем это было сочетание противоположного склона горы около Шлаппаница и утреннего тумана, скрывших присутствие ударных дивизий Вандамма и Сент-Илера от австро-русских штабистов. Очень часто эту ударную силу выстраивали большим каре: пушки резерва занимали передний фас, две пехотные дивизии колоннами образовывали боковые стороны, массивные эскадроны кавалерийского резерва замыкали тыл. И вот здесь расчет времени имел первостепенное значение. Процесс отвода сил противником, перебрасываемых в угрожаемое место, и обнажения сектора фронта должен был закончиться или хотя бы быть близким к завершению, прежде чем французы начинали главный наступательный бой. В сражении наступало такое время, когда Наполеон, держа часы в руке, следил за минутной стрелкой. Под Аустерлицем он спросил Сульта, сколько времени потребует его дивизиям для штурма Праценских высот. «Двадцать минут, сир!» — был ответ. «Тогда мы подождем еще четверть часа», — сказал император, желая, чтобы русские и австрийские колонны союзников (избранное им место прорыва) успели полностью втянуться в жестокую битву на южной оконечности линии. Каждый участник стоял в готовности для большой атаки. Потом Наполеон говорил: «Есть момент в бою, когда самый малый маневр становится решающим и приносит победу; одна капля заставляла перелиться воду через край» (56).

Вот наступал момент, и «гончих спускали со сворок». «По сигналу массивные батареи гвардейского резерва срывались с места галопом без передков и

проносились до рубежа в 500 ярдов от противника и с невероятной быстротой начинали простреливать картечью брешь в его боевом порядке» (57). Под этот громовой смертоносный аккомпанемент (количество пушек бывало от 50 до 112 в разных случаях) пехотные колонны бежали в атаку под дробь барабанов. Прежде чем схватиться врукопашную с израненными обстрелом авангардными частями противника, они часто развертывались в линию или принимали смешанный порядок и бросались в штыковой бой. В поддержку пехоты кавалерия стремительно наносила удары по противнику, вынуждая его перестраиваться в каре, тем самым уменьшая численность стреляющих из мушкетов по подступающим французам. Батареи конной артиллерии выдвигали вперед скачками свои пушки и начинали расстреливать в упор столь удобные цели. При умелой координации различных компонентов атаки во вражеском фронте вскоре образовывалась большая брешь. Этот момент был настолько важен для успеха всего сражения, что для его достижения Наполеон был готов нести тяжелые потери — он бросал в бой одну часть за другой. Поддерживающие соединения подходили, чтобы расширить брешь, и затем, перестроившись после своих атак, гордость французской конницы, возглавлявшаяся тяжелой кавалерией — кирасирами, карабинерами и конными гренадерами гвардии, — с громом неслась вперед с мелькающими вверх-вниз саблями, чтобы развить успех прорыва, преследуя противника, пока под таким напором не рушилась вся линия фронта.

После прорыва фронта битва была выиграна. Оставалось определить масштаб победы. Без всякого перерыва следовал «третий акт», когда начиналась фаза развития успеха. Это было областью действия легкой кавалерии (улан, егерей и гусар) и драгун; их поддерживали батареи конной артиллерии, за которыми шли усталые, но торжествующие колонны пехоты. Наполеон не давал ни противнику, ни своим войскам ни малейшего отдыха после победы; уцелевшего противника нещадно преследовали — до полного падения его сопротивления или сдачи в плен. Преследование кавалерией Мюрата разгромленных пруссаков после Йены — наиболее прославленная операция развития успеха в эпоху Первой Империи. Через час после конца сражения Наполеон сам был уже в Веймаре (12 миль от поля боя), добывая беглецов и не давая им шанса перестроиться. Аналогично, если такое давление на противника сохранялось и в последующие дни, совершались самые удивительные боевые подвиги на глазах деморализованного и дезориентированного противника. Например, в третью неделю октября 1806 года сильные прусские крепости с полной численностью войск, артиллерии и запасов трусливо сдавались, не пытаясь сопротивляться небольшим отрядам французской кавалерии, не имевшим никакой поддержки. Это была молниеносная война в полном смысле слова, и никто лучше Наполеона не знал, как максимально использовать свой успех. Однако полные возможности преследования были осуществлены только в четырех случаях — после Риволи, Аустерлица, Йены и Экмюля.

Таково было развитие и тесное сцепление частей драмы идеального наполеоновского сражения — с ее началом, серединой и концом. Конечно, во многих случаях этот идеал не достигался, но обычный метод Наполеона состоял в разработке плана наилучшего способа нападения перед сражением. Потом, в зависимости от обстоятельств, «идеал» непрерывно модифицировался, пока не импровизировалось удачное решение сложившейся боевой ситуации. Наполеон требовал полной гибкости подчиненных ему соединений, ожидая от них, чтобы по одному приказу они могли бы сразу отбросить один вариант действий и перейти к другому. Так, при Ваграме (второй день) корпус Макдональда был остановлен на полпути своего марша для подкрепления Даву справа и тут же направлен обратно, чтобы сражаться слева от центра против угрожавшего флангового обхода австрийцев; это радикальное изменение плана было встречено без малейшего ропота. Небольшие гибкие колонны Макдональда повернулись на сто восемьдесят градусов и внезапно превратились в обширное каре, готовое к атаке австрийской конницы. Точно так же

под Йеной корпусу Сульта внезапно приказали действовать в качестве обходящей силы, когда стало ясно, что Даву не сможет подойти вовремя. Таким образом, тщательно разработанный основной план Наполеона был способен мгновенно измениться. Интересно, что только дважды Наполеон дал совершенно неподготовленные сражения — у Маренго и Фридланда, а под Йеной боевые действия развернулись на целых два дня раньше планировавшихся. Для Наполеона общим правилом было нападение на противника, уже «загипнотизированного» и остановившегося в бездействии из-за быстрого развития стратегической обстановки, и затем бесконечно разнообразными и гибкими приемами большой тактики он обеспечивал трудную, но несомненную победу.

Однако под Ватерлоо все пошло иначе; это был классический случай, когда «попался тот, кто кусался». Неожиданное появление Блюхера на французском фланге оказало тот же самый эффект, что и наполеоновское «охватывающее движение», — оно вынудило Наполеона ввести в бой молодую гвардию и корпус Лёбау — все свои резервы, кроме старой гвардии, чтобы создать новый фронт из фланга около Планшениуа. Затем он дал Нею возможность ошибиться в направлении первых атак против Мон-Сен-Жана и довершил неудачи этого дня своим отказом ввести в бой старую гвардию в тот момент, когда Ней практически проломил брешь в центре войск Веллингтона. Когда наконец в бой была послана старая гвардия — в 7.00 вечера, было уже слишком поздно, — она не успела развернуться и была разгромлена на месте. Просчеты во времени и неправильные решения погубили все последующие шансы на победу и прикончили военную карьеру Наполеона, что было совершенно недостойно его гениальных побед прошлых лет. Но он и сам сказал еще в 1805 году: «Для войны существует точно отмеренный возраст». Ко времени сражения при Ватерлоо как полководец он уже миновал свой пик расцвета, по крайней мере в сфере общевойсковой тактики.

Глава 17

НАРОЖДАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА: КАСТИЛЬОНЕ

Битва при Кастильоне (5 августа 1796 года) показывает любимую систему императора в действии на ранней стадии его карьеры и доказывает, что его метод уже сложился, когда ему было всего двадцать шесть лет.

В донесении Директории, описывающем битву под Кастильоне, Бонапарт пишет: «На рассвете 5 августа мы вошли в соприкосновение с противником, но до 6 часов утра ничего не произошло. Затем я приказал всей армии начать отход с целью выиграть время для подхода направлявшейся от Маркарии дивизии Серюрье (его ожидали с минуты на минуту) и обхода ею левого фланга Вюрмсера. Это действие, по крайней мере частично, увенчалось успехом» (58). В этих трех фразах Наполеон Бонапарт подвел краткий итог сражению при Кастильоне и в то же время открыл секрет его зарождающейся системы «стратегического сражения».

К концу июля 1796 года Итальянская армия пыталась пресечь соединение двух частей австрийской армии и предотвратить освобождение австрийского гарнизона мощной крепости Мантуя. Одно крыло австрийцев, возглавлявшееся Кваздовичем, приближалось вдоль западного берега озера Гарда. Второе, под командой генерала Вюрмсера (главнокомандующего), дошло от Трента до долины реки Адидже до Вероны, направляясь к Мантуе. Начальная численность обеих армий была соответственно 18 000 и 24 000, не считая гарнизон Мантуи (12 700). Кроме того, отряд (5000) под командованием Месароша продвигался вдоль долины Бренты. В то время Бонапарт располагал примерно 46 000 солдат. Но с этими силами он должен был удерживать всю Ломбардскую равнину, вести осаду Ман-

ту и, кроме того, предотвращать любые попытки австрийцев прийти на помощь городу и крепости с любого направления одновременно. Вначале обстоятельства складывались очень неблагоприятно для французов. Вюрмсер вытеснил Массену из Вероны и направился прямым маршем к Мантуе, а Квазданович отразил слабые силы генералов Соре и Гийо около Сало. Казалось, что австрийцы преуспеют и в своем соединении южнее озера Гарда, и в освобождении Мантуи. Некоторое время генерал Бонапарт колебался, с каким противником следовало бы разделаться в первую очередь, а затем принял трудное решение и дал приказ Серюрье снять осаду с Мантуи и двинуться на запад к Маркарии на реке Кьезе, где он сможет защищать армейские коммуникации, направлявшиеся через Милан к Ницце, и в то же время останется на расстоянии одного перехода от района сражения у озера Гарда. Одновременно Массена и Ожеро были отозваны на запад от реки Минчо, чтобы образовать там ядро полевой армии. Эти перемещения стали операционными, и 31 июля началось генеральное сосредоточение французских сил.

Так как Вюрмсер неуклонно двигался на Мантую против сил графа д'Ирле-са, Квазданович стал объектом основного внимания Бонапарта, и в течение 2-го и 3 августа был проведен ряд боевых действий вокруг Лонато и Кастильоне. Сражение при Лонато против Кваздановича было на ответственности Массены. В сражении при Кастильоне против авангарда Вюрмсера победу одержала дивизия Ожеро, которому помогал Кильмен. К ночи на 3 августа Квазданович был отброшен, а Вюрмсер пока остановлен. Наполеон твердо контролировал центральную позицию между этими двумя австрийскими силами (в разгар двойного сражения их разделяло только пять миль) — на ней находилась усталая Итальянская армия. Австрийский мешок оставался открытым, но в нем оказалась большая часть французской армии.

Рано утром 4 августа генерал Бонапарт начал сосредоточивать свои войска для атаки на 25-тысячное войско Вюрмсера, которое в этот момент занимало сильную позицию на высотах Кастильоне — Сольферино. Оставив генерала Гийо для преследования отходившего Кваздановича, Бонапарт собрал для этой операции все силы до последнего солдата. Он отозвал Деспинуа от Брешии, присоединив его к Массене и Ожеро, артиллерии Мармона и кавалерии Бомона на равнине под Кастильоне. Одновременно был послан приказ Серюрье, в тот момент находившемуся в Маркарии, совершить марш к деревне Гвидицоло в тыл Вюрмсера. Таким образом Бонапарт смог собрать около 31 000 человек (включая Серюрье и Деспинуа). Этим он добился численного превосходства в решающем месте — но только, нужно помнить, ценой снятия осады с Мантуи.

Целью Бонапарта было разбить Вюрмсера полностью; единственное, чего он опасался, был отход австрийского главнокомандующего в Мантую, если тот пересмотрит свое положение. Если бы Вюрмсер совершил такой отход, восстановление эффективной осады стало бы невозможным. В стенах крепости находились 37 000 хорошо обеспеченных австрийцев, и перед Итальянской армией стояла бы непосильная задача — пытаться одновременно поддерживать осаду, удерживать всю Северную Италию и быть армией прикрытия. Чтобы избежать этого, сражение у Кастильоне должно было состояться любой ценой.

Изучая расположение австрийских позиций, Бонапарт заметил, что правый фланг Вюрмсера был закреплен на высотах Сольферино и ближайшей к ним крепостной башне, а левый фланг шел по гребню, причем один отряд был выдвинут вперед, занимая холм Медолано, защищенный тяжелой батареей. Немедленно в голове 26-летнего генерала сложился план, которому в будущем было суждено служить прототипом еще десятка крупных сражений. Прежде всего он нападет на Вюрмсера фронтально посредством сковывающей атаки Массены против австрийского правого фланга и Ожеро — против левого. Это действие будет поддержано

в нужное время 4-й и 5-й полубригадами генерала Деспинуа, спешившего в этот момент от Брешии, и кавалерией генерала Бомона, удерживавшего крайний правый фланг. Тогда, как было задумано, в нужный момент дивизия Серюрье (ею в этот день командовал генерал Фьорелла, так как командир дивизии серьезно заболел в Маркарии) внезапно приблизится через Гвидиццо под прикрытием 5-го драгунского полка и ударит по левой части тыла Вюрмсера, надежно отрезав его от всех путей отхода к Мантуе, сея страх и подавленность среди его солдат — классическая интерпретация общевойскового «охвата». Затем начнется главная атака. Специальная ударная группа из трех батальонов гренадер при поддержке восемнадцати пушек под командой Мармона и кавалерии Бомона, сосредоточенная и выстроенная в виде буквы «Г» за правым крылом французов (стояли уступом), ударит молниеносно; этот удар будет направлен против левой части центра Вюрмсера (предположительно ослабленной из-за отделения отряда от части для встречи Серюрье) и взломает его линию. Этот мгновенный удар будет поддержан одновременно возобновленной атакой против всех секторов фронта австрийцев. Затем последует безжалостное преследование до полного разгрома Вюрмсера. Каждая составная часть великого наполеоновского сражения была, таким образом, включена в план битвы при Кастильоне в августе 1796 года.

Как часто бывает на войне, действительные события оказались не вполне соответствующими плану, развертываясь иначе, хотя начало было великолепным. Для обеспечения успеха своей первой атаки и отвлечения австрийцев с их сильных позиций на высотах Бонапарт прибег к одной из самых древних и в то же время самых опасных военных хитростей — к ложному отходу перед лицом врага. Едва началась перестрелка, он сразу приказал Массене и Ожеро отходить. Этот маневр мог бы оказаться роковым, не будь войска так хорошо выучены и так уверены в своем командире. Как и ожидалось, отход дал желаемый эффект. Изумленный своей удачей и считая, что французы уже обратились в бегство, Вюрмсер повернул вперед свой правый фланг (вращая его вокруг левого края) в попытке сокрушить левый фланг Массены и тем самым открыть дорогу на Лонато и предполагаемую позицию своего подчиненного коллеги, Кваздановича. Дело в том, что австрийский главнокомандующий не получил сведений о разгроме Кваздановича у Лонато 3 августа. Это неблагоприятное решение было очень на руку Бонапарту, потому что оно делало ожидаемый эффект вмешательства Серюрье еще более решающим. Противник был почти в ловушке.

Тем временем генерал Фьорелла прибыл с дивизией Серюрье в Гвидиццо около шести часов утра; Вюрмсер еще ничего не знал о его появлении благодаря отлично выполненной операции по прикрытию 5-м драгунским полком. «Огонь, открытый им (Фьореллой), будет сигналом к бою, — писал Наполеон на Святой Елене. — Мы ожидали большого морального эффекта от этого неожиданного нападения»(59).

К несчастью, три обстоятельства помешали полному успеху замысла Бонапарта. Во-первых, Фьорелла начал свою атаку несколько преждевременно, и это дало застигнутому врасплох Вюрмсера немного времени, чтобы оправиться от своего изумления по поводу удачи, приостановить наступление на Массену и повернуть часть солдат против новой угрозы. Во-вторых, оказалось, что не все австрийские резервы были введены во фронтальный бой, и французские войска не смогли сковать их всех. Поэтому Вюрмсера удалось отойти на свои старые позиции вдоль гребня холма, которые он стал удерживать первой линией батальонов и эскадронов, а остаток армии (вторая линия) отошел «змейкой» влево, чтобы образовать новую линию против Фьореллы, оставив свою небольшую часть для образования резерва в Г-образном построении за правым флангом.

В-третьих, некоторые фронтальные части Бонапарта, не поняв своей роли, которая требовала в этот момент немедленной атаки против секторов Вюрмсера, за-

держались, пока генерал Бонапарт не подскакал к ним галопом и, громко крича, не пробудил их от состояния «летаргии». Подлетев к полковнику Жуберу, командиру одной непокорной части, Бонапарт закричал: «Вы не видите, что Серюрье тут же пошел в атаку, едва прибыв? Вы должны уже сражаться. Прорывайте со своими егерями центр!»(60)

Сочетание этих трех ошибок лишило французов шансов на полный успех; в их основе была несвоевременность выполнения отдельных этапов в каждом случае. Но тогда генерал Бонапарт еще только овладевал своей профессией.

Однако подошел момент броска в бой гренадер Вердые — тщательно оберегаемой доселе ударной группы прорыва — (*masse de rupture*). Вначале под прикрытием кавалерии Бомона полковник Мармон галопом приблизил свои восемнадцать пушек, чтобы открыть огонь прямой наводкой против укрепленной позиции батареи на холме Медолано, который теперь стал стыком обоих фронтов армии Вюрмсера. Как потом вспоминал Мармон об этом эпизоде в своих мемуарах, «в этих обстоятельствах я получил сильное доказательство доверия ко мне генерала Бонапарта; я был еще только командиром батальона, но он подчинил мне всю конную артиллерию. Она состояла из пяти батарей, всего восемнадцати пушек, и им было суждено сыграть важную роль. Центр и левый фланг армии противника шли по диагонали далее на равнину. Эти обе части его линии держались вместе изолированным редутом недалеко от деревни Медолано, на расстоянии, находившемся под огнем тяжелых пушек противника. Они имели пушки большего калибра, чем я. Я мог вступить с ним в артиллерийскую дуэль только сильно подвинувшись вперед, и, хотя местность была открытой, необходимо было пройти одно дефиле, прежде чем я мог бы развернуть пушки на нужном расстоянии. Пушки неприятеля простреливали это дефиле, которое было довольно узким. Поэтому я преодолевал его, проводя по две пушки за раз. Поместив во главе батарею, которой я меньше всех доверял, я приказал своей колонне ринуться вперед быстрейшим галопом. Передовая часть была уничтожена, но остальная артиллерия быстро развернулась и сняла пушки с передков, оказавшись на короткой артиллерийской дистанции»(61).

Затем пехота бросилась в штыковую атаку, и вскоре весь левый фланг австрийцев начал откатываться назад, оставив холм Медолано в руках французов. Однако этот прорыв был ограничен сигналом Бонапарта, который опять был дан Массене и Ожеро для возобновления натиска. В ответ на его призыв только что подошедшие 4-я и 5-я полубригады под командой генерала Леклерка построились в боевой порядок на левом фланге Массены и в мощном порыве начали штурм крепости Сольферино и прилегающих высот. В какой-то момент легкая кавалерия французов напала врасплох на австрийскую ставку, и генерал Вюрмсер едва не попал в плен. Потрясенный австрийский командующий дал приказ на общий отход. Надо отдать ему должное, он храбро сражался, лично возглавляя несколько атак и не обращая внимания на опасности.

Сражение было выиграно, но не окончательно, как бы хотелось генералу Бонапарту. Признав свое поражение, Вюрмсер направил солдат обратно к Пескьеру, бросив 20 пушек, 120 зарядных ящиков и 1000 пленных, взятых уже на дорогах. На поле боя осталось 2000 убитых и раненых. Однако французские преследователи были настолько измотаны маршами и контрмаршами накануне, что посылать их в бой 6-го уже было большим риском; они не смогли бы перехватить Вюрмсера перед рекой Минчо. «Это был полный разгром, — сообщал Бонапарт, — но наши войска были так утомлены, что смогли вести преследование только в течение трех часов»(62).

Было целых четыре причины, из-за которых Бонапарту не удалось добиться «полной» победы. Первая — он не смог совершить стратегический обход австрийцев перед началом боя. Хотя дивизия Серюрье была расположена правильно, блокируя дорогу в Мантую, Бонапарту не хватило сил для контроля дорог, идущих на

восток к Брешии, реке Адидже и Тренту — естественной линии отхода для Вюрмсера. Не хватило и для того, чтобы предотвратить вступление в бой 5000 свежих солдат из Пескьеры, которые способствовали прикрытию отхода австрийских сил. Второе: измотанность войск Массены и Ожеро значила, что сковывающая атака не была выполнена с максимальной интенсивностью; в результате в бой вступила только первая австрийская линия, когда прибыл Фьорелла, и в распоряжении Вюрмсера была большая часть его еще не использованной второй линии.

Третье: ударная группа (*masse de rupture*) едва ли содержала нужное количество солдат, чтобы добиться настоящего прорыва австрийской линии. Взятие Медоланского холма истощило ее, и это позволило Вюрмсеру относительно легко отойти. И последнее — стратегическое преследование было слабым из-за малой численности французской кавалерии и дошедших до полного изнеможения войск.

И все же сражение у Кастильоне разбило первую попытку австрийцев освободить Мантую, сохранило господство генерала Бонапарта над всей Северной Италией, привело к восстановлению крайне важной осады Мантуи и отбросило уцелевшие силы Вюрмсера на безопасное расстояние. Таким образом, Бонапарт достиг большей части своих стратегически-оборонительных целей. И сам этот эталонный боевой план уже четко сложился у Наполеона еще в 1796 году. В последующие годы он мог усовершенствовать и улучшать его технику — особенно решающий момент — повременного расчета последовательных стадий. Но все элементы его успешных наступательных действий, осуществленных при Аустерлице, Фридланде или Баутцене, уже существовали и использовались в сражении при Кастильоне.

Часть четвертая

ВОСТОЧНАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

*Шесть акров земли.
Кампания в Египте и Сирии
19 мая 1798 — 9 октября 1799*

Введение

ПЕСКИ МАРАБУТА

Операция по высадке войск была отнюдь не легкой, и она еще не закончилась. Генерал Бонапарт стоял среди песчаных дюн около неприметной египетской деревушки Марабут, нетерпеливо ожидая докладов от своих командиров дивизий. Он приказал начать высадку накануне днем (1 июля), перейдя с флагманского корабля «Ориент» на вздымавшуюся палубу небольшого мальтийского судна, чтобы высадиться на берег в первой лодке с солдатами.

Сама высадка не встретила никакого сопротивления на берегу, но с самого начала ее преследовали трудности. Штормовая погода, повальная морская болезнь и неумелость моряков стоили жизни не менее чем двадцати людям. Даже к двум часам следующего утра на берегу была только восьмая часть из 32 000 человек Египетской армии.

Генералы Мену, Клебер и Бон собирали своих замученных, мокрых, перепачканных солдат на пляжах; генерал Рейнье собрал только 300 человек своих подчиненных, пока не было ни людей из дивизии Дезе, ни лошадей, ни пушек. Все мучились от жажды, но нигде не было пресной воды.

Однако Бонапарт считал, что это все не важно — немедленный бой вылечит всех, а страдая от жажды, будут еще ожесточеннее сражаться. В 3 часа Бонапарт приказал начать наступление на западные укрепления Александрии, находившиеся от них на расстоянии восьми миль, и сам отправился туда во главе приближенных. За молодым завоевателем шла группа приунывших штабных офицеров: начальник штаба Бертье уже томился без своей красавицы княгини Висконти, оставшейся в далекой Италии, Кафарелли — генеральный начальник инженерной службы — ковылял по дюнам; глубоко утопая в песке со своей деревянной ногой, громадного роста генерал Дюма, командующий кавалерией, но странно выглядевший без единого всадника, и, наконец, Доммартен — артиллерийский генерал, лишенный своих орудий. За ними двигались колонны; солдаты ворчали, офицеры ругались в темноте, но марш продолжался. К восьми утра головная колонна увидела перед собой стены Александрии. Генерал Бонапарт мог утешать себя за все выпавшие на их долю мучения тем, что им удалось ускользнуть от флота Нельсона (хотя благодаря не столько мастерству, сколько чистой удаче) и благополучно доставить свою армию на место назначения.

ВОСТОЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Понять подоплеку этой невероятной кампании помогут события, последовавшие после Леобенского перемирия, подписанного прошедшей весной. Большую часть лета 1797 года победоносный молодой генерал управлял своими завоеванными территориями в Италии почти как король из своего замка Монтелло неподалеку от Милана в обществе блестящей Жозефины, его обожаемой, хотя и легкомысленной жены, и окружающего их созвездия военных и ученых талантов. То время было тоже не лишено своих тревог и трудностей. Пришлось подавить несколько мелких восстаний, отправить войска против Рима и Венеции. Большую часть времени Бонапарта занимали дела по преобразованию основной части Северной Италии в новую Цизальпинскую республику, но он старался не терять теснейшей связи с политическими событиями в Париже.

Бонапарт не уважал своих номинальных начальников — Директорию пяти. Обычно он тщательно скрывал свое презрение, но время от времени его глубоко запрятанное честолюбие прорывалось сквозь щит благоразумной осторожности. Как-то, вскоре после подписания мира в Кампо-Формио, молодой генерал, расхаживая в саду со своими приближенными, сказал им: «Вы тоже думаете, что я одерживаю победы в Италии, чтобы прибавить славы этим адвокатишкам из Директории?»(1) Однако вскоре он почувствовал, что могут возникнуть и худшие альтернативы. В сентябре до него дошли секретные доклады о том, что пророялистски настроенные деятели быстро набирают авторитет в Национальном собрании в Париже и в некоторых высокопоставленных военных кругах. Меньше всего Бонапарт хотел бы реставрации дома Бурбонов. Как ни мало он симпатизировал продажной Директории, ее некомпетентности, она была все же предпочтительнее, чем восстановленная монархия, которая, конечно, заключит всеобщий мир при первом же случае и, скорее всего, поспежит избавиться от услуг некоего авантюриста с Корсики. Поэтому все усилия были направлены на предотвращение контрреволюции и на укрепление республиканских позиций. Кульминацией всех этих действий была поездка в Париж Ожеро — этого наглеца и бретера, направленного туда с приказом оказать поддержку левому якобинскому крылу и, используя саблю, изгнать роялистски настроенных политиков из Совета пятисот и Совета старейшин. Этот *coup d'état* фруктидора был блестяще проведен. Одним ударом Бонапарт, не оставляя Италию, утихомирил скрытых роялистов, вычистил из Директории опасные элементы и скомпрометировал нескольких своих соперников, в том числе Пишегрю и Моро, замешанных в роялистских интригах. Выбор именно Ожеро для этой цели был сделан мастерски; он позволил Бонапарту скромно остаться на заднем плане. Ограниченное же воображение Ожеро мешало ему стать серьезным соперником в стремлении к власти. Хотя впоследствии, когда его назначили командовать армиями в Германии, было несколько неприятных инцидентов: он не раз вступал в конфликт со своим бывшим командующим. Самое важное заключалось в том, что события фруктидора несомненно показали: французская армия — это последняя инстанция, стоявшая за правительством и оказывавшаяся решающей силой.

Тем временем дипломаты вели мешкотные переговоры с австрийскими полномочными представителями, нащупывая подходы к миру, в котором единственными вооруженными врагами республики останутся только Великобритания и Португалия. Чтобы ускорить желанное заключение мира, Директория предложила Вене часть умирающей Венецианской республики в обмен на признание ею французской оккупации Ломбардии и еще некоторых уступок на Рейне. Расчленение Венеции было актом холодной, расчетливой политической необходимости.

ти. На Бонапарте лежала ответственность за первую идею такой сделки. Этот малоукрашающий его шаг, вероятно, был серьезной ошибкой, потому что он вызвал затем возобновление попытки австрийцев вернуть себе Италию в 1799 году. Однако пока это произвело желаемое действие, и 17 октября был формально подписан мир в Кампо-Формио¹.

При помощи тонко проводимой пропаганды имя генерала Бонапарта стало ассоциироваться в умах французов с заключением удачного мира, и его популярность расширилась. Когда он наконец вернулся в Париж 5 декабря, его встречали как национального героя и он сразу стал главной приманкой парижского света. Из всех наград и отличий, обильно посыпавшихся на молодого героя, ни одно не было так лестно для него, как избрание в Институт — высшее научное учреждение Республики, в числе «бессмертных»². Однако он трезво рассчитал, что момент его прорыва к власти еще не настал, и полностью переключился на подготовку войны против омываемого морями острова, которым правил Уильям Питт. Бонапарт правильно считал, что Великобритания наиболее неуловимый и опасный враг Франции. Несколькими месяцами ранее он писал в Директорию: «Австрийцы жадны и медлительны, ни одна страна так не интересна и не опасна для нас. Англичанин же щедр, склонен к проискам и активен. Наше правительство должно уничтожить английскую монархию... следует обратить всю нашу активность на флот и разбить Англию. После этого вся Европа будет у наших ног»(2).

В этом выводе он оказался бы безусловно прав. Первая коалиция лежала в руинах у ног ее организатора Уильяма Питта, что было вызвано сочетанием французских военных побед и раздоров среди союзников (Австрия, Пруссия и Россия были заняты своими спорами из-за Польши ничуть не менее, чем противостоянием Франции), неправильного использования британских военных ресурсов в угоду устаревшей эзтемской доктрине и полного непонимания идеологической природы войны. Тем не менее британцы оставались непримиримыми и решительными противниками республики цареубийц. Даже в 1797 году попытки Великобритании участвовать в мирных переговорах делались неохотно — или так казалось французскому правительству. Бонапарту было ясно, что Питт не будет терять время на организацию новой коалиции против Франции. Таким образом, в интересах французов нужно было сделать величайшие усилия и победить Англию. Это было не менее важно и для личных интересов Бонапарта — он стремился стоять во главе любых попыток сломить англичан. Самой страшной опасностью для осуществления его честолюбивых замыслов была бездеятельность; мир означал погружение в небытие для юного корсиканца, и у него не было желания стать «еще одним генералом» среди толпы безработных офицеров.

В силу этих исторических и личных причин Бонапарт с головой ушел в задачу подготовки планов покорения Англии, пользуясь всем влиянием, которое могли использовать он и его жена, чтобы убедить Директорию применить его способности. Однако у него не было серьезных причин для беспокойства; на этот раз интересы его и членов Директории совпали. Несмотря на свою продажность, они не были глупы и понимали, что чем более заняты солдаты и чем дальше они от парижских интриг, тем спокойнее жить им самим. Большинство членов Директории также понимали, что их чрезвычайные полномочия не продержатся и дня после общего мира. Поэтому они приветствовали продолжение военных действий. Многие годы спустя Наполеон так описывал положение дел в то время: «Директорией правила

¹ Под этим названием вошел в историю договор между Австрией и Французской республикой, который должен был быть подписан в нейтральном месте — в Кампо-Формио, но на самом деле перепуганный представитель Австрии граф Кобенцль послепешим сам приехал в резиденцию Бонапарта в местечко Пассариано, где они и поставили свои подписи под договором.

² Бонапарт был избран большинством голосов из 11 других кандидатов по секции механики отделения физико-математических наук на освободившееся место после исключения Карно.

ее собственная слабость; чтобы выжить, ей нужно было непрерывное состояние войны, точно так же, как другим правительствам нужен мир»(3).

Как бы то ни было, нет сомнений, что отношение французского правительства к войне сильно эволюционировало со времен патриотической истерии 1792 года. Если первые три года войны прошли под знаком стремления к выживанию, то после 1795 года этот критический период уступил место явному империализму, прозрачно маскирующемуся под революционное рвение.

Первая итальянская кампания Бонапарта, подвиги Моро и Журдана в Германии, захват Рима и Швейцарии в феврале и марте 1798 года и почти вся египетская авантюра — все это говорило о стремлении к добыче и территориальным захватам, а не об истинном желании безопасности страны. К этим сомнительным идеологическим мотивам правительства добавлялось и личное стремление Бонапарта к военной славе и политическому успеху. На этот раз он и Директория были заодно и стали вместе разрабатывать планы устранения Англии с политической арены, прежде чем на ней вновь возникнут Австрия и Россия.

Однако существовали разногласия относительно лучших способов достижения их общей цели. Вначале Директория задумала прямую интервенцию в Англию, чтобы схватить неприятеля за горло, и в соответствии с этим назначила Бонапарта командующим Английской армией, численность которой была 120 000 человек, собранных со всего северного побережья Франции. В январе генерал выехал из Парижа, чтобы лично ознакомиться с плацдармом будущей интервенции от Этапля до Вальхерена. Увиденное убедило его, что эта операция абсолютно невыполнима, пока французский флот не будет господствовать в Ла-Манше. И даже если это будет достигнуто, такая операция не окупится. Поэтому свой доклад Директории он выдержал в пессимистических тонах и вместо этого плана интервенции выдвинул три другие возможности. Во-первых, Франция могла бы заключить мир с королем Георгом III (Наполеон никогда не рассматривал всерьез эту возможность, зная господствующее направление умов в Директории). Во-вторых, Английская армия может быть использована против Ганновера, что было связано лишь с престижем и не стоило подобных стараний, так как это могло привести к общей войне в Центральной Европе до того, как Франция будет к ней готова. В-третьих, он предлагал угрожать всей системе торговли Англии с Индией путем завоевания Египта.

Мысли Бонапарта отнюдь не в первый раз обращались к идее кампании на Востоке. Его воображение давно пленял этот край с его, по-видимому, безграничными возможностями для завоевания лавров полководца. «Европа — это кротовая нора(4), — воскликнул он однажды в разговоре с Бурьеном (или так утверждал почтенный мемуарист). — Мы должны пойти на Восток; великую славу завоевывали всегда там»(5). Романтическая сторона его характера заставляла его мечтать о соперничестве с подвигами Александра Македонского, и он с жадностью читал отчеты путешественников по восточным областям, включая работы Мариньи де Тота и аббата Рейнара. С более практической точки зрения, он видел, что такая попытка не будет слишком разорительна для французской экономики; он совсем не хотел довершить разорение государства, которое он сможет когда-нибудь возглавить сам. Он прекрасно понимал, что шатающаяся Директория еще не созрела для *coup de grâce*, и, как он писал: «Мостовые Парижа жгут мне подошвы»(6). Недолгое отсутствие — если он покинет Париж месяцев на шесть, не больше — даст Директории время совсем запутаться, а ему — возможность пожать новые лавры. Далее, эта экспедиция означала бы конец, приводивший к полному оцепенению, бездеятельности, пусть и временной.

Очевидно, Наполеон думал о путешествии в Египет еще весной 1797 года, как свидетельствовал Дезе. Вскоре после этого он писал в Директорию: «Недалек тот день, когда мы пойдем необходимость уничтожить Англию, захватить Египет»(7).

Занятые французами адриатические острова Корфу и Занте и находившаяся под контролем французской армии почти вся прибрежная полоса Италии предоставляли удобные плацдармы. Быстрый распад турецкого владычества над своей неуправляемой империей, в которой Египет был одной из самых неподатливых частей, представлял идеальную возможность для отважного предприятия и одновременно мощного удара против Англии. Турция всегда интересовала Бонапарту; в юности он даже думал о поступлении на службу в турецкую артиллерию, по примеру де Бонваля¹, а теперь, став уже прославленным генералом, предлагал придать французской интервенции вид попытки восстановить власть Османской империи над далекой провинцией.

Сходные идеи высказывались целым рядом французских правительств в течение более полувека, и, когда Директория подхватила эту мысль, в сущности, она вернулась к очень давней мечте старого режима (*Ancien Régime*). В самом деле, еще в 1536 году Франциск I заключил ненадежный союз с Сулейманом Великолепным, невзирая на его незавидную репутацию «Гонителя христиан». Позднее Людовику XIV и его наследникам приходилось хотя бы поддерживать вид добропорядочных отношений с Блистательной Портой. Марсельские коммерсанты давно вели оживленную торговлю такими восточными товарами, как кофе, рис, сахар и хлопок. Французский министр Шуазэль даже рассматривал план захвата Египта в 1769 году с целью основания там постоянной колонии, но граф Вержени² затем добился сохранения «традиционных» дружеских отношений с Константинополем. Несмотря на эту политику, барон де Тот был послан в 1777 году с миссией к правителям Египта *de facto* Ибрагиму и Мурад-бею (обоим суждено играть заметную роль в событиях через двадцать один год) и с приказом разведать местность около Суэца. Его доклад сослужил добрую службу генералу Бонапарту и другим авторам плана 1798 года.

Мотивы, побудившие Директорию к действиям в этом году, были сложным переплетением старого и нового, традиционного и революционного. Кроме давнего желания приобрести колонию для Франции, — а решение добавить захват Мальты к этим целям было все тем же продолжением иностранной политики минувших веков, — появился еще и ряд новых стимулов. Директория желала компенсировать утрату колоний Франции в Вест-Индии, и некоторым оптимистам казалось, что Египет обладает несметными скрытыми богатствами, которые только и ждут развития. Более того, господство над Египтом, «звеном, соединяющим Африку, Азию и Европу», может вполне обеспечить владение древними торговыми путями в Аравию и Индию, и возможно, через Суэцкий перешеек удастся прорыть канал. Надеялись также, что быстрые и решительные действия Франции станут препятствием для дипломатических усилий Британии втянуть Порту в антифранцузский альянс. Присутствие мощной французской армии в турецких владениях, которое официально мотивировалось желанием вернуть «заблудшую овцу» ее владельцу, может стоить сотен дипломатических переговоров. Самым соблазнительным было то, что оккупация Египта создаст возможность вступить в более близкие отношения с некоторыми антибританскими элементами в Индии и особенно с Типпу-Сахибом, султаном Майсура. Французские военные миссии давно занимались подготовкой туземных солдат, но после того как Британия захватила бывшую голландскую колонию на мысе Доброй Надежды, прямые связи практически прекратились.

Одна лишь угроза удара по богатой азиатской торговле Англии — даже иллюзорная — могла бы разрушить все усилия Питта и, может быть, привести к зак-

¹ Граф де Бонвалль Клод Александр (1675 — 1747) вначале служил в войсках Австрии, затем Турции, где впоследствии принял ислам.

² Де Вержени Шарль Гравье (1717—1787) — один из самых способных дипломатов своего времени, французский посол в Константинополе, затем министр иностранных дел при Людовике XVI.

лючению победоносного мира. Да и стоимость подготовки экспедиции против Египта должна была быть куда меньше, чем полномасштабная интервенция Британских островов. За последние пятьсот лет Египтом правила, вернее, его эксплуатировала, горстка беев с десятком тысяч свирепых мамлюков. Их подчинение не могло быть сложной военной задачей. К этим стимулам — традиционным, экономическим, политическим и военным — добавлялся еще один: искреннее желание улучшить долю страшно эксплуатируемых феллахов (египетских крестьян). Это чувство цивилизующей миссии являлось продуктом высоких идеалов, провозглашенных Французской революцией, и в то время было почти уникальным. Разумеется, чувствовалось и сильное желание превратить Египет в хорошо управляемую и богатую колонию, весьма полезную Франции, но это должно было бы восприниматься как идеализм. Членам Директории казалось вполне логичным, что Франция — по их мнению, самое передовое и прогрессивное общество на земле — должна вернуть какую-то долю благосостояния народам, населявшим долину Нила — колыбель человеческой цивилизации. Из сочетания этих мотивов — реалистических и идеалистических, подлинных и поддельных — возникло решение послать Бонапарта и французскую армию на Восток.

Наиболее влиятельным сторонником Бонапарта был бывший епископ Отенский, многоумный и хитроумный Талейран, ставший министром иностранных дел Директории в июле 1797 года. Он — единственный в Директории, кто старался предотвратить будущие войны в Европе, надеясь пустить энергию воинственности и приобретательства Франции по более отдаленным направлениям. «Если Франция обоснуется в Африке, мы сможем гарантировать мир Европы»(8) — так он определил свои цели. Под давлением Талейрана Директория наконец сделала решительный шаг. Доклад Бонапарта с Ла-Манша был официально одобрен 2 марта, а 12 апреля Директория издала необходимые постановления. Генералу Бонапарту предписывалось занять Мальту и Египет, вытеснить англичан с Востока, построить канал через Суэцкий перешеек, улучшить положение местного населения и остаться в хороших отношениях с султаном. Египет должен был продолжать платить ежегодную дань Константинополю и скрупулезно оказывать все знаки уважения мусульманской вере. Сам же Талейран должен был возглавить миссию в Константинополь для объяснения целей французов. Недавно присоединенные государства Швейцарии и Рима должны были раскошелиться на финансирование этого проекта, а против Ирландии стала готовиться тактическая диверсия, чтобы отвлечь внимание англичан.

Для всей экспедиции в Египет предположительно должно было хватить шести месяцев, после чего ожидали возвращения во Францию генерала Бонапарта, который должен был возглавить отложенное вторжение в Англию, причем на этой стадии не было никаких упоминаний об Индии.

Глава 19

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ГОНКИ

Как только было принято решение о Египетском походе, последовали десять недель лихорадочных приготовлений. Было выбрано пять пунктов посадок на суда: Тулон, Марсель, Генуя, Аяччо и Чивита-Веккиа. Адмиралу Брюйесу, только что прибывшему из Венеции, было приказано готовить Тулонский флот для отплытия к засекреченному месту назначения. Была отобрана двадцать одна полубригада из войск, служивших в Италии, Риме, на Корсике, в Швейцарии, на севере Франции, и отправлена маршем в эти порты. Требования генерала Бонапарта должны были удовлетворяться везде в первую очередь, и вполне понятно, что все эти военные

части формировались из старой Итальянской армии. Точно так же из тридцати одного офицера высшего состава, выбранных для участия в походе, не менее двадцати ранее служили под командой молодого гения. Бертье опять стал начальником штаба, но среди дивизионных генералов Египетской армии, кроме Вобуа, появились новые имена: д'Ильер, Бон, Дезе, Клебер и Рейнье. В последующие месяцы этот список претерпел изменения.

Особенностью этой экспедиции было обилие и высокий уровень сопровождающих гражданских лиц. Из общего количества 500 человек не менее 167 были известными учеными, выдающимися деятелями науки и литературы, признанными знатоками во многих областях знаний, тщательно отобранными членом Института Бонапартом при постоянных совещаниях с генералом Кафарелли и блестящим ученым Бертолле. Для того чтобы привлечь самых выдающихся людей и заручиться их услугами, прибегали к разнообразным средствам. В результате окончательный список включил в себя такие имена, как Гаспар Монж, аэронавт Конте, доктора Ларрей и Деженет, граждане Доломьо и Малу и многие другие. Основное ядро составляли представители «реальных» наук, но к ним присоединились также один композитор и один поэт — Парсваль-Гранмезон.

Вначале датой отплытия назначили 20 апреля, но оно было отложено до 19 мая из-за административных проблем и политического кризиса в Вене, где генерал Бернарот стал центром международного инцидента, который чуть было не превратился в начало войны в Европе. Несмотря на эту задержку, всесторонние приготовления продолжались. Было реквизировано триста парусных судов для перевозки войск, и они были поделены между разными портами. Адмирал Брюйес и его штаб подготовили в Тулоне тринадцать французских линейных кораблей и столько же фрегатов, готовых сопровождать огромную морскую конвою через Средиземное море. Постоянной тревогой была нехватка моряков: флот был недоукомплектован, как минимум, на 2000 человек.

Тем временем «римские легионы», как условно называл их Бонапарт, продолжали сосредоточиваться в своих портах посадки. К 11 мая генералы Клебер, Бон и Рейнье собрали в Тулоне почти 14 000 пехотинцев, 860 кавалеристов и 1160 артиллеристов, включая и марсельский контингент. В Генуе д'Ильер и Мюрат ожидали посадки еще 6000 солдат пехоты, 855 кавалеристов и 250 артиллеристов в дополнительный конвой. Кроме служебных обязанностей, Мюрату было поручено закупить ящики с итальянским вином к столу генерала.

Остаток армии собрался в портах Чивита-Веккиа и Аяччо. В первом генерал Дезе принял командование над 6900 пехотинцами, 1080 кавалеристами и 250 артиллеристами от местного коменданта генерала Сен-Сира. В Аяччо Вобуа подготовил меньший отряд из 3900 пехотинцев и 680 кавалеристов. Генерал Бонапарт и его штаб прибыли в Тулон только 9 мая, сопровождаемые личной охраной из 180 конных и 300 пеших егерей. Вся экспедиция включала в себя вместе с гражданскими лицами почти 38 000 человек (некоторые авторы приводят цифру даже 55 000, на эта завышенная оценка, видимо, включает и моряков), 1200 лошадей (после высадки в Египте количество лошадей должно было увеличиться), 60 повозок и 40 осадных орудий, пресной воды на 40 и сухих пайков на 100 суток. На корабли поднялось около 300 женщин (маркитантки, прачки и т.п.). При этом Бонапарт настоял на том, чтобы жены и возлюбленные остались на берегу до какого-нибудь будущего конвоя. Один-два офицера не повиновались этому приказу и тайком провели своих жен на борт; среди офицеров был и некий драгунский лейтенант Фурес, которому со временем пришлось горько пожалеть о том, что взял с собой свою молодую пару — пригожую и веселую Беллитот, на которой недавно женился, — переодетую в военный мундир.

Моральный дух экспедиции, лишенной женского общества, был с самого начала не очень высоким. Многие французы имеют врожденное отвращение к соле-

ной воде, и в полубригадах произошел даже ряд дезертирств, когда солдаты узнали, что их предназначают для несения «заморской службы». Настроение моряков было не намного лучше. Перспектива тащиться по Средиземному морю с толпой сухопутных штафинок в каютах, да еще с преследовавшими их британскими кораблями позади никак не могла воодушевить французских моряков, суда которых получали в этой войне на море бесконечные трепки от англичан. Из всех пльвших под парусами, должно быть, наибольшим энтузиастом был генерал Бонапарт, но даже и он испытывал серьезные опасения перед долгим морским путешествием; он велел адмиралу Брюйесу снабдить свою каюту на «Ориенте» удобной постелью и запасом хорошей пищи, «как если бы для человека, который будет болеть во время всего морского перехода». Действительно жизнерадостность и оптимизм отсутствовали. Жозефина рыдала, обильно лила пусть и крокодиловы слезы, офицеры картежничали и строили всякие предположения; рядовые ворчали и дезертировали. Пытаясь хоть немного разжечь энтузиазм среди команды корабля, генерал устроил 10-го большой смотр и произнес пламенную речь, в которой упомянул и о стимуле — «шесть арпанак¹ земли». «Я обещаю всем солдатам, — так было сказано, — что после возвращения во Францию у каждого из вас будет довольно денег, чтобы купить себе шесть акров земли». Это обещание так и не было исполнено, хотя трети этой армии было суждено получить свои шесть... но футов... песка восточных пустынь.

Скорость и секретность были необходимыми условиями успеха, который должен был сильно подействовать и на Великобританию, и на турок. В начале мая британский флот все еще был недалеко от Лиссабона. Если бы он вернулся в Средиземное море и настиг конвой на море, результаты для пассажиров были бы весьма плачевны, потому что, согласно инструкции Бонапарта, капитаны кораблей должны были сблизиться бортами с английскими кораблями для рукопашной схватки. Поэтому, чтобы скрыть истинное назначение всех приготовлений, Директория шла на всевозможные уловки. Якобы готовились десанты в Ирландию и Португалию. Тридцатого марта Бонапарт получил официальный приказ принять командование над портом и кораблями Бреста. Все эти меры были рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение британскую разведку, поэтому за войсками в Тулоне (до 12 апреля) было оставлено название «Английская армия». И все-таки, несмотря на все предосторожности, все в секрете не удалось сохранить. Среди людей, посвященных в тайну истинной цели экспедиции, были ученые, и некоторые из них оказались не способны хранить тайны. Один английский шпион во Франкфурте был первым, кто собрал правильные сведения, а агент Питта в Леггорне, некий мистер Одри, вскоре после этого доносил, что целями экспедиции являются Мальта и Александрия. Разумеется, британскому кабинету приходилось взвешивать различные разноречивые сообщения, но для Адмиралтейства было достаточно некоторых признаков, чтобы приказать контр-адмиралу Нельсону снова войти в Средиземное море. Но даже до того, как этот приказ достиг театра военных действий, лорд Сент-Винсент уже дал приказ на формирование отдельного отряда Нельсона из трех линейных кораблей и нескольких фрегатов из Кадисской флотилии (3 мая), чтобы пристально следить за всей деятельностью в Тулоне. В сущности, экспедиция Бонапарта подвергалась куда большей опасности, чем думал сам генерал.

Но в последующие несколько недель выяснилось, что тихоходность французского конвоя оказалась его спасением. Тулонская эскадра подняла паруса 19 мая и через два дня встретилась с конвоем из Генуи; 23-го показались корабли из Аяччо. Не появлялись только суда из Чивита-Веккиа, что обеспокоило Бонапарта. Немного подождав, он все же решил идти дальше на Мальту. Девятого июня экспедиция увидела главный остров и, к своему облегчению, парус пропавших

¹ А р п а н — старинная французская мера площади, равная 0,422 га.

судов. Дезе отплыл из Чивита-Веккиа только 26-го, и, как оказалось, Мюрат при одном из поисков фрегатов вскоре нашел его, и они оба решили плыть прямо на Мальту. Шестого июня они увидели остров Гозо, и Мюрат провел отважную и очень рискованную рекогносцировку входа в Большую гавань, сделав, казалось, все, что было в его силах, чтобы предупредить великого магистра о грядущем нападении. Французам повезло, что боевой дух рыцарей Святого Иоанна был не на высоте.

К этому времени фортуна уже спасла Бонапарта от встречи с британским флотом. Внезапный шторм 21 мая сорвал мачту с флагманского корабля Нельсона «Вэнгард» и рассеял всю его эскадру. Прежде чем англичане смогли ликвидировать последствия шторма где-то на траверзе Сардинии, Тулонская армада бесследно исчезла, и только 14 июня Нельсон получил надежные сведения, что французов видели во время прохода близ Сицилии. К этому времени британский адмирал получил подкрепление и его эскадра насчитывала уже 13 линейных кораблей, но ему по-прежнему очень не хватало фрегатов — этих «ушей и глаз флота».

Пока Нельсон бороздил просторы, двигаясь взад и вперед, Бонапарт захватил остров Мальта, встретив чисто формальное сопротивление. Поводом для захвата было то, что великий магистр отказался разрешить вход в Большую гавань более чем четырем французским судам одновременно для пополнения запасов питьевой воды. «Генерал Бонапарт силой возьмет то, что ему должны были бы дать по доброй воле»(9), — воскликнул он, и 10 июня все войска вышли на берег. Рейнье занял Гозо, Валетта вскоре была изолирована генералами д'Ильером и Дезе, а Вобуа, в сопровождении лично Бонапарта, повел главную атаку и захватил акведук. Военных действий почти не было: древний дух ордена Святого Иоанна, когда-то бича ислама, давно обрел склонность к покою и уютному житью. Тонкие ходы французов, совершенные ранее, подорвали то малое сопротивление, которое орден мог оказать. Еще в 1798 году торговая миссия французов посетила остров с самыми мирными намерениями, но за кулисами французские представители выискивали недовольных среди рыцарей, большинство которых к тому же были французского происхождения, и подготовили пути к вторжению. Казначей ордена был подкуплен. Неудивительно, что окруженный этой атмосферой предательства и поддерживаемый только своим маломощным гарнизоном в 1200 человек, последний великий магистр ордена, апатичный Ван Хомпеш, только сделал вид, что сопротивляется, прежде чем принять условия Бонапарта 12 июня. Ценою жизни трех убитых солдат французы получили бесценную военно-морскую базу и немало сокровищ. Конечно, это повлекло за собой и куда менее приятные последствия, так как и Австрия и Россия давно мечтали овладеть этим стратегически важным островом, и властное вмешательство Франции не могло не повлечь за собой дипломатических осложнений.

За пять дней после захвата острова Бонапарт сломал и перестроил все стороны жизни Мальты. Орден Святого Иоанна был упразднен, члены его высланы, за исключением нескольких бывших членов, которых убедили вступить в Египетскую армию. Целый ряд его эдиктов наметил новую конституцию, он создал систему народного образования и перестроил экономику страны. Сокровища ордена, накопленные им за 500 лет, были сразу секвестрованы. Бонапарт неизбежно требовал возмещения средств за свои «усовершенствования», и сокровища на сумму семь миллионов франков были помещены в денежный ящик армии; и, когда экспедиция вновь отплыла, «она несла с собой много серебряных святых в неожиданное для них паломничество против неверных»(10).

Армада отплыла 19 июля, оставив генерала Вобуа и 4000 солдат удерживать величественные укрепления Валетты. Экспедиция также оставила генерала д'Ильера для переправки его во Францию из-за плохого состояния здоровья. Его дивизия была передана генералу Мену. Однажды, находясь в пути уже две недели, фран-

цузский флот едва не наткнулся на Нельсона. Семнадцатого Нельсон на траверзе Неаполя узнал о нападении на Мальту, но через четыре дня после этого генуэзский торговец ошибочно сообщил Нельсону, что Бонапарт оставил Мальту еще 16-го. Поэтому Нельсон рассчитал, что французы опередили его на шесть дней пути (в реальности — только на три), и он сразу на всех парусах помчался в Александрию. Тем временем французы направлялись к Конту, намеренно стараясь сбить Нельсона со следа, а уже оттуда пошли к Египту. Ночью с 22-го на 23-е разные курсы двух флотов пересеклись, но британцы не знали о близости французов, хотя некоторые французские моряки даже слышали, как бьют склянки на судах врага. Через пять дней, идя со скоростью вдвое большей, чем перегруженный конвой, Нельсон достиг Александрии, где не нашел никаких следов французов. Вскоре после этого британский флот направился на север к Анатолии, но капитан Харди на бриге «Мятежный» вышел из Александрии только 29 июня, ровно на два часа раньше подхода «Юноны» — главного фрегата Бонапарта. Хотя везение, или «судьба», так явно было на его стороне, генерал Бонапарт решил больше не пытаться счастья и 1 июля приказал произвести немедленную высадку армии около Марабута, отказавшись от более удобной якорной стоянки в Абукирской бухте и желая только, чтобы его армия скорее ступила на землю.

Французской эскадре адмирала Брюйеса не так везло. Конечно, Нельсон упустил возможный шанс уничтожить на море всю египетскую экспедицию из-за несчастного сочетания просчета и невезения. Ровно через месяц после высадки французов британский королевский флот вернулся 1 августа в Абукирскую бухту к стоявшей там на якоре эскадре Брюйеса. К рассвету 2 августа французский адмирал был мертв, «Ориент» взорван. Взрыв, по свидетельству многих, ощущали даже в Каире. Еще три французских линейных корабля, севшие на мель, были расстреляны, а другие шесть подняли белый флаг. Оставшиеся три корабля под полными парусами уходили в Средиземное море. Таков был неожиданный и окончательный конец французского военно-морского господства на Средиземном море, и эта катастрофа в будущем повлекла за собой много важных последствий. Египетская армия оказалась отрезанной от Франции в условиях блокады. Вначале это не оказывало прямого влияния на ход кампании на Нильской земле, но в дальнейшем обрекло кампанию на неминуемый провал. Самый тяжелый удар был нанесен по французскому престижу. После абукирской катастрофы перспективы продолжения хотя бы номинальной дружбы с Константинополем быстро исчезли, а повсюду в Европе победа Нельсона несомненно ускорила образование Второй коалиции. С сентября 1798 года до февраля следующего года произошло объединение сил Турции, Неаполя, России и Австрии с силами Великобритании и Португалии. Хотя с течением времени образование этой коалиции оказалось очень на руку лично Бонапарту, дав ему возможность еще более укрепить свою репутацию и сбросить Директорию, тем самым осудив Европу еще на шестнадцать лет почти непрерывных войн, ее непосредственное воздействие сулило только бедствия для Франции в Германии, Швейцарии и Северной Италии.

Хотя победа Нельсона не помешала непосредственно экспедиции Бонапарта (покорение Нижнего и Среднего Египта к началу августа было уже во многом завершено), тем не менее это был сильный удар по его планам. До конца жизни Бонапарт не уставал осуждать эту победу британцев: «Действия Нельсона были вызваны отчаянием, — сказал он однажды, — и не могут рассматриваться как образец»(11). Но при всем том он был очень склонен переложить ответственность за это несчастье на теперь уже безответного адмирала Брюйеса. Бонапарт утверждал, что он приказал Брюйесу поставить флот в самом порту Александрии или отплыть в целях безопасности в более надежное место около острова Корфу. Однако нет окончательных доказательств, что дело обстояло именно так. Но на ком бы ни лежала истинная ответственность за катастрофу, Брюйеса можно спра-

ведливо упрекнуть в неправильном размещении судов в Абукирской бухте: корабли были поставлены на якорь вне пределов огня береговых батарей, но с подветренной стороны глубина была достаточной, что и позволило нельсоновскому кораблю «Бэнд оф Бразерс» проскользнуть между берегом и боевой линией кораблей. Во всяком случае, несмотря на весь оборонительный пыл объяснений Бонапарта, он не мог скрыть истинный масштаб бедствия ни от Директории, ни от своих войск, хотя старался изо всех сил смягчить эту картину. В своем донесении Директории он просто упомянул о морской битве в конце длинного перечня успехов на суше. Чтобы ободрить свою армию и рассеять тоску по дому, которая сильно подрывала моральный дух, он поставил новые цели: «Море, в котором мы более не господствуем, отделило нас от родины, но ничто не отделяет нас ни от Африки, ни от Азии»(12).

Глава 20

ПИРАМИДЫ СМОТРЯТ ВНИЗ

Войска пробыли в Африке уже месяц, когда внезапно оборвалась их связь с Францией, а события случались почти ежедневно. Первый бой произошел в 8 часов утра 2 июля, когда генерал Мену начал штурмовать Треугольный форт на окраине Александрии, Клебер захватил Помпейские, а Бон — Розеттские ворота. Почти все утро Бонапарт находился у развалин, известных как столп Помпея, наблюдая за ходом событий сидя на груде древних обломков, которые он полосовал своим хлыстом. Атакующие войска, мучимые отчаянной жаждой, вскоре одолели перепуганных защитников. Хотя на узких улочках французы еще некоторое время встречали сопротивление, к полудню Александрия была под властью французов и местные шейхи поднесли победителям ключи от города. Потери французов составили 300 человек, причем среди раненых были и Мену и Клебер. Бонапарт, не теряя времени после успешного взятия города, развил неистовую пропагандистскую кампанию, обращенную к беднейшим жителям дельты Нила.

Мгновенно начали распространять грозную прокламацию, напечатанную заранее на типографских станках (имелись на «Ориенте»), в которой объявлялось, что приход французов — это воля Аллаха, а их цель — освобождение народа Египта от многовекового подчинения мамлюкам. Затем Бонапарт гарантировал, что мусульманская вера будет уважаться и находиться под защитой французов.

В течение следующих суток выгрузился остаток войск, лошади, запасы и ученые — последние в несколько негодующем настроении из-за полного отсутствия внимания со стороны военных. У Бонапарта не было времени выслушивать их жалобы; все его внимание было поглощено военными делами. Пока воевавшие утром войска приводили себя в порядок, только что высадившаяся дивизия генерала Дезе была немедленно направлена к важным стратегическим пунктам Даманхур и Рахманна — последняя расположена на Ниле в 45 милях от Александрии. Пятого генерал Бон последовал за Дезе. Если в этот день какой-нибудь офицер или солдат из этих дивизий еще не потерял иллюзий относительно прелестей египетской земли, то эти иллюзии быстро исчезли в последующие дни. Для солдат и офицеров 72-часовой переход по пустынному, выжженному, бесцветному пространству песков показался адом. Солдаты, все еще одетые в мундиры европейского типа, были нагружены тяжелым снаряжением, в котором, казалось, было все, кроме важнейшего — фляжек с водой, а походный паек состоял из сухарей. Немало солдат сошли с ума, пока колонны тащились вперед, несколько человек застрелились. Многие страдали от так называемой офтальмии, вызывающей временную слепоту. Обозначенные на карте города оказывались скопищем глинобит-

ных лачуг; очень часто деревенские колодцы оказывались засыпанными стараниями носившихся по пустыне бедуинов. Водяные миражи часто появлялись перед глазами, еще страшнее мучая отчаявшихся солдат. Даже генерал Дезе жаловался в штаб на невыносимые условия, но несгибаемая воля Бонапарта гнала людей вперед.

В ночь на 6-е дивизии Рейнье и Виала вышли, в свою очередь, из Александрии, а за ними на следующий день последовал Бонапарт со своим штабом. Раненого Клебера оставили для охраны города с гарнизоном в 2000 человек. Генерал Мену был назначен губернатором Розетты, а генерал Дюгюа вместе с Мюратом и бывшими солдатами Клебера были направлены туда через Абукир. Остальных солдат ждала дорога через пески.

После неопишуемых мучений 9 июля Бонапарт собрал у Даманхура четыре весьма деморализованные дивизии, насчитывающие около 18 000 человек. Многие подразделения были на грани мятежа, настроение высших офицеров было не намного лучше, но Бонапарт тем не менее не терял контроля над войсками ни на минуту. Он с презрением отверг ультиматум офицеров, а их представитель генерал Мирёр застрелился в пустыне. Угроза расстрелять генерала Дюма — другого зачинщика — помогла вернуть офицеров к выполнению их долга. Естественно, все это не способствовало успокоению нервов, что доказывает трагический эпизод с Круазье. Этот молодой адъютант получил страшный нагоняй за то, что не смог уничтожить большую группу мародерствующих бедуинов, рискнувших приблизиться к штабу. На самом деле Круазье чудом отогнал их, потому что у него было только несколько человек из личной охраны, но Бонапарт не принял ничего во внимание, а его подчиненный так никогда и не оправился от несправедливого разгноса и потом буквально искал смерти в бою. Бонапарт, не считавшийся с человеческими страданиями, был прав, требуя крайнего напряжения сил от своих подчиненных; он знал, что должен закончить завоевание страны, прежде чем начнется разлив Нила, который затруднит все передвижения, и также необходимо было упредить нападение главных врагов — Мурад-бея и Ибрагим-бея.

Действительно, мамлюки начали предпринимать контрмеры, чтобы встретить завоевателей. Паша Абу Бакр — номинальный турецкий правитель — созвал Диван (собрание знатных людей) в Каире, но настоящими властителями страны были Мурад-бей и Ибрагим-бей, и был принят их совет. Для защиты Каира они предложили разделить имеющиеся войска между ними: Мурад с 4000 мамлюков и 12 000 феллахов, входивших в ополчение, должен был двигаться вниз вдоль Нила, чтобы перехватить французов, а Ибрагим должен был собрать остальные войска — может быть, до 100 000 человек — в Булаке близ Каира. Для просвещения и вдохновения своих последователей Ибрагим опубликовал фантастическое описание французских войск: «Неверные, которые пришли сюда сражаться с нами, имеют ногти длиной в один фут, огромные пасти и свирепые глаза. Это дикари, обуреваемые Иблисом (дьяволом), и они идут в бой, скованные цепями»(13).

Первая стычка произошла 10 июля, когда дивизия Дезе успешно рассеяла отряд мамлюкской кавалерии. Вскоре иссушенные жарой колонны подошли к Нилу около города Рахмания. Радость солдат не знала границ, когда они увидели мутные воды Нила. «Солдаты бросились в воду и пили, как стадо»(14), — сообщал полковник егерей Савари. Несколько человек умерли, опившись воды, а многие заболели дизентерией, набросившись на арбузы, которые были здесь в изобилии. Тринадцатого числа прибыли войска генерала Дюгюа из Росетты, после намного более легкого перехода, чем у их товарищей, в сопровождении небольшой флотилии адмирала Пере.

Бонапарт тем временем обдумывал, как бы ему навязать бой Мурад-бею. Узнав, что мамлюки находятся только в восьми милях к югу, он сделал смотр армии 11-го, а затем дал приказ к наступлению на мусульманский лагерь. Тринадцатого

был небольшой бой у Шубра-Хит, скорее это даже была немного затянувшаяся стычка. Главный бой произошел на Ниле между двумя флотилиями противников. Бой начался в 8.30 утра и длился до полудня. Вначале пять небольших судов французской флотилии были в опасном положении, выступив против семи более крупных судов мамлюков. И солдату, и матросу, и ученому — всем пришлось сражаться на равных в рукопашном бою. Однако ситуация улучшилась, когда Бонапарт приказал подвезти полевую артиллерию для поддержки флотилии, и в 12 часов дня удачным выстрелом был взорван мусульманский флагман. Тем временем на берегу французы выстроились в заранее намеченный боевой порядок, придуманный самим Бонапартом. Каждая дивизия выстроилась в большое каре в шесть шеренг с кавалерией и запасами в центре. Уязвимые углы были защищены артиллерийскими батареями, размещенными вне периметра. В таком положении, однако, мамлюкская кавалерия отказалась от идеи атаки и ограничилась демонстрацией своих роскошно одетых всадников, гарцующих на чистокровных арабских конях за пределами мушкетных выстрелов. Каждый воин нес на себе целый арсенал — кроме своего карабина, каждый мамлюк был вооружен двумя или тремя парами пистолетов, несколькими четырехфутовыми пиками и ятаганом, усыпанным драгоценными камнями. Но взрыв флагманского корабля, видно, сильно смутил этих средневековых воинов, и они вскоре ускакали вверх по берегу Нила, исчезнув в туче пыли. Потеряв двадцать человек убитыми на флотилии, французы могли считать, что одержали победу, хотя и далеко не окончательную.

Неудивительно, что Бонапарт был в ярости, что его добыча ускользнула, и наступление снова возобновилось. Мимолетный подъем, охвативший людей в сражении, снова исчез, уступив место беспросветному унынию, и войска выместили свои чувства на несчастной деревушке Неклех, через которую они шли. Бонапарт гнал их вперед и вперед, и только 18 июля он позволил своим измученным войскам сделать двухдневный привал около Вардана. Количество заболевших увеличивалось с каждым днем — жертвами дизентерии и офтальмии становилось больше солдат. Двадцатого июля войска снова двинулись в путь и достигли Омм-Динара (в восемнадцати милях от Каира). Из сообщений разведчиков стало известно, что армия Мурада находится недалеко впереди в деревне Имбаба. Через двенадцать часов они увидели противника. Войскам дали час на отдых, и затем все выстроились в боевой порядок. На расстоянии мили к югу стояли сомкнутые ряды 6000 мамлюков Мурада и 15 000 феллахов¹) — кавалерия на левом фланге, пехота на правом, вдоль стен и домов деревни Имбаба на самом берегу Нила. Над рекой стояла шайка Ибрагима, которой предназначалась роль наблюдателей, пока клубы пыли не скроют сцену боя. Вдали, на расстоянии пятнадцати миль, в дрожащем от жары воздухе рисовались неясные величественные очертания пирамид. Бонапарт призвал своих солдат сохранять выдержку и держать ряды сомкнутыми перед неизбежной атакой мамлюкской кавалерии.

«Вперед! Помните, что сорок веков смотрят на вас с пирамид!»⁽¹⁵⁾ Он быстро выстроил свои дивизии в каре, расположенные по диагонали, и дал приказ «Вперед». В этом случае каре лучше назвать «четыреугольниками», потому что для увеличения огневой мощи незащищенных сторон каждая дивизия поставила полную полубригаду впереди и сзади и использовала третий полк для образования коротких сторон четырехугольника. (Дивизии Рейнье и Виала имели неполную численность и поэтому были вынуждены выстроиться уменьшенным строем.) Общая численность французов была 2500 человек, и, по-видимому, в ней они имели значительное превосходство над противником, но Бонапарт в начале ме-

¹ О количестве сражающихся сообщают по-разному. Эта цифра взята у Кирхейзена. Некоторые авторы считают, что численность войск Мурада превышала 40 000, но, вероятно, в распоряжении французов было несколько больше войск. (Примеч. автора.)

сяще уже приобрел опыт и знал, как легко может ускользнуть враг, а сейчас нужна была решительная победа.

На правом фланге французов, в пустыне, находилось каре Дезе, тесно поддерживаемое слева дивизией Рейнье. Дезе уже выслал отряд кавалерии и гренадер, чтобы занять большую деревню на самом краю правого фланга французов. Виал и Бон стояли на фланге у Нила, напротив Имбабы, а в центральном резерве находилась дивизия Дюгюа, внутри каре которой располагался Бонапарт со своим штабом.

В 3.30 после полудня мамлюки с дикими криками бросились в атаку против правого фланга французов и едва не застали Дезе и Рейнье врасплох. Но дивизионные каре вовремя сомкнулись, и поток всадников, разделившийся на три колонны, «обтек» каре, окаймленные защитой огня, и ударил им в тыл. Здесь на них обрушился огонь гаубицы, находившейся в центре каре Дюгюа, и тогда туча всадников повернулась и понеслась к деревне на фланге Дезе. Маленький французский гарнизон отстреливался с плоских крыш деревни, не давая орде мамлюков подойти, пока Дезе не смог выслать им подкрепление из своей дивизии. Как и надеялся Бонапарт, грозная кавалерия противника таким образом была отвлечена от находившегося в критическом положении речного фланга, где в это время Виал и Бон под прикрытием пушек с французской флотилии готовились к штурму укреплений Имбабы. Неожиданно для себя французы попали под сильный огонь из крупнокалиберных египетских пушек, спрятанных в деревне, но, к счастью, эти орудия стояли на неподвижных лафетах и не могли поворачиваться вокруг вертикальной оси. Дивизия Бона снова обрела энтузиазм и перестроилась в ряд штурмовых колонн, поддерживавшихся тремя небольшими каре под командой генерала Рампона. Через несколько минут солдаты Бона прорвались в деревню, и ее гарнизон из 2000 мамлюков попытался ускакать вдоль Нила вверх по течению. Мармон со своей полубригадой ринулся захватить дефиле за деревней. Увидев, что их отход отрезан, мамлюки в отчаянии стали бросаться в Нил, пытаясь переплыть его, чтобы соединиться с «наблюдательными силами» Ибрагима. Не менее 1000 из них утонуло, около 600 человек были расстреляны в воде. К половине пятого вечера битва закончилась, Мурад-бей и 3000 уцелевших мамлюков ускакали к Гизе, в Средний Египет.

Бонапарт наконец добился своей решительной победы. Потеряв 29 человек убитыми и около 260 ранеными, его армия истребила 2000 мамлюков и несколько тысяч ополченцев-феллахов. Задача Бонапарта значительно облегчилась из-за средневековой тактики противника. Несмотря на свою огромную личную храбрость, мамлюки признавали только три перестроения — построиться для атаки, ринуться в атаку и (если счастье не улыбалось им) ускакать. Такая элементарная тактика имела мало шансов на успех против огневой мощи и дисциплины французских каре. Французские солдаты получили богатую добычу, обобрав трупы мамлюков, которые неизменно забирали все свои земные богатства с собой в битву, а потом в течение нескольких недель самым популярным спортом в армии стало вылавливание трупов на согнутый штык: богато вознаграждающий досуг, изобретенный неким солдатом 32-го полка.

Ночью после битвы Ибрагим-бей покинул Каир и ушел на восток и перед уходом сжег все суда в порту. На следующее утро шейхи и имамы Каира предложили сдать город. Генералу Дюфо была поручена задача ведения переговоров, и через два дня, 24 июля, Бонапарт въехал в столицу Египта.

Но вместо вождя вкуса победы его ожидало горькое разочарование. Двадцать пятого июля его доверенный адъютант Жюно в разговоре неосмотрительно обронил лишнее слово, и тогда выяснилось, что мадам Бонапарт давно неверна своему мужу, она обзавелась любовником — фатоватым молодым офицером по имени Ипполит Шарль. Парижское общество давно наслаждалось этой

сплетней. Известие глубоко поразило Бонапарта, и его горе было страшным и неподдельным, потому что он обожал свою своевольную Жозефину. На какое-то время он почувствовал полную опустошенность; он начал говорить об отказе от военной карьеры, о желании поселиться в одиночестве где-нибудь в уединенном месте Франции. «Слава приедается, я перепробовал все; для меня ничего не остается — я могу стать настоящим и полным эгоистом»(16). С этого момента из его жизни ушел идеализм, и в последующие годы его себялюбие, подозрительность и эгоцентрическое честолюбие стали еще заметнее. Всей Европе суждено было почувствовать на себе разрушение семейного счастья Бонапарта. Двадцать пятое июля 1798 года — несчастливая дата в жизни Бонапарта; с этого дня в нем стал яснее проявляться тиран.

В тщетных попытках спастись от своего горя Бонапарт с головой погрузился в тысячу дел, которые требовали неотложного решения. Успех продолжал сопутствовать его армии. Одинадцатого августа войска Бонапарта встретились с Ибрагим-беем и нанесли ему сокрушительный разгром при Салалие, рассеяв уцелевших вплоть до Сирии. Но в это же время пришло и печальное известие о Нильской битве (поражение под Абукиром). Это событие сильно осложнило задачу Бонапарта по превращению Египта в богатую и надежную колонию. Лишившись жизненно важной торговли с Францией, отрезанная от новостей европейской жизни, экспедиция потеряла надежды на лучшее будущее. Однако неиссякаемый источник энергии Бонапарта находил широкое поле деятельности, хотя иногда эта чрезмерность оборачивалась смехотворной стороной. Чтобы завоевать шейхов, переманив их на свою сторону, он однажды встретил их одетым в восточный наряд (эксперимент, которого он больше никогда не повторял). Бонапарт пытался ослепить их изысканным церемониалом приемов и праздников, а они только смеялись над неудачей широко разрекламированного полета Конте на воздушном шаре. Куда меньше понравилось им требование генерала, чтобы на минаретах и мечетях развевались трехцветные флаги. Этот бессмысленный указ только оскорбил религиозные чувства мусульман, а его попытки жаловать представителей местных властей трехцветными поясами и кокардами были отрицательно восприняты последователями Пророка. Его политика полной веротерпимости и намеки, что и он, и его армия могли бы принять магометанство, не произвели никакого впечатления на имамов, и вскоре камнем преткновения стали проблемы употребления вин и обрезания. Для правозверных, несмотря на всю революционную свободу мыслей, французы до конца оставались неверными. Однако вопреки собственной недоверчивости, на шейхов произвели большое впечатление другие аспекты французского господства и в особенности — работа Египетского института, основанного 22 августа. Ученые наконец занялись своим делом в четырех отделениях института — математики, физики, политической экономики, литературы и искусств — под руководством гениального Монжа. До сих пор жизнь их была крайне незавидна; насмешки солдатни при команде, отдаваемой перед атакой: «Ослов и ученых в центр каре!», пренебрежительное невнимание их патрона Бонапарта в начале экспедиции заставляли многих из них не раз пожалеть о своем согласии ехать на Восток. Но теперь они могли предоставить свои знания и таланты в распоряжение нового губернатора Египта. Начавшие работу в области медицины Ларрей и Деженет организовали госпитали в Александрии, Розетте, Дамьете и Каире и занялись изучением эндемических болезней. Разумное санитарное законодательство, обязательные карантинные меры для всех прибывающих судов способствовали приостановке эпидемий. Закон и правопорядок непрестанно усовершенствовались; были даны указания об установке уличных фонарей через каждые тридцать ярдов на главной улице Каира. Были снесены внутренние деревянные ворота, разделяющие различные кварталы города, а местное население разоружили. Для улучшения жизни феллахов францу-

зы построили мельницы, улучшили ирригационные сооружения и установили твердый контроль над рынками. Финансовый хаос страны был уничтожен, и вся экономика приспособлена к условиям осады. Под руководством Бертолле и Манюэля была перестроена древняя система земельных налогов, собственность мамлюков отошла во французскую казну, введены усовершенствованные методы налогообложения. Хотя французы продолжали предоставлять сбор налогов на откуп коптам, для уменьшения коррупции ввели улучшенную форму местного управления. Французы сформировали департаменты, каждый из которых управлялся французским начальником гарнизона, при котором находился совещательный диван из семи местных именитых граждан, ответственных перед Главным диваном, который периодически собирали в Каире. Таким путем Бонапарт стремился править через местных «столпов общества», призывая своих ученых осуществлять всяческие усовершенствования. Их совместная деятельность должна была привести к тому, чтобы страна содержала французскую армию за свой счет. Однако финансы всегда были проблемой, и, когда Бонапарт уезжал из Египта, он оставил своему преемнику долг в семь миллионов франков. Выплату денег солдатам задерживали на много месяцев, и это приводило к немалому недовольству, но тем временем ученые и инженеры меняли структуру Египта, по крайней мере на время делая страну более современной.

Кроме помощи в области практических мероприятий, ученые проникали вслед за армией во все уголки страны, изучая великие памятники Древнего Египта, ими была основана наука египтология. Их наибольшим достижением была находка Розеттского камня в 1799 году, который затем явился ключом к расшифровке письменности фараонов. Было проведено гигантское обследование всей страны, и полученные данные опубликованы в период с 1809-го по 1828 год в десяти томах текста и четырнадцати томах иллюстраций. Французское военное завоевание Египта было недолговечным, но работа ученых оказалась ценной на века.

Генерал Бонапарт был тем не менее разочарован безразличием Главного дивана, созданного в октябре 1798 года для одобрения этих мер. Выяснилось, что Наполеон был далеко не таким властелином страны, как ему хотелось быть. Его доклад Директории, что «все здесь обстоит прекрасно; страна находится под нашим контролем, и народ начинает привыкать к нам»(17), был сверхоптимистичен, потому что на самом деле продолжались уничтожения изолированных французских отрядов и приходилось посылать много военных экспедиций вскоре после битвы при пирамидах. Некоторые из этих экспедиций были в такой же степени научные, как и военные. Бонапарт лично провел небольшую экспедицию к Суэцу в декабре и утверждал, что обнаружил остатки древнейшего канала, который был когда-то прорыт через перешеек. Ланн, ставший командиром дивизии Виала, назначенного губернатором Розетты, предпринял несколько карательных рейдов, но главная задача — поиск вечно ускользающего Мурад-бея — была возложена на Дезе.

Военная карьера Луи Дезе была такой же молниеносной, как и у Наполеона Бонапарта, и его поведение в длительной кампании в Верхнем Египте только еще более укрепило его блестящую репутацию. Однако, в отличие от своего главнокомандующего, это был идеалист чистой воды, всегда в поисках славы ради нее самой и равнодушный к наградам, которые она может принести. Он родился в 1768 году в не особенно знатной аристократической семье, пережил чистки офицерского корпуса и в 1793 году достиг ранга бригадного генерала. Дезе заслужил прекрасную репутацию, будучи заместителем генерала Моро на германском фронте в 1796 — 1797 годах, но в конце той кампании перешел под командование завоевателя Италии. Несмотря на все его военные достижения, он был исключительно скромным, хотя как военачальник Дезе имел талант, очевидно не уступающий дару Бонапарта, но был, конечно, намного гуманнее его. Арабы начали

уважать его способности и потом даже прозвали его Султаном Эль-Адемом — Справедливым Правителем. С 25 августа 1798 года до конца марта следующего года он вел неустанную кампанию против неуловимого Мурада, гоняясь за ним вниз и вверх по Нилу. Часто с меньшей численностью, потому что большую часть времени у него бывало менее 3000 человек и только 2 пушки. Он не давал мамлюкам покоя, но наносил им поражения в серии боев, в числе которых были Эль-Лакхун (7 октября), Самхуд (22 января 1799 года) и Абнуд (8 марта). Задача Дезе казалась невыполнимой; не только немедленно восставала каждая замиренная местность, стоило ему повернуться к ним спиной, но и Мурад часто получал подкрепления из Аравии, иногда не менее 10 000 человек. Тем не менее Дезе, которому помогал молодой Даву и его заместитель генерал Бельяр, держал положение под контролем с помощью беззаветного упорства и бесконечных маршей, пока наконец союз мамлюков Мурада сам не распался, не выдержав непрерывных боев. Бельяру было приказано закончить замирение Верхнего Египта, захватив порт Коссейр на Красном море, что произошло 29 мая и разрубило последнюю связь Мурада со своими единоверцами в Аравии.

Глава 21

ЭКСПЕДИЦИЯ В СИРИЮ

Осень 1798 года оказалась тяжелым временем для Бонапарта в Нижнем Египте. Некоторое время он делал вид, что не верит вестям о том, что Турция объявила войну Франции (8 сентября), но вскоре почувствовал реальность этого события. Его попытки открыть дипломатические переговоры с восточными державами были особенно обескураживающими, Мурад-бей прислал вызывающий ответ на пробные предложения мира Бонапартом; Джеззар-паша, губернатор Сирии, отказывался от всех переговоров, а султан даже не удостоил ответом Бонапарта. Бей Туниса и паша Дамаска тоже ответили отказом, и это чувство полной изоляции еще больше усилилось в октябре, когда султан издал фирман, объявляющий священную войну против французов. Это не было просто угрозой. Двадцать первого сентября жители Каира, подстрекаемые своими религиозными вождями, неожиданно восстали. Последовало два дня сильных боев, включавших длительную бомбардировку главной мечети, чтобы восстановить контроль над городом. Восстание стоило французам жизни 300 солдат, а также гибели генерала Дюпюи и адъютанта Сулковского, растерзанных толпой, за что Бонапарт наложил на Каир жестокую контрибуцию. Хотя он постарался публично проявить милосердие, в боях погибло не менее 2000 арабов, и много пленных, включая шесть шейхов и 80 членов «Дивана защиты», были казнены в цитадели. Для экономии пуль палачам было велено обратиться к топору.

Много дополнительных проблем возникало перед Бонапартом. Британская морская блокада была почти полностью действенной. Это значило, что из Франции не могли прийти ни пополнения, ни новости. Тоска по дому мучила людей. Попыткой облегчить положение было открытие большого клуба в Каире, появилось также и много магазинов европейского типа. Бонапарт оптимистически обещал привезти театральную труппу и 100 французских проституток, чтобы скрасить жизнь войскам. Но ничто не могло скрыть непрерывного разложения армии — ее морального духа и уменьшения численности. Боевые действия, самоубийства и особенно болезни косили людей. К 22 октября 15% солдат армии были больны, а в декабре в Каире, Александрии и Дамьетте разразилась вспышка бубонной чумы, распространения которой так боялись в армии. В самый разгар эпидемии чума уносила по 17 человек в день в наиболее пораженных болезнью

батальонах, и до ее конца в армии умерло около 2000 человек. Бонапарт намеренно скрывал природу болезни и лично следил за нормальной работой военных госпиталей, но моральное состояние армии все более ухудшалось. Для заполнения недостающих единиц в сухопутной армии Бонапарт включил в нее весь морской персонал, а затем приказал переписать всех рабов мамлюков в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Он даже планировал создать негритянский легион, но до этого дело не дошло.

Последней соломинкой был поток заявлений об отставке, поступающих от старших офицеров; даже Бертье стал просить разрешения вернуться к своей красавице Висконти, но в последний момент взял свое заявление назад. Клебер то и дело менял решения об отставке. Мену пришлось одернуть, Дюма¹ было позволено уволиться. Нескольким больным офицерам Бонапарт дал отпуск, в том числе и своему брату Луи Бонапарту. Некоторые генералы выступали с открытой критикой ведения дел. В особенности Клебер, который не скрывал несогласия с оппортунизмом политики Бонапарта. Хорошо, что большую часть времени он находился в Александрии.

Неудивительно, что обуреваемый столь многими тревогами и заботами Бонапарт обратился для утешения к прелестной мадам Полин Фурес, жизнерадостной Беллитот. К несчастью, ее муж был крепким орешком, и, несмотря на свой скромный ранг, он осмеливался на публике грозно сверлить взором ее избранника. Оказалось необходимым изобрести какую-нибудь фиктивную миссию в Директорию, чтобы усладить его с глаз подальше. Но и эта военная хитрость не удалась; несчастный драгунский лейтенант в самом начале своего путешествия попался в плен англичанам, и учтивый капитан британского военного судна настоял на том, чтобы вернуть его на берега Нила. Последовала интересная, хотя и истерическая сцена в резиденции генерала близ Каира, но прекрасная Беллитот воспользовалась вольными законами Республики, получила развод с мужем, так что у Бонапарта продолжалась чувственная идиллия.

К концу года самой насущной проблемой стало быстрое ухудшение стратегической ситуации по мере того, как Константинополь начал мобилизовывать свои огромные армии, подстрекаемый к этому лихим флотским офицером британского королевского флота, коммодором сэром Уильямом Сидней-Смитом, чрезвычайным и полномочным посланником его величества короля Великобритании в Турции.

Французские дипломаты явно уже не в силах были обеспечить разрядку отношений (Талейран даже и не думал отправиться к султану). Бонапарту пришлось изыскивать меры для обороны Египта. Вскоре стала ясна и форма предполагаемого нападения. Султан планировал массированную атаку на Каир по сходящимся операционным направлениям. Одно крыло наступления формировала Родосская армия, которую перевозил морем на судах британский военный флот. Второе крыло — армия Дамаска — двигалась на Египет через Палестину и Синайскую пустыню. Пока готовились эти передвижения, паша Акры должен был подойти к границе с Египтом и отвлечь внимание французов.

Невозможно себе представить, чтобы Бонапарт пассивно ожидал этих ударов. Он сам, как обычно, начал планировать решительное контрнаступление исходя из своего здравого принципа «нападение — лучшая защита», и начиная с ноября эта идея занимала в основном его внимание. Он решил оставить 10 000 своих солдат, которым должно было помогать местное ополчение, для контроля над Египтом, а с остальной частью армии совершить переход через пустыню в Палестину, чтобы предупредить Джебззар-пашу, захватить Акру, разбить Дамасскую армию и затем ускоренным маршем вернуться в Египет, чтобы встретить Родосскую армию. Он наде-

¹ Этот генерал Дюма — отец будущего писателя Александра Дюма, его не следует смешивать с генералом Матьё Дюма, инженером. (Примеч. автора.)

ялся, что в свое время французы полностью оккупируют Палестину и будут ею постоянно владеть, что обеспечит надежный буфер, защищающий французов от будущих угроз с севера и востока, — это лишит британский флот возможности свободно заходить в сирийские порты и тогда Сирия станет поставщиком новых рекрутов из еврейских и христианских меньшинств. Маловероятно, чтобы в эти расчеты включалась и возможность похода в Италию, несмотря на то что Бонапарт приблизительно в это время писал Типпу-Сахибу, обещая прямую помощь. Но нет сомнений в том, что Бонапарт надеялся на то, что быстрое продвижение на Сирию заставит султана изменить свою теперешнюю политику, а один только намек на угрозу сухопутным путям в Индию вызовет, как можно было ожидать, самую серьезную озабоченность британского правительства и отвлечет его внимание от Египта. Быстрый успех даже мог убедить Директорию в необходимости прислать подкрепления.

Отношение французского правительства к Египетской армии претерпело радикальное изменение с августа. Франция стояла перед перспективой нападения будущей весной со стороны Второй коалиции. Все внимание Директории было поглощено стараниями довести численность истощенных армий до нормы. Соответственно, для Египта не оставалось ни людей, ни судов. Четвертого ноября Талейран писал Бонапарту, что он лично рекомендует ему выбор — или оставаться в Египте, начав наступление на Константинополь, или попытаться совершить поход в Индию. Этот крайне разочаровавший Бонапарта документ дошел в его штаб только 25 марта, но уже не оставил сомнений в том, что Директория больше не считала Восток важным театром войны.

Задолго до того, как это послание дошло до него, Бонапарт начал наступление. Он считал, что развитие кампании будет иметь две стадии: быстрый марш через Синайскую пустыню против минимального сопротивления с последующим непрерывным продвижением, кульминацией которого будет жестокий бой за Акру. Как обычно, скорость передвижения должна была быть главным слагаемым успеха, и, чтобы приготовить путь для наступления, генерал Легранж был послан 29 декабря на рекогносцировку синайских земель, прилегающих к побережью, и для организации передовой базы у Катии. 13 000 солдат получили приказ на марш; среди них — 9932 пехотинца в четырех малочисленных дивизиях под командованием Клебера, Бона и Ланна¹, 800 кавалеристов Мюрата, 1755 саперов и артиллеристов, а также 400 егерей личной охраны и 80 человек из недавно сформированного, но уже прославившегося верблужьего корпуса. Каждая дивизия имела свой собственный обоз из мулов и медико-санитарный отряд. Предполагалось, что каждому солдату должна была быть выдана кожаная фляжка. Для ускорения продвижения тяжелые осадные пушки погрузили на две флотилии военно-морских судов в Александрии для переправки морем в Акру. Через несколько недель все было готово.

Шестого февраля 1799 года генерал Рейнье выступил из Катии с авангардной группой, за которой следовала дивизия Клебера. Бонапарт рассчитал, что войска пройдут 120 миль в пустыне к 14 февраля, но эти расчеты оказались ошибочными. Из-за неполноты разведывательных данных французы не имели понятия о численности турецкого гарнизона в Эль-Арише, и 8 февраля к своему удивлению растерявшийся Рейнье увидел перед собой крепкий каменный форт, который защищали 600 мамлюков и 1700 албанских пехотинцев. «Нас поразили, — пишет офицер по имени Догеро, — оборонительные сооружения Эль-Ариша. Никто не ожидал никаких препятствий вплоть до Газы, где, мы знали, есть форт. Мы были крайне изумлены, увидев такой хорошо построенный форт... который задержал на несколь-

¹ Третьи батальоны из каждой полубригады были оставлены для формирования гарнизона Египта. (Примеч. автора.)

ко дней»(18). Действительно, в приказе Бонапарта, полученном генералом Рейнье и датированном 31 января, были такие строки: «...достигнув Эль-Ариша, генерал Рейнье должен немедленно начать сооружать форты...», и для этой цели главный военный инженер Кафарелли придал ему большой отряд саперов.

Неожиданная необходимость осады Эль-Ариша явилась первым кризисом кампании, и эта задержка дорого обошлась Бонапарту. Солдаты Рейнье 9 февраля пошли на штурм деревни и лагеря, понеся значительные потери, но все их усилия разбивались о неприступность форта. Четырнадцатого февраля подошла дивизионная артиллерия Клебера, но и она не изменила положения, хотя его пехота оказалась бесценной, помогая Рейнье отбить попытку турок освободить осажденных на следующий день. Семнадцатого февраля разъяренный генерал Бонапарт, выведенный из себя хаосом, который внесла в его планы эта непредвиденная задержка, прискакал к французским боевым линиям. Он сразу приказал доставить из парка тяжелой артиллерии несколько 12-фунтовых пушек. Но защитники все еще держались. Только 19 февраля, когда генерал Доммартен, большой специалист в артиллерийском деле, собрал все имеющиеся мортиры против форта, оставшиеся в живых 900 его защитников сдались на почетных условиях. Эль-Ариш стоил Бонапарту одиннадцати драгоценных дней, и эта задержка обрекла на неуспех всю кампанию.

Никто не мог обвинить французов в бездействии в последующие недели, несмотря на возрастающую нехватку рационов. Только 23-го армия вошла в Сирию и затем еще 24 дня пробивала себе путь к Акре, до которой было 140 миль. Двадцать пятого февраля Газа пала, не оказав сопротивления, а 1 марта армия вошла в Эль-Рамле, где французов приветствовало христианское население. Через два дня Бонапарт подошел к Яффе, и после трех дней тщательных приготовлений штурм города, осуществленный под командой Ланна, закончился успехом 7 марта. После этого произошел один из самых ужасных и совершенно неоправданных поступков Бонапарта. Три тысячи турок в цитадели Яффы поверили на слово французскому офицеру, что их пощадят. Но Бонапарт приказал расстрелять их всех и еще 1400 пленных. Позднее он пытался оправдать эту кровавую баню с точки зрения военной необходимости — у него не было пищи, чтобы кормить их, он не мог дать им сопровождение в дороге, он встретил нескольких турок, освобожденных под честное слово в Эль-Арише, опять служившими здесь в гарнизоне против него, — но ни одно из этих объяснений не может быть проверено, а жестокость оправдана. Скорее всего, реальным мотивом было произвести впечатление на Джемал-пашу (по прозвищу Мясник), продемонстрировав французскую безжалостность, но по любым меркам это ужасное убийство позорно.

И как будто в виде Божьего наказания за это армию почти немедленно поразила тяжелая вспышка чумы. Бонапарту пришлось пробыть в Яффе целую неделю, готовясь к окончательному броску на Акру, но с каждым днем росло количество заболевших. Чтобы поднять моральный дух армии, так резко павший перед лицом этого тяжелого испытания, Бонапарт совершил великолепный, хотя и опрометчивый поступок — 11 марта посетил чумной госпиталь в сопровождении своего перепуганного штаба и даже помог вынести труп из палаты. Это было отважное и возвышенное деяние, которое так контрастирует с его решением перебить пленных, и Бонапарт достиг своей цели, подняв дух солдат. Но когда войска направились в Хайфу 14 марта, они оставили в Яффе триста больных чумой и охрану в 150 человек. Только 36 человек выжило из этих несчастных.

Судьба приготовила еще один удар генералу Бонапарту: 15 марта коммодор сэра Уильяма Сидней-Смита появился на траверзе Акры с военными кораблями «Тигр» и «Тезей»; это произошло в самый последний момент, и Джемал-паша не успел эва-

куировать город. На этой эскадре находился и полковник Фелиппо — французский эмигрант, военный инженер — бывший однокашник Бонапарта по Парижской военной школе. Не теряя времени, Смит послал этого специалиста на берег в сопровождении морского десанта и всех свободных членов экипажа с «Тигра», и в следующие несколько дней фортификации Акры были приведены в хорошее боевое состояние. Теперь полностью проявилось зловещее значение этой одиннадцатидневной задержки в Эль-Арише. Если бы Бонапарт подошел к Акре в любой день до 15 марта, он бы взял Акру. Прибыв 18-го, он увидел, что его надежды на быстрый успех рухнули. И как будто бы судьбе было этого мало, последовало еще одно несчастье. Бонапарт потерял свою флотилию, перевозившую половину его осадных пушек. Она была захвачена британскими судами 18 марта на траверзе горы Кармел. За несколько дней до начала осады Акры французы уже оказались под огнем своих собственных пушек. Таким образом, в эти четыре дня произошел трудный переход от успеха к поражению. С самого начала кампании Бонапарт предвидел тяжелую борьбу за Акру. Этот «ключ к Палестине», как называл ее Джеззар-паша, находился на естественно сильной позиции; большая часть города была расположена на полуострове, причем две трети ее 1000-ярдного периметра выходили на море, а сухопутная часть представляла собой массивные стены, идущие углом и защищенные величественной каменной башней. Хотя Фелиппо успел многое сделать для их укрепления, особенно в области полевых оборонительных сооружений, до своей внезапной смерти от солнечного удара, стены Акры все же были внушительны, причем более с виду, чем на самом деле. Если бы французы имели тяжелые пушки с самого начала осады, они вскоре пробили бы брешь в стене. Однако в сложившихся обстоятельствах в первые шесть недель французам пришлось применять свою полевую артиллерию для этой решающей роли, и результаты были далеко не удовлетворительными. Пятитысячный же гарнизон, наоборот, был хорошо обеспечен артиллерией всех калибров. На укрепления было выставлено не менее 250 орудий, а коммодор Смит успел установить еще одну батарею на молу, ведущем к маяку, чтобы вести продольный огонь по восточным подступам к укреплениям, и, кроме того, собрал целую флотилию канонерок с целью изматывания французского фланга.

Главные защитники Акры представляли собой очень колоритную пару. Семидесятилетний Джеззар-паша, известный своим бешеным нравом и свирепостью, достиг своего теперешнего высокого положения беспощадным истреблением своих политических противников. Босниец по рождению (его настоящее имя было Ахмед), начал карьеру, будучи рабом Али-бея в Египте, но быстро проложил себе дорогу к власти, оправдав свое прозвище Мясник. Карьера Сидней-Смита также была замечательно пестрой. Он родился в 1764 году, поступил на службу в британский королевский флот еще в возрасте двенадцати лет, во время американской войны за независимость продолжал служить на флоте, после этого много путешествовал по Франции и Марокко, затем поступил служить во флот шведского короля во время войны с Россией. За свои заслуги он был пожалован в рыцари шведским королем Густавом III. В 1790 году Сидней-Смит прибыл в Константинополь и пробыл там три года, завязав за это время несколько бесценных знакомств. В 1793 году адмиралтейство отозвало его в Англию, посчитав его «всего лишь» восьмилетнее отсутствие несколько затянувшимся. В 1794 году он получил незабываемый опыт службы в британских оккупационных войсках во время осады Тулона. С 1796-го по 1798 год он сидел во французской тюрьме, осужденный за пиратство, но был вызволен из заточения благодаря отчаянной смелости Фелиппо, похитившего и затем тайком переправившего его за границу. С того времени Сидней-Смит был неразлучен со своим спасителем, и они оба служили на средиземноморском флоте адмирала Нельсона, пока Смит вместе с рангом коммодора не получил фактически самостоятельную эскадру для блокирования. Оба

они, Джемал и Смит, составили грозную силу, как пришлось узнать генералу Бонапарту на собственном опыте.

Лишившись тяжелой артиллерии, Бонапарт не имел другого пути, кроме осадной войны, которая требовала длительной и кропотливой подготовки. Сюда входило медленное подведение сил к цели посредством подходящих и параллельных окопов. Бездействие никогда не нравилось корсиканцу, который к тому же преисполнился уверенности в себе после быстрого захвата Яффы. Двадцать восьмого марта он преждевременно приказал вести штурм укреплений, но атакующие колонны имели слишком короткие лестницы, и отброшенные назад французы понесли тяжелые потери. Во время штурма Джемал-паша был на виду, ободряя своих воинов, и, сидя во всем величии около сцены боя, тут же щедро вознаграждал за каждую голову неверного, положенную к его ногам. Через четыре дня саперы взорвали большую мину под «проклятой башней», как ее называли французы, но массивная каменная кладка только слегка треснула, и последующий штурм был ничуть не успешнее первого. Сам Бонапарт был спасен от верной смерти преданностью охранявших его от разорвавшегося снаряда.

Но Бонапарта уже привлекало продвижение далее на восток, к Иордану, куда, по сообщению его разведки, уже придвигалась Дамасская армия, к которой должны были присоединиться еще 7000 турок, собравшихся в Галилее. Получив эти сведения, Бонапарт послал Жюно с приданными ему кавалеристами обследовать местность у Тивериадского озера. Восьмого апреля этот отряд отбил значительно превосходящие силы врага близ Назарета. Встревоженный большой численностью противника в этой местности, Бонапарт затем приказал Клеберу выйти на помощь Жюно с полутора тысячами солдат. Одиннадцатого апреля этот отряд, в свою очередь, разбил 6000 турок около Ханаана. Продолжая свои предупредительные маневры, французский главнокомандующий послал Мюрата с двумя батальонами захватить важную переправу через Иордан севернее Тивериадского озера, и тот тоже одержал победу и забрал много добычи 15 апреля, захватив врасплох турецкий лагерь.

До сих пор все шло успешно, но 16 апреля Клебер и его 2000 солдат оказались в тяжелом положении, когда они столкнулись с пашой Дамаска и его 25 000 кавалеристов и 10 000 пехотинцев около горы Табор. Отход был невозможен, и Клебер мужественно решился нанести неожиданный удар по вражескому лагерю до рассвета следующего дня, невзирая на семнадцатикратное преимущество в количестве войск противника. Неожиданного удара не получилось, закипело ожесточенное сражение вокруг маленьких французских каре, длившееся почти целый день. К четырем часам дня стали истощаться боеприпасы, когда с севера, в самый решающий момент, как в драме, появился Бонапарт. Узнав об отчаянном положении своего товарища, он привел дивизию Бона и несколько пушек, пройдя за ночь 25 миль от Акры. Подкрепление быстро подошло к тылу турок. Двух пушечных выстрелов в нужный психологический момент и нескольких хорошо направленных залпов из каре Бонапарта было достаточно, чтобы рассеять турецкую орду во всех направлениях, и под аккомпанемент презрительного смеха французов Дамасская армия поспешно бежала в горы и к Иордану. При переключке оказалось, что Клебер потерял только двух человек убитыми, и 60 человек было ранено за 10 часов боя против 25 000 всадников. Казалось, что этим цифрам невозможно поверить, но исход битвы был не так уж и удивителен. Превосходство дисциплинированной пехоты в боевом порядке каре над неорганизованной массивной кавалерийской атакой было продемонстрировано с редкой очевидностью. Бонапарт имел полное право поздравлять себя и своих солдат с успешным исходом битвы у горы Табор; одна половина султанских «клешей» была ликвидирована относительно малыми усилиями, и это казалось счастливым предзнаменованием для дальнейшего развития кампании.

Однако положение под Акрой никак не радовало Бонапарта. После провала первого штурма настроение французов все более понижалось. Капитан Догерю так писал в своем дневнике: «Многие из нас считают с этого момента, что мы никогда не завоюем это место» (19). Кроме того, эпидемия чумы в армии не ослабевала — в середине апреля было еще 270 новых случаев, и каждый день из убогих барачников на горе Ричарда Львиное Сердце выносили все новые трупы для поспешного погребения. В полевой артиллерии кончились запасы ядер, и Бонапарту пришлось прибегнуть к системе денежных премий за каждое пушечное ядро противника, присвоенное солдатами. Однако все так же шла работа на полевых укреплениях и окопах французов. Седьмого апреля была успешно отбита вылазка гарнизона, но через два дня на этот успех легла горестная тень — был смертельно ранен генерал Кафарелли (ему оторвало руку). Восемнадцатого апреля он умер, и эта смерть была тяжелой потерей для армии и лично для Бонапарта. Общее уныние не рассеялось даже при получении новости о благополучном прибытии в Яффу оставшейся части давно ожидавшегося осадного поезда, перевезенного на второй флотилии тремя днями ранее.

С большим трудом стащили на сушу тяжелые пушки. К 30 апреля они уже стояли на подготовленных позициях, и началась бомбардировка Акры. Чувствуя, что надежды на успех быстро уменьшаются, Бонапарт привел часть дивизии Клебера в окопы и провел еще пять отчаянных атак на Акру между 1-м и 10 мая. Только 8 мая атака была близка к победе, но когда Ланн и Рамбо пробились в город во главе 200 гренадеров, они увидели, что защитники выстроили ряд внутренних оборонительных сооружений не меньшей неприступности. Ланн снова был тяжело ранен. Последний штурм произошел 10-го, но генерал Бон был вскоре смертельно ранен, а адъютант Бонапарта Круазье наконец нашел смерть, которую он так искал с июля прошлого года, и атакующие были отозваны. Даже Бонапарту пришлось признать свое поражение и понять, что у него нет никаких перспектив в отношении победы в Сирии. Город и гарнизон Акры так и не были взяты в полную осаду, потому что снабжение с моря осуществлялось беспрепятственно, а теперь прибыли еще и подкрепления туркам с Родоса, доставленные новым конвоем, и гарнизон еще увеличился. Перед французской армией остался только один реалистический выход: снять осаду с Акры и уйти в Египет. Шестидесять три дня неустанного труда и восемь дорого обошедшихся атак не дали результата.

Горько было Бонапарту сознавать свое поражение, и он делал все, что можно, чтобы скрыть факт этого поражения от египтян, выпустив победную реляцию 12 мая. После поздравления своих солдат с победой у горы Табор (справедливо) он продолжал: «После того как мы провоевали три месяца в сирийской жаре с кучкой людей, захватив 40 пушек и 6000 пленных, сровняв с землей укрепления Газы, Яффы, Хайфы и Акры (здесь уже проглядывает некая художественная вольность), мы возвращаемся в Египет. Я обязан прийти туда, потому что начинается то время года, когда можно ожидать высадки противника» (20).

Предлагаемый отход был отягощен невероятными трудностями. Во-первых, в армии было 2300 больных и раненых, но адмирал Пере вместо того, чтобы облегчить это бремя, неожиданно снялся с якоря и направился в Александрию, отказавшись взять на борт яффской флотилии самых тяжелых больных. В отчаянии Бонапарт даже думал об убийстве безнадежных, но получил сильнейший отпор от доктора Деженета, и на этом дело пока кончилось. Армии было приказано везти с собой всех раненых и больных, а это было непосильным бременем для уже перегруженных обозов.

С 18-го по 20 мая французские осадные пушки непрерывно обстреливали Акру и истратили весь боезапас, но в конце третьего дня все тяжелые орудия были заклепаны, и теперь у армии осталось только 40 полевых пушек.

Вторая трудность заключалась в необходимости оторваться от врага, который оказался удивительно цепким. Пришлось поджечь многое из запасов и начать отход. Генералу Рейнье выпало на долю вести долгие и ожесточенные арьергардные бои в окопах весь день 20 мая. Но даже и тогда французы не добились нужного отрыва от противника, и тучи турецких всадников без конца нападали на уходящие колонны. Двадцать четвертого мая войска дошли до Яффы и получили четыре дня на отдых, пока делались отчаянные попытки эвакуировать военные госпитали. Ожидалось, что большинство несчастных смогут пойти самостоятельно, какое-то количество их было отправлено на нескольких еще имевшихся судах (большинство попало прямо в руки британских моряков); неспособные двигаться были добиты из жалости. Неудивительно, что моральный дух упал еще ниже, но генерал неустанно побуждал своих людей к движению вперед. Тридцатого мая достигли Газы; затем последовал тяжелейший переход через Синайскую пустыню в течение четырех мучительных дней. Люди страшно страдали и изливали свой гнев на командующего; в нескольких случаях дело только чудом не дошло до мятежа, но поход продолжался. Наконец 3 июня уцелевшие приковыляли в Катю и, как голодные ястребы, набросились на пищу и питье. Сирийская авантюра трагически закончилась.

Результаты ее печальны. Армия Дамаска была рассеяна, и это развязало Бонапарту руки, чтобы разделаться с армией Федоса, но больше ни одна из целей кампании не осуществилась. Султан больше, чем когда-либо, был настроен на доведение войны до победоносного конца, а британский королевский флот все еще свободно пользовался всем палестинским побережьем. Цена этих неполных достижений была очень велика: 1200 человек было убито, 1000 умерли от чумы, еще 2300 человек были больны или серьезно ранены; кроме этого, не менее трети от первоначального количества стали небоеспособны по той или иной причине. Однако Бонапарт уже был мастером пропагандистских маневров; дав своим потрепанным легионам время отдохнуть и привести себя в порядок, он устроил триумфальный марш 14 июня через весь Каир, который обманул всех, за исключением хорошо информированных людей.

В действительности главнокомандующий уже обдумывал возвращение во Францию и даже, может быть, без армии. Некоторые европейские новости теперь начали просачиваться к нему благодаря сэру Уильяму Сидней-Смиту, который занялся ведением собственной психологической войны, подсовывая устаревшие на месяц немецкие газеты, полные описаниями бед, постигших Францию на других фронтах. Однако эти мрачные сообщения о нависших бедствиях, казалось, давали ему возможность скрыть свою собственную неудачу на Востоке и в то же время выступить в роли спасителя Франции, возвратившись в Республику, чтобы освободить ее от внешних врагов и от вопиющей некомпетентности Директории. Бонапарт очень хотел бы оставить Египет; теперь, год спустя, ни одного из обстоятельств, делавших его привлекательным театром войны, уже не оставалось. Уже нельзя было бы представить Восток главным театром военных действий, и для карьеры для Бонапарта там уже не было никаких перспектив.

Поэтому 21 июня Бонапарт отдал секретный приказ адмиралу Гантому привести в полную готовность для путешествия по морю фрегаты «Мюирон» и «Ла Карьер».

Прошло еще два месяца, прежде чем Бонапарт покинул Египет. Во-первых, его беспокоила близость британского флота к Александрии, ибо он отнюдь не желал кончить жизнь пленником англичан. Во-вторых, он надеялся, что давление на фронтах Франции заставит Директорию отозвать его назад во Францию, тем самым неся ответственность за его отзыв. С этой целью он послал в Париж сообщение, датированное 29 июня, в котором впервые открыл величину своих потерь — 5344 человека — и запросил 6000 человек для подкрепления, прекрас-

но понимая, что они не могут быть присланы. В-третьих, он желал получить надежную информацию о политической обстановке во Франции, прежде чем бесповоротно сделать открытый ход к завоеванию власти, и, наконец, нужно было разделаться с Родосской армией.

В течение большей части сирийской кампании Дезе удерживал твердую власть над Верхним Египтом, Дюгюа поддерживал порядок в Каире, но положение в дельте Нила было крайне неблагоприятным. Произошли два больших восстания: первое под предводительством эмира Эль-Хадж Мустафы и вскоре второе, во главе которого встал мусульманский фанатик по имени Ахмед, объявивший себя Махди¹.

Эти восстания были вскоре подавлены, но непрерывные засады и резня изолированных групп французских солдат увеличивали потери. Все стало относительно спокойно, когда Бонапарт вернулся на сцену, но было хорошо известно, что Мурад-бей готовит следующий удар. Тогда главнокомандующий приказал казнить тридцать два заложника из числа влиятельных граждан и пленных в тюрьме Каирской цитадели в течение 19—22 июня. Обвинения были сфабрикованы на скорую руку. Подобные безжалостные акции вызывали возмущение и протест некоторых членов Института, и 29 июня Дегенет открыто высказал свое отрицательное мнение на публичном заседании, и это сошло ему с рук. Тем не менее становилось очевидным, что Султан Эль-Кебир (Огненный Правитель) становится настоящим тираном.

Противоречия и споры сразу же прекратились при известии о долгожданном вторжении в Египет армии Родоса. Одиннадцатого июля турецкий флот из 60 конвоев в сопровождении эскадры Смита бросил якорь в Абукирской бухте, и через несколько часов на берегу оказались престарелый генерал Мустафа-паша и 15 000 турок. Французские батареи вскоре были захвачены, но гарнизон Абукирской цитадели продержался до 18 июля. Сопротивление его отчасти объясняет необычное бездействие Мустафы-паши, у которого ни один человек не отошел от берега в течение целых двух недель. Это и дало возможность Бонапарту нанести решающий удар. В тот самый день, когда пришло сообщение о вторжении, французская армия вышла из Каира и к 18 июля прошла 100 миль до Рахмании; шесть днями позже 10 000 человек подходили к озеру Абукир с разных направлений. Бонапарт решил немедленно атаковать, не дожидаясь дивизии Клебера, так как был уверен, что его 1000 кавалеристов решит исход боя. В этот момент у турок не было кавалерии, так как транспорт с лошадьми еще не прибыл с моря.

Абукирское сражение 25 июля было коротким, но жарким и очень отличалось по характеру от «битвы пирамид» или сражения у горы Табор тем, что французская кавалерия впервые по-настоящему действовала самостоятельно. Французская пехота с боем пробилась через три последовательные линии турецких окопов, чему значительно помогла глупость нынчар, то и дело уходивших со своих позиций в поисках голов французов. Но решающий удар был нанесен Мюратом с кавалерией вскоре после полудня. Этот лихой гасконец умело воспользовался знанием местности, на которой воевал в июле прошлого года, и турки были отброшены назад свирепой атакой его кавалеристов. После ожесточенной схватки, в которой Мюрат лично сражался с турецким генералом и получил ранение в щеку, был захвачен турецкий штаб вместе со многими старшими офицерами. Родосская армия развалилась, остатки войск бросились к морю, но более 2000 солдат были отрезаны от берега или утонули, пытаясь доплыть до своих судов. Около 2500 турок укрылись в Абукирской цитадели, попав в западню, где, страдая от голода, через неделю сдались генералу Мену. Так Бонапарт отсек вторую часть клещей турецкого султана, потеряв 220 человек убитыми и 750 ранеными. После этой битвы фран-

¹ М а х д и считается прямым потомком пророка Магомета. (Примеч. автора.)

цузское господство в Египте стало опять относительно прочным, хотя потери армии, добавившиеся к потерям сирийской кампании, опять уменьшили боеспособность войск, а решение Бонапарта покинуть восточный театр войны еще более укрепились.

Одиннадцатого августа Бонапарт вернулся в Каир и произнес угрожающую речь перед оторопевшими шейхами в Диване. Через двенадцать дней он отправился в путь. Новая пачка газет двухмесячной давности, посланная Смитом на берег 2 августа, открыла весь масштаб побед Суворова и эрцгерцога Карла в Северной Италии и Германии. Бонапарт понял, что пришло его время. Более того, он не знал, что Директория 26 мая отправила ему письмо, в котором предлагалось, чтобы он с армией эвакуировался, используя флот адмирала Брюйеса. Именно это послание, наряду с неудачей Брюйеса, который не смог отплыть на восток, в последующем явилось сомнительным оправданием того, что Бонапарт бросил свою армию и возвратился один, хотя в действительности он отплыл из Египта, не получив этого письма. Наконец 17 августа Гантом смог доложить, что англо-турецкий флот вышел из египетских вод. Очистился путь для выхода фрегатов в открытое море, и в тот же вечер Бонапарт отбыл из Каира на побережье.

До последнего момента Бонапарт держал свои намерения в тайне. Даже 17 августа в нее были посвящены только те немногие, кто был отобран им для обратного пути в Европу. Кого же Бонапарт считал необходимыми спутниками в своих будущих планах? Из ученых — только Монж и Бертолле, хотя в самый момент отплытия Монж умолил Бонапарта взять поэта Гранмезона. Из военных — генералы Бертье, Ланн и Мюрат, а также адъютанты Дюрок, Лавалетт, Мерлин и Богарне — люди, обеспечивавшие уклад его жизни; секретарь Бурьен, недавно приобретенный личный слуга мамлюк Рустам и еще несколько других лиц, включая Андреосси, Мармона, Бесьера и 200 человек личной охраны. Бонапарт не взял с собой даже пригожую Беллитот. Двадцать второго августа маленькая французская эскадра отплыла во Францию.

Можно представить себе настроение военных, оставшихся в Египте, когда они узнали о дезертирстве Бонапарта. Ужаснее всех была ярость истинного республиканца генерала Клебера, которому внезапно, даже без предупреждения (хотя бы за день), было навязано командование тающей армией рвущихся домой солдат, с семью миллионами франков долга вместо денег в казне. В своей жалобе, направленной в Директорию, Клебер презрительно пишет о своем бывшем главнокомандующем как о «*ce petit bougre*»¹.

Мало кто верил письменным заверениям Бонапарта, что он возвращается во Францию по причинам «географической необходимости» и он приложит все усилия, чтобы обеспечить эвакуацию своих бывших товарищей. Большинство чувствовало, что он просто изменил им.

Не думая о переполохе, происходившем после ухода Бонапарта в Египте, и уже погружившись в обдумывание своих следующих ходов против Директории, он отдыхал во время относительно спокойного морского путешествия, длившегося 47 дней. Из-за сильного шторма первую неделю октября пришлось пережить в Аяччо, где молодой генерал был вынужден выслушивать низкую лесть своих компатриотов. Девятого октября 1799 года, после чудом не случившегося столкновения с английским боевым флотом лорда Кейта, Бонапарт ступил на французскую землю во Фрежюсе, ускользнув от обязательного карантина. В этот критический момент его сразу начали приветствовать как героя благодаря тому, что за четыре дня до этого пришло сообщение о его победе при Абукире. Известие о прибытии Бонапарта молниеносно пришло в Париж, где Директория немедленно собралась для обсуждения возможных последствий его появления, а охваченная паникой его жена

¹ Примерно можно перевести как «этот типчик» (фр.).

бросилась в наемной карете навстречу ему, чтобы встретиться с ним до того, как он попадет в Париж, где все зловерное семейство Бонапарт было готово погубить ее. К несчастью, она выбрала не ту дорогу и промчалась далеко вперед. В результате генерал Бонапарт, прибыв домой на улицу Победы ранним утром 16 октября, нашел свой дом пустым. Жозефина вернулась домой через два дня, заливаясь слезами. Последовала бурная сцена. Она нашла свои вещи собранными и выставленными в вестибюль, и Бонапарт долго был неумолим и тверд — она должна уехать прочь. Однако сочетание женских хитростей и мольбы пасынков — Евгения и Гортензии де Богарне — сломило его решимость, и, когда Люсьен Бонапарт на следующее утро пришел к своему возвратившемуся *fratello*¹, он, к своему огорчению, нашел мужа и жену, уютно нежившихся в постели.

Так закончилась египетская авантюра, по крайней мере для генерала Бонапарта. Для 30 000 французов, брошенных в долине Нила, должны были пройти еще два года страданий, прежде чем выжившие репатрианты снова увидели родные берега.

Глава 22

БАЛАНС ПРОВАЛА

Военные уроки египетской интерлюдии не так ярки, как последующие кампании, но тем не менее из них можно извлечь много интересного. Прежде всего, в полдюжине сражений было четко продемонстрировано преимущество хорошо выученных и дисциплинированных европейских солдат над численно превосходящими, но в смысле тактики совершенно средневекового уровня восточными ополчениями. Эта кампания также показывает, как сила воли может преодолевать трудности, вызванные непривычными климатом и местностью, болезнями и тоской по дому. Весь этот поход был предпринят со значительным риском, как наглядно показало чудесное спасение от Нельсона в июне 1798 года. Однако в качестве «отвлекающей операции» египетский поход безусловно прибавил много хлопот британскому кабинету и вызвал сильную, пусть и нереальную, тревогу за безопасность Индии. Может быть, самым важным и поучительным результатом экспедиции была роль, которую играет господство на море. Нильская битва не оказала большого влияния на исход сухопутной кампании, но в конечном счете она привела к провалу египетскую армию и французскую колониальную экспедицию. Неизмеримо большие преимущества, которые давало господство на море, прекрасно видны в эпизоде с Акрой. Там маленькая эскадра Сидней-Смита была в состоянии практически помогать осажденному гарнизону и одним ударом лишить Бонапарта половины его тяжелой артиллерии, а после этого подвизить турецкие подкрепления в город. Позднее Бонапарт признал, что суда Смита разрушили его планы: «Если бы не вы, англичане, я бы был императором Востока»(21), — однажды жаловался он, хотя это, конечно, было только в его воображении.

Очень важна еще одна особенность: наличие точных, исчерпывающих разведывательных данных. Случай с Эль-Аришем может сам по себе казаться не важным, однако его влияние на выработанное Бонапартом расписание для сирийской кампании было весьма весомым, и конечная судьба французского вторжения в основном решилась этой случайной одиннадцатидневной задержкой, произошедшей так некстати и которой вполне можно было бы избежать.

На политическом уровне египетская авантюра оказалась даже еще более бедственной — по крайней мере, в том, что касалось интересов Директории. За ис-

¹ Братец (*ит.*).

ключением прекрасной работы Института, не была выполнена ни одна из поставленных задач. Не было достигнуто устойчивого господства над Египтом, традиционная дружба с турецким султаном не состоялась, тогда как английские интересы на Ближнем и Дальнем Востоке не потерпели большого ущерба. С другой стороны, экспедиция во многом ускорила образование Второй коалиции, продемонстрировав Европе, как опасны эти далеко идущие честолюбивые планы Франции, тогда как падение престижа Французской республики после морской победы Нельсона быстро привело колебавшихся в лагерь Питта. Франции повезло в том, что она пережила войну Второй коалиции, хотя она оказалась роковой для Директории, и все то, что было задумано в этом Египетском походе, особенно торжество французской стратегии, оказалось очень незначительным преимуществом, что и было обнаружено за столом совещаний в 1801 году.

Для самого Бонапарта это был период одновременно и триумфа и поражений. Его военное искусство оказалось на уровне тех задач, которые ставили перед ним необычные условия, а победы в «битве пирамид», Салалие, у горы Табор и при Абукире прославили его имя. Его попытки перестроить все общественные институты Египта были искренни, хотя и недолговечны, и он изо всех сил стремился к тому, чтобы добиться взаимной терпимости с мусульманами. Эпизод с посещением чумного госпиталя в Яффе справедливо прославил его на всю жизнь.

С другой стороны, у Бонапарта начинали проявляться зловещие черты тирана. Перспектива власти всегда привлекала его, но в погоне за нею он становился теперь все более властным, безжалостным и эгоистичным. Резня в Яффе и несправедливые смертные приговоры в Каирской цитадели доказывают развитие этих опасных тенденций. Его нечеловечески жестокие требования, предъявлявшиеся им к своим последователям во время переходов в пустыне, эпизод с Круазье, его план отравления больных, да, наконец, и сомнительные оправдания его возвращения во Францию — все обличало отсутствие в нем истинной заботы о людях. Для Бонапарта армии были лишь инструментами, которыми он пользовался; если один ломался у него в руках, он без всяких угрызений совести бросал его и брал другой. В какой мере эти изменения в его характере обусловлены врожденными особенностями его натуры, в какой мере — разочарованиями в его личной жизни, определить трудно, но несомненно, что человек, возвратившийся из Египта, был уже совсем не тот, который отплыл туда из Тулона. По какому-то поводу в 1800-х годах он описывал свои восточные грезы мадам де Ремюза: «В Египте я оказался свободным от всех оков назойливой цивилизации. Я был полон грез. Я видел себя основателем новой религии, идущим в глубь Азии верхом на слоне с тюрбаном на голове и с новым Кораном в руках, который я бы написал согласно моим желаниям. В моих действиях я бы соединил достижения этих двух миров, используя в своих целях театр всемирной истории, разрушая власть Англии над Индией... Время, проведенное мной в Египте, было самым прекрасным в моей жизни, потому что оно было самым идеальным»(22). Тенденции к мании величия и склонность к самообману ярко видны из этого отрывка, и мало кто из покинутых им солдат в Египте не осуждал его за египетский поход, стойкий многих напрасных жертв. Обещание шести акров земли никогда не было выполнено; уживаясь в будущем с успехами в Европе, оно как-то забылось диктатором. Его влияние на положение в Леванте было даже еще более преходящим. Один мусульманский историк, писавший о событиях 1799 года, даже не упомянул о французском вторжении в Египет, записав только, что «в этом году паломничества в Мекку не было». Sic transit gloria mundi.

Часть пятая

К ВЕРШИНЕ.

ЗАГОВОРЩИК И МИРОТВОРЕЦ

*Переворот 18 брюмера и
итальянская кампания 1800 года*

Глава 23

СОЗРЕВШИЙ ПЛОД

В тот же самый день, когда генерал Бонапарт вернулся в Париж, произошла интересная встреча в резиденции Гойе — председателя Директории. Бонапарт поспешил явиться к главе государства и объяснить свое возвращение. Его сопровождал его друг Гаспар Монж. Гойе не без сарказма записал эту беседу.

«— Как я счастлив, дорогой Председатель, увидеть, что Республика торжествует, возвратившись сюда, — воскликнул Монж, обнимая меня.

— Я также разделяю его радость, — сказал несколько опешивший Бонапарт. — Новости, дошедшие до нас в Египте, были настолько тревожны, что я не колеблясь оставил свою армию и сразу отправился в путь, чтобы разделить опасность с вами.

— Генерал, — отвечал я, — она действительно была велика, но теперь мы с триумфом преодолели ее. Вы вернулись как раз вовремя, чтобы помочь нам отпраздновать многочисленные победы ваших соратников.

На следующий день, как мы условились, Бонапарт предстал перед Директорией... Бонапарт пытался оправдать свое дезертирство нашими несколькими поражениями на фронтах и своим негодованием, вызванным полученными им слухами о том, что нашим границам опять угрожают чужеземцы. Он явно приписал все наши затруднения своему отсутствию...

— Граждане директоры, — провозгласил он (положив руку на эфес сабли), — я клянусь, что обнажу ее только для защиты Республики и ее правительства и больше никогда.

Как председатель Директории, я ответил следующее:

— Гражданин генерал, исполнительная власть в лице Директории, как и вся Франция, приветствует ваше неожиданное возвращение с удовольствием, смешанным с немалым удивлением. Только ваши враги, которых мы, разумеется, рассматриваем и как наших, могли бы неблагоприятно использовать патриотические мотивы, вынудившие вас по крайней мере временно покинуть ваши войска... Действительно, триумфальные победы ваших старых соратников уже спасли Респуб-

лику, но еще ждут своего завоевания лавры на полях битв, видевших ваши славные подвиги...

Вся церемония закончилась объятиями, при которых ни та, ни другая сторона не выглядела растроганной»(1).

Очевидно, будущие противники уже начинали мериться шпагами.

Несмотря на это несколько холодное официальное приветствие, чреватое опасными инсинуациями, Бонапарт не был введен в заблуждение холодным приемом Гойе. Даже когда он только что подъехал к резиденции Директории, часовые взяли «на караул» с возгласом «Vive Bonaparte!», а искреннее тепло народной встречи на его пути в Париж, очевидно, показало настоящие чувства французов. Это заставило Директорию отказаться от плана его немедленно арестовать. Директория, при соперничестве ее членов и их некомпетентности, была на грани развала. У Бонапарта хватило мудрости не торопить время в 1798 году, и вот теперь его выдержке суждено было принести плоды. К 1799 году непопулярность правительства, его бессилие перешло пределы разумного. Директория позорно не смогла обеспечить Францию стабильным управлением, что является первым долгом в политике; один политический кризис следовал за другим. Фруктидор, флореаль и недавний приаль поочередно раскачивали государственный корабль; только путем ловкого лавирования и политикой «кнута и пряника» по отношению к якобинцам Директория пока ухитрялась удерживать на плаву все более ветшавший и давший течь корабль — до следующей бури. Частые перемены в высших органах власти не могли исправить положения. Полное разочарование в способности их правительства к управлению страной было характерно не только для правых роялистов, но и для левых якобинцев.

Из пяти членов Директории по крайней мере двое — Сьейес и Роже-Дюко — активно замыслили государственный переворот, выступая как бы против самих себя, и всем было известно, что ненавистный Баррас — этот архивзятчик — был готов продать свою честь тому, кто дороже заплатит. Пораженная внутренним распадом, Директория больше не могла надеяться на сохранность при давлении таких внешних сил.

Даже то, что она дожила до конца XVIII века, почти граничило с чудом. Серия политических кризисов в Париже приводила к фактическому распаду управления в департаментах, по мере того как местные чиновники подвергались очередным чисткам. В некоторых местностях царил полная анархия. Волна разбоев прокатилась по всей стране. Учреждение военных судов лишь немного улучшило положение. Политическая нестабильность неизбежно сочеталась с экономической разрухой. Директория решила заменить ничего не стоящие «ассигнаты» начала революции новыми «мандатами»; единственным результатом стало наличие двух обесцененных видов ассигнаций. Для финансирования своих дорого обходившихся войн Директории приходилось все больше рассчитывать на штрафы, конфискации, добычу из завоеванных стран, на средства от прогрессивной шкалы налогов на собственность и обязательные займы, которые заставили буржуазию окончательно отвернуться от нее.

Ничто так безжалостно не обнажило всю слабость, некомпетентность Директории, как ее неумение вести войны. Создание враждебной Второй коалиции было почти полностью результатом дурной французской дипломатии и политической алчности. В конце 1797 года Австрия была вне войны, а перед Англией стояло много проблем: последствия восстаний моряков в Спитхед и Норе, большой неурожай, растущая безработица в промышленности — так что даже неумолимый Уильям Питт был, вероятно, готов заключить невыгодный ему мир. Однако недоверие французов к истинным мотивам британского правительства и нужда

Директории в наличии «внешней угрозы» для маскировки внутреннего хаоса в несчастливом сочетании с неуместным высокомерием представителя Питта лорда Мамзбери привели к прекращению переговоров.

У Питта не оставалось другого выхода, кроме поиска новых союзников. Ряд ошибок французов и захватов ими чужих территорий силой оружия облегчили ему эти поиски, так как алчность, стремление завладеть чужими землями, свойственная Директории, непомерная страсть французских генералов к дальнейшим войнам не замедлили создать крайне взрывоопасную ситуацию в Европе.

В Германии французское правительство никак не смогло удержаться от искушения вмешаться в спор, вспыхнувший между Пруссией и Австрией из-за овладения Баварией, а потом попыталось нажить политический капитал на опасениях германских князьков, чьи земли граничили с Рейном и которым угрожала опасность лишиться их, способствуя образованию Рейнского союза. Такие действия могли вызвать только ожесточение и в Берлине, и в Вене. Точно так же в Италии целый ряд бесстыдно разыгранных «инцидентов» по всему полуострову сделали новую австрийскую угрозу французской гегемонии вдвойне вероятной. После подавления восстания в Цизальпинской республике французское правительство использовало убийство французского генерала в Риме (декабрь 1797 года) как повод для захвата и ограбления вечного города в феврале следующего года. Так же обошлись французы и с Пьемонтским, и с Тосканским государствами. Местные революции, спровоцированные французами, были использованы для изгнания короля Виктора-Амадея в Сардинию, и великое герцогство Тосканское было быстро изъято из его владений. Чтобы завершить подчинение Италии, французская армия напала на слабосильные войска Неаполитанского королевства в ноябре 1798 года, после непродуманного и преждевременного объявления войны Франции королем Фердинандом, которого спровоцировали адмирал Горацио Нельсон и леди Эмма Гамильтон.

Французский приобретательский инстинкт не ограничивался только Германией и Италией. Голландию тоже вынудили сменить свой статус близкого союзника на неопределенный договор о дружбе с Францией с 1795 года, а в марте 1798 года французские армии под предлогом волнений среди бернских кантонов создали Республику Гельвеция, присоединив Женеву и Базель в виде платы за свои «освободительные» усилия. Это было блестящим стратегическим успехом, потому что предоставило Франции контроль над жизненно важными альпийскими перевалами, соединяющими Германию и Северную Италию. Вместе с тем такие самовольные действия были, в сущности, «дипломатическим динамитом». Удивительно, что сразу же не вспыхнула большая война, особенно когда к внушительному списку французских благоприобретений добавились Мальта и Египет. Но сочетание всеобщего недоверия к царю Павлу I, именовавшему себя «защитником малых государств», вместе со своекорыстными уловками австрийского государственного деятеля Тугута, настроенного использовать французское влияние в собственных целях, и поглощенность Британии проблемой первого вооруженного нейтралитета, — все это послужило к отсрочке образования активного союза до весны 1799 года.

И когда наконец правительства, входившие во Вторую коалицию, мобилизовали свои силы и выступили против французских армий, оказалось, что Директория, «сеявшая ветер», должна была теперь «пожать бурю», да еще новую. Знаменитый Суворов вел русскую армию для соединения с австрийцем Краем в Северной Италии и в энергично проведенной кампании разбил вначале Шерера, потом Моро, оккупировал Цизальпинскую республику, занял Турин, через некоторое время заставил генерала Макдональда сдать Рим и поспешным маршем отступить к Ривьерё. Британские экспедиционные силы при поддержке флота снова захватили Неаполь, и к концу июня Франция утратила все свои завоевания в

Италии, за исключением Генуи и узкой полоски лигурийского побережья. Эти потери явились особенно тяжелым ударом по престижу Франции. Поражение ожидало французские силы и в Германии, где эрцгерцог Карл сорвал наступление несчастного генерала Журдана (он был известен в армии под прозвищем Наквальня, потому что его вечно били), загнав его обратно в Шварцвальд и к Рейну. Однако, не добив здесь неприятеля, Карл повернул войска против Массены и Швейцарии, где выиграл сражение у Цюриха (первый Цюрих) в мае, тем самым вновь открыв перевалы для союзнических войск, маневрирующих между Германией и Северной Италией. Но Карл не смог расправиться с доблестным бывшим контрабандистом, который провел ряд блестящих сражений, имея сильную позицию у Лиммата. Наконец, прибытие англо-русской армии в Северную Голландию под командованием герцога Йоркского еще сильнее ухудшило военное положение Франции.

Оказавшись лицом к лицу перед нависшей опасностью, Директория предъявила еще одно доказательство (их и так было немало!) своей неспособности и бесполезности. Годы войн, бесконечного финансового хаоса и административной халатности страшно обескровили все тринадцать армий Лазара Карно, и, в отчаянной попытке пополнить армию, французское правительство ввело в действие (июль 1799 года) непопулярный закон Журдана о всеобщем призыве, вначале сформулированный в 1798 году. На практике это не смогло удовлетворить потребности в живой силе, но создало новую проблему, так как множество молодежи призывного возраста, чтобы избежать призыва, стали скрываться в горах и лесах, став так называемыми *réfractaires*¹. Не хватало не только людских ресурсов — не хватало всего: военных материалов, мушкетов, сапог, лошадей, даже боеприпасов. А старый всеобъединяющий клич «Отечество в опасности!» уже утратил почти всю свою магию. Тем не менее патриотизм французского народа и храбрость солдатской массы приходили на выручку правительству, война продолжалась, хотя Директория потеряла последние остатки уважения населения из-за своих вечно неудачных попыток спастись из ею же созданной безнадежной ситуации. Шефер потерял большую часть Италии из-за настояний правительства, требовавшего отвлечения большей части армии на Неаполь, а Журдан на Рейне также задыхался без людских пополнений, когда Директория заставила его выделить еще отряды для розыска уклоняющихся призывников на территории страны вместо того, чтобы послать их на фронты.

То, что республиканская Франция пережила сочетание кризиса и дурного управления, было по меньшей мере обусловлено как ошибками и расхождениями между собой ее врагов, так и собственными патриотическими усилиями народа. Стратегия союзников была плохо обоснованной, исходившей из принципа вначале очищения Дуная и долины По и только последующего перехода к стратегически важным массивам Швейцарии. Было бы намного разумнее, если бы они сосредоточили все свои усилия против Массены, потому что Швейцария была истинным ключом к стратегическому положению. Даже еще более губительными были взаимные подозрения в коррупции и своекорыстие, в которых погряз весь лагерь союзников сверху донизу. Тугут загубил последовательные наступления из-за своей зависти к успехам русских в Италии, недоверия к намерениям англичан в Нидерландах и сильнее всего — из-за желания получить «компенсацию» в Бельгии. По его настоянию войска эрцгерцога Карла повернули от Швейцарии в сторону Голландии и Суворов переведен из Италии, чтобы принять командование действиями против Массены. Выполнение этих значительных перемен в середине кампании вызвало неминуемый спад всякой активности, который был сразу же использован французской армией, в то время всегда более профессионально

¹ Уклоняющиеся от воинской повинности, «отказники» (фр.).

сильной, чем ее более мощные, но менее организованные противники. Полностью воспользовавшись временным снижением военного давления, Массена правильно уловил момент и 26 сентября со своими 50 000 солдат обрушился на малоспособного генерала Римского-Корсакова, руководившего своими 45 000 солдат при втором Цюрихе.

Массена достиг сокрушительной победы, прежде чем Суворов смог прийти на помощь своему товарищу и таким образом одним ударом восстановил гегемонию Франции над Швейцарией. Поражение союзников вызвало поток взаимных обвинений между дворами Санкт-Петербурга и Вены, что затем привело к самоустранению России от активных боевых действий в составе войск союзников в январе следующего года и к тому, что французы быстро переняли инициативу. К этой решающей победе, явившейся, несомненно, поворотным пунктом войны, затем добавился скромный успех в Голландии. Вскоре после возвращения Бонапарта генерал Брюн отбил «великого старого герцога Йоркского» под Бергеном и затем принудил его (брата Георга III) эвакуировать войска обратно в Англию (18 октября). Уход войск еще сильнее обострил взаимоотношения союзников. Русская часть экспедиционных сил оказалась высаженной на Нормандских островах, где ее посадили на чужеземную непривычную «диету» из картофеля, а такое питание никак не признавалось за еду воинами Святой Руси. Итак, перед Питтом встала проблема еще одного быстро разваливающегося на части союза, и снова, больше в силу везения, чем заслуг, Директория благополучно перенесла еще одну бурю.

Возвратившись во Францию и окунувшись в столичные интриги, Наполеон Бонапарт, таким образом, к своему сильному, хотя и скрываемому неудовольствию, увидел, что непосредственного военного кризиса уже нет и что операции союзников фактически заморожены. Союзники все еще владели большими завоеваниями в Италии, но во всех других местах их козни расстроились, а продолжение их сотрудничества друг с другом стояло под большим вопросом. Лишившись своей задуманной роли «освободителя», хитрый корсиканец немедленно подготовил другой спектакль, где он выступал как «миротворец». Он хорошо знал, что Директория почти не приобрела авторитета за драматическое освобождение Франции, совершенное саблями Массены, Жубера и Брюна, и также хорошо понимал, что большинство французов с 1796 года гораздо более чувствительны к событиям в Италии, чем на каком-либо ином фронте. Поражение и гибель талантливого генерала Жубера в сражении при Нови (15 августа) закрепили австрийский контроль над долиной реки По. «Грохот поражений там заглушил празднование побед в других местах» (2), и Бонапарт принялся извлекать максимум выгоды из сложившихся обстоятельств.

Глава 24

ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

В начале ноября 1799 года столица Франции была полна бурных интриг, и пришествие Бонапарта не оказало заметного непосредственного влияния на общую обстановку. Всем было ясно, что близка буря и что ей будет неизбежно сопутствовать насилие. Политике Директории призывать на помощь генералов в политических кризисах было суждено обратиться против нее самой, и Париж был переполнен честолюбивыми военными и плетущими заговоры политиками. Потенциально самой опасной группой были генералы-якобинцы Ожеро и Журдан — оба крикливые члены Совета пятисот, и было также известно, что за кулисами ждет своей очереди Бернадот, все еще глгуче переживавший свое внезапное удаление из воен-

ного министерства. Позиции генералов Моро и Лефевра, занимающего важный пост военного губернатора Парижа, были не совсем ясны, но считалось, что едва ли они решительно выступят на защиту Директории. Проблема, таким образом, состояла не столько в подготовке государственного переворота, сколько в определении формы правления, которая последовала бы после краха Директории.

Хитроумный член Директории Сьейес был полон решимости прежде всего предотвратить опасность захвата власти якобинцами, для чего он планировал организовать собственный переворот, но по мере развития кризиса он, к несчастью, оказался лишен поддержки какого-либо известного военного в качестве своего подручного и «сабли». Вначале на эту роль предназначался молодой Жубер, но его преждевременная смерть при Нови вынудила Сьейеса искать другого кандидата. Делались соответствующие подходы к Моро и Макдональду, но безуспешно. В результате появление популярного генерала Бонапарта с группой его приспешников было как нельзя кстати. Позднее Бонапарт утверждал, что якобинские заговорщики также предлагали ему пост диктатора, если он поддержит их; но затем, несмотря на свою глубокую неприязнь к Сьейесу, он дал себя убедить Талейрану и своему брату Люсьену Бонапарту — председателю Совета пятисот — и верил свою судьбу умеренным.

«Что вы наделали? — спросила шаловливо мадам Бонапарт у председателя Гойе на приеме, где были и ее муж, и Сьейес. — Сьейес — это человек, которого Бонапарт больше всех не выносит, это его *bête noire!*»¹

Объединение двух таких абсолютно противоположных по духу людей предвещало опасность, и вскоре эта вероятность стала превращаться в реальность. Несколько дней бурной подпольной деятельности было достаточно, чтобы кого-то из оппозиции нейтрализовать, кого-то переманить на свою сторону или изолировать. Все оттенки мнений имели общим только одно — глубоко въевшуюся и сильную неприязнь к Директории и всем ее поступкам (или проступкам). Поэтому эффективные контрмеры правительства для нейтрализации Сьейеса были невозможны. Якобинцы все еще не решались открывать свои карты, понимая, что усталая от войн Франция не захочет и видеть еще одно истеричное правительство робеспьерского типа. На противоположном полюсе политических симпатий роялисты тоже знали, что у них нет народной поддержки. Возможно, самым удачным обстоятельством было то, что многие пылкие республиканцы отсутствовали в Париже; Клебер был в Египте, Брюн на северо-восточной границе.

Поэтому Сьейесу удалось обеспечить положение, при котором самые консервативные члены Директории — Гойе и Мулен — не смогли бы образовать кворум из трех директоров, необходимый для принятия приказа об исполнительном действии. Многие колеблющиеся перешли на сторону заговорщиков, когда 8 ноября сам Моро бросил свою шапку на их чашу весов: «Я устал от ига этих адвокатов, которые губят Республику; предлагаю вам свою поддержку для ее спасения» (4).

Бонапарт с облегчением стал благодарить его, но достойный воин повернулся и ушел, не дав ему закончить цветистые и не совсем искренние фразы. Трудности его взаимоотношений с генералом Моро — наиболее серьезным соперником в народной популярности — были еще впереди, но пока отношения с ним складывались удачно. Был устроен ряд «деловых обедов» для более влиятельных сторонников. Состоявшие при Бонапарте личные приспешники оказались бесценными, сгоняя «заблудших овец» в собственный стан. По всем признакам успех брюмера практически был предрешен. Оставались сомнения только относительно того, как поведут себя Бернадот, Лефевр и Совет пятисот. Но никто, и меньше всего Бонапарт, не предвидел, что конечным результатом переворота окажется

¹ Предмет ненависти, жупел (фр.).

ся вознесение полководца-корсиканца на роль неоспоримого хозяина — капитана французского государственного корабля, что было весьма далеко от намерений Сьейеса, в его планах Бонапарту отводилась лишь роль инструмента, а не распорядителя власти. Но события шли удивительным и непредвиденным путем.

Брюмерский переворот произошел 9-го и 10 ноября. Все намеченные цели были благополучно достигнуты в первый же день. Бонапарт начал утро совершенно как обычно, посетил ряд завтраков в офицерских собраниях парижского гарнизона и затем отправился инспектировать два кавалерийских полка. Но за этим фасадом повседневных военных дел в действительности выполнялись главные задачи заговорщиков. Способность Директории к сопротивлению была нейтрализована, когда Сьейес и его единомышленник Роже-Дюко подкупом вынудили Барраса подать заявление об отставке; таким образом, Гоие и генерал Мулен были изолированы и через несколько часов незаметно помещены под домашний арест генералом Моро. Везде осуществлялись меры безопасности. Ланн и Мормон взяли под контроль все подходы к Тюильрийскому дворцу, Моро с 300 солдатами окружил Люксембургский дворец. Макдональд выехал в Версаль, а Мюрат — в Сен-Клу, Серюрье встал во главе мобильного резерва у Пон-дю-Жур. Однако никакого открытого противодействия нигде не было. Оставшийся один потенциально опасный загадочный генерал Лефевр скоро был перетянут на сторону заговорщиков; личные чары Бонапарта и подаренная им генералу великолепная дамасская сабля довершили дело; Лефевр воскликнул: «Давно пора перетопить в Сене всех этих адвокатишек!» И перешел к Бонапарту. Гвардия, до этого охранявшая Директорию, бодро отправилась на соединение с силами нового режима, даже и не подумав о своих бывших хозяевах. Как и планировалось, Бонапарт появился перед Советом старейшин (их поддержка перевороту уже была обеспечена), и ошеломленные сенаторы без малейшего сопротивления приняли необходимые декреты, назначающие Бонапарта «исполнителем» новой временной конституции, согласно которой Сьейес, Роже-Дюко и Бонапарт становились «временными консулами», а также одобрили немедленный перенос обеих законодательных палат в Сен-Клу, где они якобы будут в большей безопасности от пагубного терроризирующего воздействия парижской черни. К ночи заговорщики уже поздравляли себя со свершившимся фактом. Однако это оказалось преждевременно.

События последнего дня — 10 ноября — приняли почти катастрофическое направление, и ответственность за чуть не случившееся поражение лежит на Бонапарте. Новое правление желало видеть свое восхождение к власти обставленным всеми атрибутами конституционной законности, а для этого требовалось обеспечить значительное большинство голосов в свою пользу в обеих палатах — и старейшин и пятисот. Ожидались большие осложнения в последней, потому что в Совете пятисот преобладали якобинские элементы и влиятельный Бернадот был враждебно настроен к Бонапарту. Однако надеялись, что влияние председателя Совета Люсьена Бонапарта поможет завербовать в свои ряды достаточно колеблющихся, чтобы разбить левых. Однако день начался плохо, когда выяснилось, что залы Сен-Клу еще не готовы принять важных гостей. Происшедшая задержка дала якобинской оппозиции шанс перетянуть к себе как можно больше членов Совета и продумать свои последующие ходы. Как только открылись залы, сразу же началось бурное обсуждение, пока генерал Бонапарт со своими сторонниками ждал у дворца со все растущим нетерпением. В какой-то момент бездействие стало невыносимым для нетерпеливого корсиканца, он решил взять быка за рога, вошел в здание (преждевременно!) и обратился с пламенной речью к каждой палате по очереди. Вскоре ему было показано, что представители нации не потерпят такого вольного обращения с собой, какое приводило в покорность шейхов в каирском Диване. Старейшины выслушали его большую тираду в ошеломленном молчании, но Совет пятисот отказался слушать его; некоторые депутаты, вскочив с мест, с крика-

ми «Hors la loi!»¹, даже демонстративно вытаскивали кинжалы. Они выставили взъерошенного генерала Бонапарта с его эскортом гренадеров из зала вниз по лестнице во двор.

Революция приблизилась к кризису. Войска встретили своего изгнанного из Совета генерала в оцепенении нерешительности, некоторые генералы весьма заметно заколебались. Тибодо — свидетель этой сцены — описал этот опасный инцидент. «За первым моментом всеобщего остолбенения, однако, последовали буйные крики — влияние обращения Бонапарта к войскам. Прибытие его брата Люсьена с его энергичным красноречием рассеяло все сомнения и оживило решительность каждого. Я вернулся в зал Совета пятисот. Вместо того чтобы принять радикальные меры против Бонапарта после того, как его выгнали из зала, они теряли время, изливаясь в пустых угрозах и занимаясь бесполезными осуждениями... Стоило бы им только объявить его вне закона, и Ожеро, и Журдан, которые этого явно ждали, и Бернадот, скрывавший свое ожидание, вероятно, тут же смогли бы объявить декрет [Совета пятисот], вызвать консульскую гвардию (не разделявшую чувства регулярной армии) и запугать остальные войска... Исход всего зависел от декрета длиной в одну строку или от удара кинжалом».

Однако в конце концов уклончивость и нерешительность сыграли в судьбе Совета пятисот гибельную роль. «Я услышал дробь барабанов, призывающих на штурм, и увидел солдат, вбегающих в зал заседаний; зеваки исчезли в облаках пыли, и большинство народных представителей... стали выпрыгивать из окон зала, дохловивших, к их счастью, чуть ли не до земли»(5).

И таким образом новая власть преодолела то, что могло оказаться для нее трагическим кризисом доверия. Позднее, в тот же вечер, Люсьен снова собрал и загнал в зал остатки Совета пятисот и в спешном порядке проталил необходимый декрет, одобряющий временное консульство. Директория окончила существование, и практически все обошлось без крови. «Эта поразительная и благотворная революция была совершена без каких-либо потрясений; она была совершенно необходима»(6), — писал Лефевр к Мортье спустя пять дней. Начиная с этого времени генерал Бонапарт редко делал политические ошибки.

В последующие недели он постоянно улучшал свое положение за счет первых организаторов заговора. Вскоре Сьейес отказался от неравной борьбы в попытках сотрудничать с Бонапартом и удалился на покой якобы для работы над новой конституцией. Вскоре за ним последовал Роже-Дюко. Камбасерес и Лебрен заполнили вакантные консульские места, но Бонапарт вскоре был признан фактически первым консулом. Подавляющее большинство людей во время плебисцита высказалось в его пользу (результаты были опубликованы 13 декабря), и на следующий же день Конституция VIII года Республики вступила в силу.

Обретя бразды правления, Бонапарт постоянно работал по семнадцать часов в сутки в своих апартаментах в Люксембургском дворце, учреждая экономические реформы, посещая советы, принимая депутации и диктуя декреты. Сьейес с сарказмом написал о нем: «Il sait tout, il peut tout, il fait tout»², прибирая к рукам все нити управления.

В мемуарах его секретаря Бурьена содержится много интересных записей, относящихся к этому периоду. У первого консула была страсть к очень горячим ваннам. «Я видел, как он лежит в такой ванне свои обычные два часа. В это время я должен был читать ему вслух новости из газет и свежих памфлетов... Он то и дело открывал кран, подливая еще горячей воды. Температура повышалась до того, что я тонул в облаке пара и с трудом мог видеть строки, продолжая чтение. Обычно нам приходилось открывать дверь настежь»(7).

¹ «Вне закона!» (фр.)

² Он все знает, он все умеет, он все делает (фр.).

Из паров консульской ванны, как из облаков, окутавших гору Синай в Ветхом Завете, исходил Закон.

В это время на верных сторонников изливались награды и повышения; Бертье был назначен 11 ноября военным министром; Моро принял командование Рейнской армией. Лефевр получил должность заместителя Бонапарта и вдобавок место сенатора. Мюрату была вверена вся консульская гвардия, а также отдана рука Каролины Бонапарт. Талейран снова стал министром иностранных дел, а Фуше — главой полиции. Затем Макдональд стал командующим резервной армией, а Массена, впрочем против его желания, сменил свое место в Швейцарии на командование армией в Италии. Генерал Сен-Сир был первым, кто был награжден почетным оружием за свои заслуги в укреплении итальянского фронта. Это было началом наполеоновской системы наградений, которая со временем сильно расширилась. Двадцать пятого декабря временное консульство формально закончилось, была подтверждена Конституция VIII года, и Бонапарт, теперь законно признанный первым консулом, очевидно, твердо сидел в седле. Но он знал, что еще некоторое время ему придется быть осмотрительным в своих действиях, потому что еще не вся оппозиция исчезла. В особенности тревожило то, что немалая часть армии пребывала в позициях выжидания.

Тем не менее результаты переворота 18 брюмера были надежно закреплены, и Франция наконец получила прочное правительство, которого ей так не хватало. Теперь перед Бонапартом — больше в силу случая, чем из-за обдуманной цели — маячила верховная власть, потому что его великолепное умение использовать обстоятельства подняло его гораздо выше, чем он сам рассчитывал. Отныне Франция благодаря сильной армии была освобождена от угрозы воинствующего якобинства. Все революционные клубы были закрыты, и многие из их наиболее активных членов сосланы. В то же самое время новый хозяин решительно удалил армию с политической сцены, и лишь через четырнадцать с лишним лет (в апреле 1814 года) генералы снова продиктовали следующее изменение конституции в замке Фонтенбло. Главной задачей, стоявшей перед первым консулом на первом году нового века, было достижение всеобщего мира, который укрепил бы его владычество над благодарным народом и дал ему время сосредоточиться на гражданских реформах. На его пути к Фонтенбло лежали великие победы и сокрушительные поражения, но в декабре 1799 года будущее казалось достаточно надежным, и тридцатилетний первый консул мог с разумной уверенностью смотреть в казавшееся безопасным будущее.

Глава 25

ПЛАНЫ КАМПАНИИ

В течение всей зимы 1799 — 1800 годов французские дипломаты усиленно делали попытки добиться разумного соглашения с Австрией и Великобританией. Стремление первого консула к миру при такой конъюнктуре было безусловно искренним, ибо, несмотря на близкий выход России из активных действий и подтвержденное невмешательство Пруссии, усталость Франции от войн доходила до полного изнеможения, а состояние армии явно оставляло желать лучшего. Длительный мятеж в Вандее требовал принятия немедленных мер, и самому Бонапарту был нужен период спокойствия, чтобы выполнить свои обещания мира народу, восстановить экономическую стабильность во Франции и укрепить свою власть. Однако из мирных переговоров ничего не вышло; с одной стороны, правительство Питта сомневалось, что гарантии, которые было готово предоставить французское правительство, в самом деле смогут обеспечить настоящий мир, пока

Бельгия и Голландия остаются в руках французов. С другой стороны, австрийцы, снова завоевавшие почти всю Италию к 1799 году, абсолютно не желали вернуться к территориальному переустройству в соответствии с договором Кампо-Формио. Вполне понятно, что Бонапарт предавал широкой гласности все эти попытки добиться мира, и, по мере того как они терпели неудачу, он умело воспользовался обструкционистской политикой Питта и Тугута для консолидации усилий всего народа Франции, чтобы сделать последнее, решающее усилие. «Цель Республики в ведении войны — это завоевание мира», — писал он, обращаясь к Моро(8), и в прокламации, датированной 8 марта, та же тема вновь повторялась для сведения народа: «Французы, вы желаете мира — и ваше правительство желает его же с еще большим стремлением; но для достижения мира нам нужны деньги, сталь и люди»(9). Бонапарт многим обязан союзным государственным мужам, по крайней мере косвенно. Растущее нетерпение при явной несговорчивости Австрии и Великобритании вылилось в общенародное чувство, и к апрелю французы проявляли массовый энтузиазм, в надежде на твердую поддержку власти Бонапарта.

Под прикрытием мирных переговоров Бонапарт предпринял шаги к улучшению боеспособности вооруженных сил. Ряд долгожданных декретов сильно улучшил обстановку в войсках на фронте. Генерал Сульз, служивший в Швейцарии, писал другу через некоторое время: «Счастливые действия этой перемены (18 брюмера) и внимание первого консула почувствовались очень быстро. Вскоре в армию стало поступать довольствие, начали выплачивать давно задержанное жалованье и людской состав был пополнен новобранцами специального призыва»(10). Нужно было наверстать очень много упущенного, прежде чем думать о возобновлении военных действий(11).

В январе 1800 года численность армии официально составляла 380 000 человек, но из них только 285 000 были годны для службы в пяти главных полевых армиях. Реальное состояние этих сил было очень разным в различных регионах. Вероятно, наихудшим оно было в Итальянской армии, где насчитывалось 6000 лошадей некомплекта и была огромная нехватка патронов.

Приложив все силы для исправления худших материальных недостатков, Бонапарт провел ряд организационных преобразований. Рейнская и Дунайская армии были слиты в одну, численность их доведена до 120 000 человек для грядущей кампании. Войска под командой Массены в Италии (их иногда называли Лигурийской армией) насчитывали 40 000. Остатки Английской армии Эдувиля были распределены между другими армиями, а Брюн был назначен командовать внутренними войсками. После этого общего упрощения армейской системы Бонапарт приступил к созданию резервной армии, размещенной в срединном положении. Его идея создания такой силы была впервые высказана 5 декабря 1799 года, но в течение еще двух месяцев для этого не хватало солдат. Однако быстрое и успешное завершение вандейской эпопеи генералом Брюном, увенчанное удачно выбранной по времени амнистией, высвободило достаточное количество солдат для образования ядра этой будущей армии. Официальные декреты от 7 января, повторенные 3 марта, предписали создание резервной армии в окрестностях Дижона, состоявшей вначале из 30 000 и затем из 60 000 человек. Четырнадцатого февраля генерал Шабран был назначен командовать первой дивизией из 14 батальонов, сформированных из солдат учебно-запасных подразделений Восточной армии. Через месяц первый консул инспектировал три полубригады и 12 пушек дивизии генерала Шамбарлака перед отправлением их маршем на Дижон. Затем были собраны следующие части, и к середине апреля в назначенном районе сбора было сосредоточено около 53 000 солдат. Было общеизвестно, что эти силы предназначены для подкрепления армий в Италии, и тот факт, что половина этих частей состояла из старых резервистов и желторотых юнцов, создал у австрийской

разведки презрительное отношение к этой новой армии. Истинный смысл ее среднего местоположения, позволяющего ей вступать в боевые действия и в Германии, и в Северной Италии — везде, где потребуется, — как-то ускользнул от внимания знатоков венского гофкригсрата, пока переход армии через Альпы не стал свершившимся фактом.

Проходили недели, и приготовления французов к кампании продолжались. В Дижоне было собрано 100 000 пар сапог и 40 000 мундиров, в Люцерне и Цюрихе запасено 2 миллиона пайков сухарей. Второго апреля генерал Бертье был официально назначен командующим резервной армией, и он с сожалением распрощался со служебным комфортом военного министерства (его снова принял ветеран Карно, недавно вернувшийся из добровольной ссылки в Германию) и возвратился к тяготам полевой службы. Происходили и другие важные административные перестановки и изменения. Всем главным действующим войскам было приказано принять систему армейских корпусов. Собственно, это нельзя считать нововведением, потому что некоторые революционные генералы уже пробовали внедрять эту систему, но это был первый случай ее повсеместного применения. Каждый французский корпус содержал элементы всех родов войск и был способен вести самостоятельное сражение с численно превосходящими силами противника в течение определенного времени. Каждый корпусной и дивизионный командир имел свой штаб, включающий — во всяком случае, в более крупных частях — представителя генерального штаба, выполняющего роль связующего. Была проведена еще одна реформа, лично предложенная Бонапартом, — впервые постановили, чтобы погонщики в артиллерии были военнослужащими, а не вольнонаемными. Все эти мелкие и крупные изменения в совокупности привели к повышению боеготовности и усилению боевой мощи армии.

Растущая централизация высшей власти в лице первого консула уже давала свои ощутимые плоды в организационном отношении; она также имела огромное значение для стратегического планирования общего ведения войны. Впервые Бонапарт имел возможность полностью выразить свой стратегический дар. Он мог предписывать «тип войны, которую должна вести каждая армия... определял роль каждой части», тем самым обеспечивая наиболее рациональное использование ресурсов, находившихся в распоряжении государства. Правда, в последующие месяцы реальность его власти все-таки была несколько меньше ее внешних атрибутов, но, несмотря на это, Бонапарт отныне стал *Generalissimo* и мог наиболее выигрышно и эффективно координировать военные усилия Франции.

С момента триумфа Массены при втором Цюрихе военная инициатива перешла в руки французов. Задолго до окончательного крушения мирных переговоров Бонапарт разрабатывал альтернативные планы, ставившие целью военное поражение Австрии и возврат всех французских завоеваний в Италии, утраченных в 1799 году. Он намеревался при необходимости добиваться быстрой, решающей победы посредством стратегического наступления; он был твердо настроен избежать повторения длинного ряда операций, подобных тем, что он предпринял в Италии четырьмя годами ранее. В 1800 году германский и итальянский фронты должны будут иметь более тесную координацию, чем ранее, и будет максимально использована бесценная центральная позиция, которую создавала Швейцария. Победа должна быть выиграна в результате широких концентрических движений, рассчитанных на нанесение удара по тылу, вынуждающего противника либо принять сражение, либо капитулировать.

Против французских армий стояли две большие австрийские; было известно, что генерал Край с более чем 100 000 солдат находится в Шварцвальде и на верхнем Дунае, а генерал Мелас, вероятно, командует несколько меньшими силами в Северной Италии. Уничтожение этих армий и взятие Вены были конечными целями французов. Первый план кампании 1800 года был сформулирован в декаб-

ре 1799 года. В нем Бонапарт намечал, что Германия станет главным театром войны. Это было логичным решением, так как в Германии стояла самая большая армия противника и она являлась кратчайшим путем подхода к Вене, после того как будут устранены препятствия на Дунае и в Шварцвальде. «Обладание Швейцарией давало нам возможность зайти в тыл операционных направлений противника в Италии и в Швабии. Моей первой идеей было оставить армию Массены в обороне на Апеннинском полуострове, а резервную и Рейнскую армии направить в долину Дуная. Конституция VIII года не позволяла консулу лично командовать армией; поэтому моим намерением было передать командование резервной армией заместителю и оставить главную армию под командованием Моро; но, следуя за штабом последнего, я мог бы направлять действия обоих. Я желал, чтобы Моро переправился у Шафхаузена, нанес удар по генералу Краю с тыла и оттеснил его в угол между Рейном и Майном, отрезав от Вены; другими словами, чтобы он выполнил против левого фланга австрийского генерала ту же операцию, которую пять лет спустя я провел против правого фланга Мака у Донауверта; после этого мы могли бы беспрепятственно двигаться по Австрии, чтоб в Вене возвратить себе Италию»(12).

Некоторые военные историки оспаривают подлинность последующих объяснений бароном Жомини первоначальных намерений Наполеона. Они утверждают, что с самого начала Италия была предназначена для резервной армии. Одна выдержка из «Переписки» в особенности кажется подтверждением этого взгляда. Резервной армии предстояло «направиться на помощь Германской армии, если будет такая необходимость, затем позднее выйти через Швейцарию на По, чтобы нанести удар по тылу австрийской армии»(13). При первом чтении действительно может показаться, что первенство по значению отдается итальянскому фронту, но более вероятным можно считать, что такая формулировка этой фразы рассчитана на тактический намек: резервная армия не должна без приказа вмешиваться в проводимые Моро главные операции, за исключением случаев непредвиденных тяжелых осложнений.

Генералу Моро препроводили массу инструкций, детально регулирующих выполнение этого плана. Основная армия из 120 000 человек должна была состоять из четырех армейских корпусов: двух — по 20 000 солдат (I и III корпуса) и двух — по 30 000 (II и IV). Начальные операции должны были задержать растянутые силы Края ложным наступлением на Шварцвальд силами одного корпуса. Одновременно остальная часть армии должна была обрушиться на австрийский тыл через Шафхаузен и захватить его склады в Штокахе, Энгене, Мёскирхе и Биберахе. При успехе этих начальных операций Моро должен был выделить IV корпус под командованием генерала Лёкурба, чтобы удержать Швейцарию, соединить германский и итальянский фронты и в любых последующих операциях действовать совместно с резервной армией. Тем временем Массена должен был удерживать внимание Меласа в области Генуи. По своему замыслу это, безусловно, наполеоновский план. «Сооружение четырех мостов одновременно в такой высокой точке [на Рейне], как Шафхаузен, даст возможность всей французской армии переправиться за 24 часа; после прибытия в Штоках французы обойдут левый фланг неприятеля, и их армия сможет атаковать с тыла все австрийские войска, стоящие по правому берегу Рейна среди дефиле Шварцвальда; в течение 6—7 дней после открытия кампании армия будет перед Ульмом. Уцелевшие австрийцы будут отброшены назад в Богемию»(14). После этого французы могли бы захватить перевалы через Тирольские и Карнийские Альпы и этим перерезать линии коммуникаций Меласа; при необходимости резервная армия затем могла бы продвигаться в Италию, завершая полную победу на обоих фронтах, и австрийскому правительству пришлось бы признать свое поражение и принять мир, продиктованный первым консулом, — другого выхода не было.

Однако события сложились так, что этот блестящий план оказался мертворожденным. Ответственность за это почти целиком ложится на генерала Моро. Несмотря на все свои способности и хладнокровие, он был слишком осторожен по темпераменту и выучке, чтобы провести такую мощную и, по его мнению, опасную серию операций. Безусловно, часть его возражений продиктована и чувством личного соперничества. Он был старше, и ему совсем не улыбалось подчиняться приказам молодого корсиканского ловкача. «Было невозможно преодолеть упрямство Моро, желавшего играть какую-нибудь блестящую роль от своего имени. Вначале он отказался быть моим заместителем, если бы я прибыл в его армию, затем он стал возражать против моих планов, утверждая, что переправа у Шафхаузена опасна». Моро считал, что маневрировать и прокормить армию на столь ограниченном пространстве невозможно, и, нарушив план Бонапарта, нанеся этот удар по ключевой идее его стратегии, спокойно предложил, чтобы тот «следовал принципам прежних кампаний» и переправился бы через Рейн в четырех удаленных друг от друга пунктах. Этим предложением он хотел перечеркнуть концепцию первого консула — мощного удара по рейнскому выступу, — заменив ее на стратегию широкого фронта с некоторым усилением правого фланга (все-таки два корпуса должны были переправляться у Шафхаузена).

Удивительно, что Бонапарт как бы сквозь пальцы посмотрел на такое неповиновение Моро; во всяком случае, тон писем консула оставался вполне дружественным. Шестнадцатого марта Бонапарт елейно обращался к нему в письме: «Я с радостью обменяю свой консульский пурпур на эполеты бригадира под вашей командой».

Согласно Жомини, в последующие годы Наполеон более не скрывал своих мотивов и объяснял, почему он не снял Моро с его поста: «Мое положение тогда было еще недостаточно прочным, чтобы идти на открытый разрыв с человеком, имевшим многочисленных сторонников в армии и которому только не хватало энергии, чтобы попытаться занять мое место. С ним было необходимо обходиться как с самостоятельной силой, какую он, собственно, и представлял в то время» (15). Однако в разговоре с генералом Дезолем — начальником штаба упорствующего Моро — Наполеон дал волю подавленному негодованию, сказав: «Я выполню этот план, который он не может понять, в другом месте театра войны. То, что он не осмеливается сделать на Рейне, я сделаю там, за Альпами» (16).

Бонапарт в какой-то мере был отпущен в 1803 году. В течение двух недель он детально разработал второй план, согласно которому главным театром военных действий должна была стать Италия, а генералу Моро отводилась второстепенная роль. Во многих отношениях этот альтернативный план менее удачен, и он был совершенно не типичен для обычного наполеоновского «прямого» метода, но и он иллюстрирует гибкость гения Бонапарта. По новому плану (от 25 марта) все бремя завоевания победы больше не возлагалось на Рейнскую армию — «наилучшую армию, какую Франция не видела долгое время». Моро было поручено начать второстепенное наступление между 10-м и 20 апреля с целью оттеснить генерала Края обратно к Ульму, чтобы прикрыть коммуникации резервной армии, идущие через швейцарские перевалы. Во время этих предварительных операций резервная армия будет вначале прикрывать перемещения Моро тремя дивизиями, прибывшими из Дижона в Женеву и размещенными на расстоянии равного удара и от Шафхаузена, и от Сен-Готардского перевала. Остальные 30 000 солдат этой армии двинутся к Цюриху в последних числах апреля. Когда Моро оттеснит Края на расстояние десятидневного перехода и перережет австрийские коммуникации, идущие к Милану через Гризон [Граубюнден] и озеру Констанца [Боденское озеро], половина резервной армии направится в Италию, используя Сен-Готард или Симплон, и оставит Швейцарию на остальную часть своей армии. Более опытные войска генерала Лекурба, выделенные из Рейнской армии, будут двигаться быстрым маршем для

соединения с Бонапартом в долине По. Расстояние от Цюриха до Бергамо составляет 192 мили, что при благоприятном стечении обстоятельств означает двенадцатидневный марш. Когда Лекурб преодолет это расстояние, французы смогут обрушиться значительными силами на коммуникации Меласа и зажать его меж двух огней: Массена перед ним и резервная армия — в его тылу.

Однако маловероятно, чтобы разгром Меласа был бы достаточен сам по себе для завершения войны; ему мешали, как и в 1797 году, те же географические причины: долина По слишком удалена от Вены, и Альпы служат защитной преградой. Так же маловероятно, чтобы Моро добился бы решительного разгрома Края на Дунае, и в результате этого война почти безусловно должна была бы затянуться. Другими недостатками плана было то, что новая кампания основывалась на использовании двух операционных направлений, тогда как первая схема требовала только одной оси; отрицательно сказалось на результате кампании то, что австрийская армия, выбранная для разгрома, не являлась главной силой противника; и, наконец, что успех плана сильно зависел от полного взаимодействия с Моро, который должен был выделить войско Лекурба в критический момент. Тем не менее новый план был реалистичен, смело задуман и обещал успех, даже если в нем не хватало блеска и молниеносности оригинального замысла Бонапарта. Даже Моро нехотя согласился с этим планом. Бонапарт, видя войну в целом, был намерен прорвать австрийский центр через Швейцарию, используя «центральное положение» резерва для того, чтобы разгромить одну из двух главных армий австрийцев. Это был тактический план Кастильоне, заново используемый на стратегическом уровне.

Глава 26

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Война никогда не бывает застрахована от неожиданностей. Кампания 1800 года не была исключением. К изумлению французского генерального штаба и ужасу Бонапарта, австрийцы захватили инициативу, начав непредвиденное генеральное наступление против Массены в Северной Италии, прежде чем французские армии закончили свои приготовления. То же самое случилось и в 1796 году, но на этот раз французы были захвачены врасплох в еще большей степени. Венский военный совет, как и Бонапарт, тоже решил избрать Италию своим главным театром войны, отведя Германии второстепенную роль. Для этой цели армию генерала Меласа спешно довели до 97 000 человек, и к началу мая в его распоряжении было 14 000 кавалерийских сабель и 86 000 пехотинцев, причем ожидалось еще пополнение в виде 20 000 человек от короля Неаполя и 10 000 английских солдат с острова Минорка. Австрийский военный совет, игнорируя наличие французской резервной армии в Дижоне, дал указания Меласу вытеснить Массену с Апеннин, занять Геную, перейти реку Вар и, наконец, подвергнуть Тулон осаде с помощью британского военного флота. Недооценив значение резервной армии, австрийские стратеги не приняли во внимание необходимость нейтрализовать Швейцарию и сделали еще одну ошибку, выбрав столь удаленную от Парижа цель наступления. Край должен был начать операции со своими 120 000 солдат на Рейне только после его соратника Меласа. Несомненно, австрийский план был продиктован желанием Вены захватить последние французские форпосты в Италии и стремлением Лондона стереть из памяти унижительный отход от Тулона в 1793 году. Англичане захватили крупнейший военно-морской арсенал Франции. Но кроме того, это был тот единственный театр войны, на котором могло реализоваться сотрудничество союзников и где была возможность проявиться превосходству британского флота и утвердиться его влиянию на сухопутные операции.

Начало наступательных действий Меласа увенчалось значительным успехом. Пятого апреля австрийцы неожиданно напали на край левого фланга французов и оттеснили несколько их отрядов от района горы Ченис. Хотя Итальянская армия все-таки отбила часть занятой территории, главная атака генерала Меласа 6 апреля, совершенная тремя колоннами в направлении Савоны, снова застала французов врасплох и показала ужасающую невыгодность их диспозиции. Массена разделил свою армию на две основные части. Три дивизии правого фланга (под командой Сульта) были выдвинуты длинной кордонной цепью от Кадибоны до Торрильи; сам Массена со своим штабом и скудным армейским резервом стоял в Генуе. 12 000 человек на левом фланге под командованием Сюше держали оборону линией от Финале до горы Ченис. Таким образом, 36 000 человек пытались удержать рубеж длиной более 5 лиг¹, включая 70 миль лигурийского побережья, занятого на суше австрийцами, а с моря — боевой эскадрой адмирала Кейта. После исключения гарнизонов Генуи, Гави и Нови у Массены оставалось немногим более 15 000 человек для активных действий в качестве полевой армии. Стоявшая перед ним задача была поистине устрашающая; снаряжение и моральный дух его армии оставляли желать лучшего, а ее чрезмерная растянутость объяснялась не только необходимостью находить солдатам пропитание, но и стратегическим требованием привлечь к себе все внимание Меласа. Массена был бесстыдно обманут интендантами и торговцами Марселя, когда принимал командование армией. Не хватало всего, и продовольственные склады в Генуе были почти пусты, когда совершенно внезапно началось наступление австрийцев. За очень короткое время генерал Мелас достиг своей первой цели, отрезав Сюше от Массены и Сульта. После захвата Савоны австрийцами Массена с боями отступил в Геную со своими 18 000 солдат, а Сюше одновременно был оттеснен к реке Вар, а оттуда к Ройе. К третьей неделе апреля генерал Отт замкнул плотное кольцо осады вокруг Генуи своими 24 000 солдат, а британский флот блокировал город с моря. Генерал Эльсниц готовил переправу через реку Вар. Многое зависело от того, сколько времени сможет продержаться Массена; его господство над Генуей было единственным серьезным препятствием на пути планируемого вторжения генерала Меласа во Францию. Преждевременный развал этого очага французского сопротивления разрушил бы все планы Бонапарта для резервной армии. Снова, как и в 1799 году после первого Цюриха, Массена был оставлен «затыкать брешь в борту государственного корабля», и началась историческая осада.

Ничего не зная о том, какой поворот приняли события в Италии, 9 апреля Бонапарт послал подробные указания Массене, ясно говорящие о его тогдашних намерениях. «Рейнская армия первая начнет операции между 11-м и 12 апреля. Она будет разделена на две части... одна под командованием Моро... вторая, образующая правый фланг Рейнской армии, под командованием генерала Лекурба. Его начальной задачей является занятие Швейцарии для обеспечения безопасности правого фланга корпуса, вторгающегося в Швабию... [и после этого] Лекурб со своими солдатами перейдет под командование Бертье, и они пройдут в Италию через Симплон или Сен-Готард, а остальная часть займет Швейцарию... Как раз в тот момент, когда Бертье войдет в Италию, гражданин генерал, ваши передвижения должны будут согласовываться с нашими — ваша задача будет состоять в отвлечении противника на себя — и вынуждать его разделить свои силы... Вы должны преувеличить количество своих солдат, объявив об ожидаемом якобы подходе больших подкреплений внутренних войск, и такими же методами отвлекать противника от истинных целей атак» (17). Массене пришлось выполнить все эти предписания, несмотря на неблагоприятные обстоятельства.

С присущей ему методичностью Бонапарт еще в декабре 1799 года приказал провести полную рекогносцировку главных альпийских перевалов. Он мог выби-

¹ Сухопутная лига — 4,83 км.

рать между тремя из них. Первый путь, идущий от Дижона через Женеvu и Большой Сен-Бернарский перевал, был кратчайшим, но был слишком узок и в каких-то своих частях непроходим для пушек. Второй путь вел через Симплонский перевал, выводя почти непосредственно к Милану и обходя западные речные рубежи, прикрывающие левый берег По. Вероятно, наилучшим был третий путь, потому что Сен-Готард — самый восточный из трех возможных перевалов — был достаточно широк, чтобы пропустить всю армию и ее линии коммуникаций. В начале апреля первый консул предполагал использовать оба перевала — и Симплон и Сен-Готард — для перехода через Альпы. После прибытия армии в долину реки По Бонапарт намеревался направить резервную армию быстрыми маршами, чтобы занять Страделлу — позицию на главной дороге от Пьяченцы к Александрии. Преимущества Страделлы очевидны: в этом пункте расстояние от реки По до Апеннин составляет всего 12 миль, а деревня, находящаяся на единственной проходимой дороге, состоит из каменных домов. Поэтому Страделла казалась идеальной позицией, стоящей на пересечении с австрийскими линиями коммуникаций, где небольшая французская армия с ее недостаточным количеством коней в кавалерии и пушек могла бы дать бой.

«Если бы враг захотел снова открыть свои линии коммуникаций, они должны были бы идти только через Страделлу... эта позиция казалась специально созданной для нашей французской армии; кавалерия противника ничего не могла бы сделать против нее, а их большой перевес в артиллерии здесь сказался бы меньше, чем в любом другом месте»(18). Бонапарт рассчитал, что Мелас выведет 120 000 человек, но ожидал, что Массена сможет сдержать не менее одной трети от этого количества, так что против 50-тысячного соединения Бертье и 25-тысячного — Лекурба выступят примерно одинаковые по численности части противника. Он предвидел, что боевой дух австрийцев будет серьезно подорван внезапным появлением противника у них в тылу и что в его последующем хаотическом отходе резервная армия сможет вступить в сражение и разгромить по очереди каждый корпус неприятеля. Французы вполне могли продвинуться вперед даже за пределы границы Страделлы, чтобы дать бой.

Бурьен приводит этот знаменитый эпизод, когда его генерал, лежа в полный рост на картах, разостланных на полу, воткнул будавку в деревню Сан-Джульяно в трех милях к востоку от Маренго, воскликнув: «Я дам бой ему здесь, на равнине Скривии». Такая проницательность и точность, достойные современного компьютера, тогда не были замечены, но секретарь вспомнил об этом три месяца спустя.

Если первому консулу все было кристально ясно, такой ясности отнюдь не было у его соратников. Моро находил одну отговорку за другой, оправдывая свою бездеятельность еще в течение нескольких дней после поставленного конечного срока 20 апреля. Бонапарта крайне тревожила эта продолжавшаяся задержка, которая могла бы сорвать открытие Сен-Готардского перевала и передачу войск Лекурба под командование Бертье. Сам Бертье также был полон сомнений и тревог. Этот изумительный начальник штаба уже начинал проявлять свои недостатки на посту главнокомандующего (даже и номинального). Шестнадцатого апреля первый консул даже счел необходимым приписать к своему повседневному распоряжению обращенные к Бертье ободряющие слова: «Не унывайте!» («Soyez gai!») «Туман войны», присущий всякой передаче военной информации, еще сильнее угнетал Бертье и сбивал его с толку, как показывает один случай. На фоне нерадостных вестей из Италии 24 апреля Бонапарт потребовал, чтобы военный министр Карно передал Бертье три инструкции: он должен был направить свою армию в Женеvu, переправить военные запасы через озеро в Вильнёв на судах и, наконец, должен был сохранять полную готовность к движению на Пьемонт и Ломбардию по маршруту, который ему сообщат позднее. Бертье получил эти инструкции в следующей форме: первые два указания отсутствовали, не было никаких упоминаний о действи-

тельной цели, но зато добавлен новый пункт, в котором говорилось о необходимости поддерживать Моро. Вполне понятно, что Бонапарт пришел в ярость, накричав на министра, когда Бертье ответил ему, что он направил основную часть своей армии в Центральную Швейцарию, готовясь оказать прикрытие наступлению Рейнской армии. С этого момента все важные сообщения стали отсылаться непосредственно получателю, а не через «официальные каналы».

Понимая со своей обычной проницательностью, что Моро способен подвести его, не выделив корпуса Лекурба, и отдавая себе ясный отчет, что ухудшающаяся ситуация в Италии больше не терпит отлагательства, Бонапарт 26 апреля увеличил армии Бертье до 60 000 человек номинально. В тот же день он написал своему подчиненному: «Я желаю, чтобы вы воспользовались для перехода Большим Сен-Бернарским перевалом». Чтобы облегчить скопление войск на перевале и повысить его безопасность, первый консул организовал три вспомогательные колонны, которые должны были переходить Альпы в разных местах. Генерал Тюрро с 2500 солдатами должен был идти мимо горы Ченис по направлению к Модане; Шабран со своей дивизией в 6500 солдат должен был пройти через Малый Сен-Бернар и соединиться с главной колонной в Аосте; Бетанкуру была предназначена отвлекающая роль — его шумный демонстрационный переход через Симплон осуществлялся силами одной полубригады. Надеялись, что в свое время через Сен-Готард двинется помощь от Рейнской армии, используя таким образом пятый пункт перехода через Альпы. Бертье получил приказ ускорить свои приготовления, потому что считалось, что запаса продовольствия для гарнизона Генуи хватит только на 30 дней.

Бонапарт принимал эти меры в надежде «выиграть драгоценное время и одновременно дезориентировать австрийскую разведку, но при этом шел на неизбежный риск. Используя столько мест перехода, он несомненно надеялся, что, по крайней мере, найдет хоть один незащищенный перевал и в то же время сможет достаточное время скрывать направление главного удара. Тем не менее то, что он рассчитывал сосредоточить разные колонны своей армии уже на другой стороне Альп, на территории противника, было безусловно опасно. Если бы Мелас реагировал быстро и мудро, австрийцы вполне могли бы заблокировать все трудные выходы с перевалов небольшими сдерживающими силами и, маневрируя основной массой войск, уничтожить каждую отдельную французскую колонну по очереди, по мере того как они по отдельности выходят из альпийских проходов. К тому же в это время года было еще рано вести войска через главные перевалы — на крутых спусках, в узких ущельях и на ледниках было еще много снега и льда. Хотя предполагаемый переход не был уникальным — со времен Ганнибала много разных армий проходило через эти горы, — еще ни одна современная армия не отваживалась преодолевать высочайшие альпийские перевалы с полным набором артиллерии, зарядных ящиков и кузниц в начале лета. Главный инженер армии генерал Мареско в докладе, датированном 8 мая, описывал ожидавшиеся ужасные опасности: «Необходимо принимать предосторожности против лавин, которые могут за секунду похоронить целые батальоны». После объяснения преимуществ передвижений «при лунном свете или утром, до того как на солнце подтаит поверхность снегов», он рекомендует стрелять из пушек, чтобы обрушить угрожающие снежные лавины, и также напоминает о необходимости запастись уксусом, чтобы бороться с расстройством пищеварительной системы, которое вызовет потребление талой воды для питья(19). Нечего удивляться, что в резервной армии ввиду предстоящего столь губительного испытания пессимистов хватало.

Однако были некоторые обстоятельства, работавшие в пользу резервной армии. Генуя продолжала держаться, хотя и жила на половинных рационах, и ее осада отвлекала внимание Меласа от Альп, чему также помогала его уверенность,

что французы непременно двинутся на защиту Прованса, которому угрожало вторжение австрийцев. Что еще важнее, после многих понуканий со стороны Бонапарта и Карно генерал Моро 26 апреля наконец предпринял активные операции со значительным успехом. Первого мая Лекурб благополучно провел переправу у Шафхаузена, и через два дня Рейнская армия разбила австрийцев под Штокахом, взяв в плен 3000 солдат и захватив 9 пушек. Энген, Мескирх и Биберах стали аренами дальнейших успехов, и через две недели генерал Край начал отход к Ульму, чтобы быть подальше от этих опасных областей Швейцарии. Достигнув таким образом всех своих начальных целей, Моро ослабил свое давление и начал проявлять еще большее нежелание выделить корпус Лекурба для его особой миссии.

Тем временем Бонапарт продолжал уговаривать сомневающегося Бертье. «Тридцать тысяч солдат и тридцать пушек сделают вас временным повелителем Италии», — писал он ему успокаивающе 2 мая. Через три дня темп событий значительно ускорился после получения в Париже двух очень разных новостей. Хорошая весть говорила об успехе Моро над Штокахом, а плохая была еще более важна: Массене удалось тайно переправить сообщение, где он определяет максимальную длительность своего сопротивления не более чем в 15 дней. Нельзя было терять времени. «Я выезжаю в полночь», — писал Бонапарт Бертье. В тот же день Карно было приказано передать генералу Моро распоряжение, в котором Бонапарт лично требовал немедленно выделить отряд Лекурба. В Геную послано два сообщения. В первом говорилось: «Резервная армия выступила на помощь. Прошу продержаться до 20 мая». Во втором, тайно переданном через Сюше, содержался приказ генералу Массене устно сказать, чтобы он продолжал сопротивление до 4 июня. Бонапарт рассчитал, что для разгрома Меласа ему понадобится целый месяц.

Выехав из Парижа в полночь с 5-го на 6 мая, кортеж первого консула доехал до Женевы к ночи 8 мая. Затем последовало трехдневное ожидание, пока подтянется вся артиллерия и последние части разместятся в своих лагерях на северном берегу Женевского озера. В это время инспектировались войска и произносились речи, рассчитанные на то, чтобы сбить с толку австрийских шпионов относительно предназначения резервной армии. Одновременно из ставки шел поток приказов. Секретная инструкция от 10 мая детально излагала порядок маршей к перевалам; Ланн был поставлен во главе авангарда, включавшего дивизии Ватрена и Майнони и кавалерийскую бригаду Риво. Этот почти 8-тысячный отряд должен был достичь подножия Большого Сен-Бернарского перевала к 14-му и к 16-му любой ценой занять Аосту, находящуюся на противоположной стороне. Основная масса войск была организована в два временных армейских корпуса; генерал Дюэм должен был взять под свое начало войска Луазона и Буде, а Виктор принял дивизии Шабрана и Шамбарлака. Дивизия Моннье, бригада Лекки, консульская гвардия и обозы составляли арьергард колонны. Мюрат был назначен командиром кавалерии, а вся артиллерия (48 пушек), сопровождавшая экспедицию, была поручена Мармону. Главной целью Бонапарта было достичь Ивреа с большой массой армии к 18-му, «если форт Бард не задержит нас», как пророчески сказал генерал Дюпон, начальник штаба у Бертье, в письме к исполняющему обязанности военного министра, датированном 10 мая.

Через четыре дня, накануне операции, Карно прибыл в ставку с докладом о результатах своей миссии к Моро. Новости, сообщенные им на следующее утро, не были неожиданностью для Бонапарта, хотя значение их могло быть убийственным. «Я намереваюсь собрать в Швейцарии, — беззаботно писал Моро, — двадцать батальонов и столько же эскадронов как можно скорее вместе с пушками, о которых просил министр. Эти силы будут под командой генерала Монсе»(21). Из подробного приложения выяснилось, что вместо того, чтобы передать прекрасно обученный ветеранский корпус Лекурба, Моро собрал все отбросы своей армии,

желая отделаться от них, в количестве 18 714 пехотинцев и 2803 кавалеристов. Эти цифры были обозначены на бумаге, в действительности же оказалось лишь 11 000 солдат. Мудрое решение Бонапарта увеличить численность войска Бертье полностью оправдалось, Моро показал себя в истинном свете, но, по крайней мере, хоть какое-то подкрепление отправилось в путь.

Однако 13 мая первый консул получил прекрасную новость — пришло письмо от его старого товарища Дезе, только что вырвавшегося из Египта, находившегося в блокаде у англичан. Бонапарт нашел время нацарапать ему приветственную записку: «Приезжай как можно скорее ко мне, где бы я ни был. Когда ты будешь читать это письмо, я надеюсь быть уже в Ивреа(22).

Бонапарт отправил еще одно письмо, чтобы подбодрить Массену: «Вся армия уже на марше. Адьютант, которого я послал Вам, должен устно сообщить о положении у нас. Вы в трудной ситуации, но меня успокаивает то, что Вы в Генуе; это как раз тот случай, когда один человек стоит 20 000»(23).

Массивная операция перевода 50-тысячной резервной армии через Альпы началась ранним утром 15 мая. Расстояние от Мартиньи до Аосты — двадцать пять миль. При подготовке этого перехода каждый солдат получил запас продовольствия на девять дней и сорок патронов. Остальная часть армии за Ланном была разделена вплоть до Женевского озера на пять колонн, которые выходили в поход поочередно с интервалом в один день. Самый тяжелый отрезок дороги ожидался за древней Сен-Пьер, где, по данным рекогносцировки, дорога была непроходима для тяжелых колесных повозок. «Наибольшей трудностью была переправа пушек. Большой Сен-Бернарский перевал был покрыт глубоким снегом, и дороги шли под крутым уклоном. Командующий артиллерией генерал Мармон использовал два приёма. Первый состоял в том, что в корытообразно выдолбленные бревна укладывали восьмифунтовые пушки и мортиры. Впрягалось сто человек на каждую пушку, которую в течение двух дней перетаскивали волоком через Сен-Бернар. Второй способ состоял в использовании саней на катках, изготовленных бригадиром Гассенди в Оксонне. Лафеты разбирали на части и поочередно переносили, за исключением приборов, к восьмифунтовым пушкам, которые переносились целиком на носилках десятью солдатами. Повозки разгружались и пускались вперед пустыми, а грузы несли в ящиках на спинах людей и мулов...»(24)

С помощью всяких импровизированных изобретений подобного рода армия благополучно продвигалась вперед. Вскрабавшись по узкой обрывистой дороге к перевалу (высота 8120 футов над уровнем моря¹), усталые солдаты останавливались в знаменитой обители Святого Бернарда, где монахи неизменно подносили вино и хлеб с сыром каждому по мере прохождения колонны. Потом началось преодоление еще более предательского спуска вдоль реки Дора-Бальтеа с ее бешеным течением. В первых сообщениях, заставших Бонапарта в Лозанне, говорилось о том, что Ланн успешно продвигается. Авангард подошел к Аосте, согласно приказу, 16 мая и захватил местечко после ожесточенного, но краткого боя. Дождавшись, когда подошла дивизия Шабрана от Малого Сен-Бернарского перевала на следующий день, Ланн разбил полторатысячный отряд австрийцев в Шатильоне. Семнадцатого мая первый консул был в Мартиньи, где он провел еще три дня, прежде чем подняться к перевалу. К этому времени, 19-го, когда Ланн достиг форта Бард, у него начались первые осложнения. Форт стал грозным препятствием. Деревня стояла на единственной дороге, но главная неприступность этой позиции обуславливалась «маленькой крепостью, которая взгромоздилась на вершину крутой скалы в самом узком месте долины». К 21 мая австрийцы были вытеснены почти из всей деревни, но командир форта, некий Бернкопф, со своим гарнизоном в 400 гренадер полка Кинского и 26 разнокалиберными пушками легко отбивал все отчаян-

¹ 2468 м.

ные атаки Ланна. Ставка Бертье находилась в шести милях от Барда, и на какое-то время стало казаться, что эта безнадежная задержка загубит весь расчет времени и значение наступления. Если бы Мелас стал действовать с надлежащей быстротой, имея эти сведения, очевидно уже дошедшие до австрийского штаба, он вполне бы мог еще остановить вторжение французов. К счастью для Бонапарта, неприятель не сумел вовремя правильно оценить эту информацию.

Двадцатого мая первый консул стал подниматься к перевалу верхом на муле. Он ненадолго остановился в монастыре и отправился дальше в путь к ставке Бертье, которой он достиг вечером того же дня. Часть своего путешествия вниз он совершил необычным способом. Согласно официальному бюллетеню, «первый консул спустился от Сен-Бернарского перевала, скользя и катясь в облаке снега на крутых местах и замерзших горных потоках».

Взвесив ситуацию в целом, он был обоснованно встревожен продолжавшимся сопротивлением форта Бард. У Ланна хватило предприимчивости обойти крепость с частью своих войск и пробиваться дальше на Ивреа. В следующие дни еще несколько дивизий прошли этим же путем по тропинке для мулов, прижимающейся к самой горе Альбаредо. Однако такое путешествие было совершенно невозможно для пушек и кавалерии, несмотря на все усилия саперов Мареско улучшить дорогу. Пехота, которая должна была сосредоточиться вокруг Ивреа, не смогла бы обойтись без артиллерии, но единственным способом переправить пушки была дорога через Бард под носом у австрийцев, которую намеревались использовать в самые глухие часы ночи. Первые две попытки были замечены и кончились неудачей. Но ночью 24 мая удалось успешно совершить опасную перевозку двух четырехфунтовых пушек и одного зарядного ящика. «Артиллеристам удалось провезти свои орудия через город в полной темноте, чуть ли не под прицелом пушек форта; они устлали улицы соломой с навозом и обмотали колеса, чтобы не выдать себя ни малейшим звуком...»(25) На следующую ночь таким же способом провели еще две восьмифунтовые пушки и две гаубицы. Непосредственный кризис был преодолен. Эти шесть орудий явились тем, что превращало возможную неудачу в успех. Оставив дивизию Шабрана с остальными пушками, чтобы вынудить крепость к сдаче, основная часть армии поспешила к Ивреа, которую Ланн занял 22-го, вытеснив из города 3000 австрийцев. Храбрый гарнизон форта Бард продержался до начала июля, и «мы опираемся на авторитет Наполеона, утверждая, что, если проход артиллерии через Бард был бы задержан до падения крепости, все надежды на успех кампании рухнули бы»(26). С похожей ситуацией Бонапарт встречался в предыдущем году у Эль-Ариша на границах Сирии, но форт Бард не задержал его так долго и столь решающе, потому что его сопротивление предвиделось. К 24 мая большая часть 40-тысячной армии находилась в долине По; другие части были также неподалеку, и получено сообщение, что Монсе приближается к Сен-Готардскому перевалу. Рискованная игра была выиграна; вся резервная армия переправлена через Альпы и разумно сосредоточена на итальянской стороне, не встретив особого сопротивления противника. Массена в Генуе выполнил по крайней мере часть предназначенной ему роли, Мелас уже совершил колоссальную ошибку, и первый консул мог свободно обдумывать свой следующий ход.

«Мы упали с небес как молния, — писал Бонапарт своему брату Жозефу 24 мая. — Противник не ожидал нас и все еще, по-видимому, не может поверить в это»(27). Его уверенный тон был оправдан; 66-тысячные войска быстро сходились по разным направлениям в Северной Италии, более двух третей уже собрались, и с добавлением 18 000 солдат Массены в Генуе французы имели хотя бы номинальное равенство в силах с австрийцами, у которых начальная численность 100 000 постепенно уменьшалась до немногим более 86 000 в результате ожесточенных боев с Массеной и Сюше. Хотя у австрийцев было преимущество во внутренних линиях, большая часть войск Меласа все еще была растянута широкой дугой вокруг Тури-

на, тогда как французы должны были вскоре достичь максимального сосредоточения. Имея резервную армию в Ивреа, первый консул решил не выпускать из рук инициативу, несмотря на нехватку артиллерии. Он мог выбрать три хода действия: немедленно двигаться на недалеком находившийся Турин, или направить войска к Генуе, или же предпринять марш в широтном направлении на Милан. Был избран этот третий путь — как в перспективе самый выгодный. Занятие Милана будет неожиданным для неприятеля в той ситуации; оно развяжет руки Бонапарту для следующих операций и, кроме того, перережет линии коммуникаций, идущие по северному берегу реки По от реки Вар (Франция) до Брешии. Громадный город во многом обеспечит армию тем, в чем она так отчаянно нуждалась — «...армия отправилась добывать пушки из арсеналов неприятеля», а близость Милана к важнейшему стратегическому району Страделла, господствовавшему над главными коммуникациями Меласа, к Мантуе, вполне сможет вынудить Меласа отказаться от осады Генуи. Другими преимуществами было более раннее соединение с силами Монсе и Бетанкура и возможность использовать более безопасные линии коммуникации через Симплонский и Сен-Готардский перевалы. Политические мотивы также убедительно говорили в пользу занятия Милана; миланцы выражали шумное негодование австрийским господством, и освобождение этого района могло бы создать ядро для восстановления Цизальпинской республики. Два других варианта были также не лишены выгод, но они подвергали армию лишним опасностям. Немедленное наступление на Турин или Геную неизбежно привело бы к преждевременным боевым действиям против Меласа в условиях, благоприятных для австрийцев; с таким малым количеством пушек французы едва ли могли бы одержать решающую победу, а в случае неудачи их отход к Большому Сен-Бернарскому перевалу находился бы под угрозой из-за продолжавшегося сопротивления форта Бард в тылу у французов. Учитывая все эти обстоятельства, наступление на Милан оказывалось самым мудрым решением, хотя при этом Мелас получал несколько ценных лишних дней, когда он мог уже завершить сосредоточение своих сил.

В приготовлениях к наступлению было несколько изменено боевое расписание резервной армии. Дивизия Моннье была придана корпусу Виктора в качестве замены Шабрана, все еще осаждавшего Бард, у Ланна была взята часть его итальянского контингента, который под командованием генерала Лекки отосланы защищать левый фланг резервной армии у отрогов Альп, где этой части было приказано соединиться с Бетанкуром и Монсе. Ивреа был избран центром сосредоточения для последующего этапа наступления. Для прикрытия правого фланга Ланну было предписано двинуться на запад к Кивассо, как бы демонстрируя намерение наступать на Турин. Эти меры предосторожности сделали много для защиты армии в течение ее флангового марша от Ивреа к Милану, но они же, с другой стороны, вызвали значительное рассредоточение сил.

В последующие дни Ланн выполнял приказы со своим обычным энтузиазмом. Его солдаты покрыли себя славой 26 мая на берегах Кьюзеллы, продвигаясь к Кивассо. Майор Бросье описывает это в своем дневнике: «Войска авангарда вошли в Кивассо 28 мая, всеми силами создавая впечатление большей численности для противника, занимающего правый берег реки По, чтобы поддерживать в нем убеждение, что французская армия движется на Турин» (28). К этому времени Бонапарт начал выполнять свои главные маневры. Чувствуя уверенность в том, что Массена сможет продержаться до 4 июня, — а это давало армии десять дней, необходимых, чтобы покрыть 90 миль до Страделлы через Милан, — первый консул приказал армии двигаться на юго-восток. Кавалерия Мюрата в авангарде захватила Верчелли 27 мая и через два дня переправилась через реку Сезия в сопровождении корпуса Дюэма. Авангардные кавалерийские части проникли вплоть до Новары. Бонапарт оставался в Ивреа до ночи 29 мая. «Я в постели, — писал он своей жене, — через час я отправляюсь в Верчелли. Мюрат должен быть в Новаре нынче вечером.

Неприятель ошеломлен и все еще не может догадаться о наших планах. В один из следующих десяти дней я надеюсь вернуться в объятия моей Жозефины, которая всегда очаровательна, если только не плачет и не изображает кокетку...»(29)

Мюрат достиг берега реки Тичино 30 мая и на следующий день форсировал реку у Турбинго, перейдя через последнюю преграду, отделяющую французов от Милана. Его прикрывала ложная атака генерала Дюэма, направленная против австрийцев в Буффалоре. В тот же день резервная армия начала переносить свои коммуникации от не имевшего защиты Сен-Бернара к более безопасным Симплонскому и Сен-Готардскому перевалам. Источником армейского снабжения, вместо Жeneвы, стали склады Брига в долине верхнего Рейна.

Второго июня Бонапарт был в Милане, «принимая изъявления всеобщей радости. Горожане обоего пола и всех возрастов толпились вокруг человека, принесшего им свободу и счастье во второй раз», — записал Броссье. Австрийцы заранее эвакуировали город, оставив небольшой гарнизон в цитадели, которую Мюрат сразу обложил осадой. В этот же день Ланн вошел в Павию после форсированного марша вдоль По, захватив ценнейшие трофеи в городе. «Каждую минуту мы делаем все новые открытия, — сообщил он. — Вы удивились, узнав, что мы обнаружили около 300 — 400 орудий — осадных и полевых — вместе с лафетами». Некоторые из них были включены в армейский артиллерийский парк, который до сего времени состоял только из шести первоначально существовавших пушек и еще четырех, захваченных у Ивреа; но вскоре добавились и долгожданные пушки, задержанные осадой Барда.

Первый консул оставался в Милане почти неделю, отнюдь не отдыхая, как намекали некоторые критики. Главной его задачей было образование зоны безопасности между реками Ольо и Трeббия на востоке и юге города с целью оградить Милан от австрийского нападения со стороны Мантуи. Третьего июня Дюэма послали с двумя дивизиями захватить освященный славой мост Лоди, а на следующий день Мюрат и Буде выступили в Пьяченцу для организации плацдарма на реке По. В тот же день Ланн направился к Бельджози для подготовки второй переправы для дальнейшего движения армии на Страделлу. Пятого июня произошли важные события: получено сообщение о нападении австрийцев на Верчелли. Своевременно перенеслись коммуникации. И в этот же день головные части корпуса Монсе, преодолевшие 29 мая Сен-Готард, вошли в Милан и присоединились к новой дивизии под командой генерала Гарданна. За ними вскоре последовали дивизии Лапуала и Лоржа. И 5-го же июня форт Бард прекратил сопротивление, высвободилась большая часть артиллерии резервной армии, а дивизия Шабрана двинулась к югу для охраны на левом берегу По.

Тем временем переправочно-мостовые части двигались к местам своего назначения. Мюрат сообщил, что 5 июня после ожесточенного боя он занял северный берег против Пьяченцы; на следующий день Ланн, не имея ни понтонного снаряжения, ни артиллерии, все-таки переправился со своей пехотой у Бельджози, несмотря на отчаянное сопротивление противника. Получив эти известия, Бертье перенес ставку в Павию, приказав остальной части армии следовать за ним, оставив в Милане только дивизию Лоржа. Бонапарт был встревожен задержкой Мюрата, который должен был переправиться через По у Пьяченцы, так как он еще не знал о движении Меласа и все еще ожидал продвижения австрийцев к Страделле. «С нетерпением жду сообщения о том, что наши 20 000 солдат находятся в Страделле», — писал он Ланну. Его тревоги немного улеглись 7 июня, когда Мюрат после происходивших время от времени в течение трех дней стычек и поисков лодок наконец переправился через По и взял город. Вскоре была закончена и сборка понтонного моста, и резервная армия получила вторую переправу через большую реку; можно было сосредоточивать войска у Страделлы.

Несмотря на трудности управления этими сложными военными операциями, жизнь в Милане дарила Бонапарту и приятные минуты. Он с удовольствием побы-

вал на спектакле в Опере; даже нашел время обратиться с речью к 200 клирикам. Преподобным отцам понравился глава светской власти; хорошо, что они не подозревали о том, что аналогичные встречи с мусульманским духовенством занимали не меньшее место в списке дел молодого генерала во время его Восточной кампании. Его занимало также чтение перехваченной переписки неприятеля. Бонапарт особенно забавлялся, читая всяческие сатиры на французскую армию; избранные места он препровождал в Париж для развлечения коллег-консулов. «Французские войска — это не что иное, как водяные спаниели, их генералы все бесталанные», — говорят они. Большинство издевались над резервной армией, рисуя даже карикатуры; изображали кавалерию на ослах; пехоту, состоящую из древних дедов и мальчишек, вооруженных штыками на палках; артиллерию, состоящую из двух короткоствольных ружей с раструбом... Однако теперь они начинают петь по-другому, и войска их кажутся крайне недовольными»(30).

В захваченной Пьяенце Мюрат нашел запасы продовольствия, пришедшиеся очень кстати, но упустил конвой с шестьюдесятью полевыми пушками, направлявшимися в Алессандро. Но самой лучшей находкой Мюрата оказался пакет с последними донесениями от Меласа, перехваченный на его пути в венский гофкригсрат. Самые важные бумаги попали в руки Бонапарта рано утром 8 июня. Новости, содержащиеся в них, были ужасны: Генуя сдалась. В одном письме Мелас писал, что он приказал снять осаду 2 июня, чтобы «сосредоточить силы против армии из Германии», но в этот момент посланцы Массены предложили начать переговоры. Во втором письме, датированном 5 июня, говорилось: «Капитуляция Генуи, начатая 2 июня главнокомандующим Массеной, вчера закончилась. К сегодняшнему утру неприятель должен эвакуировать город. Гарнизон будет выведен в нашем сопровождении до передовых постов неприятеля [Сюше], а оттуда будет волен вновь участвовать в боевых действиях»(31).

Массена прекрасно оборонялся с середины апреля при все ухудшавшихся условиях. К концу мая продовольствие кончилось, но он все еще держался. Потеря Сульта, раненного и взятого в плен во время вылазки 11 мая, была тяжелым ударом. К концу месяца пришлось подавлять недовольство голодающего населения. Патрулям было приказано стрелять по любым сборищам, состоявшим более чем из трех людей. Солдаты все сильнее слабели, питаются кониной и хлебом из смеси отрубей, соломой, овса и какао. Последние новости извне гарнизон получил 27 мая, когда некий капитан Франчески преодолел в веселой лодке блокаду с моря, затем переплыл на берег, зажав саблю в зубах, посреди разрывов пуль, которыми его поливали с берега, и грохота бортовых залпов кораблей. Ему удалось только узнать, что резервная армия переходит через Альпы, и это было все, что он мог сказать. Не зная о том, что в действительности Бонапарт находился совсем близко, посевший за время осады Массена решил продержаться до обещанной даты 4 июня и затем капитулировать на наиболее выгодных условиях, которые он только мог выговорить. В сложившейся обстановке они оказались удивительно благоприятны, так как генерал Отт вполне оценил угрозу Массены пробиться из крепости с боем, да к тому же австрийцы больше не могли терять времени. Французы должны были быть репатриированы за реку Вар, а после этого они могли снова принимать статус воюющих. Так закончился эпизод, еще более прославивший доблестного воина, хотя в дальнейшем Наполеон говорил, что сдача Генуи была преждевременной.

Согласно Бурьену, Наполеон вначале отказался верить этому сообщению. «Бао! — воскликнул он. — Да вы просто не понимаете по-немецки!» Потеря Генуи была в самом деле тяжелым, хотя и не совсем неожиданным¹ ударом по планам первого

¹ Шестого мая Бонапарт писал: «Я рассчитываю на Массену, я надеюсь, что он удержит Геную, но если они вынудят его сдаться из-за голода, я опять овладею Генуей на равнинах Скривии». (Примеч. автора.)

консула; одним махом он лишился необходимых ему войск на дальнем фланге, потому что от реки Вар назад было несколько дней хода, да и солдатам Массены нужно было еще несколько дней для переформирования, прежде чем снова вступить в боевые действия. И хуже того, австрийцев могли заставить использовать Геную как район сосредоточения оперативных сил, а оттуда могла исходить угроза Бонапарту в Страделле. Горький опыт осады Акры научил Бонапарта с надлежащим уважением относиться к способностям британского флота поддерживать осажденную крепость с открытым доступом с моря. Однако тщательный анализ депеш Меласа выявил одно благоприятное обстоятельство: открывая переговоры 2 июня, Массена поставил условия, что корпус Отта не будет использоваться Меласом в течение последующих жизненно важных трех дней, несмотря на первоначальный приказ главнокомандующего. Так, даже в самом акте сдачи Массена бессознательно оказал замечательную услугу резервной армии, выиграв для нее бесценное время для завершения своей подготовки, не опасаясь вмешательства со стороны неприятеля. Возможно, Мелас был жертвой собственной пропаганды и все еще легкомысленно недооценивал потенциал резервной армии, считая взятие Генуи более важным, чем сосредоточение армии, завершившееся ранее.

В дальнейшем оказалось, что Генуя являлась ключом ко всей кампании.

Глава 27

МАРЕНГО

Новое положение требовало быстрого пересмотра планов Бонапарта. Вместо пассивного ожидания в Страделле Меласа, который пытался снова открыть свои коммуникации с Мантуей, французы должны были перейти в наступление, продвигнуться к Александрии и заставить австрийцев принять сражение в любых условиях, прежде чем они смогут отойти к Генуе или сделать бросок к северному берегу По. Первый консул из Милана засыпал Бертье (в Павии) точными инструкциями по немедленному осуществлению наступления для «соприкосновения с противником». «Отряду генерала Ланна (более 8000 солдат, если мы включаем кавалерию), следует выйти маршем завтра на Вотеру», находившуюся на полпути между Страделлой и Александрией). Его должны поддерживать генералы Виктор, Моннье и Горданн с их объединенными силами (16 000 солдат). «Генералы Мюрат и Дюэм (в совокупности 10 000 солдат) предпримут соответствующие маневры. Таким способом Вы окажете давление на Меласа... Генерал Монсе и итальянцы должны разместить одну часть своих сил к северу от Ольо для обеспечения направления отхода, вторая часть должна продолжать блокаду цитадели в Милане, третья для обороны Тичино должна подойти к левому берегу реки По, держась наравне с основной армией, чтобы быть в состоянии помочь в любых переправах с одного берега на другой, наконец, в случае переправы неприятеля через По эта часть должна быть готова отойти перед ним, чтобы соединиться со всеми французами, которые могут прибыть в Милан за это время, и предпринять оборону Тичино»(31).

Такое радикальное изменение планов неизбежно влекло за собой некоторую путаницу, а «туман войны» многократно усложнял все, действуя всем на нервы. В течение суток Ланн получил не менее четырех комплектов приказов; первое сообщение (в ночь на 7 июня) предписывало ему направиться на помощь Мюрату к плацдарму Пьяченцы. Дивизия Ватрена уже была на марше, когда рано утром 8-го пришел новый приказ, отменявший это перемещение. Чуть позже, тоже утром, пришел приказ двигаться к западу от Страделлы, чтобы предупредить ожидавшуюся атаку австрийцев, но уже вечером этого же дня, когда Бонапарт получил дурные вести из Генуи, Ланну было приказано продвигнуться до Кастеджо, с дивизией

Виктора для поддержки, и войти в соприкосновение с противником. Девятого июня Ланн «закусил удила» и бросился опрометчиво в атаку за пределами города.

Были и другие примеры такой путаницы в последующие дни. Узнав, что паром-«самолет» Ланна у Бельджози вышел из строя из-за разлива По, Бонапарт приказал 9-го соорудить три новых моста. Замученный Бертье стал выбирать места для них, но в спешке выбрал одно совершенно непригодное для переправы; вероятно, отчасти причина была в том, что он воспользовался картой, снятой в 1668 году (и исправленной в 1772 году) с масштабом 1:144 000¹. Были и другие упущения в работе штаба: некоторые приказы без надобности повторялись — Бертье по рассеянности переслал целый пакет приказов генералу Дюэму 11 июня, хотя тот подтвердил их получение еще девятого. Другие приказы вообще не были посланы; 11-го взбешенный Бертье требовал у Дюпона объяснений, почему такой важный генерал, как Мормон, не был извещен о переносе ставки в Страделлу. Причиной всех этих недоразумений была постоянно проявлявшаяся привычка Бертье вмешиваться в дела своего начальника штаба; он никогда не стремился быть главнокомандующим, но всегда рвался, часто бессознательно, вернуться к своей коронной роли. В таких обстоятельствах неудивительно, что организация снабжения тоже была не на высоте; Ланн и Мюрат оба жаловались на получение солдатских рационов с опозданиями в несколько дней, а в дивизии Буре солдаты получили только по 30 зарядов на человека вместо предписанных шестидесяти. Сочетание всех этих обстоятельств — внезапного продвижения на Страделлу, резкого сосредоточения большого количества частей и ряда генералов, лишенных опыта взаимодействия друг с другом, — объясняют всю путаницу. Несмотря на это, показательным доказательством гения, решительности и смелости Бонапарта являлось исполнение подчиненными всех его приказов в любых условиях.

В тот же день, когда первый консул выехал из Милана, генерал Ланн завязал ожесточенную схватку с 18 000 австрийцев корпуса генерала Отта при Монтебелло. Французов было крайне мало — всего 8000; даже Бонапарт не предполагал, что здесь против них выступит такая большая сила, но Ланн не колеблясь бросился в атаку за Кастеджо. Своевременный подход Виктора с 5000 солдат, обошедшими фланг австрийцев, решил победу, и Отт, понеся тяжелые потери, в беспорядке отступил к Александрии. Бросье оставил свидетельство об одном героическом поступке: «Мы увидели, как молодой барабанщик по имени Габриель Коктиль, уроженец Романи, начал в одиночку прорываться к середине поля боя, выбивал сигнал к атаке и увлекал за собой роту отважных парней, которые сбросили противника с занимаемого им холма»(33).

В дальнейшем Ланн был награжден титулом герцога Монтебелло за свою атаку, но коммюнике тех дней странно замалчивают его имя, наверное, потому, что Ланн поступил вопреки букве осторожного приказа Бертье. В то время основные лавры победы были приписаны первому консулу, что было крайне несправедливо. Бонапарт переправился на южный берег По только во второй половине дня и лично не принимал никакого участия в сражении. Тем не менее подвиг Ланна оказал огромную службу Бонапарту; этот бой подтвердил присутствие Отта около Александрии и показал, что сосредоточение войск Меласа было практически завершено. И что еще важнее, по моральному духу австрийцев был нанесен сильный удар. Мелас пребывал под Александрией еще целых пять дней, не делал никаких передвижений, пассивно ожидая полного окончания сосредоточения своих войск.

После завершения постройки новых мостов 10 июня резервная армия вся переправилась через По у Сан-Чиприано, и к вечеру 11-го около 28 000 человек подошли к Страделле под сильнейшим дождем. «У меня страшная простуда», — писал Бонапарт Жозефине. После долгожданного прибытия Дезе из Франции в этот же

¹ Около 15 миль в дюйме. (Примеч. автора.)

день Бонапарт перестроил организацию армии. Его проверенный боевой товарищ по Египту получил под командование дивизии Буде и Монье, образовавшие четвертый армейский корпус, которому предназначалась основная роль в грядущих событиях; Виктор получил обратно дивизию Гарданна, что пополнило его корпус, доведя его численность до нормальной. Дюэму был подчинен корпус из сборных частей — от Монсе и Шабрана. В этот момент резервная армия, включая различные отряды и части в тылу, насчитывала 58 021 солдата, причем около 30 000 из них составляли полевую армию.

Торопясь нанести удар по австрийцам, пока они еще не сосредоточились, и учитывая, что крайне важно навязать сражение Меласу прежде, чем он смог бы выйти из соприкосновения с французами и отойти к Генуе, Бонапарт подошел к берегам реки Скривия 12 июня, в тот же день отозвав дивизию Лапуапа из Павии. Этот день был также отмечен прибытием долгожданной дивизионной артиллерии из Ивреа, благодаря чему в армейской артиллерии стало 41 орудие. Так как новостей о наступлении австрийцев все еще не поступало, Бонапарт решил еще активнее спровоцировать неприятеля и приказал армии на следующий день переправиться через Скривию. Утром 13 июня под проливным дождем и при отсутствии новостей о неприятеле «легкая кавалерия не обнаружила следов врага». Бонапарт начал все более убеждаться, что Мелас намеренно избегает действий.

Еще 12 июня (что показательно) первый консул приказал Бертье обеспечить доставку запаса боеприпасов в Сарравале на дороге из Алессандрии в Геную, как бы ожидая здесь сражения позднее. Решив перекрыть единственные две лазейки, открытые австрийцам, около полудня первый консул приказал Дезе выдвинуться из резерва из-за Скривии и направиться с дивизией Буде к Ривальте и Нови, чтобы перекрыть главную дорогу Генуя — Алессандрия и после этого, возможно, соединиться с наступающей силой Сюше. Дивизия Монье была поставлена в центральный резерв; а дивизия Лапуапа, находившаяся в этот момент в Понтекуроне, также была приведена в состояние готовности выступить в Валенцу, чтобы соединиться с силами Шабрана и предотвратить любую попытку неприятеля вырваться к северу от По, где они могут перерезать французские линии коммуникаций, если сделают бросок к Милану.

Тем не менее «первый консул был очень обеспокоен». После Монтебелло у него не было надежных сведений о продвижениях неприятеля благодаря ловким кавалерийским маневрам сил генерала Отта. Убеждение, что Мелас решил избегать сражения, постепенно превращалось у императора в навязчивую мысль. При продвижении Виктора и Гарданна к деревне Маренго им противостояли только 4000 солдат австрийского арьергарда, которые вскоре начали отходить к близко расположенной Алессандрии за рекой Бормида. Если Мелас собрался оказать сопротивление, то он должен был это сделать безусловно на равнине Скривии, тем более что это идеальная местность для кавалерии, которая позволит австрийцам полностью использовать свой лучший род войск. Жомини писал: «Равнина Маренго почти единственная в Италии, где массы кавалерии могут атаковать на полной скорости»(34).

Прошел вечер, наступала ночь, и целый ряд сбивчивых донесений, видимо, подтверждал предположение Бонапарта, что австрийцы не решаются сражаться, но пытаются отойти. Гарданн ошибочно сообщил, что отходящие австрийцы все перешли за Бормиду, уничтожив за собой мост, и что Алессандрию удерживают незначительные силы. Посланный для проверки этих сведений и рекогносцировки всей местности штабной офицер не только подтвердил их, но он и не заметил, что на самом деле Мелас навел еще один понтонный мост через Бормиду. Австрийские пленные сообщили, что Мелас выслал отряд по направлению к Акви. Эти сведения, казалось бы, подтверждали, что неприятель намеревался двигаться к Генуе. Однако другая информация, поступившая от двойного агента, который

на самом деле был платным шпионом генерала Цаха, говорила о движении кавалерии в направлении реки По. На основании этой массы донесений, часто противоречащих друг другу, но, в сущности, полностью фальшивых, первый консул убедился, что отрыв Дезе от главной силы, несмотря на близость неприятеля, явился продуманной мерой безопасности. Тем не менее у Бонапарта были сомнения, и первую половину ночи он провел разъезжая в расположении солдат корпуса Виктора, стоявших лагерем вокруг Маренго, и, напрягая зрение, старался разглядеть на западе огни костров австрийцев. В конце концов он лег спать на вилле Торре-ди-Гарофоли, вместо того чтобы возвратиться в свою уютную ставку в Вогере, предпочитая в этом неопределенном положении оставаться ближе к своим солдатам.

Бонапарту не было известно, что генерал Мелас на самом деле решил поставить все на карту и дать сражение на следующий день. Больше всего австрийский главнокомандующий опасался соединения резервной армии Бонапарта и Бертье с Итальянской армией Массены и Сюше, которые, как он считал, быстро приближались с запада. Мелас надеялся предотвратить эту опасность, разгромив резервную армию 14 июня, и тем самым открыть себе коммуникации с Мантуей и Австрией; только в случае отражения своего нападения он стал бы планировать отход к Генуе. Всю ночь в его лагере шли спешные приготовления, и, хотя сторожевые охранения Виктора докладывали о непрерывном движении в Алессандрии, французы приняли только самые элементарные меры предосторожности.

В воскресное утро 14 июня 1800 года погода была солнечная, особенно прекрасная после необычайно дождливых предшествовавших дней. К шести часам утра армия Меласа уже переходила по мостам через Бормиду на узкий плацдарм, который удерживал всю ночь генерал О'Рейли, и «утренней зарей для французов послужил гром пушек»(35), когда начали стрелять первые батареи. При поддержке 100 орудий австрийцы начали медленно разворачиваться в три колонны на ограниченном пространстве. О'Рейли возглавил наступление отряда в 3000 человек, сразу отеснил аванпосты Гарданна из Петербони и повернул к югу от главной дороги, чтобы образовать правый фланг австрийцев.

Мелас лично возглавлял вторую колонну со своим начальником штаба Цахом и 18 000 солдат генералов Хаддика, Кайна и Эльсница, образующими центр боевого порядка, который был должен начать главную атаку на деревню Маренго. Третья колонна в 7500 человек под командой генерала Отта осторожно прошла влево, к Кастель-Черьоло, где, как ошибочно думал Мелас, находятся крупные силы французов. К счастью для французов, австрийскому разворачиванию сил очень мешала узость их плацдарма на правом берегу Бормиды, и только в 9 часов утра наступление обрело нужный темп. К тому же Мелас вдруг выделил 2340 кавалеристов из дивизии Эльсница, послав их к Канталупо в сумасбродную погоню из-за ложного сообщения о подходе генерала Сюше к Акви в тылу австрийцев. Так что не только генерал Бонапарт отделил большие силы перед лицом врага в этот роковой день.

Тем не менее неожиданное агрессивное выступление генерала Меласа застало французское командование врасплох. В течение нескольких часов весь удар наступления принимали на себя Гарданн и Шамборлак из корпуса Виктора, которых поддерживало только 5 пушек. Эти дивизии были подтянуты к глубокой речке Фонтанове перед деревней Маренго, и, к их чести, они не уступили ни пяди земли до полудня. Тем временем первый консул, все еще находившийся в Торре-ди-Гарофоли, продолжал упорно считать, что агрессивные маневры — не более чем прикрытые, рассчитанные облегчить отход Меласа к Генуе или по второму направлению — По. Около 9 часов он подтвердил свой приказ по дивизии Лапуала — отойти на север к Валенце, тем самым ослабив резерв еще на 3500 человек, и выслал адъютанта к Дезе с приказом дивизии Буде наступать от Ривальты к Поццол-Формиджозо.

Но не прошло и часа после отдачи этих распоряжений, как Бонапарт начал понимать истинную серьезность положения. К 10 часам Ланн, Мюрат и их войска подошли на поддержку Виктору, увеличив численность французов в бою до 15 000, но у противника все еще было двукратное превосходство в силах. Дивизия Ватрена заняла позиции справа от Маренго, но вскоре против нее Мелас направил сильную фронтальную атаку, в то время как корпус Отта угрожал нападением на его правый неприкрытый фланг. Бонапарт прибыл в одиннадцать часов и сразу понял необходимость усилить правый фланг. Если позволить Отту захватить Кастель-Черьоло, он сможет обойти фланг всей боевой линии французов, а его кавалерия будет давить в направлении на Сале, к реке По, тем самым угрожая французским коммуникациям. К этому времени адъютанты с бешеной скоростью скакали за Лапуапом к Дезе с приказами немедленно вернуться. Послание Бонапарта к Дезе будто бы содержало мольбу: «Я хотел атаковать Меласа. Он напал на нас первым. Ради Бога, подходи скорее, если можешь»(36). К счастью, Дезе, задержанный разлившейся рекой, находился недалеко и получил послание в час дня, но до Лапуапа этот приказ дошел только к шести вечера, и тот не смог войти в сражение даже на его последнем этапе.

С полудня до часу дня наступила пауза. В это время австрийцы стали перегруппировывать свои силы для решающей атаки. Корпусу Виктора у Маренго не хватало боеприпасов, что было опасно, и казалось, что измотанные солдаты уже не смогут еще какое-то время удерживать свою линию вдоль Фонтанове. Тем не менее Бонапарт решил ввести в бой свой остальной резерв на другом фланге против генерала Отта, который к этому моменту почти перемолол дивизию Ватрена. Девятьсот солдат консульской гвардии были направлены на поддержку Ватрена, а последний резерв — дивизия Монье — получила приказ двинуться против Кастель-Черьоло и сражаться с австрийцами за овладение этим пунктом. Гвардия шла вперед расчлененным строем в две линии навстречу ожесточенному огню противника, косившему их, но ее введение в бой временно уменьшило давление на Ватрена и дало Монье время развернуть своих солдат на крайнем правом фланге. Атака французов на Кастель-Черьоло в 2 часа дня совпала с давно ожидаемой потерей деревни Маренго на южном фланге, но мудрость решения Бонапарта укрепить свой правый фланг подтвердилась тем, что все австрийское наступление задержалось, пока Отт сражался с дивизией Монье. Таким образом удалось выиграть еще немного времени, хотя на этот раз в сражении участвовали все французские солдаты до единого, а также все пятнадцать орудий дивизионной артиллерии. Со стороны Маренго давление австрийцев беспощадно нарастало, и к трем часам дня 23-тысячная французская армия стала откатываться назад к Сан-Джульяно, так как не было надежды на то, что Дезе с войсками подойдет ранее пяти часов.

Казалось, резервная армия — накануне поражения, или так это представлялось генералу Меласу. Крайне усталый и легко раненный главнокомандующий решил поручить преследование, очевидно, уже разбитых французских сил своему начальнику штаба генералу Цаху, будучи убежден, что победа одержана и осталось только преследование. Произошла еще одна желанная задержка, пока австрийский центр перестраивался в походную колонну. Бонапарт жертвовал пространством, чтобы выиграть время, потому что он знал, что скоро подойдет выручка.

Незадолго до трех часов дня забрызганный грязью генерал Дезе подскочил к французскому командующему и доложил, что дивизия Буда со своими 8 пушками следует за ним. Некоторые авторы пишут, что Дезе уже «повернул обратно на грохот пушек», встретив на пути приказ Бонапарта о возвращении; в любом случае несомненно, его помощь подоспела в самый решающий момент. «Ну, что ты об этом думаешь?» — спросил его Бонапарт. Вытащив часы, Дезе ответил, согласно Бурьену: «Это сражение потеряно полностью, но сейчас только два часа, — на самом деле было уже три, — еще есть время выиграть второе сражение»(37). Ободрен-

ные этой своевременной поддержкой, усталые солдаты вновь преисполнились решимости. Бонапарт, проезжая верхом между солдатами, крикнул: «Солдаты, вы далеко отступили; вы знаете мою привычку делать бивак на поле боя». — «Головы вверх», — скомандовал в ответ сержант консульской гвардии.

Не прошло и часа, как начали подходить подкрепления за разбитым корпусом Виктора, и вскоре был готов новый план сражения, требующий теснейшего взаимодействия всех трех родов войск. Мармон сосредоточил в одном месте 5 оставшихся дивизионных орудий, 8 орудий Буде и еще 5 пушек из резерва, образовав одну батарею, и открыл сильнейший двадцатиминутный огонь по австрийцам, повредив много австрийских пушек и прорвав большие бреши во фланге тяжело приближавшейся колонны Цаха. И затем Дезе повел вперед своих солдат, построенных в облический бригадирный порядок; последовал какой-то момент колебания, когда, выйдя из клубов дыма, эти войска увидели перед собой отборный батальон австрийских гренадер, но рядом уже был Мармон с 4 легкими пушками, быстро снятыми с передков, чтобы дать четыре залпа прямой наводкой по солдатам в белых мундирах. Вперед вырвались солдаты Буде, готовые схватиться врукопашную. И как раз в это мгновение взорвалась повозка с боеприпасами, на момент парализовав пришедших в ужас австрийских солдат. Уловив это мгновение, младший Келлерман повернул 400 своих кавалеристов, неожиданно бросившихся на ошеломленный левый фланг шеститысячной колонны Цаха. Этот эпизод мгновенно превратил почти поражение в сокрушающую победу. «Одной минутой раньше или тремя минутами позже, и ничего бы не вышло, но выбор момента был идеально точным, и Северная Италия была возвращена Французской республике»(38).

Вскоре генерал Цах и несколько тысяч его гренадер из победителей внезапно превратились в военнопленных и все австрийское сопротивление на правом фланге рассыпалось, австрийцы бежали в беспорядке через Маренго к реке Бормида, стремясь достигнуть безопасности в стенах Александрии, находившейся за рекой. С ликующим криком вся линия французских войск устремилась вперед; Келлерман перестроил половину своих торжествующих солдат, направив их на разгром кавалерии противника; генерал Отт принял свое поражение и отвел австрийскую кавалерию в достойном порядке с австрийского левого фланга. Вскоре после девяти вечера, после двенадцатичасового сражения, замерли звуки выстрелов. Французы одержали полную победу, но в этот момент триумфа, осуществиться которому он так помог, Дезе уже лежал мертвый, с простреленной грудью, около деревушки Винья-Санта. «Его смерть лишила армию великолепного генерала, а Францию — одного из самых достойных ее граждан», — такова была эпитафия Тьера павшему герою. Бонапарт никогда не забывал о своем долге перед горестно оплаканным товарищем. «Я погружен в глубочайшее горе по человеку, которого я любил и ценил больше всех»(39), — написал он на следующий день своим коллегам-консулам.

Австрийцы потеряли 15 знамен, 40 пушек, около 8000 пленными и 6000 убитыми; потери французов тоже были тяжелыми — примерно одна четверть резервной армии были убиты или ранены. Победители были слишком измучены, чтобы преследовать своих разбитых противников, но в дальнейших операциях, к счастью, не было нужды. В ту же ночь потрясенный генерал Мелас решил просить перемирия, и в течение суток было подписано соглашение в Александрии. Австрийцы обязались отвести все свои силы к востоку от реки Тичино и сдать свои остающиеся крепости в Пьемонте и Ломбардии и Миланскую цитадель, а также согласились воздерживаться от всех операций до получения Бонапартом ответа из Вены на свое предложение мира. Это не был тот полный триумф, который первый консул представлял себя в декабре предыдущего года, но пока было достаточно и этого.

Семнадцатого июня Бонапарт простился с армией и отправился в Париж через Милан. Двадцать третьего июня специальный декрет прекратил самостоятельное существование резервной армии, влив ее в Итальянскую армию под коман-

дованием Массены. Резервная армия просуществовала чуть более ста дней и участвовала в открытых боевых действиях в течение немногим более месяца, но она славно сражалась. Был издан специальный приказ по армии от 24 июня, в котором поздравлялись солдаты с их успехом. «День Маренго останется знаменитым на всем протяжении истории», — сказал первый консул. Он был прав — это была его первая победа в качестве главы государства, и многие историки считают кампанию Маренго началом периода его наивысшего величия — гражданского и военного.

Глава 28

ВОЗВРАЩЕНИЕ МИРА

Проведение Бонапартом кампании 1800 года вызвало много комментариев — хвалебных и критических. Ценилась стратегическая концепция, основанная на применении резервной армии; искусное использование швейцарского выступа для флангового отхода австрийских сил и угрозы их линиям коммуникаций, и в Германии и в Италии; это было блестящим стратегическим ходом, ярко иллюстрирующим мастерство Бонапарта. Как он сказал Жомини в 1806 году: «Секрет войны заключается в секрете линий коммуникаций... Стратегия состоит совсем не в том, чтобы совершать робкие броски против тыловых участков неприятеля; она состоит в овладении его коммуникациями и в последующем сражении». Эта система находилась в основе большинства его кампаний.

И все же, несмотря на блестящий замысел, эта кампания не завершила войну одним ударом, как Наполеон замышлял. Мелас не был разбит при Маренго, но ему было позволено, говоря словами Соглашения, «отойти, чтобы сражаться в дальнейшем». Еще потребовались объединенные усилия Моро, Брюна и Макдональда, чтобы достичь главной цели Бонапарта. Это разочарование было порождено виной, лежавшей больше на подчиненных первого консула — на Моро и Массене, а не на самом «маленьком капрале». Первоначальный отказ Моро от взаимодействия в решающем наступлении на германском фронте вынудил Бонапарта изменить свой план и наметить решающий удар в Италии. То, что он смог сделать это так успешно, позволяет высоко оценить гибкость его ума и его неустрашимую решительность; несомненно, Бонапарт был непревзойденным мастером альтернативных планов. Если завоеванная в Италии победа была менее полной, чем на это рассчитывали, это объяснялось тем, что Бонапарту пришлось проводить операцию, имея только 54 000 боеспособных солдат вместо тех 85 000 или более, которые предусматривал первоначальный план; 11 000 солдат Монсе, когда они наконец появились на театре военных действий, отнюдь не были равноценны 25 000 ветеранов Лекурба, а сдача Генуи генералом Массеной и последующее возвращение его солдат от далекой Ниццы временно лишило первого консула помощи значительных сил, столь необходимых в критический момент кампании. Моро и Массена несут еще большую ответственность за ход событий; неоднократные задержки в открытии рейнского наступления первым отодвинули дату, когда резервная армия могла переходить Альпы, а неудача последнего, не предотвратившего разделения противником Лигурийской армии надвое перед тем, как его самого загнали в Геную, поставила Бонапарта перед неожиданным кризисом, когда его единственным выбором стало начало кампании с еще неподготовленной армией.

Две итальянские кампании Бонапарта значительно разнятся. В 1796 году, после начального выступления к реке По, французы потратили остаток года, осаждая Мантую и отражая повторные попытки австрийцев снять осаду, проведя в основном оборонительные сражения при Кастильоне, Арколе и Риволи. В 1800 году

ситуация стала обратной: Мелас попытался взять Геную, с одной стороны, и удерживать французскую резервную армию от вступления в боевые действия — с другой. Но были и более важные различия: в обоих случаях — будь это оборонительные или наступательные действия — французы уступали австрийцам по численности и цели главнокомандующих были радикально разными. В 1796 году главной целью Вюрмсера и Альвинци было освобождение своих товарищей из осажденной Мантуи; в 1800 году целью Бонапарта было уничтожение полевой армии Меласа, тогда как в его понимании помощь осажденному Массене была второстепенной. Этот контраст приоритетов обнаруживает диаметральные различия в ведении войны. Многие критики осуждают Бонапарта за то, что он оставил Массену на произвол судьбы, направив свои войска на Милан, а не прямо к нему на Геную, но согласно стратегии Наполеона, «для командующего важнее уничтожить противника, чем помогать своим друзьям»(40), — таков был вывод, сделанный Бонапартом, и дорога к реальной победе лежала именно через Милан.

Переход через Альпы был более простой операцией, чем считают некоторые историки, несмотря на действительно неблагоприятное время года и трудности, связанные с перевозкой артиллерии. Сложная подготовка перехода, предпринятая под неустанным контролем Бонапарта, показала его способность учитывать все мелочи, являющуюся жизненно важным дополнением к стратегическому дару и тактическому умению подлинно великого полководца; не было детали, не удостоившейся его внимания: продовольствие, одежда, снаряжение, транспорт — все было им тщательно обдумано.

Если Бонапарта и можно критиковать за его недооценку оборонительного значения форта Бард, он тем не менее заслуживает восхищения за настоящий шедевр кампании — маневр, примененный в Страделле, замечательно смелый ход в свете затянувшегося сопротивления неприятельского гарнизона в Барде в тылу резервной армии и отчаянной нехватки артиллерии, испытываемой из-за этого с середины мая до 12 июня. Быстрота, с которой первый консул перестроил свои планы после получения известий из Генуи и перешел к обороне даже ценой оставленной идеальной позиции у Страделлы — это еще одно свидетельство его несокрушимой целеустремленности в преследовании того, что считал истинной целью кампании, — уничтожении армии Меласа.

События, непосредственно ведущие к Маренго и к тому, что произошло в тот роковой день 14 июня 1800 года, имеют более существенные основания для критики искусства вождения войск Бонапартом. Целый ряд осложнений и ошибочных расчетов чуть не погубил всю кампанию. В свете имеющейся теперь информации отделение части войск Шабрана, Дезе и потом Лапуапа от общих сил выглядит обоснованным с точки зрения стратегии, но ослабление резервной армии до 23 000 человек перед лицом более мощного противника с тактической точки зрения весьма сомнительно, если не просто опрометчиво. Последовавшее чуть ли не поражение вызвано навязчивой идеей Бонапарта о нежелании Меласа вступать в бой. Это заключение было основано на непроверенных разведывательных данных, недооценке боевых качеств Меласа как полководца и чрезмерной уверенности Бонапарта в магии собственного имени и репутации, способной внушить страх врагу. Если Мелас заслуживает упрека в том, что он направил свою армию к Ивреа в самом начале французской кампании, и в том, что не ускорил сосредоточения своих войск в Александрии, он достоин высокой оценки за решение начать атаку на рассвете 14 июня против французов — в сущности, абсолютно невероятное событие за этот период, которое застало врасплох всю армию, от Бонапарта до последнего мальчишки-барабанщика.

Военные историки критикуют Бонапарта также за то, что он оставил корпус Виктора незащищенным от нападения и первоначально изолированным, но при этом упускается из виду сама идея организации армии в самостоятельные армей-

ские корпуса. Передовые части в наполеоновской битве почти всегда должны были принимать на себя всю силу начального удара противника, давая тем самым войскам в тылу маневрировать наилучшим образом, обеспечивая уничтожение противника. При Маренго инициатива принадлежала австрийцам, но такой принцип остается справедливым и в этом случае. Тот факт, что Ланн, консульская гвардия и Монье стояли уступами вдоль дороги от Маренго к Скривии, не выявляет никакой ошибки в диспозиции со стороны французского главнокомандующего, скорее наоборот.

Хотя Бонапарт был разбит в утреннем сражении, но печальный опыт оказался для него отрезвляющим и полезным. Решающей проверкой для каждого солдата является то, как он переносит угрозу поражения, и первый консул несомненно наилучшим образом использовал те ограниченные ресурсы, которыми он располагал в это время. Ему помогало и то, что Мелас тоже делал ошибки, часто сводившие на нет ошибки Бонапарта. К ним относятся выделение Меласом трети всей его кавалерии в самом начале сражения: его ошибочное убеждение, что в Кастель-Черьола содержится основная масса французских войск, привело к неправильному использованию мощного корпуса Отта; то, что Мелас оставил поле боя до того момента, когда стала очевидной победа, при этом и не использовал австрийский резерв в критический момент этого дня, — вот только самые явные ошибки Меласа. Правда и то, что Бонапарту очень повезло с его подчиненными — с Дезе, Мормоном и молодым Келлерманом, особенно в этот день; именно они и выиграли неожиданную победу к концу дня, но полная ответственность все равно лежала на первом консуле. Как всегда, им была предусмотрена каждая случайность; если бы резерв потерпел поражение при Маренго, «...я бы отошел к моему укрепленному лагерю в Страделле, благополучно прикрываясь в это время силами Дезе и Лапуапом на своих флангах, — писал Наполеон много лет спустя. — Я мог бы перейти По по моим пяти мостам, защищавшимся моими батареями, и враг ничего не смог бы мне сделать; я бы присоединил свои войска к корпусам Монсе, Лекки и Тюрро; я бы дал одному из корпусов Меласа перейти через По — это было бы все, что мне нужно; потом, имея численное превосходство, я бы напал на него всеми силами»(41).

Кампания Маренго несомненно дала несколько ценных уроков Бонапарту; он еще не был столь величаво непогрешим, чтобы не учиться на своих ошибках. Нарушение принципа сосредоточения всех своих сил до последнего перед лицом противника — теперь он всегда будет иметь у себя под рукой мощный резерв, стоящий сзади, для использования в критический момент сражения. Он также почувствовал громадное психологическое значение появления свежих войск (как у фокусника из шляпы) к концу тяжелого дневного сражения. Блестящая атака Дезе показала всю скрытую мощь, заключавшуюся в надлежащим образом согласованной атаке всех родов войск.

«Бонапарт не уничтожил своего противника, но устранил его и сделал беспомощным, — писал крупнейший немецкий специалист по стратегии граф фон Шлифен, — и в то же время он достиг цели кампании — завоевание Северной Италии»(42). Маренго несомненно явилась важным поворотным пунктом в карьере Наполеона Бонапарта; если его победа сама по себе не выиграла войну, она прочно утвердила первого консула в его главенствующей роли. Он вернулся в Париж 2 июля и был встречен как герой. Все же некоторые свидетели заметили, что празднование победы при Маренго не вызвало такого экстаза, как можно было бы ожидать. «В годовщину 14 июля, — записала маркиза Латур дю Пэн, — мы отправились на прогулку... на Марсово поле. После парада Национальной гвардии и войск гарнизона показалась небольшая колонна около сотни воинов, одетых в рваные и грязные мундиры; некоторые с руками на перевязи, другие с забинтованными головами. Они несли знамена и штандарты, захваченные у ав-

стрийцев при Маренго. Я ожидала бурных, вполне заслуженных аплодисментов, но вопреки моим ожиданиям не было ни одного восторженного возгласа, ни знака радости. Мы были изумлены и возмущены»(43). Несмотря на то, что Наполеон назвал свою любимую верховую лошадь Маренго, а гастрономы до сего дня воздают честь, сами не думая об этом, событиям 14 июля 1800 года, когда едят цыпленка а la Marengo, в июле 1800 года многие французы понимали, что это сражение не принесло мира. Первому консулу еще нужно было заслужить свою репутацию «миротворца».

Но мир никак не давался Наполеону в руки, несмотря на все усилия. Тогда он решил прибегнуть к дипломатии. С поля боя у Маренго он направил обращение к австрийскому императору: «Коварство англичан нейтрализовало то действие на Ваше сердце, какое могли бы иметь мои простые и искренние предложения. Война стала актуальной. Тысяч французов и австрийцев уже не стало... Перспектива продолжения этих ужасов настолько угнетает меня, что я решил еще раз лично обратиться к Вам... Дадим же нашему поколению мир и спокойствие»(44). Несмотря на быстрое ухудшение военной обстановки, обе главные австрийские армии были вынуждены принять только два перемирия — Мелас в Александрии и Край в Парсдорфе после того, как Моро взял Ульм и Мюнхен. Австрийский император продолжал сопротивляться всевозрастающему давлению в пользу принятия мира. Переговоры тянулись в Леобене почти все лето, но затем новый договор о денежной субсидии Англии в обмен на военную помощь, подписанный с Питтом, вынудил Австрию продолжать военные действия. Они были возобновлены 22 ноября, и через шесть дней Моро получил приказ возобновить свое наступление на Вену, которому будет помогать, как и в 1797 году, дополнительное наступление через Адидже под командованием Брюна, а оттуда через Альпы — возглавлявшееся Макдональдом. По политическим причинам первый консул должен был остаться в Париже, так что нанесение «окончательного удара» («coup de grâce») пришлось возложить на других. Третьего декабря Моро разбил эрцгерцога Иоанна и генерала Края в крупной победе у Гогенлиндена, и война с Австрией практически была окончена. Переговоры возобновились опять в Леобене, а тем временем Мюрат вытеснил неаполитанскую армию из папских государств, и французские войска снова оккупировали Тоскану. Восьмого февраля военные действия были наконец завершены в связи с подписанием Люневильского мира.

Условия были неожиданно выгодными для Австрии: от императора только требовалось подтвердить условия Кампо-Формио. Со своей стороны французы согласились дать компенсации обнищавшим германским князькам из секвестрованных церковных владений и позволили герцогу Пармскому присоединить Тоскану в обмен за его небольшое княжество, которое должно было бы быть включено в Цизальпинскую республику. Даже король Неаполитанский должен был получить обратно свои права.

Вторая коалиция Питта распадалась на глазах, но было необходимо договориться с британцами, придя к какому-то соглашению. Несмотря на ухудшение британских отношений с сумасшедшим императором Павлом, который образовал недолговечный Второй вооруженный нейтралитет, противостоявший британским претензиям на «право поиска» нейтрального торгового флота, британский кабинет министров был преисполнен решимости вытеснить остатки Восточной армии из Египта. Восьмого марта 1801 года экспедиционная армия сэра Ральфа Аберкромби высадилась с кораблей лорда Кейта в Абукирской бухте. Потребовалось семь месяцев на завершение разгрома Восточной армии, которой после гибели Клебера (убит фанатиком в декабре 1800 года) командовал бездарный генерал Мену, известный под прозвищем Абдулла после его женитьбы на дочери местного цирюльника и принятия магометанства. Зажатый между тремя сходящимися неприятельскими войсками (двумя британскими и одним турецким), генерал Бель-

яр сдал Каир 28 июня, и сопротивление прекратилось с капитуляцией Мему в Александрии 2 сентября. Французским войскам разрешили вернуться на родину, и последний солдат покинул Египет 15 сентября. Так через три года и два месяца после первой высадки окончилась французская авантюра в Египте.

После своего возвращения во Францию генерал Бонапарт предпринял некоторые усилия помочь своим прежним боевым товарищам, послав морем адмирала Гантома с подкреплениями в начале 1801 года; но вспышка чумы на борту задержала его отплытие из Тулона. Даже когда эскадра наконец пустилась в путь, бдительность лорда Кейта и коммодора Уоррена так и не дала ей возможности доплыть до Александрии. Восточная армия осталась в изоляции, а солдаты все более и более падали духом.

После падения Каира первый консул знал, что окончательный триумф Великобритании был только делом времени, и поэтому приказал Отто — ведущему французскому дипломату на переговорах — ускорить подписание прелиминарного мира с правительством Эддингтона (Питт был вынужден подать в отставку 14 марта 1801 года). Новость о падении Александрии достигла Парижа на несколько дней раньше Лондона, и 1 октября 1801 года были подписаны прелиминарии в Амьене. Ловким маневром французское правительство лишило британцев возможности выгодно воспользоваться успехом своей кампании в Египте; новость пришла в Уайтхолл слишком поздно, чтобы повлиять на ход обсуждения за столом переговоров.

Эти прелиминарные условия были все включены в окончательный текст Амьенского мира в марте следующего года. Ни одна из сторон не была удовлетворена условиями; Англия негодовала на необходимость возвратить все свои заморские завоевания (исключая только Тринидад и Цейлон); Франция была возмущена тем, что английские войска все еще удерживают Мальту в обход принятых соглашений. Но все-таки недолгое время непрочного мира воцарилось в Европе, и благодарный французский народ 2 августа 1802 года назначил Бонапарта-миротворца пожизненным консулом.

Часть шестая

МИРНЫЕ ТРУДЫ И ДОРОГА К ВОЙНЕ

Перестройка Франции Наполеоном и возобновление борьбы с Англией до образования Третьей коалиции. Создание Великой армии

Глава 29

ПРАВИТЕЛЬ И ЗАКОНОТВОРЕЦ

События развернулись так, что конец войны в Европе в 1802 году дал главным противникам лишь небольшую передышку до следующего возобновления военных действий. Но первый консул использовал это время быстро и успешно, разыграв роль «миротворца», чтобы достичь вершины своей политической карьеры. Второго августа был объявлен результат народного плебисцита, и вскоре после этого Бонапарт был назначен пожизненным консулом с полного одобрения всего французского народа. С этого времени он фактически стал монархом. Восемнадцатого мая 1804 года Сенат провозгласил его императором под именем Наполеона I, и, хотя коронация произошла только после еще одного плебисцита, начиная с этой даты вся корреспонденция и государственные документы стали подписываться им «Наполеон», уже не «Бонапарт». К своему 35-му дню рождения корсиканец прошел долгий путь.

Несмотря на критику врагов — роялистов и стойких республиканцев, императорская корона была заслуженной наградой за поразительное обновление Франции, проведенное после мирных договоров Леобена и Амьена. Наполеон начал громадное гражданское переустройство. Ему пришлось преодолеть множество препятствий, избежать западни и достигнуть ярких успехов. Военная слава в лучшем случае преходяща, тогда как преобразование французского государства оказалось самым прочным памятником гению Наполеона.

Тем временем Наполеон еще «наращивал мышцы» для будущих великих войн. Подписание мирного договора в Амьене 25 марта 1802 года дало возможность первому консулу справедливо утверждать, что он выполнил свое обещание французскому народу, восстановив хотя бы подобие мира и спокойствия для нации, истомленной десятью годами непрерывных войн. Но если внешняя опасность на время исчезла, много грозных внутренних проблем обрушилось на первого консула, стремившегося укрепить и улучшить положение Франции. Прежде всего предстояло уничтожить остатки небольшой, но еще влиятельной якобинской оппозиции. Входящие в нее люди были сторонниками насилия, и очень скоро их вожаки оказались организаторами покушений. В первые дни консульства Напо-

леон делал искренние попытки примириться и привлечь на свою сторону этот элемент оппозиции, поэтому вторым консулом им был назначен бывший якобинец Камбасерес. Но уже через два года ему стало ясно, что по отношению к оппозиции необходимы более жесткие меры. В 1802 году по всей Франции были учреждены военные трибуналы специально для того, чтобы восстановить закон и правопорядок в департаментах, где царил разбой, но еще и с целью ускорить ликвидацию якобинских ячеек. По мере того как секретная полиция Фуше вскрывала заговоры — настоящие или вымышленные, якобинские или роялистские, — все больше и больше экстремистов-республиканцев попадало под расстрел или высылку. Агенты не спускали глаз с якобинских вождей; переписка вскрывалась, искусно внедрялись так называемые агенты-provocateurs (agents provocateurs). Жесткая цензура печати и слежка за светскими салонами, кстати пришедшая в конце концов к изгнанию из столицы влиятельной мадам де Сталь, ловко лишили оппозицию ее рупоров, и правительственные газеты стали немедленно изображать Бонапарта спасителем общества от угрозы якобинских экстремистов.

Роялисты представляли несколько другую проблему. В 1800 году они приветствовали приход генерала Бонапарта к власти, с чрезмерным оптимизмом отводя ему роль современного «генерала Монка»¹, которому суждено восстановить династию Бурбонов. Назначение скрытого роялиста Лебрена третьим консулом было примирительным жестом, но в течение года роялистские иллюзии превратились в глубокую ненависть к Бонапарту и всем его мероприятиям. Снова вспыхнуло восстание в Вандее, организовано несколько заговоров, направленных лично против первого консула. Двадцать четвертого декабря 1800 года была взорвана бомба подле кареты, которая везла Бонапарта в Оперу; первый консул не пострадал, но излил свою ярость на якобинцев, хотя Фуше был уверен, что это было делом рук роялистов. В 1803 году раскрыт роялистский заговор, в котором участвовали Моро, Пишегрю и другие высшие офицеры; следующий год принес получившее известность дело Кадудаля — заговор, в котором был замешан герцог Артуа.

Бонапарт разделялся с этой всевозрастающей угрозой заговоров, умело сочетая политику кнута и пряника. Используя представившуюся, по его мнению, возможность свести старые счеты со своим самым опасным соперником — генералом Моро, — Бонапарт организовал дело так, что его вытащили на суд по обвинению в измене, связанной с неудавшимся заговором Кадудаля. Но события пошли не по задуманному Наполеоном плану. Популярность Моро перевесила его публичное осуждение; многие известные юристы отказались участвовать в обвинении. Встревоженный Бонапарт узнал, что часовые в суде отдадут честь при появлении Моро. Члены специально подобранного суда оказались недостаточно подготовленными, и потребовалось сильнейшее давление правительства, чтобы вынести Моро легкий приговор — изгнание. Первому консулу ничего не оставалось, как подписать его. Шарлю Пишегрю не так повезло — он был найден мертвым в своей камере при подозрительных обстоятельствах; это было признано самоубийством, хотя многие обвиняли правительство в совершении им политического убийства.

Безжалостное устранение подозреваемых или возможных заговорщиков проводилось при помощи всего аппарата террора полицейского государства и достигло своей кульминации в печально известном похищении и убийстве герцога Энгиенского в марте 1804 года. Этот несчастный бурбонский принц был захвачен отрядом французской кавалерии в Эттенгейме в нейтральном Бадене, где он жил, и увезен в Венсеннский замок, где был судим по подстроенному обвинению в причастности к заговору Кадудаля и расстрелян на рассвете 21 марта. Желая дать ро-

¹ М о н к Джордж (1608—1670) — английский генерал, сподвижник Кромвеля, сражался против роялистов, затем после смерти Кромвеля возвел на престол короля Карла II, сына казненного Карла I.

ялистам урок, который запомнился бы им навсегда, Бонапарт прибегнул к мстительной безжалостности, напоминающей массовые убийства в Яффе и Каирской цитадели. Даже циничный Фуше счел за благо упрекнуть своего хозяина, по крайней мере, так он утверждал через много лет после этого события: «Я знаю, что привело вас сюда, — сказал он (Бонапарт). — Сегодня я наношу сильнейший удар, который абсолютно неизбежен». Я указал ему на то, что это вызовет гнев и во Франции, и во всей Европе, если только он не даст неоспоримых доказательств того, что герцог замышлял в Эттенгейме заговор против него. «Какие еще доказательства требуются? — воскликнул он. — Разве он не Бурбон и не самый опасный из них?» Я продолжал настаивать, указывая, что в этом случае политические соображения должны перевешивать государственные интересы. Все было тщетно... «Это больше чем преступление, — сказал я. — Это ошибка»(1). Но корсиканец был полон решимости продолжать свою вендетту против династии Бурбонов, чтобы дать полезный урок оппозиции.

Бонапарт не раскаивался в этом до конца своих дней. «Что опять об этом Энгийенском? — воскликнул он на Святой Елене. — Но какое значение имеет один человек, в конце концов?»(2) Столь позорный поступок нельзя оправдать ни с каких точек зрения, но это дело сослужило хорошую службу Бонапарту в двух отношениях. Во-первых, оно явилось грозным предупреждением всем французским аристократам — будь они в своей стране или в эмиграции, — что никакой высокий титул не спасает от мести Наполеона; во-вторых, оно заткнуло рот закоренелым республиканцам, не перестававшим обвинять первого консула в намерении восстановить династию Бурбонов. Тем не менее весть об этом злодеянии облетела все страны и вызвала ужас не только во Франции, но и во всей Европе. Маркиза де Надайак описала это «всеобщее отвращение» и даже сочинила балладу, подпольно распространявшуюся на улицах Парижа в 1804 году:

Je vécus très longtemps de l'emprunte et l'aumône,
De Barras, vil flatteur, j'épousai le catin;
J'étranglai Pichegru, j'assassinai Enghien,
Et pour tant de forfaits, j'obtins une couronne!(3).

Однако существовала и другая сторона медали. Хотя Бонапарт бывал совершенно безжалостен, чаще он был снисходителен к своим противникам. Он отменил позорный закон о подозреваемых, вернул собственность (если она еще не была продана) тем эмигрантам, которые пожелали вернуться во Францию. До 40 000 человек воспользовались этой поблажкой, и их знания и способности быстро нашли применение; многие вошли в ряды офицерского корпуса или были представлены ко двору. Умнейшим ходом Бонапарта в этих делах было стремление выдать себя за сочувствующего монархистским (хотя необязательно пробурбонским) симпатиям, широко популярным во всей стране, и со временем именно эта тенденция, тогда еще не осознанная, стала одним из факторов, приведших его к принятию императорской короны.

Третьим источником потенциальной оппозиции была Церковь. Бонапарт хорошо знал закоренелый консерватизм французского крестьянства в религиозных делах, и он вознамерился использовать его лояльность в собственных целях, ища примирения с папством. «Народ должен иметь религию, — однажды заметил он, — и эта религия должна быть в руках правительства»(4). Вероятно, то было самым смелым решением в его жизни, и во многом оно оказалось одним из тя-

¹ Я долго жил на долгах и на милостыне,
Я женился на шлюхе подлеца Барраса.
Я удавил Пишегрю, расстрелял Энгийена
И за эти злодеяния получил свою корону.

желейших ударов, нацеленных на психологию революции. Республиканские упрямцы в Совете министров, вольнодумцы в Трибунате, ожесточенные антиклерикалы в армии — все подняли бурю протеста против предлагавшегося им конкордата, и Бонапарту пришлось проводить его, в сущности, в одиночку. Хотя официальное соглашение было подписано с папскими послами в июле 1801 года, Бонапарт решился опубликовать все его статьи только через год, и даже тогда для этого потребовалась большая личная смелость и решительность. Однако преимущества этого решения во много раз перевесили связанный с ним риск. Одним ударом первый консул выбил из рук роялистов самое убедительное пропагандистское оружие; отныне стало невозможно представлять Бурбонов как единственных защитников христианской традиции во Франции. Конкордат также способствовал умиротворению Вандеи и улучшил отношения консула с католическими Бельгией и Италией.

Первый консул также безжалостно использовал законы о новом устройстве католической Церкви во Франции для того, чтобы убрать пробурбонских епископов и превратить служителей Церкви в платных служителей государства и проводников господствующей идеологии. Он знал, что кафедра проповедника — наиболее удобный канал распространения пропаганды среди крестьянства. Хотя основная масса населения приветствовала возвращение в папскую паству, отношения Бонапарта с Ватиканом не долго оставались дружескими. Он не старался скрыть свое отношение к Пале как к своей «дойной корове» — едва ли к чему-нибудь большему, — и совершенно не был расположен выносить религиозное вмешательство в дела государства. Тем не менее «алтари были восстановлены».

Другим источником трудностей в 1800 году стало безразличное отношение многих высших чиновников и генералов к государственным делам. Люди на вершине власти явно стали больше заниматься своим личным преуспеванием, чем беззаветным служением своему главе. За предшествовавшие десять лет сменилось немало глав государства, и многие представители верхушки среднего класса превратились лишь в «мастеров выживать» вроде Сьейеса. К проблеме этих ловкачей на высоких постах Наполеон подошел со своим обычным рвением и находчивостью. Решив извлечь максимум пользы из врожденного снобизма французских буржуа, первый консул в 1801 году учредил систему награждений, а первые медали и звания членов Почетного легиона были присвоены в мае следующего года. Эти предложения вызвали новую бурю недовольства у законодателей на том основании, что такое нововведение грозит уничтожением революционному принципу равенства (*egalité*). Однако правительство протасило это предложение в своей обычной манере, будучи уверено, что «палками людей ведут вперед». Бонапарт был убежден, что любое общество нуждается в определенной социальной иерархии для того, чтобы быть процветающим и дисциплинированным, и он обдуманно пошел на построение такой новой иерархии во Франции, при которой награда будет даваться за способности, а не за происхождение или положение. Желанные крестики из белой эмали на алой ленте оказались полезным средством воспитания преданности своему делу, хотя вернувшиеся из эмиграции аристократы игнорировали новую награду, не считая ее полноценной заменой старинных орденов Святого Людовика или Святого Духа.

Стремясь построить четко структурированное французское общество, Наполеон сделал еще один шаг вперед в 1804 году, создав новую аристократию; вначале много титулов было даровано членам его семьи, приближенным при дворе, некоторым особо отличившимся военным, помимо создания маршалства в том же году. Каждый из восемнадцати маршалов получил со временем титул герцога вместе с поместьями, землями и деньгами для того, чтобы они могли поддерживать соответствующий их новому положению уровень жизни. Первые герцогства были дарованы в 1806 году, но большинство этих награждений относятся к

1808 году. Несомненно, что на неизбалованных воинов эти новые лавры произвели большое впечатление. Многие далеко шагнули: маршал Ожеро, герцог Кастильона — от родных парижских трущоб, или маршал Массена, герцог Ривольский — от контрабандистских тропок своей юности. Еще более улыбнулась фортуна гасконцу Мюрату и экс-якобинцу Бернадоту, с течением времени получившим королевские короны. На следующий год после коронации Наполеона близким родным были даны титулы принцев, и со временем новая поросль герцогов, графов, баронов и шевалье заполнила весь императорский (экс-консульский) двор, поддерживая его величие.

Сначала все титулы носили иностранные названия, но в 1808 году была создана чисто французская знать. К 1814 году были 31 герцог, 450 графов, 1500 баронов и столько же шевалье.

Образование новой элиты в обществе несомненно явилось значительным отходом от идеала общественного равенства, за которое так ратовали вожди раннего этапа революции, но равенство возможностей было сохранено. Каждый мог высидеть в силу собственных заслуг, и пресловутый маршальский жезл действительно «лежал в ранце каждого солдата». То же самое относилось и к перспективам гражданской службы. Это была эпоха возможностей для тех, кто желал подчинять себя воле императора. Социальные мероприятия Наполеона стабилизировали французское общество, прошедшее более чем десятилетия неустойчивости и неуверенности, и он безусловно основал достаточно здоровую иерархию сподвижников, полностью зависевших от его судьбы. Только в 1814 году эта система предала его, когда обласканные и обильно награжденные им маршалы, боясь потерять свои отличия и богатства, вынудили отречься своего императора.

Самым досадным препятствием, стоявшим перед Наполеоном, была Конституция 1799 года. На высшем исполнительном уровне никаких проблем не было; из трех консулов первый был безусловно самым влиятельным, и у Бонапарта не было хлопот ни с Лебреном, ни с Камбасересом. В раннюю эпоху Консульства оказалось более трудным справиться с некоторыми министрами, но он вскоре нашел средства уменьшить их влияние. Всегда, когда это было возможно, он избегал заседаний Совета министров, так как взял за правило индивидуально работать со своими старшими подчиненными. С немалой находчивостью он стравливал их между собой или направлял против Совета, а сам уменьшал их власть, дробя министерства и дублируя их функции. Этот последний метод оказался исключительно полезным, чтобы держать вне посягательства незаменимого, но опасного Фуше. С течением времени и превращением Консульства в Империю Наполеон стал все больше окружать себя честолюбивыми молодыми людьми, тщательно подобранными и тщательно подготовленными, считая, что они будут служить ему беззаветнее, чем старшее поколение; так, один из глав департамента был 22-летним юношей. Император также старался назначить на ответственные должности министерства скорее людей второразрядных (Фуше и Талейран были исключением) — в течение многих лет послушный Море находился на ключевом посту государственного секретаря. Такие меры держали чиновников в подчинении, а эффективность работы, как правило, сохранялась и улучшалась.

С законодательной ветвью власти хлопот было больше, чем с исполнительной. По Конституции 1799 года она была разделена на три части. Первой был Сенат, состоявший из 60 человек, предназначенный служить «охранителем Конституции», затем был Трибунал из 100 членов, в обязанности которых входила подготовка новых законов на основе предложений, выдвигаемых государственным советом; наконец, третьим был Законодательный корпус (300 депутатов, выбранных из списков, представлявших департаментами), чьей задачей было голосовать по предлагаемому законодательству, без права какой-либо инициативы или даже обсуждения. Из этих трех учреждений Трибунал оказался наиболее неуправ-

ляемым для желаний Бонапарта. Он возглавил оппозицию идее конкордата с Римом и даже имел смелость отклонить первый проект Гражданского кодекса. Наполеон, не теряя времени, призвал его к порядку. В 1803 году он увеличил количество членов лояльного Сената еще на 40 человек, вдвое уменьшив численность и Трибуната, и Законодательного корпуса, и лишил этих последних права выбирать своих председателей, возложив обязанность их назначения на себя самого. Через четыре года Трибунал был вообще упразднен. Однако перед воплощением в жизнь этих радикальных мер глава государства изобрел три интересных способа устранения возможной нежелательной обструкции. Во-первых, он стал шире использовать сенатус-консульты¹, игнорируя и Трибунал, и Законодательный корпус, для протаскивания своих самых непопулярных мероприятий. Во-вторых, он часто применял так называемые решения Совета (arrets), провозглашаемые государственным советом. В-третьих, он прибегал к плебисциту французского народа в трех отдельных случаях: в декабре 1799 года населению предлагалось одобрить конституцию; в 1802 году 3 500 000 человек проголосовали за пожизненное консульство и 8000 были против, в 1804 году такое же число французов одобрило «императорский пурпур» для Бонапарта, причем против высказались только 2500 человек. Первые два плебисцита, по-видимому, были подлинными волеизъявлениями, но третий был, по крайней мере частично, «подкорректирован», потому что около полумиллиона голосов «за» было зарегистрировано от армии и флота, хотя ни в одном виде вооруженных сил не было никаких возможностей для голосования.

Тем не менее Наполеон всегда считал себя «выразителем воли французов», обосновывая свое право на власть поддержкой преобладающего количества простых людей (почти таким же образом спустя 130 лет поступали Гитлер и Муссолини). Причиной его явной популярности во всей стране без всякого сомнения было то, что он закрепил перераспределение земель, предпринятое во время революции. Крестьянин остался законным собственником своих акров земли, вырванных у Церкви или знати, и Наполеон не жалел трудов, чтобы успокоить тружеников и внушить им, что он является их защитником и что их недавно приобретенная собственность и земли остаются неотчуждаемыми. Поэтому и неудивительно, что осмотрительное французское крестьянство оказало ему массовую поддержку, и этот союз главы государства с населением стал краеугольным камнем могущества Наполеона. Только когда вся тяжесть воинской повинности заставила обезлюдеть всю страну в последние годы Империи, только тогда эти отношения ухудшились.

Щедро одаривая народ иллюзией, что он сам выбирает себе форму правления, Наполеон умело проводил великолепные спектакли для услаждения городского населения. Он был великим мастером создания внушительных зрелищ, и роскошные военные парады в столице были рассчитаны на то, чтобы поразить общественное мнение и подстегнуть истерический патриотизм. Немецкий писатель Коцебу присутствовал «на наиболее впечатляющем спектакле» — параде на площади Карусели; он отмечает подчеркнутый контраст между Наполеоном и его окружением: «Он появился, окруженный генералами и адъютантами в великолепных мундирах, но сам Бонапарт был в очень скромном мундире, без всяких украшений, в простой шляпе без султана». Наблюдатель также заметил то внимание, которое первый консул уделял каждой проходившей перед ним военной части, «приказывая каждой выполнить определенные военные эволюции»(5).

Следуя примеру властителей Римской империи, Бонапарт всегда старался обеспечить людей не только «хлебом», но и «зрелищами», и ни одно повествование о его правлении не будет полным без упоминания о тех великих гражданских достижениях, которые обеспечили Франции невиданный уровень процветания и внут-

¹ Сенатус-консульт — акт, принимаемый только Сенатом и имеющий силу закона.

ренного порядка, во всяком случае до 1812 года. Предпринятые им мероприятия отнюдь не имели полностью бескорыстного или идеалистического оттенка; многое возникало из его постоянного недоверия к народу. Однажды он сказал: «Я боюсь мятежа, вызванного недостатком хлеба, больше, чем крупного сражения», и великое преобразование Франции было предпринято с тем, чтобы подавить голос оппозиции, и для того, чтобы обеспечить прочный фундамент для ведения будущих войн, которые император считал неизбежными, пока не завоевана Великобритания.

Финансовая реформа была одной из первых мер, предпринятых Наполеоном. Его предшественники уже немало сделали для уничтожения анахроничной системы налогообложения старого режима, а Директория даже пошла на то, чтобы отменить ничего не стоящие «ассикнаты», которые даже в лучшие времена обменивались в соотношении 12 000:1 на одну золотую 24-франковую монету. С помощью финансистов Годена, Барбе-Марбуа и Моллиена первый консул повысил эффективность налогообложения и сбора налогов. Бонапарт очень старался избежать повышения уровня налогов, чтобы не рисковать добрым отношением французских крестьян и буржуа. Улучшение сбора обычных налогов наряду с жесткой экономией правительственных расходов (исключая статью на армию), использование накопленных за десять лет военных трофеев и продажа остальных государственных земель позволили правительству справляться с тратами в мирное время, не прибегая к повышению налогов. Очевидно, это было возможно только путем использования национального капитала, случайных поступлений и некоторых сомнительных финансовых средств. Шаптал, способный министр внутренних дел, отметил: «Наполеон боялся народа, он страшился восстаний, и этот страх постоянно приводил его к принятию ошибочных мер»(6). В эпоху общеевропейской войны пришлось вводить новые налоги, из которых особенно непопулярным был «прямой объединенный налог» («Droit réuni»). Однако к числу наиболее конструктивных финансовых мер относится образование Французского банка в 1800 году, которому был поручен полный контроль над процентной ставкой национального долга и монопольное право на выпуск бумажных денег, что во многом способствовало стабилизации французской экономики.

Кроме фискальной системы, экономическая политика Консульства и Империи основывалась на принципах полной занятости населения и открытия больших иностранных рынков. Французские купцы вскоре увидели, какие богатые возможности открываются перед ними на континенте, но заморская торговля оказалась в полном провале после возобновления враждебных отношений с Великобританией. Однако жесткий государственный контроль привел к высокому уровню материального благоденствия и в сфере промышленности, и в сельском хозяйстве. Производство шерсти выросло на 400% и начало соперничать с цветущими шелкопроизводящими предприятиями юга, а рост сельскохозяйственного производства поощрялся государственными дотациями, открытием научных институтов, организацией выставок и награждениями. Жесткий и, по мнению многих экономистов, неосуществимый контроль держался над ценами на зерно, и в течение многих лет они были намного ниже истинных затрат благодаря стремлению императора сохранять хорошие отношения с народными массами.

Поощрялось развитие учреждений народного благосостояния, если это не шло вразрез с политикой правительства. В районе вокруг Льежа экспериментировали с прообразом страхования по болезни, и с течением времени возникло много независимых обществ взаимопомощи. По всей Франции были улучшены и модернизированы работные дома, которые совсем не несли печати социальной отверженности, характерной для английских учреждений этого рода. Все эти меры имели просветительский характер, однако у наполеоновских реформ была и другая, не столь конструктивная сторона. Например, профессиональные союзы без-

жалостно запрещались как якобинские учреждения; рабочие гильдии находились под строгим надзором, и каждый рабочий по закону обязан был иметь всегда при себе разрешение на работу под страхом тюремного заключения. Такие ограничительные меры показывают, что за фасадом «государства благосостояния» скрывается упорное недоверие императора к народу.

Было значительно улучшено образование, но и в этой области ощущалось давление тоталитарного государства; степень государственного контроля над содержанием образования была очень велика. Конструктивной стороной было постановление в 1802 году, разрешавшее каждой коммуне иметь у себя начальную школу, а в каждом департаменте должна быть по крайней мере одна средняя академия, в больших городах — лицеи (как звено между средней и высшей школой). Математика и все научные предметы всячески поощрялись, но большинство гуманитарных предметов были запрещены или жестоко урезаны; особенно строго правительство запрешало преподавание современной истории, учащихся заставляли усердно изучать эпоху Карла Великого, с которым император желал соперничать. Преподавательская профессия тщательно контролировалась государством; все педагоги академий, лицеев и школ обязаны были принадлежать к Университету Франции — корпоративному организующему и экзаменуемому учреждению. Многие в области образования было передано Церкви, хотя и эта деятельность тоже находилась под полным контролем Наполеона.

Действенность законов и правоохранительных органов намного улучшилась в результате его особого внимания к этим структурам; в 1802 году создана новая национальная полиция с отделениями в каждой коммуне, а в 1803 году разосланы специальные трибуналы с целью объезда департаментов. До тех пор, пока не обострилась проблема рекрутов-отказников, полиция обычно держала в руках криминальную ситуацию, и уровень преступности немного снизился. За полицией стояла и новая система местного управления, в сущности унаследованная от более просвещенного старого режима. Снова главным была строгая централизация. Согласно закону от февраля 1800 года, каждый департамент был подчинен префекту, непосредственно отчитывавшемуся перед Парижем. Ему подчинялись супрефекты, стоявшие над каждым округом, и в каждую коммуну назначался мэр. На всех уровнях правительственному чиновнику помогал совет из местных нотаблей. Таким образом, Франция управлялась 83 «малыми консулами», и вся система имела большое сходство со старым интендантством XVIII столетия. Наполеон никогда не гнушался заимствовать полезные дела из прошлого для украшения настоящего.

Составление Гражданского кодекса — вершина созидательной деятельности Наполеона. В 1800 году первый консул учредил две комиссии для пересмотра законов, которые немного позднее объединил в одну под председательством Камбасереса. Предложения этой комиссии рассматривались Судебным комитетом Государственного совета, до представления первому консулу для окончательного решения. И здесь революционные реформаторы раннего периода консульств во многом облегчили работу своих преемников, отвергнув большинство древних юридических законов, которые во времена Наполеона безнадежно устарели. Первый консул получал ценную профессиональную помощь от ряда талантливых юристов. Тем не менее он сам глубоко интересовался созданием нового кодекса законов, лично присутствуя, например, не менее чем на 57 заседаниях из 109 проведенных обсуждений Гражданского кодекса. «За четыре года консульства он собирал несколько советов каждый день, — записал Шапталъ, — на них поочередно обсуждались все стороны управления, финансов, законов; и так как он был одарен замечательным умом, первый консул часто предлагал глубокие комментарии и очень здравые рассуждения, поражавшие даже знатоков... Эти совещания часто продолжались до пяти часов утра, потому что он никогда не оставлял дело нерешенным, пока сам не приходил к определенному выводу»(7).

Пересмотренная система законов была основана на терпимости и равенстве, неприкосновенности частной собственности и на главенствующей роли отца в семейной жизни. Под давлением Наполеона французские законы все более кодифицировались и усовершенствовались. Гражданский кодекс был введен между 1802-м и 1804 годами, за ним последовали Гражданский процессуальный кодекс (1806), Коммерческий (1807), Уголовный (1810) и Уголовно-процессуальный (1811). В совокупности эти кодексы стали поразительным юридическим достижением, влияние которого все еще чувствуется во Франции, Бельгии, Нидерландах, Италии и некоторых частях Германии. Как сказал иронически один префект, «Бог создал Наполеона и затем опочил»(8).

Французы быстро почувствовали весь размах национальной перестройки, организованной генералом Бонапартом. Его присутствие у государственного руля стало все больше и больше увязываться с представлениями о национальной и личной безопасности, и желание упрочить его положение как главы государства стало быстро входить в общественное сознание. Уже в 1800 году люди стали бояться заговоров — того рокового действия, которое могли бы оказать на развитие и процветание Франции пуля убийцы, кинжал или бомба. Циничные реалисты на высоких постах тоже начали понимать, что безвременная смерть первого консула или переворот скорее всего повлекут за собой их собственную гибель. Такой ход мыслей у властей способствовал подготовке почвы для следующего шага Наполеона к трону — пожизненному консульству. Первое упоминание о том, что готовилось, промелькнуло в умело выбранный момент — подписания Амьенского мира 25 марта 1802 года; 6 мая был торжественно провозглашен мир, а через два дня было внесено официальное предложение сделать Бонапарта пожизненным консулом. Он потребовал плебисцита для решения этого вопроса и для того, чтобы тем самым обойти враждебность Трибуната. Народное одобрение в результате опроса оказалось подавляющим. Однако характерно, что большая часть оппозиции, препятствовавшей прохождению предложения, исходила из рядов армии. В августе Сенат провозгласил пожизненное консульство «во имя Народа» и довольно подчеркнуто выбрал этот же день для открытия большого монумента Мира в столице. Это новое положение позволяло Бонапарту назначить своего преемника, а его конституционные полномочия были расширены за счет государственного совета и непокорного Трибуната.

От звания пожизненного консула до «императорского пурпура» путь был уже коротким. Двор первого консула по своей организации и тону был уже монархическим, согласно намерению Бонапарта, осознанно приучающим общественное мнение к таким переменам. Он хотел слить вместе всех людей — военных, возвращавшихся аристократов, нуворишей — и всех привязать к себе. Он не имел вкуса к роскоши придворной жизни, но, как сказал финансист Моллиен, «он всегда был готов пожертвовать своими простыми вкусами ради большего интереса»(9).

Наполеон приложил все усилия, чтобы его двор ни в чем не уступал необходимым стандартам; тщательно изучались старые книги об этикете, и новый том — «громадный, как Гражданский кодекс» — был произведен на свет под руководством весьма старого господина, извлеченного из мирного уединения в провинции в силу того, что когда-то он имел честь быть королевским пажом в Версале. Блестящие мундиры были созданы для гофмаршала двора, шталмейстера и многочисленных других придворных чинов. Однако все это новое великолепие было вначале весьма поверхностным, и графиня Потоцкая несколько ядовито записала в своих воспоминаниях: «Этот Двор — столь величественный издали — не выдерживал близкого рассмотрения. Были заметны какое-то замешательство, недостаток гармонии, уничтожающие все впечатления величия и роскоши, которые можно было бы ожидать здесь. Ни в чем не чувствовалось принужденности. Казалось, вы присутствуете на репетиции, где актеры примеряют костюмы и повторяют свои роли»(10).

Собственно, заговоры 1803-го и 1804 годов были неожиданной удачей, потому что они заставили людей естественно принять идею о Наполеоне-императоре. Всеобщее волнение, последовавшее за раскрытием заговоров, снова пробудило тревогу людей за будущее Франции. Чтобы гарантировать продолжение правления Наполеона, было необходимо обеспечить наследственность власти, чтобы она перешла к члену семьи Бонапарт de jure, чтобы не оставить надежды новым заговорщикам против режима. Разумеется, эти чувства совпали с собственными желаниями Наполеона. На Сенат и ослабленный Трибунал было оказано сильное давление, чтобы обеспечить беспрепятственное прохождение соответствующего законопроекта. Восемнадцатого мая 1804 года это было сделано должным образом, и Империя была провозглашена в тот же день, но по просьбе императора 6 ноября состоялся плебисцит, давший благоприятный, хотя и несколько подозрительный результат. И 2 декабря 1804 года Наполеон был коронован как император Франции, хотя до конца своих дней он так и оставался просто генералом Бонапартом для своих зарубежных врагов. «Жозеф, если бы только отец мог сейчас видеть нас!..»(11) — прошептал он брату, поднимаясь по ступенькам трона. Как и предсказывал Робеспьер, возражая против объявления войны в 1792 году, случилось то, что из борьбы и смуты появился такой абсолютный монарх, какого еще до сих пор не знала Франция. Но не все, за что боролась революция, погибло. Лучшие принципы равенства возможностей и fraternité были включены в новый порядок, революционный земельный передел так и остался священным, но все это было достигнуто за счет уничтожения политической свободы. Тем не менее Наполеон Бонапарт принес усыновившей его стране период мира, пусть и недолгого, за который он успел установить твердое управление и обеспечить безопасность нации, начав преобразование каждой стороны жизни общества. За эти дары он получил искреннюю благодарность народных масс. Порядок, организованный труд и процветание казались стоящими тирании — по крайней мере, вначале. Чисто военная диктатура едва ли могла выжить так долго.

Глава 30

БУЛОНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Благоденствие в условиях полного мира длилось лишь четырнадцать месяцев, но прошло почти три года, и снова началась большая война на континенте. Причина возобновления войны сложна: ее корни уходят еще в 1789 год, и даже в еще более ранний период. Но непосредственной причиной было взаимное недовольство, ощущавшееся всеми государствами, подписавшими мирные договоры 1801-го и 1802 годов. Собственно, сами эти договоры являлись временными перемириями, потому что истинные причины борьбы не были устранены. Это особенно справедливо в отношении раздоров между Великобританией и Францией. Британское правительство имело веские основания быть недовольным условиями Амьенского мира и международной обстановкой, им созданной. Прежде всего, вскоре стало ясно, что Бонапарт решил вытеснить британское влияние с континента открытыми и скрытыми способами, которые были в его распоряжении. Попытки Британии выработать новое торговое соглашение между двумя странами встретило ледяной отказ со стороны Франции. Такое отношение плюс факт контроля Францией, установленного над Антверпеном и Шельдой, убедило многих членов парламента Британии, что возобновление войны будет отложено не надолго. Не было никаких признаков того, что территориальные притязания Бонапарта в Европе наконец удовлетворены; Пьемонт, Эльба, Парма, Швейцария и Голландия были поочередно присоединены или удержаны по подстроенным поводам за период с апреля 1801 года по

сентябрь 1802 года. С самого начала стало ясно, что Бонапарт намеревается использовать тактику «холодной войны», чтобы завершить свои незаконченные территориальные притязания, и угроза британским континентальным рынкам постоянно возрастала.

Трения между двумя державами особенно обострились в вопросе о колониях. По условиям мира Британия согласилась возвратить все свои заморские завоевания с 1793 года, за исключением Цейлона и Тринидада, их прежним владельцам. В ответ на это Франция согласилась уйти из Египта, эвакуировать Неаполь и гарантировать независимость Португалии и Ионических островов, и за эту относительно небольшую плату она была восстановлена в положении колониальной державы. Условия договора, согласно которым Британия должна была вернуть Минорку Испании, а Мальту — ордену Святого Иоанна, очевидно, способствовали возвращению Франции морского владычества в Средиземном море. Эти потери сами по себе не сулили ничего хорошего Британии, но к тому же первый консул, казалось, не жалея сил, продолжал разжигать вражду в первые же месяцы после подписания мира. Отправка экспедиционного корпуса под командованием его зятя генерала Леклерка для захвата Сан-Доминго — этого «царства лихорадки» — у восставшего вождя Туссена Лувертюра было только началом. Бонапарт также заставил слабое испанское правительство вернуть Луизиану Франции, и в течение какого-то времени казалось, что он планирует создание новой империи на Миссисипи. Со временем, однако, оказалось, что ни один из этих замыслов не обеспечил длительного успеха. Пленение Туссена только ненадолго опередило уничтожение желтой лихорадкой армии Леклерка, а Луизиана была продана Соединенным Штатам в 1803 году за 80 миллионов франков, столь необходимых для продолжения войны против Великобритании. Но самой серьезной угрозой британскому колониальному владычеству, по-видимому, была таинственная, но вместе с тем разрекламированная миссия полковника Себастьяни в восточные средиземноморские государства, снаряженная в конце 1802 года. Это событие, казалось, предвещало оживление интереса Франции к Сирии и Египту, и наихудшие опасения Британии были не беспочвенны, что стало ясно в январе 1803 года, когда французское правительство подготовило экспедицию в Индию.

Хотя Франция безусловно нуждалась в длительном периоде реального мира, чтобы могла завершиться ее социальная и экономическая реконструкция, но восстановительные действия Франции могли рассматриваться только как намеренные провокации против Великобритании. Британское общественное мнение все более утверждалось в уверенности, что единственным мотивом Бонапарта при заключении мира в 1802 года было стремление выиграть время для восстановления своего разгромленного флота и подготовки вторжения. В этой атмосфере все растущей тревоги неудивительно, что британские войска были отозваны из Египта с величайшей неохотой или что британское правительство отказывалось провести обещанную эвакуацию Мальты, используя ряд технических зацепок в тексте мирного договора для оправдания продолжавшейся оккупации Средиземного моря. Все большее количество военных кораблей, которые ранее были постоянно законсервированы, готовилось к выходу в море, а в портах Англии опять появились отряды вербовщиков. Британская печать начала ожесточенную клеветническую кампанию против первого консула, и ядовитые выпады английских комментаторов и карикатуристов вызывали страшное негодование в Тюильри. В отместку французское правительство обвиняло Британию в нарушении условий мирного договора, относящегося к Мальте, и делались попытки связать с британскими агентами заговоры с целью убийства Наполеона. Впрочем, вожди шуанов, не скрываясь, действовали с острова Джерси. Гордость Бонапарта была уязвлена тем, что он называл британским вероломством, и, несмотря на искренние старания Талейрана

отыскать почву для примирения, надежды на решение обеспечить длительное мирное существование быстро исчезали.

К марту 1803 года новая война явно назревала. Сомнения были лишь в том, какая сторона возьмет на себя инициативу начала войны и заработает себе имя «агрессора». В конце концов премьер-министр Аддингтон 10 мая взял быка за рога, опубликовав, в сущности, ультиматум Франции, зная, что французскому правительству необходимо отложить начало военных действий хотя бы еще на несколько месяцев из-за сложной программы внутренних реформ и неготовности вооруженных сил. Галльская пресса не теряла времени и начала метать громы и молнии против «вероломного Альбиона», «нарушителя договоров», и вскоре французское правительство направило 160 000 человек в порты на Ла-Манше для образования новой Английской армии под командованием Сульта и Нея. Со своей стороны, британское правительство немедленно наложило аресты на все французские торговые суда в британских портах. Бонапарт ответил тем, что арестовал всех британских граждан, живших или проезжавших по территории Франции и ее сателлитов. Шестнадцатого мая Франция объявила войну, и первые выстрелы прогремели в Ла-Манше, когда фрегат королевского флота столкнулся с французским конвоем. Так началась целая эпопея борьбы между Великобританией и Францией, которой было суждено окончательно завершиться на поле Ватерлоо, более чем через двенадцать лет.

До зимы 1804 года война ограничивалась участием в ней только двух великих держав, разделяемых водами Ла-Манша. Кое-что происходило, правда, и на континенте — например, Франция, не теряя времени, оккупировала Ганновер и захватила Неаполь, Испанию сделали французским союзником, и английские товары были на время запрещены в Португалии, — но война в основном оставалась морской. Наполеон понимал, что единственным путем преодоления неутолимой враждебности Великобритании к Франции было бы вторжение в страну с тем, чтобы «мир был продиктован французами из Виндзорского замка», но главным предварительным условием подобного развертывания событий должно было быть завоевание морского господства французским флотом в Ла-Манше.

«Так как со стороны континента пока нет признаков непосредственного нападения на Францию, я пользуюсь случаем угрожать Англии вторжением. Будучи хотя и трудной, эта операция всегда рассматривалась как возможная; стоит осуществить высадку, и захват Лондона почти обеспечен. После оккупации столицы будет создана мощная политическая партия против олигархии... Лондон находится на недалеком расстоянии от Кале; английская армия, рассеянная вдоль побережья, не могла бы быстро сосредоточиться, чтобы прикрыть столицу. Конечно, для этой экспедиции было бы недостаточно армейского корпуса, но ее успех был бы почти несомненно обеспечен, если бы 150 000 человек появились перед Лондоном в течение пяти дней после их высадки. Флотилии были единственным средством, которым можно было осуществить переправу 150 000 человек за несколько часов с обходом всех мелей. Эта переброска должна быть осуществлена под защитой эскадры, собранной на Антилах и пришедшей оттуда под полными парусами к Булони... Пятьдесят судов, вышедших из Тулона, Бреста, Рошфора, Кадиса и с Востока, соединятся на Мартинике. Их выход в море заставит Англию дрожать за обе свои Индии, и, пока британский флот будет искать их около Антильских островов и мыса Доброй Надежды, наши суда соединились бы перед Булонью и обеспечили десанты на побережье Англии. Потребовалось бы только десять часов для высадки 150 000 дисциплинированных и опытных солдат на берег, лишенный укреплений и защиты регулярной армии. Всегда предполагается, что английский патриотизм вызвал бы массовую мобилизацию для защиты своей страны и что отход моей армии был бы невозможен. Такой патриотизм был бы препятствием при любых обстоятельствах, но если мы заранее провозгласили демократические принципы, мы

смогли бы найти достаточно сторонников и в Англии, чтобы расколоть общество, чего будет достаточно для паралича остального населения»(12).

Этот отрывок отразил размах намерений Наполеона. Его надежда на действенность тщательно организованной «пятой колонны», которая должна была бы парализовать сопротивление, вероятно, была иллюзорной, потому что даже самые крайние виги в Британии к этому времени полностью поддерживали войну. Но прежде всего, тут видна надежда Наполеона на то, что его флот способен осуществить десант через Ла-Манш, — та надежда, в которой таились семена будущего сильного разочарования. Но пока что французские войска были настроены оптимистически; Английская армия вставала лагерями по всему побережью Ла-Манша и начинала тренироваться и готовиться к высадке с боем. Было собрано огромное количество разного военного снаряжения и припасов. Антверпен был превращен в военно-морской арсенал, и плоскодонные суда собирались в каждом порту между Остенде и Этаплем. Однако время шло, и энтузиазм стал понемногу остывать — все еще не показывалась эскадра Вильнёва, которую ожидали входящей в Ла-Манш. Главный лагерь в Булони, около Мулен-Юбера, принял аккуратный и благоустроенный вид. Французские войска славились своим умением комфортабельно устраиваться, будто только на время, и вскоре примитивные палатки, рассчитанные на пребывание в них в течение первых нескольких недель, превратились в хорошо выстроенные бараки, окаймленные садиками вдоль улиц, обсаженных деревьями. К концу булонский лагерь выглядел совсем как процветающий провинциальный городок, а не временное военное поселение. Однако солдаты начинали страдать от длительного бездействия.

Император несколько раз приезжал для осмотра своих войск, стремясь поднять боевой дух солдат; эти смотры были великолепными зрелищами, и их кульминацией было знаменитое награждение, когда 16 августа 1804 года Наполеон вручал офицерам и солдатам желанные кресты Почетного легиона в присутствии всей армии, выстроенной колоннами в веерообразном порядке под звуки 1300 барабанщиков, выбивающих дробь «На поле боя». Через три дня после коронации в декабре была устроена еще одна картинная церемония, на этот раз в Париже, когда на Марсовом поле были собраны командиры всех полков французской армии и император лично вручил каждому полковнику штандарт его полка с имперским орлом. Несмотря на ливень, обращение императора вызвало взрыв патриотических чувств: «Воины! Вот ваши знамена! Вы будете всегда сплачиваться вокруг этих орлов. Они будут летать там, где ваш император сочтет необходимым защищать трон и свой народ. Клянётесь ли вы положить свою жизнь в их защиту и всегда со своей храбростью высоко держать их на пути к победе?» — «Клянемся!» — зазвучал мощный хор голосов, и промокшие трехцветные знамена поднялись вверх.

Но не все смотры вооруженных сил были так успешны. Например, 20 июля 1804 года произошел печальный случай, когда Наполеон, не посчитавшись с мнением своих адмиралов, приказал всем булонским флотилиям продефилировать перед ним, несмотря на приближение шторма с моря. Адмирал Брюн был уволен со службы и выслан в Голландию за то, что осмелился перечить императору, а запуганный вице-адмирал Магон дал необходимую команду. Результаты можно было предвидеть: «Более 20 сторожевых кораблей с пушками и матросами были выброшены на берег, причем несчастные громко зывали о помощи, барахтаясь в огромных волнах»(13). Более 2000 человек утонуло, а император расхаживал взад и вперед по берегу нахмуриив брови и, казалось, совершенно не думая о несчастье, которое он навлек без всякой нужды. Тенденции мегаломании уже начинали проглядывать в его личности.

Несмотря на подобные случаи, говорящие о многом, военно-морская политика Наполеона в целом была более здравой, чем ее иногда представляют. Хотя господство королевского флота на морях никогда не оспаривалось полностью после

Трафальгара, присутствие потенциально опасных французских эскадр в полудюжинных портах было угрозой, которую британское правительство не могло игнорировать. Англия гораздо более Франции зависела от свободного использования своих морских путей, и, очевидно, Наполеон понимал это. Поэтому большие усилия прилагались к тому, чтобы увеличить количество каперов, подстергавших британские торговые корабли, а угроза какой-нибудь военной экспедиции, которая могла бы незаметно выскользнуть из Бреста или Тулона и взять курс на Ирландию или какую-нибудь другую отдаленную колонию, все время висела над Британией, даже когда угроза вторжения была полностью исключена. Наполеон изобретал и другие формы косвенного морского давления на «владычицу морей»: делались изощренные попытки использовать в интересах Франции суда нейтральных европейских держав, потому что Наполеон прекрасно понимал, насколько велика военно-морская ответственность Британии и как пагубно отзывается на ее ресурсах даже небольшое увеличение французских военно-морских сил. Этими способами Наполеон непрерывно поддерживал неутомимое военное и экономическое давление на своего заядлого врага. Французские линейные корабли могли гнить, стоя на якоре во французских портах хоть на протяжении всей войны, но оставить их в таком положении требовало меньше затрат по сравнению с колоссальными затратами Англии на содержание год за годом истрепанных штормами, замученных цингой эскадр военно-морского флота на их блокирующих сторожевых пунктах. И не раз бывало так, что необходимость предотвращения захвата Францией нейтральных торговых кораблей вынуждала британское правительство совершать незаконные вторжения на территорию нейтральных государств (так было, например, в 1807 году в Копенгагене), после чего следовали международные осложнения. В общем, военно-морская стратегия Наполеона также свидетельствовала о его проницательности и умении, и он недаром держал своих врагов в непрестанном напряжении, даже когда было маловероятно осуществление реальной угрозы общему морскому превосходству противников.

Тем не менее Наполеон никогда не вникал во все детали войны на море в великую эпоху парусного флота. Тайны ветров и течений никогда не открывались ему, несмотря на весь его великий интеллект, а его приказы несчастным французским адмиралам показывают, что он ожидал от них умения двигаться со своими флотами от одного пункта к другому по точному расписанию, как если бы это были сухопутные дороги. В результате вся эта затея со вторжением была обречена на неудачу с самого начала. Британский военно-морской флот не спускал глаз с Бреста, Кадиса и Тулона, и поэтому только в конце марта 1805 года адмирал Вильнёв, бомбардируемый непрерывными приказами из Парижа, смог успешно проскользнуть около Тулона мимо сторожевых британских кораблей и взять курс на Вест-Индию, как и планировалось. Некоторое время все шло хорошо. Нельсон пустился искать не прибывшего в срок Вильнёва, и Ла-Манш в течение шести дней был по меньшей мере частично не защищен, хотя блокада с Бреста полностью так и не снималась. Однако Наполеон решил дожидаться возвращения своего флота, прежде чем бросить Английскую армию десантом на побережье Кента. Удобный момент был упущен. В должное время Вильнёв вернулся в европейские воды, но не к Ла-Маншу; после ожесточенной, но не решающей стычки с эскадрой Колдера французский адмирал решил, что любое приближение к северу от Эль-Ферроля в Бискайский залив и тем более к Ла-Маншу будет слишком опасным, поэтому, проболтавшись несколько дней в середине августа в окрестностях бухты Виго, он приказал флоту идти в Кадис, где его сразу же подверг блокаде вернувшийся британский флот.

Наполеон не мог обуздать нескольких своих страшных приступов ярости (можно предположить, что отчасти и для просвещения потомства), проклиная моряков-изменников. Вильнёв, этот Жан-... (император никогда не стеснялся в выра-

жениях), предал его и загубил весь военный план по крайней мере на год вперед. Однако вполне возможно, что в душе Наполеон испытывал облегчение от того, что ему удалось найти такого удобного козла отпущения, на которого можно взвалить ответственность за неудавшийся план вторжения. Есть данные о том, что Наполеон уже давно убедился в неосуществимости собственного морского плана. Тогдашний его секретарь Бурьен утверждает, что он никогда и не рассчитывал на большее, чем на угрозу, но это крайне неправдоподобно. Совершенно точно известно только, что Наполеон уже принимал меры по отмене вторжения еще 8 августа, за две недели до того, как получил надежные вести от Вильнёва, что тот направляется в Кадис. Обращаясь к Бесьеру, командующему императорской гвардией, он пишет: «Мой кузен¹, я всегда писал Вам, приказывая сделать различные поручения относительно моей гвардии и прислать часть ее в Булонь. Если кто-нибудь из них уже выехал, пусть едут; но я теперь хочу, чтобы Вы держали остальных и были готовы ко всему, ожидая моих приказаний»(14). Новости о военных приготовлениях, предпринимаемых Австрией и Россией, были непосредственной причиной закрытия Булонского лагеря. Окончательное решение было принято 25-го. «Я принял решение, — писал император министру иностранных дел Талейрану, — я начинаю двигаться. К 17 сентября я буду в Германии с 200 000 человек»(15). В тот же день из императорской ставки вышли приказы, согласно которым вторжение в Англию откладывалось на неопределенное время и распускалась Английская армия (вскоре она должна была получить название Великой армии (La Grand Armée). Были приняты изощренные меры, чтобы скрыть происходившее от бдительных английских стерегущих побережье фрегатов. Двадцать восьмого августа гвардия получила приказ сосредоточиться в Страсбурге, но сам император еще оставался в Булони до 3 сентября, создавая иллюзию непрекращающейся подготовки к вторжению. Однако к этой дате передовые части корпусов вновь названной Великой армии уже были далеко по дороге на Рейн, и неудавшееся нападение на Англию превращалось в эффективный маневр на Ульм.

Однако Наполеон продолжал считать, что он не оставляет своей бесконечной борьбы с Англией, даже радикально изменив свои планы. Как и в 1798 году, направление главного удара просто было изменено — он теперь направлялся не прямо в сердце британского монстра, но по его союзникам. В предшествовавших случаях целью были британские интересы на Леванте и формирование угрозы Индии; в 1805 году новой целью стала недавно образованная Третья коалиция, сколоченная неутомимым Уильямом Питтом (он опять стал премьер-министром в мае 1804 года) и питаемая британским золотом. Направляя свой удар на Дунай, император надеялся упредить своих врагов на континенте, раздавить их по очереди и тем самым нанести мощное поражение своему закоренелому противнику — островитянину.

Глава 31

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ВОЙНЫ

К началу 1805 года дела на континенте приняли для Франции плохой оборот, и на фоне оживленной дипломатической деятельности Питта было безусловно оправданно, что Наполеон переносит свое главное стратегическое усилие с Ла-Манша на Германию. «Более мощный мотив, чем простая трудность ее выполнения, не позволил мне сделать эту попытку (вторжение в Англию); этим мотивом было

¹ «Мой кузен» — принятое обращение Наполеона к маршалам.

сомнительное состояние моих отношений с континентом, и особенно с Россией. Австрия, подстрекаемая Россией или Англией, могла возобновить войну в тот момент, когда я бы ступил на британские острова, и тогда мы из-за этой сомнительной экспедиции потеряли бы плоды победоносных десяти лет. Безусловно, такая экспедиция никогда бы не могла стать разумной без союза с одной из этих держав...»(16)

Причина сложных отношений Франции с великими континентальными державами — в британской дипломатической деятельности и отчасти в неразумных, хотя иногда и намеренных провокациях со стороны Франции. В течение нескольких лет императорская Россия подвергалась сильному британскому дипломатическому и экономическому давлению. Молодой царь Александр I (царствовал в 1801—1825 гг.) был во многих отношениях совершенным антиподом «сумасшедшего царя Павла», своего отца.

В последние годы своего царствования Павел все более восхищался триумфами Бонапарта, оказавшими сильное влияние на Вторую коалицию Питта, но государственных деятелей не удивило, когда его сын Александр, будучи некоторое время также очарован личностью первого консула, позднее занял враждебную позицию по отношению к Франции. Но до весны 1803 года франкофобия сдерживалась другими традиционными интересами России, которые шли вразрез с британской политикой. Александр I был типичный Романов в своих территориальных притязаниях, он все с большей жадностью начинал поглядывать на слабые балтийские государства, растущий хаос в Турецкой империи, на все Средиземноморье и, в частности, на Мальту. А Уайтхолл, с другой стороны, сильно зависел от Балтики, откуда получал лес, деготь, пеньку и другие необходимые для флота товары, и совсем не желал, чтобы они оказались под полным российским контролем. Что касается Турции, то британские политики поддерживали этого «Большого человека Европы» и исключали все другие страны из Леванта. Средиземноморье также было жизненно важной сферой для британской торговли, поэтому Британия и не хотела никакой русской конкуренции в этом регионе. Отсюда понятно и нежелание Лондона расстаться с Мальтой, несмотря на все сложные пункты Амьенского договора, где было постановлено, что этот остров должен быть возвращен под международной гарантией рыцарям Святого Иоанна, чьим Великим магистром, по иронии судьбы, был не кто иной, как царь Всея Руси.

Вот почему потребовалось такое значительное время, чтобы британские и русские дипломаты смогли бы преодолеть свое взаимное недоверие, и вскоре стало очевидно, что Наполеона следует «призвать к порядку». После Люневильского мира Франция и Россия считались соисполнителями германского территориального устройства, но французское правительство, не мешкая долго, принялось наводить свои собственные порядки на этой территории, не считая нужным посоветоваться с Россией. В то же время в делах с Италией первый консул намеренно пренебрегал интересами, заявленными Святой Русью в этом регионе, и список французских аннексий в долине По выглядел как перечень явных оскорблений, брошенных в лицо России. Миссия полковника Себастьяни в Левант, по-видимому, должна была предвещать французскую оккупацию Мореи или Монтенегро¹; в ответ на это русский император счел неизбежным захватить Корфу². Убийство герцога Энгиенского было последней провокацией. Александр считался дуаиеном среди королевских фамилий Европы, и казнь бурбонского принца являлась оскорблением для всех коронованных особ в Европе. К тому же с этим было связано и грубое нарушение германского нейтралитета, гарантом которого была

¹ М о р е я — устаревшее название полуострова Пелопоннес, М о н т е н е г р о — Черногория.

² Остров К о р ф у — теперь Керкира.

Россия. Но за всеми этими претензиями скрывалось желание России играть влиятельную роль в европейских делах. Слишком вольные действия Франции заметно усиливали тот старинный комплекс неполноценности по отношению к Западу, который восходил еще ко временам Петра Великого. Поэтому вполне понятно, что Александр разорвал дипломатические отношения с Францией летом 1804 года и начал осторожные приготовления к войне, хотя окончательный договор о союзе с Великобританией был подписан только в апреле 1805 года.

У Австрии было еще больше причин не доверять Франции и ненавидеть ее. Две проигранные войны и два невыгодных мирных договора ждали отмщения, между тем победитель не терял времени, извлекая максимальную пользу из своей позиции, располагаясь вдоль всего Рейна и в Северной Италии в ущерб австрийским интересам. В период с 1801-го по 1803 год первый консул навязал преобразование Германии, крайне невыгодное для Австрии; масса маленьких княжеств и государств, составлявших основную часть Священной Римской империи, были безжалостно урезаны — их число упало с 350 до 39, и Франция отобрала у Австрии роль протектора остальных рейнских княжеств. Леобенский мир гарантировал территориальные компенсации от секвестрованных церковных государств для ограбления собственников земель на западном берегу Рейна, но взамен своих потерь Австрия получила всего-навсего два небольших епископства, тогда как ее соперницы Бавария и Пруссия «жирели» все больше и больше. Положение ухудшилось в связи с тем, что французский «Акт о медиации» в Швейцарии был нарушением Люневильских соглашений и представлял собой стратегическую угрозу австрийской безопасности, так как бивал глубокий клин между ее оставшимися сферами влияния в Германии и Италии. С аннексией Пьемонта и Эльбы было и без того трудно примириться; по австрийцам также ударила французская оккупация Неаполя (1803), особенно болезненная для австрийского императора, потому что королева приходилась ему тещей. Но окончательным ударом по гордости австрийских государств был торжественный въезд Наполеона в Италию в мае 1805 года, кульминацией которого стало его собственное коронование в качестве короля Италии. На его императорскую корону была возложена древняя железная корона Ломбардии, что знаменовало союз Франции и Италии, во время великолепной церемонии, состоявшейся в *Дуото*¹ в Милане. Полная утрата всякой возможности влияния в Северной Италии была совершенно неприемлема для Габсбургов, и с этого момента возобновление враждебных действий стало решенным делом.

Агенты Питта вели долгую и трудную борьбу против весьма искушенного в политических интригах крупного государственного деятеля Австрии Меттерниха, и еще в январе 1804 года император Франц благодушно провозгласил: «Франция ничего мне не сделала». Но через семнадцать месяцев он заговорил совсем иначе, потому что к этому времени политика Франца резко отмежевалась от пацифистского курса эрцгерцога Карла, выступавшего за стратегию невмешательства. Он считал, что это даст Наполеону возможность окончательно запутаться в борьбе не на жизнь, а на смерть с британским народом после высадки Наполеона в Англии. Теперь император слушал только своего министра Врasticлава, старого врага Франции, и своего генерал-квартирмейстера² Мака, который «впитал истинную сущность французского национального духа» и провозглашал, что «в войне главной целью является разгром врага, а не умение избежать разгрома»(17). Генерал Мак был уверен, что Австрия с триумфом выйдет из новой войны, и его энтузиазм теперь подогревал императора так же сильно, как отвращал его от войны пессимизм эрцгерцога Карла. Поэтому 17 июня гофкригсрат согласился рассмотреть предложения Питта о сотрудничестве. В августе 1805 года Наполеону был представлен офици-

¹ *Д у о т о* — собор (*ит.*).

² *Г е н е р а л - к в а р т и р м е й с т е р* — начальник штаба (*ист.*).

альный протест по поводу захвата Савойи Францией, который, по мнению Австрии, представлял явный *casus belli*, и в этом же месяце было заключено соглашение о союзе с королем Георгом III и царем Александром I.

Таким образом, дипломатия Питта добилась еще одного значительного успеха, и Третья коалиция, возникшая вначале в виде очень скромной организации, позднее, когда Англия подписала соглашение со Швецией в декабре 1804 года, стала самым известным и мощным союзом. Великобритания успешно вырвалась из своей изоляции, и война с Францией снова приняла общеевропейский характер. Цели нового союза были изложены в Санкт-Петербургском соглашении от апреля 1805 года. Подписавшиеся стороны клялись «вернуть мир в Европу», покончив с французским влиянием в Ганновере, Северной Германии, Голландии, Швейцарии, Северной Италии и Неаполе. Секретные статьи далее предусматривали, что Франция должна быть возвращена к ее границам 1791 года, что подразумевало конфискацию Савойи, Ниццы и территорий к востоку от реки Мозель. Война Третьей коалиции имела целью не что иное, как возвращение Европы к *status quo* старого режима и ликвидацию территориальных и идейных последствий Французской революции.

Если за эту крайне неблагоприятную для Франции обстановку в конце 1805 года следует в основном винить французские же провокации, то необходимо признать и один крупный дипломатический успех, которым Франция была обязана Талейрану. Хитрыми уловками экс-епископ Отенский убедил Пруссию воздержаться от непосредственного участия в грядущей европейской войне. Несмотря на свои дружеские отношения с царем и сильные прорусские наклонности своей энергичной и прекрасной королевы, Фридрих-Вильгельм III не мог не соблазниться обещанием свободно получить Ганновер, которым его соблазнял Талейран. Близость же корпуса Бернадота к прусской территории тем более подкрепила его решение ни во что не вмешиваться и не прельщаться никакими уговорами ни Ульяма Питта, ни царя, по крайней мере на ближайшее время.

Тем не менее Франция стояла перед весьма угрожающей ситуацией. В ближайшем будущем 200 000 русских солдат под командованием Буксгевдена, Кутузова и Беннигсена выступят в западном направлении для соединения с 250 000 австрийских солдат, возглавляемых тремя эрцгерцогами — Карлом, Иоанном и Фердинандом; затем еще 50 000 английских, шведских и неаполитанских солдат вскоре начнут «беспокоящие» действия на периферийных фронтах. Таким образом, дипломатия Уильяма Питта наконец преуспела в мобилизации чуть ли не полумиллиона человек против Наполеона, и, если бы удалось уговорить Пруссию отбросить свою выжидательную политику, к этому внушительному количеству добавилось бы еще 200 000 солдат. За этими армиями стояло еще 66 миллионов европейцев, готовых противостоять «корсиканскому тирану» и его 25 миллионам французов. Это была пугающая перспектива, которая должна была явиться суровым испытанием для военной системы новой французской империи. Однако в последние месяцы Наполеону суждено было показать себя более чем достойным такого вызова.

Глава 32

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ

Драматическим событиям сентября — декабря 1805 года предшествовала тщательная организация вооруженных сил — Великой армии Наполеона, которая вскоре достигла своего расцвета. С момента установления консульства в 1799 году Наполеон посвящал много времени усовершенствованию армии, которая должна была

быть готова к любым неожиданностям. Основой новой армии были, разумеется, старые революционные войска, которые он получил в готовом виде от Карно, но в структуру которых было внесено много изменений и усовершенствований, максимально повысивших французский военный потенциал.

Ожидалось, что вначале в Великую армию будут входить максимально 200 000 человек; было организовано семь армейских корпусов, каждый из которых вначале содержал две или четыре пехотные дивизии, бригаду или дивизию легкой кавалерии, 36 — 40 пушек и дополнительные подразделения саперов и тыловых обозов. Состав этих главных соединений специально изменялся для того, чтобы сбивать с толку неприятельскую разведку, и находился в зависимости от конкретных возможностей командиров корпусов. Кроме главных армейских корпусов, Наполеон образовал еще кавалерийский резерв, состоявший из двух дивизий кирасир, четырех — конных драгун, по одной — пеших драгун и легкой кавалерии (их поддерживали 24 пушки) — общая численность 22 000 кавалеристов. Также в процессе формирования находились артиллерийский резерв, включавший в себя почти четверть огневого парка армии с большим количеством 12-фунтовых орудий; был создан и новый большой резерв, в основном состоявший из императорской гвардии и различных других подразделений элитных гренадер, собранных из линейных полков.

Это не было новой концепцией организации армии. Еще в 1796 году генерал Бонапарт по ходу дела создавал кавалерийские и артиллерийские резервы, а в 1800 году резервная армия была уже организована на основе начальных принципов армейского корпуса. За период относительного спокойствия, длившийся с 1802-го по 1805 год, эти идеи получили значительное развитие и приняли более определенный вид. Тогда и сложился основной принцип величайшего значения. Старые «фронтовые» армии были уничтожены (у Карно их было не менее тринадцати). Отныне должна быть только *единая* французская армия, со своей основной силой, которую сосредоточивали против главной цели, и со своими вспомогательными отрядами, выделявшимися для сдерживания противника на других секторах фронта, если было необходимо. Как писал Наполеон, «в системах войны, как и при осадах, необходимо сосредоточивать огонь на одной и той же точке» (18). Включая гарнизоны и войска второго эшелона, Великая армия к 1805 году, вероятно, имела около 350 000 человек. В последующие годы она, скорее всего, удвоилась после присоединения к ней (с 1806 года) все увеличивавшихся количества войск союзников. Например, к 1808 году в полевых войсках было всего 350 000 и еще 180 000 находились во втором эшелоне и на гарнизонной службе. В 1812 году против одной только России было мобилизовано не менее 630 000 человек, и еще 250 000 служили в Испании.

Откуда получал Наполеон такие огромные количества солдат? В 1805 году около четверти военнотружущих составляли закаленные ветераны, вставшие под ружье еще в первые годы Республики. Примерно столько же впервые надели военные мундиры в годы Консульства. Остальные 50% состояли из призывников (с прослойкой действительно добровольцев), призванных в 1801 году. Для компенсации снижения количества солдат за счет болезней, выведения из строя во время боевых действий и дезертирства приходилось чаще прибегать к призывам. Военное законодательство Империи основывалось на законах о воинском призыве Журдана еще 1798 года¹ и в дальнейшем повторялось: все мужчины в возрасте от 18 до 40 лет должны были регистрироваться для воинского учета; мужчины от 18 до 25 лет (позднее — до 30 лет) призывались в армию последовательно в соответствии с возрастным классом. После 1805-го, когда император дал право устанавливать пропорцию в количестве каждого класса, призываемых на службу еже-

¹ В пределах класса применялась жеребьевка.

годно¹, стала все больше применяться практика набора рекрутов будущих годов. Так, в 1809 году, когда ожидалась война в Германии и в Испании, император приказал провести мобилизацию 100 000 человек этого года и 20 000 и 30 000 человек, соответственно, подлежащих призыву в классах 1806-го и 1807 годов (из общего количества мужчин, подлежащих военной службе, но не призванных в свои сроки, или которые в силу разных причин ускользнули от набора), и часть из класса 1810 года. К 1813 году эта практика «закладывания» будущего для пополнения настоящего приняла невероятные размеры, и в линейных полках оказались мальчишки с мушкетами, которым было всего по 15 или 16 лет (так называемые «мари-луизочки»). Ежегодные квоты редко выполнялись, потому что после 1806 года военная служба стала все более терять популярность. Резко возросло количество отказников, намеренно избегавших призыва, и дезертиров. Поимка и арест этих озлобленных и часто отчаявшихся, враждебно настроенных людей была трудной проблемой для полиции и Национальной гвардии. Многие семейные мужчины также освобождались от призыва. Но до конца 1813 года все еще существовала практика представления замещающего рекрута, хотя цена такого легального уклонения от воинской обязанности невероятно выросла, по мере того как увеличивалось количество убитых и раненых.

Еще одним важным источником набора солдат были другие страны. Иностранные контингенты, служившие в армии Наполеона, постоянно со временем росли. В 1807 году примерно треть солдат были иностранцы. А к 1812 году это была уже половинная пропорция. Было три пути поступления иностранных войск на французскую службу. Это были войска или солдаты, набранные в армию из территорий, прилегающих к границам Франции, которые с течением времени были включены в метрополию в результате завоеваний или соглашений. Затем — имелись полностью иностранные подразделения, так называемые «наемники» на французской службе: шведские, ирландские, ганноверские «легионы». Третьи были национальные контингенты, поставляемые союзническими или сателлитными государствами — Баварией, Саксонией, Италией, Неаполем и прочими. Эти иностранные войска были очень разного качества: итальянцы, шведы и поляки — хорошие солдаты; неаполитанцы и голландцы — обычно плохие; немцы — разные.

¹ В первые годы революционных войн применялись разные методы набора солдат. В январе 1791 года Национальное собрание призвало 100 000 «добровольцев вспомогательных войск» для пополнения постоянной армии. Реально мобилизовали менее трети. Поэтому в июне правительство в отчаянии постановило, что один из каждых 20 национальных гвардейцев должен нести действительную службу. Результат все еще был неудовлетворительным, и правительство вновь воззвало к волонтерам из департаментов в том же году. Постепенно набралось около 40 000 «волонтеров 1791 года», но чрезмерно идеалистическое правительство предоставило им возможность увольняться из армии с двухмесячным предупреждением. Этим разрешением воспользовались чуть ли не все добровольцы в течение той же зимы. Армия таяла на глазах, и правительство в панике издало декрет о новом наборе в мае 1792 года, но только за два месяца до этого лозунг «Отечество в опасности!» («La patrie en danger!») воспламенил народный патриотизм, когда австрийско-русские войска начали сходить на границы. Ответ народа был единодушен, и вскоре большие количества федератов, рвущихся в бой, хотя и неумелых и недисциплинированных, уже шли на фронт. Однако эти новые части непрерывно враждовали с остатками «волонтеров 1791 года», а регулярные части одинаково презирали и тех и других. Но, несмотря на внутренние раздоры, именно такая армия победила у Вальми. Однако к концу года, когда кончился самый тяжелый кризис, многие федераты дезертировали и, собираясь в кочующие банды, грабили крестьян в сельской местности.

Возобновление кризиса в 1793 году проявилось особенно в массовом дезертирстве офицеров, вызванном переходом генерала Дюмурие на сторону союзников. Очевидно, требовались более серьезные меры. Комитет общественной безопасности в августе издал закон о принудительной мобилизации, который обязал всех мужчин от 18 до 25 лет (позднее до 30) служить в армии весь период боевых действий. Этот массовый призыв дал почти полмиллиона рекрутов (по крайней мере, на бумаге) и стал настоящим началом воинской повинности. Но этот термин официально не применялся до сентября 1798 года, когда военный министр генерал Журдан опубликовал закон о воинской обязанности, в котором призывной контингент (в этих возрастных пределах) делился на 5 классов в соответствии с возрастом и семейным положением.

Если для комплектования армии было трудно находить достаточно «пушечного мяса», то хороших командиров было много. Настоящая сила Великой армии заключалась в ее превосходных офицерских кадрах, и в них не было недостатка до 1812 года. Наиболее поразительной чертой высших военачальников была их молодость. Маршалство, восстановленное в мае 1804 года, состояло из людей среднего возраста. Средний возраст его первых 18 членов был чуть более 44 лет при назначении; Даву был «мальчишкой» в 34 года, Серюрье — ветераном в 62. Возраст генералов от 29 до 58 лет, а средний возраст полковников в войсках — около 39. Конечно, уровень потерь среди офицеров был всегда высоким. Он и не мог быть иным в войсках, где главным была необходимость командующих проявлять личную храбрость и способность вести людей в бой. После 1808 года уровень потерь в офицерском корпусе стал резко возрастать по мере ухудшения качества рядовых солдат, когда от офицеров стали требовать еще большей самоотверженности. Однако в стране были источники, откуда шло пополнение командных кадров. Многие младшие офицеры прошли уже долгую и добросовестную службу в качестве рядовых старой армии; выяснилось, что половина офицерского корпуса в 1805 году была ранее простыми солдатами. Много новых кадров поставлялись двумя учебными заведениями. Специальное военное училище (*École spéciale militaire*), основанное в 1802 году в Фонтенбло (через 6 лет переведено в Сен-Сир), вначале ежегодно выпускало 100 молодых офицеров, и к 1815 году не менее 4000 лейтенантов пополнили ряды пехоты и кавалерии. Политехническая школа за это же время подготовила много артиллеристов и саперов, и, вероятно, самым прославленным ее учеником был генерал Друо.

Наполеону всегда было необходимо иметь много офицеров. В последние годы, когда обычные источники пополнения перестали удовлетворять все растущие нужды, пришлось прибегать к массовому производству в офицеры сержантов и кадетов, что, конечно, сказалось на их подготовке и качестве. И все-таки продвижение по службе для среднего офицера оставалось медленным, хотя перспектива быстрого выдвижения в должности старших офицеров, а затем и генералов всегда оказывала стимулирующее действие, вызывая их на подвиги мужества и способствуя преданности. Можно заметить, что каждый год в Империи стало уменьшаться количество присваиваемых генеральских званий. В дни Республики в один двенадцатимесячный период было достигнуто рекордное число — 170 назначений генералами. При Наполеоне наивысшим количеством было только 37. Более того, из генералов четвертая часть служила офицерами еще в старой армии; еще четверть состава начала служить до 1794 года. Поэтому в Великой армии 1805 года не было недостатка в опытных офицерах. Наполеону служили хорошие исполнители — умные люди, которые вместе с тем были готовы слепо повиноваться его приказам и выполнять свой долг с максимальной храбростью и решительностью. Без всякого сомнения, элитным корпусом новой Великой армии была императорская гвардия. Это прославленное соединение складывалось совершенно самобытно и сложно в течение многих лет. Вначале она состояла из трех источников — личного эскорта (известных как *Guides*) генерала Бонапарта, которым командовал капитан, впоследствии маршал Бессьер; затем добавились специально отобранные члены гвардии Директории и Законодательного собрания. Эти три отряда были объединены в конце 1799 года в консульскую гвардию, а через пять лет, в год коронации императора, они получили свое окончательное название. Численность императорской гвардии невероятно росла. При Маренго консульская гвардия насчитывала только 2089 человек; 1804 году в ней было уже 5000 гренадер, 2000 элитной кавалерии (и 24 пушки), или всего около 8000 солдат, к середине 1805 года в гвардии было уже более чем 12 000 человек. Во время Русской кампании армия содержала не менее 56 169 членов императорской гвардии. Однако в 1814 году 112 482 солдата имели право считать себя в той или иной мере прича-

стными к этому привилегированному соединению. Таким образом, размер элитного корпуса увеличился от сильного полка до целой армии, но в самом конце (во время Ста дней) численность гвардии упала до 25 870 членов.

Со временем императорская гвардия приобрела трехчастную структуру. Вначале ее ядром была «старая гвардия», включавшая в себя пеших гренадер, «ворчун» — воплощение ее духа, егерей, конных гренадер (известных как *grosse-bottes*¹), конных егерей («любимые детки»), драгун, улан, мамлюков, жандармов, а также морскую гвардию и отряды артиллеристов и саперов. Затем в 1806 году началось образование так называемой средней гвардии, в первый период своего существования состоявшей из двух полков «фузилеров», к которым со временем (1812—1813) добавились два полка «фланкеров», набранных из лесников и охотников — отличных стрелков. Наконец, в 1809 году была организована «молодая гвардия», в которую вошли полки легкой пехоты, застрельщиков (вольтижеров) и стрелков. Это последнее соединение состояло из лучших солдат, отбравшихся из ежегодных призывов, оно ставило целью возвысить и «облагородить» ненавистные обязанности обязательной военной службы. Однако «молодая гвардия» никогда не достигала уровня старших гвардейских соединений.

Конечно, служба в гвардии была большой честью и давала множество привилегий. Минимальными условиями для приема в нее были пять лет службы и участие в двух кампаниях; отбор и перевод потенциальных рекрутов являлся непрерывным процессом. Членство в гвардии влекло за собой значительные материальные преимущества; рядовые гренадеры и егеря получали оклады сержанта; капралы гвардии получали такое же денежное содержание, как и старшины, и так вплоть до высших чинов. Более того, гвардия всегда получала специальные рационы и материальное довольствие; и если во время кампании добывали провиант, то остальная армия с завистью смотрела, как первый кусок шел всегда гвардии. Нет сомнения, что она была «любимым детищем» Наполеона; гвардия всегда снабжала его элитными войсками, находившимися в резерве около него; они всегда были готовы идти в указанный момент и занять нужное место. Однако до 1813 года Наполеон очень бережно относился ко всем гвардейцам и особенно жалел своих любимых солдат — прежде всего, «старую гвардию», — не желая подставлять их под пушечный и мушкетный огонь. Это нежелание использовать свою гвардию полностью вызвало значительную критику в адрес Наполеона и современников, и историков нашего времени. Но вероятно, он был прав, желая иметь верных людей в «запасе», по крайней мере в большинстве случаев. Гвардия также являлась императорским образцом, которому должна была подражать вся армия. Поступление в ее «священные ряды» было открыто для каждого честолюбивого солдата, она служила стимулом к верной и доблестной службе. Однако создание подобного элитного соединения кое в чем оказывало плохое влияние на армию: непрерывный отток лучших солдат из линейных полков и эскадронов для пополнения рядов гвардии, безусловно, ослаблял моральные ориентиры и боеспособность этих частей. Поэтому сомнительна правильность утверждения, что расширение императорской гвардии было и нужно и безвредно. Оно не было нужно, потому что сама гвардия редко решала исход сражения своим прямым участием (хотя никто не сомневается в психологическом значении ее присутствия в резерве), оно было расточительно тем, что вбирало в себя лучшие силы армии, лишая обычные части их лучших представителей, чей пример мог бы учить и вдохновлять товарищей по оружию.

Линейный пехотинец (*fantassin*) продолжал оставаться костяком императорской армии, как и у своих революционных предшественников. Пехота по-прежнему была организована в батальоны (основная тактическая единица), но в 1803 году Напо-

¹ «Сапожищи» (фр.).

леон приказал вернуться к старому названию «полк» для всех объединений из трех батальонов (вместо «полубригады», вошедшей в моду с 1792 года). Два (или более) полка образовывали бригаду, две (или более) бригады составляли пехотную дивизию, которая часто имела приданную ей артиллерийскую батарею, но никогда — кавалерию (армейский корпус был основной оперативной единицей всех родов войск). Главное различие в пехоте как роде войск проходило между линейными и легкими частями. В 1803 году было 90 линейных и 26 легких полков, к 1813-му — не менее 127 новых полков, причем к этому времени легкие полки стали составлять только одну шестую часть пехоты. Организация батальонов сильно менялась в разные периоды. До 1805 года в трехбатальонном полку было всего 27 рот, в каждом — одна гренадерская и 8 фузилерных. Однако за три последующих года была принята упрощенная и более компактная организация. Линейные полки были реорганизованы в 4 строевых батальона из 6 рот в каждом — одной гренадерской, одной вольтижерской (в легкой пехоте) и 4 фузилерных, которые и составляли численность батальона; и кроме того, был еще дополнительный учебный батальон из 4 «фузилерных» рот, которые должны были получать пополнения и обучать новобранцев. Во время своего расцвета линейный полк состоял из 3400 пехотинцев, а в каждой роте было 140 офицеров и солдат. Существовали небольшой штаб полка, полковой медицинский пункт и духовой оркестр при полном штатном составе. Практически эти цифры, однако, редко были реальны, несмотря на все усилия Наполеона иметь большую численность войск, потому что потери личного состава были велики и непрерывны.

Наполеон временно отказался от полковой артиллерии после Амьенского мира на тех основаниях, что стандартные шестифунтовые орудия были слишком тяжелы, чтобы сопровождать пехоту в бою, не задерживая ее своей низкой подвижностью и замедленностью движения. Генерал Леспинас писал в 1800 году: «Если хотите лишить вашу пехоту маневренности, нагрузите ее пушками... Пехотная линия, поддерживаемая хорошими, правильно установленными батареями, лучше сохраняет свой боевой порядок»(19). Однако постепенное ухудшение качества пехоты по мере того, как она все больше и больше лишалась своих ветеранов, которых заменяли все большие количества необстрелянных новобранцев или иностранных солдат, заставило Наполеона вернуться к старой системе. Так, в 1809—1810 годах роты артиллерии (4 четырехфунтовые пушки) временно придавали каждому пехотному полку, и на следующий год эта практика вполне установилась. «Чем ниже качество войск, — писал император в 1809 году, — тем больше артиллерии они требуют»(20). В 1813 году эта практика была опять отменена, на этот раз из-за потерь лошадей и орудий во время Русской кампании.

Легкие пехотные полки были организованы на тех же принципах, что и линейные, хотя номенклатура разных частей менялась; так, батальон легкой пехоты в 1808 году имел 1 карабинерскую роту (эквивалентна линейной гренадерской), 4 егерские (фузилерные) роты и 1 — вольтижеров (или застрельщиков). С течением времени возник ряд особых пехотных подразделений, выпадавших из рамок обычной организации, как правило называвшихся уже по-другому. Так, иностранные части назывались «легионами», а включенные в армию части Национальной гвардии делились на «когорты» — для административного удобства.

Оружие французской пехоты было не особенно хорошего качества. Стрелковое оружие неизбежно заряжалось с дула и представляло собой гладкоствольные мушкеты с кремневым замком, которые можно производить массовым способом благодаря новой промышленной технологии, разработанной Бланом. Французы использовали грубый черный порох в качестве взрывчатого вещества, который давал сильный нагар в стволе и затягивал густым дымом все поле боя. Однако под воздействием сырости вскоре оружие выходило из строя. Каждый солдат имел в бою 50 зарядов (пуля весила 22,7 грамма, пороховой заряд 12,5 грамма) и 3 запасных кремня.

Стандартным стрелковым оружием был мушкет Шарлевиля «1777», оружие калибра 0,70, длиной 1,57 метра, или приблизительно 50 дюймов (без штыка), которое оставалось во французской армии до 1830 годов. Несмотря на его долговечность, у него были большие недостатки. Максимальная дальность огня официально считалась до 1000 метров, но он был почти бесполезен даже против сомкнутых рядов уже на расстоянии далее 250 метров, тогда как для использования против одиночных целей рекомендовалась дистанция менее 90 метров. Сильное образование нагара из-за применения крупнозернистого пороха требовало промывки ствола через каждые 50 выстрелов, а кремль нуждался в замене через 10—12 выстрелов. Осечка случалась в среднем один раз за шесть выстрелов, а в грохоте и суматохе боя это часто могло приводить к двойному зарядению с последующим печальным результатом и для стрелка и для оружия. Перезарядение требовало пяти отдельных приемов: вначале солдат вынимал бумажный патрон из лядунки и откусывал конец, содержащий пулю, держа ее во рту; затем открывал полку мушкета, сыпал туда пороховой заряд, закрывал ее и ставил мушкет «к ноге», в-третьих, высыпал остальной порох в ствол, выплевывал в него мушкетную пулю, складывал бумагу, чтобы образовать пыж, затем досыпал шомполом пулю и пыж по стволу до порохового заряда; наконец, поднимал мушкет, прицеливался и стрелял. Такая сложная система зарядения была чревата всякими оплошностями и злоупотреблениями. Неопытный новобранец мог, не заметив, дважды зарядить мушкет или забыть вытащить шомпол, прежде чем спустить курок; неуклюжий или недобросовестный солдат легко мог ухитриться просыпать большую часть своего порохового заряда на землю, тем самым избежав сильной отдачи от выстрела в плечо.

Считалось, что опытный стрелок может сделать до пяти выстрелов за 60 секунд в благоприятных условиях, но после образования нагара эта скорость падала до четырех выстрелов в 3 минуты. Вероятно, средним темпом огня были один-два выстрела в минуту. Французские солдаты часто пропускали занятия учебной стрельбой; отчасти это было вызвано желанием сэкономить боеприпасы, отчасти — избежать возможных потерь, вызванных разрывом стволов. Немалую роль играло убеждение многих старших командиров, что наносить потери противнику огнем должна не пехота, а артиллерия, а истинное предназначение пехоты — рваться вперед в штыковой атаке через бреши, проделанные артиллеристами в боевых порядках противника. Доказанная ненадежность мушкета «1777» придавала убедительность аргументам этой школы, и для обычного солдата стало исключением достигать большого профессионального владения этим оружием, которое в лучшем случае ненадежно. К концу XVIII столетия прусская армия проводила огневые испытания в поле со своим собственным мушкетом, который в точности попадания мало отличался от французского аналога. Они установили натянутый брезент размером 100 футов шириной и 6 футов высотой для имитации подразделения неприятеля, затем выстроили батальон линейной пехоты на разных расстояниях и приказали стрелять залпом. С расстояния 225 ярдов только 25% выстрелов попали в цель; с расстояния 150 ярдов попадание составило 40%, с 75 ярдов¹ — 60%. Поэтому складывается впечатление, что потери, вызванные прицельным огнем при стрельбе с нормального расстояния, были относительно невелики; большая часть солдат погибала или получала ранения, страдая от артиллерийского огня или шальных пуль. Однако когда огонь вели с близкого расстояния, видя лица солдат противника, — например с 50 ярдов, — потери были ужасны, иногда до 50% живой силы или даже больше. Так, при Аустерлице 36-й полк потерял 220 из 230 своих гренадер, а при Ауэрштедте (1806) дивизия Гюдена потеряла не менее 124 офицеров и 3500 солдат убитыми и ранеными из 5000 вступивших в бой.

¹ 100×6 футов — 30,5×1,8 м; 225 ярдов — 206 м; 150 ярдов — 137 м; 75 ярдов — 69 м.

Поэтому неудивительно, что многие французские военные специалисты отстаивали эффективность ударного действия в штыковом бою, советуя избегать применения стрелкового в надежде уберечься от ужасающих потерь, неизбежных в регулярном стрелковом бою. Каждый французский пехотинец был вооружен 15-дюймовым¹ штыком треугольной формы с креплением обоймой. Практическая эффективность этого оружия тоже не была беспорной. По результатам исследований, проведенных главным хирургом французской армии Ларреем, можно заключить, что поражение, наносимое «холодным оружием», было более психологического свойства, чем физического. После изучения раненых французов и австрийцев в двух отдельных частях, участвовавших в рукопашной схватке, он смог выявить только пять ран, непосредственно причиненных штыком, тогда как он насчитал 119 ран, нанесенных пулями (21). Поэтому общим правилом было то, что скорее страх перед штыком, а не его действительное применение, заставлял солдат бежать с поля боя. Возможно, это было только к лучшему, потому что качество французского штыка было далеко не удовлетворительным; известно, например, что после «битвы пирамид» в 1798 году французские солдаты без особых усилий сгибали свои штыки, превращая их в крюки для вылавливания трупов богато одетых мамлюков из Нила. Поэтому едва ли штык можно считать надежным оружием, и многие подразделения пехоты имели еще и сабли для личной защиты.

Вместо мушкета Шарлевиля, некоторые солдаты имели нарезные карабины — большей частью ими владели сержанты и офицеры вольтижерных рот. Это было более легкое оружие меньшего калибра, но нарезка делала канал очень тугим, и для того, чтобы дослать внутрь пулю, было необходимо забивать шомпол специальным железным молотком. Французов меньше привлек такой тип оружия, чем их британских и прусских современников, которые вооружили значительную часть легкой пехоты нарезными мушкетами. Еще одним типом огнестрельного оружия, иногда выдававшегося французской пехоте для борьбы с повстанцами или партизанами, был блундербас — короткоствольное ружье с раструбом, который заряжался горстью пороха и любым подручным твердым предметом. Но в целом основная масса солдат использовала мушкет «1777».

Вначале тактика пехоты мало отличалась от тактики революционных войск, в рядах которых большинство офицеров, и Наполеон Бонапарт в их числе, хорошо освоили военное искусство. Обычно применялись смешанный боевой порядок (*l'ordre mixte*) и атаки в батальонных колоннах. Масса застрельщиков — иногда в этой роли применялись даже полки — втягивали противника в бой и провоцировали его, по мере того как атакующие колонны подходили ближе со штыками наперевес. Если моральный дух наступавших войск был не особенно высок, в арьергарде батальона часто ставили элитную гренадерскую роту, подгонявшую своих товарищей вперед; если же, наоборот, боевой дух был высоким, они вели всех в атаку. Обычно батальон выстраивался для атаки колонной с фронтом в 2 роты (см. схему), причем каждая рота выстраивалась в 3 шеренги с расстоянием около 90 см между ними. Таким образом, в начале атаки батальонная колонна (состояла из 4 «частей» или 8 рот) занимала по фронту около 50 ярдов с глубиной около 21 ярда (12 шеренг).

В последующие годы, когда батальоны были уменьшены до шести больших рот, батальонная колонна содержала только 3 «части», уменьшая таким образом свою глубину до 15 ярдов (9 шеренг), но в то же время расширяя свой фронт до 75 ярдов. Так как вольтижерная рота обычно служила как завеса из местных стрелков перед батальонами, часто строили и колонну из рот, особенно при проходах через узкие дефиле.

¹ 15 дюймов — 38 см.

Большая атака выполнялась целым рядом батальонных колонн, выстроенных в линию или эшелонем. Интервал между каждой отдельной колонной был не менее 150 ярдов¹ — такое расстояние было необходимо, чтобы колонна могла развернуться в линию для огня, если это необходимо, и в то же время оно давало возможность застрельщикам отходить назад через эти промежутки, не прекращая огня. Это было очень важно, чтобы «беспокоящее» действие застрельщиков против боевых порядков неприятеля не прекращалось до окончательного сближения — оно должно было отвлекать часть огня противника и предотвращать нацеливание каждого мушкета на приближающуюся колонну, которая не была прикрытой на последних этапах сближения. Если было достаточно войск, французы часто выстраивали свои батальонные колонны двумя линиями в шахматном порядке, помещая вторую линию сзади на достаточном расстоянии, чтобы они были вне эффективного огня мушкетов и имели бы нужные промежутки для выдвижения или отхода артиллерии. Эта тактическая система была очень эластичной и не подчинялась определенным, уже утвердившимся правилам; каждая операция планировалась индивидуально в соответствии с характером местности и типом поставленной задачи. Так, при Аустерлице дивизия Сент-Илера атаковала Праценские высоты за обычной завесой застрельщиков, будучи построенной в два бригадных порядка, оба в форме широких стрел, для того чтобы использовать прилегающие узкие овраги, идущие параллельно направлению наступления.

Хотя Наполеон редко включался в тактические дела, он явно предпочитал смешанный боевой порядок, который был идеально приспособлен для развития успеха, перехода в оборону или быстрого изменения фронта, то есть мог выполнять почти любую роль с минимальной задержкой. Были разработаны различные адаптации смешанного строя для того, чтобы противостоять сплоченности русской пехоты. Самой интересной разновидностью был строй дивизии со сцепленными бригадами, обеспечивавший максимальную огневую мощь для защиты и тем не менее все еще обладающий достаточной глубиной для непосредственной атакующей роли. Большое преимущество колонного строя заключалось в его высокой мобильности и безграничной гибкости. Часть могла идти в наступление, образовывать каре для отражения кавалерийской атаки² или переходить в тактическую оборону в смешанном порядке с минимумом задержки и замешательства. Самое главное — не было задержек в перестройке войска, что всегда было проклятием при наступлении в старом линейном порядке. Самый лучший пример легкой приспособляемости этой системы — управление дивизией Морана в разгар сражения при Ауэрштедте (1806); за короткий промежуток времени она перестраивалась пять раз в зависимости от меняющихся условий, ни на одну минуту не ослабляя давления на пруссаков.

В последние годы, когда ухудшилось качество французской пехоты, ее генералы стали иногда прибегать к громадным дивизионным каре и колоннам (такие использовал Макдональд на второй день Ваграма и д'Эрлон в первой атаке при Ватерлоо — в обоих случаях с малым успехом), но эти огромные скопления войск были удобной мишенью для артиллеристов и пехоты и были слишком громоздки для свободного маневрирования.

Однако даже усовершенствованная система батальонной колонны могла давать сбои, и даже в эпоху своего расцвета французские атаки имели серьезные недостатки, которые мог использовать решительный и проницательный противник. В начале наступления шеренги обычно раскрывались, когда солдаты начинали двигаться

¹ 50 ярдов — 46 м; 21 ярд — 19 м; 15 ярдов — 14 м; 75 ярдов — 69 м; 150 ярдов — 137 м.

² Каре обычно строили таким образом, что они взаимно поддерживали друг друга, становясь углом против врага, так что промежутки между различными каре простреливались перекрестным огнем. Вершина угла также разделяла вражескую кавалерию, заставляя ее обтекать каре двумя потоками, наподобие волнолома, направляя их на подготовленное место для их уничтожения.

вольнее, стараясь не толкаться локтями, но чем ближе колонна подходила к неприятелю, тем теснее солдаты начинали прижиматься друг к другу, пока шеренги не ломались и не исчезала сплоченность строя — это давно предсказывал Гибер. Генерал Бюжо оставил живое описание недостатков чересчур поспешных атак в колоннах против войск, выстроенных в линейном порядке, которые он сам испытал во время войны в Испании.

«Англичане обычно занимали хорошо выбранные оборонительные позиции, обычно господствующие над местностью, и показывали только часть своих сил. Происходил обычный обмен артиллерийским огнем. Вскоре в великой спешке, не изучив как следует позиции, не выяснив возможности перехода к фланговой атаке, мы пускались в атаку, «хватая быка за рога». На расстоянии около 1000 ярдов до английских позиций солдаты начинали волноваться, окликать друг друга и ускорять марш; колонна начинала немножко расстраиваться. Англичане стояли совершенно молча, с мушкетами «к ноге», и из-за своей неподвижности казались длинной красной стеной. Эта неподвижность всегда оказывала большое впечатление на наших молодых ребят. Очень скоро мы подходили ближе, с криками: «Да здравствует император! В штыки!» («Vive l'Empereur! Enavant! A la bayonette!») На дулах мушкетов в воздух поднимались кивера; колонна переходила на бег, шеренги сбивались, общее волнение вносило беспорядок, солдаты начинали стрелять на ходу. Линия англичан молчала, стоя тихо и неподвижно, с оружием «к ноге», даже когда мы были уже на расстоянии 300 ярдов¹, и казалось, они не обращают внимания на то, что вот-вот произойдет схватка. Контраст был поразительный; в глубине души мы все считали, что врагу давно пора открыть стрельбу и что она, раз ее задерживают, будет особенно губительна. Наш пыл остывал. Психологическое воздействие этой невозмутимости, которую, казалось, ничто не могло поколебать (пусть даже это было только внешним приемом), по сравнению с нашим беспорядком, совершенно одуряющим шумом, начинало поражать нас. В этот момент крайнего возбуждения стена англичан брала мушкеты к плечу; неопишуемое чувство приковывало многих наших солдат к месту, и они начинали стрелять. Постоянные, сосредоточенные залпы противника сметали наши ряды; неся тяжелые потери, мы поворачивались, чтобы собрать силы; вдруг звучали три оглушительных «ура» из доселе молчавшей стены противника; при третьем они бросались вперед, обращая нас в хаотичное бегство»(22).

То, что колонна должна развертываться в линию перед переходом в атаку, — аксиома. Однако в ряде критических случаев этим правилом пренебрегали; результаты были всегда печальными. Некоторые военные историки под влиянием авторитета Омана и Фортескью утверждали, что отсутствие развертывания было намеренным, а французские командиры, воспитанные в революционных традициях, да еще с необстрелянными новобранцами, не умевшими совершать сложные перестроения, намеренно осуществляли прямую атаку колонной, надеясь взломать сопротивление сочетанием импульса и психологического превосходства (появления колонны, бегущей в атаку, бывает достаточно, чтобы внушить страх даже храбрецам). Однако воззрения этой школы убедительно опровергли майор Колен и Хилер Беллок. Они настаивают на том, что французы переходили в атаку, оставаясь в колонном строю, по ошибке, а не намеренно. Во многих боевых приказах упоминается необходимость развертывания перед окончательным соприкосновением с противником; французские части привычно старались выполнять эти указания, но часто задерживались с перестроением и опаздывали начинать атаку.

Большинство недостатков этой системы выявилось в сражениях с Веллингтоном. Он открыл прекрасный тактический способ противостоять французскому

¹ 1000 ярдов — 910 м; 300 ярдов — 273 м.

методу. Размещая своих солдат на склонах, противоположных французам, он не только защищал их от действий французской артиллерии и застрельщиков (он тоже обычно высылал большие отряды легкой пехоты на передние склоны для нейтрализации последних), но и расстраивал планы офицеров, командовавших атакующими колоннами французов. Не в силах определить точное место-нахождение противника, они обычно сохраняли порядок колонн, двигаясь вперед, пока не достигали гребня хребта, но тут-то и становилось слишком поздно, потому что как раз за гребнем «неподвижно» и внушительно, с мушкетами, взятыми на грудь, тянулась длинная «красная стена»; и прежде чем французы могли развернуться или броситься в атаку, следовали губительные залпы, часто направленные с трех сторон, сметающие головную часть колонны, а уцелевшие откатывались назад или, по крайней мере, цепенели, впадая в состояние шока»(23). Именно так случилось с некоторыми частями императорской гвардии на окончательном этапе у Ватерлоо: знаменитые гренадеры, приближаясь по ошибочно выбранному направлению подхода, неожиданно наткнулись на выстроенные батальоны Веллингтона; и, хотя гвардейцы немедленно попытались развернуться, их стали обстреливать с трех сторон таким плотным огнем, что они не могли закончить перестроение, понесли сильнейшие потери, и уцелевшие стремительно отступили.

И все-таки, несмотря на то, что против этой системы существовала и своя тактика противодействия, несомненно, в течение десяти лет она приносила Франции почти неизменные победы на полях сражений. Гибкость, агрессивность, мощное движение и мобильность французской пехоты превосходила боевые качества пехоты Австрии, Пруссии, Испании, России и Неаполя. При правильном использовании в ней заключался секрет тактического успеха в сражении с противниками, скованными жесткими рамками линейной тактики. Только при неправильном использовании этой системы — или в сражении против тактического гения Веллингтона и прославленного хладнокровия его британских войск — эта система ломалась и приводила к поражению. Однако кавалерия была тем родом войск революционных армий, который был их настоящим позором. Потребовалось огромное внимание и усилия, прежде чем эти войска были доведены до достаточно высокого уровня, позволившего французской кавалерии сражаться со своими иностранными аналогами с высоким шансом на успех. Наполеон поставил себе задачу организовать свою кавалерию на рациональной основе, так как прекрасно понимал ее значение. «Кавалерия полезна до, во время и после сражения»(24), — написал он по одному поводу. «Генерал Ллойд спрашивает, в чем польза больших количеств кавалерии. Я говорю, что невозможно вести никакие военные действия, кроме оборонительных, опираясь только на полевые укрепления и природные препятствия, если вы не достигли равенства по численности с кавалерией противника, потому что, если вы проиграете сражение, ваша армия будет потеряна»(25). Он также четко высказывался о качествах, необходимых для эффективности кавалерии: «Кавалерии нужна дерзость и практика; прежде всего, ею не должен управлять дух консерватизма или скупости»(26). Он говорил, что успех может быть достигнут только сочетанием скорости, удара, хорошего порядка, тщательно сохраняемых боевых порядков и правильного использования резервов. Но превыше всего он ставил требование дисциплины.

Первая его реформа состояла в отделении тяжелой кавалерии от линейной и их обеих — от легкой. В прошлом их различие часто было малозаметным. Теперь, в Великой армии, каждый тип кавалерии был тщательно определен и предназначен для своей особой роли. Первой по порядку шла тяжелая кавалерия. Их было две разновидности: основой этого рода войск были кирасиры — тяжеловооруженные всадники в стальных шлемах, с нагрудными и спинными стальными пластинами на кирасе, на огромных лошадях, имевшие длинные прямые сабли и еще по паре пистолетов, а позднее — и по карабину. Со временем их стало 14 полков фран-

цузских и один полк голландских кирасир, в каждом по 1040 всадников, распределенных на 4 эскадрона по 2 взвода в каждом. Вторым компонентом тяжелой кавалерии были два полка карабинеров; их структура и оружие были такими же, как у кирасир, и после 1809 года, когда они впервые получили стальные каски и кирасы, они почти перестали отличаться от своих собратьев. Наполеон настаивал на том, что тяжелая кавалерия должна сформироваться в автономные дивизии, а в кавалерийском резерве и кирасиры и карабинеры занимали видное место. В бою они предназначались для того, чтобы своими огромными размерами и весом они уничтожали кавалерию противника и использовали бреши, проделанные артиллерией в рядах его пехоты. Несомненно, в бою они представляли величественное и устрашающее зрелище, однако набор соответствующих солдат и пополнение кавалерии лошадьми представляли значительные трудности.

В линейную кавалерию входило 20 или 30 полков драгун. В начале XVIII века эти войска были, в сущности, конной пехотой, но в Великой армии они все более превращались в настоящую кавалерийскую ударную силу, владеющую холодным оружием. Однако они могли сражаться и спешившись (особенно в Испании и в последние годы Империи, когда стала ощущаться нехватка лошадей). В полку было обычно 1200 драгун, разделенных на 5 эскадронов. Но после 1812 года стала обычной организация в 5 конных эскадронов и в 2 пеших. В их вооружение входили сабля, драгунский мушкет¹, штык и пистолеты, и обычно они были в медных шлемах. Функции драгун были многочисленны и многообразны; их способность сражаться в конном и пешем строю делала их особенно боеспособными. Их часто использовали для кавалерийского заслона, на марше они служили фланговым боевым охранением. Драгуны оберегали линии коммуникаций, выполняли рейды и особые задания. Хотя в один период слава их сильно померкла из-за эксперимента, когда в их состав включили много неопытных новобранцев, но к 1813 году они являлись лучшей уцелевшей кавалерией во французской армии. Самой крупной частью этого рода войск, имевшей самую лихую репутацию, была легкая кавалерия. Удалые кавалеристы, любимцы женщин, носили самые яркие и экстравагантные мундиры и являли собой образец наивысшей храбрости и самоотверженности на поле боя, а во всех других обстоятельствах были воплощением шегольства, бравяды, гонора и отличались умением сквернословить, картежничать (и — менее официально — без конца устраивать дуэли). Было три главных и несколько вспомогательных разновидностей легкой кавалерии. Ее костяк образовывали 10—13 полков гусар, шеголявших ослепительными мундирами, 30 полков (к 1811 году) более скромно одетых конных егерей и улан. Вначале имелось только 2 полка улан — оба польского происхождения, — именно их и следовало бы называть легкой кавалерией до 1809 года, пока им не дали пики, хотя их боевую ценность признали ранее — после боев с казаками. Впоследствии Наполеон превратил 6 французских драгунских полков и гамбургских драгун — в улан (1811), а в кавалерию императорской гвардии вошли еще 2 знаменитых полка — польский и голландский. Их вооружение, кроме пики, состояло из двух пистолетов и сабли, но для того, чтобы хорошо владеть саблями, требовалось длительное обучение и практика. У гусар и конных егерей было одинаковое вооружение — сабля, карабин и пистолеты. Их часто сводили вместе в бригаду, объединяя полки, насчитывавшие от 1200 до 1800 сабель и от 4 до 8 эскадронов. Однако стрельбу с седла могли вести только конные егеря, когда выполняли роль застрельщиков. Кроме этих 3 разновидностей легкой кавалерии, еще были конные разведчики (*éclaireurs-à-cheval*) (1814), приданные молодой гвардии; элитная жандармерия — 300 специально отобранных всадников (образована в 1801 году) — была ответственна за охрану императора и выполнение его приказов

¹ Драгунский мушкет — укороченный вариант мушкета Шарлевилля, длиной (без штыка) около 94 см. (Примеч. автора.)

по армии; и, наконец, кавалерийский отряд мамлюков, сформированный еще в 1803 году, у которых сохранялся их восточный костюм, а вооружение состояло из ятагана и блундербаса, кроме пистолетов и кинжалов; они тоже входили в гвардейскую кавалерию, и их часто сводили в бригаду с конными егерями императорской гвардии.

Задачи легкой кавалерии требовали большой энергии и энтузиазма. Под защитой линейной кавалерии они выполняли множество разведывательных действий и всегда проходили службу попеременно в авангарде, арьергарде и фланговом охранении. Когда легкая кавалерия входила в соприкосновение с главными силами противника, она должна была задерживать его непрерывными беспокоящими атаками и таким образом как можно дольше мешать врагу занять выгодные позиции. Целью подготовки этих кавалеристов было приучить их мгновенно перестраиваться из колонны в линию. Они также были прекрасно натренированы в сложных маневрах, необходимых для изменения фронта и нападения на фланг противника. После завершения боя легкая кавалерия либо прикрывала отход, либо преследовала врага до конца, развивая первоначальный успех, не давая перегруппироваться разбитым порядкам противника и восстановить свой моральный дух. «После Йены, — заметил Наполеон, — легкая кавалерия сама по себе обеспечила победу», отеснив пруссаков вплоть до Балтийского моря и по пути захватывая крепости и укрепленные города, а также тысячи разбредшихся неприятельских солдат. «Без кавалерии сражения безрезультатны»(27), — таково было его заключение, сделанное на Святой Елене.

Кроме драгун, выполнявших дополнительную огневую функцию, вся французская кавалерийская тактика основывалась на ударном действии массивных конных атак. Применялись различные скорости движения. Эскадроны трогались с места рысью, затем переходили на легкий галоп (кентер), который на расстоянии 150 ярдов от врага развивался в полный галоп, и только на последних 50 ярдах¹ кавалеристы отпускали поводья и лошади неслись на противника во весь опор. Проведение кавалерийской атаки требовало тщательного расчета, выдержки, трезвого тактического мышления и строгой дисциплины. Если высокий темп движения принимали слишком рано, лошади достигали врага выдохшимися; если заразительное возбуждение слишком сильно охватывало всадников, кавалеристы могли атаковать мимо цели, проскочив ее, и тогда не могли быстро собраться и перестроиться, а как раз именно в эти немногие минуты после завершения атаки наступающая кавалерия бывала особо уязвимой для контратаки. Было крайне важно обеспечить, когда возможно, чтобы кавалерийскую атаку хорошо поддержали и пехота и артиллерия. Кавалерия в одиночку была в очень невыигрышном положении против стойкой пехоты, если пехотинцы не теряли голову и вовремя перестраивались в каре; поэтому взаимопомощь и координация между родами войск была важной тактической необходимостью. Битва у Ватерлоо достаточно наглядно показала, что может произойти, когда многократные, но недостаточно поддерживаемые массивные атаки конницы Келлермана и Мило относительно легко отбивались несколькими каре союзников, ошестинившихся штыками при сильном пушечном огне. Тогда французы несли тяжелые потери.

Романтическая батальная живопись середины XIX столетия создала популярный образ храброго французского кавалерийского генерала-рубачи, несущегося во весь опор в бой, чуть ли не на несколько сот ярдов опередившего свой эскадрон и лихо прищпоривающего лошадей. Это весьма возвышенная, но с военной точки зрения нелепая картина того, что действительно происходило в эти зажигательные моменты. Несомненно, мюраты, груши и ласали действительно выносились на такие передовые позиции в самом начале конной атаки, чтобы показать

¹ 150 ярдов — 137 м; 50 ярдов — 46 м.

правильное направление следующей за ними массе кавалеристов и вдохновить их на доблестные подвиги. Однако совершенно точно известно, что генералы не долго продолжали свой импозантный галоп впереди войск. Когда грохочущие эскадроны постепенно переходили с шага на рысь, от кентера к галопу, раззолоченные командиры начинали подбирать поводья (хотя и еле ощутимо) и чем ближе сходились с противником, тем меньше становился промежуток между ведущими и ведомыми. Едва ли было делом генерала рубиться саблей со всей неприятельской армией, и тем более он никак не должен был отрываться от своих подчиненных и заниматься этим в безрассудной, хотя и картинной временной «изоляции». Автор этой книги убежден, что к моменту соприкосновения с противником и даже раньше при достижении эффективной дальности огня украшенные султанами и звездами маршалы и генералы должны были находиться на несколько сотен ярдов позади своих линий кавалерии, обрушивающейся на врага. Иначе потери среди генералов, воюющих холодным оружием, были бы невероятно велики и едва ли нашлось бы много молодых честолюбцев, стремившихся «в единый час вместить всю славу жизни».

Как бы то ни было, Наполеон и его великие кавалеристы, особенно Мюрат, Ласаль и Груши, превратили французскую конницу из жалкого табуна в грозное оружие. В качестве прикрытия легкая кавалерия превзошла сама себя, скрыв быстрый марш Великой армии с Рейна на Дунай в 1805 году; ее боевые качества не пререстанно улучшались с 1806 года, по мере того как французы, помимо всяких военных трофеев, стали получать большие количества прекрасных лошадей и союзников. Звездный час тяжелой кавалерии был, вероятно, при Прейсиш-Эйлау в 1807 году; что касается развития успеха, то общеизвестной классикой стало преследование противника после Йены.

Как и можно ожидать, французская артиллерия под вдохновенным руководством самого Наполеона превратилась в один из самых внушительных родов войск Великой армии. «Великие сражения выигрываются артиллерией», — писал император принцу Евгению(28), и он изо всех сил стремился обеспечить армию достаточным количеством пушек. Одной из его первых задач в качестве всемогущего консула была «милитаризация» вольнонаемных артиллерийских погонщиков, и с этого времени боеспособность и численность этого рода войск стала быстро повышаться. «Эта милитаризация обслуживания», — писал Мармон¹, — оказала поистине замечательное влияние на подвижность батарей и их скорострельность»(29). В период Консульства имелось 8 полков «пешей» артиллерии², 6 — «конной», 2 батальона понтонеров и 8 батальонов нового артиллерийского парка — всего 28 000 человек. В 1813 году было девять «пеших» артиллерийских полков, в каждом по 27 пушечных рот (батарей, говоря современным языком, состоящих из 6 орудий и 2 гаубиц каждая); еще имелось 6 полков конной артиллерии, из которых каждый состоял из 6—7 рот (батарей). Понтонеры получили еще один батальон, и общая численность этих 3 батальонов стала равна 84 ротам. В артиллерийский парк по-прежнему входили 8 батальонов, в каждом по 14 рот. Кроме них, имелись еще 3 артиллерийских полка императорской гвардии (2 «пеших», 1 «конный») и 2 батальона гвардейского парка. К этому времени первый эшелон артиллерии имел 80 000 канониров; кроме них, существовало значительное количество артиллеристов береговой и гарнизонной артиллерии, что доводило общую численность в этом роде войск до 103 000 человек(30). По-видимому, сильное увеличение числа канониров на фоне относительно неизменного количества их частей объясняется принятой

¹ При императоре маршал Мармон прямо отвечал за все реформы, проводимые в артиллерии. (Примеч. автора.)

² Различия между «пешей» и «конной» артиллериями состояло в том, что в первой канониры шли рядом со своими орудиями, а во второй они были на конях или ехали на передках. «Летучая артиллерия» вся была конной для наибольшей мобильности. (Примеч. автора.)

тогда практикой добавления новых батарей к существующим полкам вместо того, чтобы создавать совершенно новые части¹.

Конечно, французская артиллерия наименее пострадала от чисток и эмиграции; более того, к 1800 году у нее уже было 8 лет непрерывного опыта в активных кампаниях, и элитная часть конной артиллерии с 1794 года имела 6 полков. Старая система выпрягания лошадей на краю поля боя и втаскивания пушек на позиции волоком (очень трудоемкая процедура, без которой нельзя обойтись из-за ненадежности тогдашних вольнонаемных погонщиков) теперь уступила место установке пушек прямо в нужное место при помощи их орудийных расчетов. Наиболее опытные из них могли делать до 5 выстрелов в минуту, но средняя скорость стрельбы была, по-видимому, около 2,5 выстрела в минуту. Таким образом, батарея из 6 орудий могла делать 15 выстрелов в минуту. Универсальное использование заранее подготовленных комплектов выстрела (содержащих заряд, пыж и ядро) помогало сократить время на заряжение, и тому же служила практика немедленного заряжения пушки после выстрела, без откатывания назад. Второй и последний выстрелы обычно делались быстрее, чем первый, потому что стволы пушек имели два положения — одно для движения, второе — для стрельбы, и для изменения положения ствола перед огнем требовалось небольшое дополнительное время.

За время Амьенского мира Наполеон провел капитальную инвентаризацию всей материальной части, и возникла так называемая «система XIII года». Количество пушек было значительно увеличено, упрощено управление, но самые важные реформы касались типов и калибров самих пушек. Вначале республиканская артиллерия (построенная по системе Грибовалея) состояла из 12-, 8- и 4-фунтовых пушек и 6-дюймовых гаубиц. Первый консул изменил это в трех важных отношениях. Во-первых, он решил заменить 4-фунтовую пушку (вначале — «полковую пушку», приданную каждому батальону) на большую, 6-фунтовую. Основной причиной этого было наличие большого количества австрийских и прусских 6-фунтовок, захваченных французской армией с 1794-го по 1800 год. Представлялось логичным приспособить французскую артиллерию к трофеям, чтобы полностью использовать захваченное вооружение и боеприпасы. Это изменение привело и к исчезновению полковой артиллерии — новые пушки были крайне тяжелыми, чтобы сопровождать батальоны в бой, не ухудшая их мобильности и многостороннего использования. Вторым изменением Наполеона была замена многих 8-фунтовых пушек на 12-фунтовые для достижения большей ударной силы и дальности на поле боя. Третье заключалось в замене части менее эффективных 6-дюймовых гаубиц на 24-дюймовые. Эти различные типы орудий обычно придавались разным соединениям. Восьми шестифунтовые пушки составляли большую часть артиллерии, придаваемой авангардам и помещаемой в дивизионные резервы, хотя, вероятно, до 50% общего парка этих калибров держались в артиллерийском резерве (большой частью в батареях конной артиллерии). Аналогично большая часть тяжелых 12-фунтовых пушек направлялась в резервы корпусной и армейской артиллерии, в то время как били 24-дюймовые гаубицы составляли одну треть дивизионной артиллерии. Наполеон никогда не был в состоянии отказаться от лишних пушек, но он редко имел необходимое ему количество.

С 1809 года французы стали в значительной мере прибегать к использованию 4-фунтовых пушек в роли полковой артиллерии, но это было шагом назад, вынужденным все ухудшающимся качеством пехотинцев. К 1813 году, когда сама Империя стала проявлять признаки ущербности и явно обозначилось ухудшение качества войск, Наполеон оптимистически поставил перед собой задачу иметь

¹ В 1805 году общее количество артиллерийских орудий (включая гарнизонную артиллерию) было следующим: тяжелых 4506, средних и легких 7366, гаубиц 8320, мортир 1746. (Примеч. автора.)

5 пушек на каждую тысячу солдат, включая кавалерию, артиллеристов и прислугу. Этой цели он никогда не достиг. Вероятно, наивысшая концентрация огня была достигнута при Лейпциге, где французы развернули 600 пушек — приблизительно одну пушку на 300 человек, или 3 на тысячу, но союзники здесь же выставили около 900 стволов.

Французы использовали четыре типа артиллерийских боеприпасов. Во-первых, круглые ядра, подходившие к калибру пушки. Во-вторых, шрапнель, представлявшую собой жестянку, заполненную мушкетными пулями, которая подразделялась на три вида: для стрельбы на большие дистанции (до 600 ярдов) — меньшее количество более крупных пуль (картечь из девяти небольших ядер), для более близких расстояний — большее количество более мелких пуль в жестянке; и третьим типом была жестянка, содержащая железный стержень, вокруг которого были насыпаны мушкетные пули. В-третьих, существовали снаряды — полые ядра, наполненные взрывчатым веществом, которое детонировало от горящего запала и которые употреблялись в гаубицах. И четвертым видом были раскаленные ядра, которые грели на решетках в печах; для этого требовалось специальное оборудование, и этот вид боеприпасов обычно применялся только батареями береговой артиллерии и на других стационарных огневых позициях. Одним типом боеприпасов, никогда не применявшихся французами в этот период (но использовавшихся британской армией с разрушительным эффектом), был особый тип шрапнели — ядер, наполненных смесью взрывчатого вещества и мушкетных пуль, которые подрывались регулируемым взрывателем. Англичане также экспериментировали с элементарными ракетами (изобретение капитана Конгрива), но они в лучшем случае были ненадежны; однако ракеты годились для поджигания городов, они также пугали лошадей, которые пускались в паническое бегство на поле боя.

Ядра обычно использовались против укреплений и сплошных боевых порядков войск; шрапнель — против личного состава; снаряды — для уничтожения зданий. Несомненно, больше других видов боеприпасов тратилось ядер. Они могли применяться прежде всего для прямого обстрела; во-вторых — для рикошетного огня (обычно самого эффективного из этих двух видов, если только не было сильного дождя или снега). Преимуществом рикошетного огня являлось то, что он значительно увеличивал дальность действительного огня, и кроме того, всякий раз, когда ядро попадало в землю (каждый следующий скачок, кстати, проходил всегда середину расстояния своего предшественника), оно поднимало в воздух осколки камня и землю, что вызывало большое количество поражений.

Наполеон считал, что артиллерия должна выполнять три роли на поле боя. Первое: в начале боя дивизионная и корпусная артиллерия должны были поддерживать пехоту и в то же время вести интенсивный обстрел опорных пунктов противника, что понижало и его моральный дух, и способность к сопротивлению. Затем, как предшественника главной атаки против избранного слабого места в линии противника большую часть артиллерийского резерва галопом выдвигали к фронту, чтобы обрушить огонь с участием всех имеющихся корпусных и дивизионных пушек для проделывания прохода, в который должна будет броситься «решающая масса». Затем — третье в фазе преследования (или отхода) — конной артиллерии приказывалось сопровождать и поддерживать легкую кавалерию, заполняя бреши в линиях при надобности (как это было после Йены).

Артиллерийская тактика была разнообразной. Но как общее правило, Наполеон возлагал основную надежду на массивные батареи в 100 и более орудий для подавления противника огнем. Так, большие батареи применялись при Эйлау, Ваграме, Бородине и Ватерлоо. «Артиллерия, подобно другим видам войск, должна быть собрана в массу, если хотят добиться решающих результатов»(31). Также для пушек стала привычной смелая тактика. В начале боя корпусная и дивизионная артиллерии часто выезжали вперед, занимая позицию перед пехо-

той, и, снявшись с передков на расстоянии менее 500 ярдов от противника, начинали без промедлений обстрел шрапнелью. По мере продвижения линии батальи артиллеристы обычно снова садились на передки орудий и опять продвигались вперед. Наверное, самым знаменитым примером такой артиллерийской агрессивности является Фридланд, где бригадир Сенармон двигал вперед свои пушки фантастически быстрыми скачками, пока не стал стрелять по русским прямой наводкой. При Ваграме генерал Друо покрыл себя славой, управляя гвардейской артиллерией в момент кризиса в сражении. Но погода, разумеется, могла оказывать неблагоприятное влияние на эффективность артиллерийского огня французов. Если бы в ночь перед Ватерлоо не было дождя, армия союзников безусловно понесла бы куда большие потери. Но при плохой погоде большая часть ядер, направлявшихся по войскам Веллингтона, которые удерживали Мон-Сен-Жан, зарывались в землю, и рикошетный огонь был неосуществим.

Подлинный секрет успеха Наполеона в бою заключался в тщательной координации кавалерии, пехоты и пушек в процессе непрерывной атаки, где каждый род войск дополнял действие двух других. Путь к победе лежал через сотрудничество разных родов войск.

Вначале производился сильный обстрел боевых порядков противника, вызывавший тяжелые потери, если тот не имел укрытия, и это обычно снижало его способность к сопротивлению. Под прикрытием мощного огня многочисленные вольтижеры подсакивали на дистанцию мушкетного выстрела и добавляли беспокойства противнику, прицельно стреляя по офицерам и другим намеченным мишеням. За этой начальной фазой следовал ряд атак силами тяжелой кавалерии и пехоты. Здесь главным секретом был тщательный расчет времени и координация. Целью первых кавалерийских атак было поражение кавалерии противника, а пехоту заставляли перестроиться в каре. Это отнюдь не было достижением немедленного прорыва. Задача возлагалась на подступающие колонны пехоты, которая в идеальных условиях должна была бы успеть подойти на близкое расстояние как раз к тому моменту, когда кавалерия отходила, уступая место пехоте, и до того, как противник успеет развернуть свои каре в линейный порядок. Конечно, часть, выстроенная прямоугольником или квадратом (каре), имеет сильно сниженную огневую мощь в любом направлении, и это уменьшение силы огня противника позволяло французским колоннам схватиться с ним без тяжелых потерь, при благоприятных условиях. Если атака удавалась, вновь развернутая французская пехота продельвала брешь в неприятельских рядах; приданные ей батареи конной артиллерии снимались с передков и начинали стрелять прямой наводкой, после чего французская кавалерия, успев перегруппироваться за это время, неслась вперед через сделанную брешь.

Противник, стоявший в обороне, не мог противодействовать этой системе непрерывной, всеобщей атаки.

Веллингтон и его генералы решили эту задачу успешнее, чем их прусские, австрийские или русские союзники. Чтобы свести к минимуму воздействие предварительного артиллерийского обстрела и привести противника в замешательство, активно использовались обратные склоны гор и оврагов и другие естественные укрытия, где это было возможно. Часто бывало так, что вдоль гребня возвышенности была видна только артиллерия. Британские канониры поливали огнем приближающихся французских кавалеристов, меняя боеприпасы с ядер на шрапнель по мере сокращения дистанции, в самый последний момент бросали пушки и отбегали под прикрытием ближайшего каре, захватив с собой приборники и другое оснащение, которое носили с собой. Французская кавалерия беспомощно кружилась у молчавших пушек и, поливаемая огнем, исходящим из ошестинившихся штыками каре, разбивалась о них, линия за линией, как волны об утес. Когда наконец кавалерия уносилась назад, британская пехота поспешно перестраивалась в линию, готовясь встретить приближающуюся французскую пехоту, в то время

как британская кавалерия обстреливала возвращавшихся французских всадников. Не отрываясь от авангарда наступавших французских колонн, британская легкая пехота в растянутом строю сражалась, медленно отступая, стараясь выиграть время и дать своим товарищам завершить свои перестроения. Затем среди британцев наступала зловещая тишина. Французы с торжественными криками, запыхавшись, взбегали по холму, но чем ближе они были к рядам красных мундиров британцев, тем быстрее остывал их пыл. На нужной дистанции залп за залпом британской артиллерии летел в авангард колонны, часто заставляя ее остановиться. Иногда Веллингтон приказывал еще частям выдвинуться по бокам вперед, образуя новые линии, направленные фронтом против французских флангов, и обстреливать их уже с нескольких сторон. После того как этот убийственный обстрел наносил большие потери и снижал моральный дух французов, британский командир, выждав подходящий психологический момент, приказывал перейти в штыковую атаку, которая часто заставляла французов откатываться назад в полном беспорядке. Только когда французы полностью истощали свои силы в непрестанных, но безуспешных атаках, британцы переходили в наступление силами кавалерии, пехоты и пушек, разбивая неприятеля и одерживая полную победу.

Среди «поддерживающих» родов войск Великой армии важное место занимали инженеры. Как писал генерал Фуа в своей книге «Военная организация», «саперы строят постоянные и полевые укрепления, они нападают и защищают крепости. Они сопровождают армию в войне. Можно быть уверенным, что эти три задачи нигде в мире не выполняются с таким великолепным умением и патриотизмом, как в нашем инженерном корпусе. Александрия, Антверпен, Эпюльер и еще пять сотен мест, сооруженных, восстановленных, перестроенных, — эти достижения доказывают, что искусство Вобана не угасло в руках Мареско, Шасселу, Аксо и им подобных. Вся Европа была покрыта нашими редутами и окопами...»(32). Инженерный корпус был небольшим — не более 10 000 человек. Но переправочно-мостовые парки и другие полуинженерные части входили в состав артиллерийских парков. Работе семи регулярных батальонов инженеров много помогали саперные батальоны, составленные из военнопленных или из войска союзников. Позднее оформилась особая секция, занимавшаяся картографическими работами, и целый ряд сверхштатных инженеров-офицеров был придан к каждой штабной группе. Хотя инженерные части не были предназначены для использования в качестве воюющих во время боя (комбатантов), они тем не менее часто самоотверженно продолжали свою работу под убийственным огнем. Так, в 1809 году именно саперы строили, обслуживали и восстанавливали мосты через Дунай в сражениях при Асперне—Эслинге и Ваграме, а звездным часом их мастерства несомненно явилась переправа через Березину, где два моста, построенные ими из подручного материала и непрестанно ремонтировавшиеся, спасли остатки Великой армии от гибели и дали уцелевшим возможность вернуться домой.

За передачу сообщений и новостей на фронт и обратно отвечала военная телеграфная служба — небольшая организация, где работали высококвалифицированные операторы. Эта часть обслуживала целый ряд станций семафорной связи, соединявших крупные города Империи и поддерживавших связь Парижа с фронтом; при хороших условиях сообщение могло проходить со скоростью 120 миль в час. По мере продвижения фронта организовывались флажковые релейные станции, связывавшие ставку императора с ближайшей стационарной семафорной станцией. Конечно, неблагоприятная погода, особенно снег или туман, выводила всю систему из строя, обрекая связь на досадные задержки. Большинство сообщений все еще передавалось конными нарочными; служба военной почты имела сеть конных почтальонов, скакавших на перекладных, а также ряд почтовых карет, чтобы император мог в любой момент сноситься с министрами в Париже.

Забота о больных и раненых была возложена на военных медиков-офицеров и санитаров, служивших в штабе каждого соединения от полка и выше. В целом военно-медицинская служба была еще в зачаточном состоянии, хотя при главном хирурге французской армии генерале Ларрее делалось все возможное, чтобы повысить эффективность этой службы, включая, например, организацию конных санитарных повозок в 1809 году. Однако всегда не хватало всех медицинских материалов — от бинтов до хирургического инструментария, и степень обеспеченности (или нехватки) зависела от отношения к своим обязанностям, в частности, командиров корпусов, которые распоряжались медицинскими фондами. Например, Даву был щепетилен до последнего су, Массена же весьма вольно обращался с этими деньгами, считая их своими сэкономленными личными запасами. Медики были вооружены точно так же, как и линейная пехота, и считались комбатантами.

Организация передвижений и снабжения была одним из самых больших мест императорской армии. В интересах подвижности и независимости частей без конца повторялся лозунг «война должна кормить себя сама» (т.е. находиться на самообеспечении, кормиться за счет местных ресурсов). Вначале обеспечение снабжения было доверено местным подрядчикам, но они оказались такими мошенниками или бездельниками, что Наполеон заменил их тщательно подобранными интендантами, по одному на каждый тыловой район снабжения. В 1809 году он ввел 9 батальонов транспортных снабженческих частей, которые обязаны были устраивать передовые склады, заботились о транспорте и распределении оборудования, добыче продуктов (иногда) в полосе фронта. В 1812 году их число было увеличено до 22 подразделений, но и они весьма посредственно обеспечивали организацию снабжения. И в этом нельзя было винить интендантов и их служащих. Плохое состояние большинства европейских дорог (особенно к востоку от Немана и к югу от Пиренеев) и привычная высокая скорость продвижения соединений Великой армии делали практически невозможным своевременно подвозить продовольствие и прочее в громоздких, медленно тянувшихся обозах. В большинстве кампаний Наполеон ограничивал количество возимых в обозах запасов до 4—7-дневных рационов муки и сухарей, причем они выдавались только тогда, когда армия уже приближалась к позициям врага. Смысл такого порядка был в том, чтобы не вынуждать солдат отлучаться из расположения части в поисках пропитания. Оказавшись в 1812 году в обширных бесплодных и малонаселенных просторах России, император попытался создать более полную систему снабжения, опирающуюся на использование флотилий речных судов и на конвои обозов для подвоза на фронт больших количеств продовольствия и прочего необходимого из Данцига и Кёнигсберга. Однако вскоре эта система разладилась, и армия, двигавшаяся к Москве, шла обычно голодной. Еще хуже пришлось войскам при отступлении, но тогда виновато было разложение дисциплины, а не отсутствие запасов. Парадоксально, что, отступая, Великая армия не раз встречала собственные тыловые склады, полные запасов продовольствия (например, в Смоленске и Вильне), но, дорвавшись до этих запасов, солдаты устраивали алчный беспредел, расхватывая, портя и разбрасывая, что не могли съесть на месте. Таким образом, неразрешимой задачей для тыловой службы оказались скорее распределение и контроль, чем собственно поиски снабжения.

Глава 33

ИМПЕРАТОРСКИЙ ШТАБ

Контроль, согласование действий и управление почти полумиллионом людей представляли невероятные трудности до появления радиотелеграфа, но штаб главнокомандующего был сложной и многогранной организацией, оказавшейся способ-

ной управлять с достаточной эффективностью. Хотя он не мог сравниться с уровнем позднейшей прусской штабной системы, созданной вначале Шарнхорстом и Гнейзенау в годы прусского возрождения после йенской катастрофы, тем не менее он был первой универсальной штабной организацией в мире. Штаб Наполеона отличался за управление Францией и Империей, а также за руководство его огромными армиями. Поэтому понятно, что штаб был громадным аппаратом, работавшим с разной степенью эффективности. Даже в 1805 году в штабе было более 400 офицеров и 5000 солдат, но к 1812 году — уже менее 3500 офицеров и более 10 000 рядовых (включая писарей и охрану). С 1805 года в штабе императора было три главные части, из которых каждая еще подразделялась на многочисленные отделы и подотделы. Первой и самой важной частью императорского штаба был личный штаб Наполеона, его ставка (Maison). За ним шел генеральный штаб Великой армии, который возглавлял Бертье. Третьей частью был штаб генерального интенданта, ведавший всеми делами, относившимися к приобретению, перевозке и распределению всех видов снабжения. Эти три штабные ветви существовали все время, были связаны друг с другом, а в некоторых важных кампаниях вокруг этой «Большой тройки» образовывался еще целый ряд добавочных штабов, увеличивая количество персонала (так называемых «членов штаба») до феноменальных размеров. Например, Наполеон желал, чтобы в полевых выездах его сопровождали главные представители правительства, с тем чтобы он мог, наряду с военными делами, заниматься решением и дипломатических и внутренних вопросов. Например, в 1812 году армию сопровождал государственный секретарь со своим личным штабом помощников; министр иностранных дел как ключевой сановник тоже должен был иметь свой отдельный штат сопровождающих сотрудников. Министерство финансов также постоянно высылало немалый контингент своих представителей. Далее, существовало много дополнительных военных штабов, находившихся в тесной связи со штабом императора. Командующие артиллерией и инженерными войсками тоже обладали собственными штабами; генерал-полковники гвардии имели специальные штабы, а императорская гвардия, выросшая от небольшой дивизии в 1805 году до размеров почти армии в 1812 году, создала у себя большую и разветвленную собственную штабную организацию. Неудивительно, что, когда Бертье приказал устроить генеральный смотр штаба в Вильне в 1812 году, какой-то наблюдатель заметил сходство этого парада с корпусом, построенным в боевом порядке. «Вообразите сбор в одном месте всего, что принадлежит генеральному штабу, — писал де Фезанзак, — представьте громадное количество слуг, лошадей, которых ведут под уздцы, обозов всех видов, тянущихся за ними, — и вы получите некоторое представление о спектакле, устроенном генеральным штабом» (33). Разумеется, было немислимо перемещать всю эту огромную организацию всей массой или хотя бы собирать ее в одном месте, и поэтому все компоненты передвигались и устраивались в соответствии со своим строгим, навсегда принятым порядком — по тщательно рассчитанному расписанию. Так, в 1812 году движение штаба и всех его учреждений и отраслей мимо какого-нибудь пункта могло занимать до семи дней, и очень часто министр иностранных дел еще двигался где-то в тылу армии, ушедшей далеко вперед; в 1812 году он «подошел» к Москве на расстояние не ближе Вильны.

Внутренняя организация во время величайших кампаний Наполеона этих трех главных отделов императорского штаба была очень важна.

Собственный штаб Наполеона, со всем его хозяйством, его ставка, являлся истинным мозговым центром французской военной машины. Ее состав и задачи были различными в разные времена, но всегда выделялись личные помощники Наполеона и его личный штаб, хотя и здесь трудно провести жесткие границы, и некоторые важнейшие персонажи иногда принадлежали и к той и к другой части, создавая путаницу.

Среди штабных работников три человека занимали три главных положения — и при дворе, и на поле боя; они хотели, чтобы каждого из них считали правой рукой Наполеона. Бертье, «небольшого роста, полноватый, всегда смеющийся, вечно занятый делом» (34), сочетал в себе должности вице-коннетабля, обер-егермейстера двора, военного министра и начальника генерального штаба Великой армии, этот князь Невшательский был самым близким подчиненным Наполеона, он имел множество обязанностей, хотя на самом деле он являлся не более чем героизированным главным писарем. Вторым шел Дюрок, герцог Фриульский, гофмаршал двора, — незаменимый администратор, ведавший всей ставкой императора, всеми видами ее деятельности; он распоряжался денежными средствами и следил за организацией быта императора; он обеспечивал трудный доступ к императору для искателей аудиенций и, кроме того, выполнял и менее официальную роль, добывая женщин для удовлетворения плотских слабостей своего господина, и Наполеон тяжело пережил его гибель в сражении при Бауцене в 1813 году. Третьим был шталмейстер Коленкур, герцог Виченцкий, отвечавший за все связанное с конюшнями, пажами, организацией связи и императорскими эскортами. Он помогал Наполеону сесть в седло, неизменно лично сопровождал его и всегда имел наготове карту местности, прицепленную к пуговице на груди мундира. «Герцог Виченцкий, ростом пять футов восемь дюймов (172 см), имеет суровый и благородный вид, — пишет обычно ядовитый Кастеллоне, — откровенный и преданный, он любим и ценим всеми... Он прекрасный генерал, истинный военный по характеру» (35). Может быть, Коленкур больше всего заслуживал доверия Наполеона, хотя на Святой Елене его бывший господин обрисовал его как «бестолкового» и «просто прекрасного шталмейстера». Тем не менее «Мемуары» Коленкура являются великолепным источником для освещения периода 1812—1814 годов и выказывают необычный ум и преданность их автора.

Под эгидой этих трех светил трудилось целое созвездие выдающихся людей, пусть и не такого калибра. В кадрах всегда было наготове достаточно свободных генералов на случай особых поручений. Кроме того, существовали и официальные адъютанты (почти все — полные генералы со знаменитыми именами), возглавлявшиеся Мутоном, Раппом и Савари; этот ответственный персонал был обязан с одинаковым блеском возглавить атаку, провести дипломатические переговоры или приготовить цыпленка — другими словами, быть готовым выполнить самое нелепое поручение. При каждом находился свой собственный штат адъютантов и слуг, а также еще значительное количество дежурных офицеров (12 в 1806 году), выполнявших текущие поручения; обычно в этот контингент входили молодые люди из хороших семейств со связями (часто вернувшиеся эмигранты).

Личные нужды императора обслуживались четырьмя камердинерами (главный из них — Констан) и его личным телохранителем мамлюком Рустамом, который каждое утро надевал сапоги своему хозяину, а ночью спал на полу у двери в императорскую спальню. Все они подчинялись непосредственно Дюроку. Затем, имелись префект дворца (заместитель Дюрока), секретари кабинета, камергер, 2 конюших, 4 врача, 5 хирургов, казначей, 4 пажа (юноши из аристократических семейств, которых с возрастом переводили в кавалерию), 2 начальника хозяйственной части и большой штат дворецких, лакеев и конюхов.

Но самой важной частью ставки был «кабинет» Наполеона — «святилище гения», как его называл полковник Ваше (36). «Секретарь кабинета» (долгое время им был генерал Кларк) являлся формальным звеном, связывавшим личные и официальные штаты Наполеона, и принадлежал сам к тем и другим. Два чиновника были приданы ставке постановлением от 22 октября 1804 года, но их обязанности были не более секретарских; они должны были писать под быструю диктовку императора и находить справки по любому вопросу, затребованные им. Гораздо более тесно связанными с текущим распорядком жизни Наполеона были 3 его личных секре-

таря, которые должны были неизменно находиться при его особе и днем и ночью. Их основная работа также заключалась в записывании под диктовку его приказов, но они были и очень влиятельными лицами, являясь основным каналом прямой связи между императором и всеми министрами. Бурьен был главным личным секретарем с 1796-го по 1802 год, но потом его уволили из ставки за воровство и за казнокрадство. «Это был настоящий вор — раз он даже украл шкатулку с бриллиантами с каминной доски»(37), — вспоминал император на Святой Елене. И хотя Наполеон обычно проявлял терпимость к личным грешкам человека, лишь бы тот хорошо служил ему, в конце концов ему пришлось серьезно заняться поведением своего однокашника (по Бриенну) и убрать его из своего личного штата. После этого главным секретарем стал Меневаль, которому помогал Фэн (с 1808 года).

Самым же напряженным центром «святилища гения» являлся персонал топографической службы императора. Здесь царствовал Бакле д'Альб, который работал на Наполеона почти без перерывов с 1796 года по 1813-й, «невысокий смуглый человек, красивый, приятный, очень образованный, талантливый и хороший чертёжник». Вероятно, он был самым незаменимым из всех адъютантов Наполеона. Он отвечал за выполнение штабом всех заданий Наполеона, связанных с планированием. Ему было доверено исправление карты и ведение большой карты обстановки на каждый день, на которой разноцветными булавками отмечалось нахождение каждой части. Это боевое расписание было всегда разложено на большом столе в середине кабинета Наполеона, а обязанностью Бакле д'Альба было следить за тем, чтобы все необходимое было всегда под рукой: ящики с курьерскими донесениями, складной стол, циркули, поставленные на дистанции ежедневного марша, для разных масштабов, и драгоценная полевая библиотечка записных книжек (carnets) Наполеона — этих знаменитых записей, в которых содержались подробные сведения о каждой воинской части французов и о соединениях противников¹ и другие справочные материалы. Бакле д'Альб, безусловно, оказывал самую существенную помощь императору в планировании военных действий. Обычно они вдвоем ползали по карте, втыкая булавки в новые места, и ворчали, и переругивались, сталкиваясь головами или задами. На Бакле также возлагались ответственные расчеты времени и расстояний. В сущности, у него была собачья жизнь; первой командой императора утром и последней перед сном была «пришлите ко мне д'Альба». С течением времени ему было позволено завести двух помощников для выполнения работы, но Бакле так и оставался незаменимым человеком и в свое время дослужился до генерала.

Выезжая в части или для командования в сражении, Наполеон был всегда в сопровождении своего «малого» (или боевого) штаба, все члены которого были лично выбраны им. В него обязательно входил начальник генерального штаба, штабмейстер, маршал (дежурный в этот день), два адъютанта, два дежурных офицера, конюший, один паж (несущий телескоп Наполеона), солдат из эскорта (несший портфель с картами и циркулями), Рустам, конюх и офицер-переводчик. Впереди всей кавалькады ехали еще 2 дежурных офицера, за которыми следовали 12 кавалеристов со своим командиром. На расстоянии около 1000 ярдов за ними шел главный эскорт, обычно из 4 эскадронов гвардейской кавалерии (по одному от полков егерей, улан, драгун и конных гренадер) под командованием

¹ В записные книжки («карне») Наполеона штабные офицеры ежедневно вносили необходимые изменения и полностью обновляли их каждые две недели. Книжки, посвященные военным вопросам, были организованы следующим образом: каждому полку отводилась отдельная страница, разделенная на колонки, в которые вносились имена командира, начальника штаба, старших офицеров, список боев, в которых участвовал полк, местонахождение интендантского склада, список понесенных потерь, раненых и больных, находившихся в госпитале, новобранцев в учебных командах и мест их призыва. В других книжках были сведения о каждом офицере в армии, сроке службы, проведенных кампаниях, наградах, присвоении званий, жалованье. Как показывают эти «карне», Наполеон был воплощением методичности и тщательности. (Примеч. автора.)

генерал-адъютанта. На короткие расстояния или на поле боя Наполеон выезжал на специально обученных арабских рысаках (из которых самым знаменитым был Маренго), и в каждом соединении выше корпуса всегда держали не менее 5 запасных лошадей для императора и его приближенных в случае необходимости. Наполеон был весьма средним наездником, но способен к долгой и трудной езде. В большие поездки он обычно отправлялся в коляске или легкой карете, рядом с окнами которой ехал на лошади с одной стороны шталмейстер, с другой — дежурный маршал. Для ночных путешествий или на дальние расстояния Наполеон пересаживался в свою почтовую карету — специально построенный экипаж, в котором была складная кровать, стол, особые полки для книг и ящики, так что его можно было использовать как подвижную ставку в пути. Позади кареты висел большой фонарь, специальное окно пропускало его яркий свет внутрь, чтобы Наполеону можно было работать без перерыва, даже ночами.

Таково было устройство и организация ставки императора. Конечно, в разное время ее состав сильно менялся, иногда в ней были государственные министры, иногда — офицеры разных специальностей. Она служила всегда, безусловно, источником оперативного планирования, «энергетической станцией» всей Великой армии, где был только один постоянный и незаменимый член — сам Наполеон с его неутомимым мозгом, он — пружина всего, блестящий стратег. Все остальные помогали, но ни один не решал и не начинал. В этом остальном сосредоточении власти в личности одного человека была одновременно и сила и слабость ставки, всей штабной организации и самой французской Империи.

Генеральный штаб, вне ставки, представлял собой неожиданно сложную и одновременно разобщенную организацию (состояла из отдельных частей), которую возглавлял Бертье: в ней дублирование служебных обязанностей порождало немало упущений и недостатков. Штаб Бертье включал в себя три отдела: личный штаб начальника штаба, кабинет начальника штаба и сам генеральный штаб. Основная работа всех трех отделов была одинакова — отдавать приказы Наполеона по назначению и осуществлять надзор за управлением в армии. Никакой самобытности мышления и инициативы не требовалось; Наполеон решал все, планировал все, контролировал все. Штаб был попросту инструментом передачи приказов и сбора данных — больше ничем.

Офицеры, служившие в ведомстве Бертье (в личном штабе и кабинете), отличались блестящими служебными качествами, щегольской выправкой, поразительной независимостью от императорской ставки и некоторым презрением к ее членам. Бертье лично осуществлял разделение труда внутри своего штаба, контролировал все назначения, все финансы (с помощью Дюфрема) и отвечал за выпуск всех приказов Наполеона по движению войск, операциям, артиллерии и инженерным войскам и по делам пленных. В этой огромной работе ему помогал Саламон — настоящий «серый кардинал» начальника штаба. Личный штаб состоял из нескольких генералов и полковников и 6—13 адъютантов меньших рангов. Но это было скорее «мишурой», украшавшей должность Бертье как начальника штаба. Настоящая работа делалась вдали от этого антуража, в его кабинете, с группой ответственных гражданских специалистов, чью работу контролировал генерал Ле Дюк с помощью того же бесценного Саламона.

Служащие генерального штаба разделялись на 2 категории: на офицеров, которым могли поручаться особо секретные миссии, и на тех, которые просто назывались «офицерами генерального штаба», менее ответственного уровня. Во главе этой организации находились три помощника начальника штаба. Старший из них направлял штабную работу в целом, поддерживал тесную связь с начальниками штабов корпусов и организовывал тыловые районы и линии коммуникаций. Второй помощник отвечал за все дела, относившиеся к лагерям, маршам и расквартированию. Третий заведовал топографическим отделом армии, который составлял

карты мест ежедневного нахождения войск, руководил проведением дозорных мероприятий и рекогносцировок и проводил топографические съемки. Каждый из этих офицеров имел установленное количество адъютантов и помощников разных рангов, и в эти личные штабы включались те офицеры, которым доверялась передача секретных сообщений. В число остальных офицеров генерального штаба входили (в 1813 году) 14 штабных офицеров в званиях от капитана до подполковника и 6 топографов-инженеров, к которым были приставлены многочисленные писари, курьеры, слуги и прочие.

Для обычных целей генеральный штаб делился на 3 отдела, хотя распределение функций не было жестко закреплено и постоянной чертой штаба была значительная зыбкость в распределении сфер деятельности. В целом можно сказать, что первый отдел обычно отвечал за контроль, подготовку ежедневных приказов, разработку паролей, рассылку сообщений, писем и приказов по передвижению войск, ведение списков личного состава, регистрацию и общую корреспонденцию. Второй отдел отвечал за размещение штабов, за все дела, относившиеся к охране, питанию (совместно с генеральным интендантом) и организацию госпиталей. Третий занимался делами военнопленных и дезертиров, контролировал призыв на военную службу и ведал всеми военно-судебными вопросами. Топографический отдел всегда стоял обособленно от этих трех главных отделов и, в сущности, составлял четвертый отдел, хотя это никогда не было признано официально.

В целом штаб Великой армии производил впечатление только своими размерами. Организация его имела много недостатков и была ненужно сложной; слишком большое дублирование функций приводило к неизбежным ошибкам в работе, путанице, упущениями или чрезмерной опеке. И самое главное — ему отводилась второстепенная административная роль, в отличие от современных штабов, а штабным работникам не позволялась инициатива. Император однажды сердито сказал: «Генеральный штаб организован так, что ничего не может предвидеть». Но он сам был ответствен за это. На худой конец, Наполеон прекрасно мог справиться и сам, без такого громадного и сложного «организма». В лучшем случае штаб освобождал его от механической работы; в худшем — он вносил ошибки в его распоряжения и портил дело. В целом работа французского штаба была слабым звеном французской военной машины, и он несет немалую ответственность за падение императора.

Распорядок дня императора был сложен. Наполеон был крайне требователен к своим работникам, но никто не работал больше, чем он сам. Для него было обычным работать по восемнадцать часов в сутки в течение долгого периода времени, и за эти часы он мог переделать невероятное количество дел. Обычно он вставал вскоре после полуночи и читал свежие доклады, присланные командирами корпусов накануне вечером, диктовал необходимые распоряжения, вносил изменения в приказы и незадолго до рассвета ложился поспать еще на час. К 6 часам утра, одевшись и позавтракав, он был готов к началу рабочего дня. Первым делом он вызывал к себе Бакле д'Альба рассмотреть неотложные военные дела. После этого давал аудиенции важным лицам, желавшим лично говорить с ним. Закончив эти дела, он шел в свой кабинет и садился за стол, на котором уже были разложены стопками документы, ждавшие его решения. Эти текущие дела выполнялись быстро; император нацарапывал пером краткие ответы на полях докладов, быстро диктовал краткие письма своим секретарям или просто бросал бумаги на пол, если считал их недостойными своего внимания. Затем следовали опять диктовки и встречи, и к 10 часам утра на его столе опять появлялись депеши и новые письма, требующие подписи. Быстро пробежав глазами и нацарапав свое «N» в конце каждого обычного документа, Наполеон передавал бумаги для их дальнейшей отсылки, но, если речь шла о серьезном деле, Наполеон откладывал бумагу в сторону, говоря: «До завтра. Утро вечера мудренее»(38).

Закончив имевшиеся дела, император требовал себе коня и вместе со своим «малым штабом» отправлялся инспектировать какую-нибудь часть или в штаб корпуса. Он был твердо убежден, что главнокомандующий должен видеть все сам и его должны видеть все. Его непрерывные проверки, смотры и парады позволяли ему почувствовать моральный дух солдат и оценить их настрой. Эти случаи давали ему возможность проявлять свою гипнотическую власть над солдатами, если он этого хотел. Фамильярности, которые он допускал с солдатами, вызывали у них искреннюю любовь. Он обменивался словечком с «ворчуном», бросал грубоватую шутку сержанту, вызывал к себе самого храброго в части и вдруг вручал ему неожиданную награду — такими способами он привязывал солдат к своей службе и воодушевлял их переносить непрерывные испытания, опасности получения тяжелых ран и даже смерть переставали пугать их. Многие из его методов были театральны и применялись вполне сознательно, но они достигали желаемого действия. Каждый его приезд заканчивался громкими криками «Да здравствует император!». Его манера выказывать доверие людям, объяснять им, что именно он собирается делать и какую роль он отводит им в выполнении своих замыслов, служила хорошим стимулом для поднятия морального духа и повышала шансы на успех. В сражениях он, как правило, предоставлял командовать своим подчиненным и редко вмешивался, но перед особенно важными атаками часто подъезжал к солдатам пожелать им успеха, обращаясь к ним, например, с такой фразой: «Солдаты тридцать восьмого — я знаю вас! Захватите мне эту деревню прямо с хода!» Самая небольшая его похвала воспринималась как посвящение в рыцарство, а самое легкое выражение неудовольствия могло заставить заплакать самого закаленного гренадера. Едва ли у Наполеона были соперники в искусстве управления людьми.

Так же умело он обращался и со своими приближенными и штабом. По-видимому, Наполеон считал, что для обеспечения максимальной работоспособности офицеров их нужно держать в состоянии непрерывного умственного напряжения, граничащего со срывом. Обычно он был справедлив и доброжелателен, но никто не мог быть уверен, что через несколько минут не случится один из тех ужасных приступов гнева (которые Наполеон, очевидно, мог вызывать по желанию) или не менее устрашающих признаков припадков суровости и жестокости. Он скупой дарил свои улыбки и шутки и имел мало фаворитов. Частенько он stalkивал своих подчиненных друг с другом, следуя правилу «разделяй и властвуй». Он никогда не позволял расслабиться, давая неожиданные приказы без малейшего предупреждения. Подразумевалось, что исполнение должно следовать немедленно, — никаких извинений никогда не принималось. Он никогда не предупреждал о скором переезде ставки в другое место, ожидая, что каждый будет готов отправиться в путь через полчаса после объявления приказа. Даже Бертье, которому дозволялось больше фамильярности, чем кому бы то ни было, временами доходил до умопомрачения от бесконечных требований, придинок и переменчивости нрава своего хозяина. Однажды, в 1812 году, Лас Каз застал начальника штаба в слезах. «Меня скоро убьет эта работа, — жаловался безутешный Бертье, — последний солдат в армии счастливей меня!»(39) В другой раз несчастного Александра Наполеон схватил за горло и безжалостно колотил головой о каменную стенку. Гнев Наполеона был не шутка.

Возвратившись из дневной поездки, Наполеон снова садился за стол читать последние новости, подписывать приказы, диктовать ответы и назначать встречи с людьми. Затем он знакомился с новыми записями в своих бесценных записных книжках, читал доклады шпионов Савари и резюме, подготовленные Бертье. Секретари в поту от напряжения еле успевали записывать под быструю диктовку императора, который ходил в это время взад и вперед по комнате или в палатке, молниеносно формулируя в уме сложные меморандумы или расписания действий без малейших признаков напряжения.

Питался он когда придется; скромный завтрак съедался в седле или с офицером в части, куда он приезжал, а время ужина было неопределенным. Тем не менее император ожидал, что еда для него должна быть готова в любой момент, и его повара частенько без конца готовили и оставляли бесконечные кушанья, ожидая внезапного приказа подавать на стол. Если бы не бдительный глаз рачительного Дюрока, вся эта лишняя еда попадала бы во множество алчущих ртов, но под суровым надзором гофмейстера императорского двора каждый цыпленок был на учете и за каждого нужно было отчитаться.

Император редко обедал один. Обычно он садился за стол с Бертье или, в его отсутствие, с Коленкуром или Дюроком; знатных посетителей императорской ставки неизменно приглашали к столу. Его слуги вспоминают, что Наполеон ел быстро — в среднем еда длилась у него двадцать минут — и чаще всего в молчании; он ел мало, а пил еще меньше, но был не прочь иной раз выпить бокал своего любимого шамбертена. Отдых был редким событием, но иногда император участвовал в шумной игре в понтун или вист, безбожно мошеничая и всегда выигрывая. Даже императоры и гении имеют свои слабости.

В мирных условиях после заключительного совещания с Бакле д'Альбом, около восьми-девяти часов вечера, император ложился в свою походную кровать для четырех-пятичасового сна. Верный Рустам укладывался на полу поперек двери. Но даже и тут крайне утомленная ставка едва ли могла рассчитывать на отдых. В любой момент мог прозвучать голос императора, зовущий секретаря или адъютанта, чтобы что-нибудь записать, и горе тому несчастному, кто отлучился хотя бы на минуту со своего поста, так как в любое время дня или ночи его мог вызвать император. Нервные расстройства не были редкостью среди членов императорского штаба, нагрузка служения гению была и тяжелой и непрерывной.

Судя по воспоминаниям его умученных сотрудников, исключительная активность была самой выдающейся чертой императора. Его знаменитое письмо к Жозефине, продиктованное в критический момент Йенской кампании 1806 года, хорошо иллюстрирует характер жизни, привычной для императора. «Сегодня я в Гере, моя любимая, и все идет очень хорошо, как я и надеялся... Мое здоровье остается отличным, и я даже пополнел с моего отъезда. Тем не менее я делаю каждый день по двадцати — двадцати пяти лиг верхом, в коляске и т.д. Я ложусь в восемь часов и встаю в полночь. Иногда я думаю, что ты даже еще не легла спать. Всегда твой»(40). Он никогда не обращал особого внимания на обстановку; иногда располагался в замке, иногда в заброшенном амбаре, «где грязи по колено»(41). Накануне сражения он обычно ночевал среди своей гвардии. Слуги ставили 5 сине-белых палаток (прихожая, кабинет, спальня, приемная начальника штаба и столовая для офицеров); менее важные соратники искали себе места вокруг огромного костра, который часто разводили перед ставкой императора.

Часть седьмая

ОТ РЕЙНА ДО ДУНАЯ

Наполеоновский разгром Третьей коалиции

Введение

КАНУН АУСТЕРЛИЦА

«Годовщина! Годовщина! Виват императору!» Холодный ночной воздух звенел приветствиями, когда один за другим солдаты Великой армии бросали свои костры, теснясь, стремились быть поближе к императору, чтобы приветствовать его. Это было одним из тех редких искренних проявлений солдатского доверия и привязанности, которые волнуют сердце любого командира. Император был заметно тронут, переходя от одного бивака к другому среди пылающих факелов из связок соломы, которыми солдаты освещали ему дорогу. «Смотри, как он счастлив!» — воскликнул сержант Кванье из 96-го гренадерского полка гвардии, когда император миновал его. «Он выглядел очень растроганным, — вспоминает дру-гой свидетель, — и делал характерный жест рукой, как бы благодаря»(1). Когда процессия шла через бивак артиллеристов, император ворчливо предупредил импровизированных факельщиков, чтобы они держались подальше от зарядных ящиков; только «фейерверков» еще ему не хватало к этому торжеству. Иногда восторженность солдат переходила все границы и сопровождающим его штабным офицерам и адъютантам приходилось стоять кольцом вокруг своего императора.

Далеко через долину, на Праценских высотах, русские часовые стали вызывать своих офицеров, докладывая им о необычайном оживлении в лагере французов; в деревне Блазовну поспешно собрался штаб русского командования, чтобы обсудить вероятность ночного нападения французов или, наоборот, их эвакуацию. Но мало-помалу все затихло, и к двум тридцати ночи воцарилась тишина, иногда нарушавшаяся одиночными мушкетными выстрелами взбудораженных пикетов в окрестностях Телльница.

Когда император лег на свою постель из соломы, чтобы успеть поспать еще несколько часов, он негромко проговорил вслух: «Это был лучший вечер в моей жизни»(2). Это было 2 декабря 1805 года всего за несколько часов до «битвы трех императоров», или — как оно больше известно — до сражения при Аустерлице.

Казалось, целый век отделяет эти заснеженные поля Моравии от увешанных флагами улиц праздничного Парижа, на самом же деле миновал только один год. Второго декабря 1804 года Наполеон в роскошном одеянии торжественно ехал по улицам, полным ликующих людей, к собору Нотр-Дам на торжественную коронацию, чтобы стать императором французов в присутствии Папы Пия VII, всей

семьи Бонапарт и новой знати страны. «Как все это далеко от суровых дней Республики!» — раздумывал кое-кто из «старых ворчунов» вновь созданной императорской гвардии, снимая революционную эмблему со своих медвежьих шапок¹ и прикрепляя новые значки с орлом; немало времени утекло под мостами через Сену с 1792 года, и, уж конечно, Le Tondeu, как никто в мире, заслужил себе императорские почести.

Через 12 месяцев император и гренадеры снова были вместе. В четыре утра зазвучали первые рожки на побудку; наступал день, а с ним момент рокового испытания Великой армии и ее командующего.

Глава 34

ПЛАНЫ И ПОДГОТОВКА

Всю весну и лето 1805 года правительства и генеральные штабы союзников хлопотливо согласовывали планы будущего наступления, которое должно было вернуть Европу к территориальному устройству 1789 года, как они надеялись. В надлежащее время после многих обсуждений постепенно сложился план операций. Венский военный совет, по соображениям австрийского престижа, настаивал на том, что главные силы союзников должны проявить себя на североитальянском театре военных действий. Для этого эрцгерцогу Карлу было выделено 95 000 солдат, которые должны были подготовить переправы через реку Адидже, чтобы осуществить нападения — первоначальные объекты: Мантуя, Пескьера и Милан. В сочетании с этим наступлением в Италии эрцгерцог Иоанн должен был удерживать Тироль силами 23 000 солдат и стать звеном между своими братьями Карлом и Фердинандом. Последний, со способным генерал-квартирмейстером Маком, начальником его штаба и его наставником, имел приказ продвинуться в Баварию и со своей семидесятитысячной армией (такова была ее численность в начале кампании) отговорить электора Баварии от ревностного сотрудничества с Францией и в то же самое время прикрыть подход Кутузова и Беннигсена с востока. После того как к его солдатам присоединятся еще две русские армии, эрцгерцог должен был передать командование императору Францу для совместного движения через Шварцвальд, Швабию и Франконию к Страсбургу. Царь пообещал, что Кутузов прибудет в Баварию к 20 октября с 35 000 солдат, за которыми пойдет армия Буксгевдена (40 000 человек). И в то же время третья русская почти двадцатитысячная армия под командой Беннигсена двинется на Францию через Богемию, имея целью не спускать глаз со строптивой Пруссии на севере. Кроме этих основных диспозиций, австрийцы решили выделить независимые корпуса для совместных действий со шведами в Померании и с англичанами в Неаполе, но эти направления рассматривались как второстепенные, рассчитанные на отвлечение внимания французов и для распыления их сил.

Этот обширный план операций был полон непродуманных решений и явных ошибок, сыграть на которых сразу поспешил Наполеон. Венский гофкригсрат, наученный горьким опытом 1796-го и 1800 годов, построил весь свой стратегический замысел на том предположении, что Наполеон неизбежно развернет главные действия снова на итальянском театре, хотя теперешнее размещение французской армии на побережье Ла-Манша, казалось, должно было сразу исключить такую идею. Вторая ошибка австрийцев была уж совсем непростительной: их генеральный штаб не учел двенадцатидневную разницу между европейским календарем и принятым в России, где все еще придерживались старого юлианского календаря.

¹ Медвежья шапка — принадлежность только императорских гвардейцев.

В результате этого Кутузов едва ли мог прибыть на реку Инн согласно намеченной австрийцами дате, и этот просчет разрушил всю схему союзников. Во всяком случае, австрийцы сами спланировали свое преждевременное вступление в активные действия. В-третьих, австрийская армия в Тироле была несоразмерно большой для своей скромной роли обеспечения взаимодействия, что было ненужной тратой хороших частей войск, которые значительно разумнее было бы использовать для отвлекающего нападения на Швейцарию. Другой вопиющей непродуманностью в планах союзников было отсутствие иерархической лестницы команд. С русской стороны Кутузов имел предписания царя подчиняться приказам, исходящим от австрийского императора или эрцгерцогов, но не от австрийских генералов. Дело было окончательно испорчено наличием двойственной системы команд в Германской армии Австрии. Эрцгерцог Фердинанд был номинальным главнокомандующим на дунайском театре (пока он не передал свои полномочия императору), но Франц больше доверял способностям генерала Мака и приказал Фердинанду повиноваться директивам собственного начальника штаба. Прямым следствием этого были хаос и путаница, приводившие к ожесточенным личным стычкам и препирательствам в нескольких критических случаях на первом этапе кампании 1805 года. Опоздания, разногласия и сомнения были единственными предсказуемыми результатами подобной системы. Они и оказались фатальными.

Приняв решение отложить вторжение в Англию, Наполеон начал выполнять новый план кампании, основанный на тщательной оценке сведений о численности неприятельских сил и об их намерениях. Французские войска могли ожидать нападения с четырех возможных направлений. Два из них могли быть сразу отвергнуты как незначительные: англо-шведское нападение на Ганновер из Померании или высадка союзников в Неаполе не оказали бы значительного влияния на основные вопросы войны, а в первом случае (Ганновер) такое нападение вообще могло бы спровоцировать Пруссию на немедленное присоединение к французам. Остальные два операционных направления внушали серьезные беспокойства. Способный военачальник эрцгерцог Карл вполне мог преуспеть в покорении Северной Италии и даже захватить Южную Францию. Во втором случае — самом опасном из всех — обилие воинских сил на Дунае могло при правильном использовании явить угрозу Эльзасу, а когда подойдут русские армии, силы союзников на этом театре будут огромны.

Решение императором этой стратегической проблемы было типично для него. Французы должны нанести первый удар, захватить инициативу на дунайском фронте при максимальном напряжении всех сил разгромить Фердинанда и Мака до подхода русских, а после этого нанести сокрушительный удар по приближавшимся войскам Александра I. В широком смысле этот французский план имел некоторое сходство с оригинальными стратегическими ходами 1796-го и 1800 годов; в начале этих кампаний Бонапарт (в это время еще генерал) назначил дунайский театр войны главным, и только в силу неблагоприятных обстоятельств второстепенный итальянский театр военных действий оба раза превращался в район решающих операций. Высший военный совет австрийцев не смог понять эту истину и принимал тогдашние вынужденные операции французозв за их подлинные намерения. Но в 1805 году Наполеон наконец был в состоянии заставить своих подчиненных выполнять предназначенные им роли — больше не было генералов, подобных Моро, способных портить все его планы. Объединенная французская армия с замечательно высокой боеготовностью стояла перед ним, ожидая любого его приказа.

В общих чертах замысел императора был достаточно прост. Французские войска (всего 210 000 человек) должны были быть сформированы в новое соединение¹ —

¹ В отечественной военной науке к соединениям относятся дивизии и корпуса, а армии и фронты — к объединениям.

Великую армию, которая должна двинуться к Дунаю кратчайшими и наиболее выгодными путями, приняв в себя по дороге еще 25 000 союзников-баварцев. Резко повернув к югу от Рейна, они должны были бы обойти никем не прикрытую армию генерала Мака, если австрийцы будут достаточно неразумны и продолжат свое движение к Шварцвальду, поддавшись на провокацию ложной атаки Мюрата в этом районе. Наполеон надеялся, что затем придет черед русских армий, и до конца декабря двум крупнейшим членам Третьей коалиции будет преподан такой урок, что забыть его «не поможет и все золото Питтга». Решающее наступление в Германии будет поддержано тремя другими французскими силами: Массена должен был задержать войска эрцгерцога Карла (50 000 солдат) в Италии, а в это время генерал Гувийон Сент-Сир направится к Неаполю с 20 000 солдат, чтобы предотвратить высадку союзников в этом удаленном районе. Генерал же Брюн должен был оставаться в Булони со своим тридцатитысячным войском, чтобы исключить возможность британского десанта на континент.

Для превращения этого великолепного замысла в практический план кампании было необходимо много штабной работы высочайшего класса. Мюрат и Бертран осторожно вели рекогносцировку всей местности между Тиролем и рекой Майн, а Савари, начальник планирования у Наполеона, проводил детальную топографическую разведку всех дорог в районе между Рейном и Дунаем. Должным порядком был составлен тщательно продуманный план; на его крупномасштабных картах император отметил циркулем дистанции необходимых дневных переходов. Левое крыло Великой армии, двигавшееся от Ганновера и Утрехта, должно было занять исходную позицию в Вюртемберге; центр и правый фланг, состоявшие из войск, снятых с побережья Ла-Манша, должны были сосредоточиться на среднем течении Рейна; их исходные позиции — в Мангейме, Шпайере, Лаутербурге и Страсбурге. Планировалось, что, когда все будет готово, армия перейдет Рейн, Мюрат со своей кавалерией создаст сильную демонстрационную угрозу по направлению к Шварцвальду, отвлекая внимание Мака, а 7 армейских корпусов пройдут через Германию к месту общего сбора на Дунае, причем операционная ось пройдет между городами Пфорцхайм и Донаувёрт. В случае благополучного завершения концентрации войск и прихода VII корпуса Ожеро от Бреста для контроля района между Рейном и верхним течением Дуная Наполеон намеревался переправиться через широкий в этом месте Дунай и захватить город Аугсбург для использования его в качестве нового операционного центра, который перережет главные линии коммуникаций Мака. Окончательные приказы, начавшие это громадное движение армии, были разосланы генеральным штабом 26 августа.

Этот план кампании имеет некоторые черты сходства с принципиальными схемами действий при Лоди, Бассано, Арколе и Страделле, но масштаб их был неизмеримо больше, чем ранее: вместо нескольких дивизий, здесь развернулись не менее семи корпусов — беспрецедентный масштаб. В середине XVII столетия великий маршал Тюренн сформулировал правило, что крупные стратегические маневры могут осуществляться армиями до 50 000 человек, а в 1704 году герцог Мальборо с успехом провел соединенные сорокатысячные войска из Нидерландов к Дунаю, но сражения Наполеона предусматривали использование пятикратного превосходства войск, что влекло за собой неизмеримо более крупные проблемы времени и расстояний и многократно увеличенные трудности снабжения.

Секрет успеха в таком смелом предприятии заключался в системе армейских корпусов. Во времена Тюренна и Мальборо крупнейшим соединением на практике была бригада — дивизия появилась только в середине XVIII века. И только позднее объединение нескольких дивизий в корпусе, содержащем элементы всех родов войск, делало наполеоновский план осуществимым.

Корпусная система уже доказала свои достоинства, пусть еще и в упрощенной форме, во время кампании Маренго в 1800 году, когда впервые были проверены в достаточно большом масштабе преимущества стратегической подвижности, которые она предоставляла. В 1805 году эта усовершенствованная система должна была дать Наполеону возможность повести 226 батальонов, 233 эскадрона, 161 артиллерийскую и саперную роту, 1108 офицеров, или всего 210 500 человек, включая 29 500 кавалеристов и 396 пушек (58 двенадцатифунтовых, 146 восьмифунтовых и 52 шестидюймовые гаубицы), перевозимых 6340 лошадьми на расстояние более 200 миль за поразительно короткое время — 13 дней. Корпуса, на которые делилась вся эта армия, были различны по величине, в зависимости от их будущих целей: от 41 000 солдат в корпусе Сульта до 14 000 — в корпусе Ожеро; это обстоятельство очень облегчало поддержание боевого обеспечения. Противник мог узнать примерные диспозиции армейских корпусов на какой-то день, но эта информация сама по себе мало что давала для определения боевой численности разных соединений. К тому же привычка Наполеона изменять состав своих крупных формирований во время кампании, вплоть до того, что он создавал новые корпуса по мере надобности, также помогала вводить в заблуждение разведку противника.

Для облегчения проблемы снабжения и во избежание скоплений на дорогах Центральной Европы каждый корпус¹ получал свое направление движения, чтобы в любой местности обеспечивалось снабжение провиантом только одного крупного соединения. Вместе с тем предусматривалось, что корпуса продвигаются на расстояние однодневного или двухдневного перехода друг от друга для обеспечения взаимной поддержки. Каждый корпус имел эскадрон легкой кавалерии для прикрытия своего движения.

Несмотря на удобство, создававшееся подобной гибкой диспозицией основной массы армии, пришлось переделать огромное количество подготовительных дел и административных согласований, прежде чем войска могли перейти Рейн и начать активные боевые действия. На Мюрата была возложена задача организации 22 000 кавалеристов в резерв, который должен был выполнить начальную демонстрационную атаку, осуществлять защиту армейских коммуникаций и вести «беспokoящие» действия на линии отхода противника. Но главной задачей Мюрата было создание завесы между армией и противником. Мармону было поручено командование артиллерией, причем большая часть ее по приказу Наполеона была выделена в резерв для использования только во время сражения. Эти два соединения были новшеством, имевшим громадное значение, и им суждено было сыграть крайне важные роли в развертывавшихся событиях.

Так как скорость и неожиданность были главным залогом успеха, император радикально урезал части второго эшелона. Революционные армии в силу необходимости давно уже привыкли кормиться «чем Бог пошлет» в каждой местности, а теперь система местных реквизиций стала штатной статьей в организации снабжения. В интересах максимальной подвижности транспорта солдаты Великой армии имели четырехдневные рационы хлеба и на столько же дней им выдавалось сухарей, которые они получали только в случае неизбежных боевых действий. И тем не менее все-таки пришлось реквизировать 3500 четырехконных повозок для пополнения регулярных транспортов снабжения. Если Наполеона не особенно тревожило обеспечение продовольствием солдат, то он решил снабдить их всем необходимым в обмундировании и лично проверял интендантское ведомство на предмет выдачи каждому солдату двух пар сапог и нового плаща из теплого материала.

Приказы, направленные маршалу Массене в Северную Италию, свидетельствовали о том, какое значение император придавал действиям французских войск, раз-

¹ Семь линейных (включая и силы Ожеро), один резервный кавалерийский и один корпус общего резерва (август 1805-го). (Примеч. автора.)

мешенных на второстепенном театре. Подчеркнув необходимость максимального втягивания в боевые действия всех имевшихся там австрийских войск, чтобы предотвратить переброску части их на Дунай, император добавил разумный стратегический совет: «Поручаю вам мою храбрую Итальянскую армию, но не позволяйте ей сражаться разобщенными отрядами. Восемьдесят тысяч австрийцев, расположенных так, как сейчас, не смогут справиться с 50 000 пеших солдат, если они дернутся вместе»(3).

Вначале Наполеон надеялся, что Великая армия сможет вступить на территорию Германии 17 сентября, но его оптимизм был напрасен. Отложив отправку из Булони до 3 сентября, чтобы скрыть начало перемещения армии, Наполеон появился в Париже 5 сентября и немедленно погрузился в обступившие его заботы. Во-первых, его финансистам пришлось признаться в глубоком экономическом кризисе. В силу тех или иных причин сбор налогов за предшествовавшие 12 месяцев был неудовлетворительным, и в казне оказалось недостаточно денег, чтобы покрыть уже понесенные высокие военные расходы или удовлетворить требования на ведение новой кампании. Прошли три столь нужные недели, прежде чем финансовые дела нации более или менее были приведены в порядок. Но не только финансовые вопросы требовали внимания Наполеона в это время. Для пополнения рядов Великой армии оказалось необходимым призвать 80 000 юношей на год моложе установленного возраста в двадцать лет; это мероприятие встретило неожиданно одинаково враждебную реакцию и населения, и законодательной власти. Наполеон был вынужден проташить необходимое постановление в виде сенатус-консульта, не обращаясь к законодательным органам.

Тем временем с Рейна до императора дошли первые вести: 13 сентября он узнал через прекрасную военную семафорную связь, соединявшую Париж с границей, что генерал Мак перешел реку Инн и направился к Мюнхену. Неделю спустя разведывательные отряды Мюрата докладывали, что по меньшей мере часть этой армии достигла Ульма, но что русских все еще не было. Получив эти известия, Наполеон знал, что наступил момент действия. Мак весьма предупредительно заторопился в приготовленную для него ловушку; оставалось только «захлопнуть дверцу». Император соответственно приказал армии перейти Рейн в ночь с 24-го на 25 сентября и начать свой широкий обходной маневр. Выехав из Парижа со своей ставкой (императрица Жозефина сопровождала его несколько первых дней путешествия), Наполеон помчался на восток к своей армии; 25 сентября он был в Нанси, на следующий день — в Страсбурге, готовый принять на себя личное командование в развертывающихся операциях.

Глава 35

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРИУМФ — УЛЬМ

Первые войска перешли Рейн, и вскоре начала разворачиваться отвлекающая операция. Выйдя из Страсбурга, V корпус Ланна и часть кавалерийского резерва Мюрата (всего 40 000 солдат) храбро углубились в дефиле Шварцвальда, под командой драгунской дивизии Бараге д'Ильера, к своей первоначальной цели — Фройденштадту. Как и предусматривалось, эти демонстрационные маневры отвлекли австрийские войска еще дальше к западу, и император с облегчением писал Талейрану 27 сентября: «Здесь все идет хорошо; австрийцы находятся в дефиле Шварцвальда. Дай Бог, чтобы они там и оставались. Я боюсь только того, что мы их чересчур напугаем. В следующие две недели должно произойти многое»(4).

В тот момент не было особых оснований для тревоги. Мак стоял совершенно неподвижно, а главная французская армия заходила ему в тыл. Несколько дней Мак

был в полном неведении о масштабах нависшей над ним опасности, потому что сочетание лесистых гор Шварцвальда и идущих к востоку гор Юры скрывало размах кавалерии Мюрата, а эскадроны легкой кавалерии корпуса поддерживали непроницаемую завесу между этими двумя армиями.

Продвижение французов шло почти что с механической точностью в условиях прекрасной осенней погоды. Первого октября Наполеон вошел в Эттинген и встретился с герцогом Баденским, на следующий день он был уже в Луизбурге, где получил обещание помощи от своего союзника — электора Вюртемберга. Третьего октября головные части его армии достигли рубежа между Штутгартom и Ансбахом, а Ланн и д'Ильер продвигались вперед через Пфорцхайм для соединения с VI корпусом Нея в Штутгарте, чтобы создать стратегический фланг и опорный район, вокруг которого находившиеся к северу корпуса будут заходить для броска к Дунаю. Линии коммуникаций в полной безопасности шли назад от Штутгарта и Шпайера к Дурлаху, а от него к Страсбургу.

Относительно благополучное продвижение было результатом тщательного штабного планирования. Моральный дух солдат сначала был приподнятым, они шутили, что их император изобрел новое орудие войны — их ноги вместо штыков, но очень скоро погода испортилась и подъем первых дней сменился угнетенностью от сырости и голода, по мере того как возрастала усталость солдат и все труднее становилось добывать пропитание. Но, как ни странно, случаи дезертирства были редки. При переходе до Вюрцбурга II корпус Мармона потерял только 9 человек, хотя «нормальным уровнем» было бы около 300 дезертиров.

Длительность дневных переходов колебалась от 12 до 40 км согласно требованиям общего плана, но большинство частей проходило около 30 км в день. Войска шли в колоннах с 4—6 часов утра и обычно к полудню проходили свою дистанцию, остальное время оставалось на добывание еды, а вечер и ночь — на сон. Такой характер движения очень напоминал порядок, установленный в походе Мальборо в 1704 году. Для обеспечения справедливого распределения местных пищевых ресурсов каждой дивизии отводилась полоса площадью около 20 квадратных километров для размещения лагерей и фуражировки. На марше пехота и кавалерия двигались двумя колоннами по обеим сторонам дороги, оставляя середину свободной для прохождения тяжелого имущества, колясок генералов и пушек. В каждой бригаде был оркестр, разделенный на три отделения, идущие в голове, середине и хвосте каждой колонны и барабанящие по очереди. Каждый час делали пятиминутную остановку, во время которой обычно играл духовой оркестр, последние полчаса дневного перехода также шли под музыку. Дивизия из 4000 пехотинцев занимала 4 километра дороги, оставляя интервалы по 100 шагов между батальонами, а кавалерийский полк занимал около 900 метров в длину. Скорость движения была около 3 миль в час, так как такой темп можно беспрепятственно поддерживать изо дня в день.

С тех времен сохранилось значительное количество писем от «ворчунов», которые рисуют интересную картину жизни солдат. Рядовой Жан-Пьер Блэз из 108-го линейного полка описывает поход своей части в воспоминаниях, записанных через несколько лет на основе кратких походных записей.

«Мы прошли смотр перед императором 8 фруктидора 13 года¹. В тот же день мы с радостью узнали, что покидаем побережье, на котором мы стояли лагерем целых два года, и будем воевать в Германии. Могу вас заверить, что это известие очень обрадовало нас, потому что солдаты очень страдали от скуки во время долгого стояния армии у моря; теперь же, под командой императора, мы с уверенностью чувствовали, что начнем марш к победе. Первая дивизия нашего корпуса

¹ Т.е. 1805 г. Республиканский календарь все еще был в ходу, и счет годам шел от установления Первой республики в сентябре 1792 г. (Примеч. автора.)

вышла в путь 9-го, а за ними и мы, 11-го числа. О нашем походе до Рейна рассказать нечего. Рейн мы перешли 5 вандемьера 14 года, так и не увидев неприятеля. Может быть, мне следует упомянуть о том, что, когда мы отправились в поход, мы думали, что идем в Хагенау, где у нас будет небольшой отдых. Мы оставили неприятеля на правом берегу, а сами перешли Рейн у Мангейма; 4-го числа всем солдатам раздали патроны и приказали оставить все не безусловно необходимые личные вещи на складе в Франкентале, посоветовав идти налегке. После перехода Рейна нас только дважды ставили на постой у местных крестьян. Скорость нашего движения не позволяла обозам поспевать за нами, и поэтому у нас часто не хватало хлеба, несмотря на все старания нашего командующего маршала Даву; но когда мы и получали его, он был настолько плохого качества, что совсем не годился в пищу... К счастью, как раз стояло время копки картофеля и его было в изобилии в этих местах. Сколько раз мы разрушали все надежды сельского люда! Мы похищали у них плоды всех их усилий в течение года. Однако, как говорится, нас заставляла нужда...»(5)

Второго октября армия начала заходить к югу, и фронт стал постепенно уменьшаться со 120 километров на рубеже Ансбах — Штутгарт до 60 километров к тому времени, как войска достигли Дуная между Ингольштадтом и Донаувёртом. Это движение напоминало поворот двери на шарнирах. На внешнем фланге с наибольшим расстоянием марша шли корпуса маршалов Бернадота и Мармона, усиленные баварским войском, причем первые, ради скорости маневра, без всяких угрызений совести нарушили территорию нейтральной Пруссии, пройдя через Ансбах. Этому акту в дальнейшем было суждено сыграть определенную роль. В центре шли Сульц и Даву со своими двумя крупнейшими соединениями; на правом фланге, образуя ось захождения, находились Ней, Ланн, императорская гвардия и резервная кавалерия Мюрата. Как раз в этот момент сильно испортилась погода — дождь, холодная изморось и даже снег продолжались, но они не помешали армии достичь равнины Нёрдлингена к 6 октября; назначенные места переправы через Дунай — Мюнстер и Донаувёрт, Нойбург и Ингольштадт — теперь все были близко.

В стане австрийцев все было без перемен. Хотя генерал Мак теперь знал о совершившемся широком обходе, эрцгерцог Фердинанд, казалось, не был в состоянии правильно понять происходящее; «кролика по-прежнему гипнотизировал удав». Перед австрийцами было несколько вариантов действий. Прежде чем Наполеон достиг Дуная, они могли бы начать тактическое наступление против одной из самых южных колонн Великой армии, максимально использовав превосходную австрийскую кавалерию для нанесения быстрого удара, а затем отступить, прежде чем успел бы подойти французский корпус поддержки. Такой маневр замедлил бы скорость продвижения французов. В самом крайнем случае австрийцы могли бы предпринять серьезные шаги для защиты переправ через Дунай, Лех, Изар и Инн и таким образом подготовиться к переходу в подвижную оборону, чтобы дать время Кутузову подойти к французскому флангу. Однако весьма пассивные тогда австрийские генералы смогли только приказать своим выдвинутым отрядам сосредоточиться в окрестностях Гюнцбурга, к востоку от Ульма.

Меры боевого обеспечения Наполеона были настолько эффективны, что его противники имели лишь очень приблизительное представление о том, что происходит. Все упоминания о движении войск запрещались и отсутствовали во французских газетах; границы были закрыты, чтобы предотвратить утечку сообщений; даже корпусным командирам давался минимум сведений из опасения, что перехваченный пакет приказов может раскрыть весь план. Но прежде всего, неприятель был сбит с толку прекрасными операциями по прикрытию, которые проводили эскадроны кавалерийского корпуса и резерва Мюрата, и высокой скоростью движения всей французской армии.

Когда показался Дунай, французские корпуса вышли на позиции для перехода через реку. Половина армии должна была перейти Дунай восточнее впадения в него реки Лех, чтобы перерезать коммуникации Мака и обойти его фланг с севера. Остальная часть армии переправлялась к западу от этого места слияния рек, чтобы не дать австрийцам самим воспользоваться мостами через Лех. В ночь с 6-го на 7 октября генерал Вандамм захватил переправы через Дунай, а Мюрат вошел в Мюнстер. В течение следующих суток корпус Сульта прошел через Донаувёрт, и Мюрат выслал одну дивизию через Дунай, чтобы занять мост через Лех у Рейна. В тот же день Даву достиг Нойбурга. Наполеон теперь предвидел, что Мак начнет стремительно отступать на восток, и планировал уничтожить его по частям. «Мое намерение, когда мы встретим неприятеля, состоит в том, чтобы обойти его со всех сторон»(6), — писал Наполеон Сульту 3 октября.

Чтобы поймать в ловушку противника, было необходимо отрезать все возможные пути его отхода. Теперь, когда Наполеон мог в любой момент перейти Дунай, генерал Мак мог бы попытаться отойти в Тироль, но тогда он будет вынужден не выполнить свою миссию прикрытия подхода русских войск. Если бы у него было достаточно храбрости, австрийский командующий мог бы перейти в немедленную контратаку вдоль северного либо южного берега Дуная, целью которой было бы захватить французов на полпути через реку и уничтожить их по частям по мере их переправы или по меньшей мере отойти назад к Вене. Мак мог бы также перейти к подвижной обороне вдоль ряда речных рубежей, уступая пространство, но выигрывая время. Наполеон был уверен в том, что Мак даже не попытается отходить по северному берегу Дуная, потому что за рекой маневр откроет путь на Вену и в то же время отрежет австрийцев от их южных складов. Следовательно, Наполеон чувствовал, что у него нет оснований опасаться за безопасность своих собственных линий коммуникаций, которые находились под охраной 1600 солдат-гессенцев, вюртембергцев и баденцев, которых предоставили союзники. Тем не менее в качестве дополнительных мер безопасности главные коммуникации были передислоцированы от Шпайера к Нёрдлингену, и 2 дивизии кавалерии (драгуны д'Ильера и Бурсе) и 1 пехоты (генерала Газана, выделенная из корпуса маршала Ланна) были добавлены для усиления охраны коммуникаций на ближайшее время. Эти части находились на дистанции «близкой поддержки» от корпуса Нея, который в это время двигался по левому берегу Дуная.

Для блокирования остальных путей отхода, открытых Маку, потребовалось немного времени; император приказал устроить центр операции в Аугсбурге и расставить свои корпуса вокруг него в виде плотной сети. IV корпус Сульта был направлен к Ландсбергу, а оттуда на запад к Меммингену для захвата главных австрийских складов и для блокирования пути отхода в Тироль до реки Иллер. Для овладения главной дорогой, идущей от Ульма через Гюнцибург к Аугсбургу, Наполеон отправил Мюрата и Ланна по южному берегу Дуная действовать совместно с Неем, двигавшимся по северному берегу. Для предотвращения возможности нападения русских с востока (в это время Наполеон не располагал точными данными о местонахождении Кутузова) Бернадоту и Даву было приказано организовать «обеспеченный район» вокруг Мюнхена, где рубежи рек Изар и Лех служили бы им оборонительными позициями на случай появления русских войск. Наконец, в самом центре этой паутины сидел «паук» — Наполеон оставил гвардию и корпус Мармона в окрестностях императорской ставки в Аугсбурге в качестве стратегического резерва. Этот план учитывал любую неожиданность. Каждый корпус находился на расстоянии двухсуточного марша от поддержки по крайней мере двух соседей (за возможным исключением Нея) и поэтому мог сосредоточиться на любом угрожаемом секторе; в то же время перед армией генерала Мака была расставлена сеть, а поэтому у него не было бы легкого пути спасения в любом случае — бросился бы он в эту «сеть» или отстаивал бы свои позиции. Очевидно, Наполеон гордился та-

ким достижением, и это нашло отражение в армейском бюллетене от 7 октября: «Противник вошел в проходы Шварцвальда, где он планировал занять позиции и препятствовать нашему проникновению. Он поспешно укрепил Иллер, Мемминген и Ульм. Однако наши патрули, прочесывающие всю местность, уверяют меня, что он отказался от своих планов и что, по-видимому, он серьезно обеспокоен нашими продвижениями, которые для него неожиданны, так как непривычны. Наше огромное перемещение уже через несколько дней позволило нам очутиться в Баварии, избежав гор Шварцвальда, рубежей параллельных рек — притоков Дуная и неудобства системы операций, которым всегда угрожают с фланга тирольские перевалы, далее оно позволило нам в течение нескольких дней двигаться в тылу врага, у которого нет времени, чтобы избежать полного разгрома...»(7)

В действительности же как раз в это время генерал Мак пребывал в настроении крайнего оптимизма (обманчивого). Один австрийский агент сообщил ему, что он подслушал разговор французов за завтраком в деревне, находящейся на французских коммуникациях, о том, что ходят слухи о вторжении англичан в Булонь. Такой неподтвержденный слух воодушевил австрийского генерала и заставил его взглянуть на всю ситуацию на Дунае с меньшей тревогой, увидев ее в более розовом свете. «Если неприятель желает захватить Ульм, правый берег безусловно не является той стороной, с которой к нему можно подойти, так как сам город находится целиком на левом берегу. Если он собирается осадить его, то ему необходимо иметь по крайней мере равные силы на обоих берегах... Но он увел практически все свои войска с левой стороны... и приближается несколькими дорогами к югу. Это создает у меня впечатление скорее обхода, чем наступления, потому что армия на Лехе, желающая отойти к Рейну и знающая, что Ульм удерживается врагом, стала бы действовать только таким образом. Новости, доставленные мне бароном Штайнхерром, надежным человеком, об одном подслушанном им разговоре, настолько совпали с моим мнением, составленным на основе имеющихся у меня фактов, что я позволил себе считать его правильным»(8). Исходя из этого ошибочного убеждения, Мак заявил своим подчиненным, что французы теперь полностью отходят к Рейну, двигаясь тремя колоннами, и приказал всем своим частям выделить летучие отряды для преследования и непрерывно тревожить отходивших французов. Так жертва почти целиком оказалась в ловушке.

В самом деле, в следующие же дни против Ульма быстро развернулись французские действия. Мюрат и Ланн приближались в тесном согласовании с Неем; их соединял мост в Диллингене. Первая энергичная стычка в этой кампании произошла 8 октября у Вертингена, когда драгуны авангарда столкнулись с австрийскими силами в составе 9 батальонов и одного эскадрона; и к концу дня Мюрат и Ланн взяли в плен 2000 человек и фактически уничтожили противника. На южной оси наступления Сульц с хорошей скоростью двигался к Ландсбергу, а дальше к востоку Даву достиг Дуная, и к вечеру 11-го Бернадот был уже в шести милях от Мюнхена. Наполеон оставался в Аугсбурге, ожидая новостей о Кутузове и каждый час надеясь услышать о стычке с Маком на противоположном фланге. Одиннадцатого, обращаясь с письмом к Мюрату, поставленному им на временное командование войсками, направлявшимися на Ульм, император подчеркнул необходимость держать свои силы «в кулаке». «Как ни измучен противник, он будет драться», — предсказывал Наполеон, оценивая численность войск Мака в 40 000 на это время. «Поэтому необходимо, чтобы Ваш резерв и корпуса Нея и Ланна, имеющие в сумме 50—60 тысяч человек, должны продвигаться, держась как можно более сплоченно, чтобы соединиться на исходных позициях за 6 часов и разбить противника»(9). Далее он призывает своих подчиненных стремиться как можно скорее разгромить Мака до подхода русских к реке Изар.

В этот же самый день, когда было написано и отослано это письмо, на северном берегу Дуная произошел почти трагический случай, в результате которо-

го чуть было не погибла дивизия генерала Дюпона. Предвосхитив приказ императора, Мюрат быстро двинулся по южному берегу к Ульму и, торопясь сосредоточить свои силы, приказал Нею перейти реку с двумя из своих дивизий, чтобы соединиться с главными силами, считая, что армия Мака все еще находится перед ними. Ней повиновался, но с некоторой тревогой за своего оставшегося дивизионного командира Дюпона, чувствуя, что он останется на северном берегу совершенно неприкрытым, с единственной поддержкой в лице 4000 драгун Бараге д'Илье, расположенных на достаточном расстоянии. Эта тревога оказалась вполне оправданной, потому что, к своему ужасу, Дюпон внезапно увидел перед собой 25-тысячное войско австрийцев, из которых не менее 10 000 были кавалерией, находившейся к востоку от Михельсбергских холмов. Мюрат не знал, что Мак был настолько обескуражен исходом боя у Вертингена, что собрал опять всю свою армию в Ульме и в лагере за ним, отказавшись от попытки продвинуться к Гюнцбургу вдоль южного берега, как он вначале приказал 8-го числа. Таким образом, Дюпон оказался втянутым в очевидное безнадежный бой, так как австрийцы пробирались по северному берегу, надеясь перерезать французские коммуникации. Отход был невозможен из-за численного превосходства в кавалерии у противника, и в лучших традициях французской армии Дюпон приказал атаковать австрийцев. Весь день 4000 французов отбивали во много раз превосходящие силы противника близ деревни Альбек¹, а когда стемнело, Дюпону удалось отойти к Бренцу. Австрийцы в это время вернулись в Ульм, собираясь возобновить свою попытку прорыва на следующий день. Мак и Фердинанд почему-то упустили великолепную возможность выиграть тактическую победу, которая вполне могла бы обеспечить им не только отход по северному берегу, но помогла бы еще и нарушить наполеоновские коммуникации, когда французы двинутся к Ратисбону для встречи с Кутузовым и русской армией.

Последствия этого сказались на положении дивизии Дюпона. Нея можно было бы сурово критиковать за то, что он оставил своего подчиненного в опасном одиночестве, но у него было, по крайней мере, такое оправдание, как приказ сверху; следовательно, основным виновником должен бы быть Мюрат. Ней возражал Мюрату утром 11-го относительно разумности предлагаемого маневра, но тот публично одернул его, отрезав: «Я знаю только те планы, что строятся на поле боя». С этого инцидента и началась та свирепая вражда, которая омрачила отношения между двумя маршалами. Император, конечно, возложил основную вину на Мюрата, услышав о том, что и как произошло; Мюрат заработал первое из серьезных обвинений.

Если непредсказуемые действия Мюрата давали некоторую почву для тревоги относительно положения на западе, Наполеон вскоре успокоился насчет состояния дел на восточном фланге. Бернадот сообщил ему 12-го, что Кутузов находится еще на расстоянии 180 миль, и это позволяло Наполеону направить все действия против Мака. Император планировал дать сражение у реки Иллер 14-го и разослал приказы всем своим войскам идти по сходящимся направлениям к этому пункту.

Этот план очень напоминает схемы сражений при Кастельоне и Маренго. Султь должен был подходить от Ландсберга обходным фланговым движением, подобно тому как это тогда делали Серюрье и Дезе, в то время как Наполеон в сопровождении гвардии и корпуса Даву из Аугсбурга соединялся с Мюратом, Ланном и Неем, образуя силу, осуществлявшую прямое давление на противника. Австрийцы должны были быть уничтожены. «Чтобы ни один не спасся»(10), — написал император. Весь день войска безостановочно шли на запад. Императорский кортеж вскоре нагнал хвост вяло тянувшейся колонны Даву. Для того чтобы ободрить утомленных солдат, Наполеон поочередно обращался к каждому соединению, перегоняя

¹ Иногда это сражение также называется «бой при Хаслахе». (Примеч. автора.)

их по дороге. Он выражал им свое доверие, объясняя, что именно он собирается дальше делать. Это умелое обращение с солдатами возымело желаемое действие, подняв их моральный дух и улучшив дисциплину в войсках. В обоих отношениях это было своевременным. «Нужно признать, — писал де Сегюр, — что от Гюнцбурга до Пфаффенхофена армия находилась в полном беспорядке; дороги с непроходимыми колеями были усеяны нашими эльзасскими повозками, застрявшими в грязи, с очумелыми возницами и лошадьми, умиравшими от голода и усталости. Наши солдаты металась во всех направлениях по полям; кто искал пищу, кто тратил свои патроны, стреляя по дичи, которой изобилуют здешние равнины. Слыша всю эту стрельбу и свист пуль, можно было вообразить себя на аванпостах и испытывать точно такую же опасность»(11).

К утру 13-го Наполеон был близ Ульма. Получив данные из первых рук от Дюпона и Нейя о численности противника на северном берегу Дуная, Наполеон сразу понял, что ожидавшаяся «битва на реке Иллер» никогда не произойдет. Он совершенно не учел реакции Мака, но с присущей ему гибкостью, не теряя ни минуты, император составил новую диспозицию. Мюрат и Ней должны были теперь двинуться на север от реки на помощь Дюпону. Четырнадцатого произошло несколько боев. Подойдя к Дунаю у Эльхингена, Ней нашел мост частично разрушенным, но его защищали 9000 австрийцев. С большой смелостью Ней лично руководил восстановлением моста под сильным обстрелом и затем повел вперед своих солдат на штурм города на том берегу, захватив в плен при этом два полка неприятеля. За этот подвиг в свое время маршал Ней получил титул герцога Эльхингенского. В этот же день возобновился бой у Альбека, но Мюрат провел свои войска через мост Нейя и вовремя подошел к Дюпону, чтобы отразить новую атаку корпуса генерала Вернека. Вместе они отогнали австрийцев к северу в направлении на Хайденхайм. Таким образом, к ночи 14 октября два корпуса сосредоточились против михельсбергских лагерей. Теперь положение Мака становилось явно критическим; больше не осталось шансов на общий отход по северному берегу; Мармон и гвардия были почти на окраинах Ульма к югу от реки, а Султ безостановочно приближался по западному берегу Иллера от Меммингена, загораживая все выходы к Тиролю.

Ухудшение ситуации уже вызвало ожесточенные препирательства в австрийском главном штабе. Мак стоял за сохранение сосредоточения армии любой ценой, но эрцгерцог Фердинанд через его голову приказал немедленно эвакуировать кавалерию из Ульма. Через некоторое время около 6000 кавалеристов вырвались из окружения вместе с эрцгерцогом, но преследование Мюрата было настолько свирепым и отлично выполненным, что только 11 эскадронов смогли присоединиться к Вернеку в Хайденхайме. Но и этому войску не суждено было долго просуществовать; 19-го генерал Вернек был вынужден сдать со своими 8000 солдат в Трохтельфингене; Мюрат, кроме того, захватил еще и весь австрийский полевой парк с 500 перевозочными средствами. Развивая успех дальше, Мюрат направился к Нойштадту и заставил еще 12 000 австрийцев сложить оружие, захватив на этот раз семь генералов, 200 офицеров, денежный ящик и 120 пушек.

А на Дунае события быстро приближались к кульминации. Пятнадцатого октября маршал Ней овладел штурмом михельсбергскими укреплениями, и на следующий день Наполеон приказал артиллерии начать обстрел самого города Ульма. Однако генерал Мак был уже деморализован; с момента боя у Альбека его гарнизон все больше и больше падал духом. Из-за этого он решил просить восьмидневного перемирия в надежде, что русская армия подойдет как раз вовремя, чтобы спасти австрийцев от верного разгрома. Вначале Наполеон был склонен согласиться на 5-дневный перерыв в боевых действиях, но затем, 17 октября, эmissар императора де Сегюр подписал соглашение с Маком, согласно которому австрийцы обязывались сдать 25-го, если к этому времени не придет подкрепление. Мак расценил это соглашение как свой дипломатический триумф — он-то не знал того, что

знал Наполеон: войска Кутузова все еще были на расстоянии 100 миль и абсолютно не могли оказать Маку поддержку.

Мало-помалу до Мака стала доходить полная безнадежность его положения; последней соломинкой было известие о капитуляции в Хайденхайме и Нересхайме. После этого австрийский командующий убедился в предстоящем своем неизбежном поражении, и за пять дней до срока, 20 октября, поднял белый флаг. Около 10 000 человек из состава гарнизона все-таки смогли скрыться, но на следующий день все остальные подходили по очереди, складывая свое оружие у подножия Михельсбергских высот под бдительным оком солдат Великой армии, выстроенных обширным полукругом. Император стоял спиной к огромному костру (у него даже опалились полы сюртука) и смотрел, как 25 000 австрийских пехотинцев и 2000 кавалеристов шли цепочкой мимо него вместе со своим генералом. Один яркий рассказ повествует о том, что тот представился своему победителю с такими словами: «Сир, перед вами несчастный генерал Мак», — хотя де Сегюр настаивает, что эти слова были обращены Маком к какому-то французскому офицеру, не знавшему в лицо австрийского командующего. Тем временем император воспринял этот эпизод как борьбу против британских интриг, обличая противника в пагубности подкупов британским золотом, к сведению проходивших мимо него побежденных австрийцев.

Однако было видно, что Англия все еще занимает большое место в его мыслях. Это было не случайно: в тот самый день, когда император принимал сдачу Ульма, у мыса Трафальгар шло большое морское сражение, и к ночи на 21 октября франко-испанский флот адмирала Вильнёва фактически перестал существовать. Наполеон был, может быть, на пути к господству над континентом, но его заклятый враг отныне стал полным хозяином морей, а над побережьем Британии больше не висела угроза вторжения.

Тем не менее Наполеон одержал большую победу на Дунае, и, хотя через шесть недель ее затмил даже еще больший триумф, нельзя не признать огромного значения капитуляции Ульма. Восьмой бюллетень по Великой армии так оценивает этот успех: «В руки победителей попало 30 000 человек, среди них 2000 кавалеристов, вместе с 60 пушками и 40 знаменами... С начала войны общее количество знамен — 80, не считая артиллерийских или снабженческих парков... Никогда победы не были такими полными и менее дорогими» (12). Маршалу Ожеро с только что прибывшим от Бреста VII корпусом было суждено совершить победу, разбив дивизию генерала Блачича к югу от Кемптена на реке Иллер. Все это явилось поразительным достижением, так как кампания шла еще только двадцать шесть дней, и это было триумфом наполеоновской системы стратегического «маневра вне поля боя» с обходом флангов — его знаменитого «*manœuvre sur les derrières*». Со стратегической точки зрения Мак был разбит, когда Наполеон достиг Дуная. Деморализация, возникающая при обнаружении мощного противника у себя в тылу, сыграла решающую роль, парализовав свою жертву, а недостатки австрийской системы боевого управления и роковой просчет австрийцев в сроках подхода русских союзников сделали катастрофу практически неизбежной.

Глава 36

ВОИНЫ СВЯТОЙ РУСИ

После разгрома Мака — первой цели кампании — Наполеон теперь мог обратить всю свою энергию против приближавшегося Кутузова. «Мы здесь не остановимся», — писал император из Ульма. В самом деле, французы не могли позволить себе задерживаться на верхнем течении Дуная. Кроме Кутузова с его 36 000 сол-

дат, которые 23 октября подошли к Браунау, чтобы соединиться там с 22 000 австрийцев, были еще 4 армии, которые тоже нужно было учитывать. Буксгевден с 30 000 солдат уже был в Моравии; Беннигсен со своей армией быстро приближался к северной границе Австрии; эрцгерцог Иоанн все еще имел 20 000 солдат в Тироле, а его брат Фердинанд собирал немногих уцелевших солдат из армии Мака в Богемии (вероятно, около 8000). Наконец, эрцгерцог Карл, проведя затянувшееся сражение у Кальдьеро с Массеной (второе Кальдьеро), видимо, медленно отходил по направлению к Альпам и Вене. Кроме этих сил неприятеля, бывших в полной боеготовности, Пруссия, казалось, начала склоняться к сотрудничеству с союзниками. Царь Александр 25 октября ездил в Берлин к Фридриху-Вильгельму и уговорил этого нерешительного монарха подписать Потсдамский договор, согласно которому Пруссия обещала «вооруженное вмешательство» в войну не позднее начала декабря. Самой непосредственной причиной этого изменения политики было бесцеремонное нарушение Бернадотом границ Ансбаха, хотя и сейчас Пруссия, в сущности, желала бы продолжать свою выжидательную тактику. Фактически это значило, что вскоре против начинающей уставать Великой армии выйдет еще 200 000 солдат. Таким образом, уже через 12 недель на Дунае могут сойтись 400 000 солдат, поэтому было крайне важно, чтобы Наполеон сделал первый шаг для организации разрозненности своих противников, чтобы разделаться с каждым поодиночке в относительно благоприятных условиях.

Чтобы освободить свои фланги, император решил направить войска против самого сердца Австрии и захватить Вену, надеясь таким образом вынудить русскую армию и отдельные австрийские корпуса объединиться для защиты столицы и этим дать возможность французам одержать следующую решительную победу. Новый план требовал значительной административной реорганизации и быстрого передвижения войск. Аугсбург был выбран в качестве новой тыловой базы, где располагались военные госпитали и основные запасы армии, а Мюнхен стал центром операций. Защита этих центров и организация гарнизона в Ульме были поручены маршалу Ожеро с дополнительным заданием проведения ограниченных операций в направлении Форарльберга для отвлечения туда неприятеля. Ней и баварцы были направлены в Иннсбрук, чтобы следить за движением эрцгерцога Иоанна, а в Ингольштадт, Ратисбон и Пассау были поставлены сильные гарнизоны для охранения богемского и прусского флангов. Из четырех дивизий был образован новый корпус (VIII) под командой генерала Мортье для проведения операций на северном берегу Дуная для охранения французского фланга и одновременно для того, чтобы стать потенциальной угрозой для коммуникаций Кутузова. Кроме того, была организована еще и флотилия из речных лодок под командой капитана Лостанжа из гвардейских моряков для связи Мортье с силами французов на южном берегу и для помощи в перевозке предметов снабжения.

Когда армия переходила через реку Изар у Ландсхута, Фрайзинга и Мюнхена 25 октября, погода была отвратительной, даже «ворчуны» приуныли, борясь против летящего наискось мокрого снега. При дальнейшем продвижении они столкнулись с возросшей активностью русских, произошел ряд стычек. Тем не менее было ясно, что Кутузов отходит, сжигая все мосты на своем пути. Несмотря на это, Мюрат, Ланн и Султ дошли до реки Инн за сутки благодаря своим инженерам, совершавшим чудеса, быстро ремонтируя все переправы. И все же Кутузов явно отходил, твердо решив избегать большого сражения на южном берегу Дуная, пусть даже австрийскому императору это будет стоить его столицы. Как и следовало ожидать, между командующими союзников было много расхождений в мнениях на сей счет, но Кутузов упорно не соглашался ни на соединение с эрцгерцогом Карлом для последнего отчаянного сражения около Сент-Полтена, ни на свой переход в подвижную оборону, что помогло бы эрцгерцогу Карлу собрать силы в Тироле, образуя угрозу флангу Наполеона (а это могло бы отсрочить падение Вены). Поэто-

му вместо того, чтобы стоять вдоль речного рубежа, являясь мишенью для французских атак, Кутузов продолжал свой отход по долине реки к Кремсу, ведя вместе с собой, волей-неволей, и австрийские корпуса Мервельдта и де Штайера. Но Мюрат и Ланн были бы лишены прикрытия, оставшись в опасном положении, если бы Кутузов решил изменить свои намерения; поэтому Наполеон, не теряя времени, выслал корпус Даву для усиления преследования, в то время как Мармон был направлен к Леобену, чтобы перерезать дорогу, соединяющую Вену с итальянским фронтом.

Несмотря на свое двукратное преимущество в силах, эрцгерцог Карл предпочел не обращать внимания на настойчивые приказы гофкригсрата начать главное наступление, но безропотно уступил инициативу Массене. К 17 октября Массена перешел Адидже и овладел Вероной и ключевыми мостами. Даже такое вызывающее поведение французов не спровоцировало эрцгерцога на наступление; вместо этого он непрестанно отходил к сильной позиции у Калььеро, «более озабоченный собственной безопасностью, чем завоеванием Италии». Известие о несчастье под Ульмом еще менее склоняло его к тому, чтобы рисковать армией при любом агрессивном движении. Однако когда воинственный Массена напал на австрийские укрепления 29 октября (второе сражение при Кальдеро), французы все-таки были остановлены. Невзирая на собственную почти победу, Карл возобновил свой отход 1 ноября, довольствуясь рядом действий в подвижной обороне и ведя бои вдоль берегов рек Brenta, Пьяве, Тальяменто и Изонцо, чтобы удерживать на расстоянии преследовавших его французов. Австрийцы возлагали большую надежду на сильный гарнизон Венеции, который, как они надеялись, будет угрожать французскому флангу, и тогда Массена будет вынужден наконец оторваться от них. Но это было слишком оптимистическим ожиданием — эта угроза лишь ненадолго остановила маршала. Используя только что отозванный из Неаполя корпус Сен-Сира, который должен был играть роль заслона против крепости, Массена беспрепятственно продолжал свое преследование, несмотря на плохую зимнюю погоду. Массена выполнял приказы Наполеона буквально, а это немало облегчало ему сам противник, который в этой кампании, несомненно, проявлял полную слабость. Карл представлял жалкое зрелище и совершенно не смог «сохранить свою прежнюю репутацию» (13), а весь австрийский замысел покорения Северной Италии полностью провалился. Тем не менее неуклюжие маневры эрцгерцога причиняли немалое беспокойство Наполеону, особенно когда эрцгерцогу Иоанну удалось соединиться со своим братом в Каринтии, после перехода им через перевал Бреннер. Это создавало возможность угрозы для южного фланга Великой армии и могло бы погубить всю операцию против Вены. Направление Мармона к Леобену было рассчитано на предотвращение подобной угрозы или, на худой конец, своевременного оповещения Наполеона о ее возможности.

Двадцать восьмого октября Наполеон выехал из Мюнхена и последовал за своим авангардом. Через восемь дней у Мюрата произошла ожесточенная схватка с арьергардом Кутузова в Амштеттене на реке Ипс. Гасконец атаковал с большим пылом, считая, что он сможет вынудить Кутузова повернуть фронт и принять сражение. На самом деле хитрый старик намеренно создавал впечатление, что его армия собирается остаться на южном берегу, а его целью было обмануть преследователей и прикрыть свои завершающие броски к мостам в Маутерне и Кремсе, так как у него было одно стремление — оставить Дунай между собой и французами и тем самым облегчить соединение с силами генерала Буксгевдена в районе Ольмюца. Восьмого ноября Даву нанес серьезное поражение австрийцам Мервельдта у Марицелля, но никакие искушения не могли заставить Кутузова отвлечься от своей главной цели и разбить своих преследователей. Переход через Дунай продолжался беспрепятственно и был закончен 9 ноября, в этот же день были уничтожены мосты. Русские ускользнули из первой ловушки Наполеона.

Тем временем Мюрат, не имевший представления о местонахождении и намерениях главной армии неприятеля, наступал на Вену, не пытаясь производить какие-нибудь действия против Кутузова или хотя бы восстановить разрушенные мосты. Заманчивая, но в военном отношении в этот момент несущественная победа над Веной была его единственной заботой, однако именно это помогло Кутузову спастись и подвергло серьезной опасности отдельный корпус Мортье, когда тот очутился перед соединенной армией Кутузова на северном берегу. Девятого ноября Наполеон был в Линце, когда он услышал об опрометчивых действиях своего подчиненного. Неудивительно, что он был вне себя: упрямо Мюрату достались разъяренные упреки императора: «Я не могу одобрить ваши передвижения; вы продолжаете действовать как отъявленный дурак, не обращая никакого внимания на мои приказы: вместо того чтобы прикрывать Вену, русские все отошли за Дунай у Кремса. Это неожиданное обстоятельство должно бы заставить вас понять, что вы не можете действовать без моих дальнейших приказов»(14).

Тем более не улучшила настроения императора полученная им на следующий день весть о Трафальгарском сражении. Казалось, его предают и его генералы, и адмиралы, или, во всяком случае, подвергают его страшному риску своей глупостью. Тем не менее император должен нести личную ответственность за опрометчивые действия Мюрата, за недостаточный контроль над ним на этой стадии кампании; Наполеон дал ему слишком много свободы.

Последствия необдуманных действий гасконца вскоре стали заметны весьма сильно — 11 ноября, когда дивизия Газана из корпуса Мортье встретилась с сорокатысячным войском русских у Дюрренштайна. Начался отчаянный бой, когда Мортье лично пытался отбиться, имея против них только 5000 человек и 10 пушек. Он настолько не надеялся на благоприятный исход, что погрузил свою батарею на 3 речных судна, готовя их для эвакуации на южный берег — хоть пушки уцелеют. Несмотря на колоссальную разницу в численности, храбрая французская пехота отбивала русских до самых сумерек. В отчаянии Мортье собирался сделать последнюю попытку прорваться через окружение, но в этот момент появился во главе своей дивизии отважный Дюпон, герой такого же боя при Хаслахе. Столкнувшись с необходимостью сражаться с новыми и свежими силами, русские прекратили бой, потеряв 4000 убитых и раненых. Со своей стороны, Газан оставил на поле боя 3000 человек. Торжество победителей было мрачным; они безжалостно расправились с ранеными русскими и разорили несчастную деревню Дюрренштайн, обласканную вниманием обеих армий, когда счастье битвы клонилось то в ту, то в другую сторону. На следующий день были обнаружены трупы многих раненых русских, в бессмысленной жестокости утопленных в бочках с вином.

Газану повезло, что он спасся, потеряв 60% войска, потому что, если бы была уничтожена вся его дивизия (что непременно бы случилось, если бы не своевременное появление Дюпона), французы лишились бы морального превосходства, завоеванного под Ульмом. Сейчас все же были потеряны два драгоценных дня, а Наполеон прекрасно чувствовал важность фактора времени, особенно в тот момент, когда Кутузов несомненно приближался к армии Буксгевдена. Тем не менее французский император был мастер мгновенных альтернативных планов и уже разработал импровизированный маневр на Холльбрунн, чтобы исправить положение и настичь Кутузова, прежде чем тот встретится со своими соотечественниками. Мюрату было приказано продолжать наступление на австрийскую столицу. «Если вам повезет захватить мост в Вене целым, — писал император, — не теряя ни мгновения, переходите через Дунай с частью своей кавалерии и гренадерами дивизии Сюше. Прикажете дивизиям Леграна и Вандамма следовать за вами. В благоприятном случае русская армия будет окружена благодаря этому маневру. Завтра я лично присоединюсь к вам»(15). Ланн и Султ должны были немедленно продолжать фронтальный нажим через этот плацдарм до своего места назначения —

пересечения дорог на Кремс и Ольмюц. Тем временем Бернадот при поддержке Мортье должен был перейти Дунай у Мелька, чтобы его корпус оказался в тылу у Кутузова, завершив окружение. Вначале все шло по плану. Двенадцатого ноября Мюрат подошел к предместьям Вены, расположенной на южном берегу Дуная. Австрийцы объявили свою столицу открытым городом, и поэтому войска заняли ее без сопротивления. Пятьсот пушек, 100 000 мушкетов и большой запас боеприпасов достались французам. Это было просто неожиданным счастьем, потому что французские корпуса ушли далеко вперед от своих обозов с амуницией и прочим. Но когда Мюрат подошел к самому важному мосту, обнаружили, что мост подготовлен к взрыву. Однако Мюрат и Ланн проявили необыкновенную лихость и хитрость и захватили мост без боя. Они приказали гренадерам Удино тайно подобраться к охране моста, и оба маршала в своих роскошных мундирах двинулись в одиночку к мосту. Передовое охранение австрийских гусар в удивлении смотрело на этот спектакль, совершенно не думая о сопротивлении. Маршалам хладнокровно взойти на мост, оттолкнув встревоженного артиллерийского капрала-австрийца, и на глазах изумленных австрийских военных, стоявших на противоположном берегу, пошли к ним, крича: «Перемирие! Перемирие!» К ним вышел командир, граф Ауэршперг, для переговоров, гарнизон был в полной растерянности, когда мост вдруг запрудила колонна французов, а их маршала с той стороны метались среди австрийских канониров, напором и убеждением пытаясь не давать им возможности вести огонь из орудий во избежание взрыва моста. Все тут же кончилось; гренадеры были уже среди пушек, отпихивая от них растерянных австрийцев, и мост был завоеван без единой потери. Это было замечательным достижением, и, узнав об этом, император тут же простил Мюрата и стал снова благоволять ему.

Несмотря на такое удачное начало, маневр на Холльбрунн кончился новым разочарованием. Ланн и Сульт, как и следовало, шли за кавалерийской завесой на север от Вены с хорошей скоростью, но Бернадот безнадежно застрял у Мелька и смог форсировать реку только 15-го. Эта задержка сыграла роковую роль для плана окружения. У Кутузова осталась возможность продолжать свой отход к месту соединения, пройдя через городок Цнайм и оставив Багратиона с 6000 солдат в Холльбрунне для прикрытия отхода. В тот самый день, когда Бернадот наконец переправился через Дунай, Мюрат, далеко ушедший вперед только со своими кавалеристами и гренадерами Удино, столкнулся с этим заслоном у Холльбрунна. Первый бой ничем не завершился, но Мюрат дал уговорить себя эmissару Кутузова, старому хитрому лису, генералу Винценгероде, заключить временное перемирие. Обе стороны обязались прекратить боевые действия и возобновить их спустя шесть часов после предупреждения противника. Когда весть об этом соглашении дошла до императора, он был вне себя от ярости. «У меня нет слов, чтобы выразить свое возмущение, — писал Наполеон, — вы всего-навсего командир моего авангарда, и у вас нет права заключать перемирия без моего согласия. Вы лишили нас всех выигрышей этой кампании. Немедленно разорвите перемирие и атакуйте противника! Вперед! На уничтожение русской армии!.. Австрийцы дали одурачить себя на Венском мосту, но теперь вас оставил в дураках адъютант царя!»(16) В каждой фразе звучала вся мощь гнева императора.

Уязвленный этим новым выговором и отрезвленный Мюрат немедленно бросился в свирепую атаку на Багратиона, чьи потери составили 2000 человек, но командир русских успешно завершил свою миссию и, не теряя времени, спас остаток своих солдат. Армия императора бросилась в преследование, 17-го был занят Цнайм, которому суждено было играть важную роль в будущих событиях, но теперь стало уже слишком поздно помешать Кутузову соединиться с подкреплениями Александра I и Буксгевдена. Но к этому времени усталость французских войск была так велика, что к 23 ноября у императора после занятия Брюнна не было выбора, кроме остановки операции, чтобы дать войскам столь необходимый отдых. Великая армия вела непре-

рывное наступление уже восемь недель; ее порыв и энергия полностью истощились, и было похоже, что инициатива перейдет в руки союзников.

В последнее время внешний вид французской армии сильно ухудшился, солдаты выглядели огорожденными пугалами. Австрийский ветеран из Зальцбурга описывает этих спешащих французских солдат в колонне: «Вот они идут, одетые в крестьянские блузы, накидки из овчины, а то и просто в шкуры; некоторые нагрузились совершенно немислимым образом — к поясам прицеплены куски сала, ветчины, мяса; на других болтаются привязанные караваи хлеба, бутылки с вином. Их бедность тем не менее... не мешает им раскуривать трубки венскими кредитками»(17). Невежественные «ворчуны», с их обычным недоверием к бумажным деньгам, порожденным горьким опытом оплаты ничего не стоящими «ассигнатами» и «мандатами», спалили не одну тысячу талеров, которые можно было бы обменять на надежные деньги.

В момент приостановки наступления французы переживали тяжелейший момент кампании. Перед Наполеоном стоял целый ряд сложных, перепутанных проблем. Теперь общая численность русских и австрийцев доходила до 90 000 человек: они стояли на сильных позициях близ Ольмюца и имели надежные линии коммуникаций, уходившие на северо-восток к Польше и Силезии.

Великая же армия была на самом конце своих крайне протяженных систем коммуникаций, ничем не защищенных от будущих нападений войск мобилизуемой Пруссии. Если русские будут продолжать свой отход, придется принимать нежелательное решение; если французы будут продолжать преследование, их коммуникации подвергнутся еще большему риску, потому что Беннигсен да и пруссаки смогут напасть на них с флангов. Если же Великая армия станет во что бы то ни стало удерживать свои позиции, то в будущем вообще не будет никаких перспектив: эрцгерцог Карл и Иоанн уже находились в Альпах, приближаясь к дунайскому театру войны, так что, возможно, вскоре Наполеон вполне мог оказаться между молотом и наковальней — русскими и пруссаками, с одной стороны, и 90 000 австрийцев из Италии и Тироля — с другой. Может быть, самым логичным было бы вернуться назад к Ульму, но это было бы признанием стратегического поражения, да к тому же разграбленные местности Австрии и Баварии уже не смогли бы прокормить возвращавшуюся армию. С какой стороны ни посмотреть, ничего хорошего французы не ждали; по соображениям стратегии и организации снабжения, французская армия была вытянута обширной дугой от Ульма через Иннсбрук и Грац до Вены и дальше, а корпуса на этой дуге находились друг от друга чуть ли не далее дистанции поддержки, за исключением района Вены и Холльбрунна, где войска стояли фронтом перед главными силами союзников. Солдаты были измучены и голодны, а Мармон уже сообщал от Граца и Леобена, что он ожидает соприкосновения с эрцгерцогом Карлом в ближайшее время; нельзя было и безнаказанно не обращать внимания на австрийские силы в Тироле: чрезмерно растянутый южный фланг Великой армии мог оказаться в смертельной опасности; но и на северном фланге дела шли не лучше.

Император нашел весьма смелое и неординарное решение. Единственным надежным выходом было вынудить армию союзников в Ольмюце совершить неблагодарную атаку против основной массы французских сил к северу от Вены. Только большое сражение и крупная победа могли разрешить все проблемы. Еще 14 ноября Наполеон уже составил предварительные распоряжения для такого сражения. Мармону было приказано оставаться строго в обороне на южном секторе и избегать боя всеми силами. Наполеон рассчитал, что Карл едва ли сможет подойти к Леобену ранее 24—25 ноября, а к этому времени III корпус Даву и VIII корпус Мортье могли бы быть в пределах дистанции поддержки Мармона, если это было необходимо или желательно по обстановке. Убедившись, что его южный фланг пока в достаточной безопасности, император обратил всю свою энергию на разработку плана ловушки для союзников у Ольмюца. К 21 ноября замысел был готов. Одна

треть армии, а именно корпуса Сульта и Ланна, вместе с Мюратом, должны начать наступление на Брюнн и Вишау, чтобы отвлечь внимание неприятеля, занять городок Аустерлиц и ближайшие Праценские высоты и выслать бригаду легкой кавалерии вперед по дороге на Ольмюц. Таким образом, общее количество воевавших французов будет 53 000, и Наполеон был уверен, что союзники (89 000 человек) не устоят перед искушением дать бой при столь значительном превосходстве. Как только противник «проглотит эту наживку», Наполеон вызовет соседние корпуса Бернадота и Даву ускоренным маршем из Иглау и Вены, увеличив таким образом армию французов до 75 000, приведя соотношение сил к более разумной пропорции. К 25 ноября все предварительные маневры были закончены, и теперь все зависело от реакции противника. Несколько дней союзники колебались, не в состоянии поверить своей удаче — такому необдуманному рассредоточению французов, — но Наполеон измыслил и другие уловки, чтобы заманить их в сражение, так что, когда австрийский император предложил перемирие на 27 ноября (надеясь этим дать время эрцгерцогу Карлу войти на дунайский театр с юга), Наполеон с большим облегчением согласился на это. С величайшим искусством он будто бы стремился скрыть свою военную слабость. Умный и проницательный Савари был отправлен в ставку союзников с туманным поручением, в котором говорилось о желании Наполеона не давать сражения на этой фазе, и с секретными инструкциями разведать настроение и позиции всех союзников. Возвратившись, он доложил, что союзники еще не пришли к единому мнению. Австрийский император явно стоял за осторожность (в конце концов, он терял больше всех), но его мнение не имело особого веса, так как австрийские войска составляли только одну пятую часть объединенных союзных сил. У русских Кутузов тоже колебался, а непосредственное окружение царя и австрийский начальник штаба горячо требовали немедленного сражения, так что и Александр начал поддаваться и склонялся разрешить участвовать в бою. Молодые адъютанты царя без конца убеждали его, что согласие Наполеона на обсуждение условий перемирия является верным признаком его слабости и что в любом случае соединенная армия союзников не может долго оставаться у Ольмюца, так как местные запасы продовольствия уже кончались.

Наполеон решил всеми мерами поддерживать иллюзию слабости французов и также был озабочен, как поставить противника в такое положение, чтобы он обязательно атаковал его правый фланг. Узнав 27 ноября, что первые колонны неприятеля тронулись из Ольмюца в западном направлении, император на следующий же день приказал Сульту уйти из Аустерлица и с Праценских холмов, изображая растерянность, чтобы соблазнить противника занять их немедленно. На следующий день император официально попросил личного свидания с Александром, но ему пришлось удовольствоваться приездом молодого графа Долгорукова, завязанного подстрекателя к войне в штабе царя. Вся сцена была рассчитана до последней детали. Наполеон изображал озабоченность, даже угнетенность во время беседы и дошел до того, что лично направился встретить молодого полномочного посла еще у аванпостов охраны. «После первых любезностей русский генерал пожелал обсуждать политические вопросы... он говорил со мной повелительно и заносчиво, как нельзя и вообразить... короче говоря, это был молодой барабанщик Англии (Наполеон никогда не мог долго не вспоминать своих неумолимых основных противников; это было как навязчивая идея). Император с трудом скрыл свое негодование, и этот петушок, имеющий сильное влияние на царя, вернулся, преисполненный уверенности, что французская армия уже на грани своей гибели» (18). Тем временем к Бернадоту и Даву уже шли приказы, предписывавшие им со всей скоростью идти на соединение с императором северо-восточнее Брюнна.

Жертва «заглотнула наживку с крючком»; теперь нужно было направить противника в выгодную французам сторону. Неокончателная победа не решила бы французской дилеммы — просто победа или полный триумф, необходимый для

освобождения Великой армии из ее стратегического затруднения. Имея превосходство в силах, Наполеон с исключительным напряжением постарался бы обойти с фланга неприятеля и перерезать его коммуникации — обязательное условие полной победы. В теперешнем же своем положении у французов не доставало сил для совершения обхода союзников, поэтому Наполеону пришлось изобрести маневры, которые заставили бы противника открыть собственные тыловые районы. Это могло бы произойти лишь в том случае, если бы противник сосредоточил основную массу войск против правого фланга французов. Мастерскими уловками Наполеон вел своих противников к гибели. Коварный отход Сульта с хорошей позиции на Працене давал союзникам видимую возможность обойти французов с фланга и встать между ними и Веной. Таким образом, как бы открывая свой собственный путь отхода, Наполеон заставил и союзников открыть их путь. На самом деле у французов был второй операционный центр в Брюнне, и в худшем случае у них еще оставалась возможность отойти на северо-запад, отбросив остаток войск эрцгерцога Фердинанда у Праги, так как еще не было слышно о вступлении прусской армии в боевые действия. А союзники, с другой стороны, не имели такой запасной линии отхода; в случае перерезания их коммуникаций Ольмюц — Вишау их положение должно было стать крайне опасным. В конечной фазе своего тщательного плана отхода Наполеон 30 ноября отвел назад кавалерию Мюрата из окрестностей Вишау, приказав замыкающим частям симулировать панику, хаос и полный беспорядок. Австрийский авангард осторожно следовал за ними, но, когда Вишау достался им без боя, генералы-союзники наконец решились на попытку отрезать Наполеона от Вены, если он будет столь неосмотрителен, что станет сражаться.

«Все эти уловки и хитрости оказались ненапряжными. Безрассудная молодежь, задававшая тон в русской политике, была слишком самонадеянна. Молодые русские военачальники думали уже не о том, что нужно сражаться с французской армией, но о том, как они обойдут французов с фланга и разгромят их»(19). Эта военная хитрость Наполеона, может быть самая тонкая из всех, подводила солдат России и имперской Австрии прямо к французской ловушке.

Тем временем Наполеон (уже 21 ноября) указал то место, где он повернется и бросится на своих чересчур уверенных преследователей. Де Сегюр пишет: «Возвращаясь из Вишау, он остановился, не доехав около двух с половиной лиг до Брюнна, около Сантона, у небольшого холма сбоку от дороги, напоминающего очертанием усеченный конус, и приказал, чтобы одно подножие, со стороны неприятеля, было превращено в более крутой эскарп. Потом, повернувшись к югу, он поднялся на высокую равнину между двумя речками, текущими с севера на юго-запад и окруженными насыпями.

Император медленно, в полном молчании обошел это только что открытое поле, останавливаясь несколько раз на самых высоких точках и в основном глядя в направлении Працена. Он тщательно изучил все особенности местности и во время осмотра повернулся к нам, говоря: «Господа, тщательно осмотрите все это место — оно будет нашим полем боя; на нем вы сыграете свою роль». В самом деле, через несколько дней этой равнине суждено было стать полем битвы при Аустерлице(20).

Глава 37

«БИТВА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ» — АУСТЕРЛИЦ

Северная часть поля боя примыкает к 700-футовому холму Сантон над главной дорогой из Брюнна в Ольмюц, идущей прямо на юг. Эта дорога пересекает две речки: Гольдбах и ее приток Бозеницер, текущие на юг через узкие крутые ущелья, соединяясь у деревни Пунтовиц. Эта деревушка образует одну из вершин

треугольника, а двумя другими вершинами его являются Лапанц (или Шланпаниц) и Иршиковиц (или Гиршковиц). Между ними находится возвышенная равнина (известна теперь как Брайтесфельд), повышающаяся до высоты 850 футов у своей верхней точки — Цурлана. Вплотную за этой вершиной к западу находится деревня Белловиц. От Пунтовица Гольдбах течет на юг к Кобельницу, Цокольницу и Телльницу по постепенно расширяющейся долине с болотистыми полями, а в те времена на ней находился ряд небольших озер (их давно нет). К западу от Гольдбаха лежит длинный низкий гребень, а к востоку местность все время повышается к деревне Працен и плоскогорью за ней, которое находится на высоте 900—1000 футов над уровнем моря. Две лощины ведут от этого ручья к Праценским высотам. К северу и востоку от этой местности стояли деревни Блазовиц и Крцеповиц, а к югу — поселок Ауест-Маркт (Аугезд). Сам город Аустерлиц находится в трех милях к востоку от Праценских высот на берегу речки Литтава.

Подробно осмотрев всю местность, император составил свой план сражения. Он решил дать противнику беспрепятственно занять Праценские высоты, превратив Гольдбах и соседние деревни в разделяющую границу. Для того чтобы заставить противника атаковать свой правый фланг, Наполеон преднамеренно ослабил его оперативное построение. Корпус Даву должен был находиться поблизости на случай необходимости подкрепления. Основная масса французской армии будет в мертвом пространстве, за Цурланом; в нужный момент эти силы будут брошены на Праценские высоты, чтобы прорвать ослабленный центр противника и напасть на его тыл. Тем временем северный фланг будет удерживаться гарнизоном Сантона при поддержке больших сил — кавалерии Мюрата. Поворачиваясь вокруг Працена, как ожидалось, противник раскроет свой собственный путь отхода.

Двадцать девятого ноября находившиеся уже поблизости французские войска вышли на исходные позиции. Защита Сантона была возложена на корпус Ланна, состоявший из дивизий Сюше и молодого Кафарелли. Вокруг холма были воздвигнуты полевые укрепления и установлена батарея из восьми пушек. Правее VI корпуса стоял бивак резервной кавалерии Мюрата с парком из 24 легких полевых пушек. В мертвом пространстве к югу от главной дороги были расположены 10 батальонов императорской гвардии и гренадеры генерала Удино вместе с еще сорока пушками, а слева и позади них было оставлено место для I корпуса Бернадота, все еще приближавшегося к полю боя. Французский правый фланг был намеренно растянут и удерживался IV корпусом Сульта, а дивизии Вандамма и Сент-Илера были сосредоточены в окрестностях деревни Пунтовиц, солдаты Леграна были разделены на гарнизоны деревень Кобельниц, Цокольниц и Телльниц. В нужное время слабо удерживаемая южная оконечность французской линии будет последовательно подкреплена подходом с венского направления кавалерии Даву и следующими за ними дивизиями Фриана и Гюдена.

Так обстояли дела до 1 декабря, когда наконец с северо-востока появился противник. Первые русские колонны заняли высоту Гольдбах к северу от дороги, но к полудню было видно, что соединения их центра и левого крыла развертываются на Праценских высотах. К вечеру к равнине подошли 85 400 солдат союзных армий со своими 278 пушками, и в деревне Крцеповиц была устроена объединенная ставка австрийского императора и царя. От Ольмюца подошло еще 5000 русских. На другом берегу речки Гольдбах у Наполеона было 66 800 человек и 139 пушек; корпус Бернадота подошел в назначенное время, но пока еще не появлялся Даву.

Всю вторую половину дня 1 декабря в деревне Крцеповиц шли горячие споры. Каждая фракция в штабе союзников делала свои предложения, и это затягивало формулировку главного плана. Император Франц, преждевременно постаревший, подавленный и униженный несчастьями, которые уже постигли его армии, продолжал придерживаться осторожных мер. То же делал и хитрый опытный старик Кутузов, хотя он не особенно настаивал на своей точке зрения. Молодой талантливый

царь наконец принял советы своих адъютантов, среди которых были Долгоруков, Ливен, Волконский и Строганов, и одобрил план, выдвинутый австрийским начальником штаба Вейротером — «ветераном венского министерства», не разделявшим склонности своего царственного начальника к бесконечному выжиданию и поэтому поддерживавшим забияк, требовавших немедленного вступления в сражение.

Хотя первые маневры крупных частей начались ближе к вечеру, только в час ночи на следующий день командиры союзников были вызваны в ставку для получения детальных приказов. Генерал Ланжерон описал эту сцену в назидание потомству: «Когда мы все собрались, прибыл генерал Вейротер, разостлал на большом столе огромную и предельно детальную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и начал громко объяснять нам наши диспозиции с самодовольным видом, показывающим его глубокую уверенность в своей мудрости и нашей неспособности. В самом деле, он напоминал учителя, читающего урок юным школярам. Кутузов, который дремал сидя, когда тот прибыл, наконец сладко заснул, прежде чем мы ушли». Ланжерон заметил, что из всех генералов только Дохтуров внимательно рассматривал карту(21).

Основным намерением Вейротера было обойти правый фланг французов, перейдя основными силами Гольдбах между деревнями Телльниц и Цокольниц, затем повернуть к северу, что позволит обойти французов, которым придется спасаться бегством к Брюнну. Кавалерия Кинмайера будет сопровождать эту атаку на ее начальных стадиях, но как только позиции за Гольдбахом будут прочно заняты, австрийцы должны будут ударить в западном направлении, чтобы перерезать дорогу Брюнн — Вена около города Грос-Райгерн и этим исключить подход дальнейших французских подкреплений с этой стороны. Тем временем будет начата восторженная атака против левого фланга Наполеона по оси дороги Ольмюц — Брюнн, смысл которой будет в сковывании французских сил, находящихся там в момент решающих маневров к югу.

Воплощение этого плана предусматривало деление союзной армии из 85 400 человек на семь частей. Не менее 59 300 солдат должны были вести главную атаку против правого фланга французов под командой Буксгевдена. Ведомые авангардом Кинмайера, 13 600 солдат первой колонны Дохтурова начнут боевые действия, захватив деревню Телльниц, прежде чем повернуть к северу и соединиться с Ланжероном для совместного перехода через Гольдбах. К этому времени колонна Ланжерона (11 700 человек) должна была бы уже успеть захватить Цокольниц с помощью третьей колонны Пржибышевского (10 000 человек) на его правом фланге. Перейдя через ручей, эти три отряда должны соединиться севернее озера около Кобельница и начать решительную атаку против французского центра, который к этому времени предположительно будет удерживать новый фронт, простирающийся от Пунтовица к Турасу. На этой фазе боя четвертая колонна союзников, состоящая из австрийцев Коловрата и русских Милорадовича (всего 23 900 человек), начнет фронтальную атаку против решающего участка перевернутой боевой линии французов у Пунтовица после прямого подхода с Праценских высот. В течение этой главной атаки 13 000 пехотинцев Багратиона будут оказывать давление на французский левый фланг и стараться захватить Сантон, в то время как 4600 кавалеристов Лихтенштейна будут служить звеном, соединяющим правый фланг с центром. В резерве позади центра, к северу от Крцеповица, будет находиться резерв из 8500 солдат элитных войск гвардии русского императора под командованием великого князя Константина. Союзники уверенно предвкушали разгром Наполеона в результате этих мер.

Однако сочетание стратегов в лице дремлющих генералов и полуночных забияк офицеров уже привело к одной крупной ошибке в плане сражения, которой было суждено определить исход действий 2 декабря. Масштаб главной атаки союзников был таков, что он неминуемо оголит центр войск, сделав его уязви-

мым для атаки французов, так как только часть колонн Милорадовича и Коловрата будут способны защитить этот участок в решающий момент битвы, что вполне может вызвать контратаку французов. Возражение против плана Вейротера было действительно сделано на военном совете генералом Ланжероном, но сговорчивость русских полусонных генералов привела к возобладавшему мнению, что такая опасность является более воображаемой, чем истинной. Высшее командование союзников считало, что Наполеон уже более чем наполовину разбит, рассуждая, что если бы это было не так, то французы открыли бы боевые действия 1 декабря, пока союзники еще завершали подход в расчлененном походном порядке. Союзники не могли понять, почему Наполеон ушел с господствующих Праценских высот даже без перестрелки. Эти аргументы убедили Вейротера, по крайней мере, что риск для ослабленного центра будет крайне маловероятен; в любом случае резерв великого князя Константина сможет справиться с любой французской атакой на Праценские высоты. Это и было роковым просчетом, доказавшим полную эффективность наполеоновского плана обдуманного обмана неприятеля. Если не какие-нибудь невероятные непредвиденности, исход Аустерлица был практически решен.

Весь день 1 декабря французского императора держали непрерывно в курсе любых перемещений противника. Большую часть дня он провел инспектируя части и проверяя, в хорошем ли состоянии оружие, но ближе к вечеру ему сообщили о движении к деревне Аугезд больших сил неприятеля — это Кинмайер, Ланжерон и Дохтуров занимали свои исходные позиции напротив правого фланга французов. С этого момента торжествующий Наполеон уже не сомневался, что противник ведет себя так, как предусматривалось. «К завтрашнему вечеру эта армия будет моей»(22), — сказал он уверенно. Однако его сильно беспокоило продолжавшееся отсутствие Даву, хотя он был и уверен, что его надежный подчиненный появится вовремя, чтобы выполнить свою роль на правом фланге. Эта уверенность оправдалась — поздно вечером пришло сообщение, что ведущее соединение Даву — дивизия Фриана (6000 человек) подошла к сторожевому охранению Леграна и станет биваком на ночь в Грос-Райгерне, в нескольких милях от Гольдбаха.

В этом соединении находился «корреспондент», капрал Блэз. Он оставил интересное описание 80-мильного усиленного перехода своей дивизии из Вены, совершенного за 50 часов, которое иллюстрирует способности французской пехоты: «Мы вышли из деревни, где были до этого расквартированы, в девять вечера. Шли до двух часов ночи, когда ненадолго остановились в лесу. Мы развели несколько костров и спали до 5 часов, а там опять вышли на дорогу. Мы шли весь день и остановились опять в лесу; в 6 часов вечера у нас не было времени даже приготовить долгожданный суп, потому что нам сказали, что в 9 вечера мы должны опять тронуться в путь. Поэтому мы предпочли занять это время сном; перед выходом из Вены нам дали трехдневный паек хлеба, так что нам его хватало, но больше есть было нечего. Затем, оставив место отдыха, мы снова шли до 5 часов утра, когда полк остановился... Полковник, который заботился о нашем благосостоянии с начала кампании, ни на минуту не забывая о нас, теперь дал нам вина, кто сколько хотел. Это подкрепило наши силы, и мы стали опять в состоянии продолжать поход. Когда офицеры убедились, что большая часть солдат на местах в своих подразделениях, мы опять пустились в путь, а наш полковник оставил позади одного офицера для сбора отставших. Наконец мы дошли до деревни в 7 часов вечера, где переночевали рядом с драгунской дивизией... Предоставляю вам самим решать, использовали ли мы ночь для сна или нет, после такого долгого марша!»(23)

А на поле боя в 8.30 вечера император дал свои предварительные приказы на следующий день. Шестьдесят пять тысяч солдат должны были сосредоточиться за Сантоном в треугольнике, образованном двумя речками. На крайнем правом фланге

дивизия Леграна из корпуса Сульта должна была любой ценой удерживать главную ожидавшуюся атаку австрийцев, пока III корпус не придет к ней на помощь. На противоположном фланге Ланну была поручена оборона Сантона и окрестностей с кавалерийским резервом Мюрата, находившимся справа от него. Первый корпус Бернадота должен был выдвинуться из-за Сантона и перестроиться между деревнями Иршиковиц и Пунтовиц, готовясь начать атаку на Блазовиц. Одних только этих трех соединений должно было хватить, чтобы полностью сковать противника. Главная французская атака тогда будет проведена силами двух дивизий корпуса Сульта; к 7.30 утра войска Вандамма и Сент-Илера должны будут выстроиться в боевом порядке на дальнем берегу Гольдбаха, как бы для движения во фланг, но по данному сигналу их задачей будет идти штурмом на Праценские высоты и прорвать центр союзников. Императорская гвардия и гренадеры Удино должны были быть в резерве, готовые укрепить южный фланг в случае опасности или, что еще более важно, развить захват Працена маневром на обход противника.

Чтобы вдохновить солдат, был выпущен боевой приказ по войскам, часть которого гласила: «Позиции, которые мы занимаем, неприступны, и, когда русские пойдут на наши батареи, я направляю атаки на их фланги¹. Солдаты, я лично буду руководить всеми батальонами, я буду стоять в безопасном месте, если вы, с вашей обычной храбростью, внесете беспорядок и смятение в ряды противника; но, если хоть на мгновение шансы на победу поколеблются, вы увидите, как ваш император пойдет в переднем ряду.

Запомните, что ни один человек не должен выходить из рядов под предлогом транспортировки раненых: пусть каждый преисполнится мыслью, что необходимо победить этих наемных лакеев Англии, столь сильно ненавидящих нашу нацию...»(24)

Этот выразительный приказ несомненно воспламенил храбрость солдат, помог почувствовать единение со своим главнокомандующим, который так доверяет им и умеет поднимать их моральный дух.

Отдав приказы, Наполеон пообедал со своими офицерами, разделив с ними свое любимое походное блюдо — картофель, жаренный с луком. Он был в прекрасном настроении, оживленно говорил о Египте и тяге к Востоку, шутил насчет будто бы появившейся над Парижем кометы — явно предвестницы их завтрашней победы. Недолго поспав, он вышел из разрушенного деревенского дома, служившего его резиденцией, и снова отправился инспектировать войска, иногда останавливаясь и глядяваясь в ночную тьму, пытаясь различить линию костров неприятеля; успокаивало большое скопление костров к югу от Аугезда. Обрадовало появление уставшего маршала Даву, доложившего, что его кавалерия и авангард будут на исходных позициях к восьми часам утра, а за ними подойдет и пехота. Император с облегчением воспринял эту весть и вернулся на свой бивак, окруженный восторженными солдатами с факелами.

Ночь прошла довольно спокойно; произошла только одна небольшая стычка, когда патруль австрийских гусар добрался до окраины Цокольница, но их быстро отбили. Рано утром Савари — начальник оперативного отдела — возвратился из глубокого разведывательного рейда с известием, что в районе Аугезда противник сосредоточил не менее корпуса. Разбудили императора и доложили ему об этом. На импровизированное совещание был вызван маршал Сульт. После пристального изучения карт в 3 часа утра император продиктовал небольшие изменения к своим первоначальным приказам, являвшиеся скорее смещением первоначальных акцен-

¹ В «Монитёре» и «Переписке» эта последняя фраза выглядит иначе: «...и, пока русские идут в обход моего правого фланга, они откроют свой собственный фланг». Это просто пример того, как клевреты Наполеона задним числом изменяли формулировку бюллетеня, подгоняя ее под случившиеся события. (Примеч. автора.)

тов, но не радикальными изменениями. Можно предположить, что из-за больших сил противника на юге атака на Праценские высоты была немного смещена к северу, чтобы максимально использовать ожидавшееся ослабление правой части центрального сектора союзников. Вандамм и Сент-Илер теперь должны были наступать от Пунтовица. Еще один приказ назначал дополнительно 4000 солдат для усиления правого фланга во время критического периода, предшествующего подходу всего корпуса Даву. Затем император вернулся к своей куче соломы и уснул, пока его штаб был занят доведением нового приказа по назначению.

Первые войска были подняты в 4 часа утра, и, когда они стали расходиться по своим позициям, вскоре заметили поднявшийся над ними сильный утренний туман. Это явление вызвало немалое замешательство на той стороне Гольдбаха, где колонны союзников выстраивались в боевые порядки для атаки. Их замешательство оказалось очень выгодным для французов в первый час сражения. Тем не менее в 7 часов утра около Телльница началось наступление, авангард Кинмайера столкнулся с гарнизоном Леграна. Вначале удача сопутствовала французам, но немного позднее из тумана показалась громадная масса колонны Дохтурова, и к 8 часам 1200 солдат, оставшихся в живых из 3-го линейного пехотного полка, были вынуждены отдать деревню и отойти под прикрытием егерей и гусар Даву. Далее к северу Ланжерон и Пржибышевский шли штурмом на Цокольниц. Горстка итальянских стрелков генерала Ланжерона отразила первую атаку, затем их усилили 26-й легкой бригадой генерала Мерля, что дало гарнизону около 1800 человек и 6 пушек. Но к 8.30 утра их стали обстреливать из 30 пушек, и возобновившаяся атака 8000 солдат союзников преодолела оборону, и Цокольниц, в свою очередь, попал в руки противника. Однако за Телльницей маршал Даву организовал контратаку силами бригады Эдле, в которой служил «корреспондент» капрал Блэз.

«Перед тем как дать нам приказ на атаку, маршал Даву, оставшийся с нами, несмотря на начавшийся обстрел, напомнил нам дело при Мариацелле. Потом генерал Эдле встал во главе, и мы храбро двинулись вперед в боевом порядке, пока не дошли до рва, через который нельзя было перебраться — так он был глубок. Генерал Эдле приказал нашему полковнику перевести нас через мост, находившийся левее. Этот необходимый маневр оказался для нас губительным, так как солдаты настолько рвались в бой с этой пресловутой пехотой союзников, что они нарушили свой строй, несмотря на *les sages avis*¹ наших офицеров; когда мы попытались перестроиться под сильным огнем, на нас полетели австрийские гусары, приняв нас за баварцев в густом дыму и тумане, особенно сильном с утра, ранили очень многих из нас и взяли в плен 160 человек, среди них 4 офицеров»(25).

К 8.45 утра эта деревня опять очутилась в руках французов, но и повторная оккупация оказалась очень краткой. В суматохе боя французский 108-й полк имел несчастье открыть огонь по 26-му пехотному полку, когда он отходил от Цокольница, и от этого сил у полка не прибавилось. Таким образом, к 9.00 противник почти полностью овладел обеими деревнями.

Хотя может показаться, что союзники уже одержали первую победу в этот день, сражение на самом деле шло в пользу французов. Около 8 часов утра туман стал подниматься и открыл очертания Працена и русские колонны, «поток» двигавшиеся на юг; как и надеялся Наполеон, центр союзников продолжал все более ослабляться — уже 40 000 солдат сосредоточились против правого фланга французов, и продолжали подходить все новые. Теперь очень многое зависело от правильного выбора момента начала контратаки. Дивизии Сент-Илера и Вандамма были на назначенном исходном рубеже за Гольдбахом, и их присутствие все еще удачно скрывалось от противника пеленой тумана, еще не рассеявшегося в долине. Для столь необходимого подъема духа солдаты подкрепились тройной порцией спиртного.

¹ Умный совет (фр.).

«Сколько времени вам понадобится, чтобы привести ваши дивизии на верхушку Праценских высот?» — спросил император у Сульта. «Менее двадцати минут, сир, потому что мои войска стоят в укрытии у подножия холма за пеленой тумана и дыма костров», — был ответ. «В таком случае мы подождем еще четверть часа» (26). Наполеон наблюдал в подзорную трубу непрерывное приближение к югу еще двух неприятельских колонн (Коловрата и Милорадовича). Когда он решил, что они достаточно далеко прошли, он дал сигнал. Зазвучали хриплые приказы, барабаны забили сигнал «на штурм», а две дивизии двинулись вперед, выходя из тумана и сверкая на солнце ошетилившимися штыками. Было 9 часов утра. Справа генерал Сент-Илер быстро продвигался к своей цели — самой деревне Працен; сопротивление было небольшим, и очень скоро французы выбрались за деревню на самую вершину плато. Слева генерал Вандамм приближался к вершине Старе Винобрады, но его движение было не столь успешно, потому что ему пришлось принять бой с упорно стоявшими в деревне Иршиковиц союзниками, задержавший его на некоторое время.

Союзники вначале были ошеломлены этой внезапной угрозой их центру. Генерал Кутузов со своим штабом, сопровождавший колонну Милорадовича, направлявшуюся на юг, внезапно понял опасность, когда она приблизилась к гребню Працен по дороге на Цокольниц. Оставив войска в его окрестностях, Кутузов поспешно изменил направление своего марша, но только два батальона достигли деревни Працен, прежде чем начался штурм. Этот маневр опоздал и не смог приостановить напор французской атаки; к 9.30 утра союзники стали откатываться назад, а французы были готовы к полному овладению Праценскими высотами.

Далее к северу левый фланг французов также вступал в бой. До этого они едва ли обменялись выстрелами с солдатами Багратиона, но в этот момент Наполеон приказал Бернадоту наступать на Блазовиц в поддержку атаки Сульта. Вначале это наступление развивалось удачно, но в 9.30 утра батальоны русской гвардии преуспели в повторном захвате деревни. Через полчаса весь левый фланг французов вел ожесточенный рукопашный бой с противником. Кавалеристы Мюрата и колонна Ланна двинулась вперед, чтобы сковать пехоту Багратиона и кавалерийские эскадроны Лихтенштейна. Большой отряд всадников набросился на дивизию Кафарелли, но они были отбиты легкой кавалерией Келлермана и отступили с тяжелыми потерями. Несмотря на десятикратное численное превосходство противника, французские кавалеристы спешили и начали обстреливать сплошным огнем ряды противника. Затем последовала атака, и наступление Лихтенштейна остановилось, его эскадроны несли потери. Однако положение Ланна было опасным, потому что 30 пушек Багратиона продолжали косить противника — за три минуты было убито 400 человек из дивизии Кафарелли. На короткое время после атаки кавалерии союзников вдруг все стихло на этом секторе фронта, однако не надолго. Багратион начал новую атаку на Сантон, но 17-й линейный полк твердо держался. Немного позднее Ланн снова пошел штыковой атакой на Блазовиц и взял 500 пленных и 5 пушек. Затем подошла очередь Мюрата — нельзя было упустить великолепную возможность вбить клин между Багратионом и Кутузовым. Три тысячи французских кавалеристов рванулись вперед, но вскоре навстречу им устремилось вдвое большее количество русских, так как Багратион, разгадав замысел французов, бросил в бой все имеющиеся эскадроны. Сорок эскадронов атаковали фланг дивизии Кафарелли, когда она прорывалась вперед от Блазовица, но бравая пехота переменяла фронт и отбила три атаки противника, а затем Мюрат смог прислать из резерва кирасир Ополя и Нансути. Эти великолепные всадники в сверкающих кирасах с султанами из конских хвостов бросились вперед на полном галопе 400-ярдовым¹ фронтом, неся тяжелые потери от неприятеля.

¹ 400 ярдов — 366 м.

тельского огня, и врезались в левый фланг кавалерии союзников. Грохот от этого столкновения был слышен по всему полю даже в шуме битвы. В течение пяти минут бой шел с переменным успехом, и потом кавалерия союзников не выдержала напора. Лихтенштейну удалось собрать часть своей растерявшейся кавалерии и контратаковать французов, которые рассыпались при преследовании, но его маневр полностью провалился из-за появления на сцене второго полка французских кирасир. Тем временем на крайнем левом фланге пехота Ланна упорно продвигалась вперед, сражаясь с дивизиями Багратиона. Скорость продвижения была мала, потому что VI корпус включал очень много относительно неопытных новобранцев, которых нужно было держать под контролем. Тем не менее эти части доказали свою доблесть. Генерал Сюше писал в докладе: «Во время сражения пехота переносила артиллерийский огонь с величайшим хладнокровием. Приказы императора были выполнены в точности, и, может быть, впервые с начала войны большая часть раненых сама добредала до санитарных повозок»(27). В результате этих соединенных усилий на левом фланге Багратион был к полудню фактически разделен с остатком союзных войск, и Ланн выполнил данный ему приказ изолировать правый фланг противника.

Овладение Праценскими высотами оказалось только началом боя в центре, и пришлось преодолеть много критических моментов, прежде чем французы надежно завладели этим участком. После 10.00 утра дивизия Сент-Илера перенесла тяжелые испытания, будучи внезапно атакованной с правого фланга арьергардной бригадой возвращавшейся колонны Ланжерона в тот момент, когда французы уже вели ожесточенный бой с солдатами Коловрата впереди и резервом Каменского слева. Будучи атакованы одновременно с трех сторон, французы заколебались, но решительность и храбрость Сент-Илера сплотила солдат. Не дожидаясь объединенного нападения противников, он повел солдат вперед в отчаянной штыковой атаке и выиграл немного времени. Это дало возможность Сульту быстро перебросить шесть 12-фунтовых пушек артиллерийского резерва его корпуса; маршал лично руководил огнем. Произошел отчаянный бой. Ревели пушки, трещали мушкетные выстрелы, но в рядах Ланжерона появились бреши, и к 11 часам самый опасный кризис миновал. На левом фланге Сент-Илера генерал Вандамм в этот момент вел бой с 2500 солдатами из дивизии Коловрата и еще с десятью батальонами под командой Милорадовича, но к полудню противник отошел и на этом секторе. Следовательно, за исключением своего восточного края Праценские высоты были надежно в руках Сульты.

А вдали, на правом фланге французов, все утро с переменным успехом шла ожесточенная битва. После падения деревень Телльниц и Цокольниц император начал несколько беспокоиться за этот сектор и вскоре после 9.30 утра отрядил гренадер генерала Удино из резерва укрепить южный фланг. Однако в ходе событий положение в этой части быстро улучшилось после начала атаки Сульты на Працен. Наступила короткая передышка, пока колонны союзников на своем левом фланге ожидали приказов в связи с изменившейся ситуацией, и, когда Кутузов попытался отвести часть второй и третью колонну для усиления своего центра, кавалерия IV корпуса сыграла важную роль, совершив несколько атак на возвращавшихся обратным маршем союзников, и их маневр был значительно смят и задержан. За это время 3 разбитых французских полка получили как раз достаточную передышку, чтобы перестроиться в новую линию к западу от деревень, которые они потеряли, а к 10 часам утра они были усилены прибывшей из Грос-Райтерна усталой дивизией генерала Фриана (часть корпуса Даву). Это заметное усиление боевой линии позволило возобновить бой за Цокольниц. Бригадир Лоше с двумя полками штурмом захватил деревню, 6 русских пушек и 2 знамени. Оставив 48-й полк в качестве гарнизона в завоеванной деревне, Лоше повел вперед 111-й полк в смелой попытке овладеть замком Цокольниц на восточном берегу Гольдбаха. Но прежде

чем он достиг своей цели, Ланжерон направил ожесточенную контратаку против Цокольница, фактически уничтожив 48-й полк. Единственным выходом Фриана был возврат 111-го полка, шедшего навстречу новой угрозе. Остаток утра 8000 солдат-пехотинцев и 2800 кавалеристов сражались в бою на измор с 35 000 солдат союзников. Хотя большая часть Цокольница снова перешла в руки русских, упорный Лоше так и не отдал южную окраину городка, и французская боевая линия сохранилась.

Поэтому к полудню военное счастье явно повернулось лицом к Наполеону. На левом фланге Ланн и Мюрат с некоторой поддержкой Бернадота успешно сдерживали и изолировали Багратиона (правый фланг союзников). На центральном секторе Сульт захватил Працен, в окружении войск союзников. На правом фланге Даву противостоял натиску противника вместе с гренадерами Удино, которые связывали этот сектор с центром. Победа французов была уже практически обеспечена, но каков будет истинный триумф, было еще не ясно.

Приближался момент окончательного разрыва линии союзников, обхода и разгрома по крайней мере открывшегося левого фланга. В качестве предварительного маневра Наполеон отозвал корпус Бернадота из боя против Багратиона и перевел императорскую гвардию на левый берег Гольдбаха, чтобы сформировать мощную, решающую силу (*masse de rupture*). Императорская ставка также была перенесена на Працен. Наполеон наметил нанести решающий удар, обойдя войска Буксгевдена, и приказал всему французскому центру совершить облическое движение вправо. К этому времени успеху французов мешало лишь одно препятствие — сомкнутые ряды пехоты и кавалерии прославленной русской гвардии, которая в этот момент решительно двинулась вперед со своей позиции в резерве, чтобы заполнить брешь, возникшую на центральном секторе союзников.

Вскоре после часа дня великий герцог Фердинанд повел в атаку 4 свежих батальона элитного корпуса против усталых и грязных от следов пороха солдат генерала Вандамма. К несчастью для этой атаки, три тысячи русских нетерпеливо рвались к рукопашной с французами, утомившись от утреннего мучительного бездействия, и они бросились в атаку с примкнутыми штыками с расстояния 300 ярдов. Когда, едва дыша, русские добежали до противника, гвардия прорвалась через переднюю линию французов и была остановлена только сосредоточенным огнем вторых эшелонов. Наступление временно выдохлось, и русская гвардия отошла в хорошем порядке на Крцеповиц для перестроения.

В этот момент Вандамм получил приказ от Наполеона сместиться вправо, но, выполняя этот маневр, он неизбежно должен был открыть свой левый фланг и тыл. Великий князь Константин не упустил эту возможность; 15 эскадронов гвардейской кавалерии сразу обрушились на фланг Вандамма, поддерживаемые возобновленной лобовой атакой русских гренадер.

Находясь под сильнейшим давлением, генерал Вандамм сохранял великолепное присутствие духа и немедленно передвинул два батальона 4-го линейного и 24-го легкого пехотных полков для прикрытия своего оголившегося фланга. Атака русских была такой стремительной, пишет де Сегюр, «что два батальона Вандамма на левом фланге были разбиты! Один из них, потеряв свой штандарт с орлом и большую часть оружия, только и смог убежать на полной скорости. Этот батальон, принадлежавший к 4-му полку, промчался почти мимо нас и самого Наполеона — наши попытки остановить их были тщетны. Несчастные парни были вне себя от страха и ничего не слышали; в ответ на наши укоры, что они бросают поле боя и своего императора, они механически кричали «Vive l'Empereur!» и улепетывали еще быстрее»(28).

Французам посчастливилось, что для развития успеха у союзников им не были доступны резервы. Наполеон немедленно решил послать вперед Бесьера с кавалерией императорской гвардии. Контратака первых двух эскадронов была отбита рус-

скими гвардейцами, но вторая волна контратаки — тремя эскадронами конных гренадер, поддерживаемых батареями конной артиллерии, — была гораздо удачнее. Теперь в бой вступила еще дивизия генерала Друэ, выделенная маршалом Бернадотом по собственной инициативе, когда он увидел, насколько велика опасность в центре. Подход этих подкреплений стабилизировал обстановку, и тогда Наполеон послал вперед своего старшего адъютанта генерала Раппа с двумя эскадронами егерей гвардии и одним — мамлюков для нанесения решающего удара. Измотанные русские не смогли выдержать напор этой новой атаки, и в течение десяти минут погибло 500 гренадер, а 200 кавалергардов — личный эскорт царя — вместе с их командиром князем Репниным были взяты в плен. Этих пленных с триумфом отвели назад к императору, который сказал: «Много прекрасных дам в Петербурге будут оплакивать сегодняшний день». Тем временем остатки русской гвардии откатывались обратно к Крцеповицу, преследуемые силами Бернадота. После отражения этой атаки центр союзников перестал существовать. Было немногим более 2 часов дня, когда наступил момент необходимости развития успеха, хотя события развернулись не совсем так, как вначале задумал Наполеон.

Он быстро дал новые приказы. Оккупация Праценских высот была поручена Бернадоту; гвардия, гренадеры Удино и утомленные батальоны Сульта должны были повернуть к югу, чтобы обойти Буксгевдена с севера и востока, в то время как Даву нападал с запада. К 2.30 дня Буксгевден оказался явно в критическом положении. Его армейское крыло было теперь отрезано от соседей, и ни от царя, ни от Кутузова приказы не поступали; Вандамм вскоре овладел Аугездом, дивизии Даву переходили от обороны к наступлению и неуклонно продвигались вперед по направлению к деревням Цокольниц и Телльниц. Русский генерал слишком поздно приказал половине своих войск отступать на восток, прежде чем французы преградят им путь, а остальные должны были с боями пробиваться на север по западному берегу Гольдбаха. Вандамм настиг отступающие на восток войска и сковал их; движущихся на север русских вскоре остановили своими совместными действиями Сент-Илер и Даву. Настроение французских войск было весьма мрачным после долгого дня битвы на уничтожение и понесенных серьезных потерь — одна только часть капрала Блэза потеряла четырех капитанов, двух лейтенантов и 70 рядовых убитыми, более десятка офицеров ранеными и чудом спасшимся полковником, под которым было убито 3 лошади. Генерал Тибо из дивизии Сент-Илера пишет: «До последнего часа сражения мы не брали в плен, мы не могли рисковать; никто ни перед чем не останавливался, и, таким образом, в нашем тылу не оставалось ни одного живого врага». Приказ Даву своим солдатам был краток: «Чтобы ни один не ушел».

К трем часам дня русских отгеснили на замерзшие озера и болота на юге. Дивизия Пржибышевского сложила оружие, сдалась и половина дивизии Ланжерона. Колонна Буксгевдена, которая уходила на восток, была разрезана надвое Вандаммом, действовавшим от Аугезда, и только сам генерал с авангардом своей колонны смог ускользнуть по направлению на Аустерлиц. Генерал Дохтуров, отрезанный со всех сторон и прижатый к озерам, дал приказ «*Sauve qui peut!*»¹, и 5000 его солдат рассыпались, ища спасения. Многие пытались спастись по льду озер, но лед стал трескаться и ломаться, когда Наполеон приказал 25 орудиям стрелять по льду, и этот обстрел, да еще и сам вес артиллерийских расчетов союзников, уносившихся галопом врасыпную, стали причиной гибели нескольких тысяч несчастных, утонувших в ледяной воде. Французские бюллетени позднее утверждали, что в озерах погибло не менее 20 000 человек, но эта цифра, несомненно, — грубое преувеличение; в этот момент около озер находилось только 5000 солдат союзников, и, вероятно, около 2000 человек действительно утонули

¹ «Спасайся кто может» (фр.).

(некоторые авторы считают, что 200 человек). Одно лишь точно известно — что из-под вод озера Сачен извлекли 38 пушек и 130 трупов лошадей.

Так как в центре и на левом фланге союзников поражение неумолимо превращалось в полный разгром, генерал Багратион решил, что пора спасать относительно целое крыло своей армии. Бой на севере был крайне ожесточенным после полудня, и наступил момент, когда русские почти одолели новобранцев Сюше на крайнем левом фланге, но Ланну удалось спасти положение тем, что он атаковал остатками своего корпуса центр и левый фланг Багратиона. Но к трем часам дня началось отступление Багратиона, и к 4.30 замерли звуки выстрелов на северном фланге. Французы были слишком вымотаны, чтобы организовать настоящее преследование, и через 40 часов Багратион уже успел отойти на 60 километров от поля боя.

В 5 часов вечера на всем поле сражения зазвучали сигналы «прекратить огонь!». Началась горестная работа по подсчитыванию потерь. Представляется вероятным, что погибли 11 000 русских и 4000 австрийцев, 12 000 солдат попали в плен, вместе со 180 пушками и 50 знаменами и штандартами. Таким образом, австро-русская армия потеряла 27 000 человек, или одну треть своего официального боевого состава. Французы отделались сравнительно легко: возможно, 1305 человек были убиты, 6940 — ранены и 573 человека попали в плен.

Наполеон выиграл свою решающую победу, и этим триумфально завершалась его кампания. Теперь Третья коалиция была на грани распада. Через день после битвы австрийскому императору пришлось просить перемирия, а царь с остатками русской армии отошел к Венгрии и Польше. Известие о великой победе в Моравии ускорило смерть Уильяма Питта — самого заклятого врага Франции. Но это все еще было в будущем, а в тот момент ликующий и измученный Наполеон писал Жозефине: «Я разгромил австро-русскую армию, которой командовали два императора. Я немного устал. Я жил на воздухе восемь дней и восемь морозных ночей. Завтра я смогу отдохнуть в замке князя Кауница и постараюсь поспать там два-три часа. Русская армия не только разбита, но уничтожена. Я обнимаю тебя. Наполеон»(29).

Глава 38

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

Уроков кампании 1805 года много, и они важны. Впервые в руках Наполеона был полный контроль над всеми военными действиями Франции, а Европа узнала, что значит «военная кампания Наполеона». В этом же году была создана и получила свое боевое крещение Великая армия (*La Grande Armée*), которой суждено было стать бичом для всех вооруженных сил Европы еще на 10 лет бурной и кровавой истории. Несомненно, это была самая высокоразвитая военная машина своей эпохи, и после Аустерлица она завоевала репутацию, наводившую страх на многих будущих противников.

Как писал сам Наполеон в письме Редереру, «раньше у нас были Итальянская армия, армия Рейна, Голландская, но не было Французской армии. Теперь она есть, и мы увидим ее в действии»(30). Все фронты управлялись одним и тем же могучим умом, направленным к одной конечной цели; Массена на Адидже и Сен-Сир в Неаполе были такой же неотъемлемой частью общего стратегического плана, что и корпуса армии, двигавшиеся на Дунай. Это сосредоточение командования в одних руках, при котором возлагалась вся ответственность решения всех задач на Наполеона; иногда результат чересчур сильно зависел от его ведения дела, и это приводило к ошибкам — например, когда Мюрат вырвался

из-под его контроля во время преследования Кутузова. Но с другой стороны, у Наполеона не было коллег или соперников с достаточным весом, чтобы оспаривать или игнорировать его приказы, как это было в 1796-м и в 1800 годах.

Смелое и резкое стратегическое движение от Рейна к Дунаю — прекрасный пример воплощения Наполеоном его «Принципов начала кампании». Имелось только одно операционное направление, и, хотя армия приближалась широким фронтом, ось движения обычно шла параллельно и рядом с центральной линией, шедшей от Маннгейма к Донаувёрту. Затем, Наполеон считал, что целью маневра должна быть главная армия противника. В 1805 году он немного нарушил этот принцип, напав вначале на генерала Мака, командовавшего второй австрийской армией, но оправданием этого действия служит то, что Наполеон как раз понимал — решающим фронтом на самом деле является Дунай, а не итальянский театр — австрийцы совершили большую стратегическую ошибку, поставив главную армию эрцгерцога Карла на второстепенном театре. Третий принцип Наполеона в этой области подчеркивает желательность подхода к неприятельскому флангу или тылу. Марш на Дунай является превосходным примером воплощения этого принципа. Четвертое — Наполеон всегда подчеркивал принцип обхода стратегического фланга противника. В этой кампании возникли трудности, потому что в дополнение к главным коммуникациям, идущим из Ульма в Вену (на восток), Мак имел еще и вторую линию — на юг к Тиролю — и войска эрцгерцога Иоанна. Тем не менее Наполеон сумел блокировать оба пути отхода, когда переправился через Дунай и этим изолировал свою жертву. Наконец, император обеспечил сохранность своих собственных коммуникаций; они подвергались опасности, если бы Мак перешел через Дунай на северный берег, если бы русские подошли с востока ранее намеченного времени или если бы Пруссия с севера решила бы вступить в войну. Наполеон тщательно взвесил эти возможности и принял максимальное количество разумных предосторожностей для исключения одного опасного события или их сочетания. Резервные лагеря и укрепленные города тянулись вдоль Рейна, значительные отряды выделялись для охранения тыловых районов (хотя это неизбежно уменьшало боевую численность войск), и полностью использовались организованные «операционные центры» — такие, как Аугсбург, Мюнхен, Вена и Брюнн, находившиеся близко к фронту.

Эта кампания также поучительна в отношении использования Наполеоном его кавалерии. Успех начального движения очень во многом зависел от факторов быстроты и неожиданности, а оба этих требования обеспечивались резервом Мюрата и корпусной кавалерией. Эти войска выполнили ряд ответственных заданий — используя свою мобильность, осуществили «демонстрацию» в Шварцвальде, полностью обманувшую генерала Мака относительно направления главного удара; выполняли глубокие рекогносцировки; обеспечивали безопасность флангов и тыла Великой армии и особенно осуществляли роль завесы, скрывавшей поступательное движение армии. В тесной близости к противнику кавалерия, кроме того, вела преследование бежавшего неприятеля (например, рейды Мюрата к Трохтельфингену и Нюрнбергу) и участвовала в небольших боях (как при Вертингене). Хотя Мюрат и совершил несколько позорных ошибок, которые угрожали успеху всей кампании в различные моменты, в особенности когда он позволил Кутузову ускользнуть на северный берег Дуная, все же Наполеон хорошо знал, как он обязан командующему своей кавалерией, к тому же своему зятю, и прощал ему его ошибки и промахи.

Если капитуляция Мака под Ульмом была триумфом для стратегии Наполеона, то еще более впечатляющая победа при Аустерлице явилась доказательством его тактического чутья и одаренности интуицией. В последние годы Наполеон пытался приписать этот успех стратегическим причинам. «Победа при Аустерлице была только естественным следствием моравского плана кампании. В столь трудном ис-

кустве, как военное, сама система кампании часто выявляет план сражения. Только опытные солдаты поймут это»(31). Если правда, что противник был фактически наполовину разбит еще до того, как был сделан первый выстрел, и что весь этот эпизод — пример того, что может быть достигнуто блестящим, мастерским использованием военной хитрости для заманивания противника в тщательно организованную ловушку, то все-таки сражение завершилось триумфом благодаря тактическому умению, примененному императором, а также выносливости и храбрости его солдат. Мастерство Наполеона резко контрастировало с неумелостью его противников. Французский император, знавший все особенности этой местности, очень мудро сосредоточил основную массу своей армии в центральном положении, что позволило ей встретить нападение с любого направления. Союзники же были все разединены. Согласно плану Вейротера, австро-русская армия была, в сущности, разделена на три крыла, два из которых не были достаточно сильны, чтобы выдержать серьезную атаку, но зато третье было слишком большим. Военная история полна примеров сражений, которые были проиграны из-за неумения сосредоточить достаточное количество войск для главного удара, но Аустерлиц является значительно более редким примером опасности, вызванной чрезмерным сосредоточением. Крыло Буксгевдена (54 000 солдат) непрерывно мешало кому-то другому на ранней стадии сражения — разумеется, туман еще более осложнил обстановку, и эта путаница, несомненно, способствовала упорной обороне храброй дивизии Леграна. Но роковым следствием явилось то, что главная атака потребовала использования каждого солдата и лишила союзников сформированного резерва на случай любых неожиданностей. Несмотря на всю доблесть русской гвардии, ее было просто недостаточно для отражения массивной атаки войск Сульта, поддерживаемой кавалерией гвардии и корпусом Бернадота. Держа в запасе эти соединения до критического момента сражения, Наполеон обеспечил себя грозной решающей силой (*masse de décision*), удару которой было невозможно противостоять. Наполеон уникальным образом использовал также кавалерию Мюрата в качестве подвижного резерва для устранения осложнений, возникавших на левом фланге.

Даже если бы атака сил Буксгевдена была удачной и они перешли бы Гольдбах и заняли соседние деревни, все равно сомнительно, что вторая фаза боевого плана союзников могла быть успешно завершена. Повернув на север, колонны Буксгевдена очень скоро уперлись бы в препятствие в виде леса Турас, а кавалерия Кинмайера вряд ли смогла бы задержать корпус Даву и помешать ему начать атаку в тыл или во фланг медленно движущегося русского крыла. Кроме того, союзники не имели согласованной системы взаимодействия между их левым флангом и центром на этой фазе, и, будучи разделены Гольдбахом, они все еще были бы опасно открыты для контратаки французов против центра их линии. В целом весь план союзников основывался на чрезмерной уверенности и на просчетах; тот факт, что Наполеон намеренно поощрял опрометчивость своих противников, никоим образом не уменьшает их ответственности за постигшую их катастрофу.

Последний урок Аустерлица — контратака или тактическое наступление являются истинным ключом к обороне. Со стратегической точки зрения Наполеон, безусловно, был в обороне, но это не помешало ему вновь захватить тактическое преимущество по всей линии фронта (после того как ловушка для союзников захлопнулась) и одержать решающую победу, когда ему мог грозить полный разгром.

Политическое значение событий 1805 года, наверное, было даже еще более важным для будущего Европы на следующее десятилетие. Эта кампания и сражение явились серьезным испытанием на жизнеспособность для Первой империи и для ее орудия — Великой армии. Прошло только 18 месяцев со времени образования Империи, только один год — с коронации, и на фоне жесткого настроения европейской политики новый император должен был силой оружия завоевать себе международное признание, если он хотел преодолеть все враждебное ему сцеп-

ление коренных интересов древних династий Третьей коалиции. В действительности Наполеон не ожидал такого результата своей победы. Ее истинное значение ошутилось им только на следующий день после битвы, когда не кто иной, как австрийский император, просительно обратился к нему, желая заключить мир. Наполеон пишет об этой драматической встрече Талеярану в письме от 4 декабря:

«Германский император просил о встрече, на что я согласился, — она продолжалась с 2 до 4 часов дня. Я вам скажу, что я думаю о нем, когда мы увидимся. Он хотел немедленно заключить мир. Он взывал к моим чувствам; я защищался — такого рода война, уверяю вас, была не трудной. Он просил меня о перемирии, я согласился... Сообщите австрийцам, что битва изменила положение дел и что им придется ожидать более жестких условий; что больше всего я возмущен их поведением — они прислали ко мне посредников в тот самый день, когда собрались напасть на меня, чтобы обмануть мою бдительность...»(32)

Последнее — несколько сильно сказано, так как именно по настоянию Наполеона стороны обменялись посредниками в период, непосредственно предшествовавший сражению. Император нисколько не утратил своей природной корсиканской хитрости в выжимании максимума полезного из представившейся возможности, даже если это и было беспринципно.

В должный срок, после длительных ожесточенных споров, 26 декабря был подписан Прессбургский мир. Условия его были жесткими: Австрию вынудили уступить Венецию, чтобы еще более расширилось Итальянское королевство; Тироль, Форарльберг и другие альпийские территории явились наградой верному союзнику Франции — правителю Баварии; Швабия была отдана герцогу Вюртембергскому.

Австрия была повержена, русская армия разгромлена, и Пруссия готова отказать от своих обязательств перед союзниками — Третья коалиция Уильяма Питта теперь могла только разделить судьбу двух предшествующих. Надежды британского премьер-министра были снова разбиты, его хрупкое здоровье не выдержало этого, и через несколько недель, в январе 1806 года, Уильяма Питта не стало. Тем не менее, после кратких попыток снова начать переговоры со стороны нового (хотя и не долго бывшего у власти) премьер-министра Чарльза Джеймса Фокса, сильнейший противник Франции остался открыто враждебным. Более того, после Трафальгара казалось, что Великобритания могла проявлять агрессивность совершенно безнаказанно. Снова и снова — и во время Аустерлица, и после него — Наполеон с ожесточением изливался по поводу «вероломного Альбиона». Даже в победной реляции, выпущенной после Аустерлица, он не мог удержаться от потока осуждений Британии: «Пусть вся кровь, пролитая здесь, пусть все эти несчастья падут на головы коварных британцев, которые вызвали их. Пусть трусливые лондонские олигархи сами испытывают последствия стольких бед»(33).

Несмотря на эту крикливую антибританскую пропаганду, в начальных строках этого бюллетеня не было ничего, кроме правды: «Soldats! Je suis content de vous»¹. Император мог позволить себе быть великодушным по отношению к людям, сделавшим возможным его триумф. Два миллиона золотых франков были розданы высшим офицерам. Наполеон дал щедрые пенсии вдовам погибших. Осиротевшие дети были официально усыновлены самим императором, и им было позволено добавлять имя «Наполеон» к своим именам, данным при крещении. Память Аустерлица должна была остаться навеки живой!

¹ «Солдаты! Я доволен вами» (фр.).

Часть восьмая

ОТМЩЕННЫЙ РОСБАХ

Кампания 1806 года против Пруссии

Глава 39

ГОГЕНЦОЛЛЕРН — ЛИЦЕМЕР

«Вы скажете мсье де Хаугвицу, чтобы он ожидал меня в Вене»(1), — писал Наполеон своему министру иностранных дел Талейрану вскоре после Аустерлицкого сражения. В этой отрывистой фразе заключено много. Из всех государственных деятелей, ошеломленных внезапным и мгновенным распадом Третьей коалиции 2 декабря 1805 года, прусский посланник попал в самое незавидное положение. Отправленный своим монархом в Вену в конце ноября, Хаугвиц вез Наполеону фактически почти ультиматум, лишь слегка завуалированный предложением своего посредничества между воюющими странами. Фридрих-Вильгельм III наконец решился участвовать в ликвидации Французской империи, хотя это означало для Пруссии вступление в войну как бы с черного хода и в момент нависшей над Наполеоном угрозы гибели. Уже в Берлине молодые храбрецы из королевской гвардии вызывающе точили свои сабли о ступени французского посольства. Однако получилось так, что Хаугвицу так и не удалось передать это послание Наполеону. Хотя 28 ноября в Брюнне он имел долгую аудиенцию у Наполеона, тот все время говорил только сам, почти не дав сказать ему ни слова, после чего отпустил, препоручив его изысканно вежливому, но еще более увертливому Талейрану в Вене, которому Хаугвиц опять не смог сказать главного. В глубине души прусский полномочный посланник почувствовал скорее облегчение, так как со своей точки зрения он считал, что политика строгого нейтралитета будет гораздо лучше отвечать интересам его страны, чем поощрение идеи войны, даже несмотря на то, что в этот момент в ноябре все условия складывались так, что Наполеону предстояло неизбежное катастрофическое поражение от русских и австрийских армий.

Невероятные события 2 декабря 1805 года радикально изменили все международное и стратегическое положение. В момент, когда поверженная Австрия просила мира, а войска русского царя откатывались назад в Польшу, Пруссия безусловно не могла объявить войну Франции, и сдержанный Хаугвиц поспешил передать поздравления своего государя Наполеону-победителю. Наполеон ни на секунду не поверил искренности восторгов посла; из своих собственных источников он знал о подлинном смысле послания короля и саркастически заметил, что у пышных поздравлений вначале был совсем другой адресат. Подчеркивая свое

презрение к вечно колеблющемуся Фридриху-Вильгельму III, император намеренно отказывал Хаугвицу во встрече до 15 декабря, заставив посла целыми днями дежурить в приемной императорской ставки. Когда наконец он даровал ему аудиенцию, то наотрез отклонил заискивающее предложение Пруссии быть посредником в начавшихся мирных переговорах с Австрией, вместо этого безжалостно предъявив свое требование к Пруссии заключить немедленный договор союзничества с Францией, направленный против своего бывшего друга — Англии. Наполеон знал, что он загнал Фридриха-Вильгельма в угол, и отнюдь не был в настроении проявить хоть каплю великодушия; Пруссия должна будет заплатить землями, людьми и позором только за свое намерение участвовать в этой войне. Этот шакал был брошен своими же хищниками на растерзание Наполеону.

Отношение Наполеона к стране Черного орла было странным смешением восхищения и презрения. С одной стороны, он испытывал величайшее уважение к Фридриху Великому, чьи военные кампании он вдумчиво изучал: он все еще не расстался с высоким мнением об армии, созданной гением Фридриха. В то же время Наполеон скорее презирал современное правительство Пруссии и был уверен, что может безнаказанно третировать наследников Фридриха. Наполеон считал, что теперешний король Пруссии не обладает волевым характером и вполне может быть использован в качестве пешки, как противовес остаткам австрийского влияния в Германии. В первые месяцы 1806 года император был особенно уверен в том, что Пруссия больше никогда не осмелится прибегнуть к войне, какими бы непомерными ни были французские требования. Это убеждение подкреплялось отсутствием какой бы то ни было решительной реакции на бесцеремонное и разрушительное вторжение корпуса Бернадота в прусский Ансбах по пути на Дунай, да и дипломатическим *volte face*¹ Хаугвица в декабре, шитым белыми нитками. Наполеон также знал, что недостойный отпрыск дома Гогенцоллернов способен сделать многое, только бы заполучить в свои владения желанный Ганновер, и такую возможность в качестве «морковки для осла» с большим дипломатическим успехом использовал весь 1805 год.

Но после Аустерлица в ход пошла скорее палка, чем морковка. В беспощадном разговоре с Хаугвицем, который был доведен до полной умственной прострации озлобленной бранью Наполеона, он заставил прусского министра пойти на договор о «дружбе» с Францией. Цена этой дружбы была велика. Пруссия была обязана возвратить некоторые части своей территории для создания достойных владений, предназначавшихся любимым слугам императора. Княжество Клевское должно быть присоединено к Бергу и в качестве герцогства отойти Мюрату. Собственно, этот гасконец не заслуживал такой награды из-за своих промахов в октябре и начале ноября на Дунае, но ведь он был зятем императора и его сестра Каролина надоедала ему своими требованиями продвижения по аристократической лестнице. Далее, Ансбах должен был отойти к верному союзнику Франции — правителю Баварии — в обмен на несколько совершенно незначительных изменений границы около Байройта. Невшаталь должен быть дарован вечному труженику Бертье. Везель должен быть присоединен к Франции. Кроме этих территориальных уступок, все существующие прусские дипломатические союзы объявлялись лишенными силы и заменялись односторонним и исключительным договором с Францией. Пруссия обязывалась принять любые экономические меры против Англии, какие бы ни выдвинул Наполеон, и Фридрих-Вильгельм должен был немедленно уволить своего главного министра фон Гарденберга как известного франкофоба. В обмен на эти вынужденные уступки Пруссия должна была получить во владение Ганновер. Император проницательно рассчитал, что такая

¹ Крутой поворот, полная перемена взглядов (*фр.*).

щедрость с его стороны окончательно вобьет клин между Лондоном и Берлином и завершит дипломатическую изоляцию и унижение Пруссии¹.

Это были жесткие условия, но незадачливый Хаугвиц не мог противопоставить никакой действенной обороны. Что он мог сделать, когда победоносная Великая армия стояла на южных границах Пруссии и большая часть воинских сил его монарха все еще была демобилизована? Наполеон не делал секрета из того, что ему известно все о «вероломном» соглашении, заключенном с Россией в Потсдаме прошлой осенью, и что он знает о все еще продолжающихся сношениях с британским правительством. Французские сабли зловеще погромыхивали в ножах, и у Хаугвица не было выхода. Пятнадцатого декабря Венское соглашение было должным образом парафировано и немедленно отослано в Берлин для ратификации Фридрихом-Вильгельмом. К этому роковому документу было приложено сопроводительное письмо Наполеона: «Сир, брат мой, я виделся с мсье де Хаугвицем. Я долго говорил с ним относительно моих чувств и моих планов. Он читал в моем сердце, оно было раскрыто пред ним... я искренне надеюсь, что он ничего не утаит от Вашего величества, и, если у Вас будут причины жаловаться, я лщущу себя надеждой — Вы поймете, что, если бы я имел дело лишь с политическим персонажем, мое сердце не было бы так глубоко затронуто»(2). Таково объяснение настоящего промывания мозгов, учиненного несчастному Хаугвицу.

Как и следовало ожидать, прусское правительство стало медлить, стараясь выиграть время до момента принятия безвозвратного решения. Фридрих-Вильгельм был не мастер принимать твердые решения, и теперь он стал просить о возобновлении переговоров. В течение нескольких недель Берлин недостойно извивался, лавируя и так и этак, даже в какой-то момент начав жалостно настаивать на том, что король Великобритании Георг III должен был бы утвердить предполагаемую передачу Ганновера, прежде чем Пруссия сможет принять этот щедрый дар из рук Наполеона. Император был несгибаем. Чтобы еще основательнее поссорить Англию и Пруссию, он стал настаивать на немедленном закрытии северогерманских портов и рек для британской торговли и на конфискации английских товаров. Пруссия в ужасе вновь заколебалась; император стал окончательно терять терпение. В письме к Жозефу от 7 февраля Наполеон жаловался: «Мы все еще не договорились. Прусский двор очень несчастный и глупый»(3). Наконец Хаугвицу больше нельзя было увертываться от решения; перед лицом жестокого выбора — или подписать, или немедленное объявление войны — он подписал проект главного договора 15 февраля, а через 9 дней запуганный Берлин официально одобрил условия. Наполеон добился блестящего дипломатического успеха, одним ударом осрамяв одного перепуганного врага и усилив изоляцию другого. Никогда еще Пруссия не знала такого унижения. Историк Петре выразительно описал впечатление от этого соглашения: «Ничто не могло быть более трусливым, чем поведение Пруссии в этом деле. Как заметил тогдашний министр иностранных дел Англии Фокс, и другие нации заставили делать уступки Франции, но ни одна, подобно Пруссии, не унизилась до того, чтобы потворствовать несправедливости и ненасытности своего господина. Вся политика Пруссии этого периода характеризовалась двуличием, которое было очевидно для всей Европы... Наполеон полностью преуспел в том, чтобы перехитрить Пруссию и сделать ее объектом презрения для ее бывших союзников»(4).

¹ В середине XIII века Ганновер — часть области Брауншвейг, позднее герцогства Брауншвейгского. Город Ганновер в 1636 году стал резиденцией Брауншвейг-Люнебургской династии Вельфов. Затем все герцогство стало называться Ганновером, а сам герцог стал курфюрстом. Курфюрст Георг-Людвиг (1660—1727), бывший в родстве со Стюартами, стал английским королем в 1714 году под именем Георга I, основателем Ганноверской (Брауншвейгской) династии, которая с 1917 года стала именоваться Виндзорской. Таким образом, с 1714 года английский король был одновременно и владетелем Ганновера. (Примеч. перев.)

Прусский орел стал более походить на стервятника.

Хотя некоторые историки считают, что ненасытное честолюбие Наполеона гнало его от одной войны к другой, справедливее было бы утверждать, что, по крайней мере, сразу после Аустерлица его главным занятием были попытки прийти к какому-то примирению с остальными врагами. Как всегда, были веские внутренние причины, почему император хотел бы кончить войну. Хотя население Франции радостно приветствовало достижения Великой армии в 1805 году и военная служба еще не рассматривалась как «верный пропуск к ранней смерти», война оказывала сильное воздействие на экономику Франции. У Наполеона были трудности с поисками средств уже для кампании 1805 года. Но с тех пор во время его пребывания на фронте финансовые дела только ухудшались. Его брат Жозеф, оставленный в качестве регента, не смог сохранить строгий надзор над финансами страны, и в результате правительство стояло в декабре перед банкротством. Достаточно одной детали, чтобы показать царивший хаос. Вдруг оказалось, что из казначейства исчезло много ценных бумаг, и, когда это стало известно многим чиновникам, начались крахи банков, разорившие десятки тысяч людей. Хотя Наполеон оставался в Германии до конца января 1806 года, он тратил очень много времени на диктовку необъятного количества писем в попытке восстановить порядок в государственных делах. Задача была не из легких; даже министра финансов Барб-Марбуа и того пришлось отстранить на время от дел из-за подозрений в казнокрадстве. И конечно, оставалось очень много неоконченного и нерешенного в работе над различными кодексами законов. Поэтому понятно, почему Наполеон так стремился к заключению немедленного, разумеется, и выгодного мира. Но в этом-то и был камень преткновения, потому что предлагавшие им условия были совершенно невозможны для его действительных и потенциальных противников. После того как Наполеон вернулся в марте 1806 года в Париж, он никуда не выезжал из окрестностей столицы вплоть до сентября, настолько неотложны были внутренние дела.

Но, несмотря на такую занятость, Наполеон, не теряя времени, занимался организацией и освоением своих новых присоединенных территорий. Хотя большая часть Северной Италии была уже подвластна ему, император вскоре отправил Жозефа и Массену во главе армии для завоевания Неаполя, где вскоре его брат и стал королем. Однако не везде французское правление приветствовалось; пришлось жестоко подавлять сильные мятежи в Парме, еще в нескольких местах было введено военное положение. Одним из результатов усиления французского господства в Италии было заметное ухудшение отношений с Папой. Дух сотрудничества, царивший в эпоху конкордата, быстро выдыхался, и взгляды Наполеона на положение Папы изложены в этом отрывке из его письма к своему дяде — кардиналу Фешу, представителю Франции в Ватикане: «Для Папы я — Карл Великий. ...Поэтому я и ожидаю соответствующего отношения. Если он ведет себя хорошо, я ничего не буду изменять внешне; иначе я низведу Папу просто до уровня епископа Римского»(5).

Если Наполеон желал размахивать большой дубинкой в Италии, в отношениях с русским царем он стремился как можно скорее прийти к соглашению. Генерал Савари имел беседу с Александром I после сражения, и, согласно 31-му бюллетеню по армии, царь всея Руси якобы говорил о победителе в очень хвалебном тоне. «Передайте вашему государю, что я уезжаю, — будто бы сказал Александр. — Скажите ему, что вчера он совершал чудеса; что это сражение еще увеличило мое восхищение им; что он — человек, предопределенный Небом; что для моей армии потребуется целый век, чтобы сравниться с его»(6). Такой язык Наполеон мог оценить (и, возможно, отвечать в таком же духе), и он начал все более убеждаться в том, что можно достичь искреннего соглашения со Святой Русью. В этом выводе он диаметрально расходился с Талейраном, который был также

убежден, что Россия является самым опасным потенциальным соперником Франции в Европе. Наполеон игнорировал совет министра, следуя своему мнению, и в Париже со временем было парафировано нечто вроде предварительного соглашения с царским посланцем графом д'Убри. Для Наполеона было неожиданным ударом, когда в сентябре царь отказался ратифицировать это ориентировочное соглашение и начал разворачивать свои силы в поддержку Пруссии. И действительно, история следующих лет подтвердила обоснованность опасений Талейрана и большой просчет его государя в построении исходных позиций.

Но пока что дипломатическая деятельность Наполеона в основном была посвящена преобразованию Германии. Предложенный Талейраном курс на восстановление отношений с Австрией, в качестве противовеса Пруссии и России, был снова отменен. Условия Прессбургского договора и так поставили Австрию в положение второсортной державы, да еще в первой половине 1806 года французский император начал выжимать из Австрии все большие уступки. Священная Римская империя давно превратилась в анахронизм, и к 1806 году ведущая роль Австрии среди германских князей была уже чисто номинальной, и тем не менее последние следы ее бывшей власти вскоре должны были быть уничтожены будто бы в интересах безопасности Франции. Двенадцатого июля 1806 года Священная Римская империя формально перестала существовать, и через месяц Франц II стал скромно именоваться просто «императором Австрии». Для заполнения вакуума власти Наполеон 25 июля создал Рейнский союз, состоявший из Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессен-Дармштадта и нескольких меньших княжеств на Рейне. Все они признали над собой протекторат императорской Франции.

Это отнюдь не было новой идеей и не рассчитано на то, чтобы служить в качестве компенсации за низложение Австрии. Более 150 лет назад кардинал Мазарини организовал недолговечный Рейнский союз, а в более близкие к нам времена Директория, хотя и неудачно, тоже экспериментировала в этом направлении. Большинство скрытых целей политической организации 1806 года были практически теми же, что и в ранних попытках, а именно: укрепить французское влияние на Германию — обеспечить себе источник поступления людской силы и денег для будущих войн, создать необходимый плацдарм восточнее Рейна, откуда при необходимости можно бы начать развертывание армий. Но прежде всего нужно было иметь оборонительный буфер между Францией и центральными и восточными странами Европы. К этим традиционным целям в 1806 году была добавлена еще одна: Наполеон, несомненно, желал предоставить преимуществва (реальные и ожидаемые) наполеоновской администрации и издать законы «малых народов» за пределами рейнской границы. Однако эта политика немедленно встретила сопротивление в Пруссии.

Совершенно справедливо считают, что с 1805 года Наполеон перестал быть только французским — он стал также европейским государственным деятелем. Вскоре народ Франции начнет недоумевать, действительно ли так нужно для их национальных интересов, чтобы Наполеон все дальше и дальше уводил свои армии от границ Франции и чтобы он все жестче и настойчивее требовал все новых и новых рекрутов для заполнения брешей в солдатских рядах. В своей погоне за химерой «нового порядка в Европе» Наполеон закладывал в сердца австрийцев глубокое недовольство, которое перерастало в ненависть, и этой ненависти суждено было еще несколько лет тайно тлеть, но прямым следствием наполеоновских амбиций в Германии было то, что будущие французские кампании на берегах Дуная стали обходиться Франции все дороже.

Но в 1806 году казалось, что ничто не устоит перед Наполеоном, и его планы закладки фундамента новой Европы осуществлялись довольно быстро. Использовались дипломатия и династические браки для продолжения работы, начатой силой оружия. Типично по-корсикански Наполеон был убежден, что он мало кому

может доверять за пределами собственного «клана» или семьи. Очевидно, он считал своим долгом разделить свое благосостояние с братьями и сестрами, зятьями и некоторыми избранными маршалами. В соответствии с этим в начале 1806 года в Готском альманахе произошло много изменений. Старшему брату Жозефу был дарован неаполитанский трон; вскоре к трону проследовал и Луи, ставший королем Голландии. Верный сподвижник, электор Баварии, поднялся чином до короля, а его дочь Августа была выдана за Евгения Богарне, пасынка Наполеона, которому он доверял и который стал вице-королем Италии. Жерома Бонапарта быстро женили на Екатерине Вюртембергской, вопреки и их собственным желанием, и каноническому праву, так как он уже был мужем одной американской дамы. Итальянские герцогства так и посыпались на избранных из числа маршалов и министров. Мюрат и Бертье уже получили княжества. Соответственно, Европа быстро принимала совершенно наполеоновский вид. Три члена семьи уже были монархами, и в ближайшем будущем еще два королевства должны были войти во владения семьи (Испания и Вестфалия), а Мюрат и Бернадот должны были каждый получить собственные короны. Разумеется, старинные европейские династии противились образованию новых, но более всего Наполеону приходилось терпеть от женщин в собственной семье: сестры были буквально проклятием всей его жизни, огорчая и изводя вечными спорами о главенствовании и грызней, тогда как государыня-мать, вдовствующая императрица, наотрез отказывалась проявлять какие-либо знаки внимания к своим царственным отпрыскам. Семейные взаимоотношения всегда причиняли немало хлопот императору.

Если большая часть континента быстро подчинялась воле корсиканца, Британия — вечный и неустрашимый противник — оставалась такой же независимой. Позиция упрямого «вероломного Альбиона» казалась непоколебимой в своем упорстве. Правда, главный враг — Питт — уже умер, но его преемники, похоже, не стремились к переговорам. На какое-то время они возобновились в Реймсе, но прогресс не был достигнут, и даже такие политики, как Чарльз Джеймс Фокс, министр иностранных дел Англии, когда-то имевший репутацию галлофила, оказались поразительно неподатливыми. После Графальгарского сражения вероятность прямого вторжения в Британию крайне уменьшилась, и Наполеон предпочел прибегнуть к другим приемам, чтобы разорить эту «нацию лавочников» или, по крайней мере, «привести в чувство» ее правительство. Был избран метод экономической блокады: в виде изъятия английских товаров с континента. Эта политика применялась и ранее, а после Берлинских декретов (ноябрь 1806 года) предполагалось ее уничтожить. Желание задуть британскую торговлю явилось подспудным фактором, побудившим Францию ранее в этом году флиртовать с Россией, создать голландское королевство и безжалостно запугивать Пруссию.

Однако с самого начала политика экономической блокады приносила скудные плоды, ибо была непопулярна, законы ее постоянно обходили даже французские торговцы. И тогда Наполеон, отчаявшись добиться своего силой, прибегнул к последнему средству договориться с Великобританией — подкупу, который, возможно, смог бы сотворить чудеса. И в июне 1806 года Наполеон ради всеобщего умиротворения неожиданно предложил вернуть Ганновер королю Георгу III — его бывшему электору. Однако предложение не произвело желаемого эффекта в Англии, чьи государственные деятели давно уже смотрели на Ганноверское наследство лишь как на бремя, но зато кое-где на континенте и, конечно, в Пруссии реакция была мгновенной и крайне негативной. Таким образом, предложение Ганновера Англии оказалось ошибкой, и через несколько месяцев оно ввергло Европу в еще одну жестокую войну, чего Наполеон как раз хотел избежать.

ПЛАНЫ ВОЙНЫ

Все это время из Берлина с тревогой следили за изменяющимся обликом Европы. Унижение Австрии, с одной стороны, всеми было воспринято не без удовольствия; с другой стороны, усиление мощи Франции за счет Габсбургов ощущалось как будущая угроза амбициям Пруссии в отношении северогерманских государств. Время шло, и разочарование Пруссии во французской политике все больше усиливалось. Союз ее с Францией и поддержка экономических санкций против Британии привели к немедленному объявлению ею войны с Пруссией. Не менее 700 прусских торговых судов были арестованы в английских портах. Для прусского торгового флота это было страшным ударом, а официальный разрыв всех экономических отношений с Великобританией стал грозить разорением многим большим торговым домам. В то же время повсюду в Германии стали заметны первые признаки тевтонского национализма. Вначале они возникали почти бессознательно — в виде тайных обществ и других патриотических организаций. Осторожная пропаганда стала прославлять германские идеалы и внушать пылкие националистические чувства, особенно в средних классах общества. Тяжесть французского господства и бесконечно продолжавшееся унижение их правительства все больше ощущались простыми людьми, и это усилило нарождавшееся движение. Странно, но Наполеон узнал об этих националистических тенденциях раньше самих прусских правителей. В необдуманной попытке запугать деятеля нового движения жестокостью император приказал Бертье, недавно ставшему князем Невшательским, организовать рейд на нейтральную территорию с целью захвата некоего книготорговца по фамилии Пальм. Единственным «преступлением» этого несчастного была продажа некоторых книг националистического содержания, которые французы сочли опасными для власти материалами. В соответствии с приказом Пальм был похищен из Браунау, судим и расстрелян. Как было в аналогичном случае, когда убили герцога Энгийенского в 1804 году, этот незаконный акт вызвал бурю протестов и неизбежно привел к еще более широкому распространению националистических идей, на подавление которых он был рассчитан.

Если нарождающиеся силы германского либерализма были возбуждены этими актами явной французской тирании, закоснелые реакционеры в Пруссии были также возмущены унижением собственной страны. Армия, при всей консервативности ее идей, тоже считала себя воплощением гордости прусского народа, и те оскорбления, что сыпались на голову монарха, вызывали возмущение и армии, и всего народа. Партия патриотически настроенных старших офицеров, возглавлявшихся герцогом Брауншвейгским и принцем Хозенлоэ, вскоре сплотилась вокруг их прекрасной и воинственной королевы, все громче требуя от Фридриха-Вильгельма и его министров объявления войны. Будь они одни, король и его новый глава кабинета Хаугвиц, вероятно, были бы склонны и далее относиться пассивно к любому французскому действию, лишь бы их оставили в покое, но новая партия при дворе быстро завоевывала влияние. Конечно, Наполеон вскоре узнал о новых веяниях, и это заставило его сделать запоздалую попытку улажить Пруссию, заявив, что он не будет препятствовать созданию северогерманской конфедерации под руководством Пруссии. Но это предложение опоздало и не смогло остановить растущее недовольство усилением французской власти; и слабохарактерный Фридрих-Вильгельм начал склоняться под натиском новой партии. Странник нейтрального курса Хаугвиц был уволен, патриот Харденберг частично вошел в милость, став министром иностранных дел. И вдруг открылось, что Наполеон сделал предательское предложение вернуть Ганновер Георгу III. Это оказалось слишком даже для короля, и 7 августа 1806 года прусское правительство приняло тайное решение на-

чать войну против Франции. Наполеон слишком далеко зашел, унижая Пруссию, и армия Фридриха Великого стала основательно готовиться отомстить за все беды Пруссии.

Вплоть до сентября Наполеон не знал о решении прусского правительства, и, даже когда в Париж пришли вести о том, что происходит в Пруссии, он все еще отказывался поверить, что Пруссия способна, обнаглев, выступить против Великой армии. В этот момент французы имели не менее 160 000 солдат, расквартированных на обширной территории, простиравшейся от Рейна до Дуная и вдоль реки Майн. Ставка армии располагалась в Мюнхене. Кроме шести линейных корпусов, было еще 32 000 кавалерийских сабель, многие кавалеристы — на свежих трофейных австрийских лошадях, более 300 артиллерийских орудий и, кроме того, 13 000 баварских и других солдат. Однако в этот момент более важным, чем численное превосходство, был высочайший моральный дух французской армии. Пусть на них были драные мундиры, но победители при Ульме и Аустерлице все были закаленными солдатами в расцвете боевого опыта, за исключением дивизий генералов Газана и Дюпона, в которых преобладали необстрелянные новобранцы. Если в мирное время дисциплина французских солдат оставляла желать лучшего, их поведение в бою всегда было образцовым. Пехота была гибкой, мобильной, тактически грамотной, но давно лишенной учебных стрельбищ. Кавалерия была оснащена лучше, чем ранее, и отличалась свирепой храбростью и несравненной лихостью. Обучение тактике рекогносцировки, образования завесы и преследования было хорошо поставлено, хотя у Наполеона еще были некоторые сомнения относительно эффективности кавалерии в бою. Артиллеристы также были в великолепной форме, их мастерство и искусство стрельбы в большой мере компенсировали нехватку многого в материальной части: орудийных станков, передков и т. п. Самое главное — офицеры во всех родах войск были молодыми, но опытными военными, верившими в свою и наполеоновскую звезду. В целом Великая армия 1806 года, вероятно, была самой сплоченной и подготовленной армией, которой когда-либо командовал Наполеон.

Несмотря на это доверие к своей армии, Наполеон не мог недооценивать военную доблесть прославленной прусской армии. Конечно, за величественным фасадом прусской непобедимости скрывались и серьезные недостатки. Армия Пруссии была очень велика: мобилизационная численность ее достигала почти 254 000 человек (включая большой контингент наемников), но в 1806 году в армии оказалась лишь 171 000 человек боевого состава из-за выделения большого количества солдат на гарнизонную службу (большей частью избыточного), а также из-за неспособности прусской бюрократии мобилизовать все имеющиеся резервы. Военная доктрина безнадежно устарела. Все соотносилось с временами Фридриха Великого, и никакие нововведения в учение великого полководца не поощрялись. Традиция жесточайшей дисциплины породила армию, состоящую из людей-автоматов — «ходячих мушкетов». С точки зрения тактики, прусская армия была «музейным экспонатом»(7); она слепо придерживалась жестокой линейной системы шереножного строя прошлого века. Четкость маневра ценилась неизмеримо выше, чем быстрота или гибкость. Транспорт снабжения был колоссален. Расстояние в 12 миль считалось долгим дневным переходом. Полная зависимость армии от системы складов, обеспечивавших продовольствием и боеприпасами, была ее самым слабым местом, так как приводила к малой подвижности; общим правилом во всем было «медленно, но верно».

Культ прошлого был намеренно доведен до абсурда, консерватизм оказывал мертвящее влияние на все виды вооруженных сил. Пехота отличалась храбростью и хорошей дисциплиной, но ее мушкеты образца 1754 года были худшими во всей Европе, а догматизм и сверхорганизованность вели к закостенелой, давно не применявшейся тактике, не поощрявшей инициативу. Лихая кавалерия была смелой,

хотя также крайне консервативной в организации и тактическом использовании. Артиллерия была многочисленной, но использовалась плохо, а часто и совершенно неправильно. Однако моральный дух армии был чрезвычайно высок. Чувство неоспоримого превосходства было свойственно каждому, независимо от ранга, но, как заметил Клаузевиц, «за великолепным фасадом скрывалась заплесневелость».

Однако главной слабостью прусской армии был низкий уровень командования. Фридрих Великий не оставил достойных наследников-полководцев, и к началу XIX столетия прусское высшее командование превратилось в немногочисленных семидесятилетних старцев. При короле, которого никто не принимал за военного, главное командование теоретически осуществлялось 71-летним герцогом Брауншвейгским, ветераном Семилетней войны. Старшему королевскому советнику фон Моллендорфу было 82 года. Он сделал прекрасную служебную карьеру при Фридрихе, но последние тридцать лет в основном был озабочен тем, чтобы поддержать свою репутацию, давая крайне осторожные и безопасные советы. Были генералы и немного помоложе: Блюхеру — самому способному из них — исполнилось 64 года. Принц Хоэнлоэ и генерал Шметтау были по сравнению с ними «юношами» в свои шестьдесят лет. У первого были некоторые военные таланты, но он был склонен к опрометчивым и неосторожным решениям и в то же время несколько лишен воображения, второй же был отставным воякой, рвущимся обратно «в боевую упряжь». Таковы были люди, ответственные за прусскую армию, но их преклонный возраст, разный военный опыт и отнюдь не блестящие способности практически делали невозможным достижение твердого руководства и единоначалия.

Если бы прусская армия этого времени имела более или менее сносную штатную систему, некоторые из этих недостатков могли бы быть преодолены. Однако в ней все еще не существовало корпуса офицеров штабной службы, а обязанности начальника штаба делили трое военачальников — генералы Фуль, Шарнхорст и «злой гений Пруссии» полковник Массенбах. Их идеи часто были противоречивы, а личные амбиции приводили к прямым ссорам. Вдохновляемая этой странной троицей Высшая военная коллегия (Oberkrieg-kollegium) — организация, выполнявшая некоторые функции штаба, хотя ее главные обязанности были скорее инспекторскими, — в изобилии рождала теоретические планы кампании, весьма мало увязанные с реалиями наполеоновской войны. Под этим высшим звеном не существовало даже элементарной иерархической лестницы. В корпусах отсутствовали штабы, и даже штабы дивизий были плохо организованны. Поэтому приказы, отдававшиеся главным штабом, который должен был входить в мельчайшие детали, создавали задержки, часто случались неправильное понимание приказов и путаница среди разных командиров. Часто генералы находили необходимым лично инструктировать своих командиров полков. Подобная армия, да еще под таким руководством, не выдерживала никакого сравнения с прекрасно отрегулированной и неизменно эффективной наполеоновской военной машиной. И тем не менее эти самые прусские генералы начали сходить на сборища в начале августа с целью выработки стратегии, которая, как они надеялись, обязательно сокрушила бы раз и навсегда «корсиканское чудовище» с его хваленой армией. Конечно, с самого начала мнения разделились.

В течение августа прусская верхушка и масса советников достигли единодушного соглашения только по одному вопросу — Наполеон «займет оборонительную позицию и будет ждать нападения за рекой Верхней (или Франконской) Зале или же на Майне»(8), а значит, прусские войска должны начать наступление как можно скорее. Казалось бы, что даже самое поверхностное изучение предшествующих наполеоновских кампаний могло бы сразу выявить всю ошибочность этой исходной прусской концепции. Более того, несмотря на все эти намерения скорейшего начала военных действий, только в самом конце сентября прусское командование

стало пытаться предпринять какие-то конкретные действия. В течение всего этого времени оно в основном разбиралось в сложностях прусского военного протокола, по мере того как противоречивые и ревнивые требования генералов медленно перерабатывались в нечто приближавшееся к боевому расписанию. Наконец сформировались три армии. В первой, под личной командой герцога Брауншвейгского, было 70 000 человек, и к 25 сентября его армия сменила свое обычное местонахождение в окрестностях Берлина и Магдебурга на район предварительного сосредоточения между Лейпцигом и Наумбургом. Вторая армия под командованием стремительного Хоэнлоэ, имея сначала 50 000 солдат, была затем пополнена насильственным включением в нее 20 000 саксонцев. По численности она сравнялась с армией главнокомандующего, и к концу сентября около 70 000 человек были подтянуты к Дрездену. Последняя, 30-тысячная армия была поделена между генералами Рухелем и Блюхером и размещена, соответственно, в Мюльхаузене и Геттингене. Из 171 000 человек 35 000 приходилось на кавалерию и 15 000 на артиллерию, имевшую 300 тяжелых орудий и 250 «пехотных пушек» (трех- и шестифунтовых).

Когда наконец герцог Брауншвейгский создал первый из своих официальных военных советов для принятия решения о плане кампании, это свидетельствовало о неподготовленности к совместным немедленным действиям и об отсутствии сосредоточенности войск. Имелись три возможных пути действий. Самым разумным было бы ожидать подхода русской помощи с востока (на реке Буг у Бреста уже сосредоточивалась пятидесятитысячная армия), но против такого решения были многие — слишком еще жива была память о неизменном опустошении, производимом русскими и среди врагов, и среди союзников. Тем не менее, если Наполеон нанесет первым удар, пруссаки смогут отступить, выигрывая время, и перейти в подвижную оборону в Тюрингском лесу вдоль реки Эльба и даже на берегах Одера, пока не подойдет Беннигсен для поддержки. Только Шарнхорст (начальник штаба у Блюхера) имел достаточно смелости предложить этот план, но с ним никто не согласился. Такая стратегия мало импонировала наследникам Фридриха, считавшего, что священная честь армии, не говоря о безопасности столицы, будет серьезно опорочена такой медлительностью. Альтернативой и более смелой схемой являлось сосредоточение прусской армии вокруг Эрфурта или Хофа к северу от Тюрингского леса и занятие ею позиций для флангового обхода Великой армии. Однако и этот план оказался слишком похожим на оборонительный, и, хотя позднее ход событий в свое время заставил принять именно эту стратегию, в конце сентября у генералов еще не было и мысли о серьезном рассмотрении этого плана.

Третья возможность на поверхностный взгляд выглядела самой привлекательной. Это было наступление всеми силами армии через Эрфурт на Вюрцбург, а оттуда на Штутгарт в надежде захватить французскую армию в ее разрозненных местах расквартирования или — самое малое — подвергнуть угрозе ее коммуникации с Рейном и Францией. Этот план был выдвинут самим герцогом Брауншвейгским на первом военном совете, но у него не хватило твердости отвергнуть ревнивые возражения Хоэнлоэ, стоявшего за более восточный маневр следовать по направлению к Хофу и Бамбергу. В своих деталях этот последний план был крайне неосторожным — например, деление армии на три части вдоль девятистомильного фронта при маленьком резерве, оставленном в окрестностях Наумбурга. Однако малокомпетентный Массенбах предложил еще более дикий, чем предложенный принцем, план какого-то бессмысленного построения всей силезской армии как бы для развода караулов через Хоф к Дунаю и оттуда обратно в Саксонию. Предираательства продолжались, пока не вмешался Фридрих-Вильгельм, не желавший никого обидеть и приказавший использовать одновременно главные пункты обоих планов — и герцога Брауншвейгского, и Хоэнлоэ.

На деле этот неосуществимый компромисс никого не удовлетворил, однако первоначальный приказ уже был отдан, когда военная верхушка 27 сентября все-

таким образом решила следовать плану герцога Брауншвейгского. Воцарился хаос и неопределенность, пока старые колесики заржавевшей военной машины заработали в обратную сторону. Но даже и в этот момент прусский военный план еще не был окончательно разработан. Когда армия начала двигаться на Эрфурт, герцог Брауншвейгский получил сведения, что Великая армия уже вышла в поход. Он снова созвал военный совет для пересмотра плана движения прусской армии. Чтобы выяснить, где же находятся французские коммуникации, 5 октября капитан Мюффлинг был выслан в рекогносцировочный рейд. Через три дня он доложил собравшимся генералам, что Наполеон уже вышел из района Вюрцбурга — Бамберга и приближается к Байройту и Кобургу, как бы собираясь вторгаться в Саксонию. Из-за этой тревожной новости все прусские планы были снова пересмотрены, и приступили к разработке новой стратегии. В прусской генеральной ставке опять закипели споры над столом совещаний, тогда как драгоценное время было упущено. Некоторые считали, что единственно правильный путь в этой новой ситуации — удерживать рубеж по реке Зале, другие — что вся армия должна соединиться для защиты Лейпцига; но никто не считал, что нужно отойти к Эльбе. «Я прекрасно знаю, что мы должны делать, — жаловался Шарнхорст, — но что мы будем делать, знает один Бог»(9).

Наконец сбитый с толку герцог Брауншвейгский издал новые указы. Для того чтобы «разгромить их быстрым облическим движением по отношению к их операционному направлению»(10), он приказал прусской армии сосредоточиться к западу от Зале и затем угрожать флангу Наполеона. Два отряда кавалерии при поддержке легкой артиллерии должны были продвигаться к Нойштадту и Хильдбургхаузену для угрозы французским коммуникациям, а дивизия герцога Веймарского должна была поддерживать их у Майнингена. Остальная часть полевой армии герцога Брауншвейгского должна была медленно продвигаться к Эрфурту (чтобы подойти к нему 9 октября), а затем к Бланкенхайну. Хоэнлоэ получил приказ сосредоточиться 9-го у Хохдорфа, а затем занять позиции вокруг Рудольфштадта на левом берегу Зале. Около Хофа должно было быть оставлено лишь небольшое подразделение из разведывательного отряда Тауэнцина. Рюхелю было приказано выслать отряды к Фульде, чтобы усилить угрозу французским тыловым районам, в то время как его основные силы будут продвигаться от Эйзенаха до соединения с силами герцога Брауншвейгского между Готой и Эрфуртом. Резерву под командованием Евгения Вюртембергского (13 000 человек) было приказано идти к Галле от Магдебурга и быть готовым при необходимости присоединиться к герцогу Брауншвейгскому в Лейпциге или в Наумбурге.

Общая идея была вполне здравой, хотя она явно исходила из признания полной инициативы французов. Более того, она была крайне детализирована в отношении упомянутых в ней воинских частей, и достаточно неопределенна, чтобы позволить Хоэнлоэ (а не герцогу Брауншвейгскому) истолковать ее по собственному усмотрению. Подбодренные тем, что был отвергнут план главнокомандующего относительно генерального наступления на Вюрцбург, Хоэнлоэ и Массенбах решили, что их собственный план общего сосредоточения на правом берегу Зале молчаливо одобрен, и на основании этого выдвинули саксонские дивизии Тауэнхайма к Ауме и Шлайцу и еще одно соединение под командой принца Луи-Фердинанда к Зальфельду, не спросив согласия герцога Брауншвейгского. Эти войска оказались непосредственно на пути подхода Великой армии.

Пока прусские противники колебались, Наполеон целенаправленно заканчивал свои приготовления. Пруссия обогнала его на месяц в мобилизационных мероприятиях, пока французы получили ясное представление о происходящем, но даже в сентябре император действовал с похвальной осторожностью. Эти заранее предпринятые действия Пруссии казались настолько необъяснимыми, что он подзревал в них более глубокий смысл. Возможно, уже секретно сформировалась

новая коалиция; может быть, Англия готовилась к высадке на французское побережье и использовала Пруссию как приманку для отвлечения главных французских сил; а возможно, что Австрия планирует начать снова войну с Францией, как только французские корпуса будут задержаны в Центральной Германии. Неожиданный отказ царя от предлагаемого договора с Францией — новость, дошедшая до Парижа только 3 сентября, — лишь усилила подозрения Наполеона относительно нового международного заговора. И Наполеон выжидал, пока его противники не раскроют свои карты и не обнаружат свои замыслы хотя бы частично: он ограничился лишь принятием мер предосторожности. Пятого сентября декретом были призваны в армию 50 000 человек, подлежавших призыву в 1806 году, и вызваны 30 000 резервистов. В тот же день исполняющему обязанности главнокомандующего в Германии Бертье был направлен приказ «выслать офицеров-инженеров для полной разведки дорог от Бамберга к Берлину, чего бы это ни стоило»(11); затем он должен был собрать IV, VI, и VII корпуса на прежнем месте в течение восьми дней по получению точных приказов. Девятого сентября Наполеон уведомил маршала, что в случае войны оперативное направление, вероятно, пройдет от Страсбурга к Маннгейму, Майнцу и Вюрцбургу и будут использованы реки Рейн и Майн(12).

Действия Пруссии, в особенности признаки того, что ее главные силы сосредотачиваются к западу от великой Эльбы — «Прусского Рейна», — продолжали изумлять императора. Ясно, что в интересах Фридриха-Вильгельма было бороться с Наполеоном, используя расстояние и время; но тогда такое сильно выдвинутое вперед и поэтому незащищенное сосредоточение его войск должно объясняться либо более прочным военным союзом с кем-то, либо полным безумием. «Прусские действия продолжают оставаться совершенно невероятными, — писал он Бертье 10 сентября, — они должны получить урок. Я выезжаю [из Парижа] завтра, и через несколько дней за мной последует гвардия... Если новости будут по-прежнему свидетельствовать, что пруссаки потеряли голову, я прямо приеду в Вюрцбург или Бамберг»(13). Неуверенность в определении конечного пункта путешествия показывает, что Наполеон еще не знал, в каком направлении ему придется ехать. Если противник пойдет на Верхний Майн, то Вюрцбург будет лучшим местом сосредоточения; если пруссаки будут продолжать колебаться, то через Бамберг идет лучшая дорога на Дрезден, Лейпциг и Берлин, и здесь можно будет принудить противника отступить и принять сражение для защиты своей столицы. В течение нескольких дней Наполеон колебался и не назначал центр сосредоточения армии, но 15 сентября он принял решение в пользу Бамберга.

Восемнадцатого сентября Наполеон узнал более подробно о продвижении пруссаков в Саксонию и о насильственном включении двух саксонских дивизий в армию Хоэнлоэ. Это действие он считал равносильным объявлению войны Франции. Очевидно, ожиданию пришел конец. Вся подготовка к долгой кампании, если она будет необходима, была в основном закончена, и руки Наполеона были развязаны. Вероятно, к 19 сентября наконец Наполеон убедился, что интервенция Австрии маловероятна, и потому с этого дня заметно возросла скорость военной подготовки во Франции. Вся армия была в полной мобилизационной готовности; императорская гвардия помчалась по мощной дороге в Майнц в реквизированных почтовых каретах и специальных повозках. Чтобы покрыть расстояние 550 километров, им потребовалось немногим более недели. Гвардейская пехота, однако, двигалась не всю дорогу пешком. Один из легких пехотинцев Ансьом в письме домой рассказывал: «Через некоторые деревни мы идем пешком, а затем, пройдя их, мы опять садимся в повозки и едем»(14). Переход к Майнцу был закончен 27 сентября.

В течение 18-го и 19 сентября Наполеон продиктовал не менее 102 приказов и писем своим загнанным секретарям, включая знаменитые «Общие диспозиции для сосредоточения Великой армии» — огромный документ, являющийся основой для всей кампании. В нем намечены три критические даты для мобилизации главных

частей Великой армии. Ко 2 октября VII корпус Ожеро должен достичь Франкфурта из своих районов расквартирования вне города; I корпус Бернадота должен приготовиться к маршу на Нюрнберг, а VI корпус Нея должен собраться в Ансбахе с мест своего расквартирования на реках Иллер и верхний Дунай. На следующий день (3 октября) III корпус Даву должен переместиться из Нёрдлингена в Бамберг, чтобы соединиться с армейским штабом (из Мюнхена); V корпус Лефевра (с нижнего Майна) должен быть в Кенигсхофене, а артиллерийские и вещевые обозы должны прибыть в Вюрцбург. К 4 октября IV корпус Сульта должен достичь Амберга, совершив большой переход из района реки Инн(15). Отправленная 20 сентября, эта бумага пришла в Мюнхен через четыре дня. Приняв дополнительные меры для обеспечения безопасности Франции (о них будет сказано ниже), Наполеон в сопровождении Жозефины и министра иностранных дел Талейрана поздно вечером 24-го уже был на дороге в Майнц.

К этому времени вся схема кампании уже четко сложилась у Наполеона, хотя еще оставались некоторые неясные детали. Он пришел к заключению, что главная цель кампании — найти и уничтожить основную прусскую армию, прежде чем к ней подоспеют на помощь русские. Наступление на Берлин будет самым верным способом вызвать пруссаков на сражение, но так как речные рубежи и Рейна и Майна были под контролем французов, у них было три открытых пути подхода. Каждый необходимо было тщательно оценить с точки зрения расположения местности, а также погоды, теперешней диспозиции французских войск, последнего известного местонахождения противника и его сил, и, конечно, были важны проблемы времени и расстояний.

В первом случае, если армия была бы сосредоточена вокруг Везеля-на-Рейне, для нее будет удобным прямой подход к Берлину. Кроме ряда потенциально трудных речных переправ, на этой дороге не должно быть никаких серьезных природных препятствий. Однако такой путь исключался в силу некоторых соображений. Теперешнее расположение Великой армии в Центральной Германии, далеко удаленной от Везеля, и развертывание ее на среднем Рейне неизбежно потребует много времени, что задержит начало наступления. Это даст передышку прусским войскам; может быть, даже позволит русским подойти с востока; а наступление настоящей осенней погоды может позднее привести ко всем неудобствам зимней кампании. Более того, в этом случае Австрия остается совершенно вне наблюдения, а прусские войска — если они и будут разбиты на северогерманской равнине — смогут отступить по своей естественной линии отхода к Берлину, направляясь к своим складам и приближающимся силам русских. Следовательно, «прямой подход» от Везеля ничего хорошего не сулил.

Во втором случае французы могли сосредоточиться в окрестностях Майнца, в месте слияния Майна с Рейном, и оттуда наступать на Берлин через Франкфурт, Фульду и Эрфурт. Здесь было ближе к местам расквартирования Великой армии, но географические проблемы этого пути были крайне сложны. Часть наступления сравнительно легко бы прошла через Фульдский проход, но остальную часть пути пришлось бы совершать через очень гористые районы, особенно в обширном Тюрингском лесу с его плохими дорогами, где, только пройдя лес, можно выйти на открытые равнины около Эрфурта. И снова пруссаки смогут естественно отходить назад на восток, к своим запасам и подкреплениям.

Учитывая все эти обстоятельства, следовало ожидать наилучших результатов от третьего пути. После быстрого сосредоточения в близлежащем районе Бамберг — Байройт войска могли двигаться на север, входя в более легкие для прохождения участки Франконского леса¹, к Лейпцигу и Дрездену, а оттуда направиться на Бер-

¹ Франконский лес — юго-западное продолжение гористого массива Тюрингский лес. (Примеч. ред.)

лин. Местность не была особенно благоприятной. Франконский лес густой и холмистый, и в нем есть лишь три хорошие дороги, ведущие на север, но никаких боковых коммуникаций; также затрудняет продвижение войск достаточное количество водных препятствий, из которых главное — могучая Эльба. Однако есть несколько долин, удобно идущих параллельно линии марша. Выгодные стороны этого плана значительно перевешивали все эти трудности. Район сосредоточения был самым удобным из трех, если учесть теперешнюю диспозицию армии. Можно было организовать укрепленные запасные операционные базы в Майнце, Вюрцбурге, Мангейме и Бамберге вдоль главных линий коммуникаций; можно устроить запасную серию этих линий, идущих на юг к Ульму, а оттуда на запад вдоль верхнего течения Дуная к Шварцвальду и Страсбургу — в основном ликвидируя этим возможную опасность приближения прусских войск перпендикулярно Майну в тылу французского наступления. Кроме этих стратегических выгод, французская армия оставалась бы достаточно близкой к австрийской территории, чтобы иметь возможность контролировать Вену. Наконец, самое главное — это направление наступления может использовать любую из трех рек — Зале, Эльстер или Мульде — в качестве стратегического барьера. Даваемая ими защита позволит выполнить решающий маневр вне поля боя в тыл прусским войскам. Быстрое продвижение от Байройта к Берлину одним ударом поставит под угрозу прусские линии коммуникаций, позволит обойти с фланга их полевые силы, предоставит господствующее центральное положение французской армии, поместив ее между Фридрихом-Вильгельмом и русскими войсками, и подвергнет опасности прусские базы и саму столицу. Если застигнутые врасплох пруссаки пойдут на сражение, вполне сможет повториться история с Ульмом, но такие угрожающие обстоятельства скорее всего заставят герцога Брауншвейгского поспешно отходить со всеми своими заместителями, что затем даст Наполеону возможность последовательно разделаться с противником на любом из полудюжины речных рубежей. Общеизвестно, что прусская армия крайне чувствительна к своим коммуникациям, и никакой другой путь действий не мог нанести такой страшный удар по их моральному духу и не давал такого шанса на сокрушительную победу в обычном наполеоновском духе. Наполеон с уверенностью ожидал, что решающее сражение произойдет на Эльбе, — он не мог предположить, что его противники окажутся столь недаленовидными, чтобы подставить себя под удар западнее реки. Как бы то ни было, 29 сентября донесения разведки показали, что основная масса сил противника все еще находится в районе Эрфурта и что, казалось, герцог Брауншвейгский как бы «подстраивается» к самым оптимистическим планам Наполеона. Район между Дрезденом и Лейпцигом, очевидно, являлся стратегическим ключом к данной ситуации; не было потеряно ни минуты для захвата этого столь выгодного центрального положения, где наследники Фридриха Великого будут естественно отрезаны от русских и их приспешников.

В письме к своему брату Луи, голландскому королю, от 30 сентября Наполеон полностью раскрыл свои расчеты. «Мое намерение — сосредоточить все мои силы на крайнем правом фланге, оставив незанятой всю местность между Рейном и Бамбергом, чтобы дать сосредоточиться 200 000 человек на одном поле боя. Если противник будет наступать между Майнцем и Бамбергом, меня это не беспокоит, так как мои линии коммуникаций основаны на Форххайме — небольшой крепости, откуда они идут далее на Вюрцбург... Как реально сложатся все обстоятельства, не поддается расчету, так как противник, считающий, что мой левый фланг находится на Рейне, а правый — в Богемии, и думающий, что мои операционные направления идут параллельно линии фронта, может усмотреть великий выигрыш в отходе моего левого фланга, и в этом случае я сброшу его в Рейн». Во втором письме император продолжает: «Наблюдения в моем первом письме носят осторожный характер. Мои первые наступления угрожают сердцу прусской монархии, и развертывание моих сил будет столь грозным и быстрым, что, впол-

не вероятно, вся армия Вестфалии отойдет к Магдебургу и объединится форсированными маршами для защиты своей столицы»(16).

В этом же документе снова подчеркивается важная роль, которую Наполеон отводил своему брату в самом начале кампании. Двумя неделями раньше он послал Луи меморандум, где описана предназначавшаяся ему роль: «Спеши с мобилизацией своих войск. Собирай все имеющиеся силы, чтобы обмануть их (пруссиков), и защищай свои границы, пока я сделаю прыжок в центр Пруссии со своей армией, двигаясь прямо на Берлин. Храни все это в тайне»(17). Через четыре дня (19 сентября) в другом письме подробно говорится о значении Голландии. «Так как в мои намерения не входит атаковать пруссаков с твоей стороны, я желаю, чтобы ты начал свою кампанию 1 октября, угрожая неприятелю. Рубежи Везеля и Рейна послужат тебе защитой в любых непредвиденных обстоятельствах»(18).

Для защиты правого фланга войск в Голландии и своих тыловых складов на Рейне Наполеон приказал маршалу Мортье 20 сентября сформировать VIII корпус у Майнца. Эти меры были предприняты с расчетом достижения трех целей. Во-первых, Наполеон надеялся, что подвижные колонны Луи, которые вели разведку обороны противника в направлении Мюнстера и Франкфурта, помогут привлечь внимание пруссаков к северу и западу, пока будут завершаться последние приготовления войск Бамберга. Во-вторых, император решил устранить любую опасность интервенции крупных прусских сил во Францию. Что бы ни случилось, он чувствовал, что Луи и Мортье оба должны обладать достаточными силами, чтобы держать оборону по Рейну, даже если Великая армия будет разбита и вынуждена отходить к Дунаю. В-третьих, если пруссаки войдут в пустой район между Бамбергом и Майнцем, они получат удар с тыла и окажутся между молотом — Наполеоном и накопленной — войсками Луи и Мортье.

В случае победы в Центральной Германии французы на Рейне должны будут продвинуться вперед и занять Кассель. Таким образом, будут тщательно увязаны требования боевого обеспечения, отвлекающего наступления и развития успеха. «Я рассчитываю только на твои силы, которые будут служить средством отвлечения, чтобы занять врага до 12 октября, — продолжал Наполеон в письме от 30 сентября, — той даты, когда все мои планы станут открытыми». Последняя часть этого документа раскрывает то огромное значение, которое Наполеон придавал роли Луи. «Малейшая твоя задержка вызовет мое беспокойство; мои действия могут от этого расстроиться, и такое событие может оставить весь север моего королевства без головы. С другой стороны, что бы ни случилось у меня, пока я знаю, что ты находишься за Рейном, я смогу действовать с большей свободой»(19).

Необходимо было обезопасить себя еще от двух неожиданностей. К сентябрю Наполеон имел все основания считать, что угроза со стороны Австрии скорее нереальна, и он был готов принять за чистую монету заверения Шёнбрунна о неприсоединении к воюющим; тем не менее он постарался усилить Итальянскую армию Евгения Богарне, придав ей военную мощь. Наполеон учитывал и вероятность высадки английских войск на французском побережье или в направлении Ганновера. Здесь он был уверен, что местные гарнизоны (16 000 солдат генерала Брюна), усиленные Национальной гвардией и жандармами, смогут задержать развитие успеха подобной высадки до того, как Луи начнет действовать из Голландии, а Келлерман прибудет из Парижа на побережье с 8-тысячным центральным резервом и двумя тысячами кавалеристов из департаментов.

В целом эти планы иллюстрируют один из самых важных принципов Наполеона: «Все искусство войны состоит в хорошо продуманной и крайне осмотрительной обороне, за которой следует стремительная и дерзкая атака»(20).

Время переходить в наступление, очевидно, приближалось. Второго октября Наполеон приехал в Вюрцбург и принял на себя от Бертье личное командование Великой армией. Тот был, как всегда, рад освободиться от ответственности. Все

еще не было формального объявления войны, но оно, безусловно, ожидалось: собственно, оно уже следовало в императорскую ставку. В тот самый день, когда Наполеон выехал из Парижа, прусское правительство издало свой давно ожидаемый ультиматум: Фридрих-Вильгельм потребовал немедленного ухода французских войск за Рейн — гарантии, что Франция не будет препятствовать образованию северогерманской конфедерации под эгидой Пруссии, — немедленного возвращения Везеля и созыва конференции для урегулирования других важных вопросов. Положительный ответ Наполеона должен был прийти в Берлин не позднее 8 октября. Последнее условие, видимо, было рассчитано на оскорбление: ультиматум пришел в Париж 2 октября, и, чтобы успеть прислать ответ к последнему сроку, на подготовку оставалось бы менее суток. Действительно, препровожденный министерством иностранных дел документ попал в руки Наполеона в Бамберге только 7 октября. Его ответ был типичен. Немедленной реакцией Франции будет вторжение на прусскую территорию на рассвете следующего дня. По иронии судьбы, его письменный ответ дошел до Фридриха-Вильгельма 14-го — в середине решающей битвы Йены — Ауэрштедта.

Глава 41

БАТАЛЬОННЫЕ КАРЕ

К концу первой недели октября все было готово для начального этапа кампании — прохождения французскими войсками Франконского леса. За первые четыре дня октября корпуса достигли четырех передовых районов сосредоточения — Кронаха, Форххайма, Вюрцбурга и Швайнфурга. Район общего сосредоточения был равен приблизительно 37 квадратным милям. Пятого октября Наполеон послал детальный приказ Сульту, раскрывая свой план преодоления естественного препятствия перед своим фронтом.

«Я приказал занять Вюрцбург, Форххайм и Кронах, и я намереваюсь дебушировать в Саксонию всей моей армией тремя колоннами. Вы будете во главе правой колонны с корпусом маршала Нея за вами на расстоянии полудневного перехода и десятью тысячами баварцев за ним еще на расстоянии однодневного перехода, что составляет в сумме более 50 000 человек. Маршал Бернадот ведет центральную часть, за ним следует корпус маршала Даву, большая часть кавалерийского резерва и гвардия — всего более 70 000 человек. Он пойдет через Кронах, Лебенштайн и Шлайц. V корпус¹ идет во главе левого фланга, за ним корпус маршала Ожеро. Это крыло пойдет через Кобург, Графенталь и Зальфельд; в нем более 40 000 человек. В тот день, когда вы придете в Хоф, остальная часть армии достигнет своих позиций в этом же створе. Я буду в центре.

С таким огромным преимуществом в силах, соединенных в столь узком месте, как вы понимаете, я ни в чем не полагаюсь на случай и могу атаковать противника в любом месте, где он желает, с моим почти двукратным превосходством в силах...

Если вам противостоит противник в количестве не более 30 000 человек, вы должны согласовать свои усилия с маршалом Неем и атаковать врага... По прибытии в Хоф вашей первой задачей будет открыть коммуникации между Лебенштайном, Эберсдорфом и Шлайцем... Судя по полученным сегодня новостям, представляется, что, если противник и предпримет какие-либо действия, они будут направлены против моего левого фланга; очевидно, масса его сил находится около Эрфурта.

¹ V корпус был под командованием маршала Ланна с 5 октября, а Лефевр вернулся на свое место в императорской гвардии. (Примеч. автора.)

Не могу не настаивать, чтобы вы писали мне как можно чаще и держали меня полностью информированным обо всем, что становится вам известно с направления на Дрезден.

Вы, наверное, согласитесь, что было бы прекрасно двигаться в этом районе батальонным каре из 200 000 человек. Однако для этого потребуются немало искусства и некоторые события»(21).

Диспозиция наполеоновских войск, раскрываемая в этом документе, является по справедливости прославленной. Построение Великой армии в батальонные каре из 180 000 человек позволило бы ей встретить атаку противника с любого направления. Составляющие части каждой колонны находятся на расстоянии поддержки друг от друга, даже если боковые связи между колоннами будут очень ослаблены при прохождении леса. Наполеон предполагал, что пруссаки, возможно, будут ожидать выхода головной части каждой колонны на противоположной стороне леса в надежде разгромить их по отдельности, по мере выхода из него. Но он был уверен, что любая из его колонн способна справиться с противником численностью до 30 000 человек, не предвидя особой опасности. Если же им будут противостоять более крупные силы, маршалы имели приказ вести оборонительный бой, даже отступая в случае нужды, в то время как император направит свои разрозненные колонны для удара в тыл противника. Если противник нападет с запада, V и VII корпуса вместе с авангардом должны будут сковать его, пока I и III корпуса не нащупают его уязвимый фланг, а IV и VI останутся в резерве. Аналогичные комбинации были разработаны для противодействия атаке с любой другой стороны. Едва ли можно найти лучшую иллюстрацию наполеоновского умения выстроить стратегическую круговую оборону. Так как у него все еще не было сведений о точном местонахождении противника, он принял это построение клином. Разделив свою армию на три колонны, он сэкономил не менее четырех драгоценных дней на прохождении леса. Гибкость такого построения была затем проверена незадолго до Йены, когда Великой армии внезапно потребовалось сосредоточиться для сражения на два дня раньше и совсем в другом направлении, чем планировалось.

Восьмого октября на рассвете три колонны перешли саксонскую границу. Впереди шли эскадроны легкой кавалерии под личным руководством Мюрата; их задача — рекогносцировка дорог между Зальфельдом, Зальцбургом и Лебенштайном и определение местонахождения противника. В этот день единственными боевыми действиями было несколько кавалерийских стычек, когда Мюрат отеснил прусские пикеты, и к сумеркам командиры трех колонн дошли до намеченных мест привала, а именно — до Кобурга, Лебенштайна и Мюнхберга. С первым настоящим сопротивлением столкнулись на следующее утро, когда Бернадот и Мюрат неожиданно встретили отряд Тауэнцина в Шлайце, состоявший из 6000 пруссаков и 3000 саксонцев.

Две бригады легкой кавалерии под командой Ласалья и Мийо с поддержкой двух драгунских дивизий и части пехоты I корпуса вскоре расчистили путь через этот неприкрытый отряд противника и открыли дорогу на Геру. В других местах французское наступление непрерывно продолжалось и шло быстро, так, к ночи корпус Ланна на левом фланге подходил к Зальфельду и Сульта на правом — к Хофу. К этому времени Наполеон был убежден, что головные войска его левой колонны на следующий день встретятся с большими силами противника, и он предупредил, чтобы Ланн был готов к бою у Зальфельда, добавив, что он должен дожидаться Оже-ро перед вступлением в бой.

Тем временем в прусском лагере, как и обычно, была полная путаница. Известия о том, что подчиненный Хознлоэ Тауэнцин в беспорядке отступает к окрестностям Аумы, заставили Хознлоэ готовить генеральное наступление в его поддержку за рекой Зале. В ночь с 9-го на 10-е принц Луи-Фердинанд также сообщил о многочисленных постах французов, замеченных за Зальфельдом и направлявших-

ся к Графенталю. Это усилило убеждение Хоэнлоэ в том, что немедленное сосредоточение прусских сил между Рудольштадтом и Калой перед осуществлением переправы через реку будет самым правильным шагом. К сожалению, приказы Хоэнлоэ были так неясно сформулированы, что командир его авангарда принц Луи понял их так, будто его задача удерживать Зальфельдский дефиле и выигрывать время, пока Хоэнлоэ приведет свои главные силы к Ауме (в поддержку Тауэнцина) и пока герцог Брауншвейгский не подойдет со своей армией, чтобы занять освободившееся место на левом фланге принца. В действительности же герцог Брауншвейгский в неуверенности остановился в окрестностях Эрфурта, и принц Луи оказался в положении всевозрастающей изоляции. На следующее утро Хоэнлоэ тоже засомневался в правильности своего плана — предполагаемой переправы через Зале. Герцог Брауншвейгский запретил этот маневр и тем самым отменил наступление. Новые приказы достигли несчастного Луи только в 11 часов утра 10 октября; теперь ему было приказано удерживать Рудольштадт и не нападать на Ланна. Но уже было поздно: в 10 часов он вступил в бой у Зальфельда.

Ошибочно считая, что его задача — прикрывать движение Хоэнлоэ к Ауме и в то же время защищать подход герцога Брауншвейгского к Рудольштадту, предотвратив возможное содействие корпуса Ланна, в 7 часов утра принц Луи приказал своим четырем прусским и шести саксонским батальонам, десяти эскадронам и 44 пушкам (вероятно, всего у него было около 8300 человек) занять позиции на левом берегу Зале, чтобы держать под обстрелом выход из дефиле, ведущий к Графенталю. Головная дивизия Сюше (корпус Ланна) попала под огонь, когда сошла с гор, но командир корпуса без колебаний приказал немедленно атаковать противника, хотя корпус Ожеро отстал и не был в тот момент на дистанции тесной поддержки. Выслав вперед один батальон и легкую кавалерию за завесой застрельщиков, Ланн приказал Сюше направить остальную часть пехоты на запад через лесистые холмы, стараясь обойти фланг принца Луи. К 11 часам утра Луи понял эту угрозу и принял меры для усиления своего правого фланга, в то же время наступая центром для занятия деревушки Бойлиц. Все утро ожесточенный бой шел здесь, а также вокруг Грёстена, но во втором часу дня французы начали одолевать. В отчаянной попытке остановить усиливающееся смятение в своих рядах принц Луи лично повел пять эскадронов в центре, но был убит в рукопашном бою квартирмейстером Генде из 10-го гусарского полка. Так погиб будущий, может быть, самый лучший полководец Пруссии.

После гибели принца Луи бой был проигран. Остатки саксонских и прусских батальонов спасались бегством к Зале кто как мог. Потеряв 172 убитых и раненых, французы захватили около 1800 пленных, 33 пушки и, вероятно, убили не менее половины пленных. Этот бой был первым серьезным сражением в этой войне, и его исход оказал сильное влияние на моральный дух пруссаков. Хотя принцу Луи противостояли 14 000 французов, имевших почти двукратное превосходство, — известие о его гибели и практически полное уничтожение его корпуса привело в отчаяние многих из прусской ставки. Вместе с новостями о бое под Шлайцем накануне — все это заставляло думать, что французы собираются совершить прорыв к Лейпцигу, поставив этим под удар прусские коммуникации. Не теряя времени, Хоэнлоэ отступил к Каде на пути к Йене, а Фридрих-Вильгельм и герцог Брауншвейгский решили повторно сосредоточиться у Веймара. Казалось, что пруссаки потеряли душевное равновесие, и паника, охватившая саксонские войска под Йеной 12 октября, говорит об их низком моральном духе.

Французская ставка все еще ничего не знала о точной диспозиции противника. Из правой колонны Сульт доносил, что прусский гарнизон в Плауэне полностью отошел на север. После этого доклада Наполеон наконец убедился, что генеральное сосредоточение противника будет проходить около города Гера, чтобы защищать подступы к Лейпцигу и поддерживать Тауэнцина. «Однако я со-

мневаюсь, что он сможет соединиться раньше меня»(22). В результате Великая армия продолжала свое продвижение на север, надеясь прибыть в Геру первой, чтобы нападать на каждый прусский корпус поочередно, по мере его приближения к месту соединения. Император был прав в своем главном расчете, что герцог Брауншвейгский отойдет назад к северу, но его предположение о конечной цели назначения герцога оказалось неверным. Конечно, если бы план Хоэнлоэ от 9 октября был осуществлен, Наполеон оказался бы прав во всех частностях. Но как раз в этом случае нерешительность пруссаков и отсутствие последовательного управления войсками способствовали ошибке императора.

Положение немного прояснилось 11 октября. Подробный анализ сообщений о боевых действиях у Шлайца и Зальфельда и то, что разведывательные кавалерийские рейды Мюрата нашли Геру свободной от прусских войск, казалось, говорили о том, что основная масса прусских войск все еще находится дальше к северу или западу, но не к северо-востоку, как вначале предполагалось. Дальнейшие кавалерийские рейды вплоть до подходов к Лейпцигу не выявили присутствия неприятеля на реке Эльстер. В этот же вечер Ланн сообщил с левого фланга, что противник не переправлялся и на восточный берег Зале. На основании этих сообщений Наполеон сделал вывод, что пруссаки совсем не отходят для защиты своих коммуникаций с Лейпцигом, а главные силы находятся еще дальше к западу. Наполеон все больше убеждался в том, что герцог Брауншвейгский даст бой в окрестностях Эрфурта.

Приказы по армии на 12 октября поэтому предусматривали заход правого крыла фронта влево, чтобы встретить врага лицом к лицу и не дать ему прорваться к Эльбе. Для этого маневра Аума была теперь назначена новым операционным центром. Бертье написал генеральному интенданту Вильманзи, что «император приказал, чтобы вы доставили в Ауму все зерно и хлеб, которые сейчас находятся в дороге, образовали склад в этом городе, который должен стать «центральным пунктом» для нашей армии. Дайте приказ на немедленную организацию там госпиталя»(23). Пока Мюрат и основная масса кавалерийского резерва продолжали поиски конвоев и курьеров противника между Лейпцигом и Наумбургом, корпусу Даву было приказано наступать на Наумбург. Бернадот должен был двигаться из Геры в Цайц, имея конечной целью Кезен. Заняв позиции, эти два корпуса будут на месте для поддержки Ланна и Ожера, которые теперь формировали новый авангард армии и должны были направиться в места переправ через Зале у Йены и Калы.

Но все-таки Наполеон не был полностью убежден, что он правильно разгадал намерения противника, поэтому Сульту было приказано оставаться в окрестностях Геры и следить за любыми признаками активности противника на севере или востоке. «Я полностью обхожу противника, — писал император, — но мне приходится принимать меры против того, что он может попытаться сделать»(24). Хотя Султ был вне пределов непосредственной поддержки из Йены, арьергардный корпус правой колонны маршала Нея должен был выйти из Вайды в Миттель-Пелльниц и быть готовым к маршу на промежуточную позицию у Роды, примерно в трех лигах¹ от позиции Ланна. Намерения Наполеона в общих чертах в это время, по-видимому, сводились к тому, чтобы переправиться через Зале 14-го, направиться на Веймар и атаковать герцога Брауншвейгского в окрестностях Эрфурта (его предполагаемое местонахождение) 16-го. Он рассчитал, что прусский командующий может попытаться сделать одно из двух: либо он примет сражение перед Эрфуртом — в таком случае V, VII и VIII корпуса будут сковывать противника фронтально, а I и III корпуса нанесут с севера удары по левому флангу и тылу противника, либо он сделает попытку отойти к Галле (там все еще находились прусские резервы) и оттуда направится к Магдебургу и к относительно

¹ 3 лиги — 14,5 км.

безопасному правому берегу Эльбы. Чтобы ликвидировать эту вторую возможность, основная масса Великой армии, двигавшаяся через Йену, будет преследовать противника, а Даву и Бернадот будут оттеснять его от Эльбы, заставляя его наконец принять сражение. Уверившись, что его расчеты предусматривают всевозможные ситуации, Наполеон прибыл со своей ставкой в Геру около 8 часов вечера и сразу лег спать, чтобы уже через четыре часа встать и начать давать временные приказы на маневры следующего дня и получать свежие донесения от своих командиров.

После сражения 10 октября прусский авангард все время отходил назад к рубежу реки Зале. Хоэнлоэ прошел через Калу 11-го и направился к Йене. При эвакуации Йены на следующий день, 12-го, оставшихся саксонцев охватила паника, когда на юге они увидели авангард корпуса Ланна. Лишь через некоторое время солдаты смогли морально собраться. Тем временем Фридрих-Вильгельм и герцог Брауншвейгский приближались к Веймару, стремясь скорее подойти к Эльбе. Поздно вечером 12 октября в прусской ставке стало известно, что французы овладели Наумбургом, и, по-видимому, это означало, что рубеж реки Унструт вскоре будет блокирован. Это был грозный признак, и Фридрих-Вильгельм приказал на следующее утро созвать военный совет. Обеспокоенные генералы съехались рано утром 13-го, и, хотя несколько человек стояло за то, чтобы дать бой в окрестностях Йены, основная масса высказалась за то, чтобы начать немедленный отход к Лейпцигу через Ауэрштедт, Кезенский перевал, Фрайбург и Мерзебург, по дороге забрав резерв из Галле и укрепляя угрожаемые коммуникации с Эльбой. О том, чтобы сражаться с Наполеоном, прусские генералы и не думали; фанатическая уверенность сентября уступила место панической настроенности октября. Сейчас у герцога Брауншвейгского была лишь одна цель — любой ценой избежать сражения. Для образования защитного фланга основной массы прусского воинства Хоэнлоэ должен был занять деревню Капеллендорф, находившуюся на полпути между Йеной и Веймаром, при поддержке генерала Рюхеля, пока основная масса не выйдет из Ауэрштедта, после чего Хоэнлоэ должен был выполнить роль арьергарда и отходить на север. Эти приказы были отданы в 10 часов утра 13 октября.

Тем временем Наполеон в Гере ожидал последних новостей от своих подчиненных. Так как он не планировал дать сражение ранее 16-го, его предварительные приказы на 13-е уже вошли в силу рано утром. Согласно им, Бернадот должен был сомкнуться с III корпусом в Наумбурге. Ней — направиться на Роду, а остальные — соединиться на прежних позициях, отдыхать, подбирать оставших и пополнять запасы провизии. Но около 9 часов утра пришли сообщения из трех источников, которые убедили императора в необходимости изменений. Мюрат сообщил с севера, что секретный агент видел большое количество неприятельских войск, двигавшихся по дороге Фульда — Эрфурт — Наумбург, и что король и королева прусские определенно находились в Эрфурте 11 октября, и что видели переправочно-мостовой парк, который двигался на север из Вайсенфельса 12 октября. Затем Даву (из Наумбурга) прислал сведения, полученные от пленных, дезертиров и гражданских лиц о том, что большие силы противника находятся между Веймаром и Эрфуртом, что король действительно был в Эрфурте 11-го, но что между Наумбургом и Лейпцигом нет войск противника. Третье сообщение от Ожеро из Калы говорило о том, что войска противника, бывшие вначале в Йене, затем направились через Веймар к Эрфурту, где все еще находилась основная масса войск. Хотя от Ланна, стоявшего на берегах Зале около самой Йены, еще не было известий, Наполеон считал, что теперь он знает намерения противника. «Наконец занавес поднялся, — пишет он Мюрату сразу после 9 часов утра, — противник начинает свой отход к Магдебургу. Направляйтесь возможно скорее к Дорнбургу вместе с корпусом Бернадота». Он уже давно знал, где в основном находился противник, но только сейчас он почувствовал уверенность в том, что проник в его планы. Но император все еще

не был убежден, что пруссаки не изменят свои соображения, не приостановят отход и не начнут бой. «Я считаю, что противник либо попытается атаковать маршала Ланна в Йене, либо будет отходить. Если он атакует Ланна, вы в Дорнбурге сможете помочь ему. После двух часов дня я буду в Йене»(25).

Кроме того, что император направил легкую кавалерию и I корпус заполнить разрыв между Даву и Ланном вдоль Зале, он попросил Нея ускорить свой марш на Роду и также приказал тяжелой кавалерии из Аумы и дивизии Сент-Илера из корпуса Сульта (в Гере) сосредоточиться в этом же месте. Остальная часть корпуса Сульта должна была направиться на северо-запад к Кострицу, чтобы продолжать следить за Лейпцигом, а Ожеро должен был вместе с VIII корпусом скакать галопом из Калы в Йену. Сам Наполеон выехал в Йену, чтобы лично видеть, что происходит. Напряжение от кампании уже начинало сказываться на нем; длинные дневные переезды вызывали утомление. В записке к Жозефине, написанной незадолго до отъезда из Геры, говорилось: «Я проезжаю ежедневно 20—25 лиг¹»(26).

Когда он подъезжал к Йене, в три часа дня к нему подскочил несшийся во весь опор гонец от доселе молчавшего Ланна с написанным в то утро донесением об обстановке севернее города. Он сообщал, что севернее Йены находится от 12 000 до 15 000 войск противника и что, судя по местным слухам, еще 20 000 — 25 000 солдат сосредоточены между Йеной и Веймаром. Высланы патрули для проверки этих сведений. Донесение заканчивалось словами: «Я хочу знать, будет ли приказ Вашего величества, чтобы я продвигался с корпусом к Веймару. Я не могу взять на себя ответственность за такой маневр, не зная намерений Вашего величества относительно моей роли».

Когда Наполеон читал это послание Ланна, уже стало слышно отдаленное шелканье мушкетных выстрелов. Теперь казалось определенным, что противник готовится атаковать Ланна всеми силами или вечером 13-го, или на следующее утро. Прямо в седле Наполеон продиктовал третью серию приказов на этот день; вновь обнаруженное расположение главных сил противника, вероятно численностью 50 000 человек, между Веймаром и Эрфуртом делало предполагаемое сражение не терпящим отлагательств — даже несмотря на то, что его придется проводить на два дня раньше намеченного срока. Из-за изменившихся обстоятельств Даву должен был в тот же вечер выйти на восток от Наумбурга, «чтобы нанести удар по левому флангу противника», если он услышит стрельбу с юга. Бернарот должен был продолжать двигаться на Дорнбург, имея инструкции также немедленно перейти через Зале на помощь Ланну, если на него нападут. В том случае, если не будет слышно пушечной пальбы, оба этих корпуса должны ожидать приказов следующего дня, прежде чем переправляться через Зале. Кавалерии Мюрата следовало спешно двигаться к Дорнбургу, а Султ и Ней оба обязаны были начать спешный марш своих полных корпусов к Йене; Лефевр с пехотой гвардии должен был присоединиться к императору в штаб-квартире Ланна за Йеной как можно скорее.

Император верхом проехал Йену и около 4 часов присоединился к маршалу Ланну в его выдвинутой штаб-квартире на верхушке Ландграфенберга. Он узнал, что V корпус достиг Йены рано утром под покровом густого тумана и занял город без особых трудностей. Дивизия Сюше, не задерживаясь, затем переправилась через Зале и поднялась на Ландграфенберг, за которым она соприкоснулась с авангардом Тауэнцина. Французы отеснили эти передовые части назад в деревню Лютцерада и Клозвиц, и, хотя Ланн в этот момент считал, что у противника против его фронта стоят более 40 000 человек, он решил удержать свой плацдарм западнее Зале. Наполеон подтвердил его оценку положения и, считая, что перед ними находится главная прусская армия (ошибочно, как потом оказа-

¹ 20—25 лиг — 96—120 км.

лось), приказал оставшимся солдатам V корпуса и гвардии продвинуться, отойдя от Йены для укрепления ландграфенбергского плацдарма, с наступлением темноты, чтобы скрыть этот маневр. Будучи убежден, что противник решил сражаться на плато позади них, Наполеон рассчитал, что в его теперешней части армии 25 000 человек (VI корпус и гвардия), и этого должно быть достаточно, чтобы удержаться на той выдвинутой позиции до следующего дня. А к 10 часам 14 октября подойдут VII корпус (16 500 человек) и дивизия Сент-Илера (9000), так что теперь у него будет уже 50 500 человек; к полудню из Роды должна будет прибыть остальная часть корпусов Сульта (18 000) и Нея (15 000) и резервная тяжелая кавалерия (7000); тогда численность Великой армии возрастет до 90 950 человек. К четырем же часам дня вполне могут подойти I корпус (20 000 человек) и III корпус (27 000) вместе с 8000 всадниками из легкой кавалерии Мюрата, чтобы очутиться севернее поля боя в пределах дистанции удара. Таким образом, за одни сутки Наполеон мог сосредоточить 145 500 человек в решающем месте, что доказывало превосходство гибкой координации системы батальонных каре.

Но как бы то ни было, эта возможность больших пополнений не помогла бы в случае, если бы пруссаки атаковали французов значительными силами уже вечером 13 октября. Решение Наполеона остаться на Ландграфенберге, где река находилась у него за спиной, являлось рассчитанным риском, особенно потому, что он считал, что перед ним находится основная масса армии герцога Брауншвейгского. Даже несмотря на то, что к Ландграфенбергу было обращено только правое крыло пруссаков, опасность для этой французской позиции была очень реальной. Действительно, как только дивизия Сюше поднялась в то утро на холм, Хюэнлоэ уже приготовился приказать атаковать французов, когда вдруг Массенбаха вызвали в прусскую ставку для получения приказа на отход за реку Унструт по направлению к Лейпцигу. Когда тот вернулся, он нашел войска Хюэнлоэ в полной готовности к атаке, но убедил своего упрямого начальника в том, что любая атака на Ланна будет нарушением нового плана, так как прусский правый фланг теперь имел совершенно четкие приказы играть чисто оборонительную роль, прикрывая действия остальных войск. Атака была отменена, и войска вернулись на свои биваки. Это было большой удачей для Наполеона, так как стоило только прусскому правому флангу захватить значительными силами Ландграфенберг 13 октября, и перспективы успеха в решающем сражении на следующий день оказались бы гораздо менее надежными. Французам было совершенно необходимо максимально обезопасить позиции Виндкноллена — самой высокой вершины Ландграфенберга. Но для этого необходимо поместить артиллерийские батареи на господствующем гребне. Это было очень нелегким делом, потому что туда вела только узкая дорога от Йены, и, конечно, вскоре у подножия горы образовалась массивная транспортная пробка из более сотен перевозочных средств. Как только стемнело, эта задача была решена с обычной наполеоновской энергией. Работами вначале лично руководил сам император, держа фонарь в руке. По словам барона Марбо, в то время молодого офицера в штабе Ожеро, «он сразу послал за саперными инструментами (4000) из обозов инженеров и артиллерии и приказал каждому батальону копать поочередно по часу, расширяя и выравнивая дорогу. Каждый батальон, закончив свою работу, должен был подниматься и бесшумно строиться на Ландграфенберге, пока следующий батальон занимал его место и продолжал рыть землю. Работу им освещали факелами, но это освещение не было видно врагу на фоне огней Йены»(27).

Увидев, как по дороге прошла первая повозка, Наполеон поднялся на вершину и приказал разбить свою палатку в центре каре, образованного четырьмя тысячами солдат императорской гвардии. Согласно Кванье, гренадеры выгодно использовали свой проход по улицам Йены для пополнения запасов вина: «У каждого солдата было по три бутылки, две в медвежьей шапке и одна в кармане, не считая

тех пол-литра, что в желудке»(28). Понаблюдав бесчисленное море огней вражеских костров на равнине, Наполеон после десяти часов сел за составление приказов на завтра, пользуясь светом своего костра. Вероятно, он считал, что сражение развернется, организовавшись в две отдельные фазы. Возможно, оно будет длиться два дня. Первой задачей было полностью завладеть имеющимся плацдармом и расширить его далее на равнину, чтобы дать возможность развернуться основной части Великой армии (то есть V, VI, VII, IV корпусам, кавалерийскому резерву и гвардии) на западном берегу реки Зале. Для этого Ланн должен был начать атаку в 6 часов утра 14 октября, чтобы захватить рубеж между деревнями Лютцерода и Клозвиц. Время последующих расширений завоеванного района будет определяться временем прибытия сходящихся сюда корпусов Ожеро, Нея и Сульта.

К полуночи 13-го диспозиция имевшихся войск была следующей: V корпус Ланна и гвардия уже находились на Ландграфенберге; VII корпус Ожеро был в соседней долине южнее, быстро приближаясь и отходя от Калы; корпусная кавалерия маршала Сульта и ведущая дивизия (Сент-Илера) уже прошли через Йену; авангард маршала Нея был в окрестностях города, остальная часть VI корпуса была эшелонирована по дороге на Роду вместе с тяжелой кавалерией, а оставшиеся солдаты IV корпуса находились на дороге из Геры. Когда эти различные соединения будут готовы к бою, им назначат следующие роли: Нею должен был поддерживать и развивать первые завоевания Ланна в центре. Ожеро должен приблизиться влево по долине речки Мюльбах и вдоль южных склонов возвышенности Мюльталь, чтобы обойти правый фланг Тауэнцина. Сульт должен был переместиться из окрестности Цватена к деревне Родинген, очистив попутно клозвицкий лес, чтобы обойти прусский правый фланг. Гвардия и резервная кавалерия Мюрата будут служить резервом на Ландграфенберге(29). Наполеон считал, что с помощью этих сходящихся сюда подкреплений (даже если обстоятельства вынудят вводить их в бой частями) он сможет разбить или оттеснить Тауэнцина и обеспечить нужное пространство для маневра, важное для второй фазы его плана.

Обеспечив себе плато, Наполеону оставалось разбить и, если возможно, уничтожить прусскую армию в целом. Наполеон все еще был убежден, что перед ним находится почти вся армия герцога Брауншвейгского и что, следовательно, вторая часть его плана будет решающей. Даже если бы пруссаки опередили его на дневной переход и направили свою главную атаку на Кёзен, I и III корпуса были достаточно сильны, чтобы сдерживать противника, пока Наполеон не ударит по их тылу через Йену. Если бы позволили обстоятельства, Наполеон, видимо, предпочел бы отложить решающую фазу сражения до 15 октября, но это зависело в основном от реакции противника (на Йену или на Кёзен) и от подхода I и III корпусов. Намерение Наполеона состояло в том, чтобы Даву и Бернадот (с кавалерией Мюрата, двигавшейся через Дорнбург) переправились через Зале к городу Апольда и затем появились бы в тылу и на фланге растерянных пруссаков, уже ожесточенно сражавшихся с остальной французской армией у Йены. Должны ли эти два корпуса идти вместе или разными путями, зависело от точного расположения войск Бернадота в ночь с 13-го на 14-е. Теперь же Бернадоту было приказано в 3 часа дня направиться на юг из района Наумбурга к Дорнбургу (где была возможна переправа через Зале), тем самым сомкнув французскую линию вдоль Зале, соединявшую оба крыла Великой армии. Однако Наполеон еще не знал точно, исполняется ли уже его приказ или нет. Поэтому в его приказах Даву, велевших ему двигаться из Наумбурга в Апольду и написанных в 10 часов вечера 13 октября, была такая фраза: «Если герцог Понтекорво (т.е. Бернадот) все еще с вами, вы можете двигаться совместно. Однако император надеется, что он сможет прибыть на то место, которое ему определено у Дорнбурга»(30).

Конечно, составляя этот план, Наполеон находился в серьезном заблуждении. Была ошибочна исходная посылка — а именно, что он сможет иметь дело с каж-

дой частью прусской армии поочередно. Однако поздно ночью 13-го большая часть армии герцога Брауншвейгского (около 60 000 человек) шла быстрым маршем по дороге от Умпферштедта к Ауэрштедту, то есть удалялась от района Йены. Авангард этих войск — дивизия Шметтау — почти дошла до Ауэрштедта в тот момент, когда Наполеон диктовал свои приказы Бертье. Противник разделил свои войска на две армии (это было неизвестно Наполеону), и обе они могли войти в соприкосновение с разными частями французской армии рано утром 14 октября. Даву вскоре убедился, что перед его фронтом заметно сильное оживление среди войска противника, и он сообщил об этом императору в конце ночи. По-видимому, это ничуть не поколебало уверенности Наполеона, что его войска будут сражаться севернее Йены с основной массой прусской армии. Он был также убежден, что у Даву не будет больших трудностей в подходе к Апольде. Огни же, которые Наполеон видел перед собой, были кострами лишь войска Хоэнлоэ. Сюда входили 5-тысячное соединение генерала Хольцендорфа, стоявшего лагерем у Дорнбурга, 8000 солдат Тауэнцина в районе Клозвиц — Лютцера и около 25 000 человек, все еще находившихся к югу и западу от Фирценхайлигена. Последней составной частью прусских сил в этой местности были войска Рюхеля (около 15 000 человек) в восточной окрестности Веймара. Если Наполеон серьезно ошибался относительно позиций и намерений противника, то точно так же заблуждался принц Хоэнлоэ. Он тоже даже не подозревал, что перед ним находится большая масса Великой армии. Он считал, что французские войска на Ландграфенберге являются только боковым авангардом и вместе с таким же «отрядом» в Наумбурге прикрывают продолжавшийся подход основной части армии на север к Лейпцигу и Дрездену. Итак, для обоих командующих следующий день — 14 октября — таил много сюрпризов.

Глава 42

ЙЕНА — АУЭРШТЕДТ

Как и в утро Аустерлицкой битвы, десять месяцев назад, поле боя было вначале окутано густым туманом, сильно помешавшим окончательной рекогносцировке императора и задержавшим некоторые подготовительные маневры. Тем не менее к рассвету готовые к атаке около 46 000 человек и 70 пушек были сосредоточены на исходных позициях на Ландграфенберге и в прилегающих долинах. «Самым правильным термином было бы «сконцентрированы», — вспоминает Марбо, — ибо каждый солдат полка грудью буквально касался спины стоящего перед ним, но они были настолько дисциплинированы, что, несмотря на темноту и скопление более 40 000 человек на узком плато, не было ни малейшего беспорядка; хотя войска противника находились на половине расстояния пушечного выстрела, они ничего не заметили»(31).

Французы не знали в этот момент, что против них стоят около 38 000 пруссаков со 120 орудиями, но французы были гораздо более сосредоточены, чем противник, их командиры были во всех отношениях лучше, и моральный дух наполеоновских солдат был неизмеримо выше. Следуя своему всегдашнему обычаю, Наполеон обошел как можно больше головных частей, рассказав им о том, что именно им предстоит, и тем самым ободрил солдат, подняв их решимость и почувствовав храбрость. Положение на линиях пруссаков, где многие еще не пришли в себя после тревог и паники двух предыдущих дней, было совсем другим. В нескольких батальонах фузилеров в центре имелась только половина штатной численности из-за дезертирства и отставших солдат; все были голодны и подавлены.

Знаменитое сражение при Йене подразделяется на четыре определенных стадии. Первая охватывает период с 6 часов утра до 10. За это время Ланн, Сульт и

Озеро оттесняли авангард Тауэнцина и расширяли плацдарм на западном берегу Зале, чтобы там могли разместиться ожидавшиеся подкрепления, в этот момент спешившие к Йене. Первая атака была начата двумя дивизиями Ланна — Сюше справа и Газана слева, поддерживаемая огнем 28 орудий. По мере того как наступающие колонны входили в соприкосновение с противником — батальонами Тауэнцина, развивалась ожесточенная, но неорганизованная схватка в тумане. Артиллерия стреляла почти в упор, но, несмотря на тяжелые потери, Сюше вскоре овладел Клозвицем, разбивая своей легкой кавалерией всех, кто пытался их остановить. Газан действовал в направлении на Коспеду с меньшим успехом; его головные части были отброшены, но прусская контратака, в свою очередь, захлебнулась под тяжелым и хорошо организованным огнем пушек французов. Хотя дела у Тауэнцина обстояли неплохо, он почему-то потерял присутствие духа и приказал немедленно эвакуировать обе деревни, расположенные впереди, а также и Лютцеро-роду, оставив только большие силы застрельщиков в местных лесах, а затем отошел к своим саксонским резервам около деревни Фирценхайлиген. Французы теснили его, развивая успех, но их порыв стал ослабевать, когда Тауэнцин, собрав 5000 человек, бросил их в ожесточенную контратаку. Она была успешной; французы в замешательстве откатились назад — только один эскадрон продолжал сражаться. Очень скоро они оказались расколоты на две части — одна к северо-востоку от Фирценхайлигена, у Криппендорфа, вторая укрылась в лесах у Иссерштедта, к югу. К счастью для французов, пруссаки не стали развивать успех, но почти немедленно остановились, повернулись и направились маршем на Клайн-Ромштедт, далее на запад. Этот удивительный маневр отчасти объясняется успехом французских сил, действовавших на флангах Ланна. Ведущая дивизия Сульта справа дебушировала от Лобштадта и пробивала себе путь через Цватен в леса за ним. Там у нее произошла опасная стычка с частью сил генерала Хольцендорфа, отходившей от окрестностей Дорнбурга. Тем временем вдвали на противоположном фланге вторая дивизия Ожеро безостановочно подходила по долине речки Мюльбах (Мюльталю) к Фломбергу. Это было естественным путем подхода от Йены к Веймару; Тауэнцин опасался, что его южный фланг находится под непосредственной угрозой обхода, а также тревожась из-за своих больших потерь, он стал отходить назад, к главным силам Хоэнлоэ.

Таким образом, до 10 часов ведущие части Наполеона овладели районом, необходимым для развертывания Великой армии, — в основном благодаря ненужным отходам врага. Первая часть смелого замысла Наполеона была благополучно завершена, и он приказал сделать перерыв в центре и на левом фланге, для того чтобы дать время подойти новым подкреплениям.

Однако на правом фланге Султ ввязался в бой с 5000 солдат Хольцендорфа, врезавшись слишком глубоко. И если на других секторах боевые действия были временно прекращены, на его участке еще кипел бой. Вскоре после 10 часов утра прусские застрельщики атаковали дивизию Сент-Илера, пока основная масса их сил выстроилась эшелонированной линией, с кавалерией и 22 пушками на флангах, готовыми к нападению. К счастью для Сент-Илера, его войска были полностью скрыты за противоположным склоном горы около Родигена, и, прежде чем Хольцендорф заметил происходящее, французские войска, появляясь из «мертвого пространства», устремились в атаку против его левого фланга. Через некоторое время пруссакам пришлось отходить назад через речку около Нерквица. Первые фазы этого движения были надежно прикрыты прусской кавалерией, но затем кавалеристы Сульта прорвались через легкую пехоту и улан, нанесли удар по одной из колонн и практически уничтожили ее. Результатом этой схватки было четыреста пленных, шесть пушек и два знамени. Хольцендорф собрал своих совершенно деморализованных и усталых солдат для следующей атаки за деревней Нерквиц, но французы снова обошли его слева и затем ударили по нему лобовой атакой кавале-

лерии. Это было уже слишком для совершенно отчаявшихся прусских солдат, и отряд Хольцендорфа мгновенно превратился в орду беглецов, которые бросили большую часть своих пушек и ринулись к Апольде. Их генералу удалось собрать свою кавалерию и одну батарею, которым он приказал присоединиться к приближающимся боевым порядкам Хоэнлоэ, а потом следовать за своей разбитой кавалерией на север. Этот разгром мог быть еще более полным, если бы Сент-Илеру позволили преследовать противника, но назревавший кризис в центре вынудил Сульта отозвать свои войска, чтобы провести атаку против левого фланга Хоэнлоэ.

К 9 часам утра принц Хоэнлоэ наконец понял, что против него направлена не только местная атака французским фланговым отрядом, но гораздо более опасная масса войска. Прибытие потерпевшего поражение Тауэнцина мгновенно объяснило ему трагизм положения, и принц, не теряя времени, послал адъютанта в Веймар, который поскакал во всю мочь с просьбой к Рюхелю скорее подойти на помощь. Затем он приказал Тауэнцину отвести своих уцелевших солдат в тыл, там переформироваться и пополнить запас патронов, пока три саксонские бригады строятся по веймарской дороге со строгим приказом не пропускать на нее противника. Затем Хоэнлоэ собрал большую часть своей прусской пехоты и еще одну саксонскую бригаду и послал генерала Греврта к востоку отвоевывать у французов плато. Третья фаза Йенского сражения вскоре должна была начаться.

А в это время маршал Ней в окрестностях Йены уже несколько часов ожидал подхода остальной части корпуса, сгорая от нетерпения схватиться с противником. В конце концов Ней не выдержал борьбы с чувством долга (он еще не получал никаких приказов) и бросился в бой на участке между левым флангом Ланна и правым Ожеро, невидимыми под пеленой медленно поднимавшегося утреннего тумана. Не испугавшись двукратного превосходства сил противника, Ней направил свой удар прямо против мощной прусской батареи. Вначале удача сопутствовала его дерзости; правый фланг прусской линии рассыпался при его приближении, французы отогнали канониров от пушек и закрепили свой успех, заставив стремительно отступить 45 прусских эскадронов, собиравшихся идти в атаку против войск Ланна у Фирценхайлигена. Но успех Нея был недолог. Его опрометчивое продвижение вперед неизбежно привело к тяжелым потерям, и, когда кавалерия противника собралась с силами после неожиданного отступления и опять пошла в атаку, Ней был вынужден выстроить каре, чтобы устоять перед этим напором. Но что еще хуже, порыв его атаки унес его за пределы дистанции поддержки со стороны и Ланна и Ожеро и он был вскоре отрезан от своих частей.

К счастью для Нея, к этому времени император понял, что происходит, и, чтобы спасти своего непокорного сподвижника от почти верной беды, он приказал Бертрану галопом мчаться вперед с двумя кавалерийскими полками, которые составляют весь кавалерийский резерв армии. (Мюрат еще не прибыл на поле боя.) В то же время Ланну было приказано продвинуться через деревню и восстановить контакт с отрезанным корпусом Нея, а Ожеро торопился образовать вторую линию в тылу у Нея. Эти действия помогли ослабить давление на гасконца, но они не увенчались успехом. Когда войска Ланна массой влились в Фирценхайлиген, они столкнулись сразу с боевой линией Греврта в облическом построении, который шел им навстречу, «как на параде». Хотя с обеих сторон были тяжелые потери, французы были отбиты; застрельщики Ланна отошли обратно в деревню, а Нею пришлось потерять Иссерштедт и прилегающий лес. Генерал Савари описал реакцию Наполеона на чрезмерную решительность Нея: «Император был крайне недоволен упрямством маршала Нея». И добавляет с иронией: «Он сказал ему несколько слов по этому поводу, но деликатно»(32).

Подошел критический момент боевых действий. У Хоэнлоэ была возможность восстановить начальную позицию, вернув себе потерянную утром местность, но, к несчастью, мужество отказало ему. Побуждаемый своим штабом взять штурмом

Фирценхайлиген и максимально использовать это преимущество, он решил оставить войска Греверта поблизости от деревни в совершенно незащищенном положении, чтобы ожидать там подхода корпуса Рюхеля из Веймара. Массенбах был послан по этой дороге ускорить подход подкрепления, однако решение остановить движение Греверта стало роковой ошибкой Хоэнлоэ. Полковник Мод так описывает этот эпизод: «Теперь произошел один из самых необычайных и прискорбных случаев в военной истории. Боевая линия великолепной пехоты, всего около 20 000 человек, стояла на открытом месте целых два часа, совершенно незащищенная от безжалостного обстрела шрапнелью и огня застрельщиков-французов, которые, скрываясь за стеной сада, не могли служить мишенью для их ответного огня. В некоторых местах фронтовые линии рот были только намечены отдельными рядами солдат, все еще заряжающих и стреляющих посреди своих товарищей, убитых и умирающих рядом с ними»(33).

Огонь из прусской гаубицы все-таки смог заставить замолчать ряд французских пушек, а взрыв нескольких артиллерийских зарядных ящиков вызвал среди французов тяжелые потери.

Некоторое время казалось, что боевые дела на этом секторе зашли в тупик, но вскоре Ланн разрядил ситуацию, начав одновременно фронтальную и фланговую атаки против левого крыла противника. Хоэнлоэ немедленно оттянул свой левый фланг, поставив его в оборонительное построение, но французская атака заставила пруссаков откатиться назад, и они не наступали, пока не подоспели саксонские эскадроны, контратаковавшие французов и отбросившие солдат Ланна обратно в деревню в заметном беспорядке. Снова Хоэнлоэ не смог развить свой успех, хотя сейчас для этого были более весомые причины, чем в прошлый раз. На его правом фланге пехота Нея и часть войск маршала Ланна снова двинулись вперед через Иссерштедтский лес и вышли на главную дорогу на Веймар, отрезав стоявшие там три саксонские бригады от центра пруссаков, в то время как вдали по направлению к Йене прусский командующий уже мог разглядеть темные массы только что прибывших войск, выходявших на огневой рубеж. В таких обстоятельствах любое продвижение было бы крайне опрометчивым, и Хоэнлоэ направил все усилия на подтягивание своих последних резервов, чтобы заполнить пустоту между своим правым флангом и центром. В результате к 10 часам все части прусской армии — за исключением разбитой дивизии Тауэнцина — были брошены в бой, и Хоэнлоэ мог только с тревогой ожидать подхода Рюхеля, чтобы образовать свой резерв. Но к несчастью, последний был задержан по дороге, ему потребовалось два часа, чтобы пройти три мили, поэтому не было шансов ожидать его появления ранее 2—3 часов дня.

А тем временем неумолимо возрастало давление наступавших французов, по мере того как вызванные части Великой армии переправлялись через Зале. К 12.30 у Наполеона в резерве было 42 000 человек (кавалерия Мюрата и основные части войск Сульта и Нея), не считая 54 000 солдат, которые вели бой. Был дан приказ на общую атаку против всей линии пруссаков. На правом фланге французов дивизия Сент-Илера должна была сразиться с уцелевшими остатками войска Хольцендорфа, а на левом Ожеро сразился с саксонцами в Шнекке — узком и извилистом проходе, по которому шла, извиваясь, главная дорога Веймар — Йена. Против центрального сектора должна была быть направлена фронтальная атака Нея и Ланна, поддерживаемая Мюратом, так как дела на флангах пошли хорошо. Ожеро уже вел бой в 11.30 дня, но Сент-Илер вышел на свои позиции только в час дня. После этого Наполеон дал сигнал на общее наступление центра.

К своему огорчению, элитные войска гвардии не получили приказа идти в бой. «...Пехотинцы императорской гвардии смотрели, как кругом бились их товарищи, а сами праздно стояли, испытывая досаду. Было слышно, как некоторые выкрикивали «Вперед!». «Это что такое? — спросил император. — Только без-

бородый юнец может вообразить себе, что он знает о моем следующем приказе. Вот пусть он проведет тридцать решительных сражений, а потом советует мне!» Это были легковооруженные гвардейцы, которым не терпелось показать свою храбрость»(34). Наполеон определенно не желал вводить в бой гвардию; это безрешливое отношение к гвардейцам лишило его последнего шанса на победу на поле Ватерлоо девять лет спустя.

Части прусской кавалерии и артиллерии необдуманно выдвинулись вперед навстречу штурму, но увлеченные французы попросту «обтекли» эти препятствия и проникли в бреши, оставленные ими в основной боевой линии пруссаков. Это был решающий момент. Огонь пруссаков начал ослабевать, Хоэнлоэ принял неизбежное и приказал общий отход в направлении на Гросси Клайн-Ромштедт. Задача выведения своих частей из боя была нелегкой, так как Ланн, примчавшись галопом, подтянул артиллерию и открыл сильный огонь по отходящим колоннам, не оставляя их в покое ни на минуту. Несмотря на это, вначале отход выполнялся в полном порядке, но когда стала с грохотом приближаться кавалерия Мюрата, скоро началась паника и отход пруссаков сразу же превратился в беспорядочное бегство. Поток людей и лошадей хлынул на запад к Веймару, и лишь благодаря героизму единственного батальона саксонских гренадер, под командованием полковника Винкеля, хоть часть убежавших смогла спастись от сабель Мюрата. Винкель выстроил их в каре, и они отошли в порядке, прикрывая бегство своих соотечественников. Другая часть армии Хоэнлоэ бросилась на север и оказалась более удачливой, так как дивизия Тауэнцина смогла задержать преследование около Гросс-Ромштедта; но и при этом бегущая колонна потеряла 25 000 человек пленными, 16 пушек и 8 знамен, взятых неумолимыми французами.

Несмотря на то, что крупная победа французов уже была очевидной, сражение предстояло еще довести до конца. Беглецы на Веймарской дороге внезапно остановились у Капеллендорфа, встретив 15 000 солдат запоздавшего Рюхеля, чье отсутствие на поле боя и явилось основной причиной поражения. В данных условиях наиболее разумным для него было бы занять оборону по рубежу реки Зульбах и попытаться там прикрыть отход своих соотечественников; но не таков был генерал Рюхель. Вместо этого он развернул своих солдат на полпути между Когау и Гросс-Ромштедтом. Появление массы пехотинцев Ланна и Сульта в синих мундирах перед его фронтом сделало прусскую позицию непригодной для обороны, и Рюхель дал приказ отходить. Вначале отход производился благополучно под прикрытием эскадронов прусской и саксонской кавалерии, но залпы всего нескольких французских пушек, брошенных туда по приказу Наполеона, а затем и атака французской пехоты разрушили сплоченность прикрывавших корпусов. В это время подоспели и кирасиры Мюрата, и они скоро батальон за батальоном рассеялись в полном хаосе, а беглецы Рюхеля, в свою очередь, бросились бежать на веймарскую дорогу. Французы захватили еще 4000 пленных, 5 знамен и штандартов.

Это было концом более или менее сплоченного сопротивления, и к 3 часам дня победа французов была полной. Оставалось собрать некоторые разрозненные отряды, но к 4 часам дня преследование пруссаков Мюратом еще шло полным ходом, и час спустя лихой гасконец влетел в Веймар, презрительно размахивая хлыстом вместо сабли. По дороге на Апольду Тауэнцин продолжал отходить в порядке, преследуемый по пятам Сультом, и только наступление осенней темноты спасло уцелевших. Французы потеряли 5000 человек, пруссаки понесли потери в 25 000 человек (включая 15 000 пленных). Наполеон был уверен в завтрашней еще большей их победе (количество потерь врага еще больше возрастет), так как считал, что Даву и Бернадот двигаются, как приказано, на Апольду, непосредственно пересекая линию отхода по крайней мере половины спасшихся пруссаков.

Император медленно пошел назад к своему биваку на Ландграфенберге, задержавшись на поле боя, чтобы организовать помощь раненым. Было совсем темно,

когда он вернулся к себе в ставку в трактир в Йене, уже украшенный 30 захваченными знаменами неприятеля. Он увидел, что его ждет некий капитан Гобриан, офицер из штаба Даву. Вначале он не мог поверить тому, что докладывал ему капитан. Даву утверждал, что он сражался и разбил главную прусскую армию около Ауэрштедта, в 10 милях отсюда. «У вашего маршала, видно, двоится в глазах», — нелюбезно оборвал он посланца. Но мало-помалу он начал понимать, что на самом деле он — император, — с 96 000 солдат, сражался только с прусскими фланговыми силами численностью 55 000, в то время как Даву — его подчиненный, — с какими-то 26 000 солдат схватился в смертельном бою с главной армией Брауншвейгского. Наполеону было трудно признать масштаб ошибки в своих расчетах, о которой он и не подозревал. Но на следующий день он полной мерой воздал должное маршалу Даву. Наполеону еще не было известно, что произошло с Бернадотом. Ответа на этот вопрос ему пришлось ждать до завтра. Сейчас же он так устал, что заснул на полуслове, диктуя приказы на следующий день. По знаку своего командира гвардия бесшумно образовала каре вокруг спящего императора, охраняя его покой всю ночь. В десятки милях от него уцелевшие измученные воины поредевшего, но победоносного корпуса Даву спали также мертвым сном.

Эта дополнительная битва при Ауэрштедте, проходившая в тот же день, что и Йенская, оказалась отчаянным сражением. В пятом бюллетене по Великой армии, напечатанном на следующий же день, Наполеон воздал должное своему подчиненному. «На нашем правом фланге корпус маршала Даву совершал чудеса. Он не только сдержал, но оттеснил и разбил на расстоянии более трех лиг основную массу войск противника, которые должны были выйти на равнину через Кёзен. Этот маршал проявил выдающуюся храбрость и твердость характера — главные черты характера воина»(35). Эта щедрая хвала отнюдь не была преувеличением (это является опровержением мнений некоторых историков, утверждавших, что император никогда не признал своего долга маршалу Даву).

Получив приказы императора по III и I корпусам (в 4 часа утра 14 октября), маршал Даву сразу послал копию их своему соратнику Бернадоту и начал готовить своих бойцов к предписанному переходу от Наумбурга к Апольде. Из-за густого тумана у него не было никакого представления, сколько пруссаков окажется перед ним, но все-таки он знал, что к западу происходят перемещения войск в немалых масштабах, а прусские пленные сказали, что они из главной армии герцога Брауншвейгского. Все эти перемещения на самом деле были отходом 60-тысячной армии герцога Брауншвейгского. Поздно вечером 13-го из-за того, что густой туман вызывал страшную сумятицу на узких дорогах, он дал приказ остановиться на бивак в окрестностях Ауэрштедта вместе со своими 16 батареями (230 пушек). В этот момент прусский кавалерийский патруль доставил несколько французских пленных, которые при допросе открыли, что передние части Даву уже овладели дефиле Кёзен. Вместо того чтобы провести рано утром атаку на эти войска и пробиться к Фрайбургу (противник насчитывал всего-навсего полтора батальона и два эскадрона), осторожный герцог Брауншвейгский решил избежать всяких боев, к тому же считая, что сам Наполеон находится в Наумбурге, и приказал, чтобы армия на следующий день отправилась в путь колоннами по два на запад от соседних высот Хассенхаусена, где стоит кавалерия и пехота Шметтау, которые и прикроют его отход.

Утром 14 октября стало рассветать, но туман так и не рассеивался. Несмотря на это, войска Даву уже с 4 часов утра были на марше. Во главе с дивизией генерала Гюдена и самим Даву III корпус уже проходил деревню Хассенхаусен, когда ведущая рекогносцировку кавалерийская завеса полковника Бэрка внезапно наткнулась на четыре эскадрона и одну батарею пруссаков около деревушки Пёппель. Было семь часов утра. Гюден сразу принял меры предосторожности, построив свою пехоту в каре, прежде чем продолжать путь. За Хассенхаусеном туман на короткое

время поднялся и стала видна прусская кавалерия на расстоянии около 1000 ярдов¹. Гюден, не теряя времени, открыл огонь. Это заставило сразу же замолчать пушки пруссаков, а кавалерия пустилась в бегство. Гюден наступал, выходя к речке Лисбах, намереваясь там остановиться и ждать подхода следующих за ним дивизий Фриана и Морана. Однако генерал Фриан только пересек Кёзенский мост в 8 часов, а Моран был еще дальше позади него. Это означало, что Гюдену придется оставаться здесь одному довольно долго, пока не подойдут подкрепления.

А тем временем силы пруссаков, мечтающих о возмездии, медленно стягивались к Лисбаху. Хотядвигающиеся на восток вторая и третья дивизии перемещались и запутались среди вещевых обозов, двигавшихся на север, дивизия генерала Шметтау (с ним были прусский король и герцог Брауншвейгский) подошли к месту боевой позиции к 8 часам утра, а 12 кавалерийских эскадронов Блюхера подтягивались на фланкирующую позицию у Шпильберга. И следовательно, в этот момент Гюдену противостояли девять батальонов, 24 пушки и 16 кавалерийских эскадронов. Бой открылся стычками завес легкой пехоты с обеих сторон, пока главные силы завершали свое развертывание. К счастью для Гюдена, координация численно превосходивших войск пруссаков в атаке осуществлялась безнадежно неправильно. Блюхер, с его горячим нравом, бросился со своими эскадронами в бой раньше времени, до того как прусские войска встали в боевое положение, и каре Гюдена без труда отбили повторные атаки пруссаков на правом фланге, окончательно оттеснив их к Эккартсбергу, чтобы переформировать и заняться ранеными.

Главная прусская атака задерживалась для того, чтобы Вартенслебен успел встать в развернутый строй, и этот перерыв в боевых действиях как раз позволил дивизии генерала Фриана в 9.30 развернуться на правом фланге Гюдена по направлению к Шпильбергу. Вместе с этим долгожданным подкреплением подошла легкая кавалерийская бригада корпуса и двенадцатифунтовые пушки корпусной артиллерии. Они были сосредоточены одной батареей севернее Хассенхаусена. Очень скоро Даву понял, что целью противника было атаковать его правый фланг, чтобы удержать открытой главную дорогу на Фрайбург, поэтому он вывел дивизию Гюдена из Хассельхаусена и снова развернул ее севернее деревни, оставив лишь один полк, южнее ее.

Наконец в 9.45 Шметтау и Вартенслебен пошли в атаку, а за ними вдалеке показала дивизия принца Оранского. Прусских пехотинцев ждала разная судьба. Солдаты Шметтау понесли тяжелые потери, падая под перекрестным огнем обоих французских дивизий, но Вартенслебен, атаковавший изолированный французский полк южнее, вскоре полностью разбил его, превратив его в толпу беглецов и создав этим серьезную угрозу левому флангу Даву. Тот не терял времени — собирал солдат за Хассенхаусеном и лично повел в бой два полка из второй линии Гюдена, чтобы снова занять деревню. Это действие временно остановило наступление пруссаков, но для этого пришлось ввести в бой всех солдат до последнего из французского резерва, потому что Моран еще находился на расстоянии трех миль к востоку от них, а Бернадот намеренно как бы не слышал призывов Даву о помощи.

К счастью для Даву, пруссаки, как всегда, медлили развить свое преимущество на южном фланге. Вместо того чтобы обойти позицию вокруг открытого фланга, они теряли дорогое время и людей, напрасно бросая их в четыре жестокие лобовые атаки на деревню. В этот момент герцог Брауншвейгский был смертельно ранен — ему прострелило оба глаза, когда он вел вперед на штурм полк гренадер, и Шметтау был тоже выведен из строя. Именно это явилось основной причиной замешательства среди пруссаков, так как Фридрих-Вильгельм III не назначил нового главнокомандующего и сам не встал во главе войск. Даже его верный советник

¹ 1000 ярдов — около 900 м.

старый маршал Моллендорф был взят в плен. С потерей управления боевые действия выродились в бессмысленную смертоносную схватку, где пруссакам пришлось гораздо тяжелее, чем французам. До тридцати прусских эскадронов собралось теперь на открытом французском фланге, но были тесно сжаты в слишком узком месте, и поэтому на всем фронте наступило состояние равновесия.

Каждая сторона теперь получила подкрепление в одно и то же время. В 11 часов дня у пруссаков запоздало появился принц Оранский, а к французам подошел генерал Моран от Кёзена. Однако обе стороны развернули свои войска, основываясь на совершенно разных принципах. Если силы новоприбывших французов были все направлены на левый фланг Даву, то принц Оранский разделил своих солдат на две части и послал их по одной бригаде для усиления каждого фланга прусской боевой линии. Если бы он ввел в бой всю свою дивизию только на одном фланге — весьма вероятно, что это создало бы ему преимущество, и бой мог окончиться в их пользу. Но при сложившемся положении вещей Моран как раз вовремя успел отразить кавалерийскую атаку южнее Хассенхаусена. Задача была облегчена тем, что пруссаки не обеспечили свою кавалерию артиллерийской поддержкой (явный признак слабого общего руководства), и вскоре после этого французский левый фланг надежно протянулся от самой деревни до берегов Зале.

Однако Моран не долго находился в обороне. Отразив и заставив рассеяться прусскую кавалерию, он продолжал наступление, окружил и ликвидировал сопротивление сил Вартенслебена, подавил попытку контратаки со стороны бригады принца Оранского и тем самым уничтожил прусский левый фланг. С этого момента победа Даву была практически обеспечена, так как, несмотря на то, что прусская армия все еще имела в резерве 14 батальонов, 5 эскадронов и 3 батареи свежих войск, король Фридрих-Вильгельм III отказался дать приказ на их введение в бой для укрепления своего фланга. Он все еще был твердо убежден, что перед ним находится сам Наполеон, и был слишком этим «загипнотизирован», чтобы наметить разумный план действий.

Его колебания оказали роковое действие на возможность повлиять на исход боя своими значительно превосходящими силами. Три дивизии Даву наступали на прусскую армию, двигаясь угрожающим полумесяцем с агрессивно выставленными вперед «рогами». Очень скоро множество солдат прусского войска попало, как в западню, в узкое ущелье, и началась убийственная схватка. Позднее Даву воздал должное храбрости своих противников, записав в своем дневнике: «Мы находились на расстоянии пистолетного выстрела, и канонада пробивала бреши в их рядах, которые тут же опять смыкались. Каждое перемещение 61-го (прусского) полка было отмечено на земле рядами павших храбрецов» (36). Численно превосходившая прусская артиллерия наносила тяжелые потери рядам французам, но Моран неумолимо вел своих солдат вперед по местности между рекой Ильм и речкой Лисбах, пока они не были остановлены атакой массивной прусской кавалерии. Она была хладнокровно отражена. Пехотные каре Морана оказались неуязвимы для кавалерийской атаки, лишённой артиллерийской поддержки, и вскоре павшие духом пруссаки были отброшены назад к Ауэрштедту, тогда как французы возобновили свое наступление и заняли Рехаузен.

Тем временем на правом фланге Фриан вел отчаянный бой за деревню Пёпфель, но наконец счастье улыбнулось французам, и в их руках оказалась 1000 пленных. Из обоих прусских флангов один рассыпался, второму угрожал обход, и у Фридриха-Вильгельма оставался лишь один выход — приказать всей своей боевой линии немедленно отступать в надежде соединиться с Хоэнлоэ и Рухелем, силы которых он все еще считал нетронутыми. Окончательный удар был нанесен, когда дивизионная артиллерия Морана взяла под обстрел фланг и тыл дивизии Вартенслебена, ведя огонь с холма Зонненкуппе. К 12.30 дня «гордость прусской армии» устремилась в бегство к западу и к северу. Блюхер поместил свой арьергард на пути

французов, пытаясь дать соотечественникам хоть какую-то передышку, но Гюден бросил свои силы в лобовую атаку, а Фриан и Моран начали обходить пруссаков каждый со своей стороны, и вскоре прусский резерв, в свою очередь, начал стремительно отступать. Преследование продолжалось до половины пятого вечера, когда Даву пришлось остановить свою уставшую до предела пехоту на гребне Эккартсберга. Его три кавалерийских полка и один батальон, охранявший Кёзенский мост большую часть дня, продолжали изматывать противника, получив приказ оттеснить максимальное количество пруссаков к югу, но для нанесения сокрушительного поражения бегущим пруссакам у французов не хватало сил. И тем не менее войска Даву уничтожили 10 000 пруссаков и взяли в плен 3000 человек, а также захватили 115 пушек.

Велика была цена этой победы: тяжело пострадал III корпус — особенно дивизия Гюдена, где было потеряно 40% боевого состава; всего на поле Ауэрштедта полегли 258 офицеров и 6794 рядовых солдата, убитых или раненых. Лишь одну часть — 1-й артиллерийский дивизион, приданный первой дивизии III корпуса, пощадила судьба — он избежал общей бойни. Как писал домой один из канониров, по имени Гаспар Лево, «нашей роте повезло; мы не потеряли ни одного человека, благодарение Богу, хотя наш армейский корпус пострадал очень сильно»(37). Это было историческое, хотя и кровавое событие.

Если по отношению к Даву император, осыпав его щедрой похвалой, только воздал ему должное, то командир I корпуса в полной мере испытал гнев императора. Ни один солдат Бернадота не сделал ни одного выстрела за этот день! Причина была или в полной некомпетентности и отсутствии оперативного мышления у князя Понтекорво, или, что более вероятно, в его чисто профессиональной ревности. Бернадот вне всякого сомнения получил свою копию приказа Бертье, отправленную в 10 часов вечера и препровожденную ему маршалом Даву. В приказе было сказано, что он должен двигаться вместе с Даву, если I корпус еще не подошел к Дорнбургу, согласно предшествующему приказу. Несмотря на то, что Бернадот был еще в Наумбурге в момент получения приказа (он этого и не скрывал потом), он предпочел пренебречь приказом и повторными призывами Даву о помощи. Он настаивал на том, что выполнял букву (но не дух) более раннего приказа Наполеона, направившего его в Дорнбург. Но даже этот маневр был выполнен крайне неряшливо — I корпусу потребовалось все утро, чтобы добраться до Дорнбурга (он прибыл туда около 11 часов утра), а затем потратить еще пять часов, покрыв восемь миль до Апольды, и появиться там, когда Йенское сражение уже закончилось. Когда Наполеон потребовал от него объяснения столь непонятного поведения, Бернадот попытался оправдываться, ссылаясь на трудности (в основном вымышленные), с которыми он встретился по дороге. Император ответил на это, назвав вещи своими именами, 23 октября: «Согласно абсолютно ясному приказу, вы должны были быть в Дорнбурге в тот самый день, когда маршал Ланн был в Йене, а Даву достиг Наумбурга. В случае, если вы еще не смогли выполнить это, я сообщил вам ночью, что, если вы еще находитесь в Наумбурге, когда этот приказ придет к вам, вы должны выйти вместе с маршалом Даву и оказывать ему поддержку. Вы были в Наумбурге, когда пришел этот приказ, он был вам вручен; несмотря на это, вы предпочли совершить демонстрационный марш в Дорнбург и вследствие этого не участвовали в сражении, и маршал Даву принял на себя главный удар неприятельской армии»(38).

Столь недостойное поведение чуть не стоило Бернадоту головы. Как пишет Марбо, «армия ожидала сурового наказания для Бернадота»(39). На Святой Елене Наполеон признался, что он на самом деле подписал приказ предать маршала суду военного трибунала, однако передумал и разорвал его. Вероятно, то, что Бернадот был мужем Дезире Клари, приходившейся свояченицей брату Жозефу (она была невестой молодого Бонапарта несколько лет назад), — заставило его переменить

свое решение. Возможно, он думал, что Бернадот осознает всю тяжесть своего проступка и постарается загладить его. По словам Савари, Наполеон сказал: «Это дело настолько возмутительно, что, если я отправлю его в трибунал, это будет равнозначно моему приказу о расстреле; для меня лучше не говорить с ним об этом; но я постараюсь, чтобы он знал, каковы мои мысли о его поведении. Я считаю, что у него есть понятие чести, чтобы осознать, какой позорный поступок он совершил, о котором я не буду говорить с ним»(40). Будущее показало, что снисходительность Наполеона была ошибкой; в качестве кронпринца Швеции Бернадот позднее изменил своему императору, подав постыдный пример, которому потом последовали многие другие. Типичный гасконец, Бернадот никогда не признавал своих ошибок, но он нечаянно проговорился и выдал свой истинный мотив, сказав 10 ноября Бурвену: «Это мне-то получать приказы от Даву!.. Я свой долг выполнил»(41).

Исход Ауэрштедтского сражения мог бы быть иным, если бы Бернадот выполнил то, что было ему приказано, и переправился вместе с Даву через реку в Наумбурге; или если он хотя бы выслал свою кавалерийскую дивизию для подкрепления корпусной кавалерии Даву, которая была очень слаба и не способна полностью развить успех; или если бы Бернадот прибыл в Апольду тремя часами ранее — как раз вовремя, чтобы перехватить поток бегущих с поля боя при Йене...

Но если на совместной победе Наполеона и Даву отразились упрямство и зависть Бернадота, это не преуменьшает масштаба объединенной победы французов. За один день были почти полностью разбиты не менее трех полевых армий, и в руки победителей попало более 25 000 пленных, 200 пушек и 60 знамен и штандартов пруссаков. Остатки некогда гордых армий Хоэнлоэ, герцога Брауншвейгского и Рюхеля сходились по разным направлениям к западу от Апольды, где был сплошной хаос. Только 16 октября прусским командующим удалось восстановить кое-какой порядок, и робкий Фридрих-Вильгельм дал приказ отходить к Магдебургу. По иронии судьбы он получил письменный ответ Наполеона на первоначальный ультиматум пруссаков прямо на поле боя у Ауэрштедта. Наполеон мог с полным правом сказать: «Йенская битва стерла оскорбление Росбах»¹(42).

Размах и беспощадность преследования пруссаков французами после битв при Йене — Ауэрштедте — это классический пример того, как может развиваться победа. Из-за усталости войск, обеспокоенности судьбами Даву и Бернадота и убеждения в том, что в окрестностях еще остаются боеспособные крупные прусские соединения, Наполеон не давал приказа на общее преследование до 5 часов утра следующего дня (15 октября). Конечно, Мюрат уже оттеснил врага до Веймара, а Бернадот находился около Апольды, но в первые двенадцать часов после битвы бегущий противник почти не испытывал прямого давления, что на короткое время отсрочило полное поражение прусской армии.

Когда же Наполеон получил правильное представление о том, что произошло 14 октября при Ауэрштедте, и о направлении, по которому отходит основная масса прусской армии, он немедленно привел в действие всю свою Великую армию. Этот план предусматривал использование силы, действовавшей прямым фронтальным давлением, в то время как второе соединение должно было совершить обход прусского фланга через Галле и Дессау с целью захвата переправы через Эльбу и пересечения направления отхода пруссаков к Берлину или Одру. Первая задача была поручена Мюрату, Сульту и Нею, войска которых были еще относительно свежими, но из корпусов, получивших задачу проведения охватывающего движения

¹ Сражение у саксонской деревни Росбах в период Семилетней войны 1756—1763 годов, в котором прусская армия под командованием короля Фридриха II разбила численно превосходящие (в 2—3 раза) франкоимперские войска.

(Бернадот, Ланн, Даву и Ожеро), три последних вели тяжелые бои 14-го и нуждались в отдыхе, так что вначале охватывающее движение пришлось полностью доверить опозорившемуся князю Понтекорво. Одновременно Луи и Мортье получили приказы наступать к Гессену.

Продвигаясь вперед, Мюрат достиг Эрфурта 16-го и захватил от 9000 до 16 000 пленных (источники расходятся в количестве), в то время как Блюхер еле ускользнул от кавалерии, которой командовали Клейн и Ласаль. На следующий день головная дивизия Бернадота под командой генерала Дюпона сразилась около Галле с прусским резервом (герцога Вюртембергского) после 17-часового марша. Результатом этого боя было уничтожение почти половины прусского войска; герцог Вюртембергский потерял 5000 человек и 11 пушек из своего исходного состава, 11 350 пехотинцев, 1675 кавалеристов и 38 орудий. Бернадот считал свои потери не превышающими 800 человек. Таким образом была обращена в бегство последняя неразгромленная часть прусских сил.

Восемнадцатого октября император перенес свои линии коммуникаций в Майнц, оставив старый извилистый путь через Вюрцбург и Форххайм и заменив его новой 10-этапной системой, которая вела к Эрфурту через Франкфурт, Айзенах и Готу протяженностью в 160 миль. К этому времени все корпуса уже активно преследовали противника, и к 20 октября они широким фронтом вышли на могучую Эльбу.

Приблизительно в это время Фридрих-Вильгельм III оставил свою армию и направился к реке Одер, поручив Хоэнлоэ неблагодарную задачу собрать остатки армии и попытаться сформировать из них хоть какую-то полевую армию около Магдебурга. Если бы электор Вюртембергский вместо того, чтобы давать бой у Галле, привел своих солдат к Магдебургу и образовал бы ядро новой армии, старания Хоэнлоэ могли бы увенчаться большим успехом. Но в этих обстоятельствах быстро уменьшающееся расстояние, отделявшее пруссаков от головных отрядов Наполеона, заставило Хоэнлоэ направиться к Штеттину на Одере, чтобы там соединиться с русскими войсками, как он надеялся, спешившими на помощь от царя Александра. Тем временем войско Блюхера, в котором было много тяжелых орудий прусской артиллерии, отходило по собственному пути через город Брауншвейг на запад.

Пока растерянное прусское верховное командование выполняло эти решения, Наполеон торопил своих маршалов с организацией переправы через Эльбу. Первым был Даву, переправившийся у Виттенберга. В 9 часов утра прусский арьергард попытался было взорвать этот мост, но местное население помешало этому, и к 3 часам пополудни весь корпус Даву был на том берегу Эльбы. В пятнадцати милях к западу войска маршала Ланна усиленно ремонтировали сожженный мост, и к наступлению темноты корпусная кавалерия, два батальона и несколько легких пушек благополучно перешли Эльбу. Еще далее к левому флангу Бернадот, подгоняемый нетерпением императора, пытался раздобыть лодки для переправы через реку у Барби. Таким образом, к рассвету 22 октября Наполеон закрепил за собой два плацдарма, в то время как Сульт, Ней и Мюрат приближались к Магдебургу. Хотя в этот момент пруссаки успешно совершили свой отход, уже ничто не могло помешать взятию Берлина.

Некоторую озабоченность Наполеона стало вызывать падение дисциплины среди французских войск. Двадцать первого октября Сульт был «вынужден принять решительные меры, чтобы прекратить губительные последствия расхлябанности, воцарившейся в армейском корпусе... Приказы командиров игнорируются, жизнь офицеров часто подвергается опасности и, в довершение всего, как только появляются французские войска, начинается уничтожение ресурсов и продуктов, имеющихся в сельской местности»(43). Были введены жестокие наказания, чтобы прекратить все безобразия, в особенности это относилось к гражданским

лицам, сопровождавшим армию, — ко всем этим маркитанткам (Vivandières), прачкам и прочим пристроившимся к армии. Однако отсутствие порядка не замедляло скорости марша; герцогу Хоэнлоэ не было дано времени на переформирование его армии. Теперь Берлин стал ближайшей целью императора, где, как он надеялся, Хоэнлоэ даст сражение в защиту столицы. Великая армия двигалась через Ратенов, Цизар и Потсдам, оставив Нея для осады Магдебурга.

Наполеон остановился в Потсдаме, чтобы посетить могилу Фридриха Великого — одного из немногих полководцев, к чьим заслугам он всегда высказывал глубокое уважение. «Вначале он шел быстро, — записал де Сегюр, который сопровождал императору в этом паломничестве, — но, подходя к церкви, он пошел медленнее и размереннее, приближаясь к праху великого короля, память которого он пришел почтить. Дверь к монументу была отворена; он остановился у входа в серьезном раздумье... Он пробыл там почти десять минут, неподвижно и безмолвно»(44). Однако восхищение своим великим предшественником не помешало Наполеону приказать конфисковать саблю Фридриха, генеральский пояс, ленту ордена Черного орла и другие военные трофеи, «для утешения наших ветеранов, переживших катастрофу Росбаха»(45).

К вечеру 24 октября французский авангард прибыл в пригород Берлина, а на следующее утро маршалу Даву была дарована честь въехать первым в город со своим корпусом. Через два дня Наполеон лично получил ключи от города от принца Хатцфельда; сразу после этой церемонии принц был арестован по обвинению в шпионаже, и только униженные мольбы его жены сохранили ему жизнь. Хотя доказательства было маловато, Наполеон всегда был не прочь изобразить эффектную сцену, показав, как он проявляет свое царственное милосердие в назидание современникам и позднейшим историкам. Через несколько дней корпус Ожера подошел к столице, и барон Марбо записал занятный анекдот о способе, каким постарались унижить прусскую армию. Он был свидетелем патриотических выходов в Берлине, предшествовавших объявлению войны, и с некоторой симпатией описывает изменение атмосферы. «Моим первым чувством после возвращения в Берлин, который я запомнил, уезжая из него не так давно, как блестящую столицу, было сочувствие его патриотическому населению, униженному разгромом, вторжением, потерявшему родных и друзей. Однако появление прусской королевской гвардии, хотя и разрушенной и плененной, пробудило совсем иные чувства. Молодые офицеры, вызывающие «точившие свои сабли о ступени французского посольства», теперь выглядели жалкими. Они умоляли, чтобы их провели не через Берлин, а минуя его, не желая идти в этой процессии на глазах у горожан, еще недавно видевших их столь кичливыми и заносчивыми. Именно поэтому император приказал эскорту провести их по той улице, где находилось посольство. Эта маленькая месть отнюдь не вызвала неодобрения берлинцев, которые не особенно любили гвардейцев и обвиняли их в том, что они втянули короля в эту войну»(46).

Хотя Наполеон и посчитал нужным провести несколько эффектных военных смотров, чтобы произвести впечатление на горожан, он продолжал преследование немногих уцелевших остатков прусской армии. Наибольшей опасностью, грозившей французам теперь, была возможность вторжения русских войск, и для защиты своего восточного фланга император решил обезопасить рубеж по Одере. IX корпус уже был на марше в Глогау и еще не останавливался с момента переправы через Эльбу. Теперь и Даву получил приказ направиться маршем из Берлина для занятия Кюстрина и Франкфурта-на-Одере. Одновременно I, V корпуса и кавалерийский резерв должны были наступать в северном направлении для разгрома войск Хоэнлоэ и его соратников и захвата Штеттина.

Голодная и измотанная прусская армия теперь спасалась бегством через Ораниенбург в направлении на Пренцлау, стремясь также достичь относительно безопасного Штеттина на Одере. По пятам их преследовали Бернадот, Ланн и Мюрат.

Принцу Хоэнлоэ никак не удавалось оторваться от противника, чтобы выиграть время, необходимое для достижения Штеттина, где они ожидали обрести безопасность. Кульминацией целого ряда несчастий было произошедшее в Пренцлау 28 октября, когда прусский генерал, трепетавший перед французами, принял за чистую монету наглые уверения Мюрата, что тот окружен сотней тысяч французских солдат, даже не попытавшись самому убедиться в правдивости этой информации. Он принял совет Массенбаха далее не сопротивляться, ибо тот считал дальнейшее сопротивление бесполезным. В руки французов попало 10 000 пленных и 64 пушки. А на следующий день позорно сдались в плен 4000 кавалеристов (хотя только половина из них еще была на лошадях) отряду генерала Мийо, имевшему всего 700 сабель в Пазевальке. В этот же день (29-го) генерал Ласаль появился перед воротами Штеттина, где генерал-губернатор фон Ромберг поспешил начать переговоры. Еще более постыдным было то, что командир крепости, возвышающейся над Штеттином, некий полковник Ингерслебен, не сделал ни одного выстрела по французам, хотя в свое время поклялся Фридриху-Вильгельму, что скорее погибнет, чем сдаст крепость. Этот изменник даже выслал лодки с противоположного берега Одера, чтобы войско Ласалья могло без затруднений переправиться к оборонительным сооружениям. Еще 5000 прусских солдат оказались в плену.

Единственным крупным соединением рассыпавшейся прусской военной машины, пока все еще боеспособным и самостоятельным, были войска под командой генерала Блюхера и герцога Веймарского. Первый отходил отдельно от своих соотечественников после ухода с рубежа Эльбы, направляясь к Зандау с намерением соединиться с силами герцога Веймарского для операций в тылу у французов. Однако желаемого соединения сил не произошло, пока Блюхер не достиг пункта к северу от Штрелица, где он изменил своей план. Его новой целью стал датский порт Любек, где он рассчитывал погрузиться на корабли со своими солдатами, которых теперь стало 22 000 (включая солдат герцога Веймарского), и плыть в Англию. Его по пятам преследовал Бернадот с 12 000 солдат, за ним шел Сульт на расстоянии дневного перехода или больше, но, несмотря на благоприятные шансы разбить своих преследователей одного за другим, Блюхер предпочел 5 ноября запереться в стенах нейтрального Любека. Но у Блюхера не было возможности организовать оборону, так как головные французские части вошли в Любек чуть ли не одновременно с ним. Еще до наступления ночи генерал Шарнхорст и 10 000 солдат были вынуждены сдатьсь. Хотя Блюхеру удалось выручить и спрятать 10 000 своих солдат в соседнем городке Раткау, он был так огорчен потерей своего бесценного начальника штаба, что тоже сдался в плен французам на следующий день.

Дополнительной наградой, попавшей в руки Бернадота, была только что прибывшая шведская дивизия, присланная королем Густавом IV для помощи своим прусским союзникам. По словам Марбо, «маршал, чьи манеры, когда он этого хотел, были, я должен признать, очень приятными, особенно желал заслужить репутацию хорошо воспитанного человека в глазах этих чужеземцев»(47). Всевозможные знаки внимания изливались на графа Мёрнера и его товарищей, и в свое время эта расчетливая лесть оказалась Бернадоту полезной, когда он находился в Северной Европе благодаря услужливости Мёрнера и соратников. Однако его хороших манер не хватило на то, чтобы предотвратить совершение солдатней ужасных зверств над мирными горожанами Любека.

Шестого ноября более чем в ста милях к югу от Любека генерал фон Клейст, защитник Магдебурга, начал переговоры с осадившим город маршалом Неем, и за четыре дня к списку трофеев Великой армии добавилось более 22 000 пленных, 600 пушек и огромные запасы предметов довольствия. Йенская кампания фактически завершилась. Вдалеке, на рейнском фланге, Мортье занял Гамбург. Кроме 25 000 убитых и раненых, пруссаки потеряли 140 000 человек пленных и передали фран-

цузам более 2000 пушек. Только небольшое количество спасшихся пруссаков смогли перебраться через Одер и вступить в русскую армию. Потребовалось только 33 дня для уничтожения прусских армий и вместе с ними легенды о прусской непобедимости. Вся война длилась только семь недель. Снова был убедительно продемонстрирован Blitzkrieg наполеоновской стратегии.

Глава 43

АНАЛИЗ ТРИУМФА

Разгром прусской армии — редкий случай в истории, когда неприятельская армия низведена до нуля так быстро и так решительно. Великие традиции Фридриха и его справедливо прославленное военное искусство оказались роковыми для его последователей. Самодовольство привело к отказу от всех планов модернизации, а чрезмерная самоуверенность привела к полному непониманию того необходимого, что было нужно, чтобы сражаться с Наполеоном. Отсутствие единоначалия в армии и четкой военной политики приводило к ненужным излишествам — изобилие противоречивых планов в основном создавало путаницу и порождало нерешительность у высшего военного командования Пруссии. Закостеневшим в традициях славного прошлого прусским военным пришлось на собственном горьком опыте узнать, как радикально изменились реальности военного искусства за сорок лет, минувших со времен Росбаха и Лейтена.

Против них была направлена воля одного человека, держащего в своих руках все вооруженные силы и прекрасно знающего, как побеждать противников. Его приказов ждала самая умелая и испытанная армия в Европе, которую вели молодые люди, доказавшие свои способности, обладавшие высоким моральным духом после побед 1805 года. И тем не менее их не губила самоуверенность; сам Наполеон тщательно готовился к долгой войне, и рядовые вначале разделяли его осторожность.

Жан-Пьер Блэз из 108-го полка записал: «Мы все были уверены, что нам предстоит более тяжелая кампания, чем в действительности совершенная нами. Случилось же так, что нам потребовалось только несколько дней, чтобы увидеть разницу между пруссаками и австрийцами»(48).

Две четко различимые фазы кампании, события, приведшие к двойной битве 14 октября, и последующее развитие успеха, продолжавшееся в ноябре, являются одним из интереснейших периодов военной карьеры Наполеона. В первом периоде он, приняв продуманные меры для обеспечения безопасности при защите Рейна и Франции, навязывает свою волю медлительному и нерешительному противнику. И он делает это, несмотря на то, что даже французская разведка не может разобраться в сложности прусских маневров, что заставляет императора наступать, почти не имея четкого представления о противнике, с минимумом надежной информации о его местонахождении. Конечно, система батальонных каре являлась идеальной в таких неопределенных ситуациях, так как она могла справиться с неприятелем, внезапно появившимся с любой стороны. Только 13 октября Наполеон получил относительно полную информацию о том, где находится противник. Однако он успел максимально использовать всю громоздкость тыловой организации прусской армии для того, чтобы поставить ее в безвыходное положение и к этому моменту не оставить ей никаких других возможностей действий, кроме двух. И даже при всем этом ему пришлось принимать большое сражение на целых два дня раньше предполагаемого срока (он ожидал сражения у Веймара 16 октября). И более того, в течение всей битвы при Йене он продолжал заблуждаться, считая, что ведет сражение с главной прусской армией, тогда как в действительности против

него действовало только одно фланговое соединение, причем численность французов на 20% превышала силы пруссаков. Разумеется, эти заблуждения справедливо приписываются «туману войны» и сильному расположению фланга пруссаков за рекой Зале (Клаузевиц назвал его «наилучшим из упоминаемых в истории»), а не прямым ошибкам со стороны Наполеона. Но пример этой кампании показывает, как долго он нащупывал верное решение, и это — редкий случай в тех кампаниях, что он провел. Тем не менее он искусно исключал один за другим все возможные стратегические ходы пруссаков, пока истина не стала очевидной.

Йенский период этой кампании выявил поучительный контраст между бестолковым устаревшим командованием прусской «многоголовой гидры» военачальников и абсолютным единоначалием во французской армии. В то же время такая наполеоновская система командования имела изначально слабое место, что хорошо видно по намеренной задержке Бернадота: Наполеон не мог следить одновременно за всеми, и вследствие этого I корпусу удалось потратить весь день 14-го, не участвуя ни в Йенской, ни в Ауэрштедтской битвах. Если бы в обоих случаях французам пришлось плохо, поведение князя Понтекорво могло бы привести к катастрофе. Но как бы то ни было, оно отняло у победы ее полный, немедленный результат. Точно так же преждевременное вступление Нея в бой показало, что Наполеон не всегда полностью контролировал своих подчиненных. Но с другой стороны, было также и два выдающихся примера инициативы, храбрости и здравого смысла, проявленные двумя другими маршалами: блестящее использование маршалом Даву критической ситуации при Ауэрштедте справедливо является наиболее прославленной страницей в истории этой кампании, а занятие Ланном утром 13 октября Ландграфенберга и его мгновенная реакция на то, что он увидел перед собой, также заслуживают величайшей похвалы.

Однако солдаты обеих армий прекрасно проявили себя на поле брани. Правда и то, что саксонские части не блистали храбростью после боя под Зальфельдом, но это были насильно присоединенные союзники, поэтому от них никак нельзя было ожидать тех высоких подвигов, которые характерны для их прусских соратников. Успешное прикрытие, осуществлявшееся Таунзином во время отступления от Йены к северу, явилось примером стойкости особенно и потому, что в то утро его солдатам уже пришлось очень нелегко, тем не менее многие проявили подлинный героизм.

Разумеется, Великая армия была в наилучшей форме и в отношении морального духа и боеготовности, хотя вне боевых действий репутация ее была неважной: неразборчивость в средствах — грабеж и бессмысленная разрушительная сила были слишком обычным явлением, достойным скорее орд Аттилы или Чингисхана, а отнюдь не воинов первой французской Империи.

Управление войсками Наполеоном в битве при Йене замечательно тремя важными находками, характерными для него в период расцвета: во-первых, решительностью и изобретательностью, с которыми он перекроил свои планы, учтя новые обстоятельства, и сосредоточил 40 000 солдат из-за реки Зале за одну ночь 13 октября, не считая 48 пушек. Во-вторых, гибкостью его планирования, которая позволила его армии немедленно перейти ко второй части плана, несмотря на то, что первая закончилась на несколько часов раньше, и на то, что подход подкреплений шел не так быстро, как он надеялся. В-третьих, его использованием артиллерийских батарей, выдвинутых на огневые позиции перед фронтом армии во время первой фазы прусского отступления, когда корпус Рюхеля неожиданно пошел в контратаку и некоторое время после этого только совсем небольшое количество пушек удерживало пруссаков, пока не подросла пехота, чтобы заполнить брешь во французской линии. В будущих наполеоновских битвах подобное использование артиллерии повторялось довольно часто.

Недостатками кампании была невозможность вовремя остановить Нея (хотя Наполеон и спас его от опасности удивительно искусно) и неправильные оценки,

сопутствовавшие его расчетам, точно так это было в те дни, которые непосредственно предшествовали битве при Маренго в 1800 году). Есть и еще один отрицательный момент, относящийся к более позднему времени. Наполеон не оценил полностью заслуги генерала Даву. Хотя в то время он не поспешил на хвалу и восхищение им, как свидетельствуют армейские бюллетени, и позднее сделал его герцогом Ауэрштедтским, ирония судьбы — хотя по-человечески и понятная — была в том, что Наполеон никогда не любил Даву; может быть, он был слишком талантлив и поэтому являлся потенциальным соперником.

Особенно интересна фаза преследования противника. Бернадот частично купил свои прошлые грехи безжалостностью погони за противником вместе с Мюратом, и полное значение «наполеоновского развития успеха» было наглядно показано застывшей от ужаса Европе.

Что же касается прусской стороны, недостатки Хоэнлоэ и других подчиненных снова выявились в общей некомпетентности, даже трусости, проявленной при попытках справиться с катастрофой. Один только Блюхер проявил сопротивление и стойкость духа. Никогда моральное состояние прусской армии не было так глубоко подорвано. Вероятно, ее высокий моральный уровень, проявлявшийся в начале кампании, нужно рассматривать как недостаток, потому что он граничил с кичливостью, и результаты оказались ужасающими (по пословице «сатана гордился, да в ад свалился»), а здравое, но сдержанное высказывание Вильгельма Молчаливого¹: «Неудачи необходимы для того, чтобы оставаться сильным», очевидно, никак не укладывалось в рамки философии прусской военной машины этого периода.

В результате Наполеон вывел из строя не менее 125 000 прусских солдат из общего количества 160 000, первоначально имевшихся в Саксонии, а из остальных 35 000 пруссаков и саксонцев, находившихся в других местах, ни один не смог переправиться через Одер, чтобы присоединиться к русским в тот момент.

Огромный военный триумф Великой армии не достиг желанной политической цели кампании. Оккупация Берлина и фактическое уничтожение прусских армий не принесли мира. Фридрих-Вильгельм, правда, не говорил ни о чем другом начиная с 15 октября, но он уже не делал погоды; реальное управление прусскими делами перешло к его прекрасной и мужественной жене королеве Луизе и главному министру Харденбергу. Эти патриоты были сделаны из более крепкого материала, и, получив заверения из Санкт-Петербурга, что помощь русскими будет оказана, они преисполнились решимости продолжать борьбу. Таким образом, Наполеону не далась окончательная победа, подобная той, что была одержана под Аустерлицем, и впереди его еще ждали шесть месяцев тяжелых зимних боев, прежде чем Пруссия будет вынуждена принять неизбежное и достичь какого-то соглашения с императором.

¹ Вильгельм Молчаливый — прозвище Вильгельма III Нассауского (1650—1702) принца Оранского, штатгальтера Голландии, впоследствии короля Англии и Шотландии (1689—1701), талантливого военачальника и человека с твердым характером. Он спас Голландию от вторжения французских войск Людовика XIV, приказав открыть шлюзы и затопив страну.

Часть девятая

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

*Кампания Наполеона в Восточной Пруссии и Польше.
Октябрь 1806 — февраль 1807*

Глава 44

НАПРАВЛЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ — ВАРШАВА

«Наполеон дунул, и прусской военной мощи не стало...»¹ — ходячая фраза того времени. Известие о неожиданной победе французов под Йеной — Ауэрштедтом привело все правительства Европы в невероятное изумление. Было очень трудно поверить, что армия Фридриха Великого фактически уничтожена в однодневной битве. Еще труднее было этим правителям примириться с тем фактом, что теперь Наполеон полностью господствует над всей Европой к западу от Одера. Прошло лишь тринадцать месяцев с тех пор, как только что сформированная Grande Armée впервые переправилась через Рейн и мощным потоком двинулась к Дунаю, но за это время были разгромлены и уничтожены армии и правительства двух величайших германских держав, жестоко побита армия Великой России, а французская граница фактически приблизилась к европейским странам на 350 миль на востоке от Франции.

Однако известия об этих новых военных триумфах в самой Франции были встречены явно холодно. «Медовый месяц» императора и «усыновленного» им народа быстро кончался, по мере того как все сильнее ощущались жестокие реальности непрерывной войны, повлекшие за собой человеческие страдания и сильный экономический упадок. Весть о победе под Аустерлицем заставила выйти на улицы весь празднующий Париж; новости о Йене вызвали более холодный прием. К концу 1806 года «желание мира всеми во Франции было так велико, что оно даже превосходило удовлетворенную гордость, — писал крупный французский историк Луи Мадлен, — и люди заходили так далеко, что даже говорили о том, что этот полный триумф императора несомненно вдохновит его на совершенную несговорчивость по отношению к России, и перспектива новой войны, которая не может не быть долгой и тяжелой, против этой «снежной горы» сеяла уныние повсюду. Сенат решил послать депутацию в Берлин не столько для поздравления императора с победой, сколько для того, чтобы убедить его заключить мир. Наполеон принял делегацию русских с необыкновенной холодностью. Он был готов заключить мир, но только тогда, когда Россия покажет, что она готова воевать вместе с ним против «тирании Англии»(1).

¹ Перефразировка известных слов Г. Гейне «Наполеон дунул на Пруссию, и она перестала существовать».

В этом заключалось главное. Наполеон слишком хорошо понимал, что его триумфальная победа над Пруссией почти ничем не помогла ему выиграть искреннее всеобщее признание среди государств или хоть сколько-нибудь приблизить возможность заключения всеобщего мира. Народ Британии был непоколебим в своей враждебности, Пруссия упорно отказывалась замирииться, царь Александр уверял Фридриха-Вильгельма (в тот момент беглеца, искавшего убежища в стенах Кёнигсберга) в решимости России продолжать войну, и уже поползли тревожные слухи о том, что Австрия снова вооружается. Возможное сочетание британского золота и военно-морской поддержки, русского фронтального наступления через Польшу и возрождения враждебности Австрии на южном фланге Великой армии представляло очень серьезную угрозу. Поэтому в течение нескольких месяцев Наполеон и Талейран делали все возможное, чтобы уменьшить эти опасности, надеясь справиться с одной или несколькими из них при помощи ловкой дипломатии и экономического давления. В этот момент во всех существенных сторонах Франция занимала оборонительную позицию.

Опасения императора относительно Австрии оказались беспочвенными. Выяснилось, что ее стремление к перевооружению было, по крайней мере частично, вызвано страхами австрийцев, что французы собираются вновь нанести удар где-то около Дуная и нарушить австрийский нейтралитет.

«Как будто нам не хватает забот с зимой и русскими, они (австрийцы) делают вид, что считают, будто мы опять пойдем через их ущелья и горы»(2), — заметил генерал Савари. Наполеон требовал от Шёнбрунна лишь гарантии постоянного нейтралитета, и он со временем ее получил. Его предложение вернуть часть Силезии Габсбургам за счет Пруссии показывает, что торжественные заверения императора были искренни, тогда как усиление французской Итальянской армии было молчаливым напоминанием австрийским стратегам о том, что любая их попытка поддержать враждебные действия в Германии или Польше поставит их перед необходимостью найти еще тысяч восемьдесят солдат для защиты своих альпийских границ. Эта новая австрийская армия только еще начала восстанавливаться, и поэтому эрцгерцог Карл посоветовал императору Австрии не торопиться и выждать более благоприятного момента для интервенции. Тем не менее Наполеона явно продолжал беспокоить его южный фланг чуть ли не всю первую половину 1807 года. Австрия все-таки могла бы создать серьезные затруднения для его армии, хотя, как потом оказалось, она играла роль, очень напоминавшую роль Пруссии в 1805 году, но эта скрытая угроза так никогда и не осуществилась.

С «нацией лавочников», однако, дело обстояло совсем иначе. Французов не особенно тревожила возможность британского вторжения во Францию или Голландию, высадки англичан 1793-го и 1799 годов не произвели сильного впечатления, да и в 1806 году Наполеон был уверен, что 40 000 человек, составлявших треть и учебно-запасные батальоны Великой армии, расквартированные во Франции, усиленные еще тридцатью тысячами солдат и новобранцев Национальной гвардии, вполне смогут сдержать и отразить любую подобную высадку британцев на континент. С другой стороны, у него не было сомнений, что Великобритания является вдохновительницей и главным финансистом всей этой череды враждебных коалиций, которые непрестанно готовились выступить против него. Здесь он ничего не мог поделать, потому что Британский королевский флот владычествует над морями со времен Трафальгара, и это делало «коварный Альбион» практически неуязвимым для прямого военного давления. Однако оставался еще один путь действий. Британия была уязвима со стороны своей торговли, и Наполеон поставил себе задачу усилить атаку на эту ахиллесову пята Британии. Двадцать первого ноября 1806 года были выпущены так называемые Берлинские декреты, приказывающие закрыть для британской торговли все побережья и порты, находившиеся под французским контролем. «Британские острова объявляются нахо-

дящимися в состоянии блокады. Всякая торговля и сношения с Британскими островами запрещены». Все товары, уже ввезенные в Европу, должны были конфисковываться, а все британские подданные на французской территории интернировались. Эти меры вовсе не являлись новой политикой; еще правительства революционной Франции выработали идею экономической войны, и, как и во времена Консульства и в первые годы Империи, торговые санкции налагались с разной степенью эффективности. Но в ноябре 1806 года «континентальная система», как она стала называться, превратилась в узаконенную и главную сторону французской стратегической и международной политики. Ее целью было разрушить британскую промышленность, закрыв для нее европейские рынки, чтобы вызвать состояние растущих экономических трудностей и общественного недовольства среди населения Британии. Предполагалось, что такая форма давления заставит британское правительство пойти на уступки.

Как оказалось, континентальная система стала страшным, более того — роковым провалом Наполеона. Несомненно, британской экономике был нанесен ущерб, но он никогда не мог достичь уровня реальной опасности, даже если бы эта система и стала абсолютно эффективной. С самого начала изданные законы чуть ли не открыто попирались даже теми подчиненными императора, кому он наиболее доверял. Массена подал пример, незаконно продавая неофициальные лицензии на торговлю с Англией итальянским купцам, увеличивая этими доходами свое и так уже необозримое состояние. Фуше писал Бурьену: «...многие французы, служащие коммивояжерами французских фирм, находятся в Манчестере и закупают товары английского производства»(3). Бывшего секретаря императора не особенно напугали эти нарушения, потому что он сам активно практиковался в сделках на «черном рынке». Являясь французским послом в Гамбурге, Бурьен имел поручение закупить 50 000 английских плащей для армии к будущей зимней кампании. «Я заключил договор с Гамбургом, на который я сам дал разрешение, несмотря на Берлинские декреты, привезти сукно и кожу из Англии. Наши войска могли бы погибнуть от холода, если бы континентальная система и вся эта нелепая груда невыполнимых приказов, касающихся торговли с Англией, стали бы осуществляться»(4). Луи Бонапарт, король голландский, был, вероятно, самым заядлым нарушителем декретов и потакал общераспространенному обходу этих законов своими подданными. «Прижми своих голландцев, прижми их как следует, — рвал и метал его разъяренный брат, — ты слишком носишься со своей популярностью... прежде чем быть хорошим, нужно быть властелином»(5). Однако все эти приказы не оказывали действия, и континент продолжали наводнить английские товары; более того, многие из солдат, шедших на Москву в 1812 году, были обуты в сапоги из Нортхемптоншира и шинели, сшитые из ланкаширских и йоркширских сукон.

Оставаясь крайне малоэффективными против Англии, Берлинские декреты быстро превратились в мощный фактор упадка Первой империи. Наполеон отчасти чувствовал, что он будет вынужден дать кровавые сражения при Прейсиш-Эйлау и Фриланде, чтобы заставить Россию и прибалтийские страны принять континентальную систему, а также примириться с его германскими и польскими завоеваниями. Несомненно, мотивом, вызвавшим его вторжение в Испанию в 1808 году и нападение на Россию четырьмя годами позже, было все то же желание закрыть рынки, через которые шли английские товары.

Мало того, что эти экономические санкции втягивали Францию в дальнейшие разорительные войны, они рикошетом страшно ударили и по Наполеону. Выпущенные в отместку Франции британские королевские законы (январь 1807 года) объявили ее и ее союзников находящимися в состоянии блокады и воспретили всем нейтральным судам ввозить запрещенные товары во французские порты под страхом конфискации грузов и продажи судов с аукциона. Эти законы британ-

цев оказались куда более эффективными, чем соответствующие французские декреты. Многие товары — такие, как кофе, хлопок и тростниковый сахар, — стали практически недоступны даже в Париже, и эти лишения, вызванные британской блокадой, стали причиной сильнейшего раздражения союзников против Наполеона. Но и британская политика была не без недостатков; нейтральные государства были возмущены ограничениями, которые навязывались им военно-морскими судами Британии, и с течением времени разногласия из-за «права поиска» привели к войне с Соединенными Штатами Америки в 1812 году. Таким образом, обе стороны дорого платили за догматическое сохранение политики «экономического удушения», но в конце концов Франция первой сломалась под таким давлением. Хотя это и произошло после 1812 года, сама идея Берлинских декретов потерпела полное поражение уже в 1806 году. Британию совершенно не запугали угрозы Наполеона, и стремление британцев заставить «лопнуть лягушку, раздувшуюся до размеров вола», стало еще более сильным. Очень возможно, что выход декретов о блокаде знаменует момент прохождения Наполеоном пика своей карьеры и начало упадка.

Дипломатические попытки убедить царя Александра принять французский status quo также не дали успеха. Наполеон начал неохотно думать о разгроме русских армий, ибо он прекрасно понимал масштаб этой задачи, и потребовалось немало времени, чтобы у него сложился этот план. В момент захвата Берлина он весьма туманно говорил: «...мы должны поздно или рано столкнуться с русскими и разгромить их». В конце октября Наполеон уже имел сведения о планах командующих и размещении русских войск, и то, что он узнал, убедило императора в том, что целесообразно вывести войска за Вислу, прежде чем они станут на зимние квартиры в этом году. Если французы будут размещены вдоль и восточнее этой реки, корпуса будут выгодно дислоцироваться для выполнения операций, проводимых против оставшихся силезских крепостей, и в то же время для прикрытия планируемой осады важных портов Данцига, Кёслина¹ и Штральзунда на Балтийском побережье. Тот факт, что в тылу у армии будет река Одер с ее крепостями, обеспечит путь отхода и второй эшелон обороны, если события в Польше будут неблагоприятны.

Жёлая получить точные сведения о намерениях русских, 5 ноября Наполеон приказал Даву «заранее прочесать всю страну», проведя рекогносцировки силами 2500 драгун дивизии генерала Бомона вплоть до Позена². Одновременно Жерому Бонапарту на южном фланге было приказано захватить Глогув в Силезии. Во время выполнения этих операций 9 ноября в императорскую ставку пришла важная весть.

Совершенно точно стало известно: русская армия в количестве не менее 56 000 человек направилась из Гродно на запад в конце октября, это давало основания предполагать, что к концу месяца русские могли достичь самых восточных границ Пруссии, а к середине ноября они смогут подойти к важному пункту Торн³ на Висле. Спустя два дня Даву доложил, что около Позена нет и признаков врага и что он организует там полевые пекарни. На основании этих сведений Наполеон принял решение. Хотя точное местонахождение русских и истинные намерения Австрии оставались еще неизвестными, было ясно, что в его интересах занять наиболее выгодные зимние квартиры, откуда можно будет начать решительное наступление весной 1807 года. Чтобы опередить русского командующего генерала Беннигсена на Висле и не дать ему соединиться там с прусским корпусом Лестока, Наполеон должен был бы немедленно начать наступление

¹ К ё с л и н — теперешний Колобжег (Польша).

² П о з е н — Познань.

³ Т о р н — теперешний Торунь в Польше.

и занять и Торн, и польскую столицу без всяких задержек. Выйдя на западный берег Вислы, он сможет принимать решения о дальнейшем продвижении, исходя из той информации, которую он может получить; при необходимости он сможет направить свои войска и против Австрии.

Были подготовлены соответствующие приказы. Начальное наступление должно было развиваться широким фронтом с целью получить как можно раньше максимальное количество новостей диспозиции русских. Для этого было выделено 80 000 человек — корпуса Даву, Ланна, Ожеро и Жерома под временным командованием Мюрата. На севере V корпус должен был выйти из Штеттина и VII — из Берлина на Торн, а в центре III корпус Даву должен был продвинуться за Позен и направиться к Варшаве. На юге войскам Жерома (IX корпус) было приказано наступать от Глогау к Калишу так, чтобы обезопасить южный фланг против возможности наступления австрийцев (как бы маловероятно это ни было).

На крайнем правом фланге дивизии генерала Вандамма предстояло наступать в направлении Бреслау для постепенного захвата силезских крепостей. Крайний северный фланг был вверен VIII корпусу Мортье 11 ноября, а Луи Бонапарту приказано вернуться в Голландию и охранять расположенные там французские части. Сам Наполеон должен был пока остаться в Берлине, организуя тыловые районы и собирая остающиеся корпуса Великой армии, возвращающиеся после преследования Блюхера, чтобы выслать их в качестве второго эшелона по своим дорогам на восток: Бернадота и Нея — по направлению к Торну, а Сульта (с его войсками и еще четырьмя кавалерийскими дивизиями, составлявшими второй кавалерийский резерв Бесьера) — на Варшаву.

Решение Наполеона вторгнуться в Польшу диктовалось не только военными соображениями; имелся и сильный политический мотив. За последние 35 лет эту несчастную страну делили не менее трех раз ее мощные и прожорливые соседи — Россия, Пруссия и Австрия. Наполеон хорошо понимал, что теперь он может встать в позу «освободителя», а восстановив древнее королевство, надеялся получить нового союзника в Восточной Европе, и, кроме того, к его армии добавятся 50 000 солдат для увеличения Великой армии. И здесь его мотивы были характерны для искусного политика; Наполеон чувствовал очень мало личной симпатии к польскому национальному возрождению. «Поляки! Тем хуже для них, — воскликнул он однажды. — Они позволили себя разделить. Они уже больше не нация — у них нет духа общности. Дворян слишком много, народа слишком мало. Это мертвое тело, которому нужно вернуть жизнь, прежде чем с ним можно что-то сделать. Сначала я сделаю из них солдат и офицеров; потом посмотрим. Я займу прусскую часть, возьму Позен и Варшаву, но я не трону Краков, Галицию или Вильну»(6). Действительно, с Польшей была нужна величайшая осторожность; слишком энергичный подход мог подтолкнуть Австрию к немедленным военным действиям; и Наполеон также не хотел чрезмерно раздражать царя (Польша — его больное место), тем самым загубив будущие шансы на переговоры и соглашение с ним. В силу этого он никак не хотел делать каких-либо прямых обещаний политических свобод и не призывал поляков восстать против своих теперешних хозяев. Когда Варшава оказалась в его руках, он ограничился тем, что образовал шесть департаментов на землях, уже отторгнутых от Пруссии и превращенных в полуавтономную политическую единицу, назначив над ними совет из семи польских аристократов. В остальном Наполеон был очень осмотрителен. «Мне хотелось бы сделать Польшу независимой, но это трудное дело, — однажды сказал он Бурьену. — Австрия, Россия и Пруссия все отрезали себе от этого пирога; если зажечь спичку, кто знает, чем кончится пожар... Мы должны оставить это дело хозяину всего — времени»(7).

Тем временем армия углублялась в Польшу, не встречая сопротивления. К 18 ноября Даву был на полпути к Варшаве, Ожеро — около Брамберга, Жером приближался к Калишу. Кавалерийская разведка доносила, что генерал Лесток и, возможно,

15 000 пруссаков — последние остатки военной мощи Фридриха-Вильгельма — завладели Торном, к которому должен был вскоре подойти Ланн, но что нигде не видно признаков русских войск. Действительно, только 27 ноября Мюрат сообщил о первом контакте с главным противником — короткой стычке с русскими казаками немого западнее Варшавы. Но генерал Беннигсен не попытался защищать город. Он отвел свою армию на правый берег Вислы и сжег мост в Праге¹, прежде чем начать осторожный отход к Пултуску, и 28-го Мюрат вошел в Варшаву, не встретив никакого сопротивления. Через несколько недель туда же приехал Наполеон. Он прибыл верхом: все его кареты сломались в болотах по пути — свидетельство ужасающего состояния польских дорог.

После недолгого периода активности, когда были отражены разведывательные атаки Беннигсена и Лестока, последовала короткая стратегическая пауза. Варшава была пределом безопасного продвижения, пока не подойдет остальная часть армии; необходимо было превратить ее в операционный центр, построив склады, госпитали и прочее, да и войскам требовался отдых. С августа еще не было перерыва в сражениях и переходах, и теперь «ворчуну» (les grognards) — прозвище, данное императором как раз в это время, — требовали передышки. Наполеон согласился на их просьбу. Его фронт, идущий вдоль Вислы, был довольно узок: только 240 километров отделяли Балтийское побережье от границ Австрии. Овладение Варшавой и близлежащим Модлином дало Наполеону сильную стратегическую позицию, потому что в этом районе расположены реки Нарев, Буг и Вкра, впадающие в Вислу и образующие несколько возможных операционных направлений в сражениях будущей весной. Район между Варшавой и Торном также очень удобен для быстрого сосредоточения войск в случае русской атаки через болота Северной Польши; такой маневр мог позволить основной массе французской армии напасть на их тыл, используя Варшаву как операционную базу. Но, по-видимому, такой непосредственной опасности не было, так как 1 декабря Беннигсен начал отход от Вислы под прикрытием завесы казаков и направился к месту соединения с приближавшейся армией Буксгевдена в 30 милях восточнее Остроленки. Через четыре дня Торн попал в руки французов после ухода Лестока. И все-таки Наполеон все еще стремился укрепить свое положение. Он писал Мюрату из Позена 6 декабря: «Жду известий о том, восстановлены ли мосты через Вислу и Буг. Эти две переправы мне абсолютно необходимы, потому что они позволяют сосредоточить мои войска вокруг Варшавы»(8). Кроме того, если противник будет настолько опрометчив, чтобы начать наступление на Нижней Висле, перед французами не будет естественных препятствий, которые помешают им нанести удар по флангу и тылу русских.

Глава 45

ЛЮДСКОЙ СОСТАВ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Оба главных противника были пока заняты в основном оборонительными проблемами. Сразу после Йенской кампании Наполеон имел в Германии более 200 000 человек. Пехота была неизменно преобладающим родом войск. Великая армия имела 61 пехотный полк, состоявший каждый из двух батальонов, служивших на передовой линии, и одного оставленного во Франции, но в 18 полках было по 4 батальона, из которых три были на активной службе. Это означало, что в распоряжении Наполеона всего было 1400 рот, каждая из 123 человек, или 172 000 пехотинцев. Кавалерия состояла из 24 драгунских и кирасирских полков, 18 егерских и 9 гусарских, причем

¹ П р а г а — пригород Варшавы на правом берегу Вислы.

в составе каждого полка было по четыре эскадрона. Округленно эти 204 эскадрона насчитывали около 36 000 кавалеристов самого лучшего качества, оставшихся после реквизиции большого количества прусских лошадей.

Но император не был вполне доволен этой внушительной армией. Предвидя суровую и, вероятно, длительную кампанию против неисчислимых русских ратей, он планировал увеличить численность каждой пехотной роты до 140 человек и добавить в кавалерийские полки по пятому эскадрону(9). Были приняты все возможные меры, чтобы получить еще 23 000 пехотинцев и 10 000 кавалеристов дополнительно. Благодаря ранее проведенному набору первые из 80 000 обученных новобранцев призыва 1806 года уже начали поступать в армию. Но их не хватало; чтобы возместить людские потери в прусскую кампанию, организовать гарнизонную службу на линиях коммуникаций и обеспечить увеличение штатной численности. Поэтому Наполеон не колеблясь объявил призыв 1807 года, тоже ранее сроков, в попытке ликвидировать это расхождение между количеством имеющихся и количеством требуемых сил, хотя ни один из этих 80 000 новобранцев не мог быть зачислен в армию ранее лета следующего года. Союзников и нейтральные страны тоже уговаривали дать как можно больше солдат. В Швейцарии была начата рекрутская кампания, от Голландии и Испании потребовали предоставить 20 000 и 15 000 солдат соответственно. Подготовка кавалериста требует больше времени, чем подготовка пехотинца, поэтому, чтобы сократить срок неизбежного ожидания, согласно приказу от 4 ноября, из Итальянской армии были взяты восемь кавалерийских полков. Но все эти меры были недостаточны, и плановые цифры так и не были достигнуты.

Снабжение и оснащение этой огромной армии представляло новые трудные проблемы. Французы вскоре обратились к практике удовлетворения своих нужд за счет грабежа вновь завоеванных областей Германии. Финансовые поборы с процветающих ганзейских городов были огромны; особенно был обобран Гамбург. От Пруссии и ее союзников потребовали 160 миллионов франков для финансирования Великой армии; всего из германского бюджета французы вытянули 560 миллионов. Случайные удачи — такие, например, как конфискация товаров и другого имущества Британии, — увеличивали общий итог, но кроме денег требовалось немалое количество разных предметов натурой. Масштаб реквизиции был огромен: чтобы обустроить французскую армию, из германских источников было приобретено 600 000 пар обуви и 37 386 пар гамаш(10). Масштабы потребности французов, да еще на фоне ограничений, налагавшихся Берлинскими декретами, не могли повысить популярность Первой империи в Центральной и Северной Европе. К тому же эти меры мало улучшали падающий моральный дух французской армии. Временный подъем духа солдат в начале кампании, вызванный быстрым завоеванием Пруссии, вскоре исчез, сменившись усталостью, унынием и тоской по дому. Как замечает генерал Рапп, «наши солдаты были все более неудовлетворены: они проявляли сильнейшее нежелание переправляться через Вислу. Нужда, зима, плохая погода вселили в них прямо отвращение к этой стране»(11). Действительно, физические условия кампании в Польше были основной причиной широко распространенных нарушений дисциплины и угрожающе разросшегося мародерства. Грунтовые дороги Польши вначале превращались в грязевые болота, а затем в замерзшие и изуродованные колеи, по мере того как октябрьские ливни сменялись сильными морозами в середине ноября. Карета генерала Дюрока опрокинулась на дороге, сломав ему ключицу. «Все письма, что я получаю, — записывает Бурьен в своем гамбургском уюте, — не содержат ничего, кроме череды жалоб на плохое состояние дорог»(12).

Наполеон старался поднять дух своих солдат, приказав выплатить значительные денежные прибавки для всех званий, удвоить размеры вещевого довольствия и выдать каждому солдату новую рубашку, спальный мешок и пару сапог для ка-

валеристов, а для пехотинцев — три пары ботинок. «Papa Noël»¹ появился раньше времени и был тем более желанным. Но все равно солдаты ворчали. Не хватало еды, и французские солдаты кисло шутили, что им нужно знать всего только четыре слова по-польски: «Kleba?» — «Niema». — «Voda?» — «Teraz». («Хлеба?» — «Нету». — «Воды?» — «Сейчас принесем».)

В 1806 году все наличные силы русских армий (подробнее см. ниже) делились на 18 так называемых дивизий, каждая из которых теоретически содержала 6 пехотных полков (в них входили 18 батальонов), 20 кавалерийских эскадронов (10 тяжелых и 10 легких) и 82 пушки. Из этого количества поздней осенью 1806 года на польский фронт была отправлена армия генерала Беннигсена, состоявшая из 2, 3, 4 и 6-й дивизий и содержавшая в целом (согласно германскому историку XIX века фон Хёпфнеру) 49 000 пехотинцев, 11 000 кадровых кавалеристов и 4000 казаков, 2700 артиллеристов, обслуживавших 276 пушек, и 900 саперов. Однако Дюма высказывает сомнения в том, что боевой состав этой армии превышал 55 000 человек. Второй армией командовал генерал Буксгевден, она состояла из 5, 7, 8 и 14-й дивизий, в которых было 39 000 пехотинцев, вероятно, 7000 кавалеристов и 1200 артиллеристов с 216 пушками, то есть, возможно, 46 000 человек боевого состава. В начале кампании 1806—1807 годов обе эти армии были подчинены старому ветерану Каменскому, который мог развернуть фронт из почти 90 000 человек в конце ноября. Кадровые силы русских состояли из гвардии (также известна как 1-я дивизия) под командованием великого князя Константина (она все еще находилась в Петербурге), пяти дивизий под командованием генерала Михельсона, стоявших против турок в Молдавии (затем две из них были присоединены к Беннигсену в январе 1807 года), и оставшихся четырех дивизий, расквартированных в России под командованием графа Апраксина, они образовали ядро для последующего создания резервной армии.

Различные роды войск русской армии имели свои характерные особенности: пехотинцы, стойкие и храбрые солдаты, были совершенно неграмотны, плохо экипированы, плохо вооружены и почти неоплачиваемы; кавалерия имела хороших лошадей и была не хуже французской, а казаки, вооруженные пикой и шашкой, часто даже превосходили французских гусар (при надлежащем руководстве ими); артиллерия отличалась также очень высоким качеством; пушек было много (при Эйлау приходилось по шесть орудий на каждую тысячу человек), конные упряжки хорошо организованы, а канониры были прекрасно обучены.

Царский офицерский корпус был значительно хуже. Глубокая социальная пропасть отделяла пехотных офицеров от собратьев из других родов войск; заметно не хватало офицеров с соответствующим образованием в специальных корпусах. К тому же большинство чисто русских офицеров слыли ленивыми картежниками, а лучшими профессиональными военными были люди иностранного происхождения. Но наиболее слабое место русской армии — это ее управление. Штабы отличались очень плохой организацией, их работе сильно мешало господство бюрократии. Службы снабжения были безнадежны — они не имели ни средств для закупок, ни транспорта и складов для обеспечения фронта продовольствием и снаряжением. Поэтому русские солдаты должны были сами добывать себе пропитание, пока хватало ресурсов, а затем перемещаться на «свежие пастбища». Именно это и явилось основной причиной опрометчивого решения атаковать Наполеона при Аустерлице в 1805 году.

Русской армии также не хватало хороших военачальников. Графу Беннигсену был 61 год; военный ганноверского происхождения, он поступил служить в русскую армию в 1773 году. Это был способный кавалерийский офицер, не лишенный здравых стратегических идей, но в качестве практического боевого командира

¹ Рождественский Дед Мороз (фр.).

Беннигсен имел ограниченные возможности, поэтому лишь немногие из его планов оказались результативны. Генерал Буксгевден, участник сражения под Аустерлицем, флегматичный, несколько ограниченный военачальник, не блистал интеллектом, но это был человек большой личной храбрости. К несчастью для их боевого содружества, отношения между этими двумя армейскими командирами были омрачены неумемной личной завистью. Их номинальным начальником был генерал-фельдмаршал Каменский, 75-летний ветеран, когда-то бывший заместителем великого А.В. Суворова, — человек, в котором часто боролись опрометчивость и нерешительность, что усугублялось его неистовым характером, и который совсем не подходил для этой высокой должности, впрочем переданной в январе 1807 года генералу Беннигсену. Из более молодых генералов своими высокими потенциальными способностями выделялись князь Багратион и Барклай-де-Толли, тогда как лихой Платов, командир казаков, имел почти мистическую власть над своими войсками, набранными на Украине и на Кавказе. Кроме них, в высшем командовании армиями в Польше в это время было мало талантливых людей.

Глава 46

МАНЕВР НА НАРЕВЕ

В конце первой недели декабря еще не появилось никаких определенных признаков, которые могли бы быть истолкованы как предвестники более агрессивной русской политики. Имея в распоряжении 80 000 солдат и ожидая подхода такого же количества подкреплений, Наполеон чувствовал себя вполне уверенным в том, что победа ему обеспечена при любом развитии событий. Тринадцатого декабря император оценил как наиболее вероятные действия Беннигсена, предполагая, что он попытается закрепиться на реках Нарев и Пассарге — и даже на Вкре — с намерением не дать французам контролировать район между Бугом и морем, поддерживая соприкосновение с силами пруссаков Лестока, и будет ожидать там подхода подкреплений из России. Если события действительно будут развиваться именно так, Наполеон планировал бросить корпуса Нея, Сульта и Бернадота через Торн, чтобы обойти правый фланг русских и отделить их от их прусских союзников, которые в это время в нерешительности стояли около Лаутенбурга. Он немедленно выехал из Позена в Варшаву. Однако на следующий же день кавалерийская разведка Мюрата донесла, что противник собирается эвакуировать Пултуск, а этот маневр означал, что русские скоро окажутся вне пределов суточного перехода французской пехоты. С замечательной гибкостью и решительностью Наполеон приказал выполнить задачу, вначале предназначавшуюся для трех корпусов, силами только одной кавалерии. Мюрату было приказано сосредоточить всех своих кавалеристов, кавалерию Бессьера и легкие кавалерийские бригады армейских корпусов, сформировав ударную армию в 30 000 сабель и 30 легких пушек, и с ее помощью, не теряя времени, перерезать дорогу Пултуск — Кёнигсберг и вступить в бой с авангардом противника. Не успели еще разослать эти приказы, как 15 декабря пришли свежие известия. Теперь выяснилось, что армия Беннигсена была усилена войсками Буксгевдена, находившимися к северу от Пултуска, французам же показалось, будто русские все еще намереваются отходить.

Исходя из этого предположения, Наполеон решил провести большой стратегический обход противника, пытаясь перерезать коммуникации русских наступлением по направлению к реке Нарев. План операций был следующим: IV, VII, III и V корпусам, предваряемым кавалерийской завесой Мюрата, повернуть на север от Вислы и подойти к фронту, простиравшемуся от Щещина на Вкре до Шероска на Буге, а затем захватить Пултуск — пункт, где коммуникации русских пересекают

реку Нарев. В то же время VI и I корпуса, поддерживаемые частью кавалерии, должны будут двигаться на Бельшун, а оттуда — к Золдау и Млаве, чтобы лишить русских возможности отойти на север и не давать им соединиться с Лестоком. Корпусу Сульта была поручена задача связать оба фланга Великой армии. Император уверенно предсказал, что эти продвижения приведут к главному сражению 21—22 декабря.

В этом он ошибся. Объединенные силы русских отнюдь не продолжали свой отход, наоборот, они пошли вперед, чтобы снова занять Пултуск, и затем продвинулись на юго-запад от города своими главными силами, а их патрули разведывали местность вплоть до реки Вкра. В результате в местах французских переправ через Вкру завязались ожесточенные схватки. У французских войск случились непривычные задержки, и настоящее наступление началось 22 декабря, когда войска Даву смогли пробиться через Нарев у Чарново, причем обе стороны потеряли около 1400 человек. В час ночи Наполеон выехал из Варшавы, чтобы взять на себя руководство войсками. В 9 часов утра он был на берегах реки Нарев вместе с корпусом Ланна. Днем главная армия расширила свой плацдарм к северу от рек Буг и Висла, а на значительном расстоянии на северо-западе часть корпуса Бернадота сражалась у Бельшуна против части прусского корпуса. Двадцать четвертого основная масса армии Каменского была замечена в окрестностях Насельска, и весь день велись беспорядочные стычки и перестрелки с отрядами неприятеля. Однако в ночь Сочельника Наполеон узнал, что русский генерал отходит на север к Стрешегозину. Такое изменение потребовало нового плана. Даву было приказано наступать прямо на Стрешегозин в поддержку движения Ланна на Пултуск из Насельска, а VII корпус был направлен через Новемтесте к Шенску, чтобы отрезать путь продвижения русских, причем IV корпус двигался через Вкру для его поддержки.

Двадцать шестого декабря произошел ничего не решивший бой у Пултуска на правом берегу Нарева. Против Ланна воевали около 35 000 русских и 40 пушек; у него же были две собственные дивизии и одна дивизия Даву (возглавлявшаяся начальником штаба III корпуса генералом д'Олтанном) — всего, вероятно, около 25 000 человек. Бюллетень от 30 декабря несколько преувеличенно описывает: «Все корпуса Беннигсена соединились там на ночь»(13) и затем построились в три линии с выдвинутыми флангами между городом Пултуск слева от них и Мишином справа. Силы были слишком неравными, и, хотя Ланн смог взять город после полудня, ему не удалось удержать его против напора сомкнутых рядов пехоты Беннигсена, которой командовал на правом фланге Барклай-де-Толли, а на левом — Багговут. Однако в 3 часа дня Беннигсен заметил, что дивизия генерала Гюдена подходит на помощь Ланну, и решил, что игра не стоит свеч. Ночью русские снова стали эвакуировать Пултуск и отошли по обоим берегам Нарева к Остроленке. Таким образом, план Наполеона дать «решительный бой» закончился вничью и на четыре дня позднее намеченного.

В тот же самый день произошел еще один ожесточенный бой у Гольмина, в 12 милях к северо-востоку от Пултуска, где Даву и Ожеро с 38 200 солдат схватились с 18-тысячным авангардом Буксгевдена, но безрезультатно, авангардом командовали князь Голицын и генерал Дохтуров.

Как и следовало ожидать, из-за численного превосходства победа досталась французам, но Марбо рассказывает об одном случае, ярко показавшем непоколебимую храбрость и решительность русской пехоты, достойно выполнявшей свою задачу. Войска Ожеро атаковали деревню с одной стороны, а с другой — Даву угрожал перерезать связь русских с Пултуском, и Голицын приказал своим солдатам сосредоточиться именно здесь. «Хотя наши солдаты стреляли по русским с расстояния только двадцати пяти шагов, — вспоминает Марбо, — они продолжали двигаться [через фронт Ожеро], не отвечая огнем, потому что иначе бы им пришлось останавливаться, а для них было дорого каждое мгновение. Каждая дивизия, каж-

дый полк проходили колоннами по двое под нашим обстрелом, не говоря ни слова и ни на мгновение не замедляя своего шага. Улицы Голымина были завалены умирающими и ранеными, но мы не слышали ни единого стога — им было запрещено издавать хоть один звук!»(14) Каждая сторона потеряла около тысячи человек, но потом Голицыну удалось ускользнуть; плохая погода помешала французам продвинуться вперед.

Хотя все эти действия не смогли по-настоящему остановить неприятеля, они наконец убедили Каменского, и тот приказал начать общее отступление; к 27 декабря снова началось преследование французами русских. К северо-западу кавалерия Бернадота и Бесьера направилась к отдаленной Остроленке, чтобы мешать отходу русских, в то время как Ней изводил пруссаков, отступавших к Нейденбургу, оттесняя их в сторону от возможного соединения с русскими. В центре кавалерия Мюрата гнала колонны Буксгевдена назад, к мостам у Макова, а на правом фланге три дивизии Ланна преследовали Беннигсена по правому берегу Нарева. Русский командир направлялся к Розану, где у него была тыловая штаб-квартира. Однако во время преследования, при состоянии общего возбуждения, Наполеон позволил своим частям чрезмерно растянуться. Он ожидал, что русские повернутся и дадут сражение у Макова, поэтому придержал преследование и 28 декабря приказал осуществить общее сосредоточение широко разбросанных корпусов около этого города, однако составные части войск Каменского продолжали упорно отступать на северо-восток, на Остроленку и далее.

Но к этому времени эффективное преследование стало невозможным из-за переменчивой погоды — то сильные морозы, то внезапные оттепели, сопровождавшиеся ливнями, и это остановило французское преследование, затормозившееся среди вязкой грязи, замерзшей снежной каши или окаменевшей от мороза земли. «Ужасные дороги и плохая погода вынудили меня встать на зимние квартиры»(15), — написал Наполеон своему военному министру 29 декабря.

Так закончилась первая попытка Наполеона сковать и уничтожить своего неуправляемого русского противника. «Маневр на Нареве» далек от лучших образцов искусства Наполеона, и хотя он и достиг ограниченного стратегического успеха и напугал русских (действительно, фельдмаршал Каменский решил, что в его годы все же не годится вести такие активные кампании, и попросил отставки), все же результаты не были завершающими. После Рождества очень обострились трудности снабжения французской армии, крайне не хватало продовольствия и теплой одежды. Еще более серьезной причиной незавершенности успеха Наполеона было то, что он нарушил свое собственное правило держать корпуса на расстоянии взаимной поддержки друг от друга и в силу этого был лишен возможности провести решительное сражение. Дальнейшие неправильные расчеты относительно местонахождения, численности и направления русской полосы отхода тоже помешали его действиям. Но самым большим препятствием для французского императора была остановившая его войска грязь. Грязь в невиданных масштабах. На этот раз молниеносное наступление Наполеона замедлилось и остановилось. Эта неудача вызвала дальнейшее ухудшение морального состояния армии; нарушения дисциплины достигли огромных размеров; император отметил, что до 40% солдат отсутствовали, сбежав из расположения своих частей 28 декабря и занимаясь мародерством. Явно необходимо было сделать паузу для отдыха армии и пересмотра планов.

Рядовые с великой радостью встретили перерыв в активных боевых действиях, которого они ждали уже несколько месяцев. Вдоль берегов Вислы и около Пултуска был выстроен ряд сборных пунктов, и различным частям было приказано располагаться биваками в тщательно распланированных местах. Основная часть I корпуса Бернадота была вначале размещена между Лобау и Остероде; Ней — между Млавой и Нойденбургом; легкие дивизии кавалерийского резерва располагались в сельской местности между реками Ожиц и Омудев, что давало им возможность

следить за Остроленкой. Основная часть остатка армии была сгруппирована севернее Варшавы; ставка, гвардия и VI корпус были расквартированы в Варшаве; VII корпус — возле Плонска, IV — около Макова и Голымина и III — в окрестностях Брока. Сильные плацдармы установлены за Вислой и Наревом у Торна, Модлина, Праги, Пултуска и Шероска. Также были четко обозначены тщательно выбранные районы сосредоточения, чтобы армия могла занять места в бою с минимальной задержкой в случае тревоги. Однако зиме не суждено было пройти впустую. Наполеон приказал генералу Виктору образовать новый корпус из 25 000 человек (X) и с ним предпринять осаду Данцига. Однако вскоре, 23 января, Виктор был заменен Лефевром после его пленения прусскими партизанами. Бернадоту было приказано прикрывать эти операции, расширив корпусной район до включения в него Эльбинга и Мариенвердера. Во всех других случаях строго приказывалось «избегать всех продвижений вперед, которые могли бы разбудить активность неприятеля»(16). Хотя расположенные на самом севере плацдарма корпуса были чрезмерно растянуты, их диспозиции были хорошо выбраны. Армия могла быстро выступить против любой угрозы, нацеленной на ее любую часть. Организация районов сосредоточения тыловых складов, укрепленных плацдармов за Вислой и запасных линий коммуникаций, шедших через Варшаву и Торн, была рассчитана на всевозможные случайности.

Глава 47

ВАРШАВСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Несмотря на все свое желание как можно скорее сразиться с русскими, Наполеон отнюдь не был против того, чтобы провести некоторое время в польской столице. «Наше пребывание в Варшаве было восхитительным, — вспоминает Савари, герцог Ровиго. — За исключением театров, город представлял все парижские увеселения». Потребовалось не много времени, чтобы император нашел утешение от разделявшего его и Жозефину далекого расстояния и отсутствия семейного счастья. «Была одна дама, чье необычайное очарование произвело глубокое впечатление на императора, — продолжает сдержанно тот же повествователь. — Он почувствовал к ней горячую любовь, на которую она отвечала со всем пылом сердца»(17). Прекрасная графиня Мария Валевская была новым объектом пылких ухаживаний Наполеона, и между ними началась связь, которой суждено было выдержать проверку временем, во всяком случае, со стороны дамы: даже когда Наполеон был сослан на Эльбу, его верная польская возлюбленная тайно побывала у него.

Жозефина в далеком Майнце вскоре почувствовала что-то неладное и стала бомбардировать его просьбами позволить ей приехать к нему в Варшаву. У Наполеона не было никакого желания нарушать свою идиллию, и он каждый раз отговаривался какими-то причинами для отказа ей. «Меня трогает твое огорчение, но ты должна примириться с обстоятельствами, — писал он императрице 2 января. — Расстояние между Варшавой и Майнцем слишком велико... Я бы желал, чтобы ты вернулась в Париж, где твое присутствие необходимо»(18). Те же «причины» были изложены и в следующем письме от 8-го — опять расстояния, дурное состояние дорог, погода, светские обязанности императрицы. «Париж требует тебя; поезжай туда — таково мое желание», — заключает волокита перед тем, как добавить чудовищно лживый постскриптум: «Я еще более раздражен, чем ты. Мне хотелось бы делить эти длинные зимние ночи с тобой»(19).

Однако восторгам любовного гнездышка не было позволено занимать все его время. Если пока не наступило время для активных военных действий, можно было заняться разработкой дипломатических ходов. Решив поставить царя в тупик и от-

влечь внимание его армий, Наполеон завязал интриги и с Турцией и с Персией, желая уговорить их объявить войну России. Эта политика некоторое время уже велась. В письме к султану Селиму из Позена от 1 декабря Наполеон убеждает его «выгнать мятежных господарей¹... Не давайте сербам уступок, которые они требуют с мечом в руках... Наступайте на Хотин; вам не нужно бояться русских»(20). В начале января он снова писал своему «высокопочтимому и верному другу»: «Пришло время для Оттоманской империи возродить ее древнее величие. Нельзя терять ни мгновения. Ваши границы нарушаются. Призовите ваших верных подданных на защиту того, что им наиболее дорого. Русские хотят уничтожить ваши города, ваши мечети и самое имя мусульманина... Молюсь, чтобы Бог благословил ваше оружие. Ваш преданный и верный друг Наполеон»(21).

Немедленно в Порту была отправлена миссия, возглавлявшаяся умным полковником Себастьяни, и вскоре старания увенчались успехом; в конце декабря Константинополь решил объявить войну России, и вскоре ожесточенные бои развернулись около Хотина и на Балканах. Султан пошел дальше, когда 29 января он расширил военные действия, включив в них еще одного противника — Великобританию. Очень скоро немалые силы русских были направлены против турок.

Такие заметные стратегические успехи французов не могли осуществляться бесконечно лишь на основе высоких чувств. В апреле 1807 года Наполеон в более прозаическом духе пишет Евгению: «Пошли генералу Лористону 25 золотых и серебряных часов для турок»(22). Очевидно, для обеспечения гладкой работы французской дипломатии требовалось и «смазочное масло».

Аналогичные уловки использовались, чтобы посорить Александра с Персией. В письме к шаху от 17 января Наполеон призывает к наступлению в Грузии против общего врага. «Богиня удачи, — пишет он, — завязала глаза нашему врагу. Сильно теснимый на западе и востоке, он тем не менее объявил войну Оттоманской Порте. Несомненно, невидимая сила — та же, что заставляет меня побеждать и которая бдит над нашим успехом, — пожелала увлечь наших врагов к их гибели, слепо вооружая их против сил трех мощных держав. Да соединятся три наши империи и образуют вечный союз»(23). Некий генерал Гарданн был отправлен с поручением обещать материальную помощь персам. Согласно Бурьену, «Наполеон решил послать персидскому шаху 4000 солдат-пехотинцев под командой специально отобранных и опытных офицеров, 10 000 мушкетов и 50 орудий». В случае, если хоть часть этой помощи материализуется, Бурьен указывает и на другой мотив, скрытый под этими подходами, «а именно — желание поразить Англию в самое сердце ее азиатских владений»(24). Манящая сила Востока и желание нанести тяжелый удар по британским торговым интересам в Персии и даже, возможно, в Индии постоянно присутствовали в мечтах императора. Однако «обстоятельства не позволили императору уделить им то внимание, что они заслужили». По крайней мере, Турции было суждено горько пожалеть о своей вражде с Россией до конца 1807 года.

Глава 48

НЕСРАБОТАВШАЯ ЛОВУШКА — ИОНКОВО

Все эти восточные интриги вылетели у Наполеона из головы, когда в Варшаву к концу января 1807 года пришли важные местные новости. Стало известно, что Беннигсен начал неожиданно наступление против частей из VI и I корпусов. Увидев угрозу, Бернадот 25 января успешно сосредоточил у Мёрунгена 9 батальонов и

¹ Господари — русские поселенцы в Валахии. (Примеч. автора.)

11 эскадронов, которых было достаточно, чтобы отбросить русский авангард в тот же день (каждая сторона понесла потери, около 2000 солдат). Однако, определив численность стоявшего перед ним неприятеля в 63 000 русских и более 13 000 пруссаков, он решил отступить назад на юг к Остероде, предназначенному как район сосредоточения, где он рассчитывал войти в тесный контакт с Неем. Несколько встревожившись, Наполеон приказал всей армии сняться с зимних квартир и быть готовой встретить наступление 27 января.

Как только Наполеон заполучил считавшиеся верными сведения, он пришел к выводу, что ответственность за этот неожиданный взрыв нежелательной активности со стороны русских должна быть целиком возложена на командира VI корпуса. Оказалось, что маршал Ней, открыто нарушив приказ императора не делать никаких выдвиганий войск до весны, 2 января снял свои войска со своего района размещения в Нойденбурге и пустился в поиск, не имея на то разрешения, по озерному краю Польши вокруг Алленштейна до окрестностей Гейльсберга, прежде чем 17-го снова повернуть на юг. По-видимому, это было вызвано нехваткой продовольствия; отношения между наполеоновскими маршалами стали сильно обостряться в этот период; безусловно, они частенько присваивали содержимое транспортных колонн со снабжением, предназначенным другому. В этом отношении против Ней «грешили больше, чем грешил он сам»; из-за этого он был вынужден искать продовольствия и фуража. Наполеон, разъяренный таким явным нарушением его приказов, обвинял Ней в том, что именно он «растревожил осиное гнездо».

Хотя неблагоприятные действия Ней действительно могли несколько подтолкнуть Беннигсена к окончательному решению перейти в наступление, были и другие причины, заставившие русского генерала возобновить боевые действия. Наполеон несправедливо делал Ней единственным козлом отпущения за эту неприятную неожиданность: собственно, виноват был сам император, ибо он постоянно недооценивал предприимчивость русских генералов. Начав неожиданное наступление в такое неблагоприятное время года через Северную Польшу, Беннигсен имел основания надеяться, что он захватит врасплох ослабевшее и растянутое французское левое крыло, рассыпанное по бивакам, и затем сможет продвигаться вперед, форсируя рубеж по Висле, и тем самым поместит свою армию в выгодное положение для весенней кампании, конечной целью которой будет оттеснить французов за реку Одер.

Эти идеи были высказаны на военном совете русских, состоявшемся в Новгороде 2 января. Через восемь дней Беннигсен заменил Каменского на посту командующего всем польским фронтом, и это развязало ему руки для воплощения его плана. К 14 января русские дивизии (75 000 человек) стали огибать северный край Йоханнисбургского леса, двигаясь на запад и пользуясь бескрайними лесами: они скрывали свой марш от мюратовской несколько вяло реагировавшей кавалерийской завесы. В результате французы были захвачены врасплох. К счастью для Бернадота, русские колонны 23-го неосмотрительно наткнулись на несколько частей кочующего корпуса Ней, прежде чем они подошли к району размещения I корпуса, и это предостережение в последнюю минуту позволило принять некоторые предупредительные меры.

Со своей обычной гибкостью Наполеон, не теряя времени, оценил новую ситуацию и подготовил контрплан. Если русские будут продолжать наступление на запад, они неминуемо откроют свой левый фланг и тыл для атаки французов. Император решил реализовать эту возможность, используя Варшаву как операционный центр, а Торн — как опорный район. Для достижения своей цели Наполеон приказал начать общее наступление на Алленштейн, причем предполагалось, что Даву, Султ и Ожеро двинутся вдоль реки Алле, а кавалерийский резерв и гвардия — через Вилленбург. Для защиты Варшавы от возможного наступления рус-

ских (отдельного отряда генерала Эссена) V корпус должен был двигаться несколько восточнее, на Брок. Тем временем на нижней Висле генерал Лефевр должен был бросить свои приготовления к осаде Данцига и отойти к Торну, прикрываемый 10 000 солдат генерала Менара. Этому последнему было приказано оставить офицера связи в Торне, чтобы «информировать Лефевра о том, что происходит, так как вся армия будет на марше против русских в надежде отрезать несколько их корпусов»(25).

Чтобы обеспечить дальнейшее продвижение Беннигсена в ловушку, Бернадоту было приказано продолжать свой отход через Остероде, действуя в виде «приманки», тогда как Ней должен был занять исходные позиции, связывая войска левого фланга французов с основной их массой. Озабоченность Наполеона деталями обеих операций видна из письма Мюрату, отосланного 28 января: «Штаб должен был выслать вам приказы на передвижение. Я планирую начать наступление 1 февраля, хотя в этот день армия совершит только короткий марш.

Маршал Ланн наступает на Брон против Эссена; маршал Даву — на Мышимец; маршал Сульт — на Вилленбург; маршал Ожеро — в направлении Ниденбурга и Янова; Ней — на Хоэнштейн, и князь Понтекорво — на Остероде, если предположить, что хоть кто-то из них не отойдет назад; вы, без сомнения, поймете, что даже если противник и заставит их отойти, я не буду особенно расстроен. Мой план состоит в том, что Ополь, Клейн и Мийо со своими дивизиями и ваши три бригады легкой кавалерии должны будут собраться около Вилленбурга в ночь на 31-е.

Крайне необходимо, чтобы ни один маневр не был замечен. Завтра я буду в Прясныше. Вся гвардия сосредоточится там к вечеру 30-го. Драгунская дивизия генерала Беккера будет продолжать марш вместе с Ланном; дивизии Груши и Саяока могут оставаться на своих местах, но дайте знать мне их точное местонахождение, с тем чтобы, если мне нужно будет позвать их, я смог бы сделать это с легкостью. Поговорите об этом с маршалом Сультом и сообщите мне, что он выведет о диспозиции противника, его перемещениях и местных ресурсах между Пултуском и Мышимцем. Очень важно, чтобы все переходы совершались без малейшего шума. Дайте мне знать, имеется ли картофель в Мышимце, Вилленбурге и далее»(26).

Если бы этот план удался, то русский центр был бы разрезан и две половины армии Беннигсена разошлись по расходящимся направлениям.

Однако «самые хитрые планы людей и мышей» иногда не завершаются успехом. Несмотря на повторные приказы о сохранении всех перемещений в тайне, противник вскоре полностью узнал обо всех планах Наполеона. Волей судьбы одна копия приказов для маршала Бернадота была доверена задержанным Бертье первому попавшемуся ему на глаза офицеру. Он оказался только что произведенным в субалтерны¹ выпускником французской военной школы, следующим к своему первому месту службы. Этот офицерик впервые попал в Польшу, и немудрено, что он вскоре окончательно заблудился. Судьбе было угодно, чтобы он попал в плен к казакам, совершавшим рейд около Лаутенбурга, прежде чем он успел уничтожить свои драгоценные депеши. Эти документы были мигом доставлены Багратиону, командующему русским авангардом, и 1 февраля, в тот самый день, когда приказы Наполеона вошли в действие, они были положены на стол самому Беннигсену.

Результаты этой неудачи оказались фатальными для наполеоновских шансов на успех около Алленштейна, да, собственно, это повлияло и на всю зимнюю кампанию. Беннигсен был потрясен, узнав, как он чуть было не вверг в беду свои войска. Как пишет Жомини, «его внимание сосредоточилось на Бернадоте... он

¹ С у б а л т е р н — младший офицер.

слепо неся вперед к своей гибели»(27). Дальнейшее наступление было сразу приостановлено, и без всякой задержки были даны новые приказы растянутым порядкам русской армии, чтобы войска немедленно сосредоточились у Иенкендорфа (или Ионкова), готовясь встретить атаку Наполеона. Таким образом, если русский главный штаб полностью ознакомился с планом Наполеона, маршал Бернадот, разумеется, оставался в полном неведении, потому что казацкие патрули перехватили еще семерых французских курьеров, которые везли дубликаты приказа. В сущности, I корпус вообще не получил ни одного приказа вплоть до 3 февраля, и этот перерыв в связи в дальнейшем вызвал двухдневное опоздание дивизии Бернадота к кровавой битве при Прейсиш-Эйлау.

Не зная, что его план провалился, Наполеон торопил продвигаться вперед своих командиров. Первого февраля, как и приказано, кавалерия Мюрата начала вести осторожные рекогносцировки по направлению к Алленштейну, Сульт — к Пассенхайму, а Даву вышел к Ортельсбургу. В этот же день Наполеон оптимистически писал Калебасерусу: «Сегодня я в Вилленбурге, в 60 милях от Варшавы. Я двигаюсь навстречу противнику. Если он сразу не отойдет, мы нанесем ему решительный удар в тыл»(28). Второго февраля Мюрат был на окраине Алленштейна, предупрежденный императором, что он, вероятно, найдет там около 15 000 русских. Если их будет больше, Мюрату придется задерживать их всеми силами вместе с Сультом до подхода Даву и Ожеро днем, а гвардии и маршала Нея — ночью. Таким образом, к 3—4 февраля Наполеон мог сосредоточить у этого города более 40 000 человек. Однако в этот же день ближе к вечеру Мюрат донес, что в самом Алленштейне нет и следов неприятеля, и император, несколько удивившись, перенес направление наступления по направлению к Гюттштадту с целью блокировать там мост через реку Алле и в то же время приказал не спускать глаз с переправы пока что не занятого города Алленштейна. В соответствии с этим Мюрату и Сульту было приказано наступать прямо на Гюттштадт, имея Нея на левом фланге, а Ожеро и гвардия должны были сомкнуться у Алленштейна. Тем временем дивизия генерала Фриана (из корпуса Даву) должна была, не теряя ни секунды, направиться в Вартенбург.

Император совершенно не был уверен, что знает местонахождение русских или их планы. Третьего февраля он писал Мюрату: «Все заставляет меня думать, что противник попытается сосредоточиться у Гюттштадта. Невозможно представить, чтобы он позволил обойти свой левый фланг. Маршал Ней будет прикрывать ваш левый фланг; я еще не располагаю новостями о его прибытии в Хоэнштейн, но я не сомневаюсь в этом.

Однако, если Нея нет в Хоэнштейне, вы должны будете наступать с большой осторожностью, ибо если неприятель направится к Мёрунгену, Либштадту или из Остероде к Алленштейну, вместо того чтобы отступать к Гюттштадту, тогда ваше положение может стать очень опасным.

Дайте мне знать, сколько офицеров и патрулей вы отправили в направлениях Мёрунгена, Остероде и Либштадта, чтобы я мог убедиться, что алленштейнская позиция действительно достаточно безопасна»(29).

Он не хотел, чтобы его подчиненных атаковали в открытые фланги. Еще одной сопутствующей проблемой этой зимней кампании было состояние польских водных рубежей. За одну ночь река могла перестать быть защитным барьером или трудным препятствием при сильном морозе. Наполеону нужно было скорее узнать, «настолько ли замерзли реки Алле и Пассарге, чтобы их не принимать в расчет»(30).

При изучении оперативных сводок у императора стало постепенно складываться убеждение, что, вероятно, неприятель все-таки хочет спастись, но что он, скорее всего, остановится и даст арьергардный бой около Алленштейна или Гюттштадта в попытке оторваться от противника. «До сего момента, — пишет Наполеон Талейрану, — противник испытывал сильное давление. Теперь очевидно, что он

понял наши маневры, хотя и с некоторым трудом, и хочет спастись — факт, заставляющий меня думать, что он знает о наших планах. Согласно общим слухам, сейчас он везде отступает, пытаясь избежать угрожающего ему удара»(31). Однако только за несколько минут до этого письма Наполеон предупредил Даву: «Я думаю, что близко сражение. Возможно, что неприятель будет сражаться сегодня, имея тридцать или сорок тысяч людей, стремясь подбодрить своих людей»(32).

Последняя догадка Наполеона оказалась верной, хотя местность была не та, что он ожидал. Отправившись верхом в Алленштейн поздним утром, он узнал, что русская армия сосредоточилась в семи милях к северо-западу от города; левый фланг их расположен в Мондткене, центр находится близ Ионкова, перекрывая либштадтскую дорогу. Реакция императора была немедленной. Неприятеля следует сразу же атаковать (несмотря на то, что большая часть французской армии была еще далеко), чтобы не дать ему уйти из пределов досягаемости. Возможно, еще удастся выиграть решительное сражение, и кампания — а может быть, даже и война — будет доведена до победоносного завершения без дальнейших хлопот.

Однако короткому, но ожесточенному сражению под Ионковым 3 февраля 1807 года было суждено разбить эти оптимистические ожидания. К этому моменту, кроме части гвардии и кавалерийского резерва, у Наполеона было только пять пехотных дивизий (три из корпуса Сульта и две — Нея). Корпус Ожеро и гвардия были в пути, но еще не прибыли. Несмотря на это, план принял обычную форму. Мюрату было поручено полное командование силами Нея и дивизией Леграна для «фронтальной сковывающей атаки» («Le combat d'immobilisation et d'usure»), тогда как Султ поведет остальные дивизии (Леваля и Леграна) вместе с кавалерией Груши для нанесения удара во фланг противнику и преграждения пути его отхода к Кёнигсбергу. Для этого надо будет захватить мост у Бергфриде и развернуть войска за ним поперек главной дороги, ведущей на север. Но тогда придется разбить еще 12 русских батальонов, разместившихся там.

Вначале все шло хорошо. Часть кавалерии Сульта под командованием генерала Гийо продвинулись вверх по течению Алле до Гюттштадта, где они захватили много разного имущества, которое везли из русских складов, и 1600 пленных. Однако французские пушки открыли стрельбу на поле боя только в 3 часа дня. Несмотря на позднее время, фронтальная атака прошла достаточно успешно; Ней, Сент-Илер и Мюрат захватили намеченные им цели. К несчастью, начались ранние сумерки февральского зимнего вечера, и, прежде чем совсем стемнело, в бой смогли вступить только головные части различных французских колонн. То, что не подошли главные силы Ожеро, лишило Наполеона его ударной группы (*masse de décision*). Темнота помешала и эффективности обходного маневра Сульта через переправу у Бергфриде. На лед реки Алле намело несколько футов снега, и переправа была возможна только по мосту, который упорно защищали русские. Тем не менее 4-му линейному и 24-му легкому полкам с поддержкой одного батальона 28-го полка удалось захватить мост штыковой атакой, рассеяв противника, и взять 4 пушки. Но русские снова сосредоточились и, в свою очередь, отгеснили обратно солдат Сульта, и только перед самой темнотой операция закончилась захватом моста Сультом и образованием небольшого плацдарма перед мостом на западной стороне.

Наполеон был уверен, что на следующий день произойдет решающее сражение, если противник останется на месте. Наконец прибыл Ожеро, за ним следовала гвардия, и стали быстро подходить дивизии Даву, которые могли соединиться с Сультом уже ранним утром следующего дня, чтобы обеспечить успех флангового маневра. Однако противник не пошел на это, и морозной ночью с 3-го на 4 февраля Беннигсен отвел свои колонны одну за другой и направил их по дороге на Ландсберг. Рассвет озарил пустые позиции; легкая кавалерия Ласалья тщетно прочесывала всю равнину, но смогла обнаружить только небольшие отряды русской

кавалерии и казаков. «Птичка улетела», и теперь между «охотниками и дичью» пролегло расстояние в 6 лит. Ловушка не сработала.

Таким образом, маневр на реке Алле кончился безрезультатно. Русские едва избежали опасности, но их бесценное знание планов Наполеона за три дня до сражения помогло им полностью компенсировать последствия опрометчивого наступления Беннигсена в январе. Вечером 3 февраля спасение или гибель русских зависели от того, насколько повезет войскам, стоявшим против дивизий Сульта у Бергфриде и бывшим на волосок от поражения, пока наступившая морозная ночь не принесет им спасения. Солдаты императорской Франции жались друг к другу, пытаясь согреться под любым навесом — в хлеву или избе, тогда как войска русских, сравнительно приученные к холоду годами тяжелой жизни в своих бескрайних просторах, благополучно отошли. Серым рассветом 4 февраля Наполеону пришлось признать неприятный факт, что он упустил ту решающую победу, к которой так стремился.

Однако в бюллетене по армии от 5 февраля, пытаясь сгладить факт поражения, он писал: «Этими операциями перерезана большая часть линий коммуникаций русской армии. Склады Гюттштадта и Либштадта и часть складов Алле захвачены нашей легкой кавалерией»(33). Это стало некоторым утешением для дрожавших от холода голодных французских солдат, но, на их счастье, они не могли предвидеть страданий, которые выпадут на их долю в будущем, когда их колонны, преследовавшие неприятеля, окутанные паром от дыхания на морозе, спешили по направлению к Деппену. Ибо там вдали расстиралось поле Эйлау.

Глава 49

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ

Пятого февраля преследование французами войск Беннигсена начало набирать силу. Мюрат и Султ двигались в направлении Ландсберга, Даву — Гейльсберга (с приказом захватить там мосты), а Ней имел целью захват городка Вормдигт с целью не давать соединиться там Беннигсену и Лестоку. На следующий день великий герцог Бергский и герцог Далматский¹ нагнали русский арьергард у Хоффа и в стремительном бою захватили 5 пушек и 2000 пленных, потеряв 2200 своих солдат. Это был беспорядочный, несогласованный бой, и русские вскоре возобновили свой отход, дойдя до Эйлау вечером. Там Беннигсен остановился и повернулся, заняв фронтальную позицию перед своими преследователями; вскоре должно было начаться двухдневное сражение ужасающих масштабов.

По словам Доджа, «поле Эйлау имеет четкие очертания, на нем несколько небольших лесочков; между холмами текут ручьи, кое-где образующие пруды. Эти пруды в тот момент все замерзли и были занесены снегом, так что войска, в том числе и кавалерия, передвигались по ним, не зная, что находится у них под ногами. Французские позиции на холмах, идущих от Эйлау к Ротенену, возвышались над русскими, за исключением высот Клайн-Заусгортен»(34).

Ни одно из великих наполеоновских сражений не окружено большими неясностями и странностями в характеристиках, чем сражение при Эйлау. Факты, мифы и пропаганда неразрывно переплелись между собой, и различные авторы предлагают совершенно противоречивые истолкования почти каждой стороны и стадии сражения. Что это была страшная бойня, происшедшая в почти невозможных погодных условиях, соглашаются все, но на этом почти кончается единогласие мнений. Тем не менее можно извлечь представление о сражении из массы

¹ То есть Мюрат и Султ.

противоречивых сведений и выстроить достаточно объективную картину того, что произошло.

Хотя Наполеон и был доволен, что его «загнанная в угол» жертва наконец повернулась к нему лицом, общая диспозиция французских корпусов была совсем не благоприятной для начала немедленного боя. После сражения у Ионкова позиции французской армии стали значительно более растянуты, поэтому необходимое сосредоточение на поле боя становилось маловероятным. Первыми (около 2 часов дня 7 февраля) к району Эйлау подошли войска Сульта и Мюрата, затем к ним присоединились Ожеро и гвардия. Таким образом, к ночи в распоряжении Наполеона было 45 000 человек в непосредственной близости, еще 14 500 человек (за вычетом некоторых отрядов) Нея, находившихся в нескольких милях севернее и выслеживавших Лестока, а корпус Даву (15 100 человек) подходил на полной скорости от Бортенштейна. Однако Нея не отзывали от выполнения его задачи до 8 часов утра. С другой стороны, генерал Беннигсен уже имел около 67 000 русских солдат, развернутых для боя, и надеялся, что 9000 пруссаков Лестока появятся на следующий день. У русских было значительное превосходство в артиллерии — 460 пушек против 200 французских.

Таковы факты, являющиеся ключом к первому главному вопросу, связанному с Эйлау, — хотел ли Наполеон начать сражение 7-го числа (как это и произошло). Согласно «официальным французским источникам», император намеренно приказал провести атаку против города Эйлау с тем, чтобы не дать врагу овладеть им раньше него и найти укрытие от холода для своих солдат, тем самым сковывая Беннигсена демонстрацией силы, чтобы не дать ему возможности снова отойти ночью. Эта точка зрения сильно оспаривается многими историками и современниками, которые утверждают, что Наполеону пришлось пойти на неоправданные потери людей из-за ошибок своих непосредственных подчиненных — Мюрата и Сульта. Эти историки доказывают, что не в интересах Наполеона было вступать в бой с превосходящими силами противника прежде, чем прибыли его оставшие корпуса Нея и Даву, и до того, как Бернадот переместился на левый фланг, чтобы продолжать выслеживание Лестока. Главным свидетельством в поддержку этого аргумента являются воспоминания 24-летнего барона Марбо, который в 1807 году служил в штабе Ожеро, только что получив звание капитана. Он был тогда шеголеватым лихим офицериком, со склонностью к романтическим приключениям; тем не менее рассказанный им позднее случай звучит правдиво, хотя другие части его мемуаров должны читаться с определенными оговорками в отношении их фактической точности.

«Маршал Ожеро поднялся на плато, где оказался император. Я услышал, как Наполеон сказал Ожеро: «Некоторые хотят, чтобы я взял штурмом Эйлау сегодня вечером; но я не люблю ночных боев, и, кроме того, я не хочу слишком сильно выдвигать вперед мой центр, пока не подошел Даву с правым флангом и Ней — с левым, следовательно, я буду ждать их до завтра на этой возвышенности, которую можно защищать артиллерией и которая является прекрасной позицией для нашей пехоты; когда Ней и Даву встанут в строй, мы сможем одновременно двинуться на противника»(35). По мнению Марбо, намеренная атака Наполеона на Эйлау является «очень большой ошибкой».

Марбо рассказал, что случилось до этого. По-видимому, личные слуги Наполеона прибыли в Эйлау с его багажом, полевой кухней и тому подобным, не будучи предупреждены о решении Наполеона провести ночь около Цигельхофа¹ и что линия русского сторожевого охранения находится очень близко к городу. Когда они начали хлопотливо распаковывать вещи императора, «на них напал неприятельский патруль и взял бы их в плен, если бы не отряд гвардии, всегда сопровождав-

¹ Переименован после сражения в Наполеонов Гребень. (Примеч. автора.)

ший багаж императора. При звуках выстрелов войска маршала Сульта, охранявшие ворота города, подбежали на выручку имущества императора и увидели русских, уже растаскивающих его вещи. Русские генералы, думая, что французы хотят захватить Эйлау, прислали со своей стороны подкрепление, так что на улицах города завязалась кровавая схватка»...

Говоря теперешним языком, произошла «эскалация» стычки охранявших дозоров в ожесточенный бой. Боевые действия начались вскоре после двух часов и шли в течение восьми часов, когда стало совершенно темно. Султ и Мюрат вводили в бой все новых и новых солдат. Самое ожесточенное сражение сосредоточилось вокруг городского кладбища, несколько раз переходившего из рук в руки, пока французы окончательно не захватили его и вместе с ним и весь город. Каждая сторона понесла потери в количестве не менее чем по 4000 человек, прежде чем Беннигсен отозвал своих людей и разгоряченные русские колонны не отошли назад через разрывы в прикрывавшей их дивизии Барклая-де-Толли к гребню за Эйлау. Когда стрельба затихла, французы заняли свои позиции на ночь. Согласно официальному бюллетеню, «дивизия Леграна заняла биваки перед городом, дивизия Сент-Илера — справа от него, корпус маршала Ожеро — слева. Корпус маршала Даву со вчерашнего дня совершает заход вокруг Эйлау, чтобы ударить по левому флангу противника, если он не переменит свое положение. Маршал Ней обходит его правый фланг¹. Такова диспозиция за прошедшую ночь»(36).

Ночные часы оказались самыми тягостными и трудными из всех когда-либо испытанных французами в этой кампании. Согласно историку Петре, к утру мороз достиг 30 градусов. Некоторым французам повезло, так как у них оказалась крыша над головой в Эйлау или соседних деревнях. Но многие не имели укрытий от холода. Ожесточенность боя накануне, вероятно, частично была вызвана понятным желанием солдат поскорее получить хоть какое-нибудь убежище. Но и многие французы, и все русские провели эту ночь под открытым небом. У обеих сторон не было продовольствия; во всяком случае, русское интендантство было безнадежно дезорганизовано, а обычно хорошо работавшая ответственная за поставки продовольствия французская система сломалась, так как обозы застряли на дорогах перед пробками, образованными войсками и пушками. Это была ночь, которую все солдаты не могли бы забыть, однако ужасы следующего дня вскоре затмят ночные страдания в памяти уцелевших.

Рассвет 8 февраля не принес почти никакого облегчения мучениям людей, а непрекращавшаяся метель не давала возможности французам разглядеть, где находятся русские. Наконец, когда снегопад кончился, стало ясно, что они заняли кряж длиной около 1200 ярдов, идущий восточнее Эйлау параллельно французским позициям на Западных высотах. Много споров вызывает вопрос о том, какова была численность войск на каждой стороне, считают, что, возможно, от 63 000 до 90 000 у французов и от 60 000 до 90 000 у русских. Точное число никогда не станет известно, но, по-видимому, после того, как подошли все силы Даву и Нея², Наполеон мог иметь 75 000 человек (с поправкой на тысячи две отставших), тогда как численность русских возросла от начальных 67, вероятно, до 76 тысяч после прибытия Лестока. С точки зрения только численности ни одна сторона почти не имела преимуществ, но русская артиллерия была намного сильнее. Однако с утра 8-го войск у Наполеона было значительно меньше, и он был слабее во всех отношениях, пока не подошли его отставшие части и не выравнялся баланс сил.

Это обстоятельство и повлияло в основном на план и боевое построение, принятые Наполеоном. Дивизии Сульта (две на левом фланге французов и одна на

¹ На самом деле, разумеется, Ней в это время еще не получил приказа. (Примеч. автора.)

² На самом деле значительная часть войск Нея прибыла к полю боя только после конца сражения. (Примеч. автора.)

правом), поддерживаемые всеми имеющимися пушками, должны были взять на себя самую незавидную роль сковывающей атаки; он имел приказ нанести как можно больше потерь русским и прежде всего — задержать начало главного наступления русских, хотя бы до того момента, когда появится Даву на крайнем правом фланге. В обязанности последнего входило не допустить русских к реке Алле на востоке, наступательные действия на их северном направлении отхода к Кёнигсбергу посредством обходного маневра, и (как надеялись) Даву должен был оттеснить уцелевшие остатки войск Беннигсена к заливу Фришес-Хаф. Ожеро и Мюрат должны были образовать *masse de décision*, которая в критический момент будет брошена против русского левого фланга. Императорская гвардия была, как всегда, помещена в резерв. Наполеон также надеялся, что Ней подойдет с севера вовремя, чтобы завершить окружение русских и перерезать дорогу на Кёнигсберг.

Для выполнения этого намеченного двойного охвата, который, если бы он полностью осуществился, мог бы соперничать с достижениями Ганнибала при Каннах, они заняли следующие исходные позиции: две дивизии корпуса Сульта были размещены непосредственно к северу от Эйлау, причем Леваль слева занял Мельничную гору, а Легран находился справа. Дивизия Сент-Илера размещалась около Ротенена, в 1000 ярдах к югу от Эйлау. Северный и южный фланги французского фронта, растянувшиеся более чем на 4 километра, были поручены отрядам кавалеристов Ласалья и Мийо. Ожеро получил приказ выстроить две свои дивизии между Эйлау и Ротененом с остатками кавалерийского резерва Мюрата справа. Императорская гвардия заняла позиции сзади и южнее Эйлау; только в этот единственный раз элитный корпус был выдвинут гораздо дальше вперед, чем обычно, а это — веское доказательство того, что Наполеона беспокоила его численная слабость. Из-за этого и он решил поставить свою любимую гвардию так, чтобы гвардейцы были обозримы врагом, в надежде произвести впечатление внушительным видом французских воинов, скрывая этим свое истинное положение.

В порывах снежной бури иногда можно было видеть черные силуэты русских боевых порядков на фоне белого ландшафта. Беннигсен разделил свою армию на четыре главные части. На правом фланге против Сульта и Ласалья выстроились дивизии Тучкова, достигая городка Шлодиттен. Войсками в центре командовали генералы Эссен и Сакен (наибольшее соединение русских войск), имевшие две массивные батареи по 60 и 70 пушек непосредственно у фронта. Слева были размещены войска генерала Толстого с частным резервом — дивизией Каменского¹. Как и у французов, кавалерийские соединения охраняли обе оконечности боевой линии, а в центральном резерве русский главнокомандующий поместил части опытного Дохтурова и две дивизии, имевшие еще 60 пушек, причем многие из них были частью конной артиллерии. Ставка находилась в деревне Анклаппен, непосредственно позади резерва. Остальная русская артиллерия была распределена по другим секторам фронта.

Точно неизвестно, с какой стороны был сделан первый выстрел 8 февраля; по-видимому, русские открыли огонь в восемь утра, выпустив залп пушечных ядер по городу Эйлау. Французские канониры не замедлили ответить, и вскоре развернулась сильнейшая артиллерийская дуэль, хотя грохот стрельбы сильно заглушался падающим снегом. В целом, по-видимому, русские пострадали больше, чем противник, несмотря на свой перевес в артиллерии, потому что французские порядки были по необходимости более растянутыми и, следовательно, представляли более мелкие цели, чем крупные массы русских. К тому же часть наполеоновских войск была под защитой домов Эйлау и Ротенена, но к девяти часам оба города были

¹ Не путать с генерал-фельдмаршалом Каменским, участвовавшим в кампании в ее начале. (Примеч. автора.)

подожены мортирным огнем русских, и вскоре расстилающийся покров темного дыма еще более усугубил общую мрачность картины.

Через полчаса после начала бомбардировки Наполеон приказал Сульту и Ласалю повести угрожающую демонстрацию, направленную против правого фланга русских, в попытке отвлечь внимание Беннигсена от своего левого фланга, по которому позднее французы планировали нанести свой главный удар. Уже с юга приближалась дивизия генерала Фриана (во главе III корпуса Даву), но он должен был выждать еще некоторое время, прежде чем будет полностью подготовлен главный удар. В соответствии с приказом, дивизия Сульта лихо продвинулась вперед приблизительно на 600 ярдов, и, как и надеялся Наполеон, этого Тучкову было вытерпеть не под силу. Около девяти часов правый фланг русских пошел в наступление по замерзшим болотам и озерам, чтобы нанести удар по дивизии Левая. Началась отчаянная схватка, большую часть солдат Сульта стали оттеснять назад к Эйлау, хотя Мельничная гора осталась в руках французов. В то же время массы русской кавалерии бросились в мощную атаку против колонн Фриана, развертывавшихся на дальнем фланге.

Вскоре положение на обоих флангах очень озаботило Наполеона. Он не рассчитывал, что солдатам Сульта придется так скоро отступить с потерями, и не ожидал, что дивизия Фриана на юге так быстро привлечет внимание кавалерии Толстого. Перед Наполеоном было два пути: или он мог немедленно начать контратаку против русского левого фланга, чтобы облегчить давление на Фриана и пытаться добиться скорейшего результата, или мог приказать IV корпусу и Ласалю отойти назад, уступая пространство и выигрывая время в надежде, что Ней и остальные части Даву успеют подойти в полном составе. На некоторое время на поле боя наступила тактическая пауза, во время которой батареи противников возобновили свою перестрелку, хотя она была уже слабо слышна. Затем император принял решение, считая, что Беннигсен прикажет Тучкову возобновить атаку на меньшее войско Сульта и далее наступать на сам город Эйлау, так что оставшиеся французы не успеют отойти на другой рубеж. Наполеон приказал корпусу Ожеро — части ударной силы — начать немедленно наступать на позиции Толстого для отвлечения противника. Справа его должна была сопровождать дивизия Сент-Илера, который позднее соединится с развертывавшимися колоннами Даву (к этому времени дивизия Морана показалась в виду за Фрианом. Так как войска Даву еще не полностью подошли к полю боя, этот бросок Ожеро и Сент-Илера против левого фланга русских был несколько преждевременным, но Наполеон надеялся, что эта атака поможет Сульту и Фриану подготовить путь для поворота всей армии в обход Эйлау перед нанесением сокрушающего удара по левому флангу Беннигсена.

Храбрый, но больной Ожеро, с головой, обвязанной шарфом под треуголкой, в сопровождении штаба (включая и капитана Марбо), отправился выполнять свое поручение. VII корпус (около 9000 человек) двинулся вперед и исчез в снежной метели. К сожалению, командир корпуса был очень болен; накануне он просил у Наполеона позволения передать командование корпусом, но тот убедил его остаться на своем месте еще на один день. Возможно, отчасти из-за этого для наступления было выбрано неправильное построение. В такую погоду, в сильную метель, обе дивизии должны были бы двигаться рядом в тесном контакте. На деле же головная бригада каждой дивизии шла в расчлененном порядке, со следующими за ними на некотором расстоянии вторыми бригадами, выстроенными в каре. Поэтому ощущение правильного направления вскоре было потеряно, а также утрачен и контакт с солдатами Сент-Илера справа. В результате солдаты Ожеро отклонились от своей намеченной цели — дивизий Толстого — и направились прямо к центру позиций Сакена, где их встретили нацеленные дула русской батареи из 70 пушек. Когда французы, ничего не подозревая, шли вперед навстречу своей гибели, они попали еще и под огонь своих же артиллеристов, ослеплен-

ных метелью, и затем, вскоре после 10 часов, пушки русских открыли огонь. Ядра и снаряды безжалостно летели в солдат Ожеро, попавших под прямой огонь, и они несли тяжелейшие потери. Тем временем дивизия Сент-Илера достигла позиций Толстого, но, конечно, была слишком слаба, чтобы совершить прорыв собственными силами.

К 10.30 Наполеон был в крайне опасном положении. Слева Сульт оказался сзади, возвратившись на свои исходные рубежи, и на него продолжал давить Тучков. В центре корпус Ожеро фактически перестал существовать, а дивизия Сент-Илера была остановлена. Далеко вдаль виднелись две длинные колонны пехотинцев, которых поддерживали многие эскадроны, приближавшиеся из русского резерва в направлении к уцелевшим остаткам корпуса Ожеро, а еще одно соединение русских кавалеристов устремлялось на отрезанную дивизию Сент-Илера. Таким образом, в центре наполеоновской линии начинала зиять угрожающая брешь, и все французские атаки кончились ничем. Инициатива и преимущество явно были на стороне Беннигсена.

С каждой минутой положение ухудшалось. Пехотный резерв Дохтурова обрушился в штыковой атаке на раздробленные части Ожеро и отбросил их назад — уцелели лишь те, кто находился на кладбище Эйлау. Ожеро изо всех сил пытался перестроить сохранившихся солдат. Согласно Марбо, их осталось только две-три тысячи человек. В середине же «ничейной» земли в одиночестве стоял один полк — 14-й линейный, — образовавший каре на небольшом холме, окруженный массой неприятельских солдат. Было ясно, что вскоре этот храбрый полк перестанет существовать, если он не отступит. Ожеро посылал одного ординарца за другим, чтобы приказать командиру немедленно отступить, пока есть возможность. Однако все посланцы были один за другим убиты. «Пошлите еще офицера!» — закричал Ожеро, и теперь это была очередь Марбо. Ему повезло больше, чем его предшественникам, и он добрался до одинокого полка. Но его положение было безнадежно. «Я не вижу способа спасти полк, — сказал командир батальона. — Возвращайтесь к императору и передайте ему последний привет от 14-го линейного, который свято выполнил все его приказы, и отдайте ему нашего орла, которого он дал нам, — мы уже не в силах его защитить; будет ужасно видеть, как он попадет в руки врагов в наши последние мгновения» (37). Этот храбрый офицер старался отломить золоченого орла от древка, чтобы было легче унести его, но прежде чем капитан Марбо смог спрятать свою драгоценную ношу, он увидел себя окруженным русскими пехотинцами, «налитыми вином», и упал на землю, серьезно раненный. Вскоре после этого весь полк был смет и худшие опасения командующего полком оправдались, когда драгоценного орла с триумфом понесли русские. Однако части полка (может быть, даже половине) все же удалось спастись — тем не менее рассказ Марбо ничего не теряет в своей красочности.

Когда эта тяжелая драма подходила к концу, еще одна колонна русской пехоты (4—6 тысяч) проникла на улицы Эйлау и в какой-то момент очутилась в опасной близости к императору и его штабу, которые использовали церковную колокольню как наблюдательный пункт. Наполеон был спасен от гибели или пленения только благодаря преданности своего личного эскорта, который бросился на русских, без колебаний жертвуя жизнью и выиграв тем самым немного времени, пока два батальона императорской гвардии не примчались на помощь из пригорода.

Все эти тревоги и суматоха достаточно ясно свидетельствовали о слабости французского центра и смертельной опасности, которой он подвергался, и Наполеон не мог не обратиться к последнему средству для спасения положения. Кроме его ревниво сохраняемой гвардии, еще оставалось только 10 700 кавалеристов из резерва Мюрата. Теперь (около 11.30 утра) им было приказано занять позиции в разгромленном французском центре и броситься в атаку на прибли-

жавшиеся колонны русских. Это пришлось по вкусу лихому всаднику Мюрату. Восемьдесят эскадронов великолепно снаряженных кавалеристов в отличной форме пронеслись через отделявшие их от противника 2500 ярдов и обрушились на него. Это была одна из величайших кавалерийских атак в истории. Атаку вел Дальмань во главе 6 эскадронов егерей, за которыми следовали Мюрат и кавалерийский резерв, в должное время поддержанный Бесьером с гвардейской кавалерией. Кавалеристы Груши, д'Ополя, Клейна и Мийо шли в атаки поочередно волнами. Вначале солдаты Мюрата пронеслись через остатки русских частей, отступавших от Эйлау; затем они разделились на два крыла, из которых одно ворвалось во фланг русской кавалерии, атаковавшей выстроенную в боевой порядок дивизию Сент-Илера, а второе крыло сабельной атакой буквально прорезало себе дорогу через неприятельские войска, окружавшие каре из убитых солдат на месте гибели 14-го полка. Даже и тогда мощный поток этой редкостной атаки не замедлился ни на миг. Несясь вперед, оба крыла кавалеристов врезались в сомкнутые ряды центра Сакена, пронзили их, перестроились в одну колонну в русском тылу и снова помчались обратно в атаку через рассыпавшиеся части русских войск, чтобы уничтожить артиллеристов, истребивших так много солдат Ожеро. Пока ошеломленные русские пытались снова образовать боевую линию, Наполеон послал вперед гвардейскую кавалерию, чтобы усилить беспорядок и тем самым прикрыть безопасное возвращение утомленных, но торжествующих эскадронов Мюрата. «Выше головы, ребята! — крикнул полковник Лепик конным гренадерам гвардии, ожидавшим своей очереди, иногда пригибаясь от летящих снарядов. — Это только пули, не г...!»¹(38) За атакой «больших сапожищ»¹ последовала следующая волна: шесть эскадронов мамлюков и егеря. Их задача была вскоре решена, но с тяжелым уроном.

Потеряв 1500 человек, Мюрат выиграл для Наполеона жизненно необходимую передышку в центре, которая позволила Даву полностью использовать свои силы. Французская кавалерия также облегчила давление на Ожеро, Сент-Илера и косвенно на Сульта. Еще более важно, что смелость и успех этой атаки вдохнули новые силы в вымотанную французскую пехоту и скрыли от Беннигсена истинную слабость французского центра. Наступил уже полдень, и русский полководец потерял наилучшую возможность завоевать победу, захватив Эйлау и затем смяв французскую линию. У Наполеона были все основания быть в долгу перед своей кавалерией, которая сейчас, может быть впервые в истории Великой армии, несомненно сыграла главную роль как прекрасно закаленное и практически неотразимое боевое соединение. В этом взлете к славе немалую роль сыграла и реквизиция великолепных боевых коней из Пруссии в конце предыдущей кампании. Жилистые русские лошадки не могли сравниться с трофейными прусскими.

Хотя французы преодолели уже наихудший момент битвы, кризис еще не миновал, до конца было еще далеко. Существует мнение, что Наполеон должен был бы использовать батальоны своей гвардии для развития успеха Мюрата в центре, но император отказывался пойти на это. Он знал, что Лесток со своими пруссаками еще вполне мог ускользнуть от Нея и прибыть на поле боя раньше своих преследователей. Чтобы предохраниться от этого возможного осложнения, Наполеон чувствовал себя обязанным держать свою гвардию свежей и готовой к бою в любое время. Однако это не означало, что французская линия должна бездействовать. Даву теперь присутствовал со всеми силами, и в час дня Наполеон направил их вперед (с Сент-Илером на их левом фланге) в широкий охват вокруг открытого фланга Толстого. На всей боевой линии Мюрат и остаток войск Ожеро должны были занять центр, тогда как измотанным дивизиям Сульта было приказано только удерживать свои позиции, но не выдвигаться. Всю вторую половину дня шли

¹ Напомним, что это прозвище гренадер.

ожесточенные бои на южном фланге, и понемногу, но уверенно Даву оттеснял назад русских, пока линия Беннигсена не стала напоминать форму шпильки. Около 3.30 дня стало казаться, что вот-вот произойдет разрыв русской линии — и в этот самый момент на угрожаемом фланге появился прусский корпус под командованием Лестока.

Опасения Наполеона, появившиеся в полдень, оказались не напрасными. Лестоку действительно удалось избежать засад Нея, который получил приказ Наполеона на отход (посланный в 8.00 утра) только в 2 часа дня. Маршал даже не подозревал, что южнее его позиции идет ожесточенная битва, из-за того что ветер и снег заглушали шум сражения, не был слышен даже гром и грохот пушек. Лесток же получил от Беннигсена сигнал к возвращению раньше, и, прибегнув к ускоренному маршу, ведя успешные арьергардные бои, пруссаки подошли от Альтхофа через Шлодиттен вскоре после часа дня и после очень краткого отдыха начали продвигаться за измотанной линией Беннигсена, чтобы напасть на открытый фланг Даву около Кучиттена, что произошло чуть позднее четырех часов дня. Лесток по дороге забирал оставшихся и разбредшихся солдат, прибавившихся к его 9000 человек. Генералы Каменский и Багговут использовали момент, чтобы собрать свои силы и бросить их в поддерживающую атаку на правом фланге пруссаков. Русские воины снова воодушевились, и III корпус был вынужден постепенно отступать от занятых им позиций. Снова показалось, что судьба улыбается русским. В сгушавшихся сумерках Наполеон напряженно вглядывался в пространство на севере, надеясь увидеть признаки приближения Нея, единственного человека, от которого зависела судьба французов.

Наконец, в семь вечера, первые части запоздавшего, но долгожданного VI корпуса появились у Альтхофа. Во вторую половину дня марш Нея к полю боя был серьезно затруднен стычками с арьергардом Лестока, но наконец, в самый последний момент, большая часть (14 500 человек) корпуса Нея появилась на сцене. Не теряя времени, Ней около 8 часов вечера отбил деревню Шлодиттен у Тучкова, но затем русские опять заняли ее, когда Ней отошел на свои боевые позиции слева от корпуса Сульта. Прибытие столь нетерпеливо ожидавшегося подкрепления вдохнуло свежие силы во французских солдат, и к десяти часам вечера русское контрнаступление было остановлено, и все поле боя свидетельствовало о безвыходном положении. Четырнадцать часов непрерывного сражения так и не дали никакого результата, хотя многочисленные воины — цвет и французской и русской армий — лежали мертвые или погибли от ран и замерзали на кровавом снегу.

Первыми сдали нервы у противника. В одиннадцать часов ночи Беннигсен созвал военный совет в Анклаппене, чтобы принять решение о дальнейших действиях. Несколько генералов убеждали его остаться на своих позициях и наутро снова начать бой, но Беннигсен сам провел много часов в седле, и его терпению пришел конец. То, что прибыл относительно свежий корпус Нея — последняя соломинка, — заставило русского главнокомандующего принять решение отступить; он отклонил просьбы своих подчиненных дожидаться утра, и с полуночи русские колонны начали отходить, прикрываемые казачьими арьергардами. Только в три часа ночи эти перемещения были замечены дрожащими от холода постами охранения Сульта, но организация преследования была совершенно невозможна. Французские солдаты были не в состоянии продвинуться ни на шаг.

Так закончилась кровавая и безрезультатная битва при Прейсиш-Эйлау. Понесенные потери и страдания людей были ужасны и напрасны. Наполеон официально в бюллетене заявил, что потери Великой армии 1900 убитых и 5700 раненых, однако это явный образец обмана, откуда и пошло циничное выражение «врать, как бюллетень». Даже самые оптимистические французские военные историки исчисляли потери Наполеона в 10 000 человек, но и это кажется слиш-

ком заниженной цифрой. Истинный размер потерь французов, пострадавших или убитых пушками, саблями и штыками русских, никогда не будет известен, но вполне возможно, что потери в людской силе — до 25 000 человек (или каждый третий). Русская армия пострадала несколько меньше, потеряв, вероятно, около 15 000 человек, включая и часть пруссаков, в нее входивших. Тем не менее это было самой кровавой битвой за многие годы, и Наполеону трудно далась такая «победа», несмотря на всю его изощренную пропагандистскую машину. Безусловно только то, что почти разбитые французы удержали за собой поле боя, а зимнее наступление Беннигсена сорвалось, хоть и не окончательно.

Конечно, сам Наполеон не обманывался в масштабах понесенного им поражения. На следующий день он сказал Сульту: «Маршал, русские нанесли нам огромный ущерб», на что храбрый старый воин ответил: «Ну, да и мы тоже, наши пули не из ваты были»(39). Солдаты Наполеона тоже понимали, что спаслись чудом. «*Cette retraite des Russes nous fit grand plaisir*»¹(40), — записал Сент-Шаман, один из адъютантов Сульта. Согласно Паскье — еще одному уцелевшему участнику сражения, — исход не был известен вплоть до раннего утра. «Неопределенность исхода дня была так велика, что обе стороны дали приказ на отступление в ночные часы. Маршал Даву, прошедший ночь с наиболее выдвинутыми вперед войсками, сказал одному человеку, который вскоре пересказал мне, что он уже приготовился отходить, когда прибыл офицер сторожевой заставы, доложивший ему, будто от стана противника доносится сильный шум... Приложив ухо к земле, он [Даву] распознал отчетливые звуки движущейся кавалерии и пушек на марше, и, так как шум делался менее слышным... он более не сомневался, что русские пустились в бегство — это было полное отступление»(41). Новость немедленно передала императору, который и решил не уходить с поля боя.

Однако, руководствуясь государственными интересами, Наполеон не желал говорить правды об исходе сражения. «Император очень хотел, чтобы все рассматривали это событие его глазами», — записывает Бурьен, который послушно распространил 2000 копий «официального» отчета об Эйлау в ганзейских городах(42). Обращаясь к Фуше из Остероде 28 февраля, император недвусмысленно писал: «Распространяйте прилагаемые сообщения неофициальными путями. Однако они правдивы. Вначале распространяйте их в салонах, а потом передайте в газеты — русская армия сильно ослаблена, русская армия требует мира»(43). Слова «Однако они правдивы» говорят о многом. Приближался ли Наполеон к тому времени, когда он начинал верить своей собственной пропаганде? Эта черта, особенно проявлявшаяся после 1812 года, вероятно, уже начинала извращать его объективность. Но абсолютно точно известно только то, что император немедленно попытался сделать козла отпущения из Бернадота — злодея еще с йенских времен — за «сомнительный успех сражения». Бернадот действительно так и не появился на поле боя, но утверждения Наполеона о том, что он получил прямой приказ на это из рук генерала Ополя, было немного сомнительно даже для Бурьена, чтобы принять его за чистую монету, так как Ополь погиб — может быть, весьма кстати для Наполеона. Если Бернадот и заслужил суровое осуждение за свое поведение в день Йены — Ауэрштедта, в этом случае он почти с абсолютной уверенностью мог считать, что не был виноват. Но это новое обвинение с неизбежностью ожесточило князя Понтекорво (Бернадота) и несомненно способствовало принятию им через пять лет решения в качестве кронпринца Швеции разделить судьбу противников Наполеона, то есть предать его.

Возобновить активные боевые действия оказалось невозможным еще некоторое время. Солдаты были измучены и неспокойны; характерно, что, когда 9 февраля Наполеон обходил солдат, чаще раздавались крики «Vive l'Empereur!» и «Du

¹ «Это отступление русских так нас обрадовало».

rain et la paix!»¹, чем обычное «Vive l'Empereur!». Эти крики напоминали скорее о начале 1796 года, чем о днях расцвета Империи. К низкому моральному уровню, как всегда проявлявшемуся в мародерстве и зверствах по отношению к несчастным польским крестьянам, вскоре добавились и все осложнения, вызванные внезапной оттепелью, превратившей ручьи в реки, реки в бурные потоки, озера в моря, а землю в месиво непроходимой грязи. Однако ради приличия нужно было изобразить картину бурной деятельности. Маршалу Лефевру было приказано продолжать полную осаду Данцига, а Даву — наступать на город Фридланд, где его отражение атаки отряда русской кавалерии в 2600 человек получило полный статус победы. Так же прославлялось поражение Эссена силами V корпуса Савари при Остроленке 15-го. На деле же к 23 февраля основная масса Великой армии вернулась на зимние квартиры, размещенные таким образом, что они могли прикрыть будущую осаду Данцига. I корпус снова занял место на левом фланге, IV удерживал центр, а III — правый фланг, причем каждое соединение занимало прямоугольную площадь со сторонами от 8 до 10 лит. В Гюттштадте впереди главной линии мест расквартирования был размещен VI корпус, наименее пострадавший при Эйлау; императорская ставка, гвардия и кавалерийский резерв были расквартированы в Остероде и вокруг него, образуя центр этого веера. Защита Варшавы была снова возложена на V корпус.

Такова была дислокация французской армии, зализывавшей раны и ждавшей весны. Линии коммуникаций шли через Торн, где на складах лежали 40-дневные запасы продовольствия. В результате такого закрепления армии русским было позволено снова занять Эйлау с его мрачными горами замерзших трупов.

Глава 50

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Итоги кампании Эйлау велики и многозначительны, так как в них проявились первые признаки будущего падения Наполеона. Как увидела почти вся Европа, впервые «страшилище» было остановлено, его планы и диспозиции оказались невсеобъемлющими, недостаточными и непоследовательными. Блестящими стратегическими решениями, умением использовать все обстоятельство и значительным тактическим мастерством французские силы превратили в ничто армии Австрии и Пруссии, но одна из держав, разбитых при Аустерлице, вдруг показала миру, что Наполеон отнюдь не непобедим, что в бронированном Людооде есть щели, которые могут быть использованы смелым противником, умеющим не терять головы, даже когда вокруг него затягивается петля стратегического окружения, и остающимся агрессивным, не утрачивая чувства реальности вплоть до самого сражения.

Есть целый ряд важных просчетов, за которые можно критиковать Наполеона как полководца во время этой кампании и самого сражения.

Наступление на Варшаву и Торн было сначала достаточно успешным маневром Великой армии, однако некоторые последующие операции были не особенно хорошо задуманы или выполнены, хотя, вероятно, план Наполеона в конце января был одним из его лучших. Ничего не решившие сражения при Пултуске и Голыmine и еще менее результативные при Ионкове и Бергфриде говорят о временном (по крайней мере) снижении эффективности и изобретательности в тактическом планировании. Тяжелые погодные условия, чередование оттепели, с ее грязью, и сильных морозов, отсутствие сносных дорог в Польше стали причиной

¹ «Да здравствует мир!», «Хлеба и мира!» (фр.).

очень многих трудностей, бед и страданий. Разумеется, захват русскими полного комплекта приказов Наполеона в конце января явился непредвиденным осложнением. И все же есть явные признаки общего снижения исполнительских способностей французской военной машины. Маршалы часто не повиновались приказу и ожесточенно препирались, соперничали, выступая друг против друга; дисциплина среди рядовых солдат, которая никогда не была особенно высокой при Наполеоне, еще ухудшилась, и положение стало угрожающим. Французский народ оказался весьма критически настроен и не склонен поддерживать завоевательские планы Наполеона; бюрократия только делала вид, что соблюдает условия Берлинских декретов, на деле получала колоссальные доходы, попустительствуя всеобщему нарушению континентальной системы. Все это были признаки общего упадка французского военного потенциала, преодолеть который не смог даже все такой же мощный гений стратегического планирования императора.

События, непосредственно приведшие к Эйлау, в общем аналогичны тем, что были в последние месяцы 1806 года. Преследование французами Беннигсена после Ионкова было исключительно плохо организовано: корпуса рассеялись широкой дугой по местности, и некоторые из них нарушили кардинальное наполеоновское правило продвижения на удалении однодневного, максимум двухдневного перехода от своего соседа. Опытный немецкий стратег фон Шлифен подверг особенной критике продвижения французов после Ионкова; он высказал идею, что главная масса сил должна была бы двигаться по пути Даву и сосредоточиться на отсечении Беннигсена от Кёнигсберга, обращая меньше внимания на необходимость обычной силы «прямого давления», следующей непосредственно за русскими. Такой замысел мог бы позволить Наполеону со всеми его корпусами осуществить «настоящие Канны» под Эйлау: Сульт и Ней наступали бы по сходящимся направлениям на русский правый фланг, Даву — на их левый, гвардия и Ожеро занялись бы центром, а Мюрат нанес бы удар в тыл. «Наполеон, однако, спланировал по-другому».

С точки зрения стратегии, планы обеих сторон не осуществились из-за сочетания плохой погоды и невезения. Намерение Беннигсена отрезать Бернадота провалилось, когда он неожиданно наткнулся на Нея — совершенно случайное событие, которое, вероятно, спасло обоих французских маршалов. Блестящий план Наполеона (прорыв и разгром русского центра и оттеснение его флангов вверх по Неману и в сторону Вислы) был загублен инцидентом с перехватом документов 31 января, который так удачно для русского главнокомандующего посвятил его в замышлявшееся Наполеоном за двое драгоценных суток до этого, что, безусловно, спугнуло Лестока и в силу этого лишило Бонапарта войск Бернадота в сражении при Эйлау. Однако это предупреждение не помешало Беннигсену сосредоточиться у Ионкова, когда ему все еще грозила опасность быть отрезанным от Кёнигсберга, вместо того чтобы направить свои войска в более безопасный Либштадт, откуда он все равно мог бы причинять Наполеону серьезные неприятности. Русским повезло, что они в основном уцелели в последующем сражении у Ионкова.

С точки зрения французов, в сражении при Эйлау все задуманное было исполнено. Бой в первый день завязался вопреки желанию Наполеона, и здесь его можно критиковать за слабый контроль над подчиненными. Ошибки французов начались с того, что именно Сульт и Мюрат пустились в авантюрную, затянутую и беспорядочную атаку на город. Это могло поставить всю армию в очень опасное положение, стоило бы только русским пойти на более активные действия вечером 7 февраля, потому что тогда далеко расположенные французские соединения не смогли бы подойти раньше следующего полудня, и то при самом большом везении. И если в этом случае «против Наполеона больше грешили, чем грешил он сам», у него нет оправданий тому, что он не вызвал Нея, чтобы тот за ночь подошел из Ландсберга; если бы необходимый приказ был послан еще но-

чью 7-го, а не в 8 часов утра 8 февраля, Ней легко бы обогнал Лестока и первым прибыл к Эйлау. Несмотря на удаленность Ней от поля боя, Наполеон все-таки, не колеблясь, вступил в сражение на следующее утро, даже прежде чем Даву вышел на исходные позиции.

События повернулись так, что на утро 8 февраля Наполеон предпринял большое сражение, имея на 25 000 человек меньше необходимой боевой численности, тогда как его противнику недоставало всего лишь 9000 человек. Поэтому у Наполеона была критическая нехватка солдат все утро, и по меньшей мере в одном случае это почти повлекло за собой катастрофу. Направление двух дивизий Сульта против Тучкова в первом периоде было, вероятно, непосредственной причиной быстрого развития кризиса, так как это подтолкнуло до сих пор относительно пассивного противника на массивный ответный удар. Поэтому императору пришлось обратиться даже еще к более крайним мерам, чтобы предотвратить катастрофу и один за другим спасти корпуса из безвыходных положений. Вначале он преждевременно приказал наступать Ожеро и Сент-Илеру, надеясь этим смягчить давление на крайние позиции своих флангов. Когда это кончилось полной гибелью VII корпуса, Наполеон прибег к тому, что оказалось козырной картой, — он решил подтянуть кавалерийский резерв Мюрата, пытаясь заполнить брешь в центре, но это было отчаянным, рискованным средством, которое вполне могло закончиться и полной катастрофой, если бы не великолепные боевые качества Мюрата и его кавалеристов, проявленные на этот раз. Однако, несмотря на такой успех, центр Наполеона находился в смертельной опасности не менее четырех часов: именно тогда он едва не попал в плен около 11 часов утра. Только когда Даву прибыл со всеми своими частями, опасность непосредственной угрозы миновала.

После этого наступил момент для массивной контратаки, но французские ресурсы были уже слишком истощены, чтобы сделать ее эффективной. Сент-Илер стал наступать вместе с тремя дивизиями Даву, но корпус Ожеро и кавалерийский резерв (те, кто остались в живых) затыкали дыры в боевой линии и безусловно не были в состоянии возобновить наступление. Единственным соединением, до сих пор относительно не понесшим потерь, была пехота гвардии, но Наполеон упорно отказывался ввести ее в бой на том основании, что необходимо оставить в запасе какие-то войска на случай появления Лестока. Таким образом был упущен шанс на победу.

Динамика этого сражения доказывает, что в целом Наполеон и его армия были спасены скорее благодаря ошибкам со стороны противников, чем каким-то особым качествам, проявленным французами (кроме достоинств Мюрата). Возможно, Беннигсен упустил возможность победить очень ослабленные войска Наполеона днем 7 февраля, но он никак не мог знать всю реальную степень опрометчивости атаки французов на Эйлау. На следующий день русский главнокомандующий также не воспользовался удобным моментом для развития успеха, когда рассыпался центр французов, а Ожеро был отброшен назад. Его нерешительность как раз дала Наполеону ровно столько времени, чтобы исправить или, скорее, замаскировать слабость своего центрального сектора, и момент был упущен. Затем снова Беннигсен дал приказ отменить атаку против Сульта, когда появился Даву, но после этого он почти не использовал свой правый фланг в непосредственно следующей фазе сражения. Возможно, сильная атака против измотанного французского левого фланга вполне могла бы привести к бесспорной победе до прибытия VI корпуса.

Однако в действительности исход сражения решали те, кто появился на поле боя последними, — Лесток и Ней. Первый прибыл слишком поздно, чтобы выполнить что-либо более значительное, чем попытка «залатать» русский левый фланг; Ней же, в сущности, только способствовал оживлению морального духа французов и сыграл определенную роль в решении Беннигсена закончить сражение. Военные теоретики не могут прийти к соглашению по вопросу, должны были

русские остаться на поле боя и снова навязывать сражение 9 февраля или отойти. Более взвешенным представляется решение Беннигсена отходить. Ночью 8-го у Наполеона было два относительно свежих корпуса (гвардия и VI корпус) и небольшое общее численное превосходство. У Беннигсена все соединения понесли днем тяжелые потери, на сей раз этого оказалось довольно, и он дал возможность русским солдатам повернуть вспять. То, что русским удалось дать сражение и остановить Наполеона, в те времена было невероятным событием, поэтому они могли позволить себе отойти без вреда для своей репутации. Жомини кисло описывает это: «Мюрат проследовал за Беннигсеном на следующий день». То есть не было и вопроса о жестокой погоне, последовавшей за Йенским сражением; весьма вялое «движение вслед» русским было все, что смогли выполнить французы.

Однако это был единственный случай, когда погода (мороз) в сражении с русскими помогла Наполеону. Ночь 7 февраля русским пришлось провести под открытым небом на Восточных высотах при жестоком морозе, а большая часть солдат Наполеона все-таки имела какое-то убежище и в Эйлау и в Ротенене. Более того, сильный мороз не позволил русским использовать свою обычную практику устройства полевых укреплений вокруг своих главных позиций. Если бы земля не промерзла так сильно и можно было бы выкопать траншеи у центра русской армии, прославленная атака Мюрата могла бы закончиться совсем иначе. С другой стороны, трагическая судьба французского VII корпуса в немалой степени тоже обусловлена погодой. В силу сочетания всех этих причин, битва при Эйлау вошла в историю как пример безрезультатного сражения с напрасными жертвами и первая серьезная неудача Наполеона. Слишком велика была цена такого исхода, особенно со стороны французов. Проезжая по полю боя 9 февраля, Ней выразил всю правду, промолвив: «*Quel massacre! Et sans resultat!*»¹(44).

¹ «Какая бойня! И все напрасно» (фр.).

Часть десятая

ВЕСЕННЕЕ ОЖИВЛЕНИЕ

Возобновление кампании против России, с кульминацией в сражении при Фридрихсберге и Тильзитским договором

Глава 51

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Пока измотанные солдаты Великой армии приходили в себя на зимних квартирах и чувствовали большое облегчение, отдыхая и поедая сорокадневные запасы из армейских складов, Наполеон продолжал свою бурную деятельность. Вероятно, страшный урон, нанесенный сражением под Эйлау, повлиял на его политику, потому что внезапно его стала серьезно беспокоить безопасность Германии и Франции, находящихся далеко в его тылу. Он пришел к выводу, что, будь его армия разбита русскими в начале февраля, у него осталось бы очень мало резервных войск для обороны границ и центра сферы французского влияния; безусловно, за Австрией и завоеванными частями Пруссии нужно было внимательно следить и принимать меры по призыву солдат из покоренных стран. Поэтому в качестве щита, а также и источника будущих пополнений сил первого эшелона Наполеон начал создавать обсервационную армию¹ в Германии.

Самая жгучая проблема заключалась в поисках рекрутов для организации новых воинских частей. Французские гарнизоны были лишены опытных солдат, гарнизонная служба осуществлялась силами союзников; большие контингенты солдат набирались из Итальянской армии, и новые итальянские части вливались в существующую армию, чтобы обеспечить пополнение. Уговорили испанское правительство дать 15 000 человек. Часть призывников 1808 года получила приказ явиться на французские сборные пункты почти на 18 месяцев раньше срока. Мерами подобного рода удалось собрать новую армию — не менее 100 000 человек. Брату Жерому было доверено правое крыло этого воинства в Силезии, на маршала Брюна была возложена ответственная задача командования более чем 60 000 человек в центре Германии, а маршал Мортье находился на его левом фланге в Померании.

Большая часть этой организационной работы выполнялась в марте и апреле попутно с усилиями, направленными на исправление ущерба, понесенного главной

¹ Обсервационная, или наблюдательная армия — армия, выставляемая воюющим государством на границах с нейтральными или ненадежными соседями или союзниками с целью наблюдения и обеспечения отпора в случае неожиданных военных действий с их стороны или для оказания на них политического давления.

армией при Эйлау. Часть зияющих брешей в рядах солдат заполнилась только что окончившими учебную подготовку призывниками 1807 года, мобилизованными в прошлом году и теперь поступающими в действующую армию в достаточно больших количествах. Однако невозможно было воссоздать разбитый VIII корпус Ожеро. Несколько тысяч уцелевших солдат были разбросаны по разным частям после официального расформирования этого несчастного корпуса. Многие считали расформирование корпуса дурным предзнаменованием; оно было первым среди крупных соединений с момента образования Великой армии в 1805 году. Самому Ожеро был наконец дан отпуск по болезни. Был создан новый корпус под командованием 52-летнего ветерана Лефевра. Этот корпус явился новым типом сводного соединения, предвещающим изменение обстановки и свидетельствующим о том напряжении, с каким было связано поддержание численности армии. Ядром корпуса являлись две польские дивизии, к которым добавили саксонское соединение из Позена, контингент из Бадена и две дивизии итальянцев. Единственным французским соединением, включенным в этот 27-тысячный корпус (с 3000 кавалерии), была дивизия Менара, еще находившаяся на подходе с запада. Великая армия начала изменяться — ее состав постепенно становился скорее многонациональным, а не чисто французским. Уже к концу апреля были созданы 600-тысячные сухопутные силы. Кроме Великой армии в Польше и обсервационной армии Брюна в Германии (в сумме около 300 000 человек), в Итальянской армии и корпусе Мормона в Далмации имелось 72 000 солдат, и еще 52 000 солдат входило в Неаполитанскую армию. Остальные были размещены вдоль северного побережья Франции и Голландии для их охраны против возможного английского вторжения; они также несли службу в бесчисленных гарнизонных городках и при складах, которые организовывались по всей Европе.

Наполеон нуждался в опытным подчиненном, способном разумно действовать на Варшавском фронте, и он вызвал к себе Массену. Ветеран армии, герой Риволи, оставил солнечные равнины Италии с нескрываемым сожалением, справедливо рассматривая замерзшую грязь Польши неравноценной заменой привольной долины По. Он был не особенно доволен и должностью, порученной ему по прибытии в Остроленку: император хотел, чтобы Массена принял командование над относительно спокойным правым крылом. «Но, сир, значит, я должен командовать попросту обсервационным корпусом, на задах Великой армии»? (1)* — заворчал маршал. Тем не менее безопасность района Варшавы от возобновления атак левого фланга русских или бродячих казацких отрядов была очень важной задачей, достаточно ответственной для воина масштаба Массены.

Наполеон не допускал и мысли, что месяцы, проведенные на зимних квартирах, пройдут в полном операционном бездействии. Он решил, что вынужденная пауза в его обширных стратегических планах должна быть использована для захвата крупной крепости и порта Данциг — одного из важнейших ганзейских городов. Его продолжавшаяся оккупация врагами Франции подвергала опасности связи Наполеона с Северной Германией, особенно потому, что к этому времени Балтика считалась «русским озером», и вероятность массивного морского десанта для пополнения гарнизона была очень реальной теперь, когда британский военный флот держал значительную эскадру в этих водах. Богатые ганзейские склады ломились от зерна, растительного масла, спиртного и фуража — бесценных запасов того, в чем так нуждалась и что так желала получить Великая армия. Поэтому уже 18 февраля маршал Лефевр получил приказ на возобновление активной подготовки к осаде (которая была прекращена в тот момент, когда наступление Беннигсена сделало необходимым отзыв Лефевра для обороны Торна).

* Здесь и далее см. раздел «Ссылки на источники» в конце книги.

Было несколько причин для выбора не особенно прославленного Лефевра и его «гибридного» соединения. Во-первых, эта смесь различных частей, составлявших новый X корпус, лучше подходила для осады, чем для обычных боевых действий. Во-вторых, во всеобъемлющих расчетах императора мог быть и политический мотив. Он обдумывал следующий шаг — создание новой французской знати, и для того, чтобы во Франции назначение Лефевра нашло благосклонный прием, было необходимо, чтобы храбрый Лефевр, после опорочившего себя Моро — самый уважаемый солдат-республиканец времен конца революции, также был включен в список новых герцогов. Однако для оправдания такого возвышения Лефевру следовало дать шанс завоевать себе новые военные лавры, и командование операциями против Данцига казалось идеальным для этой цели.

По выражению историка Макдонелла, «Лефевр не страдал избытком энергии»(2). Хотя его солдаты оттеснили прусское боевое охранение к 11 марта, тяжелые батареи были установлены на позиции для обстрела главных оборонительных сооружений только 24 апреля. Это отнюдь не умаляет достоинств Лефевра, так как защитник Данцига генерал Калькройт имел 14 400 солдат и 1600 кавалеристов, а также 302 пушки, 20 гаубиц, 26 мортир и набитые всякими припасами склады. Более того, оборонительные сооружения города были в хорошем состоянии, а подступы к главным позициям были затруднены многочисленными болотами и другими водными преградами.

Лефевр не был и военным-«политиком» с республиканскими идеями, которые могли бы противоречить его долгу службы. Ранее был случай, когда он обратился к жителям городка во Франконии, только что «освобожденного» французами, со следующей речью: «Мы пришли, чтобы принести вам свободу и равенство, но не забивайте себе голову этим: потому что первого, кто пошевелится без моего разрешения, расстреляют на месте»(3). Это был язык «трезвого реалиста».

Во всяком случае, предварительные военные действия против Данцига поглощали много времени. Началом полной осады считается 18 марта. Первая параллельная траншея была закончена только ко 2 апреля. В качестве цели был избран бастион Хагельсберг, господствующий над внешней линией укреплений, но замерзшая земля почти не поддавалась ломам, заступам и шанцевому инструменту. С началом оттепелей работа пошла быстрее, и между 11-м и 14-м апреля была выкопана вторая параллель. Гарнизон сделал вылазку 13 апреля и вторую — 26 апреля, однако обе попытки были отбиты после ожесточенного боя среди траншей. К 29 апреля была готова третья, и последняя параллель, устроенная на расстоянии мушкетного выстрела от главных укреплений, и новые рейды, организованные Калькройтом, были снова отражены. Казалось, что момент штурма или сдачи стал уже близок, когда передние траншеи были доведены до прикрытия последних апрошей. Но через 11 дней на рейде порта появилась флотилия русских судов, доставивших 8000 солдат — подкрепление под командованием генерала Каменского — в сопровождении эскадры британского королевского военного флота. Этот отряд был высажен у прусского охраняющего поста в Нойфарвассере к западу от устья Вислы.

К счастью для Лефевра, русские пришли в замешательство, найдя остров Хольм, находящийся между Нойфарвассером и Данцигом, уже в руках французов. Целых четыре дня Каменский не мог решиться на атаку, оставаясь рядом с местом высадки, и эта задержка позволила головной дивизии Ланна достичь позиций Лефевра 12 мая, а остальные войска корпуса подошли в течение двух следующих дней. Наконец 15 мая русские приблизились четырьмя колоннами и попытались прорвать кольцо окружения Данцига. Главное усилие их было направлено против войск генералов Шрамма и Гарданна, удерживавших песчаную косу Фрише-Нерунг, препятствовавшую подходам к ключевому острову Хольм. Шрамм мужественно удерживал свои позиции, пока не появились Ланн и Удино с первыми подкреплениями.

После ожесточенного боя русские колонны откатились назад, оставив 1500 убитых и раненых на поле боя. Попытка выручить осажденных в Данциге провалилась, и через несколько дней войска Каменского снова погрузились на суда. Если бы Калькройт решительно организовал вылазку в тот момент, когда русские подкрепления пошли в атаку с севера, исход событий мог бы оказаться совсем другим, но в этот единственный раз гарнизон, все время мужественно выдерживавший осаду, почему-то оказался не на высоте, и момент был упущен.

Однако у гарнизона хватило сил 20 мая предпринять еще одну вылазку, в результате которой было уничтожено все сделанное за день во французских траншеях, после чего они все же были оттеснены обратно в город. Но на следующий день из Кольбурга прибыл VIII корпус маршала Мортье для дальнейшего усиления войск Лефевра и Ланна. Теперь Калькройт оказался в большой опасности. Бастион Хайгельсберг мог в любой момент подвергнуться штурму, и его падение было практически предрешено. Вскоре после этого, если гарнизон будет продолжать сопротивление, французские батареи смогут превратить город Данциг в пылающую кровавую баню. Калькройт трезво смотрел на вещи: он понимал, что обеспечит себе лучшие условия, если начнет переговоры до предварительного штурма. И когда Лефевр выслал 22 мая перед штурмом парламентария под белым флагом, Калькройт согласился на переговоры. Французы предложили великодушные условия, ибо Наполеону было необходимо овладеть этим городом как можно скорее: начиналась весенняя кампания, и он не мог оставить у себя в тылу враждебный Данциг и тем более не мог пожертвовать тремя корпусами, занятыми осадой города. Поэтому гарнизону были предоставлены полные военные почести, и 27 мая Калькройт вывел своих солдат под барабанный бой, с примкнутыми штыками и развевающимися знаменами. Их препроводили до передовых прусских постов у Пиллау. Гарнизон официально обязался не сражаться против французов или их союзников в течение 12 месяцев. Через несколько дней закончилась сдача в плен остальных постов охранения. Достопамятная осада закончилась, и старый Лефевр в надлежащий срок сделался маршалом, герцогом Данцигским. Император посетил город 30 мая и назначил генерала Раппа губернатором Данцига.

Глава 52

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕЙЛЬСБЕРГЕ

Последние два месяца на главном фронте не произошло никаких инцидентов. В марте сообщалось о движении русских войск по направлению к окрестностям Эльбинга, и император счел разумным принять некоторые меры безопасности. Двенадцатого апреля императорская ставка была отодвинута к Финкенштейну, и с каждым днем стала возрастать вероятность внезапного русского наступления, чтобы оказать давление на гарнизон Данцига. В силу этого в начале мая Наполеон приказал армии сняться с биваков и направил корпуса за реки Пассарге и Алле; чтобы избежать повторения январского внезапного нападения врага. В действительности же произошел ряд мелких и плохо согласованных атак русских частей вдоль рубежей по рекам Пассарге и Нарев, рассчитанных на отвлечение внимания от готовившейся высадки войск Каменского близ Данцига. Все они оказались безрезультатны, и 14 мая на главном фронте все боевые действия были приостановлены. К этому времени французская армия в Польше насчитывала 200 000 человек, тогда как у Беннигсена было только 115 000 солдат (около 87 000 регулярной пехоты, 11 000 кавалеристов и 8000 казаков).

Тем не менее именно русские первыми начали наступление 5 июня, когда их колонны двинулись через Гейльсберг в атаки на плацдарм I корпуса в Шпайдене и

IV — в Ломиттене. Французы успешно отбили эти атаки, и вскоре стало очевидно, что эти операции были фальсифицированы и рассчитаны просто на запугивание, чтобы сбить с толку французское командование. Несколько дней спустя после быстрого марша на юг значительные силы русских появились напротив Депенна и атаковали передовые позиции Нея. Отвечая на эту новую угрозу, Наполеон выслал корпус Даву к Остероде и приказал всем имеющимся резервам сосредоточиться у Мёрунгена. Вскоре в бой вступили четыре французских корпуса (I, III, IV и VI), но русские внезапно отошли назад. Пятого июня был ранен в голову мушкетной пулей сам Бернадот. Поэтому I корпус был временно передан генералу Виктору.

Император все еще не был уверен, разгадал ли он намерения Беннигсена. Единственное, в чем он не сомневался, — это в том, что операционным центром русских является Кёнигсберг. Поэтому он решил попытаться отрезать Беннигсена от его базы, но главные планы противника и возможные реакции оставались загадкой. Император спросил Даву: «Что намерен делать противник? Будет ли он продолжать марш к Алленштейну, хотя Депенн и Либштадт были еще в наших руках. Если так, то могут произойти очень необычные события. Все мои кавалерийские и пехотные резервы сосредоточиваются между Зальфельдом и Мёрунгеном; сам я через час буду в Зальфельде и надеюсь получить за ночь два-три сообщения от вас, если это возможно. Необходимо ничего не оставлять в Алленштейне — все должно быть эвакуировано в Мариенвердер, ибо мое операционное направление пройдет от этого города к Мариенбургу и оттуда к Данцигу. Противник продвигается, как если бы моя линия все еще базировалась на Торне. Нет сомнения, что вы выберете выгодные позиции у Остероде, откуда сможете задерживать врага, если он начнет наступление. Вы являетесь моим правым флангом. Пока противник не атакует вас, я намереваюсь совершить обход вокруг вас. Я надеюсь на ваш корпус и вашу стойкость — и еще более на ваши пушки и сильные позиции, чтобы нам выиграть как можно больше времени»(4).

На следующий день (6 июня) императорская ставка решила использовать военную хитрость для обмана Беннигсена. Помня о катастрофе, связанной с планами Наполеона, когда в конце января случайно депеши императора попали в руки русских, было решено подготовить фальшивые приказы, чтобы они тоже попали в руки казаков. В этом документе, адресованном Нею, сообщалось, что Даву готов напасть на тыловые районы русских силами до 40 000 человек. Целью Наполеона был укрепленный лагерь русских у Гейльсберга на реке Алле. Были посланы два офицера с копиями этого сообщения после дачи им весьма детальных наставлений относительно путей их следования. Разумеется, они не должны были знать, что они предназначались для возможного захвата русскими, потому что у русских могли бы возникнуть подозрения; но тот факт, что их маршруты были выбраны слишком близко к местам, занятым неприятелем, мог бы дать русским ключ.

Один офицер совершил чудеса доблести и все-таки добрался в штаб Нея с этим посланием к изрядной досаде императора, когда тот офицер явился с рапортом об успешном выполнении задания. Однако второй посланец выполнил предназначенную ему миссию в совершенстве.

На рассвете 7 июня Наполеон все так же ничего не знал о намерении Беннигсена. «Я все еще продолжаю разгадывать, что собирается делать противник, — пишет он Бернадоту. — Везде есть признаки готовящегося массивного удара... Я собираюсь постараться обнаружить неприятеля и навязать ему решающее сражение, чтобы покончить с ним»(5).

Восьмого июня он рассчитал, что энергия русского наступления, вероятно, исчерпалась в боевых действиях тремя днями ранее, и приказал своим войскам начать контр наступление. Больше не было сомнений, что русские отходят, и было необходимо немедленно напасть на них, прежде чем они уйдут под защиту стен Кёнигсберга. Русские пленные, захваченные днем, подтвердили его догадку, что

Беннигсен отходит к Гюттштадту для сосредоточения своих войск. «Возможно, что я выступлю на Гюттштадт завтра»(6), — сказал император Сульту. Действительно, 9 июня он уже был в пути, сопровождаемый Неем, Даву, Ланном, императорской гвардией и кавалерийским резервом, но когда он достиг пригородов Гюттштадта, там не оказалось и признаков врага, за исключением арьергарда. Беннигсен действительно вначале планировал навязать ему бой у Гюттштадта в тот день и вызвал большую часть своих дивизий для соединения с ним, но в конце утра он передумал, будучи неудовлетворен собственными позициями, и приказал отходить к Гейльсбергу. Тем временем соединения Наполеона неумолимо двигались к Гюттштадту под палящим солнцем. Корпус Сульта, приближавшийся к ним, выступив от Мёрунгена, вскоре столкнулся с отходившими силами Каменского, но стычка была недолгой. Кавалерия Мюрата тоже соприкоснулась с отрядами Багратиона у Глоттау, когда тот повернулся лицом к французам, прикрывая отход своих товарищей от Гюттштадта. Короткий бой кончился стремительным отходом Багратиона, но казаки Платова храбро прикрывали его отступление через Алле и успешно сожгли мосты за ним. К сумеркам Ней, Мюрат и гвардия овладели Гюттштадтом. Даву захватил левый берег Алле выше города, Мортье быстро приближался, корпус Сульта стал лагерем вокруг Альткирха, но русские ушли.

Теперь Наполеон еще сильнее, чем раньше, стремился отрезать Беннигсена от Кёнигсберга и оттеснить его от немногих оставшихся прусских союзников. За ночь были подготовлены приказы, предусматривавшие прямые марши Мюрата, Сульта, Ланна и Нея вместе с гренадерами Савари к Гейльсбергу соединенными силами численностью 50 000 человек, в то время как корпуса Даву и Мортье готовили стратегический отход русского правого фланга. Гвардия, как обычно, оставалась в резерве. Севернее генерал Виктор — теперешний командир I корпуса — должен был сдерживать пруссаков на нижней Пассарге и затем оттеснить их обратно в Кёнигсберг.

Наполеон и его свита неслись галопом к северу, чтобы присоединиться к своим колоннам, но внезапно он свернул с дороги влево и въехал на вершину наиболее высокого холма, чтобы осмотреть местность. Историк де Норвен воссоздал картину — Наполеон за работой в разгаре кампании: «Прибыв на большое плато на вершине холма, император остановил своего коня и спрыгнул на землю, крикнув: «Бертье, мои карты!» Немедленно оберштальмейстер двора сделал знак дежурному по штабу, державшему в руках портфель с картами; тот открыл футляр и вручил его начальнику штаба, который, с обнаженной головой, расстелил огромную карту на траве. Император передвигался по карте на коленях, потом на четвереньках, а затем лег на нее, делая отметки своим карандашом. В такой позе он оставался целых полчаса в полном молчании. За ним, в ожидании знака или приказа, неподвижно стояли высшие чины армии с непокрытыми головами, под палящим солнцем северного лета»(7).

Несмотря на эти тщательные картографические изучения, сражение при Гейльсберге 10 июня было неудачей для французов и тактическим успехом для русских. Высоты по обеим сторонам Алле были сильно укреплены траншейными редутами, и среди них Беннигсен очень выгодно построил свои девять дивизий. Мюрат первым оказался на поле боя. Вначале, когда он вытеснил русские головные дозоры из ближайшей деревни Лаунау, его действия увенчались успехом, а его кавалеристы достигли Беверника. Но, очутившись там, он оказался скован удачно размещенной русской батареей и был вынужден ожидать подхода пехоты и пушек Сульта, прежде чем пытаться полностью захватить деревушку. Почти сразу после этого неудачного маневра в 3.30 Мюрат был атакован мощными соединенными эскадронами Багратиона и Уварова. Мюрат был в ярости, так как кавалеристы хваленного резерва вскоре обратились в бегство и только своевремен-

ное прибытие двух фузилерных полков генерала Савари и двенадцати пушек спасло положение.

Однако от князя Берга (Мюрата) трудно было дожидаться благодарности; более того, он еще обрушился с бранью на своего спасителя, обвиняя его в трусости. Когда русские кавалеристы, в свою очередь, откатились назад, у Багратиона открылся правый фланг. Заметив эту опасность, великий князь Константин искусно развернул свои пушки на правом берегу Алле, взяв под фланговый огонь приближавшиеся дивизии Сульта, переправлявшиеся через речку — приток Алле — Шпуйбах, и предотвратил эту опасность. Ожесточенный бой шел весь конец дня и вечер, по мере того как Султ снова и снова бросал своих солдат в атаку против русских редутов на левом берегу Алле. Бой пошел уже на измор, но численное превосходство и диспозиция были в пользу русских. Наполеон побуждал своих подчиненных идти в наступление, но к началу вечера вся французская линия стала откатываться назад за речку Шпуйбах под сильным напором русских, когда на левом фланге появилась головная дивизия Ланна. Хотя наиболее мудрым решением для французов в этот момент было бы прекращение боя, вновь прибывший удалой генерал думал иначе. Желая превратить поражение в победу на глазах у императора, Ланн бросил своих людей в страшную ночную атаку в 10 часов вечера и получил жесточайший отпор, как того и заслуживало это опрометчивое действие. Ланн потерял в бою 2284 человека убитых и раненых. Только в 11 часов стрельба наконец затихла.

Ожидая рассвета, французы подсчитывали свои потери. Кроме жертв в дивизии Ланна, у Сульта было убито или ранено 8286 человек — так французы потеряли свыше 10 000 человек, не добившись ничего.

Русские успешно удержали свои главные позиции, потеряв около 8000 человек. Под покровом ночи мародеры и местные крестьяне прокрадывались на поле битвы, ища добычи и обыскивая убитых и раненых. Когда солнце озарило страшную картину жалких останков, которые обшаривали эти негодяи, французы и русские «по взаимному, хотя и молчаливому соглашению беззлобно встретились на горестной равнине, чтобы похоронить своих мертвых и увезти раненых»(8).

Затем обе стороны приготовились к возобновлению боя, но, хотя русские батареи и открыли сильный огонь, никаких других действий не последовало. Наполеон решил, — хотя лучше бы он сделал это накануне, — что он сможет заставить Беннигсена бросить свои сильные позиции посредством маневра, а не просто штурма. Под давлением Мортье и Даву на протяжении всего дня Беннигсен начал отступать к Бартенштейну ночью 11 июня, чтобы уберечь свои коммуникации, находившиеся под угрозой, бросив свои запасы и раненых в редутах на склонах холма.

Самая беззастенчивая наполеоновская пропаганда пыталась изобразить сражение у Гейльсберга как значительный успех французов. Как и при Эйлау, французы в конце концов остались хозяевами поля боя, но цель сражения — отсечение Беннигсена от Кёнигсберга — осталась недостигнутой. Тактике Наполеона в этом случае не хватило изощренности, она превратилась в ряд грубых фронтальных атак против численно превосходившего и прекрасно окопавшегося противника. События 10 июня не способствовали и устранению яростного соперничества и вражды, которые начинали сильно омрачать взаимоотношения подчиненных императора. Генерал Савари открыто высказал свое мнение о наглом и оскорбительном поведении Мюрата во время дневного боя, закончив свою филиппику словами: «...Было бы лучше, если бы у него [Мюрата] было поменьше храбрости, но побольше здравого смысла»(9). Ланн отзывался еще резче, но, хотя Наполеон и оборвал их критические высказывания, он хорошо запомнил их слова. После Фридланда ему пришлось поставить Мюрата на место: он сравнил экстравагант-

ный покрой мундира, изобретенный безвкусным гасконцем, с одеждой Франко-ни — известного циркового наездника. Ничто не могло острее уколоть самолюбие тщеславного Мюрата.

В 4 часа утра 12 июня французы без всякого сопротивления заняли Гейльсбергские высоты. Наполеон теперь рассчитывал, что отступающий Беннигсен будет обязательно переправиться через Алле на левый берег ниже по течению реки, и поэтому выслал только драгунскую дивизию генерала Латур-Мобура и две бригады легкой пехоты по правому берегу, в то время как остальная часть армии на рысях продвигалась к Эйлау, пытаясь вновь вклиниться между русскими частями и Кёнигсбергом. Рано утром следующего дня император заключил из донесения патрулей, что Фридланд станет местом переправы русских, после чего последует их общая перегруппировка и сосредоточение около Домнау. В 11.30 утра он писал Сульту, сообщая о своем убеждении: «До сих пор движения противника были полностью нерешительны; теперь появились признаки, заставляющие меня думать, что он сосредоточится в Домнау»(10).

Город Домнау находится на расстоянии 20 миль к северу от Гейльсберга на важном скрещении дорог из Фридланда и Ландсберга на Кёнигсберг. Расстояние в 15 миль отделяет его от Кёнигсберга — большой крепости и города, расположенного на восточной оконечности залива Фришес-Хаф. В июне 1807 года он был последним оплотом Гогенцоллернов и теперь служил операционным центром генерала Беннигсена.

План Наполеона состоял в том, что Мюрат и Сульт должны осуществить прямой подход к городу форсированным маршем, чтобы отсечь армию Беннигсена от прусского гарнизона, которым командовал генерал Лесток, и затем, если удастся, налетом штурмовать Кёнигсберг. Справа от них будет продвигаться корпус маршала Даву, который был одновременно поддержкой для войск, осуществлявших наступление на второстепенном направлении, и связующим звеном с главными силами, наступавшими прямо на Домнау. Даву также должен был обойти правый фланг Беннигсена, если русским придется повернуться и дать сражение у Домнау. Так как Наполеон задумал теперь не что иное, как бой на уничтожение, он выделил корпус Ланна и послал его на восток к Фридланду через Лампаш, чтобы удерживать мосты через Алле и лишить Беннигсена запасной линии отхода на восток.

В депеше Мюрату, от 13-го из Эйлау, Наполеон четко изложил свой ход рассуждений:

«Маршал Ланн и его армейский корпус следуют в Лампаш, но его кавалерия направляется в Домнау; маршал Даву наступает на Виттенберг; маршал Сульт нынче утром в 10 часов вышел отсюда по направлению на Кройцбург. I корпус достиг Ландсберга; маршалы Ней и Мортье должны вот-вот прибыть в Эйлау. Активно ведите как можно более глубокую рекогносцировку. Если вы найдете способ войти в Кёнигсберг, поручите эту задачу маршалу Сульту, ибо я хотел бы, чтобы он был занят моим крайним левым флангом. Следовательно, вы должны дать указания маршалу направиться к городу немедленно. Если это произойдет, маршал Даву подойдет как можно ближе.

Если противник достигнет Домнау сегодня, вы все равно должны обеспечить наступление маршала Сульта на Кёнигсберг, одновременно поместив маршала Даву в такое положение, откуда он мог бы сковать головные соединения вражеской армии между Домнау и Фридландом. Напишите и скажите маршалу Сульту, что, если основные силы противника будут наступать на Домнау, для него главной задачей будет овладение городом Бранденбургом, чтобы мне не приходилось опасаться за мои линии коммуникации, которые будут проходить слева от меня.

Если вам нужно несколько рот вольтижеров, обратитесь немедленно к маршалам Даву, Сульту и Ланну»(11).

Весь день 13 июня о неприятеле не было никаких известий. Командир кавалерии Ланна доложил, что в Домнау нет и следов Беннигсена, и Наполеон решил, что его противник еще не прибыл во Фридланд. Теперь он рассчитал, что Беннигсен больше не пытается достичь Кёнигсберга прямым путем, но направляется к реке Прегель вниз по правому берегу реки Алле, прежде чем повернуть на запад к столице Восточной Пруссии.

Однако Наполеон допустил большой просчет — он опять недооценил своего противника. Беннигсен уже понял, что корпус Ланна, следующий к Фридланду, почти оторвался от других, и теперь он собирался осуществить мощную атаку на него, надеясь разбить его, прежде чем тому придут на выручку. Император не только подставил Ланна под удар, он еще и слишком растянул свои другие линии. Фактически он расколол остальную часть своей армии надвое, направив Мюрата, Сульта и Даву в сторону Кёнигсберга. Принимая во внимание, что численность гарнизона крепости была в этот момент равна 50 000, он выделил 60 000 солдат из состава главной армии, чтобы обеспечить взятие крепости. На самом же деле гарнизон состоял только из 25 000 человек, и Наполеон принес в жертву свои силы, сосредоточив их в большом количестве и не получив никакой экономии в них.

Только в 9 часов вечера 13 июня в императорскую ставку поступили сообщения, из которых стало ясно, что допущен какой-то просчет. Прибыл выбившийся из сил штабной офицер из дивизии легкой кавалерии Ланна с известием, что в окрестностях Фридланда все-таки разворачиваются крупные силы неприятеля. Задача состояла в том, чтобы разузнать, вся ли это армия Беннигсена или только отдельная ее часть.

Наполеон пишет Ланну: «Мой штабной офицер прибыл сюда несколько минут назад, но он не может дать достаточно сведений, чтобы судить о том, разворачивается ли у Фридланда вся армия противника или только ее часть. В любом случае дивизия Груши уже в пути, и, когда он прибудет к Вам, Вы немедленно возьмете на себя командование кавалерией. Маршал Мортье также посылает свою кавалерию для поддержки Вашей и сам должен тут же выйти со своим армейским корпусом. Согласно полученным мной известиям, я также могу послать маршала Нея в час ночи на помощь Вам». Император все еще не мог отделаться от навязчивой идеи овладения Кёнигсбергом и поэтому придавал второстепенное значение всем другим операциям. Делеша продолжает: «Великий герцог Берга [Мюрат] находится у ворот Кёнигсберга; можно услышать раскаты тяжелого обстрела гарнизона генерала Лестока. По-видимому, маршал Сульт уничтожил арьергард Лестока в Кройцбурге; мушкетная и пушечная стрельба длилась только полчаса, что позволяет нам думать, что арьергард опрокинут. Великий герцог только ждет известия о том, занят ли Домнау неприятелем, прежде чем выйти на Кёнигсберг со своей пехотой.

Маршал Даву находится на берегах Фришинга. Ожидаю подробностей каждую минуту. Если же, по полученным от Ваших пленных сведениям, Вы уверены, что противник присутствует только в виде части своих сил, я ожидаю от Вас наступления на Фридланд и овладения этим важным пунктом. Если это необходимо, I корпус может достичь Домнау до 10 часов утра. Пишите мне через каждые два часа; пришлите протоколы допроса пленных. Если Вы в самом Фридланде, пришлите мне местного магистрата и все данные»(12).

Не прошло и часа, а основной заботой императора опять стал Кёнигсберг: «Ожидаю, что Вы будете в Кёнигсберге еще к завтрашнему полудню»(13), — пишет он Сульту и в три часа дня снова напоминает Мюрату, что «...нельзя терять ни минуты при захвате города. Необходимо, чтобы отряды кавалерии наступали на город по всем дорогам, преследуя неприятеля по пятам. Вы можете использовать все силы маршала Сульта и, возможно тоже, маршала Даву, но этих — только в самом крайнем случае»(14).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФРИДЛАНДЕ

Все это время французские и русские войска сходились с противоположных направлений к Фридланду. К 6 часам вечера эскадроны Голицына оттеснили кавалерийскую разведку Ланна от города к Домнау, заняв близлежащую деревню Постенен. Двумя часами позже прибыл сам Беннигсен, мечтавший уничтожить Ланна на следующий день, и приказал навести три понтонных моста для перехода своей подходившей дивизии через реку Алле. Всю ночь войска переходили реку, и к рассвету 14 июня (около 3.30 утра), вероятно, около 10 000 русских были развернуты на левом берегу, а к плацдарму все подходили новые и новые колонны. К этому времени Ланн дал приказ на подход бригады Дюфена и гренадер Удино для поддержки кавалерии, и этим войскам удалось снова занять Постенен в то самое время, когда Груши прибыл с первым кавалерийским подкреплением. В этот момент французы имели на поле боя 9000 пехоты и 3000 кавалерии. Однако настоящее сражение началось незадолго до рассвета, когда русские батареи открыли огонь.

Город Фридланд расположен на левом берегу извилистой реки Алле, около 15 миль от Домнау и около 30 миль к юго-западу от Кёнигсберга. К западу от города лежат три деревни, образуя дугу: самая северная — Генрихсдорф — на главной дороге к Кёнигсбергу; в двух милях к западу от Фридланда — вторая деревня, Постенен, третья — Сортлак — находится на расстоянии одной мили южнее Фридланда, но отделяется от города несколькими излучинами реки Алле. Небольшая речушка Мюленфлюс (Мельничный ручей) бежит через Постенен к Фридланду, образуя довольно большое озеро на северной окраине города. Общий характер местности по западному берегу Алле — равнина с небольшими холмами и рощицами. На расстоянии нескольких миль находятся два больших леса: Боткаймский к северу от Мюленфлюса и Сортлакский — к югу.

Первые боевые действия в этот день велись за овладение деревнями Постененом и Генрихсдорфом. Ланну удалось удержать первый, Груши был менее удачлив, сражаясь у Генрихсдорфа, хотя и не уступил своих позиций. К 9 часам утра у французов было 9000 пехоты и 8000 кавалерии, у русских же за рекой было выставлено не менее 45 000 солдат. Стратегия Ланна была ясна. Он был обязан сковать превосходящие основные силы армии Беннигсена и завлечь часть их на левый берег Алле, ожидая прибытия Наполеона и основной массы французской армии. К счастью, русский генерал довольствовался отдельными стычками и перестрелками в течение всего утра, используя основное время на совершенствование диспозиции своих дивизий на равнине.

Беннигсен построил шесть пехотных дивизий в две линии, четыре — севернее Мюленфлюса, две — южнее его, и приказал перебросить через ручей несколько деревянных мостов, чтобы улучшить связь между этими двумя соединениями. Казаки были размещены вокруг Дамбрауского леса для удержания правого фланга, а на левом 3000 отборных легких пехотинцев удерживали Сортлакский лес, имея в качестве поддержки еще большее количество солдат, лошадей и пушек у деревни того же названия. Командование левым флангом было доверено генералам Багратиону и Кологривову, а правым — генералу Горчакову. С прибытием головной дивизии Мортье около 9.30 утра в войсках Ланна было уже 35 000, а к 10 часам утра французы имели 40 000 человек.

Вскоре после полудня на поле боя прибыл Наполеон со своим штабом, чтобы принять руководство от Ланна. Уже виднелись длинные колонны подходивших подкреплений, направлявшихся от Эйлау. Штабные офицеры, ведя рекогносцировку около Постенена и разглядывая позиции Беннигсена в подозрные трубы,

пытались определить, вся ли русская армия находится перед ними. Наблюдавшие расходились во мнениях относительно того, нужно ли навязать главное сражение сегодня же или ждать до завтра. Какое-то время казалось, что будет принято второе решение. «Орудийный огонь ведется с 5 часов утра, — пишет Бертье Мюрату через несколько часов. — По-видимому, противник присутствует здесь всеми своими силами по боевому расписанию... Его величество надеется, что вы уже овладели Кёнигсбергом... и что вы теперь находитесь на марше к Фридланду с двумя полками кирасир и корпусом маршала Даву, ибо вполне возможно, что сражение может продлиться вплоть до завтрашнего дня. Поэтому постарайтесь прибыть сюда к часу дня. Если император убедится, что перед ним находятся основные силы противника, возможно, он ограничится обстрелом его (сегодня) и будет ждать вас. Перескажите главные части этого письма маршалам Сульту и Даву»(15).

По общему мнению офицеров штаба, было решено отложить главную атаку на 15 июня, так как к этому времени подход Мюрата и Даву создаст превосходство в численности у французов. Император совсем не был в этом уверен; его острый глаз и тактическая интуиция уже подметили недостатки в диспозиции противника. В этот момент армия Беннигсена была в очень невыгодном положении и могла быть атакована. Несмотря на четыре моста через Алле, было ошибкой разворачивать силы русских спиной к реке. И более того, деление русской линии на две части Мюленфлюсом и озером, вероятнее всего, крайне осложнит взаимную поддержку русских флангов или их эффективный маневр в любом направлении. «Нет, нет! — воскликнул император, услышав, как его офицеры обсуждают мудрое решение о переносе сражения на следующий день. — Нам нельзя надеяться на то, что застанем врага врасплох, дважды делая одну и ту же ошибку»(16). У него все больше и больше укреплялось убеждение, что случай представляет ему великолепную возможность, по мере того как артиллерийский огонь становился все более рассеянным и случайным после полудня.

К четырем часам дня императорская гвардия и остальная часть I корпуса были на месте, и Наполеон решил, что у него достаточно воинов (около 80 000), чтобы выиграть решающую победу. Его целью было уничтожить русских, построенных поперек узкого участка местности перед прямым углом, образуемым рекой Алле, и использовать то обстоятельство, что этот замкнутый участок далее был разрезан надвое Мюленфлюсом. Русские были развернуты вдоль четырехмильной линии по обеим сторонам речки, но на ее левом берегу их было значительно меньше; следовательно, эти части русских должны были служить первоначальной целью. Император решил начать немедленно атаку против них, не тратя больше времени на артиллерийский обстрел. Корпус Нея должен был вести наступление и попытаться разгромить левый фланг противника, а потом уничтожить не менее двух мостов через Алле, которые вели в тыл русским. Этот маневр при его успешном выполнении должен будет довершить деморализацию противника, и, даже если крупные части русской армии смогут прорваться на север к Кёнигсбергу, они попадут прямо в ловушку Мюрата и Даву.

В 5 часов вечера ставка дала приказ с пометкой «Бивак за Постененом»:

«Маршал Ней выстроит свои силы между Постененом и Сортлаком в поддержку теперешних позиций генерала Удино. Маршал Ланн будет удерживать центр — его позиции займут линию от Генрихсдорфа почти до Постенена. Гренадеры Удино, в настоящее время образующие правое крыло маршала Ланна, слегка перейдут влево, чтобы привлечь внимание противника. Маршал Ланн сомкнет свои дивизии как можно плотнее, чтобы образовать две линии этим маневром. Левое крыло армии будет образовано маршалом Мортье, удерживавшим Генрихсдорф и дорогу на Кёнигсберг и двинувшимся далее, чтобы быть напротив правого фланга русских. Маршал Мортье не должен наступать, так как маневр будет совершаться нашим правым крылом, используя левое как ось захождения.

Кавалерия генерала д'Эспаня и драгуны генерала Груши вместе с кавалерией левого крыла будут маневрировать с целью нанесения наибольшего ущерба противнику там, где у него появляется необходимость отойти под сильным давлением нашего правого фланга.

Генерал Виктор и императорская гвардия — пехота и кавалерия — образуют резерв и размещаются у Грунхофа, Боткайма и за Постененом.

Драгунская дивизия генерала Лауссея будет подчинена генералу Виктору; драгуны Латур-Мобура — маршалу Нею; дивизия тяжелой кавалерии генерала Нансути будет в распоряжении маршала Ланна и начнет вести действия вместе с кавалерией резервного корпуса армии в центре.

Я буду находиться вместе с резервом.

Наступление должно вестись все время с правого фланга, и начало его доверено маршалу Нею, который будет ждать моего приказа.

Как только правый фланг начнет наступление на врага, все пушки нашей линии должны будут удвоить скорость огня в направлении, которое будет наиболее хорошо поддерживать наступление правого фланга»(17).

С начала дня император был настроен оптимистически. Марбо был одним из посланцев Ланна, направлявшихся им, чтобы доносить императору о ходе уже описанного утреннего сражения. «Я увидел его сияющим. Он указал мне место рядом с собой, и мы галопом ехали вперед, а я рассказывал ему, что происходило у нас перед моим отъездом с поля боя. Когда я кончил свой рассказ, император с улыбкой спросил у меня: «Хороша ли ваша память?» — «Неплохая, сир». — «Так какая сегодня годовщина, четырнадцатого июня?» — «Годовщина Маренго». — «Да, да, — ответил император, — годовщина Маренго, и я собираюсь разбить русских точно так же, как тогда австрийцев».

Он был так убежден в этом, что, когда мы ехали мимо колонн, откуда солдаты приветствовали его неумолкающими криками, он несколько раз крикнул в ответ: «Сегодня счастливый день — годовщина Маренго»(18).

Ровно в 5.30 вечера тишина, воцарившаяся над полем боя, внезапно разорвалась несколькими частыми залпами французской батареи из 20 пушек. Это был сигнал Наполеона маршалу Нею. Беннигсен был очень удивлен, увидев французские войска, выходявшие из Сортлакского леса и спешившие к его левому флангу; он считал, что было уже слишком поздно для возобновления боевых действий. Действительно, французская атака началась как раз в нужный момент. Русский командующий, понявший опасность своей теперешней диспозиции, как раз собрался отдать приказ армии отойти на правый берег Алле. Но из-за начавшегося французского наступления этот приказ был аннулирован.

Во главе наступающих французов шла дивизия генерала Маршана, выходявшая из Сортлакского леса и двигавшаяся прямо по направлению на колокольню Фридланда, сверкая под низким солнцем примкнутыми штыками. Чуть левее шли солдаты Биссона; за ними наступали всадники Латур-Мобура. Перед ними убежали остатки русских сил прикрытия, и Маршан слегка отклонился вправо, чтобы загнать несчастных беглецов в Алле. По-видимому, этот маневр показался Беннигсену удачным моментом для контратаки. Он приказал подойти отряду казаков и полкам регулярной кавалерии Кологривова и бросил их в атаку для расширения появившейся бреши между двумя французскими дивизиями. Однако эта атака ни к чему не привела — навстречу атаковавшим поскакала кавалерийская дивизия Латур-Мобура. Попав между трех огней, русские всадники в замешательстве повернули назад. Французы возобновили наступление.

В этот момент Наполеон выдвинул резервный корпус Виктора справа от дороги на Эйлау. Этот маневр оказался спасительным для дивизий Нея. Пока они продвигались, их встретил в упор хорошо организованный фланговый огонь пушек 14-й резервной дивизии русских, поставленной на восточном берегу Алле. Заме-

тив, что этот град ядер и снарядов заставил заколебаться солдат Нея, Беннигсен перебросил новый отряд кавалеристов через Мюленфлюс и направил их против левого фланга Биссона. Французская атака начала было захлебываться, но в этот критический момент головные части Виктора, которые вел генерал Дюпон, стремительно помчались вправо от Эйлауского леса и лихо ударили во фланг русским кавалеристам. С помощью Латур-Мобура эта контратака имела полный успех, и русские эскадроны, сеявшие панику, были отброшены назад, к собственной пехоте, выстроенной на перешейке полуострова.

Паника, начавшаяся в рядах русских, сделала их прекрасной мишенью для французских канониров, когда солдаты Беннигсена стали, отступая, сбиваться все плотнее и плотнее на все уменьшавшемся участке местности. Виктор полностью использовал свои возможности и выдвинул более тридцати пушек к фронту своего корпусного района. Под командой способного артиллерийского генерала Сенариона канониры смело вручную передвигали вперед скачками свои пушки. Начавшись с 1600 ярдов, дистанция быстро уменьшилась до 600 шагов, и тогда пушки остановились и дали страшный залп по плотной массе русских. Вскоре пушки были уже на дистанции 300, затем 150 ярдов от русской линии фронта, изрыгая смерть с монотонной регулярностью. Наконец вспотевшие артиллеристы подтащили свои дымящиеся орудия на расстояние 60 шагов до пехоты Беннигсена. На этом расстоянии прямой наводкой французская картечь косила ряды противника, когда целые роты в течение секунд превращались в горы кровавого мяса. Остатки русской кавалерии пытались уничтожить эту выдвинутую вперед смертоносную батарею, но лишь разделили судьбу своих соратников-пехотинцев, когда точным залпом были скошены и люди и кони.

Тем временем Беннигсен пытался облегчить это грозное давление против своего левого фланга, бросив Горчакова против Ланна, Мортье и Груши. Но этот маневр не возымел желаемого эффекта. Войска на левом фланге и в центре французов удерживали свои позиции и тем самым сковали большое количество русских войск севернее Мюленфлюса, хотя французским войскам можно было найти гораздо лучшее применение южнее этой речки. Наполеон мастерски использовал свою гвардейскую кавалерию и бригаду гвардейских фузилеров Савари, чтобы отвлечь Горчакова. Норвен пишет: «...Нас послали на левый фланг вместе с егерями и поляками. Едва мы начали бой, как нам приказали вернуться назад к императору. Этой демонстрации было достаточно, чтобы помочь Мортье отделаться от орды казаков, которые тут же исчезли»(19).

К этому времени маршал Ней стоял во главе своих перестроившихся дивизий, «показывающих пример замечательной организованности, выделяющейся даже среди прекрасных армейских корпусов Великой армии», как описывал их велеречивый армейский бюллетень. В возрастающем отчаянии Беннигсен затем начал штыковую атаку против правого фланга Нея, но единственным результатом была гибель нескольких тысяч русских солдат в водах Алле. В это самое время Дюпон повернул свою дивизию влево от первоначального направления наступления, переправился на северный берег Мюленфлюса и нанес удар во фланг и тыл утомленных солдат русского центра. Ней вскоре после этого с боями проложил себе путь на окраину Фридланда. Там, в овраге, Беннигсен прибег к своей козырной карте, введя в бой русскую императорскую гвардию. «Наконец, — продолжает Норвен, — я увидел последнюю ужасную сцену этой великой драмы... Линейная пехота корпуса Нея и дивизия Дюпона пошли в штыковую атаку на русскую гвардию — соединение, сплошь набранное из северных богатырей... последнюю грозную опору великой армии противника. Это была победа пигмеев над гигантами»(20). Очень скоро трубы русских гвардейцев устлали сомкнутыми рядами поле боя со штыковыми ранами в груди — «самой высокой точке, до которой дотягивались штыки наших солдат», — как несколько цветисто выражался Норвен.

К 8.30 вечера Ней фактически овладел Фридландом, где улицы были завалены убитыми и умирающими, а дым от домов на окраине, подожженных русскими при отходе, мрачно затягивал город. Однако эти прощальные поджоги обратились на самих поджигателей, потому что огонь перекинулся на понтонные мосты, лишив многих русских возможности спастись. Река Алле стала местом упокоения многих несчастных.

К северу от Мюленфлюса солдаты Удино и Вердые отбили целый ряд отчаянных атак русских против позиций корпуса Ланна. Затем в атаку была брошена кавалерия Горчакова, но и она не смогла остановить напор французского наступления, хотя в какой-то момент часть его пехоты прорвалась обратно на окраину Фридланда. Теперь Беннигсену предстояла полная катастрофа, если только он не сможет оторваться от противника и прекратить сражение. Три сгоревших моста из четырех делали возможность спастись почти совсем безнадежной, но в последний момент части его войск нашли пригодный брод против деревни Клошенен к северу от Фридланда, и это оказалось спасением для остатков армий Беннигсена. Брод годился и для пушек и для людей, и благодаря этому русские смогли разместить по правому берегу Алле свои большие батареи, которые прикрыли стремительный отход солдат русской армии.

Наступил момент для Наполеона бросить в преследование 40 эскадронов, сосредоточенных на его крайнем левом фланге, и этим превратить успех в полную победу, но в силу каких-то причин Груши и д'Эспань не смогли поддержать победоносный прорыв, хотя им противостояли всего 25 русских эскадронов. Лихой Мюрат никогда бы не упустил такой возможности, но столь удачной ситуацией не воспользовались. Даже самые озлобленные критики князя Бергского жалели об его отсутствии в этот решающий момент, но Наполеон не посчитал нужным ввести в бой неиспользованную императорскую гвардию и остальные две дивизии I корпуса.

Наступившие сумерки заставили сражавшихся окончить бой. До 11 часов вечера французы вели частичное преследование бежавших русских, и только совсем поздно затихла пушечная пальба. Ночью французские войска перешли Алле, и им удалось всего несколько часов поспать.

Сражение под Фридландом закончилось. Французы потеряли, вероятно, около 8000 человек, их жертвы — от 18 000 до 20 000 убитых и раненых (это около 30% армии Беннигсена). Французы захватили также 80 пушек. Наполеон одержал наконец решительную победу, которая не давалась ему около шести месяцев. Было удивительно мало русских пленных, большинство предпочли смерть плену.

Прошло еще четыре дня боевых действий, прежде чем царь Александр решил просить перемирия. 15 июня Беннигсен пытался собрать уцелевшие остатки дивизий у Алленбурга, но французская кавалерия продолжала быстро наступать по левому берегу Алле, чтобы отрезать их от Кёнигсберга. На следующий день маршал Султ наконец овладел великой крепостью с ее огромными запасами бесценной военной материальной части, и исход кампании был окончательно решен. К 19 июня кавалерия Мюрата достигла Немана у Тильзита; в этот же день князь Лобанов — посол русского царя — прибыл в ставку Наполеона. Принятое четырехнедельное перемирие вступило в силу 24 июня, и армии Наполеона, наславшегося триумфом, оставались на самых границах России — самого дальнего пункта на востоке, когда-либо достигнутого ими. Наполеон торжествовал, добившись победы. В письме к императрице Жозефине от 15 июня он сообщал: «Мои дети достойно отметили годовщину Маренго. Сражение при Фридланде будет таким же известным и прославленным для моего народа... Это достойный собрат Маренго, Аустерлица и Йены»(21).

В этом утверждении он был, очевидно, прав. Однако операции, приведшие к этому сражению, не были так впечатляющи, как маневры перед Ульмом или

Йеной. Во-первых, именно русские первыми открыли эту кампанию и до некоторой степени заставили Наполеона приспособливаться к их действиям на ее ранних стадиях. По мнению Наполеона, Беннигсен потерял свой наилучший шанс на победу, не ведя более решительного наступления в поддержку Каменского, чтобы снять осаду с Данцига в начале мая. При сложившемся положении вещей французам довольно было только дожидаться, пока русские не дойдут до крайней точки своего наступления, одновременно прилагая максимум усилий, чтобы не давать им подойти к Кёнигсбергу, используя корпус Бернадота для сковывания Лестока и Каменского на нижней Пассарге. Наполеон мог наступать или по направлению Гейльсберга и Фридланда, или Гюттштадта и Бишофштейна; в любом случае Беннигсену пришлось бы принять бой. Но Наполеон отказался от этого наступления, потому что оно могло бы открыть его коммуникации с Данцигом и, кроме того, (согласно Петри) такой откровенный ход мог бы спугнуть Беннигсена. Здесь Наполеон, несомненно, допустил серьезную стратегическую ошибку, разделив свою армию на три части после безуспешных боев при Гейльсберге. Если бы Беннигсен лучше использовал свои возможности вечером 14-го и утром следующего дня, Ланн мог бы понести тяжелейшие потери. С другой стороны, будь Мюрат вызван вовремя для участия в сражении, русская армия оказалась бы в состоянии еще большего хаоса, и, конечно, Беннигсен сам дал Наполеону ключ к победе, когда перешел через Алле для атаки войск Ланна. Наполеон полностью не предвидел такого маневра, поэтому создание боевой ситуации — не его заслуга.

Предшествующие маневры на Гейльсберг и Домнау оказались крайне неуспешными, не приведя к главной цели, но в конце битвы русские стали сами играть ему на руку. Беннигсен лишил себя шанса успешно провести сражение, измотав своих солдат на предшествующие двое суток. Им пришлось преодолеть 34 мили пути от Гейльсберга к Фридланду за короткое время, да еще после нескольких недель непрерывных боевых действий. Возможно, эта усталость превратила сражение 14 июня в ряд не связанных между собой малоэффективных боев, когда баланс сил был в пользу русских. Это оказалось для них роковой тратой времени и возможностей победить.

Разумеется, как только противник совершил ошибку, Наполеон немедленно извлек из нее максимальную выгоду. И все же только утром 14 июня он осознал полное значение донесений Ланна и принял те меры, которые требовались по обстановке. Недостаток полных сведений преследовал многие этапы этой кампании, как было и в 1806 году. Исход самого сражения был предрешен, когда Наполеон принял решение снова начать бой вечером 14-го, не дожидаясь следующего дня. Конечно, это решение имело важнейшее значение, и Наполеону нужно воздать должное за его выбор, вопреки мнению большинства генералов в его штабе, считавших, что вначале должно быть совершено сосредоточение войск. Эта оценка ситуации полностью подтверждает тактическую интуицию императора; он понимал, что отсутствие двух корпусов и части кавалерии не окажет решающего влияния на исход битвы.

Беннигсен же избрал такую безнадежно неудачную позицию для своих войск, что при возобновлении сражения в 5.30 вечера у русских было крайне мало шансов на победу. Так он обеспечил Наполеону легкую победу. Сочетание большой реки за спиной, да еще речки Мюленфлюс, разделившей его линию на два слабо соединенных сектора, способствовало безнадежному положению, и, конечно, русский генерал понимал, что уже слишком поздно отойти за Алле. То, что Беннигсен не использовал полных возможностей своих позиций утром, свидетельствует о высоком искусстве маршала Ланна, в совершенстве выполнявшего двойную функцию — сковывания и изматывания. Действительно, мастерство маршала Ланна в этом случае вполне сравнимо с мастерством Даву при Ауэрштедте. Если Наполео-

на время от времени и подводили его подчиненные, бывали случаи, когда он был у них в великом долгу.

После того как Ланн сыграл свою роль, Наполеон продолжал искусно использовать ошибки Беннигсена. Мудрость нанесения главной атаки справа, оттягивания французского центра и левого фланга, использования гвардейской кавалерии в качестве противоядия для нейтрализации возможных действий противника против этих секторов линии — все эти решения доказывают оперативное искусство Наполеона. Однако и здесь он был многим обязан тактическому мастерству своих подчиненных; превосходно организована была атака Нея, высокой оценки заслуживает поведение генерала Дюпона, без всяких приказов пришедшего на помощь Нею в критический момент его наступления, что перевесило чашу весов в пользу французов. Замечательное мастерство проявил также генерал Виктор, смело использовавший свою корпусную артиллерию. Эти отважные действия наполеоновских генералов лишили Беннигсена всякой инициативы и вынудили его метаться в поисках выхода в попытке отсрочить разгром, постигший его солдат. С другой стороны, трудно объяснить иначе, как некомпетентностью, тот факт, что французская кавалерия на крайнем левом фланге не нанесла окончательного удара по отходившим колоннам Беннигсена. Однако историк Петре считает, что за этим кажущимся промахом могут скрываться и политические соображения. Он аргументирует это тем, что Наполеон знал в 8.30 утра, что Беннигсен не сможет повернуть назад и вступить в бой с французской армией, пока не отойдет за Неман на русскую территорию. С другой стороны, Наполеон рассчитал, что, если он полностью уничтожит всю русскую армию, это может ожесточить Александра и усилить его решимость продолжать борьбу и тем самым поставит под удар возможность заключения с царем соглашения, имеющего огромное значение. У Наполеона не было тогда желания вторгаться в Россию; его армия воевала уже десять месяцев лишь с двумя недолгими перерывами, и теперь уже был необходим значительный период отдыха и время для перевооружения. К тому же император уже очень долго не был в своей столице и знал, что дальнейшее отсутствие может вызвать политические осложнения на домашнем фронте. Поэтому он принял просьбу Александра о перемирии с большой радостью и облегчением и, не теряя времени, приказал вести подготовку переговоров об окончательном мире, которые успешно завершат войну с Пруссией и Россией.

Глава 54

СВИДАНИЕ ИМПЕРАТОРОВ

«Встреча в Тильзите — одна из высших точек современной истории, — захлебывался Бурьен, — и воды Немана отражали Наполеона на вершине славы»(22). Феерическая карьера Наполеона (хотя бы внешне) достигла своего апогея между 25 июня и 9 июля 1807 года.

В мемуарах генерала Савари (будущего герцога Ровиго) описана первая встреча двух императоров.

«Император Наполеон, учтивость которого проявлялась во всех его поступках, приказал соорудить среди реки большой плот, на котором был выстроен закрытый, изящно украшенный павильон с двумя дверями с противоположных сторон, каждая из которых вела в отдельный вестибюль. Даже в Париже нельзя было бы изготовить лучше. Крыша была увенчана двумя флюгерами: на одном русский орел, на втором — французский. Над обеими входными дверями также были орлы обеих стран.

Плот был установлен строго посреди реки, а обе двери павильона открывались с видом на противоположные берега.

Оба монарха появились на берегах реки и спустились в баркасы одновременно. Но у императора Наполеона был лучший баркас, на веслах сидели военные моряки, и он первым ступил на плот, вошел в павильон и вышел через противоположную дверь, остановившись у края плота, чтобы встретить императора Александра, только еще приближающегося к плоту из-за своих менее быстрых гребцов.

Оба императора встретились самым дружелюбным образом, по крайней мере, так казалось по их виду...»(23)

Стало известно, что первыми словами царя в этот великий момент были: «Я ненавижу англичан так же, как и вы», — на что Наполеон ответил: «Если дело обстоит так, то мы уже примирились»(24).

Эта встреча двух монархов — вероятно, первый прототип «совещаний глав правительств» новейших времен — произошла 25 июня и продолжалась приблизительно полтора часа. Однако королю Пруссии не было позволено присутствовать на первой встрече. Согласно Бурьену, «этот несчастный монарх, которого сопровождала королева Луиза, нашел прибежище на мельнице за городом. Это было его единственным обиталищем...»(25).

Вскоре после первой встречи Наполеон послал письмо своему министру иностранных дел: «Я только что встретился с императором России посреди Немана на плоту, над которым был поднят красивый флаг. Завтра император собирается представить мне короля Пруссии и намерен остановиться здесь. Для этого я объявил Тильзит нейтральной территорией. Я хочу, чтобы вы прибыли сюда как можно скорее...»(26)

На следующий день оба императора поселились в городе.

Со стороны Наполеона это была значительная уступка и знак внимания, и на протяжении всех встреч было видно, что он старается изо всех сил произвести приятное впечатление и очаровать легко внушаемого царя. В точности соблюдалась каждая мельчайшая деталь протокола, и за пределами комнаты совещания, по крайней мере, все походило более на официальную встречу дружественных глав государств, чем на напряженные переговоры между недавними врагами.

Однако из-под пышности и любезностей иногда выглядывал железный кулак. Наполеон не упустил случая, чтобы показать свою победоносную армию царю и его «бедному кузену» Фридриху-Вильгельму Прусскому. Как описывает далее Савари, «в тот день, когда император Александр прибыл в Тильзит, вся армия была под ружьем. Императорская гвардия выстроена в две линии глубиной в три шеренги от места причала до ставки императора Наполеона, а оттуда до ставки императора России. Залп из ста пушек был произведен в тот момент, когда Александр ступил на берег на том месте, где его ждал император Наполеон. Он был так любезен по отношению к своему гостю, что даже послал мебель из своей ставки, чтобы устроить Александру спальню. Среди посланных предметов была походная койка, принадлежавшая императору, которую он подарил Александру, казавшемуся очень довольным подарком». Однако неизвестно, спал ли на ней царь хоть раз.

Должно быть, эти две недели были очень утомительны для всех участников. В те промежутки времени, когда государственные мужи не торговались за столом переговоров, Наполеон беспрерывно вытаскивал своих высокопоставленных гостей то на один военный смотр, то на другой. В 4 часа дня 27 июня они смотрели парад императорской гвардейской пехоты; на следующий день корпус Даву проделывал сложные эволюции, услаждая императоров; 29 июня снова был смотр III корпуса на параде; 30-го пришел черед гвардейской артиллерии; 1 июля был смотр гвардейской кавалерии и так далее, день за днем.

За закрытыми дверями шла торговля по-крупному. Единственной настоящей жертвой была неизбежно Пруссия. Как Наполеон уже знал, Фридриха-Вильгельма было нетрудно запугать, однако он вскоре обнаружил, что королева Пруссии

была создана из более твердого сплава. Она перепробовала все женские хитрости от слез до кокетства, чтобы добиться уступок от, видимо, каменного сердца французского императора. Вначале Наполеон мельком упоминал о ней в своих письмах к Жозефине. Шестого июля он просто замечает: «Красивая королева Пруссии собирается обедать со мной сегодня». Седьмого он пишет немного подробнее: «Королева Пруссии вчера обедала со мной. Мне приходилось изо всех сил защищаться, чтобы не пришлось делать дальнейших уступок ее мужу; я был галантен, но не отступал от своего. Королева очень любезна». К 8 июля чары Луизы начали производить все большее воздействие на становившегося весьма впечатлительным Наполеона. «Прусская королева действительно очаровательна. Но не ревнуй, по мне все это скользит, как по клеенке. Мне стоило бы слишком дорого ухаживать за ней»(27).

Все это любезничанье ничего не дало Пруссии. Наполеон был преисполнен решимости получить свой «фунт мяса»¹; что же касается прекрасной просительницы, Наполеон никогда не мог ни забыть, ни простить той роли, которую она сыграла в организации войны против него. Королева особенно стремилась сохранить за Пруссией сильнейшую крепость Магдебург на Эльбе, но Наполеон даже не пожелал и разговаривать об этом. Он пользовался любым поводом, чтобы на глазах у всех унижить Пруссию; ее представителям даже не было позволено подписать мирный договор в один день с Россией. Соглашение с царем было готово 7 июля и ратифицировано двумя днями позднее, соглашение же с Пруссией было подписано только 9-го и ратифицировано 12-го. Это подчеркнутое различие было нарочитым и очевидно для всех.

В статьях договора с Россией пространно говорилось о братских чувствах между императорами и их взаимной радости быть снова в мире друг с другом, подчеркивались возможности для созидательного сотрудничества, на реальность которых теперь было можно надеяться. Очевидно, самые важные пункты были изложены в секретных статьях. Безжалостно отбрасывая интересы Турции, Наполеон согласился в первой статье, что Россия может по желанию завладеть европейской частью Турции, причем единственным условием французов для этого *carte blanche* была уступка Ионических островов и Далматского побережья. Россия также могла расширить свои завоевания в Азии, и кроме того, Финляндия также была предназначена царю. Каждая сторона обязывалась действовать как посредник в любых мирных переговорах с Константинополем и Лондоном, но Александр согласился присоединиться к континентальной системе против Великобритании, если не будет улучшения отношений, а также обещал использовать свое влияние, чтобы убедить Данию и Швецию последовать его примеру и послать русский флот к Гибралтару, чтобы помочь Франции захватить его. Конечно, это будет равноценно объявлению войны против Георга III. Согласно графу Мио де Мелито, приспешнику Жозефа, будущего короля Испании, императоры во второй статье также согласились, что «династия Бурбонов в Испании и Браганский дом в Португалии должны прекратить свои правления и на каждый трон должен быть возведен принц из фамилии Бонапарт»(28). Хотя, безусловно, упоминалось о необходимости закрыть Португалию для английских товаров, это свидетельство во всем надежно, но оно имело влияние на последующие события. Как бы то ни было, очевидно, оба императора согласились на раздел континента на западную и восточную сферы влияния и на то, что мир между ними является реальной возможностью.

Условия, предназначенные для Пруссии, были гораздо более жесткими, и Наполеон постарался представить те несколько уступок, на которые он пошел, как акты своего великодушия, совершенные лишь по особой просьбе царя. Степень

¹ Намек на шекспировского Шейлока, жестокость которого не останавливалась перед необходимостью вырезать оговоренный «фунт мяса» у живого человека.

расчленения и унижения Пруссии немедленно стала известна всему миру. Французы в конце концов согласились возвратить те части герцогства Магдебург, что находятся по правому берегу Эльбы (но не самую крепость Магдебург), вместе с Силезией, Бранденбургом, большей частью Восточной Пруссии и Померанией. Результатом этого было возвращение Пруссии к ее границам 1772 года. После демонстрации кажущегося великодушия, однако, от Пруссии была отрезана чуть ли не половина провинций. Гессен, Кассель и все прусские владения к западу от Эльбы должны были войти в новое Королевство Вестфальское — специально созданный Наполеоном трон для брата Жерома. Все прусские провинции в Польше должны были влиться в Великое герцогство Варшавское, под управлением короля Саксонии (к горькому разочарованию Мюрата, который давно видел себя живым воплощением Яна Собеского¹). Единственным исключением была небольшая провинция Бялысток, отходившая царю. Данциг также объявлялся свободным городом, но его продолжал оккупировать французский гарнизон. Наполеон потребовал выплаты громадных контрибуций, и до окончательного решения этого вопроса французские войска должны были оставаться на прусской земле. В довершение всего Фридрих-Вильгельм официально признал бонапартовское королевство, Неаполь, Голландию и Вестфалию, принял существование Рейнской конфедерации и согласился снова присоединиться к континентальной системе. Таким образом, Пруссия была практически расчленена для еще большего демонстративного расширения территории Франции или, скорее, для удовлетворения амбиций семьи Бонапарта и его бывших врагов.

Наполеон выехал из Тильзита через Кёнигсберг во Францию в 6 часов вечера 9-го июля, убежденный, что царь очарован им и подпал под его влияние — счастливое предзнаменование для будущего Европы. Историки того времени отнюдь не были убеждены в постоянстве этого кажущегося взаимопонимания. Князь Меттерних писал в Вену в ноябре того же года (после долгой беседы с влиятельным русским дипломатом графом Толстым), что, по его мнению, тесное сотрудничество, существующее между кабинетами Тюильри и Санкт-Петербурга, является эфемерным. Время доказало точность этого предсказания. В сущности, Наполеон уже начинал создавать в своем богатом воображении те фантазии, которые в свое время так заслонят его здравомыслие и приведут к крупнейшим ошибкам; одна из них — навязывание континентальной системы всей Европе — уже была совершена, и ничего нельзя было исправить. Россия могла казаться дружественной страной в это время, но Пруссия была нейтрализована таким образом, что ее заставили превратиться в непримиримого врага, и со временем даже опасного. Так же безжалостно Наполеон поступил и с Турцией, без всяких угрызений совести разорвав свой альянс с турками, который он столь трудолюбиво создавал в начале года. Перед отъездом из Тильзита он приказал Талейрану предупредить Себастьяни — французского посла в Константинополе, что его «политика по отношению к Порте неустойчива и может измениться в ближайшее время» (29). Это было сформулировано более чем мягко. С другой стороны, убийство султана Селима уже подорвало французские позиции в Константинополе.

И все-таки даже если в основных реальностях международного положения Наполеона уже скрывались признаки некоторого упадка, со временем приведшего его к катастрофе, внешняя сторона его достижений несомненно была еще великолепна. Его влияние теперь простиралось практически на все пространство от Пиренеев до Немана, и в ближайшем будущем его грандиозное владычество не будет оспариваться запуганными или завлеченными его подачками державами кон-

¹ Я н С о б е с к и й (1629—1696) — король Речи Посполитой с 1674 года, полководец. Разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену. Заключил «Вечный мир» (1686) с Россией. (Примеч. ред.)

тинента. Наполеоновские солдаты оправились после неуспеха при Эйлау и восстановили свою военную репутацию.

Но даже и в армии начинали проявляться тревожные симптомы: маршалы соперничали друг с другом, и, хотя вражда по личным мотивам иногда почти открыто поощрялась императором, который следовал своей макиавеллиевской политике «разделяй и властвуй», она неминуемо должна была сказаться на качестве сотрудничества его подчиненных, которые должны были делать общее дело. Хуже того, раздоры расплзались далеко за пределы его «святыни» — императорской ставки. Кадровые солдаты начинали все более и более разочаровываться в офицерском корпусе; теперь туда попадали люди не из военных кругов — целый ряд молодых дворян «со связями» удостоились назначений, права на которые никак не могла дать их военная квалификация (если она вообще имелась). Усиливались трения между пехотой и кавалерией во всей армии, и даже императорская гвардия погрязла в интригах, защищая свои эгоистические интересы и агитируя за роспуск крайне закрытого для посторонних корпуса *Gendarmes de l'Ordonnance*¹ — лейб-гвардейцев, состоявших из отпрысков богатых выскочек, — который император создал в неудачный момент в 1806 году.

Трения в Великой армии в целом случались еще и потому, что она становилась все более многонациональной.

В самой Франции ожесточалось сопротивление обязательным военным призывам, которые обескровили страну, а континентальная система вызывала всеобщую ненависть. И кроме всех этих все умножавшихся трудностей, ощущалась неумолимая враждебность между британским правительством и народом, всегда искавшим малейшей искры недовольства на континенте, чтобы раздуть его в пламя войны. Таким образом, если для многих историков Тильзитский мир представляется высшей точкой карьеры Наполеона, реальное его положение в середине 1807 года было далеко не таким внушительным, как показалось тогда при первом взгляде. А будущее таило еще более страшные войны, которые грозили неизбежной гибелью...

Недавно воссозданная империя Карла Великого покоилась на непрочном фундаменте.

¹ Адъютанты.

Часть одиннадцатая

ИБЕРИЙСКИЕ ИНТРИГИ

*Кампания в Португалии и Испании
1807—1809 годов*

Глава 55

ПУТЬ К ЛИССАБОНУ

По мнению многих наблюдателей — современников событий, — успехи переговоров в Тильзите вознесли Наполеона на вершину славы. Вся континентальная Европа оказалась всецело под его властью. Было покончено с тремя возможными соперниками, один из которых даже превратился, очевидно, в надежного друга, и французская сфера влияния теперь простерлась от Пиренеев до Немана, от Средиземноморья до Балтики. Для троих из братьев императора нашлись короны — для Жозефа в Неаполе, для Луи — в Голландии и позднее для Жерома в Вестфалии. Незадолго до этого коронованные короли Баварии и Саксонии были его благодарными вассалами, и в ближайшем будущем всем его более или менее преданным маршалам и министрам было суждено носить герцогские титулы и получить огромные привилегии. Императорский двор в Париже достиг высшего великолетия. «Желанием императора было, чтобы его двор был самым блестящим, — вспоминала мадам Жюно, вскоре ставшая герцогиней д'Абрантес, — и это желание, отвечающее стремлениям каждого, было полностью осуществлено»(1). Наполеон проводил много времени на охоте; для развлечения имперской знати устраивались парады, увеселения при дворе, театральные представления; победоносных воинов всячески ублажали. Казалось, что в Европе надолго устанавливается «новый порядок»; глубокомысленные люди уже предвкушали период относительного покоя.

И при всем своем великолепии, у императорского двора бывали моменты чистого фарса. Такова знаменитая охота на кроликов, организованная незаменным Бертье. Закоренелый штабист, он продумал все детали охоты. Обеспечил загонщиков, роскошный завтрак, легионы егерей, подающих стрелкам заряженные ружья, и — самое главное — сотни кроликов, специально доставленных в этот лес. Правда, одна мелочь ускользнула от внимания бедного Бертье: он закупил домашних кроликов вместо диких, и, когда Наполеон встал на свой номер, его предполагаемые жертвы, приняв его за хозяина, каждый день дававшего им вкусные листочки салата, всей массой бросились к изумленному императору. Напрасно загонщики пытались хлыстами направить назад этот живой поток; тоньше понимая наполеоновскую стратегию, чем многие его генералы, кроличья орда разделилась на два крыла и начала обтекать охотников с флангов, несясь к карете императора. Напо-

леону ничего не оставалось, как в ярости вернуться в Париж, выбрасывая из окна кареты пушистых интервентов, забравшихся внутрь. Этот, казалось бы, комический случай остался вечной раной в душе у Бертье. К тому же, когда Наполеон во время следующей охоты ухитрился ранить маршала Массену в глаз, вину опять свалили на приведенного в замешательство начальника штаба. Оказалось, что охотничьи удовольствия иногда бывали для генералов куда более захватывающими и опасными, чем многие сражения.

Однако за этим сверкающим фасадом французской империи в ее фундаменте начинали появляться первые трещины. Британия оставалась непоколебимо враждебной. Вскоре после Тильзита британский военный флот продемонстрировал свою мощь, обеспечив в середине августа эскортирование экспедиционной армии в Копенгаген и захватив 15 нейтральных датских линейных кораблей и 30 более мелких судов, чтобы не дать им попасть в руки французов. Этот неожиданно агрессивный акт предотвратил в последний момент намеченное вторжение 30 000 французских солдат под командой Бернадота из Гамбурга в Данию, но тема английского «вероломства» была бурно подхвачена наполеоновскими пропагандистами. «Трудно было бы найти в истории более позорный и возмутительный пример злоупотребления силой против слабости», — не жалел эпитетов Бурьен(2). «Если англичане будут действовать в том же духе, — писал его господин, — придется закрыть все европейские порты для них — даже австрийские, выгнать всех английских посланников с континента и даже велеть арестовать всех английских подданных (в Европе)»(3). Однако этот инцидент был использован для распространения континентальной системы на балтийский регион; разумеется, Дания почти сразу же объявила войну Великобритании. Царь Александр немедленно выполнил свои тильзитские обещания и помог убедить австрийского императора в необходимости не допускать британские товары на свой рынок.

Наполеон не мог быть доволен результатами введения этой системы в других областях Европы, подчиненных Франции. Самыми отъявленными нарушителями Берлинских декретов были голландцы, и сам король Луи не проявлял рвения в выполнении экономической политики своего брата. Почти так же обстояли дела и в ганзейских городах, и даже в самой метрополии было много официальных лиц, закрывавших глаза на нарушения правил. Да и британцы начали делать все, что в их силах, для саботирования этой системы и превращения ее в нечто, совершенно неприемлемое для стран, поддерживавших континентальную систему против своей воли. В Англии был выпущен новый королевский указ, запрещающий вообще всякую торговлю с портами, закрытыми для британских судов, если нейтральные судовладельцы вначале не заходят в британские порты и не платят налог за все грузы, предназначенные для наполеоновской Европы. Это расширение масштабов экономической войны породило вражду между Англией и некоторыми нейтральными морскими державами, но еще больше осложнений оно причинило Наполеону. Семнадцатого декабря уязвленный император в отместку подписал Миланские декреты, официально ставившие вне закона все нейтральные торговые суда и предписывавшие их обыск даже за пределами территориальных вод, если они заходили в британские порты. Также было выдано большое количество морских патентов на вооружение судов, чтобы увеличить число пиратов, охотившихся за британскими торговыми судами. Все эти меры оказались не более успешными, чем предшествовавшие, но на какое-то время объем британской торговли стал сильно колебаться, и экспорт в Северную Европу снизился от среднего уровня в 10 миллионов фунтов в год до 3 миллионов (самой низкой цифры). На промышленном севере Англии стали проявляться волнения среди безработных заводских рабочих и ткачей. Но с течением времени стали открываться новые рынки, особенно в Южной Америке, и британское правительство и народ, как и прежде, не запугали ни военные, ни экономические угрозы «Бони».

Император увидел, что его обступают и другие серьезные проблемы. Стали быстро ухудшаться его отношения с Римом, и надежды, порожденные конкордатом 1800 года, практически не оправдались. Вместо конкордата с мирными последствиями начались непрерывные препирательства и перебранки. Папа Пий VII оказался далеко не послушным орудием в чужих руках; он не скрывал, что не одобряет попыток Наполеона перестроить судебные и административные системы Северной Италии по образцу французских, он открыто осуждал требования французов немедленно закрыть итальянские порты для торговли с Британией. Пий также отказался пойти на уступку и аннулировать брак Жерома Бонапарта с американкой, мисс Паттерсон, и даже осмелился угрожать императору официальным отлучением от Церкви, если он будет настаивать на навязывании своей политики. «Неужели Папа думает, что права трона менее священны, чем права тиары? — сердито спрашивал Наполеон у Евгения. — Они хотят опорочить меня перед всем христианским миром — безумцы!.. Папа, решающий на такой шаг, перестает быть Папой в моих глазах. Я его буду считать антихристом»(4). Государственный визит в Италию в конце 1807 года ничего не дал для затягивания все расширяющейся трещины, и в последующие годы соперничество интересов между Церковью и государством дорого обойдется Наполеону, особенно в Испании, с ее сильными и консервативными религиозными чувствами.

Один из наиболее доверенных подчиненных Наполеона, хитроумный министр иностранных дел Талейран, неожиданно подал в отставку вскоре после подписания Тильзитских соглашений. Он никогда не делал секрета из своего недоверия франко-русскому союзу, но теперь был так обеспокоен опасностями, которые, как он видел, поджидают Наполеона, и так обижен нежеланием своего повелителя прислушиваться к его советам, что решил снять с себя всю ответственность за столь неразборчивую в средствах политику Франции. Несмотря на все свои пороки, Талейран в глубине души был приверженцем долгосрочного мира, предан истинным интересам Франции и со все растущими опасениями замечал развитие у Наполеона мании величия и сопутствующей ей склонности к самообману. Талейран понимал, что силы германского национализма были еще далеко не подавлены и что усиливавшаяся борьба Наполеона с Римом не может стать счастливым предзнаменованием для спокойного будущего католических стран Европы. Талейран знал и о растущем недовольстве Наполеона политикой Португалии и о его все усиливающемся желании вмешаться в политические дела Испании. Все эти факторы были провозвестниками беды, и Талейран предпочел ограничиться обязанностями великого канцлера Империи — положением очень влиятельным, но лишенным серьезной дипломатической ответственности. Министром иностранных дел стал бесцветный и безличный де Шампаньи.

Уже довольно долгое время Наполеона беспокоило неопределенное положение дел на Пиренейском полуострове. Вначале его гнев был привлечен отнюдь не продажным и бездарным правительством Испании; несмотря на бесстыдное предательство Годоя осенью 1806 года, Испания формально оставалась союзницей Франции и даже делала какие-то попытки считаться с требованиями континентальной системы. Более того, 15 000 ее лучших солдат служили в Великой армии как заложники, гарантирующие будущее покорное поведение Испании. Поэтому Наполеон мог позволить себе в отношении нее не торопиться, пока дело касалось его соседа — слабого и незадачливого монарха бурбонских кровей. Более отдаленная Португалия выдвигала перед ним проблемы серьезнее испанских, на которые нельзя было не обращать внимания. Поэтому в середине 1807 года именно эта старейшая континентальная союзница Англии привлекла к себе зловещее недовольство Наполеона. Португальский регент принц Жуан неожиданно проявил несвойственную ему решительность, отказавшись примкнуть к континентальной системе. Не было секретом, что Великобритания открывает для себя важные новые рынки в португаль-

ской колонии Бразилии. Португалия обладала верфями торгового флота на реке Тежу (Тахо), которые желал получить император. Британский флот часто использовал базу Лиссабона для проведения операций в Средиземном море и поддержки блокады Тулона и Марселя. Поэтому захват Португалии напрашивался сам собой, и Наполеон, вероятно, предвидел, что ее оккупация явится полезным предварительным шагом к любой будущей войне с Испанией.

Соответственно, на португальское правительство Франция стала оказывать все усиливавшееся дипломатическое давление сразу после Тильзита. Девятнадцатого июля Наполеон инструктировал своего министра иностранных дел, чтобы тот «поставил португальского посла в известность о том, что все порты его страны должны быть закрыты для англичан к 1 сентября; в противном случае я объявлю войну Португалии и конфискую английские товары... В тот же день отправьте депешу моему послу в Мадриде, чтобы он немедленно встретился с «князем мира» и заключил договор о закрытии португальских портов. Иначе послы Франции и Испании уедут из Лиссабона и обе страны объявят войну Португалии; 1 сентября французская армия выступит маршем на Байонну, готовясь соединиться с испанской армией для завоевания Португалии»(5).

Второго августа императорским декретом был создан первый корпус обсервационной армии Жиронды под командованием любимца Наполеона генерала Жюно. Через неделю было наложено эмбарго на все португальские торговые суда во французских портах, и к Пиренеям были отправлены новые войска. Двадцать третьего сентября Наполеон намеренно произнес энергичную филиппику против Браганского дома на приеме, где присутствовал португальский посол. Суть этой речи впоследствии передал в Вену князь Меттерних: «Если Португалия не будет поступать так, как я хочу, Браганская династия перестанет царствовать через два месяца. Я не потерплю в Европе ни одного английского посла; я объявлю войну любой державе, которая не вышлет английских послов в течение двух месяцев. За мной стоят 300 000 русских, и, имея такого могучего союзника, я смогу сделать все. Англичане объявляют, что они больше не будут считаться на море с нейтральными странами; я не буду признавать их на суше»(6).

К началу октября почти 20 000 французских солдат достигли Байонны.

Теперь Наполеон всю «размахивал большой дубинкой», и неудивительно, что слабохарактерный и изнеженный регент Португалии заметно колебался. Вначале он пообещал британскому послу, что в случае, если Португалию вынудят закрыть свои атлантические порты, его правительство уйдет португальский флот в Бразилию от греха подальше, разрешит англичанам там торговать и, наконец, позволит британской короне использовать остров Мадейру на все время войны. Однако к началу ноября регент согласился со всеми требованиями Наполеона, получив известия о фиаско, которое потерпел английский экспедиционный корпус генерала Уайтлока в Буэнос-Айресе. Принц объявил о своей готовности согласиться с тремя из четырех пунктов в последнем французском ультиматуме, а именно: Португалия немедленно закроет свои порты английским торговым судам, объявит войну Англии и интернирует всех английских резидентов в Португалии. Но принц Жуан отказался конфисковать и передать Франции всю английскую собственность.

Это условие было проявлением очень слабого протеста, но оно послужило для Наполеона поводом, который и был ему нужен для вторжения в Португалию. Все было готово, и Португалия оказалась фактически разделена до начала боевых действий. Жюно ввел свою армию в Испанию 17 сентября, с полного благословения Годоя, а 27 октября оба правительства заключили договор в Фонтенбло. В награду за участие испанских войск и разрешение французским войскам генерала Дюпона оккупировать несколько ключевых городов в Северной Испании вдоль линии коммуникаций Жюно Наполеон обещал Годою южную часть Португалии для создания княжества. Франция оставит за собой контроль за самим Лиссабоном, а северная

часть страны должна будет достаться этрурскому правящему дому в компенсацию за потерю их тосканских владений¹ в Северной Италии, недавно отданных алчной Элизе Бонапарт. Тринадцатого ноября парижская газета «Монитёр» сардонически возвестила, что Брагансская династия перестала царствовать — «новое доказательство того, как неизбежна гибель всех, кто связывает себя с Англией».

Соответственно, генералу Жюно было приказано выполнять полученные предписания. Суть их сводилась к тому, что его армия должна была пройти форсированным маршем через Испанию и Португалию с целью захвата Лиссабона и скорейшего ареста членов правящего дома и их министров.

Далее Жюно вменялась в обязанность охрана эскадры португальских судов, стоявших на якоре на Тежу (Тахо); самое главное, нельзя было допустить повторения копенгагенского инцидента. Ему также было приказано провести топографическое обследование местности по пути следования в Испании и Португалии, что должно было иметь большое значение в будущем. «Пришлите мне описание провинций, через которые вы следуете, — писал император 17 октября, — дорог и характера местности; пришлите мне наброски. Пусть эту работу выполняют инженеры — это важно. Дайте мне знать о расстояниях между деревнями, природе местности и ресурсах... Я только что узнал, что Португалия объявила войну Англии; этого недостаточно; продолжайте следовать дальше; у меня есть основания считать, что у Португалии имеется договоренность с Англией, чтобы дать ее войскам время прибыть из Копенгагена. Вы должны быть в Лиссабоне к 1 декабря в обоих случаях — в качестве друга или врага»(7).

Жюно двигался с удивительной скоростью и энергией. Колонны солдат со сбитыми в кровь ногами достигли Саламанки 12 ноября, через неделю прошли через Алькантару и выступили для перехода через пустынные горы Португалии, совершая долгие дневные переходы. Согласно Бурьену, «вторжение в Португалию не представило трудностей. Это было парадным прохождением — не войной...»(8). Однако, если открытого сопротивления и не было, рядовые солдаты вскоре столкнулись с невероятной трудностью добывания еды и убежища на ночь. «Мы не находили ни единого крестьянина в их жилищах, — жаловался Никола-Жозеф Дежарден из 58-го полка, — все они бежали, бросив дома и имущество. Нам часто приходилось обходиться без еды и переправляться через реки по шею в воде. Мы становились на бивак в лесу или в полях в самую ужасную погоду. Многие встретили свою смерть просто от истощения, а иногда и от рук крестьян. Пайки мы получили, только прибыв в Лиссабон»(9).

Тем не менее Жюно все-таки точно выполнил приказ Наполеона относительно даты прибытия в португальскую столицу, и 30 ноября он провел 2000 измученных солдат (все, что осталось от 25 000, начинавших кампанию) через последние мили к Лиссабону, покрыв расстояние в 300 миль за 14 дней. Это был непрерывный марш в лучших традициях Великой армии, но, к своему горькому разочарованию, он узнал, что британский военный флот ухитрился опередить его. Только двумя днями ранее принц Жуан и его двор согласились на уговоры британского посла и отплыли в Бразилию на английских судах под эскортом эскадры сэра Уильяма Сидней-Смита. Хотя цель не была достигнута, усталые французские солдаты обрели некоторое утешение, получив возможность грабить богатые дворцы, монастыри и церкви. Золото и серебро королевского двора, которые затем погрузили на целых четырнадцать повозок, были найдены брошенными на причалах в гавани — видимо, эвакуация шла впопыхах. Наполеон был взбешен, что Браганское семейство и их столь нужные корабли ускользнули у него из рук, и 28 декабря он

¹ Наполеону был необходим контроль над Тосканой, чтобы соединить французские сферы влияния в Северной Италии с Неаполитанским королевством. Впоследствии папские государства были оккупированы почти без затруднений, чтобы довершить этот процесс. (Примеч. автора.)

в ярости приказал наложить на Португалию контрибуцию в 100 миллионов франков. Император все еще непоколебимо считал, что «война должна платить за себя», и теперь Франции принадлежало неоспоримое владение Португалией, и мертвящая хватка континентальной системы сковала еще одну крупную часть Европы.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Наполеон полностью сосредоточил свое внимание на беспорядочном состоянии дел у своего другого «союзника» — Испании, где он застал полный хаос, и, когда он занялся ею, мотивы были продиктованы и его англофобской политикой, и желанием навести в стране порядок. «Коварный Альбион» вечно не выходил у него из головы, и он постоянно измышлял новые способы привлечь Британию к ответу. Первой реакцией императора на известие о копенгагенском инциденте¹ был приказ провести немедленную инспекцию всех портов на французском и голландском побережьях Ла-Манша для новой попытки вторжения. Однако его специалисты доложили, что многие баржи, брошенные в гаванях и гнившие там с 1805 года, стали абсолютно непригодны, а несколько портов практически несудоходны. К тому же британский флот был неоспоримым хозяином Ла-Манша. В связи с этим Наполеону пришлось снова надолго отложить идею нападения через канал, хотя он принял все меры, чтобы сохранить видимость угрозы вторжения в качестве «беспокоящих действий» против своих островных противников. Ему ничего не оставалось, как положиться на свою континентальную систему, хотя он сам никогда не был полностью убежден, что одна эта форма экономического давления сможет поставить Англию на колени. В качестве дополнительного средства оказания прямого давления на Великобританию он обратился к грандиозному плану заморских завоеваний, рассчитанных на уничтожение ее интересов в Леванте и далекой Азии.

Известно, что Восток всегда сильно привлекал Наполеона, оказывая мощное влияние на его мечты и замыслы. В 1795 году он чуть не поступил на службу к султану; несколько лет спустя, уже на вершине своей славы, он все еще любил вспоминать подвиги во время неудачно оборвавшегося похода в Египет и Сирию в 1798—1799 годах; в самый канун битвы при Аустерлице темой разговоров у ночного костра перед шатром Наполеона было манящее очарование Востока. И теперь, в первые месяцы 1808 года, Наполеон создал план фантастического размаха и сомнительной осуществимости. Он опирался на тройное стратегическое наступление, рассчитанное на уничтожение британских интересов в самых дальних частях земного шара. Одно из них должно было выполняться с помощью царя Александра. Наполеон писал ему: «Не успеет армия в 50 000 человек — русских, французов и, возможно, австрийцев, входящих в Азию через Константинополь, — достичь Евфрата, как Англия задрожит и упадет на колени. Я уже в Далмации; Ваше величество — на Дунае. Через месяц после нашего соглашения армия уже может быть на Босфоре. Этот удар отзовется эхом в Индии, и Англия будет побеждена... Все может быть решено и подписано до 15 марта»(10). Письмо заканчивалось крайне лицемерной фразой. «Мы должны стать более великими, вопреки самим себе», — елейно утверждал Наполеон.

Одновременно второе наступление должно было обеспечить контроль над Средиземным морем. Ожидалось, что Жозеф, король Неаполитанский, вторгнется в Сицилию и лишит британский флот возможности использовать ее порты. В то же время французская армия должна была пройти через Испанию, осадить и взять Гибралтар, переправиться через пролив, покорить берберов и таким образом лишить британские военные корабли их последних портов захода и баз снабжения. Как рисовалось Наполеону, это вынудит британский флот уйти со средиземноморского театра и снять ненавистную блокаду с Кадиса, устья Тахо, Тулона и Картахены. Это также разрушит всю прибыльную торговлю Англии с Левантом.

¹ Бомбардировка Копенгагена английскими кораблями в начале сентября 1807 года.

Когда все это будет достигнуто, начнется выполнение третьей части плана. Франко-испанский флот поднимет паруса и перенесет войну в британские владения — на мыс Доброй Надежды и в Ост-Индию, а вторая флотилия адмирала Гантома отплывет на восток из Тулона, чтобы освободить французский гарнизон на Корфу и оказать помощь Жозефу в его нападении на Сицилию, если это будет необходимо. На бумаге, по крайней мере, этот поразительный план уничтожил бы или поставил под угрозу британские интересы в Средиземном море, Африке, Леванте и на Востоке одновременно. Это дает представление о размахе стратегического мышления Наполеона, хотя есть основания считать, что такой план свидетельствует о его мании величия. Однако этому не суждено было осуществиться. Несколько предварительных действий были сделаны Жозефом. Французские войска вернули Реджо, отбив его у сицилийских войск на юге Италии; торговые суда были собраны в Неаполе, и двум французским эскадрам удалось прорвать британскую блокаду и выскользнуть в открытое море, причем одна из них сняла осаду с Корфу, — и это было все, ибо Наполеон увидел, что ему нечего ожидать необходимого сотрудничества от России и Испании. Александр был тверд в своем условии, что цена его помощи — получение столь желанного им Константинополя, а как раз аксиомой французской внешней политики и было решение никогда не давать царю свободного доступа к водам Средиземного моря. Затем Наполеон так обострил свои отношения с испанской королевской семьей и народом, так фатально недооценил способность Англии играть важную роль на Пиренейском полуострове, что навлек на себя большую войну в Испании, которая разрушила его планы на 1808 год, а со временем и сыграла решающую роль в превращении всей его империи в руины. Таким образом, ни поход через Малую Азию, ни осада Гибралтара так никогда и не состоялись; блокада, осуществлявшаяся британским флотом, ничуть не ослабла, и со временем его корабли благополучно доставили в Испанию британскую армию, которая оказалась способной успешно сражаться с самыми талантливыми маршалами Наполеона. Единственным прочным результатом этого грандиозного плана Наполеона явилось сковывание 200 000 его лучших солдат на Пиренейском полуострове и непрерывная ежегодная потеря 40 000 бесценных жизней в длительной семилетней войне на измор.

Глава 56

ПОДСТРОЕННЫЙ КРИЗИС

Непродуманное решение Наполеона вмешаться в испанские дела диктовалось несколькими мотивами, но в конце концов, все они исходили из его характера и склонности извлечь максимум из обстоятельств. «Выбрать нужный момент — это великое искусство людей, — однажды он написал Жозефу, — что можно будет сделать в 1810 году, не может быть сделано в 1807-м»(11). Однако именно в 1808 году его инстинкт солдата взял верх над его мудростью государственного деятеля и вверг его в непредвиденную огромную борьбу. Удивление вызывает, почему он неправильно определил и момент, масштаб будущих жертв.

Во-первых, его обуревала навязчивая мысль о необходимости укреплять континентальную систему. Официально Испания тоже являлась инструментом этой экономической войны, но было всем известным «секретом», что многие иберийские порты были отнюдь не закрыты для британских торговцев, настолько продажной и беспомощной была вся административная машина. Для военной интервенции французы также стремились захватить остатки испанского флота и контроль за южноамериканскими колониальными рынками, в которые уже частично начали проникать британцы. По каким-то необъяснимым причинам Наполеон, по-види-

тому, переоценивал скрытые богатства дряхлой и практически обанкротившейся испанской империи, считая, что господство над Испанией сильно поможет ему в ведении войн. Во-вторых, с чисто военной точки зрения ему казалось, что оккупировать ее — дело простое и легкое. Правительство Испании с готовностью разрешило поставить французские гарнизоны почти во все ключевые пункты и центры коммуникаций Северной Испании еще до вторжения Жюно в Португалию, и они по-прежнему находились в местах своего первоначального размещения. Постепенно и потихоньку в Северную Испанию были введены три слабых корпуса под командованием Дюпона, Монсея и Дюэма. Следовательно, задача казалась уже наполовину выполненной. К «бурбонским войскам» не относились всерьез; по своей слабости и царящей в них коррупции их можно сравнить только с «опереточной» армией Неаполя. Следовательно, Наполеон имел основание полагать, что некомпетентность командующих испанской армией может загубить его планы относительно завоевания Гибралтара и берберийских земель; для того чтобы быть уверенным в успехе, твердый контроль над ненадежным испанским правительством был не только желательным, но необходимым.

В-третьих, политическая обстановка в стране, казалось, как будто играла на руку Наполеону, и это давало ему, «властелину нужных моментов», еще больший стимул для вторжения в Испанию. Он прекрасно знал, что гнилое испанское правительство стало абсолютно нестойким и безнадежно раздробленным в отношении собственных интересов. Король Карл IV из испанской ветви Бурбонов был изначально пустым символом власти, абсолютно лишенным каких-либо качеств государственного деятеля и хотя бы следов национальной гордости. Его сын и наследник Фердинанд, принц Астурии, был не лучше и по малейшему поводу враждовал с отцом. Подлинная власть в стране принадлежала ненавистному и опасному человеку — выскочке Мануэлю Годюю, носившему великолепный и совершенно неподходящий титул «князя мира». Вначале наемный солдат в королевской гвардии, он пролез к власти через спальню развратной и легкомысленной королевы и благодаря ее влиянию сперва превратился в гранда, а в конце концов — в правителя всей страны. Под тлетворным влиянием Годоя разложение общественной жизни в Испании стало всеобъемлющим. Придворные, землевладельцы, простой народ — все единодушно ненавидели Годоя, но он умело проник в доверие к королю и королеве, и избавиться от него было невозможно. «Он был предметом отвращения для всех, кто не являлся его ставленником, — записывал Бурьен, — и даже те, чья судьба зависела от него, смотрели на него с глубочайшим презрением... Нет сомнений, что Годой был одной из главных причин всех бедствий, постигших Испанию»(12).

Тем не менее этот самый Годой секретно получал деньги от французского правительства, и, как однажды цинично заметил Наполеон, «князь мира», этот распорядитель дворца, и будет тем негодяем, который откроет для нас ворота Испании»(13). Он уже допустил французские войска в ключевые крепости страны. Теперь Наполеон намеревался завершить дело, играя на крайней ненависти, которую возбуждал этот презренный фаворит, и на взаимной подозрительности и нелюбви, разделявшей короля и наследника престола, используя эти две козырные карты для сокрытия своих собственных мотивов. У Наполеона был и свой личный счет к Годюю, ибо он имел основание подозревать того в ведении двойной игры против своих французских благодетелей в конце 1806 года. В течение некоторого неопределенного времени, предшествовавшего Йене, «князь мира» (надеюсь, что прусская армия явится грозным противником Наполеона) открыто интриговал против союзничества с Францией. Наполеон вскоре узнал об этом и после своей победы забрал к себе корпус из 15 000 испанцев служить под командованием Бернадота в Северной Германии как гарантию будущего испанского сотрудничества и добросовестности. Сейчас же он решил свергнуть ненадежного

Годоя и заменить его собственным ставленником. Император хотел использовать принца Астурии Фердинанда в качестве своего орудия. Он отнюдь не чувствовал ни малейшего уважения к неотесанному заносчивому Фердинанду. «Король Пруссии выглядит зеркалом добродетели перед принцем Астурии, — язвительно писал Наполеон Талейрану некоторое время спустя. — Он равнодушен ко всему, крайне материалистичен, ест по четыре раза на дню и не имеет ни малейшего представления ни о чем»(14). Однако он обладал одной важной добродетелью — неисчерпаемой ненавистью к Годоя, а наследник трона был единственным лицом в Испании, кто мог безнаказанно проявлять свои чувства.

Кризис почти разразился в конце октября 1807 года, когда король Испании получил доказательства (вероятно, доставленные агентами Наполеона) в том, что его сын ведет интриги за его спиной, после чего он арестовал того за измену, но их примирение произошло скорее, чем смог вмешаться Наполеон. Во всяком случае, в это время Наполеон был занят в Париже и решил дать Годоя еще время, сыграв на его жадности, и в Фонтенбло был заключен договор. Но Наполеон чувствовал, что момент начала действий уже недалек. Император дал указание Жюно провести разведку в Испании, а в январе 1808 года маршалу Монсею было приказано «откомандировать отовсюду офицеров для сбора информации относительно положения в стране и настроений во всех слоях общества». В то же время французские газеты начали бешеную травлю Годоя с целью еще сильнее обострить его отношения с испанскими «интеллектуалами». Напряжение постепенно усиливалось в течение всего февраля, когда в конце месяца Наполеон обвинил Карла IV в вероломстве относительно обещанной женитьбы Фердинанда на Луизе — дочери Люсьена Бонапарта.

Внезапно 16 февраля французы перешли к действию. Специальные отряды захватили важные позиции, которые все еще удерживались испанцами в нескольких фронтовых городах. Инцидент в Памплоне ярко описан лейтенантом де Кастеллане, служившим в штабе генерала Мутона: «Испанцы не хотели передавать нам цитадель; тогда был дан приказ якобы на доставку хлеба, и под этим предлогом выделена рабочая команда. Солдаты остановились на подъемном мосту и стали перекидываться снежками. Испанская охрана забавлялась, глядя на них; затем, когда им стало невозможно поднять мост, из соседних улиц внезапно показался подбегающий батальон, быстро вскарабкавшийся через гласис¹ и захвативший всю цитадель»(15). Таким же образом генерал Дюэм занял замок в Барселоне 29 февраля, уговорив испанского губернатора впустить обоз с французскими «ранеными». По данному сигналу «раненые» вскочили с носилок, отбросив одеяла и оказавшись вооруженными гренадерами. Форты в Сан-Себастьяне и Фигерасе также попали в руки французов, и к концу месяца они полностью овладели всеми городами, охранявшими выходы из пиренейских перевалов. После этого кавалеристы подкрепления маршала Мюрата в полной безопасности спустились, как лавины, с гор, соединившись с передовыми отрядами. Очень скоро на испанской земле оказалось 118 000 французских солдат, включая полные корпуса Монсея, Дюэма и Дюпона, поддерживаемые резервом Бесьера.

Это открытое вторжение на испанскую территорию совпало с кульминацией интриг в пропаганде против Годоя, которую вели французские газеты. Вначале все шло очень гладко. Королевская фамилия пребывала в нерешительности, не совсем понимая, что означают эти действия Наполеона, так как Карл незадолго до этого просил императора принять участие в разрешении его семейных ссор и этого же, сам по себе, отдельно, просил и Фердинанд. Годой колебался между идеей открытого сопротивления и организацией немедленного побега, но в конце концов посоветовал королевской семье бежать из столицы в Кадис для пере-

¹ Г л а с и с — передний скат бруствера.

несения правительства в Южную Америку. Семья со свитой успела добраться только до города Аранхуэс; слухи о планируемом бегстве просочились из придворных кругов, толпы разъяренных жителей восстали 17 марта и обложили осадой дворец, где находились король и Годой. Эти беспорядки распространились вплоть до Мадрида и оказали огромную помощь французской армии. Наполеоновская пропаганда немедленно объяснила это вторжение добрососедским желанием помочь восстановить закон и порядок, и вступление Мюрата в испанскую столицу 24 марта стало поводом для народного ликования. Рядовой состав (и не только он) французской армии все еще считал, что французская армия находится на пути к берберскому побережью. «Мы не имели представления о месте нашего назначения, — писал Кастеллане. — В штабе все еще продолжали говорить о том, что мы переправимся на судах в Сеуту».

Однако положение становилось все более сложным, и Мюрат, «представитель императора в Испании», вскоре почувствовал, что обстановка там запутывается и становится выше его понимания. В самый острый момент беспорядков в Аранхуэсе старого короля запугали до такой степени, что он подписал документы о своем отказе от престола и передаче его сыну — Фердинанду VII. Эту новость приветствовали во многих частях Испании, потому что воцарение Фердинанда по крайней мере означало конец Годоя, и многие надеялись, что новый король окажется способным оздоровить разложившееся общество и освободить Испанию от препятствовавших развитию страны пут. Однако как только исчезла угроза всеобщего бунта, Карл IV взял назад свое отречение и обратился к Наполеону с новым посланием, жалуясь, что его отречение от трона было достигнуто под давлением, добыто у него насильственно и поэтому является недействительным. Мюрат оказался в затруднительном положении. Какого монарха он должен признать? В конце концов он решил для безопасности воспретить своим людям оказывать Фердинанду королевские почести до дальнейших распоряжений. Тем временем Карл IV пребывал в постыдном страхе за свою жизнь, боясь быть похищенным или отравленным.

Князь Бергский (то есть Мюрат) с некоторым облегчением узнал, что император находится на пути в Байонну. Наполеон вызвал всех членов своей семьи туда на совещание; немало его забот было вызвано независимой и непочтительной позицией собственной родни, особенно Луи, короля голландского, и отчужденно державшегося Люсьена. Это собрание клана Бонапарта было задумано отчасти в надежде на устройство семейных дел. Разумеется, место встречи было выбрано и с таким расчетом, чтобы быть в тесном соприкосновении с развитием событий в Испании, и, как стало известно, на байоннской встрече говорилось больше всего об испанских делах. Казалось, сама судьба дает Наполеону уникальную возможность использовать теперешний конституционный кризис в Испании для достижения своих собственных целей. В результате император благодушно согласился быть посредником в испанском дворцовом споре и по очереди вызвал спорящие партии к себе в Байонну — Карла IV, Фердинанда и Годоя, чтобы провести с ними ряд встреч. Участники спора прибыли в город между 20-м и 30 апреля.

Благополучно заманив их в Байонну, Наполеон должен был выбирать между двумя возможностями. Он мог навсегда покончить с бездарным правлением Бурбонов в Испании и заменить его другим режимом по собственному усмотрению. Или же оставить на престоле Фердинанда — в тот момент идола толпы — в качестве французской марионетки. Он выбрал первое — и, как оказалось, ошибочно. Но ловушка была задумана и установлена очень искусно. Было относительно нетрудно уговорить чуть ли уже не впавшего в детство Карла IV подтвердить втайне свое отречение. Фердинанд оказался более упрямым и отказывался возвратить испанский трон своему отцу, как это требовалось согласно плану Наполеона. Император с макиавеллиевским мастерством обрабатывал упряма, чередуя предложения очень крупных взяток и угрозы, обещая, что может поступить с ним, как с герцо-

гом Энгийским. Мало-помалу Фердинанд сдался и возвратил трон отцу (6 мая). Наполеон тут же предъявил отречение Карла (подписанное заранее), в котором императору предоставлялась роль высшего «охранителя» власти. На следующий день Карл IV, королева и неизбежный Годой отправились в свою «золотую клетку» — таким они считали изгнание в Компьен, во Францию, тогда как Фердинанду было отведено более суровое заключение в Валансе. Казалось, Наполеон осуществил мастерский замысел. «Старая династия выродилась, — утверждал он, — мне необходимо перестроить задуманное Людовиком XIV» (16). Вся континентальная Европа теперь лежала у его ног.

Хотя казалось, что пиренейский вопрос решен, выбор преемника испанских Бурбонов оказался нелегкой задачей. И Люсьен и Луи отказались от предложенного им трона, и в конце концов Наполеон решил, что жребий должен пасть на Жозефа. Король Неаполитанский покорно, хотя и без особого желания, согласился принять трон, и 6 мая Наполеон подписал декрет, назначающий «горячо любимого брата Жозефа Бонапарта, короля Неаполитанского и Сицилийского, королем Испании и Индии». Два месяца спустя средиземноморская вакансия была занята Иоахимом Мюратом — великим герцогом Бергским. Тщеславный командующий кавалерией и зять императора был откровенно в восторге от своего возвышения до уровня королевского трона. Сын гасконского трактирщика, он прошел к этому трону большой путь, полный незабываемых военных событий. Таким образом Наполеон сохранил неаполитанскую корону «в семье».

Как оказалось, политика Наполеона в Испании стала одной из его грубейших ошибок. Все получилось не так, как он ожидал. С самого начала Наполеон совершенно неправильно оценил ситуацию. Он никогда не признавал, что испанский народ так независим от своего правительства; он не понял, какова их гордость, прочность религиозных убеждений, их преданность Фердинанду. Он думал, что они безропотно встретят изменение режима; вместо этого он получил войну подлинно всенародного размаха, несмотря на то, что уже были явные предупреждения. Еще 1 апреля произошло восстание против французских войск, стоявших в Мадриде, но генерал Груши, военный губернатор, без особых хлопот восстановил порядок. Однако 2 мая это повторилось в более серьезной форме, когда в Мадриде стало известно о наполеоновском приказе об аресте остальных членов королевской семьи. На площади Пуэртадель-Сол собралась громадная толпа, стремившаяся предотвратить высылку донна Франсиса, и «через мгновение толпа схватилась за оружие и начала убивать отдельных французов по всему городу» (17). Капитан Марбо, теперь уже адъютант маршала Мюрата, был послан из штаба для вызова основных войск Монсея из лагерей вокруг Мадрида, и ему пришлось с боем прокладывать себе путь через улицы вместе со своим драгунским эскортом, и все-таки он получил рану стилетом, пронзившим рукав его доломана. Даже когда появились устрашающие мамлюки из императорской гвардии, мятежные испанцы отказались разойтись, пока большой отряд егерей и драгун не дал залпа по толпе. Потребовалось еще три часа на умиротворение города, и, когда все кончилось, на улицах осталось лежать не менее 150 французских солдат и, вероятно, в три раза больше испанцев. Мюрат немедленно ввел военное положение в Мадриде, расставил батареи, чтобы можно было держать под обстрелом главные улицы, и приказал военным судам отыскать зачинщиков беспорядков. Каждый день следовали новые расстрелы, но дух испанского сопротивления не угасал, хотя и скрылся; вулкан мог снова начать извержение в любой момент.

Этот эпизод дал Наполеону хороший урок — испанцы, как они ни ненавидели Годоя, еще больше не терпели чужеземцев. Наполеон не смог быстро осознать случившееся. Он узнал об этом мятеже 5 апреля и немедленно увеличил давление на Фердинанда и остальных членов королевской фамилии в твердой решимости убрать их со своего пути. В этом он имел успех спустя некоторое время. По приказу Наполеона Мюрат запугал слабую хунту, осуществлявшую регентство в Мадриде,

заставив местные власти предложить трон Жозефу. Если бы Наполеон решил оставить Фердинанда на отцовском троне, пусть даже в качестве французской марионетки, возможно, могли бы быть предотвращены многие последующие беды, однако он предпочел не думать о реальной перспективе. «2 мая в Мадриде было восстание, — спокойно сообщил император Жерому, — два батальона фузилеров моей гвардии и четыре или пять сотен кавалеристов привели все в порядок»(18). Немного позднее он все еще утверждал: «Общественное мнение развивается, как я хочу; везде восстановлен закон и порядок». Насколько это было далеко от правды, было уже ясно и офицерам и солдатам. Возвращаясь из провинции с депешами для Мюрата, Марбо «видел сильнейшее беспокойство во всех провинциях, которые проезжал, ибо они знали о насильственном отречении Фердинанда VII — кумира этих людей, и знали также о намерении Наполеона аннексировать испанский трон; поэтому везде готовились к восстанию». Наполеону вскоре предстояло увидеть, что его иллюзии полностью утрачены, а мечты разбиты.

Не прошло и трех недель после неудачного восстания в Мадриде, как в разных районах Испании, достаточно удаленных друг от друга, почти одновременно начали вспыхивать волнения. За период с 20-го по 27 мая были убиты профранцузски настроенные губернаторы Бадахоса, Картахены и Кадиса; три провинциальные хунты из Валенсии, Астурии и Севильи начали собирать армии патриотов, открыто заявляя о своем неповиновении Наполеону. К 10 июня стали вооружаться все провинции. Эти повсеместные волнения неудачно совпали с серьезной болезнью «заместителя Наполеона» в Испании — великого герцога Берга. В это время хунта Севильи обратилась через губернатора Гибралтара к Англии, взывая о помощи. Этот призыв встретил там живой отклик. К концу июня британский кабинет решил послать сэра Артура Уэсли с армией в Испанию на помощь, и вскоре британский военный флот начал показывать свою способность влиять на события в Испании. Эскадра увезла весь испанский корпус генерала Романы из Готенбурга под самым носом у войск Бернадота, оккупировавших Северную Германию, и репатриировала 15 000 этих кадровых солдат к себе в Испанию; затем, в середине июля, в другой хорошо проведенной британской операции были захвачены французские военные суда в Кадисе.

С самого начала Наполеон недооценил всю серьезность вставшей перед ним военной задачи. «Если бы я думал, что все обойдется мне в 80 000 человек, я бы не пошел на такое дело, но это будет стоить мне не более 12 000 человек»(19), — безмятежно заявил он. Совершенно очевидно, что иногда его великодушный ум начинал обманываться иллюзиями и неоправданным оптимизмом. Он не только «расшевелил осиное гнездо», оскорбив испанскую гордость и чувствительность нации; он дал своему самому рьяному противнику — Великобритании — возможность сражаться на континенте не в качестве отдельных отрядов, совершающих набеги, но в виде армии, окруженной дружественно настроенным и фанатически ненавидящим французов населением. Сочетание поддержки военно-морского флота и дисциплинированной, прекрасно подготовленной британской армии должно было превратить ряд плохо согласованных и неумело руководимых восстаний испанцев в настоящую войну, в которой Наполеону было суждено потерять четверть миллиона человеческих жизней.

Глава 57

БАЙЛЕН И ВИМЬЕРО

Наполеон не был склонен считаться с истинным положением вещей и пришел к выводу, что «чем раньше начнешь, тем скорее кончишь». Очевидно, вначале Наполеон полагал, что его генералы на местах смогут подавить мятежи быстро и не тратя много сил. Он писал царю 3 июня из Байонны: «Испанские дела продержат

меня здесь еще месяц»(20). Первой его мыслью было выслать «летучие колонны», чтобы захватить инициативу и нагнать страху на еще не затронутые волнениями местности. «В такой войне отступательные движения никогда не приносят добра, — советовал он Бесьеру 16 мая. — Такие действия достаточно опасны в регулярной войне; их никогда нельзя применять в народных восстаниях»(21). Он считал, что нескольких демонстраций силы должно быть довольно, чтобы утихомирить Испанию, — как ему удавалось десятью годами ранее в Египте удерживать в узде феллахов и мамлюков.

К концу мая диспозиции и численность французских войск в Испании были примерно следующими: 80 000 человек главной французской армии удерживали узкий треугольник испанской территории, идущей от баз Памплоны и Сан-Себастьяна до вершины в Толедо.

Мюрат, почти вышедший из строя из-за болезни, устроил ставку в Мадриде, вокруг которого в непосредственной близости были размещены 30 000 человек маршала Монсея. Далее к югу по берегам верхнего Тахо стояли 24 000 солдат корпуса генерала Дюпона. К северу от столицы Испании находились войска маршала Бесьера; 13 000 его солдат несли гарнизонную службу в Старой Кастилии, а остальные 12 000 под командой генерала Вердые занимали отдельные части Арагона. В дополнение к этой главной армии два выделенных соединения служили в более отдаленных частях полуострова. Португальская армия Жюно (25 000 человек), в этот момент бывшая недалеко от Лиссабона, и вторая, состоявшая из 13 000 человек под командой генерала Дюэма и действовавшая в Каталонии со своей базы в Барселоне. Таким образом, в Испании и Португалии французы располагали войском приблизительно в 120 000 человек.

Вначале Наполеон думал, что этих сил вполне хватит для восстановления закона и порядка. Большая часть стотысячной испанской королевской армии была рассеяна по провинциальным гарнизонам и совершенно не готова к эффективным действиям, хотя имелись и значительные сосредоточенные силы (по 30 000 человек), размещенные в Галисии под командованием Блейка и Куэсты и в Андалусии под командованием генерала Кастаньоса. Местные ополчения и мелкие соединения Наполеон не принимал всерьез. Поэтому маршалу Монсею было приказано наступать на Валенсию силами 10 000 человек. Дюпон должен был вести летучую колонну из 13 000 человек, чтобы захватить Севилью и Кордову, а оттуда направиться на Кадис. У Бесьера была тройная задача: удерживать под полным контролем жизненно важную дорогу Мадрид — Бургос — Байонна, организовать экспедицию для захвата Сантандера, обеспечивая этим бискайское побережье от угрозы любого британского морского десанта, и, наконец, выделить еще одну колонну для захвата Сарагосы.

Император был уверен, что он сможет быстро поставить под контроль положение в стране при помощи этих пяти «летучих колонн». Он также возлагал большие надежды на самого Жозефа и в письме к Талейрану от 9 июня с уверенностью предсказывал, что прибытие Жозефа в его королевство «вызовет исчезновение всех этих волнений, поднимет дух у всех и приведет ко всеобщему восстановлению закона и порядка»(22). Однако это было характерное, ярко выраженное принятие желаемого за действительное. Во-первых, качество войск Мюрата оставляло желать лучшего; основная часть французских сил на полуострове состояла из зеленых новобранцев и союзнических частей с небольшим опытом или вообще без него. Настоящие ветераны были в Португалии у Жюно. Во-вторых, многие французские батальоны были сводными *ad hoc*¹ частями, составленными из пополнений нескольких линейных полков. В таких частях не был развит *esprit de corps*², ими было труд-

¹ Специально для той цели (*лат.*).

² Дух товарищества, спаянности (*фр.*).

но управлять, и эти недостатки неизбежно влияли на их боеспособность. В-третьих, характер местности крайне затруднял удачные операции. Вся страна пересечена обрывистыми горными хребтами, где дорог практически нет; большая часть ее фактически бесплодна, и вся местность больше подходит для герильи — партизанских действий, — чем для войны с регулярной армией. В силу этого первое французское наступление кончилось неудачей. Монсей не смог взять Валенсию и был вынужден отступить обратно к Мадриду, хотя ему и удалось рассеять на обратном пути несколько отрядов из 17-тысячной армии Валенсии (командующий — генерал Сервельон). Дюпон успешно занял Кордову, но вскоре был вынужден эвакуировать ее и отойти назад к Андухару. Бесьер, которого встретили народные восстания в каждом городе, который он занимал, решил отказаться от своего наступления на Сантандер. Наконец, новое восстание провинции Арагон под предводительством братьев Палафокс неожиданно привело к полной осаде Сарагосы генералом Вардье, имевшим 8000 солдат. К концу июня даже Наполеон был вынужден признать, что его достаточно небрежная стратегия, которой он руководствовался в начале испанской кампании, оказалась бесполезной; количество мятежников сильно увеличилось, и ни одна из его колонн не добилась успеха. Он признал это в письме к генералу Савари, который принял временное командование французскими войсками в Испании с 18 июня (за 10 дней до отъезда Мюрата в Неаполь): «...В гражданской войне каждый важный пункт должен быть занят; здесь недостаточно вести марши по всем направлениям»(23). Очевидно, Испанию нельзя было усмирить одними «полицейскими» мерами.

Таким образом, Наполеону пришлось думать над новым планом операций. Ему было трудно поверить в то, что армии патриотов, «руководимые монахами», успешно сопротивляются прославленным французским войскам с опытными командирами и что сочетание испанской гордости и патриотизма является равноценной заменой более профессиональных военных качеств. В длинном письме к Жозефу Наполеон описал положение и численность французских корпусов, находившихся в это время в Испании, и набросал схему новой стратегии, четко определив относительную важность операций и этапов в проведении этой кампании. «Целью всех наших усилий должно быть удержание Мадрида: там — все»(24). В соответствии с этим первостепенную важность приобретает новое наступление Бесьера в Галисии на Леон и Сантандер, ибо только из района Бискайи могла бы исходить угроза коммуникациям французской армии, которые вели из Мадрида в Байонну. Вероятность британской высадки в Ферроле¹ или Сантандере также не могла быть полностью исключена. Затем генерал Дюпон, действовавший в Андалусии и имевший около 13 000 солдат, должен был получить как можно большую поддержку, ибо Наполеон чувствовал, что самое ожесточенное сопротивление правлению Жозефа будет встречено в патриархальных провинциях Андалусии. Далее следовало приложить все усилия для захвата Сарагосы, и в последнюю очередь следовало усмирить Валенсию.

Едва успел этот план пройти через Савари до генералов на фронтах, как был изменен порядок приоритетов. Ибо в самом начале новой фазы кампании маршал Бесьер неожиданно добился значительного успеха в сражении у Медина-дель-Рио-Сено с генералами Куэстой и Блейком и местными армиями патриотов Кастилии и Галисии. Четырнадцатого июля части дивизий генералов Мутона и Мерля (около 12 000 человек) успешно овладели укрепленными позициями на вершине пологого холма, который защищали 24 000 испанцев. Бой был жарким, но в конце его галисийская армия Блейка была полностью сметена, потому что генерал Куэста отказался ввести в бой массу своих кастильцев (6500 человек). К этому времени французы яростно ожесточились. «Наши солдаты не хотели брать

¹ Эль-Ферроль.

пленных, — вспоминает Каstellане. — Они говорили: эти люди — разбойники, они убивают нас на маршах»(25). Война в Испании начинала превращаться в войну зверств наступавших и ответных жестокостей. Однако на этот раз бегущих испанцев не преследовали, так как французы предпочли заняться грабежом города Медины, скудно вознаградившим их. Но в течение нескольких последующих дней они заняли города Самору, Бенавенте и Леон.

Известия об этой желанной победе заставили Наполеона внести изменения в свой генеральный план. Теперь Жозеф мог спокойно проследовать прямо в Мадрид, чтобы подняться там к ждущему его трону. Так как Галисия и большая часть бискайской береговой линии теперь были надежно в руках Бесьера, основное значение приобретало наступление генерала Дюпона в Андалусии. «В настоящих условиях, — писал император, — генерал Дюпон является самым важным из всех... Если противнику удастся удержать дефиле Сьерра-Морены, его будет трудно выкурить оттуда; следовательно, необходимо дать подкрепления Дюпону, чтобы он имел 25 000 человек...» Ранее в том же документе Наполеон утверждал: «...если маршал Бесьер мог разгромить галисийскую армию малыми силами (менее 8000 человек) и с небольшими потерями, то нет сомнений, что, имея 20 000 человек, генерал Дюпон сможет справиться с любым противником»(26). Ему предстояла неприятная неожиданность — беда скрывалась совсем близко.

Генерал Дюпон, опытный военачальник, отличившийся как дивизионный командир в Аустерлицкой и Фридландской кампаниях, не совсем разделял оптимистические взгляды своего императора на исход событий в Андалусии. Несмотря на то, что ему вскоре предстояло получить пополнение в виде дивизии Веделя и иметь в целом около 23 000 человек, его солдаты были весьма низкого качества, так как это были в большинстве совсем необстрелянные новобранцы, едва ли понимавшие, что такое война. Дюпон был обеспокоен тем возмущением, которое вызвало разграбление Кордовы его солдатами, в результате которого вся провинция взялась за оружие, и тридцатитысячная «армия Андалусии» генерала Кастаньоса вскоре начала получать значительную поддержку от крестьянства. Генерал Савари оказался крайне нерасторопным, не выделяя своевременно пополнения; когда дивизия Веделя наконец прибыла, генерал Фрер так и не появился. Однако вместо того, чтобы принять мудрое решение и отступить в безопасную местность, укрываясь среди перевалов Сьерра-Морены, генерал Дюпон медлил, продолжал в нерешительности оставаться на равнине Андухара, не желая признать провал своей миссии по усмирению Кордовы и Севильи. Это оказалось роковым для него. Вскоре его коммуникации с Мадридом оказались в угрожающем положении, и наконец Дюпон в тревоге приказал своим соединениям отступать обратно к перевалам и обрести там безопасность. Отход шел очень медленно, потому что французы были обременены 500 повозками с награбленным добром и 1200 больными.

Затем, получив тревожное сообщение о том, что испанские силы уже удерживают дорогу через Сьерра-Морену, Дюпон принял роковое решение выделить генерала Веделя с 10 000 человек, приказав ему идти впереди главной массы своих войск и любой ценой открыть дорогу. В результате 18 июля между обоими французскими соединениями появился 30-мильный разрыв. Именно такого момента ждали Кастаньос и его значительная армия регулярных солдат и патриотов. Девятнадцатого июля они ринулись вперед против разделившихся французских войск и, захватив город Байлен, вклинились своими 17 000 солдат и 16 пушками под командованием генерала Реддинга, между Дюпоном и далеко ушедшим вперед Веделем. Одновременно силы Кастаньоса приблизились к французскому арьергарду от Андухара. Дюпон был, в сущности, окружен; были высланы нарочные с приказом генералу Веделю срочно вернуться к ним на выручку.

В тот день генерал Дюпон пять раз бросал в атаку свои 13 000 солдат в попытке снова открыть дорогу через Байлен, но его атаки не были хорошо согла-

сованы и не имели успеха, а Реддинг упорно держался за свои позиции. По-видимому, Дюпон намеревался делать новые попытки вырваться, но состояние его новобранцев было настолько плохим и их моральный дух упал так низко (бригада швейцарских наемников дезертировала к Кастаньосу), что он решил прекратить дальнейшие фронтальные атаки и вместо этого просить перемирия. После предварительного прекращения огня переговоры шли в течение двух дней, но в какой-то момент чуть не прервались, когда к вечеру 19 июля с севера появился Ведель в ответ на вызовы своего командира и отбил нападение арьергарда Реддинга. Переговоры были возобновлены, но у войска Дюпона быстро истощались запасы продовольствия и воды, и решение вопроса нельзя было откладывать надолго. Ведель почти дошел до Сьерра-Морены за ночь 19—20-го, но затем трусливо вернулся в Байлен, чтобы сдать испанцам вместе со своими соотечественниками. Наконец 21 июля Дюпон решил сдать и своих солдат, и людей Веделя в обмен на гарантированную репатриацию. Через два дня в силу вошло знаменитое байленское соглашение и 18 000 французских солдат стали военнопленными. Старшие офицеры были отпущены под честное слово.

Это было историческим событием; известие о нем мгновенно распространилось по всей Испании и затем по всей Европе. Это было первым случаем с 1801 года, когда значительное французское соединение сложило оружие. В легенду о непобедимости французов перестали верить. Повсюду антифранцузские элементы черпали свежее вдохновение из этой новости. Папа Римский выступил с открытым осуждением Наполеона; прусские патриоты приободрились; и — самое важное — австрийская партия войны начала искать поддержки у императора Франца в своем намерении бросить новый вызов французской империи.

Неудивительно, что Наполеон впал в ярость, то в отчаяние, когда узнал о несчастье с Дюпоном. «Посылаю вам эти сообщения только для вас, — писал он своему военному министру 3 августа. — Читайте их с картой в руках, и вы согласитесь, что с сотворения мира не было ничего более неумелого, более глупого или более трусливого... Из собственного донесения Дюпона совершенно ясно видно, что все было результатом совершенно невообразимой неспособности с его стороны. Он казался хорошим командиром дивизии, но в качестве командующего он ужасен...»(27) Такое поведение было нельзя простить. Дюпон был затем посажен в тюрьму на все время, пока шла война. Ведель также отбыл тюремное заключение.

Однако, по справедливости, ответственность за это несчастье должны были разделить и Наполеон, и Савари. Соединение Дюпона, даже после пополнения солдатами Веделя, было явно слишком слабым и совершенно не подготовленным к покорению такой обширной и враждебной области, как Андалусия, и нет сомнений, что император был виновен в постоянной недооценке истинного положения вещей. Разумеется, Дюпона можно критиковать за его промедление у Андухара, пока не стало слишком поздно, и за то, что он раздробил свои силы перед лицом близко находящегося и численно превосходящего противника. Осуждения заслуживает и нерасторопность Веделя при возвращении к главной части войск, неумелость его действий при непосредственном соприкосновении с противником и его нерешительность, которую он проявил, когда представился случай ускользнуть от врага. Совершенно непростительно странное поведение Дюпона, когда он решил сдаться вместе с силами Веделя, за которым была открытая дорога в Мадрид; по крайней мере, он мог спасти от капитуляции эти 10 000 человек.

Тем не менее Наполеону не пришлось безжалостно преследовать немногих уцелевших после капитуляции. Только очень немногим солдатам пришлось снова увидеть Францию, потому что испанцы нарушили свое обещание репатриировать офицеров и солдат Дюпона. Одним из тех, кто все-таки вернулся, был генерал Лежандр, начальник штаба у Дюпона. В январе 1809 года этот офицер имел несчастье привлечь внимание Наполеона на большом параде в Вальядолиде; па-

рад был приостановлен, пока император изливал свое возмущение на голову Леджандра, а потом выгнал его с площади на глазах у всех собранных войск. Несчастный офицер не мог нести полную ответственность за решение своего командира Дюпона, но Наполеон безжалостно превратил его в козла отпущения на глазах у всех, только чтобы облегчить собственную совесть.

В течение нескольких недель после Байлена казалось, что уже невозможно исправить положение французов в Испании. Король Жозеф поспешно выехал из Мадрида (он появился в испанской столице только 20 июля) и направился на север по дороге на Бургос, которая осталась, к счастью, безопасной благодаря первым успехам Бесьера против Блейка. Наполеон приказал своему брату остановиться на рубеже реки Дуэро, но Жозеф и Савари продолжали направляться все дальше, за Эбро. «Ну, господин генерал, хорошенькие же новости вы мне привезли, — сердито обратился Наполеон к Матьё Дюма, посланцу Жозефа, которому нельзя было не сочувствовать. — Можете вы мне объяснить, почему король Испании нашел себе спокойное местечко только за Эбро? Он что, так спешил, что не мог остановиться на Дуэро? Да уехать за обе реки — это все равно что эвакуировать Испанию!»(28) Но этот стремительный отъезд был не единственным результатом капитуляции Дюпона 13 августа. Генерал Вердье был вынужден снять осаду с Сарагосы, где неустрашимые Палафоксы с 15 июля отражали все попытки французов подавить дух горожан. А в соседней Каталонии войска генерала Дюэма были отбиты у Хероны, а затем на четыре долгих месяца блокированы в стенах Барселоны. У Дюма были все основания размышлять над тем, как «это несчастливое событие в Байлене... в течение всего нескольких дней изменило положение французской армии, воодушевило националистические и антифранцузские элементы в обществе и расстроило все планы императора»(29).

Вскоре последовал еще один удар, особенно сильно потрясший Наполеона, утратившего самообладание. В далекой Португалии генерал Жюно вначале был вполне в состоянии удерживать страну в состоянии покорности только небольшими отрядами, на которые была разделена армия, эти отряды несли полицейские функции. Затем, в начале августа, сэр Артур Уэсли высадился с 9000 британских солдат в заливе Мондегу. Вначале это событие привлекло мало внимания французских командиров, занятых наведением порядка в Португалии, но уже через несколько недель британцы заставили их весьма заметно почувствовать свое присутствие. Получив подкрепление в 14 000 человек, Уэсли направился на Лиссабон, и между 15-м и 21 августа нанес два небольших и одно крупное поражение плохо развернутым войскам Жюно. Любимый адъютант Наполеона совершил классическую ошибку, введя свои силы в действие против «красных мундиров» (так называли британцев) и их союзников не целиком, а частями. Поэтому вначале британцы преуспели, отеснив назад небольшие части французов у Обидоса (Обидуша) и Ролисы, хотя в последнем случае только после ожесточенного боя, а затем разбили генерала Жюно и его 13 000 солдат у Вимьеро, уничтожив 2000 человек и захватив 13 пушек. Перед Жюно встала неутешительная перспектива — возобновить сражение или попасть в осаду в стенах враждебного Лиссабона; он попросил перемирия. Но тут командование британскими экспедиционными силами перешло от блестящего молодого Уэсли к недавно прибывшим из Англии старым и неспособным генералам Дальримплу и Бэррарду. Старцы весьма приветствовали предложение Жюно и согласились обеспечить репатриацию 26 000 солдат Жюно (вместе с ним), их оружия, снаряжения и трофеев в обмен на полную эвакуацию Португалии. По так называемому соглашению в Синтре (подписанному 22 августа), французы, несомненно, выговорили себе в тех обстоятельствах очень выгодные условия; то же самое думало и английское правительство, вскоре отзывавшее назад Дальримпла и Бэррарда, призвав их держать ответ перед судом за свою неоправданную снисходительность к противнику.

Это внезапное освобождение Португалии, по крайней мере, увеличивало впечатление слабости французов, созданное вначале катастрофой в Байлене. Новость об этом новом поражении и нанесении удара амбициям Наполеона была встречена с общим восторгом во многих частях Европы. Эпизод в Вимьере имел особое значение еще по двум причинам. Впервые с 1794 года британское правительство решилось использовать достаточно большие силы в крупной континентальной кампании, отказавшись, по настоянию Кэстлири и Канпинга, от своей прежней безрезультатной политики мелких набегов с захватом колоний. В следующие шесть лет присутствие британской армии на Иберийском полуострове оказалось крайне важным фактором в поддержке народного сопротивления против французов в Португалии и Испании, что непрерывно истощало французские ресурсы. Сражение при Вимьере также показало, что умело применявшаяся британская линейная тактика может прекрасно соперничать по эффективности со знаменитой французской атакой в колоннах, в тех случаях, когда используются позиции на обратных склонах высот и завесы из легкой кавалерии, скрывающие главные позиции.

Сочетание этих двух неудач в Испании и Португалии, когда почти треть солдат французской армии была убита, или ранена, или находилась в процессе репатриации во Францию, заставило Наполеона принять два очень важных решения. Теперь наконец он понял, что войну можно выиграть только силами ветеранов, находившихся в Германии, укрепив ими потрепанную и сильно поредевшую испанскую армию, а также своим обязательно личным вмешательством в командование. «Я вижу, что после позорной капитуляции в Байлене все потеряли голову, — заметил он. — Я чувствую, что мне нужно отправляться туда самому, чтобы все опять заработало»(30). В соответствии с этим он дал предводительские приказы на передислокацию корпусов Виктора, Мортье и Нея с Эльбы на Пиренеи, а сам начал готовиться к личному руководству кампанией в Испании. Вероятно, гораздо более мудрым шагом для ограничения своих потерь было бы свести всю эту испанскую авантюру к постоянной оккупации территории по реке Эбро и всей части Испании к северу от нее, но такое признание невозможно для тирана. В этой иберийской войне была слишком задета его личная гордость и репутация. По своей привычке он пытался взвалить вину на Великобританию. «Этот мерзкий леопард одним своим присутствием заражает весь полуостров Испании и Португалии, — красноречиво воззвал он, обращаясь к армии. — Пронесем наших победных орлов к Геркулесовым столпам...»(31)

Однако не сразу Наполеон смог начать новую кампанию. В первых числах сентября у французов находилась только провинция Наварра с небольшой частью прилегающей к ней территории и город Барселона. Было очевидно, что французские войска в Испании близки к почти полному поражению и в ближайшем будущем смогут только перейти к стратегической обороне. Поэтому император подготовил временный план оперативных мероприятий, рассчитанный на выигрыш во времени, чтобы закончить свои приготовления к передислокации.

Наполеону было особенно важно, чтобы Наварра оставалась под надежным французским контролем в качестве плацдарма для приема пополнений, прибывших из Германии, и чтобы удавалось удерживать Барселону на своем крайнем левом фланге. Поэтому для обеспечения безопасности Наварры Жозефу было приказано оставить 16 000 человек в Туделе и Бургосе, а в резерве вокруг Логроньо сосредоточить остальные силы, «готовые вести наступательные действия на любом фланге». Это было непосредственным применением мастерской стратегии Наполеона для устранения неблагоприятных положений. Однако у не отличавшихся храбростью французских командиров этот план не встретил ни понимания, ни желания выполнить его. Король Жозеф и маршал Журдан (его главный военный советник), уязвленные гневными нападками Наполеона, немедленно изобрели собственную стратегию — поистине дикий замысел фронтального наступления на

Мадрид, абсолютно не учитывающий опасность для своих коммуникаций, который они хотели выполнить силами новоприбывших войск. Наполеон немедленно наложил вето на столь нелепый план. Этот случай показал императору, как необходимо его личное присутствие в Испании — не только для того, чтобы разгромить союзников, но и для того, чтобы держать в узде своих подчиненных. До сих пор «дистанционный контроль» своих операций никогда не удавался Наполеону, и, если нужно было завоевать победу, необходимо было включить в дело не только свою голову, но и приложить руки, и чем скорее — тем лучше.

Если Наполеона беспокоило, как бы его главные подчиненные не начали преждевременного контрнаступления, губя безопасность Наварры, его еще больше тревожила Барселона. Если генерал Дюэм поддастся давлению испанцев и сдастся со своим десяти тысячным гарнизоном, под ударом окажется весь левый фланг и тыл главной позиции на Эбро. Ибо хотя маршал Ней — этот надежный боец — уже направлялся на помощь, только через несколько недель французские подкрепления подойдут в достаточном количестве, чтобы улучшить общую неблагоприятную обстановку. Наполеону везло в том, что в испанских боевых действиях совершенно отсутствовала координация: органы местного самоуправления враждовали друг с другом, едва ли не так же яростно, как с французами, и эта раздробленность врага распространялась и на их армии. В результате испанцы не сделали никаких попыток развить свои значительные успехи — победы июля и августа, и французы все-таки получили столь нужную им передышку.

Даже двадцатитысячная британская армия не в состоянии предпринять немедленное наступление; весь сентябрь нерешительный Дальримпл не выходил из Лиссабона, пока не получил настойчивого приказа из Лондона, а там генерала сэра Джона Мура (назначен вместо сэра Хью 6 октября) задержали проблемы снабжения, а также надежные союзники на довольно долгое время. В результате этих длительных и кропотливых подготовок союзников у Наполеона оказалось вполне достаточно времени, чтобы закончить свои военные и дипломатические приготовления — для нанесения сокрушительного контрудара.

Глава 58

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТОРГ В ЭРФУРТЕ

Перед своим отъездом на иберийский фронт Наполеону было необходимо осуществить ряд мер для обеспечения прочного спокойствия в Центральной, Восточной и Южной Европе на время своего отсутствия, временного ухода из центра европейской политики. Император вполне отдавал себе отчет в сложных переплетениях испанских, германских и польских проблем, и он прекрасно понимал, что единственным средством обеспечения общего status quo на континенте является усиление его союза с царем Александром. Кроме императорской гвардии, французская армия в 1808 году состояла из 113 линейных и 32 полков легкой пехоты, то есть всего из 417 батальонов (около 340 280 человек); французская кавалерия была разделена между 80 полками и состояла из 320 эскадронов (или 48 000 человек). Артиллерийский парк мог обеспечить около 1000 пушек, что составляло около двух пушек на каждую тысячу человек (всех родов войск). В сумме это могло показаться громадными силами, но так как Наполеон планировал передислоцировать почти 100 000 самых лучших солдат на удаленный испанский фронт (который уже поглотил около 120 000 солдат второго эшелона), у него оставалась очень небольшая армия (вероятно, всего около 150 000 человек), чтобы она стояла на страже всех его европейских интересов, простиравшихся от Польши до России, от Баварии до Далмации, от метрополии — Франции — и Нидерландов до Италии.

Правда, некоторые его союзники могли обеспечить достаточную степень поддержки, но император чувствовал, что нуждается в военной опоре в виде русской армии для обеспечения благополучного сохранения своего Римского мира (Pax Romana).

Однако после триумфа в Тильзите франко-русские отношения значительно ухудшились. Хотя к этому времени Россия была активным членом континентальной системы, на податливого царя оказывали сильное давление противники Франции, и среди них не на последнем месте — грозная вдовствующая императрица. Были и трения с Францией; тоже ослабляющие узы союзничества двух великих континентальных держав. Внезапное прекращение торговли русским лесом с Великобританией сильно подорвало экономику России, а царь вскоре почувствовал, что он имеет все основания подозревать Наполеона в его воинственных намерениях относительно Турции и Великого герцогства Польского. К тому же русским стратегам не нравилось постоянное присутствие далеко выдвинутых на восток до самого Одера французских гарнизонов. Однако Александр еще не видел достаточно причин, чтобы признать союзничество с Францией своей ошибкой. Для царя было очень опасно признаваться в своих человеческих слабостях, потому что только женщины из дома Романовых умирали своей смертью; затянутый вокруг шеи шелковый шарф или десяток шпаг между ребрами были суждены несколько непосредственным предкам Александра, и убийство казалось общепринятым наказанием за ошибки монарха.

Со своей стороны, Наполеон всегда стоял на том, что русское влияние должно быть исключено из средиземноморского региона, поэтому он и не согласился, чтобы Константинополь принадлежал России, а также не желал допустить распространение русского влияния на Балканы. Поэтому он упорно пытался отвлечь царя от этих целей, обратив его внимание в сторону Финляндии и Швеции. Но после получения известий о Байлене и зная о перевооружении Австрии, французский император был вынужден любой ценой искать полного примирения с Александром и достижения какого-то соглашения с Пруссией, чтобы развязать себе руки для испанской авантюры. Предварительные переговоры о встрече с царем шли довольно долго, но оба деспота наконец встретились только в конце сентября 1808 года в Эрфурте для обсуждения положения в Европе и попытки договориться о важных вопросах.

Несмотря на внешнее великолепие, эта встреча очень отличалась от тильзитской. На этот раз обе стороны знали, что с самого начала Россия была в более выигрышном положении по сравнению с Наполеоном, чья позиция на переговорах была резко ухудшена из-за поражений под Байленом и Синтрой. Французы более не могли диктовать свои условия относительно Константинополя, Турции, Пруссии и Австрии; в сущности, это была скорее позиция просителя, ищущего благосклонности царя. По мнению Наполеона, только Россия могла гарантировать мир в Центральной Европе при имеющихся обстоятельствах, и Александр хорошо понимал силу своего положения. Царь-батюшка, не теряя времени, извлекал наибольшую выгоду из этого. Если Франция хотела, чтобы Россия гарантировала благонадежность Австрии в будущем, она должна будет заплатить за это, пойдя на важные уступки в Юго-Восточной Европе и на значительное снижение непосильной для России контрибуции.

Наполеон не жалел усилий, стараясь ослепить Александра французским величием и произвести впечатление размахом мощи своей империи. Толпы раболепных германских князьков прибыли по его требованию в Эрфурт для придания пышности конференции; большое место занимали развлечения и «культурные мероприятия», даже великий Гете был приглашен по этому случаю. Оба императора прибыли в Эрфурт в один день — 27 сентября, и немедленно началась полная программа приемов и спектаклей. Наполеон явно надеялся скрыть слабость своей по-

зиции за роскошным фасадом. Если бы все удалось, можно было бы уговорить ослепленного этим блеском Александра согласиться на французские предложения.

На деле задача оказалась гораздо труднее, чем можно было представить вначале. Во время настоящей работы за столом переговоров выяснилось, что ни одна из сторон не готова к уступкам. Начало казаться, что переговоры зашли в тупик; никак не удавалось разрешить вопросы, касающиеся Константинополя, перевооружения Австрии и гарнизонов по Одеру. Наполеон старался и очаровать, и уговорить, и запугать своего царственного собрата, сделав его более податливым, но безуспешно. Александр был учтиво непоколебим, получив секретную информацию от Талейрана, который желал, чтобы Наполеона «отрезвили».

После двух недель изнурительного торга наконец был достигнут компромисс, в целом более выигрышный для России. Наполеон неохотно согласился на оккупацию русскими Молдавии и Валахии, хотя их окончательная передача была отложена на время, чтобы султан не объединился с Великобританией в этот нежелательный момент. Наполеон также подтвердил свое согласие на приобретение русских в Финляндии и согласился на свое неучастие в любой будущей войне между Россией и Турцией. Однако обсуждение вопроса о Константинополе было твердо отложено им на другое время, и он отказался удовлетворить большинство просьб царя, касавшихся Пруссии. Однако он пошел на то, чтобы скостить с Пруссии 20 миллионов контрибуций. С русской стороны, Александр согласился признать намерения Наполеона по отношению к Испании и обещал, что «в случае объявления Австрией войны против Франции русский император не поддержит Австрию, но встанет на сторону Франции...»(32) — весьма туманное обязательство, но это было все, что Наполеон смог выжать из своего союзника, и ему пришлось довольствоваться только этим. Условия были включены в соглашение, подписанное обеими сторонами 12 октября. Последним вопросом в Эрфурте было еще одно совместное обращение к королю Георгу III, призывавшее к возобновлению переговоров о всеобщем мире, однако это была лишь пустая формальность, предназначенная убедить общественное мнение Европы в том, что Наполеон всегда стремится к миру. Таким образом, франко-русский альянс выжил и после этой встречи, но коренные противоречия между двумя державами так и остались неразрешенными. Но наконец Наполеон почувствовал себя в безопасности, получив возможность заняться всецело своей «испанской язвой». И только время покажет, что он напрасно доверился Александру.

Глава 59

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА

Пока длинные колонны наполеоновских ветеранов спешно пересекали Германию и Францию, стремясь к месту сбора в Байонне, вожди испанского восстания делали запоздалые и неудачные попытки навести у себя порядок. Двадцать пятого сентября в Мадриде встретилась так называемая Верховная хунта для выработки общей политики. Однако с самого начала сепаратистские интересы представителей провинций сорвали попытку образования централизованного правительства. Тридцать пять делегатов проводили день за днем в спорах об абстрактных конституционных вопросах, но они даже не постарались назначить верховного главнокомандующего над испанскими армиями. Вместо этого Верховная хунта продолжала входить в контакт с командующими провинциальными армиями — с каждой в отдельности, а это приводило к значительной путанице и вело к еще большей несогласованности действий. Эти военачальники большей частью были весьма посредственными полевыми командирами. Вероятно, генерал Кас-

таньос был потенциально самым способным. Опытный военный, бывший главнокомандующий при Бурбонах, он прежде всего был гордым кастильским аристократом, совершенно несогласным с концепцией «народных армий». Другим командиром, тоже из «старорежимных», был Ла Романа — способный, но отнюдь не блестящий офицер, который в этот момент командовал испанским корпусом, находившимся в процессе репатриации из Северной Германии на кораблях британского военного флота. Генерал Гальюсо — командующий Эстремадурской армией — был суровый старый «политический солдат», не склонный считаться с новоявленными хунтами; у него также была незавидная репутация — он ухитрялся получать военные контрибуции с португальцев много времени спустя после обнародования соглашения в Синтере, официально положившего конец состоянию войны. Генерал Вивес — командующий войсками Пальмы — престарелый, сверхосторожный, весьма недалекий человек, к тому же англофоб.

Среди более молодых военных было, вероятно, больше настоящих талантливых военачальников. Первым из них был генерал Блейк, молодой, одаренный солдат — наемник ирландского происхождения; еще незадолго до этой войны он был только полковником, но затем выбран на пост командующего войсками провинции Галисия. Весьма достойный командир, необычайно строгий и энергичный для испанского генерала, безусловно храбрый, и — прежде всего — он имел подход к солдатам. Однако Блейк был удачлив только на поле боя, а не после него. Хосеф Палафокс — 28-летний командующий войсками Арагона, второй сын местного дворянина, был более придворным, чем военным, и не имел никакого военного опыта, когда его назначили командующим, но он так отличался своим фанатизмом и храбростью во время осады Сарагосы, что вскоре превратился в человека из легенды. Был еще генерал Теодоро Реддинг, вначале командир дивизии у Кастаньоса, прославившийся и ставший командующим Каталонской армией после знаменитого эпизода в Байлене. Таким образом, Верховной хунте было подчинено весьма пестрое собрание командиров. Наконец, у них хватило ума отделаться от невероятно надменного Грегорио де Ла Куэста, сыгравшего роль злодея при Медина-дель-Рио-Секо, который открыто отказывался признать власть хунты. И все эти генералы не могли договориться между собой о создании единой армии. К концу октября в целом имелось чуть больше 11 000 испанцев, против которых стояли 75 000 французов по рубежу реки Эбро. Единственным заметным подкреплением, поступившим с июля, были прибывшие в Сантандер 10 000 человек генерала Ла Романы, любезно доставленные из Северной Германии британским флотом.

На этом общем фоне неразберихи и пассивности было неудивительно, что дислокация испанских войск и планы их использования не могли быть удовлетворены. Верховная хунта имела около полудесяток провинциальных армий, но только в трех из них было достаточно солдат и офицеров. К концу октября генерал Блейк имел под своим командованием около 43 000 галисийцев и астурийцев на левом фланге испанской линии, но только 32 000 из них находились на фронте в окрестностях Рейносы, остальные задержались в Асторге. В этот же период в армии центра (генерала Кастаньоса) находилось 31 000 пехоты и 3000 кавалерии, она была подтянута к югу и востоку от Логроньо. Правый фланг был арагонской армией генерала Хосефа Палафокса (42 000 человек, номинально, но реально только 25 000); ее можно было использовать в операциях на границах родной провинции солдат, причем вскоре было выделено 4000 человек и отправлено на восток для участия в осаде Барселоны. Испанские фронтовые соединения имели еще две меньшие армии. Неподалеку от Бургоса была размещена Эстремадурская армия генерала Гальюсо (12 000 пехоты и 1000 — кавалерии). В Каталонии находилось еще одно соединение — около 20 000 человек, подчиненных генералу Вивесу, — осаждавшее Барселону. Таким образом, Верховная хунта располагала приблизительно 125 000 солдат первого эшелона.

За главным фронтом имелись еще значительные соединения второго эшелона и резервы. Армия Гранады (15 000 человек) направлялась к Барселоне под руководством генерала Реддинга, а в Мадриде медленно формировалась резервная армия, составленная из тыловых частей армий Андалусии и Эстремадуры (возможно, 13 000 человек). Большинство разбросанных галисийских, астурийских и дополнительных эстремадурских резервов (еще 13 500 человек) находилось в отдельных гарнизонах. У Сарагосы было сосредоточено не менее 22 000 арагонцев, мурсийцев и валенсийцев, — в основном это были неподготовленные ополченцы. Далее к югу имелось еще 13 000 человек в резерве в Андалусии. Если считать все другие мелкие отряды, то можно сказать, что испанские войска второго эшелона составляли еще 80 000 человек. Всего, следовательно, около 200 000 испанцев принадлежали к регулярным войскам, но в эту цифру не входило большое количество партизан — герильяс, — действовавших самостоятельно в тылу у французов.

К этим испанским национальным силам к середине октября прибавились 20 000 британских солдат под командованием сэра Джона Мура, с трудом пробивавшихся на север от Лисабона, оставив за собой 10 000 солдат для охраны Португалии. Из всех генералов союзных войск на полуострове в это время генерал Мур был безусловно самым талантливым. Его повышение до ранга командующего единственной полевой армией Британии долго задерживалось по политическим причинам и произошло, когда ему было 47 лет, но его репутация мастера боевой подготовки войск и боевого командира уже была непревзойденной. После отличной службы во многих частях мира он участвовал в боевых действиях во время голландской и египетской кампаний 1798-го и 1800—1801 гг. и в «странных операциях» на Балтике в 1808 г. В критические дни, когда Британия ждала вторжения наполеоновских войск, Мур подготовил дивизию легкой пехоты в Шорнклиффе около Дувра, используя новые принципы. Не признавая жесткий «механический» подход многих британских генералов к вопросам тактического использования войск, Мур настаивал на воспитании высокого чувства личной ответственности и у офицеров, и у солдат, приучая рядовых рассуждать и действовать как личности, а не как часть военного механизма. Кроме технических улучшений в обучении стрельбе и строгого, хотя и человеческого подхода в вопросах дисциплины, сэр Джон умел добиваться выдающихся административных успехов. Под его «орлиным взором» солдаты были обеспечены всем необходимым, что им положено, и горе тому офицеру, кто неисправно выполнял свои обязанности. Мура характеризовали высокая сознательность и профессионализм.

Однако в октябре 1808 г. в качестве командующего армией Мур был пока еще не известен, и лишь через некоторое время он прочно утвердился, адаптировавшись в незнакомой и странной обстановке Португалии и Испании. Британским правительством ему было приказано соединиться с дивизией генерала Бэйрда (двенадцатитысячным пополнением), которая шла морем из Англии в Корунью. Они должны были соединиться в окрестностях Вальядолиды, после чего им следовало выполнять операции в поддержку испанских армий по мере надобности на Кастильской равнине. Но обычные трудности со снабжением, нехватка транспорта, дурные дороги и ужасная связь, нарушавшая взаимодействия с испанцами, задержали действительное вступление Мура в Испанскую кампанию до первой недели декабря. Из-за безобразного просчета его штабных работников и их местных советников артиллерия, обозы и скудная кавалерия под началом генерала Хоупа были направлены из Лисабона к Саламанке по обходному 380-мильному пути через Эльвас, Бадахос, Талаверу и Эскориал из-за ошибочного убеждения о непроходимости путей для тяжелого снаряжения — более прямой дороги через Коимбру (по которой шел остаток армии). В результате пушкам пришлось пройти на 130 миль больше, чем пехотным колоннам. Только 3 декабря последние части собственной армии Мура достигли места сбора около Саламанки, хотя сам главнокомандующий

с пехотой прибыл в город еще 25 ноября. Наступила первая неделя декабря, а колонны генерала Бэйрда все еще не было. Прибыв к Корунье еще 13 октября, из-за непокладистости местных властей он получил разрешение на высадку только 26-го, что было явной неудачей. Но настоящие его беды начались на берегу. Несмотря на велеречивые обещания, не было предоставлено никаких транспортных средств для его имущества, а для солдат не оказалось достаточных запасов продуктов. В результате этот дополнительный британский отряд смог добраться до Асторги только к 22 ноября и три недели спустя все еще находился в 100 милях от Мура в Саламанке. Поэтому французов вплоть до середины декабря не беспокоила проблема британцев. Но и тогда у них были только весьма туманные представления о местонахождении или намерениях Мура. Тем не менее, несмотря на бесконечные интендантские неурядицы и бестолковость союзников, британской армии было суждено сыграть важную роль в определении конечного исхода наполеоновской кампании 1808 г., и в свое время сам император воздаст им должное и с высокой похвалой отзовется о своем противнике. Однако задолго до того, как сэр Джон смог вступить в войну, вопиющая бездарность испанских стратегов привела к разгрому и рассеянию всех полевых армий Испании.

С самого начала план кампании, созданный испанскими генералами, был полон несуразностей и опасных стратегических ошибок. Принятый после длительных заседаний, план предусматривал двойной обход сил французов с востока и запада, имеющий целью отрезать французов от их пиренейских линий и коммуникаций. Блейк должен был оказывать давление на противника от Рейносы по направлению к Бильбао вдоль Бискайского побережья, а Кастаньос и Палафокс наступали в общем направлении Капарросы и Памплоны с целью обхода фланга Монсей, оставив довольно скудные силы в центре около Бургоса для сковывания Нея и Бесьера. В то же время осада Барселоны должна была быть усилена и завершена, доведенная до удовлетворительного результата.

При выработке этих решений были совершены три коренные ошибки. Во-первых, не предусматривалось верховное главнокомандование, способное координировать различные операции. У Кастаньоса были задатки способного военачальника, но он не имел авторитета у своих соратников — командующих армиями. Во-вторых, была зачем-то спланирована большая брешь, между западной армией Блейка и силами Кастаньоса и Палафокса далее к востоку, и единственным защитником этого разрыва должна была стать слабая армия Эстремадуры в Бургосе (как временное средство, до подхода британских сил Мура). В-третьих, совершенно непропорциональное количество войск первого и второго эшелонов получили приказ направиться в отдаленную Барселону, хотя их присутствие было безусловно необходимо для укрепления центра. Сэр Джон Мур определил испанский план окружения французов как «бред»; 80 000 испанцев, разделенных на два крыла, отстоявшие друг от друга на 200 миль, без какой-либо поддержки для удержания центра едва ли могли окружить хотя бы 65 000 французов, которых возглавляли испытанные командиры (они к тому же вскоре должны были получить значительные подкрепления из-за Пиренеев). Общая слабость диспозиции испанцев была наглядно показана уже 25 октября, когда Ней, Монсей и Бесьер совершили небольшое наступление против центра и правого фланга Кастаньоса и успешно заняли снова Логроньо к югу от Эбро. Крайне встревожившись, Кастаньос и Палафокс немедленно приостановили подготовку собственного наступления и приказали своим войскам сосредоточиться около Туделы и Сарагосы. Таким образом, инициатива перешла от испанцев к французам даже еще до прибытия Наполеона и большей части подкреплений из Германии. Однако 5 ноября на фронт прибыла депутация из Мадрида от Верховной хунты, чтобы приказать Кастаньосу возобновить подготовку приостановленного им наступления. В результате испанские армии остались на своих опасно неприкрытых позициях у Сарагосы и

Калахорры, хотя и было принято благоразумное решение отсрочить наступление против Монсея до получения известий с бискайского фланга о продвижении генерала Блейка, которое к этому времени должно было быть близким к завершению.

При этой общей некомпетентности и дурной организации у испанцев Наполеон быстро расправился с бурбонскими армиями, едва успев прибыть в Испанию. Вернувшись в Париж из Эрфурта, император, не теряя времени, поспешил на юг, к Байонне, куда он прибыл в 2 часа ночи 3 ноября. К этому времени его военные приготовления к новой Испанской кампании были практически закончены. Согласно его приказу, военный министр 10 сентября объявил мобилизацию 140 000 новых призывников (классов 1806—1810 гг.); тремя днями ранее императорским декретом была проведена реорганизация французской армии в Испании, превращенной в стратегическое объединение шести армейских корпусов, три из которых (I, IV и VI) были передислоцированы с германского фронта¹. Еще два корпуса — V корпус Мортье и репатрированный VIII Жюно должны были со временем проследовать за своими предшественниками через Пиренеи для образования резерва. Весь сентябрь и октябрь живой поток закаленных наполеоновских войск продвигался на юг. Для улучшения качества уже имевшихся в Испании соединений французы отказались от вредной практики создания временных полков и дисциплинарных батальонов: первых ввели в рамки регулярных воинских частей, а солдат последних вернули в их части.

Двадцать пятого октября часть войск Нея уже была на месте и успела принять участие в наступлении с ограниченной целью. Выехав из Глогау и Лигница 22 августа, остальные соединения его корпуса спешили к Рейну, используя все имевшиеся виды транспорта. «Мы ехали бригадами, — вспоминает младший лейтенант Альфонс д'Ополь. — Колонны из четырехсот—пятисот повозок четверней шли рысью, и каждая перевозила два полка. Мы ели два раза в день, еда была приготовлена и ждала нас вдоль дорог. Благодаря этому мы покрывали 30 лиг в день, а каждую ночь проводили в деревнях или на бивуаках». Переправившимся через Рейн у Вормса войскам пришлось следовать дальше маршем, однако темп почти не замедлился. «Мы должны были двигаться форсированным маршем каждый день, — продолжает повествователь. — Между Байонной и Вормсом триста лиг, но у нас было только четыре дня отдыха»(33). Во многих городах Франции над дорогами были воздвигнуты триумфальные арки, и по особому приказу императора местные жители щедро угощали усталых солдат, эти меры оказались очень полезными для поддержания их морального духа. Поэтому дезертиров или заболевших в дороге было очень мало. То же относилось и к другим войскам, сходявшимся в Байонне или Ируне. Действительно, операция по передислокации была шедевром планирования и организации. Благодаря ее эффективности Наполеон вскоре мог сосредоточить до 200 000 солдат между Эбро и Байонной.

Когда Наполеон доехал до фронта, он уже сформулировал свой план кампании. Казалось, что испанцы нарочно способствуют его удаче, продолжая следовать своей опрометчивой стратегии окружения. Из донесений своих подчиненных Наполеон вскоре узнал о расширении бреши между Блейком и его собратьями-генералами. Отсюда он заключил, что чем дальше смогут продвинуться два разобренных испанских крыла, тем больше возрастет вероятность их полного уничтожения. Быстрое французское наступление через Эбро в нужный момент с захватом Бургоса поставит оба крыла испанцев в опаснейшее положение. Хорошо рассчитанный по времени двойной фланговый заход вокруг Лограньо и Бургоса — на восток и запад — при благоприятных обстоятельствах приведет к пол-

¹ Организация Испанской армии значительно видоизменялась время от времени. (Примеч. автора.)

ному окружению обоих испанских флангов в течение нескольких дней и оставит дорогу в центре открытой на Мадрид.

Император следующим образом распределил ответственность за различные фазы этого генерального плана. Ней и Монсей должны были вдвоем сковать, обойти с флангов и затем уничтожить Кастаньоса и Палафокса, а Лефевр и Виктор должны были так же разделаться с генералом Блейком; когда эти операции будут в полном ходу, Наполеон поведет остальную часть армии (за ней в нужное время последуют еще 43 000 человек резервных корпусов Мортье и Жюно) в стремительное наступление на испанскую столицу, преодолевая на пути дефиле Сомосьерры и Гвадаррамы. По-видимому, в этот момент Наполеон не знал ни о существовании армии Эстремадуры в Бургосе, ни о приближавшейся из Португалии армии сэра Джона Мура, однако эта неполнота данных не сказалась неблагоприятно на его генеральном плане. Первая была слишком слаба, чтобы помешать его начальному прорыву у Бургоса, а Мур был еще слишком далек, чтобы произвести значительное вмешательство — во всяком случае, на ранних стадиях французского наступления.

Со стратегической точки зрения, план операции императора был внушителен по своей простоте и кажущейся правильности. Первый мощный бросок через Эбро, за которым следовали два одновременных стратегических обхода вне поля боя против изолированных испанских флангов, в то время как оставшаяся треть французской армии продвигалась на Мадрид, развивая начальный прорыв, — это действительно был замысел гениального стратега. Наличие двух других корпусов, шедших через Пиренеи второй волной, обеспечивало мощный резерв, который можно было использовать в любом секторе фронта по мере необходимости. Весь план доказал, как Наполеон умел использовать недостатки в диспозиции противника и извлечь наибольший выигрыш из численного превосходства и образцово спланированного центрального положения для разгрома противника.

Однако, как и во многих случаях в прошлом и будущем, исполнение последовательных стадий наполеоновского плана было отчасти испорчено ошибками со стороны его подчиненных. Во-первых, очевидна важность своевременности французского наступления, которое должно начаться в нужный момент, только тогда оно даст максимальный результат. Было крайне необходимо заманить испанские армии как можно дальше от их баз, прежде чем запереть ловушку; любое преждевременное нападение французов могло заставить врага почувствовать опасность и дать ему время ускользнуть подальше. Поэтому император подчеркнул, что ни одно наступление не должно начинаться, пока он не даст на то специального приказа.

Можно представить себе гнев императора, готовившегося выехать из Байонны в Виторию 4 ноября, когда он узнал об этом. Однако маршал Лефевр начал преждевременное наступление 31 октября против генерала Блейка, в прямое нарушение приказа Наполеона. Когда часть «гибридной» армии Блейка стала неуверенно и разбросанно пробираться на восток от Рейносы через Бильбао, искушение атаковать эти 19 000 человек силами 21 000 солдат IV корпуса оказалось слишком велико для пожилого герцога Данцигского (титул Лефевра), всегда мечтавшего самому провести какое-нибудь важное сражение. В результате он приказал своим солдатам немедленно атаковать противника. В бою при Панкорбо Блейк потерпел поражение, потеряв около 600 человек убитыми, ранеными или пленными, тогда как утраты французов менее 200 человек. Однако исход еще не был решающим, хотя Блейк был вынужден дать приказ немедленно отходить к западу, — а этого как раз не хотел император. Таким образом, когда Наполеон узнал об этом бое, благодаря отказу маршала Лефевра повиноваться приказу, первая из его ожидаемых жертв (Блейк) уже успел отойти на расстояние 40 миль от ближайших французских соединений.

Несмотря на эту досадную промашку, маршал Виктор еще мог успеть перерезать путь отхода Блейка, при условии, что он получит достаточную поддержку остальной армии. Для Наполеона наступило самое время продвинуться через Эбро, потому что этот момент был также удобен и для восточного фланга, где Ней и Монсей осторожно приближали незамеченными свои войска совсем близко к армии Кастаньоса и Палафокса. Поэтому, как только в ноябре император прибыл в армейскую ставку в Витории, он приказал немедленно начать наступление, хотя и сделал несколько важных изменений в сроках нанесения различных ударов, чтобы компенсировать преждевременные действия Лефевра. В данный момент наступление на востоке против Кастаньоса и Палафокса должно было быть на время отложено, в то время как все усилия сосредоточивались на захвате Бургоса в центре и поимке Блейка на правом фланге, прежде чем он смог бы окончательно ускользнуть. Для достижения последнего Лефевру и Виктору было приказано продолжать свое преследование со всей скоростью, на какую только они были способны, в то время как II корпус должен был, не теряя времени, совершить заход к северу от Бургоса, поскольку город уже был в руках французов, и глубоко проникнуть в тыл Блейку, обеспечив его окружение.

Утром 7 ноября, как было предусмотрено, началась Вторая испанская кампания, и французские орлы снова полетели вперед, ища новую добычу. Но если преждевременная атака Лефевра чуть не погубила наступление Наполеона до его начала, ряд новых ошибок некоторых французских командиров и необъяснимая вялость других вскоре дали повод для нового справедливого неудовольствия императора.

Из тревожных сообщений, пришедших в ставку 6 ноября, следовало, что Лефевр и Виктор совершили главную ошибку, недооценив генерала Блейка после оказания ему легкого отпора при Панкорбо. Поэтому они вели преследование вопреки правилам, позволив своим дивизиям опасно растянуться и разделиться. Их неподготовленность проявилась в ночь на 4 ноября, когда генерал Блейк неожиданно повернул назад и возвратился в восточном направлении, желая спасти своего подчиненного, попавшего в ловушку, устроенную французским головным отрядом. К этому времени, после прибытия дивизии генерала Ла Романы, в войсках Блейка стало уже около 24 000 человек. И это крупное соединение внезапно атаковало головную французскую дивизию генерала Вилатта рано утром 5 ноября. Очень быстро изолированные французские части были вытеснены из деревни Вальмаседа, и попавшие в ловушку испанцы немедленно присоединились к своим освободителям. Какое-то время казалось, что Вилатт будет окружен и ликвидирован — вблизи не было поддерживающих сил французов, и на выручку никто не приходил, но французы все-таки вырвались из окружения, построившись в каре и потеряв 300 человек пленными и одну пушку. За два дня положение исправилось, когда корпус Лефевра подошел, чтобы перехватить соединение Блейка, и командир испанцев вскоре направился снова на запад, чтобы избежать ловушки. Но Наполеон приходил в бешенство даже от самой небольшой задержки, из-за этой «худшей армии в Европе». Бертье было приказано дать жестокий нагоняй герцогу Беллуно: «Его величество крайне недоволен, — начиналось это послание, — что вы оставили генерала Вилатта одного сражаться с противником, не придя к нему на помощь; ваша вина усугубляется тем, что вы знали об аналогичной ошибке, сделанной маршалом Лефевром, оставив вашу одну дивизию без прикрытия, когда он передислоцировал две свои дивизии к Бильбао»(34). Однако преследование так и оставалось задачей Виктора.

Не прошло и пяти дней после истории с Вальмаседой, как Виктору представился случай искупить свой прежний проступок. После своего отхода к Рейносе в течение 8-го и 9 ноября генерал Блейк неожиданно решил снова вернуться к своим преследователям и встретить их, выбрав себе хорошую оборонительную позицию около городка Эспиноса. Весь день 10 ноября три дивизии корпуса Викто-

ра последовательно бросались в атаку против 23 000 человек и 6 пушек Блейка, но их атаки были плохо организованы и согласованы с герцогом Беллуно, которому казалась возможной быстрая и легкая победа, необходимая ему для восстановления прежней репутации. В результате к ночи испанцы все еще удерживали свои позиции против 21 000 французских солдат, что было немалым достижением. Однако на следующее утро Виктор повел более правильную атаку, разгромил центр Блейка и рассеял всю Галисийскую армию, которая разбежалась, потеряв около 3000 человек. Само по себе это не было решающим действием, но не менее половины солдат армии Блейка больше никогда не встали под эти знамена.

Другим генералом, вызвавшим недовольство Наполеона, был победитель при Медина-дель-Рио-Секо в июле маршал Бесьер, командующий II корпусом. Ему было приказано наступать со всей возможной скоростью, направляясь от Панкорбо, и захватить Бургос 6 ноября, но и тремя днями позднее он еще не подошел к цели своего наступления. Император не терпел медлительности своих людей, какими бы прекрасными ни были их прошлые заслуги, и командиром II корпуса вместо герцога Истрии был назначен маршал Сульт, только что прибывший из Франции¹. Бесьер был отправлен командовать кавалерийским резервом; это был пост, требующий неизмеримо меньшей ответственности, но зато находившийся на глазах у императора, что льстило самолюбию маршала.

Когда Наполеона охватывала идея реорганизации, он редко делал что-либо наполовину. В этот период произошло большое преобразование нескольких корпусов; вероятно, более всех пострадал Ней — когда кончилась перестановка, у него осталось всего две дивизии, обе только что прибывшие из Германии. Едва ли сохранилось хоть одно непреобразованное соединение, так как император перемещал их целыми бригадами и дивизиями.

Тем не менее новое ощущение необходимости энергичных действий побудило французскую армию к более активным действиям после этих командно-административных изменений. Очень скоро 67 000 человек маршировали по дороге на Бургос (9 ноября), идя за II корпусом Сульта и двумя кавалерийскими дивизиями. У 10 000 человек армии Эстремадуры не было и возможности умело сопротивляться этой мощной армии, неумолимо надвигавшейся на город. Эстремадурская армия лишь незадолго до этих событий была передана под командование молодого, чрезмерно энергичного и незадачливого графа Бельведера, после того как генерала Гальюсо внезапно вызвали в Аранхуэс отвечать перед Верховной хунтой на ряд обвинений в измене. Новый командующий не придумал ничего лучшего, чем выйти из города и занять безнадежно плохую позицию около деревни Гамональ, где 10 ноября и произошло сражение, в котором он был, естественно, разбит — войска его рассеяны одной кавалерийской и одной пехотной дивизиями маршала Сульта. Пять испанских батальонов были в одно мгновение изрублены пятитысячной французской конницей. Остальные повернули назад, спасаясь бегством, бросив 16 пушек и потеряв 12 знамен, а также три или четыре тысячи человек. Охваченные паникой солдаты даже не слушали призывов своего генерала, который несколько раз пытался остановить бегущих, но солдатский поток в панике уносился все дальше, к отдаленному городку Лерма, увлекая за собой и свежую 3-ю дивизию, подошедшую для поддержки. К вечеру 10-го императорская ставка обосновалась в Бургосе, и французы отпраздновали свой успех, грабя город с обычной беспощадностью.

Как бы то ни было, на следующее утро Наполеон смог возобновить выполнение своего генерального плана — теперь, когда центральная позиция находилась

¹ По-видимому, Наполеон уже некоторое время думал об этой замене. Бесьеру это было известно, и сознание того, что его вскоре заменят, едва ли добавляло ему энергии или решительности. (Примеч. автора.)

под его контролем и с правого фланга пришли успокаивающие новости. Мощные кавалерийские соединения вырвались с севера на Кастильскую равнину, но почти не обнаружили следов противника, готового к сражению. Поэтому после полудня Сульт по приказу императора повел три свои дивизии марш-броском на Рейносу через Урбель с целью окружить Блейка и 12 000 уцелевших солдат армии Галисии. Через двое суток начал движение и маршал Ней во главе сводного соединения, составленного отчасти из его корпуса и частично из резерва, направляясь к городу Аранда-дель-Дуэро для подготовки захода влево, который должен — при благоприятных обстоятельствах — отрезать Кастаньоса от Мадрида и привести к окружению и ликвидации испанской армии центра. Таким образом, к 13 ноября все части наполеоновского плана были по крайней мере в процессе выполнения. В последующие несколько дней Наполеон оставался в Бургосе, стараясь видеть, как выполняются его распоряжения, и надеясь получить вести о продвижении Мура. Он использовал это недолгое свободное время для разборки корреспонденции по государственным делам.

Однако снова подчиненные не оправдали его ожиданий. В случае с маршалом Сультом невыполнение плана едва ли было его виной. Пройдя со своими людьми форсированным маршем 60 миль по труднопроходимой местности всего за 3 дня, он прибыл в Рейносу рано утром 14 ноября и только успел захватить часть обозов Блейка и его пушки. Армия Галисии уже отступала с большой скоростью после своего поражения под Эспиносой и в связи с этим покинула город, прежде чем мог бы прибыть II корпус. Тем не менее появление Сульта сразу показало ирландскому генералу, что все дороги на равнину отрезаны, и в отчаянии Блейк приказал своим солдатам бросать остаток ручного имущества и уходить в горы по узким тропам для мулов. Двадцать третьего ноября, после героического перехода в самых тяжелых погодных условиях, Блейку удалось благополучно привести около 10 000 изголодавшихся солдат в Леон, где им дали несколько дней столь заслуженного отдыха. К этому времени те, кто остался в отступавшей армии Галисии, отошли от своих преследователей на большое расстояние. С 1 ноября Блейк и его солдаты прошли труднейшие 300 миль (невероятное расстояние) по исключительно суровой местности и полному бездорожью.

К 16 ноября завершилось соединение войск Сульта, Виктора и Лefевра в Рейносе, и один день отошавшие французские войска воодушевленно наедались, беря продукты из обильных запасов испанских складов. Теперь уже стало ясно даже императору, что не было никаких шансов поймать Блейка, так как он прекрасно знал эту местность; Наполеон вскоре приказал прекратить теперь уже ненужное сосредоточение 50 000 солдат на своем правом фланге. Корпуса были снова развернуты следующим образом: Виктор был вызван к Бургосу, Лefевр продвинулся на равнину до Карриона, чтобы осуществлять угрозу Леону и Бенавенте, а Султ получил приказ занять Сантандер и продолжать преследовать Блейка. Сантандер с большинством складов оказался у герцога Далматского 16 ноября. Через сутки II корпус уже двигался через труднопроходимые Кантабрийские горы к Салданье, так как Султ не желал расстаться с идеей ловушки для Блейка. Важно было решиться на это, положившись на ноги своих солдат и поверив в то, что они успеют к нужному моменту, до нанесения последнего удара.

Тем временем на восточном фланге испанской линии уже с последней недели октября царило неестественное спокойствие. Наполеон строжайшим образом потребовал, чтобы корпус Монсея и единственная дивизия из корпуса Нея, оставшаяся в Наварре (всего 27 000 человек), воздержались от наступления на противника, пока не закончатся все приготовления в центре. Однако армии Констансьоса и Хо-сефа Палафокса отнюдь не использовали это свободное время, чтобы вести изматывание противника; они были поглощены спорами о плане будущих действий и об иерархии командования. Когда Кастаньос недолгое время болел, брат Палафокса

Франсиско попытался взять на себя командование обеими армиями. Единственным результатом его непрерывных интриг было усиление неразберихи. К 18 ноября у испанцев все еще продолжались споры и раздоры, а общего плана действий так и не было.

Двадцать первого ноября тревожные вести дошли до Кастаньоса, выздоровевшего и взявшего бразды правления. Сообщалось, что колонны французских войск двигаются от Логроньо и Лодосы к Калахорре и Туделе. Очевидно, начиналась установка ловушки. Но Кастаньо, вместо того чтобы немедленно отступить к сильной крепости Сарагоса, дал приказ только на местный отход на промежуточную позицию у Туделы. Но и здесь дислокация войск была выбрана неумело, и половина испанских войск провела ночь 22-го на значительном удалении от намеченного поля боя, будучи отделена от своих товарищей могучей рекой Эбро.

Тем временем французы приближались. Отличавшийся «драчливостью» маршал Ланн недавно стал командовать и корпусом Монсея, и различными другими частями (всего насчитывали 29 000 пехоты и 5000 кавалерии). Этими силами он обрушился на неудачно дислоцированную 45-тысячную испанскую армию, атаковав позиции Кастаньоса 23 ноября. Испанский генерал даже не сделал попытки определить возможное направление атаки французов, оставив празднично стоять 3000 своих кавалеристов. Дело еще усугублялось тем, что целые части его армии вообще отказались сражаться с французами и предпочли пассивно смотреть, как громят их соотечественников. К сумеркам была разбита последняя фронтовая линия испанской армии, понесшей урон не менее чем в 4000 человек и 26 пушек. Хотя Ланн был несомненным победителем, его успех мог быть еще убедительнее, если бы он расчетливее организовал свою заключительную атаку, бросив все силы против раскальвавшегося испанского центра.

Разумеется, исходный план Наполеона также предусматривал прибытие маршала Нея из Аранды в критический момент и его наступление в тыл позиции Кастаньоса. И однако, это обходное движение не было осуществлено. Хотя основная вина пала на Нея, император, в сущности, был виноват не меньше. Он приказал Нею выступить из Аранды и наступать на восток через Тарасону 18-го, но в результате некоторых неизбежных задержек по дороге VI корпус смог отправиться в путь только к 20-му. Поэтому Ней не сумел достичь своей цели вовремя, чтобы Ланн провел свое сражение 23 ноября, так как между этими двумя крыльями французской армии было не менее 120 миль. Герцог Эльхингенский, безусловно, сделал все, что мог, заставив своих солдат совершать чудеса, преодолевая труднопроходимую местность и ужасные дороги, но все-таки Тарасону он достиг только 26-го, опоздав на три дня и не взяв в окружение остаток армий Кастаньоса и Палафокса.

Характерно, что Наполеон отказался принять во внимание неоспоримые свидетельства топографии и циркуля; он придрался к тому, что по пути в Тарасону Нею пришлось дать короткий отдых в Сории своим измотанным солдатам, представив это как свидетельство некомпетентности маршала. «Если бы только маршал Ней не дал себя обмануть местным жителям и не провел бы 23-е и 24-е в Сории на отдыхе, вообразив, что противник располагает 80 000 человек и тому подобную чепуху, он смог бы достичь Агреды 23-го, как я приказал, и тогда не спасся бы ни один испанец» (35). Это был верх несправедливости; много миль отвратительных дорог разделяли Сорию и Агреду, и никакие старания Нея не могли бы помочь преодолеть это расстояние вовремя. На самом деле ошибка заключалась в том, что сам Наполеон слишком поздно отдал свой приказ Нею на выход из Аранды. Разумеется, подвергая сомнению репутацию герцога Эльхингенского, император, в сущности, пытался найти козла отпущения за целый ряд неудач. Ни при Эспиносе, ни при Туделе его подчиненные не добились той полной победы, которую заслуживают, как он считал, его тщательно разработанные планы. В обоих случаях немалая

часть войск намеченных жертв все-таки выскальзывала из ловушек: Блейк в Леоне, Кастаньос — в горах Квенчи.

Но все-таки общее положение французских войск было достаточно благоприятным. С 10 ноября были одержаны три значительные победы, и испанская линия была непоправимо разрушена. Кроме разобщенных войск Мура, чье истинное местонахождение все еще не было известно императору, не осталось ни одной армии противника, способной на эффективные оборонительные действия. В целом для Испанской армии открылись дороги на Мадрид, на юг и к Португалии. Теперь оба фланга были в безопасности, центральная позиция была в полном владении французов, и через Пиренеи для поддержки уже начинали подходить новые соединения Жюно и Мортье. Но все-таки, несмотря на эту обнадеживающую картину, у французской армии были и свои затруднения. Уже становилось большой проблемой добывание продовольствия для войск, а в связи со скудным питанием начались частые нарушения дисциплины. Воровство и грабеж происходили постоянно; императору пришлось прибегнуть к строжайшим мерам для восстановления хотя бы видимости порядка. Пойманных на месте преступления ожидал скорый суд. Де Каstellане пишет об одном случае с пьемонтским солдатом, застигнутым во время ограбления им церкви. Несчастному преступнику немедленно выщипали и поставили перед срочно организованным военным судом, «приговор был подписан на бумаге, положенной на барабан, солдат приговорен к смерти и немедленно казнен на месте»(36). Было много подобных случаев применения трибуналами самых крутых мер, но все-таки бесчинства по-прежнему продолжались.

Еще более трудной задачей, чем добывание продовольствия и борьба с общим падением дисциплины, было поддержание действенного контроля над уже завоеванными частями Испании. Испанские крестьяне не проявили радости при возвращении «короля Жозефа и «освободительной» армии его царственного брата». Тысячи жителей ушли в горы и начали беспощадную партизанскую войну — герилью — против французских линий коммуникаций. Ни один изолированный французский отряд не был в безопасности; каждого курьера должен был сопровождать большой эскорт. Эта необходимость вечной настороженности даже вдаль от фронта тяжело действовала на нервы людей. «Я всегда буду помнить, как меня мучила непрестанная тревога, — вспоминает генерал Дюма много лет спустя. — Каждый день происходило убийство нескольких французов, и я ездил по этой стране убийц с такой опаской, как по вулкану»(37).

Внимание императора часто настойчиво привлекали к этой опасности, существовавшей в тыловых районах, ибо не раз бывало, что в служебных разъездах бесследно исчезали его любимые адъютанты и штабные офицеры. «На таком театре войны нет ни фронта, ни тыла», — подчеркивал Наполеон и, вызывая своего *fratello* Жозефа на совещание в Мадрид, просил его «прибыть как можно быстрее, но только со своей гвардией для защиты от разбойников, бродящих в этих горах...»(38). Испания была очень непривлекательной страной для проведения кампаний в последние месяцы 1808 года; трудна была охрана ее все растягивавшихся линий коммуникаций, которые связывали направляющуюся в Мадрид Великую армию с ее базами за Пиренеями, на все это приходилось отвлекать большое количество войск.

Начиная с 23 ноября, невзирая на все трудности, император в полной готовности, вместе с внушительными силами, ждал около города Аранды подходящего момента для начала нового наступления. Кроме императорской гвардии, с ним были дивизии кавалерийского резерва и корпус маршала Виктора — всего 45 000 ветеранов (к концу ноября даже новобранцы I корпуса с полным правом получили это название). Как только известия о Туделе и ограниченном успехе Нея дошли до ставки, император понял, что теперь можно безопасно начинать наступление. Перед ним был выбор: или он мог использовать все свои силы в попытке уничтожить карликовую армию Мура, о приближении которой к Саламанке только что стало

известно, или же он мог отложить эту операцию, вначале снова заняв Мадрид. Не снисходя до сражения с «британскими мужланами», император выбрал второе решение и приказал своей армии наступать широким фронтом для повторного захвата испанской столицы. Маршалу Лефевру было предписано наступать через Паленсию, Вальядолид и Сеговию с тем, чтобы обеспечить защиту правого фланга; Ней подходил к Гвадалахаре, обеспечивая левый фланг, а Монсей оставался для осады Палафокса в грозной Сарагосе. Под прикрытием этих соединений центральная армия должна была вести наступление на Мадрид по дороге, которая шла через Гвадарраму — гряду обрывистых гор, составлявших последнее естественное препятствие для французов на пути к столице. Выступление было назначено на 28-е; в походном порядке было 130 000 человек.

Тем временем Верховная хунта в тревоге пыталась измыслить какой-нибудь способ защиты своей открытой столицы. Поразительно несвоевременное решение — снять генералов Блейка, Бельведере и Кастаньоса с их постов — поставило вершителей судеб Испании перед проблемой назначения нового руководства. Хотя в этот момент не было ни одного крупного испанского соединения, способного защищать последние подступы к столице, хунта гордо отвергла предложение вызвать генерала Мура на помощь. Вместо этого хунта не без оптимизма предложила ему направиться к реке Дуэро, собрать там остатки прежней армии Блейка и создавать угрозу французским коммуникациям. Для защиты Мадрида они обратились к генералу Бенито Сан-Хуану с его 12 000 человек — разномастное соединение, объединявшее остатки армии Андалусии, немногочисленные эстремадурские и кастильские резервы и девять регулярных батальонов армии Реддинга из Гранады. Они поддерживали 8000 уцелевших солдат из разгромленной армии Эстремадуры (теперь под командой генерала Эредиа). Оба этих соединения были вскоре подчинены (хотя и номинально) генералу Эгиа, которого предполагалось назначить командиром Резервной армии. Он немедленно вывел из Мадрида на север свою жалкую армию, направив Сан-Хуана и его 12 000 человек к перевалу Сомосьерра, а Эредиа с его 9000 солдат — далее к западу к гвадаррамским дефиле. Этими мерами Эгиа надеялся не допустить наполеоновскую армию к двум главным дорогам, идущим с севера к Мадриду. При столь неблагоприятном численном соотношении — 1:5 — долго он, конечно, не мог сопротивляться.

Изучив оба возможных подхода, Наполеон выбрал перевал Сомосьерру для нанесения главного удара. Выслав отряд кавалерии (позднее поддержанный IV корпусом) в качестве заслона у гвадаррамских дефиле, он приказал остальной части своей армии наступать на позиции генерала Сан-Хуана. К утру 29-го император достиг Бусегильяса у подножия гор и, не теряя времени, выслал вперед разведывательные патрули. Выяснилось, что Сан-Хуан неразумно разделил свое скромное войско на две части. Одна половина, состоявшая из 3500 солдат регулярной пехоты и одной батареи, была выслана вперед, чтобы занять деревню Сепульведу в качестве передовой позиции; вторая часть расположилась на небольшом плато в высшей точке перевала, где соорудили элементарные земляные укрепления и расположили 16 пушек, чтобы держать под продольным огнем дорогу. Для защиты основной позиции у Сомосьерры Сан-Хуан располагал шестью регулярными, двумя милиционными и семью ополченскими батальонами — вероятно, всего 9000 человек.

Такие малые силы не могли задержать французов надолго, несмотря на крутизну горного склона и сложность рельефа местности, — вероятно, так думал Наполеон. Тем не менее предварительная атака генерала Савари с бригадой из гвардейцев, направленная против Сепульведы вечером 29-го, была отбита с немалыми потерями. Императору пришлось отложить главный удар на следующий день. Ночью деревенский гарнизон, против которого стояло огромное количество французских войск, напуганный массой противника, без приказа бросил свои посты и ушел

на запад, к Сеговии, лишив хоть немногочисленных, но боевых единиц ни о чем не подозревавшего Сан-Хуана.

Утро 30 ноября выдалось туманным, но Наполеон с самого рассвета начал поуждать своих солдат к продвижению через Сепульведу к главной позиции Сан-Хуана. К 9 часам туман стал подниматься, и головное подразделение французов наконец увидело испанских солдат на высоте 1500-метрового перевала в конце извилистой трехкилометровой дороги. Испанцы не сделали попытки занять склоны гор по обеим сторонам их позиции, и вследствие этого французская пехота не встретилась бы с особыми трудностями, обходя их с флангов, но Наполеон, не принимая всерьез своего противника, желал быстрых результатов. Поэтому французы наступали прямо вдоль дороги; ведущей была дивизия генерала Рюффена, а для охраны флангов с обеих сторон были выделены лишь небольшие отряды. Вскоре десять головных французских батальонов были развернуты в линию на склоне, ведущем к вершине горы, и вспыхнула оживленная перестрелка застрельщиков, вслед за которыми шаг за шагом пехота Рюффена неотступно продвигалась к вершине перевала.

Вдруг непонятно почему терпение Наполеона лопнуло. Устав ждать, пока пехота доберется до своей цели, он внезапно повернулся к капитану Кожетульскому — командиру третьего эскадрона польской легкой кавалерии¹, который состоял в тот день личным эскортом императора, и, указав на испанскую батарею, выкрикнул: «Возьмите-ка мне эту позицию — галопом!» Приказать небольшому отряду из 7 офицеров и 80 солдат мчаться галопом по крутой узкой дороге под самые жерла 16 пушек, прежде чем поддерживающая пехота сможет подобраться и вступить в бой с канонирами, — было очень жестоким приказом даже для Наполеона. Возможно, он не выдержал своего нетерпения скорее добиться победы; может быть, он хотел показать свое презрение к испанцам. Как бы то ни было, он направил эскадрон храбрецов почти на верную смерть. Вышколенные суровым генералом Мутоном, поляки безмолвно выстроились по четыре (узкая дорога не позволяла им развернуться) и с криками «ура» помчались вверх. После первого же залпа испанцев опустело много седел, а уцелевшие, понятно, подтянули узды, находя любое самое малое укрытие. По словам де Сегюра, Наполеон был взбешен этим. «Мою гвардию не остановят эти крестьяне — они же вооруженные бандиты!» (39) — свирепствовал он и приказал де Сегюру передать приказ на новую атаку. Отважные поляки вновь бросились навстречу ядрам и пулям, во главе с Сегюром, но и их отчаянная атака захлебнулась, не доходя 30 ярдов до дымящихся пушек. К этому времени 60 из 88 всадников были убиты или ранены. Третий эскадрон перестал существовать; не осталось ни одного офицера, чтобы командовать уцелевшими, и все жертвы были напрасны.

Наполеон дал запоздалый приказ своим войскам выполнять обычные действия — согласованную атаку пехоты и кавалерии. Батальоны Рюффена продолжали наступление по обе стороны дороги, пока наконец 96-й полк не захватил господство над гребнем. Беглый мушкетный огонь заставил дрогнуть несколько испанских батальонов. Подметив это, император снова приказал провести кавалерийскую атаку по дороге, на этот раз силами двух остальных эскадронов поляков, которых поддерживали конные егеря гвардии. На этот раз выбор момента был максимально удачен. Огонь французской пехоты непрерывно достигал испанских артиллеристов, и они смогли дать только единственный залп, прежде чем распаленные кавалеристы с Монбреном во главе оказались среди их пушек, рубя налево и направо. В одно мгновение все пушки были захвачены французами, которые при этом понесли небольшие потери. Очень скоро все, кто остался от

¹ Этот случай часто приписывают польским уланам; на самом деле польская легкая кавалерия получила пики только на поздней стадии этой кампании. (Примеч. автора.)

маленькой армии Сан-Хуана, обратились в стремительное бегство по дороге на Мадрид.

Даже до того, как поляки провели свою вторую успешную атаку против батареи, сражение при Сомосьерре было практически выиграно. Оно было завоевано, в сущности, пехотой Рюффена, а кавалерийская атака была едва ли чем-то большим, чем эффектная интерлюдия. Но все-таки польские всадники действительно преуспели в том, что сломили моральный дух все еще сопротивлявшихся испанцев, а затем они стали преследовать убежавшего противника до города Буитраго. Потери испанцев убитыми и ранеными были относительно невелики — некоторые определяют их всего в несколько сотен, — но сплоченность испанских войск распалась, и между Наполеоном и Мадридом более не оставалось сформированных воинских испанских сил. В бюллетене от 2 декабря Наполеон, как обычно, «забыл» упомянуть о первой, несчастливой кавалерийской атаке, но превознес последующий успех поляков. «Атака польской легкой кавалерии из состава гвардии, возглавлявшаяся генералом Монбреном, решила дело; эта атака была великолепна, и полк покрыл себя славой, показав, что он достоин своего места в императорской гвардии... Восемь польских улан были убиты посреди неприятельских пушек, и еще шестнадцать были ранены»(40). На самом деле успех достался куда более дорогой ценой.

На следующий день французские кавалерийские разъезды достигли пригородов Мадрида. Испуганная хунта делала отчаянные попытки организовать оборону города, вооружив 20 000 горожан, добавив их к оставшимся 2500 регулярным солдатам и соорудив огромные, хотя и бесполезные, полевые укрепления и артиллерийские позиции для обороны ворот. В течение 2-го и 3 декабря Наполеон получал вызывающие ответы на свои неоднократные требования о сдаче, но, когда 4-го французы открыли сокрушительный огонь по импровизированным укреплениям, за которым последовал успешный штурм слабо оборонявшихся высот Ретиро — главного стратегического ключа к городу, возобладали более здравые мнения и Мадрид сдался Наполеону, тогда как Верховная хунта бесславно бежала к расположенному далеко Бадахосу. К полудню французы уже безраздельно овладели испанской столицей. Но торжествующие победители шли по пустынным и молчаливым улицам; угрюмые горожане мрачно прятались по домам и лачугам, и было очевидно, что дух испанского народного сопротивления отнюдь не сломлен. Тем не менее король Жозеф вернулся в свою «законно принадлежащую» ему столицу, и Наполеон считал, что цель Испанской кампании достигнута. Оставалось только разделаться с Муром и его «красномундирниками», пройти через формальности оккупации юга Испании и вернуть Португалию в лоно Империи. Ни одна из этих задач не казалась устрашающей для победоносных солдат Испанской армии.

Глава 60

ПОГОНЯ ЗА МУРОМ

Целые две недели большая часть французских войск почивала на лаврах, расположившись в окрестностях Мадрида. Было две причины для этого короткого затишья в военных действиях. Во-первых, Наполеону не терпелось полностью погрузиться в решение задач перестройки испанских дел, хотя по праву этим следовало бы заняться его брату Жозефу. Каждый день появлялись сообщения о новых реформах; остатки средневекового феодализма полностью уничтожались. Была отменена дряхлая инквизиция — теперь жалкая тень былого. Сообщалось о громадном сокращении количества региональных учреждений, и монахам и монахиням, согла-

сившимся отказаться от своего обета и вернуться к светской жизни, назначалась небольшая пенсия. Была пересмотрена вся налоговая система, находившаяся в хаотическом состоянии. Большая часть этих реформ давно ждала своего часа, как резонно соглашались более просвещенные испанцы; но метод их введения — чуть ли не «на острие штыка», да еще и чужеземным правителем — был совершенно неприемлем и неизбежно оскорблял испанскую гордость и религиозные чувства. Более того, очевидно, Наполеон считал, что трон Жозефа должен ждать своего хозяина, пока сам он не разрешил ему вступить на него. Так называемому королю Испании и обеих Индий даже не было еще позволено войти в свою столицу, пока император не посчитает, что настал нужный момент.

Вторая причина перерыва в операциях заключалась в том, что Наполеону требовалось время для завершения перегруппировки своих войск и перехода к последней стадии кампании. После оккупации Мадрида все больше войск стягивалось к востоку от города, и они готовились к финальным наступлениям на Лиссабон и Севилью — последние оставшиеся центры серьезного сопротивления на Пиренейском полуострове. Маршал Лефевр должен был принять командование над первым направлением, маршал Виктор — над последним, а пока войска размещались широким полукругом к югу и востоку от Мадрида. Император оставался в непосредственной близости к столице со своими 40 000 солдат. Корпус генерала Жюно, только что прибывший из Франции после их репатриации из Португалии, был размещен неподалеку, немного к северу. V корпус маршала Мортье двигался к войскам, продолжительное время осаждавшим Сарагосу, для их подкрепления, а генерал Гувион Сен-Сир готовился к наступлению на Барселону и покорению Каталонии силами 30 000 солдат VII корпуса.

Вся эта дислокация указывала на то, что Наполеон совершенно не ожидал никаких осложнений на своем северо-западном фланге; он доверил оккупацию и замирение провинций Леон и Старая Кастилия одному маршалу Сульту (герцогу Далматскому). Ему были оставлены только две дивизии пехоты (15 000 штыков) и одна — кавалерии (2000 легких кавалеристов генерала Франчески). Только одна дивизия из корпуса Виктора находилась на более или менее нормальном расстоянии — дистанции поддержки. Император был совершенно убежден, что генерал Мур уже в панике отступает к Лиссабону и что, следовательно, перед Сультом стоит просто задача наведения порядка и восстановления закона и окружения разбитых остатков бывшей армии Блейка, находившейся в этот момент под командованием генерала Ла Романы. Для этих мер обеспечения внутренней безопасности соединение в 17 000 человек представлялось совершенно достаточным. Однако императору суждено было получить неожиданный удар. Несмотря на его расчеты, сценой драматической развязки кампании стала долина реки Дуэро, но не Тахо.

Неожиданно генерал Мур провел внезапное успешное наступление на непредвиденном секторе фронта и эффективно (как оказалось, и окончательно) разбил планы Наполеона на покорение полуострова в 1808 году. В конце ноября Мур сосредоточивал свои силы вокруг Саламанки, в то время как генерал Бэйрд и его колонна, шедшая из Коруньи, была еще далеко, в Асторге. Если бы Мур выбрал правильные дороги для своего наступления на Лиссабон и — самое главное — держал бы свои силы «в кулаке», не разделяя их, он вполне успел бы достичь Старой Кастилии вовремя, чтобы участвовать в событиях, предшествовавших падению Мадрида. Однако все сложилось иначе, и британская армия прибыла слишком поздно, чтобы оказать поддержку, хотя колонна генерала Хоупа в какой-то момент приближалась даже к Эскориалу. Более того, 15 000 пехотинцев сэра Джона Мура оставались в Саламанке с 23 ноября в ожидании своих пушек и кавалерии и могли легко приблизиться к испанской столице, находящейся от них на расстоянии четырех дневных переходов. Сэр Джон прекрасно помнил, что его

инструкции требовали сосредоточения сил его и Бэйрда перед началом их совместных действий против испанцев. К этому времени у него исчезли все иллюзии насчет эффективности испанских действий, поэтому он решил пока оставаться в Саламанке.

Так обстояли дела до 28 ноября. Бездействие британцев дало Наполеону прекрасный пропагандистский материал. Его разведка донесла сведения о присутствии Хоупа около Эскориала в первых числах декабря. «Поведение англичан позорно! — возглашала часть обширной прокламации, выпущенной 5 декабря. — С 20 ноября 6000 англичан были около Эскориала; они провели там несколько дней. Они объявили, что собираются пересечь Пиренеи и достичь Гаронны — не менее. Их солдаты прекрасно подготовлены и хорошо дисциплинированы. Они вызвали у испанцев огромное доверие к себе. Некоторые надеялись, что эта дивизия направится в Сомосьерру, другие — что они придут защищать столицу своих дорогих союзников. Но они не знали, что такое англичане... Они отступили... Они готовы проливать кровь только для своих собственных, корыстных целей. Не ждите ничего от их эгоизма!»(41)

С точки зрения близкой к истерике Верховной хунты, действительно могло показаться, что Мур не хочет разделить судьбу испанцев. Двадцать восьмого ноября британский генерал получил запоздалую весть о сражении при Туделе, и он сразу же отдал приказ на общий отход к Лиссабону и Тахо, отказавшись слушать бесконечные, но неопределенные призывы испанцев об оказании им немедленной помощи. «Я решил бросить все это и отходить»(42), — писал он Хоупу о предлагаемом наступлении на Вальядолид. В этот момент казалось, что это был единственный разумный ход действий, открытый для него. Испанские армии были непрочны, а обещаниям их командующих нельзя было доверять. Собственная его армия все еще не была единой. Предпринять наступление в тот момент значило бы обречь себя на разгром. А Мур всегда помнил, что под его командованием — единственная полевая армия Англии.

Затем, к счастью для репутации Мура, ряд событий через несколько дней заставил его изменить свое решение. Приказ на отход был уже дан, и первые конвои с имуществом и ранеными двинулись в направлении на Лиссабон, когда 5 декабря пришло известие о том, что население Мадрида «героически и успешно сопротивляется французской армии». Более того, генерал Ла Романа писал из Леона, что у него под командованием находится 15 600 хороших солдат и что он ждет только приказа начать наступление. Сочетание этих двух неожиданных новостей, непрерывных просьб и воззваний испанского правительства и собственных офицеров и, наконец, что, видимо, и было решающим аргументом — прибытие пушек Хоупа — заставило Мура принять иное решение. В этих новых обстоятельствах он явно был должен сделать все, что в его силах, чтобы оказать какую-то практическую помощь разваливавшемуся союзнику.

Это не было опрометчивым эмоциональным решением со стороны Мура, но тщательно рассчитанным военным риском. Вначале он намеревался нанести внезапный удар против важного узла дорог — Вальядолида, надеясь создать этим неожиданную угрозу для французских коммуникаций и таким образом заставить Наполеона отказаться от своего наступления на Мадрид и повернуться лицом к новой угрозе. Британская армия должна была послужить «алым плащом тореадора» и намеренно отвести французского быка от его жертвы. Конечно, Муру с его армией всего в 25 000 человек рано или поздно пришлось бы стремительно отходить, чтобы избежать возмездия императора; как он писал Бэйрду, «если пузырь лопнет и Мадрид падет, нам придется бежать»(43).

Но на самом деле план Мура таил в себе больше опасного, чем он знал, потому что он исходил из двух ложных предпосылок. Во-первых, он считал, что Мадрид еще держится (в действительности он уже 36 часов находился в руках

французов), и во-вторых, что у Наполеона в распоряжении находится только 80 000 человек (на самом же деле на Иберийском полуострове в это время служили более 250 000 французских солдат). К счастью для Мура, Наполеон в это время не имел точных сведений о нем и считал, что тот движется к Лиссабону.

Одиннадцатого декабря 1808 года 22 500 британских солдат, 2500 кавалеристов и 66 пушек армии Мура направились из Саламанки на северо-восток. Но в этот же день важные известия о падении Мадрида 4 декабря пришли в британскую штаб-квартиру. Теперь Муру пришлось решать новую дилемму: продолжать наступать или отходить? Он выбрал более решительный курс. Если теперь было слишком поздно спасти Мадрид, он может еще успеть отвлечь Наполеона от Южной Испании и Португалии смелой демонстрацией силы с последующим быстрым отходом к Корунье. В соответствии с этим, красномундирные колонны (британцев) продолжали свое движение на восток.

Тремя днями позднее удачный случай усилил боевой настрой Мура. Испанский партизанский отряд перехватил французского курьера с важной депешей от маршала Бертье Сульту, и этот документ был принесен Муру. Из него стала известна не только современная дислокация многих главных соединений французской армии, из чего Мур впервые узнал, что силы Наполеона намного превышают 200 000 человек, но и было видно, насколько изолированным и малочисленным был корпус Сульта. Британский генерал получил достаточно ясное представление об общих намерениях Наполеона. И самое важное было в том, что стал известен приказ Бертье Сульту оставить свое местопребывание в Сальданье и начать наступление против Ла Романы у Леона.

Проанализировав все выводы из этого счастливо перехваченного приказа, Мур начал понимать, что есть шанс нанести такой эффективный удар по французам, о котором он не мог ранее и мечтать. Если бы ему только удалось быстро перебросить свои войска на север к Сагуну, он смог бы нанести удар во фланг ничего не подозревавшему Сульту, когда тот будет двигаться к Леону. Поражение — а может быть, и полное уничтожение II корпуса — не только подвергнет страшной опасности все французские коммуникации с Байонной, но также одним ударом даст возможность сбросить иго французского господства с Северо-Западной Испании. В самом худшем случае Наполеон не сможет игнорировать такую опасность, и это повлечет отказ или хотя бы отсрочку осуществления французских планов относительно Южной Испании и Португалии. Такой шанс нельзя было упустить. Поэтому 15 декабря британские колонны изменили направление движения с восточного на северное и направились к Сагуну. Вскоре армия переправилась через Дуэро у Саморы и Торо, и к 20-му Мур достиг Майорги, где он наконец соединился с дивизией Бэйрда.

В Майорге Мура ждало разочарование. Он узнал, что Сульт по-прежнему прочно сидит в Сальданье, поэтому не было шансов застигнуть II корпус врасплох. Тем не менее на следующий день (21-го) британская кавалерия неожиданно напала на 1-й сводный егерский и 9-й драгунский полки и разбила их в ожесточенном бою у Сагуна. Это было первым событием, из которого Сульт понял, что происходит; он совершенно не ожидал таких действий от британцев в тот момент.

Однако британский генерал не смог развить свой первый успех и дал своим усталым солдатам два дня отдыха в Сагуне. Эта приостановка британского наступления дала герцогу Далматскому как раз достаточно времени сосредоточить все свои соединения и выслать курьера в Мадрид. Затем, 23 декабря, сэр Джон Мур узнал от Ла Романы, что большое количество французских войск движется через Эскориал, направляясь к перевалам Гвадаррамы. Значение этой новости было ясно: британская армия растревожила осиное гнездо. И Наполеон лично двинулся к северу в попытке окружить и уничтожить дерзких британцев. Если Мур не хотел по-

пасться в ловушку, ему нельзя было терять ни дня; 24 декабря он дал приказ на общий отход к Асторге.

Наполеон же узнал о том, что затевается, еще за несколько дней до боя в Сагуне, открывшего ему многое. Дивизионный генерал Матьё Дюма, выполнявший роль представителя Генерального штаба (Бертье) в окрестностях Бургоса, догадался о том, что собирается делать Мур, раньше, чем его начальники. «Мы мало что знали о месте соединения и направлении наступления британской армии, — писал он в своих мемуарах, — так как генерал Мур тщательно прикрывал свое движение... Целью его храброго маневра, очевидно, было нападение на корпус маршала Сульта, затем наступление на Бургос с целью перерезать наши операционные направления и в то же время способствовать мятежам в Наварре, Арагоне и баскских провинциях, при этом согласуя маневры своих войск, а также тех сухопутных и морских сил, которые союзники тогда сосредоточивали в Каталонии и по нижнему течению реки Эбро»(44). Как было хорошо известно Дюма, единственными силами в пределах дистанции поддержки стоявшего под ударом Сульта были дивизии из корпуса Виктора, находившиеся в это время на расстоянии трехдневного перехода от Бургоса; но эти соединения уже имели приказ императора о наступлении на Сеговию. Дюма понял, что инструкция Наполеона дивизиям Виктора сейчас безнадежно устарела в силу нового поворота событий. Однако он тщетно пытался убедить командующих офицеров повернуть войска для наступления против дороги Бургос—Вальядолид — направления, которое необходимо было удерживать, чтобы остановить вторжение Мура; но не подчиниться приказу императора мог только очень отважный человек. В конце концов близкий к отчаянию Дюма закусил удила и от имени императора приказал генералу Лоржу из кавалерийского резерва направиться в угрожаемый район. Это было очень смелым шагом для столь молодого генерала, но Дюма понимал неотложность этого момента, правильно догадавшись, что император еще не знает полностью обстановку. Как только был сделан первый шаг и всю ответственность Дюма благополучно переложил на другого, оказалось нетрудно убедить всех других командиров. Несколько старших офицеров, хотя и с запозданием, поняли мудрость поступка Дюма, и вскоре генералы Фурнье, Фуа и Лобард уже были в пути к Паленсии. Не успокоившись, Дюма, не теряя времени, сообщил о своих действиях в Мадрид.

Император присутствовал на большом военном смотре, проходившем 19 декабря в Мадриде, когда ему подали сообщение Дюма. С присущей ему четкостью мысли император сразу оценил серьезность положения и был доволен действиями своего подчиненного. Парад был немедленно прекращен, и император уехал, чтобы обдумать новый план. Как и предполагал Мур, перспектива разбить наголову всю британскую армию была слишком сильным искушением для Наполеона. Все другие операции, включая намеченные наступления Лефевра на Лиссабон и Виктора — на Севилью, были отменены; все 80 000 солдат предстояло спешно перебросить через Гвадарраму, чтобы успеть перерезать направления отхода Мура к Лиссабону. Император ошибочно считал, что Мур находится около Вальядолида и что, следовательно, его коммуникации могут быть перерезаны, если французы захватят Тордесильяс и Медину-де-Рио-Секо.

Из императорской ставки буквально хлынул поток распоряжений. Кавалерия корпуса Нея и гвардии должны были немедленно подойти к Гвадаррамскому перевалу, за ними должны были следовать пехота VI корпуса, императорская гвардия и дивизия генерала Лаписа. В это же время генералу Дезолю было приказано наступать в направлении на Эскориал, а кавалерии Лауссея — на Авила. Драгуны Лоржа и разные части корпуса Виктора были временно подчинены непосредственно маршалу Сульту. Для охраны Мадрида и его ближайших окрестностей Жозефу были оставлены корпус Лефевра, две трети корпуса Виктора и три кавалерийские дивизии (36 000 человек, 90 пушек). Наполеон предусмотрел, что, пока Сульт будет ве-

сти фронтальное сковывание Мура, он подтянет мощную армию к тылу британцев и завершит уничтожение «вероломных островитян». Не было сомнений, что придуманная Муром военная хитрость разрушает планы Наполеона по окончательному завоеванию Иберийского полуострова; важнейшим для Мура было уберечь его маленькую армию от роковой судьбы.

К 20 декабря первые французские войска вышли из Мадрида. Двадцать первого головная кавалерия и корпус Нея успешно преодолели Гвадаррамский перевал, несмотря на холодную погоду, и достигли Вильякастина по другую сторону гор. На следующий день император и сопровождающие его войска поняли, насколько труден этот переход. «Император хотел как можно скорее перебраться через горы, — вспоминает Каstellане, — но погода была ужасной — все занесло снегом, свирепствовал ветер и стоял мороз». Тем не менее император приказал гвардейским драгунам двигаться вперед. Эти солдаты, с трудом вскарабкавшись вверх на четверть склона, вернулись обратно, доложив, что дальше идти невозможно. Наполеон отказался признать это. Наступление не может задерживаться из-за плохой погоды. В последовавшем затем сражении со стихиями хуже всех пришлось канонирам. «Прислуга артиллерийских парков страшно страдала, так как после удвоения боекомплектов была вынуждена совершать подъем на верх горы по несколько раз. С императором все время были два адъютанта и князь Невшательский, но даже и его величество упал на верху горы — было невозможно оставаться в седле»(45). Как вспоминает другой участник, тот же Дюма, «войска испытали большие трудности, чем во время знаменитого перехода через Сен-Бернар. Было почти невозможно двигаться вперед из-за неистового ветра»(46). И все-таки неумолимая воля императора понуждала людей двигаться вперед, побеждая в этой борьбе со стихиями; немало косых взглядов бросали его «ворчуны». «Солдаты дивизии Лаписса, — отмечает полковник де Гонвиль, — были крайне злобно настроены по отношению к императору во время этого подъема; они даже перекрикивались друг с другом, предлагая всадить пулю в него и положить конец всему этому, а потом начинали обвинять друг друга в трусости из-за того, что никто этого не сделал. Он сам все это прекрасно слышал, как и мы, но казалось, что он не принимает это всерьез»(47). В конце концов умение тиснуть зубы и сила воли восторжествовали, и к ночи 23 декабря усталый Наполеон вводил своих измотанных солдат в «тихую гавань» Вильякастина. Ни один участник этого страшного испытания никогда не забыл, как сам Наполеон преодолевал перевал Гвадарраму.

Несмотря на все усилия французов, все-таки из-за погоды было потеряно два драгоценных дня, и эта задержка позволила сэру Джону Муру полностью оторваться от противника. Началось то, что французские солдаты называли «гонкой к Бенавенте». Наполеон постепенно стал понимать, что британская армия находится дальше к северу, чем он считал, а это означало, что окружить Мура будет значительно более сложной задачей, ибо теперь французам было необходимо перерезать своими войсками отдаленную дорогу Сагун — Асторга, чтобы отрезать британцев от их недавно обнаруженных баз — Коруньи и Ферроля. Тем не менее Le Tondu с присущей ему уверенностью предсказывал, что его план будет успешно выполнен. «Если англичане уже полностью не обратились в бегство, — писал он Жозефу 27-го, — они пропали; и, если они отходят, их будут преследовать вплоть до места погрузки на суда, и по крайней мере половина из них не уйдет от нас... Помести это в газетах и распространяй везде, что 36 000 англичан окружены, что я нахожусь в Бенавенте в их тылу, а маршал Сульт теснит их фронтально»(48).

Эти утверждения были образцом невиданной отъявленно лживой пропаганды.

К этому времени отвратительная погода стала мешать действиям обеих сторон, но солдаты Мура проявляли больше признаков утомления, чем их преследователи, которые были значительно более закаленными в тяготах войны на испанском полуострове. В войсках англичан возрастало напряжение и начинала страдать дисципли-

лина, но ускоренный марш и умелое руководство Мура помогли им держаться впереди французов. Кавалерийские полки — их арьергард — совершали чудеса храбрости. Драгуны Лоржа входили в недолгое соприкосновение с гусарами Пэджета. 26-го и 27-го, но до 29 декабря ничего серьезного не произошло. В этот день часть кавалерии императорской гвардии под командованием генерала Лефевра достигла левого берега реки Эслы около Бенавенте. Увидев, как ему показалось, малочисленный отряд англичан на другом берегу, Лефевр-Денуэтт опрометчиво приказал своим солдатам немедленно переправиться и вступить в бой. Вначале все шло хорошо, и егеря гвардии нанесли тяжелый урон пикету Мура. Но затем в критический момент появился лорд Пэджет со значительным отрядом свежих кавалеристов, с которыми он проник незаметно между зданий Бенавенте. Не увиденный французами, он хладнокровно ударил во фланг французским егерям, носившим прозвище «любимые дети» (императора). Егеря великолепно бились, но не менее четырех их эскадронов были разгромлены или рассеяны. Французы оставили 55 убитых и раненых на поле боя, а еще 73 человека, включая и самого Лефевра-Денуэтта, были взяты в плен на берегу, когда они пытались переправиться через реку. Потери британцев составили 50 человек.

Вскоре новость об этом прискорбном случае дошла до императора, так как все время он был во главе преследования. Как раз накануне он был первым, кто ворвался в Вальдерас, в сопровождении только своего эскорта и одного эскадрона тех же злополучных егерей, по следам англичан, ушедших из деревни только два часа назад. Маршал Ней не удержался, чтобы не сделать мягкий упрек императору. «Сир, благодарю Ваше величество за действия в качестве моего авангарда», — сказал он подчеркнуто. Теперь, через 24 часа после этого, императору приходилось переваривать новость о пленении высокой персоны — одного из своих любимых приближенных — Лефевра. Согласно Каstellане, он принял эту новость внешне спокойно и опять-таки с характерным желанием представить картину в другом свете. «Генерал Лефевр-Денуэтт попал в небольшую передрагу, — заметил он. — Его ранили и захватили в плен вместе с двумя-тремя егерями». Сказав это, император засвистел сквозь зубы — казалось, он ничуть не расстроен»(49).

Тем не менее вполне вероятно, что именно этот инцидент больше, чем что-либо другое, убедил Наполеона в том, что Мур успешно выскочил из тщательно подготовленной ловушки. Император попытался смягчить свое огорчение, приписав противникам состояние постоянной паники. «Я преследую англичан уже несколько дней, — сообщал он императрице Жозефине в письме от 31 декабря, — но они испуганно бегут. Они бросили остатки армии Ла Романы, чтобы ничто не задерживало их бегство даже на полдня. Захвачено уже более сотни повозок с имуществом. Погода остается очень плохой»(50).

События последующих дней подтвердили это завуалированное признание того, что Мур ускользнул. Несмотря на старания маршала Сульта, который все гнал своих солдат по дороге из Мансильи в Асторгу в попытке упредить там англичан, Мур достаточно легко выиграл эту гонку и вошел в город со своими тремя дивизиями 29 декабря. Перед британским командиром снова встала необходимость найти новое решение. Когда 23 декабря он приказал отход, им была предусмотрена остановка в Асторге и при необходимости переход к обороне. Теперь он считал за благо принять другое решение — его тревожило физическое и моральное состояние его войск и то, что они уже испытывали нехватку во всем. Поэтому он решил оставить Асторгу и продолжать отход вплоть до Коруньи, а там ожидать эвакуации Британским королевским флотом, которому уже передали просьбу прислать корабли к предполагаемому сроку и в необходимых количествах.

Итак, 31 декабря британский арьергард выскользнул из Асторги и направился по дороге к морю.

Не в правилах Наполеона было связывать свое имя с неудачей. Мысль о том, что Мур завершает свое успешное бегство, была совершенно непереносимой для Наполеона, особенно потому, что он сам настоял на своем личном командовании операцией по преследованию. Так как больше нельзя было надеяться на полностью удовлетворительный исход, эта кампания уже не требовала постоянного присутствия императора. Поэтому он вскоре решил сократить численность занятых там войск, чтобы свести к минимуму впечатление от кунктаторской победы Мура, и передать командование какому-нибудь приближенному. Тридцать первого декабря генералу Дезолю и его солдатам было приказано повернуть обратно на Мадрид, где король Жозеф, окруженный враждебным населением, был скован из-за нехватки войск. Вскоре появились новые приказы о расформировании корпуса Жюно, согласно которым треть батальона возвратилась в собственные полки в IV корпусе, а остаток был влит в войска Сульта. Следующие изменения коснулись корпуса Виктора: половина его состава вместе с двумя бригадами кавалерии получила приказ двигаться на восток и захватить Леон. Затем, 1 января, императорская гвардия была отозвана с фронта и направлена маршем обратно в Бенавенте, а оттуда (через некоторое время) в Вальядолид. Наконец, все руководство преследованием было поручено маршалу Сульту, численность корпуса которого теперь была доведена до 30 000 штыков и 6000 сабель. Ней с 16 000 солдат мог при необходимости оказать ему поддержку.

Но даже перед этой реорганизацией и получением соединениями французской армии новых задач генерал сэр Джон Мур все-таки заработал целый год передышки для Южной Испании и Португалии. Шансы на быстрое исцеление французов от испанской «язвы» стали почти бесконечно малы, хотя внешне могло казаться, что это полный военный триумф Наполеона — три вражеские армии были разбиты наголову, а четвертая, и последняя, спасалась бегством в порт эвакуации.

Конечно, решение Наполеона отказаться от личного руководства испанской кампанией основывалось на гораздо более важных причинах, чем задетое самолюбие. В течение нескольких месяцев поступали неопровержимые доказательства того, что Австрия перевооружается. Для того чтобы предотвратить развязывание Австрией весенней кампании на Дунае, было необходимо срочное возвращение Наполеона во Францию. Более того, 1 января 1809 года император получил известия о новом заговоре в Париже, в котором участвовали Талейран, Фуше и даже его зять Мюрат, новоиспеченный король Неаполитанский. В том, что в заговоре замешаны первые лица государства, не было ничего нового; тревожным было только то, что вместе сошлись две такие диаметрально противоположные личности, как экс-министр иностранных дел и министр полиции, взяв третьим этого гасконца князя Иоахима Мюрата.

Новость о скором отъезде императора во Францию вызвала что-то вроде потрясения в Испанской армии. Особенно негодовала императорская гвардия, когда узнала, что гвардейцы остаются в Испании, вспоминает Дюма. Негостеприимная природа страны, повсюду осязаемая ненависть населения, вечная опасность получить пулю герильеро (партизана) из-за ближайшей скалы или удар стилетом от соблазнительной, но кровавой испанской красотки, постоянная нехватка продовольствия и питья и полная невозможность ни террором, ни дружелюбием добиться хотя бы внешнего подчинения королю Жозефу — все эти трудности пребывания армий на Иберийском полуострове давно уже лишили испанскую войну всякого ореола приключений и славы. Да и самим генералам отнюдь не улыбалась перспектива действовать самостоятельно. Хотя они и считали Наполеона невероятно требовательным, всегда ожидающим от них фактически невозможного и вечно недовольным всем, кроме самых героических результатов, — все же им было спокойнее за спиной своего главнокомандующего. Взаимная зависть, отравляющая взаимоотношения маршалов, была еще одной причиной, почему они чув-

ствовавали себя беззащитными без императора. Их сотрудничество почти исключалось, раз уже не было всевидящего ока и всенаправляющей руки; даже Наполеон не мог изобрести эффективной иерархии для своих грызущихся подчиненных; в конце концов он оставил брата Жозефа номинальным главнокомандующим (хотя никто, в том числе и он сам, не считал его военачальником). Император также разрешил остальным близким к мятежу маршалам установить полуавтономное командование в своих корпусных районах. Этот недостаток единоличного контроля оказался сильнейшим фактором поддержания вечно кипящего испанского котла на последующие годы, и Веллингтону очень помог этот постоянный разлад во французских штабах и лагерях.

Шестого января Наполеон выехал из Асторги в Вальядолид в сопровождении эскорта, сформированного из части императорской гвардии. Он провел одиннадцать дней в этом большом городе на берегах Дуэро, завершая подготовку передачи всех гражданских и военных дел своему преемнику. В это время маршалы Сульт и Ней делали новые попытки настичь своего неуловимого британского противника и отрезать его от портов эвакуации. Несмотря на блистательный личный пример сэра Джона Мура, британская армия быстро разлагалась, превращаясь в сброд, ибо тяготы зимнего отхода через труднопроходимые Кантабрийские горы наносили непоправимый ущерб физическому и моральному состоянию солдат. И все-таки Мур все время ухитрялся быть на один переход впереди своих преследователей; 6 января он остановился у Луго и даже предложил сражение, но силы Сульта были настолько растянуты и рассеяны, что уже не являлись выгодной целью, и Мур решил продолжать следовать к Корунье.

Британцы сожгли много своих повозок, перестреляли охромевших лошадей и рано утром 9-го вышли снова в путь на север, не будучи замеченными дремлющими пикетами Сульта. Последовали два дня неорганизованных арьергардных боев, но к ночи 11-го три из четырех дивизий Мура благополучно достигли Коруньи, а четвертая (Пэджета) была на расстоянии лишь четырех миль от них. Однако не было еще и признаков страстно ожидаемых кораблей, и можно было предположить, что британцы наконец очутились на милости Сульта, спиной к морю и с развалившейся дисциплиной. Однако Султ достаточно хорошо знал англичан и их отчаянную храбрость в защите «последнего окопа», поэтому он был крайне осторожен в своих действиях, поджидая подхода всех своих отставших частей, прежде чем решиться на большую атаку. Поэтому Мур имел четыре дня передышки, за которые он успел полностью переодеть, переоснастить и накормить своих голодных и оборванных солдат, используя обширные склады Коруньи, прежде чем поднести спичку к фитилю — 13-го были подожжены 4000 бочонков с порохом, и, хотя они хранились на расстоянии трех миль от города, в нем едва ли уцелело хоть одно оконное стекло.

Наконец после полудня 14-го на горизонте показались долгожданные паруса, и к вечеру Мур начал эвакуацию раненых, лучших лошадей и некоторых пушек. За ними последовала кавалерия и канониры, а к 15-му на берегу, против сходящихся в окружение сил Сульта, оставалось только 15 000 пехоты и 200 артиллеристов. Пять тысяч человек погибли во время отступления и 3500 благополучно погрузились на корабли ранее, в полной безопасности в заливе Виго. Увидев лес мачт в заливе Корунья и заметив непрестанно сновавшие лодки между берегом и кораблями, Султ, герцог Далматский, понял, что нужно наносить удар немедленно, иначе его жертва ускользнет от него. К 15-му он располагал не менее чем 15 000 пехоты и 4500 кавалерии и на следующий день около 2 часов пополудни бросил все свои войска в атаку против левого фланга Мура с намерением взять Монте-Моро и вклиниться между дивизией генерала Бэйрда и Коруньей. Однако против других секторов британской линии выполнялись сковывающие атаки.

Сражение длилось даже вечером, но, как и думал Сульт, британцы упорно удерживали свои позиции, ни одна французская атака не увенчалась успехом и не сдвинулась с места ни на шаг. Однако ближе к вечеру британская армия понесла невосполнимую утрату — ее храбрый командир был ранен пушечным ядром в левое плечо. Рана была смертельной, но когда шестеро солдат уносили на одеяле с поля боя сэра Джона Мура, он почувствовал предсмертное облегчение, увидев, что колонны солдат Сульта в синих мундирах везде отступают. К тому времени, когда французы наконец отошли назад зализывать раны, уже спустились сумерки, а сэр Джон был уже мертв.

Британская армия нанесла французам урон более чем в 1500 человек, потеряв около 800 убитых и раненых. Сэр Джон Мур скончался, считая, что ему повезло умереть, подобно Нельсону, в момент победы. Он был похоронен в солдатской могиле рано утром 17-го¹. Его жертвы и перенесенные тяготы не были напрасны. Эвакуацию удалось продолжать беспрепятственно в течение двух следующих дней; к 18-му на корабль сели последние англичане. Это было не все, чего добился Мур; в течение трех долгих месяцев он преодолевал устрашающие трудности, не побоялся выступить против Наполеона и полностью разрушил его планы по завершению завоевания Испании и Португалии. Он провел своих солдат через ужасы зимнего отступления в горах и обеспечил их безопасную эвакуацию. Это означало, что он сохранил наибольшую часть единственной полевой армии Англии и обеспечил ее спокойное возвращение домой на кораблях, чтобы подготовиться к будущим операциям и в дальнейшем одержать победу над французами.

Хотя гибель Мура в миг победы была трагедией для его родины и армии, которые он так любил и которым так самоотверженно служил, его деятельность оправдалась, когда через несколько месяцев новая английская экспедиционная армия, под руководством талантливого сэра Артура Уэлсли, снова появилась близ португальских берегов, готовясь возобновить борьбу. Этой гноящейся ране на теле французских войск, причиненной Муром и впоследствии непрерывно растравляемой «железным герцогом», было суждено бесконечно истощать французскую империю, все время поглощая жизни молодых способных французов. Наполеону еще предстояло горько пожалеть о том дне, когда он решил вмешаться в дела Иберийского полуострова и, сам того не зная, вручил Великобритании «тяжелую дубинку», которая так била его на континенте.

Однако трагедия и одновременно ирония заключалась в том, что Британия не торопилась признать величие Мура. Первой реакцией на новости о благополучной эвакуации из Коруньи была критика его соотечественников за проведение им кампании, тогда как именно его храбрый противник-преследователь маршал Султ приказал воздвигнуть достойный памятник на могиле одного из величайших и заслуженных полководцев Англии.

Глава 61

НАЗАВЕРШЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

На следующий же день после боя в Корунье император Наполеон не стал ждать известий об исходе последних стадий преследования англичан, но повернулся к Испании спиной и выехал из Вальядолида к французской границе. Он ехал через Бургос, Виторию и Толосу, в Ируне пересек границу Франции и 19-го прибыл в Байонну, проведя в карете 45 часов. На следующий день он был в Бордо,

¹ Этому событию посвящено хорошо известное русскому читателю стихотворение И.И. Козлова (1779—1840) «На погребение английского генерала сэра Джона Мура» (1825) «Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили...», являющееся вольным переводом из английского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823).

а 23 января в 8 часов утра Наполеон снова появился в Париже. Он сразу же выкинул из головы все события прошедших месяцев и приступил к подготовке новых армий для назревавшей войны с Австрией.

Испанская кампания Наполеона была окончена. При поверхностном взгляде эта кампания выглядит как значительный военный триумф Франции. Каждая армия, выступившая на поле боя против Франции, была либо полностью разбита, либо, в единственном случае, вынуждена совершить стремительный отход и эвакуацию морем. Мадрид и северная половина Испании были заняты французскими войсками, а на остальной части Иберийского полуострова осталось совсем мало организованных военных сил, способных к длительному сопротивлению. Возвращение Жозефа на трон позволяло надеяться, что Испания станет по крайней мере достаточно лояльным членом континентальной системы и что Португалию удастся заставить с течением времени последовать ее примеру. Теперь сплошные владения Первой империи простирались от реки Одер до Гвадаррамских гор, и были основания предполагать, что ее южные границы вскоре отодвинутся еще далее, до Гибралтарского пролива, Геркулесовых столпов и Тахо.

В основном все это было достигнуто благодаря великому стратегическому дару Наполеона и успеху, с которым он почти всегда умел согласовывать действия своих подчиненных. Планы на октябрьское наступление за Эбро были мастерскими в своей простоте и в то же время реалистически основывались на военных вероятностях и возможностях. Пока еще не было никаких признаков того, что император миновал свой апогей как стратег.

Но эта успешная кампания развернулась буквально по следам совсем неудачной своей предшественницы. События Байлена и Вимьеро показали, что мастерство и стойкость главнокомандующего не были присущи его подчиненным, когда им поручались самостоятельные миссии. Внезапное крушение всех французских завоеваний на Иберийском полуострове, последовавшее затем, показало, что французы очень уязвимы и, более того, склонны к отчаянию при повороте дел в дурную сторону. Поэтому французам, в сущности, очень повезло, что они удержались на рубеже Эбро и сохранили контроль над Наваррой (в августе—сентябре 1808 года) перед прибытием императора и его самых опытных сил из Германии.

Наполеон нес вину за то, что абсолютно не рассчитал ту степень сопротивления, которое встретят его войска при захвате Испании и Португалии. Первоначально предназначенных для этой цели 80 000 человек оказалось недостаточно, и перед налаживанием общего военного положения в новом 1809 году в той или другой части полуострова было занято не менее 270 000 солдат лучших войск Наполеона, или приблизительно около трех пятых всех вооруженных сил Франции. Сомнительно, стоили ли ожидаемые победы такого напряжения, которое тяжело отразилось на всей Центральной Европе и еще более зловеще отозвалось на самом полуострове. Начальные этапы войны обошлись Наполеону гораздо дороже, чем те 12 000 человек, как он вначале планировал. Вероятно, около 75 000 человек так и не увидели снова Франции в результате боев, происшедших до 16 января 1809 года. В последующие же годы их судьбу разделили еще несколько сотен тысяч человек. Многие верные соратники — среди них Массена, Султ и Савари — заплатят своими репутациями в войне, проходившей среди суровых гор и бесплодных равнин Испании.

Основной причиной этой расточительной траты крови и денег было, конечно, то, что, несмотря на кажущиеся успехи, реальное завоевание Испании было далеко от завершения. Хотя регулярные испанские армии были уничтожены или рассеяны, не было никаких признаков того, что воля испанского народа к сопротивлению хоть сколько-нибудь ослабла. Народный патриотизм, религиозный фанатизм и почти истерическая ненависть к французам оставались столь же сильными, что и раньше, а в последующие пять лет миру предстояло увидеть развитие

нового типа войны — безжалостной партизанской борьбы, осуществлявшейся «герильяс», которые никогда не выходили на открытые равнины, но цеплялись за свои горные твердыни, откуда бросали вызов всем попыткам уничтожить их, одновременно нанося французам бесконечные потери. Для поддержки этих усилий и страшного осложнения всех проблем внутренней безопасности французских войск на полуостров вскоре должна была вернуться новая и большая британская армия, руководимая военачальником с огромным тактическим и административным опытом, приобретенным им в несколько схожих условиях в Индии. Обе эти силы — испанские партизаны и британские «красные мундиры» — сделают невыносимой жизнь для французских оккупационных сил, которые были вынужденно рассеяны по стране, чтобы держать в узде бурлящие провинции. Всю остальную часть своей военной карьеры вплоть до первого отречения Наполеон был отягощен этим дорогим обходившимся бесконечным вторым фронтом, непрерывно истощавшим военные ресурсы Империи.

Хотя Наполеон больше ни разу не снисходил до того, чтобы снова побывать на полуострове, ему пришлось очень пожалеть о том, что он вообще когда-то ввязался в эти иберийские дела. То, что начиналось как рискованная авантюра с очень выигрышными картами на руках, кончилось как цепь неудач, сопровождавшихся тяжелыми потерями. Однако в отличие от профессиональных картежников, Наполеон никогда не хотел сказать «баста» и прекратить свои траты, приказав совершить общий отход к рубежу на Эбро; слишком глубоко были затронуты его гордость, амбиции и репутация. В силу этого ожесточенная война на измор длилась годами.

Что же было причиной провала кампании Наполеона в Испании? Кроме его чрезмерного тщеславия и неутолимой мании видеть весь европейский континент охваченным континентальной системой, его можно обвинить в излишней напористости. Если бы он более спокойно воспринимал испанские дела, больше старался бы добиться народной поддержки, осуществлял бы правление через бурбонскую марионетку, а не через члена бонапартовского клана (Жозефа), то тогда его успехи были бы прочнее. Вместо этого он схватил быка за рога при первой же возможности и стремительно повел вторжение, надеясь выиграть все малой затратой сил. Собственно, в этом Наполеон-политик поставил перед Наполеоном-воином невыполнимую задачу. В силу всех этих причин, несмотря на то, что непосредственные военные цели представлялись достигнутыми, отдаленные задачи — привлечение народной поддержки для нового режима — оказались безнадежно загубленными. В этом заключался урок для всего мира: само по себе военное завоевание не может обеспечить политической победы. Урок этот отнюдь не нов, но убедителен. Наполеон преподнес его так наглядно, как редко бывало в истории.

Часть двенадцатая

ВОССТАВШИЕ ИЗ ПЕПЛА ГАБСБУРГИ

*Последний успех.
Дунайская кампания 1809 года,
завершившаяся сражением при Ваграме и
Шёнбруннским миром*

Глава 62

НОВЫЙ ВЫЗОВ

Наполеон находил многих из своих самых непримиримых врагов среди коронованных женских головок Европы. В 1806 году королева Луиза Прусская оказывала в переговорах с Наполеоном упорное сопротивление, столь недостающее ее супругу, и именно она ввергла этим свою страну в катастрофическую войну. С 1804 года вдовствующая императрица России непрестанно осуждала своего сына за уступки Наполеону, упрекала его и подстрекала царя на присоединение к Австрии в 1805 году и к Пруссии в 1806—1809 годах (явно неудачные коалиции этих стран против Франции). Теперь, в 1809 году, третья коронованная особа — австрийская императрица Людовика — старалась проявить все свое очарование и талант в общении с Наполеоном, путем интриг против корсиканского выскочки она пыталась ввергнуть страну в новую смуту на берегах Дуная. В этих своих замыслах она получила надежную поддержку блестящего князя Меттерниха и красноречивого графа Штадиона. Известие о прошлогоднем поражении при Байлене убедило партию войны в Шёнбрунне, что для Австрии настало время снова бросить вызов Франции, и постепенно эта мощная группа заставляла все более прислушиваться к своим планам императора Франца. Восьмого февраля 1809 года сторонники агрессии наконец праздновали успех: имперское правительство, соблюдая полную секретность, твердо решило начать войну против Франции.

Однако это решение не было сразу осуществлено. Так называемая партия мира, возглавлявшаяся эрцгерцогом Карлом, главнокомандующим всех австрийских войск, подчиненным только Францу, советовала не торопиться и дать Австрии время на мобилизацию сил, а также — что было важнее — на поиски союзников. Кроме того, что Карл был лучшим австрийским полководцем, он пользовался поддержкой всех старших офицеров страны, и императору приходилось считаться с его мнением. Впрочем, было совершенно ясно, что эта осторожная позиция военных руководителей отнюдь не диктовалась желанием не допускать нового столкновения с Наполеоном. Все партии при австрийском дворе и в политических кругах объединились в желании реванша и особенно

стремились добиться возвращения территориальных потерь, понесенных после 1796 года.

Партии мира и войны не могли договориться о начале военных действий. Вопрос времени оставался единственным несогласованным. Партия императрицы требовала немедленных действий; эрцгерцог Карл советовал ждать до завершения внутренних реформ и повышения степени боеспособности армии, чтобы увеличить шансы на успех. Он желал иметь 700 000 хорошо подготовленных солдат боевой армии и мощную коалицию, которая поддерживала бы Австрию, прежде чем сделать роковой шаг. Впрочем, эти аргументы были отвергнуты — слишком хорош был имеющийся шанс, чтобы его упустить. Весной 1809 года Наполеон мог собрать в Германии не более 200 000 солдат из-за непрерывно продолжавшейся войны в Испании. Меттерних сообщил о своих беседах с Талейраном. Тот сказал ему, что Франция окончательно устала от войн и не желает участвовать в новой и что царь Александр дал понять, что будет сохранять строгий нейтралитет по отношению к Австрии в любом случае, не считаясь с обязательствами, данными в Эрфурте. Эти соображения, наряду с убеждением Штадиона в том, что решительные действия Австрии вызовут подлинно национальные восстания против Наполеона по всей Германии, подобно происходящим в Испании, и стали причиной принятого 8 февраля решения начать военные действия 9 апреля.

К 1809 году военная реорганизация в Австрии развивалась непрерывно в течение трех лет, полным ходом шло усовершенствование вооруженных сил. Организатором военных реформ и других сторон перестройки в стране был эрцгерцог Карл, назначенный генералиссимусом, или верховным главнокомандующим, в последние критические дни 1809 года, когда Австрия страдала от унижения после Аустерлица. В административных делах новые полномочия Карла даже были больше, чем у высшего военного совета — этого августейшего, но ультраконсервативного органа, который за предшествующее десятилетие трижды скомпрометировал страну в военном отношении. Карл полностью использовал предоставленные ему возможности. С помощью талантливого Штадиона он создал истинно народную — в противовес чисто профессиональной — армию (указ от 9 мая 1808 года). Замысел такой реформы с самого начала встретил серьезные трудности, вызвав сопротивление среди не имевших, естественно, проавстрийских чувств венгров, поляков или балканских народов, живущих на территории, принадлежавшей Габсбургам. В результате большая часть ландвера, то есть народной армии, столь превозносимой ее организаторами, рекрутировалась в основном из германских провинций Австрии. Со временем в ландвер стали входить около 240 000 человек, но, к огорчению генералов, дисциплина в этой народной армии была весьма слабой, и вскоре стало очевидно, что этот «новый материал» годится только для несения гарнизонной службы и для учебно-запасных частей. Тем не менее соединение в 15 000 солдат ландвера с самого начала было взято на активную службу с целью хотя бы обозначить наличие такого контингента, но ко времени Ваграмского сражения это количество сильно увеличилось.

Гораздо более глубокими и результативными были изменения в регулярной армии. В 1805 году на активной службе состояли около 200 000 солдат, через четыре года — уже 340 000. Многие усовершенствования были введены по французскому образцу: Карл свободно применил систему армейских корпусов, приспособив ее к австрийским требованиям, и создал девять линейных и два резервных корпуса. Это было заметным административным усовершенствованием старой дивизионной структуры, что обеспечивало большую оперативную дееспособность и было весьма целесообразным. 279 000 пехоты были разделены на 80 пехотных полков и 9 новых эгерских батальонов. Переработанный строевой устав содержал наставления в вопросах тактики рассыпного строя, по образцу французской линии, хотя строгие организационные наложения в отношении количества войск, которые можно использовать в этих целях. В кавалерию, имевшую 36 000 боевых единиц, стали теперь входить

восемь кирасирских, шесть драгунских, двенадцать гусарских и три уланских полка. Весьма трудно было раздобыть достаточное количество коней для их войск, и австрийская обновленная кавалерия ни по эффективности, ни по численности так и не достигла уровня французской кавалерии. Была значительно улучшена австрийская артиллерия. Имеющиеся 13 000 канониров образовали четыре полка артиллерии и корпус бомбардиров, обслуживающие 760 полевых пушек. Но при хорошей материальной части артиллерия имела серьезный недостаток — слабую подготовку старших офицеров, имевших мало непосредственного опыта управления огнем в бою.

Однако в попытках перестроить штабную систему и обеспечить армию должным управлением эрцгерцог Карл не добился достаточного успеха. Штаб был вполне способен выполнять «бумажную» сторону дислоцирования и управления армиями на поле боя, но и здесь ощущался общий недостаток опыта работы в боевых условиях. Отсутствовала система связи для облегчения передачи информации и приказов от командования к войскам на местах и обратно. У Карла было много осложнений с людьми, на которых он должен был опираться в высших эшелонах управления войсками. Хотя он мог давать указания высшему совету, уволить непригодных или враждебно настроенных генералов он не имел права — эта прерогатива прочно удерживалась его братом императором Францем. В результате Карлу приходилось использовать таких людей, как генерал Хиллер — его злейший личный враг, или таких неумелых генералов, как его братья — эрцгерцоги Луи, Иоанн и Фердинанд. На каждом уровне командных структур процветала семейственность. Среди командиров второго эшелона только Радецкий выделялся среди посредственностей вроде бесталанных Вимпфенна, Грюннса, Кленау и Розенбурга.

Сам Карл, несмотря на случавшиеся с ним эпилептические припадки, поражавшие его в напряженные моменты, поднялся до высоких командных должностей даже в более молодом возрасте, чем сам Наполеон, — в 25 лет он уже командовал своей первой армией. Значительный успех особенно сопутствовал ему в кампаниях против второстепенных французских генералов. Конечно, он не мог соперничать с Наполеоном. Оба этих полководца встретились лицом к лицу в 1797 году, на последних этапах войны Первой коалиции, когда безусловно плохо пришлось именно Карлу. Но несомненно, Карл был самым талантливым полководцем в Австрии. Он был почти лишен догматических установок закостенелого армейского формализма XVIII века. Хотя Карл так и не смог полностью отделаться от следов своего военного воспитания, отрицательные традиции прошлого сказывались в нем значительно меньше, чем у современных ему высших военных сил. Таким остаточным влиянием прошлого была всегда руководившая им навязчивая идея — стремление занять то, что он называл «географическими пунктами», — решающие участки территорий, что по временам отвлекало его от задачи разгрома сил противника. Тем не менее австрийская армия 1809 года представляла собой неизмеримо более грозную силу, чем она была в 1805 году. У нее, безусловно, не было того патриотического вдохновения и порыва, как у ее французских соперников, или их несравненной «традиции побеждать» (как называет это Петре), и она, безусловно, не имела таких командиров на уровне армий и корпусов, но ее боевые качества были в основном весьма хороши, несмотря на малую подвижность и даже некоторую вялость. В своем высокомерии Наполеон иногда именовал австрийского противника *cette canaille* («этот каналья»), но, во всяком случае, однажды после 1809 года он оборвал какого-то раболепного министра, вздумавшего издевательски говорить о военных качествах австрийцев: «Видно, вы не были при Ваграме»(1). Кампании 1809 года было суждено оказаться наиболее суровым испытанием полководческого таланта Наполеона, и, хотя в конце кампании император торжествовал победу, он встретился с таким упорным и ожесточенным народным сопротивлением, которое превзошли только британцы и испанцы. Поворот в настроениях австрийцев в самом деле был поразителен. Один

французский дипломат в служебном докладе в марте 1809 года, незадолго до начала войны, писал: «В 1805 году одно только правительство хотело войны — ни армия, ни народ не желали этого; сейчас же, в 1809 году, правительство, армия и народ — все объединились в этой решимости»(2).

Наполеон уже значительное время знал о настроениях в Вене. Ему подробно сообщали о разладах между австрийскими партиями войны и мира, и еще в мае 1808 года информация о намерении Австрии организовать ландвер численностью в 180 000 человек заставила французское правительство послать ноту протеста австрийскому императору, в которой оно требовало объяснения его намерений. Спустя месяц Наполеон узнал о пополнении австрийских военных складов в Богемии, но пока ему было удобнее принимать за чистую монету заверения Франца в его мирных намерениях. Последние месяцы года Наполеон считал, что может полностью положиться на обещания русских следить за Австрией; в одной из статей Эрфуртского соглашения, заключенного 12 октября 1808 года, говорилось, что «в случае объявления Австрией войны против Франции император России денонсирует свой договор с Австрией и выступает на стороне Франции»(3). Наполеон был еще уверен в том, что ста тысяч солдат Рейнского союза, поддерживаемых французскими частями Рейнской армии, будет достаточно, чтобы убедить Вену не предпринимать никаких преждевременных опрометчивых действий. Как выяснилось, у России и Австрии оказалось значительно больше общего, чем мог предполагать Наполеон, — обе страны разделяли сильнейшее недоверие к Франции относительно Константинополя. Отсюда и секретное *détente*¹ между Санкт-Петербургом и Веной в Новый год. Действительно, к 15 января 1809 года сообщения из Центральной Европы приняли такой тревожный характер, что император почувствовал необходимость оставить испанский фронт и срочно выехать в Париж для организации действительных контрмер.

Это надвигающееся возобновление войны Австрией не застало Наполеона не готовым к новой кампании. Уже в начале 1806 года он предполагал, что в какой-то момент Австрия вмешается в его планы. К счастью для Франции, Вена еще не закончила своих приготовлений ни в октябре 1806 года, ни в последующие зимние и весенние кампании 1807 года и еще не могла активно действовать. С 1808 года, однако, австрийская угроза стала серьезно усиливаться. Поэтому Наполеон еще ранее предпринял шаги, чтобы предупредить своих союзников о возможной войне, усиленно требуя оружия и людских резервов от вице-короля Италии и князей Рейнской конфедерации.

Французское правительство уже ощущало нехватку солдат, и перспектива ведения войны одновременно на двух фронтах — в Испании и Германии — способствовала активизации мобилизационных органов. Уже в сентябре 1808 года сенатским решением было мобилизовано еще 80 000 призывников классов 1806—1809 годов, а в декабре — еще 80 000 класса 1810 года, почти на два года раньше их официального срока призыва. Даже эти массовые меры оказались недостаточными, чтобы удовлетворить потребности Наполеона. Он решил увеличить состав своих пехотных полков до пяти батальонов в каждом — четыре из шести рот предназначались для службы на фронте, одна из четырех рот должна была служить в качестве учебно-запасной базы для будущих призывников. Хотя это расширение было вначале декретировано 18 февраля 1808 года, такие меры смогли полностью осуществиться только в июле следующего года, ибо постоянные потери в Испании и необходимость создания новой армии для службы в Германии поглощали все имеющиеся пополнения. Только приказами на мобилизацию дальнейших 110 000 призывников класса 1810 года в Новый год (1809) удалось приблизительно удовлетворить эти требования — хотя бы на бумаге.

¹ Ослабление напряжения (*фр.*).

Необходимость изыскать людские и прочие резервы для германского фронта потребовала всей изобретательности императора. Из-за того, что в Испании были заняты многие его лучшие полководцы, гвардия и 200 000 солдат, у Наполеона было мало частей первого эшелона, годных для немедленного использования в Европе. Двенадцатого октября 1808 года старая Великая армия в Германии и Польше была расформирована, и большинство частей были спешно переведены обратно через Францию в Испанию, а их место занимала создававшаяся тогда временная Рейнская армия. В основном в нее входил III корпус Даву, а также различные более мелкие соединения. Учитывая общеизвестную чувствительность царя к тому, что касалось Польши и Восточной Пруссии, большая часть этой скромной армии развертывалась западнее Эльбы, хотя за Одером были оставлены гарнизоны в некоторых стратегически важных пунктах, а также прикрывающие силы. Сент-Илер с одной дивизией все еще оккупировал Штеттин; еще одна дивизия стояла в Померании; у генерала Раппа в гарнизоне Данцига было несколько тысяч человек и еще 10 000 были размещены по рубежу Одера для поддержания необходимых коммуникаций с Великим герцогством Варшавским. Номинально Рейнская армия состояла из 120 000 человек, но необходимо было вычестить отдаленные отряды, в особенности 10 000 французских и голландских войск под командой Бернадота, занимавших ганзейские города. Таким образом, под командованием Даву реально было немногим меньше 80 000 солдат, с помощью которых следовало сдерживать националистические устремления в Пруссии и Австрии. Поэтому неудивительно, что Наполеон сильно надеялся на влияние царя Александра для урегулирования столь неблагоприятного баланса сил; ему также пришлось обратиться к крайним мерам в добычании людских резервов весной 1809 года, когда стало ясно, что обещанной русской поддержки, скорее всего, не будет.

Наполеон поставил перед собой честолюбивую цель: до открытия военных действий иметь в Германии 260 000 солдат (из них 100 000 должны были предоставить его германские союзники), и при благоприятных обстоятельствах еще 150 000 в Италии под командованием Евгения. Не теряя времени, он стремился выполнить эту грандиозную задачу. В конце января — начале февраля маршалу Бессьеру в Испанию был послан приказ подготовиться к передислокации императорской гвардии и расположить ее в Страсбурге, если возникнет в этом нужда. Тем временем указами императора создавали молодую гвардию, комплектуя ее из отборных новобранцев всех классов. Двадцать третьего февраля было создано совершенно новое высшее оперативное соединение из четырех пехотных дивизий и одной дивизии легкой кавалерии, получившее название обсервационного корпуса Рейнской армии. Этот корпус (числился IV) был доверен опытному Массене(4). Третьего марта новым декретом был создан резервный корпус из 17 полков, полностью составленных из призывников 1810 года. Дивизия Удино получила пополнение и превратилась во II корпус. Было непросто найти достаточное количество опытных офицеров для новых или расширенных соединений, но эта задача была частично решена за счет учебно-подготовительных центров, а также путем возвращения людей из отставки, опустошая все французские военно-учебные заведения и присвоив офицерские звания большому контингенту сержантов и уорентофицеров¹. В должные сроки все эти различные части влились в армию Германии, составив около 174 000 человек; в предпоследний день марта ей дали название Великая Германская армия (*La Grande Armée de l'Allemagne*).

Кроме нее, Наполеон мог использовать еще 68 000 человек, составляющих Итальянскую армию, 10 500 человек под командованием Мармона в Далмации, 16 000 саксонцев Бернадота (находящихся в Дрездене) и 18 000 поляков под ко-

¹ У о р е н т о ф и ц е р — подпрапорщик, категория командного состава — между сержантами и офицерами.

мандованием Понятовского. Поэтому, в округленных цифрах, к апрелю 1809 года Наполеон мог развернуть свыше 275 000 человек против габсбургских армий. Хотя эта цифра намного ниже тех 400 000, что планировались первоначально, армия такого масштаба явилась большим административным достижением. Из-за стремительности, с которой они создавались, эти войска были невысокого качества в отношении их боеготовности. Даже в самой Великой армии было 11 300 совершенно зеленых новобранцев, присланных из учебно-подготовительных частей, с неоконченной даже начальной военной подготовкой. Еще 54 000 ее солдат были полностью взяты из союзных государств. Есть данные, свидетельствующие, что кавалерия (29 000 человек) сохраняла почти полностью свой уровень и репутацию, тогда как качество пехоты заметно ухудшилось. К концу кампании Наполеон попытался улучшить пехоту, придав ей больше корпусной и полковой артиллерии. «Чем хуже войска, — писал он генералу Кларку, военному министру, — тем больше пушек им требуется»(5). Но в начале операций была остро ощущавшаяся нехватка артиллерии (имелось всего 311 пушек). Только ко времени Ваграма удалось достичь удовлетворительного количества артиллерии.

Хотя армия страдала от нехватки людей и материальной части, количество опытных старших командиров в ней осталось высоким. Даву, Массена, Удино — все они были старыми испытанными ветеранами, и многие из их дивизионных генералов были почти такими же заслуженными военачальниками. Как всегда, начальником штаба стал Бертье, к тому же он был назначен главнокомандующим, что потом привело почти к фатальному результату. Причина создания такого поста была в том, что Наполеон еще не мог оставить свои дела в Париже и лично принять командование на фронтах. С одной стороны, он понимал, что новость о его появлении к востоку от Рейна почти определенно ускорит начало австрийских боевых действий, а из-за неподготовленности и неукомплектованности французской армии было желательно как можно дольше продержаться до наступления австрийцев. С другой стороны, в целях пропаганды было желательно, чтобы нападение австрийцев, когда оно совершится, выглядело бы совершенно неожиданным и ничем не вызванным. Император понимал, что его положение в Европе обуславливает необходимость крайней осторожности и что любая новая французская агрессия может вызвать бурную реакцию во всей Германии. Поэтому на данный момент Бертье было приказано оставаться в своей ставке около Страсбурга, откуда будет осуществляться его связь с Парижем через военный телеграф, и в то же время он не будет находиться близко к сфере интересов Австрии.

Все эти предосторожности не мешали Наполеону обдумать свою стратегию зревающей кампании. Как и в 1805 году, он решил сделать Дунай главным театром военных действий, отводя Италии второстепенную роль. Он надеялся, что австрийцы будут следовать своей обычной стратегии — направят не менее 100 000 лучших солдат через Альпы в Северную Италию, где они будут скованы войсками Евгения и Мармона. Он полагался на то, что силы Бернадота и Понятовского нейтрализуют противостоящие равные силы австрийцев в их чешском и польском секторах соответственно. Если все будет благополучно, эти отвлекающие операции дадут Великой армии небольшое превосходство над противником на решающем Дунайском театре. Но эти расчеты оказались неверными. Кроме того, по-видимому, Наполеон совершенно неправильно оценил физические условия, которые ожидали его в долине Дуная весной и летом. Его собственный опыт 1805 года ограничивался осенними и зимними месяцами, и он не обратил внимания на предостережения своих советников относительно широты разлива Дуная во время весеннего паводка.

Наполеон рассчитывал, что после того, как его войска ликвидируют начальную атаку противника в глубине обороны, они перейдут в наступление вдоль Дуная с целью овладения Пассау — важным пунктом переправы в месте впадения реки Инн в Дунай на пути к Вене. В качестве предварительного маневра, имев-

шего целью поместить свою армию на оптимальные исходные позиции и для оборонительной, и для наступательной ролей, он приказал большей половине своих частей направиться в район верхнего Дуная в конце февраля — начале марта. Даву вышел со своими 65 000 человек из окрестностей Эрфурта в направлении Нюрнберга, чтобы образовать северную часть сосредоточения; сводный двадцатитысячный II корпус Удино был направлен на Аугсбург, а 40 000 человек нового IV корпуса Массены (из Страсбурга) — к его левому флангу вокруг Ульма. Для прикрытия этих передислокаций и выполнения роли связующего звена между нюрнбергскими и аугсбургскими силами маршал Лефевр выдвинулся вперед на рубеж реки Изар, со своими 30 000 баварцев VII корпуса, в то время как часть его кавалерийского резерва вела рекогносцировку, прошупывая окрестности в направлении на Ратисбон¹, чтобы добыть сведения о местонахождении противника.

В последний день марта Наполеон сделал анализ общего положения для своей армии. Разведывательные данные показали, что австрийцы сосредоточиваются между Прагой и Веной, и, по-видимому, это подтверждало предположение Наполеона, что главный австрийский удар будет нанесен севернее Дуная около 15 апреля. Исходя из этой вероятности, он решил как можно скорее выдвинуть свои войска вперед — насколько позволит обстановка и насколько это согласовалось бы с общим требованием трех-четырёхдневного сосредоточения всех крупных соединений на избранных исходных позициях, оттуда они смогут контролировать долину Дуная. Если противник начнет наступление 15 апреля или позднее (как предполагалось), Ратисбон будет местом сосредоточения французской армии, так как он находится на расстоянии трех дневных переходов от Нюрнберга и четырехдневного — от Аугсбурга. Если же австрийцы начнут боевые действия раньше 15 апреля, Наполеон решил, что район между Донаувёртом, Аугсбургом и Ингольштадтом будет лучше всего отвечать его целям. В любом случае Даву, кавалерийский резерв и Лефевр смогут прикрыть действия французских частей. Он считал, что последним предупреждением о нападении Австрии явится официальное объявление войны или по меньшей мере отъезд австрийского посланника из Парижа.

Относительно наиболее вероятного направления наступления австрийских сил Наполеон предполагал три возможности. Во-первых, Карл может осуществить наступление главными силами из Чехии в направлении на Бамберг, Нюрнберг или Ратисбон. Если будет избрано северное направление наступления на Саксонию, то, как рассчитывал Наполеон, Бернадот в Дрездене сможет задержать их наступление, пока главная французская армия входит в Чехию, чтобы перерезать австрийские коммуникации с Веной. Если же австрийцы направятся на запад к Франконии (т.е. к Нюрнбергу), Великая армия будет в состоянии ударить в их тыл через Ратисбон, Ингольштадт или Донаувёрт, и Карл направится прямо к основной массе французской армии. В-третьих, если австрийцы разделят свои силы и будут одновременно наступать по обоим берегам Дуная, Наполеон был уверен, что сможет изолировать и разбить каждое австрийское крыло по очереди. На основе своих расчетов он чувствовал, что у него есть основания быть довольным своим предварительным выбором Ратисбона как операционного центра. Вместе с тем он был вынужден непрерывно обеспечивать баланс между постоянными требованиями Франции содержать достаточное количество войск в Северной Европе, в Испании и Италии и теми силами, которые необходимо держать на Дунае; кроме того, нельзя было не считаться с возможностью британской интервенции. Общая стратегическая обстановка несомненно была очень сложной.

Донесение с такой суммарной оценкой положения было направлено к Бертье в огромном пакете бумаг, датированном 30 марта, вместе с подробными инструкциями относительно дислокации войск.

¹ Ныне Регенсбург.

Наполеон писал, что намеревается сконцентрировать три корпуса около Ратисбона (130 000 французов и 10 000 союзников) к 15 апреля; этот город будет операционным центром, но в случае каких-либо непредвиденностей альтернативой ему будет Донаувёрт и рубеж реки Лех. Если ничего не случится вопреки ожиданиям, Удино должен выступить из Аугсбурга 5 апреля и привести свой корпус к Ратисбону к 10 апреля, когда город будет в руках Сент-Илера, а тот должен выйти из Нюрнберга 5 апреля. Таким образом, к 10 апреля в Ратисбоне должно быть сосредоточено не менее 30 000 пехоты и семь кавалерийских полков, и в течение дня к ним должны присоединиться Бесьер и кавалерийский резерв. Тем временем Даву должен был организовать свою ставку в Нюрнберге и расположить свои части таким образом, чтобы охранять подступы к Байройту и реке Эгер, в то же время оставаясь на расстоянии 72-часового перехода от Ратисбона. За это время герцог Риволийский должен был подойти от Ульма к Аугсбургу. Три дивизии баварского корпуса Лефевра, стоявшие вдоль Изара, должны занять позиции таким образом, чтобы быть на расстоянии одно-, двух- и трехдневного перехода до Ратисбона(6). Так Наполеон планировал создать новый вариант своего знаменитого «батальонного каре» вокруг Ратисбона, чтобы суметь отразить нападение с любого направления и использовать любую ситуацию в пользу французов.

Из-за сочетания неожиданной австрийской агрессии и ряда промахов, допущенных Бертье, утонувшим в потоке разных указаний, едва не были разрушены тщательно разработанные планы Наполеона.

Эрцгерцог Карл и Высший совет вопреки предположениям Наполеона направили в Италию только 50 000 регулярных войск, добавив такое же количество ландшверов — два корпуса под командованием эрцгерцога Иоанна. Для защиты польских владений Австрийской империи в Галиции была образована еще одна армия (40 000 человек) под командой Фердинанда. Остальные шесть линейных и два резервных корпуса регулярной армии (почти 200 000 человек и 500 пушек) стояли наготове для проведения операций в долине Дуная. Таким образом, Наполеону противостояло больше войск, чем он предполагал. Карл в начале кампании не имел четкого плана операций этой большой армии. Сначала его основной идеей было внезапное наступление на Рейнскую армию (то есть на войска Даву), чтобы успеть разбить ее, прежде чем Наполеон сможет прийти на помощь. Для этого между Прагой и Богемским лесом севернее Дуная были сосредоточены шесть корпусов и только два оставлены на южном берегу. Какое-то время Карл даже надеялся присоединить Пруссию, но к началу марта стала ясна нереальность этого плана, и австрийским стратегам пришлось обдумывать новые возможности. Карл все еще стоял за нанесение главного удара из Чехии. Это был смелый план, который мог бы скорее других планов иметь результат. К тому же тогдашняя дислокация основной массы австрийской армии делала вполне возможным внезапный удар, причем сразу и одновременно могла бы осуществиться изоляция французских войск в Северной Германии и провокация местных восстаний в Саксонии, Гессене и Франконии. Но этому плану были присущи и немалые недостатки. Пересеченный рельеф местности в Чехии должен был сильно затруднить эффективный вывод австрийских войск из ущелий и теснин на открытую местность, чтобы расположить их против французов. Эрцгерцог Карл окажется отделен от своего брата Иоанна и Дунаем, и большим расстоянием, а это приведет к необходимости создания третьей связующей силы. С учетом этих недостатков плана члены Высшего военного совета высказывались в пользу второго плана.

Второй план предусматривал нанесение главного удара южнее Дуная. В этом случае операционная база и коммуникации будут в большей безопасности; возникнет также больше возможностей преградить любой бросок французов к Швейцарии или Тиролю, и при этом обе главные австрийские армии окажутся на более близком расстоянии для поддержки друг друга. Однако и у второго плана были не-

достатки — предварительная передислокация шести корпусов с северного берега Дуная на южный потребует две драгоценные недели; второй недостаток — предлагаемый район боевых действий пересечен многими поперечными водными путями, которые дадут французам хорошие оборонительные позиции. Карл упорно убеждал совет в преимуществах первого плана, говоря, что неуклонное наступление на Вюрцбург или Ратисбон может привести к крупным событиям и возможному уходу от Наполеона нескольких его германских союзников. Однако Высший совет решил осуществить более безопасный план. Именно тогда неожиданно пришла весть о прибытии Удино и Массены в Ульм. И Карлу пришлось принять менее эффективное решение. Новый маневр начался только 20 марта. Было потеряно бесценное время — целый месяц. В той форме, в которой осуществился этот план в действительности, главный удар превратился в наступление вдоль обоих берегов Дуная. Чешские корпуса (I, под командованием Бельгарда, 38 000 человек, и II, под командованием Коловрата, 20 000 человек) должны были наступать на Ратисбон с Богемских гор через Хам; в то же время австрийский центр и резерв (включали 66 000 человек III корпуса Гогенцоллерна, IV Розенбурга и I резервного корпуса Лихтенштейна) должны были нанести удар в этом же направлении, но через Шардинг, тогда как левое крыло (V корпус эрцгерцога Луи, VI Хиллера и II резервный корпус Кинмайера, всего 61 000 человек) должно наступать в направлении Ландсхута для охраны фланга. То есть на северном берегу Дуная должно было действовать два корпуса, а на южном — шесть. Несмотря на эти задержки, из-за того, что Бертье неверно воспринял приказы императора, эти 200 000 австрийцев оказались в более сильном положении. Как описывал это Додж: «Французы двумя большими массами находились в области Ульма — Аугсбурга и Нюрнберга — Бамберга, а Карл, захватив Ратисбон, мог там переправиться через Дунай и своими и чешскими корпусами рассечь французские силы... Если французы тем временем сосредоточатся на реке Лех, то тамошняя местность, учитывая превосходство австрийцев, была бы неплоха для операций»(7).

Глава 63

КРИЗИС НА ДУНАЕ

Вопреки ожиданиям Наполеона, австрийцы начали войну 9 апреля — почти за неделю до предполагаемого срока. Не было никакого официального объявления войны, никаких требований отзыва французского посла, и, следовательно, наступление австрийцев можно было считать внезапным. Эрцгерцог Карл просто направил короткие ноты французскому посланнику в Мюнхене Отто и командующему баварскими дивизиями маршалу Лефевру: «В соответствии с декларацией его величества императора Австрии императору Наполеону I, сим извещаю главнокомандующего французской армии, что имею приказ наступать всеми моими войсками и рассматривать как врагов всех противодействующих мне»(8).

Это было единственным официальным сообщением о приближающемся наступлении. Рано утром 10 апреля масса австрийских войск переправлялась через реку Инн в Браунау, следуя в Баварию. Единственными французскими войсками, противостоявшими им, были три баварские дивизии Лефевра около Ландсхута (на расстоянии 18 миль). Когда австрийцы придут в Ландсхут, только 12 лиг будут отделять главные силы австрийцев от Дуная у Нойштадта. Таким образом, при весьма среднем темпе продвижения австрийцы могли бы достичь реки уже за неделю. Но к счастью для французов, реформы в австрийской армии не коснулись скорости ее марша и Карлу потребовалось целых шесть дней, чтобы только подойти к реке Изар и передовым позициям Лефевра. Поэтому с самого начала австрийцы утра-

тили почти все преимущество внезапности нападения и ценную возможность разрезать французские соединения надвое.

При таком положении французской армии был дорог каждый час, чтобы предотвратить катастрофу. Бертье в своей страсбургской ставке узнал об австрийском наступлении только 11 апреля из доставленной курьером записки Отто из Мюнхена. Первой реакцией князя Невшательского было перенести ставку вперед к Донаувёрту, откуда, как он надеялся, ему станет легче разобратся в обстановке. Бертье прибыл туда в 7 часов утра 13 апреля и, анализируя имеющиеся данные, пришел к выводу, что сосредоточить войска в Ратисбоне еще возможно, — тем самым можно было игнорировать тот пункт в указаниях Наполеона, где приказывалось провести общее сосредоточение сил на реке Лех, если враг выступит раньше 15-го. И Бертье решил приказать Даву (он согласно плану уже отступал к Ингольштадту, готовясь к отходу на Лех) снова выдвинуть свои войска к Ратисбону; такие же приказы были направлены Лефевру и Удино. Только корпус Массены должен был оставаться в Аугсбурге после его выхода из Ульма.

Обстановка не становилась яснее, так как из Парижа в ставку поступали противоречивые приказы. Наполеон непрерывно посылал дополнения к своим распоряжениям. Первого апреля император сообщил по телеграфу, что, если корпус Удино еще не готов к выступлению, он и не должен двигаться к Ратисбону; вместо него туда должен был направиться правый фланг Даву, подкрепленный большими отрядами из кавалерийского резерва, вместе с дивизией Сент-Илера. Усталый Бертье смог выполнить это распоряжение. Но вскоре под давлением событий прекратилась передача сообщений в Париж и обратно. Очень важное донесение Даву в Париж от 3 апреля — сообщающее о начале движения на юг основной массы австрийской армии в Чехии — затерялось, не достигнув назначения. Точно так же важное распоряжение Наполеона, посланное Бертье из Парижа 10 апреля по оптическому телеграфу, достигло армии только 16-го из-за туманов и медленной передачи из Страсбурга; хотя следующее сообщение, написанное всего через час после первого и посланное с курьером, пришло к Бертье к вечеру 13 апреля, на два с половиной дня опередив первое сообщение, объяснить которое оно предназначалось. Если бы телеграфное сообщение пришло первым, как и ожидалось, Бертье не сделал бы той серьезной ошибки, которую он уже начал совершать. Задержавшийся приказ Наполеона гласил: «Я полагаю, что австрийский император скоро начнет наступление. Передислоцируйтесь к Аугсбургу, с тем чтобы действовать согласно моим указаниям, и, если неприятель атакует раньше 15 апреля, вы должны сосредоточить все войска у Аугсбурга и Донаувёрта. Пусть все будет готово к выступлению...»(9) Однако сообщение, полученное через конного нарочного и опередившее первое, содержало одну неясную фразу, которую Бертье истолковал неправильно: «Герцог Ауэрштедтский разместит свою ставку в Ратисбоне; его войска будут на расстоянии однодневного перехода от города, и это *дислоцирование будет иметь место, что бы ни случилось*»(10) (курсив автора). Из содержания первого письма очевидно, что в нем Наполеон только рассматривает возможные события (то есть если противник начнет атаку в любое время после 15 апреля, как представлялось наиболее вероятным в момент написания этого послания). Бертье же понял смысл письма неверно, считая, что приказ применим к любой дате, даже до 15-го, — и начал действовать исходя из этого предположения. Если бы он получил своевременно первое телеграфное послание, он никогда не совершил бы этой ошибки.

Таким образом, 14 апреля Бертье повторил свой приказ сбитому с толку Даву, требуя, чтобы он вернулся к Ратисбону, а баварским дивизиям было приказано продолжать оставаться на берегах Изара, хотя австрийцы с каждым часом подходили все ближе. Поэтому дело шло к тому, что, вместо отхода к району сосредоточения французских войск в районе Донаувёрт — Аугсбург, Великую армию могли бы вскоре захватить врасплох в ее безнадежно рассеянном состоянии, ибо оба ее

фланга разошлись на расстояние 75 миль, их соединял лишь слабый баварский кордон. Бертье, этот верховный «главный клерк», к этому времени уже понял, что положение целиком вышло у него из-под контроля, хотя он все еще был убежден, будто точно выполняет «смысл» приказов императора, если не их «букву». В полночь 16-го в своем истерическом письме он попытался перевалить вину за развивающийся хаос на Наполеона: «При таком положении дел я очень прошу Ваше величество прибыть, чтобы избежать [пересылки] приказов и отменяющих документов, необходимо вытекающих из обстоятельств, а также указаний и разъяснений Вашего величества»(11). Тем временем его раздраженные командиры корпусов и еще менее добродушно настроенные рядовые совершали марши и контрмарши, не понимая, что же, собственно, от них требуется. Даву знал, что нужно делать, но из соображений лояльности решил повиноваться приказам Бертье. В течение двух дней царила полная неразбериха, а Бертье с утомленным видом ездил верхом взад и вперед, «чтобы быть везде, где грозит опасность».

К счастью, помощь была уже близко. Выехав из Парижа в 4 часа утра 13 апреля, Наполеон с бешеной скоростью мчался в карете к границе, останавливаясь только для смены лошадей; 15-го он пересек Рейн, и еще до рассвета 17 апреля император достиг Донаувёрта. Накануне произошли первые боевые действия этой кампании — сражение австрийского авангарда с баварцами около Ландсхута; баварцы понесли не много потерь, но их оттеснили с их позиций, а австрийцы получили к вечеру удобную переправу через Изар. Теперь австрийцы уже могли дотянуться до бесценной «центральной позиции».

Бертье выехал из ставки — он был на дороге к Аугсбургу в одном из своих непрерывных путешествий, надеясь встретить Наполеона по дороге, а кроме него не было никого, кто бы мог полностью обрисовать картину императору. Не поступало надежных сведений о местонахождении Даву, хотя генерал Вандамм (командующий местными силами) доложил о своих тревогах и тревожных предположениях — а именно, что противник уже овладел Ратисбоном. Однако к 10 часам утра император с достоверностью узнал, что Даву все еще удерживает Ратисбон и что дивизия Лефевра отступает под натиском головных частей, по-видимому, отдельного корпуса неприятеля, в этот момент проходившего через Ландсхут. Судя по положению на карте, Великой армии грозила реальная опасность. Многое зависело теперь от выяснения местонахождения остальных частей вражеских сил. Самым важным было как можно скорее снова сосредоточить французскую армию. Так как Даву находился еще очень далеко от Леха, было целесообразнее приказать сосредоточивать армию у Ингольштадта и Гейзенфельда, почти на полпути к Ратисбону, вместо Донаувёрта. Даву следовало немедленно отойти через Нойштадт; это было неизбежно, и баварцы Лефевра должны были обеспечить хоть какое-то прикрытие этого маневра, задержав австрийские войска. «Вы знаете, как важно для вас держать в кулаке свой корпус, чтобы оказать помощь герцогу Ауэрштедтскому и дать ему время отойти к Нойштадту и Гейзенфельду»(12), — писал Наполеон командиру VII корпуса в 11 часов утра. Вскоре после этого появился запыхавшийся Бертье и, не теряя времени, с облегчением передал командование Наполеону, подтвердив его общие впечатления о сложившемся положении. Он подчеркнул, что значительные силы неприятеля, вероятно по численности равные корпусу, явно направляются к Ратисбону через Изар.

Тем временем эрцгерцог Карл поздравлял себя с успешным началом кампании. Для развития успеха 17 апреля он разработал план, согласно которому Хиллер должен был направиться со своими войсками на запад для охраны левого австрийского фланга, а сам Карл должен был вести свои остальные пять корпусов к Дунаю, чтобы переправиться у Кельхайма. Его целью все еще было изолировать и уничтожить Даву, так как он был уверен, что III корпусу придется отступать к реке из-за одновременного наступления чешских корпусов. Однако на следующий день он пе-

редумал. Пришло известие, что Даву уже начал передислоцировать свои войска на южный берег. Таким образом, австрийцам не было никакого смысла продолжать свою переправу у Кельхайма; тем более что тогда Даву вполне мог бы ускользнуть, направляясь поперек их линий коммуникаций, на запад. Если бы это произошло, то отдельные войска под командованием Хиллера были бы безусловно разбиты. Поэтому Карл решил атаковать Даву одновременно с двух сторон. В то время как Коловрат будет наступать с севера, Карл осуществит свое наступление против французов с юга. Если все будет благополучно, то Даву и Лефевр будут уничтожены сходящимися клещами.

Наполеон теперь знал, что значительные силы неприятеля уже перешли Изар и направляются к Дунаю, и он с обычной быстротой реакции составил новый план. Сразу же после часа дня 17 апреля до Донаувёрта помчались курьеры, развозя новые приказы разным частям Великой армии. Император требовал, чтобы вся армия из 170 000 человек за 48 часов сомкнулась за Ильмом в батальонные каре. Вандамму следовало передислоцировать 13 000 своих юртембержцев к Ингольштадту, где к ним присоединились бы дополнительные германские контингенты и тяжелая кавалерия. К 19 апреля Массена и Удино, имевшие 57 000 человек, должны будут достичь Пфаффенхоффена, выступив из Аугсбурга, чтобы образовать правый фланг армии, готовый к продвижению на Фрайзинг и Ландсхут, и оттуда угрожать австрийскому флангу и тылу. Баварцы же Лефевра тем временем будут продолжать соединять оба крыла армии, имея специальную задачу прикрытия планируемого отхода III корпуса из Ратисбона. Наконец, Даву получил приказ оставить на левом берегу Дуная только дивизию Фриана, которая будет отходить на запад по долине реки Альтмюль, отвлекая на себя чешские корпуса австрийцев. Остальные части III корпуса Даву должны перейти на южный берег Дуная у Ратисбона и отойти назад к Гейзенфельду через Абенсберг, с помощью Лефевра отбрасывая любые попадающиеся на пути австрийские соединения. Наполеон надеялся, что эти меры компенсируют урон, нанесенный неумелыми действиями Бертье, и обеспечат сосредоточение армии в таком положении, откуда она сможет перехватить инициативу у противника. Он понимал, что ценой этого «сосредоточения к тылу» будет сдача Ратисбона.

Однако в двух отношениях приказы Наполеона были нереальны. Во-первых, он недооценил численность австрийцев, наступавших на север от Ландсхута, считая, что у Карла за Изаром имеется только один корпус, тогда как он развертывал не менее пяти, не считая Хиллера. Во-вторых, ни Массена, ни Удино никак не смогли бы достичь Пфаффенхоффена в назначенное время — оба были слишком далеко. Таким образом, Наполеон невольно поставил свой левый фланг (Даву) в еще более рискованное положение и потребовал немислимых усилий от своего правого фланга.

Только вечером 18 апреля, когда генерал Савари вернулся из рекогносцировки, Наполеон понял, что Даву может быть перехвачен армией, состоявшей из почти 80 000 австрийцев. Единственным спасением из этого опасного положения была бы организация такой угрозы левому флангу Карла, чтобы ему пришлось отправить большую часть своих солдат на запад вместо севера. Поэтому Массена получил приказ немедленно переправиться через реку Ильм для этого тактического отвлечения, чтобы угрожать австрийским коммуникациям с Ландсхутом. «Действие! Действие! Быстрота! Я приветствую вас»(13), — нацарапал Наполеон в виде постскриптума в приказе к Массене. Этот маневр должен был бы оттянуть побольше австрийцев на запад, чтобы противостоять этой опасности, или, что менее вероятно, заставить Карла дать приказ немедленно отходить. В первом случае Даву соединился бы с Лефевром и Вандаммом и силами соединенных корпусов прорвался бы через ослабленный в случае удачи Массены австрийский центр около Абенсберга. По достижении этого стратегического прорыва все войска со-
ласуют свои действия для поочередного уничтожения левого и правого флангов

австрийцев. Некоторые теоретики, в том числе немец фон Шлиффен, критиковали этот план, считая, что Наполеон добился бы большего успеха, если бы дал приказ на более широкое концентрическое наступление против австрийской армии, оставив Лефевра держать центр из последних сил, в то время как Даву и Массена нанесли бы удары в тыл противнику из Ратисбона и Аугсбурга. Но едва ли такая возможность могла бы понравиться императору, который всегда выказывал пренебрежение к планам, требующим сосредоточения войск на самом поле боя; почти всегда его золотым правилом было сосредоточение сил до сражения.

До конца своей жизни Наполеон гордился последовавшими затем пятидневными сражениями. Хотя некоторые ошибки в оценках и лишили его полной победы, он, безусловно, добился господствующего положения и жестоко потрепал разные части австрийской армии. Бои начались рано утром 19 апреля. Даву, который не получил последних распоряжений Наполеона относительно отделения Фриана для охраны северного берега, перевел весь свой корпус через Дунай, оставив только символический гарнизон из 2000 человек в Ратисбоне против 2300 австрийцев Коловрата. Остальная часть французов четырьмя колоннами уже направлялась к Нойштадту, когда их фланкирующая кавалерия в районе Кельхайма — Аббаха вошла в соприкосновение с головными частями шедших на север колонн Карла. Теперь Карл считал, что победа уже почти за ним и что подошел долгожданный момент уничтожить Даву. К счастью для французов, австрийская атака готовилась слишком медленно и в результате две из их трех колонн нанесли удар в пустоту, и только самый западный корпус соприкоснулся с арьергардом Даву — дивизиями Фриона и Сент-Илера — около Тенгена. Эти опытные командиры без особого труда разбили плохо подчинявшихся медлительных австрийцев, нанеся им тяжелые потери. Тем временем их командиры Моран и Гюден быстрым маршем вели свои дивизии на запад через опасное Зальское дефиле, чтобы соединиться с баварцами, которые тоже вели жестокий бой. Встреча произошла в окрестностях Абенсберга, куда за прошедшие сутки отошел Лефевр под давлением корпуса Хиллера. Конечно, Наполеон до следующего утра не знал исхода этих боев. Но с часа дня ему уже стало ясно, что тяжелые бои происходят в секторе фронта, где сражался Даву. Массена снова получил приказ продвинуться к Фрайзингу и Ландсхуту «для нанесения удара в тыл неприятелю, пока он беспорядочно разобщен»(14). Наполеон все еще надеялся, что этой угрозы будет достаточно, чтобы заставить отойти эрцгерцога Карла, облегчив этим давление на войска Даву. Тем не менее, не зная обстановки у Тенгена, император решил, что III корпусу вполне могут потребоваться прямые подкрепления, и поэтому приказал Вандамму выдвинуться вперед из Ингольштадта через Дунай у Фобурга и в постскриптуме обращенного к Массене письма добавил, что одна из дивизий Удино должна быть выделена из его движущихся к Фрайзингу колонн и направлена к Нойштадту через Ау. К сумеркам 19 апреля головное соединение Массены достигло Пфаффенхоффена в результате сильно ускоренного марша, однако с северо-востока все еще не было никаких вестей — зловещая тишина настораживала. Из-за этого Наполеон провел тревожную ночь, ожидая новостей в Фобурге. Он прекрасно понимал, что положение может быть критическим.

В мучительной неизвестности росли тревога и опасения. Вскоре после полуночи Наполеон направил Массене новый приказ, включив весь корпус Удино в части, направлявшиеся на поддержку Даву. Он надеялся, что этого французам будет достаточно, чтобы укрепить их левый фланг и центр против любой неожиданности. Вскоре, в четвертом часу утра, Лефевру была направлена записка с раздраженным требованием сообщить точные последние сведения о положении перед его фронтом. Чуть позднее Наполеон наконец смог успокоиться, получив долгожданные депеши и из III и из VII корпусов. Содержание их было гораздо утешительнее, чем он ожидал. И Даву и Лефевр с оптимизмом сообщали, что в их секторах войска Карла полностью отходят. Оба несколько чрезмерно высоко отзывались о

собственных успехах в боях прошедшего дня, которые в действительности оказались лишь немного выше второстепенных. Но все-таки Наполеон испытал большое облегчение, узнав, что два его корпуса, бывшие под ударом, теперь соединились и способны оказывать совместное сопротивление.

К 6.30 утра император считал, что общая обстановка начинает складываться в его пользу. По-видимому, неприятель везде уступал инициативу, и три дивизии — Сент-Илера, Фриана и баварцы Деруа — совместно разбили основную часть австрийской армии. Такая оценка вполне устраивала Наполеона, и он поверил донесениям своих генералов об их успехах. Не имея дальнейших причин беспокоиться о своем левом фланге, он стал обдумывать, как успешнее перерезать отступление Карла за Изаром. Пришел момент перехода к наступлению. Приказ за приказом исходили из ставки, направляя все имеющиеся соединения в стремительное наступление на Ландсхут. «Направляйтесь к Мосбургу со всей скоростью, — гласил приказ для Массены, — но если возможно, достигните Ландсхута»(15).

Одновременно Наполеон внес значительные изменения в организацию армии для облегчения стратегического прорыва в северном секторе — этот прорыв должен был завершить уничтожение противника. На крайнем левом фланге у маршала Даву оставались только дивизии Сент-Илера и Фриана — героев Тенгена, — им было приказано выполнять лишь пассивную роль. Маршалу Ланну, только что накануне прибывшему из Испании, были приданы дивизии Морана и Гюдена, сформированные вместе с кирасирами Нансути и Сен-Сюльписа в сводный корпус. Это объединение должно было образовать оперативный левый фланг во время прорыва. В центре Лефевру поручено командование 10 000 вюртембержцев Вандамма в дополнение к его собственным трем баварским дивизиями, а оперативный правый фланг северной ударной силы был доверен двум дивизиям под командой Удино. Это соединение, в сущности, стало «гибридным»; после получения предыдущего приказа Наполеона, направлявшего весь II корпус на северное сражение, Массена разумно поставил дивизию Буда из собственного корпуса на место второго соединения Удино, которое находилось на передовой линии наступления на восток. Тем временем на крайнем правом фланге Массена совершал стремительный марш на Ландсхут со своими остальными двумя дивизиями и корпусной кавалерией.

План был простым. Пока Даву сдерживал те небольшие силы, что остались от австрийского правого крыла, Ланн, Лефевр и Вандамм должны были проложить себе дорогу вдоль десятимильной линии фронта между Хаузенем и Гигенбургом. По плану их операционное направление пройдет через Роттенбург, и, как только завершится прорыв австрийского центра, часть сил прорыва направится к Ландсхуту для соединения с Массеной, и тем самым будет изолировано левое крыло Карла, тогда остальные войска повернут на север к Аббаху для уничтожения его правого крыла. Наполеон исходил из того, что гарнизон Ратисбона — 2000 человек из 65-го полка под командованием полковника Кутара — уже уничтожил мост через Дунай, лишив австрийцев легкого пути отхода на северный берег Дуная. В случае удачи Наполеону оставалось бы только блокировать более восточно расположенный переход через Дунай у Штрубинга.

В начале 20 апреля казалось, что все шло согласно плану. Атака французским центром развивалась удачно. Начав ее в 9.00 утра, корпуса уже через два часа с небольшим прорвали непрочную преграду, образованную VI корпусом эрцгерцога Луи около Абенсберга. В то же время немного дальше к югу Удино нанес сильное поражение войскам Хиллера. Поэтому к полудню стратегическое вклинение Наполеона стало свершившимся фактом и представлялось, что уже ничто не может спасти австрийскую армию от уничтожения по частям. К 5 часам утра 21 апреля Наполеон был уже уверен в победе. Он даже написал Даву, что тот достиг «второй Йены»(16). Далее он подробно описывал свой план двойного обхода австрийских флангов, очевидно, считая, что теперь остается только «подчистить остатки» и орга-

низовать генеральное преследование. Даву должен был вернуться в Ратисбон через Лангквайд с двумя своими дивизиями. В совокупности этих сил будет достаточно для того, чтобы атаковать и оттеснить I и II корпуса австрийских сил из Чехии, а также одновременно уничтожить остатки III австрийского корпуса на южном берегу Дуная. Тем временем Ланн и Лефевр направятся к Ландсхуту; в авангарде будут германские дивизии и кирасиры Нансути, за которыми последуют Моран и Гюден, а остальные дивизии VII корпуса составят арьергард. Наполеон считал, что Массена в этот момент будет действовать как сковывающая сила у Ландсхута. Против Даву могут остаться не более трех полков противника.

На карте, во всяком случае, эти диспозиции выглядели убедительно. Но на практике в них было много неоправданных предположений и просчетов, и это заставило многих военных историков утверждать, что умение Наполеона оценивать обстановку не имело уже прежнего блеска. Во-первых, Наполеон считал, на основе недостаточных данных, что Даву и Лефевр вдвоем действительно разбили правое крыло Карла 19 апреля, тогда как на самом деле они только столкнулись с его головными частями; во-вторых, император считал, что сражение при Абенсберге 20 апреля позволило покончить еще с двумя австрийскими корпусами; в-третьих, он считал, что австрийцы не смогут переправиться через Дунай у Ратисбона; и в-четвертых, Массена уже овладел Ландсхутом и переправами через Изар. Все эти предположения были полностью или отчасти необоснованы. Австрийская армия не была разбита — она имела еще две трети своих войск, которые находились под более или менее умелым командованием. Только два австрийских корпуса — Луи и Хиллера — к этому моменту достаточно пострадали от французов. Поэтому на самом деле перед Даву находилось почти три австрийских корпуса. Таковы были эти «три полка» императора! Кроме того, и город и мост в Ратисбоне оставались благополучно в руках австрийцев. Полковника Кутара атаковали Коловрат с севера и Лихтенштейн с юга. Поставленный перед невыполнимой задачей защиты протяженного и плохо оборудованного периметра, Кутар сдался в 5 часов дня накануне. Но хуже всего было то, что он не смог уничтожить этот столь важный мост. Каменное массивное сооружение покоилось на многочисленных опорах, снабженных мощными ледорезами с обеих сторон, препятствующими эффективному разрушению. Даву несколько раз напоминал об этом императору в течение предшествовавшей недели, но на этот раз великий полководец не воспринял столь важной детали. И наконец, преграждающей силы, столь необходимой для перехвата австрийского левого крыла на Изаре, на самом деле еще не было на месте. Массена испытал значительные трудности при переправе через реку Ампер, и это нарушило его расписание; поэтому главная часть его сил еще не вышла за Фрайзинг, хотя легкая кавалерия и пехотная дивизия Клапареда уже дошли до Мосбурга. Эти войска имели приказ наступать на Ландсхут по правому берегу Изара, если против них не будет крупных сил противника. К сожалению, сам Массена не был со своим авангардом, и этот маневр не был выполнен как должно. В результате Хиллару удалось благополучно переправиться через Изар с остатками трех корпусов, оставив сильный гарнизон для охраны ландсхутских мостов. Таким образом, левое крыло противника уже осуществляло свой безопасный отход.

Днем Наполеон и его штаб быстро ехали на юг, чтобы соединиться с IV корпусом и руководить разгромом Хиллера, не зная, что эта возможность уже потеряна. Император был очень раздражен, узнав, что и город, и мосты Ландсхута все еще в руках австрийцев. Он решил немедленно исправить это положение. В то время как совершенно вымотанные солдаты Массены наступали по правому берегу реки, перейдя Изар у Мосбурга и двигаясь к Ландсхуту, Наполеон выслал вперед специальную колонну гренадер под командованием одного из своих личных адъютантов, грубоватого генерала Мутона, чтобы внезапным ударом захватить подожженный мост. Хотя мостовые сваи уже занялись, Мутон храбро провел своих солдат по мо-

сту, захватил островок посреди реки и затем штурмом овладел вторым пролетом моста, ворвавшись в Ландсхут, не обращая внимания на то, что неприятель еще был в городе. Это было таким же смелым подвигом, как и переход моста у Лоди в 1796 году. Но как и в том случае, это оказалось ненужным. Было слишком поздно перехватить Хиллера, и недовольный Наполеон не придумал ничего лучшего, чем поставить Бесьера во главе сборных пехотных и кавалерийских частей для преследования арьергарда противника по собственному разумению.

Хотя события этого дня привели к потере австрийцами 10 000 человек, 30 пушек, 600 зарядных ящиков и 7000 транспортных единиц, австрийская армия была еще далека от уничтожения. Утром казалось, что победа уже обеспечена, и это невероятно подняло настроение императора. Проходя мимо 13-го полка легкой пехоты (часть войск Удино), Наполеон спросил полковника, кто из его солдат самый храбрый. После некоторого колебания тот ответил: «Сир, это наш тамбурмажор». По просьбе Наполеона смущенного барабанщика извлекли из строя, чтобы император мог посмотреть на него. «Говорят, вы самый храбрый солдат этого полка, — сказал Наполеон. — Я назначаю вас кавалером ордена Почетного легиона, бароном империи и награждаю пенсией в 4000 франков»(17). Это поразило всех присутствовавших солдат. «Вот это императорская щедрость!» — раздавалось в их рядах. То был первый случай получения простым солдатом ордена, который давался знати. Как проницательно рассчитал Le Tondou, такая награда произвела потрясающее впечатление на ошеломленных, тоскующих по дому молодых солдат во всей армии; это был прекрасный пример искусства управлять людьми и, вместе с тем, справедливое признание личных заслуг.

Вечером Наполеон был настроен уже далеко не так благосклонно, когда он понял масштаб своих просчетов. Допрос пленных показал, что в боях накануне участвовали только австрийские корпуса Хиллера и Луи. Следовательно, приказ на преследование был явно преждевременным. Затем Наполеон понял, что эрцгерцог Карл еще имеет возможность ускользнуть от французов через Штраубинг — его запасную линию коммуникаций. (Император еще не знал о падении Ратисбона вместе с его неразрушенным мостом.) Как и 12 октября 1806 года, Наполеон стоял перед необходимостью полностью изменить направление своего движения на фланговое. Вместо наступления вдоль по Изару с генеральным направлением на Вену, французский правый фланг был вынужден теперь отклониться к северу, на Штраубинг, чтобы перерезать направление отхода, прежде чем австрийцы смогут воспользоваться им. Даву и Лефевр должны будут оказывать прямое давление на противника, а Ланн — быстро двигаться к Рокингу в роли обходящей силы. При этом все, разумеется, зависело от возможности не допустить австрийцев к Ратисбону и его мосту, который был еще одним путем отхода для Карла. Император не разгибаясь работал над картами, давая все новые и новые приказы.

И тут последовал удар. В письме от Даву, полученном к вечеру 20-го, сообщалось о потере и Ратисбона, и его уцелевшего моста. Это означало не только, что Карл при желании теперь мог уйти в Чехию, но и что он будет иметь возможность получить действенную и немедленную поддержку от корпусов Бельгерда и Коловрата, ранее изолированных на северном берегу Дуная. Несмотря на это новое разочарование, Наполеон решил не отказываться от своего теперешнего плана. Он сомневался, что Карл будет отступать в Чехию через Ратисбон, так как в этом случае путь на Вену останется незащищенным. Он предположил, что Карл или направится восточнее, к Штраубингу, или сделает попытку снова открыть свои коммуникации за Изаром через Ландау. Сообщение о начале любого из этих маневров было бы крайне важно. В соответствии с этим генералу Сен-Сюльпису — командиру 2-й дивизии кирасир, размещающихся в Эссенбахе, — было приказано «следить, не спуская глаз, за дорогой в Штраубинг и дорогой в Ландау» и в любом случае прислать «к завтрашнему зечеру донесения от всех патрулей, сторожевого охранения и лазутчиков»(18).

Хотя у Наполеона часто бывали веские основания винить своих подчиненных в том, что они не присылают ему точных сообщений об обстановке, он не мог пожаловаться на это в отношении маршала Даву весь день 21 апреля. Поздно вечером прибыло новое сообщение (написано в 11 часов утра), в котором сообщалось, что значительные силы противника присутствуют около Генгена и Хаузена: «Сир, передо мной находится целая армия противника. Идет ожесточенный бой»(19). Послание от Лефевра дало независимое подтверждение этой оценки. Позднее пришло еще одно донесение из III корпуса, посланное в 5 часов вечера, в котором Даву сообщал, что австрийцы собираются атаковать его левый фланг всеми своими силами. Донесение оканчивалось мрачной фразой: «Я буду удерживать свои позиции — надеюсь». Теперь Наполеон видел, что Даву и Лефевр в опасном положении; перед их фронтом находилось куда больше пресловутых трех полков! Все же он решил укрепить этот сектор только двумя дивизиями Удино и баварской дивизией принца-регента из Роттенбурга. Таким образом, около 36 000 французских солдат должны были сражаться с вдвое большим количеством (не менее чем с 75 000) австрийцев. Однако он был уверен в том, что, как только эрцгерцог Карл узнает об обходном маневре Ланна, он немедленно начнет отход к Штраубингу или Изару. Император решил тем временем ждать в окрестностях Ландсхута новостей об отходе Карла и его направлении.

Рано утром 22 апреля личный посланец Даву прибыл в императорскую ставку. Генерал Пире привез новую депешу с дунайского сектора, посланную в 7 часов вечера накануне. Даву сообщал, что он более или менее удерживает свои позиции, но ему грозит нехватка боеприпасов и что на его фронте все еще нет никаких признаков отхода австрийцев. Император продикутовал важный ответ на его письмо, раскрывая свои соображения. Когда он начал это письмо (в 2.30 ночи), он все еще был полон решимости придерживаться своего плана от 21 апреля; он чувствовал, что Карл задерживает свой главный отход только для того, чтобы дать время развернуться своим обозам. В качестве меры предосторожности, чтобы вынудить австрийцев уйти из окрестностей Экмюля и в то же время обеспечить помощь Даву в экстренном случае, Наполеон приказал Вандамму передислоцировать 25 000 солдат на промежуточные позиции у Эргбаха, войти в контакт с правым флангом Даву и провести демонстрацию в направлении на Штраубинг. Наполеон не хотел вводить в бой на этой стадии остаток армии, так как понимал, что, если он двинется значительными силами к Экмюлю (на пути к Ратисбону) или Штраубингу, он неизбежно оставит неприятелю полную возможность использовать второй путь отхода, так как для блокирования обоих путей не хватало французских войск. Поэтому он стремился к тому, чтобы Карл первым открыл свою карту.

Тем не менее Наполеон решил направить свои оставшиеся соединения на Пассау, чтобы осуществить угрозу дороге на Вену. Тем временем Даву получил разрешение действовать по собственному усмотрению — отступить или вызвать помощь от Вандаммы в направлении к Экмюлю, если противник будет удерживать свои теперешние позиции. Этот приказ уже вручали нарочному, когда император получил новые известия и от Даву, и от генерала Сен-Сюльписа, изменившие общую картину. Первый повторил, что нет никаких признаков ожидавшегося отхода австрийцев, а второй сообщил, что на дорогах к Штраубингу и Ландау неприятеля нет. Так как обходные маневры и Ланна и Вандамма не смогли таким образом испугать эрцгерцога, император теперь принял решение направиться всеми силами к Экмюлю. В приписке в письме к Даву, сделанной в 4 часа утра, Наполеон писал: «Я решил двигаться, и я буду около Экмюля к полудню, готовый атаковать неприятеля всеми силами к 3 часам. Со мной будет 40 000 человек. Пришлите мне адъютантов с баварским эскортом, чтобы знать, что вы сделали за утро...» Он сообщает о системе сигналов. «До полудня я буду в Эргольдсбахе. Если я услышу канонаду, я буду знать, что должен идти в наступление. Если я ничего не услышу и вы буде-

те готовы к атаке, дайте залп из десяти пушек один раз в полдень, один раз в час дня и еще раз — в два часа. Мой адъютант Лебрен будет направлен к вам до 4.15; я решил уничтожить армию принца Карла сегодня или, самое позднее, завтра»(20). Таким образом, вся французская армия, за исключением 20 000 солдат Бесьера, все еще занятых преследованием Хиллера, должна была обрушиться на силы австрийцев у Экмюля.

Утро 22 апреля началось обманчивой тишиной. В течение нескольких часов после рассвета ни Даву, ни Лефевр не замечали активности неприятеля на своих фронтах. Затем карьером прискакал посыльный от генерала Пажоля, находившегося на крайнем левом фланге позиций III корпуса, и доложил, что совершаются большие перемещения неприятеля между главной дорогой, проходящей близ Дуная, и деревней Аббах, находящейся в одной миле от берега реки. Предполагалось, что австрийцы готовились к атаке на левом фланге продвинувшейся вперед дивизии III корпуса, и Даву, не теряя времени, вызвал на помощь кавалерию Монбрена для поддержки Фриана и его соседа Пажоля. В действительности же эрцгерцог Карл решил оставить 40 000 солдат Розенбурга и Гогенцоллерна для атаки войск Даву и Лефевра, тем самым защищая свои линии коммуникаций с Ратисбоном, а остальные два корпуса — Коловрата и Лихтенштейна — направить в Аббах, чтобы полностью завладеть речным берегом и отрезать Наполеона от Дуная и его предполагаемых линий коммуникаций.

Очевидно, австрийские планы едва не рухнули в 1.30 дня, когда пушечная пальба с юга возвестила о прибытии Наполеона с основными силами. Даву, не теряя ни мгновения, сразу же приказал атаковать противника по всему фронту, несмотря на меньшее количество войск, и этим сковал противника. Французы сражались героически: 10-й полк легкой пехоты штурмом взял деревню Лойхланг, вскоре завладел всем лесом Унтер-Лойхлинг, хотя и нес огромные потери от упорно сопротивлявшегося противника. Тем временем баварские дивизии Деруа и принца-наследника (VII) атаковали правый фланг экмюльских позиций, а генерал Демон приблизился вдоль долины реки Гросс-Лабер, чтобы прикрыть переправу войск Ланна, составлявших авангард Наполеона. Вскоре вюртембержцы генерала Вандамма уже почти захватили Бунхаузен, и две дивизии корпуса Ланна теперь могли обрушиться на IV корпус австрийцев, удерживавший восточные подступы к Экмюлю, а войска Гюдена захватили стратегически важные высоты Рокинга. Наконец, любимый тактический маневр Наполеона — фронтальная атака и обходное движение колонны — здесь исключительно слаженно действовал.

Австрийский главнокомандующий, видя, что рассыпается его южный фланг, сразу приказал немедленный отход к Ратисбону. Он шел всю ночь под покровом темноты и под прикрытием кавалерии. Наполеон за это время достиг Эглофсхайма вместе с Ланном и Массеной и устроил там военный совет со старшими генералами для обсуждения будущих действий. Все генералы были настроены против немедленного общего преследования близкого к поражению Карла. Все они были так же измотаны, как и солдаты, и Наполеон решил последовать их совету. Войска Морана и Гюдена просто валились на землю, засыпая там, где стояли; не в лучшем состоянии были и вюртембержцы. Взвесив все аргументы за и против немедленного развития успеха, Наполеон решил, что опасность, сопряженная с большими ночными боями, с их неизбежным хаосом, сумятицей и кризисами, — уже не для солдат в их теперешнем состоянии. Поэтому только кавалерии было дано приказание преследовать врага. Генералы Нансути и Сен-Сюльпис выдвинули 40 эскадронов своих кирасир и еще 34 эскадрона германской конницы в авангард дивизии Гюдена, откуда они начали нападать на кавалерию неприятеля, и в течение всей ночи произошло много ожесточенных стычек при свете луны. Тем временем дивизии измотанной пехоты встали биваками прямо на поле боя. Именно поэтому тогда австрийцы избежали полного разгрома.

Ранним утром 23 апреля головные австрийские части начали переход по мостам Ратисбона в Чехию. Как только совсем рассвело, Наполеон направил отдохнувших солдат на преследование. За исключением Массены, посланного для захвата Штраубинга, всей армии было приказано следовать ускоренным маршем к Ратисбону, так как Наполеон стремился догнать эрцгерцога Карла и попытаться завершить дело, начатое в Экмюле. Однако события этого дня оказались крайне разочаровывающими. Как ни стары были укрепления Ратисбона, их стойко защищал аррьергард Карла (6000 человек). Атака следовала за атакой, но глубокий ров и укрепления за ним не поддавались, и уже стало казаться, что эффект дает только классическая регулярная осада. «Но сесть перед стенами и укреплениями, занявшись выкапыванием траншей, укреплений, устройством минных галерей, — это значит допустить роковое промедление. За время осады Ратисбона эрцгерцог Карл успеет быстро реорганизовать свою потрепанную армию»(21). Невозможно бросить незавоеванный Ратисбон и направиться прямо на Вену — такое действие могло бы только вызвать в ближайшее время контратаку австрийцев против растянувшихся французских коммуникаций через город и его мост. Поэтому казалось, что вся кампания остановится, пока не будет взят Ратисбон. Такая задержка могла бы спровоцировать Пруссию и другие «диссидентские» германские государства вступить в войну на стороне Австрии. Это была опасная перспектива, и Наполеон был преисполнен решимости не допустить отхода от Ратисбона, чего бы это ни стоило. Поэтому он бросал людей во все новые и новые атаки, невзирая на потери. Штурмом руководил проверенный вояка, маршал Ланн. И как раз в это время, когда Наполеон осматривал приготовления к штурму, он был легко ранен в правую ногу пушечным ядром на излете. Новость мгновенно распространилась по замершей в ужасе армии, но Наполеон тут же, не обращая внимания на боль, сел в седло и объехал весь фронт, чтобы его видели все солдаты, причем он использовал этот случай для раздачи наград отличившимся солдатам. Спокойствие и высокий моральный дух были сразу восстановлены.

Наконец все было готово к эскаладе¹. Автор мемуаров, барон Марбо, сыграл важную роль в развертывавшейся драме. После того как провалились две попытки штурма добровольцами из дивизии Морана, понесшей большие потери, больше никто не отваживался вступить в ряды штурмовавших и взяться за эскаладную лестницу. «Ну, коли так, я вам сейчас покажу, что, прежде чем стать маршалом, я был grenадером — и остаюсь им!» — воскликнул тогда неустрашимый Ланн, схватил лестницу и понес ее к пролому. Его адъютанты пытались остановить его, но он отпихнул нас плечом... Тогда я сказал ему следующее: «Господин маршал, вы не хотите видеть нас опозоренными — но ведь так и будет, если вы получите хоть царапину, неся лестницу к валам, пока все мы еще живы!» И потом, несмотря на его сопротивление, я выхватил один конец лестницы у него из рук и поднял ее себе на плечо, а Вири взял другой конец, и все наши адъютанты тоже подняли еще две лестницы по два человека на каждую. При виде маршала Франции, спорящего с адъютантом, кто первый полезет на штурм, крик энтузиазма вырвался у целой дивизии. Подбежали солдаты и офицеры. «Вино налито — начнем пить»(22). После периода замешательства и тяжелой потери именно Марбо и его товарищ Ла Бедуайер первыми вскарабкались по лестнице и перелезли через стену. Поздно вечером весь Ратисбон был в руках французов, кроме пригорода около укрепления перед мостом на северном берегу.

Хотя Ратисбон был захвачен штурмом, мост все еще оставался у врага. Не повезло маршалу Массене у Штраубинга, где все переправы были уже уничтожены. Получив эти известия, Наполеон был вынужден признать, что эрцгерцог Карл пока ускользнул от него. На этот раз ему не повезло — он не добился быстрого реше-

¹ Э с к а л а д а — штурм стены, вала (уст.).

тельного разгрома противника, как в 1800, 1805 и 1806 годах. Первая фаза кампании 1809 года закончилась, не дав решительного результата. Большинство военных историков обвиняют Наполеона в том, что он настоял на отправлении Массены в разведку к Залю 20 апреля. Тем самым он нарушил принцип сосредоточения армии, которое он так упорно старался осуществить в предшествующие три дня, и тем самым лишил себя решающего превосходства в силах во время последующих действий в окрестностях Дуная. В этом обвинении есть доля справедливости, но Наполеон не был ясновидящим и не мог заранее знать, какой оборот примут события. Но его ошибки были значительны — он не раз совершенно неправильно оценивал позиции, численность и намерения противника и даже свои собственные силы.

Вопреки этим критическим замечаниям, Наполеон несомненно радикально изменил общую военную обстановку за одну неделю после прибытия на фронт. Были исправлены ошибки Бертье, безусловно перехвачена инициатива, а Карл был сильно побит у Экмюля, о чем он написал императору Австрии: «Если у нас будет еще одно такое сражение, у меня не останется армии. Я ожидаю переговоров». Наполеон взял верх над противником и открыл себе дорогу на Вену. Последующими боями он управлял совершенно блестяще, и за этот период австрийцы потеряли около 30 000 человек. То было большим достижением, учитывая, что значительная часть наполеоновской армии состояла из необстрелянных призывников и почти все первоклассные соединения, включая гвардию, не участвовали в этих боевых действиях. Было очень важно, что Карл стремительно отходил. Этого было достаточно, чтобы отговорить колеблющихся членов Конфедерации — Баварию, Вюртемберг и в особенности Саксонию — от нарушения своего союзничества с Францией. Таким образом, Наполеон имел основания быть довольным, особенно он был удовлетворен поведением некоторых своих старших офицеров. Двадцать второго апреля он нашел время устроить смотр дивизии Сент-Илера и сказать командиру: «Что ж, вы заслужили маршальский жезл, и вы его получите»(23). Но судьба распорядилась иначе. Прежде чем почетный знак высшего воинского звания успеет прибыть из Парижа, уже не будет в живых Сент-Илера, незаменимого Ланна и талантливого кавалерийского командира генерала д'Эспаня — всем им суждено было стать жертвами жестокого сражения при Асперне — Эсслинге, которое произошло менее чем через месяц.

Глава 64

АСПЕРН — ЭССЛИНГ

Когда Карл отступил в горы Чехии, Наполеону пришлось менять свою стратегию. Перед ним имелись два пути. Великая армия могла или вести преследование неуловимого эрцгерцога и навязать ему решающее сражение в Чехии, или наступать вдоль Дуная на Вену. В целом второе решение было, на первый взгляд, более привлекательным: быстрый подход к австрийской столице мог привести к мирному договору, — и в то же время оно позволяло надеяться на облегчение положения на итальянском фронте, где вице-короля Евгения сильно теснил эрцгерцог Иоанн. Во всяком случае, Наполеон мог надеяться, что и Карл и Иоанн со своими армиями бросятся на защиту столицы. Было необходимо не давать братьям соединиться, чтобы их можно было разбить каждого в отдельности. Прямое преследование Карла до гор Чехии обещало меньший выигрыш. Карл опередил французов уже на целых два дня, местность была труднопроходимой, гористой, а население уже успели ограбить. К тому же там отсутствовали природные линии коммуникаций (их обеспечивал бы Дунай в случае наступления на Вену), чтобы облегчить продвижение и снабжение французской армии.

Взвесив все эти соображения, Наполеон решил наступать на Вену, хотя это и означало временное прекращение основного давления на армию противника. Когда Даву переправится через Дунай со своим опытным и закаленным III корпусом, чтобы продолжать оказывать давление на основную австрийскую армию и как можно дольше замедлять ее реформирование, остальная армия направится на восток по правому берегу Дуная. Французы должны были в этот момент получить крупные подкрепления; не только Бернадот шел со своим корпусом саксонцев (IX) из Дрездена на соединение с главной армией, но и императорская гвардия начинала прибывать из Испании и Страсбурга. Длинные колонны солдат в темно-синих мундирах потекли вдоль дунайской долины, и одновременно 22 000 солдат Лефевра были высланы для охраны правого фланга, ему также было поручено следить за Тиролем.

Перед главной армией Наполеона отступал корпус генерала Хиллера, который вел арьергардные бои для задержки наступления французов, чтобы дать время организовать оборону Вены. Первый, не очень трудный бой был в Вельсе 2 мая, но следующий бой за овладение Эберсбергом 3 мая был уже достаточно серьезным. Хиллеру удалось собрать в окрестностях города около 40 000 солдат, которые удерживали мост с величайшей стойкостью. Очевидно, не зная, что Ланн успешно переправился севернее через реку Траун и наступает, чтобы нанести удар в тыл Хиллеру, Массена бросил своих солдат в большую и очень дорого обошедшуюся фронтальную атаку против его позиций. Ненужный успех был куплен дорогой ценой — потери составили 3000 человек, включая 5 убитых или серьезно раненных полковников. Наполеон был рассержен из-за этих ненужных жертв, но Массена утверждал, что иначе Хиллер все же ускользнул бы, переправившись через Дунай между Дюрренштейном и Кремсом, и затем продолжил свой отход к Вене по левому берегу.

Преследование Наполеоном Хиллера по Дунаю сильно замедлилось из-за многочисленных рек — притоков Дуная, пересекающих его направление марша. Но у него теперь были еще новые причины желать как можно скорее достичь Вены: в последний день апреля он получил сообщение из Италии о поражении Евгения под Сачиле. Для того чтобы облегчить положение на этом второстепенном фронте, следовало немедленно осуществить угрозу Вене.

К счастью, и австрийское верховное командование уже беспокоила эта возможность. Эрцгерцог Карл уже начал выполнять марш от Хама и Пильзена за Богемскими горами в попытке вклинить свои войска между французами и столицей, но рвавшиеся вперед колонны Наполеона могли обогнать своих противников в любой момент, несмотря на все водные препятствия. И действительно, к 10 мая французы уже оказались в пределах досягаемости Вены. Спустя три дня под угрозой пушечного обстрела австрийская столица открыла свои ворота, но лишь после ухода гарнизона на северный берег, после того как он успел уничтожить за собой все четыре моста. Затем гарнизон занял предместье Флорисдорф, чтобы помешать восстановлению мостов. Вскоре после этого армия Карла спешно подошла к Вене, соединившись с группой корпусов Хиллера 16 мая, что довело численность австрийских войск до 115 000 человек — суммарной численности, совершенно не известной Наполеону. Этой армии австрийцев противостояло 82 000 французов (II и IV корпуса, кавалерийский резерв и гвардия) — и это были все войска, которые Наполеон мог собрать в окрестностях Вены. Еще 38 000 (VIII и IX корпуса) стояли позади на реке Траун, откуда наблюдали позиции 25 000 австрийцев Коловрата, окопавшихся на северном берегу Дуная около Линца, и в то же время они охраняли наполеоновские коммуникации с Францией и его теперешний операционный центр от местных восстаний, ставших теперь постоянными.

Даву, который уже давно передислоцировал свой корпус на южный берег Дуная у Штраубинга и затем перешел через Энс, выполняя такое же задание, имел 35 000 человек около Санкт-Пёльтена на реке Трайзен, на расстоянии 40 миль к

западу от Вены. Вдали, к юго-западу, VII корпус Лефевра (22 000 человек) из окрестностей Зальцбурга вел активное наблюдение за ближайшими частями войск эрцгерцога Иоанна, у которого было 8000 человек в Инсбруке, и еще за 7000 солдат Елачича, находившимися в верховьях реки Энс. Тем временем остальные 30 000 австрийцев армии Иоанна сражались с 57 000 французов Итальянской армии Евгения в Каринтии и Карниоле. Таким образом, диспозиция французских войск оказалась весьма разбросанной.

Так обстояли дела 17 мая. Наполеон знал, что единственным выходом из все углублявшегося тупика будет уничтожение армии Карла до подхода подкрепления Иоанна. Но между ним и его жертвой протекал Дунай, уже разлившийся до опасных размеров из-за весенних паводков. А победу можно было выиграть только на северном берегу.

Относительное бездействие Карла позволяло предположить, что он склонен выждать поворота событий, надеясь на подход брата Иоанна через Тарвис и Грац до того, как Наполеон сможет перебраться на северный берег и приготовиться к атаке. В этот момент Наполеон находился почти в безвыходном положении. Он овладел Веной, но, как и в ноябре 1805 года, это не вынудило императора Франца на переговоры и не заставило его войти в соприкосновение с противником. В 1805 году французы владели стратегически важными мостами через Дунай, но теперь, в 1809 году, они были лишены их. Наполеону было отчаянно необходимо завоевать плацдарм на северном берегу для уничтожения армии Карла. Однако, если все французы и перейдут на северный берег, австрийцы получат возможность уйти обратно к Кремсу и оттуда на освобожденный правый берег, где смогут существовать за счет оставленных запасов Наполеона; в то же время, зайдя в тыл французам, они окажутся ближе к войскам эрцгерцога Иоанна. Действительно, часть армии Карла устроила демонстрацию силы в направлении Линца 17 мая, правда, вскоре эта часть была отбита Бернадотом. Таким образом, и действие и бездействие таили большую опасность для французов, и Наполеон был вынужден остановиться на компромиссном решении. Для предотвращения обратной переправы австрийцев на правый берег Дуная были оставлены большие отряды (Бернадота, Вандамма и, вначале, Даву), удерживавшие рубеж по реке. В то же время остальная часть армии (за исключением Лефевра, охранявшего правый фланг) должна была обеспечить, и как можно скорее, плацдарм на северном берегу. Последняя часть этого плана была чревата гораздо большими опасностями, чем вначале предполагал Наполеон. В своем стремлении «помериться силами» с Карлом он не слушал предупреждений знающих людей о физических опасностях такой попытки, осуществляемой без должной подготовки.

Находясь выше по течению, противник оказался в выигрышном положении, пуская по течению брандеры и другие средства для уничтожения французских мостов. Кроме того, для Дуная вообще характерны внезапные наводнения в конце весны, которые также могут быть роковыми для таких крупных переправочных средств, как понтоны.

Важен был выбор наилучшего места для переправы. Генерал Бертран, начальник инженерных войск армии, доложил 13 мая, что венские мосты не могут быть восстановлены, пока неприятель удерживает предместье Флорисдорф. Следовательно, необходимо было искать другое место. Тщательной рекогносцировкой были выявлены еще три подходящих места для сооружения мостов. Ближайшее к городу удобное место, где было более узкое русло, находилось у Нусдорфа, но этот пункт посчитали слишком опасным из-за близости холма Биссам, который прочно удерживался неприятелем; к тому же здесь было очень быстрое течение. Специалисты затем исследовали возможность использования Фишаменда (10 миль к востоку от города), но они решили, что это слишком далеко от операционного центра в Вене. Третьим вариантом было место около Кайзер-Эберсдорфа, в 4 милях от Вены. Здесь Дунай был шире, но мельче, и течение медленнее. Кроме того, на расстоянии 100 яр-

дов от северного берега на реке находился остров Лобау. Он мог служить некоторой защитой от прямого артиллерийского огня, который могли вести по длинным мостовым пролетам, идущим к южному берегу, да и сам остров являлся бы ценным передовым пунктом. Кроме того, материал для постройки моста можно будет сплавить вниз по течению из Вены. В силу всех этих причин было выбрано это третье место. Главный мост должен был идти к острову Лобау; второстепенная переправа будет строиться у Нусдорфа, для отвлечения внимания противника. Материалы были собраны, и вскоре началось быстрое строительство. Но с самого начала все пошло не гладко. Попытки Ланна строить нусдорфский мост вскоре были оставлены, а генерал Бертран решил обходиться без защитных палисадов и флотилий речных лодок у моста Лобау из-за нехватки времени и из-за экономии средств. Французы не предполагали, что австрийцы смогут мешать им, считая, что Карл все еще находится вдали около Брюнна¹, и поэтому Наполеон не потребовал обеспечения охранения этого стратегически важного сооружения.

На самом же деле 16 мая эрцгерцог Карл уже был на расстоянии нескольких миль от Дуная. Он овладел местностью Маршфельд, лежащей между Дунаем и ближайшей возвышенностью. Прямо к северу идет гряда холмов с господствующей горой Биссамберг у самого Дуная; к северо-востоку и востоку расположен обрыв, внизу течет небольшая речка Русбах. На ее берегах стоят несколько деревень, включая Ваграм. Между гребнями холмов и перед ними расстилается почти плоская равнина, на ней — деревни и небольшие городки, из которых наиболее крупные — Асперн, Эсслинг и Грос-Энцерсдорф — находятся напротив острова Лобау. Для овладения этой местностью армия Карла заняла следующие позиции к 5 часам дня 20 мая. От Биссамберга к окрестностям Мюлойтена за Грос-Энцерсдорфом расположен длинный кордон кавалерийских патрулей под командой генерала Кленау. Более крупные пехотные сторожевые заставы были оставлены в некоторых городках и деревнях на Дунае. За этим сторожевым заслоном располагались главные австрийские корпуса (всего 6, кроме кавалерийского резерва), подтянутые к северному краю Маршфельда между Дунаем и Ваграмом, а штаб временно расположился в деревушке Зайринг. Это была хорошо выбранная командная позиция, но видно, эрцгерцог Карл все еще не оправился от апрельских поражений. Обращаясь к своим солдатам 19 мая, он говорил скорее о задаче сдерживания армии Наполеона, чем о ее уничтожении, и было очевидно, что его соображения связаны с оборонительными задачами, о чем свидетельствует то, что он не подтянул к себе удаленные части, чтобы еще больше укрепить свое положение, но оставил III корпус Коловрата далеко на западе и даже выслал несколько частей в тыл.

Тем временем Бертье составлял детальное расписание переправы. Согласно ему, дивизия генерала Молитора должна была выйти первой, переправившись на лодках на остров Лобау в ночь с 18-го на 19 мая, чтобы служить прикрытием для саперов, строящих мостовой пролет. Понтоны должны быть на месте к рассвету 20 мая, когда три остальные дивизии IV корпуса и две дивизии кавалерийского резерва смогут переправиться на остров и оттуда по второму мосту на северный берег. За ними на следующее утро будет переходить II корпус, а тыл будут замыкать части III корпуса Даву (в случае нужды), имеющие на данное время приказ оставаться в состоянии готовности между Санкт-Пельтеном и Веной. Для отвлечения внимания неприятеля от этих начальных действий должна быть совершена «тактическая диверсия» — или, по меньшей мере, угроза тактического наступления — из окрестностей Нусдорфа за Веной. Такова была схема плана операции, в спешке составленного и плохо проработанного, так как план был основан на ложных посылах и грубых ошибках — не учитывались особенности характера Дуная, а также диспозиции и возможности армии противника.

¹ Б р ю н н — теперь г. Брно в Чехословакии.

Французские саперы принялись энергично сооружать переправу. Для перекрытия 825 ярдов между правым берегом и островом Лобау требовалось 68 понтонов и 9 плотов. Работа еще только начиналась, когда вечером 18 мая Молитор высадился на Лобгрунде (небольшой островок перед самим Лобау) и вытеснил оттуда слабый австрийский гарнизон. Затем под покровом темноты началось собственно сооружение моста, продолжавшееся следующим днем и ночью 19 мая. Молитор захватил весь остров Лобау и разместил на нем шесть пушек, чтобы держать под обстрелом подходы к Мюлаускому выступу, который был временно намечен как пункт окончательной высадки. В полдень 20 мая с некоторым запозданием (при небольшом нарушении графика) были соединены обе части главного моста, и IV корпус и кавалерия начали переходить на Лобау. Наполеон лично осмотрел передовые позиции и подтвердил направление последнего пролета, ориентированного на Мюлауский выступ. К 6 часам вечера эта 125-ярдовая секция, составленная из 15 понтонов и трех опор типа козел, была готова и армия могла бы переходить через реку. Первыми перешли солдаты корпуса Массены, которые тотчас же бросились вперед занять практически не имевшие защиты города Асперн и Эсслинг. В тылу дела обстояли не так хорошо, потому что первый из целого ряда прорывов главного понтонного моста был совершен австрийцами большим блокшивом, пущенным ими по быстрому течению. Эта неудача помешала переправе остальных войск на Лобау в тот вечер.

У Наполеона все еще не было причин ожидать большого сражения на северном берегу. Значительное количество легкой кавалерии, включенной в первую партию переправлявшихся войск, показывает, что он все еще собирался искать армию Карла. В 4 часа утра на следующий день император совещался со своими маршалами, обсуждая обстановку. Передовые кавалерийские патрули Бесьера, которые, как ожидалось, должны бы обнаружить присутствие главной австрийской армии в непосредственной близости от укрепления перед мостом, не присылали никаких известий; лишь задним числом стало очевидно, что французская рекогносцировочная кавалерия оказалась никуда не годной и не справилась со своей задачей в этом случае. Так как не было сообщений о противнике, Ланн высказал мнение, что французская армия столкнется 21 мая не более чем с 8000 австрийцев. Только осторожный герцог Риволийский (Массена) рискнул предположить, что австрийская армия может быть поблизости и в полном составе. Однако его никто не поддержал.

На самом же деле эрцгерцог Карл находился на дистанции досягаемости французской предместной позиции, что должно было бы быть известно Наполеону, будь его разведка и рекогносцировка на должной высоте. Сигналы с биссамбергской обсерватории сообщили Карлу, что французы восстановили свой мост и снова непрерывным потоком переправляются по нему; следовательно, это не было запугиванием. В соответствии с этим в десять часов 21 мая Карл приказал пяти колоннам пехоты приготовиться к наступлению на шестимильном фронте. Три корпуса (VI, I и II) должны атаковать Асперн; IV корпус, разделенный на две колонны, должен взять Эсслинг. Австрийская кавалерия будет образовывать связь между этими двумя крыльями. Все действия должны начаться в полдень. Целью было оттеснение французов обратно, на остров Лобау, но отнюдь не их полное уничтожение.

Сторожевое охранение французов не чувствовало даже и намека на грозившие им опасности. Даже Массена позволил успокоить себя из-за этой тишины и не дал приказа на сооружение укреплений ни в Асперне, ни в Эсслинге. К полудню в районе предмостного плацдарма были три французские пехотные и две кавалерийские дивизии; две из французских пехотных дивизий отвечали за Асперн и его окрестности, третья (Буде) была подчинена на этот день маршалу Ланну и получила задачу защищать Эсслинг. Центральный связующий сектор — занимающий слегка приподнятую насыпь дорогу — был в нужное время занят кавале-

рией Бесьера. Однако Наполеон начинал испытывать все большее беспокойство за главный мост, соединяющий Лобау с южным берегом. Во-первых, Дунай поднялся за ночь на три фута; во-вторых, против главного пролета австрийцы все время направляли по воде всяческие «водяные снаряды» в виде брандёров, бревен и тому подобного. Вскоре после полудня произошел второй разрыв моста, и переправа войск опять прервалась. Император даже обдумывал идею прекращения всей операции, однако австрийская атака скоро сделала это уже невозможным.

Вскоре после часа дня головные части I австрийского корпуса оттеснили передовые посты Молитора обратно в Асперн. Французы были застигнуты совершенно врасплох. Сочетание низкого гребня и поднявшейся пыльной бури помогло скрыть начавшуюся атаку австрийцев чуть ли не до последнего момента. К счастью, Молитор был на высоте положения; сверхчеловеческими усилиями он отбил первую, не особенно эффективную австрийскую атаку и получил достаточно времени, чтобы вызвать в город все четыре своих полка. Во вторую половину дня все повторные австрийские атаки были отражены, но к 5 часам вечера все три австрийских корпуса уже встали полукругом вокруг Асперна, и эрцгерцог Карл дал приказ на главное наступление. На генерала Молитора одновременно оказывали давление с трех сторон превосходящие силы австрийцев, и в последующие часы Асперн переходил из рук в руки не менее шести раз. Однако стойкий Молитор отказывался признать поражение и держался за свои позиции до последнего, пока не подошли подкрепления вначале генерала Леграна, затем Карра Сен-Сира. Стратегически важный мост снова открылся для движения войск.

Тем временем в центре 7000 кавалеристов Бесьера вели бесконечные бои с австрийской кавалерией и частями соседнего корпуса. При этом французская кавалерия понесла печальную потерю — был убит ударом сабли австрийца храбрый командир кирасир генерал д'Эспань. На крайнем правом фланге гарнизон Эсслинга с успехом сопротивлялся натиску IV корпуса Розенбурга, начавшемуся с 6 часов вечера. Благодаря искусному размещению Ланном войск генерала Буде в самом городе они успешно отразили три последовательные атаки австрийцев, не потеряв ни одного дома, ни пяди земли. Незадолго до семи вчера в бой вступили только что подошедшие части: бригада Сен-Жермена из дивизии Нансути и кирасиры Сен-Сюльписа, подоспевшие к последней атаке Бесьера против центра неприятеля. Однако ничего существенного не было достигнуто.

Из-за наступившей темноты мало-помалу все военные действия на задымленной равнине остановились, за исключением Асперна, где французов отделяло от австрийцев буквально несколько ярдов. Обе армии стали устраиваться на ночь. В своей новой штаб-квартире в Брейтенле эрцгерцог Карл занялся планированием действий на следующий день. В нескольких милях от него, на острове Лобау, Наполеон рассылал срочные приказы, вызывая Даву из Вены и подтягивая всех солдат к предмостному укреплению.

Невозможно было скрыть тот факт, что Наполеон понес серьезную тактическую неудачу, которая, по словам Петре, нанесла больший удар его репутации, чем квазикатастрофа Эйлау(24). Было ясно, что Карл не уклонится от сражения на следующий день, а он сулил мало хорошего французам, если только за ночь на 22-е не удастся переправить через Дунай большие подкрепления. Первые четыре часа 21 мая в боевых действиях участвовало только 23 000 французских солдат, и даже к ночи их число увеличилось только до 31 400 человек. А против их плацдарма на берегу находилось не менее 100 000 австрийцев, с большим преимуществом в пушках и с перспективой подхода дополнительного подкрепления. Следовательно, у французов все зависело от непрерывного подхода солдат и материальной части, поступавших по единственному хрупкому мосту, уже серьезно потрепанному ударами сплавлявшихся сверху по течению австрийцами «снарядов». Кроме того, мост угрожал непрерывный подъем воды. Дурные предзнаменования омрачали сле-

дующий день, 22 мая, который вполне мог стать концом для IV корпуса и французской кавалерии.

К счастью, мост оставался открытым большую часть ночи, и к 4 часам утра войска Ланна, состоявшие из дивизии Сент-Илера и гренадерского корпуса Удино (дивизии Тарро и Клапаредо), благополучно переправились на плацдарм и с ними — части кавалерии и пушки. Новоприбывших немедленно поставили на удержание центрального сектора французов, а кавалерию Бесьера оттянули назад в местный резерв. Войска Буда все еще удерживали Эсслинг, а отряд на их правом фланге занимал часть открытой местности. На левом фланге Асперн со своими окрестностями был частично в руках Леграна и Карра Сен-Сира, а потрепанные полки Молитора, принявшие основную тяжесть удара накануне, были отведены назад в резерв к югу. Наконец, две дивизии гвардии находились на позициях, охранявших «голову» моста на Мюлауском выступе, а дивизия генерала Демона готовилась к переходу на него с острова Лобау. Теперь французы имели около 50 000 пехоты, 12 000 кавалерии и около 144 пушек (включая и батареи на острове Лобау). Против них было более 100 000 австрийцев, поддерживаемых не менее чем 260 пушками. Хотя баланс сил несколько улучшился за ночь для французов, но все еще не был удовлетворительным.

Спорадические уличные бои продолжались в Асперне еще в первую половину ночи, но вскоре после 5 часов утра австрийские I и VI корпуса, подойдя под покровом темноты и густого тумана, начали большую атаку на город и прилегающую к нему лесистую местность Гемайнде — Ау. Военная удача была то на одной, то на другой стороне, но одна особенно успешная контратака силами Массены около 7 часов утра привела к полному захвату Асперна французами. Гарнизон Эсслинга тоже отбил новую атаку. Когда наступление австрийцев начало ослабевать, Наполеон решил, что настал момент перехватить инициативу. Очевидно, Карл собирался повторить методический план прошлого дня — проводить ряд мощных атак против флангов французских передовых позиций, не обращая внимания на центр. Следовательно, были шансы на то, что австрийский центральный сектор будет более слабым, чем их фланговые силы. Император давно уже решил нанести удар по нему силами корпуса Даву, которые должны будут пройти через позиции Ланна для выполнения атаки. Имея перед собой такую представившуюся возможность, он решил сам использовать II корпус Ланна вместо Даву, так как тот еще только приближался к мостам и мог быть на месте только через несколько драгоценных часов.

Вскоре после семи часов барабаны забили сигнал «к атаке», и Ланн повел вперед дивизию Сент-Илера с гренадерскими дивизиями Удино слева в эшелонированном построении с отогнутым левым флангом. Их встретил град австрийских ядер и снарядов, буквально сметавших батареи корпусной артиллерии, высланные вперед с пехотой. Войска несли невероятные потери, потому что их командиры были вынуждены принять плотные построения в каре и колонны из-за большого количества неопытных солдат, включенных в эти части. И тем не менее они продвигались вперед с помощью нескольких атак кавалерийского резерва. Австрийские солдаты II корпуса и кавалеристы дрогнули под их напором. «Маршал Ланн храбро наступал по равнине, — вспоминает Марбо, — ничто не могло его остановить... в один миг он захватил целый батальон, зная и пять пушек. Австрийцы отступали в порядке, но их центр все более и более прогибался по мере нашего наступления и наконец разорвался! Во вражеских рядах воцарился такой хаос, что мы видели, как их офицеры и сержанты колотили солдат палками и все равно не могли их удержать» (25).

Согласно Марбо и другим воспоминаниям французов, полная победа была уже близка, когда Наполеон внезапно приказал Ланну остановить наступление. На самом деле эта остановка французских действий была вызвана личной храбростью и примером эрцгерцога Карла, который бросил в бой своих гренадер из резерва, возглавив контратаку со знаменем гренадерского полка Цаха в руках. Именно эта контр-

атака и все увеличивавшаяся нехватка боеприпасов были причиной прекращения атаки. Наполеон затем попытался спасти положение, послав кавалерию Бесьера атакующими волнами, но и они были отражены. К этому времени Наполеон был серьезно обеспокоен новостями с другой стороны. Вскоре после 8 часов он узнал, что мост снова разошелся, а это значило, что корпус Даву — столь отчаянно необходимый для нанесения последнего удара — не может добраться до них. Это обстоятельство, а также начавшийся спад напора Ланна вынудили Наполеона дать приказ на постепенный отход к Асперну и Эсслингу. Эрцгерцог Карл очень быстро узнал о новой аварии моста от своего неопределимого наблюдательного поста — на Биссамберге, и к 10 часам утра все австрийские корпуса снова пошли в атаку. Бой, как и раньше, бушевал вокруг этих городков, и во время него был смертельно ранен Сент-Илер, к большому горю своих начальников и подчиненных. Все утро саперы усиленно работали, пытаясь восстановить мост, и вскоре после полудня по нему опять открылось движение. Но не надолго, так как сплавленная сверху подожженная водяная мельница проломила новую брешь, и Наполеон был вынужден признать, что у него нет другого выхода, кроме прекращения боя, да и то если это было в его силах.

Тем временем в Эсслинге началась отчаянная борьба, где австрийскому IV корпусу удалось вытеснить войска Буда со всех их позиций, кроме зернохранилищ, находящихся в середине. Давление на французский центр все росло. Чуть ли не в отчаянии Наполеон послал в атаку большую часть молодой гвардии под командованием генерала Мутона — героя Ландсхутского моста — с приказом снова отбить потерянные части Эсслинга и укрепить положение на правом фланге. Этого оказалось недостаточно, и генерал Рапп был послан вслед за ним с войсками, взятыми из последнего резерва Наполеона. Он писал: «Мне было приказано взять два батальона молодой гвардии и спешить на помощь нашим войскам; я должен был вывести их из боя, отойти вместе с ними и занять позицию между деревней и остальной частью гвардии на берегу Дуная, около сломанного моста... наша позиция стала крайне опасной». Пренебрегая буквальным выполнением приказа Наполеона, Рапп убедил Мутона объединиться в отчаянной контратаке против торжествующих австрийских войск в Эсслинге. «Наши пять батальонов двинулись вперед, бросились в атаку, отразили и рассеяли врага штыковым ударом. Мы овладели деревней»(26). Наполеон так прокомментировал это непослушание: «Если когда-нибудь вы и поступили хорошо, не выполняя мои приказы, — это вы сделали сегодня, ибо безопасность армии зависела от овладения Эсслингом».

Гвардия требовала, чтобы император вышел из-под пуль: «*Bas les armes si L'Empereur ne se retire pas*»¹(27).

В соответствии с этим Наполеон передал командование Ланну вскоре после трех часов дня и возвратился на Лобау, откуда начала отходить армия. Шаг за шагом продолжался отход. Император руководил расстановкой пушек, когда вскоре после четырех пришла весть, что маршалу Ланну раздробило ногу пушечным ядром. Наполеон был безутешен при этом известии. Марбо был первым, кто поднял раненого маршала, которого быстро отнесли в тыл. Главному хирургу генералу Ларрею ничего не оставалось, как ампутировать правую ногу. В течение нескольких дней казалось, что Ланну лучше, но 31 мая он скончался от гангрены. «В лице маршала Ланна мы потеряли одного из храбрейших, кем всегда могла гордиться армия. Для друзей его жизнь была слишком коротка, но завоеванные им честь и слава не имеют себе равных»(28). Так погиб великий солдат, с которым мы впервые встретились в 1796 году; маршалы пережили первую потерю боевого товарища, а у Наполеона не стало одного из его немногих верных друзей. Вся армия горевала по нему; император плакал, не скрывая слез.

¹ «Бросай оружие, пока император не уйдет из-под пуль» (фр.).

После событий 22 мая, когда французский арьергард с наступлением темноты отошел на Лобау по мосту (Массена шел чуть ли не последним), в 3.30 ночи передний мост был втянут на остров отдельными секциями. Наконец, спустя полчаса, на двух лодках были доставлены последние легкие пехотинцы, прикрывавшие разборку моста. Двухдневное сражение при Асперне — Эсслинге закончилось.

В ходе боевых действий австрийцы потеряли 23 340 человек убитыми и ранеными и отдали один штандарт и шесть пушек. Французские потери, очевидно, составили 20—22 тысячи; верный своим правилам, Наполеон оценил их в 4100 человек; разумеется, эти цифры — все та же отъявленная пропагандистская ложь. Однако австрийцы захватили у французов только три пушки, пару знамен и семь повозок с боеприпасами, так что едва ли они могли говорить о решающей победе. Эрцгерцогу Карлу не хватило умения организовать развитие успеха, как это бы непременно сделал Наполеон. По словам Кирхейзена, «хотя нужно сказать, что поведение Наполеона граничило с безумием, когда он подобным образом бросал вызов судьбе, рискуя пойти на сражение, не зная австрийской диспозиции, не обеспечив переправу через реку, не сосредоточив все свои войска на острове Лобау, все же неспособность эрцгерцога использовать свою победу далее кажется почти такой же невероятной... он прекрасно мог попытаться овладеть островом... [или] помешать вообще всем операциям, устроив артиллерийский обстрел острова. Но абсолютно ничего не было сделано»(29). Тем не менее невозможно было скрыть тот факт, что Наполеон совершенно определенно был побит в каждом из этих двух дней сражений. Его защитники могут восхищаться прекрасными боевыми качествами, проявленными французами против численно превосходящего противника 21 мая, почти успехом ланновского штурма и искусной эвакуацией на следующий день, но согласно трезвому анализу, планы Наполеона были расстроены и войска отброшены назад. Восторженное возбуждение охватило всю враждебную Европу. Поражение Дюпона в Байлене или Жюно в Вимьере было совсем не то, что теперешнее успешное противодействие самому «корсиканскому чудовищу». Наполеоновская репутация непобедимости на поле боя встала под сомнение, но, по крайней мере, он сам почувствовал последствия своей военной сверхсамоуверенности и сверхспешных приготовлений. Его следующая попытка восстановить свое положение будет хорошо спланированной и тщательно подготовленной; в 1809 году он все еще мог учиться на своих ошибках.

Глава 65

ВТОРАЯ ПОПЫТКА: ВАГРАМ

Не в привычках Наполеона было признавать свое поражение, даже перед ближайшими друзьями, но тот факт, что в течение 36 часов после окончания сражения он оставался в каком-то бездейственном ошеломлении, говорит об его истинном состоянии в то время, да и о степени его изнеможения. Только 24 мая к нему вернулась его обычная энергия, он послал приказы Вандамму явиться в Санкт-Пельтен, остальной части войск Даву — в Вену, а Бернадоту прибыть с войсками к Линцу и Штайру. Однако только 25-го удалось окончательно отремонтировать мост от Лобау до южного берега, так что временное бездействие никак не повлияло на общее положение, тем более что и австрийцы пребывали в состоянии такого же ошеломленного бездействия, едва смея верить своей удаче и не думая использовать ее далее.

Как только открылся мост, Наполеон приказал в первую очередь эвакуировать тысячи несчастных раненых, которые лежали, стаяя, под открытым небом более двух суток. Хирург генерал Ларрей творил чудеса, используя брошенные кирасы в

качестве суповых котелков и отбирая лошадей для забоя даже у старших офицеров, чтобы обеспечить раненых бульоном. На бесчисленные жалобы разъяренных генералов Наполеон ответил тем, что тут же присвоил Ларрею титул барона. Как только 1000 раненых были доставлены в Вену, для них стали делать все возможное. Медики из всех военных частей были откомандированы в госпитали, и адъютанты императора каждый день посещали раненых, распределяя щедрые дары. Наверное, император страдал от редкого приступа угрызений совести.

И вместе с тем он знал, что ему нельзя обойтись без победы. Его растянутые линии коммуникаций были под угрозой бесконечных мятежей населения, и сопротивление его владычеству во всей Европе, несомненно, должно было получить новый стимул после известий об Асперне — Эсслинге. Чтобы не допустить восстания всей Германии, необходимо было немедленно преподнести отрезвляющий урок. Однако Наполеон не позволял вовлечь себя в совершение новой преждевременной попытки переброски войск через Дунай. Более шести недель ушло на планирование и подготовку к каждому возможному осложнению. Вначале он эвакуировал с острова Лобау всю армию, кроме корпуса Массены, и начал превращать остров в регулярный укрепленный лагерь с хорошими дорогами, сильными укреплениями со 129 пушками и, самое главное, надежными связями с южным берегом. До конца июня были построены два надежных моста, связывающие Кайзер-Эберсдорф с островком Шнейдергрунд, а с него на сам остров Лобау вели еще три моста. Мощные палисады из вбитых в речное дно свай выше по течению защищали их от сплавляемых средств борьбы против мостов; флотилия канонерок с морскими пехотинцами гвардии была привлечена для патрулирования подходов, а на острове было запасено достаточное количество материалов для сооружения пролетов через последний проток.

Одновременно император приказал внести значительные усовершенствования в организацию армейской артиллерии. Было изменено численное соотношение придаваемой артиллерии: Даву и Массена получили большую долю пушек, чем остальные. Много усилий было приложено к использованию большого количества захваченных австрийских орудий — основная часть их оказалась в венском арсенале. Много стараний было направлено на обеспечение каждого полка двумя пушками для тесной поддержки, причем, по-видимому, главной целью этого было вдохнуть уверенность в менее опытных солдат. И больше всего Наполеон стремился покончить с недостатком артиллерии, так ощущаемым в последних сражениях. Ко времени сражения при Ваграме во французской армии было не менее 500 пушек.

Одновременно Наполеон вызывал к себе все больше войск для укрепления армии перед началом переправ. Кавалерия была направлена к югу и востоку в обширную операцию по прикрытию передислокаций. В конце мая Евгений и Макдональд прибыли в район боевых действий с войском в 23 200 человек и сотней пушек и разбились в сражении при Рабе эрцгерцога Иоанна в девятую годовщину Маренго, оттеснив его обратно к Коморону в Венгрии. Вскоре после них в Граце появился Мармон во главе 10 000 человек из XI корпуса. С 28 июня началось генеральное сосредоточение почти всех родов войск. Только их минимум — в основном из германских союзников — был оставлен для выполнения второстепенных задач наблюдения на Дунае и сторожевого охранения района боевых действий. Бернадот подтянул свои войска к Энгерсдорфу, а Вандамм вошел в Вену. Евгений был вызван от Раби, Даву — из Прессбурга, Мармон — из Граца, и эти меры помогли сосредоточить почти 160 000 человек в окрестностях австрийской столицы к 1 июля, причем и позднее продолжался приток подкреплений.

Чем же были заняты австрийцы после 22 мая? В сущности, почти ничего не происходило. Только Хиллер и Кленау были оставлены в занятых ими Асперне и Эсслинге для наблюдения за островом Лобау; большая же часть армии сразу после боев была отведена Карлом за речку Русбах, а V корпус остался на своих старых

позициях напротив Нусдорфа. Казалось, что австрийское командование ждало общегерманского восстания и прибытия эрцгерцога Иоанна, чтобы перейти к действиям. Наступили длинные майские и июньские дни, но почти ничего нового не происходило, за исключением усиленного строительства укреплений в Асперне и Эсслинге, где шли обширные работы. Карл был занят тем, что включил в армию еще 60 000 солдат ландвера и еще 200 пушек. В это время затишья он обсуждал со своими генералами ход действий в случае, если Наполеон снова попытается переправиться через Дунай.

Кроме того, Карла беспокоили намерения царя Александра в отношении Галиции, где эрцгерцог Фердинанд, по-видимому, не справлялся со все ухудшавшимся положением, так как против него были и поляки Понятовского, и грозные (хотя и никуда не продвигавшиеся) легионы царя¹. Все это настолько занимало внимание Карла, что только 1 июля он заметил на южном берегу Дуная какое-то движение, — видимо, вновь затевалось что-то серьезное.

К этому времени планы Наполеона полностью созрели. В последний день июля дивизия Леграна, усиленная 30 пушками, была переброшена на Мюлауский выступ в качестве преднамеренной демонстрации. В течение следующих двух дней корпус Удино присоединился к Массене на Лобау, и Наполеон незаметно перенес свою ставку из Шёнбрунна на юго-западный выступ острова. Все эти передислокации становились известны Карлу из сообщений его бесценной обсерватории на Биссамберге, и они подтвердили его убеждения, что Наполеон собирается детально повторить свою предыдущую переправу. На самом деле это были ложные действия, и Карл попался на обман. Наполеон совершенно не намеревался переправляться под огнем подготовленных позиций противника. Он планировал провести передислоцирование основной массы своей армии с восточной стороны Лобау на южную часть острова Александра (назван в честь «великого писаря» Бертье), обходя таким образом вражеские укрепления в Асперне, Эсслинге и Энцерсдорфе и давая возможность обрушиться на левый фланг австрийцев в надежде прорвать его и тем отделить Карла от приближавшейся армии эрцгерцога Иоанна, который уже, как стало известно, достиг Прессбурга.

Как и в мае, многое зависело от успеха самой переправы. Французы не щадили усилий, чтобы разузнать точные данные о предполагаемых местах наведения мостов. Однажды, рассказывает Марбо, император и Массена переоделись в сержантские шинели и не спеша направились вдоль берега, в сопровождении только одного полковника. Не дойдя до австрийских постов шагов сто, они остановились. «Там полковник разделся и полез купаться в реку, а Наполеон и Массена тоже стали стаскивать с себя шинели, как бы собираясь тоже искупаться... и таким образом они, не торопясь, рассмотрели то место, где хотели навести мост и переправлять войска. Австрийцы настолько привыкли видеть небольшие группы наших купающихся солдат в этом месте, что они так и продолжали лежать на траве» (30).

Очень многое зависело и от соблюдения точного графика начала переправы на Лобау, сооружения мостов — а их планировалось построить чуть ли не поджожины — и, наконец, самого форсирования водной преграды с боем. По плану 2 июля и в большую часть следующего дня на остров (в интересах секретности) должны были переправляться только запасы и материальная часть. Императорской гвардии следовало переправиться на Лобау в 8.30 вечера 3 июля, и через 3 часа за ними должны были последовать 18 000 солдат из IX корпуса. Эти войска направлялись на северо-западную часть острова, как бы предвещая мощную атаку через Мюлауский выступ. Большая часть дня 4 июля ушла на перевозку запасов и пушек, и снова

¹ В этот момент Россия запоздало изображала, что она сотрудничает с французами согласно Эрфуртским соглашениям; на самом деле ее генералы были заняты захватом некоторых лакомых кусочков габсбургских территорий. (Примеч. автора.)

после наступления темноты Даву должен перейти на Лобау с 35 000 своих солдат и направиться на восточную часть, чтобы занять позиции между Массеной и Удино. В час ночи 5-го, в свою очередь, переправится Итальянская армия, в 3.00 ночи — следовавшая за ней легкая кавалерия, и через час пойдет остальная кавалерия. Мармон будет замыкать арьергард с XI корпусом немного позднее утром, если он прибудет из Граца. Тем временем, к раннему утру 5 июля, сооружение мостов будет почти закончено. Кроме уже установленных для Леграна мостов, еще четыре моста будут открыто строиться на северной стороне Лобау для введения неприятеля в заблуждение. Но остальные десять мостов к северному берегу будут перекинуты от восточного берега Лобау в окрестностях острова Александра, готовые для перехода через них главных атакующих сил. Первый из штурмовых отрядов перейдет на северный берег незадолго до рассвета 5 июля. Удино пойдет первым на крайнем правом фланге через Хензельгрунд для обеспечения безопасности фланга операции по переправе. В центре двинется Даву в направлении на Виттау, имея слева от себя Массену. К полудню вся армия (за исключением Мармона) должна быть на северном берегу Дуная в следующем порядке: линию фронта составят слева направо (между Грос-Энцерсдорфом и Виттау) Массена, Удино и Даву, а большая часть легкой кавалерии на крайнем правом фланге будет следить за появлением эрцгерцога Иоанна. Остальная ее часть находится на левом фланге Массены. Второй эшелон состоит из IX корпуса, гвардии, XI корпуса и Итальянской армии (выстроится в таком порядке между Грос-Энцерсдорфом и Мюлойтеном); в тылу второго эшелона находится кавалерийский резерв. Тогда все будет готово к заходу вокруг Грос-Энцерсдорфа для атаки против австрийского левого фланга. Она будет совершена после выхода с плацдарма поздно вечером 5 июля или рано утром 6-го, в зависимости от обстоятельств. Наполеон на этот раз составил замечательно точные и продуманные приказы. Высокая степень успеха на ранних стадиях операции в основном обусловлена именно этим(31).

Хотя было очевидно, что начиная с 30 июня в лагере Наполеона совершается что-то явно важное, в австрийском штабе не могли прийти к единому мнению относительно наилучших контрмер. Карл колебался, выбирая между разными путями действий. Прошло некоторое время, прежде чем удалось убедить его в том, что Наполеон уже вот-вот начнет генеральную операцию.

В предшествующие недели было несколько ложных тревог, но все они кончались ничем. Вначале Карл остановился на передовом сосредоточении своей армии в поддержку позиции Асперна — Эслинга, удерживаемой VI корпусом под командой генерала Кленау (с 26 мая). Хиллер, о котором никто не жалел, ушел в отставку, сославшись на плохое здоровье. Первого июля австрийцы действительно выступили вперед всей массой через Маршфельд к этим передовым позициям, к великому удовлетворению Наполеона. Однако все вскоре изменилось. Генералы Вимпфен и Грюнне были уверены в том, что лучше передислоцировать армию несколько назад, сосредоточив ее между Русбахом и Биссамбергом; они уже несколько недель пытались убедить в этом Карла и вдруг увидели, что наконец они его убедили. «Проведя весь день 2 июля около Грос-Энцерсдорфа и наблюдая тяжелые французские батареи, размещенные на северной стороне острова, он пришел к выводу, что желательно отвести войска несколько назад. Несчастливым следствием этой нерешительности было то, что были приняты только полумеры»(32). Может показаться невероятным, но даже на этой поздней стадии, когда крупное сражение уже было неотвратимо, Карл все еще считал, что Наполеон примет предложение о переговорах. Соответственно, 3 июля большая часть австрийцев отошла назад, на свои старые позиции, простирающиеся от Герасдорфа до Ваграма и вдоль Русбаха. Однако не было предпринято никаких попыток укрепить эту линию. Это означало, что у Наполеона больше не будет возможности обойти с фланга всю армию сразу после высадки, как планировалось вначале. Но с другой стороны, те-

перь уменьшалась угроза непосредственного вмешательства противника во время самой переправы.

Успех второй операции по переправе был полным.

Кроме ранней демонстрации Леграна в направлении на Мюлау, 2 июля была устроена вторая тактическая диверсия против городка Штадлау, что еще более усугубило замешательство в австрийской ставке. Частые ливни, несвойственные этому времени года, и грозы также помогали скрыть весь масштаб передислокации на Лобау от зорких наблюдателей, размещенных на вершине Биссама. К концу вечера 4 июля практически все было готово. Затем, под прикрытием очень кстати начавшейся грозы, головные части штурмовых войск Удино переправились на лодках на Хензельгрунд между девятью и десятью часами и вскоре сняли стоявшие там австрийские посты. В тот же момент, когда на восточном фланге началась стрельба, массивные французские батареи открыли сокрушительный огонь в направлении Асперна, Эсслинга и Грос-Энцерсдорфа; и дым от выстрелов и гроза скрыли от австрийцев переправлявшихся французов. Переправа войск Массены была также успешной. Первые лодки с солдатами переправились на тот берег в 10 часов, и сразу после этого заранее приготовленный мост из 14 понтонов одним пролетом преодолел 178 ярдов воды, отделявших войска от северного берега. Это было настоящим триумфом военных инженеров, и Наполеон лично руководил последними этапами. «Сколько времени вам потребуется, чтобы закрепить на берегу последнюю секцию?» — спросил он у капитана Экманна, командовавшего саперами. «Четверть часа, сир!» — последовал ответ. «Даю вам пять минут. Бертран — следите по часам!»(33)

Первая же попытка установки моста увенчалась успехом, и не успели еще как следует закрепить последние якоря и канаты, когда Наполеон уже послал вперед по сходящим пехоту Массены. Сам Массена пересек мост в легкой коляске; незадолго до этого при падении с лошади он повредил себе ноги. Операция шла как по часам. Удино наступал на деревню Мюлойтен, тесня всех, находившихся перед ним, а Массена быстро разделался с австрийским гарнизоном Уферхауса. Вскоре после двух часов ночи 5 июля четыре пехотные дивизии Даву, за которыми следовали три кавалерийские дивизии, начали переходить по назначенным им местам, и сосредоточение войск на северном берегу пошло согласно графику. Произошло небольшое затруднение из-за того, что, как оказалось, корпусу Удино пришлось пересекать коммуникации Даву для занятия своих исходных позиций в центре первой линии. К счастью, сочетание бездействия австрийцев и умения французских офицеров на ходу преодолевать трудности исправили положение и, как пишет Жомини, «...армии удалось избежать всякого беспорядка за единственным исключением того, что несколько подразделений последовали за своим корпусом»(34). Все это время не чувствовалось никакого сколько-нибудь эффективного сопротивления австрийцев; хотя гарнизон замка в Мюлойтене держался до рассвета.

Учитывая все обстоятельства, французы имели все основания поздравить себя: ни один из мостов не разошелся, и потери были минимальные. До 5 часов утра Карл даже не знал о том, что идет последняя переправа. С большим запозданием он приказал укреплять Русбах, так как он все еще не собирался проводить генеральное сражение близ Дуная. Хотя он и выслал приказ своему брату Иоанну (в окрестностях Прессбурга), вызывая его на соединение со своим левым флангом, он указал, что это должно произойти у Маркграфнойзидля за Русбахом. Только в 9.30 утра Карл осознал всю серьезность положения.

К 9 часам утра Наполеон мог уже не беспокоиться за свой плацдарм. Слева дивизии Массены были вытянуты в линию, уходящую в глубь местности, но обращенную влево, и они успешно оттеснили выдвинутые вперед части VI австрийского корпуса обратно в Грос-Энцерсдорф, а затем заняли город и расположенный рядом островок.

Появилась возможность навести еще один мост на северный берег (закончен к 9 часам вечера). А Даву в это время ушел уже далеко к Виттау, и к 8 часам утра Удино занял назначенную ему позицию между VI и III корпусами.

Таким образом, первая линия Наполеона была заполнена, и стратегически важный центр захода Грос-Энцерсдорф оказался в его руках. Все утро и день шел непрерывный поток войск по мостам; Евгений вышел на свою позицию в середине дня, Бернадот — около 2 часов, гвардия — после 4 часов. По приказу Наполеона ведущие соединения наступали вперед, чтобы расширить плацдарм. Даву при поддержке Евгения упорно продвигался к Глинцендорфу, Удино так же приближался к Баумерсдорфу, за ним следовали саксонцы Бернадота, но самое мощное наступление совершали войска Массены на крайнем левом фланге. Уже в 2.30 дня они вынудили австрийского генерала Нордмана эвакуировать Эсслинг, и не прошло двух часов, как IV корпус овладел и Асперном; генерал Кленау и его VI австрийский корпус спешно отступили к высотам Биссам. Этот значительный успех временно создал брешь между солдатами Массены и Удино, но Наполеон сразу исправил это, выдвинув войска и Бернадота и Евгения из второй линии вперед для заполнения разрыва.

К пяти часам вечера французская армия имела форму неправильного клина. На правом фланге Даву, Удино, Евгений и затем Бернадот (всего около 110 000 человек) находились против среднего течения Русбаха, за которым были развернуты три австрийских корпуса (I, II и IV), состоявшие вместе с кавалерийским резервом почти из 90 000 человек. На крайнем левом фланге 27 000 солдат Массены вытянулись против биссамбергского крыла австрийской армии, которое состояло из grenадер резерва около Герасдорфа, VI и III корпусов, расположенных в окрестностях Штаммерсдорфа и Штреберсдорфа, и V корпуса Ройса, стоявшего вокруг Ланг-Энцерсдорфа в тылу, всего в них было 65 000 австрийцев. В резерве у Наполеона находились гвардия (11 000) и кавалеристы Бесьера (8000). XI корпус Мармона (10 000) и отряд генерала Вреде (7000) начинали переход с правого берега на остров Лобау. Пока еще не было признаков появления войск эрцгерцога Иоанна, но в качестве предосторожности Наполеон выдвинул 8000 легких кавалеристов в направлении Леопольдсдорфа и Глинцендорфа вместе с пехотной дивизией д'Ильера для пристального наблюдения за открытым флангом.

Наполеон обеспечил себе преимущество центрального положения, вклинив свою армию между обоими флангами австрийцев. Австрийские соединения в силу необходимости были более протяженными, чем его собственные, и он имел возможность перебрасывать войска с одного фланга на другой с большей гибкостью, чем его противник, частям которого пришлось бы преодолевать большие расстояния. С другой стороны, перед Великой армией стояла задача вести сражение, имея позади Дунай, и, хотя организация мостов была несравнима с положением в мае; тыловые районы все еще были потенциально уязвимы для любой решительной атаки австрийцев вдоль левого берега. Эрцгерцог Карл начал остро осознавать, как сильно растянуты его позиции. Левый фланг был на хорошей позиции вдоль четырехмильного фронта между Ваграмом и Маркграфнойзидлем, с крутым берегом Росбаха впереди. Однако между этим крылом его армии и правым, растянутым между Биссамом и Герасдорфом, имелся опасный трехмильный разрыв, который прикрывал только австрийский кавалерийский резерв. Таким образом, у австрийских позиций отсутствовала вершина, и оба фланга были фактически разорваны.

Оба главнокомандующих были погружены в планы развития успеха или улучшения общего положения. Теперь эрцгерцог решил сомкнуть свой правый фланг вокруг Ваграма и использовать все свои силы в массивном фронтальном сражении, в котором войска Иоанна будут играть важную роль на крайнем левом фланге. Это означало отказ от плана генерала Вимпффена, его начальника штаба, который предусматривал двойной охват французских флангов — наподобие великого маневра

Ганнибала при Каннах. Этот новый план хотя бы обещал преимущество сосредоточения. Однако, прежде чем были отданы эти приказы, Наполеон начал свое вечернее наступление, и в свете развившихся событий Карл был вынужден снова принять часть замысла Вимпффена для своей контратаки 6 июля — другого выхода не было.

План Наполеона определялся тремя соображениями. Во-первых, он был полон решимости использовать слабость австрийского центра, прежде чем он будет укреплен. Во-вторых, он стремился навязать австрийцам решительное сражение именно в этом месте. И наконец, Наполеон хотел завершить разделение обоих флангов армии противника до подхода эрцгерцога Иоанна, когда он станет новым фактором в сражении. Все эти соображения подсказывали идею немедленной попытки наступления с целью прорыва, невзирая на позднее время и на то, что еще не все французские корпуса вышли на исходные позиции. Соответствующие приказы были отданы между шестью и семью часами. Правое крыло армии должно было, не теряя времени, атаковать австрийские позиции за Русбахом. Даву и Удино должны были сковать II и IV корпуса австрийцев, в то же время осуществляя угрозу их восточному флангу. Бернадот и Евгений наступали против 22 000 солдат I австрийского корпуса у самого Ваграма с целью прорыва его фронта. Когда это произойдет, общего наступления правого крыла к Хельмахофу будет достаточно, чтобы вбить глубокий клин между обоими крыльями австрийской армии. Тем временем на левом фланге Массена будет вести сковывающий бой против биссамбергского крыла Карла.

Вскоре после 7 часов французские батареи открыли огонь и наступление началось. Удино первый вошел в соприкосновение с противником, но, несмотря на отчаянную храбрость его солдат, австрийцы не уступали своих позиций вокруг Баумерсдорфа и даже вынудили французов отойти, неся тяжелые потери. Тем временем Евгений с Итальянской армией и частью корпуса Бернадота наступал на левый фланг II корпуса. Вначале все шло хорошо, генерал Макдональд уже был близок к прорыву австрийской линии, когда в решающий момент на поле боя появился эрцгерцог Карл, воодушевив заколебавшиеся части своего I корпуса. Он привел с собой несколько батальонов II корпуса, только что одержавших верх над Удино. Это подкрепление остановило продвижение Макдональда, но затем положение еще более ухудшилось, внезапная паника распространилась среди солдат; итальянцы дрогнули и побежали — такого события и в таком масштабе не было ни при Аустерлице, ни при Йене, как указывает Петре(35). Беглецы опомнились, только встретив штыки императорской гвардии, подтянутой в резерв.

Хотя австрийцы не смогли развить свой успех из-за наступающих сумерек, эта неудача уничтожила напор французского наступления. Слева от Евгения Бернадот не смог взять штурмом Ваграм и был отброшен назад в Адерклу. На крайнем правом фланге Даву, очень поздно получивший приказ, тоже не смог продвинуться вперед и затем на ночь даже отошел к Глинцендорфу. Бернадот пытался прикрыть свою неудачу обычной неуместной гасконской бравадой. По словам Марбо, он открыто заявил, что Наполеон плохо распорядился делами за этот день и что, «...будь он командующим, он бы заставил Карла ловким маневром сложить оружие почти без боя»(36). Эти слова были переданы императору, который, естественно, был возмущен. Он считал, что Бернадот становился невыносимым.

Так надежды Наполеона на скорую победу при помощи прорыва фронта по Русбаху 5 июля рухнули. Во время вечернего наступления почти не было завоевано хоть немного вражеской территории, а под покровом темноты император из предосторожности снова сосредоточил в одном месте основные элементы своей армии, чтобы быть готовым ко всему, что принесет рассвет. Для этого Даву отступил немного назад на правом фланге, а Массена подтянул свой корпус ближе к Адеркле на левом фланге. Только дивизия Бюде была оставлена в окрестностях Асперна для

охраны подходов к острову Лобау и его драгоценным мостам. За соединениями первой линии Наполеон сосредоточил дивизию Вреде, корпус Мармона, гвардию и кавалерийский резерв в центральной позиции поддержки вокруг Расдорфа. Таким путем была воссоздана идея батальонных каре, готовых предпринять бой в любом направлении. Войска Рейнэе были пока оставлены в качестве гарнизона на острове Лобау. Наполеон считал, что в целом день прошел не так уж и плохо. Армия была сосредоточена всей массой на левом берегу, австрийцев основательно потрепали, и следующее утро, казалось, сулило решающую победу. Император провел ночь на придорожном бивуаке, окруженный своими войсками, немного поспав в тени барабанов, сложенных пирамидой. Он очень мало отдыхал, почти всю ночь инструктировал генералов, приезжавших к нему за получением приказов. Для него это была уже третья ночь почти без сна.

На равнине, на расстоянии нескольких миль, Карл тоже давал приказы на возобновление сражения 6 июля. Теперь он уже не думал о том, чтобы отложить сражение. Его уверенность возросла от успеха, с каким русбахские позиции смогли противиться Великой армии; он был убежден, что его брат Иоанн уже близко. Поэтому Карл решил вести сражение по плану (он его едва не отверг накануне) — совершить двойной фланговый охват. Главной целью являлся Массена и французское левое крыло — явно более слабый фланг армии Наполеона. Этот сектор должны были атаковать 36000 солдат III и VI корпусов, в то время как центральные соединения австрийской армии поведут второстепенную атаку против французских позиций у Адерклы, а Розенбург обрушивался на Гроссхофен — Глинцендорф, угрожая правому флангу Наполеона. Согласно плану, все эти атаки должны были начаться приблизительно в одно и то же время — около 4 часов утра.

Понимая стратегическую важность Адерклы — ключа к своему слабому центру и оси французской позиции, — Карл решил лично присутствовать в I корпусе во время атаки. А там, пока Кленау и Коловрат прорываются сквозь позиции Массены через Асперн и Брейтенле к уязвимым французским мостам, на дальнем французском фланге должен появиться эрцгерцог Иоанн, и победа превратится в сплошной триумф.

Начальный план Наполеона, документов о котором не сохранилось (вероятно, все его распоряжения были устными), очевидно, был следующим: на второстепенном направлении Массена должен был отражать любую атаку австрийцев, тогда как Бернадот и Удино наносили фронтальный удар в направлении Русбаха. Эти операции должны были прикрыть усилии III корпуса проникнуть за ручей и смять левый фланг австрийцев ударом через Маркграфнойзидль. В критический момент главная ударная сила — Итальянская армия Евгения — приблизится и прорвет австрийский центр у Ваграма.

Гвардия и корпус Мармона должны были оставаться в центральном резерве около Расдорфа, готовые отразить любое вмешательство эрцгерцога Иоанна, направлявшегося из Леопольдсдорфа. Но этот план так и не реализовался в первоначальном варианте — эрцгерцог Карл успел первым нанести удар.

Около 4 часов утра французские войска послали на исходные позиции, и едва они успели их достичь, как на крайнем правом фланге Даву началась сильная стрельба. Его атаковал князь Розенбург, возглавлявший фланг австрийцев. Наполеон был застигнут врасплох и немедленно приказал своим подчиненным подождать начинать ответные действия, пока не прояснится обстановка. Опасаясь, что атака с этого сектора свидетельствовала о возможном появлении эрцгерцога Иоанна на поле боя, император поспешил к Даву, выслав тяжелую кавалерию и конную артиллерию Нансути на крайний правый фланг. В то же время гвардия сдвинулась немного влево — явный признак волнения Наполеона. Некоторое время Даву был вынужден отступать, но подход подкрепления позволил ему поставить двенадцать пушек во фланг австрийского IV корпуса, и из них так успешно открыли огонь,

что наступление Розенбурга было остановлено, и к 6 часам III корпус триумфально перешел через Русбах, преследуя растерянных австрийцев. Наполеон, очень довольный таким поворотом событий в секторе Даву, приказал продолжать наступление на Маркграфнойзидль, впрочем, заметив, что потребуется два часа для завершения подготовки к нему. Большинство резервов в это время вернулись к центру.

Критические моменты этого дня только начались. Не успел Наполеон порадоваться успеху на правом фланге, как ему донесли, что сектор Бернадота под угрозой развала. Князь Понтекорво ранее вышел из Адерклы, не известив ставку, по видимому желая сомкнуться с Евгением справа от себя и с Массеной слева и тем сократить свой фронт. Наполеон был вне себя от гнева, узнав, что этот стратегический пункт был отдан австрийским солдатам Бельгарда без единого выстрела. Он приказал Массене и Бернадоту снова отбить Адерклу любой ценой. То, что Наполеон включил и Массену в этот приказ, свидетельствует о неожиданности готовящейся главной атаки австрийцев против его левого фланга. Наполеон следил за своим правым флангом, ожидая, что Даву, взяв Маркграфнойзидль, поставит под удар всю русбахскую позицию неприятеля.

Следуя приказу, Массена послал дивизию Карра Сен-Сира, поддерживаемую справа саксонцами Бернадота, для возвращения Адерклы. Деревня была взята одним ударом, но появление эрцгерцога Карла снова повлияло на исход боя. В бой он бросил своих гренадер и кавалерийский резерв — и почти сразу саксонцы трусливо побежали в тыл, захватывая с собой часть солдат Массены. Бернадоту очень не повезло: пытаясь обогнать своих солдат, чтобы повернуть и собрать их, он галлопом помчался перед ними, и во время этого странного маневра он как раз налетел на императора. Помня переданные ему слова Бернадота накануне вечером, Наполеон не удержался от искушения отомстить ему: «Это тот самый «ловкий маневр», которым вы заставите эрцгерцога сложить оружие?» — ледяным тоном спросил он. Ошеломленный Бернадот лишился дара речи. «С этого момента я отстраняю вас от командования корпусом, которое вы так недобросовестно выполняли, — продолжал император. — Уйдите с глаз долой, и через сутки чтобы вас не было в Великой армии...»(37) Это было жестоким наказанием, но Бернадот, хотя никогда раньше не был трусом, каким мог показаться сейчас, уже давно стал ненадежен, и его даже подозревали в возможной измене.

Наконец сектор Адеркла более или менее стабилизировался, но около 9 часов пришли плохие вести, на этот раз с крайнего левого фланга. Оказалось, что час назад наконец началась атака III и VI корпусов Карла (хотя четырьмя часами позже задуманной), по времени удачно совпавшая с осложнением из-за Адерклы у Массены. Изолированная дивизия Буда была отброшена численно превосходившими силами австрийцев назад, на выступ Мюлау на Дунае; авангард Кленау уже был на востоке у Эслинга, и казалось, уже ничто не сможет предотвратить успешного обхода австрийцами левого фланга Наполеона. Император сразу же устремился в район этого нового кризиса. К счастью для французов, из-за своей постоянной медлительности австрийцы не умели полностью развить успех, и это дало Наполеону немного времени, чтобы успеть принять контрмеры и предотвратить катастрофу. К счастью, и Евгений использовал свою инициативу и решил повернуть войско Макдональда и его корпусную артиллерию на запад, чтобы образовать ядро новой линии. Этот изобретательный маневр успешно завершился и временно помог остановить наступление австрийцев.

Каждый кризис был моментом взлета Наполеона. Как записывал Мармон, «император оставался совершенно спокойным, хотя на лицах его подчиненных читалась тревога, вызванная победоносным наступлением правого крыла противника»(38). Перед ним были два пути. Он мог дать возможность Кленау беспрепятственно продолжать наступление, как это было при Аустерлице, когда австро-русскому левому флангу было позволено переправиться через Гольдбах, а са-

тому в это время ждать победы Даву на правом фланге. Но он знал, что его солдаты на поле боя были отнюдь не те, что храбро бились в 1805 году, и что среди теперешних может вдруг начаться паника, чему уже было два примера за последние сутки. Поэтому он выбрал второй вариант действий, основанный на трудной перестройке непрерывной линии, идущей к берегу Дуная, путем поворота остальных трех дивизий корпуса Массены влево; следовало направить их на юг перед самым фронтом армии неприятеля при поддержке кавалерии Ласалья. Маневр был рискованным, но кризис требовал принятия самых отчаянных мер, и Наполеон был полностью уверен в искусстве, вероятно, самого талантливого из своих сподвижников. Этот маневр потребует времени, а его не хватало, потому что австрийцы могли броситься в наступление и неминуемо пробить брешь во французском центре, которую придется восполнять. Чтобы выиграть время, Наполеон обратился к Бесьеру и к кавалерийскому резерву. С величайшей храбростью и самоотверженностью французская конница провела несколько атак против австрийцев, сосредоточившихся между Адерклой и Зюсенбрунном, тем самым давая Массене возможность незаметно для австрийских гренадер и их I корпуса направить к цели свои дивизии, выстроенные в боевой порядок.

Император также искусно выполнил задачу ликвидации бреши, созданной в его линии этим маневром Массены. Половину разрыва заполнили саксонцы и Итальянская армия, но для сектора Ной-Виртхауса не хватало регулярных соединений, поэтому Наполеон быстро образовал батарею из 112 орудий под командованием генерала Лористона, взяв все 72 ствола гвардейской артиллерии и добавив к ним 40 пушек Итальянской армии. Тем временем Даву было приказано немедленно наступать на противоположный фланг. Этим мгновенно продуманных мер оказалось достаточно, чтобы спасти положение. Французская кавалерия позволила выиграть драгоценное время (подобно происшедшему двумя годами раньше при Эйлау), а пехота Макдональда и артиллерия Лористона успешно остановили III корпус австрийцев. Однако все это было достигнуто ценой ужасающих потерь; многих артиллеристов скосил огонь австрийцев, а их место могло быть заполнено только солдатами, взятыми из гвардии. «Отряды егерей и гренадер, посланных в пехотные батареи гвардейской артиллерии, вели себя с величайшей храбростью», — пишет генерал Друо в своем донесении(39). Благодаря их исключительному героизму Коловрат был вынужден обороняться под градом ядер и картечи. Пушки также играли решающую роль и на другом секторе; батарее, сосредоточенные на Лобау, эффективно обстреливали фланг плотных колонн Кленау, медленно продвигавшихся к Эсслингу, где артиллерийский огонь вскоре вызвал полный хаос. Благодаря таким тактическим отвлечениям Массена смог выйти на намеченные позиции к полудню, уже подготовившись к контратаке. Кризис битвы миновал.

Нелегко было превратить с трудом предотвращенную катастрофу в полноценную победу. Вдали, на правом фланге, Даву начал свою атаку на Маркграфнойзидль в 10 часов, как и планировалось, но ему пришлось ожесточенно сражаться за каждую пядь. Лошадь герцога Ауэрштедтского была убита под ним, а генерал Гюден, находившийся рядом с ним, получил четыре раны. Однако давление на австрийцев неуклонно поддерживалось, и их левый фланг отступал все дальше, пока Карл не прибыл во главе своего кавалерийского резерва и не начал отчаянную контратаку. Какое-то время казалось, что французский III корпус исчез; австрийские кавалеристы прорвались через линию фронта Даву и обрушились на вторую линию, но их усилия неумело координировались, и французы выдержали этот натиск. После перерыва для перестроения французы снова настойчиво двинулись вперед. Вскоре после полудня Наполеон увидел в подзорную трубу, как линия задымления, отмечавшая огневую линию Даву, миновала колокольню церкви в Маркграфнойзидле. В этот момент французская боевая линия напоминала большую букву «Z». Император с треском сложил свою подзорную трубу. Теперь

он знал, что австрийский левый фланг безнадежно сломлен и что пришел момент для нанесения решающего удара в центре слева. К счастью, до сих пор не было следов эрцгерцога Иоанна — этот единственно неизвестный фактор мог бы осложнить исход сражения.

Адъютанты императора бешено неслись во все стороны по равнине. Мюрату был направлен приказ атаковать, ибо «битва выиграна, так как эрцгерцог Иоанн не появился». Удино получил приказ штурмом взять высоту непосредственно перед его фронтом на восточной стороне Ваграма. Но критическая главная атака была доверена корпусу Макдональда, теперь подтянутому к батарее Лористона. У Макдональда было всего 8000 человек, но его цель была реальна. Если бы он мог совершить прорыв австрийской линии в участке (около Зюссенбрунна), где австрийские гренадеры примыкали к III корпусу Коловрата, победа будет одержана и армия Карла полностью разбита.

Барабаны забили сигнал «в атаку», ослепительное июльское солнце заиграло на тысячах штыков, и Макдональд пошел в наступление. Впереди шли 8 батальонов, развернутых в четыре пары; батальонные колонны из девяти и четырех батальонов поддерживали правый и левый фланги этих войск, еще три батальона замыкали тыл. Слева ехали кирасиры Нансути, справа — гвардейская кавалерия Вальтера. Этот огромный четырехугольник из 8000 человек представлял легкую мишень для австрийских канониров, но из-за ненадежности морального духа войск Макдональда нельзя было принять более развернутый боевой порядок. Разрываемое пушечными ядрами и снарядами каре двигалось все дальше по равнине и, отбросив австрийских застрельщиков, обрушилось на главную линию за ними, но не смогло прорвать ее. Решительная атака французской кавалерии могла бы теперь принести победу, но резервы отсутствовали. Главная атака остановилась; ожидаемая полная победа все еще не была одержана. Очень скоро Макдональд начал решительно требовать подкреплений; количество его солдат уменьшилось до 1500. Наполеон нашел подкрепления. Часть войск Евгения, наступавших на Ваграм, отвели и добавили к молодой гвардии и солдатам Вреде, чтобы они стали силой поддержки. Характерен приказ Наполеона генералу Вреде, отданный в этот напряженный момент: «Вы видите несчастное положение Макдональда! Вперед, на помощь! Спасайте корпус и атакуйте противника; короче, делайте, что считаете нужным»(40).

После этого у Наполеона осталось только два полка старой гвардии, с которыми он должен был встретить армию Иоанна, если бы она появилась с запада. Уменьшить свои резервы настолько было рассчитанным риском.

Однако беспокоиться не было причин, потому что на других участках фронта битва была почти выиграна. На правом фланге Даву все еще гнал впереди себя австрийское крыло. На левом к 2 часам Массена с боем занял Асперн. Итальянская армия, поддерживаемая Удино и Мармоном, уже почти овладела Ваграмом в центре.

Уже не надеясь на прибытие своего брата с обещанными 13 000 свежих солдат и понимая, что уже слишком поздно вызывать 8000 резервных солдат V корпуса, которые в течение всей битвы празднично стояли около Биссама, эрцгерцог Карл (к тому же легко раненный) уже дал приказ на постепенный отход. Начало этого движения совпало с возобновившимся наступлением Наполеона по всему фронту, и это убедило Карла превратить свой отход в общее отступление по направлению к Чехии. Еще шли ожесточенные схватки; в одной из них генерал Ласаль — лучшая сабля французской легкой кавалерии — был убит на месте (последняя, но не менее важная утрата в ряду невозполнимых потерь среди высших офицеров в эту кампанию). Однако исход был решен. Наполеон выиграл битву при Ваграме.

Но это не было полной победой, которую он желал одержать. Уже не повторился триумф Аустерлица или Йены. Не было даже попытки немедленного преследования, исключая кавалерию. Войска вели непрерывный бой в течение более 16 часов — лишь в 8 часов вечера замерла последняя стрельба. Дневная жара уси-

лила изнеможение солдат, и к вечеру они были совершенно не в состоянии двигаться. Кроме того, Наполеон все еще ждал подхода эрцгерцога Иоанна, не зная, что из-за сочетания путаных приказов и весьма неторопливого марша тот находится еще не близко.

Только в четыре часа пополудни Иоанн появился близ Зибенбрунна. После недолгой паники французские войска в его окрестностях сосредоточились и вскоре обратили австрийцев в бегство. Однако только 7 июля Наполеон осознал, что на третий день сражения не будет. Поэтому Карл смог отвести без особых помех большую часть своих солдат с многострадального поля боя.

Если бы иначе сложились обстоятельства, эта кампания могла бы тянуться еще значительное время.

Наполеон выиграл победу, но ужасной ценой. Как бы ни лгали его бюллетени, упоминавшие очень малые потери, на самом деле не менее 32 500 участников боев, или 24% Великой армии, были убиты или ранены. В этих списках потерь было не менее 40 генералов и 1822 офицера; в них не учитывались 7000 французов, взятых в плен, вместе с 12 орлами и 24 пушками. Разумеется, у австрийцев было еще хуже. В списках их потерь числились 37 146 человек убитых, раненых и взятых в плен, или несколько больше четверти их боевой численности; действительная же цифра была, вероятно, больше на несколько тысяч человек. Среди убитых было 4 генерала, в том числе и Вукассович, 13 старших офицеров были ранены; всего в списках потерь насчитывалось 730 австрийских офицеров. Французам достались 10 штандартов и 20 пушек. В знак признания воинской доблести Макдональд получил маршальский жезл из рук императора.

Серьезное преследование Карла началось только 7 июля, после того как Наполеон организовал новые коммуникации, которые вели обратно к Вене. Отсутствие боевого напора у французов дало Карлу значительное преимущество. К тому же Наполеон не имел точных сведений, куда ушли австрийцы, поэтому 8 июля он направил Массену к Цнайму¹, Даву и Мармона — к Брюнну, гвардия и Удино находились в центральном резерве, эти перестановки сделаны, чтобы перекрыть Карлу любой путь к спасению. Восьмого было несколько ожесточенных арьергардных стычек, свидетельствовавших о том, что войска Карла все еще были способны к сопротивлению. Только 9 июля стало ясно, что эрцгерцог уводит свои войска к Цнайму, за реку Тайя, надеясь, что этот рубеж отделит его от французов. Наполеон без промедления направил свой центральный резерв в поддержку Массене. Тем временем Мармон по собственной инициативе решил перехватить Карла у реки Тайя и отрезать его от переправ. Перейдя реку много восточнее Цнайма, Мармон спустился вниз по левому берегу, не думая о возможной опасности, которую он навлекает на себя, действуя в одиночку. В сущности, это было повторением маневра у Ландсхута. Десятого июля он достиг Цнайма и узнал, что большая часть армии Карла уже переправилась, но, несмотря на это, Мармон бросил своих солдат в неравный бой, надеясь задержать австрийцев, пока не подойдут основные силы французов из тыла. В этом ему повезло, так как рано утром на следующий день прибыл Массена и снова начал бой.

Этому новому сражению было суждено длиться не долго. Если армия эрцгерцога Карла была все еще способна сражаться, сам он уже не мог, и, едва началась стрельба, он запросил перемирия. Наполеон согласился на это, убедившись, что его собственные солдаты слишком измотаны, чтобы добиться полной победы. Условия были подписаны в 2 часа ночи 12 июля, и, таким образом, активная фаза кампании 1809 года подошла к концу.

Однако противники полного мира еще не достигли; потребовалось несколько месяцев ожесточенных препирательств, прежде чем удалось прийти к соглашению.

¹ Теперешний Зноймо в Чехии.

Император Франц был особенно неуступчив, и в нескольких случаях едва не возобновились военные действия. Высадка британских армий в Вальхерене в Голландии произвела сильное впечатление на сторонников австрийской партии войны, которая стала снова стремиться одержать верх. Однако в это время император отстранил Карла от командования (18 июля) — это было самым опрометчивым действием императора и фактически сделало невозможным возобновление боевых действий. К тому же австрийский император все более ощущал всевозрастающую изоляцию своей страны и предпочел не допустить полной катастрофы, которую, как он понимал, повлечет за собой возобновление войны. И он подписал 14 октября наконец Прессбургский мирный договор в Шёнбрунне. Наполеон ранее всегда удивлялся скромности его требований, но на этот раз они были весомыми, и Наполеону повезло, что они не были более трудновыполнимыми, учитывая ограниченный успех этой кампании. Австрия согласилась уступить Зальцбург и Иннфиртель (потом был передан Баварии), кроме больших частей Фриуля, Карниолы и Каринтии, крупный город Триест и части Далмации и Кроатии¹, южнее реки Савы. Австрийские владения в Польше были переданы Великому герцогу Варшавскому, а царь Александр получил небольшую часть Галиции — видимо, в награду за то, что оставался нейтральным в этой войне. Эти уступки коснулись 3 миллионов австрийских подданных — что составляло немалую долю всего ее населения (16 миллионов человек). Франц согласился также выплатить контрибуцию, равную почти 85 миллионам франков, признал Жозефа королем Испании и снова подтвердил запрещение торговли с Британией в своих оставшихся владениях.

Австрийская армия не могла иметь численность свыше 150 000 человек. Это было крайним унижением для Австрии.

Глава 66

ИЛЛЮЗИЯ УСПЕХА

Уроки кампании 1809 года имеют большое значение для понимания причин заката ослепительной карьеры Наполеона. В этой кампании были отдельные моменты, когда Наполеон выступал во всем блеске своего военного гения. Так, он искусно исправил чуть ли не роковые ошибки Бертье в самом начале кампании; его управление составными корпусами в течение последующей недели беспорядочных боев — все заслуживает величайшей похвалы и признания. Многие военные источники ставят Ваграм в ряд его величайших сражений с точки зрения тактического искусства. Его умение выходить из одной критической ситуации за другой, когда он не терял присутствия духа даже в самые страшные моменты, создает облик великого полководца.

Однако за эти три лихорадочных месяца кампании Наполеон сделал больше ошибок, чем за все свои предшествующие кампании, вместе взятые. Никто, кроме Наполеона, не нес ответственности за первоначальное назначение Бертье командующим Германской армией, хотя он несомненно знал определенные недостатки его в качестве полевого командира и тем самым поставил свою армию в критическую ситуацию, из которой извлечь ее в последний момент помог только его гений. Возможно, он надеялся, что в последний момент Россия предотвратит объявление войны Австрией, но к тому времени, когда Бертье занял против своего желания это место, уже чувствовались признаки некоторого упадка в стратегическом мышлении. Как ни блестяще было руководство боевыми действиями 19—25 апреля, Наполеон не достиг своей конечной цели — уничтожения австрийской армии и главным

¹ Хорватия. (Примеч. консультанта.)

образом потому, что он настоял на разделении своих сил (сосредоточить их ему стоило немалых трудов) и отделил от основной массы войск вначале Массену, затем Лефевра, дав им второстепенные задания. Это было явным нарушением собственных же принципов. Еще труднее оправдать его последующее решение наступать на Вену в конце апреля — начале мая, вместо того чтобы переправиться через Дунай, преследуя дезорганизованную армию противника. Кажется, что внезапное сверкающее притяжение австрийской столицы ослепило его в такой степени, что он перестал правильно оценивать обстановку и дал отвлечь свое внимание (подобно тому, как Мюрат отвлекал в 1805 году, за что его жестоко критиковал Наполеон). Не мог же он рассчитывать на то, что оккупация Шёнбрунна *ipso facto*¹ принесет ему победный мир после опыта Аустерлицкой кампании. И все же сходная ошибка была снова совершена им в 1812 году.

На тактическом уровне неоправданным было его поспешное и непродуманное решение совершить неподготовленную переправу через Дунай в середине мая. Возможно, что в это время Наполеон все еще недооценивал военные способности австрийской «канальи» и надеялся взять его врасплох неожиданным маневром, одним ударом покончив с мятежными настроениями населения против своего господства, распространявшимися по всей Германии. Однако в последующем сражении при Асперне — Эсслинге ему еще исключительно повезло, что он, хотя и пострадавший, все же выскочил из невозможного положения, созданного, главным образом, его же чрезмерной самоуверенностью. Бюллетени сколько угодно могут объяснять все его неудачи аварией моста, но на самом деле его поражение было вызвано грубой ошибкой в определении возможного и невозможного и в оценке шансов его армии. В этом случае его знаменитое умение извлечь максимум из обстановки побудило его сделать крайне опрометчивый шаг. Внимание, которое он уделил второй переправе, показывает, что он понял свои прежние ошибки и все еще был способен учиться на них, но ценой этого стали 20 000 жизней соотечественников и сильный удар по собственному престижу.

Его дар воодушевлять даже необстрелянных солдат и возбуждать доверие и преданность войск союзников оставался таким же ярким, и несомненно он был лучшим полководцем всех армий, несмотря на все свои ошибки. Но что-то потускнело в прежнем блеске энергии. Многие из его приказов неясно сформулированы и могли быть еще более неправильно истолкованы, чем ранее: у него появляются заметные приступы какой-то летаргии или крайнего изнеможения и после Асперна — Эсслинга, и после Ваграма; его последний поступок по отношению к Бернадоту — хотя и оправданный — заработал ему ненависть этого талантливого человека, и обращение с ним Наполеона было весьма далеко от прежних тонких способов привлечения к себе подчиненных. Видимо, все это все же указывает, что к 1809 году Наполеон уже миновал период расцвета. Его камердинер Констан рассказывал, что как-то после 1805 года Наполеон сделал такое замечание: «Для войны существует точно отмеренное время. Я буду годен для нее еще лет шесть, но потом и мне придется остановиться»(41). Как заметил Додж, «но не подходил ли уже этот срок?». И наконец, есть свидетельство об одном очень не наполеоновском высказывании в одном из его писем после Ваграма: «На сражение надо идти только в том случае, когда больше не ждешь никаких даров фортуны, потому что по своей природе исход сражения всегда сомнителен»(42). Едва ли на таком отношении основывались его прежние величайшие кампании.

Кроме этого ослабления некоторых способностей Наполеона, было также и заметное ухудшение в уровне боевой подготовки его войск. В пехоте, бывшей когда-то гордостью Великой армии и ужасом всей Европы, оказалось слишком много неопытных новобранцев, и она перестала быть такой надежной, как ранее. Напо-

¹ Сама собой (лат.).

леон видел это и не жалел сил, чтобы воспитать высокий моральный дух среди «своих детей». Но никакой личный пример не мог возместить отсутствие опыта у многих солдат и младших офицеров в 1809 году. Обеспечение пехоты полковой артиллерией было сделано с целью укрепить их моральный дух в бою. Из-за бегства с поля боя части солдат Макдональда 5 июля на следующий день для окончательной атаки пришлось выстраивать солдат в массивный и тем самым уязвимый порядок, и это доказывает, что пехоте как отдельному роду войск уже больше нечем гордиться. Все большее использование войск союзников тоже говорит об изменении личного состава в армии империи. Росло количество итальянцев, баварцев, саксонцев и других союзных частей, по мере того как Франция теряла способность обеспечивать армию только своими ресурсами. Это было причиной падения боевой готовности и общей надежности всей армии. Повальное бегство с поля боя саксонцев Бернадота на второй день при Ваграме и высокий уровень потерь среди офицеров в этом сражении показывают неблагоприятное в ней.

В кавалерии упадок был не так заметен. Хотя войска, выполнявшие роль кавалерийской завесы, не смогли добыть необходимые сведения в нескольких случаях (особенно в первый день Асперна — Эсслинга), все же результаты боев кавалерии оставались высокими. Одной из причин было, вероятно, то, что в кавалерию поступали с гораздо большей охотой, чем в пехоту. Кавалерия привлекала к себе лучших, самых подготовленных рекрутов; к тому же необходимость гораздо более длительной профессиональной подготовки кавалериста, естественно, давала и более высокий уровень всего этого рода войск.

Артиллерия как род войск все еще страдала от низкой подвижности. За исключением конной артиллерии, от французских артиллеристов все еще требовалось идти рядом со своей пушкой во время совершения марша, и, разумеется, это сильно замедляло скорость, с которой пушки могли бы передвигаться и устанавливаться в боевое положение на поле боя. Хотя в начале кампании была заметная нехватка в артиллерии, Наполеон смог ликвидировать эту недостачу к Ваграмскому сражению, приспособив множество захваченных австрийских пушек к использованию в своих войсках, а также всеми правдами и неправдами заполучив остальное необходимое количество у своего издерганного военного министра Кларка. Лишь на последних стадиях кампании артиллерия наконец смогла полностью выполнять свою роль и император замечательно искусно применял свои батареи в нескольких критических моментах в сражении 5—6 июля.

В такой многоязычной и наспех организованной армии уровень дисциплины вне поля боя был, естественно, весьма низок. Хотя в прошлом Наполеон часто не обращал должного внимания на мародерство и другие непотребства, совершавшиеся его солдатами, количество жалоб в 1809 году достигло такого уровня, что он был вынужден обратиться к жестоким мерам. По его приказу, начальник военной полиции армии создал пять военных трибуналов при корпусах, которые разрешили все вопросы военных преступлений. Были приняты драконовские законы: «Каждый солдат, который под предлогом изнеможения оставляет свой корпус с целью мародерства, будет арестован, судим военным трибуналом и казнен на месте»(43), — гласил один из них.

Победы в последней кампании сильно укрепляли высокие военные качества австрийских солдат и поднимали веру в несомненный талант их главнокомандующего. Эрцгерцог Карл был самым серьезным противником, с кем до сих пор пришлось встречаться Наполеону. Карл воссоздал австрийскую армию, сделав ее неизмеримо более боеспособной, по сравнению с теми жалкими остатками армии, что он получил в декабре 1805 года, а боевой дух, проявленный всеми — от рядового до главнокомандующего, — заслуживает высокой похвалы даже противника. Разбить Наполеона при Асперне — Эсслинге — уже было свидетельством стратегического таланта Карла, но даже и при Ваграме Карл не дал одержать над собой полную

победу, к которой так стремился император, так что французам, можно считать, повезло с заключением столь выгодного мира.

Безусловно, недостатки армии Карла были значительны: австрийские силы не всегда правильно использовались. Низкая скорость наступления в начале кампании лишила Карла чуть ли не всех его преимуществ, которые он мог бы извлечь из того важного факта, что силы противника были значительно рассеяны, и медлительность австрийцев дала французам как раз то небольшое время, которого им не хватало для улучшения своих диспозиций перед тем, как нанести главный удар. Поведение австрийской армии в дни боев далеко не было примерным. А то, что Карл все же смог вывести большую часть своих солдат в Чехию, говорит о том, что его армия в отступлении была куда мобильнее, чем в наступлении. В дни, непосредственно предшествовавшие сражению при Асперне — Эсслинге, армии Карла заметно не хватало воинственных качеств, а в период после этой частичной победы австрийцев они не извлекли достаточно преимуществ из сложившегося положения. Казалось, что Карл и его генералы пассивны и нерешительны. Может быть, он был прав, решив отложить главные операции до прибытия (или хотя бы приближения) своего брата Иоанна. Но нет сомнений, что разногласия в высшем военном командовании у австрийцев очень облегчили возобновление наступления Наполеона в начале июля и его последующую победу.

Наполеон в своей кампании в 1809 году против Австрии разгромил своих габсбургских противников и заставил их просить мира. Он смог достаточно скоро погасить в самом начале угрожавшее ему восстание, вспыхнувшее по всей Германии. «Могу подтвердить, — писал Бурьен, — что в 1809 году требовалась быстрота похода императора на Вену, чтобы разгромить все заговоры, множившиеся против его правления; ибо если бы он не одержал победу, они были уже готовы нанести ему удар»(44). Поэтому неудача при Асперне — Эсслинге была на самом деле куда более значительной, чем тогда казалось.

Однако даже победа при Ваграме и британская эвакуация Вальхерена (конец сентября) не смогли подавить дух германского национализма. Этот неприятный факт был наглядно продемонстрирован императору 23 октября — лишь через десять дней после заключения мира. На параде части армии к Наполеону приблизился восемнадцатилетний юноша — немец по фамилии Штапс, желая подать ему какое-то прошение. В последний момент, когда только ярд отделил его от Наполеона, Штапс попытался вытащить кинжал, но в самое последнее мгновение его перехватил бдительный генерал Рапп — главный адъютант Наполеона. Наполеон долго допрашивал молодого человека, стараясь выяснить мотивы попытки его покушения. Желая поразить юношу своим великодушием, император предложил ему помилование в обмен на его извинение. Но Штапс отказался. «Мне не нужно прощения. Я жалею только о том, что моя попытка не удалась». Все угрозы и просьбы были тщетны, Штапс оставался непоколебимо враждебно настроен, и Наполеону пришлось отправить его на суд. «Я никогда не видел Наполеона таким смущенным, — продолжает Рапп в своих воспоминаниях. — Ответы Штапса и его непоколебимая решимость совершенно потрясли его. Он приказал увести арестованного и, когда того увели, сказал: «Это все результат тайных обществ, заполонивших Германию. Это все действие прекрасных принципов и просвещения. Они делают убийц из молодых людей. Но что можно сделать против просветительства? Секту пушками не уничтожишь»(45). Последняя фраза справедлива; дух германского национализма уже так глубоко укоренился к этому времени, что его нельзя было побороть одним неудачным сражением. Поэтому в широком смысле слова наполеоновская кампания 1809 года несомненно была неудачей. Стремление освободиться от французского ига не было подавлено, и со временем оно проявится еще сильнее.

Часть тринадцатая

ДОРОГА НА МОСКВУ

*Первая часть русской кампании Наполеона
22 июня — 15 сентября 1812 года*

Глава 67

РАСПАД ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

«Солдаты! — обратился император к армии 22 июня 1812 года. — Вторая польская война началась; первая окончилась Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась в вечной дружбе с Францией и обязалась воевать с Англией. Сегодня она нарушила свои обязательства! Она не дает объяснений своего странного поведения, пока французские орлы снова не отойдут назад за Рейн, бросив наших далеких союзников на ее милость. На своем опыте она узнает, что ей суждено. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Так пойдем вперед, перейдем Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен; он положит конец этому гибельному влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет оказывает на Европу»(1).

Если признаки будущего падения Наполеона были заметны еще зимой 1806 года, приближение его падения несомненно ускорило катастрофической кампанией 1812 года. Время показало, что вторжение Наполеона в Россию явилось тем необратимым действием, которое уничтожило всякую возможность сохранения Империи и его самого. С момента, когда первые войска переправились через Неман, император ступил на тот путь, который неумолимо вел его к Святой Елене, и, хотя в последующие несколько лет судьба подарила еще ряд побед французскому оружию, прошлую славу вернуть было уже невозможно. Жребий был брошен 22 июня 1812 года, хотя об этом догадывались очень немногие.

Разрушение «духа Тильзита» не было делом одного момента. Прошло несколько лет, пока трения между Францией и Россией не достигли такой напряженности, что большая война стала неизбежной. Причин этой роковой вражды было много, и они были сложны, но выделялись основные мотивы. Французский историк Бенвиль писал: «Наполеон шел в Москву, преследуя призрак Тильзита»(2). В основном неумолимое честолюбие, жажда власти и желание восстановить свое положение в мире, которое у него было до июля 1807 года, — вот что заставило Наполеона принять свое роковое решение. В Тильзите Наполеон наслаждался кажущимся ему полным успехом; один монарх древнего происхождения — несчастный король Пруссии — был на «мирной» конференции в роли беспомощного

просителя; другой — всесильный царь Великия, Малыя и Белья Руси — стремился достичь дружественного соглашения с «искателем приключений — корсиканцем» даже ценой союза, явно выгодного только Франции. Это было «звездным часом» Наполеона, по крайней мере, так выглядело внешне. По всей видимости, он был тогда полным повелителем континентальной Европы.

Но в годы, последовавшие после этого триумфа, баланс сил медленно смещался в пользу России. С самого начала большинство приближенных царя отнеслись к союзу с Францией с большой осторожностью, если не с открытой враждебностью. Рассорившись с Наполеоном и перестав ощущать его магнетическое очарование, альтруистический и впечатлительный Александр начал постепенно менять свои мнения. Вначале было мало признаков назревавшего раскола. Наполеон усиленно старался беречь свою дружбу с Россией, тщательно избегая дальнейших вторжений в те области Восточной Европы, которые являлись наиболее чувствительными для интересов Романовых. Французская армия, или ее большая часть, была либо передислоцирована в Испанию в конце 1808 года, либо отведена назад, за Эльбу, и Наполеон открыто побуждал Александра искать новых завоеваний за счет Финляндии и своих азиатских соседей. Он даже выдвинул фантастические планы совместного наступления на Турцию и Персию. Со своей стороны, Александр приказал следовать континентальной системе, что вскоре привело к официальному состоянию войны с Англией, а сам занялся планами большого количества судебных и административных реформ, аналогичных уже проведенным в Западной Европе.

Но под внешней поверхностью дружеских отношений таились главные противоречия друг другу интересы, которые со временем разрушили полностью франко-русскую дружбу. Александр стремился завладеть Константинополем и балканскими государствами, известными как «княжества»¹. Наполеон же с не меньшей решимостью не желал допускать русского влияния в Средиземноморье. Затем был очень болезненный пункт, касавшийся Варшавского герцогства (княжества). Наполеон не желал восстановления древнего королевства Польши, по крайней мере под старым названием. Однако Петербург рассматривал французское влияние в этой области как явное вторжение в «переднюю» России. В-третьих, экономические затруднения, возникшие из-за соблюдения Россией континентальной системы, привели к прекращению торговли лесом и другими «корабельными» товарами с Англией, что вызывало недовольство среди дворянства и купечества, которым грозила девальвация рубля.

Александр начинал все больше считаться с мнением критиков французского entente². Опасаясь возможности дворцового переворота, он отложил на неопределенное время проведение внутренних реформ и занял более независимую позицию по отношению к своему французскому «кузену», тем более что все события в Европе были связаны с изменениями в отношениях русского двора с Наполеоном. Тот неожиданно для себя оказался поставлен лицом к лицу с серьезной войной в Испании и одновременно с вполне вероятным большим австрийским наступлением в Южной Германии. Ему пришлось поневоле обратиться за помощью к своему могучему восточному союзнику. Результатом была встреча в Эрфурте, где все было не таким, как в Тильзите, несмотря на внешний благостный фасад роскоши, скопище покорных князей и раболепствующих прихлебателей из всех слоев общества и всех частей Европы. Талейран и еще некоторые влиятельные французские деятели уговаривали Наполеона одуматься, пока не поздно. Они соответствующим образом настроили Александра, который оказался крайне неподатлив и рационально относился к уловкам Наполеона. В ходе переговоров он превратился в равного партнера. Времена почтительной дружбы явно миновали, и Наполеону пришлось

¹ Молдова и Валахия. (Примеч. автора.)

² Согласие (фр.).

удовольствоваться очень общими русскими обещаниями в обмен на его согласие, соответственно которому Россия с течением времени сможет занять столь желанную ею Молдову и Валахию. Обстоятельства переменились, и именно с этого времени у Наполеона возникло все растущее убеждение в том, что Александр становится его личным соперником. Вызов его неоспоримому господству в Европе был невыносим для гордыни Наполеона.

С 1809 года трения неуклонно росли. Вскоре у Наполеона появился некоторый повод обвинить Александра в «предательстве», когда тот фактически не предпринял никаких шагов, чтобы помешать австрийской мобилизации, как это было туманно обещано в Эрфурте, а удовлетворился тем, что сам оккупировал различные «лакомые кусочки» австрийских земель ценой жизни лишь трех русских. Однако Россия вскоре почувствовала, что у нее есть серьезные поводы негодовать, когда Наполеон отдал галицийские провинции (оторванные от Австрии после Ваграма) Варшавскому герцогству. Эти сомнения относительно конечных целей Франции, касающихся Польши, еще долго сохранялись, несмотря на составление соглашения в январе 1810 года, по которому Наполеон официально предложил отказаться от всех попыток создания Королевства (Царства) Польского.

Несколько позднее начались события, связанные со второй женитьбой императора. Чувствуя непрочность своего правления и растущий размах интриг из-за вопроса престолонаследия, которые раздували Фуше и Талейран в Париже, Наполеон давно осознал необходимость иметь наследника для Империи. Этот вопрос стал безотлагательным после неожиданной смерти сына Луи Бонапарта в 1807 году, единственного ребенка, которого Наполеон соглашался считать своим приемным наследником. Рождение двух внебрачных детей императора (одного — от очаровательной Марии Валевской, второго — от фрейлины его сестры Полины) убедительно доказало, что бездетность императрицы Жозефины не зависела от императора. Хотя он пришел к твердому решению о разводе только в декабре 1809 года, еще в Эрфурте Наполеон в конфиденциальных беседах с царем зондировал вопрос о русской невесте для себя. После того как было официально сообщено о разводе, Наполеон начал прямые переговоры о браке с русской великой княжной Анной, но царь продолжал проявлять уклончивость. В начале 1810 года Наполеон внезапно объявил о своей помолвке с эрцгерцогиней Марией-Луизой Австрийской. Хотя по семейным соображениям сам царь с облегчением узнал, что ему не грозит перспектива иметь зятем Наполеона, он публично представил внезапное решение Наполеона как оскорбление чести русских на том основании, что переговоры еще шли. Его правительство также считало возможность австро-французского согласия тревожным фактом, в особенности в связи с Балканами. Этот брачный союз явился значительным триумфом для австрийской дипломатии; Меттерних и престарелый Тугут убедили Франца, что лучше временно примкнуть к французскому лагерю, чтобы попытаться разорвать узы между Санкт-Петербургом и Парижем, чем навлечь на себя риск полной гибели австрийской империи. Некоторые историки убеждены, что Наполеон с самого начала остановил свой выбор на австрийской невесте, а переговоры с царем использовал в качестве ширмы и рычага; но французская пропаганда тех времен сразу же начала представлять колебания Александра как оскорбление императору, и Наполеон тут же отказался подписать соглашение о Польше. Пропась между монархами расширялась; дух Тильзита практически перестал существовать.

С середины 1810 года ухудшение отношений пошло быстрее. Каждая сторона непрестанно обвиняла другую в связи с Польшей; часто обмены мнений шли в очень воинственной форме. Росли трения из-за Балкан; французские агенты вели работу среди сербов, и, как и в 1806 году, были явные признаки французской дипломатической деятельности, направленной против русских интересов и в Турции и в Персии. Когда Наполеон, решив закрыть некоторые лазейки, которых было до-

статочно в континентальной системе, формально аннексировал Голландию (после отречения своего «трудного» брата Луи) и затем ганзейские города, царь оскорбился из-за того, что под аннексию попали и земли его родственника герцога Ольденбургского (18 февраля 1811 года). Может быть, маловажен, но интересен тот факт, что этот герцог женился на той из великих княжон, на ком останавливал свой взор Наполеон.

В мае 1811 года появилось новое больное место. Правящая франкофильская партия в шведской политике неожиданно предложила предоставить шведский трон маршалу Бернадоту, надеясь этим получить послабления в ограничениях торговли, которые губили экономику страны, а также это могло служить гарантией против территориальных притязаний России. Вначале Наполеон встретил такое предложение без всякого восторга — ведь Бернадот совсем не был его любимцем, но в конце концов он согласился, хотя и подозревал, что этот выбор в конечном счете окажется выгодным не Франции, а России. Не зная о том, что Наполеон совершенно не доверяет этому новому кронпринцу, Александр считал, что и это событие является доказательством решимости Наполеона окружить Россию врагами. Французские интриги с Австрией на Балканах, с Турцией и Персией на Востоке, с поляками в Восточной Европе, а теперь и с балтийскими странами — все, казалось, говорило об обширном заговоре против царя и его экспансионистских устремлениях.

С точки зрения Наполеона, все говорило о неотвратимости войны. Выявление русских интриг с могущественным семейством Чарторыских в Польше заставило французское правительство быть настороже, но самую большую тревогу и раздражение Наполеона вызвали доказательства того, что Александр потворствует широко распространенным нарушениям континентальной системы. Россию безусловно ждало падение рубля, и русские министры могли очень удобно свалить всю вину за это на берлинские и миланские декреты. Наполеон разрешил продажу избытков французского и голландского зерна Великобритании после неурожая в этой стране в 1808-м и 1809 годах (он надеялся таким приемом выкачать из Англии ее золотой запас). Поэтому многим царским советникам казалось странным, что Россия должна поддерживать блокаду, которую сам император при случае нарушает. Все больше нейтральных судов входили в русские порты, и 31 декабря 1811 года царь издал указ о наложении высоких торговых пошлин на все предметы роскоши, ввозимые из-за границы, в том числе и из Франции. Все это явилось таким вызовом Наполеону, который он не мог игнорировать. Для подчинения Англии должна была соблюдаться континентальная система, а если позволить такому большому государству, как Россия, обособиться и безнаказанно нарушать правила, и другие могли последовать ее примеру. Возможно, Наполеон двинулся на Москву, преследуя утверждение своей экономической политики в отношении к Англии. Наполеон не мог иметь дело ни с отступником, ни с соперником, а к 1811 году Александр был для него уже и тем и другим.

За исключением поверхностного впечатления и нескольких раздражавших французов случаев, в целом было неверным их утверждение, что Александр намеренно вел дело к войне. По мнению талантливого и в достаточной мере объективного Армана де Коленкура, герцога Виценцского, шталмейстера двора императора и посла Франции в Санкт-Петербурге с ноября 1807 года по май 1811-го, царь был весьма далек от желания воевать. Он стремился к мирному и независимому сосуществованию и решению конфликтов только через переговоры. Однако Александр дал понять, что если дело дойдет до того, что придется помериться силами, то он достаточно подготовлен. В беседе с Коленкуром перед его отъездом в Париж царь сказал: «Если император Наполеон решил воевать, то возможно, и даже вероятно, что мы будем разбиты, даже если будем сражаться. Но это не будет означать, что он сможет диктовать нам мирные условия. Испанцы часто терпели поражения, однако они не разбиты, и они не сдались. К тому же они не так далеко от Пари-

жа, как мы, и у них не тот климат и не те ресурсы, что у нас. Мы не будем рисковать... У нас необозримые пространства, и наша регулярная армия хорошо подготовлена... Ваши французы — народ храбрый, но долгие страдания и суровый климат сломят их сопротивление. Наш климат, наша зима будут сражаться на нашей стороне»(3). Эти слова оказались поистине пророческими.

Со своей стороны, Наполеон всячески пытался доказать, что Александр намерен идти войной на Францию, и подчеркивал свою уверенность в этом. Повторные заверения в обратном ни его бывшего посла Коленкура, ни его преемника Лористона не могли заставить Наполеона изменить свое мнение. «Он говорил об указе, запрещающем ввоз товаров, — вспоминает Коленкур первую беседу с императором после своего возвращения в Париж, — и о допуске нейтральных и американских судов в русские порты, что, по его словам, было нарушением континентальной системы. Он продолжал, что царь коварен, что он вооружается для войны с Францией... Император повторял все те рассказы, которые для его удовольствия бесконечно фабрикуют в Данциге, в Варшавском герцогстве и даже на севере Германии, ложность которых была уже не раз доказана...»(4)

Хотя время от времени возобновлявшиеся переговоры и попытки найти взаимно удовлетворяющие решения продолжались вплоть до самого начала войны в следующем году, Наполеон был убежден, что по крайней мере уже с августа 1811 года обеим державам неизбежно придется помериться силами. Новые мечты о восточных завоеваниях — этой вечной теме — усиливали несговорчивость Наполеона, но прежде всего он был убежден, что необходимо заставить Россию подчиниться требованиям экономической борьбы с Великобританией, что бы ни случилось. Характерно, что император недооценивал смысла предостережений о масштабе предстоящей войны. «Одной битвы будет довольно, чтобы покончить с прекрасными решениями вашего друга Александра и его укреплениями из песка. Он лукав и слаб»(5), — утверждал Наполеон, самоуверенно считая, что с помощью его гения Империя сможет вести войны одновременно на двух удаленных друг от друга фронтах.

Положение Наполеона не было достаточно надежным даже после рождения короля Римского 20 марта 1811 года. Некоторые из его самых талантливых сподвижников уже отошли от него. Талейран после событий 1807 года никогда уже не пользовался его доверием; Фуше пришлось снять с важнейшего министерства полиции в 1810 году за его интриги и совершенно нетерпимые вольности в принятии политических решений без ведома императора. В результате в окружении императора осталось теперь мало людей, достойных его доверия, достаточно честных и правдивых — таких, как Савари, герцог Ровиго, и Коленкур, герцог Виченцы. В основном Наполеона окружали льстецы и прихлебатели. Среди подобных «советников» были новый министр иностранных дел Шампаньи и новый государственный секретарь, раболепный Дарю. В результате Наполеон слышал только то, что соответствовало его настроениям. Иллюзии, расхождение с логикой все больше затмевали его могучий ум. Вне придворных кругов его популярность быстро таяла, потому что везде в народе чувствовалось недовольство из-за всевозрастающих лишений, вызванных экономическими и военными санкциями. Все больше молодых людей тайно уходило в леса и горы, чтобы скрыться от военной службы в Испании.

На Иберийском полуострове война уже тянулась годами, без всяких надежд на победу, и самые заслуженные полководцы Наполеона — даже Массена и Султ — не могли ни разбить армию Веллингтона, ни уничтожить дух испанского сопротивления. Наполеон больше никогда не появлялся в Испании, считая, наперекор очевидности, что эта задача была не достойна его внимания, и к тому же будучи убежден, что британской армии гораздо лучше быть на Иберийском полуострове, чем в Англии, откуда она могла совершить десант на другой, менее удобный (для

Наполеона) сектор европейской береговой линии. Чтобы держать Британию в страхе, вновь пошел в ход давно устаревший план вторжения, и во Франции стали готовиться к возобновлению давления на заморские интересы Британии. Весь 1810 год строились планы нового завоевания Египта и наступления на востоке по направлению к Индии. Однако они так и остались лишь планами и беспочвенными мечтаниями. Отсутствие целеустремленных действий в испанской войне обрекало на гибель ежегодно до 50 000 французов, в то время как император, оставаясь в Париже, мечтал о всемирных завоеваниях.

Были и другие признаки ухудшения положения Франции и приближающихся невзгод. Папа Римский пребывал под арестом на юге Франции. Его невозможно было ни запугать, ни заставить раскаяться. Он отказывался снять отлучение с императора и одобрить назначения новых епископов в вакантные епархии. В то время лишь в некоторых провинциях попытки императора подчинить себе на местах французское духовенство имели какой-то результат. Таким образом, его религиозная политика тоже была на грани провала, а его давление на Папу было, несомненно, одним из факторов, укрепивших народное сопротивление в Испании.

При наличии столь многих нерешенных сложных проблем, возможно, Наполеон поверил в перспективу новой успешной войны как способ отвлечься от внутренних трудностей страны. Так, 15 августа 1811 года на дипломатическом приеме в Тюильри Наполеон выступил с ожесточенной критикой царя. Это была тщательно рассчитанная провокация, но Александр, все еще надеясь на мирное улаживание дел, отказался принять этот вызов, когда ему донесли об этом выступлении Наполеона.

Тем не менее напряжение продолжало расти, по мере того как обе стороны дипломатическими маневрами вели поиски союзников, а их терпение начинало истощаться. Двадцать седьмого января 1812 года Наполеон представил список своих обид на Россию для сведения своих германских союзников, заявляя, что «территория Конфедерации находится в опасности», и приказал Жерому — королю Вестфалии — мобилизовать своих солдат к 15 февраля(6). Австрийскому и прусскому дворам также были посланы требования мобилизовать 40 000 и 20 000 человек соответственно.

Однако Россия оказалась более удачливой в поисках поддержки, и уверенность Александра все возрастала. В апреле 1812 года русский посол граф Куракин представил Наполеону фактический ультиматум. Если французы согласятся эвакуировать Польшу, компенсировать все затраты герцога Ольденбургского и создать нейтральную зону между двумя силовыми блоками, то Александр, возможно, сочтет нужным отнестись со вниманием к экономическим затруднениям Наполеона. За этой «наглостью» (как считал Наполеон) вскоре последовал ряд успехов русской дипломатии. В апреле кронпринц шведский Бернадот, окончательно изменив своему прежнему повелителю, осторожно пошел на сближение с Россией, пока заняв положение дружественного нейтралитета (в обмен на обещание Александра присоединить к его владениям и Норвегию). Бывший маршал Франции принял такое решение под угрозой экономического развала принявшей его страны. Последней причиной обращения Бернадота к царю явился бесцеремонный захват в марте Наполеоном шведской Померании. Были и другие дипломатические успехи России, в мае заключен Бухарестский мир между Россией и Турцией, что позволило передислоцировать большое количество царских войск с Балкан на польскую границу. За этим последовало (уже после начала военных действий на Немане) заключение договора о сотрудничестве с Великобританией (в июле). Таким образом, Россия смогла развязать себе руки, заключив соответствующие мирные договоры с бывшими противниками, и оказалась особенно удачливой в поиске новых союзников.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ И ПОДГОТОВКА

Обе стороны вели приготовления к войне уже довольно давно, задолго до этих запоздалых вспышек дипломатической активности в последний момент. В некоторых отношениях Александр непрерывно готовился к войне с 1810 года, когда военным министром был назначен опытный полководец Барклай-де-Толли, который по приказу царя начал значительную реорганизацию русской армии. Были улучшены несколько стратегических дорог, построены новые форты в стратегических пунктах, проведены топографические съемки, велось непрерывное наблюдение над военной деятельностью Наполеона в Польше и Северной Германии. Была увеличена численность русской армии в ней и проведена реорганизация. В 1812 году царь имел 6 пехотных полков императорской гвардии, 14 гренадерских, 50 — легкой пехоты и 96 полков линейной пехоты. За исключением гвардейских полков, имевших по 3 батальона первой линии, Барклай-де-Толли предусмотрел, чтобы каждая часть имела два батальона первой линии и третий, более слабый, учебно-запасной батальон. Последние либо объединялись в дивизии резерва, или распределялись по 36 вновь созданным учебным лагерям для новобранцев. Большая часть пехоты получила более современные мушкеты. Русская кавалерия славилась своими лошадьми по всей Европе; в шесть отборных полков конной гвардии входили 4 эскадрона первого эшелона и один запасной эскадрон (в каждом по 159 кавалеристов), в 8 кирасирских и 36 драгунских полках линейной кавалерии была введена такая же организация. В 11 гусарских и 5 уланских полках легкой кавалерии количество эскадронов первого эшелона на полк было увеличено до 8, и еще 2 находились в учебных центрах. Кроме этой регулярной кавалерии, имелись еще многочисленные части «иррегулярной» кавалерии — знаменитых казаков, насчитывавших до 15 000 кавалеристов в июне 1812 года, со временем их стало вдвое больше. Кроме 80 пушек, приданных гвардии, артиллерия русской армии состояла из 44 тяжелых батарей, в них входили 18-фунтовые гаубицы и 12-фунтовые пушки, 58 легких батарей (9- и 6-фунтовые пушки) и 22 конных (6-фунтовые пушки). Они были организованы в 27 «пехотных» и 10 «резервных» бригад. Многие кавалерийские полки имели собственные конные батареи. Подвижность и эффективность русской артиллерии достигали высокого уровня, и в целом артиллеристы составляли значительную силу армии. Во все фронты к 1812 году входило, вероятно, 409 000 регулярных солдат, из которых 211 000 служили в первом эшелоне, 45 000 — во втором эшелоне и остальные 153 000 стояли в отдаленных гарнизонах и резервных частях.

Барклай отказался от старинных неуклюжих «смешанных дивизий», участвовавших в прежних войнах, и реорганизовал полки первой и второй армий в систему армейских корпусов, по образцу французских. Каждый из этих новых корпусов состоял из двух пехотных дивизий, одной дивизии (а иногда только бригады) кавалерии, двух артиллерийских бригад и одной батареи конной артиллерии.

Хотя русская армия, несомненно, принимала новый, более современный вид, улучшения коснулись не всей армии — штабы погрязли в мелочах и волоките и оставались плохо подготовлены и малоэффективны. Важные административно-хозяйственные отделы считались второстепенными; транспорт и интендантство были в зачаточном состоянии, военно-медицинская служба только еще формировалась. Хотя из крепких степных крестьян получались хорошие солдаты, а казаки вообще были непревзойденными в индивидуальном и коллективном умении изматывать неприятеля, не даваясь ему в руки, уровень среднего русского полкового офицера был еще неудовлетворительным. За исключением офицеров из гвардейских и кавалерийских полков, основная часть офицерства была ленива, малогра-

мотна, не имела нужных навыков и предавалась пьянству и азартным играм. Однако в бою проявляли личную храбрость большинство на любом уровне.

В целом русские генералы, командующие корпусами или высшими соединениями, были отличными воинами, так как их тщательно отбирал сам царь. Вначале самым выдающимся военачальником был барон Михаил Богданович Барклай-де-Толли, одновременно являвшийся военным министром, командующим первой армией, затем главнокомандующим. Он был из шотландского рода. В 1812 году ему был пятьдесят один год. Он достиг своего высокого положения несколько поздно по стандартам тех времен, но его отличный послужной список в качестве патриархального командира дивизии в 1807 году (Польша) и в 1809 году (против турок) привлек к нему внимание царя, результатом чего было его неожиданное назначение военным министром в 1810 году. Хотя в основном эффективная реорганизация русской армии была его заслугой, он проявил явные недостатки в роли боевого командира, руководившего крупными соединениями, и мало доверял своим коллегам и подчиненным. Отказываясь давать другим даже самые мелкие поручения, он неизбежно перегружал себя бумажной работой на своих двух ответственных постах и страдал от открытого неподчинения некоторых своих более молодых коллег. Несмотря на то, что Кутузов сместил его в августе 1812 года, он сохранил доверие царя на протяжении всех последних наполеоновских войн. В 1813—1814 годах командовал русско-прусской армией и был возвращен на пост главнокомандующего в 1815 году.

Следующий по значению полководец — генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион — был грузинского происхождения, потомок царского рода. Он быстро поднялся по служебной лестнице, заняв пост командующего Второй армией. Хотя он был настоящим воином с большим опытом (служил еще под командованием А.В. Суворова), Багратион был крайне опрометчив и нетерпелив по характеру, что нередко приводило его к трениям с методичным Барклаем. Тем не менее его очень любили подчиненные и рядовые солдаты.

Следующим в военной иерархии шел генерал граф Александр Петрович Тормасов, главнокомандующий (1808—1811), в 1812-м — командующий Третьей (или «резервной») армией. Он был способный военачальник, хотя несколько педант, его недостатком была всегдашняя склонность чрезмерно растягивать свои соединения.

Генерал князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов не фигурировал в начале кампании, но ему было суждено сыграть главную роль в ее конце. Кутузов был ветераном с огромным опытом, накопленным за 67 лет, из которых пятьдесят два года он провел на военной службе. Он был официальным главнокомандующим австро-русских армий в 1805 году и считался корифеем русской армии, несмотря на почти катастрофическое поражение при Аустерлице. Хотя некоторые военные историки считают, что его военные таланты переоценены, его опыт в политической и военной сферах, вероятно, не знал себе равных. В 1812 году Кутузов был, разумеется, слишком стар для ведения активной кампании, но перед Новым годом ему было пожаловано звание фельдмаршала и титул князя Смоленского за его руководство вооруженными силами после назначения его главнокомандующим 20 августа.

Среди известных командиров рангом ниже были генерал от кавалерии граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен — командующий русской армией при Эйлау, а также Фридрих (там потерпел поражение), старый военный ганноверского происхождения, в это время бывший в опале, человек способный, но своекорыстный. Командиром казачьих иррегулярных войск был генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов — исключительно яркая фигура, войсковой атаман Донского казачьего войска, непревзойденный командир легкой кавалерии, его войска относились к нему чуть ли не с мистическим обожанием. Последним по старшинству и по способностям был генерал Фуль — прусский офицер, к сожалению бывший в большом фаворе у царя в это время и являвшийся тогда его личным советником.

Этот генерал из бесславного прусского штаба 1806 года не блистал никакими особыми талантами, но его влияние в качестве военного «серого кардинала» на царя давало ему несправедливый и незаслуженный вес, и он играл большую роль в определении русской стратегии в 1812 году.

Таковы были люди, которым было суждено противопоставить свои способности Наполеону, его маршалам и легионам французской империи.

С французской стороны подготовка к великой войне велась крайне продуманно, с учетом всех деталей. Наполеон отчасти понимал сложность стоявшей перед ним задачи. Он знал, что его встретят большие русские армии, сражающиеся на огромном театре военных действий, где дороги были плохими, продовольственных ресурсов практически не существовало, а климат отличался крайностями жары и холода, и все-таки, вероятно, он не рассчитал степени предстоящих трудностей. В процессе подготовки им были тщательно изучены и обдуманы все существующие книги о Восточной Европе; исследована и заучена каждая опубликованная топографическая карта. Особое внимание было уделено истории злополучной кампании Карла XII в 1709 году. На основе этого глубокого изучения Наполеон рассчитал, что для первого эшелона ему потребуется почти полмиллиона человек с дополнительными крупными поддерживающими соединениями в тылу. До сих пор ему приходилось командовать на фронтах войсками, численность которых редко превышала 200 000 человек. Теперь, в 1812 году, он наметил втрое превысить это количество. В наполеоновской войне начиналась новая фаза, и с ней пришло новое высшее соединение — группа армий. Сопутствующие задачи управления и снабжения оказались невероятно трудными.

Предварительные шаги были предприняты еще в 1810 году, когда император приказал вооружить и обеспечить запасами важнейшие германские и польские крепости, подчеркнуто оставив это как предосторожность против предполагаемой угрозы русского нападения на Варшавское герцогство. В следующем году, когда Наполеон решил, что война с Россией неизбежна, были на неопределенное время отложены приготовления к вторжению в Англию и к экспансии в Леванте¹, что освободило руки Наполеону (за исключением вечно гноящейся «испанской язвы») для предстоящей великой задачи. Снова начались попытки договориться с британским правительством через посредство международных банковских домов, но эти предложения мира получили жестокий отпор. В это же время вдоль восточных границ французской империи было сформировано три observationalных корпуса, численностью 200 000 человек, и император дал понять своим союзникам, что в случае кризиса он потребует 50 000 человек из Италии, 130 000 от Конфедерации в Вестфалии, 50 000 от Польши и контингенты пруссаков и австрийцев, кроме этих внушительных резервов. Скорость приготовлений сильно возросла в первые месяцы 1812 года, когда генерал де Прадт, главный интендант в Польше, завершил все дела в Варшаве, и французский экспедиционный отряд занял шведскую Померанию на балтийском побережье с целью обеспечения безопасности левого фланга Великой армии после начала боевых действий.

Нелегкой задачей было найти необходимое количество людских ресурсов для удовлетворения огромных новых требований, и были использованы все средства и возможности. Конечно, очень помогло то, что с октября 1809 года до июня 1812 года было два с половиной года сравнительного мира (если не говорить о войне в Испании). Удалось успеть подготовить и обучить новые разряды призывников, реорганизовать старые соединения² и вооружить новых союзников. В августе 1810 года Бесьер

¹ Л е в а н т — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря, в том числе Египет, Турция, Греция и др.

² Среднестатистический полк теперь состоял из пяти батальонов первого эшелона по 800 человек в каждом. Эти 4000 пехотинцев, поддерживаемые батареей из 10 пушек, подчинялись бригадному генералу. (Примеч. автора.)

получил приказ создать для императорской гвардии резерв из ста батальонов, и впервые гвардия стала полностью самостоятельным соединением. К 1812 году это пополнение обеспечило 50 000 гвардейцев для Русской армии; элитный корпус Наполеона еще никогда не имел таких внушительных размеров.

Император организовал эту огромную массу людей в три линии. Впервые он собрал около 449 000 солдат, образовав группу из трех армий, предназначенных стать острием клина при наступлении. Главная армия под его собственным командованием состояла из почти четверти миллиона человек — двух кавалерийских корпусов (под командованием короля Неаполитанского), императорской гвардии и трех армейских корпусов разной численности (Даву, Удино и Нея). Численность этих соединений была от 72 000 (I корпус Даву) до 37 000 (II корпус Удино), что соответствовало оценке способностей этих командиров императором. В этой армии было наивысшее количество солдат-французов, но была включена и небольшая часть союзнических солдат с целью разгрузить лучшие войска от таких обязанностей, как конвойная служба и охрана линий коммуникаций. Пятнадцатого июня 1812 года, например, Наполеон мягко попенял Даву, что тот не придерживается такого распределения обязанностей: «Для задач конвоирования у вас есть мекленбургские войска и другие германские части. Поэтому вы не должны поручать эти обязанности французским войскам, это расточительно. Мне кажется, что вы недостаточно последовательно придерживаетесь этой системы, но она важна» (7).

Для охраны флангов и тыла своих главных сил Наполеон создал две вспомогательные армии и два полуавтономных корпуса, в основном составленные из союзных солдат. Они должны были охранять фланги, но Наполеон намеревался использовать эти армии для демонстрационных нападений в разгаре главной кампании. Первая вспомогательная армия в составе 80 000 итальянцев и баварцев была доверена его пасынку Евгению де Богарне. Второй армией должен был командовать брат Наполеона Жером; она состояла из более чем 70 000 вестфальцев, саксонцев, гессенцев и поляков. Выбор этих командиров заслужил справедливую критику. По-видимому, желая избежать соперничества среди своих маршалов, Наполеон решил назначить на высшие посты армий членов своей императорской семьи, независимо от их военных способностей. Жером, как известно, был слабым военачальником, Евгений показал себя достаточно умелым командиром в 1809 году, но не более. Однако, снисходя к их неопытности, Наполеон назначил им двух тщательно выбранных начальников штабов — Дезоля для Евгения и Маршана для Жерома. Он надеялся, что эти опытные военачальники заставят своих высокопоставленных командующих идти правильным курсом. Фланги Великой армии должны будут охраняться двумя полуавтономными соединениями: X корпусом Макдональда (32 500) на левом фланге и австрийским корпусом князя Шварценберга (34 000) — на правом.

Войска второй линии насчитывали 165 000 человек и в основном предназначались для пополнения для трех армий. Эти резервы были организованы в ряд соединений, из которых крупнейшим был IX корпус маршала Виктора (33 000); кроме того, были две французские дивизии (часть XI корпуса), большое количество польских и литовских ополченцев и дополнительные германские войска. Наконец, в третьей линии Наполеон организовал еще один резерв из 60 000 солдат, включая остальную часть XI корпуса под командованием маршала Ожеро, гарнизоны, оставленные в Данциге и вдоль Вислы, и различные другие тыловые части. Кроме того, король Дании должен был оставить 10 000 солдат в Голштинии.

Для охраны Империи, практически лишенной всех регулярных войск из-за этого массового перемещения сил на восток, Наполеон приказал своему военному министру зарегистрировать всех мужчин во Франции, распределив их по трем основным разрядам запаса. Первый разряд (все мужчины в возрасте 20—26 лет) должен был быть немедленно мобилизован и сформирован в 100 когорт общей численностью 80 000 человек. К ним должны быть присоединены в целях оборо-

ны метрополии те два полка молодой гвардии, что были оставлены во Франции, 24 линейных и 8 иностранных батальонов, 8 эскадронов кавалерии и 48 артиллерийских батарей, кроме 156 сборных учебно-запасных батальонов и различных войск, охраняющих побережье, — таможенников, береговой охраны и полков Национальной гвардии.

В целом в русской кампании получившие приказ на марш соединения составили величайшую армию, какой Европа не видела уже много столетий. Однако размер армии — это еще не все, ибо с точки зрения качества огромная армия имела немалые недостатки. Хотя сама организация Великой армии превосходила все другие в Европе того времени, эта новая Русская Великая армия была слишком неоднородной по своему составу. Она состояла из представителей не менее чем двенадцати национальностей, и, за исключением французов и поляков, основная масса служила поневоле, без какого-либо личного воодушевления. Из 614 000 человек первого и второго эшелона только чуть менее половины (вероятно, 302 000) были французы; немцы, австрийцы, пруссаки и швейцарцы составляли около 190 000, поляки и литовцы — 90 000, а остальные были итальянцы, илирийцы и горстка насильно взятых испанцев и португальцев (всего 32 000). Большая часть этих контингентов с величайшей храбростью сражалась в отдельные моменты кампании, но управление ими и контроль над этими войсками представлял невероятно трудную задачу, а лояльность некоторых частей, особенно голландцев, испанцев и пруссаков, была, естественно, сомнительна.

Руководство этой огромной армией было также слабым. Наполеон настоял на централизации всего управления, сосредоточив его в своих руках, хотя теперь это уже стало непосильной нагрузкой для одного человека. За исключением Жерома, все командующие высших соединений были прекрасными боевыми командирами, но их главнокомандующий, в сущности, никогда не разрешал им проявлять личную инициативу, и поэтому многие не справлялись, когда приходилось действовать самостоятельно. Конечно, Наполеон не мог быть повсюду одновременно на такой огромной территории, как Россия, и поэтому его стратегические планы не раз ломались из-за того, что его подчиненные или неправильно поняли, или плохо выполнили свои задачи. В самом деле, масштаб задуманной им войны выходил за пределы даже его феноменальных способностей. Как обычно, Наполеон желал быть и своим собственным начальником штаба, оставляя Бертю роль лишь главного писаря, и необъятность этих двойных обязанностей не давала вплотную заниматься некоторыми важными деталями. К тому же многие подчиненные ему командные инстанции были весьма плохо подготовлены. Найти достаточное количество боевых офицеров для такой огромной армии, несомненно, было выше возможностей императора, и поэтому многие командные должности занимали наскоро обученные, неопытные, неумелые офицеры. Среди рядовых солдат даже во французских корпусах было гораздо больше молодых новобранцев, чем ранее воевавших. В противоположность ветеранам, они знали армейскую жизнь только по учебным лагерям. Особенно это относилось к пехоте. Кавалерия же, как всегда, отличалась на поле боя и, как всегда, в остальное оставалась неэффективной. Русская кампания с ее резкими крайностями погоды отрицательно отразилась особенно на коннице. Когда Наполеон оставил Москву, из 80 000 лошадей выжили только 15 000. Плохое состояние русских дорог вскоре ограничило эффективность и подвижность артиллерии, имевшей 1422 пушки, а конные упряжки были загублены. В результате качество армии в 1812 году не было удовлетворительным, намного ниже уровня армии 1805-го или 1806 годов.

С другой стороны, при подготовке к этой войне Наполеон и его штаб приложили громадные усилия к тому, чтобы хорошо обеспечить систему снабжения, исходя из того, что в России не придется жить ресурсами завоевываемой страны, как это было в прежних кампаниях. Император знал, что здесь, среди голых равнин и

дремучих лесов, не сможет прокормиться и пятая часть его армии. Он опасался и того, что русские, подобно испанцам, могут обратиться к тактике «выжженной земли». Поэтому он решил, что его армия должна быть полностью обеспеченной, даже если это означало возвращение к практике предреволюционной эпохи, когда основной упор в снабжении делался на обозы и магазины. Обращаясь к Даву 26 мая 1812 года, Наполеон писал: «Цель всех моих усилий — сосредоточить 400 000 солдат в одной точке. Мы не можем надеяться ни на какие местные ресурсы, и поэтому должны все брать с собой»(8). За 5 месяцев до этого (30 декабря 1811 года) он предупреждал Евгения, что «...война в Польше будет совсем не похожа на войну в Австрии; без достаточной транспортной службы все будет впустую»(9). Было необходимо предусмотреть перевозку огромных количеств провианта, сухарей, риса, овощей и водки и невероятного числа всех других продуктов и предметов, в которых будет нуждаться огромная армия в течение длительного времени. Соответственно, было образовано двадцать шесть транспортных батальонов; четыре состояли из 600 легких телег (каждая грузоподъемностью 600 кг), еще четыре — из тяжелых повозок (по 1000 кг), остальные батальоны имели 252 четырехконные повозки (перевозящие по 1500 кг); более тяжелые экипажи оказались в дальнейшем крайне неудобными, непригодными к ужасным дорогам России. Для обеспечения войск мясом были собраны огромные стада быков и волов, которых гнали вслед за армией. Нескольким транспортным ротам были приданы тягловые волы вместо лошадей. Идея заключалась в том, что, по мере того как армия будет съедать свои запасы, уменьшится количество необходимых транспортных единиц и придется забивать лишних тягловых волов, чтобы обеспечивать солдат свежим, хотя и жилистым мясом, двигавшимся своим ходом.

В целом Великую армию сопровождало не менее 200 000 животных (включая 30 000 лошадей артиллерии и 80 000 кавалерии), а также большое количество всяких транспортных средств, в том числе повозки с продовольствием, ящики с аммуницией и боеприпасами, санитарные фуры и другие виды передвижных ресурсов. Накормить такое количество животных, когда не было подножного корма, представлялось крайне трудным. Поэтому император отложил вторжение на то время, когда русские равнины превратятся в сочные пастбища. Наполеон возлагал большие надежды на пополнение своих обозов и магазинов с помощью речных перевозок по большим рекам Западной России. В полную готовность были приведены две эскадры по 100 речных лодок в каждой для перевозки запасов по Неману из Тильзита в Ковно. Главный интендант генерал Матьё Дюма нес ответственность за всю эту сложную организацию.

Основное намерение состояло в том, что к началу боевых действий каждый солдат был обязан иметь рацион на 24 дня. «Я рассчитываю, что князь Экмюльский [Даву] сможет выступить со своими войсками на Эльбинг, Мариенбург, Мариенвердер и Торна 1 мая, — писал император в генеральный штаб, — имея двадцатидневные запасы в повозках и четырехдневный — в ранце. Пока они не достигнут Немана, однако, князь должен заставить своих солдат добывать себе еду по дороге, так как ни одного рациона нельзя трогать ранее переправы на тот берег Немана...»(10)

Действенность приказа Наполеона была разной в зависимости от корпусов — то есть от характера командира, а в случае солдат-союзников — от ресурсов их родной страны. I корпус маршала Даву был не только крупнейшим соединением — он был также и образцом во всем, что касалось управления и дисциплины. Даву был убежден, что мелочей нет. Ранцы его солдат наполнялись по всем правилам, чтобы в них поместилось все необходимое и как можно больше. Каждый полк был полностью самостоятельным, имея в своем составе, по словам де Сегюра, «...каменщиков, пекарей, портных, сапожников, оружейников; то есть рабочих всех специальностей. Все, что им требовалось, они несли с собой; его армия была подобна колонии, имелись даже ручные мельницы. Он предусмотрел любую мелочь — в чем

бы ни нуждались участники боев, все средства для их удовлетворения были наготове»(11).

Однако военные медики уже с самого начала кампании не имели в запасе самого необходимого, что обрекало на мучительное бессилие многих прекрасных хирургов и других врачей, а солдат — на безвременную смерть. С момента отправки в поход Великая армия начала страдать от болезней. Дифтерия, дизентерия и тиф, вскоре усугубленные плохим питанием, а иногда и голодом, уносили много жертв. Например, баварский корпус потерял из-за болезней половину своих солдат еще до начала боев с неприятелем. Другой серьезный недосмотр: армия не была обеспечена самым необходимым. Не было достаточно заготовлено теплой одежды на случай зимней кампании, а это впоследствии поставило под удар всю кампанию. Подготовка к войне в условиях русской зимы на самом деле не была ни достаточной, ни полностью продуманной. В 1812 году, как и в нескольких других случаях, поражение французской армии было вызвано и административной слабостью, и другими серьезными причинами. Наполеон хвалился, что «с такими ресурсами мы будем пожирать расстояния». Однако еще до конца года русские пространства поглотили и его ресурсы, и его солдат, оставив от внушительной Великой армии лишь жалкую тень ее прежнего величия и мощи.

В начале русской кампании театр военных действий был разделен на два фронта — северный и южный, разграниченный трудным участком — болотами Припяти. Хотя сама река Припять шириной от 30 до 100 ярдов в разных местах, отнюдь не является непреодолимым препятствием, по обоим ее берегам расстилается обширный заболоченный район, имеющий форму большого полумесяца и занимающий большое пространство от окрестностей Брест-Литовска на западе до Киева на востоке. Продвижение армии в этом районе было ограничено небольшим количеством дамб. Между Пинском и Мозырем (между ними расстояние 200 км) в самой середине этого труднопроходимого района имелись только три, причем очень плохие дороги. Болота Припяти образуют район «ничейной земли», разделяя две территории Западной России, доступные для движения армии. К северу находятся почти бесплодные местности — обширные заболоченные леса, озера и топи, простирающиеся от Польши до Смоленска. За этим городом местность становится более открытой, холмистой и плодородной, хотя в 1812 году все эти земли от границы до Москвы и Санкт-Петербурга были малонаселенными. Другой важной географической особенностью этого региона является целый ряд больших рек. Восточнее великой Вислы (район сосредоточения войск Наполеона) текут Неман, Виляя, Березина и Двина, а еще дальше к востоку находится верховье Днепра. Но все эти реки трудно преодолеть войскам, идущим с запада. У Немана и Днепра высоким является левый берег, поэтому правый представляет собой невыгодную линию обороны. У Двины и Березины — наоборот, поэтому русские приложили много трудов для укрепления основных мест переправ через эти реки¹.

Местность болот близ Припяти представляет собой тоже низменность с большими участками труднопроходимых заболоченных мест и лесов, и лишь возле Киева почвы становятся плодородными. Реки Стырь, Горынь и Днепр в верхнем течении являлись хорошими оборонительными рубежами для русских.

По направлению и к северу и к югу от припятских болот было много дорог, но большая часть этих дорог была явно в неудовлетворительном состоянии, а это

¹ К сожалению, автором допущена некоторая путаница. При характеристике водных преград следует помнить о законе Бэра, согласно которому в северном полушарии реки, текущие на юг в меридиональном направлении, имеют командный правый берег, текущие на север — левый. К рекам или их частям, текущим в широтном направлении, этот закон неприменим. (Примеч. переводчика и консультанта.)

имело большое значение для соединений Великой армии, отягощенной огромными обозами с запасами и амуницией. Практически, говорит Додж, «было только три дороги, ведущих через русскую границу, — у Ковно, Гродно и Брест-Литовска»(12). Следовательно, Наполеон мог выбирать между тремя подступами, ведущими к Москве. Перейдя границу у Ковно, он мог двигаться через Вильну, Витебск и Смоленск к столице. Или он мог идти через Гродно в направлении на Минск и затем перейти на первое направление у Витебска. В-третьих, он мог идти южнее припятских болот, направляясь на Киев, а затем повернуть на северо-восток к Смоленску.

При определении главного операционного направления необходимо учитывать много других соображений, помимо доступности дорог. Это и особенности русского климата с его резкими изменениями погоды от сильных холодов до жары; это задача обеспечения достаточного количества кормов для животных; кроме того, здесь же Наполеон должен был учитывать не только состояние дорог и особенности климата, так же как возможности обеспечения кормов для скота, но не менее важны были проблемы охранения линий коммуникаций, которые будут неминуемо все более растягиваться по мере углубления на восток. После долгих размышлений и взвешивания доводов «за» и «против» император остановился на северном секторе как главном операционном направлении. В своем выборе он основывался на том, что, во-первых, его линии коммуникаций пойдут назад к надежному и спокойному Варшавскому герцогству — его базе снабжения на эту кампанию. Хотя и правительство, и народ Пруссии не были дружелюбно настроены по отношению к французам, Наполеон все-таки чувствовал, что у него гораздо меньше оснований опасаться за свои коммуникации на севере, чем на юге. У него никогда не было уверенности в том, что его еще менее надежный союзник — Австрия — не совершит предательства и не перекинется на сторону противника в середине кампании. Во-вторых, наступая по направлению к Неману в начальной стадии кампании, его армия будет проходить через районы, заселенные в основном поляками, которые, как ожидалось, будут приветствовать французов как «освободителей» от русского ига, помогая их продвижению на восток. Наполеон чувствовал, что это будет полезнее, чем поход южнее Припяти, где местность более плодородна, но зато население будет настроено совсем не столь благодушно, так что от него нельзя будет ожидать помощи. И наконец, овладев Вильной за Неманом, Наполеон сможет выбирать между двумя возможными направлениями — продолжать наступление на Москву либо повернуть в направлении Петербурга. Таким образом, Наполеон учел, что наступление на северном фронте обеспечит французам большую стратегическую безопасность, свободу и гибкость.

Работая над любым операционным планом, Наполеон всегда основывался в своих расчетах на особенности избранного театра военных действий и данных о диспозиции войск противника. К концу апреля его разведывательная служба представила ему достаточно точную картину диспозиций русских армий. Он знал, что шесть армейских корпусов русских и три кавалерийских, в том числе и Первая русская армия Баркляя-де-Толли (около 127 000 человек), стоят в растянутом кордонном порядке по фронту в 250 миль от окрестностей Шяуляя в Курляндии до Слонима южнее Литвы. Ему также стало известно, что еще два армейских корпуса и значительный контингент кавалерии — Вторая армия Багратиона (48 000 человек) — сосредоточиваются вокруг Луцка, в 200 милях южнее Слонима, на северной стороне припятских болот. Взвесив имеющуюся альтернативу, Наполеон выбрал армию Баркляя в качестве ближайшей цели. Он решил сосредоточить Великую армию вокруг Ковно после быстрого подхода из районов сосредоточения вдоль Вислы, готовясь к броску на Вильну. С помощью стратегического вклинения Наполеон надеялся разорвать растянутую армию Баркляя надвое и в то же время перерезать его коммуникации, идущие к Петербургу.

Наполеон продумал три гипотетические реакции русских на свое наступление на Вильну. Они могли поспешно отойти от речного рубежа — Немана — и сосредоточиться на новых позициях далее к востоку в надежде прикрыть обе главные дороги и на Москву и на Петербург. Если они поступят так, Наполеон будет медленно расширять свое стратегическое вклинение, разделяя врага на две части с целью уничтожения каждой в отдельности. Во-вторых, русские могут оставить Вильну и отойти, чтобы сосредоточить все силы к югу от линии Гродно — Слоним; в этом случае Великая армия устремится в тыл русских и зажмет их в котле, образованном Слонимом, припятскими болотами, реками Буг и Нарев; в сущности, повторится та охватывающая операция, что так удачно была выполнена под Ульмом в 1805 году. В-третьих, Наполеон предположил, что русский правый фланг (Барклай) может начать медленное отступление перед Великой армией, в то время как их левый фланг (Багратион) начнет контрнаступление от Луцка на Варшаву. Из этих трех возможностей Наполеон склонялся к тому, чтобы считать третью наиболее вероятной, учитывая теперешние положения русских армий и известные ему особенности характеров их командующих. Но такое наступление только увеличит опасность для русских при условии, что его подчиненные удовлетворительно выполняют свои задачи. Вероятно, император предвидел, что необходимо выполнить несколько неотложных дел, чтобы его планы осуществились, как задумано. Во-первых, он должен был достаточно быстро двигаться, чтобы занять Вильну, прежде чем русские догадаются о его намерениях. Во-вторых, он должен заманить как можно больше соединений противника к югу от Гродно на место предполагаемой «расправы». Он понимал, что этих условий лучше всего добиться с помощью обманной тактики. В соответствии с этим, он намеревался создать впечатление, что главное наступление на Москву пойдет через Вольну, то есть через плодородные области, лежащие к югу от припятских болот. Выполнение этой задачи будет поручено 30 000 солдат Шварценберга и VII корпуса генерала Рейнье, наступавших от Люблина, тогда как король Жером проведет соответствующую демонстрацию из окрестностей Варшавы, для усиления впечатления. Наполеон надеялся, что это отвлечет внимание русских на южное направление, в то время как главная французская армия обрушится на Вильну, создаст там, к северу от Немана и Вилии, обеспеченный район и подготовит сокрушительный фланговый заход вправо, который загонит в ловушку и уничтожит русские силы.

Наполеон хотел, чтобы Жером и Шварценберг сковали бы русские силы около Варшавы или вдоль реки Буг, в то время как главная французская армия под его личным командованием приблизится к Неману, переправится через него около Ковно и обрушится на Вильну, а вице-король Италии со своей армией на его правом фланге будет прикрывать эту незащищенную сторону. Когда главное наступление наберет силу, то есть когда Наполеон совершит двенадцать дневных переходов, Жером должен будет начать медленный отход вверх по течению Нарева, чтобы сомкнуться с войсками принца Евгения и I корпусом Даву, увлекая за собой русских. После соединения всех французских сил Наполеон достигнет задуманного «сосредоточения 400 000 человек в одном месте», поместив их всех на правом фланге и в тылу у русских. Зажатым в Гродненско-Слонимский котел русским ничего не останется, кроме сражения или сдачи в плен. План казался практически безупречным; даже если русские будут осуществлять сильное давление на Жерома с самого начала, он все равно сможет укрыться за укреплениями на реках Нарев и Висла и общий эффект останется тем же; Багратион попадет в котел, как и раньше, только с той разницей, что перед его фронтом будет не Буг, а Висла.

Таким образом, Наполеон задумал сокрушительное стратегическое окружение противника, сходное с тем, которое он так успешно применил в 1805 году против несчастного генерала Мака. Оттягивая назад свой правый фланг (Шварценберг) и используя Жерома как ось при заходе для решающего движения его операционно-

го левого фланга (оставляя X корпус Макдональда, чтобы сковать часть армии Барклая, еще оставшуюся в окрестностях Тильзита), император уверенно ждал, что через двадцать дней его армия станет полной победительницей. «Противник потеряет много времени, — писал Наполеон Бертье 11 июня, — предпринимая ненужные операции, которые в конечном счете могут только привести их к Висле, в то время как левый фланг нашей армии, перейдя через Неман, нанесет удар в их фланг и тыл, прежде чем они могут отступить»(13). Накануне он резюмировал весь свой план в письме к Евгению: «Наступление моей армии будет выполняться движением моего левого фланга при постоянном оттягивании моего правого фланга»(14). Но было бы ошибкой считать, что план Наполеона оставался неизменным с момента его создания. Есть много разных предположений о том, что он собирался делать после овладения Вильной. Одни историки считают, что его первым намерением было уничтожить русский правый фланг и наступать на Санкт-Петербург и что был момент, когда такое решение им серьезно рассматривалось. Однако очевидно, его стратегической целью было уничтожение центра и левого фланга русской линии.

Этот план свидетельствует одновременно и о вдохновении, и о практичности его создателя, доказывает, что стратегические способности Наполеона несколько не утратили своей былой яркости. Он мог видеть всю операцию как единое целое, даже если в ней участвовало полмиллиона человек, с момента их начального сосредоточения до конечного результата. Однако в его планах было два серьезных просчета, которым суждено было разрушить весь ряд блестящих замыслов по мере развертывания кампании. Проблемы времени и расстояний оказались не по плечу одному человеку, даже если это был сам Наполеон. Судя по его предшествующим кампаниям, идея наполеоновской войны основана на его личном управлении всеми частями его армии. Достичь этого было нелегко с 200-тысячными армиями даже в значительно меньших по территории странах — Италии, Северной Германии или на Дунае. Но теперь, оказавшись перед огромными и пустыми пространствами Польши и России и встретившись с необходимостью управлять совместными действиями более полумиллионной массы человек, Наполеон ощутил, что его энергии и воли стало трагически не хватать. Он был физически не в состоянии следить за выполнением каждой стадии своего плана, а его подчиненные, привыкшие к службе за спиной императора, оказались не способны к решительным и достаточно самостоятельным действиям. Сам Наполеон ясно понимал огромное значение точного согласования действий во всех своих частях. В письме к Жерому из Торна от 5 июня он пишет: «В нашей профессии и на таком обширном театре войны успех может быть завоеван только при помощи хорошо продуманного плана, в котором все составные части находятся в полной гармонии»(15). План был задуман прекрасно, а гармонии в его выполнении не было.

У русского царя и его советников с самого начала, по-видимому, на переднем плане находились соображения обороны; нет достаточных данных, позволяющих предположить наличие агрессивных замыслов, хотя наступление на Варшаву вполне могло бы быть предпринято, если бы условия были более благоприятными и планы русских были бы более детально разработаны к началу войны. В течение марта и апреля 1812 года царь собрал свои разбросанные соединения и сосредоточил их в две главные армии около своих западных границ. По мере поступления все большего количества войск с затихших персидских и турецких фронтов он начал создавать Третью Западную армию. Таким образом, к июню русские имели в непосредственном распоряжении три полевые армии общей численностью до 218 000 человек. В крупнейшей из них — Первой Западной армии Барклая-де-Толли — было 127 000 человек, включая 19 000 кавалерии, она состояла из шести армейских корпусов, трех кавалерийских корпусов и казачьей дивизии с 584 пушками. С самого начала эта армия была растянута широкой дугой от Бал-

тийского побережья до верхнего течения Немана. Правым (балтийским) флангом этой армии командовал генерал Витгенштейн (I корпус, ставка в Россиенах). Центр был образован II, III, IV корпусами, вытянутыми в длинную кордонную линию с базой в Ковно, ее поддерживали казацкие завесы Платова. Левый фланг состоял из IV корпуса и III кавалерийского корпуса под командованием генерала Дохтурова, сосредоточенных около Лиды. Ставка Барклая располагалась в Вильне; его второй эшелон состоял из I кавалерийского корпуса, располагавшегося около Вильковиши, II — около Сморгони и V армейского корпуса великого князя Константина в Свенцянах. Вторая Западная армия состояла из двух армейских корпусов — VII и VIII — и IV кавалерийского корпуса, поддерживаемых еще 4000 казаков, что составляло всего 48 000 человек¹ (включая 7000 регулярной кавалерии) под командованием генерала Багратиона. Вначале эта армия была дислоцирована вокруг Луцка, к югу от припятских болот, но в начале июня Багратион двигался на север для соединения с Барклаем, и армия достигла района Вильковиши. Генерал Торماسов (бывший заместитель Багратиона) был занят формированием Третьей Западной армии в Волыни, но эти силы (со временем достигли 43 000 человек) в мае были все еще значительно рассеяны и не готовы к боям.

Многие авторитетные историки утверждают, что основной идеей стратегического плана царя на всю кампанию 1812 года, по-видимому, была концепция уступки территории для выигрыша времени. Но насколько это было намеренным и насколько вынужденным действием, остается предметом споров. По мнению нескольких русских специалистов того времени, рубеж Немана был не пригоден к обороне, и стратегический план, из которого вначале исходили Барклай-де-Толли и Багратион (после соединения своих армий), заключался в постепенном отходе перед наступающей Великой армией, пока она не достигнет рек Двины, Березины и Днепра, которые в совокупности образовывали сильную оборонительную линию, идущую от Балтийского моря у Риги до Черного моря. Вероятно, на этом рубеже Александр намеревался оказать сопротивление французам, и по совету генерала Фуля в местах главных переправ начали строить значительные укрепления. Были усилены оборонительные сооружения Риги на Балтийском море и Киева на Днепре; новые укрепления были также построены в Динабурге и Дриссе на Двине и в Борисове и Бобруйске на Березине. Александр, вероятно, надеялся задержать Наполеона на этих сильных речных рубежах, пока новые русские армии не мобилизуются в тылу, готовясь к мощному контрнаступлению. На деле эти расчеты не оправдались; когда кампания началась, армии генералов Барклая и Багратиона были все еще разделены, и большое расстояние между ними представляло опасность, а фортификационные работы в Динабурге и Борисове едва начаты. «Любимое детище» Фуля — большой укрепленный лагерь в Дриссе — был, правда, выстроен, но в силу стратегических причин оказался в стороне от боевых действий. Тем не менее в конечном счете принципиальная стратегия царя, использовавшая необъятность просторов России для поглощения французских армий, оказалась достаточно эффективной. «Если император Наполеон, — говорил царь Нарбонну в мае, — решится на войну и если фортуна не улыбнется нашему правому делу, ему придется идти на край света в поисках мира» (16). Это оказалось еще одним оправдавшимся пророчеством.

В начале 1812 года обе стороны спешно организовывали и усиливали свои окончательные приготовления. Наполеон мобилизовал свои армии 8 февраля, объяснив такое сосредоточение войск в Северной Германии чисто местными причинами, требующими усиления континентальной системы и прекращения процветавшей под-

¹ Некоторые авторы считают, что численность русских Второй и Третьей Западных армий была 65 000 и 80 000 соответственно. Маловероятно, что они имели такую численность в июне 1812 года. (Примеч. автора.)

польной торговли с Англией. К 15 мая основная масса его армий была сосредоточена в районе Данцига — Варшавы вдоль берегов Вислы, а 26 мая императорской ставкой дан приказ наступать в направлении Немана. Под завесой кавалерии Мюрата, с корпусами Макдональда и Шварценберга, охраняющими, соответственно, северный и южный фланги, Великая армия двинулась вперед своими тремя основными частями, построенными в эшелоны. В оптимистической надежде скрыть этот акт агрессии под завесой законности было объявлено, что это вхождение в Польшу совершается исключительно по просьбе определенных польских националистических групп.

Стратегическое сосредоточение армии и ее последующее наступление вплоть до соприкосновения с противником происходили достаточно гладко, не встречая сопротивления. Однако физическая нагрузка на войска, которые должны были совершать бесконечные переходы день за днем, была уже очень изнурительна. «Мы находимся в походе уже целых два месяца, почти без дня отдыха, — жалуется Жан-Юбер Пиротт из 1-го батальона артиллерийского обоза в письме домой из Мариенвердера, — а два дня назад мы прибыли в это место. Могу сказать, что на Пасху мы проходили через Штеттин. Еще мы были в Берлине, Нинбурге, Люнебурге и Гамбурге, и мы прошли через Торн в Польше. Теперь мы находимся в старой Пруссии, около русской границы, и каждый день ждем сражения с русскими... Наша задача — перевозить пушки. Мы привезли сюда такие орудия, для перевозки которых из Миндена требовалось по восемь, а то и по десять лошадей»(17). Большинство войск, двигавшихся через Восточную Пруссию, испытывали немалые трудности с продовольствием. Капитан Рёдер из гессенской лейб-гвардии отмечает в своем дневнике недружелюбность местного населения: «Я по горло сыт «гостеприимством» пруссаков. С тех пор как мои солдаты выступили из Ростока, они не видели мяса, а когда они становятся на квартирах на ночлег, все, что им дают, — это вареная картошка, еще хуже той, что мы даем скоту»(18). Наполеон издал жесткий приказ не прикасаться к армейским запасам, пока войска не переправятся через Неман, и солдаты терпели большие лишения. Естественно, они были раздражены, и Даву — обычно поборник жесткой дисциплины — не стал останавливать солдат I корпуса, когда они, проходя через Гумбинен, разграбили город. Повторялась старая картина наполеоновской войны — голодающие войска, подожженные города (даже на официально дружественной территории), убитые гражданские лица, воровство, насилие и разбой. Тем не менее к 30 мая вся армия была на своих исходных позициях, готовая к вторжению на русскую территорию.

Пока солдаты с ворчанием шагали на восток, к районам сосредоточения, Наполеон приводил в окончательный порядок свои политические и дипломатические дела. Девятого мая император со своими приближенными и советниками выехал из Сен-Клу по направлению к границе. Через неделю Наполеон достиг Дрездена, где его ждало сверкающее сборище королей и принцев: император Австрии, принцы большинства государств Конфедерации и даже король Пруссии, желавшие проводить его в дорогу. Император был воплощением учтивости и благоразумия; желая заручиться помощью своих не особенно надежных союзников, он много говорил о своем желании мирно договориться и даже послал Нарбонна с последним воззванием к Александру в Вильну. Разумеется, на самом деле все было давно predetermined, и все эти старания были рассчитаны на то, чтобы изобразить себя страдающей стороной.

После двух недель приемов и угощений Наполеон обратился к более воинственным занятиям. Выехав из Дрездена 29 мая, он совершил молниеносный объезд — инспектировал главные базы армии в Торне, Данцинге и Кёнигсберге. Согласно Коленкуру, его первыми словами генералу Раппу, губернатору Данцига, были: «А что ваши торговцы делают со своими деньгами? Вот-вот начнется война. Сейчас я сам займусь этим»(19). На следующий же день он потребовал огромную контрибуцию. Семнадцатого июня император появился в Большой став-

ке в Инстербурге. Через некоторое время он сопровождает Бертье со своим штабом в направлении на Ковно через Гумбинен, Шталлупёнен и Вильковиши, двигаясь по лесной дороге мимо идущих колонн I корпуса. Солдат охватил восторг. «Войска... были великолепны и приветствовали императора с искренним энтузиазмом... Вся эта молодежь, здоровая, сильная, чувствовала необычайный подъем»(20). Мало кому из них было суждено вновь увидеть родной дом.

Глава 69

ВТОРЖЕНИЕ В РОССИЮ

Двадцать второго июня 1812 года передовые патрули польской кавалерии шли осторожной рысью вдоль западного берега Немана, пристально вглядываясь в противоположный берег реки, стараясь увидеть признаки присутствия противника. Вскоре к ним подъехал сам император, желавший произвести личную рекогносцировку места, избранного для переправы. Вечером Наполеон в плаще польского гусара и фуражке вместе с генералом Аксо, военным инженером, провел тщательное обследование обоих берегов реки. Дальнейшая рекогносцировка заняла почти весь следующий день, а в это время кавалерийский резерв и корпуса Даву и Удино, за которыми следовала гвардия, незаметно входили в леса Вильковиши, соблюдая все меры предосторожности, чтобы скрыть, что они находятся так близко к Неману. На другом берегу лишь изредка мелькал казачий патруль, и больше никого. Казалось, что дверь в Россию была любезно приоткрыта. Однако те, кто был склонен к суевериям, с тревогой узнали, что к вечеру император был сброшен посреди ржаного поля с лошади, испугавшейся внезапно выскочившего из-под копыт зайца. Хотя Наполеон не пострадал, многим это показалось дурным предзнаменованием.

Переправа началась в 10 часов вечера 23 июня. Вначале генерал Моран умело переправил через Неман три роты легких пехотинцев на лодках, и под их прикрытием военные инженеры генерала Эбле принялись энергично строить мосты. К рассвету была завершена сборка трех понтонных мостов, и вскоре остаток дивизии Морана и большая часть кавалерийского резерва переправились на восточный берег. Двадцать четвертого и 25 июня вся остальная армия перешла через мост вслед за ними. Могучий поток солдат, лошадей, пушек, повозок тек по скрипящему деревянному настилу на землю Святой Руси. Если не считать трех выстрелов со стороны казачьего разъезда, русские не оказали никаких попыток помешать переправе, и все оставалось безмятежно спокойным. Ковно был занят без сопротивления.

Наполеон начинал испытывать легкое беспокойство. Его авангард — I и II корпуса кавалерийского резерва Мюрата со своими 60 пушками — давно должны были бы вступить в соприкосновение с противником — авангардом Барклая, но, по докладам от его легкой кавалерии, нигде не замечалось присутствия неприятеля. Наконец истина выяснилась. Барклай уже начал до этого отходить на Вильну и Свенцяны, готовясь к общему отходу на сильный рубеж по Двине. Позднее с далекого правого фланга французов пришло сообщение о том, что армия Багратиона не только не наступает в направлении Брест-Литовска или Варшавы, но уходит на север, очевидно намереваясь скорее соединиться с Барклаем. Эти новости укрепили мнение Наполеона, что русские догадались, что его главное операционное направление пойдет на Ковно, и что, следовательно, все тщательные меры предосторожности, скрывающие направление главного наступления, оказались ненужными. На этот раз противник не играл ему на руку, и это принесло некоторое разочарование и стало весьма неприятным известием, однако положение не было безвыходным. То, что Барклай отходил в направлении Дриссы, то есть на северо-восток, означало, что на самом деле расстояние между армиями его и Багратиона возрастает и

из-за этого замедляется сосредоточение этих двух русских армий. Поэтому еще могло быть достаточно времени, чтобы Наполеон и Евгений вклинились своими армиями между этими двумя русскими флангами и закрыли ловушку для Багратиона — теперь окончательно выбранного в качестве первоначальной мишени. Но непрерывным условием этого было достаточно быстрое движение французов с целью захвата Вильны как операционного центра для организации окружения, причем армия Жерома должна была перейти от обороны к наступлению для оказания сильного фронтального давления на Вторую Западную армию и не дать ей ускользнуть на восток, где она будет в безопасности.

Однако в этих условиях и заключались основные трудности. Во-первых, Наполеон не мог наступать на Вильну и решающую центральную позицию, пока его непосредственный фланг и тыл не будут обеспечены армией Евгения, который должен прибыть в Ковно для охраны французских линий коммуникаций через Неман. А вице-король Италии в этот момент уже на двое суток отставал от расписания (как император узнал рано утром 20 июня) из-за своих больших трудностей с неуклюжими обозами. Это означало, что Наполеону придется замедлить темп наступления Мюрата (он мог бы достичь Вильны без особых трудностей к 27 июня) и в то же время задержать Даву у Немана, пока не подойдет его пасынок, чтобы принять на себя задачи охраны коммуникаций. Иначе Багратион вполне смог бы напасть на линии коммуникаций главной армии. На правом фланге не ощущалось, что Жером ведет успешное наступление из района Варшавы, чтобы перехватить Багратиона, хотя на крайнем правом фланге и Рейнье и Шварценберг учли движение противника на север и направились к реке Бугу и Люблину соответственно. Таким образом, с самого начала кампании недостаточная мобильность и связанные с нею осложнения стали грозить провалом блестящему стратегическому плану Наполеона. Ни император, ни его подчиненные никогда не имели в прошлом опыта с передвижением длинных, громоздких обозов, которые замедляли темп наступления армии и вносили большие трудности. Особенно с ними сложно было справляться на узких и неровных дорогах.

Пока император проклинал свои несчастные транспортные батальоны, Мюрат рвался к Вильне во главе своих 22 000 кавалеристов. Удино, заняв Ковно, переправился на правый берег по отремонтированному мосту реки Виляя, направляясь в Кейданы, где он надеялся перехватить две дивизии Витгенштейна, которые, очевидно, остались без прикрытия из-за внезапного отхода остальной армии Барклая. Удино своевременно поддержал Макдональда (слева), наступающего от Тильзита, и III корпус Нея (справа). Но 25 июня Наполеон был вынужден попридержать свою кавалерию на центральном секторе. «Не может быть и речи о вашем занятии Вильны, — писал император Мюрату. — Прежде всего необходимо полностью обезопасить наш левый фланг»(21). В 3.30 утра на следующий день он сказал Даву, что «до сих пор король Неаполитанский наступает слишком быстро», и предупредил его, что существует вероятность нападений противника на части I корпуса с направления Вилькомира на северо-востоке(22). Император посоветовал Удино в его поисках Витгенштейна двигаться вперед с осторожностью; императорской ставке больше нужна была точная информация о полной численности войск Барклая и о его теперешнем местонахождении, чем какие-то незавершенные действия на левом фланге.

На следующее утро французскому штабу выпала неожиданная удача — перехватили донесения русских, из которых узнали, что царь и Первая армия все еще находятся в Вильне и что этот город избран в качестве места соединения сходящихся сил Багратиона. Так как Евгений наконец стал переправляться через Неман у Палони, Наполеон смог построить свою армию в боевой порядок и без промедления наступать на Вильну. К рассвету 28 июня все было готово, и Мюрат повел армию на город. Однако надежды Наполеона на решающее сражение не оправда-

лись: русские лишь провели артиллерийский обстрел приближавшихся французов и успели эвакуировать город, сжечь все запасы и мост за собой. Так Вильна, в свою очередь, попала в руки французов без всякого сопротивления. Таким образом, Наполеон смог вклиниться в русские позиции, но не полностью. Это был относительный успех — солдаты начинали голодать, потому что обозы безнадежно застряли где-то в тылу, и, значит, снова начались грабеж и воровство и общее разложение дисциплины.

Однако нельзя было терять времени — было необходимо окружить сходящиеся войска армии Багратиона, прежде чем они отойдут, так как уже сообщали о том, что Вторая Западная армия находится уже в Ошмянах. И Наполеон изменил свой план. Задача преследования Барклая по направлению к Свенцянам была возложена на Мюрата и пять кавалерийских дивизий, а также новый свободный корпус (состоял из дивизий Фриана и Гюдена) под командованием графа Лобау. На левом фланге этого корпуса соседом был Удино, а в тылу у него находился Ней. Даву с 1-й пехотной дивизией Морана и частью кавалерии должен был наступать на Михалевичи, захватив мосты через Вилию, чтобы отрезать Багратиону пути отхода. На время император должен был остаться в Вильне с дивизиями Дессе и Клапареда, используя город как операционный центр, где смогут заранее сосредоточиваться инженерные парки и обозы. Тем временем вдаль, на правом фланге, Жером также должен был на большой скорости наступать на Ошмяны, оказывая сильнейшее фронтальное давление. Таким образом, Наполеон решил разделить свою армию на части, выслав Мюрата в одном направлении за Барклаем и используя остаток корпуса Даву для окружения Багратиона с помощью Жерома. Это сомнительное распыление сил было связано в основном с недостаточностью и неточностью сведений, попадающих к императору. В сущности, он был вынужден ждать развития событий, возможно, надеясь на то, что намеренное ослабление его сил у Вильны может соблазнить Барклая вернуться и все-таки принять сражение. Однако, поскольку Наполеон теперь надеялся вначале разделаться с Багратионом, он приказал Мюрату, Удино и Нею пока не особенно давить на Барклая.

Темп французского наступления к этому времени заметно ослабевал, так как сочетание проливных дождей, застревающих по дороге обозов и скудность сведений о противнике превращало наступление в медленное продвижение. Было очевидно, что русская кампания не сможет закончиться за двадцать дней, как планировалось.

Рано утром 1 июля Наполеон получил наконец надежные сведения о том, что Багратион направляется в сторону Вильны через Гродно, вероятно двигаясь к Свенцянам. Из ставки помчались курьеры с дополнительными приказами для Даву. Он должен был принять командование войсками, организованными в три колонны, для немедленного марша на юг с целью перехвата русских. Правая колонна под водительством Груши, состоявшая из пехоты Дессе и двух бригад, должна была вступить в бой с арьергардом противника. Вторая колонна под личным контролем Даву нападет на центр Багратиона, причем в помощь князю Экмюльскому были приданы солдаты Компана и Пажоля — дивизия кирасир и уланы гвардии. Левая колонна генерала Нансути должна была состоять из четырех бригад кавалерии и пехоты Морана, и ее задачей будет обход с фланга русского авангарда(23). В это же время Жером должен был спешно наступать на Ошмяны из Гродно, силами кавалерии и пехоты оттесняя Багратиона от другого фланга. Маршал Мортье командовал общим резервом. План выглядел полностью продуманным.

Однако с самого начала все было скомкано. Вместо того чтобы выступить на Вильну, как было приказано, Евгений потратил весь день 2 июля, остановившись в Пилони, считая, что крупные русские силы — плод воображения генерала Роге — вот-вот нападут на левый фланг его Итальянской армии. За это бездействие он получил строгий выговор императора и лаконичный приказ незамед-

лительно передислоцировать свою армию к Вильне. Рано утром 3 июля авангард VI корпуса послушно появился в Вильне, и Наполеон почувствовал, что теперь можно безопасно приказать Даву продолжать намеченную операцию. На следующее утро, по прибытии медлительного войска Евгения, Наполеон освободил дивизию Клапареда от обязанностей резерва в Вильне и выслал ее на подкрепление к Даву, что довело количество его солдат и офицеров до 50 000 человек. У Евгения в этот момент было 30 000 солдат на северной стороне котла, с запада подходил, хотя и медленно, Жером, имевший 55 000 солдат. Итак, в любом случае Багратион будет *traqué de tous côtés*¹, окружен французскими силами, подхитившими со всех сторон (24). Сто десять тысяч французских солдат сходились со всех сторон против жалких 45 000 русских; Багратион едва ли мог надеяться на спасение.

Однако оптимистические прогнозы французов оказались преждевременными. Багратион не только выскользнул из этой сети, но еще и показал всем нерасторопность французов и их союзников. Пятого июля Наполеон получил письмо от Жерома, из Гродно от 3 июля, в котором докладывалось, что его кавалеристы не обнаружили никаких следов русских войск в Ошмянах, кроме двух слабых отрядов пехоты, и что, по-видимому, Багратион отходит к Слониму и Минску со своими семью дивизиями. Видимо, Жером едва сдвинулся со своего места и конечно не смог сковать противника, что было его главной задачей (ловушка должна была правильно сработать). Но Жерому потребовалось еще двое суток, чтобы неторопливо сообщить Наполеону о своих наблюдениях. Император снова пришел в ярость. «Скажите ему, — велел он Бертье, — что хуже выполнить маневр уже невозможно... что я глубоко возмущен тем, что он не предоставил все свои легкие войска Понятовскому, чтобы тот изводил Багратиона; скажите ему, — уничтожающе закончил Наполеон, — что он загубил всю мою операцию и упустил наилучшую возможность, когда-либо представлявшуюся на войне, — и все из-за его замечательной неспособности понять хотя бы азы военного искусства» (25). Жером был в таком гневе, получив эту отповедь, что после стычки с Даву через неделю после этого он решил бросить свой пост и вернуться в Вестфалию. Он уехал с фронта в оскорбленных чувствах 14 июля, и его соединения были временно переданы маршалу Даву.

Освободившись от этих учащающихся семейных неприятностей и надеясь, что отход Багратиона в безопасную зону еще может быть прерван, император понуждал своих подчиненных продолжать его спешное преследование. Русские едва ли могли бы достичь Минска ранее 11 июля, и, следовательно, Даву еще мог перехватить их там и предложить сражение на выгодных условиях. Если бы все прошло хорошо, Багратиона еще можно было бы загнать в припятские болота около Пинска. Наполеон снова приказал Мюрату, терпеливо выжидавшему начала действий в северном секторе, снова потерпеть — он не должен был наступать за пределы Видземе в направлении на Динабург и ни в коем случае не должен был вступать в большое сражение в отсутствие Наполеона.

Восьмого июля колонны солдат Даву, со стертymi в кровь ногами, вошли через городские ворота Минска, но убедились, что Багратион, как только узнал о маневре I корпуса с целью его перехвата, уже несколько дней назад повернул в обратном направлении и двинулся к Бобруйску. Русские давно поняли грозившую им опасность и решили избегать сражения. Поэтому они пошли по более южному пути, чем предполагали французы. Дойдя до Несвижа, Багратион дал своим измотанным солдатам (они были в непрерывном походе девять дней) трехсуточный отдых. Конечно, если бы все выполнялось по плану, Жером должен был быть в Несвиже к 7 июля, а Даву подошел бы от Минска с другой стороны и прибыл бы сюда

¹ Обложен со всех сторон (фр.).

через три дня. Но короля Вестфалии не оказалось в указанном ему месте. И Наполеон был вынужден признать, что его первый большой маневр против Багратиона, целью которого было уничтожить одним ударом левое крыло русской армии, кончился полной неудачей. Скудность местных ресурсов, полная зависимость от медленно ползущих обозов, часто застревавших на плохих грунтовых дорогах, делавшихся непроезжими после каждого дождя, и все усиливавшаяся усталость солдат, дошедших до полного изнеможения, страдавших от резких перемен дневных и ночных температур и часто просто очень голодных, — все это были факторы, лишившие Наполеона того, что обещало стать его настоящим триумфом. Во всяком случае, таковы были те причины, которые он привел в объяснение этой неудачи. На самом деле корни ее были гораздо глубже — в неумении неспособных подчиненных (особенно Жерома) выполнять приказы и в явном недостатке физической энергии у самого Наполеона. В предшествующих кампаниях он всегда был на коне, лично управляя своими дивизиями вплоть до момента кризиса. На этот раз он находился в Вильне, без особого результата пытаясь оттуда влиять на ход дела своими распоряжениями. Это предвещало еще дальнейшие ухудшения.

После провала попытки взять в окружение Багратиона Наполеон перенес свое внимание на северный сектор фронта, которым он до сих пор несколько пренебрегал, предоставив Даву наступать вслед за Второй Западной армией по направлению к Борисову и Орше, и приказал ему предотвратить любую попытку русских соединить свои силы. Ко второй неделе июля Барклай-де-Толли отвел большую часть Первой армии к реке Двина и занял там позиции в сильных укреплениях Динабурга и Дриссы. Наполеон знал о сильной укрепленности этих позиций и принял решение или вынудить противника эвакуировать их, или выйти и сражаться в открытую. «Так как император не желает атаковать противника ни в одном из его укрепленных лагерей в Динабурге и Дриссе, он обойдет их позиции, сделав их совершенно ненужными, и затем атакует их с ходу»(26). Так родилось то, что стало известно под названием «маневра на Витебск».

В этой второй попытке выиграть русскую войну император намеревался использовать Мюрата, поддерживаемого войсками Удино и Нея, в качестве сковывающей силы перед Дрисским укрепленным лагерем, в то время как остальная часть центральной группы армий переправится через Двину дальше к югу и затем повернет к северу, угрожая линиям коммуникаций Барклая с Санкт-Петербургом. Барклаю придется выбирать между немедленным отходом к Санкт-Петербургу или наступлением и сражением с Мюратом. Этот план, в сущности, был вариантом старого доброго «стратегического маневра вне поля боя с обходом противника», рассчитанного на то, чтобы вынудить противника выйти из сильной позиции, угрожая его тылу, а затем заставить его сбиться к флангу в усиливающемся беспорядке.

Пока император оставался в Вильне, войска Евгения и гвардия были высланы в шестидневный марш к Глубокому с целью выровнять линию фронта с отрядами Мюрата около Видземе, готовясь к генеральному наступлению на двинский рубеж. Однако 16 июля Мюрат сообщил о признаках движения неприятеля в его направлении, что могло свидетельствовать о решении русских выйти из своих укрепленных позиций и атаковать. Наполеон немедленно выехал в Свенцяны по пути к позициям Мюрата около Икасни, вызвав к себе гвардию и VI корпус с пушками и саперами из окрестностей Глубокого. «Если наступление противника будет развиваться, — писал он Бесьеру, — мое намерение заключается в том, чтобы наступать на него со всех сторон... Если, прибыв в Свенцяны, я увижу, что это было ложной тревогой, я продолжу марш на Глубокое»(27). Так оно и оказалось. Русские наступать не стали, и 18-го Наполеон был в Глубоком. Теперь он предполагал, что Барклай направится к Полоцку, то есть к Багратиону, так как сообщалось, что последний двигается к Орше. Поэтому для него не было нежиз-

данным сообщением Мюрата от 19 июля, что противник бросил укрепленный лагерь в Дриссе без единого выстрела. Наполеон считал, что теперь Барклай направится по дороге на Оршу, чтобы ускорить соединение с Багратионом, и, соответственно, всем частям было приказано сосредоточиться у Каменя и готовиться к долгожданному сражению.

Но и на этот раз интуиция императора его подвела. Правда, русские изо всех сил стремились соединиться, но местом их встречи был Витебск, а не Полоцк, как Наполеон предполагал. К 21 июля он понял свою ошибку и приказал своим войскам передислоцироваться из Каменя в Бешенковичи, куда они должны были прийти к 24 июля. Но ни в чем нельзя было быть уверенным. «Направится ли противник к Бешенковичам или пойдет прямо на Витебск? — делился он сомнениями в письме к Евгению. — Невозможно сказать. По-видимому, наше продвижение к Орше и Могилеву в сочетании с усилиями Багратиона заставило его повернуть влево»(28).

Темп событий начал ускоряться. Двадцать третьего июля Даву имел ожесточенный бой с Багратионом у Могилева, и ему удалось закрыть для него пути прохода на север; то есть французы успешно вклинились своими войсками между этими двумя русскими армиями. Двадцать четвертого июля Наполеон был в Бешенковичах и провел личную рекогносцировку противоположного берега Двины; в этот же день несколько оставшихся русских солдат, взятых в плен, подтвердили, что Барклай лично находится в Витебске. Неуверенность кончилась. В эту же ночь французы направились к Витебску по левому берегу Двины, все еще стремясь навязать сражение Барклаю, до сих пор не получившему подкрепления. Двадцать пятого и 26 июля Наполеон был вполне уверен, что наконец сбывается его идея. Оба эти дня кавалерия Мюрата сражалась с русскими у Островны, и у французов стала крепнуть уверенность, что противник в самом деле хочет принять сражение. Убеденный, что Барклай теперь у него в руках, Наполеон удержался от искушения сразу атаковать его имеющимися силами и приказал своим войскам выждать сутки, чтобы дать время подойти подкреплениям.

Эта отсрочка боя была большой ошибкой императора. Верно, что вначале Барклай намеревался дать сражение французам у Витебска, но, когда он узнал, что у Багратиона более нет шансов подойти к нему через Оршу (из-за успешного блокирующего действия Даву у Могилева), он изменил свое решение и решил уйти к новому месту соединения — в Смоленск. Отложив свою атаку всего на один день, Наполеон, против своей воли, дал Барклаю возможность ускользнуть. Когда утром 28 июля французские войска в полной боевой готовности подошли к Витебску, они увидели, что и этот город эвакуирован неуловимым противником. Так Наполеон испытал свое второе разочарование в этой кампании; уже дважды крепко затягивался узел стратегической петли, но оба раза противник в последний момент ускользал.

Теперь оставалось мало шансов настигнуть Барклая в пути до Смоленска; его армия могла использовать много хороших дорог. Также трудно было надеяться на то, что удастся помешать Багратиону успешно соединиться с Барклаем. Стратегия Наполеона не дала никакого результата, и ему не удалось навязать решительного сражения противнику до его соединения с другой армией. Едва ли могло быть ему утешением, что противник понес большие потери (8000 человек) и что французы остались обладателями «главной военной позиции в Европе». Уже нельзя было скрыть то, что Великая армия начинала таять в процессе наступления. Погода стояла исключительно жаркая, количество больных пугающе возрастало; особенно велики были потери лошадей. Путь армии был отмечен гниющими трупами, что, безусловно, повышало заболеваемость солдат. «Между Ковно и Видземе мы видели около 3000 лошадей, лежащих у дорог, — отмечает капитан Рёдер, шедший вслед за головными частями, — павших от изнеможения или голода, а чаще объевшихся свежей травы, и еще больше гниющих человеческих

трупов, от которых в эту жару шла ужасающая вонь»(29). К тому времени, когда Наполеон подошел к Витебску, вероятно, около 100 000 человек отсутствовало в частях по болезни или отстав от своих.

Наполеону пришлось сделать вынужденную остановку. Усталым и разбредшимся частям требовался период отдыха и реорганизации, и, возможно, за время паузы даже отставшие обозы смогли бы наконец подоспеть к фронту и удовлетворить самые насущные нужды солдат. Так наступление главной французской армии остановилось на целых восемь дней, пока солдаты отсыпались, отъедались, раздобывая чужое добро, а главные соединения перегруппировались вокруг Витебска, ставшего теперь операционным центром для предстоящего броска на восток. Тем временем кавалерия наступала через Сураж и Рудню, следя за противником и образуя завесу для главной армии. За этот период относительного покоя много отставших солдат и новые пополнения влились в усталые корпуса. Начали прибывать обозы. В это время Наполеон счел целесообразным доверить VIII корпус, до этого бывший под командованием Жерома, маршалу Виктору.

Однако удаленные от центра французские соединения не имели возможностей для отдыха. Вдали, на южном фланге, генерала Рейнье стала сильно теснить Третья Западная армия Торماسова, недавно выступившая из Волыни, и вскоре Наполеону пришлось направить австрийцев Шварценберга на поддержку VII корпуса, чтобы сдерживать эту новую угрозу. Почти в то же время Даву было приказано передислоцировать свои войска к Орше, чтобы сомкнуться с основной массой войск. Тем временем на северном фланге шли довольно оживленные боевые действия. II корпус Удино с конца июля до 16 августа вел длительные бои с изолированными силами Витгенштейна (28 000 человек) в окрестностях Полоцка и Дисны; военное счастье было то на одной, то на другой стороне, когда каждая из сторон то вступала в соприкосновение с противником, то отступала.

Несмотря на подход пополнения (VI корпус Сен-Сира) 16 августа, Удино оказался опять в Полоцке к 18-му. В этот день произошло упорное сражение («Первый Полоцк»), в котором генерал Гувион Сен-Сир заслужил свой маршальский жезл умелым управлением 35 тысячами французских и союзных войск, после того как накануне был ранен маршал Удино. «Первый Полоцк» не был особенно выдающейся победой, учитывая численное превосходство французов, но это освободило Наполеона от забот о его левом фланге и укрепило его решимость наступать далее на Витебск. Тем временем на крайнем северном фланге французской армии маршал Макдональд оставил свои прусские войска осаждать генерала Эссена в Риге, в то время как остальная часть X корпуса подошла к Двине для захвата Динабурга.

Эти операции на периферии способствовали быстро удлинявшейся линии фронта французов. Накануне начала операций в июне 1812 года различные группы армий занимали исходный рубеж, немного превышающий 250 миль (от Кёнигсберга до Люблина). Менее чем через шесть недель фронтовые армии растянулись в форме громадного клина, идущего от Риги к Витебску, оттуда к Бобруйску и припятским болотам. Даже не считая войск Шварценберга и Рейнье, действующих вокруг Луцка, далеко к юго-западу от всех остальных сил, главная линия фронта французов уже превысила пятьсот миль. Таким образом, ресурсов Наполеона стало не хватать, а стратегический расход человеческих сил уже был очень значителен. К тому времени, когда он достиг Смоленска в середине августа, численность боевого состава центральной группы армий снизилась до 156 000 человек. В последующие месяцы войска таяли, и ко времени вступления в Москву французская армия имела только 95 000 человек. А тем временем французские линии коммуникаций неизбежно все более и более растягивались, тяжелым грузом ложились на плечи солдат в батальонах снабжения и требуя выделения все большего числа гарнизонных отрядов для охраны этапных пунктов и расширяющихся флангов. Наполеон

не знал, была ли русская политика отказов от сражения и заманивания его войск в глубь России результатом обдуманного замысла или она просто подчинялась ходу событий, — в любом случае она, несомненно, ослабила Великую армию, существенно лишив ее былой мощи.

Кроме истощения французских людских ресурсов, эта уклончивость русской тактики ослабляла морально и физически состояние войск Наполеона. Неожиданные атаки с мгновенным отходом небольших казачьих отрядов совершались непрерывно и оказывали крайне угнетающее действие, намного превышающее их реальную военную опасность. Французские солдаты все больше становились жертвами нервного страха. Капитан Рёдер записал в своем дневнике о таком типичном случае. Гессенские войска были собраны для парада перед ставкой императора 17 августа в Витебске, «...когда вдруг поднялась нелепая суматоха из-за того, что где-то вдаль увидели нескольких казаков, которые якобы увели с собой французского фуражира. Весь гарнизон схватился за оружие, и, когда мы выехали в поле, оказалось, что на самом деле вокруг нас скачут всего несколько десятков казаков. Таким манером они могли бы через пару недель довести до госпитальных коек весь наш гарнизон, не потеряв ни одного человека»(30). О боевых качествах казаков ходили легенды. Незадолго до Бородинского сражения один из пленных сказал Наполеону, что, «...если бы все царские солдаты были как казаки, вас и ваших французов и не было бы в России. А если бы у Наполеона в армии были казаки, то он давно бы стал китайским императором. Всю войну ведут казаки, они вечно сражаются»(31). Однако одиночный казак не был таким грозным противником в поединке, и в этом случае французский легкий кавалерист, вероятно, одержал бы верх. Но в чередовании изматывания и ускользания казаки не имели себе равных.

Четвертого августа армии Барклая и Багратиона наконец соединились в окрестностях Смоленска, и их общее количество достигло 125 000 человек. В перспективе вскоре должны были появиться еще значительные русские подкрепления. Наполеон же в этот момент имел в непосредственном распоряжении около 185 000 человек, в основном собранных в районе треугольника, образуемого городами Бешенковичи, Сураж и Орша. V и VIII корпуса находились южнее у берегов Днепра; северную часть этого района удерживали VI корпус, гвардия (в Витебске, у ставки императора) и IV корпус; между этими двумя группами располагались солдаты рассеянного I корпуса, III корпуса и большая часть кавалерии Мюрата. Выше по Днепру на значительном расстоянии находились одна пехотная дивизия и кавалерия Латур-Мобура.

Вскоре Наполеон занялся подготовкой своего следующего плана — знаменитого, хотя и безрезультатного маневра на Смоленск, имевшего целью поставить Великую армию в тыл русским, перерезав их линии коммуникаций с Москвой, и тем самым навязать им сражение. Но окончательный план еще не был готов, когда неожиданные известия из II кавалерийского корпуса, казалось, изменили всю ситуацию. Генерал Себастьяни, командовавший 3000 кавалеристов, сообщил, что 8 августа он вел ожесточенный бой с казаками Платова около городка Инково, в котором успех сопутствовал больше казакам. По-видимому, это было признаком того, что русские войска наконец выходят навстречу французам, очевидно желая принять бой. Ничто не могло больше обрадовать императора. Барклай и Багратион действительно собирались начать наступление против левого крыла Наполеона. И царь, и русское общественное мнение настоятельно требовали контрудара, устав от непрерывных отходов, которые до сих пор непрестанно вела русская армия.

Этот момент казался благоприятным для контр наступления. Завоевательский импульс армии Наполеона уже угас; его соединения были рассыпаны вокруг Витебска, и решительное русское наступление позволило бы еще двум большим русским армиям — Финляндской и Молдавской, только что освободившимся от своих пограничных задач (благодаря недавним договорам со Швецией и Турцией), — со-

средоточиться в тылу, готовясь вступить в кампанию против Франции. В соответствии с этим, после военного совета, созванного 6 августа, Барклай приказал 100 000 пехоты, 18 000 регулярной кавалерии и 650 пушкам двигаться на запад от Смоленска, в надежде предупредить любое сосредоточение французов, захватив врага рассеянным и неподготовленным.

Однако с самого начала эту операцию преследовали трудности. Личные разногласия Барклая и Багратиона дошли до такой степени, что это уже мешало согласованию действий их армий. Когда Платов доложил о достигнутом им ограниченном успехе у Ионкова, как ни парадоксально, военному министру начала изменять его решимость. Опасаясь массивного французского ответного удара, он изменил направление своего наступления на северо-западное, фактически отказавшись от продвижения вперед. В течение шести дней он прекратил наступление, и, когда 13 августа он снова дал приказ наступать, продвижение было крайне малым, и еще до наступления вечера русская армия снова остановилась, немного не дойдя до Рудни. К этому времени Багратион, в сущности, прекратил свое взаимодействие с Барклаем, и его Вторая армия основной массой так и осталась стоять в окрестностях Смоленска. Таким образом, погасла последняя искра русского наступления.

Первой реакцией Наполеона на получение новостей об Инкове было приостановить свои приготовления к наступлению на Смоленск и приказать армии сосредоточиться вокруг ядра III корпуса около Лиозно, чтобы быть в готовности к атаке русских. Однако к 10 августа оказалось, что это столь желательное событие все не происходит. Барклай замер, не наступая. Поэтому Наполеон отменил сосредоточение у Лиозно и вернулся к своей подготовке «Смоленского маневра».

Почти все военные историки соглашаются, что этот оперативный план является одним из шедевров Наполеона. Он намеревался построить гигантское каре почти из 200 000 человек и переправить его через Днепр пятнадцатимильным фронтом двумя большими колоннами через Россасну и Оршу, обеспечивая полнейшую секретность, и затем обойти левый фланг русских, в то время как его противники будут заниматься осторожным прощупыванием в направлении Витебска на противоположном берегу Днепра. Колонна на Россасну под личным командованием императора должна состоять из кавалерии Мюрата, III армейского корпуса, императорской гвардии и войск вице-короля Италии. Южнее их маршал Даву должен будет переправляться с I, V и VIII корпусами, образующими вторую колонну, в то время как корпус кавалерийского резерва Латур-Мобура начнет отвлекающее наступление еще дальше, ниже по Днепру. Если переправа пройдет благополучно, главное наступление на восток пойдет по левому берегу с целью перерезать дороги между Смоленском и Москвой и вынуждая Барклая принять сражение, а затем оттеснить остатки русских войск к северу. Этот маневр стратегического обхода был вполне достоин прежнего маневра, обеспечившего триумф Йены — Ауэрштедта в 1806 году, и, если бы он полностью удался, победа оказалась бы не менее внушительной.

Для поддержки этих операций Наполеон создал тщательно продуманную систему коммуникаций. Он приказал укрепить город Витебск и поставить там гарнизон из 3000 человек(32) для защиты своего северного фланга и использования его как операционного центра на ранних стадиях. Так как его планы были рассекречены и русским стали известны в общем его намерения, необходимо было перенести линии коммуникаций, чтобы они теперь шли через Оршу к Вильне через Борисов и Минск(33).

Предварительные действия начались 11 августа, и к 13-му армия была сосредоточена в назначенном исходном районе в готовности к переправе через Днепр. Изменение фронта Великой армии прошло незамеченным благодаря прекрасным действиям кавалерийской завесы и естественного прикрытия, обеспеченного леси-

стой местностью. В ночь с 13-го на 14 августа генерал Эбле закончил наводить четыре понтонных моста через Днепр у Россасны, и переправа началась. К рассвету не менее 175 000 человек уже благополучно переправились через реку. Было приказано немедленно наступать на Смоленск, и корпуса ускоренным маршем двинулись вперед под прикрытием завесы, создаваемой кавалерией Груши, Нансути и Монбрёна. Погода стояла сухая, дороги были хорошие, и к 3 часам дня головные части достигли города Красное, в 30 милях западнее Смоленска, и здесь французы встретились с первым противодействием русских.

Барклай, обдумывая свой марш к Витебску, очень мудро приказал генералу Неверовскому передислоцировать свою дивизию из 8000 пехоты и 1500 кавалерии на южный берег Днепра для охраны подступов к Смоленску и наблюдения за французскими войсками. Произошел ожесточенный бой. Мюрат несколько раз подряд бросал в бой свои массивные эскадроны против маленького отряда русских, но русские оставались все такими же сплоченными. Король Неаполитанский потерял голову и вместо того, чтобы пропустить вперед III корпус через свою кавалерию и дать ему вступить в бой с русской пехотой, теперь образовавшей одно громадное каре, он намеренно загородил им путь, не обращая внимания на уговоры Нея, и начал бросать кавалерию в атаки «малыми пакетами»¹. Все оказалось безрезультатным; имея французы возможность развернуть несколько пушек — и русское каре было бы разнесено в пух и прах. Но все их пушки застряли в узком дефиле у Красного. В итоге Неверовский смог провести образцовый отход к Смоленску.

Если бы не это доблестное сопротивление Неверовского, французская кавалерия вполне могла бы достичь Смоленска к вечеру 14 августа. Но в сложившихся условиях Наполеон решил — как оказалось, неблагоприятно — приостановить свое наступление на сутки с целью перегруппировки сил. Трудно понять это решение, ибо оно лишило маневр элемента внезапности и дало русским время ответить на него, так как в ночные часы 15 августа Багратион и Барклай узнали от Неверовского о французском наступлении и приказали своим войскам вернуться в Смоленск. Не тратя времени, Барклай приказал VII корпусу генерала Раевского занять оборонительные сооружения города, и к рассвету 15-го эти войска вскоре вошли в город с запада, чтобы усилить гарнизон, которым командовал граф Беннигсен; вскоре к ним присоединилась храбрая, хотя и поредевшая дивизия Неверовского. Так Наполеон упустил свой шанс внезапно овладеть Смоленском. Пятнадцатое августа было днем рождения императора, ему исполнилось сорок три года, и часть дня была потрачена на не особенно нужный военный смотр.

На северной стороне Смоленска находился небольшой новый город, или Петербургское предместье, соединявшееся мостом со старым городом на южной стороне. В 1812 году старая часть была окружена массивной средневековой городской стеной длиной около 4 миль, имевшей 32 башни. С внешней стороны ее окружал глубокий ров, крытая галерея и гласис, но большинство этих укреплений были уже довольно разрушены. Гарнизон опасался, что главные бойницы крепости не годились для установки пушек, хотя в башнях могли разместиться небольшие орудия. За этими позициями на юго-восточном углу находился полуразрушенный земляной форт — цитадель. Обширные предместья располагались за пределами укреплений и между ними. С севера и юга за городом тянулись невысокие гряды холмов.

Теперь Раевский располагал примерно 20 000 солдат, считая и кавалерию, и 72 пушками, и он знал, что и Багратион и Барклай — оба спешат со своими колоннами на помощь. Чувствуя, что его долг состоит в том, чтобы сражаться за каждую пядь земли, чтобы выиграть время, Раевский развернул большую часть своих сил за пределами предместий, разместив 23 батальона к западу и югу от старого горо-

¹ Небольшие силы, последовательно бросаемые в бой.

да, два батальона и кавалерию для наблюдения за остальной частью периметра и оставив последние четыре батальона в качестве резерва в самом городе. Восемнадцать пушек были сосредоточены в цитадели, остальная артиллерия была установлена на платформах башен. На этих позициях русские стали смело ожидать подхода французов.

Передовые патрули Мюрата вступили в бой с русским охранением на рассвете 16 августа, а к 10 часам утра вся кавалерия и III корпус Нея оказались в пределах досягаемости артиллерии противника. Мюрат разместил своих кавалеристов вокруг восточной стороны старого города, а Ней развернул солдат напротив предместья Красное. Имея только 18 000 солдат, Ней не был настроен немедленно идти на штурм, но решил дожидаться Наполеона с основной массой войск. Однако император провел большую часть утра западнее Смоленска, ожидая сообщений о предполагаемом разрушении моста у Катуня (он мог быть использован Баркляем для обхода фланга Великой армии перед Смоленском). Убедившись в том, что мост разрушен, он поскакал к городу, прибыв туда вскоре после часа дня.

Всю вторую половину дня войска противников сосредоточивались вокруг города, разделенные лишь Днепром. В это время кавалерию Раевского оттеснили под стены, и французский 46-й полк едва не захватил цитадель, когда гарнизон устремился на отражение предполагаемого броска французов по направлению стратегически важного моста. Однако император не дал приказа на общий штурм, и к наступлению сумерек завоевания французов были очень незначительны. Но к этому времени прибыли Даву и Понятовский и заняли позиции справа от Нея, завершив образование полукруга вокруг старого города. В это же время подошел и генерал Дохтуров, разместившийся на позициях генерала Раевского (VII корпус), теперь перешедшего на северный берег, чтобы снова соединиться с армией Багратиона, которая сосредоточивалась восточнее нового города; корпуса же Барклая уже показались на западных высотах. Так на некоторое время Смоленск был в безопасности от возможного наступления французов.

Семнадцатого августа в предместьях происходило много боев, носивших неорганизованный характер, когда все три французских корпуса попытались штурмом ворваться в город; но, несмотря на всю храбрость солдат, французы оказались не способны прорваться через главные укрепления, хотя их пушки превращали в щепень или пылающие развалины дома старого города. Дохтуров цепко удерживал свои главные позиции, и, когда спустились сумерки, оказалось, что у французов опять почти не было завоеваний, но они потеряли почти 10 тысяч человек. Русские за эти два дня сражений потеряли от 12 до 14 тысяч.

Военных стратегов удивляло, почему Наполеон все-таки дал приказ на штурм Смоленска. Ему было бы гораздо выгоднее выставить заслон против города и переправить свои войска через Днепр, чтобы создать угрозу важному пути Смоленск — Москва. Это было бы гораздо лучшим способом заставить русских эвакуировать город, после чего им пришлось бы принять решающее сражение. Именно возможность осуществления этой угрозы Барклай и Багратион предполагали в тот день, чем и объясняется решение первого уйти из Смоленска в ночь с 17-го на 18 августа. Этот приказ вызвал возмущение в русском штабе — великий князь Константин (брат царя) и генерал Беннигсен обвинили военного министра в трусости. Но Барклай отказался отменить свой приказ, и в соответствии с ним четыре дивизии Дохтурова оставили свои позиции и вернулись на северный берег, после чего сожгли за собой мост. В два часа ночи Ней обнаружил, что против его войск нет никаких русских. Солдаты I и III корпусов ворвались в горящий город, а один отряд даже перебрался вброд через реку у разрушенного моста, где глубина была только четыре фута из-за щебня на дне, и бросился в атаку на русские позиции. Потребовалось использовать весь арьергард армии Багратиона — 10 его полков — для сдерживания рвавшихся вперед вюртембергцев и португальцев, выполнивших этот храбрый бросок.

Восемнадцатого августа было очень мало боевых действий — верный признак отсутствия энергии у Наполеона. Но к концу дня большая часть солдат Нея уже перешла через только что восстановленный мост, к городу подошел корпус Жюно, и уже близко были ведущие части IV корпуса.

У русских в этот день произошел разрыв отношений между Баркляем и Багратионом. Последний по собственной воле вышел со своими солдатами по направлению на Соловьево, оставив только 4 полка казаков охранять важный перекресток дорог у Лубина, в 18 милях восточнее Смоленска. Только поздно вечером армия Баркляя двинулась вслед за ним. Поэтому Наполеон потерял весь этот день, хотя мог бы использовать прекрасную возможность вклиниться частью своих сил между этими двумя русскими армиями. Для этого было бы довольно и одного корпуса. Это бездействие частично объяснялось тем, что он не был уверен, направится ли противник на север или восток. Но казалось, что у Наполеона произошел какой-то временный упадок его стратегических возможностей и физических сил.

Преследование русских началось после полуночи 19 августа. Ней начал наступать из Смоленска на восток, тесня перед собой арьергард Баркляя, а Мюрат перешел вброд реку у запруды около впадения речки Страгань в Днепр и двинулся вперед по Московской дороге. Как только стало ясно, что противник направился к Москве, а не к Санкт-Петербургу, Наполеон приказал Жюно как можно быстрее вывести вперед свой корпус через Прудичево, переправиться через Днепр и наступать на Лубино, чтобы перерезать путь отхода. Однако для этой задачи были выбраны не тот человек и не то время. Жюно потратил весь день, пытаясь переправиться через Днепр у Прудичева, и, даже когда все его солдаты, благополучно переправившись, оказались на противоположном берегу, он отказался предпринять атаку, несмотря на повторные просьбы своих товарищей и непосредственный приказ императора. Тем временем Ней и Мюрат вели ожесточенный бой против генералов Евгения¹ (командира арьергарда Баркляя) и Тучкова вокруг Валутинского дефиле. Храбрый генерал Гюден был смертельно ранен — ему оторвало обе ноги ядром в бою, — но французам так и не удалось оттеснить цепко державшихся русских. Отказ Жюно атаковать русских во фланг разбил все надежды на перехват главной армии противника. Весь день колонны Баркляя шли на восток вслед за соединениями Багратиона. «Жюно дал русским спастись, — с горечью жаловался император. — Он мне губит всю кампанию» (34). Благополучный уход русских войск все же не был целиком на совести у Жюно. Показательно, что Наполеон покинул фронт и удалился в Смоленск в 5 часов вечера для отдыха; это уже не был тот блестящий полководец с безграничной энергией, как в прошлые кампании.

Таким образом, третья попытка Наполеона окружить русских и навязать им решительное сражение окончилась таким же явным провалом, как и предыдущие. Неблагоприятный исход «Смоленского маневра» заставил Клаузевица и других военных историков утверждать, что Наполеон поступил бы гораздо умнее, если бы провел наступление сразу от Витебска, вместо того чтобы заниматься этим блестяще задуманным, но дурно выполненным стратегическим охватом. Некоторые настаивают на том, что он должен был провести стратегический охват правого фланга русских, другие — что ему следовало бы просто дольше пробыть в Витебске, дав врагу подойти к нему.

Сочетание ряда факторов лишило Наполеона того большого сражения, которого он так ждал. Во-первых, быстрая реакция Багратиона, пославшего свой VII корпус в качестве гарнизона в Смоленск, обеспечила достаточно сил, чтобы противостоять Мюрату и Нею. Во-вторых, древние смоленские укрепления оказались сильнее, чем казалось на вид, и это помогло Раевскому продержаться против фран-

¹ Принц Евгений Вюртембергский, родственник царя.

цузов до подхода помощи. В-третьих, французы потеряли все шансы взять врага врасплох, когда необъяснимо потратили весь день 15 августа в операционной паузе. В-четвертых, Наполеон, несомненно, был виновен в том, что не использовал свои преимущества до конца. Он задержал заключительное наступление на Смоленск, затем обратился к бесполезным атакам «малыми пакетами» на город, вместо того чтобы продолжать оказывать давление на противника, перерезать дорогу на Москву. Он выбрал неподходящего командира для этой задачи, когда наконец дал приказ к наступлению. На протяжении всех этих событий Наполеон проявил недостаток энергии и решимости, которые могли бы воодушевить его подчиненных и настроить их на успех, невзирая ни на какие трудности. Наполеон-полководец проявил слабость, но как политик он заслуживает оправдания. В его решении сосредоточить усилия армии против Смоленска, являющегося в военном отношении лишь второстепенной целью, может быть, была надежда на то, что громкий успех штурма одного из наиболее важных и издавна почитаемых русских городов заставит царя согласиться на переговоры. В этих своих расчетах, конечно, он глубоко ошибся. Решимость Александра и русского народа бороться с врагом быстро доходила до почти мистического воодушевления. Наполеону предстояло узнать, что воля русских была так же несокрушима, как и у испанцев.

Глава 70

БОРОДИНО

Захват Смоленска означал, что Наполеон достиг критического момента кампании. Шесть дней корпуса Великой армии¹ отдыхали вокруг города, пока их вождь был погружен в свои думы, стараясь найти решение относительно следующего хода действий. До сих пор он все время надеялся, что кампания придет к быстрому завершению после одного генерального сражения. Теперь он должен был примириться с фактом, что все три его последовательные попытки добиться этого провалились. Следовало ли ему продолжать безотлагательно наступать на Москву или было бы лучше остановить свое наступление, перезимовать в Смоленске и возобновить кампанию следующей весной? Решить это было нелегко, ибо приходилось принимать во внимание много соображений — и военных, и политических, тем более что часто эти первостепенные необходимости исключали друг друга.

Наполеон вначале рассматривал возможность провести зиму близ Смоленска и, согласно Коленкуру (как правило, надежному источнику), он снова вернулся к этой мысли незадолго до сражения у Лубина. «Бросив Смоленск — один из священных городов Руси, — русские генералы опозорили свое оружие в глазах собственного народа. Это ставит меня в сильное положение. Мы еще немного потесним их вглубь для нашего собственного удобства. Я окопаюсь здесь. Мы дадим войскам отдохнуть. Страна применится к нам — а мы посмотрим, каково это будет Александру. Я обращаю свое внимание на корпус, стоящие на Двине, которые сейчас ничего не делают; моя армия будет еще более угрожающей, и мое положение — более могущественным, чем если бы я выиграл две битвы. Я устрою ставку в Витебске. Я вооружу и подниму на борьбу Польшу и позднее выберу — если будет необходимо — между Москвой и Санкт-Петербургом» (35).

Хотя большинство из планов Наполеона теперь были скорее негативного, чем позитивного характера, они тем не менее были важными и соблазнительными. Положительным планом была идея укрепления армией своих позиций близ Смолен-

¹ За исключением соединений Даву и Мюрата, которые немного продвинулись на восток за отходящими русскими. (Примеч. автора.)

ска, — тогда можно будет использовать осень и зиму для доведения войск до идеальной боеготовности. Многие молодые солдаты, попавшие на фронт, были практически неподготовленными юнцами, и на них нельзя было положиться в боевых действиях. Стратегическая пауза позволит подготовить их до нужного уровня тренированности и боеготовности. Точно так же получат возможность отдохнуть и реорганизоваться измотанные снабженцы и конвойные солдаты. Если бы Наполеон согласился на образование нового королевства Польского, — а ему настоятельно советовали все время принять это неотложное решение, — тогда бы он мог получить к весне 1813 года новую большую армию благодарных поляков. Кроме того, остановка в Смоленске поможет предотвратить ряд опасностей. Между этим городом и Москвой более 280 миль, и, чтобы покрыть такое расстояние, потребуется весь конец лета и начало осени. Даже если Великая армия и пройдет эту часть страны (не имея надежных карт), которая опустошена отходящими русскими армиями, нет гарантии, что царские генералы примут сражение, даже если Москва будет занята. Александр, может быть, все равно не будет просить мира. В этом случае французы могут оказаться перед неизбежностью дорогостоящей и невероятно трудной зимней кампании, для которой они оказались совершенно не подготовлены в смысле нужной экипировки и запасов продовольствия. К тому же они окажутся на дальнем конце критически растянутого ряда коммуникаций и с еще более громадными флангами, нуждающимися в защите. Стратегическое поглощение сил, затраченных на поддержание армий, окружавших Смоленск, уже было огромным, а дальнейшее продвижение в неизвестность без надлежащей подготовки могло стать невыносимым бременем для уже истощенных французских ресурсов. По дороге в Москву нельзя будет найти достаточного продовольствия из-за неурожая 1811 года и разоренности населения войной в 1812 году, а решительная русская политика «выжженной земли» уничтожила даже то небольшое, что оставалось.

На основании этих главным образом военных соображений казалось, что Наполеону было бы разумнее всего остаться в Смоленске, но приходилось учитывать и другие факторы — и военные, и политические. Во-первых, если нужно было вынудить Россию вернуться к континентальной системе с минимальной задержкой, было настоятельно необходимо провести решительное сражение, и как можно скорее. Шестимесячный перерыв даст царю время, чтобы вновь развернуть свои недавно освобожденные Финляндскую и Молдавскую армии, мобилизовать и обучить новобранцев в тылу и успеть получить больше практической помощи от своего британского союзника. Это улучшит военное положение русских и еще больше осложнит для французов достижение победы. Царя могут убедить начать массивное контрнаступление под Новый год против растянутых французских позиций, простершихся от Риги до Смоленска и затем к юго-западу до припятских болот. Воспоминания о первых месяцах кампании 1807 года заставляли содрогнуться французов. К тому же прокормить и содержать армию на ее теперешних позициях вскоре оказалось так же трудно, как и под Москвой. Затем было необходимо взвесить политические последствия любой остановки наступления. Британское и русское правительства немедленно представят этот перерыв как стратегическое поражение «корсиканского чудовища», и тогда (учитывая опыт 1805, 1806 или даже 1809 года) это будет равно серьезно поражению. Любая приостановка может дать таким сомнительным союзникам, как Пруссия и Австрия, случай передумать, а то и сразу отколоться от Франции.

Как бы соблазнительно ни было создать независимое Польское королевство и этим обеспечить себе помощь новой армии восторженных союзников, такой ход действий был очень опасен с политической точки зрения. Такой план несомненно укрепит решимость царя сопротивляться до последнего, сделает перспективу переговоров почти невозможной и едва ли повлечет положительную реакцию со стороны Гогенцоллернов и Габсбургов. К тому же если император задержится на востоке

до конца весны или до лета 1813 года, это будет означать, что он будет отсутствовать в Париже более года, а уже к августу 1812 года стали проявляться признаки распространения заговоров. Новости из Испании тоже были плохие. Как же долго мог Наполеон позволить себе оставаться в России?

В конце концов инстинкты Наполеона как воина и «повелителя нужных мгновений» возобладали над умозаключениями Наполеона — политического деятеля. Весь его предшествовавший военный опыт учил его, что победа может быть добыта только неуклонным стремлением к одной цели — преследование противника и разгром его армии. Он чувствовал уверенность в том, что Александр будет вынужден не жалея сил спасать Москву — духовное сердце его царства — и что тяжелое поражение и последующее занятие Кремля неизбежно поставит его на колени. Наполеон считал также здоровой военной политикой неуклонное преследование противника (и так уже откатывающегося назад в значительном беспорядке), который, в сущности, только и был занят этим с самого открытия кампании. Поэтому Наполеон надеялся добиться мира только в Москве. Если по транспортно-снабженческим причинам оставаться в Смоленске было опасно, еще более рискованным было идти на Москву, но вместе с тем только такой смелый ход мог обеспечить возможность достаточно скорого завершения кампании. Историк Жомини так суммирует оценку положения словами Наполеона: «Навязать русским сражение и диктовать мир... таков единственный безопасный выход, оставшийся у нас. Мои маршалы придерживаются разных мнений. Мюрат, вначале обвинявший русских в малодушии, теперь дрожит от мысли далеко проникнуть в глубь страны. Другие возражали, что у нас не будет покоя, пока мы не выиграем хоть одного решительного сражения. Я также был такого мнения. Но как нам добиться такого сражения? Разумеется, не оставаясь в Смоленске без провизии и других запасов. У нас нет третьего выбора — мы должны наступать на Москву или отступить к Неману... Опыт десяти кампаний научил меня, что удар, нанесенный в самое сердце русской империи, немедленно уничтожит продолжающееся сопротивление изолированных корпусов»(36). Решение было принято. Наполеон предсказал исход кампании отчаивающемуся Коленкуру: «Еще не успеет кончиться этот месяц, — сказал он, — а мы будем в Москве, через шесть недель мы добьемся мира»(37).

Тем временем царь со своими советниками тоже сосредоточенно работал над стратегическими планами. После того как его убедили отбросить свою фабианскую стратегию, Александр приехал в Москву 24 июля, откуда с чувством обратился с воззванием о помощи к каждому русскому гражданину, способному носить оружие. Оно нашло горячий отклик; Московская губерния пообещала выставить 80 000 ополченцев; так же откликнулись и другие губернии России, обещая помощь по своим возможностям. Дух русского сопротивления сильно окрашивался в оттенки религиозного крестового похода. Московский архиепископ передал царю высокопочитаемую икону Святого Сергия, и Александр вручил ее московскому ополчению в качестве их хоругви. Еще более прославленная икона Черной Богородицы Смоленской, обладающая чудотворной силой, тоже была передана русской армии. Простые крестьяне — солдаты Московской губернии — были вдохновлены этой патристической и религиозной идеей. Они шли в бой с пением «Да исполнится воля Твоя!».

В связи с этим растущим чувством почти мистического воодушевления народа и отвечая на все более настойчивые требования русского дворянства, Александр решил сместить Баркляя-де-Толли и назначить главнокомандующим русских войск заслуженного ветерана М.И. Кутузова. Все чувствовали, что время отступления кончилось; должно быть сделано всеобщее усилие защитить Москву от вторжения, и, казалось, не было человека, более подходившего, чем Кутузов, чтобы повести войска во время национального бедствия и подъема, хотя выбор этот не был идеальным ни в каком отношении; говоря словами фон Клаузевица, «Кутузову было уже

близко к семидесяти, и у него уже не было той активности духа и физических сил, которую иногда видят у старых солдат этого возраста. Однако он знал русских и умел обращаться с ними... Он умел льстить самолюбию и народа и армии и своими воззваниями к народу и религиозностью воздействовал на общественное мнение»(38). Во многих отношениях его военные способности были не так выражены, как у Барклая, но то, что он был прирожденный русак, тогда как де-Толли все-таки имел иностранное происхождение, сделало его более подходящим человеком в час народных испытаний, когда все иностранцы казались подозрительными. По словам де Сегюра, характеризовавшего Барклая, его «...храбрость была неоспорима, но он умел регулировать свой пыл в зависимости от своих личных интересов; ибо он рассчитывал все. Его гений был медлителен, мстителен и, превыше всего, хитер — истинно татарский характер! — владеющий искусством подготовить безжалостную войну при помощи льстивой, гибкой и терпеливой политики»(39).

Князь Кутузов принял свои новые обязанности 29 августа и немедленно начал готовить оборонительное сражение на самолично выбранных позициях.

Наполеон наконец принял свое решение 24 августа, и на следующий день Великая армия возобновила свое движение на восток, хотя положение в тылу было крайне неблагоприятным и нехватка запасов даже увеличилась. Корпуса следовали тремя параллельными колоннами на небольшом расстоянии друг от друга, ибо Наполеон предвидел, что очень скоро русские останутся и будут сражаться, так как стало известно, что Кутузов вступает в командование. Центральная колонна шла по главной почтовой дороге из Смоленска в Москву; во главе ее была чрезмерно часто используемая и быстро устающая кавалерия Мюрата, с гвардией, I и III корпусами в качестве поддержки. Слева шла колонна вице-короля Евгения, справа — князя Понятовского. Всего в походе участвовало около 124 000 пехоты, 32 000 кавалерии и 587 пушек.

Открытого сопротивления почти не было; произошло несколько кавалерийских стычек и других мелких событий, а Мюрат и Даву выбрали крайне неподходящее время, чтобы серьезно поссориться из-за того, что первый неправильно использует кавалерию, но в целом повторялось одно и то же: пылающие города и деревни, загубленный урожай и видневшиеся на горизонте казаки. Сильные и частые грозы причиняли больше неприятностей, чем русские пули, и 30 августа Наполеон даже объявил, что, если в следующие сутки погода не улучшится, он, пожалуй, вернется с армией в Смоленск. Однако 31 августа выдалось ясным и солнечным, и наступление продолжалось. Первого сентября ставка французов была в Гжатске; через три дня они достигли Гриднева, а во второй половине дня 5 сентября французская армия была близ деревни Бородино. Наконец вдали на равнине стали видны массы русской армии, стоящей на месте и, очевидно, готовящейся к сражению, солдаты копали землю, устраивая земляные укрепления, как заведено у них перед боем.

Общий характер местности в окрестностях Бородина — пологая холмистая равнина, пересеченная многочисленными ручьями, речушками и оврагами и испещренная небольшими лесами, открытыми полями и деревушками. Почти параллельно главному почтовому тракту идет долина речки Колочи. В большинстве мест ее можно переходить вброд, но для большей скорости переправы войск была необходима постройка мостов. Вплоть до деревни Бородино тракт идет по северному берегу, но затем переходит на южную сторону и следует в общем направлении речушки — притока Колочи, — текущей в глубоком овраге. В двух милях к югу проходит старый почтовый тракт¹, идущий через значительные лесные участки до деревни Утицы, за которой возвышается несколько холмов и гребней. Много мелких речек и ручьев впадает в Колочу с юга из окрестностей Утицы. На берегах расположено несколько деревушек, наиболее крупными из них являются Фомкино, Шевардино

¹ Старая Смоленская дорога.

и Семеновское. Самый большой приток течет близ Бородина от Утицы, но через мило он разделяется на две расходящиеся реки.

Русские солдаты усердно поработали, улучшая природные оборонительные преимущества местности. В качестве выдвинутой опорной позиции они соорудили земляной редут на горке за деревней Шевардино. Но их главные позиции были устроены в миле к востоку. За раздвоенной речкой¹ местность полого повышается, образуя плато, и между Бородином и Семеновским (избы были снесены) сооружали большое укрепление, названное Большим редутом, или батареей Раевского. Еще в миле к югу между двумя расходящимися оврагами на трех горках были устроены флешы — стрелообразные реданы, открытые с восточной стороны. Дополнительно были сооружены земляные укрепления, чтобы преградить Новую Смоленскую дорогу около деревни Горки, и еще несколько укреплений, возвышающихся над долиной извилистой Колочи выше Бородина, где она течет на северо-восток перед впадением в реку Москву. С точки зрения русских, главным преимуществом этой местности был ее холмистый и пересеченный характер; любой силе, двигавшейся с запада, будет фактически невозможно совершать маневры, не ломая боевые порядки, а разошедшиеся массы наступающих явятся прекрасными мишенями для артиллерии, ведущей огонь с заранее подготовленных позиций. У этой местности был только один недостаток: южнее Старой Смоленской дороги рельеф становился более ровным и здесь противник получал шанс совершить обходный маневр. Кроме того, пересеченная местность перед позициями, очевидно, послужит таким же препятствием для контратаки русских, как и для наступления французов.

Во второй половине дня и вечером 5 сентября происходило жестокое сражение за овладение передовым Шевардинским редутом и близлежащими деревеньками. Князь Горчаков защищал эту позицию силами 27-й русской дивизии и 12 пушек против войск генерала Компана, и в течение нескольких часов исход боя был неопределен до подхода V корпуса Понятовского по Старой Смоленской дороге, что убедило Кутузова оставить эту позицию и приказать ограниченный отход к главным позициям. Эту ночь Наполеон провел в лагере у главной дороги в окружении своей гвардии. К несчастью, здоровье его было в плохом состоянии; он страдал от тяжелой простуды и обострения старой болезни мочевого пузыря. Это обстоятельство оказало непосредственное влияние на его ведение дел в последующие дни.

Большая часть дня 6 сентября прошла в странном спокойствии; обе стороны были заняты составлением планов и вызывом своих отдаленных частей. Французские патрули вскоре сообщили о приблизительной диспозиции и численности сил Кутузова. В распоряжении русских имелось около 17 000 регулярной кавалерии на великолепных лошадях, 7000 казаков, 72 000 пехоты, возможно, 10 000 ополчения и 640 артиллерийских стволов (14 500 канониров), то есть не менее 120 800 бойцов. Однако русское командование, очевидно, все еще не было уверено, в каком направлении начнется атака Наполеона, и поэтому растянуло свои силы по пяти-мильному фронту (вначале), идущему от места впадения Колочи в Москву-реку на севере до подступов к деревне Утице на юге. Несомненно они надеялись, что такой диспозицией будет предусмотрено любое развитие событий. К ночи 6 сентября Первая армия Барклая, удерживавшая северную половину линии, располагалась в следующем порядке: крайний правый фланг был образован завесой казаков, затем шли II корпус Багговута, IV Толстого² и VI Дохтурова, образуя первую линию от деревни Маслово на Москве-реке, через деревню Горки, до подходов к Бородину. Второй линией за этими силами были развернуты кавалерийские корпуса Уварова, Корфа и Палена. Село Бородино, находящееся несколько впереди главных позиций, образовывало стык обеих армий. Оно удерживалось егерями русской гвар-

¹ Семеновский овраг.

² Остерман-Толстой А.И. (1770—1857), граф, генерал от инфантерии.

дии. Правый фланг Второй армии Багратиона примыкал к Большому редуту, имевшему 20 тяжелых пушек, который защищали четыре батальона VII корпуса Раевского, отвечавшего и за участок земли до снесенной деревни Семеновское. Три флешы были заняты VIII корпусом Бороздина, а III корпус Тучкова (после перехода со своего первоначального положения на дальнем правом фланге) образовывал левый фланг всей русской линии и занимал леса около Утицы и окружающие холмы, а охранением спереди и слева были казаки. Единственной силой второй линии в южном секторе была кавалерия Сиверса, обеспечивавшая поддержку Раевского. Наконец, приблизительно в миле к тылу центра находился русский резерв, образованный V корпусом великого князя Константина.

Эти диспозиции и подготовка русских войск имели явные недостатки. Во-первых, непропорционально большое количество войск было поставлено в северном, колоцком секторе. Конечно, Кутузов не мог знать точно, куда будет направлен удар французов. Но, учитывая то, что река перед его правым крылом имеет очень крутые берега, что большая часть местности на его правом фланге состоит из болот и что, судя по сообщениям, Наполеон подходит по обоим почтовым трактам (то есть в направлении левого фланга русских), можно было бы заранее определить наиболее вероятное направление главного удара Наполеона и с самого начала поместить меньше войск на своем правом фланге. Второй недостаток связан с первым. Открытый характер местности к югу от русской позиции предоставлял удобную возможность охватывающей атаки противника, и здесь необходимо было бы предусмотреть, где определить господствующее положение. Кутузов поступил бы мудрее, поставив мощный резерв из всех родов войск позади своего неприкрытого левого фланга. В-третьих, русская кавалерия и V корпус резерва были помещены слишком близко к линии фронта, вследствие чего им пришлось нести неоправданные потери. В-четвертых, русская иерархическая лестница команд была излишне усложнена; кроме ставки верховного командования Кутузова в Горках и двух армейских штабов, русские поделили каждый армейский район на подчиненные секторы. Так, Милорадович осуществлял местное управление II и IV корпусами, кавалерией Уварова и Корфа, Дохтуров отвечал и за свой собственный корпус, и за конницу Палена, а в районе Второй армии Горчакову были подчинены VII, VIII корпуса и кавалерийский корпус Сиверса; Тучков отвечал и за московское ополчение. Это умножение штабов ничего не давало, кроме помех для быстрого прохождения приказов и точности их исполнения. Недостатком было также то, что редуты и флешы русских, хотя внешне и были внушительны, строились в спешке и, в сущности, плохо обеспечивали укрытие их гарнизона. Но, несмотря на все эти недостатки, моральный дух русской армии был необычайно высок, и воодушевление простых солдат поднялось еще больше, когда во второй половине дня 6 сентября во время богослужения перед коленопреклоненными рядами всей армии торжественно пронесли чудотворную икону Черной Богоматери Смоленской.

Наполеон провел две тщательные разведки русских позиций в этот день и постепенно выработал свой план атаки. Во-первых, он исключил возможность нанесения главного удара севернее Бородина, где местность мало подходила для сражения, особенно мешали обрывы по берегам реки Колочи. Но очевидно, было бы целесообразно провести демонстрацию в этом районе в надежде сковать мощные силы русского правого фланга, хотя это на самом деле не было бы выполнено. Перейдя к рассмотрению центра, он оценил мощь Большого редута и наметил его как главную цель, невзирая на возможные большие потери. Наконец, анализ левого фланга русских выявил его относительную слабость; Наполеон определил, что здесь был открыт путь для охватывающей атаки. Маршал Даву особенно настаивал на том, что нужно предпринять именно этот маневр. Он, не отступаясь, просил Наполеона выслать вперед ночью 40 000 человек с тем, чтобы они обошли открытый русский фланг и оказались бы у Кутузова в тылу к 8 часам утра на сле-

дующий день. Он уверял императора, что такой маневр вынудит русских поспешно отступить в угол, образованный рекой Москвой и Колочей, где они окажутся целиком во власти французов. Но Наполеон с самого начала был против любого подобного стратегического маневра. «А, вам всегда нужно обходить противника, — сказал он князю Ауэрштедтскому. — Это слишком опасный маневр!»(40)

Для такого решения у него было несколько веских причин. Прежде всего, численность Великой армии была недостаточна, чтобы выполнить стратегический маневр обхода вне поля боя — его знаменитый *manœuvre sur les derrières*; приблизительное равенство в численности противников сделает выдвижение большой силы, даже на некоторое время, крайне рискованным. Затем, состояние артиллерии и кавалерии давали повод для беспокойства, особенно в плохой форме были лошади. Наполеон знал об упадке духа его войск — о том, что солдаты голодали, тосковали по Франции, и о том, что большинство из них уже давно потеряли всякий интерес к этой кампании, надеясь только выжить. Но больше всего он опасался, что русские ночью уйдут со своих позиций, если только узнают о возможности стратегического охвата; с 22 июня они уже несколько раз успешно избегали сражения, и Наполеон не хотел снова увидеть повторение этого «фабианского маневра». И наконец, у него были основания думать, что русские не особенно испугаются неожиданное появление французов у себя в тылу. Изучение им кампаний Фридриха Великого убедило его, что русские армии не особенно чувствительны к своим коммуникациям, когда дело доходит до большого сражения; опыт Фридриха при Цорндорфе и Кунесдорфе был особенно нагляден в этом смысле.

Поэтому план сражения Наполеона основывался на идее прямой фронтальной атаки с тактическими диверсиями против флангов противника. На левом фланге корпус Евгения и кавалерия Груши должны были захватить деревню Бородино и потом переправиться через Колочу и атаковать Дохтурова и Большой редут (батарею Раевского), оставив для удержания северного берега только прикрытия. В то же время дивизии Компана и Дессе из I корпуса будут атаковать русские укрепления, известные как флешы. Как только эта атака полностью развернется, Ней будет наступать на левом фланге армии Даву своим III корпусом, построенным эшелонами, с целью захвата Семеновского и чтобы вклиниться через русский центр слева. На правом фланге Понятовский должен был наступать на Утицу V корпусом и попытаться создать угрозу тактического обхода тыла русской линии. С самого начала VIII корпус Жюно, гвардия, дивизия Фриана из I корпуса, ядро кавалерийских соединений держались в центральном резерве.

В этом плане не было никаких особых тонкостей; он состоял из серии мощных ударов против русской линии, которая при благоприятном исходе будет прорвана в одном или нескольких местах. Если бы Наполеон уделил больше внимания тактическому обходу русского левого фланга, исход сражения мог быть гораздо более удовлетворительным для него. Однако у него было так мало времени, что он отбросил все тонкие решения. Бородино должно было быть сражением на измор, где победа достанется грубой силе. В момент обдумывания этого плана из Испании пришли тревожные вести. Шестью неделями ранее Веллингтон разбил Мармона при Саламанке. Это известие усилило желание Наполеона добиться быстрой победы в далекой Московии.

Предварительные приказы были даны поздно вечером 6 сентября. Предстояло построить пять мостов через Колочу западнее Бородина и, кроме того, три больших артиллерийских редута на 120 пушек для массивной бомбардировки русских позиций, которой откроется завтрашнее сражение. Есть очевидные доказательства плохой работы штаба при выборе места для этих батарей — пушки были размещены вне предела досягаемости целей, и из-за этого их пришлось выдвигать дальше вперед из подготовленных позиций, прежде чем они смогли открыть огонь 7 сентября. Такая ошибка не ускользнула бы от орлиного глаза Наполеона в период его расцвета. Плохое самочувствие, видимо, сильно сказывалось на его

работоспособности на этот раз. Однако только что доставленный ему портрет младенца сына, короля Римского, помог ему ободриться, и Наполеон весь вечер показывал его своим офицерам и гвардии.

Наконец, в 2 часа ночи на 7 сентября, он обратился с воззванием к солдатам. «Солдаты! — говорилось в нем. — Вот битва, которой вы так долго ждали! Отныне победа зависит от вас; мы в ней нуждаемся. Мы завоюем себе изобилие запасов, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Сражайтесь, как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском и Смоленском, чтобы внуки с гордостью вечно вспоминали вашу отвагу в этот день; пусть они скажут о каждом из вас: «Он участвовал в великом сражении у стен Москвы!»(41)

За час до рассвета 7 сентября пять пехотных корпусов, гвардия и четыре соединения кавалерийского резерва — всего 103 000 пехоты и артиллеристов, 28 000 кавалерии при 587 пушках — заняли свои исходные позиции. Немного позднее 6 часов утра гвардейская артиллерия вместе с пушками I и III корпусов начали мощный обстрел, осыпая ядрами русские позиции. Затем головные дивизии пошли в атаку под барабанную дробь. Начальные действия шли с успехом. На левом фланге IV корпус ворвался под покровом густого тумана в Бородино и вскоре захватил его, выбив оттуда ошеломленных русских егерей. В это время войска Даву в центральном секторе атаковали позиции Бороздина со значительным, хотя и трудно завоеванным успехом, а на крайнем правом фланге Понятовский выбил русских из Утицы.

Однако контратака русских вскоре возобновилась. Кутузов выделил часть своего резерва для укрепления угрожаемых участков своей линии, и вскоре после 7 часов утра ведущая дивизия Евгения, необдуманно наступавшая против Горкинских высот без должной подготовки, оказалась отброшенной назад на оборонительные позиции около Бородино и понесла потери. Вскоре после этого Даву был вынужден отступить флеша, а наступление Понятовского полностью остановили, когда он шел на восток от Утицы, градом огня с батареей Тучкова и мушкетной стрельбой русской легкой пехоты, удерживавшей леса севернее деревни. В последующие два часа сражение на правом фланге французов выродилось в затянувшуюся и ничего не решавшую перестрелку, и поэтому обход V корпусом был отложен.

После 7.30 утра Евгений оттянул свои войска обратно с их выдвинутых позиций за Бородино и выполнил предписанную ему передислокацию двух дивизий на правый берег реки, используя построенные накануне вечером мосты, и оставил только одну дивизию и немного кавалерии для удержания деревни и северного берега. Этот маневр не прошел незамеченным русскими. Увидев, что корпуса у нижнего течения Колочи, в сущности, ничем не заняты и безусловно от них пока нет никакой непосредственной угрозы, Кутузов начал передислокацию корпуса Багговута к югу для усиления Бороздина и Тучкова на своем левом фланге. Пока шла эта передислокация, снова обострилась борьба за флеша, по мере того как Даву, поддерживаемый Неем и генералом Фрианом, снова и снова пытался захватить этот участок. В этих действиях было убито несколько генералов, сам Даву был ранен, а Рапп получил свое двадцать второе боевое ранение.

Накал боя все усиливался, когда Наполеон выдвинул кавалерию Монбрёна для усиления III корпуса, Нансути и Латур-Мобура для поддержки Даву. Монбрён был убит, и вскоре VIII корпус Жюно тоже вышел из резерва, чтобы поддержать I корпус, чей правый фланг обстреливали русские стрелки с северной опушки Утицкого леса. Таким образом, уже к 8.30 утра резерв Наполеона уменьшился, у него оставалась только императорская гвардия, а вся эта трата сил почти ничего не дала французам. Прошло еще немного времени, и первая атака Евгения на Большой редут откатилась назад, понесся большие потери¹. Вдали, на французском правом

¹ Эта атака дивизии генерала Морана была отбита частью войск генерала Раевского в ожесточенном рукопашном бою. (Примеч. автора.)

фланге, Понятовский захватил господствующую высоту восточнее Утицы, но затем был вынужден потерять ее тоже с тяжелыми потерями. Наполеону пришлось выслать вперед часть молодой гвардии для стабилизации положения. Битва на измор пошла всерьез.

Теперь подошел момент для нового всеобъемлющего броска против центра русских войск. Вскоре после 10 часов утра объединенные силы были направлены против Семеновских позиций. Три корпуса пехоты (I, III и VIII), два кавалерии при поддержке массированного огня 250 пушек ринулись в атаку. Французская артиллерия наносила страшный ущерб русским рядам, но вскоре 300 пушек Багратиона ответили мощным огнем, и потери французов стали ужасающими. «Батареи русских пушек изрыгали огонь, сея повсюду смерть, — вспоминает Коленкур. — Русская пехота делала новые усилия отвоевать свои позиции. Большой редут своим огнем превратил в ад наш центр»(42).

Тесно сбитые французские колонны являлись прекрасной мишенью для русских артиллеристов. В прежние годы Великая армия разворачивалась из колонн в линию перед решающей атакой, но плохая подготовка рядовых солдат и пересеченность местности делали этот маневр невозможным в 1812 году. За это время маршал Ней был четырежды ранен, а русские, со своей стороны, потеряли Багратиона¹, командующего Второй армией. Весть об этом несчастье настолько ослабила волю солдат Бороздина и Багговута, что они перестали сопротивляться и на время оставили свои позиции измученным, но торжествующим французам.

Казалось, что победа французов уже видна; французская кавалерия ринулась вперед, надеясь превратить русский отход в разгром, но спокойные, неустрашимые русские не поддавались панике. Они отошли назад в полном порядке и затем остановились за оврагом на плато у Псарева; ни одной атакой не удалось выбить их с этих позиций. Ожесточенные броски кавалерии Мюрата разбивались о русские каре, крепко удерживавшие свои позиции. Очень вскоре положение оказалось безвыходным, и Мюрат, Даву и Ней несколько раз обращались к Наполеону, прося ввести в бой старую гвардию для последнего решающего усилия. Но Наполеон всякий раз отказывал им в этом. В этой битве он не проявил своих сильных сторон; его штаб поражался, видя его столь поникшим и апатичным. Весь день он не делал попыток тронуться с места, чтобы все видеть своими глазами. Вместо этого он пребывал в каком-то сонном состоянии на своем шевардинском командном пункте, выслушивая доклады и неперестанно требуя перепроверки полученных новостей. Нездоровье и накапливавшаяся усталость все тяжелее сказывались на нем. Несколько лет тому назад он сам сказал: «У каждого есть свое время для войны».

К полудню русские позиции вынужденно приняли вогнутую форму, но отказ Наполеона ввести в бой старую гвардию дал Кутузову время, чтобы усилить наиболее угрожаемый сектор своей позиции. Кутузов также не руководил активно операциями русских на всем протяжении битвы. Большую часть времени внешне он проявлял мало интереса к тому, что происходит, и выказывал удивительно мало инициативы. Он оставлял своим командующим армиями почти все решения и лишь высказывал свое общее одобрение или несогласие с их предложениями, которые они представляли ему. Теперь, чтобы усилить сопротивление Дохтурова и Раевского, Кутузов подтянул IV корпус Толстого с правой стороны. В это же время кавалерийский корпус Уварова переправился в нижнем течении Колочи и пошел в отвлекающую атаку против скудного французского гарнизона Бородина с его редкой кавалерийской завесой по окружности. Эта атака пятью тысячами русской кавалерии с поддержкой большого отряда казаков разгромила кавалеристов генерала Дельзона, и он немедленно послал призыв о помощи в императорскую ставку.

¹ Командуя армией, Багратион не был маршалом. Он был представлен Кутузовым к званию генерал-лейтенанта.

Это тревожное сообщение пришло к Наполеону как раз в тот момент, когда он планировал новую атаку против русской линии. Он немедленно отказался от этого и приказал Евгению снова переправиться через Колочу одной дивизией с прибавкой кавалерии, чтобы стабилизировать положение. Вице-король Евгений легко отбросил Уварова назад, но неожиданность этой атаки убедила Наполеона в необходимости держать в резерве остатки гвардии на случай любых подобных неожиданностей. Уваров же выиграл для своих соотечественников немного бесценного времени, ибо прошел почти час, прежде чем Евгений смог перестроить своих солдат у подножия холма, близ Большого редута, и подготовиться к новому штурму.

Большую атаку против этого редута готовили обдуманно и тщательно. Было установлено не менее 400 пушек для обстрела русской твердыни. Под прикрытием ураганной бомбардировки принц Евгений должен был вести фронтальную атаку тремя дивизиями, пока второй кавалерийский корпус (в этот момент им командовал генерал Коленкур — брат шталмейстера его величества) прокладывая себе путь через русскую линию непосредственно южнее Большого редута в попытке попасть в тыл к русским и войти на позицию сзади, где нет ни амбразур, ни укреплений. Около двух часов дня обе атаки были проведены с отчаянной храбростью и мастерством, хотя потери были снова очень тяжелыми. Французская кавалерия, как планировалось, осуществила прорыв и ворвалась на редут; во главе 5-го кирасирского полка Коленкур обрушился в тыл русских оборонительных сооружений, где и встретил свою смерть. Но к этому времени измотанная пехота Евгения уже входила на редут через земляные амбразуры с западной стороны, и все четыре русских полка, защищавшие Большой редут, были истреблены до последнего солдата. К трем часам дня Большой редут наконец перешел в руки французов, поэтому в русской боевой линии образовалась большая брешь. Почти все резервы Кутузова уже были брошены в сражение, и его войска быстро изматывались. Снова стало казаться, что подходит критический момент и что уже приблизилась великая победа Наполеона.

Евгений, не теряя времени, собрал всех оставшихся кавалеристов, в том числе и корпус Груши, подтянутый из тыла, и немедленно бросил их вперед, надеясь расширить брешь и максимально использовать прорыв. В самый момент уже явного успеха французов генерал Барклай-де-Толли перехватил инициативу, контратаковав Евгения двумя полными корпусами русской кавалерии. В том, что касалось качества и выучки, русские лошади превосходили исхудалых и усталых французских лошадей; и в результате триумфальное продвижение Евгения было остановлено всего только в 500 ярдах к востоку от Большого редута. Тщетно Евгений взывал о помощи гвардии. Наполеон оставался тверд. «Я же погублю свою гвардию», — отвечал он. Мюрат и Бертье поддержали его решение. «Наконец они тоже стали убеждать его не вводить в бой единственный корпус во всей армии, еще оставшийся целым, который было нужно сохранить для будущих случаев»(43), — записал неопределенный мемуарист Коленкур. Поэтому удачный момент для французов был упущен, и русская пехота получила время, чтобы завершить отход на новые позиции под защитой своей кавалерийской завесы.

Чувствуя, что энергия французской атаки быстро пошла на убыль, Кутузов приказал генералу Дохтурову готовиться к атаке против Семеновского и выслал ему в помощь часть свежего V корпуса под командованием великого князя Константина. Приготовления к этому контрнаступлению были замечены маршалом Даву, который хорошо понимал, какую угрозу это представляет для измученных французских войск. Снова он обратился к Наполеону с мольбой о помощи со стороны гвардии, но тот давал все такой же отрицательный ответ. Однако он все-таки согласился выслать вперед 80 орудий из своего артиллерийского резерва, чтобы усилить французскую линию перед надвигающейся опасностью, и эта помощь оказалась достаточно эффективной. Огня этих пушек оказалось достаточ-

но, чтобы остановить продвижение русских, и среди раненых оказались и сам Толстой, и много старших офицеров. Таким образом, французы остались хозяевами так дорого обошедшихся им завоеваний.

В конце этого долгого и кровавого дня произошел еще один эпизод перед тем, как битва прервалась как бы с взаимного согласия противников. Князю Понятовскому было приказано наступать в последней попытке прорвать русский центр. Бой был таким же ожесточенным, как и ранее, но к пяти часам вечера V корпус наконец добился неоспоримого господства над курганом к востоку от Утицы. В этот момент русский левый фланг начал отходить. Этот отход был вызван не столько военной необходимостью при атаке V корпуса, сколько разумным желанием русских командиров выровнять левый фланг соответственно новой линии, занятой большинством армии. К 6 часам этот маневр был завершен, и, несмотря на то, что их новая позиция была хуже старой, русские не проявляли признаков деморализации или апатии. Как описал это Бесьер, «они отступили на вторую позицию в порядке, и там они, по-видимому, начали готовиться к новой атаке»(44). Московские ополченцы, очевидно, были стойкими воинами.

Но к этому времени ни одна сторона не хотела возобновлять сражение. С обеих сторон медленно замерла стрельба, и оба измученных войска остались стоять лицом к лицу. Двенадцать часов непрерывного сражения дали французам только одну милю земли. Неутомимый Мюрат в последний раз обратился к императору около 10 часов вечера, прося позволения использовать гвардейскую кавалерию. Некоторые нетерпеливые русские генералы тоже стояли за возобновление сражения наутро, но Кутузов отверг их предложение и приказал осторожно отходить, начав движение незадолго до рассвета 8 сентября. Бородинское сражение закончилось. Только французы сделали 90 000 артиллерийских выстрелов и, вероятно, два миллиона мушкетных в этот день.

Хотя формально Бородинское сражение и было победой французов, его нельзя представить той решающей битвой, которой так желал Наполеон. Оно наконец открыло дорогу на Москву и сделало захват французами Кремля практически реальностью, но то, что Кутузову удалось отвести 90 000 солдат с поля боя в хорошем порядке, означало, что военное могущество России отнюдь не уничтожено. Потери с обеих сторон были ужасающими. Великая армия, безусловно, потеряла не менее 30 000 убитыми и ранеными (некоторые специалисты приводят цифру почти 50 000), тогда как русские потеряли по меньшей мере 44 000 воинов. Маршал Даву был ранен, и не менее 14 генерал-лейтенантов и 33 генерал-майора были убиты или ранены. Списки французских потерь включают также имена 32 штабных офицеров, 86 адъютантов и 37 командиров полков. В целом потери с обеих сторон составили почти 30% от их численности.

Хотя Наполеон по своему обычаю пытался представить результат как значительное достижение, у него были достаточные причины для горького разочарования. Перед началом сражения он предсказывал победу и сказал Коленкуру: «Мы выиграем сражение. Русские будут раздавлены, но победа не будет заключительной, если я не возьму пленных»(45). Но в этом отношении Бородино дало очень скудный результат. Согласно де Сегрюру, «от семи до восьми сотен пленных и двадцать разбитых пушек — это и были все трофеи этой неполной победы»(46). Сам Наполеон воздал должное упорству и храбрости своих противников, жалуясь, что они давали убивать себя, предпочитая смерть плену. Поэтому, хотя Бородинское сражение открыло французам дорогу на Москву, оно было лишь формальным триумфом для французского оружия, оно не принесло мира.

Наполеона заслуженно сильно критиковали за то, как он вел это знаменитое сражение, за отказ от предложенного Даву стратегического обхода, за отказ ввести в бой свои последние резервы в критический момент, когда исход боя висел на волоске, за то, что бросал своих подчиненных в стратегически примитивные и ра-

сточительные фронтальные атаки, вместо сосредоточения достаточных сил у себя на правом фланге, и за то, что он не давал солдатам почувствовать свое присутствие в момент кризиса. Основной план Наполеона, заключающийся в использовании практически всей своей армии против южной половины линии Кутузова и получении максимальной выгоды из чрезмерной растянутости русских позиций (вначале это поглотило почти треть русских войск), был достаточно разумен, даже если избранные им места для нанесения атак были непродуманы и нарушали его собственный принцип концентрации. Причины отказов Даву, требовавшего добавить в трудные моменты войск из гвардейских резервов, в целом были глубоко продуманы. Наполеон всегда помнил, что от французской границы его отделяют 1200 миль, и, следовательно, считал необходимым, чтобы его последнее крупное соединение осталось бы целым — так требовало благоразумие. К тому же его нездоровье многое объясняет, если и не оправдывает его странной вялости в течение всего самого ответственного дня. Как он сказал еще много лет назад, «на войне нельзя без здоровья». Болезнь сделала его и раздражительным, и чрезмерно осторожным.

Вполне естественно, что и русские тоже допустили ряд ошибок, несмотря на которые они все же выжили. Большинство ошибок лежат на совести старших военачальников, в том числе расточительное чрезмерное растяжение главной позиции. Резервы русских были расположены слишком близко к боевой линии — отсюда их неспособность поддержать тактический успех Уварова на правом фланге. Кутузов лично так же мало управлял действиями войск, как и его прославленный противник. Но спасло русскую армию упорство, храбрость и стойкость простых солдат; их длительное настойчивое сопротивление в центре во время первого кризиса в тот день позволило их генералам исправить ошибки в диспозиции и подтянуть подкрепления с бездействовавшего правого крыла. В отличие от Наполеона, русские своевременно ввели в бой все имевшиеся резервы. Русские пехотинцы держались за брустверы своих наспех сооруженных укреплений буквально до последнего вздоха. Малое количество пленных — еще одно доказательство бесконечной храбрости и высокого морального духа русских солдат. Все эти достоинства простых воинов лишили Наполеона его решающей победы.

Через семь дней, пройдя семьдесят пять миль, головные части французской армии вошли в Москву. Их движение от Бородина не было подлинным преследованием противника — это, скорее, было «почтительное следование». Произошло несколько ожесточенных арьергардных боев, но Кутузов не пытался остановиться, чтобы дать бой. Рано утром 14 сентября старый русский фельдмаршал покинул древнюю священную столицу России, отводя войска на юго-восток к Коломне. Командир его арьергарда Милорадович встретился для переговоров с генералом Себастьяни из II кавалерийского корпуса и согласился сдать Москву без боя в обмен на право беспрепятственной эвакуации. В прежние годы Наполеон никогда бы не пошел на такое соглашение, но на этот раз император был сам рад завладеть русской столицей без дальнейшей траты сил. Его солдаты были в оборванной форме, голодные, страдали от жары, жажды и болезней; от тифа и дизентерии погибали не меньше, чем от русских пуль. В рядах главной армии теперь осталось только 100 000 человек.

Мюрат, ради такого случая разряженный в самый пышный мундир, был одним из первых французов, вошедших в Москву в полночь 14 сентября. Однако было мало зрителей, чтобы восхититься его великолепием, ибо был не только поздний час, но и 30 000 жителей Москвы большей частью уже покинули город по приказу губернатора. На следующий день прибыл Наполеон со своей свитой и разместился в Кремле.

Москва была его, но пойдет ли сейчас царь на переговоры? Наполеон все еще надеялся на это. Однако в эту же ночь в торговой части города забушевали сильные пожары. Казалось, что воля русских все еще не сломлена; может быть, весь этот путь в Москву был и не нужен.

Часть четырнадцатая

ОТХОД

*Вторая часть русской кампании Наполеона
с 16 сентября 1812 года до 6 марта 1813 года*

Глава 71

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

«Если у Вашего величества все еще сохраняются хотя бы остатки Ваших прежних чувств ко мне, — писал Наполеон Александру 20 сентября, — Вы благосклонно отнесетесь к моему письму»(1).

Едва ли это обращение было языком уверенного в себе завоевателя, говорящего с побежденным врагом; скорее, это тон просителя, вымаливающего милостью. В этом письме император сообщал о гибели Москвы от пожаров. Он высказывал величайшее стремление переложить всю вину на головы царских слуг, чтобы эта катастрофа не погубила шансы на заключение мирного договора. Сильнейшим желанием Наполеона в этот момент было увидеть, что война окончилась даже ценой компромиссного мира. Он не мог поверить, что царь, узнав о поражении своей армии под Бородином, о захвате своей духовной столицы и о ее поджоге своими жителями, будет еще колебаться относительно заключения мира, который был единственным логическим выходом — так, во всяком случае, казалось Наполеону, с его обычно несколько искаженной способностью оценки событий. Король Неаполитанский был убежден, что русская армия уже не желает никаких боевых действий. С выдвинутых к востоку и югу от Москвы застав кавалерийского резерва Мюрат все время доносил о дружеских встречах с предводителями казаков, и на других частях фронта также нередко происходили братания. Французского императора намеренно успокаивали, внушая чувство обманчивой безопасности. Именно тогда фельдмаршал Кутузов решил выиграть драгоценное время, прежде чем начать новый этап кампании. Императорский двор зловеще не ответил на первые предложения Наполеона, направленные на поиски мирного выхода во второй половине сентября.

Поэтому 5 октября официальная делегация императора выехала из Москвы с целью начать прямые переговоры с Кутузовым (о немедленном перемирии) и царем (о мирном договоре). Кутузов принял посланцев Наполеона с утонченной любезностью и обдуманно создавал впечатление, что русские солдаты хотят мира, но хитрый старый фельдмаршал не пустил Лористона ехать лично в Санкт-Петербург. Вместо этого он задержал его в русской ставке, а сам отослал царю его письмо с курьером, вместе со своим посланием, в котором Кутузов настойчиво советовал царю всеми силами избегать переговоров. Александр послушался этого совета, и полномочные представители Наполеона вернулись обратно ни с чем.

Император не хотел верить, что это было подлинным ответом царя, и поэтому отправил вторую делегацию 14 октября. Только после неудачи и этой миссии Наполеон начал осознавать, что он совершенно не понял характера царя. И все же он делал вид, что уверен в способности Александра прислушаться к «голосу разума». Для его самолюбия было настоящим ударом, когда царь официально воспретил своим генералам получать какие-либо обращения из французской ставки. Коленкур точно описал состояние императора: «Он не мог признаться самому себе, что фортуна, которая ему так часто улыбалась, перестала покровительствовать ему именно в тот момент, когда он ожидал от нее чудес»(2). И ему пришлось прибегнуть к самообману и подавлять свои растущие сомнения видимым сверхоптимизмом, намеренно игнорируя жестокую реальность. «Он начал растягивать свои обеды, — отмечает де Сегюр, — которые доселе были такими незатейливыми и скорыми. Казалось, он хочет подавить мысли перееданием. Он проводил часы полужа, как бы в забытьи, и ожидал с книжкой в руке катастрофического конца своей ужасной истории»(3). Временами его преданным, но раздраженным штабистам начинало казаться, что сознание Наполеона совсем далеко от реальности. Когда его предупредили, что солдатам потребуется теплая одежда к приближающейся зиме, он лишь приказал выдать овчинные полушубки, теплые сапоги и особые накидки, не обращая внимания на представления своих офицеров, в которых указывалось на отсутствие материалов для их изготовления. Получив доклад о катастрофической нехватке лошадей в артиллерии, он приказал произвести местные закупки 20 000 голов, хотя в действительности на сто миль в округе нельзя было найти ни одной лошади. Казалось, что он все больше запутывается, погружившись в нереальность, затемнившую его здравый смысл.

Можно было бы предполагать, что бедствие, поразившее Москву между 15-м и 17 сентября, по крайней мере убедит его в решимости русских продолжать борьбу. Однако он все еще считал, что поджоги — дело рук сумасшедших и выпущенных из тюрем преступников. С военной точки зрения, эта катастрофа не имела большого значения, хотя пожар действительно привел к временному разложению дисциплины среди французских солдат. В то время как император находился в сравнительной безопасности, перейдя из Кремля в Петровский дворец, находящийся за городом, его солдаты занялись мародерством, погрузились в оргию грабежей, переходившую в разнузданное уничтожение запасов продовольствия и прочих нужных завоевателям вещей. В остальных же отношениях пожар не имел особого значения. Часть города уцелела от огня, включая и Кремль, и, следовательно, для оставшихся 95 000 солдат Наполеона вполне хватало убежищ. Большая часть оставшихся в Москве товаров (главным образом, предметов роскоши) сохранились и лежали в подвалах и погребах. Истинное значение действий поджигателей заключалось не столько в достигнутых ими результатах, сколько в их мотивах. Эти отчаянные действия, на которые дал приказ не Кутузов, а губернатор Москвы граф Ростопчин, были, в сущности, символом той атмосферы кровавой мести и суровой решимости, которая начала проникать во все слои русского общества от царя до мужика. Смысл этого поняли многие более проницательные французские офицеры, однако атмосфера патриотизма русских, особенно москвичей, была выше понимания — или, вернее, желания понимать — Наполеона. Более того, с точки зрения этих французов, правильно воспринявших мотивы жителей столицы, как это ни парадоксально, трагедией было то, что действия поджигателей были прерваны. Превратись вся Москва в золу (таково было намерение Ростопчина) — Наполеон был бы вынужден уйти из столицы. То, что она осталась обитаемой, оказалось роковым для Великой армии, ибо Наполеон смог медлить неделя за неделей, оставаясь в этой незащищенной позиции, надеясь, что Александр образумится и будет искать пути к миру; продолжающаяся оккупация того, что оставалось от священной Москвы, явится важным фактором для его позиции на переговорах — так ду-

мал Наполеон. Он медлил, а время шло бесцельно, пока он тешил себя надеждой на успешное заключение мира с его прежним другом по Тильзиту.

Каждый прошедший день увеличивал стратегическое преимущество в пользу царя. Кутузов понимал это и делал все, что в его силах, чтобы как можно дольше задержать императора в Москве, намеренно играя на его желании заключить мир. Тем временем царь, под сильным давлением своих советников, оставался в неприступном отдалении. Теперь он и не собирался договориться с Наполеоном. Время играло на руку русским не только угрожающим приближением «Генерала Зимы», но оно позволяло и быстро увеличивать численность накапливавшихся боевых сил. К 4 октября русские имели численное превосходство почти в каждом секторе огромного фронта. Армия Кутузова к югу от Москвы насчитывала не менее 110 000 человек, тогда как у Наполеона было только 95 000; даже если бы к этому количеству добавить VIII корпус, расположенный около Бородина, в войсках императора стало бы только несколько более 100 000 человек. На растянутых флангах общее положение было даже еще более благоприятным для царских войск. В северном секторе Витгенштейн (40 000) находился против Удино и Сен-Сира (17 000) около Пултуска. На крайнем правом фланге гарнизон генерала Эссена в Риге (14 000) был заменен вновь прибывшим генералом Штейнгелем с 10 000 человек из Финляндской армии, в то время как маршал Макдональд пытался продолжать осаду Риги и контролировать около 80 миль по Двине вплоть до Динабурга силами только 25 000 человек, из которых едва ли не половина были пруссаками и, следовательно, весьма ненадежными. На южном фланге армия адмирала Чичагова с Дуная только что соединилась с Третьей армией Тормасова, образовав объединенную силу в 65 000 человек — и более чем достаточно, чтобы взять верх над 34 000 солдат Шварценберга и Рейнье. Тридцати семи тысячам солдат французского IX корпуса в окрестностях Смоленска в этот момент не противостояли никакие регулярные русские войска, но их присутствие было необходимо для поддержания тонкой ниточки связи с Польшей, ибо все время учащались налеты казаков и крестьян против изолированных частей вдоль длинных линий наполеоновских коммуникаций. Кроме этого, маршал Ожеро находился с 26 000 молодых солдат в далеком Штеттине, а генерал Луазон возглавлял соединение из 10 000 солдат под Кёнигсбергом. Но ухудшение отношений между Францией и Пруссией делало нецелесообразной передислокацию этих сил на фронт. Остаток солдат из когда-то 600-тысячной армии, кто не умер после Бородина, или лежали в наспех организованных госпиталях, или стояли в бесчисленных мелких частях вдоль очень сильно растянутых коммуникаций. Наполеон «расстрелял все свои патроны», а ему предстояло защищать огромный выступ фронта, простиравшийся в самой широкой своей части на 360 миль и уходивший вглубь в бесконечные просторы России у Москвы не менее чем на 550 миль. Русские армии на его флангах были в более выгодном положении и могли глубоко вклиниваться в территорию, удерживаемую французами, а со временем могли бы и отсечь главное войско Наполеона от его баз. Неудивительно поэтому, что царь отвергал все попытки Наполеона, нацеленные на начало переговоров и, по слухам, даже сказал: «Вот момент, когда начинается моя кампания».

Некоторые события должны были бы показать Наполеону всю опасность и ненадежность его положения. Едва он обосновался в Москве, как через неделю, 24 сентября, отряд русской кавалерии и казаков перерезал главную дорогу на запад около Можайска. Теперь Наполеон начинал все более тревожиться о ходе событий в далеком сердце его империи, ибо «Париж и Франция были предметом всех его мыслей, и курьеры все время мчались из Москвы с написанными им там декретами»(4).

Он был очень раздражен, когда узнал о том, что перерезана столь важная для него дорога, и он немедленно приказал отряду егерей и драгун гвардии разделиться с этими возмутителями спокойствия. Однако последовали еще худшие

события — посланные отборные кавалеристы не только не смогли выполнить приказ, но и все до одного попали в плен русским в хорошо продуманную засаду.

Эта новость вызвала потрясение в рядах французов; влияние этого эпизода на их моральный дух совершенно не соответствовало его военному значению. Следующий отряд под командованием генерала Сен-Сюльписа вскоре опять открыл коммуникации, но воспоминание об этом случае катастрофы с французскими кавалеристами надолго осталось в памяти солдат и офицеров и усилило их растущее ощущение пугающей дальности от дома; даже император, все еще «витающий в облаках», не смог не заметить этого случая и не сделать выводы. Третьего октября войскам наконец было приказано сосредоточиться в окрестностях Москвы и приготовиться к возможному выступлению, однако прошло еще 16 дней, прежде чем это запоздалое решение было выполнено после провала всех попыток начать переговоры.

Еще одна причина, по которой Наполеон столь долго медлил, находясь в Москве, заключалась в трудностях поисков наилучшего пути выхода из кризиса. Он никогда не предусматривал необходимости наступления далее Москвы, настолько был убежден, что царь признает свое поражение, стоит только французам появиться перед золотыми куполами Кремля. Однако теперь, когда царь отверг все предложения относительно переговоров, когда положение французской армии с каждым днем становилось все опаснее с точки зрения и военного положения, и снабжения, пора было полностью пересмотреть будущую стратегию.

У Наполеона имелось шесть возможностей. Во-первых, он мог предпочесть остаться и провести зиму в окрестностях Москвы, превратив их в громадный лагерь. Штабные специалисты докладывали ему, что с точки зрения возможностей снабжения это было осуществимо; спасенных запасов русской столицы могло как раз хватить для прокорма армии еще в течение шести месяцев. Однако в этом решении были невыгодные стороны. Прежде всего, Москва была слишком далеко от Парижа, чтобы говорить о безопасности; кроме того, она была едва пригодна для обороны. Остаться в ней — значило признать свое поражение. А русские обязательно использовали бы зимние месяцы, чтобы наращивать свои силы, и вполне могли бы даже начать большое контрнаступление в привычных им климатических условиях, непереносимых для французов. А о кампании Эйлау еще помнили в армии, да и сам Наполеон совсем не хотел повторения ужасов и лишений 1806—1807 годов, если их было можно избежать. Теперь соединения, удерживающие растянутые фланги, будут снабжаться неизмеримо хуже, чем находящиеся в окрестностях Москвы. Голод и лютые морозы могут вполне уничтожить большую часть французской армии до прихода весны. Во-вторых, Наполеон мог уйти из Москвы с большей частью своих солдат и направиться в плодородные и неразграбленные области около Киева. Главными возражениями против такого выбора были опасения, что подобное движение на юг удалит армию от административных центров России, и это, скорее всего, сделает царя еще более несговорчивым. Второй отрицательный фактор — французским колоннам придется пробиваться через крупные силы Кутузова в районе Калуги, что повлечет за собой дальнейшие потери людей и материальной части. Если Наполеона не привлекал ни один из этих путей, то он мог прибегнуть к отходу на Смоленск, направившись на юго-запад из Москвы через неразграбленную местность у Ельни (третий способ). Но и отход в этом направлении тоже мог привести к возможной стычке с Кутузовым. В надежде все-таки добиться решающей победы в 1812 году, французы могли бы направиться на север, к Санкт-Петербургу. Но против такого решения были позднее время года, усталость и малочисленность войск и неудовлетворительные топографические карты территории прохождения (четвертый, столь же неприемлемый путь). В-пятых, Наполеон мог попытаться назначить общее сосредоточение войск на северо-западе близ Великих Лук, надеясь тем самым сбросить силы, уко-

ротив таким образом свои коммуникации, и в то же время осуществить угрозу Санкт-Петербургу. Однако такой выбор привел бы к усугублению проблем снабжения, да и русские могли бы не принять всерьез эту угрозу из-за приближения зимы. И наконец, французы могли возвратиться в Смоленск по уже знакомой дороге через Бородино и Вязьму, а затем продолжить отход в Польшу, если к этому будет вынуждать обстановка. Но такое решение было бы равнозначно признанию полного поражения, не говоря уж об опасности голода и других лишений, ибо армии пришлось бы идти по территории, уже опустошенной в начале лета. Тем более не радовали императора оценки Матъё Дюма, главного интенданта Великой армии, рассчитавшего, что войскам потребуется не менее пятидесяти дней, чтобы дойти до Немана.

Так как каждое отдельное решение было по-своему невыгодно и отягощено большими потенциальными трудностями, Наполеон долго колебался, принимая окончательное решение, и предпочитал все еще возлагать надежды на внезапное изменение настроения царя. Несомненно, он черпал утешение в воспоминаниях о том, что Великая армия бывала в кризисных положениях и ранее, но все-таки выживала и добивалась победы. Тем не менее Наполеону все же пришлось в конце концов принять тот факт, что царь не пойдет на уступки, зная о всех слабостях положения французов и о невозможности дальнейшего энергичного французского наступления в этом году. Наступать — означало погибнуть, оставаться — значило гнить заживо; единственным выходом было отступление, дававшее возможность сохранить большую часть армии. После провала своей второй миссии к царю (она вернулась в Москву 17 октября) император наконец принял решение. Великая армия будет отходить, направляясь к полным складам Смоленска по южной дороге, разгромив Кутузова под Калугой по пути на запад, если будет необходимо. Восемнадцатого октября командирам корпусов было приказано подготовиться к выходу из Москвы 20-го. Дни ожидания и неопределенности кончились. Наполеон признал, что Александр так и не поддавался на запугивание.

Затем, как часто бывает на войне, случилось неожиданное. Как раз в тот день, который Наполеон выбрал для начала отхода, Кутузов решил атаковать ближайшие соединения кавалерийского резерва Мюрата. Король Неаполитанский никак не мог предположить, что «дружелюбно настроенные» русские перед его фронтом вдруг нарушат негласное перемирие, поэтому он и его генералы были захвачены врасплох. На генерала Себастьяни, в этот момент командовавшего II корпусом кавалерийского резерва, который, согласно одному критику, «проводил целые дни в шлепанцах, зачитываясь итальянской поэзией»(5), пришлось главный удар у Винькова (на Чернишне), где он и был разгромлен силами кавалерии Денисова, потеряв 6 пушек. Тем временем пехота Багговута атаковала центр отрядов Мюрата, отделенный лишь двумя милями от Себастьяни. Очевидно, Кутузов намеревался взять в окружение все силы короля Неаполитанского. «Затем вражеская пехота поставила себе цель захватить дефиле в тылу у короля Неаполитанского, — пишет Наполеон своему министру иностранных дел Маре. — Король [Мюрат], однако, бросился на эту пехоту во главе своих карабинеров и кирасир и рассеял их»(6). К вечеру 18 октября Мюрат успешно проложил себе путь назад, к Воронову, но события этого дня изрядно напугали французов. Приложив еще немного энергии и добавив войск, Кутузов мог бы одержать большую победу; однако в этих обстоятельствах русские не делали попыток развить свой ограниченный успех, довольствуясь тем, что сосредоточились в окрестностях Тарутина, где строился их укрепленный лагерь.

Известия об этом бое подстегнули активность Наполеона. Предполагая, что войска Кутузова недавно получили 10 000 свежей кавалерии из Валахии, он понял, что теперь уже нельзя терять ни минуты и выходить из Москвы как можно скорее. Он был также преисполнен решимости отомстить за поражение Мюрата и показать, что грядущий отход армии отнюдь не вызван незначительным временным

успехом Кутузова. В соответствии с этим он перенес срок выступления на сутки вперед, и рано утром 19 октября Наполеон и его штаб вышли из ворот Москвы, пробыв в ней 35 дней, во главе 95 000 солдат, 500 пушек и, по данным Марбо, чуть ли не 40 000 повозок и других перевозочных средств (включая даже тачки), нагруженных доверху награбленным добром, припасами и большим количеством раненых и гражданских лиц, сопровождавших армию. «За нами последовало несколько русских девушек, добровольных пленниц, — пишет де Сегюр. — Все это выглядело как огромный караван, переселение народов, или, скорее, как одна из армий античных времен, возвращающаяся с рабами и добычей после нанесенного великого опустошения»(7).

Наполеону пришлось прибегнуть ко многим ухищрениям, чтобы скрыть и от своих, и от противника свой отход. Чтобы замаскировать тайные намерения для Кутузова, император выслал своих представителей с новыми предложениями о перемирии. До сведения собственных солдат было доведено, что он собирается атаковать Кутузова в его левый фланг и этим снова начать французское наступление. Наполеон знал, что эти сведения вскоре дойдут до русского командующего, и надеялся, что это может вынудить того отвести свои войска к востоку, тем самым оставив открытой хорошую дорогу через Калугу на Смоленск. Поэтому основные французские силы вышли из Москвы по старой Калужской дороге, перейдя через реку Десну, и у Троицкого свернули на запад для перехода на новую дорогу, идущую через Малоярославец. В этом месте находился важный перекресток, где Наполеон мог выбрать одну из двух дорог, ведущих к Смоленску (то есть через Медынь или через Калугу). Для прикрытия этих начальных движений Мортье был дан приказ оставаться в Москве до 23-го, охраняя тыл. В этот день он должен был взорвать Кремль и отходить на Верею, где он явится связующим звеном между идущей на запад основной армией и VIII корпусом Жюно, который в этот момент находился в Можайске на Бородинской дороге. Одновременно с начальным движением главной армейской массы III корпус Нея должен был наступать на рубеж в виде речки Мочи, чтобы действовать в качестве завесы, а затем принять на себя обязанности арьергарда.

Отход начался на 120-й день кампании. Все шло вначале благополучно, хотя скорость движения серьезно замедлялась нескончаемыми обозами и армии потребовалось целых пять дней, чтобы пройти первые шестьдесят миль. После двух дней непрерывного дождя наступила ясная погода, но ночи стали уже холодными. Вначале почти не было признаков активности русских. Кутузов знал об отходе Наполеона с самого первого дня, потому что все сведения ему доставляла его превосходная кавалерия. Но казалось, что русский командующий совершенно пассивен. После Чернишни он не делал попыток развить успех; точно так же и сейчас, 19 октября, не было сделано никаких попыток преградить дорогу Наполеону. Только 22 октября корпус Дохтурова вышел из Тарутина, двигаясь позади основных колонн Наполеона, а затем выскользнул вперед в попытке захватить важный перекресток дорог у Малоярославца, прежде чем его сможет занять IV корпус вице-короля Евгения (он следовал во главе основной колонны). Наконец и Кутузов поднял остальную часть своей армии и неторопливо двинулся с ней в окрестности Афанасьева и Гончарова в двадцати пяти милях к северу от Калуги для поддержки своего генерала. Он прибыл туда со всеми своими силами около часа дня 24 октября.

Тем временем развернулся оживленный бой за овладение мостом через речку Лужа севернее Малоярославца. Вечером 23 октября генерал Дельзон, командующий 13-й пехотной дивизией корпуса Евгения, нашел город незанятым, в нем находился лишь один казачий отряд, который он вскоре отогнал. Он послал донесение императору, что город благополучно занят, но затем крайне неосмотрительно начал отводить все батальоны, кроме двух, к берегам реки. Ночью тайком подошли все силы Дохтурова, сняли сторожевое охранение, вытеснили передовые батальо-

ны из города, а затем и всю дивизию оттеснили назад через мост. Дохтуров немедленно принялся укреплять позицию, а на ближайшие гребни холмов были поставлены несколько артиллерийских батарей, для прикрытия подступов к стратегически важному мосту.

С рассветом 24 октября начался отчаянный бой. Первые попытки Евгения послать Дельзона обратно через реку были предотвращены продольным огнем русских пушек, и только после того, как открыла огонь французская корпусная артиллерия, 13-й дивизии удалось возвратить себе южный берег. После жестокой штыковой атаки город снова перешел в руки французов, но временно. За эти утренние часы Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки, как только противники поочередно получали свежие подкрепления. В один из моментов усталые войска Дохтурова едва не начали поддаваться натиску, но в этот момент вовремя появилась поддержка в виде корпуса генерала Раевского, образующего авангард приближающихся войск Кутузова. Это подкрепление заставило Евгения послать в бой свою последнюю дивизию (генерала Пино), и этот резерв снова перевесил чашу весов в пользу французов, и тогда русские решили вскоре после полудня оставить город. Однако они отошли назад не далеко, только до ближайших холмов, откуда их пушки продолжали обстреливать и мост через реку Лужу, и дороги, ведущие из города.

К часу Наполеон и большая часть Великой армии встали вдоль берега реки, но император решил не давать приказа на переправу армии из-за огня удачно расположенных русских батарей, которые могли бы нанести тяжелые потери в узком месте, образованном мостом. Во второй половине дня Дохтуров отошел обратно к основной армии Кутузова, забрав с собой свои пушки, но Наполеон ограничился лишь тем, что переправил часть артиллерии на южный берег. Думая, что Кутузов может вскоре атаковать его, император решил, что пока еще слишком опасно переправляться через реку всеми силами, и так мало-помалу бой выродился в стычки застрельщиков. Французы считали себя победителями, но победа обошлась дорого — ценой убитых и раненых семи генералов и 4000 итальянских солдат. Однако это не было решающей победой, и весь следующий день Великая армия провела в зализывании своих ран.

Рано утром следующего дня (25 октября) император лично провел разведку южного берега. Во время нее произошли опасные события. Сержант Бургонь из императорской гвардии был очевидцем события, в результате которого Наполеон едва не попал в плен. Когда он ехал впереди вместе со своим штабом, как всегда сопровождаемый двумя эскадронами гвардейских егерей, из ближайшего леса выскочил отряд казаков и бросился прямо к императору. Генерал Рапп и эскорт еле успели отбить казаков, когда вдруг один казак проложил себе путь среди них и оказался в каких-нибудь двадцати ярдах от императора. Бургонь находился в составе гвардии, брошенной на выручку. «Когда мы появились на равнине, мы увидели императора почти в гуще казаков, окруженного только его генералами и штабными офицерами. Один из последних был ранен в результате трагической ошибки. В этот момент, когда наша кавалерия еще только вынеслась на равнину, окружающим императора офицерам пришлось выхватить сабли, защищая его и себя, так как он был среди них и мог быть захвачен в плен. Однако один из штабных офицеров, убив одного казака и ранив еще нескольких, потерял свою шляпу, а потом уронил саблю. Оставшись безоружным, он бросился на казака, выхватил его пику и начал защищаться ею. В этот самый момент офицера увидел гвардеец — конный гренадер — и, приняв офицера за казака из-за его зеленого плаща и пики, сбил его с ног и проткнул саблей»(8). Однако из записок Марбо мы узнали, что этот несчастный штабной офицер выжил после своего ранения и с течением времени даже снова увидел Францию, чего нельзя сказать об очень многих других участниках этой схватки.

Неизвестно, повлияло ли на решение императора это опасное, хотя и тривиальное приключение¹, но после военного совета, на котором были высказаны самые противоположные мнения его старшими офицерами, он дал приказ прекратить спланированный марш по направлению к Калуге. Вместо этого Великая армия должна была вернуться к Ожигову и направиться к Можайску, то есть возвратиться на ту же дорогу, по которой они шли на Москву месяц назад.

Некоторые военные историки считают, что это важное решение является критической поворотной точкой в карьере Наполеона. Его первоначальный план оттеснения Кутузова и затем направления армии к Калуге и Смоленску был, несомненно, самым лучшим из тех, что он мог придумать в таких обстоятельствах. Но столь стремительный отказ от него означал, что он лишился всех преимуществ, которых добился за предшествующие шесть дней. В самом худшем случае он мог бы выбрать вторую дорогу — через Медынь, которая была открыта перед ним, но возвратиться на путь своего первоначального наступления означало встать на путь несчастья. Это решение не только прекращало давление на Кутузова и уничтожало плоды столь трудно добытой победы у Малоярославца, но пропала и драгоценная неделя относительно хорошей погоды. По мнению генерала Вильсона — английского наблюдателя в эту кампанию, «звезда Наполеона более не направляла его действия, ибо после отхода [русского] арьергарда, если бы любой, пусть даже самый малый разведывательный отряд подошел бы к гребню холма над оврагом, если бы была сделана хотя бы самая малейшая демонстрация продолжающегося наступления, — Наполеон получил бы свободный проход для своей армии по Калужской или Медынской дороге, через плодородную и богатую местность к Днепру, ибо Кутузов, принявший решение отойти назад, за Оку, в действительности дал приказ «отступать туда в случае приближения неприятеля к своей новой позиции»(9). Таким образом, выиграв небольшое тактическое преимущество, Наполеон в действительности уступил огромную стратегическую победу Кутузову, который не желал дальнейшего продолжения боевых действий.

Интуиция императора и способность анализировать обстановку были в это время далеко не на высоте. После медленного и осторожного подхода он выиграл ничего не решивший бой только для того, чтобы потом выбрать наихудшую дорогу для дальнейшего движения армии, когда перед ним лежала открытая и лучшая дорога. Сочетание этой странной для него медлительности, нерешительности и чрезмерной осторожности обрекло его армию на постепенную гибель так же, как большое поражение на поле боя.

Глава 72

ГИБЕЛЬ АРМИИ

Жестокие реальности поражения начинали ощущаться всеми. Сплоченность Великой армии начала давать трещины под непривычными испытаниями. Кончались продовольствие; все больше солдат бросали оружие и увеличивали толпы оставших, тащившихся по пятам арьергарда. Колонна, которая со временем растянулась почти на пятьдесят миль, из последних сил брела через Боровск и Верею на Можайск. Здесь ветераны испытали тяжелые чувства, вновь пересекая Бородинское поле. «Земля, вспаханная пушечными ядрами, — рассказывает Марбо, — была покрыта горами касок, кирас, колес, оружия, обрывков мундиров и 30 000 трупов, наполовину съеденных волками! Войска императора старались скорее миновать это место, содрогаясь при взглядах на эту огромную могилу»(10).

¹ С этого дня Наполеон всегда носил с собой на шее ладанку со смертельным ядом: угроза попадания в плен преследовала его. (Примеч. автора.)

Отход продолжался, войска прошли Гжатск, и 31 октября император и гвардия достигли Вязьмы — первого настоящего этапного пункта при отходе на запад. Здесь Наполеон пробыл весь день 1 ноября, пытаясь оценить общее положение для различных частей армии. В сумках курьеров оказалось мало утешительного. На далеком южном фланге, как оказалось, Шварценберг, по-видимому, начал отходить к реке Буг, в сущности, совершая маневр, больше подходящий для защиты Варшавы, чем для прикрытия фланга несчастной Великой армии. Сообщалось, что адмирал Чичагов находится между Брест-Литовском и Слонимом, очевидно, это была удачная позиция, чтобы перерезать пути Наполеону. Известия с северного фланга были еще хуже. Войска Витгенштейна, находящиеся около Чашников, очевидно, одерживали победы над II и IX корпусами и подходили слишком близко к предполагаемому пути Наполеона через решающую переправу на реке Березине. Корпусу Виктора вначале предназначалась роль общего резерва для обеих фланговых сил, но к концу октября его корпус был полностью придан в поддержку Сен-Сиру. Таким образом, у Наполеона оставался лишь гарнизон Смоленска для использования в случае опасности, грозившей главной армии; правда, были еще надежды на то, что свежая дивизия подкрепления под командой д'Ильера успеет достичь Смоленска вовремя, чтобы встретить Великую армию. Однако широкий клин начального стратегического вторжения французов в Россию быстро сжимался до размеров узкого центрального коридора, обложенного силами противника с трех сторон.

Растянутая колонна Наполеона уже испытывала постоянное давление казаков и авангарда Кутузова, которым командовал генерал Милорадович. Наполеон решил спешно подойти к Смоленску, надеясь, что Великая армия все еще сможет найти убежища на зиму в его окрестностях или, в худшем случае, немного далее к западу, близ Витебска и Орши. Богатые магазины Смоленска должны хорошо снабдить голодающих солдат. «Не потребовалось долгого времени, чтобы французская армия начала испытывать голод, — пишет капитан Рёдер в дневнике. — Полки начали разваливаться и распадаться, лошади гибли тысячами, каждый день жгли повозки с кладью и военными материалами, которые было некому везти. Весь народ в Московской и Калужской губерниях вооружился, чтобы отомстить за свои лишения. Ограниченная в своем движении главной дорогой, вся армия теперь жила на одной конине»(11).

К вечеру 2 ноября Наполеон достиг Славкова. Далеко позади нескончаемая колонна брела через Вязьму, но вскоре ближе к тылу начался бой, когда русские попытались разделить французскую армию на три части. Третьего ноября Милорадович внезапно атаковал арьергард, состоявший в этот момент из I корпуса, около Федоровского силами 22 000 кавалерии, хорошо поддержанной пехотой. Почти сразу корпус Даву оказался отрезанным от остальной колонны и окруженным со всех сторон. Ситуация оставалась серьезной, пока Евгений, шедший несколько впереди князя Экмюльского (Даву), не догадался о бедственном положении I корпуса и не выслал на помощь ему две дивизии IV корпуса. Это вмешательство помогло Даву отбить русские силы, хотя с очень тяжелыми потерями, и соединиться со своими бойцами и вице-королем (Евгением).

Однако испытания еще не кончились. Какое-то время казалось, что оба соединения могут быть уничтожены по отдельности, но затем прибыла еще помощь в виде дивизии генерала Разу из корпуса Нея, высланной назад из Вязьмы. III корпус был оставлен в этом городе Наполеоном с приказом взять на себя обязанности арьергарда от Даву после того, как главная армия выйдет из города. «Напишите герцогу Эльхингенскому [Нею], — обратился Наполеон к Бертье 3 ноября, — что, как только он примет арьергард под свое командование, он должен будет заставить армию двигаться как можно быстрее, потому что мы теряем остатки хорошей погоды, стоя на месте»(12). Однако в этот же день и Нея атаковала главная сила Кутузова, действовавшая в окрестностях Дубровно к юго-востоку от Вязьмы. Эта не-

сколько вялая попытка русских снова вклиниться между Наполеоном (VII корпус, гвардия) и остальной частью армии была отражена со значительными потерями, позволив Нею оказывать помощь своим частям, шедшим далее к востоку.

Благодаря его усилиям к ночи французская колонна снова восстановила свою цельность, имея III корпус в предназначенном ему месте в арьергарде. Однако ожесточенность дневного сражения оставила глубокий след на I корпусе. Когда-то самое дисциплинированное и храброе соединение в армии после гвардии, I корпус теперь быстро вырождался, превращаясь в сброд, лишенный сплоченности и организованности. Состояние солдат Евгения было немного лучше, а III корпус под командой знаменитого маршала Нея уже вступал в самый славный период своей боевой истории. Однако русские явно смелели. В сущности, положение Наполеона уже превращалось в критическое еще до завершения первой стадии отхода, хотя император все еще находился во власти иллюзий, что все будет хорошо. Он утверждал, что состояние русской армии еще хуже, чем его собственной; он шутливо сравнивал еще удерживающую хорошую погоду с более счастливыми днями осени, проведенными в Фонтенбло, а тех, кто пытался напомнить ему о приближающейся зиме, называл паникерами. Он все еще продолжал твердить, что в любой день ожидает предложений царя о переговорах.

К этому времени в хвосте колонны скопились уже до 30 000 отставших солдат, затрудняющих действия арьергарда, вынужденного непрерывно отбиваться от преследователей. Вскоре во всей Великой армии осталась только небольшая часть кавалерии, а то небольшое количество повозок, которые были еще способны двигаться, переполнили больные и раненые. Многие из этих несчастных сваливались с их ненадежных мест и гибли под копытами и колесами ползущих обозов, и никто не пытался помочь им спастись, никто не старался хотя бы оттащить упавших к обочине. Моральный дух настолько упал, что выживал сильнейший, и всяк стоял только за себя, когда наконец голова колонны стала приближаться к Смоленску.

Третьего ноября пошел первый снежок, и через неделю начались морозы. Страдания людей усиливались в зависимости от ухудшения погоды. «Я не должен скрывать от Вашей светлости, — писал Евгений к Бертье 8 ноября с реки Воль, — что три дня страданий так ослабили людей морально, что в этот момент, я считаю, они не способны сделать ни одного серьезного усилия. Часть их умерла от голода или холода, а еще больше в отчаянии дали себя захватить в плен» (13).

Казавшееся непоколебимым спокойствие императора теперь начинало оставлять его, хотя он изо всех сил старался скрывать свою растущую тревогу от всех, кроме самых близких. Одной из непосредственных причин для беспокойства было прибытие 6 ноября депеш из Парижа, сообщающих о провалившемся заговоре Мале. Оказалось, что генерал Мале, пациент дома для умалишенных, убежавший из него 22 октября, сделал попытку захватить власть в надежде восстановления республиканской формы правления. Объявив, что император погиб в России, сумасшедший вынудил нескольких полковников парижского гарнизона поднять своих людей глубокой ночью и затем приступил к арестам министра полиции и некоторых других важных лиц. Он был разоблачен, когда военный комендант Парижа потребовал у Мале доказательств и в ответ был застрелен на месте. Мало-помалу был восстановлен порядок, и заговорщики были пойманы, когда правительство вышло из состояния ошеломленного бездействия. Весь инцидент закончился в течение двенадцати часов и явно был делом рук сумасшедшего, однако тревожило количество влиятельных лиц, позволивших — пусть хотя бы на время — поддаться этой провокации, и то, что, по-видимому, ни один человек не подумал защищать трон юного короля Римского. Даже префект Сены выполнял приказы Мале. Очевидно, долгое отсутствие Наполеона явно ослабляло его власть даже в самом сердце империи, и еще более красноречиво было то, что вся эта суматоха произошла даже до получения в Париже известий об уходе Наполеона

из Москвы. Видно, его династия укрепилась совсем не так прочно, как он думал ранее.

Император как бы пробудился и осознал опасность, которую представляли армии Витгенштейна и Чичагова на флангах его предполагаемого отхода. Если эти две части русской армии соединятся в окрестностях Минска или Березины, коммуникации Наполеона будут претражены не менее чем 70 тысячами человек. Поэтому этого соединения надо было избежать или предупредить его любой ценой. Обращаясь к маршалу Виктору (командующий II и IX корпусами) 7 ноября, Бертье охарактеризовал намерения императора: «Его величество приказывает вам соединить ваши шесть дивизий и без промедления атаковать противника [Витгенштейна], оттеснив его обратно к Двине; вы должны отбить Полоцк. Эта задача крайне важна. В течение нескольких дней в ваши тыловые районы смогут вторгнуться казаки; завтра армия императора будет в Смоленске, крайне усталая после прохождения 120 миль без привалов. Перейдите в наступление — безопасность всей армии зависит от вас; промедление на день может означать бедствие. Армейская кавалерия идет пешком, потому что холод убил всех лошадей. Наступайте немедленно, это приказ императора и безвыходная необходимость»(14).

Девятого ноября император достиг Смоленска, где его встретили новые разочарования. Оказалось, что столь необходимые продовольственные запасы были крайне малы; их использовали уже отходящие управленческие части, шедшие впереди главной армии. Хотя были приняты все меры к сохранению оставшегося, войска — даже гвардия — покончили с дисциплиной, пустились в грабеж и бессмысленные расточительные траты остатков. В результате запасы продовольствия, которые можно было бы экономно растянуть, чтобы обеспечить нужды армии хотя бы в течение двух недель, были уничтожены за три дня дикого разгула и снова начался голод.

Девятое ноября стало памятным днем из-за двух событий. Ночью был первый серьезный мороз (двенадцать градусов), предвещавший будущие ужасы, который застиг армию совершенно неподготовленной. Только Коленкур — главный шталмейстер двора — принял некоторые меры предосторожности, перековав всех лошадей ставки императора, готовясь ко льду, еще в Москве. Худшей новостью было то, что столь нетерпеливо ожидавшаяся дивизия Бараге д'Ильера утром была взята врасплох русскими юго-западнее Смоленска. Увидев, как на его глазах была изрублена ведущая бригада, командир дивизии трусливо согласился сдать в плен с оставшимися людьми. Таким образом, одним ударом Наполеон оказался лишен своего единственного источника свежих солдат. Это несчастье убедило его в невозможности зимовать около Смоленска, как планировалось вначале. Приходилось продолжать отход к следующим базам снабжения в Витебске и Минске.

Между 9-м и 13 ноября остатки Великой армии сомкнулись возле Смоленска. Вышедшая из Москвы армия численностью почти 100 000 человек теперь имела чуть более 41 500 боеспособных солдат. Из них 14 000 гвардейцев, спешенная кавалерия составляла 5000, у Даву было только 10 000, а у Евгения даже половина этого. К тому же IV корпус потерял все свои пушки и транспорт. Самыми слабыми были V и VIII корпуса — в сущности, от каждого осталось лишь ядро корпуса, оба они имели в сумме 1500 человек, в то время как Ней, замыкавший арьергард, имел только 3000 из первоначально сформированных 11 000. Бывшая гордость наполеоновской армии представляла собой жалкое зрелище. Неудивительно, что Наполеон возлагал такие надежды на 25 000 сравнительно свежих сил (IX и II корпуса) под командованием Виктора и Удино в окрестностях Орши, ожидая, что они незамедлительно атакуют Витгенштейна и помешают ему соединиться с Кутузовым около Витебска. Однако император все еще тешил себя надеждой, что русские уже измотаны и находятся в еще более плачевном положении, чем он сам. Еще более странно, что он, по-видимому, находился под впечатлением, будто Кутузов направ-

ляется к северу от Смоленска, когда несчастье с д'Ильером, произошедшее к югу от города, могло бы подсказать ему истинное положение вещей. Более того, он еще поговаривал о зиме в Смоленске. Двенадцатого ноября головная часть колонны вышла из Смоленска, но только 17-го город был оставлен арьергардом Нея, усиленным до численности 6000 человек.

Тем временем казалось, что русские не спешат серьезно схватиться с французами. В различных местах вдоль колонны происходили перестрелки, стычки и прочие мелкие действия, но ничего значительного не отмечалось вплоть до 17-го. К этому времени Наполеон пробыл в Красном два дня, ожидая, чтобы его растянутая колонна немного подтянулась. Он не был вполне удовлетворен положением, о чем свидетельствует то, что он послал два полка молодой гвардии в помощь IV корпусу Евгения, которого задержал Милорадович у Никулина на большую часть дня 16 ноября, прежде чем он смог его обойти. Беспокойство Наполеона за главную дорогу вынудило его приказать гвардии атаковать войска Кутузова утром 17-го. Вначале он собирался поручить эту операцию генералу Раппу, но потом передумал и поставил во главе атакующих генерала Роге из средней гвардии. Операция была проведена успешно. Направившиеся на юг французские колонны (16 000 человек) застигли Кутузова врасплох — настолько он привык к пассивности противника. Русский командир партизан Денис Давыдов красочно описывает, что «...гвардия с Наполеоном прошла здесь через наших казаков, как стопушечный корабль через рыбацкий флот»(15). И русский главнокомандующий немедленно приказал своим 35 000 солдат отступать на юг. Русские впоследствии пытались представить исход боя как победу, утверждая, что «Бонапарте лично командовал и делал самые энергические усилия, но тщетно; ему пришлось бежать с поля боя»(16). Однако это было чисто пропагандистской ложью. В этом сражении был побит именно Кутузов.

Этот бой, известный как сражение при Красном, показывает, во-первых, степень морального превосходства, достигнутого Наполеоном; очевидно, одно лишь его имя могло внушать ужас противнику. Во-вторых, введя среднюю гвардию в бой, Наполеон подтвердил правильность своего решения отвести от участия в Бородинском сражении на его последних стадиях свою императорскую гвардию. Если бы его гвардия была разбита у Москвы-реки, маловероятно, чтобы он смог дать такое удачное сражение восемь недель спустя. Со стратегической точки зрения, французское наступление у Красного оказалось весьма важным. Оно открыло дорогу на запад, позволив большей части армии (кроме Нея) соединиться с императором к вечеру 17-го, а русских оно заставило стать еще осторожнее.

Однако Наполеону нельзя было оставаться в Красном, радуясь успеху. Кавалерия сообщила, что генерал Тормасов уже приближается к Орше и днепровским переправам, и император знал, что он должен прибыть туда раньше него. Поэтому он приказал немедленно возобновить отход, даже несмотря на отсутствие признаков приближения маршала Нея или хотя бы вестей о нем. Наполеону было нелегко решиться оставить своего подчиненного справиться с противником собственными силами или взглянуть в лицо почти несомненной гибели, если Тормасов со всеми своими силами успеет подойти к Орше раньше него. Наполеон решил оставить свой арьергард во имя спасения основной массы армии. Марш продолжался, и 19 ноября император благополучно достиг Орши и нашел мосты целыми. Но и здесь он не мог остановиться — накануне пришли тревожные вести о том, что Минск и два миллиона продовольственных пайков, хранившиеся там на складах, попали в руки противника. Это было неожиданным ударом, Наполеон полагался на Шварценберга, ожидая, что он защитит этот важный этапный пункт. Хотя император и изливал свой гнев на союзников, обвиняя Австрию в явном предательстве, подлинной причиной этого несчастья была атака 15 ноября генерала Сакена на Рейнье. Шварценберг откликнулся на призыв о помощи VII корпусу и напра-

вился на юго-восток, тем самым оставив открытым проход для Чичагова, и тот 16-го смог проскользнуть со своими главными силами между французским флангом и центром и вытеснить из Минска крайне малый гарнизон обратно к Борисову.

Снова нависла реальная угроза, что русским удастся преградить путь отхода Великой армии у Березины. «Это начинает становиться очень серьезным», — признался император Коленкуру.

Наполеон дал приказ увеличить скорость отхода. Это предусматривало отсечение «хвоста» армии, состоящего из обозов, то есть означало полное уничтожение повозок и оборудования. В силу ли несчастной случайности или намеренно, но понтонный поезд армии, как и повозки с добычей, были захвачены врагом или уничтожены. И это через несколько дней осложнило события. Значительно сократившаяся армия выступила из Орши 20 ноября, оставив за собой горы углей и дымящейся золы от повозок. Курьеры теперь неслись сломя голову к генералу Домбровскому с приказом любой ценой удерживать борисовский плацдарм у Березины; к Удино — с приказом контратаковать противника у Борисова 24 ноября и к Виктору — с приказом образовать оборонительный фланг к северу от города и там сдерживать армию Витгенштейна. Как оказалось, в этот самый день Виктор вел сражение у Чашников, но исход боя не был решающим.

К вечеру 21 ноября Наполеон и командиры его колонн были в Каменске, недалеко от реки Бобр (приток Березины), а арьергард его армии (Евгений и Даву) все еще был близ Орши. И здесь вся армия, от императора до последнего рядового, услышала почти невероятную новость, взбодrivшую всех и поднявшую дух армии. Новостью было внезапное появление маршала Нея в Орше поздно вечером во главе 900 солдат, уцелевших от его корпуса. Уже с 17 ноября армия утратила всякую надежду, что от III корпуса хоть кто-то остался, и это неожиданное возвращение чуть не из могилы обрадовало всех. Согласно де Сегюру, Наполеон «...прыгал и кричал от радости, восклицая: «Значит, я спас своих орлов! Я бы отдал три миллиона своих денег, чтобы только не потерять такого человека»(17). Император немедленно наградил доблестного гасконца прозвищем «храбрейшего из храбрых».

Эта почетная характеристика была несомненно вполне заслуженной, так как III корпусу после его отделения от главной армии пришлось пережить много трудностей. Приказ, написанный в Смоленске и датированный 14 ноября, предлагал Нею продолжать выполнять свою роль арьергарда и разрушить Смоленск 17-го перед тем, как последовать на запад за главной армией(18). Однако 15 ноября Наполеон решил ускорить отход, но в силу чьей-то ошибки этот приказ не был доставлен Нею, который, соответственно, удерживал свои позиции до даты, указанной в первом приказе, в то время как в изменившихся обстоятельствах он должен бы выйти из Смоленска еще 16-го. Таким образом, возник значительный разрыв между войсками Даву, идущего перед III корпусом по расписанию, и самим корпусом, и, по-видимому, это обрекало Нея и его солдат почти на верную смерть, или, в лучшем случае, им угрожал плен. Тем не менее Ней выступил во главе своих 6000 солдат, 12 пушек и единственного кавалерийского эскадрона рано утром 17 ноября, двигаясь по дороге на Красное.

С самого начала его путь был опасен. С 5 ноября все время были снегопады, и дороги после прохождения наполеоновских колонн и всей армии превратились в жидкую грязь. Кроме того, арьергард Нея, последним вошедший в Смоленск, получил гораздо меньше пищевого довольствия из того, что ему причиталось, — остатки уже оскудевших пайков. Движению арьергарда Нея мешали орды отчаявшихся, отставших солдат и непрерывные изматывающие налеты казаков и партизан. Поэтому скорость продвижения его войска была невелика, и к тому времени, когда III корпус дошел до Красного (18 ноября), Милорадович успел перерезать путь Нею своими превосходящими силами. Русский генерал отправил к Нею парламентера с требованием капитуляции, но забыл приказать прекратить огонь сво-

их пушек во время переговоров. Ответ Нея парламентеру был типичен: «Маршал никогда не сдается; переговоры не ведут под огнем неприятеля; вы — мой пленник»(19). Все попытки прорваться через русские позиции оказались безуспешными, и к наступлению сумерек Ней отвел своих солдат к деревне Даниково к северу от дороги, и здесь они развели много бивачных костров. Но солдатам Ней не дал отдыха, потому что им пришлось тут же тронуться в путь под покровом темноты, направляясь к Сырокоренью на Днестре. Противник же, в ощущении ложной уверенности из-за своего численного превосходства и видя множество костров вдаль, не заметил, как ушли французы. Их поход был крайне тяжелым — имелась всего одна, да и та неточная карта, — но все-таки к рассвету 19 ноября Ней отошел уже достаточно далеко. Конечно, на рассвете русские увидели свою ошибку, и Платов во главе своих казаков, сопровождаемый несколькими батареями конной артиллерии, пустился в погоню, желая стереть с лица земли дерзкую французскую колонну. Ней спокойно построил своих солдат в каре и, с мушкетом в руках, продолжал свой путь. Вскоро после полуночи III корпус достиг Гусиново на речном берегу, и на следующее утро остаток солдат Нея был уже на другой стороне реки, но без пушек, которые им пришлось бросить. Еще сорок пять миль отделяли его от Орши, но целыми днями 20-го и 21 ноября они продолжали идти, несмотря на повторные налеты казаков, которые все были отбиты храбрым, но быстро тающим отрядом. Нею становилось все труднее, но наконец один польский офицер пробрался к Евгению 20-го с просьбой о помощи, и вице-король Евгений смог выслать войска, чтобы прикрыть последние этапы эпического отхода Нея — герцога Эльхингенского.

Такая неустрашимая храбрость и упорная решимость воодушевили всю армию; почти чудесное спасение Нея показалось счастливым предзнаменованием для предстоящих испытаний. Много проклятий досталось маршалу Даву за те равнодушные и бесчувственные, с которыми он бросил III корпус Нея на произвол судьбы 15 ноября. Но определенная доля ответственности лежала и на Наполеоне за то, что он торопил колонну отходить к Красному, не оказав помощи своему подчиненному, хотя его решение было, вероятно, единственным правильным решением в подобных обстоятельствах.

Однако временный подъем духа, вызванный героическим поведением Нея, быстро кончился, когда из Борисова пришли плохие вести, доставленные в ставку на Бобре 22 ноября. Оказалось, что накануне, после десятичасового храброго, но безнадежного сопротивления против целых трех дивизий армии Чичагова генерал Домбровский утратил контроль над важнейшей переправой через Березину. Новость была особенно ужасной теперь, после утраты Великой армией понтонного парка. По-видимому, русские уже замкнули ловушку, и Наполеон безнадежно попал в мешок, находясь фронтом к реке, которой владел враг, имея большую неприятельскую армию (Кутузова) в своем тылу и подавляемый третьей силой (Витгенштейном) с севера. Такая критическая ситуация требовала решительных мер. «Вещевые обозы должны быть уменьшены», — гласил приказ по армии, датированный 22 ноября, Толочино. «Все генералы или администраторы, имеющие несколько карет, должны сжечь половину из них и отдать лошадей в артиллерийский парк. Штабу проверить выполнение данного приказа»(20). В тот же день были уничтожены все государственные бумаги Наполеона. Согласно де Сегюру, Наполеон велел принести орлов (со штандартов) всех корпусов и сжечь их. Он сформировал два батальона из 1800 спешенных кавалеристов, из которых только 1150 оказались вооруженными мушкетами или карабинами(21). Пятьсот офицеров, которые еще сберегли своих лошадей, были сведены вместе в Священный эскадрон, в котором полные генералы стали командовать взводами.

Перед Великой армией стояла устрашающая неизвестность. Однако в час грозных испытаний к Наполеону почти полностью вернулась прежняя воля и способ-

ность зажигать своим напором и вдохновением, чего так заметно не хватало в предыдущие месяцы. «Император возвысился над бедствиями, постигшими его, — отмечает Коленкур. — Эти превратности не только не обескураживали его, но, наоборот, выявляли его характерную энергию; он показывал, на что способны высшее мужество и храбрая армия...»(22) Новости об успехах Шварценберга и Рейнье в боях с генералом Сакеном несколько дней назад обрадовали и помогли развеселить его, так же как и сообщение об удачном исходе стычки Удино с частью армии Чичагова на равнине у Лошницы (23 ноября), когда французы захватили большое количество русских запасов и 1000 пленных. Этот бой привел также к тому, что вторично был захвачен сам городок Борисов, хотя храбрые попытки II корпуса отвоевать переправы на Березине оказались неудачными и Чичагову удалось отвести свои несколько растерявшиеся войска на западный берег, уничтожив за собой мосты.

Все же общее положение Наполеона оставалось таким же тяжелым. Мостов не стало, а форсировать Березину было невозможно. Обычно в конце ноября эта река накрепко замерзает, но в 1812 году начало неожиданной оттепели 20 ноября лишило французов надежды перейти Березину по льду. Более того, последовавший паводок кое-где размыл берега и превратил реку даже в еще большее препятствие, потому что грязевые болота около воды делали движение по берегам крайне трудным. К тому же генерал Чичагов подтянул свою армию к сильной, хотя и растянутой позиции, идущей от деревни Брили против Студенки до городка Уша за Борисовом. Поэтому успешно переправиться через Березину, казалось, будет возможно очень нескоро. Император начинал даже приходить в отчаяние и выслал несколько разведывательных групп для рекогносцировки Березины ниже Борисова в надежде найти неохранный мост или брод. Полученные донесения не оставляли надежд; очевидно, все подходы были надежно преграждены.

Но, как оказалось потом, фортуна еще не окончательно покинула Наполеона и его голодающее воинство. Трудности оказались в действительности не такими страшными, как представлялись, ибо (несмотря на то, что общие концепции русской стратегии, очевидно, уже успешно воплощались) были некоторые факторы, непрерывно работавшие в пользу Наполеона. Двадцать третьего октября царь одобрил основной план операций русской армии, но с самого начала предложения его советников не встретили искреннего одобрения человека, призванного их осуществлять, — фельдмаршала Кутузова. План, созданный дворцовыми стратегами царя, предусматривал уничтожение Наполеона тремя четко разделенными стадиями. Вначале фланкирующие силы французов (Виктор, Удино и Вреде севернее главной дороги и Шварценберг — южнее) следовало оттеснить на главное направление отхода Наполеона Витгенштейном (30 000) и Чичаговым (34 000) — каждым со своей стороны. Во-вторых, эти две русские армии должны были соединиться в окрестностях Борисова и на верхней Березине, чтобы перерезать путь отходящему Наполеону, в то время как Кутузов во главе главной армии численностью около 80 000 должен был подойти с востока и юга, чтобы хлопнуть ловушку. Наконец, план предусматривал всеобщее наступление всех русских сил, чтобы завершить уничтожение Великой армии.

Вплоть до последней недели ноября все шло удовлетворительно с точки зрения русских. Правда, Шварценберг вышел из мешка из-за своего неожиданного марша на помощь Рейнье, но это же удалило его с расстояния, откуда он мог оказывать поддержку Наполеону, что сильно облегчило Чичагову захват Минска, а затем и мостов в Борисове. На северном фланге силы Вреде около Глубокого были еще вне сетей Витгенштейна, но действия Удино и Виктора не выходили за рамки русского генерального плана. В то же время главная армия Кутузова осторожно переходила Днепр в тылу у Наполеона. Таким образом, почти 140 000 русских со всех сторон теснили остатки сил Наполеона. Но их наступление было для русских

крайне трудным. Все три русские армии почти так же сильно страдали от изменчивости погоды, как и французы, и снабжение у Кутузова было почти таким же плохим, как и у Наполеона. По фактическим оценкам, Кутузов, прежде чем достиг Березины, потерял не менее 30 000 человек из-за отставания уставших солдат и дезертирства. Отчасти из-за этих неблагоприятных обстоятельств, а частично из-за почти мистической ауры непобедимости, все еще окружавшей имя Наполеона, ни один из этих троих русских генералов не проявил достаточно настойчивого желания помериться силами в открытом бою с Наполеоном. Есть много свидетельств о том, что все три командующих попросту медлили все дни, непосредственно предшествовавшие сражению на Березине, а больше всех — сам Кутузов. Боевая репутация французской армии была все еще высока, а русские силы еще несли шрамы Малоярослава, Вязьмы и Красного, доказавшие, что, как говорили, «орлиные когти и клюв были все так же остры, несмотря на обшипанные перья». Кроме того, у Кутузова были сильные внутренние сомнения, так ли уж хорош для высших интересов России будет полный разгром Наполеона. Генерал Вильсон, британский офицер связи при русской армии, записал одно замечание фельдмаршала, подтверждающее такое впечатление. «Я ни в коей мере не уверен, что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего мира: первенство достанется не России и не какой-нибудь другой континентальной державе, но только той, что уже и так является царицей морей (Англия), чье владычество тогда станет невыносимым»(23).

Таким образом, Кутузова мучили сомнения относительно русской стратегии и в теоретическом и в практическом плане. Его осторожности и колебаниям в воплощении последующих этапов плана Александра было суждено сыграть важную роль в исходе операций на Березине. В глубине души он предпочел бы, чтобы отход Наполеона так и продолжался бы до самой Польши, где все ужасы русской зимы уничтожили бы французские силы ничуть не хуже большого сражения, причем можно было и не проливать столько русской крови. Кутузов не имел никакой возможности узнать, какова в этот момент эффективная численность французских войск, так как прощупывающие рейды казачьих патрулей приносили совершенно противоречивые сведения из-за толп отставших французов и союзников. В силу этого он решил, что следует избегать ненужного риска, и особенно не спешил, пока вдруг не оказалось слишком поздно задерживать французов на речном рубеже.

Глава 73

БЕРЕЗИНА

Двадцать третьего ноября Наполеону снова улыбнулась удача — удалось придумать способ переправы через Березину. Некий бригадный генерал Корбино, вначале командовавший отрядом легкой кавалерии из II корпуса, затем переведенный к генералу Вреде, охранявшему подступы к Вильне, для проведения боевой операции, получил приказ выйти из Глубокого и воссоединиться со своей частью. Направляясь на восток, он несколько раз чуть не попал в расположение русских войск, но наконец добрался до западных берегов Березины. Вскоре он обнаружил, что противник удерживает мосты в Борисове, но его солдаты нашли одного крестьянина, который показал дорогу к броду напротив Студенки, около восьми миль к северу от Борисова, где глубина реки была три с половиной фута. Корбино немедленно переправился на другой берег и к 24 ноября доложил о своем интересном открытии маршалу Удино, и тот сразу же сообщил об этом императору.

Наполеон и ставка в этот момент были около Лошницы. Он немедленно оценил все значение этого известия. До этого момента он обдумывал два из возмож-

ных путей действия. Выйдя из Орши, он прежде всего хотел форсировать Березину у Борисова с целью дальнейшего продвижения к Минску и соединения с силами Шварценберга для окончательного броска. Однако захват и уничтожение мостов в Борисове Чичаговым делали этот план невыполнимым. Более того, все старания найти другое место переправы ниже по Березине к Бобруйску оказались бесполезными. Вторым планом императора была попытка уйти к северу, в направлении позиций Вреде, и оттуда двигаться к Вильне, отбрасывая по пути части армии Витгенштейна. Но отсутствие хороших дорог, измученные солдаты и непролазная грязь из-за оттепели сделали бы такую попытку крайне рискованной или даже роковой из-за возможных задержек. Поэтому он крайне обрадовался, узнав об этой третьей возможности, которая представилась ему неожиданно очень своевременно благодаря открытию Корбино. Он начал немедленно готовить план переправы у Студенки, которая была намного ближе и к теперешнему расположению армии, и к далекой Вильне. И все же это было опасным и отчаянным решением.

Он не надеялся, что это будет легкой операцией. Во-первых, армия была почти полностью лишена переправочных средств благодаря сожжению повозок и понтонных средств в Орше, и во-вторых, силы адмирала Чичагова были растянuty вдоль всего речного рубежа от деревни Брили до Собачевичей. Было необходимо отвлечь от Студенки русских на крайнем северном фланге, чтобы можно было попытаться навести мосты. Но это уже являлось военной задачей, столь милой сердцу Наполеона. Он занялся ею с пылом, характерным для периода его расцвета. Выработанный им детальный план был тщательно продуман.

Было намечено сначала провести ряд демонстраций в нескольких пунктах вдоль реки — напротив Стахова, у Борисова и Ухолоди далее к югу; они должны были отвлечь внимание адмирала Чичагова от Студенки. Затем небольшой отряд кавалерии и легкой пехоты под командованием Корбино должен был перейти реку вброд на лошадях, переправиться на плотах и организовать промежуточную позицию для отхода на западном берегу напротив Студенки. Одновременно генералы Шасслу и Эбле (инженерные войска) должны были собрать все бревна, древесину и вообще все деревянное, не останавливаясь даже перед разборкой изб Студенки. Как только стемнеет, Эбле должен был соорудить три моста со всей возможной скоростью. Тем временем в задачу корпусов маршалов Виктора и Даву входило задержать Витгенштейна, шедшего от Кострицы, и авангард Кутузова у реки Бобр, чтобы дать время остальным соединениям и материальной части армии, не говоря об орде сопровождавших армию гражданских лиц, подойти через Борисов к окрестностям Студенки и мостам.

Император требовал, чтобы мосты могли использоваться и днем и ночью. Как только будет построен первый мост, по нему должен будет пройти корпус Удино, чтобы образовать защитный фланг против Чичагова в окрестностях Стахова. За ним должен был быстро последовать Ней, которому предстояло занять позиции на левом фланге II корпуса. Затем по мостам перейдут гвардия и генеральный штаб и образуют резерв около деревни Брили, немедленно за ними перейдет IV корпус Евгения, направляющийся к северному флангу к Зембину, чтобы он был готов отразить любую попытку Витгенштейна напасть с того направления. Затем Даву должен был переходить по мостам в интервалах между дивизиями Виктора. Наконец, Виктор, уйдя из Борисова, должен был передислоцировать свой аррьергард на узкую позицию перед мостом около Студенки и приготовиться к окончательной эвакуации. Самый последний, генерал Эбле, должен был поджечь мосты, и тогда вся армия отправится в путь через Зембин к Вильне, где она окажется в безопасности.

Это был тщательно продуманный план, но многое в нем зависело от того, как будет реагировать противник на эти действия. Однако удивительно, что в приказах императора отсутствовало упоминание об эвакуации тысяч несчастных оставших и гражданских лиц, следовавших за армией; предполагалось, что они перебе-

рутся через Березину с остатками транспорта в интервалах между боевыми частями. Оказалось, что невнимательность к тем, кого Наполеон не учел в своих планах, обрекло много тысяч людей на муки и гибель.

Решающим фактором в этой операции была быстрота, и приготовления были немедленно начаты. От большого мороза ночью 24—25 ноября грязь на берегах Березины затвердела, что облегчило работу саперов, и генерал Эбле принялся за дело, умело маневрируя своими скудными ресурсами для крайне важной задачи. К счастью, он ухитрился спасти из костров, в которых погиб его понтонный поезд в Орше, «...две полевые кузницы, две повозки с углем и шесть крытых повозок с инструментами и гвоздями»(24). Эта запасливость помогла сделать его задачу осуществимой, хотя в конце концов оказалось, что имевшихся у армии ресурсов хватило на постройку только двух из трех предполагаемых мостов. Как только начало темнеть, его солдаты принялись раскатывать бревна из изб Студенки и начали строить из них первые ряжевые опоры моста.

Однако перед тем как начать собственно перекрытие реки, было необходимо отвлечь внимание противника на какой-то другой сектор. В течение 25 ноября были выполнены различные «демонстрации». Самым удачным было тактическое отвлечение, проведенное около Ухолоди. Здесь отряд кирасир Удино вместе с пехотой, несколькими пушками и большой толпой беженцев спустились на берег реки и ухитрились устроить такой шум, что создавалось полное впечатление лихорадочной постройки моста. Адмирал Чичагов немедленно попался на эту удочку. Во всяком случае, он и без того уже получил сбившую его с толку депешу от Кутузова, в которой его предупреждали, что Наполеон скорее всего попытается переправиться через Березину около Бобруйска. Бурная «деятельность» Удино вполне подтверждала впечатление, что главные действия французов будут направлены на лагерь Чичагова южнее Борисова. Поэтому, невзирая на протесты многих офицеров, адмирал приказал своей армии отойти к Собачевичам, бросив позиции напротив Студенки и Борисова.

Французские штабные офицеры, с тревогой изучавшие в подзорные трубы противоположный берег в окрестностях Студенки, едва могли поверить своим глазам, когда увидели, что русские снимаются с лагеря и уходят на юг. Генерал Рапп бросился к Наполеону с доброй вестью. «Я перехитрил адмирала! — воскликнул император. — Он думает, я сейчас нахожусь в том месте, где приказал провести отвлекающий маневр, — он направляется к Борисову!»(25)

Приманка подействовала на легковверных русских, и французы немедленно принялись за работу. Десантная группа Корбино вплавь и вброд перебралась в ледяной воде на противоположный берег, и вскоре его 400 человек оттеснили последние задержавшиеся казацкие патрули, которые являлись арьергардом Чичагова. По левому берегу была подтянута мощная батарея из 44 пушек, прикрывавшая строящиеся мосты, и короткой канонады оказалось достаточно, чтобы заставить замолчать две русские пушки, оставшиеся близ переправы. Наступила очередь Эбле и его 400 саперов. Всю ночь с 25-го на 26-е они готовили ряжевые опоры и настил для перекрытия Березины, имевшей здесь ширину около 100 ярдов. Трудностей было очень много, но упорство и изобретательность преодолели все. Саперы по нескольку часов подряд работали стоя по шею в ледяной воде, устанавливая 23 пары опор на дно, и дело шло хоть медленно, но с хорошими результатами. На рассвете 26 ноября Наполеон находился у мостов, следя за работой, где он и провел чуть ли не весь день, ободряя саперов. В час дня был закончен первый мост, и немедленно 11 тысяч солдат маршала Удино и генерала Домбровского перешли на противоположный берег, в сопровождении дивизии кирасир Дюмерка, с двумя легкими пушками. Усилилась работа на втором, более капитальном мосту, и вскоре после трех часов дня и он открылся для движения. По нему немедленно переправилась артиллерия Удино и гвардия.

Генерал Эбле со своим небольшим отрядом саперов завершил свое дело после двадцатичасовой безостановочной работы, однако на этом их задача не кончилась. Из-за того, что пришлось обходиться подручными материалами, оба сооружения оказывались неизбежно недостаточно прочными, и саперы были разделены на бригады, которые вели непрерывное наблюдение и занимались починкой мостов. До рассвета 27 ноября произошли три аварии, которые были поочередно ликвидированы энергично и самоотверженно работающими саперами. Действия французских инженерных частей достойны высших похвал: их преданность своему делу, стойкость и героизм были важнейшими факторами в спасении остатка французской армии. Но только сорока из саперов было суждено выжить в этой кампании, а сам генерал Эбле погибнет уже через несколько недель. Более, чем кто-либо другой, генерал Эбле может быть назван подлинным героем Березины.

Удача продолжала улыбаться Наполеону. Отряд Удино вскоре занял сильную позицию около Стахова, находящегося всего в шести милях от Борисова, но пока еще не было видно никаких признаков того, что адмирал Чичагов заметил свою ошибку. Кавалерии Удино также удалось захватить несколько деревянных мостов на гати, ведущей к Зембину, за которым начиналась главная дорога от Минска к Вильне. Если бы эти мосты были разрушены русскими или надежно ими охранялись, Наполеону пришлось бы испытать огромные трудности при движении от Березины. Тем временем на левом берегу реки генерал Витгенштейн крайне медленно преследовал войско Виктора, совершавшего постепенный отход. Когда же наконец русские стали проявлять большую активность, они направились не к Студенке, а к Борисову. Но главные силы войск Кутузова находились еще очень далеко, большая часть не ближе Копыси на Днепре, и даже авангард был на значительном расстоянии от Бобра.

В это время численность боеспособных сил Наполеона сильно пала (точная цифра неизвестна). Когда Великая армия вышла из Орши, она насчитывала, вероятно, 25 000 строевых солдат, 110 пушек и 40 000 отставших солдат. После этого к Наполеону присоединились относительно свежие и многочисленные силы Удино и Виктора, что значительно повысило боеспособность французов, и к 27 ноября, вероятно, у него было еще около 49 000 солдат под ружьем: в гвардии — 8500; в корпусах: в I — 3000, во II — 11 000, в III — 3000 (после добавленных подкреплений), в IV — 13 500, в V и VIII корпусах вместе 1500, в IX корпусе 13 500; в главном штабе 2500; в кавалерии — 5500. Уцелели еще 250—300 пушек. Разумеется, оставалось еще много вывозимого имущества, так как за уничтожением повозок в Орше не слишком следили. В это время русские, вероятно, располагали 75 000 регулярных солдат и казаков в пределах досягаемости Березины. Количество войск у Кутузова, который все еще находился достаточно далеко от нее, невозможно было учесть.

Основной переход по мостам совершался всю первую половину дня 27 ноября. В час дня Наполеон перевел весь штаб на западный берег, затем последовала гвардия, занявшая позицию около Брилей. Переход шел вполне упорядоченно вплоть до 4 часов дня, пока не сломался артиллерийский мост, у которого разрушились три опоры. Стройно идущая колонна разом превратилась в истерическую толпу, и вся оставшаяся масса бросилась к единственному мосту, давая друг друга, что привело к нескольким сотням смертей. Капитан Рёдер, очень слабый и больной, чуть было не разделил их судьбу и был чудом спасен благодаря преданности своего дивизионного старшины, увидевшего, как он еле удерживается на ногах в этой давке, и вытащившего его из этого скопища людей. К вечеру порядок был восстановлен, и оба моста снова могли служить для переправы, но подходы к мосту были безнадежно завалены горами трупов и обломками повозок. Саперам генерала Эбле пришлось буквально прорубать проход через эту страшную преграду, чтобы дать пройти IV и I корпусам в течение вечера. Как только

эти войска очутились на противоположном берегу, мосты опустели. Генерал Эбле тщетно уговаривал ближайших из отбившихся от своих частей солдат воспользоваться затишьем и безопасно перебраться по мосту на тот берег. Но истерия сменилась полной апатией, и все эти нестроевые солдаты сбились, дрожа, в тесную толпу у берега и пытались согреться, сидя вокруг костров, которые им удалось развести. Так приказ императора использовать мосты и днем и ночью не был выполнен, и громадная толпа этих несчастных упустила, может быть, последнюю возможность перебраться в относительную безопасность. Если бы император лично проявил больше внимания к переправе и находился бы с нею рядом, следя за переходом людей, что-нибудь могло бы быть сделано для спасения многих. Но его вспышка энергии уже кончилась, и с 27 ноября он уже не участвовал активно и даже не интересовался, как заканчивается переправа. Жестокий мороз сковал ночью всех в армии, усугубляя страдания каждого, особенно когда к рассвету повалил густой снег.

Но все-таки в целом 27 ноября Наполеон считал удачным днем. Большая часть армии благополучно перебралась на западный берег Березины, и только IX корпус еще оставался на восточном.

Все попытки неприятеля помешать переправе были успешно отбиты. К концу дня 26-го Чичагов наконец понял свою ошибку и двинулся обратно к Борисову, так что на следующее утро он смог напасть на Удино всеми своими силами. Весь день на южном фланге бушевал ожесточенный бой, но маршалу Удино удалось стабилизировать свою линию у деревушки Завинки, уступив значительную территорию. На противоположном берегу реки Витгенштейн смог оттеснить Виктора назад к рубежу Веселово — Борисов (окраина города), но IX корпус крепко держался, не рассыпаясь, и Наполеон во второй половине дня мог спокойно приказать баденской бригаде дивизии генерала Дандельса переправляться через реку. Войска Кутузова еще не появились, хотя с 26 ноября он гнал вперед свои войска со скоростью 21 миля в день, очевидно запоздало изменив свои намерения, и его авангард уже дошел до Бобра. Однако ни одной части его войск не было суждено участвовать в какой-нибудь стадии сражения при Березине. Учитывая все обстоятельства, Наполеон справедливо считал, что у него есть все основания поздравить себя с исходом дня. «Voilà comment on passe un pont sous la barbe de l'ennemi»¹, — похвастался он.

На рассвете 28 ноября — в последний день операции — на обоих берегах реки было оживленное движение. На восточном берегу нестроевые столпились у мостов и снова стали пытаться перейти на другой берег. Затем Витгенштейн утром в начале девятого мощно атаковал арьергард Виктора, наступая с трех сторон. Вскоре IX корпус оказался в тяжелом положении. Виктор разместил своих солдат вдоль гребня холмов позади Студенки, причем один фланг находился на речном берегу, центр — за ручьем, но левый фланг как бы завис в воздухе, прямо напрашиваясь на окружение. Отчасти это было вызвано непредвиденной нехваткой живой силы, так как отсутствовала целая дивизия. Ею командовал генерал Партонно, и последний раз их видели накануне вечером около Борисова, когда он получал приказ оставить город рано утром 28-го и отступить к Студенке. Этот маневр был соответственно начат им в три часа ночи, но, к несчастью, генерал выбрал неверную дорогу на перекрестке и повел своих солдат как раз в самый плотный сектор армии Витгенштейна. Мало-помалу он понял, в какое попал положение, и, остановив свою колонну, Партонно выехал со штабом вперед на рекогносцировку, стремясь выяснить, где же он находится, и угодил прямо в позиции русского кавалерийского отряда, взявшего генерала и его штаб в плен. Его дивизия, лишившись генерала, так и простояла на своей позиции всю ночь, в полном неведении о его судьбе, но с рассветом солдаты в колонне увидели, что они окру-

¹ Вот как переправляются под самым носом у неприятеля (фр.).

жены со всех сторон и что им остается только сдаться в плен. Таким образом, 4000 хорошо вышколенных пехотинцев, 50 кавалеристов и 4 пушки бесславно попали в руки русских, и только 160 солдатам удалось добраться до линии Виктора. Когда Наполеон узнал об этом, он был одновременно и взбешен и огорчен. Это неожиданное несчастье — худшее, что случилось за всю трехдневную операцию, с точки зрения французов, — лишило его удовлетворения общим положительным результатом.

Однако, очевидно, было необходимо усилить левый фланг герцога Беллуно, не тратя времени на обвинения. Наполеон приказал своей баденской бригаде, отозванной накануне днем, снова перейти обратно на оставленный основной массой берег, что оказалось почти невыполнимым. Баденцам пришлось перенести невероятные трудности, пробиваясь против течения озверевшего человеческого потока, рвущегося по мостам на противоположный берег, и, хотя пехота наконец перебралась, перевезти пушки было совершенно невозможно. Но и это пополнение оказалось крайне желанным для Виктора и помогло ему удерживать свои позиции большую часть дня. Тем временем на западном берегу шел ожесточенный бой, по мере того как Чичагов снова стал всеми своими силами напирать на редующую линию Удино. Какое-то время даже стало казаться, что II корпус сломится под этим давлением. Положение сделалось настолько серьезным, что в один из моментов император приказал старой гвардии — своему священному резерву — выступить на помощь Удино. Однако этот отважный военачальник все-таки смог укрепить свою пошатнувшуюся линию до подхода гвардии и затем остановить наступление противника. В это время он был тяжело ранен, но маршал Ней был близко и тотчас же принял от него командование. Затем кирасиры Дюмерка закрепили успех блестящей атаккой, в результате которой было выведено из строя 2000 русских, и вся их армия откатилась назад к Стахову. Этот энергичный удар оказался слишком силен для адмирала Чичагова, и в этот день он уже больше не делал попыток возобновить боевые действия. Французская кавалерия доказала свою стойкую боеспособность и заслужила честь разделить лавры Березины с инженерными частями. Никакому полководцу не служили так верно солдаты и офицеры, как Наполеону на Березине.

К полудню центр событий переместился к мостам, соединявшим оба берега Березины. Русские обошли левый фланг стройного арьергарда Виктора и с помощью нескольких батарей начали стрелять по толпам беженцев, запрудившим подходы к мосту. Одного залпа было довольно, чтобы повторилась позорная сцена предшествующего дня. Паника охватила людей, которые сбились в плотную массу шириной в три четверти мили, когда каждый начал продираться в давке к мостам. Те, кто еще имел повозки, прищпоривали лошадей, не обращая внимания на людей, которых давили копыта и колеса. Тысячи валились с мостов в ледяную воду и погибали. Дальше случилось еще более страшное. «В разгар этого ужасающего беспорядка, — пишет де Сегюр, — артиллерийский мост не выдержал и сломался. Толпы людей, напиравших сзади, не зная об этом бедствии и не слыша криков людей перед собой, продолжали напирать, сталкивая передних в пролом и в свою очередь валиясь вслед за ними»(26). Это была сцена, как бы взятая из нижних кругов Дантова ада. Особенно ужасным стал беспорядок, перешедший в чудовищный хаос, когда отчаявшаяся толпа бросилась к единственному оставшемуся мосту.

Однако охват русскими левого фланга Виктора оказался недолговечным, так как размещенная по приказу императора мощная батарея на правом берегу реки стала поливать продольным огнем фланг русских войск, пока они не откатились назад. На этом этапе сражения кавалерия Фурнье покрыла себя неувядаемой славой в следующей успешной атаке из-за левого фланга Виктора. Когда наступил вечер, IX корпус все еще удерживал позиции, прикрывавшие мосты. В 9 часов пришел приказ Виктора на отвод его людей. Снова саперам генерала Эбле при-

шлось прорубать путь через человеческие тела и обломки транспорта, преграждающие доступ к мостам для усталых солдат IX корпуса. Только в час ночи 29 ноября последние соединения завершили переход. Снова Эбле убедительно обратился к толпе апатичных нестроевиков, прося их перейти мосты вслед за маршалом Виктором, но и на этот раз несчастные предпочли остаться на ночь, сбившись в тесную кучу на дальнем берегу в состоянии жалкого безволия и бессилия.

На рассвете 29 ноября последние солдаты арьсгарда IX корпуса прошли по мосту, и теперь все боеспособные силы французской армии благополучно собрались на западном берегу. Затем генерал Эбле, невольно оттягивавший время в надежде, что хоть кто-то из этих обессиленных человеческих существ все-таки проявит волю и захочет спастись, был вынужден отдать неизбежный приказ, чтобы мост был подожжен в девять часов. Мгновенно мосты заполнились вопящей, бегущей, дерущейся массой людей, наконец понявших опасность, когда стало слишком поздно. Некоторые несчастные погибли в огне, а затем с шипением, в облаке искр, мосты обрушились в Березину вместе со своим обреченным грузом. Переправа через Березину закончилась; груды замерзших тел надолго загрозили реку.

Несомненно, Наполеон мог считать это стратегической победой. Вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, то, что еще оставалось от его армии, было выхвачено из катастрофы, и перед сильно поредевшими рядами воинов открылась дорога на Вильну. Точные данные о людских потерях уже никогда не станут известны. Вероятно, за эти три дня операции французская армия потеряла убитыми и ранеными от 20 до 30 тысяч человек; больше всего пострадали II и IX корпуса, утратившие больше половины своего состава, находясь на своих ответственных постах защиты передовых позиций. Кроме убитых в боевых действиях, погибли до 30 000 нестроевых, и не только при переправе, но большое количество их, попавших в плен к русским, почти все до одного погибли вскоре от холода и голода. В руки казаков попало много добычи, среди которой оказалось только 25 пушек. За это же время русские потеряли не менее 10 000 убитыми и еще больше ранеными.

Но по крайней мере, Наполеон предотвратил повторение трагедии Каудинского ущелья¹. Успех французов был в большей мере обусловлен бездействием противника и самоотверженной службой трех его подчиненных: Эбле, беззаветного строителя мостов, Удино, нашедшего место для переправы, защитника южного фланга, и Виктора, командира неустрашимого арьсгарда.

Командующие обеих сторон не избежали серьезных ошибок. Наполеон дал возможность подчиненным сжечь понтонный парк в Орше (даже если это было сделано случайно). Он виноват в том, что провел пассивно несколько критических дней в середине ноября, ожидая, пока подчиненные пришлют сообщения о наличии мест переправы через Березину (в прежние времена Наполеон сам отправился бы на рекогносцировку). Его особенно тяжкая вина в том, что он ничего не сделал для сохранения жизни своих раненых и других нестроевых солдат, когда он не стал лично руководить операцией по переходу через готовые мосты. К положительным сторонам его действий относится его план всей операции, показывающий его мастерство в области общевойсковой тактики, искусно сочетающий факторы внезапности, быстроты и наступательности; это свидетельствовало о том, что хоть и не надолго, но к нему снова вернулись вдохновение и энергия прошлых лет.

Трудно понять медлительность Кутузова вплоть до 26 ноября, если не видеть в этом намеренного желания дать Наполеону уйти за Березину. Его противоречивые приказания своим подчиненным, особенно Чичагову, были основной причиной потери, казалось бы, неизбежного и полного успеха. Как писал Клаузевиц вскоре

¹ В 321 году до н.э. римская армия была зажата в дефиле этрусками, и каждому человеку пришлось сдаться в плен и пройти под «иглом», сделанным из трех связанных вместе копий, символизирующих позор. (Примеч. автора.)

после Березины, «Бонапарт спасся с 40 000 людей, как если бы высшая сила решила не уничтожить его полностью на этот раз. Он был загнан в положение, где, казалось, должен был погибнуть. Если бы адмирал Чичагов только удержал свои позиции у Зембина... со своими 10 000 солдат, его нельзя было выбить оттуда, и тогда для французов стало бы слишком поздно отступить по любой другой дороге. Через сутки голод — более сильный командир, чем даже Наполеон, — сделал бы свое дело, и французская армия должна была бы погибнуть»(27). Большая ошибка русских — сохранение жизненно важной дороги от Березины к Зембину, которую необходимо было уничтожить. Это была грубая небрежность со стороны ответственного командования русских. А тот факт, что успех или провал всей французской операции зависел от этой единственной гати, показывает, какую рискованную игру вел Наполеон.

Глава 74

НАЗАД К ЭЛЬБЕ

На последних этапах русской кампании не произошло ничего существенного с военной точки зрения. Количество уцелевших при Березине французов быстро таяло под давлением казаков, а также из-за русской зимы. Еще до окончания боев 28 ноября Даву и Евгений уже проходили через Зембин, направляясь на запад; на рассвете следующего дня к ним присоединились император, гвардия, затем Виктор и Ней. В это же время генерал Вреде оставил Глубокое и отступил к Докшицам, намереваясь соединиться с императором восточнее Вильны, но его силы численностью 11 000 убывали почти так же быстро, как и основная армия. Тридцатого ноября IX корпус насчитывал уже лишь 60 кавалеристов и 3300 пехотинцев. Вначале скорость отступления была ужасающе медленной, но обстоятельства заставили уцелевших ускорить движение — 29 ноября русский кавалерийский отряд под командованием генерала Ланского успел обогнать французскую колонну и атаковать городок Плешеницы на их пути. Русские едва не захватили там раненого маршала Удино, с остановками добиравшегося до своей родины; но этот неустрашимый воин, невзирая на рану, организовал со своими пятнадцатью товарищами такую умелую оборону, что противнику вскоре пришлось оставить городок. Однако этот случай послужил предупреждением о том, что может случиться со всей армией, если она будет слишком вяло продвигаться.

В следующие четыре дня шли непрерывные арьергардные бои с настигавшими французов войсками корпуса генерала Чаплица из армии Чичагова, в то время как армия Витгенштейна двигалась параллельно направлению движения Наполеона. Второго декабря у французов оставалось только 13 000 человек, и дезорганизация армии стала полной по мере ухудшения погоды. Третьего декабря штаб достиг города Молодечно, а в конце колонны маршал Виктор очень неохотно принял от Ней трудные обязанности командира арьергарда. За несколько дней до этого от первоначальных войск Ней осталось всего 100 человек, и герцог Эльхингенский решил отослать тщательно сохраняемых орлов III корпуса в относительную безопасность, на попечение императорской ставки.

В Молодечне Наполеон продиктовал свой последний приказ в этой кампании. Он также составил обширный 29-й Бюллетень Великой армии и отослал его в Париж для опубликования. Этот документ имел целью сообщить о распаде армии и предотвратить влияние чрезмерно пессимистических частных писем из армии домой. Было сообщено многое об истинном положении армии, но все было изложено крайне обдуманно. Как и следовало ожидать, Наполеон возлагал вину за катастрофу на погоду, хотя это было сильным искажением правды: настоящие лютые

морозы начались уже после Березины, а армия потеряла большую часть людей за несколько недель до переправы. Бюллетень заканчивался весьма любопытной фразой: «Здоровье Его величества никогда не было таким прекрасным»(28). Нет сомнения, что главной идеей такого заявления было уничтожить все слухи об обратном — подобно тем, что привели к печально известному заговору Мале за месяц до этого. Однако весть о том, что здоровье Наполеона не оставляет желать лучшего, вероятно, было слабым утешением буквально для сотен тысяч вдов и сирот, утративших мужей и отцов с 22 июня 1812 года.

Рано утром 5 декабря Наполеон достиг Сморгони. Здесь в семь часов вечера он провел последнее совещание со своими маршалами. На нем присутствовали Мюрат, Евгений, Бертье, Лефевр, Бесьер, Мортье, Ней и Даву. Император сразу изложил сущность дела. Он решил, что для него пришло время оставить армию и вернуться в Париж. Он сообщил, что во Францию его будут сопровождать только Коленкур, Дюрок, Лёбау, его камердинер Рустам и поляк-переводчик, а также небольшой эскорт неаполитанской кавалерии. Они поедут только в трех экипажах — в дормезе, где можно спать, и двух колясках. Император будет ехать инкогнито, в роли первого секретаря Коленкура. Его отъезд должен оставаться секретом в течение нескольких дней, а затем должен быть обнародован императорский декрет о необходимых изменениях в командовании. «Статья первая: король Неаполитанский назначается заместителем главнокомандующего и будет командовать Великой армией в наше отсутствие»(29). Сообщалось, что император направился в Варшаву. Его адъютанты поочередно должны были ежедневно доставлять ему известия.

Хотя маршалы и ожидали этого, однако сообщение явилось для них все же ударом. Бертье был в особенности безутешен, из-за того что его не избрали сопровождать хозяина на запад, но все-таки все единодушно согласились, что Наполеон принял правильное решение. Некоторые историки пытались изобразить это решение императора как верх низости, подобно тому, как тринадцать лет назад он бросил свою Египетскую армию. Однако большинство его современников и почти все поздние историки соглашались, что это было необходимым и разумным шагом. Во-первых, его непрерывное пребывание в Великой армии уже не служило никаким полезным целям; он был вместе со своими войсками, преодолевая последнее серьезное препятствие перед Неманом, и теперь был вполне уверен, что его подчиненные могут обеспечить последние этапы отступления. Во-вторых, было очевидно, что настоятельно требуется его безотлагательное появление в Париже, если он хочет собрать новые армии и обеспечить себе поддержку общественного мнения после понесенного несчастья. «При существующем состоянии дел, — сказал он Коленкуру, — я могу еще управлять Европой из Тюильри»(30). Была также реальная опасность того, что его континентальные союзники могут решиться на измену и даже попытаться помешать его возвращению из Польши, если он будет и далее медлить. «Мое возвращение необходимо, — сказал он генералу Раппу. — Я должен следить за Австрией и пресекать замыслы Пруссии»(31). Итак, в десять часов вечера 5 декабря император простился со всеми и сел в коляску. Через пять дней он был в Варшаве, едва избежав стычки с партизанским отрядом русских; 14 декабря он приехал в Дрезден и вечером 18-го прибыл в Париж.

Неожиданное возвращение Наполеона вызвало сенсацию и, как и ожидалось, ослабило настроения пораженчества, начавшие было распространяться в столице Империи. Как писала мадемуазель Аврийон, «плохие новости, получаемые из армии, заставили наших придворных серьезно задуматься... ибо, как они рассуждали, неслыханная катастрофа кампании 1812 года должна принести неведомые плоды, влекущие за собой падение завоевателя; поэтому было правильно, что каждый принимал меры предосторожности, обеспечивая себе тихую пристань на случай шторма». Такова была царящая атмосфера, «...когда — о чудо! — внезапно, без всяких предупреждений, в тот самый момент, когда никого бы не изумила весть

о смерти императора, появился курьер, объявивший, что его величество только что прибыл в Тюильри. И тогда все лица просветлели, как если бы была одержана великая победа. Каждый придворный начал выказывать больше искренней радости, больше преданности, больше энтузиазма по отношению к Наполеону, чем когда-либо»(32).

Если решение Наполеона вернуться в Париж было оправданно с военной и политической точек зрения, его выбор Мюрата в качестве своего преемника по командованию Великой армией был менее удачен. Коленкур и другие влиятельные лица стояли за принца Евгения, который был, безусловно, более популярен среди солдат, чем король Неаполитанский. Неуместная любовь к пышности и гонор Мюрата были бы более уместны при преследовании разбитого врага, чем при руководстве трудным и тяжким отходом с мстительным противником, преследовавшим его войска по пятам. Более того, после не особо уверенного начала военной карьеры Евгений блестяще показал себя как полководец во время кампании, изумив всех знатоков. Бертье же был целиком за назначение Мюрата, и в соответствии с этим Наполеон и принял свое решение. Выбор оказался не из лучших. Мюрат был слишком выбит из колеи всеми предшествующими событиями и непривычной погодой, чтобы проявить свои способности.

Между Сморгонью и Вильной французская колонна потеряла еще 20 000 человек. Начались настоящие жестокие морозы; 5 декабря было минус 20°, 8-го — минус 26°. Между 8-м и 10 декабря еле живые французы достигли Вильны, где их ждало почти неслыханное изобилие: не менее четырех миллионов пайков сухарей, почти столько же мяса, одежда и оружие тоже были в избытке. Однако этот оазис стал доступен не всем; превратившиеся в оборванцев солдаты, похожие на пугал, бושевали у городских ворот, и немало людей было задавлено насмерть в толпе. Еще сотни, дорвавшись до водки и коньяка, напились до бесчувствия и замерзли на улицах. И хотя Мюрат получил от Наполеона указания дать людям не менее восьми дней для отдыха в городе, Неаполитанский король был настолько напуган близостью казачьих отрядов, что приказал выходить из Вильны ночью уже 9 декабря, бросив 20 000 раненых в лазаретах (жертв ранних стадий кампании) на произвол судьбы.

Колонна ползла вперед; 10 декабря большая часть оставшегося транспорта, много пушек и даже денежный ящик армии, содержавший десять миллионов франков, были брошены на обледенелых склонах Понарского холма, которые не могли одолеть измученные лошади. Одиннадцатого декабря они добрались до Ковно, считавшегося непригодным для обороны. К этому времени оружие было только у 7000 человек. Двадцать тысяч оборванных солдат, еще державшихся на ногах, прошли через город, на ходу хватая те припасы, которые могли унести на себе, из богатых, но практически бесполезных для них складов. Даже в гвардии осталось теперь 1600 боеспособных солдат. Ней командовал примерно двумя тысячами, собранными из разных частей, остальные соединения практически исчезли. В Ковно были найдены 42 пушки, но и они оказались бесполезными — не было лошадей везти их; каждый день одна пушка за другой попадали в руки русских. И наконец жалкий остаток бывшей Великой армии вышел из пределов России. Последним, кто, как полагается, прошел через мост, был неустрашимый маршал Ней. Колонна ковыляла по левому берегу Немана к Кёнигсбергу, которого они достигли в последних числах декабря. Русские остановились у государственной границы; всего 40 000 способных нести оружие осталось к этому времени.

Кампания 1812 года практически подошла к концу, но некоторое время оставались еще фланкирующие силы армии Наполеона. Маршал Макдональд получил приказ отступать из окрестностей Риги только 18 декабря, и на следующий день его войска вышли двумя колоннами, направляясь к Тильзиту. Местные русские отряды не оставляли их в покое, и 25 декабря генералу Дибичу удалось от-

колоть вторую колонну, состоявшую из 17 000 пруссаков генерала Йорка и 60 пушек. В течение пяти дней, пока русские и прусские войска стояли друг против друга, продолжались переговоры. Наконец 30 декабря Йорк согласился на знаменитую Таурогенскую конвенцию. В соответствии с ней, он и его солдаты обрели нейтралитет. Это было очень важным событием, возвестившим войну за освобождение Германии. Разумеется, Наполеон пожелал считать отпадение Йорка самым низким предательством, но нет сомнений, что прусский генерал действовал, заботясь о будущих национальных интересах. Макдональд и остатки его корпуса перешли без своих прусских союзников польскую границу и появились в Кёнигсберге 3 января 1813 года, соединившись с частями XI корпуса.

На противоположном фланге генерал Шварценберг и австро-французские войска прекратили преследование разбитых войск Сакена 14 декабря, дойдя до Слонима. Четырьмя днями позже они снова заняли Белосток и оттуда практически беспрепятственно перешли на территорию Австрии, тогда как генерал Рейнье со своими войсками шел к Саксонии. Спустя некоторое время Шварценберг тоже заключил перемирие с русскими.

Царские генералы возобновили свое наступление 16 января. С вновь проявившейся энергией они стали наступать по направлению к Мариенвердеру и начали рассекать надвое французские гарнизоны вдоль Вислы. Мюрат вынужден был приказать своим солдатам уходить с зимних квартир по направлению к Позену. Однако Неаполитанский король не собирался оставаться с войсками в России в столь холодную погоду. Вскоре он передал командование Евгению и отбыл в теплые края — свое Неаполитанское королевство. Затем вице-король Евгений, действуя в соответствии с приказами Наполеона, провел дальнейший отход к берегам Эльбы, которой достигли 6 марта 1813 года.

В сущности, русская кампания бесславно окончилась именно в это время. Французская империя почти вернулась к границам 1806 года; полмиллиона человек и 6 лет усилий, достижений, самопожертвования — все было утрачено в бедствиях одной неудачной кампании. Предстояло еще худшее — приближающаяся война за освобождение Германии обусловит ее посягательства на территорию французской империи. Звезда Наполеона начала закатываться.

Глава 75

ПОРАЖЕНИЕ ГИГАНТА

Первым результатом русской кампании было непоправимое разрушение легенды о непобедимости Наполеона. Поражение в России, неоспоримое владычество Британии на морях, ухудшавшееся положение дел в испанской войне, где полководцы императора тщетно сдерживали новое наступление Веллингтона, — все это порождало надежды у народов и правительства порабощенных держав континентальной Европы. Это привело к новой попытке Пруссии и других государств Северной Германии сбросить иго завоевателя. Через несколько месяцев Австрия тоже уйдет из союза с французами, объединив свою судьбу с Россией и Пруссией. Таким образом, непосредственными следствиями 1812 года были подготовка войны за освобождение Германии и быстрое сужение сферы французского влияния в Европе.

Бедствия 1812 года также оказали крайне пагубное влияние на французский военный потенциал. Из-за огромного масштаба понесенных потерь Наполеону пришлось испытать величайшие трудности для воссоздания своих армий перед лицом грядущей войны с Россией и Германией. Потери Наполеона были ужасающими. Летом 1812 года Вислу перешли не менее 655 000 человек (включая все силы второго эшелона и пополнения), но это огромное воинство истаяло, уменьшившись

до 93 000 человек к новому 1813 году. Самые тяжелые потери понесла центральная группа армий, насчитывавшая в лучший период 450 000 строевых солдат. Только 25 000 оборванных, изголодавшихся солдат из этого громадного объединения вернулись, перейдя Неман. Фланкирующим силам повезло несколько больше; Шварценберг и Макдональд, Ожеро и Рейнье все вместе вывели 68 000 боеспособных солдат из России, значительная часть XI корпуса так и не вышла из Пруссии или Польши. Поэтому Наполеон потерял около 570 000 солдат. Из них, вероятно, 370 000 погибли в бою или умерли от ран, болезней и мороза. Остальные 200 000, включая 48 генералов и 3000 офицеров, попали в плен. Не менее половины этих несчастных затем вскоре тоже погибли. Кроме людской силы, император также потерял более 200 000 специально подготовленных лошадей (включая кавалерию, артиллерию и транспортные службы). Причем эта потеря была менее восполнимой, чем потери в людях, так как, хотя Наполеон потом и оказался способным заполнить большинство брешей в своих рядах, ставя под ружье в 1813 году и пенсионеров и мальчишек, он так и не смог полностью восстановить кавалерию. Этот недостаток будет серьезно ощущаться в остальных кампаниях. Из 1300 пушек, взятых в Россию, только 250 остались у французов в конце кампании (большинство принадлежали фланкирующим силам). Русские захватили 929 орудий, согласно их отчетам; остальные были, очевидно, уничтожены или оставлены в болотах и реках. Однако ресурсы императора, как оказалось, смогли возместить большую часть этих потерь материальной части до начала следующей кампании. Главной проблемой оставались опытные люди и, прежде всего, лошади. Вооруженные силы Франции так никогда и не оправались от понесенных в России потерь.

Потери русских за это же время тоже были далеко не легкими; по оценкам, не менее 150 000 погибли от разных причин и не меньше 300 000 людей были выведены из строя из-за ранений или морозов. За семь месяцев ожесточенных боев пострадало неисчислимое множество русского гражданского населения. Однако к концу года войска царя торжествовали стратегическую победу над Наполеоном, воодушевившую их и поднявшую моральный дух — земля Святой Руси была очищена от захватчиков. У французской армии и народа не было такого утешения. Французские же союзники имели еще меньше причин чувствовать себя спокойно.

Катастрофа Наполеона среди других причин была связана с его ведением операций с точки зрения национальной политики, стратегии и общевойсковой тактики. Таким образом, сочетание сильных и слабых сторон французов и русских объясняет этот ужасающий поворот в судьбе Наполеона, столь удачливой доселе.

С самого начала кампании император сделал серьезные политические ошибки и испытал неблагоприятные последствия нескольких дипломатических ошибок до перехода Немана. Замысел Наполеона был обречен на неудачу с самого момента отдачи приказа о вторжении в Россию. Если угрозы, которую представляло более чем полумиллионное войско на русской границе, было недостаточно, чтобы убедить царя искать соглашения, то, естественно, Александра нельзя было бы принудить к миру военными действиями или оккупацией, когда он вступил в войну. Ибо военные превратности, казалось, только закаляют русскую волю, а бескрайние просторы владений царя делали полное завоевание практически невозможным. Шансы Наполеона на окончательный успех были крайне малы из-за самого характера народа и страны, которую он желал завоевать. Но были еще и более веские факторы большой стратегии, которые обрекали его на возможный провал с самого начала. Во-первых, серьезной ошибкой была попытка вести войну одновременно на двух столь удаленных друг от друга фронтах. Наполеону следовало бы принять все меры к тому, чтобы завершить войну в Испании, прежде чем приниматься за неизмеримо более обширный замысел — русскую кампанию. Пытаться организовать и вести две такие массивные кампании одновременно оказалось безумством. Продолжение испанской войны не только связало 200.000 французских солдат-ветера-

нов и налагало непосильное бремя на ресурсы Франции; оно также заставляло императора угрозами забирать большие людские резервы у союзников для войны с Россией. Это, само по себе, уже было причиной неудач. Прусский и австрийский дворы яростно противились неумолимым требованиям Наполеона, который впутывал их во французскую войну, имеющую целью навязать экономические санкции континентальной системы, которые были так же неприемлемы для Берлина и Вены, как и для Санкт-Петербурга. Их участие, следовательно, в лучшем случае не было добровольным, и эта атмосфера сопротивления и недоверия неизбежно ощущалась не только генералами, но и рядовыми солдатами. Даже с чисто практической точки зрения, это множество языков и типов военного снаряжения в Великой армии 1812 года мешало поддерживать дисциплину, затрудняло передачу приказов и тыловое обеспечение.

Не способствовал взаимодействию союзников и тот факт, что австрийские и прусские силы были призваны служить бок о бок с поляками и литовцами. Польский вопрос являлся еще одним источником ожесточенных трений между Берлином, Веной и Парижем. Вследствие всего этого Наполеону приходилось пытаться сидеть на двух стульях и не удержаться ни на одном. В интересах солидарности союзников он не осмеливался восстановить древнее Королевство Польское, несмотря на мольбы Понятовского и других признанных руководителей поляков. В результате Наполеон никогда не имел полной поддержки поляков и литовцев, тогда как подозрения австрийских и прусских правителей относительно его скрытых намерений оставались такими же глубокими. Таким образом, отношения с союзниками Наполеона были весьма непоследовательны и полны разъедающих нерешенных проблем. Несмотря на внешнее великолепие армии в июне 1812 года, это был великан на глиняных ногах.

Если дипломатическая подготовка Наполеона к войне была слабой, его соперник царь был в этом отношении неожиданно удачлив. Император мог ожидать развития англо-русского entente, но он считал, что оно не будет оказывать большого практического влияния на кампанию, если не говорить о возможной морской интервенции на Балтике. Однако он никак не предвидел, что царь сможет помириться со своими закоренелыми врагами — турками — или сможет снискать помощь (или, по крайней мере, дружественный нейтралитет) у экс-князя и бывшего маршала Империи Бернадота в Швеции. Эти два успешных дипломатических хода русских имели явное влияние на развитие военных событий в 1812 году. Расчеты Наполеона, что крупные русские силы будут связаны в Молдавии и Финляндии, оказались не только совершенно ошибочными, но большое количество их войск вдруг освободилось для активных операций против французов. И адмирал Чичагов, и генерал Штейнгель внесли ощутимый вклад в разгром французов, организовав успешные атаки против чрезмерно растянутых флангов Наполеона. Поэтому на уровне большой стратегии получилось так, что Наполеона все время обыгрывал и «обставлял» его противник.

Но большинство причин французской катастрофы 1812 года находилось, однако, на стратегическом уровне. Несомненно, что одной из важнейших причин разгрома Наполеона была неразрешимая проблема снабжения. Задача накормить и снарядить 600 000 солдат в неприятельской стране была непосильна. Император делал огромные усилия, чтобы обеспечить свои войска достаточной тыловой поддержкой для русской кампании, но они оказались безнадежны. Генеральный штаб допускал грубейшие ошибки, определяя пропускную способность отвратительных польских и русских дорог, а это означало, что каждый конвой достигал своего места назначения с многонедельными, а то и месячными опозданиями. Интенданты переоценили зерновые и кормовые ресурсы России, а также была неправильно определена скорость, с которой могли двигаться огромные стада скота, сопровождавшие армию. Все эти проблемы, имевшиеся с самого начала операций, постепенно

усугублялись по мере хода кампании. А в конце ее перегруженные французские транспортные службы полностью развалились. Склады были расположены слишком далеко в тылу; русская тактика выжженной земли лишала Великую армию даже самых элементарных местных ресурсов, а грунтовые дороги не могли пропускать транспорт в необходимых объемах. Но главные просчеты заключались в недостаточной организации снабжения передовых частей. Недаром отступавшие остатки французской армии находили громадные всевозможные запасы в Смоленске, Вильне, Ковно, русские получили полные склады в Минске и Витебске. Поэтому дело было не столько в нехватке ресурсов, сколько в невозможности доставить и распределить их в передовых частях, что обрекло Великую армию на фактическое уничтожение. Правильность хорошо известного высказывания Наполеона «армия живет своим желудком» подтвердила его собственная русская кампания.

Проблема снабжения относится ко второй серьезной стратегической ошибке Наполеона, которая уничтожила его шансы на успех. Слабость его снабженческих служб особенно проявилась в его решении продолжать наступление от Смоленска на Москву, и оно оказалось той последней «соломинкой, что сломала спину верблюду». Это решение также выявило полный провал начального плана кампании. Прежде чем вступить в Россию, Наполеон отнюдь не собирался идти на Москву. Его открыто признанной целью было заставить армии царя как можно раньше принять генеральное сражение, в идеале — в разрозненных частях, но при необходимости — в объединенном виде. Несколько необычным средством достижения этой цели явилось общее французское наступление, которое шло с самого начала. Специально не назначалось никакой географической цели, и противника не провоцировали совершить первый шаг, как обычно предпочитал Наполеон. Добиться сражения ему не удалось. Все четыре последовательные попытки в первые три месяца кампании заставить русских принять сражение по очереди провалились. Барклай-де-Толли и Багратион успешно избежали ловушек, устроенных для них — для каждого отдельно или вместе в маневрах у Вильны, Витебска, Дриссы и Смоленска. Эти неудачи заставили Наполеона двигаться далее в глубину России, и, когда он наконец достиг Смоленска, так и не добившись большого сражения, он принял последнее азартное решение и решил наступать прямо на Москву. Все последующие беды возникали из этого решения. Военные специалисты почти все соглашались, что французам следовало бы провести зиму 1812 — 1813 годов около Смоленска, накопившая силы и запасы и готовясь возобновить кампанию следующей весной. Однако Наполеон продолжал наступать, невзирая ни на что. Во время этого дальнейшего наступления он все-таки добился своего большого сражения, хотя оно и оказалось бесполезным (из-за отсутствия достаточного количества войск для преследования и уничтожения отступавших колонн Кутузова), и занял Москву, однако этот успех, как и другие, ничего не дал для победы или окончания войны, он только усилил вероятность конечного разгрома французов. Нетерпение и нежелание считаться с реальностями стратегического положения вели Наполеона и его армию к гибели.

По мере того как император гнал свою армию на восток все более длинными форсированными маршами, уничтожая сплоченность своей измученной кавалерии и ломая все административные связи, в игру вступил третий стратегический фактор. Каждая миля продвижения Наполеона стоила ему дальнейшего снижения боевой мощи, пока 7 сентября он не дошел до того, что у него не оказалось достаточного количества солдат, чтобы одержать свою решающую победу. По мере неумолимого растяжения коммуникаций и длины защитных флангов французам приходилось отвлекать все больше сил из первого эшелона на выполнение второстепенных обязанностей — охрану складов, выставление постов, пополнение дорожных патрулей и войск внутренней охраны, обеспечение гарнизонов в городах и эскорта для курьеров и конвоев. Усиливавшиеся подозрения относительно наме-

рений Пруссии также лишали армию участия основной массы XI корпуса Ожеро. Этот постоянный отток людских ресурсов объясняет ту относительную неудачу, что потерпел Наполеон на Бородинском поле; русским было нанесено сильное поражение, но у Наполеона не оказалось средств превратить победу в триумф. Когда он уничтожил почти все свои ресурсы, оказалось невозможным удерживать огромную территорию, номинально находившуюся под его властью. Его слишком растянутые силы были неизбежно чувствительны к опасности контратаки русских.

Решение провести целый месяц в операционном бездействии под Москвой — еще одно обвинение стратегии Наполеона. Периоды бешеного напора в устремлении вперед неизменно чередовались с фазами мертвенного бездействия всю первую половину кампании. Такое затишье под Вильной позволило Барклаю и Багратиону осуществить свой отход к Смоленску; остановка в Москве дала возможность царю собрать свои силы и ожидать прихода «Генерала Зимы». Если Наполеон действительно надеялся, что царя можно будет склонить к заключению мира в сентябре, ему бы следовало организовать еще какие-то дальнейшие операции против Кутузова для придания весомости своим условиям. Вместо этого его бездействие обнаружило подлинную степень его слабости, и к тому же были потеряны четыре жизненно важные недели хорошей погоды. Во всяком случае, он ошибочно думал, что овладение Москвой само по себе приведет к миру. Французская оккупация Вены в 1805-м и 1809 годах сама по себе не вынудила австрийского императора пойти на уступки. Падение Берлина в 1806 году тоже не поставило злополучного Фридриха-Вильгельма на колени. Москва также не стала исключением, тем более что русский царь имел Санкт-Петербург — вторую столицу почти такого же значения.

Последняя стратегическая ошибка была совершена Наполеоном спустя неделю после ухода из Москвы. Его идея направиться на юг от русской столицы к плодородным и неразграбленным калужским землям была достаточно здоровой, но это мудрое и хорошо продуманное решение в конце концов не было выполнено, когда его армия встретила очаг сопротивления у Малоярославца, несмотря на то, что это сражение там закончилось в пользу французов. Весьма сомнительно, что Кутузов, помня о Бородине, принял бы еще одно большое сражение в защиту Калуги. Согласно генералу Вильсону, он уже до этого решил на отход в случае нового наступления Наполеона. Однако Наполеон проявил сверхосторожность, отбросив наилучший шанс спасения, и, уверенный в конечной победе, снова вступил на разграбленную северную дорогу к Смоленску. С этого момента исход кампании не вызывал сомнений.

К непредвиденному фактору, сыгравшему важную роль в этой кампании, следует отнести, конечно, русский климат, хотя он и не имел решающего значения. Безусловно, Наполеон был виновен в том, что не приказал обратить особое внимание на подготовку армии к превратностям погоды в России, однако ошибочно приписывать русской зиме столь важную роль. Войска Наполеона были уже разбиты до того, как начались сильные морозы. Они только увеличили масштаб бедствий. Мороз сам по себе не способствовал разгрому армии. Наполеон пытался списать свои потери на погоду, но это было чисто пропагандистской уловкой. «Моя армия понесла некоторые потери, — сделал он скромное признание в Сенате 20 декабря, — но это было вызвано рано начавшимися морозами»(33). Из этих слов и тона 29-го Бюллетеня Великой армии возник общеизвестный исторический миф.

На самом же деле армия Наполеона понесла такие же тяжелые потери и от жары русского лета, как и от жестоких морозов. Десятки тысяч лошадей в кавалерии и артиллерии пали еще до того, как Наполеон достиг Москвы. Десятков тысяч людей уже не стало в строю из-за болезней и тепловых ударов, когда Бородинское сражение еще и не начиналось. Июльскую и августовскую жару можно было с таким же успехом считать причиной катастрофы, как и ноябрьские и

декабрьские морозы. Погодные условия в начале отхода Наполеона были даже более благоприятными, чем можно было бы ожидать. Первый сильный мороз ударил только 12 ноября, а потом морозы сменились совершенно неожиданной оттепелью, которая оказалась для французов даже более тяжелым испытанием по мере их приближения к решающей переправе через Березину, потому что дороги из-за грязи стали непроходимы, а реки разлились. Войскам не пришлось идти ни по твердым дорогам, ни переходить по льду реки. Этим объясняется огромное значение мостов у Борисова, а также вначале казавшееся самоубийственным решение сжечь французский понтонный парк в Орше, когда начались сильные морозы. «Случилось так, — пишет Марбо, — что морозы, которые в это время года должны были бы превратить воды Березины в хорошую дорогу, прекратились, и река, которую нам предстояло пересечь, была незамерзшей. Едва мы перебрались через нее, как сильный мороз сковал воду так сильно, что лед мог выдержать вес пушек» (34). Действительно, настоящую зиму почувствовали только после 4 декабря, когда температура понизилась очень сильно. Но уже задолго до этой даты Великая армия уже развалилась. Хотя, конечно, и справедливо, что морозы на последних этапах отхода усугубили страдания людей, однако стратегический исход был решен уже давно.

Хотя русские генералы заслуживают похвал за свою выносливость и умение вести боевые действия, все-таки в реальности они не столько одержали победу, сколько им повезло с ней. Хотя нет сомнений, что русская стратегия уступки территории ради выигрыша времени была наиболее эффективной из возможных для борьбы с Наполеоном и нацелена на истощение силы его наступления. Теперь трудно сказать, было ли это обдуманной русской политикой или голой военной неизбежностью. Укрепление русскими речных рубежей по Двине и Днепру до объявления войны, казалось бы, указывало на более статические стратегические намерения. Барклай и Багратион проявили значительное искусство в успешном соединении своих армий в Смоленске и умение ускользнуть от навязываемого сражения, но их последующая вялая попытка начать контрнаступление скорее заставляет думать, что их отступление было обусловлено слабостью, а не являлось обдуманным замыслом. Более того, решение Кутузова остановиться и дать бой перед Москвой больше указывает на существование разногласий в Москве и Санкт-Петербурге, потому что с военной точки зрения это не было здоровой идеей, какова бы ни была ее политическая и национальная мотивация, и русским повезло, что им удалось спастись с поля боя с таким большим боевым составом.

Таким образом, трудно обнаружить последовательно применяемую стратегию в русских операциях в периоде до потери Москвы. После этого появляется определенный план. Очевидно, замысел заключался в том, чтобы как можно дольше давать Наполеону задерживаться около Москвы, а затем провести окружение его армии на удобном речном рубеже, когда наконец он начнет отступать. План был хорош, но его выполнение плохим. По-видимому, у Кутузова не было никакого желания снова помериться силами в бою с Наполеоном, и, очевидно, он намеренно нарушил план сражения, не тесня до последнего уходящие колонны Наполеона. Точно так же и его соратники, Витгенштейн и Чичагов, не особенно хорошо показали себя в событиях возле Березины. Можно утверждать, что своим поражением Наполеон обязан сочетанию собственных просчетов и железному упрямству, выказанному царем Александром в повторных отказах даже обсуждать идею перемирия. Роль русских солдат была второстепенной; налеты казаков и партизанских отрядов приносили больше вреда французам, чем все усилия регулярных полевых армий Российской Империи.

Анализ общевойсковой тактики в этой кампании выявит серьезные недостатки французской стороны. Наполеон лично виноват в большинстве ошибок, совершенных его подчиненными и загубивших его неоднократные попытки добиться по-

беды. Виновата была вся система его управления. Управлять движениями полумиллиона человек было свыше сил одного человека, но Наполеон все же стоял на том, что он должен быть единственным источником всех решений. Его маршалам не позволялось думать или действовать самостоятельно, и поэтому, когда дальность расстояний лишала их всемогущего присутствия Наполеона, они действовали далеко не лучшим образом. Как вспоминает Коленкур, «штаб ничего не предвидел, но, с другой стороны, поскольку император желал делать все сам, в том числе и отдавать каждый приказ, никто, даже генеральный штаб, не осмеливался взять на себя ответственность в отдаче самого незначительного приказа»(35). Поэтому Жером не смог выполнить предлагаемую ему роль в виленском маневре; Макдональд, Удино, Виктор и Сен-Сир не смогли как следует согласовать свои действия против Витгенштейна на Двине, тем самым упустив несколько возможностей уничтожить правое крыло русских; Даву и Евгений медлили, будучи временно отрезанными на отходе по направлению к Вильне, а Шварценберг действовал абсолютно без всякого учета позиций главной армии из-за отсутствия общего руководства.

Хотя император продолжал считаться всемогущим, было много признаков угасания его физической и моральной энергии, что проявлялось и в предъявляемых им к себе самому требованиях. Он пробыл в Вильне целые две недели, вместо того чтобы сразу же начать руководить крайне важными обходными движениями своих корпусов. По пути к Смоленску он потратил решающий день, устроив смотр в честь своего дня рождения. Он провел месяц в Москве, вместо того чтобы заняться разработкой новых способов оказания давления на царя. Его поведение на поле боя часто было совсем не таким, как раньше. В Смоленске он ушел с поля боя в пять часов вечера, до того, как решил его исход, и его не было на месте, чтобы помочь Жюно использовать свои возможности. На Бородинском поле он с насмешкой отверг предложенный Даву обход противника, но навязал свою собственную идею — безжалостную идею лобовой атаки — и затем провел весь день в полной безучастности, почти никак не управляя событиями и только постоянно отказываясь ввести в бой императорскую гвардию. Под Малоярославцем Наполеон был достаточно выбит из колеи стычкой с казачьим отрядом, где сам едва не попал в плен; там он не заставил своих генералов провести рекогносцировку местности за ближайшими возвышенностями, откуда было бы видно, что на дороге в Калугу русских нет. Все это свидетельства упадка его военных способностей. Однако проведенные им блестящие действия при Красном и Березине — истинные шедевры военного искусства.

И все же поражение Наполеона может быть объяснено общим снижением качества его полководческого мастерства, проявляющимся в отсутствии энергии, что привело к недостаточному управлению подчиненными, и в нежелании лично вмешаться в решающий момент (как всегда он делал в годы своего расцвета). Понижение его ранее столь тонкой интуиции отразилось во все усиливавшейся привычке принимать желаемое за действительное в том, что касалось боевых качеств его войск, которые он постоянно переоценивал, а также характера царя, которого он постоянно недооценивал. Трагическим обстоятельством был сам масштаб задуманного им завоевания. Сомнительно, мог ли бы любой другой полководец в истории достичь большего успеха и в подготовке, и в выполнении военных операций в условиях 1812 года. По словам философа Монтеня, которые приводит американский историк Додж, «большие и отдаленные замыслы гибнут от самого размаха приготовлений, делаемых для обеспечения их успеха»(36). Проблемы пространства, времени и расстояний оказались непреодолимыми даже для одного из величайших военных умов, который когда-либо существовал.

Часть пятнадцатая

СУМЕРКИ. «БИТВА НАРОДОВ»

Попытки Наполеона удержать Германию и уничтожить союзников с кульминацией в тяжелом поражении, понесенном в битве при Лейпциге

Глава 76

НОВЫЕ АРМИИ

Кампания 1813 года оказалась одной из самых долгих, самых дорогостоящих и в конечном счете самой решающей из всех наполеоновских войн. После катастрофы 1812 года Наполеон отчаянно пытается перехватить инициативу, восполнить потери, понесенные его армией, и поднять свою репутацию. В это время к русским присоединились последовательно шведы, пруссаки и австрийцы, кроме нескольких немецких князьков; русские военачальники и политики были преисполнены решимости освободить Германию от связывающих ее обязательств и перенести театр военных действий к самым границам Франции. Империя Наполеона рассыпалась в Центральной Европе, свыше 200 000 солдат и несколько его способнейших подчиненных были связаны необходимостью оставаться в Испании при все более ухудшавшемся положении в стране; французские порты были блокированы британским королевским флотом, прежние союзники Наполеона отпадали один за другим. Наполеон стоял перед одним из тяжелейших испытаний в своей жизни. Вопрос стоял, в сущности, о выживании, но в начале 1813 года еще никакие мысли о конечной катастрофе не омрачали ум императора, и он упорно отвергал все предложения о заключении компромиссного мира. Он все еще был убежден, что полная победа достижима. И в самом деле, в какие-то моменты во время первой части кампании 1813 года такой исход казался вполне возможным. Однако в конце ее сочетание пробуждавшегося германского национального духа и быстро истощавшихся французских экономических ресурсов привело к тяжелому поражению и потере чуть ли не всей территории, лежавшей к востоку от Рейна.

С военной точки зрения 1813 год распадается на два четко разграниченных главных периода. Первый начинается 6 апреля, и в течение первых трех месяцев шло наступление армий союзников в центре Европы, которое тщетно пытался остановить Евгений своими скудными силами. Затем началось большое контрнаступление Наполеона, в котором он решил разбить отдельные армии коалиции (la manœuvre de Leipzig). Кульминацией этого контрнаступления была внушительная победа французов при Лютцене, за которой последовала попытка Наполеона уничтожить своих остальных противников при Баутцене, увенчавшаяся успехом — еще одной победой французов. Однако ни одна победа не была решающей, хотя в ре-

зультате этих побед потерпевшие поражение союзники были рады согласиться на перемирие. Затем последовала пауза (с 1 июня по 16 августа), во время которой обе стороны на уровне дипломатических встреч пылко высказывались о своих желаниях окончить войну, выработав соглашение, но тем не менее продолжали так же усердно наращивать свои силы, готовясь к возобновлению боевых действий. В итоге это затишье не пошло на пользу Наполеону, так как союзникам удалось мобилизовать гораздо больше людей, чем их французскому противнику, и Австрия была вынуждена оставить свою нейтральную позицию и присоединиться к коалиции.

Второй период кампании начинается с возобновления боевых действий 6 августа, и вскоре Наполеону пришлось перейти к стратегической обороне. Искусно маневрируя вокруг центральной позиции у Гёрлица, французские силы перемещаются в обе стороны по правому берегу Эльбы, поочередно ведя бои с армиями Силезии и Чехии, и в должное время одерживают еще одну нерешающую победу под Дрезденом (24 августа). Однако время удач императора подходило к концу. Армии союзников все больше постепенно сближались, намечая удар по его более слабым силам, и между 16-м и 19 октября произошла отчаянная «Битва народов» под Лейпцигом. Потерпевший поражение Наполеон вынужден был отвести остатки своей армии за Рейн, еще раз оказав по пути резкое сопротивление своим преследователям в Ханау. Этот год, полный активных боевых действий, завершился постепенной капитуляцией изолированных французских гарнизонов в Польше и Германии.

Первой задачей, вставшей перед Наполеоном после его возвращения в Париж, было создание новой армии, которой предстояло выступить против неизбежного наступления победоносных русских. Задача компенсации потери более полумиллиона человек обескуражила бы любого военачальника, но Наполеон взялся за ее решение со всей своей прежней энергией и пылом, поставив перед собой честолюбивую цель найти 650 000 новых солдат к середине 1813 года. Используя жалкий остаток уцелевших после 1812 года солдат в качестве ядра, он начал заново организовывать свою разбитую армию. Благодаря предвидению, заставившему призвать новобранцев разряда 1813 года в учебные части еще осенью 1812 года, Наполеон смог призвать в новую армию около 137 000 рекрутов, обучение которых уже заканчивалось. Но этого количества было недостаточно, чтобы противостоять грядущему кризису, и поэтому 11 января указом «сенатус-консультум» в армию были включены еще 80 000 членов Национальной гвардии; их когорты преобразовали в 88 линейных батальонов, поделенных между 22 полками. Для укрепления этих неопытных солдат с испанского фронта было отозвано четыре полка императорской гвардии вместе с большим количеством опытного сержантского состава для обеспечения кадровой прослойки во вновь формируемых частях. Таким образом набралось 200 000 человек для германского фронта к началу апреля.

Однако эта цифра была еще намного ниже цели Наполеона. Чтобы найти недостающие 450 000 человек, он прибегал к своей обычной изобретательности. Как обычно, разряд 1814 года был призван в феврале, и это давало надежду, что в результате появятся еще 150—200 тысяч новых солдат. К тому же довольно много больных и «уклоняющихся от призыва» в силу тех или иных причин не были мобилизованы между 1808-м и 1810 годами, и соответственно разряды призывников этих трех лет должны были дополнительно дать еще 100 000 человек. Восстановление кавалерии казалось неосуществимой задачей, но начало было положено призывом 3000 офицеров и сержантов жандармерии, составивших ее ядро. Из французского флота в сухопутные войска было переведено 12 000 канониров и 24 батальона матросов. Кроме того, Италии предстояло обеспечить маршалу Бертрону 30 000 солдат, французские муниципалитеты должны были дать 20 000 дополнительных рекрутов ополчения, и 5000 человек из муниципальной гвардии (обычно ветеранов — солдат-пенсионеров) были

также призваны. Наполеон еще надеялся на то, что его германские союзники поставят ему недостающее количество личного состава.

При помощи таких мер казалось, что Наполеон все-таки совершил чудо, найдя разные способы получить еще почти 656 000 человек. Все французы проявляли сверхчеловеческую энергию. «Франция была одной громадной мастерской, — отмечает Коленкур, — весь народ Франции забыл о неудачах Наполеона, и каждый соревновался с другими, проявляя свое усердие и пыл. Это было и великолепным образцом французского характера, и личным триумфом императора, который с поразительной энергией направлял все ресурсы своего гения на организацию и управление этим общенациональным порывом. Казалось, что все необходимое возникает, как по волшебству»(1).

Однако между количеством солдат и их качеством существовала пропасть — новые армии невыгодно сильно отличались от старых. Коленкур даже характеризует эти новые войска как «организованный сброд»(2), но их храбрость в последующих боях помогла увидеть их в другом свете. И тем не менее нельзя было скрыть того, что пехота включала в себя опасно большую долю неопытных юнцов, полуинвалидов и пожилых ветеранов, а также того, что подсчеты количества призванных были весьма неточными. Например, в документах зафиксировано, что включенные в армию когорты Национальной гвардии должны были включать по 1080 человек, на самом же деле они редко состояли даже из 850 человек. Значительная часть призывников продолжала увиливать от военной службы, уходя в горы или прячась от мобилизации где придется; как всегда, опять вспыхнул вечно тлеющий мятеж в Вандее. Разочаровала также «помощь» Германии людской силой.

В кавалерии возникли совсем другие трудности; основной была нехватка времени для обучения и формирования отрядов, а также подходящих лошадей. Если новобранца-пехотинца удавалось кое-как подготовить за несколько месяцев, то, чтобы довести кавалерийского рекрута до приемлемого стандарта, требовалось гораздо больше времени. Однако нужда в кавалеристах была очень велика, так как французская кавалерия как род войск фактически перестала существовать к концу 1812 года. Большие трудности встретились по добыванию хотя бы части от необходимого количества лошадей. Многие из самых известных конных заводов Европы находились в Пруссии и Центральной Германии, но охлаждение отношений между Францией и Пруссией, а затем и измена последней и множество других мелких государств лишили французскую армию многих источников пополнения конского состава. Этот недостаток так никогда и не удалось ликвидировать, и немало причин разгрома Наполеона в 1813 году связано с некомплектом кавалерии. Лишенный жизненно важных сведений о противнике из-за малого числа кавалерийских патрулей и неспособный развивать успех своим обычным ожесточенным преследованием противника, Наполеон увидел, как перед ним возникают почти непреодолимые препятствия.

Общая нехватка лошадей затрагивала также артиллерию и административные службы. Хотя Франция и Империя оказались способны возместить потери 1812 года, не было достаточной замены упряжек. Однако император настаивал на усилении количества дивизионной артиллерии для компенсации неизбежного дальнейшего ухудшения качества пехоты. А нехватка тягловой силы ставила службу снабжения в уязвимое положение. Хорошее снабжение никогда не было сильной стороной наполеоновских армий, но в 1813 году вопросы обеспечения армии стояли гораздо острее, чем когда-либо: огромная масса неопытных новобранцев, составлявших основную часть армии, не имела опыта и не владела искусством самим раздобывать все необходимое и поэтому очень зависела от выдаваемых пайков. Однако правильное тыловое обеспечение так никогда и не было налажено.

В новой армии также чувствовались признаки заметного ухудшения в управлении войсками. С одной стороны, офицеры среднего ранга были, как всегда, лично подготовлены, однако маршалы становились все более усталыми и охладе-

шими к войне; с другой стороны — большинство новоиспеченных младших офицеров были полностью лишены командирского опыта. И императорский генеральный штаб тоже был уже не похож на прежний — снизились стандарты его работы. Переводчик, приданный ставке Наполеона — д'Одлебен, заметил это ухудшение: «Кажется, что в этой кампании офицеры генерального штаба Бертье были не так искусны и опытыны, по сравнению с прежними... В целом вся армия была слишком сложной и несовершенной машиной, чтобы позволить правильно координировать все ее действия в этой кампании»(3).

Тем временем, пока шло восстановление армии и Наполеон обдумывал свои планы, вице-король Италии прилагал все силы, чтобы задержать наступление союзников. На него возлагались две главные задачи: выиграть время, чтобы Наполеон мог закончить свои приготовления, и задержать противника как можно дальше к востоку. Уезжая из Сморгони, император вначале надеялся на то, что части Мюрата (хотя и неполного состава) смогут удерживать рубеж на Висле, однако оказалось, что это невозможно. К середине января русские войска снова форсировали Вислу и 7 февраля заняли Варшаву. Оставив генерала Раппа с сильным гарнизоном 30 000 человек, чтобы удерживать Данцинг, и другие части общей численностью 7000 человек в Торне и Модлине, Мюрат отошел к Позену, прежде чем передать командование не желавшему этого Евгению. Этот город также оказался непригодным для обороны против решительного русского наступления, учитывая отсутствие поддержки французских союзников и сломленный моральный дух защитников. Поэтому вице-король Евгений снова отошел на запад. Теперь император требовал, чтобы рубеж по Одеру был бы удержан любой ценой. Поэтому Евгений передислоцировался к Франкфурту, где он получил подкрепление, когда подошли солдаты Сен-Сира (30 000 человек). Однако и здесь оказалось невозможным перейти к обороне и удержать территорию. Местное население было на грани восстания, а русские колонны, как сообщалось, уже перешли реку и направлялись к Берлину. Снова французы отошли, оставив гарнизоны в ключевых городах Германии — Штеттине, Кюстрине и Глогау.

Наполеон пришел в бешенство, когда вести об этом последнем отступлении достигли Парижа, и он изливал свой гнев на пасынка в письмах, укоряя его за кажущуюся пассивность. Едва ли это было справедливо, ибо все реки замерзли и поэтому не были препятствием для русских или защитой для французов. Вице-король решил, что придется оставить и Берлин, и продолжил свое отступление до Виттенберга на Эльбе, которого он достиг 6 марта. Двенадцатого марта местный французский командующий эвакуировал Гамбург на том основании, что невозможно удерживать весь рубеж на Эльбе. Около этого же времени Евгений приказал сильно побитому I корпусу Даву направиться к Дрездену, который, он считал, имеет большее стратегическое значение, чем северогерманская равнина.

Однако получилось так, что Наполеон полностью осудил и это решение. Когда Евгений отдавал этот приказ, к нему уже летела обширная инструкция от императора, в которой подчеркивалась необходимость того, чтобы Даву остался хозяином нижней Эльбы вплоть до Гамбурга, тогда как основная часть войск Евгения должна была сосредоточиваться около Магдебурга. Согласно этому плану императора, маршал Виктор должен был создать предмостные укрепления на Эльбе в Торгау, Виттенберге и Дессау, а на генерала Рейнье возлагалась ответственность по защите верхней Эльбы вплоть до австрийской границы. Наполеон считал, что после занятия этих позиций его армия на Эльбе будет способна противостоять любому нападению противника. В крайнем случае можно будет сдать Дрезден, который менее важен, чем Гамбург, так как новая Великая армия будет вскоре собираться в окрестностях Майнца и любой ценой должна быть прикрыта(4). Как и ранее, это утверждение очень сильно преувеличивало боевую численность войск и исходило из того, что саксонцы и вестфальцы все еще сотрудничают с французами.

Но даже еще до того, как эти инструкции достигли фронта, Карр Сен-Сир сдал Гамбург отряду немецких вольных стрелков. Через некоторое время, повинувшись желаниям Наполеона (своего отчима), Евгений наконец приказал создать большой лагерь около Магдебурга и сообщил Даву об изменении своего приказа — теперь тот должен был направиться к Гамбургу. Однако едва они оба успели предпринять эти шаги, как генерал Дюрютт (временно командующий южным флангом во время болезни Рейнье) решил сдать Дрезден и отойти к рубежу по Зале. Блюхер, как и следовало ожидать, занял город 27 марта, не встретив никакого сопротивления.

Отчасти причиной явного уныния, царившего во французской передовой группе штаба в то время, было вступление Пруссии в войну на стороне России. Вероятность того, что Пруссия способна на это, уже признавалась с момента перехода генерала Йорка на сторону противника в декабре 1812 года, но, пока не было непосредственного объявления войны, Фридрих-Вильгельм III не проявлял желания снова обречь свою страну на смертельную борьбу. Присутствие французских гарнизонов в Берлине и других крупных прусских городах и крепостях было еще одним доводом в пользу осторожности. Прусское правительство даже осудило поступок Йорка, опасаясь страшного недовольства Наполеона даже в момент его тяжелого поражения. Однако в Пруссии давно оживился дух патриотизма, и правительство начинало все больше чувствовать его влияние. Со времени Йены возродившаяся политическая деятельность фон Штейна, военные реформы Шарнхорста, патриотическое культурное влияние Арндта и Кёрнера и всепроникающая тайная сила Тугендбунда, или «Союза добродетели», — все вместе породило совершенно новую атмосферу в государстве, и к 1813 году Пруссия созрела для восстания. Так, провинциальное собрание Восточной Пруссии без всяких консультаций с Берлином объявило о своей поддержке генерала Йорка и об отказе подчиняться Наполеону. Этот боевой дух неповиновения стал настолько всеобщим, что и монархии пришлось ему поддаться. В конце февраля было секретно ратифицировано Калишское соглашение между Пруссией и Россией. По нему Пруссия обещала вступить в войну на стороне союзников в ближайшем будущем. Обе стороны обещались не входить ни в какие отдельные переговоры с французами, а Россия возложила на себя обязанность проследить, чтобы Пруссия была восстановлена в своих границах до 1806 года. Царь гарантировал предоставить 150 000 солдат, Фридрих-Вильгельм — не менее 80 000.

Но и тогда прусское правительство боялось сделать окончательный шаг. Пока Евгений не решил оставить Олдерский рубеж, уйти из Берлина и отойти обратно к Эльбе, король продолжал тянуть время. И только тогда, когда эти передислокации были почти полностью завершены, Фридрих-Вильгельм почувствовал уверенность, и 13 марта Пруссия наконец превратилась в открытого противника.

После Йены Наполеон твердо решил, что Пруссия никогда больше не сможет представлять военную угрозу для Франции. Для этого он навязал Пруссии соглашение, по которому прусская армия была ограничена максимальной численностью до 42 000, служащих по десятилетним контрактам. Тогда же, в 1812 году, он вынудил Фридриха-Вильгельма послать в Великую армию 20 000 человек; не более двух третей этих солдат вынесли тяготы русской кампании. И тем не менее Пруссии удалось предоставить союзникам не менее 80 000 солдат — отчасти из-за сделанной французами уступки, а отчасти причина кроется в тайной работе прусских патриотов.

К концу 1812 года, уже перед лицом катастрофы, Наполеон повелел Пруссии поставить Франции еще 33 000 человек, без сомнения, надеясь, что они несколько возместят те ужасные потери, что он понес в России и Польше. Однако случилось так, что эти солдаты оказались просто подарком для задумавших войну прусских патриотов. Еще более важной была работа некоторых государственных и военных деятелей Пруссии. В течение ряда лет непрерывно строилась тайная резервная армия без ведома французов. Для этого применялся простой, нехитрый метод еже-

годного увольнения части этих 42 000 регулярных солдат в запас. Их место занимали новые рекруты, которые получали военную подготовку и в свою очередь уходили в запас. Эта система запасных (Krumpersystem) Шарнхорста, как ее называли, к февралю 1813 года дала 33 600 резервистов свыше официальных военных квот. Таким образом, было создано достаточное ядро обученных солдат, вокруг которого можно было наращивать новую прусскую армию.

Как только усилилась вероятность войны с Францией, это наращивание ускорилося. Девятого февраля королевским указом был создан ландвер — ополчение, численностью более 110 000 человек. Он был создан на основе обязательной воинской повинности, и это, естественно, совсем не вызвало энтузиазма среди прусского крестьянства. В некоторых непокорных провинциях приходилось вести призывы с помощью регулярных воинских частей. Но все-таки Пруссия была на пути к образованию большой армии. Аристократию и средние классы захватила волна патриотизма, и многие по собственному побуждению собирались в добровольческие егерские формирования. Точно так же появились добровольческие части (Freikorps), состоявшие в основном из иностранцев. Таким образом, к апрелю 1813 года под ружьем было более 80 000 человек, а общим результатом всех этих усилий было создание (к концу перемирия июня—августа) армии, состоявшей из 228 000 человек пехоты, 311 000 кавалерии и 13 000 артиллеристов и саперов с 376 пушками.

Хотя немалая часть вооружения устарела (большое количество солдат ландвера были вначале вооружены пиками и серпами), прусская армия 1813 года уже очень отличалась от своей предшественницы 1806 года. Старые требования жесткой формальной дисциплины уступили место более просвещенным нормам, больше исходящим из понятия гражданского долга, чем прежней феодальной покорности; почти исчез из обихода хлыст. Был обеспечен более высокий уровень руководства войсками. Блюхер, старинный враг Наполеона, был уже немолод, но энергичен, преисполнен воли и пылкости, а Бюлов и Йорк были каждый по-своему опытными командирами. Во всяком случае, новая прусская армия была ценным приобретением для союзников.

Конечно, лишь через некоторое время она смогла бы полностью «вступить в игру», а в этом промежутке времени основное бремя военных действий неизбежно легло на плечи русских солдат. Старый Кутузов, уже смертельно больной, имел под своим командованием не менее 110 000 человек в середине марта, включая 30 000 кавалерии и казаков. Это, видимо, неточные цифры, потому что кроме немалых отрядов, оставлявшихся русскими для осады французских гарнизонов на Висле и Одере, было большое количество больных или отставших русских солдат. Разумеется, 1812 год тяжело сказался не только на побежденных, но и на победителях. Но тем не менее русские наступали по двум достаточно четким направлениям. На севере генерал Витгенштейн (позднее получил пополнение от прусских войск Йорка и Бюлова, доведя свою армию до численности более 50 000 человек) наступал от Мариенвердера на Висле через Северную Пруссию несколькими широко разделенными колоннами; на юге, начав действовать из Варшавы через Калиш и Глогау, наступал Кутузов с основными русскими силами. Генерал Винценгероде с 13 000 человек уже достаточно углубился в Саксонию, но главнокомандующий, с 30 000 солдат Милорадовича и русской гвардии, наступал более осторожно, замедлившись около Калиша в Великом герцогстве Варшавском, ближе к тылу. Однако к Винценгероде присоединился Блюхер и 25 000 солдат из Силезии, как только Пруссия начала открытые боевые действия против Франции. Прусский генерал был вскоре поставлен во главе южной армии и немедленно перешел в наступление, чтобы захватить Дрезден (пал без борьбы 27 марта). В дополнение к этим силам Бернарот осторожно вел формирование шведских сил численностью 28 000 человек с 62 пушками в шведской Померании, в то время как в окрестностях Штральзунда находилось еще 9000 англо-германских солдат, оплачивавшихся Англией.

Союзники вскоре начали ссориться друг с другом. Пруссаки стремились к немедленному наступлению с форсированием Эльбы. Большой Кутузов настаивал на повторном сосредоточении сил перед переходом в новое наступление. Витгенштейну было приказано наступать в южном направлении для соединения с Блюхером, оставив только небольшой отряд в заслоне около Магдебурга. Русский генерал, желая обеспечить безопасность столицы своих союзников, решил пренебречь этими указаниями и вместо этого решил попытаться перейти через Эльбу у Рослау в надежде сковать главную армию Евгения. Французы предупредили этот маневр, атаковав Витгенштейна около Мёкерна 3 апреля. Последовали беспорядочные двухдневные бои, кончившиеся тем, что Евгений отошел, получив ложную информацию, что еще одни вражеские силы форсируют Эльбу у Рослау для осуществления угрозы его тылу. Этот отход дал возможность сильно пострадавшему войску Витгенштейна объявить себя победителем и со временем завершить свой запоздалый марш через Рослау для соединения с Блюхером.

Но к этому времени Евгений окончательно решил, что рубеж верхней Эльбы не подлежит обороне, так как Блюхер сосредоточил свои войска около Дрездена. Соответственно правый фланг французов был оттянут назад, к рубежу реки Зале. Наконец Евгений нашел сильную позицию; хотя он и отдал гораздо большую территорию, чем планировал Наполеон, вице-король все-таки выиграл достаточно времени, чтобы его отчим успел образовать свою новую армию вокруг Майнца. Практически оборонительная фаза закончилась, явно чувствовалось, что контрудар Наполеона не заставит себя долго ждать.

К первым числам апреля французская армия Майна быстро начала принимать четкую форму. В основном она состояла из четырех линейных корпусов: III корпуса Нея (45 000), VI — Мармона (25 000), IV — Бертрана и XII — Удино (у двух последних общее число — 36 000) вместе с 15 000 солдат отборных частей восстановленной императорской гвардии (пехоты и кавалерии). Имелись также три очень слабых кавалерийских корпуса. Общая численность всех этих войск составила около 121 000 человек. Если добавить эти силы к 58 000 армии на Эльбе (V, XI и части VII и II корпусов вместе с гвардейской дивизией Роге и кавалерией Латур-Мобура), к I корпусу Даву (20 000) и 14 000 кавалеристов Себастьяни, в тот момент находившихся на нижней Эльбе, Наполеон уже располагал более чем 200 000 солдат первого эшелона на германском фронте(5). Эта суммарная цифра показывала превосходство Наполеона над силами союзников в то время, потому что даже к 25 апреля они имели менее 110 000 солдат на расстоянии досягаемости позиции Эльбы — Зале.

Как хотел Наполеон использовать эти значительные силы? Уже некоторое время он обдумывал генеральный план, и хотя обстоятельства не позволяли выполнить его, но он использовал свои главные принципы, так как император никогда полностью не забыл своего плана. «План Наполеона, который он разрабатывал в течение двух месяцев, состоял в обратном переходе через Эльбу и направлении войск на Берлин. Замысел заключался в том, чтобы отбросить союзников обратно, между Эльбой и Зале, и образовать театр военных действий между Эльбой и Одером, сойдясь под защитой крепостей Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург; если позволят обстоятельства, Наполеон освободит осажденные крепости на Висле — Данциг, Торн и Модлин. Если бы удался этот обширный план, можно будет надеяться, что коалиция будет дезорганизована и что все германские князья снова подтвердят свою приверженность и верность Франции»(6). Пока Даву и часть армии на Эльбе удерживают фланг и тыл главной армии и совершают демонстрации в направлении Дрездена, Наполеон вторгнется в Северную Германию через Хафельберг, используя горы Гарца для сокрытия своего наступления, в то же время обходя фланг армии Кутузова и терроризируя Польшу, заставляя ее вернуться к союзу с Францией и увеличивая численность своих сил за счет освобождения 50 000 солдат-ветеранов в изолированных крепостях. Если Наполеон достигнет Штеттина и

снова займет рубеж по Одере, русские коммуникации окажутся в смертельной опасности. Этот колоссальный *manœuvre sur les derrières* вполне мог привести к большой победе французов, сразу же обеспечивая возвращение Германии и большей части Польши. Описывая свой план Евгению 11 марта, Наполеон рассчитал, что при ускоренном марше его армия смогла бы снять осаду с Данцига через двадцать дней после переправы через Эльбу. «Также она овладеет Мариенбургом, — продолжал он, — островом Ногат и всеми мостами на нижней Висле»(7).

Однако некоторые события не дали возможности принять этот грандиозный план. Во-первых, сам Наполеон считал, что ему необходимо 300 000 человек для избежания всяких осечек, а к апрелю численность войск была еще далека от этой цифры. Во-вторых, он сомневался в том, способен ли будет новый военный молодняк выносить такие маршевые нагрузки. В-третьих, его надежды на помощь со стороны Рейнской конфедерации и Южной Германии были излишне оптимистичны, так как и Саксония и Бавария, как и следовало ожидать, пребывали в нерешительности. И наконец, противник все еще наступал в районе Дрездена, поэтому здесь стало бы недоставать французских войск для обеспечения Зальского рубежа, если бы армия Майна начала такое огромное наступление. Тем не менее этот генеральный план на 1813 год представляет значительный интерес и важен тем, что он так и не был забыт его создателем, и позднее в последующие кампании Наполеон явно думал о возвращении к нему.

Однако к 13 апреля Наполеон был уже достаточно занят, готовясь к большому наступлению союзников в направлении Йены, и не мог посвятить себя альтернативным планам действий. В этот день он писал Бертье в Майнц: «Вице-король считает, что противник крупными силами перешел на левый берег Эльбы. Сообщают, что 8-го ставка Блюхера находилась в Альтенбурге и что отряд казаков видели у Йены. Девятого марта... противник уже выставил несколько патрулей в Зальфельде»(8). Наполеон, соответственно, приказал армии Майна выступить на помощь Евгению, чтобы сосредоточить за рекой Зале в целом не менее 150 000 солдат. После этого он намеревался наступать на Дрезден через Лейпциг с целью захватить переправы на Эльбе в тылу союзников, тем самым одним ударом отрезав их от Берлина и от Силезии. Такая переброска войск должна была неминуемо привести к большому сражению на выгодных для французов условиях. Когда началась переброска войск, Бертран и Удино должны были приступить к тактическим диверсиям в сторону Байройта с целью отвлечь внимание противника. «Мое намерение, — писал Наполеон 12 апреля Бертрану, — заключается в оттягивании моего правого фланга, чтобы дать противнику проникнуть к Байройту, делая таким образом маневр, полностью обратный тому, что был выполнен в йенской кампании; при условии, что противник двинется через Байройт, — результатом будет мое прибытие в Дрезден раньше него и отделение его от Пруссии»(9). Император также велел направить французские линии коммуникаций через Ганновер к Везелю.

Наполеон явно надеялся на быструю победу; противнику предстояло или сражаться, или стремительно отступать за Эльбу, теряя репутацию и сплоченность. Конечно, в некоторой степени император все еще шел на ощупь, не имея точных данных. Его знание численности войск и диспозиции было очень неполным, и еще до 19 апреля он считал, что противник на левом берегу Эльбы имеет «между шестьюдесятью и семьюдесятью тысячами человек пехоты, кавалерии и артиллерии», между тем как в действительности у противника в это время было более 90 000 человек. Слабость французской разведки — в основном вызванная низким качеством легкой кавалерии — уже становилась очень заметной. Несомненно, из-за этого важного недостатка информации Наполеон решил направить свои коммуникации через Ганновер, вместо того чтобы совершить более короткий путь через Тюрингию. Он надеялся на то, что корпус Даву за преградой нижней Эльбы лучше обезопасит его тыловые связи, чем обычная кавалерия.

Если бы не ошибочное определение численности противника, план был достаточно здоровым. Если бы противник предпринял наступление на Наполеона, Евгений мог нанести удар ему в правый фланг; если вице-король станет главной мишенью, император сможет атаковать союзников в левый фланг. Более того, эта новая идея совсем не нарушала генерального плана, но теоретически приближалась к его выполнению. Наполеон все еще намеревался взять Берлин и вести свою главную кампанию на севере, но, поверив вначале в быструю победу на юге, он надеялся восстановить свою военную репутацию, дать своим необстрелянным бойцам бесценное моральное преимущество быстрого успеха и в то же время запугать Австрию и недовольных участников Конфедерации, заставив их соблюдать хотя бы видимость сотрудничества.

Пятнадцатого апреля Наполеон выехал из Сен-Клу, направляясь в армию Майна. Семнадцатого он достиг Майнца и остался там на неделю, разрабатывая административные детали кампании. К ним относились разделение корпуса Бертрана на две части для обеспечения войск (теперь XII корпус) для маршала Удино. Двадцать пятого апреля он переехал в Эрфурт — место сосредоточения всей его армии (за вычетом корпуса Бертрана), — а оттуда переехал в Экартсбург. К 30 апреля армия близ Эльбы была сосредоточена вокруг Мерзебурга, а армия Майна быстро сходилась к Наумбургу, так что общая численность составляла здесь почти 200 000 человек и 372 пушки при крайне малом количестве кавалерии.

Императора начинала все сильнее тревожить слабость кавалерии. Это не только лишало его детального знания направления движения и численности противника, но легкая кавалерия противника начинала изводить французские колонны при их продвижении, вызывая задержки и смятение. «Он казался обеспокоенным»(10), — отмечает в Эрфурте д'Одлебен, а накануне Наполеон как раз писал королю Вюртембергскому, сообщая о своих затруднениях. «Я бы мог закончить дела очень быстро, если бы только у меня было еще 15 000 кавалерии; но я испытываю слабость в этом роде войск»(11). Он продолжал, что ожидает поступления в армию еще 30 000 кавалеристов в течение мая, и, возможно, он был готов отсрочить решающий миг своего наступления, пока не прибудет это пополнение. Однако этому не суждено было случиться; действия союзников открыли возможность сражения в самом начале месяца.

Начиная с середины апреля в армии союзников стали распространяться все усиливающиеся сомнения и неуверенность. Хотя фронтовые военачальники были почти полностью убеждены, что французы готовятся к наступлению с середины марта, советники царя считали, что раньше июня ничего не может произойти. Блюхера и Витгенштейна не могли убедить их аргументы, и они постепенно, с большой осторожностью выдвигали свои части на запад по направлению к Зале. Они поняли, когда началось наступление Наполеона, что у французов вполне может оказаться численный перевес, и стали взвешивать относительные выгоды двух возможных путей действий. Они могли либо отступить за Эльбу или сосредоточить свои войска для направления на французов в тот момент, когда армия Наполеона будет переправляться через Зале, в надежде изолировать и уничтожить его ведущие корпуса. Первый вариант был едва ли осуществим; французы имели уже два плацдарма на Эльбе (Магдебург и Виттенберг), к тому же отступление отрицательно сказалось бы на моральном состоянии союзных войск. Русские предпочли более смелый вариант, и не только потому, что местность к востоку от Зале очень открытая и, следовательно, удобна для боевых действий кавалерии (союзники прекрасно понимали, что их кавалерия превосходит французскую), но также считалось, что в рукопашном бою с изолированной частью сил Наполеона русские ветераны одержат верх над необстрелянными французскими новобранцами. Это мнение боевых генералов мало-помалу убедило высшее командование, и за период с 19-го по 24 апреля корпуса Милорадовича и русской гвардии подошли к фронту через Дрезден, вместе с царем и прусским королем.

Сразу возникла проблема командования. Кутузов уже был на пороге смерти, и царь решил назначить Витгенштейна на его место как главнокомандующего всех сил. Пруссаки согласились, но Торماسов (командир гвардейского корпуса) и Милорадович отказались служить под его командой, ссылаясь на свое старшинство (Витгенштейн был действительно моложе обоих). Александр не решился настаивать и пошел на неудовлетворительный компромисс, подчинив Витгенштейну Блюхера и Винценгероде, а два других корпуса оставив под своим личным контролем. Все эти военачальники принялись обсуждать и спорить относительно будущих планов, однако их совещания были прерваны новостью об ожесточенных стычках с французскими силами у Мерзебурга, Галле и Вайсенфельса. Наполеон явно пошел в наступление, и союзники немедленно приказали своим силам сосредоточиться между Лейпцигом и Альтенбургом, чтобы подготовиться наступать на Лютцен и атаковать правый фланг французов, если император продолжит свое наступление за реку Зале. Вскоре союзники стали готовиться к сражению, имея 48 000 пехоты, 25 000 кавалерии и свыше 500 пушек.

Глава 77

ЛЮТЦЕН И БАУТЦЕН

Французы действительно наступали. Первого мая «армия Эльбы» получила приказ закончить переход через Зале у Мерзебурга и направиться на Шладельбах, в то время как III корпус Нея, поддерживаемый VI корпусом Мармона, наступал через Вайсенфельс к Лютцену. Бертран и Удино были направлены к Наумбургу. Были данные о том, что силы союзников продвигаются на юг и что около Цвенкау (сразу к югу от Лейпцига) сосредоточиваются войска. Наполеон решил удержать инициативу, ускорив наступление и захватив Лейпциг. Он возложил на Нея обязанности защитника его правого фланга. III корпус выдвинулся вперед к Лютцену и к вечеру занял его. Однако в нескольких пунктах общее наступление натолкнулось на ожесточенное сопротивление.

Самый тяжелый бой в операции произошел восточнее Вайсенфельса около Позерны. В конце концов победили французы, но был убит храбрый маршал Бесьер. По словам Марбо, «император жалел о нем больше, чем армия, которая никогда не забывала, что именно по совету этого маршала накануне Московского сражения Наполеон не завершил победу, так как не хотел ввести в бой свою гвардию...»(12). Наполеон остро переживал эту утрату. «Бесьер жил, как Баярд; он умер, как Тюренн» — такой эпитафией прозвучали слова императора над его верным военачальником, впервые начавшим служить под командованием Наполеона в 1796 году в чине капитана — командира гвардейских разведчиков.

В эту же ночь Наполеон написал подробную инструкцию, касающуюся роли Нея 2 мая. Чтобы прикрыть наступление Макдональда и Лористона на Лейпциг и дать Мармону и другим соединениям «армии Майна» сблизиться с Лютценом, III корпусу предписывалось занять и город, и деревни Кайя, Рана, Большой и Малый Гёршен в южном направлении. Он предупредил Нея, что в случае сильной атаки противника со стороны Цвенкау ему придется немедленно принять на себя роль сковывающей силы и авангарда, в то время как «армия Эльбы» заходит для удара в левый фланг союзных сил. Когда эти первоначальные указания отсылались Нею, такая вероятность казалась малореальной в ближайшее время; Наполеон не ожидал сражения у Лютцена и рассчитывал на продолжение своего движения к Дрездену. Тем не менее в 4 часа утра он послал еще один пакет Нею, приказывая ему «выслать два сильных рекогносцировочных отряда, один в направлении Цвенкау, другой — к Пегау»(13) в качестве мер предосторожности. Как мы увидим, Ней этого не сделал.

Тем временем разезды кавалерии союзников деятельно прошупывали правое крыло французов. Затем они сообщили Витгенштейну, что основная масса французских войск наступает от Вайсенфельса к Лейпцигу и что в Кайе оставлено только очень слабое фланговое охранение. Эта оценка была, в сущности, правильна, так как Ней не только не выслал патрули к Цвенкау, но и оставил в Лютцене три из своих пяти дивизий, выслал в направлении деревень только две. Противник также обнаружил к югу от Тойхерна (Бертран) сильный французский отряд. Располагая такими сведениями, Витгенштейн решил напасть на слабый отряд около Кайи, совершенно не подозревая, что у Ней есть еще три дивизии. Его приказы были многословны и сложны. В то время как генерал Клейст удерживал Лейпциг на правом фланге, а Милорадович подошел к Цайцу для защиты левого фланга, остальная часть армии должна была спешно двигаться к Большому Гёршену; после того как Кайя будет освобождена от французов, войска должны будут наступать, чтобы перерезать шоссе Вайсенфельс — Лютцен, отгнав французов на север к реке Эльстер. Соприкосновение с противником должно будет начаться в 1 час 2 мая и завершиться к 7 часам утра.

Такой график оказался сверхоптимистичным. Совершая марш в темноте, колонны союзников несколько раз путали направление, и только к 11 часам утра одни головные части достигли исходных районов. Затем Витгенштейн приказал своим офицерам подняться на невысокий гребень около Большого Гёршена и провести разведку французских позиций. Но они увидели лишь около 2000 солдат, хлопотливо варивших обед; не было видно ни часовых, ни сторожевых застав; французы даже не выслали впереди себя сторожевого охранения на гребень. Уверенный в легкой победе, Витгенштейн приказал кавалерии Блюхера атаковать (11.45 утра) и смести этот жалкий отряд.

Ворвавшись в Кайю, прусские кавалеристы были потрясены увиденным. Вместо каких-то двух тысяч новобранцев, перед ними оказались две дивизии полного состава, которые были также ошеломлены этой неожиданной атакой. Блюхер пытался остановить свою кавалерию и послать за артиллерией из тыла. Эта задержка позволила французскому генералу Суаму собраться с мыслями и успеть занять Большой Гёршен, пока Жирар старался сосредоточить своих солдат около деревни Штарзидль, успокаивая себя в надежде, что на помощь ему скоро придет Мармон. К полудню начался бой. Жирар легко удерживал свои позиции, но Суам был вскоре отгеснен назад подавляющим огнем артиллерии. В этот момент на поле боя появился покрытый пылью маршал Ней на коне. Он уже сопровождал Наполеона, наступавшего на Лейпциг, когда позади послышались первые пушечные выстрелы. Он тут же бросился обратно к Лютцену, чтобы снова взять под защиту брошенных солдат. Он подоспел как раз вовремя, чтобы возглавить три резервные дивизии, выведя их из города, и остановить отход Суама. С типичной для него порывистостью «князь Московский» приказал своему корпусу немедленно перейти в контратаку, и вскоре на деревенском рубеже вспыхнул отчаянный бой с переменной удачей для обеих сторон.

Наполеон был несомненно изумлен силой грохота канонады, доносившейся от Лютцена. Император уже достиг Маркранштадта в арьергарде V корпуса Лористона, прежде чем понял, какие драматические события происходят у него справа. Несколько минут он внимательно прислушивался и затем дал новые приказы.

III корпус должен был держаться любой ценой, пока Мармон не подойдет к его правому флангу для тесной поддержки, а Бертран в это время держит под угрозой русский левый фланг. Одновременно Макдональд должен совершать заход своего XI корпуса к югу с лейпцигской дороги и атаковать правый фланг русских. Тем временем генерал Лористон оставляет одну дивизию, чтобы покончить с Клейстом (этот прусский командир уже вел эвакуацию Лейпцига к часу дня), а с другими двумя дивизиями совершает контрмарш к Маркранштадту; гвардия должна была

быть немедленно переброшена в район Кайи. Затем император поскакал к полю боя, чувствуя, что его присутствие там может оказаться весьма желательным.

Наполеон прибыл к полю боя в 2.30 дня. Он увидел, что положение критическое. Сильно пострадавший корпус Нея был на грани распада, а маршал Бертран приостановил свое наступление против левого фланга Блюхера, обнаружив, что Милорадович приближается к Цайнцу. Мармон также испытывал сильнейшее давление союзников. Момент требовал личного вмешательства Наполеона, и он оказался более чем на высоте положения. Проезжая между нерешительными новобранцами, император увещевал, стыдил и воодушевлял их снова построиться и затем несколько раз бросался вместе с ними в атаку. Влияние его присутствия было почти магическим. В душах всех его солдат снова появилась уверенность и решительность. «Это было, вероятно, тем днем во всей его карьере, когда Наполеон испытывал величайший риск для своей жизни на поле боя, — записал Мармон. — Он был в постоянной опасности, ведя поддавшихся страху солдат III корпуса в новую атаку»(14). Со всех сторон звучали крики: «Да здравствует император!» «Наверное, не было ни одного раненого, проходившего мимо Бонапарта, который не отсалютовал бы ему обычным «Vivat!», — писал д'Одлебен. — Даже люди с оторванными конечностями, которые через несколько часов станут добычей смерти, отдавали ему это приветствие»(15).

И все же положение оставалось серьезным. И Нея и Мармон тоже были в тяжелом состоянии, и призывы о помощи шли со всех сторон. Хотя гвардия прибыла в Кайю вскоре за императором, он отказался вводить ее в бой так рано. «Скажите вашему маршалу, — ответил он посланцу Мармона, — что он ошибается; против него никого нет, сражение идет вокруг Кайи»(16). Бой вдоль гребня горы шел то по этой, то по той стороне, но каждая минута давала возможность Бертрану, который возобновил свое наступление, и Макдональду все ближе подходить к флангу армии Витгенштейна.

Ряд неудач и ошибок союзников теперь помогал французам. Блюхера ранило, и командование перешло к генералу Йорку, фигуре менее вдохновляющей. Запоздавший подход гвардии Тормасова и гренадерских дивизий был целиком на совести царя Александра из-за его личного вмешательства. Считая, что на фронте все идет прекрасно, он намеренно придерживал их у себя, по-видимому собираясь лично повести их в бой для нанесения заключительного удара. Несчастному Витгенштейну становилось все труднее управлять сражением, но, хотя он и чувствовал все растущую опасность для своих флангов, он уже не мог прекратить бой, пока еще было время, и снова бросил Йорка вперед в новую атаку. Казалось, ее ожидает успех, потому что пруссаки почти достигли деревни Кайя, но воодушевленная контратака одной дивизии молодой гвардии, поддержанная возобновившимся наступлением III корпуса, восстановила французскую линию, и борьба за овладение деревнями и гребнем горы снова ослабла, и все пошло по-старому.

К 5.30 вечера французские силы, совершавшие обход флангов, были уже на своих позициях. Макдональд пошел в атаку через деревню Айсдорф на левом фланге Нея, а Бертран сомкнулся с правым флангом Мармона. В это же время союзники добились ограниченного успеха в центре, снова заняв две деревни, но сосредоточение сил Наполеона было почти завершено, а у Витгенштейна было уже утеряно преимущество в численности. В 6 часов вечера Наполеон решил, что настал момент для генерального наступления. К юго-западу от Кайи 70 пушек генерала Друо двигали вперед вручную для стрельбы практически в упор. Одновременно молодая гвардия выстроилась в четыре штурмовые колонны, состоявшие каждая из четырех батальонов, и начала неумолимо продвигаться вперед при поддержке старой гвардии, гвардейской кавалерии и остатков III корпуса. Был дан приказ «Гвардия, в бой!». Вскоре близ деревень Рана, Малый и Большой Гёршен гвардейцы вновь пошли на штурм, и вся линия союзников начала откатываться в растущем беспорядке.

Если бы оставалось еще два часа до темноты, Наполеон закрепил бы свой успех. Однако наступила ночь и положила конец битве. Снова сказались нехватка французской кавалерии — преследование до конца было невозможно, и, хотя Мармон наступал со своей пехотой с большой скоростью, его корпусу досталось жестоко пострадать от бешеной контратаки прусской кавалерии в 9 часов вечера.

Так окончилось сражение при Лютцене. Результатом была бесспорная победа Наполеона, но отсутствие необходимого преследования лишило его полного успеха. К тому же цена победы была высока. Французы потеряли не менее 20 000 убитыми и ранеными (в III корпусе — 12 000 человек), да еще несколько тысяч отбившихся. Потери союзников определить труднее — от 11 500 убитыми и ранеными до 20 000. Однако союзники потерпели серьезное поражение, а Наполеон вернул себе свою былую военную репутацию. Россия и Пруссия пытались изобразить исход сражения как чуть ли не успех союзных войск, но их претензии были весьма неубедительны. Хотя Витгенштейн утром застиг врасплох францужский III корпус да и самого императора, но обычная гибкость диспозиций Наполеона позволила ему реагировать на непредвиденные события со всегдашней энергией. В то время как несовершенная система высшего командования союзных войск и хаотичная работа штабов во время начального наступления лишила Витгенштейна реальной надежды на успех. В результате этой битвы союзников вынудили признать, что Наполеон отнюдь не выдохся, и им пришлось бесславно отойти на восток. Некоторые пессимисты даже говорили, что нужно отойти назад к самой Висле; мало кто надеялся на остановку перед Одером. Тем не менее ожесточенность сражения произвела впечатление даже на Наполеона. «Эти животные кое-чему научились» (17), — нехотя признал он. Плоды учения начинали валиться на голову учителя.

В конце ночи после сражения Наполеон предоставил Нею суточный отдых, что было большой роскошью, но за это время он был должен переформировать свои разбитые части, а затем перебросить корпус в Виттенберг и сменить там осажденный французский гарнизон. «Армия Эльбы» должна была тем временем приложить все силы для выяснения, куда же отходят союзники.

К 4 мая стало ясно, что большие силы противника отступают к Дрездену, как и предполагалось, но еще не было никаких известий о местонахождении Бюлова и Клейста. Однако, поскольку Наполеон полностью обладал инициативой, он чувствовал себя вправе разделить свои силы на две части, чтобы предусмотреть все возможные события. Ней, к которому присоединятся Виктор и Рейнье, кавалерия Себастьяни и часть III корпуса, должен будет спешно двигаться к Торгау и Виттенбергу, форсировать речной рубеж, включить нейтральную саксонскую армию в VII корпус и одновременно создать угрозу Берлину. Включение прусской столицы в эти приказы имело двойное значение. Во-первых, Наполеон надеялся, что такое развертывание событий заставит пруссаков отколоться от русских и передислоцироваться на север для защиты Берлина, тем самым предоставляя французам возможность уничтожить союзников каждого в отдельности. Во-вторых, оно отражает непрестанное желание Наполеона воплотить в жизнь свой начальный «генеральный план» массивного наступления в направлении Данцига; видимо, он все еще надеялся осуществить этот грандиозный замысел. Тем временем остальные силы французов должны были продолжать наступление на Дрезден. В корпусе Лористона надлежало занять промежуточную позицию, соединявшую обе французские армии, для чего они должны были вначале направиться от Лейпцига к Гримме на реке Мульде, имея еще одно задание — следить за появлением потерянного генерала Клейста.

К тому времени высшее командование союзников занималось ожесточенными спорами относительно их будущих действий. Вполне понятно, что пруссаки тревожились за судьбу Берлина, но в конце концов было решено отвести всю союзную армию обратно за Эльбу через Дрезден к Баутцену, где будет организовано сопротивление французам. Тридцать тысяч солдат генерала Бюлова, которые 2 мая оста-

вались около Магдебурга и Галле, не имея приказов из-за общей суматохи, должны были соединиться около Рослау, а затем передислоцироваться для прикрытия подступов к Берлину.

Отход союзных войск был вынужденно поспешным. Пятого мая у Колдица произошел ожесточенный бой, когда Евгений нагнал Милорадовича и русский арьергард. Несмотря на это, союзники все-таки осуществили свой отход через Дрезден 7 — 8 мая, однако не успели уничтожить за собой основные мосты. К 8 мая Наполеон был в пригороде Дрездена, и на следующий день на восточном берегу, за рекой, были организованы два французских предмостных плацдарма. Все это время посланцы Наполеона бомбардировали колеблющегося короля Саксонии то роскошными обещаниями, то грозными ультиматумами, требуя его немедленного возврата к выполнению своего долга как члена Рейнской конфедерации. К 10 мая нерешительный монарх все-таки сделал свой выбор в пользу Наполеона, перепоручив императору всю свою армию и город Торгау. Это было значительной материальной и моральной победой для французов, и Наполеон, не теряя времени, превратил Дрезден в свой новый операционный центр; облегчив нагрузку на свои коммуникации, которые шли обратно к Майнцу. Тем временем главная армия союзников отходила к Баутцену, где русские инженерные части укрепляли новую позицию. Прибыв туда, Витгенштейн нашел ожидавшее его желанное подкрепление — армию Барклая-де-Толли с 13 000 русских солдат.

К 11 мая за Эльбой в районе Дрездена было свыше 70 000 французских войск и еще 45 000 в районе Торгау под командованием Нея. Затем последовало недолгое затишье, пока Наполеон совершал реорганизацию своих сил. С целью ведения одновременных операций против Берлина и Баутцена он решил покончить с делением своих дивизий на армии Эльбы и Майна и вместо них создал единую армию численностью более 203 000 человек.

Принц Евгений был переведен с этого театра военных действий в Италию готовиться против возможного австрийского нападения из-за Альп. «Уезжайте нынче же вечером, — писал император своему пасынку Евгению 12 мая, — поезжайте в Мюнхен, а оттуда в Италию. Я уже приказал военному министру передать под ваше командование войска, находящиеся в моем Итальянском королевстве и иллирийских провинциях» (18). Там должен быть создан сильный обсервационный корпус (80—90 батальонов) в надежде запугать Шёнбрунн и уменьшить вероятность вступления Австрии в войну.

Новая французская «армия Эльбы» должна была действовать двумя составляющими. Северное крыло под командованием маршала Нея должно было иметь до 79 500 пехоты и 4800 кавалерии (II, III, V и VII корпуса, II кавалерийский корпус и одна дивизия легкой кавалерии). Южное крыло (IV, VI, XI, XII корпуса), императорские пешая и конная гвардии и I кавалерийский корпус (всего почти пехоты 110 000 и 12 000 кавалерии) — под личным командованием императора, с маршалом Макдональдом в качестве его заместителя.

Из-за нехватки кавалерии французы все еще не располагали данными о точном местонахождении противника. Анализируя разные возможности, Наполеон считал наиболее вероятным, что основная масса сил союзников будет отходить назад через Дрезден по направлению к Баутцену, и выделил только часть своих сил для прикрытия Берлина; общее сосредоточение армии на северном направлении или разделение армии на две равные части — казалось менее вероятным, так как русские склады находились в Силезии и, по крайней мере, именно русские будут стараться держаться поближе к австрийской границе в надежде, что их присутствие сможет повлиять на австрийского императора и тот тоже присоединится к общему делу.

Сначала необходимо было собрать точные данные, и 12 мая VI, XI и IV корпуса были высланы на поиск противника, а силы Нея сосредоточивались у Лукау, готовясь к наступлению на Берлин. Одновременно должен был продвигнуться и

У корпус Лористона в качестве соединительного звена между обеими составляющими. Частично чтобы сбить противника с толку во время этих передислокаций и частично для того, чтобы предотвратить любое соглашение союзников с Австрией, Коленкур, шталмейстер императорского двора, был послан с дипломатической миссией к царю, имея приказ предложить царю заключение немедленного перемирия и созыва общей мирной конференции в Праге. Хитрый Меттерних уже предложил свое посредничество между воюющими сторонами — разумеется, не безвозмездно. Но Наполеон хотел открыть прямые переговоры с Александром, избегая участия третьих лиц. «Мы решили, — писал император своему эmissару 18 мая, — заключить перемирие или временно прекратить военные действия против России и Пруссии на время проведения такого конгресса. Чтобы предотвратить сражение, которое, очевидно, неизбежно из-за позиции противника, и тем самым не дать пролиться крови во имя гуманных соображений, мы желаем, чтобы вы подошли к передовым постам и потребовали допуска к императору Александру для передачи ему этого предложения» (19).

До того как Коленкур отправился с этим поручением, маршал Макдональд, командующий рекогносцировочными силами, нашел союзников под Баутценом 16 мая. Убедившись в достоверности этого, Наполеон приказал своим трем ведущим корпусам сковать врага, в то время как Удино выполняет обход к югу от позиций противника. Он также предупредил Нея, чтобы тот был готов направиться на юг со своим собственным корпусом, взяв с собой по пути Лористона, но заметил, что II и VII корпуса (Виктор и Рейнье) должны продолжать наступление на Берлин в случае, если пруссаки двинутся на север. В результате из этих приказов получилась изрядная путаница, и в конце концов Ней направился на юг, таща за собой все свои корпуса и не совсем понимая, что же от него требуется. Но 18-го Наполеон послал князю Московскому новые приказы, требуя, чтобы 20-го он двигался таким образом, чтобы заставить противника поверить в то, что он намеревается присоединиться к Макдональду около Баутцена, зато 21-го он должен будет повернуть на восток на Дрезу, чтобы встать в тылу у противника. Если бы этот маневр удался, коммуникации союзников, идущие через Лёбау и Гёрлиц, окажутся в смертельной опасности, и вполне может случиться так, что противника оттеснят назад, к нейтральной австрийской границе, где он либо избежит уничтожения, либо ему придется капитулировать.

Однако задержки и непонимание со стороны Нея лишили Наполеона того, что должно было бы стать решающей победой, и к вечеру 20-го сбитый с толку гасконец собирался поставить своих солдат на оборонительную позицию у Маукендорфа, обратившись к востоку, а не к югу, то есть совершенно не поняв отводимой ему роли в приближающемся сражении.

К 10 часам утра Наполеон уже приближался к Баутцену, и весь день был проведен в детальной рекогносцировке позиций неприятеля. На основании своих наблюдений он определил численность противника в 150 000 человек, сильно преувеличив реальную цифру (на самом деле Витгенштейн располагал в этот момент немногим более 96 000 солдат). Затем он увидел, что противник расположил свои силы вдоль ряда укрепленных отрогов и гребней перед рекой Шпрее и занятый им город Баутцен мог бы быть использован в качестве передового укрепления, слегка выдвинутого перед центром театра действий. Он разглядел, что имеются две главные оборонительные линии, идущие вдоль фронта длиной почти семь миль. И наконец, он определил, что далекая деревушка Хохкирх является ключом к тыловым районам, так как она господствует над главной дорогой, ведущей в Гёрлиц.

В течение дня подходили армейские корпуса главных сил. Корпус Бертрана образовал северное крыло, Мармон и Макдональд удерживали центр; Удино быстро подходил к правому флангу. Императорская гвардия встала в центральном резерве вокруг Ферстгена. Вначале французский фронт был на одну милю короче, чем линия союзников.

За исключением ряда ожесточенных, но мелких стычек, 19 мая почти не было боевых действий. Вскоре Барклай-де-Толли и генерал Йорк вышли из оборонительных сооружений с сильным разведывательным отрядом и отправились на рекогносцировку французских позиций на левом фланге линии. Это был именно тот сектор, где вскоре ожидался корпус Лористона, и было важно, чтобы к нему не подобрались разведчики союзников. Маршал Бертран, соответственно, выделил свою Итальянскую дивизию и выслал ее навстречу Нею и Лористону, однако эта операция была плохо организована, и разведывательный отряд союзников вскоре обратил их всех в бегство. Но тогда выступил Келлерман с французской кавалерийской дивизией, и они вместе с авангардом Нея вскоре оттеснили Баркляя через Кёнигсварту к Шпрее. В это же время французский V корпус прогнал Йорка, и к ночи Лористон встал лагерем около Вайсига, а Ней достиг Маукендорфа (Рейнье был невдалеке, за его тылом). Таким образом, обход правого фланга союзников шел быстро, несмотря на то, что Ней все еще не мог оценить сложившееся положение.

Баутцен стал местом двухдневного, крайне ожесточенного сражения, где удача переходила то на одну, то на другую сторону. Если союзников было намного меньше, чем французов, зато они хорошо укрепились, имели перед собой реку, тогда как у Наполеона большинство соединений состояло из плохих солдат — и измотанных и неопытных. С самого начала Наполеон поставил перед собой две задачи, а именно — обойти правый фланг союзников и захватить деревню Хохкирх. Этого было бы довольно для того, чтобы отделить противника от Силезии и тем самым отдать его полностью на милость французов. Его план был достаточно прост — он следовал принципам «системы» Кастильоне.

В то время как Мармон, Макдональд и Удино будут осуществлять фронтальную атаку, сковывая его и изматывая людской состав, Ней и его второстепенные силы обойдут правый фланг союзников, заставив этим Витгенштейна ввести в бой свои резервы и ослабить свой правый центр, чтобы образовать новую линию, обращенную к угрожаемому сектору. Затем в критический момент свежий корпус Бертрана начнет главную атаку против этой ослабленной части главной линии союзников. Учитывая силу позиции противника и то, что Ней 19-го еще не занял намеченную позицию, император решил, что весь первый день будет посвящен боевым действиям, ориентированным на измор противника, а фактический обход и конечная атака будут отложены до 21-го, так как к этому сроку его силы к ней полностью подготовятся. Со своей стороны, союзники рассчитывали сдерживать напор французов и изматывать их, а затем начать контратаку вокруг левого фланга французов. Царь был убежден, что Наполеон направит свое главное усилие против левого фланга союзников с тем, чтобы оттеснить их от австрийской границы. Поэтому войска были сосредоточены к югу, в силу чего их правый фланг удерживался довольно слабо.

До полудня 20 мая французы намеренно выжидали, но вскоре начался обстрел неприятельской линии, и около 3 часов дня были предприняты первые крупные атаки. Благодаря беззаветной отваге саперов, построивших мосты на козлах через Шпрее под сильнейшим огнем, французская пехота ворвалась в первую линию позиций союзников, используя фронтальные удары, и к 6 часам вечера овладела городом Баутценом и всей линией фронта. К этому времени союзным командованием овладела тревога за их левый фланг, который громил Удино, и в результате большая часть их резервов была переброшена на южный сектор. Подход Нея к Кликсу уже не был секретом, но союзники совершенно не оценили численности его войска и, соответственно, продолжали игнорировать эту новость. Наполеон едва ли мог надеяться на лучшее.

На рассвете 21 мая Наполеон уже работал, диктуя свои последние окончательные приказы для дневного сражения. Было очевидно, что все части Нея не успеют подойти раньше 11 часов, а Лористон все еще будет на марше, отойдя от своих bivouakov около Лейхнама и направляясь к указанным ему позициям около Прай-

тица на фланге армии союзников. Поэтому император приказал Нею вступить в бой силами своего III корпуса, а задача проникновения глубокими клиньями в тыл противника, чтобы блокировать дорогу на Гёрлиц, была возложена на Лористона. Наполеон рассчитал, что сочетание этих двух действий должно обязательно заставить противника ослабить свой центр для укрепления фланга. За это время герои боев предшествующего дня — Мармон, Макдональд и Удино — возобновят свои сковывающие атаки, ведя их максимально ожесточенно на участке, который превратился во «второстепенное поле боя» и который ограничен укрепленными позициями левого фланга и центра неприятеля, лежавшими за речкой Блосса. Завершающий большой удар, наносимый IV корпусом Бертрана, должен был проводиться под общим руководством маршала Сульта — ветерана подобной операции на Праценских высотах в декабре 1805 года. Наконец, чтобы быть готовым к любой неожиданности, император сосредоточил свой главный резерв в долине Базанквица около Базана. Это отборное соединение состояло из трех дивизий отличных стрелков (двух из молодой гвардии и одной из старой), трех кавалерийских дивизий (двух из соединения Латур-Мобура, третья — из гвардейской кавалерии) и не менее чем из 80 пушек (14 — из корпусов, остальные из артиллерийского резерва гвардии, 48 «пеших» пушек и 18 стволов конной артиллерии).

Начало сражения было очень трудным для французских войск, осуществлявших «сковывающие» атаки. В особенности Удино на крайнем правом фланге испытывал самое отчаянное сопротивление, так как он находился близко от линий коммуникаций союзников, а противник теперь, к 1813 году, уже знал достаточно о стратегических методах Наполеона, чтобы понимать всю важность разрыва коммуникаций. Поэтому Горчаков получил сильное подкрепление в добавление к войскам Милорадовича. Испытывая сильнейшее давление, Удино, естественно, обратился к императору за помощью. Первую просьбу просто проигнорировали; на вторую был получен не особенно ободряющий ответ: «Скажите вашему маршалу, что сражение будет выиграно в 3 часа дня, а до этого времени пусть обходится, как знает»⁽²⁰⁾. Неудивительно, что XII корпус Удино начал понемногу отступать, но это вполне устраивало Наполеона, так как противник выходил при этом из своих укрепленных позиций. У Макдональда и Мармона дела обстояли немного лучше, и к полудню Мармон начал переходить через Блоссу и вести бой у главных артиллерийских позиций противника. Это убедило Наполеона в необходимости выслать дивизию Барруа из молодой гвардии, чтобы занять место на левом фланге VI корпуса. К этому времени накал боя на левом фланге Наполеона показал ему, что войска Нея полностью участвуют в сражении и что подошел момент для главного удара, *le coup de foudre*¹.

Сульт был готов получить приказ. Большая часть дня накануне была использована для сооружения мощных земляных укреплений на восточном берегу Шпрее, и эта вновь созданная особенность рельефа явилась прекрасным прикрытием для его саперов, строящих дополнительные понтонные мосты для большого наступления. Затем не замеченные противником 20 000 пехоты, 1000 кавалерии и 30 пушек IV корпуса спокойно перешли реку и сосредоточились на северной стороне плато. Непосредственной задачей Сульта было занять участок Крешвиц — Плисковиц. Задача была не из легких, и император снова выслал дивизию Барруа из молодой гвардии, чтобы атаковать Крешвиц, и велел подвезти все имеющиеся пушки, чтобы прикрыть это направление атаки.

В 2 часа дня IV корпус пробился на плато и ворвался на позиции, удерживаемые генералом Блюхером, сосредоточив все усилия на захвате форта — ключа к его позициям. Увидев, что эта атака идет полным ходом, Наполеон выдвинул 60 пушек гвардейского резерва и разместил их к западу от Базанквица, где их защищали соседние соединения молодой гвардии, сосредоточенные в безопасном месте, в

¹ Удар молнии (фр.).

долине. Эти пушки немедленно открыли сильный огонь по Крешвицу и горам над ним. С 2 до 3 часов канонада продолжалась не затихая, и за это время Сульт успешно овладел ключевым фортом Блюхера. Но ему не удалось захватить следующие позиции, потому что для развертывания корпусной артиллерии не нашлось подходящего плацдарма. Лишившись тесной артиллерийской поддержки, IV корпус понес огромные потери и замедлил темп наступления.

На крайнем левом фланге Нея и Лористона преследовали трудности с самого начала операции III и V корпусов. Оба корпуса нашли отведенные им направления атак загороженными своими же соседними частями. Только к 11 часам утра Ней смог навести порядок и захватить важный глейнауский редут. От Наполеона пришло срочное сообщение, в котором говорилось, что император надеется в течение следующего часа увидеть деревню Прайтиц в руках Нея. Ней делал все, что мог, но к 11 часам утра он лишь успел достичь окраины деревни. Таким образом, он действительно рассек тыловой район Блюхера, но этот старый стреляный воробей все-таки ухитрился с большим искусством спасти своих дорогих пруссаков.

Но тут Ней совершил грубую ошибку. Вместо того чтобы послушаться совета своего начальника штаба (барона Жомини) просто выставить заслон против сильных укреплений Прайтица, которые теперь были не нужны, так как Блюхер все равно ускользнул, и начать глубоко вклиниваться в тыл противника, он упрямо бросал солдат в одну атаку за другой против деревни, неся большие потери. Эта глупость повлияла и на медлительное наступление Лористона. Ни V корпус, ни VII (Рейнье) в его тылу не отличались в этот день расторопностью, и в результате Ней постепенно оттеснили назад от Прайтица, и он отошел в значительном беспорядке. Однако Рейнье появился вовремя, чтобы дать разбитой дивизии Суама собраться с силами в тот момент, когда она уже едва не рассыпалась. Наконец к 2 часам дня Ней собрался со всеми своими силами, но снова начал тратить бесценное время, пытаясь вытеснить Блюхера с плато Малый Буршвиц, вместо того чтобы выбить его оттуда при помощи маневра. Таким образом, замедлились темпы обходного и окружающего маневра. Однако навязчивая идея овладеть Прайтицем полностью подчинила «храбрейшего из храбрых», и после полудня оба корпуса, выполнившие обходное движение, застряли в окрестностях деревни.

Тем временем в главном секторе Наполеон сосредоточивал огонь всех пушек против русских войск, защищавших Зенквиц и Бауштуц. Но, несмотря на все его усилия, русская линия продержалась до 5 часов вечера благодаря великолепной отваге русской гвардейской кавалерии и артиллерийского резерва союзников. Но постепенно давление беспощадных атак французов начало сказываться на утомленных русских, и около 4 часов дня царь Александр разрешил начать ограниченный отход из сектора Бинневиц. Удино немедленно возобновил наступление, но его солдаты были слишком устали, да и потери были велики, поэтому не удалось провести эффективного преследования. Другие «фронтальные» корпуса тоже начали продвигаться вперед в своих секторах.

Тем временем в середине левого фланга Сульт все еще настойчиво старался прорваться через линию союзников, испытывая ожесточеннейшее сопротивление. Наполеон заметил, что сопротивление союзников стало почти повсеместно ослабевать, и выложил свою последнюю козырную карту — пустил в бой императорскую гвардию. Эти ветераны десяти кампаний двинулись вперед в поразительном порядке и с ревом обрушились на левый фланг Блюхера. Это был критический момент. Блюхеру пришлось попятиться, и его отступление стало сигналом для всеобщего отхода союзных войск. Однако неспособность Нея и Лористона вклиниться глубже за Прайтиц и Барут означала, что естественный путь отхода союзников был все еще открыт. Самое большое, что смогли сделать измученные остатки III корпуса, было взять (наконец) Прайтиц и сомкнуться с Бертраном своим правым флангом около Малого Буршвица. И так союзники отошли назад в порядке,

забирая с собой все годные к движению пушки: русские — к Лёбау, пруссаки — к Вайсенбергу. Все попытки к преследованию были прекращены из-за сильнейшей бури в 10 часов вечера. Сражение при Баутцене было окончено.

Баутцен мог бы стать образцовой наполеоновской битвой, если бы не глупость Нея, медлительность Лористона и общая нехватка кавалерийских лошадей, которая делала невозможным их правильное использование. Симптомом ухудшения качества французской армии было и то, что Наполеону пришлось ввести в бой свою любимую гвардию, чтобы добиться благоприятного исхода. Ему также очень не хватало великих полководцев-ветеранов, в особенности Лана, убитого в 1809 году, Даву, воюющего на нижней Эльбе, и Массены, находящегося далеко в Испании. Тем не менее по своему замыслу и общему воплощению сражение при Баутцене является одним из самых интересных и ярких примеров военного искусства Наполеона. Однако, как и при Кастильоне, ошибки подчиненных лишили Наполеона решающей победы. При Баутцене он опять страдал из-за отсутствия истинно компетентного генерального штаба и вопиющей недисциплинированности всего личного состава; трудности снабжения на неприятельской территории тоже осложняли выполнение замысла.

За это двухдневное сражение каждая сторона потеряла около 20 000 человек. Поражение отразилось на падении морального духа союзников; их счастье, что французское преследование было относительно медленным и малоэффективным. Оно началось только 22 мая, и его непосредственным результатом была жестокая схватка с союзниками у Рейхенбаха, в которой был смертельно ранен генерал Дюррок — церемониймейстер императорского двора. Эта новая утрата стала сильным личным горем для Наполеона. Его непосредственной реакцией было совершенно необычное решение отозвать назад преследование.

Тем не менее шло время, и французы делали значительные успехи. Союзники, как водится, ссорились друг с другом. Витгенштейн подал прошение об отставке из-за своих разногласий с царем, который фактически руководил сражением при Баутцене и загубил его. Его заменил опытный Барклай-де-Толли в роли главнокомандующего. Он тоже, в свою очередь, рассорился с Блюхером, когда русские предложили отход в Польшу. Но в конце концов было достигнуто компромиссное решение, по которому обе армии отошли к Швейдницу в Силезии, откуда они могли бы поддерживать контакт с Австрией и в то же время хотя бы делать вид, что защищают землю Пруссии.

Тем временем Наполеон пытался наилучшим образом использовать положение. Удино был направлен к Берлину через Хойерсверду, а главная французская армия ускоренно двигалась к Кацбаху. Одновременно Даву возобновил свои действия на нижней Эльбе. Не все эти усилия были успешными. Удино благополучно противостоял атаке Бюлова 28 мая, но не смог достаточно быстро организовать преследование и поэтому, в свою очередь, понес поражение при Лукау. На главном фронте союзники оказывали такое упорное сопротивление, что и Бертран и Макдональд в одном месте даже немного отступили назад. Но 1 июня Наполеон одержал успех, заняв Бреслау на Кацбахе. За три дня до этого Даву успешно вернул себе Гамбург. Но становилось очевидно, что у французской армии нет достаточно сил, чтобы одним ударом закончить кампанию. Их коммуникациям везде угрожали казачьи отряды, кишящие повсюду; у молодых солдат быстро падал моральный дух при виде жертв сражений, болезней, потерь отставших, когда не было видно признаков настоящей победы; маршалы вечно ссорились, в один из моментов маршал Ней даже подал в отставку, но она не была принята.

Поэтому обе стороны были готовы приветствовать возобновившиеся предложения перемирия, выдвинутые Австрией, чье посредничество Наполеон на этот раз согласился принять. Хотя своим взятием Бреслау он поставил себя в выгодное положение, угрожая флангу и тылу швейдницких позиций, император был готов при-

нять перемирие. Так же был настроен и Александр, хотя только две недели назад он наотрез отказался говорить с Коленкурром. Второго июня началось 36-часовое прекращение военных действий, но после конференции в Плазвице 4 июня стороны согласились, что перемирие продлится до 20 июня, в ожидании исхода переговоров о мире. И таким образом несколько неожиданно весенний этап кампании 1813 года подошел к концу.

Глава 78

ПЕРЕМИРИЕ

Некоторые видят в готовности Наполеона принять такое компромиссное решение неоспоримое доказательство упадка его сил. На самом деле, каков бы ни был потом исход его решения, оно было основано на здравых оценках того момента, ибо французская армия очень нуждалась в отдыхе и реорганизации. «Из новостей в «Монитёре» вы увидите, что идут переговоры о перемирии. Возможно, они будут подписаны сегодня или завтра, — начиналось письмо генералу Кларку от императора, датированное 2 июня. — Это перемирие прервет череду моих побед. Два соображения заставили меня принять это решение: нехватка кавалерии, что не дает мне нанести большой удар, и враждебное отношение Австрии»(21).

Хотя недостаток кавалерии как отдельного рода войск был вполне реален и едва ли можно было не обращать внимания на присутствие 150 000 австрийцев, которые сосредоточивались в окрестностях Праги, были и другие причины, настоятельно диктовавшие такой ход действий. Во-первых, это было влияние стратегического расхода на очень несовершенно организованную и быстро утомляющуюся армию. С начала кампании французы потеряли почти на 25 000 больше убитыми и ранеными, чем противники. Кроме того, напряжение безостановочных маршей и боев дало еще 90 000 больных, а количество отставших, падавших в изнеможении прямо на дорогах, достигло тревожных размеров. Сочетание этих потерь исключало всякую возможность полной победы и в то же время делало последствия даже одного поражения крайне серьезными. Затем все больше и больше начинала ощущаться нехватка боеприпасов; после выхода из Дрездена армия продвигалась невероятно быстро, оставив тылы далеко позади себя. Наконец, давление партизанских и казачьих налетов на линии коммуникаций делали практически невозможным подвоз продовольствия и боеприпасов. Только 30 мая был захвачен артиллерийский конвой и 1600 человек около Хальберштадта. В результате был утрачен темп наступления Наполеона, и была необходима передышка.

Положение союзников тоже становилось все более отчаянным. Они понесли два тяжелых поражения, численность их неуклонно уменьшалась, а военачальники непрерывно враждовали — и, по-видимому, не было возможности ни разгромить Наполеона, ни убедить Австрию отказаться от своей двусмысленной позиции в существующих обстоятельствах. И царь, и король Пруссии решили остановиться и сражаться у Швейдница, каков бы ни был исход. Французы же даже не отдавали себе отчета, что, когда они заняли Бреслау, тем самым обойдя рубеж Кацбаха, они были недалеко от полной победы. Очевидно, положение союзников было куда более отчаянным, когда начало действовать перемирие со 2 июня, чем даже подозревал Наполеон. Следовательно, от прекращения огня больше выигрывали союзники, чем французы, и поэтому, со стратегической точки зрения, Наполеон виновен в неправильной оценке положения.

Ни одна сторона не могла искренне ожидать, что из переговоров и конференций возникнет мир. Вероятнее всего, каждый смотрел на это затишье как на передышку, короткую паузу между раундами в борьбе не на жизнь, а на смерть. Когда

Наполеон 10 июня вернулся в Дрезден, чтобы сделать его своей главной базой, несомненно он уже размышлял о пополнениях и будущей стратегии. Союзники же думали только о том, как уничтожить Наполеона. Поэтому последовал период лихорадочных интриг и контринтриг, по мере того как обе стороны тщетно пытались усилить свои политические и военные позиции до грядущего возобновления боевых действий, которые каждый считал в душе неизбежными. Пятнадцатого июня Англия дала два миллиона фунтов стерлингов России и Пруссии и обещала 500 000 Австрии, если та займет твердую позицию против Наполеона. Седьмого июля Швеция окончательно обещала полную поддержку союзникам. Девятнадцатого, согласно статьям тайного Рейхенбахского соглашения, Австрия обещала обратить все свои войска против императора, если он отвергнет предлагаемые ему условия.

Тем временем увертливый и беспринципный Меттерних вел тонкую дипломатическую игру. Перед своим знаменитым свиданием с Наполеоном 26 июня австрийский политик мог без труда оценить атмосферу, царившую при императорском дворе. «Мне было бы трудно описать то мрачное беспокойство, которое я увидел на лицах залитых золотом придворных и генералов, толпящихся в апартаментах императора. Принц Невшательский [Бертье] сказал мне шепотом: «Не забывайте, что Европе нужен мир. Франция прежде всего хочет только мира»(22).

Однако когда Австрия представила свои условия для всеобщего замирения, они оказались совершенно неприемлемыми. Союзники потребовали ни много ни мало, как ликвидации Великого герцогства Варшавского и Рейнской конфедерации, возврата иллирийских провинций Австрии и восстановления Пруссии в границах 1805 года. Такие требования сильно походили на условия, диктуемые побежденному врагу, и Наполеон, имевший две победы и больше пополнений (хотя и новобранцев), спешивших влиться в его армии, отверг эти условия.

По предложению союзников, перемирие было продлено еще на три недели — якобы чтобы конференция могла выработать свои решения, но на деле чтобы дать Австрии время закончить свою тайную мобилизацию. Наполеон, также желавший завершить свою подготовку, не возражал, хотя у него уже не было иллюзий насчет будущего исхода. Затем 12 августа Австрия объявила войну Франции. Предполагалось, что перемирие с Россией и Пруссией продлится до 16-го, но за три дня до этой даты Блюхер начал агрессивно наступать из района Бреслау. Возобновилась «битва гигантов».

К середине августа союзники почти закончили свои приготовления и планирование. Этот перерыв позволил им увеличить свою армию до огромной величины. В этот момент Россия имела под ружьем не менее 184 000 человек. Пруссия вела мобилизацию большого количества ополченцев ландвера, которые со временем увеличили общую численность войск до 160 000; Бернадот осторожно двигался к Берлину с 40 000 шведов. Австрия также добавила еще 127 000 человек. Поэтому в целом союзники уже имели наготове более полумиллиона человек (556 батальонов, 572 эскадрона, 68 казачьих полков). В перспективе было еще 350 000 человек из запаса и войск второго эшелона, которые могли быть вскоре использованы. В главных полевых армиях уже было 1380 орудий. К середине августа сформированы три армии. Бернадот был поставлен командующим Северной армией, состоявшей из шведов и пруссаков (110 000), и к концу перемирия он уже занимал район Берлина. Блюхер, находившийся южнее Бреслау, возглавлял Силезскую армию (95 000), как и раньше. Третий, князь Шварценберг, был занят сбором последних элементов своей чешской армии (230 000) на верхней Эльбе. В этой армии, кроме австрийцев, были большие части, состоявшие из русских и из пруссаков. Четвертая — Польская армия под командованием Беннигсена (60 000) — еще формировалась в Польше. В Пруссии и Австрии вновь призванные воинские контингенты спешили войти в союзные войска.

Планы союзников многократно менялись прежде, чем их утверждали командующие. Но и утвержденные, они остались весьма сложным объединением. Одна-

ко было ясно, что союзники ни в коем случае не смогут выступить против Наполеона по отдельности. Они собирались наносить ему поражения по частям, по мере возникновения возможностей у каждого из союзников. В так называемом плане Трахенберга подчеркивалось, что армия, атакуемая главными силами Наполеона, должна немедленно начинать отход, в то время как другие армии будут вплотную сближаться с французскими коммуникациями самыми прямыми путями. Командующие союзников, естественно, с почтением относились к военному искусству Наполеона и понимали, что постепенная война на измор надежнее приведет к желаемому результату. Главной силой союзников должна быть Чешская армия. Но князю Шварценбергу было далеко до идеального верховного командующего, так как у него не хватало уверенности, к тому же он был слишком осторожен. Это было причиной того, что царь Александр часто лично вмешивался в дела, и далеко не всегда с успешными результатами. Однако 17 августа, преодолев свои разногласия, высшее командование решило начать трехэтапный поход на Лейпциг, несмотря на то, что это привело бы к разрыву с Силезской армией. Известие о победе Веллингтона в Виктории в Испании (21 июня) способствовало поднятию духа войск.

Тем временем Наполеон сосредоточивал свои силы со всей возможной скоростью. К августу он набрал 559 батальонов, почти 400 эскадронов и 1284 пушки, то есть, вероятно, он имел 400 000 пехоты и почти 40 000 кавалерии. Кроме того, примерно четверть миллиона были заняты в гарнизонах крепостей на Эльбе, в дальних и изолированных частях, все еще сохранившихся в Польше в Итальянской армии Евгения и в баварских войсках генерала Вреде на реке Инн. Таким образом, Наполеон мог выставить против более чем 800 000 союзных войск не менее 700 000 своих, хотя реальная боеспособность этих сил была иллюзорной из-за обычной слабости новобранцев. Однако у французов было преимущество в общем качестве офицеров и артиллерии и в том, что по крайней мере основная масса их многонациональной пехоты получила одинаковую подготовку и была вооружена однотипным оружием. Союзники были значительно слабее в этих отношениях. Лишь французская кавалерия оставалась опасно слабой, и только в одном этом союзники имели большое преимущество с самого начала кампании. Ослабило наполеоновскую армию также предательство блестящего барона Жомини, который после ссоры с Бертье из-за перспектив продвижения предложил свои услуги «тем, другим». Храбрый, но не особенно находчивый маршал Ней так никогда и не смог примириться с потерей своего «серого кардинала», перешедшего на сторону врага.

По-видимому, император составил свой план действий только незадолго до возобновления кампании. Постепенно он разработал двухэтапную схему. Как и во время баутценского периода предшествующей операции, французская армия была разделена на два крыла. Большее (250 000 человек, состояло из I, II, III, V, VI, XI и XIV корпусов) займет стратегическую оборону, базируясь на саксонской столице Дрездене, где в среднем течении Эльбы стоят усиленные крепости Магдебург, Виттенберг и Торгау, а передовые позиции в Баутцене и Гёрлице послужат опорными пунктами. Сам Дрезден с его огромными складами и лагерями играл роль центра всей этой системы. «Что для меня важно — так это не быть отрезанным от Дрездена, — говорил император. — Я не буду взволнован, если меня отрежут от Франции» (23). Вторая часть армии была доверена маршалу Удино; ему было подчинено почти 120 000 человек, составляющих IV, VII и XII корпуса вместе с кавалерией Арриги (III резервный корпус), сосредоточенные вокруг Лукау, и XIII корпус Даву (35 000 человек), удерживающий Гамбург и нижнюю Эльбу. За исключением Даву (ему предстояло наступать в восточном направлении), эти силы предназначались для проведения мощной атаки против Берлина и боев с армией Бернадота после этого.

Этот план содержал элементы начального апрельского плана, а также в нем были ощутимые мстительные желания наказать вероломного монарха и изменника

экс-маршала. Однако план был не из самых блестящих. Наполеон явно расстался с идеей быстрого наступления в южном секторе — единственном, где возможно было дать решающее сражение, а вместо этого принял решение об обходном движении, которое в лучшем случае только бы отвлекало пруссаков от их австрийских и русских союзников. Возможно, он надеялся на что-то вроде стратегического Аустерлица, но тогда его выбор командующего для наступления на Берлин был несколько странен. Эта задача была бы по силам Сульту, но после Виктории пришлось послать герцога Далматского назад на разваливающийся испанский фронт.

По-видимому, план Наполеона был сформулирован им 12-го и 13 августа. Стоящие перед ним перспективы едва ли были радующими; его вид в это время, по словам д'Одлебена, был «крайне серьезным и задумчивым»(24). Действительно, император даже пошел на совершенно необычный шаг — он попросил своих маршалов высказать свои мнения о его плане. Сен-Сир возразил, что недооценивается сила шведов. Мармон даже еще более пророчески указал на опасность, таящуюся в разделении французских войск на две достаточно разобщенные части: «Я очень боюсь, что в тот день, когда Ваше величество одержит большую победу и будет считать, что выиграно решающее сражение, Вы узнаете, что проиграли два сражения»(25). Однако план императора исходил из некоторых здравых предпосылок. Если бы он начинал наступление на юге, это, вероятно, вынудило бы союзников отойти далеко в Польшу, куда ему пришлось бы обязательно следовать, растягивая свои слабые коммуникации и истощая своих и без того голодных новобранцев, доказавших, что воевать они могут, но совершать длительные марши не в состоянии. С другой стороны, вторичное усилие, ведущее к захвату Берлина, несомненно, явится большим моральным преимуществом в случае успеха и сможет безнадежно расколоть союзников. Однако чтобы достичь этого, нужно было разделить свои войска в критический момент, а иррациональные тенденции вендетты против Пруссии и Бернадота были явно заметны в этом плане: Наполеон желал отомстить своему бывшему союзнику и своему соратнику за предательство.

Глава 79

ДРЕЗДЕН

События в начале кампании оказались отнюдь не такими, как представлял себе Наполеон, и это привело к значительным сомнениям и колебаниям, чего почти никогда не бывало у Наполеона в эпоху расцвета. Приехав из Дрездена 17-го в Баутцен, он узнал, что большие силы русских продвигаются из Польши на запад для соединения с Силезской армией. Его реакцией было немедленное изменение всех планов и осуществление переброски всех имеющихся сил в восточном направлении, чтобы уничтожить ослабленного Блюхера ранее, чем подкрепление успеет достигнуть его. Для прикрытия этого маневра Вандамм был вызван в Баутцен, а маршалу Сен-Сиру было дано указание держаться за Дрезден любой ценой против Шварценберга и в случае неудачи выигрывать время за счет уступок окружающей территории.

На следующий же день, прибыв в Гёрлиц, Наполеон снова передумал и решил направиться к Циттау перед тем, как нанести удар во фланг Витгенштейну с его 40 тысячами русских, все еще следующих для присоединения к войскам Шварценберга. Но едва успела оформиться эта идея, как Наполеон снова резко повернул к своему прежнему плану от 17 августа, услышав, что Блюхер все еще наступает против Нея, Мармона и Лористона. Двадцать первого главная французская армия переправилась через реку Бобр, наступая в восточном направлении, но Блюхер немедленно начал отход согласно принятой союзниками стратегией.

У Наполеона, разумеется, не было средств убедиться в том, что это — обдуманная политика пруссаков, и он продолжал преследование.

Но не успел он 22 августа достичь Лёвенбурга, как его нагнала депеша от Сен-Сира. Этот маршал, против которого наступала целая Чешская армия в направлении Дрездена, взывал о немедленной, срочной помощи. «Наихудшее в нашем положении, вообще говоря, это недостаток уверенности в самих себе у наших генералов, — брюзжал Наполеон в письме к Мале. — Когда меня нет, они преувеличивают численность противника» (26). Хотя он не принял всерьез тревог Сен-Сира, он решил вернуться лично в Дрезден вместе с Вандаммом и гвардией, за которыми должны были последовать Мармон и Виктор. Он возложил на Макдональда руководство силезскими операциями и срочно приказал оттеснить Блюхера обратно до Яуэра, а после этого отойти к сильной позиции за Бобром для того, чтобы образовать оборонительный фронт.

Наступление союзников на Дрезден вместо Лейпцига было вызвано появлением Наполеона в Циттау 20 августа. Это изменение направления марша вызвало немалое смятение, но к 22-му передовые посты Сен-Сира около Хеллендорфа были оттеснены назад к городу. На следующий день Витгенштейн достиг южных предместий, но 25 августа Сен-Сир организовал яростную контратаку, и авангард союзников был в беспорядке отброшен назад. В результате такой неудачи союзники решили в дальнейшем действовать наверняка. Они не знали ни численности солдат у Сен-Сира, ни точного местонахождения Наполеона и поэтому решили отложить атаку против Дрездена до 26-го — то есть к тому времени, когда их рассеянные колонны успеют снова построиться в порядке.

Хотя Сен-Сиру удалось выиграть немного времени таким образом, Наполеон уже снова решил изменить свои планы. Он внезапно понял, что ему представляется реальная возможность разгромить Чешскую армию. Подтянув почти все свои силы к югу от Дрездена, Шварценберг сделал уязвимыми свои коммуникации для внезапного удара через Кёнигштайн и Пирну. Император немедленно начал стягивать войска отовсюду. Он надеялся к 23 августа собрать у Штольпена гвардию, I, II и VI корпуса вместе с I кавалерийским резервом и затем начать нападение через Эльбу. Поэтому марш Вандамма к Эльбе был отменен. Ней должен был приехать из армии Макдональда, чтобы помогать в этой операции, оставив свой III корпус под временным командованием генерала Суама. Коммуникации, соединяющие Дрезден с Лейпцигом, должны теперь быть направлены вдоль менее уязвимого восточного берега Эльбы. Сен-Сиру следовало удерживать Дрезден своими силами, без прямого пополнения.

Чтобы этот план удался, было совершенно необходимо, чтобы Сен-Сир продолжал сопротивляться и сковывать союзников в Дрездене, пока полностью не развернется задуманная Наполеоном операция. Было также важно, чтобы Макдональд успешно задерживал Блюхера дальше на востоке, а Удино продолжал подавлять Бернадота южнее Берлина. В действительности же во всех этих секторах возникли осложнения, которые загубили выполнение этого плана. Началось с Нея, который настаивал на своем выходе к Штольпену со всем своим корпусом и даже кавалерией Себастьяни, что прямо противоречило приказу Наполеона. Таким образом он лишил армию Макдональда на Бобре почти половины численности и дал увидеть Блюхеру, что преследование его французами явно ослабеваает. Все еще не подозревая об этом осложнении, Наполеон достиг Штольпена к утру 25-го и послал приказ Вандамму готовиться к переправе через Эльбу.

Затем пришло известие о новом затруднении. Оказалось, что Удино потерпел серьезную неудачу в берлинском секторе и что это обстоятельство могло подвергнуть опасности новые французские коммуникации вдоль восточного берега Эльбы. Вначале у маршала Удино все шло хорошо — он почти выполнял свою роль в кампании. Между 19-м и 21 августа наступления и его, и Даву имели значитель-

ный успех, сильно напугав Бернадота. Берлин вполне мог попасть в руки французов, но Удино позволил своим колоннам широко разойтись во время наступления, и 23 августа генерал Рейнье был выброшен из Гроссберена внезапной контратакой генерала Бюлова, решительность которого была подтверже, чем у Бернадота. Эта неудача, хотя и относительно небольшая, оказалась невыносима для Удино, и он приказал немедленно отойти к Виттенбергу, частично оголив северный фланг Наполеона. У Даву не было другого выхода, как согласованно действовать вместе с Удино и отойти к Гамбургу. Все детали этих неурядиц не сразу дошли до Наполеона, но первые слухи о том, что произошло, достигли ставки 25 августа, дав ему повод для беспокойства о безопасности переведенных на новое место коммуникаций по Эльбе. Его быстрая реакция заключалась в том, что он приказал Сен-Сиру выделить кавалерийский корпус д'Эретье из и так уже с трудом державшегося дрезденского гарнизона и послать его в северном направлении к Гросенхайну, чтобы образовать еще один боковой авангард. Выделение части войск в такой критический момент отнюдь не повысило уверенности в своих силах у Сен-Сира.

Несмотря на то, что император все еще намеревался нанести удар 26 августа, он начал все сильнее беспокоиться об истинном положении дел у Дрездена и выслал генерала Гурго проинспектировать оборонительные сооружения и сообщить о возможности Сен-Сира продержаться. Поздно вечером 25-го Гурго вернулся с совершенно неутешительными сообщениями. По его оценкам, Сен-Сир сдастся в течение суток, если ему не будет послана немедленная помощь. Это было очень серьезным осложнением. С одной стороны, Наполеон не мог позволить потерять Дрезден с его огромными складами и армейскими парками; с другой стороны, возможность нанести решающий удар во вражеский тыл была крайне соблазнительной. В час ночи 26 августа Наполеон принял компромиссное решение. Корпус Вандамма должен вести свое наступление из Пирны самостоятельно; гвардия, кавалерийский резерв, за которыми последуют Мармон и Виктор, без промедления выйдут маршем на Дрезден, причем головная часть колонны выступит в 4 часа утра(27).

Как потом оказалось, это компромиссное решение лишило Наполеона того, что вполне могло бы стать решающей победой во всей кампании. Если бы он послал, как предполагалось вначале, Вандамма в Дрезден, это придало бы Сен-Сиру достаточно сил, чтобы противостоять Шварценбергу практически как угодно долго, и знаменитый обходной маневр продолжался бы без всяких помех, пусть слегка уменьшенными силами. Или же, если бы Наполеон оставил только два корпуса Вандамма в Пирне, чтобы выполнить обход 26 августа, этих сил почти наверняка хватило бы, чтобы уничтожить Чешскую армию в сочетании со сковывающим эффектом, оказываемым усиленным дрезденским гарнизоном. Теперь же одного корпуса Вандамма оказалось мало, и счастливый случай был потерян. Решение повернуть практически всю армию к Дрездену стоило Наполеону всей кампании.

Однако жребий был брошен, и «армия устремилась потоком»(28) к Дрездену. В девять утра 26 августа Наполеон вошел в город. Через час подошла императорская гвардия; Мармон и Виктор прибыли уже к ночи, опоздав к дневному сражению.

Войска Наполеона, как всегда, проявили удивительную способность совершать быстрые марши. За время с 22-го до 26 августа новобранцы главных корпусов прошагали 120 миль. На последних этапах перехода, правда, многие падали прямо на дороге, и все-таки такие длительные марши были замечательным достижением. Они обеспечили Наполеону прибытие 70 000 солдат в Дрезден 26 августа и 120 000 — на следующий день.

Большой город Дрезден расположен на обоих берегах Эльбы. В 1813 году основная масса городской застройки находилась на левом берегу, где ряд крупных предместий примыкал к центру, образованному Старым городом (Альтштадтом) и отделялся от него только рвом и древней городской стеной. На правом берегу стоял меньший, Новый город (Нойштадт), также окруженный рвом и валом. К севе-

ро-востоку и юго-западу над городом возвышались холмы. После оккупации Дрездена в начале захвата в 1813 году Наполеон приказал улучшить укрепления города. Как только стало ясно, что Австрия вступит в войну, эти работы ускорились, и укрепления Старого города были частично обновлены. Много забот потребовало размещение пушек в местах, где предместья не будут загоразивать их огонь; в форте Марколини и на высотах над Новым городом на правом берегу были поставлены батареи. Предполагая массивную атаку союзников, маршал Сен-Сир сделал все, что в его силах, чтобы создать дополнительные укрепления на юге и западе. Возникла импровизированная линия вдоль края предместий, состоящая из забаррикадированных улиц, домов с устроенными в них бойницами и участков палисада. За предместьями были спешно выстроены пять земляных артиллерийских редутов, но три из них не могли взаимно поддерживать друг друга, а один (номер четвертый) имел очень ограниченное поле обстрела. Две речки — Ландграбен и Вайсерлиц — текут с юга и запада к Старому городу, и защитники надеялись, что эти водные преграды помогут защите их флангов. Однако вплоть до конца ночи 26 августа Сен-Сир предпочитал держать большую линию сторожевого охранения, идущую через прилегающие деревни Штризен, Штрелен, Плауэн и Лобтанс. Вся эта местность покрыта огороженными садами, домами и другими прикрытиями, которые могли способствовать защите города, причем самая сильная внешняя позиция обеспечивалась Гроссгартеном — большим парком со сплошными стенами, находящимся к юго-востоку от города.

Утром союзники попытались произвести разведку боем, прежде чем бросить войска в атаку на позиции Сен-Сира. Их предварительные перемещения начались в пять часов утра, но шли медленно, и только после девяти соединенным прусско-русским силам удалось выбить французов из большей части Гроссгартена. Вскоре после этого большая часть французской линии сторожевого охранения была оттеснена назад, но все начальные атаки на редуты были отражены. Через два часа французы заняли свои главные позиции, и наступил перерыв в действиях, пока союзники собирали свои 150 000 человек, готовясь к генеральному штурму.

Однако руководителей союзников отнюдь не радовали изменения в расположении войск и поведении жителей, они не были единодушны в оценках ситуации, ведя наблюдение с Ракницких высот. С 9 часов утра стало заметно, как зашевелился весь Дрезден, и вдруг в паузах между артиллерийской канонадой до них стал доноситься грозный крик: «Да здравствует император!» Прибыл Наполеон. Царь считал, что операция должна быть немедленно отменена в соответствии с принятым соглашением уклоняться от боев лично с Наполеоном. Австрийский император отказался высказать свое мнение, но прусский король, проявивший свою неумелость в 1806 году, красноречиво высказывался за немедленное сражение с Наполеоном при таком замечательном численном превосходстве. Пока работала эта говорильня, Шварценбергу было велено отложить главную атаку. Но прохождение приказов вниз по иерархической лестнице было медленным, и, прежде чем успели передать на места это новое решение, послышался тройной залп — сигнал к началу штурма, и массы союзнических армий пришли в движение, пока их пришедшие в ужас командующие, не веря своим глазам, смотрели в подзорные трубы и ругались, как извозчики.

Прибыв в Дрезден, Наполеон провел молниеносный осмотр фронта и посетил короля Саксонии. Затем он занялся формированием трех отдельных колонн под командованием Мюрата, Нея и Мортье. Ведение оборонительных мероприятий было оставлено Сен-Сиру.

Весь день с полудня бушевало сражение, когда союзники пытались проложить себе путь в Дрезден. Один или два из редутов временно замолкали или переходили в руки союзников, но в остальном линия Сен-Сира держалась во всех секторах. Французские батареи, стрелявшие из-за реки, наносили страшные поражения флангу Витгенштейна. Затем, вскоре после 5.30 вечера, Наполеон определил, что настал

момент для контрудара. В южном секторе Мортье рванулся вперед во главе двух дивизий гвардии и вскоре отбил Гроссгартен у генералов Клейста и Витгенштейна. В центре маршал Ней и его сводное соединение из двух дивизий старой гвардии были даже еще удачливее: союзные войска перед штурмом настолько потеряли боевой дух, что Шварценбергу пришлось ввести в бой своих австрийских grenадер из резерва для спасения положения, и к ночи французы вернули себе почти всю исходную линию сторожевого охранения Сен-Сира. Наполеон лично руководил этими успешными операциями. «Я не знаю другого примера в войне, который яснее показал бы, как одна гениальная личность может перевесить и большую численность, и моральный дух [противника], как ни важны эти обстоятельства»(29), — комментирует фон Вартенбург. В сумерках Наполеон возвратился в Дрезден, чтобы подготовить планы на следующий день; одновременно головные части корпусов Виктора и Мармона, совершавшие ускоренный переход, вошли в восточные ворота города. Своевременный подход этого пополнения увеличил численность войск, улучшив положение Наполеона. Двадцать седьмого августа он сможет выставить 120 000 солдат, тогда как численность союзных войск за ночь поднялась до 170 000, — добавилось только 12 000 человек. Причина столь скудного пополнения союзных сил в основном связана с событиями в Пирне 26 августа. Генерал Вандамм без особых трудностей форсировал Эльбу и нанес сильное поражение корпусу Евгения Вюртембергского, прикрывавшему фланг союзников. Так как французы могли выставить 40 000 человек против 12 500 у Евгения, союзные руководители сочли нужным усилить свой фланг, и это было сделано при помощи войска Остермана (26 000). Но союзники питали еще и сильные надежды на то, что генерал Кленау с 21 000 человек из их самой западной колонны подойдет вовремя к возобновлению сражения. Но эта надежда оказалась тщетной.

План союзников на 27 августа заключался в сосредоточении в центре двух третей своих сил; генералы Бьянки и Витгенштейн примерно с 25 000 солдат у каждого должны были остаться для удержания левого и правого флангов. Однако ожидалось, что прибытие Кленау усилит левый фланг к северу от реки Вайсериц. Со своей стороны, Наполеон спланировал сдерживающее действие в центре и двойной обход флангов противника, причем обход левого фланга союзников должен был быть тесно связан с более широким наступлением Вандамма, который должен был перерезать их линии отхода к Петерсвальде. Для этой цели был использован буквально каждый солдат. Мюрат с 35 000 солдат (Виктора и Латур-Мобура) был поставлен на правом фланге французов; Мармон и Сен-Сир имели приказ удерживать центр силами 50 000 человек, поддерживаемых единственным французским резервом — пехотой старой гвардии; Ней и Мортье, с помощью кавалерии Нансути, сосредоточили 35 000 оставшихся на левом фланге войск, большей частью принадлежавших к гвардии.

Атака французов против правого фланга союзников началась в шесть часов утра. Мортье и Нансути, при поддержке Нея, быстро вытеснили промокших и упавших духом солдат Витгенштейна из лесов Блазевица и начали теснить назад правый фланг линии союзников. Гарнизон Зайдница отбивал французские атаки довольно долгое время, но затем союзники отступили назад еще на милю. Затем в наступлении французов последовал короткий перерыв, пока артиллерия Сен-Сира обстреливала опорные пункты противника.

Тем временем Мюрат крошил русские войска на другом фланге. Бьянки оказался не в состоянии противостоять яростной атаке маршала Виктора, его линия разломалась, и большая часть его солдат оказалась прижатой спиной к разлившемуся Вайсерицу около деревни Дольшшен. Так как крайне важный мост в Плауэне уже попал в руки французов, центру союзников пришлось превратиться в беспомощных зрителей, пассивно наблюдавших, как солдат Бьянки сбрасывают в воду. Тем временем на правом фланге Мюрата дивизия генерала Теста и кавалерия Латур-Мобура быстро расправились с остальными австрийцами, несмотря на трудно-

сти продвижения по густой грязи, и после полудня левый фланг союзников прекратил существование. В этом секторе в руки французов попало 13 000 пленных, а все солдаты, оставшиеся от войск Бьянки, были либо убиты, либо рассеялись.

Однако боевые действия в центре шли далеко не так успешно для сильно уступавших по численности войск Сен-Сира и Мармона. Тремя атаками так и не удалось снова отбить деревню Лёбниц, а когда Наполеон вернулся в седле обратно в Дрезден в 4 часа дня, он был совершенно уверен в том, что сражение продолжится и на следующий, третий день.

Однако для командующих союзными войсками этого оказалось довольно. Планы начать мощную атаку, чтобы перерезать левый фланг французов, отделив их от центра, пришлось оставить из-за ужасающего состояния дорог, делающих абсолютно невозможным продвижение артиллерии. Затем пушечное ядро едва не сразило императора Александра, и его чудесное спасение совершенно охладило тот азарт, который ранее еще пылал у некоторых из высшего командования союзников. Донесения о том, что Вандамм постепенно оттесняет назад Остермана и Евгения Вюртембергского, только усилили их осторожность. В соответствии с этим были даны приказы на ночной отход к Чехии. За эти два дня боев союзники потеряли около 38 000 человек; потери французов были меньше — около 10 000 человек. Казалось, что легенда о непобедимости французов снова ожила.

Поэтому 28 августа французские разъезды не нашли ничего, кроме небольших групп из арьергардов, обращенных к ним. Наполеон немедленно организовал преследование; если бы только Вандамм мог достичь Теплица ранее противника, чешская армия попала бы в безнадежную ловушку среди гор. Однако Наполеон был нездоров; кроме того, в ставку как раз пришли неприятные сообщения о неудаче Удино в боях с Бюловом 23 августа. Сразу же после этих нерадающих новостей последовал еще один удар. Оказалось, что в полном пренебрежении полученными приказами Макдональд опрометчиво бросился вперед за Кацбах, преследуя Блюхера. Французские колонны разошлись, и командующий Силезской армией ухватился за возможность повернуться и застать врасплох своих преследователей. К концу дня 26 августа армия Макдональда на Бобре потерпела тяжелое поражение (потеряв 15 000 пленными и 100 пушек), что полностью изменило стратегическую ситуацию. Мрачное предсказание Мармона, сделанное две недели назад, исполнялось с леденящей точностью; успех Наполеона под Дрезденом уже был заслонен неудачами его подчиненных в других секторах. Нужда заставляла изобрести новые способы противостоять этим поражениям, и Наполеон вернулся в Дрезден днем 28 августа, предоставив возможность вести преследование своим подчиненным.

Двумя неделями позднее судьба нанесла еще один удар. В отсутствие хозяина преследование французами разных колонн союзников шло с неплохим напором, но без должной координации. В результате корпус Вандамма все более и более отдалялся от других, и, когда Остерман внезапно остановился и занял оборону возле Пристены (всего в пяти милях от Теплица), союзники смогли собрать достаточно солдат, чтобы противостоять атакам I корпуса. В течение 29 августа Вандамм был вынужден мало-помалу отступать обратно к Кульму. Здесь 30 августа он внезапно и совершенно случайно оказался под ударом, нанесенным с тыла колонной Клейста. Этот генерал, отчаянно пытаясь спастись от преследующих его сил Сен-Сира, свернул на восток со своего первоначального направления отхода в надежде проскользнуть в тылу у Вандамма. Вместо этого он наткнулся на главную массу войск Вандамма в самый острый момент его возобновленного боя с Остерманом, который уже получил с юга подкрепление до 44 000 человек. Вандамм мог противостоять суммарным 54 000 солдат союзников только своими 32 000, и, несмотря на его мужественную попытку выйти из этой ловушки, откуда все-таки спаслось более половины его солдат, сам командир I корпуса и 13 000 солдат попали в руки союзников.

И таким образом, Наполеону пришлось услышать о третьем поражении своего подчиненного. Несколько наблюдателей отметили, насколько хладнокровно он встретил эту новость. А в лагере союзников, конечно, ликовали, почувствовав явное облегчение. Их успехи под Гросбереном, на Кацбахе и теперь под Кульмом, хоть они были относительно невелики, воодушевили союзников на новые усилия. Как описывает адъютант царя генерал Бутурлин влияние поражения Вандамма: «Сражение под Кульмом переменяло в крик радости то отчаяние, которое распространялось по долинам Богемии» (30). Таким образом, Дрезден встал в один ряд с Лютценом и Баутценом в растущем списке практически ненужных побед Наполеона.

Глава 80

«БИТВА НАРОДОВ»

Наступило время, когда Наполеону стало необходимо пересмотреть свою стратегию. Он мог выбрать один из двух путей. Можно было сконцентрировать основную массу своих сил для наступления на Прагу, в надежде завершить разгром Богемской армии, которая все еще была слаба, даже несмотря на свой успех под Кульмом; в случае успеха это могло бы вывести Австрию из войны. Или же Наполеон мог опять начать наступление на Берлин. И снова его привлекла идея старого апрельского генерального плана, который имел ощутимые преимущества. Местности, лежащие к северу, были еще относительно не разграблены, и поэтому там можно было обеспечить хорошее снабжение. Кроме того, позиция французов могла бы оказаться ближе к середине в положении между тремя союзными армиями. И даже если бы Шварценберг и в самом деле решил вернуться назад по своим следам и снова направиться к Дрездену, его новое наступление из-за препятствий в Богемских горах заняло бы значительный период, а за это время французы могли бы уже оказаться в Берлине и быть на пути к освобождению Штеттина. Такая угроза непременно направила бы прусскую и русскую армии к северу, оставив Австрию в опасной изоляции. И тогда внезапное наступление на юг принесло бы Наполеону господствующее положение и возможность окончить войну в ореоле успеха.

Для осуществления наступления на Берлин Наполеон переподчинил маршала Удино Нею. Второго сентября он приказал князю Московскому достичь Берлина в течение недели или восьми дней в крайнем случае, наступая через Барут. Тем временем Макдональд должен был удерживать рубеж по Бобру, Даву — наступать на восток от Гамбурга, а Сен-Сир и Мармон — удерживать рубеж Богемских гор для защиты Дрездена. Такие диспозиции должны были бы держать другие армии неприятеля на почтительном расстоянии.

Однако весь этот замысел был полностью нереальным с самого начала, и только спустя сутки император почувствовал необходимость отменить сосредоточение 25 000 человек у Гросенхайна — сил, предназначенных для увеличения войск Нея до полной численности для наступления на Берлин. Внезапно стало ясно: причиной этого изменения плана, которое нарушило равновесие, послужило то, что Макдональд, в сущности, потерпел разгром и наступление Блюхера на запад не встречало противодействия. Поэтому Наполеон вновь бросился из Дрездена на восток к Баутцену организовать деморализованных молодых солдат Макдональда. Он взял с собой гвардию, корпус Мармона и немного кавалерии. Это означало, что для защиты самого Дрездена остается только два с половиной корпуса — Сен-Сира, Виктора, оставшихся сил I корпуса, находившегося теперь под командованием Суама, заместившего Вандамма. Таким образом, не только Ней должен был наступать на Берлин с меньшей численностью, чем предполагалось, но и безопасность Дрездена больше не была обеспечена должным образом.

И все же, если бы Наполеону удалось собрать силы Макдональда и затем вынудить Блюхера принять решительный бой, что-то ценное могло бы возникнуть из этой массы противоречивых планов и путаных приказов, которые теперь летели туда и сюда. Первая часть программы была выполнена прекрасно; встретив обескураженных солдат Макдональда восточнее Баутцена, Наполеон поднял их воинский дух со своим прежним умением и повел их обратно на восток к Хохкирху. К несчастью для развития этого последнего плана Наполеона, Блюхер правильно догадался о причине внезапного изменения настроения у солдат Макдональда и проворно отошел назад. Наполеон был в бешенстве, увидев, что его прусский соперник избегает его, но в этой ситуации он мало что мог предпринять. Оставив Макдональда следовать за Богемской армией, он возвратился в Баутцен возобновить свои прерванные приготовления к наступлению на Берлин.

Но не успел император вернуться в Баутцен, как поступило тревожное донесение от Сен-Сира, в котором сообщалось о явных признаках возобновления наступления Шварценберга на Дрезден. В этом сообщении было немало истины, так как австрийский генерал действительно снова переправился через Эльбу, ведя 60 000 солдат и направляясь на север, а его подчиненный Барклай-де-Толли шел к Пирне, продвигаясь к Дрездену.

Реакция Наполеона была быстрой. Изучив общую обстановку, он решил помериться силами с Барклаем. Выйдя из района Дрездена 8 сентября, французы устремились к Кульму, так как их командующий решил достичь Теплица глубоко в тылу союзников. Богемская армия получила приказ, не теряя ни минуты, отходить по всему фронту, и вскоре все войска Шварценберга снова оказались на левом берегу Эльбы, отступая назад к своим складам, находившимся вдоль дорог в горах.

Французы преследовали их с большой скоростью, но когда наконец 10 сентября около Кульма создалась выгодная обстановка, Наполеон передумал. Чувствуя ненадежность боевого духа молодых солдат, да еще временно лишившись своей артиллерии из-за ужасных горных дорог, он решил не рисковать, видя превосходство позиций противника. Оставив Сен-Сира для заслона у города, император отошел обратно к Дрездену.

Еще одним фактором, усилившим эту необычную осторожность императора, были новые тревожные известия с северного сектора. Ведя наступление без должной предусмотрительности, Ней попался в ловушку, устроенную ему Бернадотом 6 сентября около Денневица, и после беспорядочного боя был отброшен, потеряв 10 000 убитыми и ранеными, в то время как Северная армия понесла урон только в 7000 человек. Несмотря на постоянное руководство Рейнье, французы потеряли все шансы на успешный исход боя, когда Ней настоял на том, чтобы самому броситься в бой с саблей в руках во главе войск Бертрана. Конец настал, когда Удино, все еще сохранявший свою обиду за то, что его подчинили «храбрейшему из храбрых», в точности выполнил приказ Нея перебросить своих солдат с левого фланга на правый, хотя он прекрасно знал, что этот неправильный маневр загубит все шансы на победу французов. Согласно Сен-Сиру, Наполеон воспринял сообщение об этом последнем разгроме с величайшим хладнокровием, анализируя последствия «с такой невозмутимостью, как если бы обсуждались события где-то в Китае»(31). Десятого он дал указания Бертье послать приказ Нею. «Необходимо написать князю Московскому и сообщить ему, что он должен занять позицию на правом берегу Эльбы у Торгау»(32), где он должен был держаться любой ценой.

Наполеон надеялся, что с течением времени сможет присоединиться там к Нею, но пока было много других забот, требующих всего его внимания. Погода снова стала отвратительной, дороги сделались совершенно непроходимы, и все это приводило к большим нехваткам всего. Налеты вольных казачьих отрядов и партизан все больше осложняли положение на французских линиях коммуникаций. Чтобы разрешить этот растущий административный кризис, Наполеон приказал пе-

ревезти большие количества муки из Торгау в Дрезден на баржах и выслал Лефевра-Денуэтта с сильным кавалерийским сопровождением, чтобы снова обезопасить свои коммуникации. Затем стало известно, что Шварценберг снова наступает на Дрезден, и император поспешил в Пирну провести рекогносцировку позиций врага. Едва он успел попасть туда, как услышал, что Бернадот с 80 000 солдат приближается к Рослау на Эльбе. Он сразу вернулся в Дрезден, намереваясь присоединиться к Нею, как обещал ранее, но на восточном фланге произошел новый кризис — Макдональд снова беспорядочно отступал перед Силезской армией. Бросив все другие планы, Наполеон ринулся на восток вместе с гвардией — и прибыл как раз вовремя, чтобы собрать силы Макдональда во второй раз и вытеснить Блюхера с позиции сразу к востоку от Баутцена (22 сентября). Пришло новое донесение от Нея, в котором сообщалось (как оказалось, преждевременно) о подходе еще одной шведской колонны к Вартенбургу.

Исследование событий последних трех недель должно было ясно показать Наполеону, что он попусту тратит живую силу и достигает очень малого. Союзническая политика уклонения от боев лично с Наполеоном при непрестанном давлении на его подчиненных явно приносила плоды. В результате это постоянно выводило из равновесия Наполеона, так как он был вынужден без конца метаться из одного сектора в другой, для усиления сил и духа своих маршалов. Как следствие этого, его собственные планы все время откладывались, и не был нанесен ни один решающий удар. Нерешительный характер военных операций вызывал нежелательные политические отзвуки в Германии. Все больше и больше бывших французских союзников переходили в противоположный лагерь. Известие о Денневице заставило Тироль присоединиться к австрийцам. Точно так же баварский король принял решение перейти на сторону союзников. Вся Германия (за исключением только Саксонии) была на грани восстания. Состояние армии Наполеона также давало немало поводов для беспокойства. С середины августа французы потеряли еще 300 пушек и 15 000 человек, не считая 50 000 больных. Остальная часть войск находилась на грани истощения и голодала, что хорошо знал сам Наполеон. «Граф Дарю, армию не кормят, — писал он 23-го начальнику хозяйственных и транспортных служб армии. — Смотреть на это по-другому значило бы предаваться иллюзиям»¹(33). Вместо полагающихся 28 унций хлеба в день¹, выдавалось только полфунта. Местные ресурсы были практически истощены к этому времени, фураж было вообще нельзя достать.

Видя эти неприятные факты, Наполеон принял важное решение. За исключением некоторых плацдармов, все войска должны быть сразу отведены к западу от Эльбы. У Наполеона все еще было 260 тысяч измученных солдат и 784 еле обеспеченные лошадьми пушки, но эти ресурсы требовали большой заботы и внимания, если удастся сохранить их боеспособными. Сокращение фронта являлось единственным логическим ответом — и, если бы все потом шло хорошо, противника еще можно было заставить совершить какие-нибудь грубые ошибки, которые облегчат его уничтожение по частям.

Главный отход начался 24-го, но оказалось почти невозможно полностью оторваться от противника. В этот же день Бернадот достиг берегов Эльбы и преуспел в организации плацдармов в Рослау (около Виттенберга) и в Вартенбурге. Еще одна попытка предотвращена Бертраном, в то время как VII корпус успешно блокировал рослауский плацдарм, но северной армии уже удалось кое-где укрепиться на западном берегу Эльбы.

В сущности, союзники быстро перестраивали свою стратегию. Ожидаемое прибытие генерала Беннигсена во главе 60-тысячной Польской армии для усиления Шварценберга могло позволить отделить Блюхера и послать Силезскую армию на север для соединения с Бернадотом. Эта передислокация началась 25-го. В то же

¹ 28 унций — 794 г.

самое время было решено, что южные армии должны прекратить свои атаки в общем направлении к Дрездену и вместо этого направиться к Лейпцигу для угрозы важнейшим коммуникациям Наполеона, идущим на запад к Рейну. В этом решении заключалось ядро великой «Битвы народов».

В последующие дни произошло большое количество стычек на многих участках фронта, но только 3 октября Блюхер прибыл в Вартенбург на Эльбе с 60 000 пруссаков и нанес сильное поражение корпусу Бертрана, имевшему неполную численность 13 000 человек. На следующий день Блюхер уже перебрался через Эльбу, согласовав свой маневр с общим наступлением Бернадота от Рослау к Барби. Имея перед собой такое огромное количество неприятельских войск, приближающихся к реке Мульде, Ней был вынужден отступить к Деличу.

Хотя могло казаться, что северные армии союзников успешно форсировали рубеж Эльбы, общее стратегическое положение Наполеона на самом деле улучшилось. Противнику наконец пришлось разделить свои силы, а император из своего нового центрального положения около Лейпцига мог направить большую часть из 250 000 человек против Блюхера или Бернадота (140 000) или против Шварценберга и Беннигсена (180 000). Могло показаться, что союзники наконец играют ему на руку.

Вскоре он принял решение. Второго сентября Мюрату уже были подчинены II, V и XIII корпуса и два отряда кавалерии и было приказано перехватить и по крайней мере задержать наступление Богемской армии с юга, в то время как оборона Дрездена против вновь оживившейся Польской армии была возложена на I и XIV корпуса (Лёбау и Сен-Сир). На основании свежих сведений Наполеон решил 6 октября выступить на север с остатком армии, соединиться с Неем, чтобы уничтожить по очереди Блюхера и Бернадота (они все еще действовали достаточно независимо друг от друга), прежде чем Шварценберг успеет отгеснить Мюрата к Лейпцигу.

Необходимость оставить гарнизон в Дрездене очень беспокоила Наполеона. С одной стороны, с политической точки зрения было, конечно, необходимо продолжать защищать столицу своего последнего германского союзника, да и с военной точки зрения она должна бы еще играть важную роль в любых последующих операциях против Шварценберга после того, как будет покончено с северными армиями. Но с другой стороны, дрезденский гарнизон неминуемо поглотит значительное количество людей, чье присутствие в северных секторах могло бы оказаться весьма ценным. В течение двух дней император колебался, несколько раз меняя свое решение. Затем наконец в 2 часа 7 октября он решил оставить Сен-Сира и Лёбау в Дрездене: «Я намереваюсь сохранить Дрезден», — написал Наполеон из Мейсена. Вероятно, это было самым роковым решением всей кампании. Отказавшись от собственных принципов сосредоточения всех войск перед сражением и игнорирования всех второстепенных (то есть политических) целей, Наполеон рискнул своими шансами на успех — и, как оказалось, проиграл.

Французские колонны быстро двигались на север, но запас энергии у голодных и неопытных солдат больше не соответствовал требующимся от них усилиям. Восьмого армия достигла города Вурцен. Наполеон считал, что Блюхер находится в окрестностях Дюбена, а армия Бернадота — далее к северу около Дессау. В обоих своих расчетах он был в основном прав, но он совершенно не представлял численности и искушенности своих противников. Имея под своим командованием 150 000 человек, император приготовился напасть на Блюхера, и 9 октября началась передислокация к Дюбену. Скорость его продвижения была относительно мала, и Силезская армия все-таки почувствовала угрозу в самый последний момент. Бернадот желал немедленно вернуться за Эльбу, но Блюхер твердо решил не давать кронпринцу над собой воли и настоял на очень необычном направлении передислокации — на запад к реке Зале. Поэтому 9 октября прошло без решительного сражения, которое так уверенно предвидел император. Блюхер не только удачно ускользнул (хотя одна дивизия в его арьергарде жестоко пострадала

ла от кавалерии Себастьяни), но в беспорядке боя в усиливающейся темноте даже не удалось рассмотреть, в каком направлении он отступил. Опять остро ощутилось отсутствие кавалерийской разведки у Наполеона.

В состоянии сильного разочарования Наполеон стал анализировать положение. Еще один из его маневров окончился неудачей. С каждым днем все заметнее становилась опасность общего сосредоточения противника. Если ему продолжать наступление за Эльбу в направлении на Берлин, он может вынудить кронпринца и Блюхера отступить, но, поступая так, он неизбежно откроет Лейпциг (а уже от Мюрата и Сен-Сира начинали поступать тревожные донесения об активности противника в их секторах). Или, если он направится на юг против Шварценберга, тот почти несомненно отойдет назад, опять лишив Наполеона возможности навязать сражение, в то время как Лейпциг станет уязвим с севера. Тем не менее он все еще располагал теми преимуществами, которые связаны с центральным положением. Поэтому в течение определенного времени французские войска, достигшие Дюбена; должны продолжать наступление, часть — на Дессау, где, по сообщениям, находится Бернадот, часть — на Виттенберг, где они смогли бы перейти за Эльбу и после этого угрожать наступлением на Рослау. Эти совместные действия должны оттеснить Бернадота и Блюхера обратно за Эльбу. Однако в тот момент, когда придет сообщение с юга о том, что Шварценберг вступил в большой бой с Мюратом (и тем самым оказался скован), северные операции будут сразу же прекращены и все солдаты переброшены на юг сражаться с Богемской армией.

С 10-го по 14 октября император и его штаб пробыли около Айленбурга, ожидая развития событий. Кроме известий о переходе Баварии на сторону врагов, остальные новости были в целом ободряющие. К 12-му стало ясно, что Блюхер находится около Галле на Зале, а ведущая дивизия Нея нанесла сильное поражение части армии Бернадота у Дессау, когда та пыталась перебраться через реку Мульду. Тем временем Мюрат вел очень успешный отход перед армиями и Шварценберга и Беннигсена. Хотя эта группа союзных армий теперь имела почти около 240 000 человек, Шварценбергу потребовалось две с половиной недели, чтобы пройти расстояние 70 миль, во время этого перехода он получил жестокий отпор при Борне (10-го), и ему пришлось отделить 20 000 человек, чтобы блокировать Сен-Сира и Лёбау в изолированном Дрездене.

Тем не менее постоянное присутствие Блюхера около Галле все яснее показывало, что испытанный наполеоновский маневр обхода и удара в тыл уже не имеет желаемого эффекта. Сверхосторожный Бернадот, несомненно, хотел бы отойти назад к западу от Зале, если вообще не уйти обратно за Эльбу (и тем самым подстроиться под стратегию Наполеона — изоляцию Шварценберга). Однако упрямец Блюхер, со своим непризнанием отступлений, ненавистью к Наполеону и отвращением к кронпринцу, не пожелал подчиняться. Он настаивал на том, что они должны не обращать внимания на Наполеона, занимавшего часть их коммуникаций, а направиться с войсками на юг, к Лейпцигу, и соединиться с Богемской армией. Бернадот продолжал колебаться, и в конце концов Блюхер направился с войсками к Лейпцигу один. Правда, потом за ним все-таки неохотно и с опаской последовал Бернадот. Эта задержка Бернадота, вероятно, спасла Наполеона при Лейпциге. Она означала, что направление отхода на запад было открыто для французов.

Наполеон вскоре понял, что его план разгадан. Сейчас было уже нельзя говорить о разделении противника для уничтожения его по частям. Сейчас французскому императору приходилось поспешно передислоцировать всех к Лейпцигу, чтобы упредить две крупные армейские группировки противника, рвущиеся навстречу друг другу. Несомненно, с этого момента Наполеон был вынужден перейти в полную стратегическую оборону и свести к минимуму свои тактические наступления. Уже 12 октября он направил Мармона с VI корпусом к Таухе около Лейпцига, чтобы быть готовым поддержать Мюрата, который все еще вел бои южнее города.

Гвардия должна была последовать вслед за Мармоном. «Вся моя армия придет в движение; все будут должны сосредоточиться [около Лейпцига] к утру 14-го, и я смогу сразиться с противником силами моих 200 000 человек».

В три часа ночи 14-го Бертье получил приказ императора на общее сосредоточение к Лейпцигу. Четырьмя часами позднее Наполеон пишет Макдональду: «Мой кузен, я надеюсь, что вы придете сюда [в Дюбен] сегодня вовремя. Необходимо немедленно переправиться через реку. Не может быть сомнений в том, что завтра, 15-го, нас атакуют Богемская и Силезская армии. Поэтому торопитесь сюда, и, если вы услышите канонаду, направляйтесь на звук пушек. Силезская армия дебуширует через Галле и Зорбиг». Это письмо показывает, что Наполеон оставил почти всю надежду держать своих противников разделенными. Однако были признаки, что Бернадот все еще медленно идет, далеко отстав, вслед за Блюхером (хотя кронпринц все-таки не ушел за Эльбу). Поэтому император все еще надеялся, что его сосредоточившаяся армия окажется достаточно сильной, чтобы разбить Шварценберга, пока войска противника не будут усилены подходом Блюхера.

Итак, французские соединения спешили, направляясь на отчаянную битву. На весах лежало будущее Германии и всей Европы. Союзники понимали масштаб грядущего, но многие их руководители чувствовали себя неспокойно или просто страшились перспективы встретиться с самим «чудовищем». Ни Шварценберг, ни Бернадот не приветствовали эти планы, и, если бы не отвага и редкостная решительность воинственного Блюхера, союзники вполне могли бы лишиться возможности сразиться с Наполеоном в невыгодных для него условиях. Блюхер же понимал сложившееся положение. «Все три армии теперь находятся так близко друг к другу, — писал он 13 октября, — что может быть предпринята одновременная атака против пункта, где противник сосредоточил свои силы»(34). Получив это письмо, царь настоял на отправке генерала Витгенштейна и сильного отряда кавалерии для рекогносцировки французской позиции к югу от Лейпцига.

Когда Наполеон в полдень вошел в город с севера, он услышал гром пушек, доносившийся издали с юга. Войска Мюрата вели ожесточенный бой с Витгенштейном и Кленау у Либертвольквица. По масштабу это оказалось самым большим кавалерийским сражением 1813 года, но результат не был решающим, и французская пехота оттеснила летучую кавалерию союзников. Но по крайней мере оно подтвердило общую правильность оценки положения Наполеоном: явно предстояла генеральная атака союзников на город Лейпциг. Хотя Мюрат успешно удержал контроль над лучшей боевой позицией в этом районе, масса французской армии пришла как раз вовремя. К началу ночи более 177 000 французских войск уже находились в Лейпциге или подходили к нему. Еще 18 000 человек должны были прибыть с севера в течение следующих двух суток. Против них к югу сосредоточилось 203 000 солдат Богемской армии Шварценберга; в нескольких милях к северо-западу Блюхер вел 54 000 человек своей Силезской армии. За много миль в его тылу находились 85 000 солдат Северной армии, которые все еще были в Галле.

Однако Наполеон, конечно, не знал о точном местонахождении этих двух союзных армий. Наблюдая массу огня к югу от Лейпцига, он сказал убежденно, что пруссаки и шведы каким-то образом ухитрились обойти фланг французов и соединиться со Шварценбергом. В этом он заблуждался. Если бы он знал их истинное местонахождение, его действия 16 октября были бы совсем другими.

Поле битвы у Лейпцига представляет собой широкую равнину, по которой протекают реки Эльстер, Плайсе, Луппе и Парте. Город стоит в месте слияния первых двух рек, в 1813 году разделяющая их местность была заболоченной и лесистой. Старый город и его предместья лежали к востоку и северу от этой труднопроходимой местности. Единственная дорога, ведущая на запад от Раннштадтских ворот к деревне Линденау, проходит по длинной насыпи, на которой находится несколько деревянных и каменных мостов. Около Линденау рукав Эльстера Луппе ответвля-

ется от него и течет в северо-западном направлении, приблизительно параллельно главной реке, а между ними находится еще один болотистый участок. Сразу к северу от пригорода Пфандорф приток Парте простирается от Эльстера в северо-восточном направлении, он течет в виде широкой дуги, направленной к югу — к своему истоку около Кольмберга.

Эти четыре реки, расходящиеся радиально из Лейпцига, делят окружающую окрестность на четыре главных сектора. Приблизительно к югу от города лежат болотистые места. К западу между Эльстером и Луппе есть две дороги, ведущие от Линденау в Мерзебург и Вайсенфельс. Здесь местность вначале совершенно плоская и открытая, но через пять миль по Вайсенфельсской дороге, около Маркранштадта, по обеим сторонам дороги начинаются холмы. Северный сектор находится между Эльстером и Парте. Здесь местность снова открытая, равнинная, и ряд дорог расходится по направлению к Галле, Дюбену и Айленбургу. Четвертый и наиболее важный участок, на котором будет суждено развернуться боям, находится между Парте и верхней Плайсе. Он характеризуется рядом низких гребней, идущих от Лейпцига к двум относительно высоким местам — Гальгенбергу, лежащему между двумя деревнями — Вахау и Либертвольквиц, и Кольмбергу, примерно в двух милях к востоку. Хотя холмистый характер местности и большое количество деревень и деревушек делают ее естественно сильной оборонительной позицией, большая часть местности довольно открытая и хорошо подходит для крупномасштабных действий с использованием кавалерии. Несколько важных дорог пересекают этот район, ведя к Вурцену, Дрездену, Гримме и Борне. Они связаны между собой сетью грунтовых проселков, мало удобных для прохождения с военной точки зрения.

Что касается самого Лейпцига, старый город был окружен ветхой стеной, но главные ворота были в хорошем состоянии, и французы приняли меры к укреплению внешних пригородов. Значительное количество оборонительных сооружений было построено и вокруг Линденау для обороны важной дамбы, идущей по болотистой местности. В целом эта позиция позволяла Наполеону сражаться с примкнутыми флангами.

Союзники же для соприкосновения должны были приближаться по гораздо более широкому фронту, и их дальнейшим передислокациям препятствовало большое количество разрушенных французскими саперами мостов. Однако французские позиции имели один важный изъян: не были построены дополнительные мосты между Лейпцигом и Линденау западнее места слияния рек. Причина была в том, что Наполеон все еще полагал, будто его операционная база и возможное направление отхода находятся к северу, скорее к Торгау, Виттенбергу и Магдебургу, чем к западу, к Рейну. Это доказывается тем фактом, что он оставил склады и инженерные обозы в Айленбурге, к северо-востоку от города. Однако обстоятельства сложились так, что отход французов осуществлялся по дороге, идущей на запад.

Император не собирался вести оборонительный бой; он планировал мощное наступление в сектор Плайсе — Парте против главной армии Шварценберга. Французские войска (37 000; XIII, II и V корпуса, поддерживаемые кавалерийским соединением) должны были сковать фронтально австрийцев и русских, в то время как XI корпус и кавалерия Себастьяни (23 000), усиленные еще одним крупным соединением, обходили бы их правый фланг. В критический момент гвардия, IX корпус Ожеро, два соединения кавалерии, в сумме составляющие 62 000 человек, поддерживаемые еще одним корпусом (Бертрана или Мармона), передислоцированным из северного сектора, будут направлены для нанесения решающего удара. Тем временем оборона будет удерживаться III, VI и VII корпусами на северном секторе под общим командованием маршала Нея, в то время как сам гарнизон Лейпцига (7000 человек — по большей части молодые солдаты и новобранцы) будет оборонять позицию у Линденау. В целом император располагал 177 500 человек и почти 700 пушками на самом поле боя, и к ним еще должны были присоединиться VII корпус Рейнье (14 000) и дивизия из III корпуса (4700). Свыше 120 000 солдат должны

быть готовы к главной, массированной атаке. Весь день 15 октября был занят развертыванием войск на своих позициях.

Союзники тоже провели большую часть дня, разрабатывая план операции. Шварценберг был самым активным лицом в выработке плана, но его предложения были настолько непродуманными (вначале он хотел отправить не менее 52 000 союзных солдат в болотистые участки между Эльстером и Плайсе), что царь приказал подготовить новые предложения. В конце концов было решено, что Блюхер, приближающийся от Галле, должен атаковать Лейпциг с северо-запада, в то время как корпус Дьюлаи (19 000) атакует Линденау от Маркранштадта. Но эти две операции являлись бы лишь подчиненными по отношению к главному наступлению, которое было намечено в южном секторе. В то время как генерал Меерфельдт должен будет пробраться через Эльстерские болота во главе 28 000 человек, Барклай-де-Толли пошлет генералов Клейста, Евгения Вюртембергского, Горчакова и Кленау при поддержке кавалерии Палена и русского резерва против рубежа, идущего через деревни Маркклеверберг, Вахау и Либертвольвиц и образующего южную часть французской линии. Русские и прусские гвардейцы должны были оставаться в резерве у Рёты. Барклай доверил общее проведение этой атаки силами 77 500 союзных солдат генералу Витгенштейну. Однако тот, желая отойти назад и выйти во фланг французам (слева от них), приказал своим солдатам перед наступлением занять растянутую шестимильную позицию. Это повлекло за собой немалое рассредоточение и немедленную потерю визуального контакта между различными частями атакующих сил. У союзников в критический момент было около трети сил, включая 54 000 солдат Блюхера, в то время как у Наполеона было сосредоточено почти две трети от всей имеющейся живой силы.

Ожесточенное сражение 16 октября происходило на трех из четырех секторов, включая лейпцигскую позицию. Шли тяжелые бои у северной и западной сторон города, а также на главном поле боя к югу. Эти второстепенные действия серьезно подорвали шансы на успех наполеоновского плана по уничтожению главной массы Богемской армии. В самом деле, император не ожидал серьезных действий на северных окраинах, так как считал, что Блюхер достиг окрестностей Маркранштадта, а Бернарот находится где-то около Мерзебурга. Поддавшись этой иллюзии, в 7 часов утра Наполеон решил отозвать мощный корпус Мармона с его позиции между Линденталем и Радефельдом, где он следил за всеми дорогами, ведущими к Галле, и приказал его командиру передислоцировать своих людей на позицию, находящуюся на полпути между Лейпцигом и Либертвольвицем в южном секторе. Из этого расположения VI корпус сможет продвинуться через Лейпциг к Линденау, если тамошнее охранение попадет под серьезный удар, — хотя Наполеон и считал такое событие крайне маловероятным, — или же подойти ближе, поддерживая Макдональда и Себастьяни в планируемой охватывающей атаке вокруг правого крыла союзников на Вахауском поле.

Хотя Мармон и усомнился в мудрости этого приказа, так как он уже видел костры войск Блюхера за Шкойдицем за две мили до своего фронта, VI корпус эвакуировал свои подготовленные позиции около Лихтенталя в 10 часов и начал передислокацию на юг. Но в этот самый момент авангард Блюхера двинулся вперед и вошел в соприкосновение со сторожевым охранением французов, и Мармон, вероятно действовавший по приказу Нея, остановил свои колонны, повернул их и начал поспешно занимать новую позицию около Мёкерна, готовясь отразить наступление Блюхера.

Зная, что Наполеон ждет появления хотя бы одного корпуса из северного сектора, чтобы обеспечить успех своего охватывающего маневра на южном поле боя, маршал Ней приказал Бертрану оставить свою позицию у Эйтруча и поставить IV корпус на место Мармона. Однако не успел Бертран приступить к выполнению этого приказа, как генерал Дьюлаи начал мощную атаку на защитников Линденау и Плагвица на западном конце дамбы. Союзники достигли значительного успеха в своей начальной атаке на первую деревню. Французский командир Арриги послал срочное донесение Нею, прося подкреплений. Хотя атака союзников уже захлеб-

нулась к тому времени, когда эта просьба дошла до князя Московского, он опрометчиво и нелепо решил послать всех солдат Бертрана по дамбе, тем самым снова отвлекая подкрепления, предназначенные для маршала Макдональда. Из-за этого Ней остался только с неполным III корпусом, которым сейчас командовал генерал Суам. Считая, что дивизия Дельма из этого соединения находится все еще слишком далеко (а она как раз приближалась к северному полюю боя по Дюбенской дороге, охраняя большой транспортный конвой), Ней решил, что только оставшиеся две дивизии из корпуса Суама могут отправиться на помощь Макдональду, и издал соответствующий приказ. Но даже этому подкреплению пришлось отойти еще до того, как оно должно было достигнуть места назначения. В результате планы Наполеона на решительные действия в южном секторе не были реализованы.

К 11 часам бой вокруг Вахау уже шел в течение двух с половиной часов. Наполеон выехал к полюю боя вскоре после девяти часов. Уже в этот момент некоторое время шел пушечный обстрел и было проведено несколько атак австрийцев. Однако окончательное развертывание их войск было сильно задержано погодой — рано утром было холодно, туманно и сыро. Но вскоре поднимающийся туман открыл четыре плотные колонны неприятеля, идущие в атаку. Очевидно, союзники решили захватить инициативу с самого начала.

Рядом с рекой Плайсе наступал корпус генерала Клейста, готовящийся брать штурмом деревню Маркклеберг, обороняемую VIII корпусом Понятовского; справа от Клейста был принц Евгений Вюртембергский, наступавший против позиций II корпуса Виктора в окрестностях Вахау; несколько далее к востоку наступал русский Горчаков в направлении на Либертовольквиц, оборонявшийся V корпусом Лористона. Одновременно на крайнем левом фланге наступления союзников соединения генерала Меерфельдта пробирались через болота между Эльстером и Плайсе, стараясь достичь французских фланговых позиций у Дёлица и Конневица. Пока еще не было признаков появления обходящих сил Кленау на крайнем правом фланге.

Атака союзников была беспорядочной и несогласованной (выполнялась «малыми пакетами»). Различные соединения вступали в соприкосновение с французами неодновременно, по мере подхода, с 8.30 до 9.30 утра, но беспорядок был так велик, что сразу возник большой промежуток между Евгением и Горчаковым. Это было идеальным моментом для начала контратаки французов, но неблагоприятные условия погоды, отчасти бывшие причиной хаотичности наступления союзников, задержали и XI корпус Макдональда, и кавалерию Себастьяни, направлявшиеся на французский левый фланг, и, пока они не подошли, нельзя было выполнить полный план Наполеона. Поэтому ему пришлось вести прямое фронтальное сражение в течение первых двух часов.

С 9 до 11 часов успех боя в вахауском секторе был то на одной, то на другой стороне. Генералу Меерфельдту удалось захватить замок в Делице, но его следующая попытка ударить по Конневицу за Плайсе была легко предотвращена дивизией генерала Дефоля. К востоку от этой реки Клейст смог занять Маркклеберг после ожесточенного боя, но затем точным огнем массивированной французской артиллерии он был скован до 10 часов утра. Евгению Вюртембергскому удалось взять Вахау, но ненадолго. Горчаков попал в ловушку, подготовленную Лористонам, и был вскоре оттеснен назад с тяжелыми потерями с помощью искусно расположенных французских батарей. Чтобы удержать свой фронт против этих повторных атак, Наполеон решил выдвинуть свои резервы вперед, и, чтобы Ожеро занял позицию для поддержки Понятовского, Удино передислоцировал свои две дивизии молодой гвардии через Гальгенберг для помощи Виктору, а Мортье выдвинул остаток молодой гвардии в тыл Лористона. Все до единой пушки были сосредоточены в центре. Через некоторое время старая гвардия и три кавалерийских корпуса Мюрата перешли из района Тьёнберг — Пробстхайде на позицию центрального резерва сразу за Гальгенбергом. Для гвардии было совершенно необычно быть выдвинутой так рано, как отметили многие наблюдатели.

К 11 часам стало заметно, что темп наступления союзников в южном секторе ослабел; первая атака Шварценберга провалилась. Однако высшее командование союзников принимает определенные меры, чтобы закрыть бреши в своей боевой линии. По настоянию штаба царя русский резерв был передислоцирован вперед к Магдеборну, а прусская и русская гвардии были вызваны из-за Плайсе, чтобы занять позицию около Гульденгоссы (в тылу Евгения и Горчакова). Были посланы просьбы, чтобы австрийский резерв последовал за ними, а также чтобы был ускорен марш войск Беннигсена и Коллоредо (70 000 человек), все еще бывших на пути из Дрездена. Медлительному Клену было приказано ускорить темп наступления, и вскоре после 11 часов его войска заняли необороняемые высоты Кольмберга и начали готовить атаку на восточную сторону Либертовольквица. Эти меры ничего не дали для оживления их угасающей активности и инициативы, так как подход войск Макдональда вскоре остановил агрессивные потуги Клену.

Очевидно, приближалось время для начала французского контрнаступления. Тем временем вдали, на севере, Мармон максимально использовал долгую передышку, импровизируя новую позицию у Мёкерна. Блюхер, со своей стороны, стал крайне осторожным. Зная, что нет надежды на прибытие Северной армии для его поддержки ранее 17-го, и считая, что большая часть армии Наполеона еще находится на пути из Дюбена, он с опаской приближался к позициям Мармона, проявляя величайшую осторожность. Ничего особенного не происходило до второй половины дня, когда французская дивизия Домбровского передислоцировалась на запад, чтобы занять позицию на правом фланге VI корпуса, в то же время защищая подход Дельма по Дюбенской дороге. И даже тогда Блюхер наконец начал свою атаку не ранее 2 часов дня. В секторе Линденау атака Дьюлаи началась около половины одиннадцатого. Вмешательство корпуса Бертрана вскоре способствовало отражению австрийских сил, и незадолго до полудня положение изменилось полностью в пользу французов. Однако Бертран решил остаться со всеми своими силами около Линденау почти на весь конец дня 16-го.

Таким образом, хотя вплоть до середины дня оба этих второстепенных боя шли достаточно удовлетворительно для французов, оба они не были предусмотрены Наполеоном с самого начала, и общим результатом этих боев было связывание двух корпусов, один из которых, по крайней мере, Наполеон желал использовать на южном поле боя. Если бы только на поле боя присутствовал гарнизон Дрездена, исход вполне мог бы оказаться другим.

Как только стало очевидно, что Витгенштейн сбавил свой темп наступления на фронте у Вахау, Наполеон возобновил подготовку контратаки. В качестве первого шага генералу Друо было приказано сосредоточить 150 пушек в промежутке между позициями Виктора и Лористона, которые должны будут взломать огнем линию союзников и проделать брешь. План Наполеона состоял в наступлении по всему фронту, причем Ожеро должен был встать в линию между Понятовским и Виктором, а Мортье — между Лористоном и Макдональдом. Удино же оставался для поддержки Виктора в центре справа. Ожидалось, что Макдональд на дальнем конце левого фланга вдавливает фланг союзников (Клену) и создаст угрозу тылу центра союзников. В этой задаче, которая была призвана оттянуть на себя остаток резервов союзников, Макдональду должен был оказать поддержку III корпус генерала Суама (замещающего в этой роли Мармона и Бертрана) — во всяком случае, так надеялся Наполеон. Затем массированная французская кавалерия под командой Мюрата, вероятно численностью всего 12 000, врежется в центр союзников, предшествуемая мощной бомбардировкой Друо, и прорвет брешь, в которую немедленно войдут колонны пехоты. Император надеялся, что деморализованные остатки союзнического центра при этом безнадежно смешаются с их отступающим правым крылом, давая французам шанс на решающую победу.

К полудню уже шли первые французские контратаки. Макдональд, как и ожидалось, отгеснил Клену с Кольмберга, но поддерживающая кавалерия Себастья-

ни, столь необходимая для ведения мощной атаки в тыл союзникам, была серьезно задержана кавалерийским корпусом Палена около Клейнпоссны. Более того, все еще не было следов поддерживающего корпуса, который предполагался для помощи Макдональду. Тем не менее повсюду давление атаки французов непрерывно росло, и австрийцы были вынуждены ярд за ярдом уступать свое ранее завоеванное пространство и отходить через собственные исходные районы сосредоточения. Наполеон написал записочку королю Саксонии о том, что «все идет хорошо» (35) и что он считает сражение почти выигранным.

К двум часам все еще не появлялись подкрепления Суама, и император решил нанести свой главный удар, не ожидая, пока созреет урезанный охватывающий маневр Макдональда или появится Мармон. Пушки Друо открыли огонь по соединениям Клейста и Евгения, и вперед понеслись 10 000 всадников Мюрата. В этот же момент Наполеон дал приказ на генеральное фронтальное наступление; Виктор и Удино построили своих солдат в атакующие колонны и устремились от Вахау к Аненхайну; Лористон наступал на Гульденгоссу, Мортье — на Университетский лес, Макдональд — на Зиффертсхайн, а Понятовский и Ожеро наступали на Гроберн.

Французская гвардейская кавалерия, поддерживаемая еще десятью эскадронами, саблями прокладывала себе путь через разваливающийся корпус Клейста чуть ли не вплоть до Гроберна, пока не была отброшена своевременно прибывшим австрийским кавалерийским резервом из-за Плайсе. Однако австрийских кавалеристов, в свою очередь, стал косить возобновленный массированный огонь пушек Друо, оттеснивший их назад к Гроберну. Затем вскоре после 2.30 дня произошло самое прославленное кавалерийское сражение этого дня.

И французский кавалерийский корпус, подтянутый к батареям Друо, был незадолго до сражения подчинен генералу Думерку (Латур-Мобур был тяжело ранен). Увидев, что перед его фронтом открылась возможность, Думерк приказал кирасирской дивизии генерала Бордесуля из 18 эскадронов (2500 кавалеристов) атаковать во фланг войска Евгения Вюртембергского. «Тяжеловесы» с грохотом помчались вперед и немедленно взрезались глубоким клином в линию союзников. Два батальона рассыпались перед их атакой, было захвачено 26 пушек, а Бордесуль все глубже проникал к тылу союзников и почти достиг командного пункта царя. Это могло бы стать решающим моментом дня, но, к несчастью, ни Думерк, ни Мюрат не смогли прислать нужное количество столь необходимых поддерживающих войск для развития успеха кирасир. Вследствие этого царь пускает в дело лейб-казаков, составлявших его конвой, поддержанных 13 свежими эскадронами русских кирасир, которым удалось контратаковать и отбить выдохшуюся французскую кавалерию. К 3.30 эпизод был завершен, и с ним исчез шанс французов добиться реального успеха. Богемская армия была оттеснена назад на значительное расстояние, но она существовала и была еще способна оказывать упорное сопротивление.

К четырем часам дня французы завладели линией, идущей от Анненхайна и Гроберна справа от них к Гульденгоссе, опушке Университетского леса и Зиффертсхайну слева от них. Однако дополнительные австрийские резервы, прибывшие под командованием генерала Бьянки, дали возможность левому флангу союзников провести контратаку против Ожеро и Виктора. Французов оттеснили назад через Маркклеберг. Одновременно генералу Меерфельдту наконец удалось переправиться через реку Плайсе и захватить деревню Делиц на противоположном берегу. К этому времени французский правый фланг оказался в крайне опасном положении, но ситуация была спасена вмешательством дивизии старой гвардии, за которой следовал генерал Рикар, командовавший головными частями кочующего III корпуса Суама, наконец-то появившегося для какой-то реальной помощи на южном поле боя. Вскоре большая часть резерва Бьянки была оттеснена назад к Маркклебергу. Меерфельдт захвачен в плен, его солдаты опрокинуты назад, за Плайсе. И таким образом, французская линия снова восстано-

лась. Приближение ночи прекратило бой в секторе Вахау; дневные бои кончились вничью.

Если бы Наполеон находился на своем командном пункте на Гальгенберге во время атаки Бордесуля, можно было бы не сомневаться, что он позаботился бы о том, чтобы послал достаточное подкрепление для развития успеха кирасир, и бой при Вахау был бы выигран. Но внимание Наполеона было внезапно отвлечено вскоре после 2.30 дня звуками сильной стрельбы из северного сектора. Повернув лошадь, он поскакал к Мёкерну узнать, как дела у Мармона.

Бой у Мёкерна был самым ожесточенным за этот день. VI корпус состоял, вероятно, из лучших солдат французской армии, так как многие из них были ветеранами, а польская дивизия Домбровского (часть III корпуса), занимавшая аванпосты в деревне Видерич на правом фланге Мармона, имела прекрасную репутацию. Вскоре после 2 часов дня Блюхер выслал вперед корпус Йорка против французов, удерживавших Мёкерн, и отряд Ланжерона против Домбровского, оставив в резерве Сакена. Несмотря на весь напор его атак, Йорк мало продвинулся вперед против Мармона в результате своих первых атак, но отважных поляков мало-помалу отгнали к деревне Эйтрич за счет численного превосходства союзников. Примерно в это время Ней решил отозвать эти две дивизии из корпуса Суамы, которые в этот момент устремлялись к полю боя у Вахау, и направил их назад для поддержки Мармона. Но затем он передумал и снова направил их к Вахау. Поэтому Суам потерял весь день, совершая марши и контрмарши и не участвуя сколько-либо значительно ни в одном бою, хотя его головная дивизия достигла Дёлица как раз вовремя, чтобы к вечеру помочь в отражении Меерфельдта.

Только что Ланжерон отгнал Домбровского, как на дюбенской дороге показалась дивизия генерала Дельма со своими большими конвоями. К счастью, Ланжерон обманулся видом новоприбывшей колонны (на самом деле в ней было менее 5000 человек) и скорее отступил, считая, что у него на фланге появился целый корпус. Когда же он смог правильно оценить численность колонны, у Дельма как раз хватило времени отвести большую часть своего отряда в безопасное место за реку Парте, хотя из-за перехода ему пришлось оставить большую часть своего обоза.

А на мёкернском фланге Йорк бросал солдат в одну атаку за другой против VI корпуса. Успех драматически переходил то на одну, то на другую сторону. Вскоре после 5 часов Мармону удалось разбить головную дивизию пруссаков, но генерал Норман и вюртембергская кавалерия отказались выполнять приказ маршала идти в атаку (упорствующий генерал, вероятно, уже собирался перебежать на сторону союзников — этот акт предательства был совершен им 18 октября), и победа была упущена. Мармон пытался развить свой успех с помощью одной пехоты, но отчаянный генерал Йорк выбросил последний резерв — всю свою кавалерию, — и ему удалось смять несколько французских батальонов и часть их артиллерии. VI корпус был в беспорядке отброшен назад, и торжествующие пруссаки завладели Мёкерном. Мармону удалось собрать своих солдат на рубеже между Голисом и Эutriщем, и наступившая темнота спасла их, так как Блюхеру уже было поздно вызывать Сакена из резерва, чтобы завершить победу. Этот бой несомненно окончился в пользу пруссаков. Героем дня был генерал Йорк, но его корпус потерял 8000 человек (30%); Мармон потерял около 10 000 человек.

Так закончился первый день битвы при Лейпциге. Французы одержали небольшие победы у Линдену и Вахау и потерпели поражение у Мёкерна. Союзники потеряли приблизительно 30 000 человек (включая 2000 пленными), французы — всего 25 000. Несмотря на меньшие потери французов, что дало им некоторое преимущество, первый день окончился вничью. Затем положение начало быстро складываться в пользу союзников, ибо если Наполеон мог надеяться только на подход 14 000 человек Рейнье, что дало бы ему общую численность едва 200 000 человек и 900 пушек, союзники рассчитывали на появление 70 000 человек Бернадота и такого же количе-

ства под командованием Беннигсена. Эти подкрепления должны были повысить общую величину войск союзников до 300 000 человек с 1500 пушками.

Наполеон имел общее представление о накоплении сил противника. Вечером 16 октября он сделал мудрый шаг — дал предварительные приказы на отход к Рейну. Бертрону было приказано быть в готовности выступить из Линденау для передислокации к западу, чтобы удерживать мост через Зале. Его место в Линденау должны были занять дивизии Мортье из молодой гвардии. Но потом император принял два неверных решения. Первое — он отложил начало отхода до 18-го. Император, вероятно, надеялся, что союзники, получив относительную волю, совершат утром какую-нибудь крупную ошибку, которую французы смогут обратить себе на пользу; вероятно, он хотел еще и дожидаться приближающихся колонн Рейнье. Второе — он освободил пленного генерала Меерфельдта и послал его к австрийскому императору с предложением перемирия. Никакого ответа не было. Хотя со стороны Наполеона это было только военной хитростью, она ударила по нему самому, так как укрепила убеждение союзников в том, что Наполеон почти исчерпал свои силы. Поэтому укрепила их решимость довести сражение до конца. Если бы только Наполеон счел целесообразным отойти 17-го, он вполне смог бы спасти 160 000 человек и передислоцировать их за Рейн. Но получилось так, что его решение пробыть под Лейпцигом еще день или дольше в надежде на чудо обрекло его на тяжкое и невозместимое поражение.

При боевых действиях первого дня обе стороны совершали серьезные ошибки. Наполеон недооценил агрессивность Блюхера и неправильно определил его позицию и Силезской армии, поэтому наполеоновские солдаты встретили сильный отпор у Мёкерна. Осложнения второстепенных боев у Мёкерна и Линденау лишили его решающего количества солдат на поле боя у Вахау, где вмешательство любого — Мармона ли, Бертрона или Суама — в нужный момент почти определенно привело бы к победе. Бесцельные кочевания III корпуса остались необъяснимы. «В глазах императора это было просто бедствием» (36); — отмечает Фэн. Вероятно, Наполеону нужно было бы контратаковать всеми имеющимися тогда силами в 11 часов утра, а не тщетно ждать целых три часа подкреплений, которые так и не пришли.

Союзники же не могли одержать победу из-за хаотичности их начальной атаки у Вахау, которая хотя и явилась элементом внезапности, в то же время могла легко вызвать катаклизм. Если бы не решение царя перебросить резервы за Плайсе, вполне могла бы произойти катастрофа. Атака Дьюлаи на Линденау была начата слишком поздно, чтобы оказать какое-либо реальное влияние на исход битвы (кроме отвлечения Бертрона с вахауского поля боя), а Блюхер колебался, не решившись использовать целую треть своих солдат у Мёкерна из-за чрезмерной осторожности и тревоги за свой открытый фланг.

Семнадцатое октября прошло относительно спокойно. Союзники были готовы возобновить сражение немедленно, но так как Наполеон не совершал агрессивных действий, они решили ожидать следующего дня, когда должны будут полностью подойти их большие подкрепления. Произошли небольшие бои между боевыми охранениями Блюхера и Мармона, но в остальной день был проведен в приготовлении. Прибытие VII корпуса завершило пополнение армии Наполеона. Было принято решение отозвать все силы назад, за рубеж Парте. Однако сообщение о прибытии Беннигсена и Бернадота окончательно убедило императора, что он должен отойти.

Высшее союзное командование усиленно работало над завершением плана действий на 18 октября. В своем окончательном виде он предусматривал не менее шести концентрических атак против французских позиций. Имея более 300 000 человек и почти 1500 пушек, союзники были уверены, что смогут разбить Наполеона серией тяжелых ударов против широко разделенных секторов его периметра. Генерал Гессе-Гомбург должен был атаковать Лёсниц по обеим сторонам реки Плайсе; Барклай направлял удар против Пробстхайды; Беннигсен и Коллоредо наступали против Цу-

кельхаузена и Холцхаузена; Блюхер должен был возобновить атаку на северные предместья Лейпцига с армией Бернадота слева; Дьюлаи совершал еще одно усилие против Линденау.

Тем временем Наполеон решил сузить свою линию, готовясь к отходу. Оставив сильную линию охранения, удерживавшую исходные позиции, в 2 часа ночи 18 октября французские корпуса, дислоцированные южнее Лейпцига, отошли назад на две мили под проливным дождем. Императорская ставка была заново устроена в Штоттернице. Были даны приказы на сооружение дополнительных мостов у Линденау. Однако теперь было слишком поздно, чтобы это можно было сделать легко.

Восемнадцатого октября шли беспорядочные сражения. Союзники медленно входили в соприкосновение, и во время утренних действий произошел только один ожесточенный бой в секторе Понятовского, где, сражаясь, с изумительной доблестью польский командир отстоял свои позиции и отбросил Гессе-Гомбурга от Конневица. В западном секторе Бертран без особого напряжения во второй раз разбил войска Дьюлаи, и в середине утра IV корпус уже прошел немалое расстояние к Зале и ее стратегически важным мостам. События в северном секторе задержались из-за промедления Бернадота, который все еще медлил в пути самым постыдным образом. На восточной стороне Макдональд и Себастьяни успешно повернули назад, чтобы соединиться с Рейнье и тем самым замкнуть уменьшенный французский периметр, когда крупные силы Беннигсена заняли исходные позиции.

После полудня темп событий ускорился. Около Лесница снова шел сильный бой, но Понятовский и Ожеро все-таки удерживали Конневиц, в то время как на их левом фланге Виктор и Лористон успешно отбивали Баркляя. Но в восточном секторе большие силы Беннигсена добились немалых успехов против Макдональда и Себастьяни, вытеснив их из Цукельхаузена, Хольцхаузена и затем Цвайнаундорфа, но его попытки захватить Штоттерниц были отражены после ожесточенного боя. Однако немного позднее Беннигсен, к которому наконец присоединился запоздавший Бернадот, начал новое наступление против Себастьяни и Рейнье и со временем овладел Молкау, и Паунсдорфом.

Видя возможный развал этого сектора, Наполеон бросил в бой и молодую и старую гвардию. Паунсдорф перешел обратно в руки французов, но вскоре был эвакуирован, когда Ней, командовавший всеми войсками в этом секторе, решил оттянуть назад всю линию к Шёнефельду, Зеллерхаузену и Штунтцу. Ситуация опять стала управляемой, но в 4.30 вечера две бригады саксонцев и артиллерийская батарея, образующие часть корпуса Рейнье, перешли на сторону союзников под приветственные крики наблюдавших эту сцену французских солдат, которые ошибочно решили, что те бросились в атаку. Это предательство вызвало появление бреши во французской линии.

Незادолго до захода солнца Бернадот и Беннигсен бросили войска в новую атаку. Корпусу Ланжерона (придан армии Бернадота на этот день) потом удалось вытеснить Мармона из Шёнефельда, и VI корпусу ничего не оставалось, как отступить к Ройдницю, совсем у восточного предместья Лейпцига. Русские тоже пошли в наступление. К тому времени, когда сражение стало замирать, французские силы оказались отеснены назад к городским фольваркам. Однако на юге французы все еще удерживали линию от Конневица до Пробстхайды и Штоттерница.

К этому времени Наполеон ясно понял, что лейпцигская позиция непригодна для обороны. Исход сражения еще не определился, но теперь все преимущества были явно на стороне союзников. Боеприпасов у французов оставалось катастрофически мало, потери увеличивались. Возвратившись в Лейпциг, Наполеон продиктовал приказы на отход. В течение 18 октября все оставшиеся обозы и часть кавалерии уже пересекли линденаускую дамбу, но, согласно новому приказу, старая гвардия, за которой следовали корпус новой гвардии Удино, IV кавалерийский корпус, IX и II армейские корпуса и II кавалерийский корпус должны отходить

через Лейпциг именно в таком порядке, прикрываемые остатком армий. В знак признания его заслуг в сражении в южном секторе Понятовскому был вручен маршальский жезл прямо на поле боя.

Еще до рассвета 19 октября французы начали постепенно небольшими группами отходить из южного сектора. Хотя союзным генералам доносили о звуках движения, они не предприняли никаких мер для выяснения обстановки, кроме высылки небольших местных патрулей. Отход продолжался беспрепятственно; 30 000 человек (VII, VIII и XI корпуса) были назначены во французский арьергард с приказом удерживать Лейпциг до тех пор, пока остальная армия не окажется в безопасности.

Только в семь часов утра союзники начали выяснять обстановку. Но к этому моменту отход продолжался уже почти пять часов. Окончившиеся ничем попытки переговоров дали французам еще некоторое время, и только после 10 часов сражение в пригородах возобновилось по-настоящему. Наполеон проехал по дамбе в Линденау часом позже, преодолев запруженные улицы и видя сцены все усиливающегося беспорядка. Однако непосредственных причин для тревоги еще не было, так как Удино и арьергард легко удерживали союзников на значительном расстоянии от дамбы. Вследствие этого отход продолжался почти без перерывов, и уже казалось, что Наполеон вскоре даст пример образцовой общей эвакуации и перехода через реку перед лицом врага, который может превзойти даже прославленный переход через Березину в 1812 году.

Однако, к несчастью, Наполеон возложил ответственность за подготовку дамбы к уничтожению на ненадежного человека — гвардейского генерала Дюлолуа. Тот, в свою очередь, перепоручил эту задачу некоему полковнику Монфору, который вскоре решил, что мушкетные пули свистят слишком уж близко, и покинул свой пост, оставив какого-то жалкого капрала в одиночестве со всеми подрывными зарядами. Это несчастное существо почему-то ударилось в панику в час дня и без малейшей нужды взорвало мост, несмотря на то, что он все еще был запружен французскими войсками. Эта преступная ошибка превратила успешную операцию отхода в стихийное бедствие, так как арьергард оказался запертым в Лейпциге без каких-либо средств спасения.

Удино смог переправиться вплавь через Эльстер, но Понятовский, тоже пустившийся вплавь, не смог плыть из-за ран и утонул — всего через двенадцать часов после назначения его маршалом Франции. Запертые в городе войска продолжали сопротивление из последних сил, но к вечеру выжившим пришлось сдаться. Среди них были маршал Лористон и генерал Рейнье. Так бесславно закончилось тяжелейшее Лейпцигское сражение.

За четырехдневный период союзники потеряли, вероятно, 54 000 убитыми и ранеными (точные цифры нельзя выяснить). У французов боевые потери составили, по-видимому, больше 38 000 человек, но 19 октября в руки союзников попало еще 30 000. Кроме того, 5000 германских солдат перешли на сторону врага во время сражения. Французские потери включали в себя 6 убитых высших офицеров, 12 раненых и не менее 36 попавших в плен к союзникам, причем эту судьбу разделил и король Саксонии: Наполеон оставил на месте 325 пушек, большую часть обозов и транспорта и много всякого имущества на складах.

Это длительное сражение было самым тяжелым, за исключением Бородинского, в наполеоновских войнах. Было сделано более 200 000 артиллерийских выстрелов, и к 19 октября французские ресурсы имели только 20 000 оставшихся комплектов боезапаса. Конечным результатом было уничтожение того, что оставалось от французской империи к востоку от Рейна. Бавария уже изменила Наполеону; Саксония (за исключением Дрездена, где Сен-Сир и Лёбау продержались до 11 ноября) была оккупирована союзными войсками и была вынуждена заключить соглашение. В течение нескольких дней правителю Вюртемберга пришлось последовать за Баварией, и это событие неизбежно подтолкнуло и осталь-

ные княжества Рейнской конфедерации отойти от Наполеона. С военной точки зрения, Лейпциг нанес тяжелый удар по боевой репутации Наполеона и уничтожил свыше двух третей так трудно добытых военных сил (за пределами Испании). С точки зрения политики, он ознаменовал новое появление Пруссии как ведущей державы в Германии и подготовил путь к рождению современной Европы.

Глава 81

ОБРАТНО К ЕСТЕСТВЕННЫМ ГРАНИЦАМ

Отход Наполеона к Рейну в целом оказался весьма удачной операцией. С одной стороны, союзники все еще были достаточно ослеплены магией репутации императора и вели преследование его колонн с подобающим почтением. К тому же Шварценберг был военачальником не того калибра, чтобы суметь поймать французов в ловушку, прежде чем они достигнут убежища. Наполеон отходил по своим главным коммуникациям по направлению к Франкфурту и Майну, поглощая по пути запасы продовольствия и боеприпасов из своих складов. Двадцать третьего октября около 100 000 французских солдат (многие в достаточно оборванном виде, правда, но отнюдь не в состоянии развала) достигли Эрфурта, и, прежде чем отход был возобновлен 24-го, из огромных арсеналов города было взято много нового вооружения и снаряжения. Дисциплина в некоторых частях начала ухудшаться, много солдат взяли за мародерство, но в целом, несмотря на набеги казачьих отрядов, легкой кавалерии и партизан, отход ничем серьезно не нарушался. Однако армия Блюхера двигалась параллельным курсом тоже на запад, Шварценберг и русские давили на тыл, и за предшествующую неделю произошло несколько ожесточенных арьергардных боев, поэтому Наполеону было необходимо продолжать свой отход к Рейну.

С течением времени происходило неизбежное усиление дезорганизации Великой армии. Один союзный наблюдатель отмечает, что «количество трупов и павших лошадей увеличивалось с каждым днем. Тысячи солдат, падая от голода и усталости, оставались позади, не имея сил добраться до лазаретов. Леса на несколько миль вокруг были полны отставших, измотанных и больных солдат. Пушки и повозки валялись повсюду»(37).

Тем не менее в разбитой армии еще теплилась искра жизни, как было убедительно показано в последние дни октября. Отряд из 43 000 баварцев и австрийцев под командованием генерала Вреде, недавно примкнувшего к делу союзников, ринулся на север с Дуная во Франконию, чтобы блокировать направление отхода французов. В положенное время эти силы достигли Ханау (в нескольких милях к востоку от Франкфурта-на-Майне), следующего убежища французских войск. Из-за полного непонимания обстановки Вреде пришел к заключению, что император и основная масса его войск отходят по дороге на Кобленц и что его солдаты нагонят всего-навсего деморализованную фланговую колонну из не более чем 20 000 человек. Уверившись в ожидающем его успехе, после нескольких дней быстрых перестрелок, баварский генерал 30 октября разместил своих солдат на торопливо выбранных позициях — река Кинциг находилась за его центром, а правое крыло в изоляции к югу, где только один мост соединял его с основной массой войск.

Вначале у Наполеона было 17 000 человек пехоты Макдональда и кавалерии Себастьяни, чтобы разделаться с этим препятствием. Однако французы могли подойти до близкого соприкосновения практически не замеченными благодаря густым лесам, расположенным к востоку от позиции Вреде. Император вскоре решил атаковать левый фланг баварцев всей имеющейся живой силой. К полудню леса против баварского центра были очищены Виктором и Макдональдом, а генерал Друо вскоре после этого нашел тропу между деревьями, ведущую к левому флангу

Вреде, по которой можно было провезти пушки. Через 3 часа гренадеры старой гвардии расчистили подступы к французской цели, и Друо собрал 50 пушек, поддерживаемых кавалерией гвардии и Себастьяни. Энергичный обстрел вскоре принудил замолчать 28 пушек Вреде, и затем французские кавалеристы обрушились на кавалерию Вреде, охранявшую его левый фланг. Баварцы дрогнули перед этой атакой. Получив удар во фланг заходящей французской кавалерией, центру Вреде пришлось пытаться пробить себе путь влево, огибая берега Кинцига, и в процессе того они понесли тяжелые потери. Его правое крыло безнадежно запуталось, пытаясь перейти через единственный мост, и оказалось не способно повлиять на исход главного боя. Сотни солдат утонули в Кинциге, прежде чем Вреде смог собрать остатки своих сил на рубеже, идущем от Ламбойского моста к городку Ханау. На следующий день французы заняли сам Ханау почти без затруднений.

Наполеон не собирался тратить свое время на Вреде. Так как главная дорога на Франкфурт теперь снова открылась, основная масса французов двигалась на запад без задержек, оставив аррьергард, чтобы не давать Вреде шансов на новые попытки. Основной бой и предшествующие и последовавшие стычки стоили генералу Вреде жизни более 9000 человек. Потери французов в боях были значительно ниже, но между 28-м и 31 октября, вероятно, в руки союзников попало не менее 10 000 отставших солдат.

Тем не менее основная часть французской армии достигла Франкфурта 2 ноября. Здесь они были практически в безопасности, так как их тыловые базы в Майнце и мощный рубеж Рейна были на расстоянии менее 20 миль. Хотя Даву все еще прочно удерживал позицию на нижней Эльбе, французская кампания 1813 года кончилась полным провалом. Почти 70 000 строевых солдат и 40 000 отставших благополучно достигли Рейна, но около 400 000 солдат были потеряны. Правда, не менее 100 000 из них рассеялись по изолированным гарнизонам и отрядам от Данцига до Дрездена, но уже не оставалось никаких надежд на то, что они спасутся и вернутся, и один за другим эти отряды начали капитулировать. Сен-Сир и дрезденский гарнизон (два корпуса) храбро обороняли город, но потом были вынуждены сдаться на почетных условиях 11 ноября. Впоследствии генерал Шварценберг отказался подписать это соглашение, но к тому времени Сен-Сир уже ничего не мог сделать и вынужден был сдаться. Союзники потом так же безжалостно поступили с гарнизонами Данцига и Торгау. Так закончилась кампания 1813 года. Наполеон и остаток его армии стали готовиться к защите естественных границ Франции, а его империя в Германии исчезла навсегда.

Причиной этой новой катастрофы послужило то, что французские вооруженные силы (и пехота, и кавалерия) были значительно слабее, чем наполеоновские армии прежних лет, но само по себе это не было решающим фактором. Гораздо более важными были недочеты системы французского командования. Они были отчасти обусловлены недостатками самого Наполеона, а отчасти слабостью его подчиненных. В период, последовавший за прекращением перемирия, Наполеон пытался координировать управление полумиллионом людей — то есть решать задачу, которая просто была за пределами возможностей одного человека, использовавшего только рудиментарные системы связи того времени, а наладить хорошую связь должен был научить его опыт 1812 года.

В результате, как и в 1812 году, маршалам приходилось брать на себя большую ответственность на более отдаленных секторах фронта, чем они были приучены. То, что они практически всегда не использовали своих возможностей, было отчасти виной Наполеона, не приучившего своих подчиненных самостоятельно руководить, но отчасти и следствием быстро падающего энтузиазма у маршалов. Чтобы вознаградить своих приближенных за их полное подчинение и покорность, император осыпал их золотом, титулами, поместьями. К 1813 году получатели этих благ, — в сущности, вполне естественно, — уже желали наслаждаться ими в более мирной

обстановке. Многие разочарования участников кампании 1813 года могут быть объяснены именно с этой точки зрения.

Рядовые этих импровизированных французских армий совершили чудеса храбрости не менее чем в трех случаях в течение этой длительной кампании. Однако их успехи в известной мере пошли не на пользу Наполеону, ибо он стал все больше надеяться на своих «мари-луизочек» и древних ветеранов, раз за разом все-таки добивавшихся невозможного. Многие из стратегических планов императора были такие же мудрые и изощренные, как и раньше, но ему недоставало средств успешно осуществить их. И он постепенно начал догадываться об этом. Его неопытные солдаты были не в состоянии совершать марши и сражаться без отдыха, не имея достаточного снабжения. Его штаб не мог успешно работать, не имея соответствующей разведки. Даже запасы энергии императора — и физической, и умственной — начали проявлять признаки истощения; его принятие перемирия после двух побед, вероятно, является одним из признаков этого. В сущности, Наполеон полагался на невероятное соединение чудес и ошибок, надеясь достичь своей полной победы: чудес доблести и стойкости со стороны своих солдат и ошибок в расчетах и координации действий со стороны противников. Однако ни те, ни другие не удовлетворили его самых оптимистических ожиданий.

Союзники, безусловно, делали ошибки, и несколько раз они приводили их на грань катастрофы. Их командная система была крайне хаотической и плохо координируемой. Свокорыстные национальные интересы часто вытесняли заботу об общем благе на их бесконечных совещаниях; личные соперничества и ревность преследовали почти каждое предложение. Тем не менее после жестоких уроков Лютцена и Баутцена в первой части кампании союзники кое-как нащупали правильную стратегию борьбы с Наполеоном. Используя свои превосходящие силы и артиллерию против второстепенных секторов французского фронта и максимально избегая фронтальных столкновений с самим «чудовищем», они ломали ему план за планом и серьезно нарушали баланс всех французских операций в целом. Были случаи (как под Дрезденом), когда они невольно обращались к своим старым методам и из-за них несли вполне предсказуемые поражения, но когда они оттеснили Наполеона и его утомленных маршалов к Лейпцигу и успешно соединили все четыре свои армии — Силезскую, Чешскую, Северную и Польскую, — практически эти армии оказались на стороне союзников. Наполеон сражался со всей своей прежней стойкостью, неумолимостью и искусством, но в конце концов союзники победили, в частности своей численностью.

Наполеон был действительно виновен в нескольких крупных политических и военных просчетах, которые в сумме объясняют его неудачу. У него была склонность презирать своих противников. Если его презрение оправдано по отношению к Бернадоту, то он совершенно недооценил степень ненависти к нему, питаемой Блюхером, а также не учел настойчивости царя. Он никогда не думал, что его тесть австрийский император выступит против него как враг; он никогда не понимал, насколько тяжело было французское иго для германских государств или как нереальны были его надежды на их военную поддержку. Он оставил тысячи незаменимых солдат и нескольких своих лучших генералов к югу от Пиренеев. Но хуже всего, что он так и не понял, что дух Европы изменился, в ней появились новые веяния. Он все еще считал, что имеет дело со старыми феодальными монархиями, которые, в сущности, были сметены его же прежними победами. Франция больше не была единственной страной, проникнутой духом подлинного национального вдохновения, страной, взрастившей истинно народную армию. Враги Франции наконец извлекли ценные уроки из своих прежних поражений — и политических, и военных, а теперь учились применять свою недавно обретенную силу против быстро устающего противника. По словам генерала Фуллера, битва под Лейпцигом была для Наполеона «вторым Трафальгаром, на этот раз на суше; он утратил инициативу»(38).

Часть шестнадцатая

«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»

*Кампания 1814 года,
окончившаяся отречением Наполеона*

Глава 82

ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ!

Менее чем через три недели после катастрофы под Лейпцигом Наполеон вернулся в Сен-Клу. Со своей обычной гибкостью, проявляющейся у него в самые тяжелые времена, он немедленно погрузился в подготовку планов по обороне Франции. Уже второй год подряд он был свидетелем гибели полумиллиона французских солдат и быстрого уменьшения французских границ, но казалось, что он все еще считает, будто его положение небесперспективно и оставляет место для надежд. Он был уверен в том, что если будет время для создания новых армий, у него хватит способностей, опыта и умения вырвать окончательную победу у его пока всемогущих противников, которые сейчас сходились против него со всех сторон. «Сейчас мы ни к чему не готовы, — сказал он доверительно Мармону в середине ноября, — но к середине января мы сможем достигнуть многого»(1).

Любому современному ему человеку военное положение Франции в последние месяцы 1813 года должно было бы казаться безнадежным. После победы при Лейпциге более 300 000 союзных солдат вскоре сосредоточатся в боевой готовности перед Рейном, в то время как французы смогут собрать менее 80 000 измотанных и ослабленных болезнями солдат для обороны 300 миль своей восточной границы. Вероятно, около 100 000 французских солдат еще оставались в Германии и Польше, но все они без исключения были разбросаны по далеко отстоявшим друг от друга плотно осажденным отрядам, неспособным принимать активное участие в наивысшей над Францией борьбе не на жизнь, а на смерть. В Северной Италии вице-король Евгений с трудом удерживал свои позиции с помощью 50 000 человек по рубежу Адидже против 75 000 австрийцев генерала Бельгарда. У Евгения уже накапливались веские причины беспокойства из-за двойственного поведения родственника Наполеона, короля Неаполитанского. На Пиренеях армии маршалов Сульта и Сюше (вместе около 100 000) все время отступали перед напором англо-испанских войск (125 000) лорда Веллингтона. Истинное положение дел на любом из этих фронтов было неутешительным. Наполеона, кроме того, ожидало полное расхождение с его политикой и в Голландии и в Бельгии. Да и весь французский народ тоже дошел уже до полного изнеможения, год за годом неся бремя бесконечного расхода тающей живой силы и экономических последствий двадцати военных лет, усугубленных результатом безжалостной блокады французских портов

кораблями английского флота. Все маршалы устали от войны и были близки к проявлению непокорности, а самый надежный из них — Бертье — был серьезно болен. Больше не было военных ресурсов германских сателлитов, которые могли бы подкрепить возможности истощенной Франции в военном отношении. Стоявшие перед Наполеоном перспективы ужасали.

И все же его дух не остыл, воля к успеху оставалась непобежденной, пыл не иссяк. Император подстегивал замученных министров, заставляя их действовать. Новые армии должны быть немедленно созданы для защиты отечества. Должны быть изысканы все до последнего источники поступления живой силы. Были изданы указы, согласно которым мобилизации в армии подлежали не менее 936 000 новобранцев и старых резервистов в течение зимних месяцев 1813—1814 годов. Полицейские, лесники, таможенники — все были призваны вместе со 150 000 призывников разряда 1815 года. Крупные части Национальной гвардии были включены в армию. Каждая контролируемая правительством газета печатала эмоциональные призывы к французам сплотиться для защиты отечества, как в 1792 году. Были отправлены приказы в Итальянскую и Испанскую армии о крупных наборах опытных солдат, которые могли бы укрепить зачаточные гражданские армии. Декреты возвещали о большом расширении молодой гвардии. Вводились новые налоги для финансирования армейских нужд.

Одновременно Наполеон начал большое дипломатическое наступление, желая освободиться от второстепенных дел. Надеясь добиться сплочения итальянцев вокруг Евгения, он освободил Папу Римского из-под домашнего ареста во Франции и возвратил его в Ватиканский дворец. Для обеспечения безопасности юго-западных границ Франции и освобождения ветеранов Сульта и Сюше с целью их дальнейшего использования на Рейне французское правительство предложило восстановить Фердинанда на испанском троне в обмен на прекращение военных действий и постоянный мир. Предварительное соглашение об этом было парафировано французскими и испанскими полномочными представителями 11 декабря в Валансе.

Но, разумеется, Наполеон прекрасно понимал, что эта лихорадочная политическая деятельность не может принести плодов немедленно. Было необходимо хотя бы короткое затишье, пауза, чтобы передохнуть, — особенно на Рейнском фронте, где Франция была наиболее слаба, ее противники наиболее сильны, а положение прочно. У императора бывали и оптимистические моменты, когда он говорил о своей надежде, что союзники отложат наступление на восточную границу Франции до весны 1814 года. Он основывал свое суждение на трех соображениях. Во-первых, армии союзников были, конечно, тоже усталыми и измотанными в результате боев в течение всего 1813 года. Второе — им потребуется время органически включить в свои армии силы новых германских союзников и наладить их коммуникации. Третье — Наполеон делал большую ставку на внутренние противоречия в лагере союзников, разрушающие всякие планы на зимнее наступление. К весне Наполеон получил уверенность в том, что новые армии Франции встанут на позиции вдоль Рейна, и он даже мечтал о большом наступлении Мюрата и Евгения, которые должны были обрушиться на противника через Альпы из Италии, угрожая Вене, — повторение 1796—1797 годов.

В некоторой степени расчеты Наполеона, касающиеся возможности задержки наступления союзников, имели основания. Мощные фракции в верховном командовании союзников высказывались как раз за такой ход действий. У австрийского императора в это время уже не было большого желания лицезреть закат звезды своего зятя, так как падение французской империи, несомненно, будет на руку домам Гогенцоллернов и Романовых, а совсем не Габсбургов. При условии, что Австрия возвратит ее итальянские владения, Франц был готов отдать Франции ее «естественные границы» (а именно Рейн, Альпы и Пиренеи) даже ценой Бельгии. Из чисто своекорыстных побуждений кронпринц Швеции Бернадот тоже возражал против

полного завоевания Франции. Очевидно, он втайне питал надежду, что французов можно будет вынудить к тому, чтобы они заменили Наполеона им самим (Бернадотом), если умело взяться за дело и избегать чрезмерного прямого давления. Представителей Великобритании тоже тревожил баланс сил в послевоенной Европе, и они были склонны разделять мнение Австрии о том, что Наполеону могут быть оставлены «естественные границы» — минус Антверпен и Шельда — при условии, что возникнут достаточные гарантии будущего «хорошего поведения» Франции.

Сторонники немедленных действий возлагали надежду на царя. Александр же пока никак не мог прийти к окончательному решению. Как ни страстно он желал видеть русских, входящих в Париж и мстящих за Москву, ему приходило в голову, что русских солдат призывают к героическим усилиям и к тяжелым жертвам во имя не столько России, сколько интересов германских держав. Однако в целом он стоял скорее за немедленные действия. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III последует примеру царя, хотя лично сам он желал избежать всякого ненужного затягивания войны: Точно таким же образом разделялись мнения и среди полководцев. Князь Шварценберг, «по природе скорее государственный деятель и дипломат, чем генерал», разделял мнение своего монарха, но прусские генералы, среди которых самым ожесточенным был Блюхер, требовали немедленного и активного продолжения кампании до окончательного поражения «корсиканского чудовища».

В самом начале ноября силы союзников стояли в полной готовности на берегах Рейна, а их руководители собрались во Франкфурте-на-Майне на совещание. Высказанные мнения разнились так сильно, что 16 ноября было решено временно прекратить операции, хотя бы на ближайшее будущее, пока идут переговоры с Наполеоном, и ему будут условно предлагать «естественные границы». Известие о таком решении, вероятно, убедило Наполеона, что он выиграл свою предыдущую, хотя едва ли мог доверять глубинным мотивам союзников. Чтобы извлечь как можно больше выгоды для себя из представившейся возможности, он ответил на это призывом к устройству всеобщего конгресса, не сказав ничего конкретного о предложенных ему условиях. Для умиротворения царя император позднее назначил Коленкура своим министром иностранных дел и уполномоченным на переговорах. Весьма маловероятно, чтобы стороны были полностью искренни в своих высказываниях и предложениях в это время. Союзники явно фальшивили в своих высказываниях о миролюбии, после того как Наполеон 30 ноября временно согласился на предложение «естественных границ», ибо его послам тут же ответили, что союзники отказываются от своего первоначального предложения. Затем ему сообщили, что переговоры могут теперь открыться лишь «на базе границ 1792 года». Это было неприемлемо для Наполеона. «Я думаю, что чистосердечие союзников весьма сомнительно, — писал он Коленкуру в начале января, — как и то, что Англия якобы хочет мира; что до меня, то я, безусловно, желаю его, но он должен быть прочным и почетным. Франция без своих естественных границ, без Остенде или Антверпена больше не сможет занимать свое место среди государств Европы»(2).

За некоторое время до того, как были написаны эти строки, хрупкое перемирие на восточных границах было нарушено. Надежды Наполеона на затишье вплоть до марта или апреля рухнули 22 декабря, когда генерал Вреде перешел Рейн и осадил крепость Хунинген¹. Но даже немного ранее австрийская дивизия генерала Бубны уже начинала оккупировать незащищенную Швейцарию. В последние дни года стало ясно, что массы союзников приходят в движение и что готовится удар против Наполеона.

Главными причинами начатой союзниками большой зимней кампании были недоверие к далеко идущим замыслам Наполеона (что было, вероятно, справедливо) и желание обратить себе на пользу атмосферу недовольства в Нидерландах. Гол-

¹ Х у н и н г е н, или Гунинген — в то время крепость севернее Базеля, на левом берегу Рейна (Жомини А. Жизнь Наполеона. Т. 3, карта 38).

ландия уже восстала против французского владычества, и было видно, что Бельгии будет довольно одного решительного действия союзников, чтобы последовать этому примеру.

Союзники разработали сложный план. Северную армию должны были разделить на две части. Один корпус под командованием генерала Бюлова, поддерживаемый британским экспедиционным корпусом (генерал Грэм), должен оккупировать Голландию, наступать на Антверпен и с течением времени, пройдя Бельгию, вторгнуться в Северную Францию. Второй половине, под командованием кронпринца Бернадота, Винценгероде и Беннигсена, предстояло изолировать большой отряд маршала Даву вокруг Гамбурга, поддерживать давление против датчан и продолжать осаду Магдебурга. Под прикрытием этих второстепенных операций 100-тысячная Силезская армия Блюхера будет наступать по среднему течению Рейна, обеспечит переправы на широком фронте между Кобленцем и Мангеймом и будет отвлекать на себя силы Наполеона. Одновременно Шварценберг, сопровождаемый «созвездием» союзных монархов, выйдет из Базеля в Кольмар, переправится через верхний Рейн и двинется к плато Лангр. Затем начнется вторая фаза кампании. Пока Блюхер продолжает сковывать фронтально Наполеона, 200-тысячная Богемская армия обрушится на правый фланг французов, дополнительные колонны развернутся веером к югу и юго-западу, чтобы сомкнуться с австро-итальянскими силами, наступающими на Лион, и с армией Веллингтона, направлявшейся от Пиренеев. Самое позднее в середине февраля почти 400 000 союзных солдат будут действовать на территории Франции, и большинство из них будут осуществлять концентрическое наступление на Париж — их конечную цель.

Двадцать девятого декабря Блюхер начал переход через Рейн у Кауба, Ланштейна¹ и Мангейма. Первого января 1814 года Шварценберг начал осторожно приближаться к Кольмару. Вскоре оборонительным сооружениям Франции предстояло подвергнуться тяжелым испытаниям.

Как и следовало ожидать, столь раннее начало активных боевых действий застало Наполеона неподготовленным. В конце декабря имелось только 67 000 французских солдат, готовых к обороне длинных участков границы, идущей от Страсбурга до Северного моря. В Бельгии генералу Мезону уже приходилось с трудом удерживать местное мятежное население силами всего 15 000 солдат. Справа от Мезона — корпуса уменьшенного состава маршала Макдональда (13 000), генерала Морана (13 000) и маршала Мармона (16 000) были растянуты на безнадежно большой территории. Южнее Страсбурга за верхним Рейном и швейцарскими границами следили еще более редко расположенный корпус маршала Виктора (10 000) и немного гарнизонных войск. Кроме старой гвардии Мортье, имелось совсем немного резервных сил. Ней формировал две дивизии новой гвардии за Вогезами, Ожеро имел приказ набрать новую армию в Лионе вокруг ядра закаленных солдат, передислоцированных с Пиренеев, а в Ножане и Мо собирали 30 000 национальных гвардейцев. Однако и эти небогатые ресурсы были ниже штатных.

В середине января стало и в самом деле казаться, что удача покинула Наполеона. С угнетающей регулярностью удар за ударом разбивали его планы. Новые французские армии никак не материализовались; сотни тысяч французов всеми силами избегали мобилизации, спасаясь в лесах. Считается, что почти 120 000 из призванных вначале 936 000 так никогда и не попали в армию. Но появились большие трудности при экипировке даже того небольшого количества явившихся по призыву. Не хватало всего — мушкетов, обмундирования, лошадей.

Почти так же трудно было найти младших офицеров и сержантский состав. «Мне говорили, что во Дворце инвалидов найдется от семи до восьми сотен людей с небольшими увечьями, которые желали бы отправиться снова послужить в армии, — писал

¹ Кауб и Ланштейн находятся севернее Мангейма.

Наполеон своему военному министру 10 января. — Если это так, то они явятся прекрасным источником сержантского состава. Я мог бы использовать их в шести новых полках новой гвардии, которые сейчас формирую. Мне нужно 540 сержантов и 1080 капралов»(3). Явно дела шли худо, если императорской гвардии приходилось полагаться на инвалидов и пенсионеров, идущих на пополнение низшего звена командного состава. Еще труднее было найти сержантов для линейных войск.

Наполеон частично полагался на призыв в Италии и Испании. Испанское правительство изменило свое отношение к соглашениям Валансе и отказалось подписать его. Позднее император признал, что совершил большую ошибку, не заставив их сделать это в декабре. Непосредственным результатом этого дипломатического отпора было сковывание войск Сульта и Сюше на Пиренейском фронте. Затем рухнули надежды на призывников из Италии. Главной причиной этого была измена зятя Наполеона Мюрата 11 января. «Поведение Неаполитанского короля позорно, — бушевал император 13 февраля в письме к Фуше, — а королевы — совершенно бесстыдно. Я надеюсь дожить до того, чтобы отомстить за себя и за Францию за это оскорбление и такую страшную неблагодарность»(4). Результатом этого дезертирства было усиление союзников в Северной Италии за счет добавочных 30 000 неаполитанских солдат. Положение Евгения из-за этого неизбежно ухудшалось. Затем 14 января датский король тоже подписал соглашение с союзниками, пополнив их силы для вторжения во Францию еще и своими солдатами.

Признаки измены замечались и во Франции. Многие правительственные чиновники в Париже «застраховали» себя в случае падения Наполеона. Хитрый Талейран уже налаживал личные мостики к Бурбонам. Почти никто не знал, что же именно нужно ожидать, но все надеялись пережить кончину Первой империи. В этой обстановке недоверия и интриг император не мог уехать из Парижа.

Поэтому на какое-то время оборону границ приходилось возложить на маршалов. Все надежды, что они смогут остановить наступление, быстро рухнули. Виктор не попытался защищать Страсбург, но отошел на запад сразу же, как только стал осторожно подходить авангард Шварценберга. Через несколько дней Виктор решил оставить и Нанси, не сделав ни одного выстрела. Эта новая неудача вскоре предоставила союзникам свободную переправу через Мозель, из-за чего всей французской линии пришлось отодвинуться назад. Мармон с трудом избежал окружения Блюхером под Кайзерлаутерном. К 13 января он уже был опять в Меце, преследуемый по пятам пруссаками и русскими. К 17 января силы Мармона, Виктора и Нея оказались за рекой Мёз (Маас), но эта природная преграда не задержала Блюхера. К 22-му его армия уже переправилась через Мёз, и на следующий день Сакен и авангард даже захватили предместное укрепление у Жуанвиля за Марной. Таким образом, Силезская армия вклинилась на 75 миль во Францию всего за 9 дней.

В растущем отчаянии Наполеон предпринимал все доступные ему действия. Мортю и старую гвардию поспешно передислоцировали на юг к Лангру для укрепления южного фланга Виктора. Четвертого января император объявил массовую мобилизацию у восточных границ. Однако он не был готов предпринять полностью все меры 1793 года. Хотя многие якобинские экстремисты и предлагали свои услуги в качестве местных лидеров, Наполеон отказался предоставить им ту власть, что они требовали. «Если я и паду, — воскликнул он, — я не позволю унаследовать Францию революционерам, от которых я ее освободил»(5). Вследствие этого на местные ответственные посты назначили только «верных» людей, но ими в большинстве оказались лишь отставные генералы, не особенно годные для такой деятельности. Отчасти из-за этой слабости руководства, а отчасти и благодаря пропаганде союзников, утверждающей, что они воюют с Наполеоном, но не с французским народом, местная реакция вначале была разочаровывающей. Уверенность Наполеона в том, что «бесчинства казаков восстановят против них жителей и удвоят наши силы», оказалась скорее иллюзорной. Крестьянство все еще оставалось пассивным, тогда как на фронте даже

прибытие Бертье, недавно оправившегося от болезни, в штаб-квартиру Виктора 19 января не смогло остановить деморализацию и беспорядочный отход.

К счастью для Наполеона, наступление Шварценберга было значительно более осторожным, чем Блюхера. Испуганный необоснованными слухами о том, что сам Наполеон продвигается с 80 000 солдат с целью перехватить его, австрийский главнокомандующий наступал с величайшей осторожностью. Тем не менее 17-го Богемская армия оказалась у места своего назначения — плато Лангр. С точки зрения стратегии XVIII века, это представляло собой неплохое достижение, так как здесь находились истоки рек Об, Марны и Мёза. Здесь Шварценберг оставался до 23 января, ожидая результатов новых дипломатических разбирательств, в которых предлагалось создать мирную конференцию в Шатильон-сюр-Сен. Эта задержка дала Мортье время усилить свои действия против австрийцев. Затем, когда снова началось их медленное наступление, герцог Тревизский выполнил блестящий отход с боями против превосходящих сил противника, сражаясь за каждую милю пути к Бар-сюр-Об. Однако начиная с 23 января только расстояние двухдневного перехода разделяло фланговые силы Богемской и Силезской армий.

Очевидно, Наполеон не мог долее оставаться в столице, если угрожаемое сосредоточение армий союзников должно было быть предотвращено. Двенадцатого января он составил «Мемуар о настоящем положении во Франции»(6) — оценку всего военного положения, как он тогда его видел. Он предсказывал, что к тому времени, когда союзникам удастся прорвать пограничный кордон (а он предвидел значительную задержку), он будет в состоянии выставить 120 000 французских солдат (если зеленые новобранцы заслуживали такого наименования) к востоку от Парижа, который будет надежно защищен еще 30 000 солдат гарнизона. Он был уверен, что возможные потери сил Шварценберга и Блюхера снизят их общую численность до 80 000 человек еще до того, как они подойдут на дистанцию удара к столице. Таким образом, у него будет возможность дать им сражение в благоприятных для французов условиях.

Однако уже через две недели эти расчеты оказались слишком оптимистическими. Кордон у границы, на который так надеялись, едва ли оказал сопротивление наступающему противнику. Между Парижем и окружающими его армиями союзников оставалось менее 70 000 французских солдат, многие из которых были совершенно деморализованы. В довершение всех этих бед количество войск противника все еще составляло около 200 000 человек.

Едва ли это было утешительно, но Наполеон был тверд, будучи уверен в том, что Париж будет защищаться «до последнего», невзирая ни на какие жертвы. В разделе заключений к Мемуару от 12 января император многозначительно поместил первым такой пункт: «Не делать никаких приготовлений к оставлению Парижа, но при необходимости погибнуть под его руинами». На этой навязчивой идее о необходимости защищать Париж любой ценой был основан каждый наполеоновский маневр вплоть до конца марта.

В большой степени это была оправданная позиция. Как пишет историк Петре, «Париж был его сердцем, центром его могущества, главным арсеналом всей армии и главным штабом всей организации армии. Он был символом Франции в гораздо большей мере, чем Москва представляла в 1812 году Россию или Берлин в 1813 году Пруссию»(7). Но укрепления города не были достроены, так как Наполеон не решался пугать легкомысленное и в то же время склонное к панике население, показав, в какой опасности находятся жители, а его брат Жозеф позднее оказался неспособным укреплять эти сооружения. Париж был полон своекорыстных чиновников и беспринципных политиков, на чью лояльность не приходилось надеяться. Наконец, Наполеон принял неудачное решение назначить своего старшего брата наместником и главным советником при императрице во время своих отъездов на фронт. У Жозефа было много врагов, и на него нельзя было положиться

в смысле правильности его суждений, а также в лояльности. Почти все планы Наполеона в конечном счете зависели от постоянной лояльности его столицы и преданности приближенных. В конце концов Парижу было суждено оказаться его ахиллесовой пятой, когда политики-приспособленцы открыто выступили против него в критический момент, неустанно интригуя и выбивая у него почву из-под ног, так что потом отречение оказалось его единственным выходом.

Безопасность Парижа была кардинальным пунктом в наполеоновской стратегии, поэтому он был должен вести оборону, основывающуюся на «центральном положении» при операциях его полевых сил. «Ну же, ну, — сказал он Бертье, — мы должны повторить итальянскую кампанию»(8). Но в 1814 году на карту было поставлено нечто неизмеримо большее, чем в 1796 году, — не что иное, как сохранение Франции. Если бы обоим главным армиям союзников удалось объединить свои войска и начать тщательно согласованное наступление на столицу Франции, скудные силы Наполеона наверняка не смогли бы противостоять во много раз превосходящим силам противника. Поэтому для него было жизненно необходимо не дать соединиться Богемской и Силезской армиям и разбить их по частям. Наполеон принялся решать эту задачу. Еще 14 января он дал распоряжение Бертрону — главному церемониймейстеру дворца — «выслать моих лошадей к Шалону», но только 25-го император смог выехать из Парижа. Через сутки он достиг Шалон-сюр-Марн и немедленно принял непосредственное командование павшими духом французскими войсками.

Глава 83

НЕУТЕШИТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

Двадцать шестого января корпус молодой гвардии (неполный) маршала Нея и часть гвардейской кавалерии (включая императорский конвой) были единственными французскими войсками в самом Шалоне. Далеко на севере Макдональд отходил из окрестностей Льежа по направлению к Мезьеру на Мёзе. По приказу императора Мармон вел отход от Меца к Бар-ле-Дюку. Маршал Виктор старался удержать обширную пограничную линию по обоим берегам Марны между Витри и Сен-Дизье. Генерал Жерар (преемник Морана) удерживал Арси-сюр-Об с помощью отряда, выдвинутого вперед к Лемону. Маршал Мортье со старой гвардией и одной дивизией из корпуса Жерара отходил на Труа после своего чуть ли не поражения у Бар-сюр-Об 24 января. Дивизионный генерал Аликс удерживал решающие переправы через реку Йонну в Сансе и Оксере. Вероятно, на восточном фронте действовало около 85 000 французских солдат; из них около 41 000 были в распоряжении самого Наполеона.

Обе армии союзников все еще действовали отдельно друг от друга, хотя разделявшее их расстояние неуклонно уменьшалось. Шварценберг приближался тремя основными колоннами; генералы Витгенштейн и Вреде наступали на Невшатель, двигаясь через Эпиналь, главная часть Богемской армии шла из Лангра через Бар-сюр-Об. К югу генерал Коллоредо направлялся к Шатильон-сюр-Сен. В целом вся эта масса войск насчитывала около 150 000 боеспособных солдат. Силезская армия Блюхера также наступала несколькими широко разделенными компонентами. Прусский главнокомандующий подходил к Сен-Дизье с двумя корпусами, начав двигаться из Жуанвиля на север. Корпус генерала Йорка наступал от Меца, ведя медленное преследование Мармона. Еще два корпуса все еще находились в Германии; были также отряды, осаждавшие французские гарнизоны в Вердене, Меце и Люксембурге. Генерал Винценгероде действовал среди крепостей во Фландрии в поддержку Бюлова и Грэма. Остальные войска все еще находились за Рейном. Если не считать армий, действовавших в Нидерландах и Северной Германии, вероятно, около 200 000 солдат союзников были сосредоточены вдоль Марны, Оба и верхней Сены.

Театр военных действий располагался между реками — западная граница образована средним течением Сены и шла от Монтрё по текущему с юга притоку Сены — Йонне. Восточной границей служила река Мёз. Еще три реки, которые текут в виде большой дуги с юго-востока и впадают в Сену, разделяют на части эту равнину. Самая северная — река Эна, впадающая в Уазу в двадцати милях к западу от Суасона, которая, в свою очередь, впадает в Сену на северо-востоке от Парижа. Южнее, в середине этого пространства, находится большая извилистая долина Марны, впадающей в Сену на самом юге столицы. Еще южнее несет свои воды река Об, впадающая в верхнюю Сену в десяти милях восточнее Ножана. Зимой и весной эти реки представляют собой значительные природные преграды, из-за чего возрастает значение мостов и прилегающих городов. Одиннадцать из этих ключевых военных пунктов находятся на берегах Марны и семь — по берегам Оба, но они не представляли большой военной ценности для французов из-за плохого состояния их оборонительных сооружений. Вся кампания сосредоточивалась вокруг контроля над важными мостами, большое внимание уделялось также скоростям, с которой разрушенные мосты можно было восстановить.

Общий рельеф поверхности, разделяющей эти реки, — умеренно плоский. Севернее Эны и южнее верхней Сены тянутся цепи холмов, но лежащая между ними местность имеет равнинный характер, хотя западнее рубежа Этож — Ножан-сюр-Сен местность становится все более холмистой, а долины — более глубокими.

В 1814 году здесь было много дорог, но особо важное значение имели три широкие гужевые дороги. Самая южная вела из Оксера к Сансу по правому берегу Йонны, пересекала эту реку и шла к Монтрё, а оттуда — к Парижу. Вторая шла из Шомона вверх по течению Оба до Бар-сюр-Об, где она тоже пересекала реку, затем вела на запад к Труа; после него она шла в северо-западном направлении, ведя к Марне и Парижу. Третья большая дорога шла по долине Марны из Шолона до Шато-Тьерри, Ла-Ферте в столицу, пересекая в нескольких местах реки.

Столь опытный полководец, как император, понимал, какие преимущества можно извлечь из местности, изрезанной реками и дорогами, для организации оборонительной кампании. Используя Париж как свою базу, передвигая свой операционный центр из города в город, сообразно с требованиями положения (Шалон, Арси, Сезан, Ножан и Провен по очереди будут выполнять эту задачу), и используя более мелкие городки для размещения промежуточных складов продовольствия и материальной части, Наполеон считал, что он сможет обойтись без длинных, медленно движущихся обозов и выполнять молниеносные операции против своих противников, отягощенных обозами и прочими громоздкими средствами. Он понимал, что необходимо приложить все старания, чтобы не дать противнику полностью объединить свои силы, но следует избегать большого сражения. Истощенная французская армия даже не могла позволить себе те тяжелые потери, которые сопровождают победу, не говоря уж о поражении. Война тонких замыслов и быстрых маневров, боев с изолированными отрядами противника, на своей родной территории, небольшими силами вдоль речных рубежей для задержки масс противника — таковы были теперь его главные требования. «Необходимо обрушиваться, достаточно сконцентрировав силы, на отдельный корпус противника и уничтожить его»(9), — писал Наполеон офицеру своего штаба (23 января).

После медленного начала и несмотря на ее гибельный конец, этой кампании суждено было стать одной из прекраснейших кампаний Наполеона. Его искусство обрело новую жизнь и вдохновение. К сожалению, мало кто из его генералов и ни один из его политиков не оказались на высоте положения, хотя новобранцы, эти «мари-луизы», совершали чудеса храбрости под руководством Наполеона.

За несколько дней до того, как Наполеон выехал из Парижа, он решил направить свои усилия против Силезской армии. Она располагалась ближе других, и части ее были достаточно рассеяны. Шварценберг был еще далеко, около Бар-сюр-Об, тогда

как последние сведения о Блюхере свидетельствовали о его приближении к Сен-Дизье. Войска генерала Йорка были еще на значительном расстоянии, и император знал, что силы Мармона уже вклинились между этими двумя частями Силезской армии.

Распорядившись о том, чтобы его прибытие на фронт держалось в строжайшем секрете, а войскам были выданы четырехдневные рационы, Наполеон подготовил свой первый план. Считая, что Блюхер еще находится в окрестностях Сен-Дизье, Наполеон решил наступать против него во главе 34 000 солдат, в то время как Мармон двинется к Бар-ле-Дюку, чтобы перерезать коммуникации Силезской армии. Мортье и Жерар тем временем будут сдерживать Шварценберга. Адьютант императора — полковник Бернар — оценил теперешнюю численность войск Блюхера примерно в 20—25 тысяч человек, поддерживаемых 36—40 пушками.

Пришло также известие о том, что маршал Виктор не смог удержать Блюхера у Сен-Дизье, а, наоборот, даже постепенно отходит к Витри, давая возможность пруссакам овладеть городом. Это было неприятной новостью, но Наполеон решил продолжать выполнять свой план, несмотря ни на что; еще мог быть шанс заставить войска Блюхера только наполовину переправившимися через Марну.

Французы опоздали. Блюхер уже прошел через город, направляясь к Бриенну, оставив за собой только небольшой арьергард. Тем не менее произошел жестокий бой, прежде чем французы вновь овладели Сен-Дизье. «Город был буквально изрешечен артиллерийским и мушкетным огнем, — вспоминает капитан Кване. — Можно было насчитать до тысячи дыр в деревянных дверях и ставнях, пронзенных ядрами... Все дома были подвергнуты разграблению, и ни один житель не смог оставаться в этом несчастном городе»(10). В письме к своему военному министру, написанном в этот же день, Наполеон сообщает о неблагоприятном результате операции: «Мы захватили несколько пушек, убили несколько человек и захватили горстку пленных. Но я узнал здесь, что Блюхер уже находится на пути в Бриенн с 25 000 солдат — он прибудет туда сегодня. Я перерезал его операционное направление, Бар захвачен, и я сегодня же выезжаю, чтобы наступить на хвост Блюхеру. Если он не отступит, то вполне возможно, что завтра в Бриенне будет сражение»(11).

Первый бросок на противника не удался. Теперь Наполеон старался нагнать потерянное время. Его главные силы быстро двигались к Бриенну, где прошли школьные годы императора, а в это время Мармон приближался к Васси, чтобы предотвратить действия Йорка. Император понимал, что стоит только Блюхеру достичь Бриенна, и он сразу же сможет примкнуть флангом к войскам Шварценберга. Однако он надеялся, что французы все еще успеют подойти и сбросит всегда слишком самоуверенных пруссаков в Об до появления у них сильного подкрепления. Мортье получил приказ наступать на Арси-сюр-Об при условии, что это не ухудшит безопасность Труа.

Но императору снова не повезло. Одна из копий его приказа маршалу Мортье попала в руки летучего казачьего отряда, и рано утром 29-го Блюхер был осведомлен об угрозе, нависшей над его тылами. В этот момент в его распоряжении был только один русский корпус графа Олсуфьева, находившийся в Бриенне, но у него как раз хватало времени, чтобы вызвать Сакена из Лемона и получить в подкрепление авангард корпуса Витгенштейна из Богемской армии (3000 кавалерии Палена) до того, как французы нанесут удар. До этого удачного захвата столь важной информации Блюхер беззаботно наступал на Арси-сюр-Об с намерением взять Мортье во фланг, посчитав, что события в Сен-Дизье не особенно важны. Но теперь ему пришлось изменить направление движения в самый последний момент.

Наполеон не намеревался медлить с атакой ни на минуту. Он завязал бой с Блюхером силами кавалерии Груши и конной артиллерии в конце утра 29-го, не ожидая, пока подойдут молодые солдаты Нея и Виктора. Было почти 3 часа, когда французы смогли атаковать Блюхера имевшимися силами. Затем Ней стал наступать двумя дивизиями на деревню Бриенн, а одна из бригад Виктора направилась

к замку. Тем временем остаток II корпуса пробивал себе путь вокруг правого фланга с целью перерезать противнику направление отхода к Бар-сюр-Об.

После полудня характер боя был очень неровным. Неопытные французские новобранцы успешно отбили кавалерию Палена, но на левом фланге основной силе Виктора приходилось отступать. Согласно Кване и другим источникам, в какой-то критический момент Наполеон едва успел увернуться от группы казаков, но сразу после этого стал во главе своего штаба и спокойно повел обратно в бой усталых и перепуганных с непривычки новобранцев. Сражение продолжалось еще долго после захода солнца, и только к вечеру солдаты отдельной бригады Виктора пробились с боем в замок, озаряемые пламенем горящих домов. Блюхер и Гнейзенау, в свою очередь, едва избежали плена, усакав через одни ворота замка, когда французы ворвались в другие. После этого бой начал постепенно затихать, и последняя вспышка произошла около 10 часов вечера, когда союзники провели безрезультатную атаку против замка. Примерно через час с небольшим Блюхер искусно и незаметно вывел свои войска и отошел на юг. Союзники потеряли 4000 убитыми и ранеными, французы, вероятно, — 3000 человек.

Хотя солдаты-новобранцы торжествовали свою победу, бриенское сражение обмануло ожидания Наполеона. Получив отпор, Блюхер был отнюдь не разбит, и единственным заметным результатом боя было приближение головных частей Силезской армии к силам Шварценберга. Конечно, императору сильно не повезло дважды: захват депеш с приказами предупредил Блюхера об опасности, и он сам все-таки спасся из бриенского замка, едва не попав в плен. В лучшем случае бриенское сражение следует рассматривать как безрезультатное. Новобранцы получили боевое крещение, слишком самоуверенным союзникам был дан урок, который следовало хорошо обдумать, но боевая обстановка едва ли изменилась.

Общее положение было еще совершенно неясным. Точное местонахождение и численность союзных соединений Наполеону были неизвестны, но император решил как можно больше использовать свой ограниченный успех и не откладывая попытаться нанести удар против части Богемской армии. Тридцатого января французские войска последовали вслед за Блюхером через Ла-Ротьер, но зато на следующие два дня, что необычно для Наполеона, он приостановился, ожидая дальнейшего развития событий. Впрочем, за этот период относительного бездействия было установлено надежное соприкосновение с Мортье через Лемон. После этого маршалу было приказано вернуться назад в Труа. Операционный центр был перенесен из Шалона в Арси, а большая часть корпуса Макдональда была вызвана из Сент-Мену в Шалон с распоряжением усилить гарнизон Витри сильным отрядом. К сожалению, сильные снегопады препятствовали действиям французской разведки во время этого относительного затишья.

Тем временем союзники энергично согласовывали свои планы. После беспорядочного и непродуманного соединения обеих армий возле Транна Блюхер и Шварценберг решили начать большое наступление против Наполеона 1 февраля. Блюхеру было непосредственно подчинено 53 000 солдат — два его собственных корпуса были усилены еще двумя из армии Шварценберга. Баварцам Вреде было поручено вести операции против левого фланга французов, а Блюхеру обещали, что он будет поддержан Барклаем-де-Толли и русским резервом (вероятно, около 33 000 человек) в случае необходимости. Поэтому округленно можно считать, что утром 1 февраля из Транна на север вышло около 110 000 солдат союзников, чей переход скрывала метель.

Наполеон, лишенный надежной информации, постепенно уверил себя в том, что союзники намереваются сковать его около Ла-Ротьера, а сами в это время наносят где-то главный удар. Мортье уже сообщил о признаках передислокаций противника к югу от Труа. Это могло быть признаком того, что Шварценберг замышляет свою атаку в этом направлении, пока Блюхер проводит шумные демонстрации в районе Транна, чтобы отвлечь внимание Наполеона. Поэтому 1 февраля в 10 часов утра им-

ператор дал приказ на общее наступление к Труа, а Мармону было велено оккупировать Лемон. Дивизии Нея сразу же вышли на дорогу через Бриенн.

Неожиданно в середине дня маршал Виктор сообщил о крупных передислокациях противника около Транна и Экланса, которые, по всей видимости, предвещали атаку. Было ли это просто демонстрацией со стороны Блюхера или это следовало принять всерьез? Хотя Наполеон все еще не верил серьезности угрозы Блюхера, он решил, что до окончательного прояснения положения ему следует удерживать свои позиции. Это решение ждать Блюхера уже через несколько часов подвергло французскую армию (едва 40 000 человек) большой опасности.

Не теряя времени, император послал гонца к Нею с приказом вернуться. Тем временем французы стояли в полной боевой готовности. На левом фланге Мармон подтянул свои силы к деревне Морвильер. В центре Виктор разделил своих солдат между деревнями Шомениль и Пти-Мениль, поставив свой правый фланг в самой деревне Ла-Ротьер. Корпус Жерара развернулся восточнее Дьенвиля, причем некоторое количество солдат находилось на западном берегу реки Об. Кавалерия Нансути и Груши сосредоточилась позади центра, а дивизии молодой гвардии Непо по возвращении выстроились на расстоянии одной мили к юго-востоку от Бриенна.

Вскоре после часа дня Блюхер произвел атаку в направлении Ла-Ротьера. Первый залп был направлен по французской кавалерии. Заметив, что русские пушки стреляют под большим углом прицеливания, Нансути атаковал русских канониров силами легкой кавалерии Гийо, которая изрубила многих из них, прежде чем они смогли изменить прицел. Вскоре по обеим сторонам Ла-Ротьера закипела ожесточенная кавалерийская схватка, однако русские захватили 24 незащищенные пушки гвардейской конной артиллерии. Затем сблизились пехота. Правый фланг французов отбивал все атаки противника против Дьенвиля. В самом Ла-Ротьере генерал Дюэм цепко удерживал деревенскую площадь и северный край деревни, несмотря на сосредоточенный огонь 62 пушек противника. Все время продолжалась метель, напоминая немногим выжившим французским и русским ветеранам об Эйлау в 1807 году. До 4 часов дня казалось, что французы смогут противостоять этому давлению, но затем их левый фланг начал рассыпаться под возобновленной атакой сил генерала Вреде. В тот самый момент прибывшие свежие войска Баркляя едва не выбили французов из Ла-Ротьера.

Наполеон быстро заметил опасность. Кризис угрожал одновременно обоим флангам, и императору было необходимо найти решение трудной задачи. Как всегда, он оказался на высоте положения. Силами головной дивизии Нея он контратаковал Баркляя и вернул себе контроль над Ла-Ротьером, используя оставшиеся пушки Друо и кавалеристов Мийо для прикрытия этого маневра. Одновременно наспех собранный отряд из легких пехотинцев молодой гвардии, кавалерии и одной батареи пушек был послан в поддержку Мармона. Произошел отчаянный бой среди лесов и снежных полей, но ошибка со стороны союзников — вюртембергских егерей, принявших баварских кавалеристов за французов и бешено их атаковавших, позволила Мармону собрать своих солдат и провести упорядоченный отход к Бриенну.

Начинающиеся сумерки и густой снегопад благоприятствовали Наполеону, и с величайшим искусством он вышел из боя по всей своей линии. Ночью французы отошли обратно по дороге к Лемону, намереваясь соединиться с Мортье и старой гвардией в Труа. В течение двух суток отход шел непрерывно; тысячи новобранцев падали по дороге или дезертировали.

Было ясно, что сражение при Ла-Ротьере — это тактическое поражение императора. Потери были приблизительно одинаковыми — по 6000 человек, но моральный дух большинства новобранцев резко упал, и к тому же французы потеряли 50 пушек. Известие о Ла-Ротьере привело в отчаяние весь французский народ. Недостаточность источников информации и плохая погода вынудили Наполеона принять сражение с гораздо более сильным противником, но вызывает восхищение

использование им ограниченных ресурсов, до того как он нашел способ осуществить отход. Французской армии, конечно, недоставало сил сражаться с объединенной армией союзников; теперь, как никогда, было необходимо вести бои с ними по отдельности. Но как можно было выполнять это, когда Богемская и Силезская армии находились в тесной близости друг к другу, к тому же воодушевленные сознанием того, что они нанесли поражение великому мастеру на его родной почве?

Правда, Наполеон мог надеяться, что этот явный успех опять приведет к расхождению в высшем командовании союзников. В его пользу уже начинал действовать один фактор. Двадцать девятого января союзники уведомили Коленкура, что они откроют мирные переговоры в Шатильон-сюр-Сен 3 февраля. Расхождение мнений между Австрией, с одной стороны, и Россией и Пруссией, с другой, по вопросу приемлемых условий мира теперь снова выходило на передний план. Тем временем император завершил свой отход к Труа, прибыв туда 3 февраля. Но по пути он потерял 4000 человек, которые дезертировали, а население города встретило его весьма холодно. По прибытии он сразу разместил по корпусу, поддерживаемому кавалерией, на каждом из возможных подходов к городу. Виктор и Груши должны были наблюдать за дорогой к Арси-сюр-Об; Мортье — патрулировать большую дорогу, ведущую к Бар-сюр-Сен; кавалерия Жерара и Дефранка охраняла дорогу, идущую к Бар-сюр-Об. Императорская штаб-квартира разместилась в самом Труа — новом операционном центре, и там же начали создавать резерв, состоявший из старой гвардии, трех дивизий молодой гвардии и двух соединений Национальной гвардии. Кроме того, Наполеон приказал навести три понтонных моста через Сену. Тем временем Мармон должен был охранять рубеж реки Об и пытаться удержать контроль над Арси. После этого он стал ожидать сообщений об активности неприятеля.

Моральный дух французов был очень низок в это время. Граждане Труа забаррикадировались в своих домах и весьма мало помогали войскам. Казалось, что удача покидает Наполеона.

Глава 84

НАВЕРСТЫВАНИЕ УСПЕХА

Союзники, в особенности Блюхер, торжествовали после Ла-Ротьера. Прусские генералы верили, что конец войны уже виден. Шварценберг, который в силу политических причин в глубине души не желал немедленного падения Наполеона, был настроен менее восторженно. Тем не менее союзники вскоре пришли к соглашению в плане развития успеха. Шварценберг должен был наступать в направлении Парижа вдоль Сены через Труа, а Блюхер — идти к той же цели, но вдоль Марны через Шалон и Мо. Предположительно эти две главные армии соединятся с корпусом Витгенштейна и казачьими частями Сеславина.

Но с самого начала операций у союзников все пошло не так, как намечалось. Третьего февраля Мармон искусным маневрированием добился преимущества над генералом Вреде около Арси-сюр-Об, а попытки перерезать дорогу Труа — Арси силами русской кавалерии оказались тщетны, так как ее действия были отражены войсками Груши. Генералу Йорку также пришлось убедиться, что защитники Витри находятся на выгодных позициях и в боевой готовности. В то же время главное наступление безнадежно запаздывало из-за того, что австрийские и прусские колонны пересекались друг с другом у Вандёвра, что вело к их путанице. К тому же разведка боем в операции казаков Платова против гарнизона генерала Аликса, удерживавшего рубеж Йонны у Санса, получила резкий отпор.

Вскоре Шварценбергом стала овладевать тревога. Неудача у Санса сделала его очень осторожным. Зная, что Ожеро собирает новую армию в Лионе (хотя и мед-

ленно), он опасался, что это угрожает возможным ударом по удлиняющимся коммуникациям Богемской армии. Разведка боем силами Мортье из Труа на другом его фланге (6 февраля), казалось, грозила ему и другими опасностями. Этот навязчивый страх начинал сказываться на решениях австрийского главнокомандующего. Шварценберг начал незаметно оттеснять корпус Витгенштейна и сопоступующих ему казаков к югу, чтобы усилить свою собственную безопасность. Блюхер пока не обращал на это внимания, хотя появились симптомы усиливающегося разрыва между двумя союзными армиями. Он уверенно рвался вперед, стремясь захватить и разбить войска Макдональда. Из-за этого его собственная армия снова чрезмерно растянулась. Союзники совершали крупную ошибку: они давали Наполеону прекрасную возможность снова захватить инициативу.

Однако положение складывалось не вполне в пользу императора. Его основной план заключался в намерении сразиться с Богемской армией и пока только сдерживать наступление Блюхера. Считая, что Блюхер направляется к Ножану, император удовлетворялся тем, что 5 февраля выслал приказы Мармону занять город и подготовить его к обороне. Это было важно, так как вскоре ожидалось прибытие двух дивизий испанских ветеранов, и император не желал видеть преждевременный разгром столь ценных подкреплений. Они должны были быть сформированы в новый корпус — VII — и подчинены маршалу Удино. По расчетам Наполеона, к 6 февраля в городе должно быть сосредоточено около 21 000 пехоты, 2400 кавалерии и 46 пушек. Он был уверен, что этого будет достаточно, чтобы держать на значительном расстоянии Блюхера, пока сам Наполеон с 40 000 солдат нападет на Шварценберга.

Но позднее в этот же день пришло ошеломляющее известие. Новыми донесениями несомненно подтверждалось, что Блюхер вовсе и не направляется в Ножан-сюр-Сен, а ведет наступление в направлении Шато-Тьерри, Мо и на Париж вдоль Марны. Единственные войска на пути Блюхера — слабые (это вовсе не храбрцы Макдональда!) — очевидно, они не смогли бы справиться с таким развитием событий, и весь стратегический план императора рухнул бы, если сам Париж оказался в опасности.

Наполеону пришлось отказаться от своих замыслов вести наступление против Богемской армии и спешно возвратиться на север. «Я очень раздражен этими событиями, — пишет он Жозефу в письме с пометой «3 часа ночи 6 февраля», — так как я хотел атаковать Бар-сюр-Сен и разгромить императора Александра, находившегося при армии Шварценберга, который, как я полагаю, сделал некоторые неверные диспозиции. Но я жертвую всем из-за необходимости прикрыть Париж»(12).

Под прикрытием, которое обеспечивало наступление Мортье от Труа на восток (его оказалось достаточно, чтобы заставить чувствительного Шварценберга быстро отступить к Бар-сюр-Об), началась передислокация войск. К вечеру 6-го Наполеон был лично в Ножане, и в течение ночи войска его нагнали, а осторожный Мортье замыкал тыл. Используя всяческие военные хитрости и все преимущества примкнутых флангов, Наполеон добился нового сосредоточения сил, собрав на центральной позиции почти 80 000 человек и оторвавшись от другой неприятельской армии в 150 000 человек. Он мог с полным основанием считать, что опередил противника на три перехода. Шварценберг продолжал отступать на восток еще в течение двух суток, прежде чем понял, что его полностью одурачили.

Но в тот же вечер Наполеон получил менее приятные донесения. Пришли вести с бельгийского фронта, что Бюлов занял Брюссель и окружил Антверпен. Гонцы из Парижа доложили, что столица охвачена паникой и истерией из-за приближения Блюхера. Но труднее всего было поверить в то, что депеша из Италии подтверждала дезертирство Неаполитанского короля. Это был страшный удар. «Нет, — воскликнул он, — не может этого быть! Мюрат, кому я отдал свою сестру! Мюрат, кому я дал трон! Евгений ошибается. Не может Мюрат выступить против меня!»(13) Но и на этом беды не кончились. Коленкур прислал донесение из Шатильон-сюр-Сен (там 5 февраля

открылись первые мирные переговоры), что союзники готовы предложить Франции только границы 1792 года в качестве основы для соглашений.

Император заперся у себя в комнате на целые сутки, прервав сношения со всем миром. Когда он вышел, решение было принято. Он с презрением отверг эти условия. Или «естественные границы», или ничего. Тем временем он пришел к заключению, что кампания будет продолжаться.

Силезская армия представляла собой непосредственную опасность, но французам крайне недоставало точных сведений об истинном местонахождении корпусов Блюхера. К Мо вели три дороги, которые мог выбрать Блюхер: самой северной была дорога из Шалона через Эперне и Шато-Тьерри; самой прямой — дорога из Шалона через Вертю, Шампобер и Монмирай; третья шла из Витри к Сомсу и Сезану. Необходимо обнаружить истинное операционное направление Блюхера. И тогда, если оно станет известно, оставив часть войск, чтобы не подпускать Богемскую армию к центру Ножана, Наполеон стремительно бы атаковал коммуникации Блюхера.

Император надеялся, что Макдональд сможет прояснить обстановку; было известно, что он вошел в соприкосновение с корпусом Йорка к северу от Марны. Ожидая сведений, Наполеон приказал Мармону направиться к Сезану с 8000 человек, чтобы выяснить положение там. В должный срок пришли известия от герцога Тарентского (Макдональда). Было подтверждено, что Йорк был недалеко от Эперне с 18 000 человек, но что там нет признаков большого сосредоточения сил. Что же касается монмирайской дороги, Макдональд сожалеет, что его ограниченные кавалерийские ресурсы не позволяют ему патрулировать и ее. Следовательно, Наполеону оставалось ждать новостей от Мармона. Восьмое февраля прошло в полной неопределенности, хотя Наполеон и счел нужным выслать большую часть своей кавалерии и часть гвардии для усиления Мармона, ибо он был уверен в том, что главные корпуса Блюхера не могут быть далеко от Сезана.

Период сомнений кончился в 9 часов утра 9 февраля. Мармон сообщил из Шампобера, что генерал Сакен с не менее чем 15 000 человек находится у Монмирая, в 15 милях к западу. Эта новость заставила императора быстро действовать. Главная французская армия должна незамедлительно выступить через Сезан к Шампоберу; отныне операционный центр перейдет из Ножана в Провен, где будут находиться ставка верховного командования, армейские парки и госпитали. Их будет защищать дивизия молодой гвардии генерала Ротамбура. Оборона Сены и второстепенного фронта будет возложена на Виктора и Удино. Первый приблизительно с 14 000 человек (его собственный корпус, войска Жерара и отряд кавалерии) будут оборонять Ножан и ближайшие окрестности, в особенности высоты Пон-сюр-Сен. Только в самых тяжелых обстоятельствах эти силы имели право переправиться обратно на правый берег Сены, так как Наполеон хотел сохранить этот мост целым для будущих операций против Шварценберга. Задачей Удино (около 20 000 человек, включающих вновь созданный VII корпус, кавалерию Пажоля, несколько частей Национальной гвардии и гарнизонные войска Аликса) было оборонять мосты в Бре, Монтрё, Пон-сюр-Йонн, Море, Немуре, Монтаржи, Сансе и Оксере, а 5-тысячная дивизия молодой гвардии в Провене должна остаться в качестве резерва для чрезвычайных ситуаций. Остальные войска будут сопровождать Наполеона в Сезан и обеспечивать соприкосновение с Мармоном и уже посланными к нему для соединения силами.

У императора в личном распоряжении в этот момент было приблизительно около 30 000 человек. Он предполагал, что Блюхер, Йорк и Сакен все вместе могут выставить против него около 45 000 солдат, но 5000 из них, как он надеялся, будут сдерживаться Макдональдом. Таким образом, соотношение сил будет четыре к трем в пользу союзников, но для императора это было приемлемо. «Если эта операция успешно завершится, — писал он Жозефу в 2 часа ночи, — мы сможем вполне увидеть кампанию решенной»(14). Однако общее соотношение оставалось пугающим: 70 000 французов выступали против не менее чем 200 000 союзников.

Даже для того, чтобы только сдерживать эти намного превосходящие силы, Наполеон был вынужден разделить свои скудные ресурсы на три части. Однако он был уверен в том, что, если он расправится с Блюхером, его армия останется достаточно сильной, чтобы отбросить Шварценберга обратно к Рейну.

Тем временем союзники старались согласовать свои действия. Была достигнута договоренность, что Блюхер с Йорком, Сакеном и Олсуфьевым, усиленные недавно прибывшими корпусами генералов Клейста и Капцевича, должны наступать по левому берегу Марны к Парижу, а Шварценберг, к этому времени подошедший к Труа, скует Наполеона на рубеже Об — Сена. Но так как австрийский главнокомандующий все еще считал, что Наполеон собирается дать главное сражение около Ножана, он упросил Блюхера провести второстепенное наступление против этого города с севера силами корпуса Клейста. Блюхер, считавший, что силы Наполеона уже на исходе, легко согласился и 9 февраля приказал не только Клейсту, но также и Капцевичу и Олсуфьеву — вероятно, в целом 30 000 человек — направиться к Сезану рано утром 10 февраля. Самоуверенность снова заставила Блюхера чрезмерно растянуть свои силы.

Позднее, в этот же день, получив донесения о том, что Наполеон уже наступает в северном направлении через Сезан, Блюхер все-таки изменил свое решение. Сакен должен был продолжать преследование отступающего Макдональда, но Йорка направили к другой цели — на Монмирай. Блюхер лично выступил на соединение с Клейстом и Капцевичем, намереваясь вести их к Ла-Фер-Шампенуазу, а затем к Сезану в обходном маневре. Но эти распоряжения совсем или почти совсем не улучшили общее сосредоточение сил Силезской армии. Генерал Олсуфьев действовал около Шампобера больше по своему разумению. Более того, некоторые генералы-союзники получили эти новые приказы только после значительной задержки. Во всяком случае, Блюхер все еще слишком недооценивал возможностей своих противников.

Казалось, что Наполеону представляется редкий шанс разбить армию Блюхера по частям. Но и он испытывал серьезные практические затруднения. Солдаты отчаянно голодали; пять дней подряд лили дожди, превратившие дороги в болота. Если бы не отзывчивость местных жителей, единодушно вышедших на помощь и волоком перетаскивавших обозы по грязи, едва ли артиллерия вообще могла бы стронуться с места. Вышло так, что продовольственные обозы так и не появились, но иметь пушки — значило уже очень многое. Готовность местных жителей помогать сильно отличалась от той всеобщей апатии, которую они проявляли месяц назад. За прошедшие недели французские крестьяне натерпелись от своих германских и русских «освободителей»-самозванцев. Французское наступление с трудом, но продолжалось.

В результате к 10 часам утра на следующий день подразделения французской кавалерии уже прошупывали позиции союзников у Шампобера, оттесняя пикеты Олсуфьева. Этот незадачливый генерал, имевший в своем распоряжении всего 5000 человек (12 полков уменьшенного состава и 24 пушки), решил дать сражение; в предшествующие недели он уже скомпрометировал себя и теперь опрометчиво решил сделать одно отчаянное усилие, но спасти свою репутацию. Бой был недолгим. Корпус Мармона с поддержкой Нея являлся более чем достойным противником для русских. К 3 часам дня Олсуфьев — уже безнадежно поздно — начал готовиться к отступлению на Этож. Блюхер, хотя и слышал звуки канонады к западу от своих позиций, не сделал малейшей попытки прийти на помощь своему подчиненному. Результат был предсказуем! Имея соотношение шесть к одному в свою пользу, император должен был победить. К ночи Олсуфьев уже попал в плен (его захватил в лесу девятнадцатилетний новобранец, не прослуживший и шести месяцев), и только тысяча его солдат все-таки спаслись от плена. Французы потеряли около двухсот человек. Это было многообещающим началом.

Такой успех помог Наполеону оказаться в середине широко разделенных корпусов Блюхера. Ему принадлежало идеальное «центральное положение». Поздно

вечером 10 февраля, узнав о судьбе Олсуфьева, Блюхер поспешно вернулся в Вертю и выслал приказ Йорку сосредоточиться вместе с Сакеном у Монмирая как можно скорее. Сакену, продвинувшемуся вперед к Трильпору в течение дня, было приказано возвращаться на восток и приготовиться к тому, чтобы с помощью Йорка прорваться по дороге, тем самым снова открыв коммуникации с Блюхером у Вертю. Однако приказы Йорку опять-таки дошли до него слишком поздно.

Тем временем Наполеон принял мудрое решение сосредоточиться на уничтожении прусских сил, находившихся западнее. Если бы он стал наступать в восточном направлении, Блюхер попросту отошел бы к Шалону, пока Сакен и Йорк спасались бы бегством за Марну. Поэтому, оставив Мармона с 4000 солдат для «наблюдения» за Блюхером, Наполеон, сквозь ночную тьму и непролазную грязь, повел остальные силы к Монмираю. Были посланы приказы Удино отправить две дивизии из Прованса на север для совместных действий с Мортье на южном фланге императора, готовые наступать в направлении канонады. Макдональду было приказано прекратить свой отход к Мо и возобновить наступление, имея целью снова захватить Шато-Тьерри и не дать противнику воспользоваться драгоценным мостом через Марну.

Тем временем Сакен активно повиновался полученным приказам и отходил к Монмираю, не обращая внимания на предложение Йорка лучше двигаться к Шато-Тьерри, чтобы встретиться с его колоннами на полпути. Одиннадцатого февраля к 10.30 утра он достиг деревни Вьель-Мезон в шести милях к западу от Монмирая, ведя колонну из 18 000 человек с 90 пушками. Его кавалерия уже вошла в соприкосновение с головными французскими частями, а казаки уже были выброшены из Монмирая. Но Сакен все еще упорно шел на восток, совершенно не понимая масштаба противодействия, которое он мог встретить, и не делая попыток подойти ближе к дороге к Шато-Тьерри, на которой он мог надеяться получить помощь от генерала Йорка. Даже когда у деревни Марше он встретил жесткое сопротивление, как раз рядом с перекрестком важнейших дорог, он оттянул свои силы к югу от главной дороги, ведущей из Монмирая к Ла-Ферте-су-Жуар, тем самым еще больше лишая себя возможности получить активную помощь.

Из-за трудностей передвижения по жидкой грязи растоптанных дорог численность войск Наполеона, ради непосредственных практических целей, была сведена к старой гвардии (5000 пехоты и 4500 кавалерии), новобранцам (1800) под командованием Рикара и всего 36 пушкам. Таким образом, в начале боя он имел значительно меньшую армию. В это время император отнюдь не был уверен в конечном успехе своей операции. Перед отъездом из Ножана 9 февраля он написал Жозефу в Париж, наметив всякие оборонительные мероприятия, которые должны быть выполнены при чрезвычайных обстоятельствах и в случае катастрофы. Он приказал своему брату увезти столовое серебро и фамильные портреты из Компьена и Фонтенбло. Накануне он внушал брату в письме, что необходимо предотвратить все опасные действия врагов и не дать попасть в плен императрице и Римскому королю «в случае разгрома в сражении и известии о моей смерти»(15). Он дошел до того, что даже сказал, будто скорее предпочтет, чтобы сыну перерезали горло, чем видеть, как его воспитывают в Вене в качестве австрийского принца.

Наполеон ясно понимал всю тяжесть выпавшего ему жребия, когда решил наступать против армии Блюхера. Теперь, 11 февраля, он навязывал сражение противнику с большим превосходством сил. Он хорошо знал, что Йорк может в любой момент появиться, направляясь от Шато-Тьерри, и усилить Сакена; он знал, что едва ли можно надеяться на своевременный подход достаточной поддержки французов для улучшения соотношения сил; этому мешали их усталость и ужасное состояние дорог. Поражение французов, более того, даже полная катастрофа были вполне вероятны. Рано утром в этот день он сказал Мармону, чтобы «все захваченные у противника пушки и зарядные ящики затоплялись в ближайших озерах или болотах»(16). Это был самый настоящий кризис — настолько же роковой, как

и кризис накануне поражений при Кастильоне, Арколе или Риволи. Но населению был необходим уверенный тон. Чтобы поднять моральный дух в столице, накануне вечером он послал Бюллетень, в чрезмерно восторженных тонах описывавший его успех в Шампобере, выданный за большое достижение. «Если удача улыбнется нам сегодня, так же как вчера, все переменится во мгновение ока», — утверждал он.

Все утро и середину дня бой усиливался, так как Сакен бросал вперед все больше и больше войск, совершив несколько попыток пробить себе путь через французов к Монмираю. Все это время Наполеон вел в основном оборонительный бой, совершая только ограниченные контратаки в направлении Марше. Он уже выставил дивизию генерала Мишеля и часть кавалерии Нансути наблюдать за подходом сил Йорка. В огромной мере это было состязание на скорость; очень многое зависело от того, чьи подкрепления первыми подойдут к полю боя.

К 2 часам дня храбрых новобранцев Рикара отгеснили от Марше, а французские патрули сообщили о приближении авангарда Йорка к Фонтенелю. Однако прусский генерал подходил с величайшей осторожностью и только лишь с частью своего корпуса. Прошел час, и наконец на поле боя появился Мортье с долгожданным подкреплением. Успокоившись, получив резерв, Наполеон, не теряя времени, бросил в атаку шесть батальонов старой гвардии, поставив во главе Нея. Эти отборные силы с огромным подъемом обрушились на левый фланг Сакена и отбросили его назад, отражая одновременно повторные кавалерийские атаки русских с помощью части гвардейской кавалерии. Полчаса спустя генерал Йорк ввел в действие небольшое количество кавалерии и одну бригаду у Фонтенеля, но слишком мало и слишком поздно. Теперь уже почти не оставалось шансов остановить французов, так как их количество увеличилось почти до 20 000 человек, а войско Сакена уже раскалывалось. В этот момент император бросил два батальона егерей под командованием маршала Лефевра против Марше, которого поддерживали остатки новобранцев из дивизии Рикара. Русские повернулись и пустились в бегство, и бой превратился в преследование. К ночи польские уланы проложили себе путь дальше на запад до Вье-Мезона, пока Мортье, не испытывая больших трудностей, перемалывал головные соединения Йорка, вынудив их командующего стремительно отступать, не внимая повторным мольбам Сакена о помощи. Тем не менее вмешательство Йорка, каким бы ограниченным оно ни было, вероятно, избавило Сакена от полного разгрома; много русских спаслись, бежав в сторону Шато-Тьерри. В результате Сакен оставил 4000 солдат на поле боя; потери французов были вдвое меньше. Сражение продолжалось до самой ночи.

Это была победа, завоеванная великолепным тактическим искусством французов, их прекрасной подготовкой и дисциплинированностью. Прежде всего это было триумфом старой гвардии и очень немногих молодых солдат Рикара. Хотя Наполеон в своей депеше Жозефу, датированной 8 часами вечера 11 февраля, как всегда, немедленно преувеличил степень своего успеха, однако, приписав победу замечательным боевым качествам своей гвардии, высказал чистую правду; это был поистине подвиг гвардии, «которая совершила больше, чем можно ожидать от людей». Наполеон был прав и тогда, когда утверждал, что «эти последние два дня полностью изменили положение дел» (17). Самоуверенности Блюхера был нанесен удар, его поразила новость об этом втором поражении, и он, не теряя времени, дал приказ начать общий отход к Реймсу.

Наполеон желал получить максимум выгоды из своего успеха. Приказав Мармону идти в направлении к Вертю, он направил все имеющиеся в его распоряжении части для преследования Йорка и Сакена. Он надеялся полностью уничтожить эти два корпуса, но все зависело от того, успеет ли Макдональд достичь и занять Шато-Тьерри за ночь, тем самым рассечь направление отступления союзников за Марну. Поэтому Наполеон был горько разочарован, узнав, что Макдональд вообще едва успел немного продвинуться на восток. Поэтому большая часть войск

Йорка и Сакена смогла отступить за реку и сжечь мосты за собой. Трофеи французов были жалкими — все, что досталось им после сражения у Шато-Тьерри, это 3000 пленных прусского авангарда, 20 пушек и большое количество повозок.

В последующие часы император метался в нетерпении, пока его саперы пытались восстановить мост. Французская армия отчаянно нуждалась в надежном мосте, но военный министр, казалось, не мог удовлетворить это требование. В результате прошли сутки, пока Мортье и его кавалерия смогли возобновить преследование, но к этому времени между союзниками и преследователями уже была еще одна река — Урк, и опять отступающие успели уничтожить за собой мосты. Таким образом, Наполеон не получил возможности полностью осуществить возмездие.

Однако даже до того, как был закончен первый мост, императору пришлось обратить серьезное внимание на новости, приходящие из южного сектора. Стало известно, что 11 февраля Шварценберг начал наступление и что ему удалось отбросить корпус Виктора обратно за Сену. Хотя сильный французский гарнизон все еще не владел важным городом Ножан с его целым мостом, другая колонна союзников захватила Санс-сюр-Йонн у генерала Аликса, и герцог Беллуно сразу приказал общий отход войск Пажоля к Монтрё с последующим уничтожением местного моста, в то время как Аликс отходил обратно к Йонне до рубежа реки Луэнь дальше к западу. Наполеон стал немедленно планировать передислокацию своих войск в этот угрожаемый сектор.

Блюхер узнал об успехах Шварценберга почти в то же время, что и Наполеон, и храбрый старый вояка догадался, какова будет реакция императора. Он отменил свои приказы от 11—12 февраля и выступил в западном направлении с корпусами Клейста и Капцевича (вероятно, 20 000 пехоты и 2000 кавалерии), чтобы снова отбить отданную территорию и встать поперек тыла Наполеона. Мармону пришлось отступить перед этим неожиданным напором, но его отход из Вертю был проведен настолько хорошо, что он дал время императору нанести ответный удар. Пока Макдональд и Келлерман продолжали двигаться на юг для общего соединения с Удино, Виктором и Жераром севернее Монтрё, император бросился на помощь Мармону с кавалерией Груши и императорской гвардией. Мармон искусно спровоцировал Блюхера на атаку против себя утром 14-го к западу от Вошана, и в самый разгар первой схватки кавалерия Груши нанесла удар в правый фланг пруссаков. Дивизия Цитена была почти уничтожена на месте, но Блюхер смог вывести из затруднительного положения остаток своих сил и начать отход, когда он увидел появившиеся вдали высокие меховые шапки старой гвардии.

Однако на этом дело не кончилось. Находчивый Груши обнаружил дорогу, идущую параллельно направлению отхода Блюхера, и ухитрился опередить спешащие колонны союзников. Затем он повернулся и поместил свои войска поперек пути Блюхера восточнее Шампобера. Теперь казалось, что прусский генерал окружен и положение его безнадежно. Однако его спасла всегдашняя невылазная грязь — из-за нее конная артиллерия Груши не смогла вовремя присоединиться к нему. После ожесточенного боя Блюхер вырвался из ловушки, рванувшись к Шалону и оставив дивизию в Этоже для прикрытия своего отхода.

После этого Наполеон отозвал к себе гвардию и Груши и вместе с ними направился в сектор Сены, оставив Мармона для завершения преследования. Герцог Рагузский (Мармон) выполнил это с большим успехом, и к ночи 14-го безрассудная смелость Блюхера обошлась ему в 7000 убитых и раненых и 16 пушек, кроме большого количества транспортных средств. Французские потери в этот день составили только 600 человек.

Так закончился этот замечательный эпизод в жизни Наполеона, известный как «шестидневная кампания 1814 года». В ходе нее он полностью обрел свое прежнее искусство в качестве боевого командира. Командуя армией небольших размеров (в это время она редко насчитывала более 30 000), он мог согласовывать ее действия,

тогда как делать это с колоссальными армиями последних пяти лет было невозможно. За пять дней наполеоновские солдаты прошли 120 километров, одержали четыре победы над противником (вначале насчитывал 50 000 человек) и захватили большое количество пушек. Настроение в Париже на время поднялось, разгром при Ла-Ротьере забылся. Если в первые две недели кампании 1814 года император был несколько медлителен и ему не везло, вторая неделя февраля была достойна Наполеона поры расцвета. Многие военные историки сравнивали период проявления этого неотразимого тактического блеска с великими днями первой Итальянской кампании. Полный разгром Блюхера вполне мог быть реален, если бы Наполеон не был вынужден направить войска на юг против Шварценберга. Однако в реальности Силезская армия — хотя и потрясенная морально и сильно пострадавшая — все еще сохранялась, и потери ее, понесенные в этом вихре, вскоре будут компенсированы своевременным прибытием новых пополнений.

Новый военачальник должен был вскоре выйти на сцену критических сражений — а именно русский генерал Винценгероде со своим корпусом (30 000) из Северной армии союзников в Бельгии. После внезапного захвата им Суасона 14 февраля этот новый командующий решил отойти назад к Реймсу, когда получил известия о неудачах Блюхера. В течение нескольких дней он был в тесном контакте с Силезской армией, которая переформировывалась в Шалоне. Соединение этих двух армий должно было исправить многие последствия катастрофы предшествующей недели. Как хвалился Гнейзенау, «мы действовали так, как будто и не были биты. Через пять дней после нашего поражения мы снова перешли в наступление» (18). Однако Блюхер получил запомнившийся ему надолго урок.

Глава 85

ЗАКАТ ШВАРЦЕНБЕРГА

Дела французов на Сене развивались от плохого к худшему. Первоначальная атака войск Шварценберга на Ножан была, правда, храбро отражена 1200 солдат гарнизона генерала Бурмона, несмотря на то, что город был подожен огнем австрийских гаубиц. Однако Богемская армия делала значительные успехи в боях западнее Йонны. Сообщалось даже о том, что патрули казаков совершают разведывательные рейды на местность за рекой Луэнь. Вначале это Наполеона не особенно тревожило. Если противник не мог воспользоваться стратегически важным мостом в Ножане, Наполеону можно было быть уверенным, что Шварценберг не поддержит Евгения Вюртембергского в главном наступлении в направлении Фонтенбло. «Австрийцы слишком хорошо знают, как я действую, — писал он Жозефу 13 февраля после получения первых новостей об успехах союзников, — и, если они оставят нас хозяевами ножанского моста, они будут опасаться, что я дебуширую на их тыл таким же образом, как я сделал это здесь» (19). В этот момент император был уверен, что он может задержать австрийцев южнее Сены. Если они двинутся всеми силами на запад, Виктор взорвет мост в Ножане, оставит там гарнизон и передислоцируется к западу, чтобы усилить Удино в Монтрё, где с ними соединится император.

Но курьеры с севера привезли тревожные вести, сделавшие эти планы неприемлемыми. Оказалось, что противник на самом деле уже находится за Сеной. Двенадцатого февраля колонны союзников застигли врасплох слабый гарнизон из национальных гвардейцев в Бре (в 10 милях западнее Ножана), захватили там мост и далее развили успех, захватив к тому же переправу у Пон-сюр-Сен около Монтрё. Под угрозой обхода Виктор немедленно в большом смятении бросил Ножан вместе с его неуничтоженным мостом. Удино оказался не в состоянии противодействовать этому разгрому 13-го, а подход Макдональда и VI корпуса к Гиню 14 февраля не произвел

впечатления на противника. По-видимому, французам придется перегруппироваться за рекой Йер у Шома — всего в 18 милях от Парижа. В столице опять началась паника, когда армейские обозы стали возвращаться в столицу, сея тревожные слухи.

В этот критический момент появились три фактора, которые помогли стабилизировать положение и приостановить неуверенное наступление Шварценберга. Первым из них была накапливающаяся у крестьян ожесточенность из-за непрерывного, происходящего уже свыше пяти недель грабежа солдатами союзных войск. Выведенное из терпения сельское население Франции — к тому же воодушевленное слухами об успехах Наполеона — наконец начало сопротивляться своим «освободителям»; колонны союзников и подкрепления, проходившие через Вогезы, все время чувствовали, что за ними следят, в них стреляли снайперы, а иногда и нападали. Вторым фактором было то, что австрийского главнокомандующего начинало все больше тревожить, что войска Ожеро находятся в окрестностях Лиона. Хотя герцог Кастильоне ничего, в сущности, не делал, а лишь выискивал предлоги к своему бездействию, Шварценберг чувствовал, что его коммуникации через Лангр делаются уязвимыми для нападения французов, если они пойдут вдоль реки Соны.

Третий фактор состоял в том, что новости о высвобождении Наполеона в секторе Марны и о его несомненной передислокации на юг окончательно выбили Шварценберга из колеи. Целых два дня — 15-го и 16-го — союзный главнокомандующий колебался; в конце концов осторожность победила, и 17 февраля генералам Вреде и Витгенштейну были даны указания отходить поэтапно через Бре, в то время как Барклай и резервы сосредоточивались в Ножане. И тем не менее Шварценберг едва не опоздал с принятием этого решения; Наполеон был ближе, чем он предполагал. Выйдя из Монмирая 15 февраля, император повел форсированным маршем гвардию и кавалерию Груши к Гиню, чтобы соединиться там со своими упавшими духом подчиненными. Вначале он надеялся, что сможет обрушиться через Вертю на коммуникации Шварценберга, покончив вначале с Блюхером, но к 15-му стало ясно, что Виктор, Удино и Макдональд не смогут противостоять Шварценбергу в течение тех двух или трех дней, что необходимы для выполнения этого маневра, который вполне мог бы решить исход всей кампании. Однако, как и раньше, Наполеон не мог игнорировать прямую угрозу Парижу, и поэтому ему пришлось принять менее радикальный план. Приказав своим маршалам удерживать любой ценой рубеж Йера в течение 72 часов — «17-го я буду в процессе наступления» (20), — Наполеон теперь выполнил одну из стремительнейших передислокаций в своей жизни. Перевезя часть пехоты в реквизированных повозках и телегах, он покрыл 47 миль за поразительно короткое время — 36 часов — и появился в Гине в 3 часа дня 16 февраля. Он оставил за собой корпуса Мортье и Мармона (севернее и южнее Марны), с приказом при всех обстоятельствах прикрывать Париж, при необходимости — слегка отступая. Однако если Блюхер начал бы соединяться со Шварценбергом, Мармон должен был присоединиться к Наполеону.

Прибыв в Гинь, Наполеон немедленно потребовал полных сведений о последних позициях и движениях противника. Выяснилось, что Богемская армия действует тремя главными колоннами — Витгенштейн через Ножан, Вреде из Бре, Евгений Вюртембергский и Бьянки через Монтрё. Вскоре из ставки императора полетели приказы. Всех имеющихся солдат из парижского гарнизона послать на фронт. Должны быть dokonчены оборонительные сооружения столицы. Генерал Мезон должен немедленно начать контр наступление в Бельгии и заставить генерала Бюлова (в этот момент следующего за Винценгероде к Эне) вернуться назад. Непокорный Ожеро должен немедленно атаковать из Лиона коммуникации Шварценберга. Евгений должен неопределенно долго противодействовать Мюрату и австрийцам в Северной Италии.

На следующее утро Наполеон бросил свои сосредоточенные силы — теперь их было около 60 000 человек — против ближайших колонн союзников. Жерар и Гру-

ши фактически уничтожили отряд кавалерии (4300) генерала Палена в Мормане, а затем отбросили авангард генерала Вреде в беспорядке через Нанжи после ожесточенной стычки у Вальжуана. Предполагалось, что Виктор присоединится к этим действиям, но на практике он почти ничего не сделал. Тем временем Удино двигался к Провену и Ножану. Тогда император расширил свои операции еще дальше: Макдональд занялся преследованием Вреде по направлению к Бре, а Виктор, Жерар и гвардия наступали на Монтрё (по пути к ним присоединился ветеран-кавалерист генерал Пажоль, вызванный из Мелёна). Наполеон в этот момент изо всех сил стремился занять Труа перед отступающими австрийцами.

К несчастью, его опять подвел один из его подчиненных. Виктор, вяло двигавшийся весь день 17 февраля, остановился на ночь в Вильнёве в нескольких милях к северо-востоку от Монтрё, вместо того чтобы наступать всю ночь. Эта медлительность дала принцу Вюртембергскому как раз довольно времени, чтобы подтянуть своих людей к сильно укрепленной позиции к северу от Сены для прикрытия города. Кавалерия Пажоля отнесла передовое охранение принца, но не могла предпринять никаких более решительных действий, пока Виктор наконец не появился на сцене в 9 часов утра 18 февраля, своей медлительностью испортив хорошо спланированное наступление.

Вполне справедливым было бешенство Наполеона, когда он узнал о нерадивости Виктора. «Выразите мое недовольство герцогу Беллуно, — приказал он Бертге, — за отсутствие энергии в его атаке против Вильнёва и за неповиновение моим приказам, согласно которым он должен был достичь Монтрё... Скажите ему, что я требую от него объяснений его неповиновения приказам, которое ставит под удар успех кампании. Напишите ему крайне сухое письмо»(21). Несколько часов спустя император решил сместить Виктора и назначить Жерара на его место.

Сражение при Монтрё было очень тяжелым. Жерар все утро стремился к достижению превосходства в огневой мощи над батареями принца Евгения Вюртембергского. После полудня это удалось благодаря прибытию гвардейской артиллерии. Вскоре после 3 часов дня французы успешно заняли штурмом вершину холма, являвшуюся ключом к позиции союзников. Принц Евгений приказал своим силам отходить. Сражение превратилось в полный разгром союзников, когда Наполеон лично выдвинул свои пушки вперед, поместив их на захваченный холм, а кавалеристы во главе с раненым Пажомем в блестящей атаке ворвались по мостам через Монтрё и за Йонну, прежде чем союзники успели поджечь подрывные заряды. Пример Пажоля оказался вдохновляющим, и по приказу императора маршал Лефевр возглавил атаку силами штаба и императорского конвоя, наступая по главной дороге к Бре и создав еще большее замешательство в рядах союзников. «С пеной у рта маршал не давал отдыха своей сабле»(22), — вспоминает капитан Кване, тоже участник атаки. Когда Наполеон с высоты осматривал поле боя, некоторые гвардейские командиры пеняли ему за то, что он подвергает себя такой опасности, выходя вперед. «Не беспокойтесь, — ответил он. — Еще не отлита та пуля, что убьет меня».

К концу дня потери союзников составили 6000 человек и 15 пушек. Французы потеряли примерно 2500 человек. Принц Евгений обратился в бегство, направившись в Бре с остатками своего корпуса, и в последний миг опередил прибытие в Бре войск Макдональда рано утром 18 февраля. В тот же день Удино достиг Ножана, но французы обнаружили, что мосты, как и в Бре, уничтожены, а противник благополучно спасся, бежав на южный берег Сены. Императора разочаровала степень достигнутого успеха. «Противнику редкостно повезло, — сожалел он, — сильные морозы позволили ему двигаться прямо по полям, иначе не менее половины пушек и обозов досталось бы нам»(23).

Шварценберг, в свою очередь, очень сильно пострадал. Еще 17 февраля австрийский главнокомандующий запросил перемирия, уверяя, что в Шатийоне было

достигнуто соглашение между Коленкуром и представителями союзников. На самом деле в период с 9-го по 17 февраля союзники приостановили переговоры, так что это было не более чем уловкой, чтобы добиться для себя передышки. В любом случае Наполеон после серии своих успехов больше не собирался рассматривать ничего, кроме «естественных границ». По мнению генерала Фуллера, в этот момент «гордость губит его великолепную стратегию»(24). Если бы Наполеон был готов к тому, чтобы принять прекращение враждебных действий и франкфуртские условия, очень вероятно, что австрийский император тоже согласился бы на них и либо вынудил союзников поступить так же, либо, по крайней мере, вышел бы из союза. Но в такой обстановке, чувствуя, что военная удача перешла на его сторону, французский император остался непреклонным и, вероятно, пожертвовал последним шансом остаться повелителем Франции.

В полном отчаянии Шварценберг теперь не видел другого выхода и направился к Труа, вызвав Блюхера к Мери-сюр-Сен, чтобы соединиться с ним в надежде, что вместе они окажутся достаточно сильны, чтобы должным образом встретить наступающую победоносную армию Наполеона.

Теперь Наполеон решил пробиться к Труа; он не мог точно узнать, сосредоточатся ли там союзники и предложат сражение или они отступят, чтобы соединиться со своими резервами, но при любом повороте событий необходимо быстрое наступление. Жерар должен был двигаться одной колонной из Санса; главная масса войск пройдет через Ножан, Удино дебуширует у Ромийи, а Мортье отойдет назад от Суасона к Шато-Тьерри, чтобы оборонять северный фланг и поддерживать тесную связь с Мармоном, находящимся в Сезане. Новым операционным центром был назначен Ножан. Наполеон рассчитывал быть в Труа к 23 февраля.

С самого начала этот план оказался обречен из-за отсутствия мостов. Уничтожение союзниками мостов в Бре и Ножане заставило императора направить свое наступление на Монтрё, и возникшая из-за этого задержка дала Шварценбергу целых два дня форы в его движении к Труа. Вследствие этого Богемская армия смогла соединиться с силами Блюхера в Мери 21 февраля, как и планировали. Наполеон вскоре понял, что его шансы на полный успех вот-вот исчезнут, и 21 февраля он направил своему тестю письмо, в котором говорилось, что он все-таки готов пойти на принятие франкфуртской основы и общее заключение мира. Будь это предложение отослано Наполеоном несколькими днями раньше, его согласие могло бы решить дело, однако возмущенный резким отказом от последних мирных предложений на предшествующей неделе, австрийский император Франц ожесточился и твердо решил продолжать войну. Таким образом, Наполеон неправильно оценил свои возможности. Двадцать первого февраля им было отправлено письмо все еще медлящему Ожеро, убеждающее его атаковать Шварценберга с юга. «Необходимо достать ваши походные сапоги, а с ними и решительность, что вы проявляли в 1793 году»(24).

Поставленное перед фактом наступления французской армии, насчитывающей в это время, может быть, 74 000 человек (пусть большей частью и новобранцев), высшее командование австрийцев пыталось выработать свою стратегию. Царь и прусский король были непреклонны в желании оказать сопротивление — или даже предложить бой, но Шварценберг с таким же упорством придерживался мнения, что необходимо продолжать отступление. Он считал, что за Наполеоном стоит армия в 180 000 человек(!), и тревожился (хотя и напрасно), что Ожеро может перерезать его коммуникации. На военном совете, собранном в Труа 22 февраля, Шварценберг заставил своих возражавших ему коллег согласиться на дальнейшее отступление. К этому времени Наполеон наступал с предельной скоростью, по пути отделив Удино, чтобы противостоять Блюхеру и Витгенштейну у Мери-сюр-Сен. Он уверенно ожидал большого сражения со Шварценбергом около Труа 23 февраля (70 000 французов против 100 000 союзников).

Тем не менее снова бесславная, но, вероятно, оправданная осторожность Шварценберга лишила Наполеона возможности дать решающее сражение. Приказав разъяренному Блюхеру вернуться к Марне, где ему предстояло принять командование еще и войсками Винценгероде и Бюлова, кроме собственных, сам Шварценберг вышел с войсками в направлении Вандёвра, имея конечной целью Бар-сюр-Об. Двадцать четвертого февраля Наполеон без всякого противодействия вошел в Труа, где был восторженно встречен жителями. На следующее утро головные французские части достигли Вандёвра и Бар-сюр-Сен, тогда как австрийцы продолжали свой беспорядочный отход к реке Об.

Так закончилась вторая фаза кампании 1814 года. Только по своей напряженности период с 26 января по 25 февраля почти не имеет себе подобных среди многочисленных наполеоновских войн. После неудачного начала Наполеон проявил все свои прежние таланты и на стратегическом, и на тактическом уровнях и закончил тем, что добился преимущества искусным маневрированием и победами в боях против двух армий противников с превосходящими силами. Союзники проявили все свои прежние слабости; хаотичное командование и неумение спланировать согласованные действия — причины всех их неудач. Их худшей ошибкой было то, что они допустили развитие бреши между Богемской и Силезской армиями; она была результатом противоречивого сочетания сверхосторожности Шварценберга и порывистости Блюхера. После того как они были насильственно соединены наступлением Наполеона на Бриенн, они позволили своим армиям все дальше расходиться друг от друга в последующие недели и этим дали Наполеону возможность использовать их разобщенность. Казалось бы, что их опыт сражений при Монмирае, Вошане и Монтрё должен был бы научить высшее командование союзников необходимости действовать совместно и согласованно. Вместо этого Шварценберг снова намеренно разделяет союзные армии 22 февраля в надежде отвлечь давление французов от своих собственных сил. Его действие оказало это «желаемое» влияние — Наполеону была снова дана возможность беспощадно разбить противника поодиночке.

Но на уровне большой стратегии Наполеон совершил серьезные ошибки. Как ни блестящи были его военные успехи, он жил за счет взятого займа времени, и конечный результат можно было предсказать. У него не было ни людских ресурсов, ни прочной поддержки населения и правительства, необходимых для победы. Но как раз этому он отказывался верить, как не раз скорбел его верный слуга Колленкур. «Для нас все изменилось, — писал его реально смотрящий на вещи, хотя и несколько пессимистичный военный министр. — У нас ничего не осталось, кроме храбрости. Мощь и сила были в лагере противника, с их превосходящей численностью и богатством... но император, несомненно, закрывал глаза на опасности (для себя) и на свои ресурсы. Он измерял энергию других своею собственной; он рассматривал советы быть осторожным как слабость... Опасность обступала его со всех сторон, поглощала его, давила на него со всех сторон, но он думал, что спасется от нее и даже скроет ее от других, если будет представлять ее себе в другом свете. Хотя его гений мог обеспечить ему триумф в одном, он не мог предотвратить успехов его заместителей в другом, тем более что везде не хватало ресурсов. Об этом говорили все, и в ставке, и в Париже. Обескураженность — вот что это было, — которая проявлялась везде не из-за опасностей, испытываемых ежедневно, но из-за того, что будущее не сулило их конца» (25).

Разочарование, растущая усталость от войн и чисто физическая усталость, доходящая до полного изнеможения подчиненных — и военных, и гражданских, — неизбежно должны были оставить Наполеона в одиночестве. Его гений и ошибки его врагов могли дать ему еще немного времени, но после 27 февраля, когда австрийский император отверг его предложения мира, роковые «письмена уже появились на стене».

НЕУДАЧА НА СЕВЕРЕ — ЛАОН

Третий период кампании 1814 года длился с 23 февраля до 20 марта. Военные события следует рассматривать на фоне дипломатической деятельности союзников, и сейчас будет уместно кратко охарактеризовать главные факты и тенденции. Двадцать пятого февраля главы союзников собрались на весьма нестройный военный совет в Бар-сюр-Об. Присутствовали царь, австрийский император, прусский король и лорд Каслиф. Все согласились, что следует послать 35 000 человек на юг для немедленного усиления генерала Бубны в попытке нейтрализовать угрозу, которую, как они считали, представляет маршал Ожеро. Однако мнения разошлись, когда Шварценберг предложил продолжить отход главной армии до Лангра. В конце концов он добился своего, но монархи-союзники настояли на немедленном новом наступлении, если Наполеон повернет на север. Также было решено, что на данное время Блюхер должен действовать самостоятельно, приняв под свое командование силы Бюлова и Винценгероде, несмотря на все протесты Бернадота.

Эти решения явились основой для еще более важного совещания, созванного в Шомоне 1 марта. Руководители союзников встревожились снова, из-за необходимости прояснить и сформулировать свою основную политику. Плодом этой встречи стал Шомонский договор (подписан 9 марта, но датирован первым числом), согласно которому союзники обязались продолжить войну в течение еще двадцати лет, если потребуется, и поклялись заключить только один мирный договор с Францией, то есть это означало, что не могло быть никаких односторонних соглашений с Наполеоном. Великобритания обещала дать значительные денежные средства участникам соглашения, выделив на это всего 5 миллионов фунтов стерлингов. Участники совещания затем сделали свое последнее предложение Наполеону: немедленное прекращение огня на всех секторах и мир, основанный на границах 1791 года. Он должен был прислать свое согласие к 11 марта. Несмотря на все мольбы своих советников, он с презрением отверг эти условия; он все еще считал себя победителем. Альтернативой «естественным границам» была война. Таким образом, исчез последний шанс на компромиссное решение. Вместе с ним исчезла и еще сохранявшаяся надежда на то, что Наполеон сможет уговорить австрийского императора выйти из альянса. Так рухнул сам базис его дипломатической стратегии.

Еще до того как встреча в Бар-сюр-Об подтвердила предварительные решения Шварценберга от 22 февраля, нетерпеливый Блюхер возобновил наступление. Выведенный из себя поступком австрийского главнокомандующего, вызвавшего его на юг для обещанного сражения с французами, но затем отказавшегося от этой затеи, прусский командующий изливал свою ярость на ближайшие французские соединения. Перейдя обратно через Об у Англиюра 24 февраля, после неудачного набега на Мери-сюр-Сен, Блюхер передислоцировал свои 53 000 человек к северу, чтобы встретиться с корпусом Мармона около Сезана. Перед лицом чуть ли не девятикратно превосходящего противника Мармон благообразно отошел на сильную позицию севернее города.

Наполеону было известно только то, что Блюхер проводит передислокацию на север; он ничего не знал о замыслах Силезской армии. Блюхер мог бы пойти круглым путем, чтобы соединиться со Шварценбергом; он мог направиться в Шалон для встречи пополнения, наконец, было вполне вероятно, что он возобновляет свое наступление на Париж. Поэтому первые реакции императора были осторожны. Двадцать пятого он направил маршем на Арси корпус молодой гвардии Нея, а Виктор, частично прощенный и теперь командующий вторым корпусом молодой гвардии, был послан к Мери-сюр-Сен. «Как только я увижу, что собирается делать Блюхер, я попытаюсь напасть на его тыл и изолировать его»(26).

Постепенно французской ставке стало ясно, что Блюхер все-таки снова наступает на Париж. Двадцать седьмого Мармон сообщил, что противник накануне вечером достиг Ла-Ферте-Гоше, но что у него с Мортье поддерживается связь и что они оба отступают обратно к Мо. Наполеон сразу же принял контрмеры. Он немедленно выслал Нея и Виктора через Арси к Сомсу, а сам лично вышел из Труа во главе части гвардии с целью соединиться с ними. Его план состоял в том, чтобы перерезать коммуникации Блюхера силами 30 000 отборных французских солдат, а Мармону и Мортье сковать его фронтально. «Кажётся очевидным, что, когда Блюхер увидит себя лишенным контроля над мостами через Об и обнаружит французский корпус между собой и Витри, он бросит все свои операции и будет пытаться достичь Шалона — то есть если у него на уме было что-то другое»(27). Как показывает эта цитата, Наполеон все еще не мог поверить, что Блюхер настолько опрометчив, чтобы снова начать свое наступление на Париж. Казалось невероятным, чтобы он решил намеренно так скоро подставить себя под удар.

Перед выездом из Труа он возложил временное командование оставшимися французскими силами на Макдональда. Имея поддержку войск Удино, Жерара, Келлермана и Мийо (всего около 40 000 человек), он должен был вести пристальное наблюдение за войсками Шварценберга. Следовало убедить Богемскую армию, что сам Наполеон все еще находится с войсками против них. Передовые части должны были время от времени громко кричать «Vive l'Empereur!», чтобы это приветствие доносилось до австрийских часовых, как если бы они приветствовали приезд в их часть императора. «Надеюсь, что я успею завершить мои операции (против Блюхера), прежде чем противник (Шварценберг) заметит это и перейдет в наступление», — сообщал Наполеон своему военному министру.

Пока Блюхер использовал свои силы в тщетных попытках окружить и уничтожить Мармона и Мортье около Мо, Наполеон быстро приближался с тыла. Однако 1 марта прусский генерал получил не слишком четкие сведения о том, будто бы французские войска были замечены в Сезане, и тогда в виде предосторожности он приказал всем своим войскам передислоцироваться на северный берег Марны. Оказалось, он сделал это своевременно, так как позднее в этот же день казачьи патрули подтвердили, что Наполеон лично проехал через Ла-Ферте-Гоше. В результате такого предупреждения император не обнаружил на южном берегу Марны ничего, кроме нескольких оставленных пруссаками обозов и ряда сожженных мостов. Блюхер опять скрылся. Пока Наполеон нетерпеливо метался на южном берегу Марны, он излил свой гнев на военного министра, чья неспособность обеспечить армию оборудованием для мостов вызывала эту мучительную задержку. «Monsieur Le Duc de Feltre, благодаря стараниям и энергии морской пехоты гвардии мост у Ла-Ферте будет закончен в течение часа. Однако, если бы я имел понтонный мост в Мери, армия Шварценберга была бы уничтожена; если бы он был у меня сегодня утром, армии Блюхера сейчас уже не было»(28). И тем не менее он все-таки надеялся, что сможет разделаться с Блюхером к 3 марта; покончив с ним, он намеревался передислоцироваться на восток к Мецу и Вердену, к своим войскам — большим гарнизонам, находившимся там в осаде, прежде чем повернуть на юг и перерезать главные коммуникации Шварценберга с Германией.

Однако за несколько часов до перехода Наполеона через Марну Блюхер уже направился на север. Его целью было найти приближавшиеся пополнения Винценгероде и Бюлова и затем начать бой. К сожалению, он не знал, где их искать. Предполагалось, что первый находится у Реймса, являясь, вместе с корпусом Ланжерона слева, связующим звеном с правым крылом Шварценберга. Последние же сведения о Бюлове говорили, что о нем было слышно в Лаоне. На самом деле оба командира, чего не знал командующий, вели операции у Суасона на Эне. Правда, потом, к счастью для себя, Блюхер решил направиться к Лаону. Его положение в тот момент было совсем незавидным. Моральный дух его солдат резко упал из-за

трех дорого обошедшихся неудачных вылазок против Мармона; снабжение было плохим, да еще теперь их преследовал Наполеон, вероятно направляясь к Фиму с целью отрезать пруссаков от Реймса. Находящаяся перед ним Эна разлилась, из трех прочных мостов один был слишком далеко к западу, второй (у Суасона) был в руках французов, а третий (у Берри) — слишком близок к Фирму, что становилось опасным. Но у пруссаков был хороший понтонный мост, и, дав своим солдатам столь необходимый отдых, Блюхер направил обозы через мост в Берри, а пехота и кавалерия должны были переходить по понтонным мостам к востоку от Суасона.

Тем временем Наполеон изо всех сил стремился предупредить появление Блюхера на Эне. Надеясь, что Мармон и Мортье опередят русских и пруссаков у Суасона, Наполеон устремился к Фиму на самой большой скорости. Он прибыл в город 4 марта, но узнал, что Суасон сдан без боя генералам Винценгероде и Бюлову французским комендантом-трусом, а Мармон и Мортье все еще топчутся около Мо, ожидая формального приказа на наступление. В результате Блюхер не только спасся, отойдя (пусть и в некотором смятении) на северный берег Эны по уцелевшему мосту в Суасоне (4—5 марта), но еще и неожиданно рано встретил свои подкрепления. Начиная с 5 марта и позднее численность его армии превышала 100 000 человек. Таким образом, надежды Наполеона на окружение якобы слабого Блюхера не оправдались, и ярость императора при этой неудаче была страшной.

И все же Наполеон стремился дать бой Блюхеру, несмотря на несчастливый поворот событий. Приказав Мармону и Мортье сойтись у Суасона и затем наступать на Лаон для соединения с ним, Наполеон приготовился переходить Эну у Берри-о-Бак вместе с Неем, Виктором и гвардией. Он нашел время, чтобы послать ободряющее письмо Макдональду, прося его прочно удерживать южный сектор. Едва успеве закончить это письмо, как измененный курьер доставил плохие новости от герцога Тарентского: Макдональд был серьезно болен, а город Труа уже занят неприятелем. «Не могу поверить в такую неспособность, — бушевал император. — Ни у кого нет таких дурных помощников, как у меня»(29).

Шварценберг начал с осторожностью наступать против Бар-сюр-Об еще 26 февраля по настоянию царя и Фридриха-Вильгельма III. Удино поразительно беспомощно провел бой 27 февраля и ночью отступил за Об, обнажив этим действием левый фланг Макдональда. В последующие несколько дней вся французская линия фронта переместилась на западный берег Сены, и к 5 марта Макдональд отковылял со своими войсками назад до самого Ножана, оставив Шварценберга торжествующим обладателем Труа и всех переправ на верхней Сене.

Не потеряв духа от этих известий о грозящей катастрофе южнее Парижа, Наполеон спешил вперед, чтобы встретиться с Блюхером в открытом бою. Когда его войска выступали уже из Берри (6 марта) — польские уланы захватили мост великолепной атакой, — он получил известие, что значительные силы противника находятся впереди, удерживая плато Краон, — очевидно, это был боковой отряд или же арьергард Блюхера, — так считал император. В соответствии с этим он приказал Нею немедленно вступить в бой с обнаруженным отрядом противника, отложив на момент главное наступление на Лаон. Наполеон надеялся, что эта приостановка даст Мортье и Мармону достаточно времени, чтобы выставить заслон против сопротивлявшегося прусского гарнизона, оставленного Блюхером в Суасоне, и подойти для соединения с ним.

На самом же деле Блюхер твердо решил дать бой у Краона. Он намеревался поместить Воронцова и Сакена на высотах, а корпус Клейста и 11 000 кавалерии под командованием Винценгероде использовать для обхода правого фланга Наполеона, когда он вступит в сражение. Однако скорость наступления Наполеона расстроила эти приготовления, и не успел появиться Сакен, как маршал Ней уже утвердился на небольшом пространстве плато вечером 6 марта. Наполеон намечал двойной обход на следующий день. В то время как Наполеон отвлечет силы Воронцова и Сакена

(30 000) атакой из деревни Эртебиз, поддерживаемой сильным обстрелом, Ней должен будет обрушиться на позиции противника с севера в сопровождении кавалерии Виктора и Груши, тогда как генерал Нансути атакует с юга. К несчастью, расчет времени для действий французов оказался неправильным; Ней начал атаку преждевременно, до того как зароботали 72 пушки гвардейской артиллерии, и был, соответственно, отброшен назад с тяжелыми потерями. Попытка Винценгероде нанести контрудар захлебнулась в болотистой долине, и дело кончилось тем, что разъяренный Блюхер приказал своим легионам выйти из боя и отступить к Лаону.

Так закончилось сражение при Краоне (7 марта). Потери союзников были равны приблизительно 5000, у французов они были на 500 человек больше. И Груши и Виктор были серьезно ранены.

Наполеон теперь совершенно неправильно оценивал положение; он считал, что провел сражение с арьергардом Блюхера и что Силезская армия направляется к Бельгии или, возможно, к Уазе. Он прекрасно знал, что Блюхер получил значительные подкрепления, и понимал, что с имеющейся у него численностью (вероятно, в этот момент 37 000) едва ли можно надеяться на большое успешное сражение. Однако, если он будет преследовать Блюхера и нанесет поражение его арьергарду в следующем сражении, то Силезская армия будет достаточно оттеснена от Парижа, и Наполеон сможет повернуть обратно и направиться к развалившемуся сектору Сены. Но такое решение снова недооценивало всю силу решимости противника. На самом деле Блюхер твердо решил дать сражение всеми своими силами у Лаона. В конце ночи 9 марта Наполеон приближался к городу с юго-запада. Тем временем Мармон, совершив переход от Берри 8 марта, двигался в нескольких милях восточнее основных сил, имея только 10 000 человек. Однако из-за тумана он отстал от графика на несколько часов. Ему было приказано перехватить войска противника при их отходе к Реймсу или помешать отходу. Ошибочное убеждение, что Блюхер заинтересован только в своем благополучном отходе, все еще прочно владело императором.

Ожидая сопротивления только со стороны арьергарда, Наполеон соответственно планировал послать генерала Гурго провести шумную демонстрацию севернее Лаона небольшими силами кавалерии, в то время как Ней должен был устремиться на город с юга. Густой туман закрывал местность, когда французские разведчики пробирались к пригородным деревням Кляси и Семейи, но вскоре они почувствовали, что против них находится нечто большее, чем арьергард. Внезапно туман поднялся, и к своему изумлению Ней и Мортье увидели перед собой развернутой большую часть Силезской армии.

Блюхер разместил свои войска на исключительно сильной позиции немного южнее Лаона. Войска генералов Клейста и Йорка были подтянуты к крутой вершине, а большая их часть была укрыта обратными склонами высоты. Генерал Бюлов удерживал центр, находившийся непосредственно перед Лаоном; Винценгероде возглавлял правый фланг на равнине. В резерве были корпуса Ланжерона и Сакена, размещенные ближе к тылу левого фланга союзников. Блюхер считал, что у Наполеона 90 000 человек, и ожидал обхода французами с востока. Всего на позиции стояли, изготовившись, около 85 000 солдат, имевших 150 орудий.

В тот же момент, когда Наполеон получил от своих головных частей донесения о близком соприкосновении с противником, он поспешил на фронт. Хотя он и не представлял себе полную численность сил Блюхера и местонахождение Мармона (а герцог Рагузский уже несколько дней был крайне безучастен и медлителен), император решил, что он будет поддерживать Нея и Мортье с их 37 000 человек, и начал ряд резких фронтальных атак. Они заняли большую часть дня. Видя перед собой такие относительно малые силы, Блюхер начал подозревать ловушку и поэтому стал проявлять большую осторожность. На самом же деле Наполеону не хватало сил начать большое наступление. Тем не менее при попытке Винценгеро-

де прощупать левый фланг французов он был скоро отброшен назад. Короткие бои на главном фронте постепенно замерли после 5 часов вечера.

Вскоре после двух часов дня Мармон с запозданием появился восточнее Лаона, направляясь от Берри во главе 10 000 человек. И маршал, и его войска очень устали и лишены боевого духа. Однако к сумеркам VI корпусу удалось овладеть деревней Ати на крайнем левом фланге позиции Блюхера. Мармон посчитал это более чем достаточным. Он не сделал попыток обеспечить себе узкое дефиле Фестье в нескольких милях от тыла своей позиции, а только послал полковника Фавье с 1000 человек для обеспечения связи с Наполеоном. Сочтя свой долг исполненным, Мармон отбыл на ночь в уютный замок в нескольких милях от своих солдат.

Проведенная Блюхером к вечеру разведка выявила и незащищенность позиции Мармона, и относительную слабость Наполеона. Ободрившись этими донесениями, он внезапно начал атаку против Мармона в 7 часов вечера, бросив в нее корпуса Йорка и Клейста, поддержанные Ланжероном, Сакеном и кавалерией. Йорку сильно повезло в том, что он захватил французов во время фуражировки, и вскоре все войско Мармона обратилось в бегство, заняв всю дорогу к Берри и увлекая за собой и своего командира в полном ошеломлении. Используя как нельзя лучше свой успех, Клейст смог разместить часть своего корпуса поперек дороги на Реймс впереди бегущих французов, в то время как часть кавалерии союзников поскакала на захват опасного дефиле Фестье. Казалось, что VI корпус уже полностью обречен.

Мармона спасли от полного уничтожения только два удачных стечения обстоятельств. Прежде всего, полковник Фавье, следуя для соединения с Наполеоном и услышав доносившийся шум, храбро пустил в контрмарш свой маленький отряд в 1000 пехоты с двумя пушками и все-таки смог оттеснить войска Клейста от реймской дороги. Это столь своевременное вмешательство дало время Мармону собрать своих солдат и продолжить отход уже в некотором подобии порядка. Помощь Фавье могла бы оказаться ничего не значащей, если бы кавалерии союзников удалось выполнить свое намерение — захватить дефиле Фестье, но, к счастью для Мармона, рядом оказался эскорт французского обоза — 125 солдат старой гвардии, которые отбили атаку неприятельской кавалерии. Дорога на Берри и Реймс осталась открытой. Спасенный этими двумя удачами, совершенно не заслуженными им, Мармон через некоторое время оторвался от преследователей и начал переформировывать своих потрясенных солдат в Корбени, в шести милях от Берри-о-Бак.

Ночные налеты и тревоги дорого обошлись VI корпусу; он потерял треть людского состава, 45 пушек и 120 зарядных ящиков. Безответственное поведение Мармона поставило под удар всю французскую армию. Тем не менее Наполеон оставил его командовать корпусом. Как ни был измотан Блюхер, в этот момент он почувствовал возможность решающей победы и стал побуждать своих подчиненных преследовать Мармона до конца. Ланжерон и Сакен были должны тем временем наступать на Брюер и затем перерезать направление отступления Наполеона к Суасону. Следующий день обещал союзникам большой успех.

Наполеон ничего не знал о судьбе Мармона до тех пор, пока два беглеца не открыли ему эту печальную историю в 5 часов утра на следующий день. Несмотря на свое критическое положение, он хладнокровно решил удерживать свою позицию перед Лаоном и тем самым отвлечь на себя с Мармона давление союзников. Если бы Силезской армией управляли так решительно, как намеревался Блюхер 10 марта, французы почти определенно испытали бы тяжелое поражение. Но французам повезло — сочетание изнеможения и болезни сделало небоеспособным прусского главнокомандующего. Командование временно перешло к его начальнику штаба — Гнейзенау, но, несмотря на его блестящие качества штабиста, ему недоставало огня и напора Блюхера. Из-за этого он позволил себе поддаться фронтальным демонстрациям Наполеона против Лаона, и, в приступе панической сверхосторожности, Гнейзенау даже отозвал войска из Фестье и Брюй-

ера, тем самым уничтожив шанс на почти верную победу. В результате днем шли небольшие бои, чуть ли не на уровне стычек, а после захода солнца Наполеон начал выводить свои малочисленные войска. Таким образом, благодаря удачно сложившимся обстоятельствам смелый обман Наполеона оправдал себя, и оба крыла французской армии уцелели, ожидая следующих боев. Когда же на следующее утро Гнейзенау попытался помешать их отходу, Ней и арьберггард несколько раз отбили атаки осторожных союзников у деревни Кляси.

Но когда французы отступили к Суасону, им пришлось признать тот неприятный факт, что еще один из планов императора закончился полной неудачей. Это двухдневное сражение обошлось французам в 6000 человек, тогда как союзникам — только в 4000, однако в относительном выражении потери французов в людском составе, материальной части и моральном духе были неизмеримо больше, чем у противника. Наполеон писал Жозефу 11 марта: «Я провел рекогносцировку позиций противника у Лаона. Она слишком сильна, чтобы ее атаковать без тяжелых потерь. Поэтому я дал приказ отойти к Суасону. Вероятно, противник оставил бы нам Лаон, боясь нашего нападения, если бы не дикая глупость герцога Рагузского, который вел себя как младший лейтенант. Противник несет огромные потери; сегодня он атаковал деревню Кляси пять раз — и во всех случаях был отброшен назад. К сожалению, молодая гвардия тает как снег. Старая гвардия сохраняет свою численность, но гвардейская кавалерия тоже редееет. Совершенно необходимо, чтобы генерал Орнано обеспечил лошадьми всех драгун и егерей — и даже старых солдат, — используя все доступные ему средства». Последняя фраза этого письма показывает опасность сложившегося положения: «Следует дать приказы на сооружение редутов на Монмартре»(30). Сдача столицы снова стала реальной угрозой.

Положение Франции быстро превращалось в критическое на всех фронтах. Главные силы Наполеона были отброшены на реке Эне и оттеснены на север за Сену двумя победоносными армиями противника, каждая численностью около 100 000 человек. Наполеон был в крайне незавидном положении, располагая лишь едва 75 000 усталых и упавших духом солдат, которых он мог выставить против двух армий, защищая Париж. Новости с других фронтов были ничуть не лучше. На юго-западе Веллингтон теснил Сульта к Тулузе после англо-испанской победы при Ортезе. Сюше неопределенно медлил на Пиренеях. Байонна была в тесном кольце осады, а из-за роялистского мятежа вскоре Бордо должен был достаться англичанам (12 марта). В Италии Евгений едва удерживал свои позиции, но Генуе было вскоре суждено попасть в руки британцев. На северо-восточном фронте генерала Мезона оттеснили назад до Лилля. В Нидерландах продолжали оказывать сопротивление только французские гарнизоны Антверпена и Берген-оп-Зот. Даву все еще стоически держался в Гамбурге, да может быть еще на восточных границах Франции трехцветный флаг развевался над десятком крепостей (они скорее являлись отрицательными активами). Больше всего разочаровывал маршал Ожеро, прекративший свое наступление против генерала Бубны и отошедший обратно к Лиону (с 9 марта), тем самым освободив союзников от одной из серьезнейших забот. То есть ниоткуда, ни с одного сектора не было новостей об успехе или оживлении.

Несмотря на эту угнетающую обстановку, Наполеон был преисполнен боевого духа. После краткого периода колебаний в Суасоне его военная интуиция нащупала слабое звено в цепи успехов союзников. Он узнал, что русский генерал Сен-При необдуманно выдвинулся от Сен-Дизье (он был поставлен там, чтобы осуществлять связь между Богемской и Силезской армиями) с желанием снова взять Реймс. Дойдя таким образом на расстоянии досягаемости из Суасона, Сен-При дал Наполеону шанс одержать мгновенную победу, в результате которой возник бы разрыв связей союзников и одновременно угроза безопасности левой части тыла Блюхера и правого фланга Шварценберга. Нельзя было упускать такой удачный случай. Обувшее Наполеона новое стремление высказано им в письме (переписка Наполео-

на): «Я намереваюсь завтра атаковать Сен-При около Реймса, разбить его и снова занять город»(31).

Пронесясь на сорок миль к востоку перед лицом ничего не подозревавшего Блюхера, Наполеон обрушился на Реймс как предвестник рока, полностью захватив врасплох Сен-При. «Тринадцатого марта мы подошли к воротам Реймса в темноте, — вспоминает капитан Кване. — Император устроил свою ставку под открытым небом (на гребне возвышенности напротив мощно забаррикадированных Парижских ворот). Мы развели ему хороший костер. Было так темно, что уже за десять шагов было невозможно ничего разглядеть. Он так устал, что велел принести его медвежьей шкуру и улегся на нее около огня... Русские, казалось, преспокойно спали в Реймсе, а мы собирались поздравить их с добрым утром на следующий день, но они предпочли начать первыми уже в 10 часов вечера. Как только император услышал стрельбу, он был уже на ногах. Узнав, что происходит, Наполеон сразу же приказал ввести в бой гвардейскую артиллерию. Ее путь к фронту был загроможден пушками и зарядными ящиками полевых парков, но по приказу Наполеона все эти препятствия вручную сдвинули в кюветы, и гвардейские пушки галопом пролетели по дороге. Император молча наблюдал за всем, что мы делали, стоя спиной к огню. Пушки были немедленно сосредоточены в батарее справа от дороги на отличном месте против [городских] ворот... Все 16 пушек дали залп, и все было разнесено на куски, лошади, канониры — все были убиты. Ворота исчезли в туче пыли, и пригород стерт с лица земли. Пушечные ядра с ревом неслись вдоль улиц, а гаубицы доставляли снаряды прямо во вражеские редуты»(32).

Как всегда точно почувствовав нужный момент, Наполеон бросил в город несколько полков кирасир, и они понеслись по улицам, «не встречая никакого сопротивления». Горожане вывешивали из окон фонари, чтобы помочь своим соотечественникам, и к полуночи император мог войти в город со своим штабом. Русские спасались во всех направлениях, потеряв 6000 человек; французские потери едва достигли 700 человек. Мощный прилив уверенности охватил всех. «Я еще тот, кем я был при Ваграме и Аустерлице», — сказал Наполеон Фуше(33).

Неожиданный успех французов погрузил союзное руководство в крайнюю тревогу. Блюхер снова отошел к Лаону; Шварценберг остановил свое наступление за Сеной. Наполеон, не тратя времени, извлекал все, что можно, из своего нового успеха. Спеша к сектору Сены, чтобы поддержать Макдональда (его оттеснили уже до Провена), Наполеон не щадил ни людей, ни лошадей. Он мог выбирать из трех дорог. Самая безопасная шла через Мо, потому что она позволила бы перехватить Богемскую армию, оттесняя ее от Парижа. Самая быстрая шла прямо к Провену. Но стратегически самый выгодный путь, по-видимому, проходил через Арси по направлению к Труа и тыловым районам Шварценберга. В данном случае император выбрал самый смелый курс действий. Оставив Мармона и Мортье сдерживать Блюхера, оставшаяся армия (корпус Нея, дивизия Делафранса, дивизия старой гвардии Фриана, кавалерия Себастьяни и артиллерийский резерв — всего, может быть, 23 000 человек) была передислоцирована за Марну двумя колоннами — через Эперне и Шалон.

Узнав, что сильный гарнизон союзников удерживает Арси, Наполеон поспешил не туда, а к Мери-сюр-Сен. Он не мог медлить ни минуты, ибо Блюхер вскоре возобновит наступление в северном секторе. Наполеон лишь надеялся на быстрый успех армии, воевавшей против Шварценберга, прежде чем ему придется вернуться на Энну. Тринадцатого марта Наполеон переправился через Об около Планси, выслав вперед свою кавалерию, чтобы та обрушилась на дорогу Ножан — Труа и перерезала отход Шварценберга. Наконец он получил долгожданный понтонный мост из Парижа, и это помогло ускорить переправу.

Однако опять французы немного опоздали. Союзники-монархи и их генералы оказались в состоянии все усиливавшейся паники по мере приближения Наполеона,

и здравость их суждений не улучшилась, когда Шварценберга уложил в постель жестокий приступ подагры. Однако в самый последний момент возобладал здравый смысл, и 17 марта Богемская армия начала отход в направлении Труа. Деморализованные силы Макдональда оказались не в состоянии сковать противника у Сены, и вследствие этого союзники снова ускользнули из ловушки Наполеона. По совету Коленкура, считавшего, что перепуганные монархи, возможно, будут готовы оставить Наполеону границы 1791 года, император попытался снова открыть переговоры. Но союзники отказались позволить полномочным послам императора пройти через их линии, а потом объявили, что они не готовы вести переговоры с «корсиканским тираном» ни при каких условиях. Нужно было сражаться до последнего.

Глава 87

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА: АРСИ И ОТРЕЧЕНИЕ

Последняя фаза кампании 1814 года продолжалась с 20 марта до первой недели апреля. В самом ее начале, несмотря на разочарование от исхода попытки перерезать коммуникации Богемской армии, Наполеон все еще твердо верил, что у него есть шанс прервать наступление союзников. Из-за своего стремительного отхода силы Шварценберга растянулись по фронту на более чем 80 миль и были в беспорядочном состоянии. Чувствуя, что самые близкие к тылу коммуникации с Германией таким образом не устояли бы перед решительным ударом, Наполеон решил прекратить свое наступление на Труа и вместо этого направить свои стремительные колонны к Сен-Дизье и Жуанвиллю на верхней Марне. Такой маневр в случае успеха мог бы одним ударом перерезать коммуникации Блюхера со Страсбургом и Шварценберга с Базелем. Он также поставил бы императора в непосредственную близость к Мецу и Вердену, с их бесценными гарнизонами из старых закаленных французских воинов. Это было возвращение к плану от 3 марта; но теперь он выглядел более многообещающим.

Рано утром 20 марта император отправился в Арси-сюр-Об, чтобы сделать бросок к Марне, он хотел взять австрийцев и союзников на испуг, чтобы ускорить их отход, выполнив демонстрацию в южном направлении. В донесениях говорилось, что Арси удерживается слабыми силами генерала Вреде — небольшим арьергардом союзников. Резкого удара по нему должно было бы быть достаточно, чтобы выбить Шварценберга из равновесия еще на некоторое время — или, во всяком случае, так рассчитывал император.

Но на этот раз, однако, он совершенно неправильно оценил Шварценберга. Узнав о том, что Себастьяни накануне переправился через Об у Планси, австрийский главнокомандующий решил, что Наполеон несомненно направляется в Труа. Конечно, он ошибался в этом, однако меры, предпринятые им на основе этой неверной посылки, как оказалось, имели очень важные последствия. Считая, что его правый фланг и тыл в данное время достаточно безопасны, Шварценберг внезапно решил приостановить свой отход, изменить направление марша и сосредоточить свою армию между Труа и Арси для наступления на французов в пространстве в форме угла, образованного Сенной и Обом. Этот внезапный *volte face*¹ застал Наполеона совершенно неподготовленным, так как он привык к прежним реакциям своего противника, которому достаточно было только сказать «вот я вас!..», чтобы он в ужасе начинал откатываться назад. Поэтому у императора и не было мысли о том, что 20 марта начнется большое сражение с наступающей Богемской армией. Но события повернулись именно так.

¹ Поворот лицевой стороной (*фр.*).

Наполеон не только недооценил Шварценберга, он совершенно не понял характера и своего прусского противника. В высшей степени уверенный, что Блюхер никогда не осмелится возобновить свое наступление на Париж, император приказал Мармону и Мортье передислоцироваться к Шалону и Эперне, чтобы быть готовыми соединиться с основной армией. Защита дороги на Париж от Силезской армии была возложена только на кавалерию. «При нынешнем положении дел Блюхеру нужно бы быть сумасшедшим, чтобы решиться на такое ответственное движение»(34). Императора ждал еще один неприятный сюрприз.

Надеясь вынудить Вреде оставить Арси с минимальным применением силы, Наполеон выслал корпус Нея и Себастьяни к югу от Оба, в то время как он сам следовал по другому берегу. Завершив свою операцию, Ней и Себастьяни должны были снова перейти на северный берег и присоединиться к императору, продолжая движение к Витри и Сене.

Во время своего наступления Себастьяни и Ней не встречали противодействия. К 11 часам утра Арси оказался в их руках, а разрушенный на скорую руку мост был вскоре снова открыт для движения. Наполеон прибыл вскоре после часа дня, перейдя реку, чтобы соединиться с Неем у деревушки Торси-ле-Гран. Он полностью положился на уверения единственного присутствовавшего штабного офицера, что в окрестностях находится не более 1000 казаков; этот доклад совпал с заранее сложившимся у него мнением, и он не видел необходимости проверять эти данные. В это время у него была сильная склонность к самообману.

Поэтому никто не был изумлен более, чем сам император, когда час спустя оказалась лавина скачущей во весь опор кавалерии противника из Ванпуассона. Малочисленным, кавалеристам Себастьяни пришлось отступать, несмотря на помощь, оказываемую корпусом Нея. Разгром казался неизбежным, когда в самый последний миг на левом берегу появился генерал Фриан во главе своей дивизии старой гвардии. Встав во главе этих войск у моста, Наполеон успешно собрал вокруг себя пустившуюся было в бегство кавалерию. Однако их паника была заразна, и еще одно самое малое потрясение могло бы породить всеобщее бегство. Наполеон, однако, был на высоте положения. Снаряд вражеской гаубицы с дымящимся запалом влетел в землю в нескольких футах от дрогнувшей линии войск. Заметив, что несколько солдат пьются назад, чтобы спастись от ожидаемого взрыва, император спокойно пустил свою лошадь над этим местом. «Снаряд взорвался, лошадь с вываливающимися внутренностями рухнула вместе со своим всадником. Император скрылся в облаке земли и дыма. Однако он поднялся на ноги, без единой царапины, и, сев на другую лошадь, поехал осматривать позиции других батальонов»(35).

Здесь Наполеон был еще ближе к смерти, чем во время инцидента в Ратисбоне в 1809 году. Несколько недель спустя в Фонтенбло Наполеону было суждено пожалеть, что судьба не дала ему погибнуть от вражеской пули или от собственной руки...

После жестокого боя близ Торси французы утверждали, что они отбили противника к ночи. Позднее прибыл Лефевр-Денуэтт с 2000 свежих кавалеристов, и Себастьяни великолепной атакой в кромешной тьме разгромил две дивизии кавалерии союзников, прежде чем его отгеснил назад огонь русской артиллерии. После этого французы-рядовые решили, что в целом именно они завоевали победу в этот день.

Несомненно, так же считал и император. Ему не приходило в голову, что Шварценберг может сосредоточивать свою армию за следующим горным гребнем, а сюрпризы этого дня он объяснял просто тем, что арьергард противника оказался сильнее, чем ожидалось. Между тем за ночь Шварценберг закончил развертывание более чем 80 000 солдат, которых он поставил широкой дугой, проходившей через деревни Премьефе, Вуэ и Шодре. Присутствие этого могучего воинства на следу-

ющее утро было скрыто от французского сторожевого охранения склонами высот с противоположной стороны гребня. Тем временем Наполеон послал срочный вызов Макдональду, прося его ускорить свой марш от Бре, так как он чувствовал, что днем придется возобновить бой с предполагаемым арьергардом противника. Ночью французы получили небольшое подкрепление, когда подошли арьергардные части гвардии, еще два кавалерийских соединения и одна дивизия из VII корпуса, с которой появился Удино. Вероятно, к рассвету на поле боя было около 28 000 французских солдат (включая 9000 кавалерии).

Считая, что у Наполеона гораздо больше войск, чем это было на самом деле, и будучи убежден, что французы решили навязать большое сражение, Шварценберг почувствовал, что он быстро лишается непривычной для него смелости. Не поддерживал его решимость и царь, явно не одобрявший стремительного возобновления наступления союзниками. Союзникам пришлось отложить свою намеченную атаку на утро 21 марта, и в нерешительности они ждали, что принесет им этот день. Тем временем Наполеон, все еще твердо убежденный, что перед ним находятся только остатки арьергарда союзников, приказал Себастьяни наступать вместе со следующей за ним пехотой Нея. Зрелище развернутой перед ними армии союзников, которое они увидели, поднявшись на плато, было ошеломляющим. К счастью, Шварценберг все еще колебался и не давал приказа на атаку.

Здесь Наполеон наконец увидел реальное положение вещей. Не могло быть и речи о сражении — ни Макдональд, ни Жерар еще не подошли на расстояние поддержки. Его единственная мысль была о том, как выйти из соприкосновения с противником и отвести как можно больше своих солдат за Об. Какая удача, что теперь у французов был элементарный понтонный мост. Единственный мост у Арси не успел бы пропустить и половины войск, прежде чем подоспел противник. В этих обстоятельствах французы все-таки смогли навести еще один понтонный мост через реку у Вилатта, и к 1.30 дня оба моста стали полностью запружены двумя отходившими потоками французских войск. На Удино и Себастьяни была возложена почетная, но незавидная задача прикрытия операции.

Только в 3 часа дня Шварценберг наконец дал приказ на первую атаку. Эта медлительность, несомненно, спасла французов. Отчаянное сражение около Арси шло до 6 часов вечера, но к этому моменту Удино отвел последнюю часть своего арьергарда и взорвал мост, завершив блестяще проведенные бои. За эти два дня французы потеряли, вероятно, 3000 убитыми и ранеными, союзники, по-видимому, на одну тысячу больше.

Союзники не делали попыток организовать преследование по горячим следам, так что ночью французы направились к Сомпюи, соединившись с Келлерманом и Макдональдом около Орма. Сообщения о том, что Витри прочно удерживается, заставили Наполеона изменить направление своего движения к Сезану и Фринькуру. Но он по-прежнему намеревался достичь Сен-Дизье, присоединить к себе его гарнизон, а затем попытаться обрушиться на коммуникации противника. Двадцать третьего марта колонна его солдат со сбитыми ногами достигла Сен-Дизье, лишь ненадолго останавливаясь по пути, чтобы рассеять 8000 кавалеристов союзников, вышедших от Витри, чтобы перехватить их. Очевидно, Наполеон все еще считал, что игру можно выиграть. Но он не знал, что это оказалось последним крупным сражением кампании 1814 года.

Прежде чем Наполеон достиг Сен-Дизье, союзники получили бесценные данные о его будущих планах. Им невероятно повезло в том, что был захвачен императорский курьер, доставлявший незашифрованное письмо Наполеона к императрице. «Я решил двигаться к Марне, — гласила часть этого важного документа, — чтобы оттеснить армии неприятеля подальше от Парижа и самому приблизиться к моим крепостям» (36). Захватывались и другие документы, подтверждавшие эти сведения. В связи с этим высшее командование союзников немедленно встретилось в

Пужи. Что делать? Многие говорили об отходе на юг, но в конце концов возобладали более смелые замыслы. Пришли известия о том, что Блюхер перемещается на восток от Лаона в попытке соединиться со Шварценбергом. Семнадцатого марта он оказался победителем в решительной стычке с Мармоном у Фима, после чего маршал Мортье оставил Реймс и отступил на запад для поддержки своего товарища. Новости с Соны тоже были обнадеживающими: по-видимому, маршал Ожеро ушел из Лиона. На основании этих сведений — а также из перехваченных документов — было решено 22 марта передислоцировать Богемскую армию к северу для соединения с Блюхером. После этого станет возможно открыть новые коммуникации с Германией через Голландию и поставить соединившиеся союзные армии на хорошую позицию для нового общего усилия.

Едва началась эта передислокация на север, как кавалерийские разъезды доставили новые перехваченные донесения. Оказалось, что они были из Парижа, и из них стало известно, что столица находится в состоянии крайней тревоги и что оборонительные сооружения далеко не закончены. Полицейские донесения также свидетельствовали о значительной пораженческой агитации, которую ведут недовольные политики, и особенно Талейран. Столь счастливо попавшие к союзникам сведения произвели такое большое впечатление на царя, что 24 марта он безжалостно надавил на Шварценберга и заставил его изменить свои последние приказы. Пересмотренный план, возникший после нового конклава, собранного в Соммажисе, предусматривал немедленное наступление силами обеих армий (численность 180 000 человек) вниз по Марне на Париж, невзирая на любые действия Наполеона за это время против их далеких коммуникаций. Чтобы как можно дольше скрывать эти планы от императора, генерал Винценгероде должен был продолжать свое наступление на восток к Сен-Дизье силами 1000 кавалерии и легкой пехоты, как если бы союзники действовали сообразно ожиданиям Наполеона и производили передислокацию войск на восток для защиты своих коммуникаций с Рейном.

Не подозревая о том, что его замыслы почти раскрыты, Наполеон провел четыре дня в Сен-Дизье, ожидая сведений о реакции противника, прибытия подкреплений и окончательно формулируя свои планы. Он решил направиться не к Витри, Жуанвилю или Бар-сюр-Об, а к Сен-Мийелю. Такая передислокация позволила бы ему добавить солдат и Вердена и Меца к своим армиям (оба эти гарнизона уже едва держались) и после этого вести «войну на границе»(37).

Однако время шло, но не было никаких новостей о движении противника и никаких признаков появления Мармона или Мортье, и император стал все больше тревожиться. Двадцать шестого марта его войска успешно разбили Винценгероде, но больше никаких сведений Наполеон не получал. Наконец 27-го пришли сообщения, что Мармон и Мортье отеснены назад от Ла-Фер-Шампенуаза еще два дня тому назад большой армией союзников и сейчас оба отступают в направлении Мо и Парижа. После отчаянного арьергардного сражения с пятикратно превосходящими силами союзников дивизии Национальной гвардии генералов Пакто и Аме были уничтожены почти целиком. Спаслись едва ли 500 человек из 4000. Это был «момент истины» и утраты иллюзий. Теперь Наполеон уже не мог надеяться на прибытие Мармона и Мортье. Не осталось у него и малейшего шанса опередить союзников в их гонке к Парижу. Что бы ни случилось, они окажутся в столице на два дня раньше Наполеона. Также было ясно, что Жозеф и городские власти в панике; и, что еще хуже, все указывало на то, что они не выполнили приказанного им усиления оборонительных сооружений города.

И все же Наполеон отказывался примириться с безнадежностью своего положения. Он говорил о продолжении движения к востоку, предоставив Париж самому себе и, при необходимости, перенеся правительство в Орлеан, но тут восстали его утомленные войной маршалы. И тогда император — практически впервые в своей жизни — склонился перед их мнением и направил войска на запад к Пари-

жу. Выйдя из Сен-Дизье 28 марта, он двинулся форсированными маршами к Барсюр-Об и Труа. Достигнув 30 марта Труа, он передал измученную армию Бертье и ринулся вперед с небольшим штабом и конвоем. Его отчаянная гонка вскоре лишила сил даже взятую им с собой мобильную группу, и в конце этого бегства император летел вперед в почтовой карете в сопровождении только пяти офицеров. Он проехал Фонтенбло, достиг Эссона — и здесь в предрассветные часы 31 марта встретил курьера, который сообщил ему о сдаче Парижа.

После успеха у Фер-Шампенуаза 25 марта союзники, не останавливаясь, двинулись к Мо, и там 28 марта обе армии соединились на самом пороге Парижа. На следующий день императрица Мария-Луиза и Римский король выехали из столицы на юг. Их провожал до Орлеана Жозеф и часть правительства. Однако некоторые высокопоставленные лица, включая предателя Талейрана, нашли предлоги, чтобы остаться в столице, где они стали спешно готовиться к торжественной встрече царя. После этого падение Парижа уже не могло быть отсрочено. В результате упорного боя у Роменвиля Мармон и Мортье оказались отсечены назад к высотам Монмартра. В 2 часа ночи 31 марта маршал Франции герцог Рагузский согласился на перемирие с союзниками и, согласно своим условиям, отвел своих солдат к югу от столицы. Вскоре после этого кавалерия союзников потоком хлынула через заставы в город.

В итоге двадцатидвухлетней практики непрерывной войны силы реакции добились своей первоначальной, открыто признанной цели. Лучшее поражение Наполеона воспользовался Талейран; собрав вокруг себя остатки худших представителей правительства, он объявил о низвержении Наполеона и преуспел, втершись в доверие к императору Александру при первой же их встрече. Талант Талейрана к выживанию любой ценой снова пригодился ему.

Тем временем глубоко опечаленный император возвратился в Фонтенбло, но и теперь он отказывался признать, что его дело безвозвратно проиграно. Выбрав Орлеан в качестве своего будущего нового операционного центра, он вызвал на соединение с собой все имеющиеся воинские части. К 1 апреля у него было 36 000 человек у Фонтенбло, через два дня их стало 60 000. Но в Париже находилось 145 000 союзников, и, хотя были признаки того, что простой народ Парижа готов восстать против завоевателей и что поспешно организованные коммуникации союзников проявляли слабость перед атакой, Наполеон теперь подошел к концу пути.

Его маршалы умоляли его примириться с судьбой и избежать дальнейшего кровопролития. Однако многие рядовые солдаты остались непоколебимо верны ему. Выйдя к своим войскам в парадный «двор Белой Лошади» в замке Фонтенбло, он услышал бурю приветствий и крики «Vive l'Empereur! À Paris! À Paris!» (38) Воодушевленный этой демонстрацией чувств, Наполеон на следующий день вызвал своих маршалов, чтобы дать им приказ. «Армия не выступит», — сказал Ней от имени их всех. — «Армия повинется мне». — «Армия повинется своим генералам», — ответил князь Московский (39).

Наступил момент измены, вернее полного предательства; счастливая звезда Первой империи закатилась.

Пришли новости из Парижа, что Мармон открыто перешел на сторону врагов, взяв с собой своих солдат. Это было последним ударом. У Наполеона осталась одна последняя карта; примирившись с мыслью о своем отречении, он попытался обеспечить наследование престола своему сыну. «Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон — единственное препятствие к восстановлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он готов уйти с престола, покинув Францию и даже положив жизнь ради блага отечества — блага, неразрывно связанного с правами его сына, правами регентства императрицы и законами Империи. Учинено в нашем дворце Фонтенбло, 4 апреля 1814 года. Наполеон» (40).

Коленкур, Ней и Макдональд отправились с этим документом в Париж. Пошли переговоры и уговоры, но царь и остальные союзники постепенно ужесточали свои условия. Измена Мармона, подтверждение об уходе Ожеро из Лиона и отчаянное положение Сульта в Тулузе убедили союзников, что им можно больше не бояться Наполеона. Они потребовали не более и не менее как полного отречения.

Отказавшись от борьбы, 6 апреля Наполеон написал: «Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон есть единственное препятствие к установлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и своих наследников от трона Франции и трона Италии, потому что нет такой личной жертвы, даже жертвы самой жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции»(41).

Переговоры продолжались еще несколько дней, пока обсуждались условия, которые союзники были готовы предоставить императору.

Придя в отчаяние от мысли, что союзники могут помешать императрице и их сыну присоединиться к нему, Наполеон попытался совершить самоубийство в ночь на 12 апреля. С тех пор как он чудом избежал плена при нападении на него казаков под Малоярославцем в 1812 году¹, он всегда носил на шнурке вокруг шеи маленький черный мешочек, содержащий яд из опиума, белладонны и белой чемерицы. Выпив его, император призвал Коленкура, чтобы продиктовать ему свое завещание. «Голос его был едва различим; последняя фраза, и не только она, прерывалась судорожной икотой и сильнейшей тошнотой. Кожа была сухой и холодной; внезапно он покрылся ледяным потом; я думал, что он скончается у меня на руках»(42). Однако сила яда уменьшилась за два года, и Наполеон выжил. «Как трудно умирать в постели, — сказал нам император, — и как легко кончить жизнь на войне!»(43) Эту попытку самоубийства надежно скрыли; немногие слухи упорно отрицались десятки лет, и только найденные в 1930-х годах мемуары Коленкура подтвердили, что такой случай имел место.

После этой неудачной попытки положить конец своим бедам Наполеон несколько примирился со своей судьбой. Шестнадцатого апреля союзные державы ратифицировали в окончательной редакции Договор Фонтенбло. Они согласились оставить Наполеону титул императора и отдали ему в полное владение маленький остров Эльбу. Ему положили гражданский лист в сумме 2 миллионов франков в год и разрешили взять с собой один батальон (600 солдат) своей гвардии. Императрица получила в наследственное владение герцогство Парму. Остальные члены семьи Бонапарт получили пенсии.

Двадцатого апреля подошло время Наполеону отправляться в изгнание. В последний раз старая гвардия выстроилась на императорский смотр во дворе Белой Лошади. Проходя мимо молчаливых рядов, он отобрал себе 600 человек. Генералу Друо было приказано отвести остальных в Париж, к Людовику XVIII. Он простился с ними. Этот трогательный момент описан у Кване. «Принесите мне моего орла!» — сказал он громким голосом, который все же выдавал его чувства. Приняв его в руки и прижав к сердцу, он поцеловал его в знак прощания... При виде этого вся армия разразилась рыданиями»(44). Коленкур пишет: «Это было трогательным прощанием: поседевшие воины, которые много раз не моргнув глазом видели, как течет их собственная кровь, не могли удержать слез, глядя, как их император, их генерал, их отец прощается с ними»(45).

Двадцать восьмого апреля император и его свита поднялись на борт британского военного корабля «Инконстант» («Непостоянный») в Сен-Рафаэле, и бриг поднял паруса, направляясь на Эльбу. Спустя два дня вновь восстановленное правительство короля Людовика XVIII подписало Парижский договор с о-

¹ См. главу 71. (Примеч. автора.)

юзниками. У Франции были отняты все территории, завоеванные после ноября 1792 года. По общему согласию щекотливый вопрос, как будет перекроена карта Европы, был отложен до рассмотрения на Венском конгрессе, намеченном на сентябрь.

Некоторые историки утверждают, что кампания 1814 года была величайшим достижением Наполеона. Конечно, это преувеличение, хотя лично для Наполеона она была достижением; все победы фактически поддерживались его собственной несокрушимой целеустремленностью и силой характера. Маневры, которые он провел, и большое число сражений и боев, которыми он руководил в период с января по конец марта, во многом доказывают его гениальность и как стратега, и как тактика. Однако в результате он потерпел поражение — и с самого начала года этого и следовало ожидать, несмотря на все военные поражения союзников и на их колебания в решении политических вопросов. Франция была истощена. Две огромные армии, составлявшие вместе около миллиона человек, были уничтожены в предшествующие два года, а лишения, связанные с двумя десятилетиями почти непрерывных войн, с 1807 года еще усугубленные континентальной системой и британской блокадой, разрушили экономику Франции и уменьшили ее население. К 1814 году у французов почти совсем исчезла воля к победе и даже стремление выжить. Франция выдохлась, и практически вся Европа была против нее, решив отомстить за свои обиды. Наполеон еще мог оказывать свое магическое влияние на старых солдат и молоденьких новобранцев, но весь народ в целом уже не был подвержен его магнетизму (за исключением только Лотарингии и Шампани, где жестокость союзников побудила крестьян к восстаниям).

В 1814 году Наполеону может быть поставлен в вину его абсолютно нереалистический подход ко всем явлениям войны и мира. Он никогда, собственно, не примирился с тем, что для него уже наступили «сумерки богов»; со своим вечным оптимизмом он мечтал о возвращении своего прежнего величия и завоевании былого положения. В нескольких случаях он отвергал предложенные ему вполне приемлемые условия, на которые пошел бы любой здравомыслящий человек. К 1814 году он совершенно перестал чувствовать и разделять настроения своих подданных, ощущать особенности эпохи и даже саму реальность. Поддерживаемый самообманом, сам он мог совершать чудеса, но он не мог присутствовать везде одновременно, а его подчиненные друг за другом впадали в отчаяние, приходили к фатализму и постепенно отдавались своекорыстным интересам. Ближе к катастрофе он признал, что совершал ошибки в выборе своих доверенных лиц. «Он считал, что виноват в том, что так много полагался на маршалов в эти последние дни, — отмечает Коленкур, — ибо они уже давно стали слишком богаты, слишком вельможны и слишком устали от войны. Согласно его взгляду, все было бы гораздо лучше, если бы он поставил на командные должности хороших дивизионных генералов, которым еще нужно было бы заслужить свои маршальские жезлы»(46). Таким образом, несмотря на всю свою вновь обретенную энергию и прежний блеск, Наполеон был обречен на поражение: ни его народ, ни его генералы уже не были полностью преданы ему. И труднее всего ему было признать тот факт, что яркость его великолепных военных замыслов только сильнее оттеняла утрату понимания реальности сознанием переутомленного человека.

Так кончилась кампания 1814 года и с нею — Первая империя. Однако впереди был еще один последний драматический акт, развернувшийся перед Европой, прежде чем с ее сцены окончательно сошел Наполеон Бонапарт.

Часть семнадцатая

КАМПАНИЯ СТА ДНЕЙ

Возвращение Наполеона из ссылки и события, приведшие к его окончательному отречению

Введение

ВСТРЕЧА В ЛЕ-КАЙЮ

Ясное спокойное утро воскресенья 18 июня 1815 года было контрастом к проливным дождям накануне, не прекращавшимся всю ночь. На ферме Ле-Кайю Наполеон и его генералы встретились в 9 часов утра, чтобы обсудить планы грядущей битвы, пока вся армия потягивалась, сбрасывая ночную оцепенелость и выжимая воду из промокших плащей и одеял. За неглубокой долиной, отделявшей французские линии от позиции лорда Веллингтона, иногда мелькали алые пятна мундиров часовых и сторожевого охранения, а дым от тысяч костров медленно поднимался в тихом утреннем воздухе, наглядно свидетельствуя, что выбранные императором его будущие жертвы не скрылись с места темной грозовой ночью. Вскоре послышался разрозненный треск выстрелов — это войска союзников начали стрелять, чтобы просушить мушкеты и избавиться от будущих осечек в бою. «Железный герцог» явно не собирался уступать. Наполеон испытывал подъем, увидев, что противник ожидает его. «Мы их победим», — убедительно предсказал он своей свите.

Император выглядел уверенным и был даже в шутовском настроении, почти не обнаруживая признаков нездоровья и утомления, которые периодически овладевали им в последние два дня. Он был совершенно убежден, что победа будет на его стороне. Однако у некоторых членов его свиты лица были скорее озабоченными. Воспоминания о жестоких поражениях от руки этого самого Веллингтона и его «красномундирников» за Пиренеями вызывали чувство страха у приближенных императора, ибо немало военных репутаций было потеряно или запятнано среди голых холмов Испании и Португалии. Маршал Сульт считал, что имеются все основания для крайней осмотрительности, и посоветовал немедленно отозвать назад корпус маршала Груши, посланный в преследование считающихся разбитыми прусских войск. По его мнению, никогда не могло быть слишком много войск, чтобы противостоять «monsieur Villainton». Наполеон вспыхнул от гнева, обратившись к своему начальнику штаба: «Из-за того, что вы были побиты Веллингтоном, вы считаете его хорошим генералом, — резко сказал он, — но я говорю вам, что Веллингтон *плохой* генерал и англичане — *плохие* солдаты. Все дело будет не более трудным, чем проглотить свой завтрак». Как известно, все сказанное утром, мало заслуживает доверия. «Искренне надеюсь на это», — ответил Сульт, очевидно, ни-

чуть не разубежденный(1). Верный своей привычке, император, несомненно, желал поднять настроение своих генералов и внушить им уверенность в непобедимости своих солдат перед большим сражением. Но его слова говорят и о скрываемом в глубине души презрении к «нации лавочников» и их так называемым солдатам. Такой настрой неизбежно вел к недооценке боевых качеств Веллингтона, и это, в свою очередь, объясняет некоторые крупные ошибки, совершенные французами в ходе этой долгой битвы, закончившейся катастрофой для французских орлов. Именно этот «завтрак» оказался совершенно непереваримым.

Хорошо известные события 18 июня являются вершиной короткой, но в военном отношении крайне насыщенной фазы Ста дней. Кампания и битва периода Ста дней тесно связаны с тем, что произошло до них и что было позднее. Так называемая битва под Ватерлоо на самом деле является сложным сражением, состоящим из не менее чем четырех отдельных действий: двух 16 июня — Катр-Бра и Линьи, и двух 18 июня — Ватерлоо и Вавр. Целое является суммой частей, и каждое из трех сражений меньшего масштаба оказало явное влияние на то, что произошло между местечком Бель-Альянс и плато Мон-Сен-Жан.

Глава 88

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Хотя главные события этой кампании уместились в четыре лихорадочных дня между 15-м и 18 июня 1815 года, но они связаны с тем, что происходило в 1814 году и что подготовило главное событие, уподобившееся мощному взрыву. Оно совершилось к югу от Брюсселя. Покинутый и даже преданный своими маршалами, в измученной войнами Франции, требующей мира с союзниками, оккупирующими Париж, Наполеон был вынужден подписать акт о безусловном отречении во дворце Фонтенбло 6 апреля 1814 года. В это время большая часть французов несомненно приветствовала конец войны, которая длилась — с небольшими перерывами — более двадцати лет и принесла неисчислимые потери человеческих жизней, горе и нищету. В момент этой передышки и облегчения, совпавших с отъездом Наполеона в изгнание на остров Эльбу, королевская семья вернулась на трон предков, как это тогда показало, на гребне своей популярности. По-видимому, бурбонские лилии наконец одержали верх над революционным триколором с его неприятными ассоциациями красного террора и Liberty, Fraternité, Egalité. Король Людовик XVIII — племянник своего несчастного тезки — Людовика XVI, заплатившего головой за свои ошибки, — был, может быть, безобидной, но туповатой посредственностью. Он не мог искоренить патриотические силы, освобожденные еще в 1789 году, как не мог и управлять собственными приспешниками. За королевской каретой тянулось полчище возвращавшихся эмигрантов, лишившихся собственности дворян и духовенства, бежавших за границу во время террора, а теперь требовавших восстановления своих привилегий, возвращения поместий, стремившихся вернуться к прелестному дореволюционному прошлому.

В это время Наполеон использовал часть своей необъятной энергии для реорганизации управления своим крошечным княжеством неподалеку от берегов Италии и обучения своей «лилипутской» армии. Представители победивших держав в Вене носились в вихре балов и увеселений и в промежутках решали вопросы об устройстве искалеченной послевоенной Европы. А во Франции уже успел подойти к концу «медовый месяц» популярности реставрированных Бурбонов. Во многих отношениях этот новый режим во Франции был более либеральным и просвещенным, чем тот, который он заменил. Из-за неизбежных требований тотальной войны во время Первой империи были уничтожены многие гражданские права. Теперь же они были за-

ново гарантированы конституцией Бурбонов. Делались искренние попытки привести в порядок разрушенную экономику Франции. Но все эти разумные стремления Бурбонов ничем не могли привлечь к себе народ с его все растущим недоверием. Целых двадцать пять лет правящий дом играл роль иностранных марионеток. Под покровительством врагов Франции они вечно затевали планы борьбы с силами нации, мечтая о свержении ее правителя, и никакая роялистская пропаганда не могла искоренить впечатления, что Бурбоны вернулись как лакеи реакционных сил, задумавшие уничтожить идеалы Революции (какими бы умозрительными, возможно, они ни были). Поэтому у Бурбонов не было никакой опоры в национальном самосознании, а их добрые намерения, но ограниченные способности не могли заменить гения Наполеона, который принес нации не только кровь и страдания, но дал ей знаменитый гражданский и уголовный кодексы и обеспечил твердое, хотя и безжалостное управление. Было широко распространено убеждение, что граф Артуа — вероятный наследник — со временем не преминет уничтожить конституцию и возгласить реакцию.

Какие бы ни давались гарантии от имени короля, ничто не могло успокоить подозрений самого недоверчивого элемента французского общества — крестьян. Революция преуспела в основном потому, что ее руководители обеспечили себе поддержку крестьян, произведя передел земли и отменив феодальные ограничения, которые несколько веков не давали развиваться сельскому хозяйству Франции. Теперь, в 1815 году, перед крестьянами встала угроза — хотя она всегда была отдаленной — земельной реформы и перераспределения части их собственности среди возвратившихся эмигрантов, которые восполняли свою относительную малочисленность весьма крикливыми требованиями реституции своей собственности. Нескрываемое недоверие со стороны самого многочисленного класса французского общества — ибо Франция была по преимуществу аграрной страной — расшатывало самые основы правления Бурбонов, и как ни парадоксально, но крестьянство начало видеть в Наполеоне героя Революции!

Еще одна часть общества была точно так же недовольна — это бывшие солдаты. Державы-победительницы настояли на том, что французские вооруженные силы должны были теперь стать лишь «тенью прежнего могущества», да и экономические причины требовали обширной демобилизации. Внезапно выброшенные в непривычную гражданскую жизнь, французские рядовые ворчали, как всегда, но на этот раз с полным основанием. Сто пятьдесят пять лет назад британская кромвелевская «армия новой модели» тоже была внезапно распущена другой реставрированной монархией, но наблюдатели того времени поражались той упорядоченности, с какой бывшие красномундирники вживались в мирную жизнь. Однако Франция 1815 года была лишена блага легкого переходного периода. Несомненно, что часть мобилизованных была, наоборот, слишком рада вернуться к своей прежней жизни, но было еще и стойкое ядро солдат-ветеранов, оказавшихся не в состоянии найти себе место в инфляционной экономике и потрясенном обществе разгромленной Франции. Многие голодали, все были недовольны. Около двенадцати тысяч офицеров — старых фронтовиков — на половинном жалованье изливали свое возмущение в кафе, где они собирались, чтобы почитать парижские новости, прихлебнуть перно и поскорбеть о «добрых старых временах» Империи. Время шло, и стали быстро забываться реальности наполеоновских кампаний — смерть, страх, усталость, грязь, голод, боль, оставались только прекрасные воспоминания о *la gloire* и бережно хранимая память о каком-нибудь словечке, оброненном самим *le Tondou*. Таким образом, политика урезания военных расходов, проводимая Бурбонами, способствовала сохранению наполеоновской мистики. Кажется парадоксальным, но нигде это не чувствовалось так сильно, как в рядах воинских частей, включенных в новую роялистскую армию. Никакими строгостями, никакими взысканиями, например, не удавалось истребить установившийся обычай часовых брать на караул перед ветеранами с белым эмалевым крестиком Почетного легиона на груди. В конце концов это было разрешено.

Наполеон хорошо знал о поднимавшейся буре недовольства во Франции. Многие из его старых генералов и подчиненных пошли на службу новому режиму, но из предосторожности старались каким-нибудь способом остаться в лагере прежнего повелителя. Одним из них был, разумеется, Фуше, министр полиции; другим — хитроумный Талейран, дипломат и прежде всего — интриган. В начале 1815 года Наполеон, страшно соскучившийся за десять месяцев своего вынужденного безделья в тесных пределах острова Эльба, почувствовал, что у него появился шанс. Он притягивал к себе всех людей, недовольных Бурбонами, и выступал как защитник Революции. Он считал, что еще может повернуть колесо Фортуны, пустившись в последнюю, решающую игру. Ему было мало что терять — и мог выиграть все.

Двадцать шестого февраля были подняты паруса, и Наполеон отплыл с Эльбы, в сопровождении генералов Бертрана, Друо и Камбронна, тысячи солдат его гвардии и четырех пушек. В первый день марта император снова ступил на землю Франции, у Канна. Его появление захватило все власти врасплох; этой новости потребовалось четыре дня, чтобы достичь Парижа, и девять дней — Лондона, но постепенно испуганная и пораженная Европа узнала, что «дьявол сорвался с цепи». Французы — от чьей реакции зависело все — оставались спокойными и наблюдали ход событий, прежде чем встать на ту или другую сторону.

Если реакция населения вначале была сдержанной, то местные власти почти ничего не делали, чтобы задержать пришельца. Массена был немедленно уведомлен оптическим телеграфом в Марселе, но он не предпринял никаких решительных действий. Пользуясь всеобщей растерянностью, Наполеон двигался внутрь страны, выбрав для движения трудную горную дорогу к Греноблю — намеренно обойдя Марсель и департамент Прованс с их традиционной роялистскими симпатиями.

Первый настоящий кризис произошел у Лафре, в пятнадцати милях южнее Гренобля, где небольшой отряд авантюристов увидел перед собой 5-й линейный полк. Кровопролитие было предотвращено в последний момент благодаря хладнокровию императора, снова проявившего свою магическую власть над солдатами. Выйдя вперед один, он обнажил свою грудь перед нацеленными мушкетерами: «Солдаты пятого полка! Вы можете застрелить вашего императора, если захотите! Вы не признаете вашего императора? Разве я не ваш старый генерал?»(2) Видя усилившиеся колебания солдат, Наполеон убедил нерешительных, добавив: «Меня привело к вам не честолюбие. Сорок пять лучших умов правительства в Париже призвали меня с Эльбы, и мое возвращение поддерживают три первые державы в Европе» (это было явным пропагандистским вымыслом). В едином порыве солдаты бросились из рядов вперед к нему, крича: «Да здравствует император!» Это был решающий момент — кризис миновал. Первые части армии сплотились вокруг Наполеона, и, следовательно, он снова становился величиной на международной сцене. Гренобль открыл свои ворота, и жители оказали Наполеону восторженный прием, пока местные власти лихорадочно отыскивали свои старые трехцветные пояса и прятали подальше награды Бурбонов. Император вспоминал на Святой Елене: «До Гренобля я был авантюристом; в Гренобле я стал правящим принцем»(3).

Приближение к Парижу продолжалось в атмосфере всеобщего ликования. При каждой остановке Наполеон обращался с речью к собраниям местных жителей, искусно применяясь к их разным вкусам. Крестьянам он обещал гарантию владения землей; горожанам — финансовые реформы, всем говорил о мире и процветании. Наполеон всегда умел воспользоваться особенностями момента.

Тем временем правительство Бурбонов тщетно издавало указы об аресте императора и высылало все больше и больше войск, чтобы перехватить его в пути. Маршал Ней пообещал Людовику XVIII, что он возвратится в Париж с Наполеоном «в железной клетке», но когда его войска встретили императора возле Осера 14 марта, его обычное обаяние и магнетизм оказались по-прежнему мощными, и солдаты снова перешли на сторону Наполеона вместе со своим командиром.

В Париже какой-то остроумец прикрепил большой плакат на Вандомской площади: «От Наполеона — Людовику XVIII. Король, мой брат, не посылайте мне больше войск, у меня их довольно»(4).

Мелкие события иногда изменяют ход больших. Точно так же, как Яков II Английский, по преданиям, решил, что его дело проиграно, услышав, как один из его часовых насвистывает «Лиллибуллера» — походную песню мятежников Вильгельма Оранского, так и правительство Бурбонов отмечало с усиливавшейся тревогой признаки общего отчуждения. Кроме забавных пасквилей, ночью на стенах в Париже появлялись и более угрожающие надписи: «Долой попов! Долой дворян! Смерть роялистам! Бурбонов на эшафот!» Обозленное тяжкими условиями экономической инфляции, население Парижа и пришьлые ремесленники снова становились мятежниками. Перспективы восстания на улицах столицы не могли не пугать потомков Людовика Святого, уже растерявшихся от сведений о неумолимом приближении Наполеона. И 19 марта королевский двор сорвался с места и бежал из Парижа к бельгийской границе в новое изгнание. Бурбонам пришлось ждать более ста дней, прежде чем они смогли вернуться в свою столицу.

Двадцатого марта Наполеон вошел в Тюильрийский дворец и снова взял контроль над государственным аппаратом, хотя он уже не мог возратить себе свою старую абсолютную власть. Революционные фигуры из туманного прошлого — Карно и Констан — согласились на уговоры служить в его правительстве, но палата его чуждалась и вела себя осторожно. Наполеон и государство уже больше никогда не были синонимами, а император больше не мог повторить гордое утверждение Людовика XIV: «L'état, c'est moi»¹. Он очень старался привлечь парижан к новой власти, кульминацией утверждения которой было огромное празднование 1 июня, пышно названное «Майским полем»². Гражданская часть церемонии оказалась смехотворным фиаско, но следующий за ней военный парад был, как всегда, внушительным зрелищем.

Наполеон не решался объявлять полную мобилизацию, так как он хорошо понимал, что огромное большинство совершенно не желает возобновления боевых действий.

В качестве жеста в сторону общественного мнения — и чтобы выиграть время — император немедленно начал мирное зондирование правительств союзников, надеясь, что их растущее разочарование в династии Бурбонов и их крупные политические разногласия сыграют ему на руку и убедят хотя бы некоторых из них принять этот свершившийся факт и признать Наполеона правителем Франции.

Если такие надежды и были, вскоре о них забыли. За семь дней до того, как Наполеон достиг Парижа, представители союзных держав в Вене объявили Наполеона вне закона и решили собрать более полумиллиона человек для окончательного уничтожения «чудовища». Двадцать пятого марта был подписан официальный договор о союзе между Англией, Австрией, Пруссией и Россией и возникла Седьмая коалиция, подкреплённая обещанием Англии ассигновать пять миллионов фунтов стерлингов. Пруссия и Англия сразу выставили соединённую армию в 150 тысяч человек, а другие правительства начали готовиться к новой войне. Все переговоры с Наполеоном были прерваны.

Император и не рассчитывал на то, что ему удастся избежать войны, но ради партии мира во Франции нужно было сделать соответствующий жест. Как только намерения союзников были открыто провозглашены и французская пропаганда могла бичевать их как агрессоров, можно было благополучно сбросить маску миротворца.

¹ «Государство — это я» (фр.).

² «М а й с к о е п о л е» во Франции VIII — IX вв. означало сбор всех войск на смотр. В данном случае речь идет о торжественном объявлении результатов плебисцита по новой конституции и церемонии раздачи знамен Национальной гвардии. По другим источникам, это празднование было назначено на 25 мая, но вручение знамен действительно было 1 июня. Результаты плебисцита были: 1 552 450 голосов за конституцию и 4800 — против.

Восьмого апреля была объявлена мобилизация, но император колебался целых три недели, прежде чем объявить ненавистный призыв в армию. Одновременно из Парижа полился поток указов, направленных на изыскание всех имеющихся ресурсов, ибо в тот момент скорость решала все, так как было необходимо предупредить возмездие союзников. Не хватало всех военных предметов потребления — лошадей, упряжи, амуниции, одежды, оружия, — но с огромными усилиями этот дефицит был наконец восполнен. Каждую неделю производилось полтора миллиона патронов; ежедневно в мастерских Парижа изготавливалось 1250 комплектов обмундирования. Были прочесаны все арсеналы и склады в поисках любого огнестрельного оружия; оружейники работали день и ночь, переделывая старое оружие.

Не более всего не хватало людей. Принятая в марте от Бурбонов армия насчитывала только 200 000 человек, между тем к концу года союзники собирались выставить на границах Франции не менее пятикратного количества своих солдат. Семьдесят пять тысяч ветеранов не нуждались в агитации, чтобы снова встать под трехцветное знамя, и, кроме того, появилось 15 000 добровольцев. Этих ресурсов, однако, было безнадежно мало. Для защиты границ было необходимо мобилизовать двести батальонов Национальной гвардии и дислоцировать их в крепостях, добавив к ним прослойку из двадцати батальонов ветеранов, которым отводилась роль учебных подразделений. Все отпуска были отменены, а моряки, таможенники и полиция были снова включены в линейные полки, которым были возвращены их старые названия и номера. В основном благодаря этим мерам через восемь недель после своей высадки Наполеону удалось собрать 280 000 солдат, а через шесть месяцев ожидалось еще 150 000, так как снова был призван разряд 1815 года.

Военное положение Франции действительно было угрожающим. Через какое-то время союзники поставят под ружье от 800 тысяч до одного миллиона человек, тогда как Наполеон в лучшем случае мог рассчитывать собрать только половину этого количества. Восточные границы Франции простирались от Северного моря до Средиземного, и противник мог выбрать любую точку для нападения. Это преимущество было полностью оценено союзниками, которые намеревались осуществить нападение силами пяти армий, надеясь вынудить Францию раздробить свои малочисленные войска. Веллингтон со 110 000 союзных солдат должен был наступать от Брюсселя. Его левый фланг прикрывали 117 000 пруссаков фельдмаршала Блюхера, которые будут наступать на Намюр из района своей базы около Льежа. Одновременно 210 000 австрийцев Шварценберга выступают из Шварцвальда против района верхнего течения Рейна, а генерал Фримон еще с 75 000 австрийцев и итальянцев будет наступать на Ривьеру и угрожать Лиону. Последней на театре военных действий появится 150-тысячная армия русских под командованием Барклая-де-Толли, которая будет дислоцироваться в центральной рейнской области, служа стратегическим резервом или маневренным «кулаком» для остальных четырех армий. Когда все эти армии займут исходные положения, одновременное наступление их на Париж и Лион раздавит французов одним лишь своим перевесом в численности этих сходящихся армий.

На бумаге эти планы выглядели очень внушительно, однако к концу мая единственными силами союзников, действительно находящимися на местах, были только армии Веллингтона и Блюхера. Австрийцы могли достигнуть Рейна никак не раньше июля, а русские, конечно, позднее. Очевидно, что время являлось решающим фактором для обеих сторон. На совещании с Веллингтоном в Тирлемоне 3 мая Блюхер настаивал на том, что нужно начать немедленное наступление силами 210 тысяч человек, уже имеющихся в Нидерландах, однако его все-таки убедили ждать прибытия других армий союзников.

Наполеону приходилось выбирать между двумя решениями. Исходя из предположения, что противник не сможет приблизиться к оборонительным сооружениям Парижа всеми силами ранее середины августа, император мог бы использо-

вать это двухмесячное затишье для набора и обучения новых солдат, с тем чтобы со временем сосредоточить основное ядро армии в окрестностях столицы, между Сенной и Марной, — и на этот раз имея уже 200 000 человек в своем распоряжении, вместо 90 тысяч, как было в предшествующем году. Если принять эту оборонительную стратегию, то в начале августа французская армия была бы дислоцирована так, чтобы встретить ожидаемый удар союзников на двух участках: 116 000 солдат в непосредственных окрестностях Парижа и еще 25 000 у Лиона, поддерживаемые двумя полевыми армиями — 240 000 на севере, 60 000 на юге. Так как союзникам придется направить около 200 000 солдат для гарнизонной службы и охраны коммуникаций, у них останется 350 000 для наступления на Париж и, вероятно, 80 000 солдат, чтобы угрожать Лиону.

Может быть, эти расчеты и были слишком оптимистическими, но оборонительная стратегия могла бы обеспечить хотя бы временный паритет в численности, пусть и ценой неизбежного оставления больших участков территории Франции.

Альтернативное решение заключалось в немедленном наступлении против союзных сил в Нидерландах. Этот план имел и свои трудности, и свои преимущества. Главной проблемой явно была численность армии. К июню Наполеон мог ожидать наличия лишь 125 000 солдат для наступления на северной границе, вероятно, против 290 000 союзных солдат, руководимых самыми талантливыми генералами коалиции. Тем не менее возможный результат внезапного успеха на этом театре казался ослепительным. Решающая победа могла бы одним ударом надежно сплотить французское общество вокруг императора и ослабить волю коалиции к борьбе. Поражение англо-голландской армии почти определенно вызвало бы профранцузскую революцию в Бельгии, которая превратилась бы в ценный источник поставки рекрутов, а гибель военной репутации Веллингтона вполне смогла бы привести к падению торийского правительства лорда Ливерпула в Англии. Любое же правительство, составленное из виггов, будет более склонно к заключению мира. Кроме этих политических выгод, очистка северо-восточной границы позволит императору сосредоточить свои силы против наступающих австрийцев и русских в окрестностях Вогезов. По мнению Наполеона и его штаба, этот дерзкий план гораздо больше отвечал французскому национальному характеру.

Еще одно обстоятельство решило дело в пользу немедленного наступления Наполеона. Политические противоречия между Англией и Пруссией были общеизвестны, и французские разведывательные органы вскоре узнали, что это приводит к важным военным последствиям. Вместо того чтобы пользоваться единой системой коммуникаций, каждая из двух армий в Нидерландах организовала по отдельности собственную. Коммуникации Веллингтона шли от Брюсселя через Нинове и Алст к Остенде и Ла-Маншу, Блюхера — от Льежа в Центральную Германию. Внезапный удар против «звена», соединявшего районы сосредоточения обеих армий, вполне смог бы заставить отступить одну из них или обе вдоль расходящихся линий коммуникаций. Это вызвало бы возникновение все увеличивавшейся брешы между союзными армиями и дало бы Наполеону возможность нагнать и разбить поочередно каждую, имея местное преимущество в численности, используя прославленную подвижность французской армии, чтобы преодолеть разделявшие их расстояния. Такова в основном была сущность французского плана кампании в Нидерландах, основанная на стратегии «центрального положения». Пока происходила организация этого удара, генералы Рапп, Ламарк, Лекурб, Сюше, Брюн, Клозель и Декан будут удерживать границы и подавлять любые пробурбонские внутренние мятежи (один уже начался в Вандее).

Неизвестно, когда было принято окончательное решение, но 13 мая император в письме к маршалу Даву, военному министру, затребовал сведения о дорогах, ширине рек и каналов, наличии понтонов и повозок и о ближайшем сроке, к которому могут быть сосредоточены понтонные мосты между Авенном и Лаоном. В ус-

ловиях величайшей секретности в первые дни июня были даны предварительные приказы, и вскоре начались первые, тщательно скрываемые передислокации войск к бельгийской границе.

Чтобы должным образом оценить план Наполеона и образцовое выполнение сосредоточения его войск, заслуживают изучения детальные диспозиции обеих союзных армий в первые недели июня. Главная армия фельдмаршала Блюхера состояла из 105 000 пехоты, 12 000 кавалерии и 296 пушек, разделенных на четыре корпуса. I корпус генерала Цитена дислоцировался около Флёрюса и Шарлеруа, II корпус генерала Пирха — около Намюра, III под командой Тильмана — у Сине и, наконец, IV корпус генерала Бюлова рядом с Льежем. Кроме этих войск, было еще 26 000 пруссаков генерала Клейста около Мозеля. Блюхер устроил свою ставку в крепости Намюр, отстоявшей не менее чем на 48 миль от герцога Веллингтона в Брюсселе. Для облегчения снабжения места расквартирования у него были даже еще более рассеяны по большому району, ограниченному водами рек Лис и Диль. Полевая армия Веллингтона была сводным соединением союзников, из которых только треть были британцы и которая состояла из 79 000 пехоты, 14 000 кавалерии и 196 пушек. Дополнительно имелось еще 17 000 солдат, дислоцированных в разных гарнизонах, где находились еще 26 пушек. Одним корпусом командовал принц Оранский из своей ставки в Брен-ле-Конт: он состоял из двух пар английских и голландско-датских дивизий. II корпус под командованием генерал-лейтенанта лорда Хилла дислоцировался около Ата и состоял из трех дивизий — двух британских и одной — союзников, усиленных голландско-бельгийской бригадой. Веллингтон имел резерв из 25 000 человек под своим личным командованием, находившийся близ Брюсселя (две британские дивизии, брауншвейгский корпус и контингент из Нассау), а лорд Эксбридж обеспечивал охранение силами тяжелой кавалерии и конной артиллерии около Граммона и Нинове.

Так как у Наполеона в Бельгии было много сторонников, французский штаб имел точные сведения, по крайней мере, об основном местонахождении этих сил, и он рассчитал, что каждому корпусу союзников понадобится не менее двенадцати часов, чтобы занять исходные позиции, а обеим армиям, вероятно, не менее трех дней, чтобы сосредоточиться в единую боевую группу. Наполеон намеревался успеть до этого переправиться через Самбру и занять положение, контролирующее жизненно необходимую рокадную дорогу, образующую главную коммуникацию, связывавшую обе армии. Северная армия должна была наступать, расчленившись на три части — два фланга и резерв. Тогда традиционная центральная позиция позволит французской армии сковать или обойти, выставив заслон, каждую союзную армию, а затем уничтожить их поочередно. Каждое крыло должно будет заняться отвлечением противника поблизости, пока император будет маневрировать резервом и любыми другими освободившимися войсками, чтобы напасть на каждого противника по очереди. Если союзники попытаются выдвинуться для сосредоточения на рубеж между Госсели и Франом (это будет свидетельствовать об их опрометчивости), Северная армия сможет уничтожить головные части наступающих колонн, однако император считал, что это маловероятно. Вначале Наполеон наметил пруссаков в качестве первой жертвы на том основании, что они более активны, чем британцы, и, будучи, несомненно, одержимы «гусарским комплексом» Блюхера, попытаются сомкнуться с Веллингтоном, если им дать свободу маневра. Непосредственная цель и детали этого плана претерпевали изменения несколько раз в силу развития событий после начала наступления или по желанию императора, но общий замысел допускал значительную гибкость.

Успех плана только частично зависел от элемента начальной внезапности. Скорость нападения была также жизненно необходима. Если Наполеон застигнет союзников в начальных фазах их сосредоточения, он сможет захватить важнейшие пересечения дорог быстрым наступлением. Была обеспечена практически полная

неожиданность. Седьмого июня на всю деятельность в пограничных областях была наложена полная засекреченность. По мере того как тактические соединения передислоцировались, снимаясь со своих пограничных позиций, их место незаметно занимали национальные гвардейцы. Тщательно контролировались все перемещения гражданских лиц, была приостановлена доставка и отправление почтовых сообщений, рыболовецким судам было приказано не выходить из портов. Император подчеркивал важность этих мер безопасности в депеше маршалу Сульту от 7 июня: «Дайте строжайшие приказы о закрытии всех средств связи на фронтах Северной, Рейнской и Мозельской армий: нельзя пропустить ни одной кареты или дилижанса. Потребуйте величайшей тщательности, чтобы не допустить попадания за границу ни единого письма, если это возможно. Поговорите с министрами полиции и финансов и заставьте их проинструктировать своих сотрудников, чтобы те перехватывали абсолютно все сообщения» (5).

В результате этих жестких мер до прусского штаба не дошло ни одного сообщения о том, что совершается, вплоть до 14 июня. Хотя и были ранние указания на большое сосредоточение войск около Бомона (французские костры, замеченные патрулями Цитена, и затем подтверждение генерала Бурмона, дезертировавшего к союзникам 15 июня), были приняты только местные предупредительные меры. В случае сильной атаки через Самбру генералу Цитену были даны приказы отступить от Шарлеруа и границы к Флёрюсу, а другие три командира корпусов имели распоряжения начать выдвигаться к Флёрюсу для встречи предположительно отступавшего I корпуса и защищать восточный конец жизненно важной рокады. Однако не было дано приказов на уничтожение мостов через Самбру. Веллингтон большую часть дня 14 июня был в полном неведении о начале событий. Масса фальшивых слухов, распространявшихся агентами Наполеона, совершенно сбивала с толку, и только к полудню 15-го герцог узнал о том, что происходит. Но было уже поздно.

Сосредоточение французских войск для наступления было начато 6 июня и было практически закончено к тому времени, когда император достиг своего выдвинутого вперед командного пункта у Бомона 14 июня. Блестяще работал штаб, добившись скрытного сосредоточения пяти корпусов, императорской гвардии и кавалерийского резерва в зоне площадью 30 квадратных километров из исходного района сосредоточения 200 квадратных километров. Что касалось живой силы, дело шло о передислокации 80 000 пехоты, 22 000 кавалерии, 11 000 артиллеристов и саперов и 366 пушек¹ из таких отдаленных мест, как Мец, Лилль и Париж. Наступающие корпуса были поделены на три мощные колонны, готовые к выдвигению за Самбру, намеченному на утро 15 июня. Левое крыло, состоявшее из I корпуса д'Эрлона и II корпуса Рейля, передислоцировалось из Лилля и Валансьена к Сорсьюр-Самбр. Резерв и часть правого крыла были направлены на Бомон — местонахождение ставки. Императорская гвардия, вышедшая из Парижа только 8 июня, встала бивуаками за городом, а Лобау (генерал Мутон) подтянул VI корпус (от Лана) на расстояние одной мили от фронта, тогда как Вандамм, вышедший с III корпусом из Мезьера, устроил лагерь еще ближе к границе. Оба эти корпуса образовали правое крыло Северной армии, причем генерал Жерар сосредоточил своих солдат около Филиппвиль. Тем временем маршал Груши развернул четыре корпуса кавалерийского резерва (Пажоля, Эксельманса, Келлермана и Мийо) между городами Бомон и Валькур, так как на нем лежала ответственность за блокирование границы

¹ Численность соответствующих французских и союзных войск была следующей:

	Батальоны	Эскадроны	Батареи
Французы	175	180	50
Англичане	133	109	34
Пруссаки	136	1137	41

(Примеч. автора.)

накануне наступления, которое и должны были возглавить его эскадроны. Таким образом, Северная армия покрыла расстояние 30 километров за ночь на 14 июня. Блестящее осуществление этого сосредоточения уже дало Наполеону значительное преимущество перед союзниками даже до первого выстрела: рассыпанные по множеству кантонир-квартир, они и не знали о том, что их ждет.

Несмотря на это начальное преимущество, французская армия имела основания тревожиться, и причиной этих тревог были недостатки некоторых старших командиров. Наполеон несет полную ответственность за это, так как только он осуществлял назначения на высшие посты. В возрасте 46 лет император должен был быть еще в расцвете сил; его ум был таким же острым, а реакции так же молниеносны, как и раньше, но физически он не был в форме после года относительно праздного житья на Эльбе, а нагрузка последующих семидесяти двух часов не могла не сказаться на его способности принимать верные решения в критические моменты.

Сама блестящая неожиданность, заключенная в его плане, делала необходимым владение полной информацией о событиях во всех секторах, а во времена до беспроволочного телеграфа и радио это неизбежно означало многие часы в седле. Необходимость этого усиливалась в некоторой степени недостатками его непосредственных подчиненных. Начальником штаба Наполеон назначил маршала Сульта, имевшего громадный опыт боевых действий в Испании, но никогда ранее не служившего на теперешней должности. Бертье, наполеоновский «серый кардинал», участник стольких кампаний Великой армии за предыдущее десятилетие, погиб 1 июня, по слухам, выбросившись из окна верхнего этажа дома в Бамберге; но даже до получения этого известия герцог Далматский (Сульт) был назначен на высшую штабную должность. Сульт прежде всего был человеком действия, который мог бы неизмеримо лучше быть использован в роли командующего одним из флангов армии — особенно против своего старого врага Веллингтона. На Сульта должна быть возложена ответственность за сделанные в течение последующих дней ошибки и за нечеткие формулировки его письменных приказов, что, в своей совокупности, создало много трудностей для Наполеона.

Точно так же неудачен был выбор командующих обоими флангами. Маршалу Нею, «храбрейшему из храбрых», было поручено командовать левым крылом после полудня 15 июня, что явилось совершенно неподходящим назначением для воина, на которого все еще можно было положиться там, где требовалась отвага и энтузиазм в деле, однако от него нельзя было ожидать способности к хладнокровным стратегическим расчетам, которая требовалась от командира с большой самостоятельностью в действиях. Император не мог не знать о недостатках Нея. Еще в 1808 году он сказал, что маршал понимает наполеоновскую стратегию на уровне «мальчишки-барабанщика»(6), и, хотя в 1812 году «храбрейший из храбрых» заслужил наивысшую похвалу императора за действия во время отступления от Москвы, Мишель Ней, в сущности, так никогда и не смог стряхнуть с себя «военную усталость», порожденную ужасами и лишениями той кампании. Ему также больше не удалось найти достойной замены своему начальнику штаба барону Жомини, перешедшему на сторону союзников. В деле при Баутцене он продемонстрировал все свои недостатки.

Тем не менее решение Наполеона назначить Нея на столь высокую командную должность было продиктовано политическими соображениями. Ней был не только героем французской армии: он был еще бесценной пропагандистской фигурой в борьбе с Бурбонами. С одной стороны, это был расчетливый удар по престижу короля Людовика XVIII — ведь Наполеоном был использован бывший главнокомандующий Бурбонов. С другой стороны, такое высокое назначение могло убедить других, пошедших служить Бурбонам, что их дезертирство в 1814 году может быть прощено, если они снова начнут добросовестно служить Наполеону. Таким образом, с точки зрения политики многое говорило в пользу этого назна-

чения Нея в 1815 году. Но с военной точки зрения совершенно несомненно, что это оказалось минусом для дела Наполеона в последующие дни. В любом случае, слишком позднее прибытие Нея на фронт для занятия этой должности помешало ему познакомиться со своими солдатами и офицерами, прежде чем вести их в бой, что оказалось фатальным.

Совершенно необъяснимо и то, почему император поставил командовать правым флангом маршала Груши — талантливого кавалерийского генерала, мало знакомого с тактикой пехоты. И для него эта новая ответственность была несоразмерной с его способностями, особенно при встрече с таким искушенным противником, как старый вояка Блюхер.

Таким образом, как оказалось, Наполеон сделал ошибки в выборе своих трех главных военачальников, и это тем более необъяснимо, что им было не востребовано столько имевшихся талантов. Маршал Сюше был бы гораздо лучшим начальником штаба, чем Султ, но император настоял на том, чтобы отправить его командовать Альпийской армией, которой была поручена оборона Лиона. В июне это было важным, но второстепенным делом: судьба кампании должна была решаться на северном фронте. Еще более трудно понять, почему Наполеон не использовал маршала Даву в какой-либо активной роли. «Я не могу доверять Париж никому, кроме вас»(7), — писал император, но, назначая своего, вероятно, самого талантливого маршала военным министром и генерал-губернатором столицы, Наполеон жертвовал талантами опытного и одаренного полководца. Несомненно, Даву выполнял важную политическую роль в тылу армии, но именно он был бы идеальным противником Блюхеру у Линьи. Последним промахом императора было то, что он не использовал услуги короля Иоахима Мюрата — самого блестящего кавалериста-полководца в Европе. Вполне объяснимо, что незадачливый Неаполитанский король заслужил жестокое осуждение со стороны шурина за свое предательское поведение в предшествующем году; не улучшилось мнение Наполеона о нем и после того, как тот начал преждевременное и стратегически ненужное наступление неаполитанцев против австрийцев генерала Бьянки 15 марта 1815 года. Результатом был его собственный полный разгром в сражении при Толентино 2 мая, в результате чего были освобождены все австрийские силы в Италии для последующего выступления против Франции. Но это ни в коей мере не относится к его мастерству блестящего кавалериста. Тем не менее предложенная им сабля была категорически отвергнута его прежним повелителем. Вероятно, лучшей имеющейся заменой Мюрата был бы Груши, но он был почему-то отставлен от командования кавалерией.

Несомненно, у Наполеона были свои причины для этих непонятных назначений, но ответственность за их неправильные действия нес только он.

Да и в других отношениях Северную армию обступали опасные трудности. Страшная подозрительность и недоверие царили теперь между теми, кто оставался верным императору во время его поражения и изгнания, и теми, кто нарушил свою воинскую присягу и пошел служить Бурбонам. Эта атмосфера пропитывала все слои армии — от высших чинов до рядовых — и отрицательно отражалась на моральном духе Северной армии. По словам историка Уссе, армия 1815 года была «впечатлительной, критически настроенной, лишенной дисциплины и не доверяющей своим генералам, преследуемой страхом измены, и, вероятно, из-за этого склонной к внезапным припадкам паники; тем не менее она была проникнута воинственными устремлениями, любила войну ради нее самой, была обуреваема жадной мести; она была способна на героические усилия и бешеные импульсы: она была более порывистой, более возбудимой, более рвущейся в схватку, чем любая другая республиканская или императорская армия до нее или после. У Наполеона никогда ранее не было такого инструмента войны — одновременно столь грозного и столь хрупкого»(8). В самом деле, с большой долей вероятности можно утверждать, что Наполеон необъективно оценил качество своей армии,

полагаясь на нее с чрезмерным оптимизмом. Но к июню подошло время действовать; был избран путь, и по нему надлежало идти до конца.

В половине третьего ночи 15 июня первые французские войска снялись со своих бивуаков. Имея во главе двенадцать полков кавалерийской завесы, три огромные колонны начали движение по сходящимся направлениям на реку Самбру. Рейль — к Маршьену, д'Эрлон — к Тюэну, Вандамм, Жерар, Лобау и гвардия — на Шарлеруа. График наступления был тщательно разработан, чтобы избежать пробок и беспорядка на переполненных дорогах. Каждые тридцать минут следующее формирование должно было трогаться с места, направляясь к фронту. Последние части начинали движение около 8 часов. Все не имевшие военного назначения транспортные средства, включая кареты старших офицеров, должны были оставаться там, где были. За ведущим полком каждой колонны находились саперы, чьей обязанностью было следить за дорожными покрытиями и мостами, принимающими нагрузку такого интенсивного движения. Графики марша различных корпусов были рассчитаны по времени таким образом, чтобы авангарды колонн достигли Самбры одновременно на узком фронте менее пяти километров протяженностью. После того как переправа успешно закончится, одно крыло должно будет наступать в направлении Флёрюса, другое — Франа, тогда как резерв будет сосредотачиваться в самом Шарлеруа и вокруг него. В приказе на передвижение (14 июня) специально не упоминается о необходимости физически занять Катр-Бра или Сомбреф, находящиеся на крайне важной боковой дороге(9). Император, несомненно, был бы просто счастлив, если бы его противники оказались настолько опрометчивы, чтобы сосредоточиться еще ближе к нему.

Однако почти сразу стали проявляться плохая подготовленность новоиспеченных штабистов и недостатки отдельных командиров и их частей. Начался целый ряд досадных задержек, которые с течением времени нарушили все расчеты этого дня. Корпус генерала Вандамма оказался виновником первого нарушения, которое было, впрочем, результатом несчастного случая, а не отсутствия дисциплины. Генерал получил приказы от Сульта после значительной задержки. Когда они прибыли, командира корпуса не было в штабе, поэтому немедленно послали адъютанта найти его. Однако этот посланец имел несчастье упасть с лошади и сильно разбиться; в результате Вандамм получил свои приказы гораздо позднее. Поэтому головные части корпуса графа Лобау, следовавшие по дороге в соответствии с графиком, наткнулись на стоявшие войска Вандамма, и многие из них были еще на своих бивуаках. Отсюда дальнейшая задержка, пока расплелись две эти колонны. Результатом такой серии неприятностей было то, что III корпус достиг Шарлеруа в 3 часа дня вместо 10 утра. В свою очередь, это означало, что кавалерийская завеса Пажоля оставалась у Шарлеруа без поддержки большую часть утра. Потребовалось личное вмешательство императора в 11 часов, чтобы силами отряда гвардии вытеснить пруссаков Цитена из города и обеспечить надежный контроль за важными мостами через Самбру. Французам повезло, что ни одному офицеру союзников не пришлось в голову уничтожить эти мосты.

Тем временем Жерару было приказано направиться к мостам у Шатле, чтобы избежать вмешательства императора в нарушенные графики и навести порядок среди накапливающихся колонн у Шарлеруа. Однако и у Жерара возникло непредвиденное осложнение, когда генерал Бурмон, командовавший его головной дивизией, выбрал именно этот момент, чтобы дезертировать к союзникам. Внезапно лишившись своего командира, головные полки IV корпуса пришли в замешательство на некоторое время, соответственно пострадал и их боевой дух. Только на крайнем левом фланге одна французская колонна подошла к назначенному месту переправы точно по графику — Рейль действительно вошел в Маршьен в 9 часов утра. Но здесь произошла непредвиденная задержка — отряды из корпуса Цитена, защищавшие переправы, имели настолько сильные позиции, что смогли успешно удерживать

вать их до полудня. Поэтому начальное дебуширование Северной армии прошло неуверенно, и, если бы союзники догадались оставить достаточно сильное прикрытие мест переправ через Самбру, успех всей французской кампании мог вполне попасть под удар с самого первого ее часа.

Однако нет ни малейшего сомнения в том, что и Блюхер и Веллингтон — в особенности последний — были захвачены совершенно врасплох этим неожиданным началом большого французского наступления в общем направлении на Брюссель, причем Блюхер раньше, чем Веллингтон, был осведомлен о подготовке французов. Не только Цитен сообщил ему, что видел множество костров в направлении Бомона в ночь с 13-го на 14-е, но и перебежавший к нему генерал Бурмон тоже мог кое-что сообщить ему о намерениях Наполеона — во всяком случае, все относящееся к уже идущим переправам через Самбру. Хотя первые реакции пруссаков 14 июня были медленными, на следующий день прусский штаб приказал действовать согласно запасному плану, на который согласился и Веллингтон 3 мая, а именно — сосредоточивать прусские II, III и IV корпуса в Сомбрефе за завесой, обеспечиваемой отходящими соединениями Цитена. Поэтому пока Цитен, согласно полученным приказам, отступал от Самбры — две дивизии к Флёрюсу, одна в направлении на Госсели, — остаток прусской армии заспешил по дорогам от Намюра, чтобы их встретить. К 4 часам вечера 15 июня сам «старый боевой конь» лично достиг Сомбрефа. Хотя сосредоточение пруссаков шло, как планировалось заранее, тем не менее оно ставило армию Блюхера во все более опасное положение — ибо на войне одним из наиболее опасных маневров является сосредоточение войск в районе непосредственной близости к мощному наступающему противнику. Но даже откровения Бурмона не смогли убедить Блюхера в том, что его намерения диктуются безрассудной смелостью.

Опасность для Блюхера усугублялась еще и тем, что Веллингтон был застигнут еще более врасплох, чем его прусский союзник, и он даже еще не попытался немедленно перейти к выполнению плана от 3 мая (который предусматривал сосредоточение британцев и пруссаков ближе друг к другу), когда до него наконец медленно дошло значение происходящих событий. Большая часть 13 июня была проведена им на матче в крикет в обществе прелестной спутницы, и, вероятно, у «железного герцога» не было и мысли о вероятности начала операций. Ничего более серьезного, чем слухи, не дошло до него 14 июня, и только после 3 часов дня 15 июня, когда наступление Наполеона шло уже почти девять часов, Веллингтон получил точные сведения о серьезной атаке французов на некоторые прусские сторожевые посты около Тюэна (в 8 милях к юго-западу от Шарлеруа). В это время все еще не было получено официальных уведомлений от Блюхера. Отчасти из-за отсутствия сведений от своего союзника, отчасти из-за преувеличенной тревоги за собственные линии коммуникаций, идущие из Брюсселя к Монсу и от него к побережью Ла-Манша, Веллингтон сделал поспешное заключение о том, что «Бони» собирается выполнить стратегический охват своего обычного типа, желая отрезать британцев от побережья. Сообщения о некоторых вылазках французских войск из Дюнкерка и Лилля послужили к усилению этого убеждения. Это абсолютное непонимание истинного положения дел безусловно повредило репутации Веллингтона как стратега. Союзникам повезло, что им сошла с рук столь грубая ошибка; обычно было достаточно одного-единственного промаха, чтобы противник попал в руки Наполеону, а к 3 часам дня 15 июня главнокомандующие союзников уже ухитрились сделать две критические ошибки — по одной на каждого.

Находясь в столь серьезном заблуждении, Веллингтон отдал свои первые боевые приказы. Двум корпусам, составлявшим основное ядро его войск, было приказано сосредоточиться на заранее выбранных позициях западнее и южнее Брюсселя: кавалерийская завеса и пехота должны были выйти из Гента в направлении Ауденарде, чтобы следить за подступами к Монсу, пока II корпус Хилла сосредоточивается в районе

реки Дендер, а принц Оранский (I корпус) передислоцирует три свои дивизии к Энгену, Суаньи и Нивелю соответственно. Одновременно лорд Эксбридж должен был сосредоточить свою кавалерию около Нинове в тылу, а резерв, находящийся в Брюсселе, получил указания быть в постоянной готовности к маршу.

Центр тяжести армии Веллингтона был намеренно смещен к западу от Брюсселя — то есть сосредоточение совершилось в направлении к *внешнему* флангу, тогда как жизненно важное соединяющее звено с пруссаками к востоку (и в особенности ключевая позиция Катр-Бра) вообще не получило никаких войск. Другими словами, вместо сосредоточения на *внутреннем* фланге, как было заранее согласовано с Блюхером, Веллингтон дал приказы на передислоцирования, которые на деле еще увеличат расстояние между двумя армиями, и тем самым сыграл на руку Наполеону. Трудно найти какое-то убедительное оправдание для ошибки Веллингтона. Анализ французских интересов мог бы сразу показать герцогу, что Наполеон едва ли когда-нибудь стал атаковать открытый британский фланг, так как общим результатом такого действия было бы отгеснение британцев к пруссакам, создающее крайне нежелательное для французов численное превосходство союзников против Северной армии. Как бы то ни было, таковы были приказы, данные Веллингтоном после полудня 15 июня, поэтому весь вечер и ночь войска отправлялись для их выполнения.

Тем временем французские войска изо всех сил старались наверстать упущенное время из-за задержек утреннего развертывания за Самбру. Маршал Ней прибыл на фронт (несколько запоздав), и император тут же перепоручил ему командование левым крылом. После полудня Северная армия постепенно восстанавливала свои духовные силы и рьяно укрепляла свои точки опоры на северном берегу Самбры. После полудня Наполеон дал устные приказы Нею и Груши. Первый должен был взять I и II корпуса (вместе с гвардейской кавалерией Лефевра-Денуэтта) и наступать по дороге на Брюссель, а Груши с III и IV корпусами и добавлением кавалерии должен был выступить по дороге на Флёрюс и занять Сомбреф. Резервы (VI корпус и императорская гвардия) тем временем сомкнутся у Шарлеруа, как только колонны фланга Груши очистят город. Неизвестно, было или нет приказано Нею специально занять Катр-Бра. В приказе по соединению, отданном вечером 15 июня, есть фраза: «Император назначает князя Московского командующим левым флангом, и он в тот же вечер должен устроить свой штаб у Катр-Шмен на брюссельской дороге»(10). По-видимому, это позволяет предположить, что Наполеон все-таки упоминал о такой цели, но в любом случае наступление силами левого крыла целиком зависело от такого же успеха на правом фланге. Нет сомнения, что больше всего в задержке развития наступления во второй половине дня и вечером 15 июня виновен Груши. В самом деле, император был настолько возмущен медленным продвижением Груши к Флёрюсу, что он лично прискакал к Жийи, чтобы помочь своей энергией операциям правого крыла (5.30 вечера). Как всегда, присутствие Наполеона оказало желаемое действие, и вскоре окраины Флёрюса были отбиты у Цитена в жестокой схватке.

Приблизительно в это же время корпус Рейля, возглавлявший колонну Нея, очистил Госсели от противника. Но затем всю французскую армию охватила какая-то мертвящая пассивность. Вместо того чтобы наступать всеми имеющимися войсками к Франу и Катр-Бра, маршал Ней решил остановить корпус Рейля к северу от Госсели, чтобы дожидаться подхода д'Эрлона. Он также пожелал узнать, как идут дела на правом фланге, прежде чем наступать дальше. Поэтому вперед к Франу была выслана только кавалерия Лефевр-Денуэтта, чтобы выяснить, как обстоят дела. Когда 2000 кавалеристов приблизились к городу, они внезапно попали под огонь неизвестных войск, которые отступили на север от города. Лефевр-Денуэтт осторожно последовал за противником к Катр-Бра, но вскоре попал под еще более тяжелый огонь батареи из 8 пушек и невыясненного количества пехоты, расположившейся по обеим сторонам дороги. Хотя маршал Ней выслал по его просьбе

батальон пехоты, высокие колосья на ниве в окрестностях не позволяли определить даже приблизительную численность противника, и Лефевр-Денуэт решил отказаться от продолжения наступления. К 8 часам вечера Ней позволил солдатам расположиться лагерем на ночь, и вскоре длинная линия палаток и бивуаков растянулась по всей дороге от Франа до Госсели и далее к Маршьену.

Приблизительно в это же время приостыл и боевой пыл у Груши. К сумеркам его пехота и кавалерия также заночевали на обочине дороги с юга от Флёрюса до Шатле, хотя немалая часть IV корпуса Жерара провела ночь на южном берегу Самбры. Соединительным звеном между двумя крыльями французской армии были кавалерия генерала Пире (около Неппиньи) и дивизия Жирара из II корпуса Рейля (рядом с Ванжени). Тем временем резерву тоже было приказано встать на отдых. Императорская гвардия разместилась между Шарлеруа и Жийи; армейские парки и корпус Лобау — на южном берегу Самбры, причем последний находился на расстоянии 4—5 миль от реки.

Около 9 часов вечера усталый Наполеон приехал верхом назад в штаб-квартиру в Шарлеруа. Заботы этого дня продержали его в седле не менее чем пятнадцать часов, и едва ли у него была передышка. Однако у императора имелись основания быть удовлетворенным: ночь застала его армию компактно остановившейся на ночь в трех близко расположенных колоннах, причем все войска заняли площадь немного более 100 квадратных миль, хотя несколько большая часть войск, чем вначале планировалось, осталась южнее Самбры. Более того, основные начальные цели были достигнуты (за исключением только Флёрюса и пересечения дорог у Катр-Бра). Прусский I корпус сильно пострадал, и мосты через Амбру были все целы. Таким образом, Северная армия была хорошо расположена, у самого стыка сфер влияния прусской и британской армий, и через несколько часов, к утру следующего дня, стратегическое вклинение будет завершено. Наполеон имел полную свободу направить свое главное усилие против любого фланга, где это было наиболее выгодно, так как центральное положение резерва идеально подходило для действий на любом фланге. Также были признаки того, что пруссаки все еще старательно наступают, все ближе подходя к роковой опасности, и, так как пока еще не было данных о приближении Веллингтона к этому критическому району, казалось вполне вероятным, что Блюхер будет изолирован. Успокоившись этими мыслями, император лег спать вскоре после девяти часов вечера, приказав разбудить себя в полночь.

Союзники в ответ на активность французов не приняли никаких серьезных мер. Попытки Веллингтона 15 июня расстроить планы Наполеона оказались несостоятельны. Его первый приказ имел целью подготовить свои войска к уходу от критического района. Позднее вечером запоздалое сообщение от Блюхера наконец открыло, что пруссаки наступают на Сомбреф всеми силами, однако эти новости ничуть не заставили герцога немедленно изменить свои основные диспозиции. В 10 часов вечера, прежде чем появиться на знаменитом балу, даваемом герцогиней Ричмондской в Брюсселе, Веллингтон отдал ряд новых приказов, которые в общем подтвердили сосредоточение к внешнему флангу, хотя район расположения различных дивизий получил более компактное очертание. 3-я дивизия Олтена была направлена к Нивелю, 1-я Кука — к Брен-ле-Конту, 4-я Колиля и кавалерия Эксбриджа — к Энгвиену. Резерв снова был предупрежден, что должен быть в готовности выйти маршем на Мон-Сен-Жан в любой момент, если это будет нужно. Это значило, что, какие бы приказы ни издал впоследствии Веллингтон, по меньшей мере половина его сил на следующий день все равно останется за пределами возможности эффективной поддержки у Катр-Бра. Герцога все еще преследовала навязчивая мысль о необходимости защиты дорог, ведущих от Монса и Ата к Брюсселю.

Ни в одном из этих приказов не было никаких упоминаний о выделении отрядов для удержания важнейших пересечений дорог. То, что французская кавалерия все-таки встретила противодействие между Франом и Катр-Бра вечером 15-го,

явилось исключительно собственной инициативой двух умных офицеров союзников, приготовившихся рискнуть и навлечь на себя гнев Веллингтона за неподчинение букве его приказов, но поступить все же согласно своему разумению, опираясь на свое лучшее знание местных событий.

Около 2 часов дня 15 июня начальник штаба принца Оранского генерал Констан де Ребек разрешил генералу графу Перпонше-Зедлицберту направить одну из своих бригад (под командованием принца Бернгарда Саксен-Веймарского) к Катр-Бра и далее. Таким образом, получилось, что головной батальон и единственная батарея конной артиллерии принца Бернгарда оказались в состоянии противодействовать наступлению Лефевр-Денуэтта на Фран. Впоследствии вся эта бригада наассаусцев (4000 пехоты и 8 пушек) была втянута в бой, когда поставленный под удар головной батальон отступил к главной позиции вдоль опушки леса Боссю, около мили к югу от Катр-Бра.

Получив сообщение об этом бое, Констан де Ребек сделал второй важный шаг, когда в 8 часов вечера разрешил бригадному генералу Биландту подтянуться от Нивеля на поддержку Бернгарда. Вскоре после отдачи этого распоряжения данный днем приказ Веллингтона достиг штаба I корпуса. В нем предусматривалось сосредоточение всей дивизии Перпонше в целом в Нивеле — в 8 милях от Катр-Бра. Начальник штаба (Молиа) показал этот приказ Перпонше, и тот, по собственной инициативе, разрешил игнорировать этот приказ своего главнокомандующего, но продолжать усиливать позиции у Катр-Бра. Как пишет генерал Фуллер, «этот акт умного непослушания спас Блюхера»(11) на следующий день, так как он предотвратил занятие Неем важнейшего перекрестка на рокадной дороге.

Этот акт ослушания также спас репутацию Веллингтона. Хотя его присутствие на балу у герцогини Ричмондской вовсе не было проявлением беззаботного или легкомысленного отношения к событиям (главным мотивом его присутствия там было, в сущности, желание вдохнуть побольше спокойствия в испуганное брюссельское общество), получилось так, что только утром 16-го Веллингтон понял всю серьезность положения. Прибыл курьер от генерала Дернберта, командующего кавалерийской завесой Веллингтона, которая действовала из Ауденарде, с сообщением, что нет никаких признаков движения противника к Монсу. Поэтому у Веллингтона были основания считать, что ранние признаки французского наступления в том направлении были не более чем демонстрацией. Дернберт далее смог подтвердить, что большая масса наполеоновской армии движется через Шарлеруа. Получение следующих донесений от принца Бернгарда Саксен-Веймарского у Катр-Бра и от маршала Блюхера у Сомбрефа наконец прояснило обстановку. Как описывает капитан Джордж Боулз из Колдстримского гвардейского пехотного полка, герцог вел себя с величайшим хладнокровием после получения этого тревожного известия: «Внезапно вернулся принц Оранский, как раз в тот момент, когда герцог Веллингтон занял свое место за обеденным столом, и несколько минут что-то говорил ему шепотом... После этого его светлость оставался за столом еще минут двадцать, а потом сказал герцогу Ричмондскому: «Пожалуй, мне пора уже лечь спать», а потом, желая ему доброй ночи, шепотом спросил его, нет ли в доме хорошей карты. Герцог Ричмондский сказал, что есть, и увел его к себе... Герцог Веллингтон закрыл дверь и сказал: «Черт возьми, Наполеон провел меня! Он опередил меня на сутки». Герцог Ричмондский спросил: «Что же вы намереваетесь делать?» Герцог Веллингтон ответил: «Я приказал армии сосредоточиться у Катр-Бра, но там мы его не остановим, и, если так, я должен дать ему бой здесь (в то же время проводя ногтем большого пальца по позиции у Ватерлоо)». Затем он попрощался и вышел из дома через другие двери»(12).

Пришпоривая коней, курьеры помчались с третьим пакетом приказов к замученным соединениям армии союзников. Наконец-то было разрешено сосредоточиваться на внутреннем фланге. Однако все эти марши и контрмарши не способство-

вали поддержанию порядка или уверенности в душах солдат веллингтоновской армии, и многие части были поставлены в тупик массой противоречивых приказов. Известный капитан Мерсер, офицер, командовавший эскадронам королевской конной артиллерии, чей дневник является весьма ценным свидетельством событий этой кампании, рассматриваемых глазами офицера относительно невысокого звания, крепко спал, когда его денщик внезапно разбудил его, вручив записку от помощника начальника штаба тыла дивизии по перевозкам. В ней предписывалось ему немедленно передислоцироваться с пушками и солдатами к Энглену. «Внезапность этого и необходимость быстро прибыть в назначенное место изрядно встревожили меня, так как, поразмыслив, я вспомнил о допущенных мною двух-трех оплошностях. Первая — все мои офицеры отсутствовали; вторая — всех моих повозок не было на месте; третья — целый отряд (одна треть моего эскадрона) был не здесь, а в Изерингене. «Пришлите ко мне старшину» — было моим первым приказом, пока я натягивал чулки. «Вызовите мистера Коутса (моего интенданта)» — вторым приказом, когда я натягивал штаны. «Уильям, поскорее мне завтрак» — было третьим, пока я их застегивал»(13). Однако мало-помалу замешательство в эскадроне Мерсера — и во всей армии союзников — улеглось, и дивизии Веллингтона наконец пустились в путь. Теперь главным вопросом оставалось — смогут ли они прибыть вовремя. Многие зависело от степени энергии и подъема, которые показал маршал Ней в его наступлении на пересечения дорог, но еще больше — от стойкости всего 8000 солдат, 16 пушек и 50 силезских гусар двух бригад Перпонше, являющихся единственными союзными войсками, удерживающими место назревающего кризиса. Подкрепления тоже вскоре уже были на пути, так как сразу после 7.30 вечера 16 июня «железный герцог» выехал из Брюсселя по дороге на Катр-Бра, а предшествовавший ему резерв направился по шоссе из Брюсселя к Мон-Сен-Жан.

Глава 89

ПОРАЖЕНИЕ БЛЮХЕРА

Начало ночи прошло спокойно для императора, находившегося в Шарлеруа. В полночь приехал маршал Ней, чтобы рассказать о дневных событиях в его секторе и получить приказы на 16 июня. Во время последовавших долгих обсуждений Наполеон внушил своему маршалу необходимость как можно раньше занять пересечение дорог у Катр-Бра. Затем оба разделили поздний ужин, и после ознакомления с последними донесениями из корпусов Наполеон ушел в свои апартаменты провести остаток ночи.

Из «Переписки» известно, что по крайней мере до 8 часов утра император был твердо убежден, что Блюхер начнет отступать, так как он не мог поверить, чтобы прусский главнокомандующий, пусть даже со всем своим знаменитым «гусарством», стал бы обдуманно напрашиваться на сражение, находясь на столь неприкрытой позиции около деревень Сент-Аман и Линьи. Наполеон был убежден и в том, что Веллингтон будет отходить в общем направлении на Брюссель, стараясь отгородиться от Северной армии и расстоянием, и временем, прежде чем рискнуть пойти на сражение. Взвесив все военные факторы, император поэтому решил, что нужно будет собрать все силы и вначале дать сражение «мсье Вилэнтону», с целью нанести ему тяжелое поражение или по меньшей мере отбросить его армию подальше от Блюхера. Но так как в равной степени было важно не дать Блюхеру сблизиться с армией Веллингтона, крыло Груши должно было провести предварительное наступление с целью захвата Жамблу и Сомбрефа, разрезав этим решающую боковую линию коммуникаций между союзниками.

Около 6 часов утра император продиктовал два важных сообщения своим подчиненным. Первое, адресованное Груши, обрисовало ближайшие операции, поскольку они коснутся правого крыла французов. Груши должен был решительно наступать на Сомбреф и Жамблу, втягивая в бой всех пруссаков, которые попадутся ему. В более поздний момент — пока еще не указанный — он должен повернуть часть своих войск, направив их по боковой дороге на помощь Нею в сражении решающего дня с Веллингтоном. «Если противник находится в Сомбрефе, я хочу, чтобы он был атакован; я хочу, чтобы то же самое произошло в Жамблу — и это место было бы тоже захвачено, так как я намереваюсь действовать против англичан силами моего левого фланга, подчиняющегося маршалу Нею... Все полученные мной донесения показывают, что пруссаки могут выставить против нас только 40 000 человек»(14). Вторая записка была послана маршалу Нею (князю Московскому). После повторения сути указаний, данных Груши, в ней следовал приказ Нею быть готовым к немедленному наступлению на Брюссель (вероятно, в этот вечер) — *как только резерв прибудет к нему* и как только император примет окончательное решение.

Вполне вероятно, что причина необъяснимой медлительности маршала Нея утром 16 июня кроется в этих двусмысленных фразах. Пока же, продолжает Наполеон, Нею должен поместить одну дивизию в пяти милях северо-западнее Катр-Бра, оставить шесть дивизий в самом Катр-Бра, а еще одну выслать в направлении Марбе (на восток) для связи с Груши. Нею также сообщалось, что в силу административных соображений кавалерийское соединение Келлермана будет прислано для замены Лефевр-Денуэтта, собственно принадлежащего императорской гвардии. Наконец, в попытке сделать все ясным для тугодума — контуженного князя Московского — Нея, — император добавил знаменитые строки, раскрывающие главную стратегическую и относящуюся к «большой тактике» концепцию, лежащую в основе его плана кампании. «Для этой кампании я принял следующий генеральный принцип — разделить мою армию на два крыла и резерв... Гвардия образует резерв, и я введу его в действие на любом крыле, как будет диктоваться обстоятельствами... Также в зависимости от обстоятельств я буду брать войска с одного фланга для усиления своего резерва». Намекнув, что «происойдут определенные события» (лукавая манера императора предсказывать вероятность большого сражения), Наполеон приказывает своему подчиненному быть все время настороже, в готовности быстро и беспрепятственно двинуться на Брюссель»(15).

Прошло два часа, пока в штабе готовились, подписывались и вручались эти документы, но едва адъютанты успели выехать из императорской ставки, как пришло донесение от Груши, в котором говорилось, что его кавалерийская завеса заметила большие колонны прусских войск, наступающих на Сомбреф с общего направления от Намюра. Все еще не в состоянии поверить, что Блюхер намеренно идет на большое сражение в столь невыгодном для себя неприкрытом положении, Наполеон вначале отверг эти данные как скорее всего неверные и отправился, как он и намеревался, во Флёрюс. Прибыв туда, думал Наполеон, он сможет увидеть обстановку собственными глазами и затем внести в план любые изменения, которые будут необходимы. Поэтому к 11 часам императорская «малая ставка» присоединилась к корпусу Вандама, который был подтянут к окрестностям Сент-Амана фронтом против войск Цитена. Хотя он все еще считал эти прусские войска лишь арьергардным корпусом, оставленным позади Блюхера для прикрытия общего сосредоточения к тылу, Наполеон решил атаковать их, как только будет возможно. Сразу же был изменен весь общий план действий французов. Главное внимание их будет обращено 16-го на Блюхера, коль скоро он так любезно подставил часть своей армии под удар Наполеону. Операции Нея против Брюсселя и Веллингтона будут второстепенными — во всяком случае, на это время — по отношению к действиям, которые должны были вот-вот начаться против пруссаков. Большое событие дня поэтому произойдет на правом фланге французов, вместо левого, как было решено ранее.

Однако оказалось невозможным немедленно начать атаку против позиции у Линьи. Во-первых, IV корпус Жерара все еще был значительно удален от Вандама, а до его прибытия численность французов была недостаточной, чтобы обеспечить успешный исход боя. Силы резерва тоже находились на некотором расстоянии от поля боя, хотя императорская гвардия уже была на пути к нему, свернув лагерь в 4 часа утра и выйдя на дорогу через Жижи на Флёрюс. Но VI корпус Лобау не получил вообще никаких приказов, и он все еще стоял на окраинах Шарлеруа — серьезное упущение, исправить которое император решил гораздо позднее. Если бы только Наполеон серьезно воспринял первое же сообщение Груши и начал общее сосредоточение (пусть даже только временное) в направлении к Линьи, тогда не возникло бы этих досадных задержек. С другой стороны, если бы император преждевременно открыл свои намерения 16-го, вполне могло случиться так, что колонны Блюхера, идущие на поддержку Цитена, могли остановиться с целью избежать сражения. В сложившемся положении остальная часть утра была использована французами для размещения на позиции 68 000 человек (корпуса Вандама и Жерара), кавалерийских соединений Пажоля и Эксельманса (12 500 сабель) и установки 210 орудий.

Тем временем на прусской стороне «ничейной земли» тоже были видны активные приготовления. Утром на позиции находилось только 32 000 солдат Цитена, но вскоре после полудня появился генерал Пирх с таким же количеством солдат для поддержки, за ним прибыл около 3 часов дня Тильман еще с 29 500 солдатами. В должное время эти 84 000 пруссаков (сюда входило и 8000 кавалерии) разместились вместе со своими 224 пушками вдоль семимильного оборонительного рубежа, большей частью проходившего вдоль болотистого русла речки Линьи. В линию фронта вошло не менее десяти сел и деревушек, из которых каждая служила миниатюрной крепостью или опорным пунктом, после того как в стенах домов и хозяйственных строений были проделаны бойницы. Из-за крайне болотистого характера берегов речки прусский штаб рассчитал, что французы смогут переправляться только по трем-четырем мосткам, имеющимся у деревень. Тем не менее это была слишком растянутая позиция, чтобы ее могли удерживать 84 000 человек, с точки зрения военной теории тех времен, требовавшей, как правило, 20 000 человек на каждую милю фронта. Очевидно, Блюхер и Гнейзенау рассчитывали на подход IV корпуса Бюлова численностью 31 000 человек (хотя на самом деле это соединение оказалось слишком удаленным, чтобы быть в состоянии участвовать в этом сражении), а также на запоздалое уверение Веллингтона (дано им в 1.30 дня), что он придет к ним на помощь, если только на него самого не нападут. Следуя своему обычаю, пруссаки подтянули основную массу своих войск на открытые передние склоны холмов над речкой. Это обещало тяжелые потери от огня французской артиллерии, и так оно и произошло в начале сражения.

После полудня, убедившись, что положение у Катр-Бра достаточно спокойно — по крайней мере, на данное время, — Веллингтон нашел время съездить верхом к прусским камрадам. Одетого в простой синий мундир без знаков различия, в обыкновенной шляпе о двух углах с тремя перьями, его вначале не узнали войска, мимо которых он проезжал. Он встретился с Блюхером около часу дня на мельнице в Бюсси. «Находясь на холме, Веллингтон мог видеть наши позиции во всех направлениях, — вспоминает подполковник фон Райхе, начальник штаба у Цитена, — и он спросил, какие мероприятия выполнены или проводятся. В этот момент мы заметили вдаль группу французов, среди которых мы ясно различили Наполеона. Может быть, глаза трех величайших военачальников века встретились друг с другом»(16).

«Железный герцог» не был особенно ободрен тем, что он увидел. «Я сказал прусским офицерам, в присутствии Хардинга (британский представитель при штабе Блюхера), что, по моему мнению, неблагоприятна эта неприкрытость выдвинутых колонн, да, собственно, и всей армии, от обстрела противника, делающая их

мишенью для огня французов. Болотистые берега речки не позволят им переправиться и атаковать французов, тогда как те хотя и не способны атаковать их, но имеют все возможности обстреливать их и разнести в клочья, после чего смогут напасть на них, пройдя по мостам у деревень. Я сказал, что, будь я с английскими войсками, на месте Блюхера я бы отвел все колонны, которые я вижу рассыпанными впереди меня, и скрыл бы больше войск в неровностях рельефа. Однако они считали, что им виднее, так что я вскоре уехал от них»(17). Блюхер поступил бы очень разумно, если бы прислушался к советам Веллингтона и лучше использовал естественные укрытия, созданные ближайшими склонами с обратной стороны холмов. Однако гордые пруссаки считали, что гораздо важнее дать своим солдатам хорошо видеть противника. «Ну, я еще приеду: при условии, что на меня самого не нападут», — была прощальная фраза герцога.

Тем временем, следуя своему всегдашнему обычаю перед сражением, Наполеон провел самостоятельную разведку и объезжал фронтные части, вдохновляя солдат.

Тщательное изучение неприятельских позиций выявило дополнительные массы прусских войск, занимающих позиции — одни в тылу позиций Цитена (то есть II корпус Пирха), другие — в общем направлении Сомбрефа и Мази (III корпус Тильмана). Наполеон в восторге отвел от глаза зрительную трубу и энергично сложил ее: в конце концов, пруссаки явно напрашивались на большое сражение! Да еще будучи отнюдь не в самом выгодном положении. К 3 часам дня надежды императора полностью оправдались — противник действительно сосредоточивал все свои силы. Даже до окончательного подтверждения этого Наполеон уже начал давать общие инструкции по будущему сражению. План был типичен по своей концепции. Кавалерия Пажоля и Эксельманса проводит операцию по нейтрализации 24 000 пруссаков на левом фланге Блюхера. Корпуса Вандамма и Жерара атакуют фронтально центр и правый фланг прусской позиции по всей линии. Тем временем как можно большая часть сил Нея подходит от Катр-Бра по боковой дороге (Наполеон исходил из того, что Ней, князь Московский, должен был уже давно овладеть этим стратегически решающим перекрестком), готовая обрушиться и уничтожить тыл правого фланга пруссаков примерно около 6 часов вечера. Затем в последнем акте вперед будет послана императорская гвардия, которая взломает фронт Блюхера и одержит победу. Если бы этот план осуществился, как ожидалось, две трети армии Блюхера будут безнадежно разбиты, если не совсем уничтожены: его левое крыло будет вынуждено отступить к Льежу — другими словами, все дальше и дальше от Веллингтона, который, таким образом, на следующий день окажется в одиночестве перед всей боевой мощью Северной армии.

В 2 часа дня маршал Сульт составил приказ Нею. «Намерение Его величества заключается в том, чтобы вы атаковали любые силы, находящиеся перед вами, и после их оттеснения вы повернетесь в нашем направлении, чтобы осуществить окружение войск противника, о котором я вам уже сказал (то есть Блюхера). Если он будет опрокинут первым, тогда Его величество совершит маневр в вашем направлении, чтобы таким же образом помочь вам в вашей операции»(18). Этим иллюстрируется теоретическая гибкость построения «два крыла и резерв»; но на практике оно сработало не так хорошо. Общий успех у Линьи в немалой степени зависел от того, насколько точно, в нужный момент и в нужном месте, вступит в действия Ней, а так как совершенно нельзя было предсказать, насколько ему может помешать Веллингтон, весь план покоился на не совсем надежных посылках. С другой стороны, плоды успеха — если он будет достигнут — были просто ослепительны. «Через три часа исход кампании будет решен, — заметил император. — Если Ней пунктуально выполнит приказ, пруссакам не удастся спасти ни одной пушки; мы будем забирать их в ходе атаки»(19).

Слишком часто сражения у Катр-Бра и Линьи рассматриваются лишь в виде каких-то предшествующих стычек, предвещающих битву при Ватерлоо, происшед-

шую двумя днями позднее. Такой подход совершенно недооценивает их значение — особенно в том, что касается сражения у Линьи, которое во многих отношениях является одной из ярких побед Наполеона. Если бы не неряшливое управление корпусом д'Эрлона и не отсутствие хорошо выполненного преследования разбитых пруссаков (первая ошибка обусловлена изъятиями в работе штаба и чисто ослиным упрямством Нея, вторая — некоторым недостатком энергии и дальновидности у самого императора), сражение у Линьи вполне могло бы явиться завершением кампании. Ибо ни Веллингтон, ни Блюхер никак не могли быть достойными соперниками Северной армии, если бы каждый из них в одиночку стоял перед всеми ее войсками. Только в случае объединения ими своих сил и совместного ведения боевых действий у союзников появлялся шанс на победу.

Как только корпус Жерара достиг Флёрюса (около часа дня), стало ясно, что момент начала боя уже близок. Но сражение у Линьи началось только в 2.30 дня. Кавалерия Груши на правом фланге пошла в наступление, чтобы сковать левый фланг пруссаков, выполнив эту роль с величайшей экономией сил и успехом. В это время Вандам вел наступление против деревень Сент-Аман и Линьи силами своих 8-й, 10-й и 11-й пехотных дивизий с поддержкой одной дивизии, выделенной из корпуса Рейля, которой командовал генерал-лейтенант граф Жерар. Целью Вандам было сковать правое крыло и центр Блюхера и этим уменьшить эффективную численность его передовых соединений, чтобы уже на ранних стадиях боя ему пришлось вводить в дело все большую и большую часть своих резервов. С самого начала сражение было ожесточенным; плотные массы прусского пехотного резерва несли тяжелые потери от французского обстрела. Вскоре стало видно, что они уже вытеснены далее расстояния, на котором могли бы оказывать непосредственную поддержку (мушкетным огнем) своим товарищам, которые с таким трудом удерживают фронт. Таким образом, они несли тяжелые потери, не оказывая никакой помощи.

Сражение за овладение рубежом речки Линьи и небольшими деревнями над ними шло ожесточенно и с переменным успехом. Капитан Шарль Франсуа из 30-го линейного полка, служивший в корпусе Жерара офицером, оставил яркое описание части титанической борьбы за Линьи, когда бригада, к которой он принадлежал, была введена в бой вскоре после 3 часов дня. «Полк перестроился в боевой порядок еще на марше, приблизившись на 200 ярдов к живым изгородям, за которыми скрывались тысячи прусских стрелков. Прозвучал сигнал к атаке, и солдаты полезли через изгороди. Оставшийся от 1-й бригады полубатальон, в котором был я, пробирался по дороге, заваленной упавшими деревьями, телегами, плугами и боронами. Мы перебрались через эти препятствия с большим трудом, так как нас поливали огнем пруссаки, прятавшиеся за густыми живыми изгородями. Наконец мы преодолели эти препятствия и, отвечая огнем, вошли в деревню. Когда мы дошли до церкви, наше продвижение было остановлено речкой, а противник из домов, из-за стен и с крыш наносил нам значительные потери, поливая и мушкетным огнем, и картечью, и ядрами, обстреливая нас прямо в упор и с фланга.

Почти тут же майор Эрвьё — командир полка и два командира батальона Ришар и Лафоли были убиты; еще один батальонный — по имени Блэн — был легко ранен, и под ним была убита лошадь; пять капитанов были убиты, три ранены; два адъютанта и девять лейтенантов и младших лейтенантов были убиты, семеро ранены, а рядовых было убито и ранено почти семьсот человек»(20).

Несмотря на эти огромные потери (полк Франсуа в итоге потерял не менее двух третей боевого состава), моральный дух французов оставался замечательно высоким. И когда генерал Ром (командир бригады) подбежал и призвал еще к одному усилию, солдаты повиновались, восклицая: «Vive l'Empereur!» Четыре раза батальон шел в атаку на Линьи, и его снова и снова отбрасывали. Но на пятый раз, под личным водительством генерала Рома пруссаков наконец заставили сдать свои передовые позиции.

В то время как 30-й линейный полк начинал свою первую атаку, император повернулся к Сульту и попросил его послать новый приказ Нею. Теперь было ясно, что основная масса армии Блюхера уже введена в бой. Французское левое крыло должно соответственно немедленно подтянуться и обойти пруссаков с фланга. Это послание, помеченное «Перед Флёрюсом, 3.15 дня, 16 июня, 1815 года», гласило:

«Маршал, час назад я писал вам, сообщая, что в 2.30 дня император предпринимет атаку против позиции, занятой противником между деревнями Сент-Аман и Бри. В настоящий момент бой в полном разгаре.

Его величество повелел мне сообщить вам, что вы должны немедленно совершить маневр с целью обойти правый фланг противника и нанести удар ему в тыл; судьба Франции в ваших руках.

Так, не колеблясь ни минуты, выполняйте маневр, предписанный императором, и направьте ваше наступление на высоты Бри и Сент-Амана, чтобы содействовать победе, которая вполне может оказаться решающей. Противник застигнут в самый момент проведения своего соединения с англичанами»(21).

Едва было отослано это письмо, как прибыли вести из Катр-Бра: оказалось, что Ней уже ведет бой приблизительно против 20 000 солдат противника. Таким образом, не могло быть и речи о том, что Ней сможет повести все свои силы на восток, обходя правый фланг Блюхера. Согласно большинству описаний этого сражения, Наполеон тут же нацарапал карандашом третий приказ, требуя от Нея только прислать I корпус д'Эрлона. К тому же, хотя и очень запоздало, император внезапно вспомнил о позабытых 10 000 солдат Лобау, которые проводили весь день у Шарлеруа, вообще не имея никаких распоряжений. Он немедленно приказал VI корпусу совершить марш к Флёрюсу, вероятно, для того, чтобы усилить боевую линию у Линьи и компенсировать неизбежный ущерб из-за отсутствия прямого участия Нея в сражении у Линьи. Непонятно, почему утром стратегический резерв не был выдвинут на промежуточную позицию у Мелле, откуда он мог бы легко вступить в любые боевые действия. То, что не был предпринят этот явно необходимый шаг, вызывает критику действий императора.

Что касается карандашной записки Нею, то по этому поводу возник оживленный спор. Подлинный документ не сохранился, и историк Бекке смело утверждает, что Наполеон вообще не писал его. Бекке доказывает, что скорее всего она была написана генералом де Ла Бедойером, одним из адъютантов императора, который, везя Нею дубликат одного из приказов Наполеона, встретил корпус д'Эрлона, направлявшийся на север вместо востока, и сам быстро написал приказ от имени императора, чтобы избежать ненужной траты времени. Тот факт, что Наполеон не имел понятия, чьи войска внезапно появились на фланге у Вандамма около 5.30 вечера, — за целый час до того, как можно было ожидать подкреплений, да к тому же совершенно в неверном направлении, — как будто подтверждает эту точку зрения. Однако генерал Фуллер и другие военные историки исходят из подлинности этой записки и считают, что ужасный почерк Наполеона свидетельствует о его состоянии, а причиной его гнева было невыполнение д'Эрлоном приказанных ему действий. Кто бы ни был автором этого злополучного послания, оно несомненно вызвало эти странные «прогулки» I корпуса и неучастие его в сражениях ни при Линьи, ни при Катр-Бра, хотя в обоих сражениях его помощь могла бы оказаться решающей.

Тем временем фронтальная атака у Линьи шла с таким же ожесточением, как и ранее. Сент-Аман-ла-Э переходил из рук в руки почти столько же раз, сколько и сам Линьи. Дивизионный генерал Жерар был убит у Сент-Амана, и со стороны IV корпуса потребовались геркулесовы усилия, чтобы захватить хотя бы часть Линьи. Однако, несмотря на тяжелые потери, общевойсковая тактика императора оказывала, как всегда, свое воздействие. К 5.30 вечера Блюхер был вынужден ввести в бой почти все свои резервы, тогда как у Наполеона еще было почти 10 000 свежих солдат: то есть 58 000 французских солдат успешно сковывали 84 000 пруссаков.

Император услышал, что вдали уже раздается гром пушек д'Эрлона, и решил, что пришел момент главного удара. «Пришлите гвардию», — последовал приказ, и к 6 часам внушительные ряды «бессмертных» были готовы нанести решающий удар. И здесь, в тот самый момент, когда Наполеон был готов отправить их в атаку, прибыл взволнованный генерал Вандамм, объяснивший, что у него на левом фланге появилась колонна неизвестных войск — численностью около 20 000 — и, вероятно, это войска противника. Непроверенное донесение одного-единственного разведчика о том, что «это — враги», совершенно выбило Вандамма из колеи, и среди солдат стала распространяться паника от воображаемой угрозы неизвестных точно сил. Наполеон знал, что ему нельзя рисковать в этот критический момент битвы: он остановил наступление гвардии и немедленно выслал дивизию Дюэма (молодой гвардии) для поддержки заколебавшихся рядов Вандамма, а несколько адъютантов полетели полным карьером расследовать, кто эти загадочные воины.

Во время столь неожиданной, но крайне желательной передышки генерал Блюхер делал все, что в его силах, для восстановления своей почти распавшейся линии, собирая все имевшиеся части для импровизированной контратаки. К этому времени прусский главнокомандующий примирился с тем, что Веллингтон уже не придет к нему в этот день на помощь, и он знал, что для того, чтобы выжить, ему нужно держаться из последних сил до темноты в надежде, что утром придут на помощь и Бюлов и Веллингтон. Прусские рядовые великолепно сражались, несмотря на то, что для многих это было первое сражение. Однако уже начинала сказываться огромная усталость солдат, тогда как неустрашимые французы бросались во все новые и новые атаки против разваливающихся прусских позиций.

К 6 часам исчезли самые серьезные опасения Наполеона. Вернувшийся адъютант доложил, что угрожающая колонна «врагов» на самом деле оказалась частью корпуса д'Эрлона. Почему ее командир не последовал установленному порядку и не выслал вперед дежурных офицеров с сообщением о своем прибытии, так никогда и не было объяснено. Император сразу послал другого адъютанта с приказом д'Эрлону изменить направление и двигаться к Ваньелю — то есть обратно на правильное направление своего наступления, чтобы занять нужное место для обхода фланга неприятеля. Однако вскоре этот офицер вернулся, чтобы сообщить пораженному императору о том, что ядро корпуса д'Эрлона уже возвращается назад к Катр-Бра и что только одна его дивизия (генерала Дюрютта) еще находится где-то недалеко от поля боя у Линьи. Поставленный в тупик этими необъяснимыми маневрами, император лишь пожал плечами и полностью обратился к решению непосредственной задачи перед своим фронтом. Она была достаточно сложна. Завершающий удар уже был отложен более чем на час, уже подступала темнота, корпус Вандамма еще не обрел боевой дух, и в довершение всего Блюхер выбрал именно этот момент, чтобы бросить в отчаянную атаку шесть батальонов и массу отбившихся солдат. Это нападение, возглавлявшееся лично фельдмаршалом, застало французов врасплох, пруссаки воспользовались этим и снова захватили часть Сент-Амана. Однако их успех был недолговечным. Хотя и с трудом, но французы все-таки собрались с силами, а у пруссаков не было никакой поддержки, чтобы развить успех. Молодая гвардия броском захватила Сент-Аман, прибыв как раз вовремя, чтобы поддержать моральный дух потрясенного III корпуса, который чуть ли не был на грани бегства.

К 7.30 вечера, когда стали спускаться сумерки, обстановка стабилизировалась. И наконец подошел момент для генеральной атаки. Был отдан приказ. Барабаны забили сигнал «К атаке!»; сомкнутые шеренги медвежьих шапок неумолимо двинулись вперед. Императорская гвардия приближалась двумя колоннами из сдвоенных рот, половина к западной части Линьи, другая половина — к восточной части деревни. Атакующую пехоту поддерживали 60 пушек справа, а сосредоточенные эскадроны тяжелой кавалерии следовали сразу за ними. Начался ливень, еще сильнее затемнявший видимость поля боя, на котором и без дождя почти ничего не

было видно из-за плотных облаков порохового дыма и спускавшихся сумерек. Однако дождь не оказывал никакого действия на отборных ветеранов французской гвардии; «бессмертные» штыковой атакой ворвались в Линьи. Под этим страшным напором прусская линия дрогнула, отпрянула и рассыпалась. Было восемь часов вечера. Сражение у Линьи было почти выиграно.

Но прусский командующий сделал все же одно последнее усилие. Отчаянно ища каких-нибудь способов прикрыть отход своей разбитой пехоты, 72-летний фельдмаршал Блюхер, всем известный под прозвищем «Старина Вперед» («Alt vorwärts»), которое дали ему его преданные солдаты, сам встал во главе 32 эскадронов кавалерии Рёдера и бросился с ними на императорскую гвардию. Это был опрометчивый, но прекрасный жест, оказавший, правда, весьма недолговечное действие. С прекрасно отрететированной точностью колонны и развернутые линии гвардии превратились в опоясанные огнем и ошестинившиеся штыками каре, и после краткого боя в 9 часов около мельницы Бюсси прусская кавалерия была отброшена.

Но не сам фельдмаршал. В самом разгаре боя под Стариной Вперед была убита лошадь, он был сброшен на землю и придавлен ею. Мимо прошумел поток битвы, и только единственный адъютант оставался рядом со сраженным фельдмаршалом. Дважды эскадроны французских кирасир проезжали чуть ли не по прусскому главнокомандующему, не разобрав в темноте, какая драгоценная добыча лежит меж копытами их коней. В конце концов верному адъютанту все-таки удалось отыскать помощь, и старого фельдмаршала почти без сознания высвободили из-под лошади. Вскоре Блюхера (все еще неузнанного) понесли в колонне его полностью деморализованных войск, уходивших на север, — тех самых, чье отступление было до некоторой степени прикрыто его отчаянной атакой.

Наполеон добился большой победы, но она не была окончательной. Хотя прусский центр был разбит, оба крыла остались относительно целы и под покровом тьмы продолжали уходить с поля боя. Если бы, как надеялись, появился бы д'Эрлон, или Лобау подошел бы вовремя, чтобы занять его место, или еще осталось бы два часа светлого времени, разгром был бы еще внушительнее и прусская армия неизбежно понесла значительно большие потери. В данном же случае они потеряли 21 пушку и более 16 000 человек во время сражения, а в следующую ночь около 9000 человек дезертировали, спасаясь бегством по направлению к Льежу. Предсказание Веллингтона, сделанное им Хардингу, о том, что, «если они будут сражаться здесь, их чертовски поколотят», оказалось верным.

Но результат мог бы быть неизмеримо большим. Как пишет Бекке, возможные следствия полного французского триумфа у Линьи едва ли могли поддаться учету. «Известие о подобной победе потрясло бы Европу до основания и в то же время вызвало бы во Франции такую волну энтузиазма, которая вознесла бы Наполеона к окончательной победе»(22). Но успех не был полным, и в силу ряда непродуманных решений и случайных событий, включающих почти чудесное спасение Блюхера, без чьей решительности и руководства едва ли могла быть выиграна битва при Ватерлоо спустя два дня, прусская армия смогла оправиться от почти полного разгрома с удивительной скоростью и гибкостью.

Французская же армия сильно пострадала. На поле боя осталось от одиннадцати до двенадцати тысяч убитых и раненых. Бремя событий этого дня сказалось и на императоре. С начала кампании Наполеон проводил долгие часы в седле и даже просто на ногах, рядом со своими войсками; хотя часто, может быть излишне, подчеркивали ухудшение здоровья императора, теперь не было сомнений, что он возвратился в свою ставку в Флёрюсе в 11 часов вечера 16 июня совсем больным. Может быть, месяцы ссылки на Эльбе изнежили его, возможно, давно развившаяся болезнь достигла стадии ухудшения. Какова бы ни была настоящая причина, у императора не было той стремительности и энергии, что были раньше, и теперь, поздно вечером 16 июня, вялый и больной император решил не давать

приказа на преследование разгромленных пруссаков. Как оказалось, это было роковой ошибкой, ибо в последующие часы французы потеряли из виду своего противника, и результаты этого оказались роковыми спустя два дня. Очевидно, Наполеон был уверен, что основная масса прусской армии уже не способна на реальное сопротивление в дальнейшем. Возможно также, что он опасался ночного подхода свежего корпуса Бюлова, который пока так и не появился, но который мог бы вызвать провал французского преследования в трудные ночные часы. Но самое главное — у него не было никаких известий от маршала Нея начиная с полудня, и представлялось осмотрительным отложить преследование на правом фланге, пока неизвестна судьба левого. Итак, осторожность победила, император удалился к себе на отдых, приказав Груши начать преследование на рассвете.

Хотя таким образом была отброшена великая возможность, события 16 июня на французском правом фланге были достаточно удовлетворительны: союзникам не дали соединиться, и Блюхер понес серьезное поражение. Если ничего не изменится, это означало, что Наполеон будет в состоянии использовать весь резерв против Веллингтона на следующий день. Два армейских корпуса полного состава — Друзэ д'Эрлона и Лобау — еще были свежими, так как не участвовали в этом сражении. А гвардия потеряла только 1000 человек. Таким образом, в ночь с 16 июня вероятность полной победы над армиями союзников в Бельгии была еще велика.

Глава 90

ОШИБКИ МАРШАЛА НЕЯ

Если события вокруг речки Линьи развились в классически разработанное сражение на измор неприятеля в силу совпадения решения Наполеона и имевшихся обстоятельств, то сражение Нея с Веллингтоном у Катр-Бра превратилось скорее в форму встречного боя — с вводом в бой все новых войск, с непрерывно колеблющимися шансами на успех или поражение, с большими ошибками и еще большей путаницей, с потрясающими примерами героизма и полного самопожертвования.

Возвратившись после полуночи со своего позднего свидания с Наполеоном, маршал Ней поехал провести остаток ночи 16-го в Госсели, не сочтя нужным дать какие-либо предварительные приказания своим подчиненным. Несомненно, Наполеон четко внушил ему, что скорейшее овладение Катр-Бра 16 июня крайне важно для его планов и что за этой операцией, по всей вероятности, последует наступление на Брюссель, после того как подоспеет резерв и войдет в соприкосновение с крылом Нея. У Нея должно было сложиться совершенно ясное представление о том, что его флангу l'Armée du nord предназначено выполнять самую важную роль 16 июня. Он никак не мог понять впоследствии (во всяком случае, ранее 6.30 вечера, когда стало слишком поздно), что обстоятельства в корне изменили очередность планов императора уже в середине дня, — и это непонимание явилось во многом причиной неразберихи и хаоса сражения, которые так обесценили успех у Линьи и у Катр-Бра. Но это ни в коем случае не оправдывало Нея за то, что он не приказал Рейлю готовиться к атаке рано утром 16-го, а д'Эрлону подтянуть свой корпус и быть готовым поддержать ее. Его можно обвинить в полном пренебрежении своими обязанностями по этим двум пунктам. Было уже 11 часов дня, когда Ней только начал отдавать приказы.

Отчасти это было виной и Наполеона. Шестнадцатого июня император тоже дал свои первые приказы не ранее 8.30 утра (его обычная практика в предшествовавших кампаниях была давать их около 2 часов ночи, так, чтобы они успели дойти на места к 6—8 часам утра), и, возможно, Ней желал получить письменное подтверждение устных указаний, которые он получил от императора ночью. Но даже

если это и так, то Ней все же проявил полное отсутствие инициативы и желания действовать; совершенно не было причин, помешавших бы ему дать предварительные приказы на сосредоточение своим корпусам. Его полная пассивность, отсутствие инициативы, указывает генерал Фуллер, так контрастируют со смелыми действиями генерала Перпонше накануне вечером, когда тот овладел Катр-Бра в прямом противоречии с письменным приказом Веллингтона!

В результате попусту прошли шесть драгоценных часов. Только в 11.45 утра Рейль начал организовывать своих солдат, выводя их на дорогу, по которой они медленно тронулись длинной колонной через Фран; генерал Пире в ее голове, за ним Башлю и Фуа; тыл замыкали войска принца Жерома Бонапарта. Все утро единственной силой, стоявшей против Ней, была одинокая дивизия Перпонше. Даже к 2 часам дня союзники все еще могли собрать только 8000 солдат и 16 пушек на важных пересечениях дорог, тогда как только один корпус Рейля уже насчитывал около 20 000 человек и имел 60 пушек. Очевидно, любая смелая атака французов в это время имела бы решающее значение, но этого как раз и не произошло. Конечно, нерасторопность Ней сыграла столь же отрицательную роль, что и медлительность Веллингтона для результатов позиции Катр-Бра утром. Но «железный герцог» к этому времени уже делал все, что в его силах, чтобы поддержать Перпонше с запада, и к 11.00 утра к Катр-Бра стал приближаться резерв от Мон-Сен-Жан.

Поэтому, с точки зрения союзников, сражение при Катр-Бра оставалось решающим состязанием со временем вплоть до 5 часов вечера, когда перевес сил благодаря подкреплениям оказался целиком у Веллингтона из-за бесцельных блужданий графа д'Эрлона.

Наконец вскоре после 2 часов дня батарея из 14 французских пушек открыла огонь по артиллерии союзников, подтянутой сюда по дороге от Брюсселя. Почти одновременно генерал Рейль начал робко наступать для того, чтобы войти в соприкосновение с противником. Позиция союзников была потенциально сильной с точки зрения обороны. На холмистом ландшафте виднелись многочисленные фермы. Густые леса, в особенности лес Боссю, обеспечивали хорошую маскировку и укрытие, а на многих полях злаки уже выросли почти в человеческий рост. Более того, все важные пересечения дорог находились на невысоком гребне. Однако согласно военной практике тех лет, 8000 человек было совершенно недостаточно, чтобы удержать позицию протяженностью не менее двух миль, а их левый или внутренний фланг был особенно уязвим.

Вначале Рейлю было приказано очистить лесистые участки к югу от Катр-Бра, где он продвигался вперед с крайней осторожностью. Ветеран Испанской войны, Рейль опасался идти напролом, чтобы не попасть в нечто вроде «испанского сражения». Тактика Веллингтона, скрывавшего свои войска за обратными склонами холмов, была настолько эффективна, что многие французские командиры привыкли ожидать худшего от самых невинно выглядевших позиций. И Ней и Рейль опасались, что у Веллингтона здесь уже могут быть сосредоточены неисчислимые силы, а высота хлебов на полях, заслонявших солдат, не позволяла хотя бы приблизительно оценить численность противника. Таким образом, благодаря грозной репутации Веллингтона отряд союзных войск, состоявший из 7800 пехоты, 50 кавалеристов и 16 пушек, оказался в состоянии не подпускать к себе не менее 19 000 французских ветеранов-пехотинцев, поддерживаемых 3000 кавалерии и 60 пушками, да еще 20 000 солдат д'Эрлона, находившихся в тылу у них. Тем не менее один осторожный шаг следовал за другим, и французский массивный напор был все ощутимее. Французы неумолимо двигались вперед. До 3 часов дня дивизия Башлю захватила деревню Пиромон, вклинившись в левый фланг Перпонше, и затем войска Фуа овладели Жемьонкур. Однако когда вторая бригада Фуа попыталась захватить Пьерпуэн на окраине леса Боссю, она получила резкий отпор, и только тогда, когда подошел принц Жером еще с 8000 солдат и

8 пушками, этот опорный пункт перешел в руки французов и можно было начать утомительный процесс очистки леса Боссю от нассауских войск.

К тому времени, когда Веллингтон лично вернулся на сцену сражения (3.00 дня), линия Перпонше была готова распылаться под ударами непрерывных атак трех французских дивизий. Но затем, когда положение уже казалось безнадежным, прибыло первое подкрепление, в котором так нуждались союзники. Это была голландско-бельгийская кавалерийская бригада ван Мерлена из Нивеля. Усталые и упавшие духом солдаты Перпонше взбодрились. Чуть позднее на дороге из Брюсселя появилась дивизия Пиктона (8000) с 12 пушками. Эти подкрепления союзников изменили соотношение сил примерно до двух к одному, пока еще в пользу Нея, так как теперь у Веллингтона на поле боя было уже около 17 000 солдат против 25 000 французов, реально участвовавших в бою.

Однако когда принц Оранский попытался провести контратаку силами своей кавалерии около 3.30 дня, она была отбита с тяжелыми потерями и в руки французов попало 6 пушек. Эта неудача вызвала усиление угрозы для тонкой линии союзников, но теперь солдаты Пиктона выстроились в тылу уязвимого левого фланга, и возобновленная атака французов была отражена. Примерно в это же время на сцене появился герцог Брауншвейгский во главе новых солдат, и численность войск Веллингтона поднялась до 21 000 человек. Таким образом, непосредственный кризис для союзников миновал, по крайней мере до тех пор, пока Ней не сможет ввести в действие 20 000 свежих солдат д'Эрлона в поддержку Рейля. Французы уже упустили свой лучший шанс на победу.

Вскоре после 4 часов дня Ней получил послание от Сульта, написанное в 2 часа дня. До него впервые дошла вся важность захвата пересечений дорог, лежащих перед ним. Однако он все еще не понимал, что его сфера действий была совершенно определена как второстепенная с точки зрения стратегических приоритетов. Поэтому реакция князя Московского свелась к тому, чтобы послать адъютанта полным карьером с заданием поторопить по дороге д'Эрлона с подходом к Нею для того, чтобы он принял участие в атаке на Катр-Бра, и бросить вперед уже усталые войска дивизии Рейля еще в одну большую атаку. Вначале на левом фланге все шло хорошо, и французы захватили почти все, кроме северо-восточного угла леса Боссю. Однако к востоку от главной дороги они добились меньшего успеха. Хорошо направленные залпы Пиктона отбросили атакующие колонны и линии назад в значительном беспорядке к Пиромону.

Это был момент, когда злая судьба еще более сгустила «туман войны», когда появился на дорогах войны наполеоновский адъютант генерал де Ла Бедойер. Этот ревностный служака, который должен был установить устный или написанный карандашом приказ Наполеона Нею, обнаружил корпус д'Эрлона на дороге, направляющийся к Катр-Бра, вместо того чтобы идти на восток к Линьи. Прекрасно зная критическое положение императора и Груши и надеясь избежать лишней потери времени, отправляя людей д'Эрлона на выполнение их обходного марша, де ла Бедойер остановил головную дивизию и послал ее в новом направлении от имени императора. Однако из-за непонимания головные части направились к Сент-Аману вместо Ваньеля (как того хотел Наполеон) — другими словами, скорее к французскому, чем к прусскому флангу. Или почерк в записке был неразборчив, или этот документ был в самом деле сфабрикован де Ла Бедойером (как считают некоторые), или, возможно, он сам неправильно понял истинное намерение Наполеона, этой ошибке было суждено в свое время вызвать почти панику в корпусе Вандамма и приостановку решающей атаки гвардии на Линьи более чем на час. Устроив с самыми лучшими намерениями подобный хаос, де Ла Бедойер затем поскакал дальше и встретил самого д'Эрлона, который временно отсутствовал в корпусе, выехав вперед для рекогносцировки позиции у Катр-Бра, прежде чем ввести в бой свои соединения. Командир I корпуса получил послание Наполеона, несколько неуверенно одобрил выполнение

своими солдатами приказанного изменения в планах и послал своего начальника штаба генерала Делакамбра показать этот приказ Нею и сообщить ему о происходящем.

Маршал Ней, нетерпеливо ожидавший прибытия I корпуса, чтобы закрепить овладение пунктом Катр-Бра, вдруг узнает, что все солдаты столь нужного ему подкрепления уходят с поля боя. Вполне понятно, свирепый рыжий гасконец потерял всякое самообладание. И в этот самый момент еще подбуждает второй адъютант императора, полковник Форбен-Жансон, с подлинным текстом приказа Наполеона, отданного в 3.15 дня, и устным приказом императора захватить Катр-Бра без промедления. Это было последней каплей... Ней излил свой гнев на несчастного штабного офицера, который настолько растерялся, что совершенно позабыл вручить Нею доверенный ему письменный приказ. Так Ней остался в неведении о приказе императора от 3.15, а узнал о нем гораздо позднее, только вечером. Когда его гнев приутих, Ней повернулся к Форбен-Жансону и проговорил: «Скажите императору о том, что вы здесь увидели. Против меня воюет вся армия Веллингтона. Я удержусь на том месте, где стою, но, так как д'Эрлон не подошел, я не могу обещать большего»(23). Отослав полковника обратно к Наполеону, Ней снова обратился к событиям, важным для развития боя. В этот момент дивизия генерала Олтена начала атаку на французов от Катр-Бра, и это заставило маршала Нея принять решение. Было плохо уже то, что д'Эрлона отвели без его разрешения, а сейчас к тому же дело склонялось скорее к поражению, чем к победе... Д'Эрлон должен быть отозван сюда, несмотря на приказ императора!

Д'Эрлон уже был на расстоянии видимости от поля боя в Линьи, когда ему подали новый приказ. Он немедленно повиновался этому последнему распоряжению несомненно благодаря своей привычке «не рассуждать» и снова изменил направление марша своей колонны на обратное, к Катр-Бра. Все-таки он решил оставить дивизию генерала Дюрютта и три кавалерийских полка под командованием Жакино для обеспечения связи; но ни д'Эрлон, ни Дюрютт не известили нормальным образом ставку императора, приняв такое решение. В результате этой трагикомедии с приказами и контрприказами войска д'Эрлона потратили всю вторую половину дня и вечер, маршируя взад и вперед между двумя полями боя, не сделав ни единого выстрела ни на одном из них. Вся горькая ирония этих событий заключалась в том, что, если бы I корпус эффективно вмешался в любое из этих сражений, французы одержали бы настоящую победу.

Тем временем у Катр-Бра бой опять достигал сильнейшего напряжения. Около 4.15 масса французских улан атаковала бригаду Кемпта. Хотя британские войска со всей возможной быстротой образовали каре, 42-й и 44-й полки понесли тяжелые потери, прежде чем уланы были отброшены. Затем Веллингтон снова получил новое пополнение солдат и пушек в виде бригады Холкегга и нескольких дополнительных союзнических частей. Это довело его полную численность до 26 000 человек и 42 пушек. Другими словами, количественное превосходство теперь перешло на сторону «железного герцога».

В растущем отчаянии Ней потерял всякое терпение и способность соображать. Повернувшись к генералу Келлерману, он сказал: «Генерал, необходимо совершить невероятное. Нужно опрокинуть эту массу пехоты противника. Судьба Франции в ваших руках. Возьмите свою кавалерию и уничтожьте эту пехоту. Я поддержку вас всей оставшейся у меня кавалерией». Келлерман был поражен этим приказом: только одна из его четырех бригад достигла поля боя, и казалось, Ней приказывает вести ее на явную гибель. Поэтому он попросил маршала повторить свой приказ, но тот только отмахнулся, сказав: «Идите! Идите же!» Вопреки своему убеждению, Келлерман повиновался приказу. Вместо обычного неторопливого ускорения аллюра с шага до галопа, он пустил своих кирасир с места чуть ли не в полный галоп. Позднее он докладывал Нею: «Я использовал большую скорость, чтобы не дать моим людям расслабиться или даже почувствовать в полной мере ожидающую их опасность»(25).

Против всех ожиданий, атака Келлермана в 5.00 вечера была почти успешной. 69-й полк Холкегга был застигнут в развернутом построении (из-за незадачливого вмешательства принца Оранского, отменившего приказ командира полка построиться в каре), понес тяжелейшие потери и лишился своего знамени. Несшийся дальше поток всадников обрушился затем на 33-й пехотный полк и отгеснил солдат, в беспорядке бросившихся в лес. Когда усталые лошади и торжествующие кавалеристы остановились, они увидели, что желанное пересечение дорог находится у них в руках. Их храбрость заслужила даже признание противника. «Уланы и кирасиры противника — самые brave солдаты, которых я видел, — записал полковник Фрейзер. — Они провели несколько лихих атак и несколько раз наступали наперекор нашей пехоте»(26). Однако только лишь храбрости и доблести было недостаточно. Ней не поддержал смертоносную атаку Келлермана ни пехотой, ни достаточным количеством легкой кавалерии. И вдруг против него заговорила скрытая батарея с артиллерийской прислугой, набранной из Королевского германского легиона, которая стала стрелять почти в упор, а 30-й и 73-й пехотные полки стали поливать его губительным мушкетным огнем. В одно мгновение торжество сменилось паникой. Под Келлерманом была убита лошадь, его кавалеристы повернулись и обратились в бегство; только огромное присутствие духа спасло их командира от смерти под копытами в последующей давке. Как вспоминает капитан Бурдон де Ватри, у Келлерманахватило хладнокровия «схватиться за удила двух лошадей своих кирасир, чтобы не быть затоптанным насмерть»(27).

К 6.30 Ней начал понимать, что его шансы на успех практически исчезли. Однако поток посланий Наполеона к своему затравленному маршалу еще не иссяк. Следующим призыв майор Бодю с дубликатом приказа Сульта, отданного в 3.15 дня, и устным сообщением, снова требующим немедленной отправки корпуса д'Эрлона к Линьи.

Очевидно, император так и не понял, какова была обстановка у Ней, несмотря на донесение, переданное полковником Форбен-Жансоном. «Маршал сам не знает, о чем говорит, — обрезал его Наполеон. — Я сражаюсь против всей прусской армии — Ней только с авангардом Веллингтона. Поезжайте обратно и скажите ему, что он должен любой ценой ликвидировать всякое сопротивление и захватить Катр-Бра»(28). Правда, Форбен-Жансон передал это послание только после того, как сражение у Катр-Бра кончилось, но несомненно тон первоначального указания Бодю был примерно таким же. Ней снова впал в страшный гнев и бросился собирать свою пехоту для новой атаки против Пэка. Подобно маршалу Вандамму в 1708 году при Ауденарде, он забыл о своем положении и обязанностях и кинулся прямо в бой как простой grenadier. Управление всеми боевыми действиями французов неизбежно ослабло, и, когда Веллингтон бросил своих солдат в большую контратаку в 6.30 вечера, французы отступили. Новые подкрепления (последние в этот день) довели численность войск Веллингтона до 36 000 и 70 пушек, что означало решительный перевес над Неем и Рейлем. Это численное превосходство позволило британскому главнокомандующему атаковать лес Боссю на правом фланге силами британской гвардии — Кемпта и Харриса — против Пиромона на левом и войсками Холкегга и Пэка против Жемьонкура в центре. Когда бой наконец подошел к концу в 9 часов вечера, союзники вернули себе почти все исходные позиции Перпонше. Таким образом, тяжелое дневное сражение у Катр-Бра кончилось вничью.

Потери были тяжелыми с обеих сторон, но все-таки никак не сравнимы с потерями у Линьи. Французы потеряли около 4000, союзники около 48 000, включая 2400 убитых и раненых британцев.

Основной причиной безрезультатности сражения являются ошибки Ней. Во-первых, он провел все утро 16 июня в бездеятельности, когда победа была близка. Во-вторых, вплоть до 6.30 вечера и позднего прибытия приказа Наполеона, данного в 3.15 дня, Ней совершенно не понимал, что его сектору отведена только вто-

ростепенная роль, поскольку это касалось самого Катр-Бра, и что, следовательно, выделение им д'Эрлона для участия в сражении при Линьи с целью завершить разгром Блюхера было его самой важной задачей. Если бы только Форбен-Жансон не забыл бы вручить ему оригинал приказа от 3.15 в свое первое прибытие! В-третьих — хотя это ни в коей мере не было виной Нея, — бесцеремонность (хотя, несомненно, из самых лучших побуждений) де Ла Бедойера, не посчитавшегося с приказами Нея и вначале не обратившегося к нему за разрешением, вызвала цепную реакцию событий, приведших к тому, что от I корпуса вообще не было никакой пользы. В своем донесении Сульту, которое Ней наконец продиктовал в 10 часов вечера, князь Московский взвалил всю вину в несчастьях этого дня на голову несчастного д'Эрлона, который лишь повиновался приказам.

«Я атаковал английские позиции у Катр-Бра с величайшей отвагой, но ошибка графа д'Эрлона лишила меня верной победы, так как в тот самый момент, когда 5-я и 9-я дивизии корпуса генерала Рейля опрокинули всего противника перед нами, I корпус ушел к Сент-Аману поддерживать левый фланг Его величества; но роковым обстоятельством было то, что этот корпус, совершив контрмарш; чтобы присоединиться к моему крылу, не оказал никакой помощи ни на одном поле боя.

Дивизия принца Жерома сражалась с большим мужеством; Его королевское высочество был слегка ранен.

На нашей стороне было только 3 пехотные дивизии, бригада кирасир и кавалерия генерала Пире. Граф Вальми провел великолепную атаку. Все выполнили свой долг, кроме I корпуса.

Противник понес тяжелые потери; мы захватили несколько пушек и знамя.

Мы потеряли 2000 убитыми и 4000 ранеными. Я приказал написать доклады генералам Рейлю и д'Эрлону и препровожу их Вашему превосходительству»(29).

Так закончилось ожесточенное сражение 16 июня 1815 года. Общая оценка обстановки показывает, что преимущество пока еще осталось на стороне французов: Блюхер разбит, Веллингтон по крайней мере скован. На следующий день Наполеон будет в состоянии усилить Нея и уничтожить армию Веллингтона, одновременно сковывая остатки разгромленной армии Блюхера частью крыла Груши. Однако сражение 16-го числа не было таким успешным, как ожидал император. Вероятно, наиболее серьезные ошибки со стороны французов, приведшие к утрате замечательно благоприятной возможности, были обусловлены вначале отсутствием энергии и у Наполеона и у Нея — особенно у последнего, а также сильно проявившимся действием «тумана войны» и очень несовершенной системой связи между различными частями Северной армии. Ничего нового в этом не было — все армии в то время испытывали сильнейшие трудности в передаче с достаточной скоростью точных сведений и приказов в обе стороны. Но 16 июня ярко проявились все недостатки генерального штаба императора. Умственные способности Нея могли быть и не блестящими, но, если бы Бертье был жив и оставался Major Général¹, нет сомнений, что князю Московскому было бы убедительно внушено истинное значение его роли и необходимость точного и своевременного выполнения всех этапов действий в соответствии с приказом императора. Но бесценного «главного военного писаря» императора уже не было в живых, а Сульт никак не мог заменить его. В этом, вероятно, причины путаницы и неурядиц 16 июня. Конечно, главная ответственность лежит на императоре. Именно он выбрал Сульта и Нея, хотя были и более подходящие люди. Таким образом, день 16 июня закончился в общем успехом французов, хотя ничего еще не было решено для окончательного исхода кампании. Многое зависело от того, в каком ключе начнут свои действия французы на следующее утро и как на него ответят их противники.

¹ В императорской армии это звание принадлежало только начальнику генерального штаба; в армии союзников это звание обычно обозначало командира дивизии. (Примеч. автора.)

ЭНДШПИЛЬ

Наполеон не знал, что в ночь с 16-го на 17 июня союзники приняли ответственные решения, часть которых уже начала выполняться. Особенно активно стали действовать пруссаки. Сразу после заката солнца перед пруссаком Гнейзенау — настроенным против Веллингтона начальником генерального штаба — встала необходимость решить, во время необъяснимого отсутствия своего начальника, в каком направлении пойдет отход пруссаков и в каком месте должно начаться повторное сосредоточение разбитых войск. Будучи глубоко убежден, что Веллингтон подвел своих союзников, Гнейзенау желал отвести свою армию к Льежу. Однако поздно вечером 16 июня, когда все еще не было никаких признаков появления главнокомандующего и генерала стала обступать толпа обеспокоенных штабных офицеров и командиров корпусов, нетерпеливо ждущих приказов, Гнейзенау все еще не мог сделать выбор на основе почти равных аргументов «за» и «против». Неоспоримым фактом было то, что его армия уже была оттеснена назад за дорогу Нивель — Намюр — кратчайшую дорогу к Льежу — и, следовательно, представлялось разумным отступить на север в направлении Лувена для начальной перегруппировки. Назывались различные города, но некоторые офицеры не могли найти их на своих картах в неверном свете костров, пока не был назван Вавр. Так как все до одного сразу же нашли его у себя на картах, он был выбран произвольно как начальный пункт сосредоточения. Офицеры поспешили прочь, чтобы построить колонны своих войск на нужных дорогах.

Спустя несколько часов еле живой фельдмаршал Блюхер наконец появился в штабе, находившемся в этот момент в Меллери, в нескольких милях севернее Тийи. После щедрой дозы своего любимого лекарства — можжевеловой водки с чесноком — старый, но неустрашимый воин начал обсуждать положение с Гнейзенау. Тот все еще стоял за немедленный отход к Льежу через Вавр и Лувен, предоставив Веллингтону справляться своими силами. Блюхер, поддержанный генерал-квартирмейстером Грельманом, отверг такой ход действий. Из соображений благоразумия и, прежде всего, чести он настаивал на том, что пруссаки должны готовиться оказать поддержку Веллингтону. Таким образом, благодаря двум обстоятельствам — случайному выбору Вавра генералом Гнейзенау и твердому решению Блюхера остаться верным своему союзнику — возникло решение поддержать Веллингтона у Мон-Сен-Жан. Без этой помощи Веллингтон 18 июня, вероятно, потерпел бы поражение, если не окончательный разгром.

Утром 17 июня французский император не торопил ни себя, ни армию. Сочетание беспочвенного оптимизма и утомления создало у него ночью впечатление, что все идет в соответствии с его генеральным планом. Он был уверен, что Блюхер в беспорядке отходит к Льежу; Ней, должно быть, уже овладел позицией у Катр-Бра, а Веллингтон, конечно, спешно отступает, чтобы оборонять Брюссель. Наполеон был настолько уверен в правильности своих предположений, что даже не счел нужным дать указание Груши, чтобы тот выслал достаточно крупный кавалерийский отряд, чтобы вплоть до рассвета следить за направлением отхода пруссаков. Не подумал он и о том, чтобы послать ночью адъютанта к Катр-Бра узнать, как обстоят дела у Ней. И только с большим запозданием был выслан генерал Пажоль со своей кавалерией, чтобы определить, где в этот момент находится Блюхер¹.

Затем, в 7 часов утра во время завтрака, императору подали два сообщения. Первое: генерал Пажоль прислал назад офицера с сообщением, что массы прусса-

¹ Значительная часть кавалерии Груши была, в сущности, отделена от его войск в течение 17—18 июня и придана центральному резерву под командованием императора. Этот факт сильно повлиял на эффективность выслеживания отхода Блюхера правым крылом французских войск. (Примеч. автора.)

ков запрудили намюрскую дорогу, направляясь к Льежу. По-видимому, это явилось подтверждением гипотезы императора о вероятном направлении отхода пруссаков. На самом же деле то, что увидел Пажоль, было ордой прусских дезертиров, бегущих с фронта. Второе: прибыл генерал Флао, сообщивший, что Веллингтон все еще занимает позицию у Катр-Бра. Это было неожиданностью, но быстрый взгляд на карту показал Наполеону, что французский резерв находится на расстоянии совсем небольшого перехода от пересечения дорог на случай, если Веллингтон действительно решился давать там сражение 17-го. Но Наполеон считал такую возможность крайне маловероятной. Итак, вместо того чтобы приказать Нею немедленно возобновить сражение и любой ценой сковать Веллингтона, пока Наполеон с резервом не ударит ему во фланг, он продиктовал малосодержательный приказ, который Султ надлежащим путем передал князю Московскому. «Император едет к мельнице Бри, где проходит большая дорога, ведущая от Намюра к Катр-Бра. Это включает возможность действий английской армии перед вами. Если же это произойдет, император начнет наступление на нее по дороге к Катр-Бра, в то время как вы атакуете его фронтально, и их армия будет сразу же уничтожена...

Его величество желает, чтобы вы заняли свою позицию у Катр-Бра; но если это невозможно, немедленно пришлите детальное сообщение, а император будет действовать, как я сообщил вам. Если же, напротив, перед вами находится только аррьергард, атакуйте его и захватите эту позицию. Необходимо закончить эту операцию сегодня...»(30)

Чувствуя полную уверенность, что Веллингтон не будет столь безрассудно отважным, чтобы удерживать Катр-Бра теперь, когда Блюхер разбит и отброшен далеко за дистанцию поддержки (или так думал император), Наполеон без особой охоты приказал нескольким кавалерийским патрулям выехать и осмотреть позицию у Катр-Бра, а для VI корпуса не придумал ничего лучшего, чем приказать ему следовать за Пажомлем вправо.

Теоретически перед французами сейчас было три пути. Они могли продолжать наступать вслед за Блюхером своими основными силами (правым крылом и резервом) и навязать второе сражение, чтобы завершить усилия предыдущего дня, пока Ней наблюдает за Веллингтоном. Или, второе, — они могли бы оставить Груши с неполными силами преследовать Блюхера, а самим атаковать Веллингтона значительно превосходящими силами. Или же, наконец, они могли отделить Груши с его полной численностью — 33 000 человек — для неотступного преследования Блюхера и сосредоточить 69 000 человек против Веллингтона. Возможно, что любой из первых двух путей оказался бы более выгодным для Наполеона; но он избрал третий, будучи убежден, что союзников следует держать расколотыми даже ценой использования целой трети своих войск для обеспечения этого.

И даже в этом случае могли быть получены прекрасные результаты, если бы Наполеон не провел почти все утро в бездействии. Оказывается, Груши был настроен на немедленное проведение преследования Блюхера, но Наполеон настоял на том, чтобы тот сопровождал его в поездке к полю боя в Линьи, во время которой император размышлял об ужасах войны. Затем в 11 часов утра император вдруг как бы очнулся. Доставка полного донесения Нея о бое накануне совпала с возвращением кавалерийских патрулей, посланных на разведку в направлении Катр-Бра. Оба источника сведений подтвердили, что Веллингтон все еще удерживает свои позиции. Император понял, что такой случай нельзя упускать. В полном контрасте с прежней вялостью ум Наполеона бешено заработал. Груши должен немедленно взять кавалерию и оба своих корпуса и наступать на Жамблу, а после этого не выходить из соприкосновения с пруссаками и сообщать о каждом их движении императору. Лобау (генерал Мутон) и Друо должны сразу вести свои войска — VI корпус и гвардию — к Марбе, для того чтобы угрожать флангу Веллингтона. Ней должен немедленно атаковать союзников и действовать согласованно с войсками,

которые сосредоточивались у Марбе. Но уже нельзя было вернуть попусту потраченных пяти драгоценных часов светлого времени, и еще не успело стемнеть, как Наполеон горько пожалел о своем утреннем бездействии.

Тем временем Веллингтон провел ночь в Женаппе, но рано утром 17 июня вернулся в Катр-Бра. Там в 7.30 утра он впервые узнал о том, что случилось с Блюхером накануне. В отличие от Наполеона, «железный герцог» настоял на том, чтобы рано утром был выслан кавалерийский патруль под командованием надежного штабного офицера с целью узнать об исходе сражения у Линьи. Полковник Гордон вернулся и доложил, что прусские войска потерпели тяжелое поражение. «Старина Блюхер получил чертовски хорошую порку и отступил к Вавру, — заметил герцог капитану Боулзу из Колдстримского гвардейского полка. — Так как он отошел, то и мы должны поступить так же. Я так полагаю, что в Англии будут говорить, что нас поколотили. Но тут ничего не поделаешь: раз они отошли, и мы тоже должны отойти»(31). Сразу были отданы приказы на немедленную эвакуацию раненых и подготовку к общему отходу.

Затем около 9 часов прибыл прусский офицер, подтвердивший основной смысл предыдущего донесения Гордона. Это помогло герцогу принять окончательное решение. Предварительный приказ на общий отход вошел в силу. Было послано сообщение Блюхеру о том, что Веллингтон займет позицию и будет сражаться у Мон-Сен-Жан, если Блюхер сможет оказать ему помощь силами двух прусских корпусов. Теперь становится ясным значение прусского отхода к Вавру. Вместо того чтобы удаляться от Наполеона, армия Блюхера начала перегруппировываться в пределах досягаемости Мон-Сен-Жан, причем воды реки Диль защищали их левый фланг, а неплохие боковые дороги облегчали их передвижение. Таким образом, конечным результатом расслабления Наполеона после Линьи было увеличение вероятности соединения англичан и пруссаков на поле боя, а не предотвращение его.

Начиная с полудня линия британских войск начала редеть, и соединение за соединением пускались в путь в направлении Мон-Сен-Жан. Некоторые офицеры, в особенности Пиктон, были против этого, но приказам Веллингтона приходилось повиноваться.

Совершенно необъяснимо, почему все утро 17-го со стороны войск Нея не было никаких признаков активности. Казалось, что вся французская армия, начиная от императора и далее вниз по рангам, заколдована и бездействует, находясь как бы в состоянии летаргии. Если бы Ней атаковал, хотя бы даже в полдень, он сделал бы отход Веллингтона почти невозможным. Но он даже не тронулся с места, а его солдаты принялись стряпать себе обед, и сотни столбов дыма поднялись над французскими биваками.

Вскоре после часа дня Наполеон, прищпоривая коня, достиг Марбе. Проскакав дальше в направлении Катр-Бра — его очень беспокоила тишина и отсутствие канонады, — он внезапно наткнулся на солдат из войск Нея, рассеявшихся на обочинах и блаженно поедающих свои пайки. В ярости он приказал им немедленно вставать и строиться, но войска приготовились к выступлению только в 2 часа дня. Наполеон ощутил, как безвозвратно исчезает его победный шанс. Повернувшись к д'Эрлону, он сказал: «Франция погибла. Поезжайте, мой дорогой генерал, встаньте во главе кавалерии и изо всех сил преследуйте арьергард»(32). Д'Эрлон немедленно поскакал полным галопом в Женапп.

Однако судьба отвернулась от Наполеона. Возможно — и даже вероятно, — что Наполеону удалось бы догнать Веллингтона и навязать ему немедленное сражение, если бы не внезапно испортившаяся погода. Разразилась страшная гроза; в течение нескольких минут почва превратилась в болото. Двигаться по бездорожью было невозможно, и французским кавалеристам волей-неволей пришлось вести преследование только по дорогам. Но и при этих условиях французы следовали чуть ли не по пятам за англичанами. Веллингтон поставил в арьергард

кавалерию лорда Эксбриджа и конную артиллерию, и Мерсер вспоминает, как близок был Наполеон к тому, чтобы нагнать их. Покинув невысокий холм, Мерсер только-только оттянул свои пушки еще на несколько сотен ярдов назад, «когда всадник, за которым следовало еще несколько кавалеристов, вылетел галопом на плато, которое я только что оставил. Их темные фигуры рисовались силуэтом на освещенном фоне, отчего они казались ближе к нам, чем это было на самом деле...»(33) Мерсер видел самого Наполеона, возглавившего преследующих французов. В неорганизованной схватке Мерсер с огромным трудом спас свои орудия, и всему арьергарду удалось оторваться от противника лишь благодаря разразившейся жесточайшей грозе.

Но даже Наполеон, переполненный вновь вернувшейся энергией, не мог обуздать стихию. «Дороги настолько раскисли после ливня, что оказалось невозможным поддерживать какой-либо порядок в наших колоннах», — отметил сержант Модюи из императорской гвардии(34). Преследование Веллингтона еще кое-как продолжалось, но к 6.30 вечера стало ясно, что «железному герцогу» удалось скрыться на позицию позади гребня Мон-Сен-Жан. «Чего бы я не отдал, чтобы иметь власть Иисуса Навина остановить солнце на два часа!» — вспоминает Наполеон в своих «Комментариях»(35). Но, как и в Линьи накануне вечером, светлое время кончилось до того, как была полностью завершена задача дня. Старое наполеоновское изречение «Я могу потерять шанс, но я никогда не потеряю и минуты»(36) не оправдывалось его поведением в эти два последних решающих дня.

В конце концов Наполеон и кавалерия достигли придорожной гостиницы в Бель-Альянсе и вскоре после этого выбрали ферму Ле-Кайю в качестве штаб-квартиры. Желая точно удостовериться, что он действительно загнал Веллингтона за Мон-Сен-Жан, император приказал кавалеристам Мийо выехать вперед по дороге, имея для поддержки несколько батарей конной артиллерии, чтобы заставить Веллингтона выдать свое присутствие. Приманка сработала: грохот ядер и снарядов, выпущенных из 60 пушек союзников, успокоили императора на этот счет. Однако было поздно что-то предпринимать в этот вечер. «Пусть все войска займут позиции, и мы посмотрим, что будет завтра»(37), — сказал Наполеон д'Эрлону и его штабу. Измотанным французским солдатам было позволено упасть на промокшую землю отдыхать и готовиться к завтрашнему дню.

Эта ночь медленно шла для обеих армий. Тревога из-за того, что может принести рассвет следующего дня, так по-человечески понятная, еще усугублялась проливным дождем, вскоре промочившим до костей всех, кроме тех немногих счастливиц, которые ухитрились приютиться на фермах и в домах. Изгороди, калитки, ворота — все было разломано и пошло на костры для оставшихся под открытым небом солдат, а гарнизон Ла-Э-Сент перед главной позицией Веллингтона был столь неблагоразумен, что уничтожил для этой цели главные ворота двора фермы.

Наполеон все еще опасался, что Веллингтон может попытаться ускользнуть под прикрытием темноты и непогоды и тем самым лишить французов возможности одержать решающую победу 18 июня. В час ночи император ходил по линии сторожевого охранения, вглядываясь в позиции Веллингтона. Изобилие костров, увиденных им, частично успокоило его опасения. «Дождь лил как из ведра, — записал император. — Несколько офицеров, проводивших разведку, и секретные агенты, вернувшиеся в полчетвертого ночи, подтвердили, что англо-голландские войска и не думают трогаться с места... Командующий неприятельской армией не мог совершить ничего, более противоречащего интересам своего дела и своей страны, всему настрою этой кампании и даже просто элементарным правилам войны, чем оставаться на той позиции, которую он занимал. Он имел за собой дефиле леса Суаньи, и в случае поражения его отход был бы невозможен»(38). Медленно шли ми-

нуты и часы, но рассвет застал Веллингтона все на тех же позициях. «Je les tiens donc, ces Anglais»¹, — воскликнул довольный Наполеон.

По возвращении в ставку (вскоре после 4 часов утра) он нашел сообщение от Груши, требующее его внимания. Письмо было написано в 10 часов вечера 17-го, а прибыло к нему около 2 часов ночи. Это был довольно малосодержательный документ, но в нем приводилась правильная догадка Груши о том, что масса армии Блюхера на самом деле отступает к Вавру. В этом случае, как заключает командующий правым крылом французской армии, «я буду следовать за ними, чтобы предотвратить достижение ими Брюсселя и отделить их от Веллингтона»(39). Хотя это донесение подтвердило впечатления Мийо, сложившиеся у него накануне вечером, император не послал немедленного ответа. Это страшное упущение было исправлено им только в 10 часов, что явилось его первой большой ошибкой, совершенной 18 июня, ибо если бы он реагировал даже просто с обычной скоростью и осторожностью и приказал бы Груши направиться в Оэн, тогда только один корпус армии Блюхера, в лучшем случае, мог бы участвовать в битве при Ватерлоо.

Тем временем Старина Вперед сообщил Веллингтону, что не менее двух его корпусов (II и IV) направятся к нему на помощь к рассвету 18-го, а за ними последуют и два остальных, если позволят обстоятельства. Однако Наполеон совершенно не считался с вероятностью какого-либо эффективного вмешательства пруссаков при Мон-Сен-Жан. Он был сверхоптимистически уверен в том, что имеющимися у него силами можно уничтожить армию Веллингтона, даже не привлекая к этому Груши; и он был убежден, что прусская армия — это уже «сломанная тростинка».

Глава 92

ВАТЕРЛОО

Восемнадцатого июня, как только стало рассветать, солдаты обеих армий проснулись, потягиваясь, как бы желая стряхнуть с себя все напасти предшествующего вечера. Наконец дождь перестал, но земля под ногами была мокрая и вязкая. Солдаты обеих сторон были голодны, потому что снабжение было далеко не удовлетворительным. Британский 95-й полк максимально использовал свои бедные ресурсы. Как вспоминает капитан Кинкейд, «мы развели костер... и вскипятили огромный походный чайник, засыпали в него не жалеючи чая и добавили молока и сахара, что и было нашим завтраком... Когда чайник поставили на обочину дороги, где ранним утром мимо нас частенько проходили наши армейские шишки, я думаю, что чуть ли не каждый из них, начиная с герцога, просил у нас по чашечке»(40).

Поле Ватерлоо по своей площади крайне мало. Обе армии заняли два низких гребня холмов, разделяемые долиной плавных очертаний, простирающейся на расстояние около 1500 ярдов. По ширине вся боевая зона едва превышает 5000 ярдов и тянется от замка Угумон на западе до городка Папелотт на востоке. От центра французских позиций вокруг небольшой деревушки Бель-Альянс проходит дорога Брюссель — Шарлеруа, пересекая участок местности, разделяющий обе армии. Затем она входит в передовые позиции Веллингтона у Ла-Э-Сент, взбегает на гребень и идет вниз по обратному склону за Мон-Сен-Жан. В сущности, она делит поле боя на две части, в дальнейшем она-то и явилась главным направлением наступления французов.

В этом узком месте, площадью около трех квадратных миль, было сосредоточено почти 140 000 человек и более 400 пушек. Французы подтянулись и выстроились внушительными порядками, где почти каждый солдат был намеренно выстав-

¹ «Теперь эти англичане у меня в руках» (фр.).

лен на виду у союзников для достижения наибольшего психологического эффекта. Восточнее брюссельской дороги располагался корпус д'Эрлона, состоявший из четырех дивизий, а западнее находились три дивизии под общей командой Рейля. Чуть позади этих передовых соединений сосредоточивалась основная масса французской кавалерии — корпус Келлермана и гвардейская дивизия Гийо (из кавалерийского резерва) заняли место позади войск Рейля, кирасиры Мийо и гвардейская легкая кавалерия (Лефевр-Денуэтт) — позади д'Эрлона. За этими массами пехоты и кавалерии в центре были размещены 10 000 человек корпуса генерала Мутона (Лобау) и еще две кавалерийские дивизии, отделенные от крыла Груши накануне. В тылу находились дивизии императорской гвардии. В целом это составляло (приводим цифры Сиборна) 48 950 пехоты, 15 765 кавалерии и 7232 артиллериста, обслуживающих 246 пушек, то есть всего 71 947 человек.

На другой стороне долины Веллингтон также развертывал свои соединения, готовясь встретить надвигающуюся бурю. «Железный герцог» уделил много внимания выбору своих позиций; это был тщательно продуманный выбор, основанный на пристальном изучении местности и детальном учете выгод, которые она могла предоставить. Общая диспозиция живой силы Веллингтона свидетельствует о том, что он очень полагался на прибытие Блюхера для усиления левого фланга союзников, ибо общая форма его боевого расположения напоминала большой клин: основная масса войск сосредоточивалась на его правом фланге, тогда как левый (к востоку от брюссельской дороги) удерживался относительно слабыми силами. В большей своей части главная позиция союзников лежала сразу к северу от дороги Chemin d'Ohain¹, узкой, бегущей между высокими насыпями по бокам и в общем повторяющей линию гребня Мон-Сен-Жан. Как всегда, герцог расположил скрытно основную массу своих войск на обратном склоне за этой дорогой, что защищало их от огня французской артиллерии. Большое количество солдат лорда Хилла располагалось между деревней Мербрен и дорогой на Нивель, но еще один сильный отряд (дивизия генерала Шассе) удерживал Брен-л'Аллэ в миле к западу². Ближе к гребню и севернее Оэнской дороги находились пять бригад I корпуса под командованием злополучного принца Оранского, которому было поручено также и руководство центром. Восточнее главной брюссельской дороги находилась дивизия резерва (генерал Пиктон) и две бригады 6-й дивизии, причем одна из них стояла чуть позади главной линии. На крайнем левом фланге союзников находились войска принца Бернарда Саксен-Веймарского (в сущности, часть I корпуса) и кавалерийские бригады Ванделёра и Вивиана. Основная масса кавалерии лорда Эксбриджа была подтянута к тылу правого центра, за исключением бригад Понсонби и Гиньи, которые заняли позицию к востоку от брюссельской дороги, рядом с фермой Мон-Сен-Жан. Таким образом, большая часть этих войск была скрыта высотами.

Но южнее Оэнской дороги Веллингтон разместил некоторые соединения в выдвинутых ключевых позициях. На правом фланге нассаусцы и ганноверцы, которых вскоре после начала сражения поддержали колдстримские гвардейцы, занимали лес и замок Угумон — сильную позицию с множеством больших амбаров и других прочных строений, защищенных окружавшей их стеной. Прямо перед своим центром Веллингтон разместил отряд Королевского германского легиона, который занял ферму и сад в Ла-Э-Сент, находившемся западнее брюссельской дороги. Немного далее к северу, на противоположной стороне этой дороги, был песчаный карьер, где встал гарнизоном отряд, выделенный из 95-го полка. Несколько далее к востоку на открытом месте стояли войска из бригады Биландта, оставленные без прикрытия, на полном виду у французских пушек, — нарочно ли или по недосмот-

¹ Оэнская дорога (*фр.*).

² Есть много сомнений относительно того, был ли лорд Хилл лично при Ватерлоо. Согласно некоторым источникам, он провел 18 июня в Ате, обороняя коммуникации Веллингтона, идущие к Ла-Маншу.

ру — это так никогда и не было выяснено. Для завершения этой передовой линии охранения, задуманной Веллингтоном в роли «волнолома» для принятия и уменьшения силы первого удара французов были высланы вперед отряды, чтобы занять фермы Папелотта, Фришермона и Ла-Э на крайнем левом фланге. На поле боя было сосредоточено 49 608 пехоты союзных войск, 12 408 кавалерии и 5645 артиллеристов, обслуживавших 156 пушек, всего 67 661 человек.

У союзников было еще одно внушительное соединение (не менее 17 000 человек с 30 пушками) под командованием принца Фредерика, расположенное почти в десяти милях западнее, у Аля¹, далеко за пределами поля боя. Если Наполеона можно упрекнуть в том, что он не вызвал Груши вовремя для участия в сражении, то герцога Веллингтона можно обвинить в том, что он не использовал эти ценные силы, что, однако, было не совсем недосмотром. В течение довольно долгого времени Веллингтон считал, что Наполеон будет наносить удар с запада, надеясь отвлечь армию союзников подалее от Блюхера, и этот отряд в Але и был предназначен для того, чтобы задержать их до подхода основных сил Веллингтона. Тем не менее это соединение следовало бы немедленно и срочно отозвать на поле боя, как только стало видно, что это событие уже исключено сосредоточением французов у Мон-Сен-Жан. Это неиспользование столь ценных сил могло бы очень дорого обойтись Веллингтону, если бы не превосходные боевые качества его солдат, уже стоявших на позиции, и не своевременное прибытие авангарда Блюхера к левому флангу.

По рассказу местного крестьянина Декостера, которого заставили служить проводником Наполеону 18 июня, на императора произвела сильнейшее впечатление выправка солдат союзников, насколько он мог их видеть от фермы Бель-Альян. «Как четко эти войска занимают свои позиции! Как замечательно строятся их кавалерия! Только взгляните на этих серых лошадей! Кто же эти прекрасные кавалеристы? Великолепные войска, но через полчаса я их изрублю на куски»(41).

Чуть ранее Наполеон провел совет с главными офицерами своего штаба в Ле-Кайю. Осторожное предложение Сульта вызвать Груши было отвергнуто с презрением. Точно так же Наполеон не прислушался, назвав «чепухой», к сведениям, полученным из сообщения принца Жерома о подслушанном накануне хозяином гостиницы разговоре двух британских офицеров. Из него следовало, что Веллингтон и Блюхер планируют соединить силы во время грядущего сражения. Однако генерал Друу указал на то, что земля еще слишком сырая, чтобы пушки могли свободно маневрировать или для того, чтобы использовать рикошетный огонь против неприятеля, и предложил подождать с началом сражения еще несколько часов, чтобы немного просох грунт; Наполеон сразу согласился. Он приказал начать главную атаку только в час дня. Это решение оказалось в тот день роковым для французов. Ибо если бы утром против Веллингтона направили даже недостаточно поддержанную атаку пехоты, французы должны были бы обязательно победить, так как тогда Блюхер прибыл бы на поле слишком поздно, чтобы иметь возможность повлиять на исход битвы. Однако из-за своей крайней самоуверенности император был убежден, что «у нас девяносто шансов в нашу пользу и даже нет и десяти против нас»(42).

Но, по-видимому, упоминание имени Груши Султом напомнило Наполеону о не сделанном ранее, ибо в 10 часов, перебравшись на ферму в Ронсомме, он наконец продиктовал ответ на депешу Груши, написанную им накануне вечером. Он был малосодержателен. «Его величество желает направить вас к Вавру, чтобы подойти поближе к нам и присоединиться к нашим операциям, поддерживая с нами связь и отгесняя, гоня перед собой те части прусской армии, которые находятся на вашем направлении и которые остановились у Вавра. Вы должны достигнуть

¹ Хелле в современной Бельгии.

этого пункта как можно скорее»(43). Это не было четким приказом — отзывом, но не было и приказом продолжать независимые действия; он был послан на шесть часов позднее, чем нужно.

После триумфального смотра-объезда всей армии император наконец (около 11 часов утра) продиктовал свой приказ на наступление. В его основе лежал замечательно четкий план, из которого было видно, что император не намерен тратить время на изысканные маневры. Веллингтон должен был быть разбит серией безыскусных мощных фронтальных ударов.

«Сразу, как только построится армия, после часа дня, император отдаст приказ маршалу Нею, и будет проведена атака на деревню Мон-Сен-Жан с целью захвата пересечений дорог в том месте. Для этого 12-фунтовые батареи II и VI корпусов соединятся с батареями I корпуса. Эти 24 пушки будут вести обстрел войск, удерживающих Мон-Сен-Жан, а граф д'Эрлон начнет атаку вначале силами левой дивизии и при необходимости поддержит ее другими дивизиями I корпуса.

II корпус будет также атаковать, держась на одной линии с I корпусом. Саперная рота, принадлежащая I корпусу, должна быть готова выстроить баррикады и укрепить Мон-Сен-Жан сразу после его взятия».

К этому приказу маршал Ней сделал карандашную приписку на обороте: «Граф д'Эрлон должен обратить внимание на то, что атака будет начата вначале левым флангом, вместо того чтобы начинаться справа. Сообщите генералу Рейлю об этом изменении»(44).

Этот документ говорит о многом. Во-первых, было ясно, что император возлагает практическое руководство сражением на маршала Нея. Второе: нет никакого специального указания на необходимость начать атаку на Угумон всеми силами II корпуса Рейля. В-третьих, включение в приказ для д'Эрлона саперов, по-видимому, показывает, что Наполеон намеревался перерезать дорогу на Брюссель, тем самым рассекая направление отхода Веллингтона к Брюсселю. В целом намеченный императором план не отличался тонкостями. Всеобщее массивное наступление, поддержанное лишь несколькими предварительными атаками, — таков был предписанный им ход действий. Не упоминалось ни о каких запасных вариантах или изменениях плана на случай появления каких-либо прусских сил. И прежде всего, оставляя так много на разумение маршала Нея, Наполеон с самого начала подвергал опасности свой шанс на конечный успех. Правда то, что в обязанности главнокомандующего не входит вмешательство на тактическом уровне; но возложить на ненадежного князя Московского все детали сражения — и это после всех ошибок, совершенных им за последние три дня, — было, разумеется, крайне опрометчиво. Некоторые теоретики утверждают, что французам лучше было бы попытаться обойти правый фланг Веллингтона, чем пойти на такой лобовой удар, но Наполеону была нужна быстрая победа, а промокший грунт неизбежно задержал бы всякие сложные маневрирования.

Каждый час, проведенный в бездействии у Мон-Сен-Жан, был, конечно, на пользу Веллингтону, так как головные колонны Блюхера быстро приближались к полю боя. Старина Вперед и его начальник штаба все еще препирались из-за объема помощи, которую они должны оказать Веллингтону. Гнейзенау все еще не был убежден, что под Ватерлоо развернется серьезное сражение, и он все еще хотел оставить основную массу прусских войск в окрестностях Вавра для встречи войск Груши — хотя бы до полудня. Однако его командир был тверд — по крайней мере два из четырех имеющихся корпусов должны немедленно двинуться на соединение с армией союзников. Так и было сделано — корпус генерала Бюлова с самого рассвета взял направление на запад, к Шапель-Сен-Ламбер, и вскоре после него за ним последовал и II корпус.

В письме, написанном в 9.30 утра барону Моффлингу, Блюхер подтвердил свое первоначальное обещание поддержать Веллингтона при Ватерлоо. «Скажите от мо-

его имени герцогу Веллингтону, — писал он, — что, как я ни болен, я пойду во главе моей армии и без задержки начну атаку против правого фланга противника, если Наполеон начнет атаку против герцога. В том случае, если французы сегодня нас не атакуют, я считаю нужным совместно атаковать французскую армию завтра» (45). Как и обещал, неустрашимый фельдмаршал выехал из Вавра в 11 часов утра. Подскакав к головным частям корпуса Бюлова, он обратился к солдатам, призывая их поддержать его: «Ребята, не дадите же вы мне нарушить мое слово!» Гнейзенау был оставлен в Вавре следить за движением войск Груши и получил позволение самому решать, следовать ли оставшимся корпусам за Блюхером или нет. Таким образом, доблестный старый прусский воин поспешил к полю боя, проявив наивысшую верность своему союзнику и похвальное стремление к наступательным действиям.

Первые соединения Груши вышли только в 2 часа дня, но и тогда темп их продвижения был таким медленным и осторожным, что они достигли Жамблу только к 10 часам вечера. Здесь он решил остановиться на ночь и выслал свою депешу, дошедшую лично до Наполеона только в 4 часа утра на следующий день. Однако прежде чем маршал удалился на покой, кавалерийские патрули донесли ему, что прусские войска, несомненно, двигаются в направлении Вавра. Из этого Груши сделал вывод, что по крайней мере часть прусской армии находится на пути в Брюссель, и он решил послать за ними по направлению к Сарт-а-Валену корпус Вандамма в 6 часов утра 18-го, а Жерар должен был последовать за ним двумя часами позднее. Если бы только вместо этого он решил передислоцироваться к Жери и Мустьеру, он смог бы поставить своих людей в выгодную позицию для атаки во фланг прусских войск на их пути к Сен-Ламберу на следующее утро. Но, не разгадав истинные намерения противника, Груши поступил по-другому.

Однако и тогда, утром 18 июня, его соединения отнюдь не перенапрягались, выполняя приказы. Вместо того чтобы начать марш в 6 часов утра, Вандамм вывел их только к 8 часам, и из-за этой задержки пришлось отложить выход Жерара до 9 часов. Однако вскоре после 10 часов Груши сам появился в Валене, где был III корпус, и продиктовал донесение Наполеону, подтверждающее, что пруссаки действительно сосредотачиваются около Вавра и что он вклинит свои силы между Блюхером и Веллингтоном. На самом же деле, разумеется, к этому времени значительная часть прусской армии уже далеко прошла на соединение с «железным герцогом».

Удовлетворенный общим направлением событий, Груши уселся за поздний завтрак. Однако не успел он начать есть, как с запада послышались звуки стрельбы. Генерал Жерар сразу же стал убеждать своего командира бросить все старые планы и незамедлительно идти на звук канонады, но предложил сделать это настолько резко и бесцеремонно, что Груши немедленно ошетинился. Сославшись на последний приказ императора преследовать Блюхера, Груши отверг совет своего подчиненного. Но Жерар был прав; если бы он только передислоцировался к западу, даже в полдень, Груши нагнал бы пруссаков за рекой Диль. Однако этот момент прошел, а вместе с ним был упущен и шанс перехватить Бюлова и Пирха, так как к этому часу голова ведущей прусской колонны уже приближалась к Шапель-Сен-Ламбер. Командир же французского правого крыла настоял на буквальном истолковании приказа императора, полученного последним, и направил своих людей вперед, к Корбе. Именно это решение загубило шансы Наполеона на победу у Ватерлоо.

Пушечные выстрелы, услышанные Груши и его штабом в 11.30 дня, возвестили начало битвы при Ватерлоо. В это время дивизия принца Жерома из II корпуса Рейля пошла в атаку против выдвинутой позиции союзников в Угумоне. Цель этой атаки — по крайней мере в представлении императора — была чисто отвлекающей. Предполагалось, что сильная демонстрация по направлению к правому флангу союзников заставит Веллингтона передислоцировать резервы из своего центра и тем

самым ослабит сектор, которому суждено принять на себя главный удар французов. Совершенно не предполагалось, что демонстрация около Угумона перерастет в настоящий бой.

К несчастью, принц Жером думал по-другому. Взыгравшее чувство фамильной чести и желание посоревноваться с военной славой брата-императора заставили его стремиться к захвату цели любыми средствами. Четырем ведущим французским полкам потребовалось более часа, чтобы оттеснить защитников замка от подходов к нему, но даже и когда лесная чаща была очищена, нассауские и ганноверские войска попросту скрылись за стены и здания замка с их узкими бойницами и продолжали упорно сопротивляться. К этому времени Жером разгорячился и вопреки советам своего штаба начал бросать солдат в отчаянные фронтальные эскалады против этих импровизированных, но тем не менее мощных укреплений. Единственным результатом всех этих усилий были тяжелые потери, но Жером все еще отказывался признать тактическое поражение. Ему следовало сделать следующее: отменить атаку, отвести назад и перестроить свои потрепанные бригады и приказать своим гаубицам уничтожить замок. Вместо этого Жером из упрямства послал за помощью к генералу Фуа, и к 12.30 дня значительная часть второй французской дивизии оказалась втянута в почти бесцельную борьбу.

Пока действия вокруг Угумона перерастали в серьезный бой, Жером совершил серьезную тактическую ошибку. Хотя несколько британских пополнений из числа колдстримских гвардейцев под командой полковника Хепбёрна были посланы в замок — всего тринадцать рот, пока остаток бригады Бинга (шотландские гвардейцы) сосредоточивался в прилегающем саду, самым ощутимым результатом этого действия было сковывание большей части корпуса Рейля, чтобы не пропустить его на основную часть битвы, в то время как у Веллингтона передислокация этой единственной бригады мало сказалась на общей диспозиции его войск. Таким образом, с самого начала французский план сражения был поставлен под удар и нарушен из-за притязаний командира дивизии, который оказался неспособным реально понять свою истинную задачу. Уже была совершена первая серьезная тактическая ошибка этого дня.

Тем временем Наполеон сосредоточивал большую батарею из 84 пушек перед своим правым центром, готовую пробить брешь в центре союзников, предваряя атаку д'Эрлона. К 12-фунтовым пушкам, вначале выделенным для этой цели, были добавлены еще 24 «прекрасные дочки» гвардейской артиллерии и 40 8-фунтовых пушек, принадлежащих I корпусу. Вскоре после часа дня эта внушительная батарея открыла сильный огонь по центральным секторам линии союзников. Однако с самого начала эффект обстрела был минимальным. Кроме открыто стоящей бригады Биландта и нескольких пушек, расположенных на самом гребне, едва ли был виден хоть один солдат армии Веллингтона. Более того, мягкость грунта не позволяла рикошетировать ядрам, которые часто просто погружались в раскисшую землю. Поэтому начальный обстрел французской артиллерии не дал сколько-либо заметного результата.

Теперь готовился наступать корпус д'Эрлона, но вскоре после часа дня Наполеон вдруг заметил какое-то движение среди деревьев в направлении от Шпель-Сен-Ламбер. Штабные генералы надеялись, что это приближался Груши. Но все надежды внезапно рухнули, когда вместо Груши появился патруль, посланный полковником Марбо из 7-го гусарского полка. Этот лихой офицер был выслан около 10 часов утра на правый фланг линии французов, чтобы встретиться с кавалерийскими постами Груши. Однако, когда во Фришермон прибыл сам Марбо, его ждал неприятный сюрприз. «Вместо маршала Груши появился корпус Бюлова!»(46) Один прусский офицер попался в руки солдат Марбо и был препровожден к императору. Он откровенно рассказал, что знал, — и наконец раскрылась правда. Тридцать тысяч прусаков приближались для атаки против слабо прикрытого французского правого фланга!

Наполеон выслушал эту новость со своим обычным хладнокровием. Ни на один момент он не подумал прекратить наступление, хотя это было еще вполне в его силах, — для того чтобы дожидаться прибытия Груши, перед тем как бросить войска в общую атаку против позиции союзников. Он все еще думал, что у него есть время и перевес сил, достаточный для завоевания решительной победы и над Веллингтоном, и над Бюловом. Повернувшись к Сульту, он воскликнул: «Нынче утром у нас было девяносто шансов в нашу пользу. Даже теперь у нас еще есть шестьдесят и только сорок против нас!»

Тем не менее он приказал Сульту добавить постскрипту к новому приказу, который приготовили к отправке к Груши в ответ на его сообщение от 10.00 утра, в общих словах одобряющий его намерение передислоцироваться к Корбе. Это добавление было сформулировано так: «Только что перехваченное письмо говорит о том, что генерал Бюлов собирается атаковать наш правый фланг. Мы думаем, что даже можем видеть его корпус на высотах Сен-Ламбера. Так что не теряйте ни минуты в движении к нам и соединяйтесь с нами, чтобы смять Бюлова, которого вы застигнете в самый момент его сосредоточения»(47). Но в сущности, уже было слишком поздно вызывать Груши на поле Ватерлоо. Такой приказ должен был быть послан несколькими часами раньше, чтобы его можно было выполнить. Теперь, со своим неисправимым оптимизмом, император ожидал, что Груши получит этот приказ в течение часа. На самом деле он дошел до него в 5 часов вечера, а к тому времени уже не могло быть и речи о том, что он сможет подойти к Ватерлоо вовремя, чтобы повлиять на исход сражения.

Очевидно, было необходимо принять какие-то меры предосторожности для защиты правого фланга французов. Император, соответственно, не медля приказал Домону и Сюбсерви передислоцировать свои кавалерийские соединения в угрожаемый сектор, а за ними вскоре последовали 10 000 пехоты VI корпуса генерала Мутона (графа Лобау). Генерал Мутон начал строить своих людей в линию между Планшенуа и Парижским лесом, создавая таким образом второй фронт, обращенный к востоку. Некоторые теоретики и историки считают, что ему было бы лучше построить свой корпус уступом к тылу д'Эрлона, так как с этой позиции он мог бы выполнять двойную роль — поддержать атаку д'Эрлона в 2 часа дня, а затем снова занять это место, чтобы отразить или, скорее, приостановить наступление пруссаков. Однако Мутон не имел точных сведений о расстоянии, все еще отделяющем головные колонны пруссаков от поля боя, и, следовательно, наверное, вполне оправданно сосредоточился на чисто оборонительной роли. Но даже и в таком случае этим 10 000 французов пришлось очень нелегко, когда Бюлов направил на них свои 30 000 солдат.

Пока осуществлялись эти предупредительные меры, в 1.30 дня Наполеон приказал Нею начинать атаку силами д'Эрлона. Через несколько минут четыре дивизии I корпуса пустились вперед через те 1300 ярдов, что отделяли их от левого центра Веллингтона. Однако, по какой-то так никогда и не понятой причине, д'Эрлон принял для наступления устаревший боевой порядок. Вместо того чтобы наступать удобными батальонными колоннами (*Colonnes de division par bataillon*), что уменьшило бы количество потерь во время начального марша сближения, а также облегчило бы гибкое развертывание войск, когда они войдут в зону мушкетного огня, д'Эрлон построил три из четырех дивизий в массивные колонны в линию батальонных шеренг (*Colonnes de bataillon par division*). Это значило, что каждая дивизия наступала развернутыми батальонами в первом эшелоне и далее, то есть в первом ряду было 200 человек первого батальона, за которым следовали друг за другом все следующие батальоны на полную глубину 24—27 рядов. Может быть, причиной этого было неправильное прочтение приказа; но вероятнее, это было намеренным решением, так как такие боевые порядки были применены еще при Фридланде и в некоторых других случаях. Недостатки этого про-

моздкого, неуклюжего порядка были совершенно очевидны для капитана Дютиля из 45-го линейного полка, наступавшего в составе колонны Марконье. «Третья дивизия, к которой принадлежал мой полк, должна была наступать, подобно другим, в строю развернутых батальонов, где только четыре шага отделяли один батальон от другого, — странный боевой порядок, дорого обошедшийся нам, так как мы не могли образовывать каре против кавалерийских атак, зато ядра вражеской артиллерии пропахивали себе путь через этот порядок на глубину двадцати рядов»(48). Только один командир дивизии — генерал Дюрютт — разумно принял более гибкий порядок, и эта дивизия, действовавшая на самом краю правого фланга, имела наибольший успех.

Использование устаревшего боевого порядка было само по себе плохо, но оно не было единственной тактической ошибкой, совершенной при планировании этой атаки. Хотя большая батарея провела сильную предварительную артиллерийскую подготовку против левого центра Веллингтона, скосив неприкрытую бригаду Биландта, не было сделано попытки обеспечить достаточную артиллерийскую поддержку для атаки силами пехоты. Вообще была послана только одна бригада кирасир (генерал Травер), занявшая место на левом фланге дивизии Донзело. Однако во французской тактике было принято, чтобы кавалерийская атака предшествовала пехотной с целью заставить противника образовать каре и этим снизить мощność его фронтального огня. Однако в этом случае не было сделано попыток правильно согласовать участие различных родов войск в этой атаке. Поэтому уже было две причины, по которым шансы д'Эрлона на успех были поставлены под удар с самого начала. По самому гребню большей части возвышенности шла мощная живая изгородь, в которой британские артиллеристы прорубили импровизированные амбразуры для стволов орудий. Такое труднопреодолимое препятствие, конечно, было совершенно нежелательной целью для большой кавалерийской атаки.

Под непрерывным артиллерийским огнем союзников эти три дивизии, задыхаясь, лезли вверх по склону к гребню хребта. На короткий момент показалось, что д'Эрлону улыбается успех, несмотря на все трудности, обступившие его. На левом фланге наступления Донзело подобрался к укреплениям Ла-Э-Сент, прежде чем его неуклюжий порядок был остановлен градом огня, направленного на его плотно сбитые ряды батальоном майора Баринга из Королевского германского легиона. Однако кирасиры Трейвера обрушились на один из батальонов Омпеды и изрубили его на куски. Тем временем правее колонны Аликса и Марконье взбирались вверх по склону, и им вскоре удалось опрокинуть остатки разбитой бригады Биландта. Эта атака заставила англичан эвакуировать песчаный карьер. Тем временем на крайнем правом фланге генерал Дюрютт в полной мере использовал свой более гибкий боевой порядок и относительно легко отбил у нассаусцев Фришермон и Папелотт, правда, эти два пункта удерживались слабо.

Если бы для атаки было использовано больше кавалерии и граф Лобау находился бы в положении поддержки, Веллингтон вполне мог бы быть раздавлен первой атакой, как рассчитывал Наполеон. Хотя его положение было достаточно критическим, но помощь была близка. С величайшим хладнокровием 4000 красных мундиров Пиктона выдвинулись на самый гребень. Пока бригада Кемпта вела убийственный огонь с расстояния только 40 ярдов, Пэк бросал свои батальоны вперед в мощные атаки. Хотя сэр Томас Пиктон был убит в это время, ничто не могло удержать яростный напор его солдат, и через несколько минут положение в левом центре союзников стабилизировалось.

В этот напряженный момент лорд Эксбридж направляет атаку англо-шотландской бригады Понсонби и кавалерию Сомерсета против левого фланга колонны Донзело. Кавалеристы Сомерсета вначале смяли кирасир Трейвера, а затем обрушились на ошеломленные массы французской пехоты позади них. Понсонби вел своих кавалеристов прямо в гущу колонны Марконье. Преодолев трудную дорогу в

выемке, «шотландские серые»¹ пустились в атаку. «Все мы были очень возбуждены, — вспоминает капрал Джон Диксон, — и начали кричать: «Ура, девяносто второй! За Шотландию!»(49) А случилось так, что в атаке они пронеслись через ряды шотландских горцев 92-го полка, которые настолько разгорячились, что многие пехотинцы в своих шотландских юбках-килтах схватились, повиснув, за стремена кавалеристов и вместе с ними понеслись в атаку. Невозможно было устоять перед этим напором. Хотя французская пехота «сражалась как тигры», их неумолимо отбросили назад. Многие были изрублены, более 3000 были принуждены сдаться в плен, а два полка — 45-й и 105-й — лишились своих бесценных орлов на знаменах. Первый был захвачен сержантом Чарлзом Юартом из «шотландских серых», второй — офицером и капралом королевского драгунского полка. Очень скоро около двух третей деморализованных солдат д'Эрлона в полном беспорядке пустились в бегство вниз по склону.

Таким образом, первая массированная атака Наполеона была отражена, однако этой фазе сражения было еще суждено иметь эпилог. Чрезмерно возбужденные своим успехом, британские кавалеристы не смогли сдержать своих коней и перестроиться, но без остановки понеслись далее через долину прямо к массированной батарее французов. Хотя они достигли пушек и много прислуги было изрублено, эта атака была крайне безрассудной.

Со своей обычной чуткостью Наполеон определил нужный момент и бросил в атаку сильный отряд свежих улан и кирасир против выдохшихся и расстроенных рядов британской кавалерии. Понсонби был вначале захвачен, а потом убит; не менее 1000 его офицеров и рядовых кавалеристов из 25 000, участвовавших в атаке, разделили его судьбу, прежде чем на подмогу подошел Ванделёр и вывел их из этого затруднительного положения. В результате англо-шотландская бригада прекратила свое существование в качестве действующего соединения. Бригадир Сомерсет также участвовал в этом отчаянном разгроме Трейвера, но вышел из этой атаки с меньшими потерями.

Так закончилась вторая фаза битвы при Ватерлоо. Веллингтон мог поздравить себя с отражением слабо согласованной и плохо организованной атаки д'Эрлона, потеряв сам при этом около 4000 пехоты, но дальнейшие безрассудные действия его кавалерии обернулись потерей 25 000 его кавалеристов, что составляло большую часть всей союзной кавалерии.

Однако было выиграно драгоценное время, и пруссаки подходили все ближе. Во время наступившего повсюду затишья — кроме окрестностей замка Угумон — вскоре после 3 часов Веллингтон усилил храбрый гарнизон Ла-Э-Сент, снова овладел песчаным карьером и поставил в боевую линию бригаду Ламберта из резерва. Сэр Джон Кемпт принял команду над осиротевшей дивизией Пиктона. На краю левого фланга принц Бернгард успешно вернул себе деревню Папелотт.

Наполеон начинал все более тревожиться. Незадолго до трех часов прибывшая от Груши депеша (от 11.30 утра) и открывшееся из нее положение правого фланга французов показали, что не осталось никакой надежды на то, что Груши успеет подойти к полю Ватерлоо. Наполеон теперь мог или прекратить сражение, или бросить против Веллингтона все свои силы в надежде уничтожить его, прежде чем пруссаки смогут оказать ему действенную помощь. Едва ли можно было не догадаться, какой путь он выберет. В 3.30 дня маршал Ней получил категорический приказ взять Ла-Э-Сент любой ценой, а гвардия была немного выдвинута вперед, чтобы занять освободившееся место VI корпуса и быть в полной готовности расширить ожидаемый прорыв Ней.

Снова усилилась французская канонада, и Ней бросился вперед во главе двух бригад I корпуса — единственных войск д'Эрлона, которые смогли снова собрать-

¹ 2-й лейб-драгунский шотландский полк.

ся с силами. Атака не удалась, но прежде чем спуститься назад с гребня холма, Ней заметил признаки отхода союзных войск с тыла центра Веллингтона по направлению к Брюсселю. На самом деле эта картина объяснялась приступом паники у небольшой части кавалерии союзников и движением полных повозок с ранеными, пустых повозок из-под боеприпасов и длинной колонной раненых союзников, ковыляющих в тыл. Разгоряченному мозгу Ней представилось, что началось отступление Веллингтона. Не спрашиваясь у императора, Ней, «увлекаемый вперед избытком пыла»(49), приказал подтянуться бригаде кирасир Мийо, надеясь превратить вероятный отход союзников в немедленный и полный их разгром.

В этом угаре размах кавалерийской атаки стал несоразмерно возрастать. Вначале в нее была втянута дивизия генерала Делора, а затем и все кирасиры. Потом Лефевр-Денуэтт, по собственной инициативе, приказал своей легкой кавалерии последовать за тяжелой, и к 4.00 дня не менее 5000 французских кавалеристов помчались вверх по склону к центру боевой линии союзников. Это направление атаки само по себе было ошибочным, так как из-за части большой батареи, недавно передислоцированной к западу от брюссельской дороги, даже пришлось прекратить огонь, в то время как восточнее этой дороги была пологая долина, которая могла бы прикрыть это наступление. Третья грубая ошибка в этот день как раз начинала совершаться — кавалерия наступала без всякой поддержки сил артиллерии или пехоты: этим командиры снова пренебрегли требованием взаимодействия. К тому же фронт атаки был сужен из-за необходимости обойти и Угумон и Ла-Э-Сент, а мокрая земля тормозила темп кавалеристов, сведя их движение до медленной рыси. Кавалерийскую атаку не следовало начинать ранее, чем овладеют пунктом Ла-Э-Сент.

Не имея против себя ни французской пехоты, ни удачно размещенных батарей, британский фронт смог немедленно перестроиться в ряд из 20 каре (или, точнее, прямоугольников, ибо передние и задние стороны их были гораздо длиннее боковых). Перед ними и в промежутках между ними стояли полевые пушки Веллингтона, нацеленные на эту кавалерийскую атаку. Веллингтон приказал, чтобы канониры стояли у орудий до самого последнего мгновения, а затем нырjali в ближайшее каре, пока все неистовство французской атаки не разобьется об эту изгородь из штыков и временно оставленных пушек. Затем артиллеристы снова становились к орудиям, когда французы поворачивали назад, и открывали огонь им в спину. Хотя эта тактика и применялась со значительным успехом на большинстве участков боевой линии, она заслуживает и критики. Капитан Мерсер, например, считал, что деморализованные браун-швейгские батальоны, примыкавшие к его позиции, повернутся и обратятся в бегство, как только увидят, что британские канониры батареи «G» королевской конной артиллерии бросают свои орудия. Он, соответственно, не повиновался этому приказу Веллингтона и не дал своим людям укрываться. При условии, что пехотные каре могут осуществить оборону своих флангов на ширину 50 ярдов с каждой стороны, а артиллерийская батарея, стреляющая двойными зарядами¹, может оборонять фронт в 100 ярдов, то есть если несколько несущихся во весь опор кавалеристов и достигли пушек, то прислуга всегда могла укрыться под орудиями и быть в безопасности от их сабель.

Приближение французской кавалерии было внушительным зрелищем. Прапорщик Гронау из 1-го пехотного гвардейского полка вспоминает: «Ни один человек, присутствовавший при этом и выживший, не мог до конца жизни забыть ужасающее великолепие этой атаки. Вы видели вдали что-то казавшееся огромной движущейся линией, которая, приближаясь, сверкала, как мощная морская волна, отражающая солнце. Все ближе и ближе неслась эта конница, пока сама земля не начинала сотрясаться от этого громового топота. Казалось, что ничто не сможет

¹ Заряд шрапнели поверх заряженного ядра.

устоять перед напором этой ужасной накатывающейся массы. Это и были знаменитые кирасиры — в основном старые солдаты, отличившиеся почти во всех сражениях в Европе. Невероятно быстро они оказались уже в пределах 20 ярдов от нас, оглушая криками «Vive l'Empereur!». Прозвучала команда: «К встрече кавалерии готовься!»; каждый солдат в передней шеренге встал на колени, и перед разъяренными французскими кирасирами возникла стена, оцетинившаяся сталью штыков в крепких руках британских солдат»(50).

Напрасно кричавшие и размахивавшие саблями кавалеристы крутились перед опоясанными огнем каре. Все больше и больше лошадей и всадников валилось на землю; яростный напор атаки постепенно истощивался. Хотя целые батареи брошенных пушек по многу раз оказывались на несколько минут в руках у французов, никто не предусмотрел возможности заклепать орудия, а кавалеристы даже не подумали о том, чтобы уничтожить банники и досылатели. Отсутствие сопровождения французской конной артиллерией также означало то, что британские каре не подвергались убийственному огню в упор в короткие перерывы между кавалерийскими атаками. В целом весь этот штурм был спланирован и проведен так же плохо, как и предшествующее наступление д'Эрлона, вследствие чего храбрость кавалеристов оказалась потраченной понапрасну. «Французская кавалерия совершала храбрейшие из всех виденных мною атак: они прошупали все участки нашей боевой линии... — писал полковник Фрейзер. — Никогда кавалерия так великолепно не исполняла свой долг и не была так неустрашимо отражена пехотой»(51).

В критический момент лорд Эксбридж направил несколько кавалерийских бригад против выдыхающихся французских всадников, отбросив их назад в полном хаосе. Однако как только они очутились у подножия холма, как их офицеры перестроили свои потрепанные эскадроны и снова повели их вперед в атаку. И это усилие оказалось безрезультатным — массированный огонь батарей союзников прервал эту атаку, когда они даже не достигли усеянного телами гребня холмов. Однако некоторым каре пришлось плохо. «Во время боя наши каре имели ужасный вид, — продолжает прапорщик Гронау. — Мы почти задыхались внутри от дыма и запаха мушкетных выстрелов. Было невозможно шагнуть ни на один ярд, чтобы не наступить на раненого товарища или на тело убитого, а громкие стоны наших раненых и умирающих вселяли в душу ужас»(52). Но «железный герцог» был все время неподалеку от любого места самого тяжелого кризиса, поддерживая и успокаивая солдат и укрываясь в ближайшем каре, когда приближалась опасность.

Наполеон тем временем был беспомощным свидетелем этой неразрешенной кавалерийской атаки. Его гнев усиливался. «Это преждевременное выступление, которое вполне может привести к фатальному результату, — резко сказал он. — Он (Ней) подводит нас, как он это сделал и при Йене»(53). Он также все более и более думал об активности, замеченной на его правом фланге, ибо в 4 часа дня Бюлов наконец появился из Парижского леса и вступил в бой с кавалерией Домона и пехотой Лобау. При соотношении сил один к трем малочисленный французский VI корпус все-таки бросился в атаку, но его усилие вскоре ослабло, и к 5 часам дня Лобау был принужден отойти назад к Планшенуа. И это было еще не все: пруссаки немедленно перешли к штурму деревни с трех сторон и овладели ею. Теперь их пушечные ядра угрожающе засвистели над дорогой в Шарлеруа. Наполеон не мог не обращать внимания на эту угрозу его направлению отхода и сразу же приказал генералу Дюзму отбить назад Планшенуа силами дивизии молодой гвардии, пока Лобау усиливал свою позицию, соединяясь с правым флангом I корпуса под прикрытием атаки гвардии.

Ней также нуждался во внимании императора. Чтобы вывести своего импульсивного маршала из затруднительного положения, Наполеону пришлось отдать приказ на наступление кавалерии Флао и Келлермана. Келлерман попросил подтверждения этого приказа, но, прежде чем Наполеон смог повторить его, командиры

дивизий из корпуса Келлермана самовольно приняли решение наступать. Снова воцарившаяся атмосфера нервного подъема не могла не охватить и остальную французскую кавалерию поблизости: генерал Гийо тоже повел в атаку остаток гвардейской кавалерии. Таким образом, к 5 часам у Наполеона не осталось сформированного кавалерийского резерва, а девять — десять тысяч кавалеристов снова тяжело скакали к задымленной боевой линии британцев на фронте в 500 ярдов.

Эта вторая серия кавалерийских атак, почти так же не поддержанных, как и первая, была, в свою очередь, отражена. Однако каре Веллингтона еле пережили эту атаку, и к тому времени, когда закончилась эта фаза сражения, большей части британской кавалерии уже не существовало, и в линию были подтянуты последние пехотные резервы. Ней, под которым в это время была убита уже четвертая за этот день лошадь, добился нескольких локальных побед, но, как оказалось, не смог закрепить их. Единственная батарея конной артиллерии, сопровождавшая эту атаку, громила британскую линию с расстояния 400 ярдов, но была не в силах сама по себе нанести союзникам непоправимый ущерб. Поэтому французской артиллерии, после восьми решительных атак, все-таки пришлось откатиться назад из-за недостатка в поддержке. А между тем ведь было много французской пехоты, которая могла бы поддержать атаку Ней, — 6000 человек из корпуса Рейля, которые едва ли еще сделали хотя бы по выстрелу в этот день. Но только в 6 часов вечера, когда кавалерия уже полностью выдохлась, Ней вспомнил про Рейля и почти свежие дивизии и повел их вперед. Фуа и Башлю делали все, что было в их силах, но солдаты не могли противостоять огню британских пушек, и, потеряв 1500 человек за десять минут, они тоже, в свою очередь, отступили.

После этого нового поражения Наполеон стал ездить вдоль линии своих измученных солдат, изучая позиции Веллингтона. Он снова видел, насколько важна была позиция у Ла-Э-Сент, и приказал Нейю возобновить на него атаку. Вскоре после 6 часов вечера «храбрый из храбрых» снова пошел в атаку с частью дивизии Донзело, небольшим количеством кавалерии и несколькими пушками. Наконец Ней прибег к правильной тактической формуле — согласованной атаке всеми родами войск, — и его новое усилие было полностью успешным. Оставшиеся в живых солдаты Королёвского германского легиона были вытеснены из здания фермы и прилегающих построек, и соседний песчаный карьер тоже попал в руки Ней. Не теряя ни минуты, французский маршал расположил батарею только в 300 ярдах от английского центра и открыл по нему губительный огонь. Сквозь дым еле виднелись остатки других дивизий I корпуса, и снова стало казаться, что успех уже почти в руках Ней. Для Веллингтона настала тяжелейшая минута дня — его центр дрогнул, — и Ней послал несколько призывов к императору, прося у него резервов, чтобы закрепить победу.

«Des troupes! Ou voulez-vous que j'en prenne? Voulez-vous que j'en fasse?»¹(54) — было единственным ответом, которого посланец Ней, полковник Эйт, мог добиться от Наполеона: Это был момент истины. Если бы император прислушался к мольбам своих подчиненных и выслал вперед императорскую гвардию (или хотя бы половину ее), сражение было бы почти определенно выиграно. Тем не менее Наполеон имел основательные причины отказать Нейю в просьбе. Во-первых, у него не было точных данных о том, насколько положение Веллингтона было действительно тяжело, а множество необдуманных решений и действий Ней за эти последние часы едва ли могли заставить императора снова довериться здравому смыслу маршала. Кроме того, на восточном фланге дела шли все хуже и хуже. Молодая гвардия, выгнав пруссаков из Планшенуа, внезапно была, в свою очередь, разбита. Когда Ней требовал еще и еще войск к себе на север, а Любау и Дюэм просили с востока о помощи, у Наполеона были основания задуматься. В последнем резерве

¹ «Войск!.. Откуда мне их взять? Хотите от меня, чтобы я их сделал?» (фр.)

у него еще стояло восемь нетронутых батальонов старой гвардии и еще шесть батальонов средней гвардии. Нею нужно было только шесть-семь из них, чтобы закрепить победу, — или так он утверждал, — но император решил, что прусская угроза его коммуникациям является делом первостепенной важности. В соответствии с этим одиннадцать батальонов были направлены на восток для образования боевой линии из каре, идущей от Бель-Альянса до Ронсомме и обращенной фронтом к Планшенуа для поддержки всего правого фланга. Затем генералам Морану и Пеле было приказано отбить обратно Планшенуа сабельной атакой двух батальонов гвардии — гренадерским и егерским. Оставшийся батальон гвардии защищал ставку в Ле-Кайю.

Пока Ней держался за Ла-Э-Сент, видя, как с каждой минутой тают его шансы на победу, старая гвардия снова покрывала славою свое имя у Планшенуа. Через двадцать минут Планшенуа был в руках французов, и не менее четырнадцати батальонов пруссаков откатывались назад перед точно выверенным напором штыковой атаки силами двух батальонов старой гвардии. Молодая гвардия вернулась для занятия Планшенуа, но, к несчастью, батальоны старой гвардии, выдвинувшиеся слишком далеко за пределы деревни, были контратакованы Бюловом и принуждены отступить. Тем не менее к 6.45 вечера положение на правом фланге Наполеона на какое-то время явно стабилизировалось, и можно было отозвать несколько батальонов в центральный резерв.

Но для Веллингтона кризис не терял своей остроты. Батарея Нея буквально пробивала дыры в самом центре его позиции: две бригады (Омптеды и Кильмансегге) были фактически уничтожены. «Веллингтон с такой тревогой смотрел на эту большую брешь в самом центре своей боевой линии, — писал Кеннеди, — что он не только приказал заполнить ее своим брауншвейгским войскам, но и сам встал туда во главе их; но даже и тогда они с большим трудом удерживали свою позицию»(55).

Однако теперь быстро исчезал шанс французов на решающую победу. Пока Веллингтон передислоцировал свои войска с правого фланга, чтобы заткнуть угрожающую брешь в центре, барон Мюфлинг во главе первых частей корпуса Цитена подошел для усиления левого фланга союзников. Он успел сделать это лишь в самый последний момент. Дело в том, что Цитен вышел маршем из Вавра (с благословения Гнейзенау) вскоре после 2 часов дня и к 6 часам уже миновал Жанваль и приближался к Оэну. Однако, получив от младшего офицера ошибочные сведения о том, что Веллингтон уже отходит (на самом деле, как это и раньше было с Неем, этот офицер увидел только раненых солдат союзников, уходящих в тыл), Цитен решил направиться на юг, вместо запада, чтобы поддержать Бюлова у Планшенуа, откуда доносился страшный грохот пушек. К счастью для Веллингтона, генерал Мюфлинг появился в этот самый момент и убедил Цитена придерживаться своего первоначального приказа. Таким образом, поддержка пруссаков была уже близка; вскоре они должны были достигнуть Фришермона и уже могли дать почувствовать свое появление на Мон-Сен-Жан.

Ненадолго успокоившись относительно своего правого фланга, Наполеон наконец мог заняться событиями, происходившими в центре. Теперь у него на руках осталась только одна козырная карта — императорская гвардия, а точнее, те ее девять батальонов, которые вернулись в резерв и теперь могли быть использованы им. В семь часов гвардии было приказано наступать. Впереди были генералы Друо и Фриан; император шел во главе своих отборных войск, пока до неприятельских позиций не осталось 600 ярдов; там он передал командование Нею. К этому времени на северо-востоке ясно различались темные массыдвигающихся войск. Желая подбодрить солдат корпусов д'Эрлона и Рейля для одного последнего усилия в поддержку решающей атаки гвардии, Наполеон велел распространить слух, что это подходят войска Груши. Генерал Дежан, один из адъютантов

императора, передал это маршалу Нею. «Маршал сразу приказал мне проехать направо вдоль всей линии и оповестить солдат о прибытии Груши, — вспоминает полковник Левавассёр. — Я пустился галопом, подняв шляпу на конце своей сабли, вдоль боевой линии, крича: «Vive l'Empereur! Soldats, voilà Grouchy!» Крик был подхвачен тысячами голосов. Возбуждение войск достигло лихорадочного накала, и все они закричали: «En avant!»(56) Однако это восторженное настроение длилось совсем недолго; внезапно в тылу у французов послышался грохот пушек. Воодушевление сменилось испугом, испуг перешел чуть ли не в панику. Уловка императора обошлась ему слишком дорого, ибо подъем духа у войск стал исчезать еще быстрее, когда внезапно разбилась только что затеплившаяся надежда. «Voyez! Ces sont les Prussiens!»¹ Французы ошеломленно медлили.

Теперь глаза всех обратились на императорскую гвардию, неумолимо двигавшуюся вперед под грохот барабанного сигнала «к атаке!». Но Веллингтон был готов. Усиление его центра завершилось благодаря прибытию войск Ванделёра и Вивиана, которые должны были поддержать его усталые батальоны². Бельгийско-голландская дивизия Шассе уже заняла свою позицию, и Цитен должен был вот-вот подойти. Более того, один французский кавалерийский офицер-дезертир выдал намерение Наполеона и его вероятное направление атаки. По приказу Веллингтона союзные войска встали за насыпью, по которой шла дорога на Оэн. Французские пушки удвоили свои усилия, но большинство ядер летели над высокой насыпью дороги, не причиняя вреда.

Что и как действительно произошло в этот последний критический момент сражения под Ватерлоо, во время Первой французской империи Наполеона, — неясно и спорно. Имеется много версий этой последней атаки, сравнимой в анналах военной истории с конной атакой Пикетта при Геттисберге. Точно известно, что гвардия двигалась к склону одной сомкнутой колонной, то есть с фронтом в две роты, имея 75—80 человек в переднем ряду, и что ее сопровождали две батареи конной артиллерии. Затем, оставив два батальона, обратившиеся фронтом к Угумону, который уже пылал, подожженный огнем гаубиц, но все еще удерживался союзниками, остальные семь батальонов средней гвардии (различные историки приводят цифры четыре, пять, шесть и семь) отклонились от оси главной брюссельской дороги и двинулись диагонально по местности к правой части центра Веллингтона. Было ли это сделано обдуманно или по ошибке — неизвестно, но большинство историков считают, что Нею никак не следовало сходить с главной дороги с ее прикрывающими боковыми склонами насыпи и четко определенным направлением наступления.

Вскоре эта атакующая колонна разделилась на две части (некоторые историки утверждают, что на три) — вероятно, по ошибке. Генерал Фуллер указывает, что это вполне могло случиться из-за того, что головные батальоны в своем возбуждении двигались очень быстро, оставляя замыкающих далеко позади, или же колонна могла несколько сбиться с направления среди густых облаков порохового дыма, клубившихся над землей. В любом случае, егерский батальон, замыкавший колонну, взял левее гренадер и вскоре наступал почти параллельно им. «Во время движения атакующей колонны, — писал генерал Мейтленд, — егеря отклонились влево. Гренадеры взбিরались по склону к нашей позиции в более прямом направлении, оставляя Ла-Э-Сент справа от себя и двигаясь к той части возвышенности, которую занимала наша гвардейская бригада»(57).

Веллингтон уделил свое внимание поочередно каждой французской колонне. Одна часть французской атаки, ближайшая к Ла-Э-Сент, была остановлена и раз-

¹ «Смотрите, это пруссаки!» (фр.)

² Эта передислокация кавалерии союзников закончилась примерно за 45 минут до атаки императорской гвардии. (Примеч. автора.)

громлена совместным действием пушек союзников и мушкетного огня войск генерала Шассе. К западу от них другая часть французской атаки подошла на расстояние 60 ярдов к Оэнской дороге, когда по команде Веллингтона британская гвардия выступила из-за прикрывающего их откоса насыпи дороги. Пораженные этим внезапным появлением, неразвернутые батальоны французской гвардии «встали как вкопанные». Затем, с расстояния только 20 ярдов, британские «красномундирники» стали палить залп за залпом по голове колонны. Так как гвардия наступала без кавалерийской поддержки, им пришлось принять на себя всю мощь огня британской пехоты. Вынести это было свыше человеческих сил. Гренадеры смешались, повернулись и пустились в бегство.

В последующие десять минут такой же прием был оказан колонне егерей. Пока французы поднимались вверх по склону, легкая бригада Адама затаилась, ожидая их, скрытая высокой нивой. Затем неожиданно 52-й полк Колберна повернулся влево, встав параллельно направлению наступления французов.

Англичане выслали вперед роту в расчлененном строе, которая открыла огонь по французской колонне. Отвлечение подействовало: егеря остановились, повернулись и начали отвечать огнем на угрозу своему флангу. Видя, что наступление французов приостановилось, Веллингтон направил все имевшиеся поблизости войска в штыковую атаку. Хотя в происшедшей схватке обе стороны понесли тяжелые потери, французское наступление захлебнулось, они не смогли развернуться, и очень скоро егеря, в свою очередь, обратились в бегство вниз по склону.

«Гвардия отступает!» Эта невероятная новость побежала, как лесной пожар, по частям французской армии. Дальше, к востоку, пруссаки Цитена очищали Ла-Э-Сент и Папелотт, заставляя Лобау отойти назад; новая прусская атака на Планшену также проходила успешно. Почувствовав, что наступил нужный момент, Веллингтон замахал своей шляпой, и 40 000 солдат союзников во главе с Вивияном и Ванделёром с мощным криком бросились вниз с Мон-Сен-Жан, обрушиваясь на ошеломленные ряды как бы зачарованной французской Северной армии. Через несколько мгновений ряды французов рассыпались, и с криками «*Sauve qui peut!*» и «*Trahison!*»¹ часть за частью превращалась в орду деморализованных беглецов.

Посреди своей разваливающейся армии Наполеон делал все, что было в его силах, чтобы остановить растущую панику. Видя, что положение стало совсем неуправляемым, он постарался прикрыть это повальное бегство. Образовав три каре из имевшихся частей гвардии, он приказал им идти вперед навстречу бегущей орде и их преследователям. Войска союзников были остановлены видом сомкнутых рядов французских медвежьих шапок, но эта задержка оказалась недолгой. Бегущие чуть не смяли гвардейские каре, нарушив их порядок, и гвардия снова отошла.

Однако она отнюдь еще не была списанной со счетов силой. Когда генерала Камбронна призвали сдаться, он якобы воскликнул: «Гвардия умирает, но не сдается!», и этот знаменитый ответ вошел в классику исторических мифов, и, хотя генерал не произносил эту фразу (ограничившись куда более выразительным словом в пять букв, чтобы излить обуревавшие его чувства), она служит достойной эпитафией безграничному мужеству наполеоновской гвардии. На восточном фланге молодая гвардия удерживалась у пылающих домов Планшенуа до 9 часов вечера, самоотверженно прикрывая дорогу Брюссель — Шарлеруа, чтобы дать остаткам армии возможность отступить. В северном секторе старая гвардия вела образцовый отход перед численно превосходящим противником до 8 часов вечера. Наполеон находился в одном из каре, но когда миновала непосредственная опасность, он отправился со своим конвоем в Женапп, намереваясь собрать остатки своей армии в его окрестностях. Он пересел из кареты в седло и при этом едва не попал в плен — его могла захватить прусская кавалерия.

¹ «Спасайся кто может!», «Измена!» (фр.).

Все надежды собрать войска в Женаппе оказались разбиты, когда император приблизился к городу; узкие улочки, ведущие к единственному мосту, оказались уже забиты истерической толпой беженцев, и эскорту императора понадобился целый час, чтоб пробиться сквозь толпу. Теперь Наполеон возлагал надежды на появление резервной дивизии у Катр-Бра (вызванной из Линьи); за таким солидным заслоном задача переформирования армии могла бы иметь шанс на успех. Однако, когда Наполеон в час ночи 19 июня подошел к Катр-Бра, там не было и следов этого соединения. И бегство продолжалось.

Тем временем герцог Веллингтон и фельдмаршал Блюхер встретились в гостинице в Бель-Альянсе (около 9 часов вечера). Было немедленно решено, что преследование будет проводиться силами относительно свежей прусской кавалерии. Эффективность этой операции была переоценена. Хотя генерал Гнейзенау лично возглавил 4000 пруссаков, большая часть солдат Пирха и Бюлова дошли только до берегов Диля, и к рассвету разгромленные французы полностью оторвались от своих преследователей. Это давало Наполеону возможность собрать своих солдат у Филиппвиля. Однако, понимая, что его присутствие в Париже настоятельно необходимо, чтобы восстановить доверие французов к себе и организовать всестороннюю оборону, он поручил задачу сбора армии маршалу Сульту и поехал в столицу, до которой он добрался только 21 июня. По тону его письма, посланного регенту Жозефу 19-го, совершенно ясно видно, что Наполеон был еще далек от отчаяния. «Не все потеряно... — писал он. — Еще есть время исправить положение» (58).

Но что же происходило тем временем с Груши и с правым крылом Северной армии? Во второй половине дня и вечером 18 июня в окрестностях Вавра и Лимала шло много беспорядочных и безрезультатных боев, в ходе которых французы пытались сломить сопротивление 17-тысячной силы прикрытия под командованием Тильмана. Даже и после полуночи Груши не имел точных сведений об исходе битвы у Ватерлоо. Только в 10.30 утра 19 июня он узнал о разгроме главной армии. Обдумав несколько вариантов действий, он решил отходить во Францию через Намюр и начал выполнение блестящей операции по отходу, целых два дня стряхивая с себя преследующих пруссаков. Даже когда Пирх и Тильман нагнали Груши у Намюра 20 июня, маршал оказался способен нанести два неожиданных поражения своим преследователям. И таким образом Груши привел 25 000 уцелевших французских солдат в Филиппвиль на следующий день, и, несмотря на то что 18-го он не пошел на звук канонады, его вина искупается, безусловно, этим фактом. Таким образом, самая активная фаза кампании Ватерлоо окончилась для французов достойно.

Однако велик масштаб поражения, нанесенного репутации Наполеона-военачальника в этой кампании. Во время ссылки на Святой Елене низложенный император старался переложить ответственность за эту катастрофу на плечи своих ближайших подчиненных — в особенности маршала Груши. Конечно, в этих притязаниях есть элемент справедливости. Груши можно безусловно критиковать за то, что он не повел свои войска на звук пушечной стрельбы в первой половине дня 18 июня или, по крайней мере, за догматическое и формальное выполнение приказа императора. Точно так же работа штаба Сульта в эти критические четыре дня была очень далека от совершенства, и он также повинен в той путанице и недопонимании, которые возникали между разными частями Северной армии. Небезупречен и «храбрый из храбрых». После роковых колебаний и задержек 15, 16 и 17 июня он вдруг бросился в другую крайность, устремившись в битву при Ватерлоо с крайне бездумным и необоснованным энтузиазмом, загубив при этом не менее двух возможностей одержать быструю победу; виной тому — его упрямые попытки повторять недостаточно поддержанные, несогласованные атаки. Он предпочитал метод «малых пакетов» и проявлял неспособность использо-

вать все имеющиеся ресурсы, которые могли обеспечить успех. Все это — серьезные обвинения против него как полевого командира, хотя никто не смог бы усомниться в его личной отваге.

Но, конечно, главная ответственность за исход этой короткой кампании ложится на самого императора. Его исходная стратегическая концепция была блестящей и не уступала его другим замыслам, и до полудня 16 июня — а может быть, и до начала 17-го — казалось, что все складывается в его пользу. Но были и серьезные изъяны, подточившие все усилия. Если его апологеты часто преувеличивали упадок его умственных и физических сил, то есть и объективные свидетельства некоторого ухудшения всех его способностей. В июне 1815 года Наполеон был упрям, высокомерен и сверхсамонадеян. Он назначил второстепенных людей на ключевые посты, когда были и лучшие кандидаты, несомненно полагаясь на магию собственной репутации, способную компенсировать недостатки других. У него проявилась тенденция недооценивать храбрость и стойкости своих противников. Он совершенно не принял во внимание чувство верности у Блюхера и не принял всерьез полководческие способности Веллингтона, хотя вокруг него было много людей, испытавших на себе боевые качества британцев и превосходные способности Веллингтона-тактика.

Эти ошибки заставили его отложить начало критического сражения до 18-го, а затем отказаться дать Нею жизненно важные подкрепления в решительный момент битвы; хотя, несомненно, этот второй промах объясняется тем, что его внимание было занято второстепенным сражением на восточном фланге своих частей. Более того, Наполеон недостаточно контролировал своих подчиненных во время сражения. Если главнокомандующий и не должен чрезмерно вмешиваться в детали тактики сражения, его общее руководство необходимо, чтобы обеспечить выполнение генерального плана с минимумом задержек и путаницы. Тем не менее Жерому было позволено превратить тактическую демонстрацию в главное усилие, д'Эрлону — принять допотопное боевое построение, Нею — попусту тратить кавалерию, а Груши отойти вдаль за пределы досягаемости. Наполеон не должен был бы позволять совершать такие ошибки. На таком ограниченном по площади поле боя, как у Ватерлоо, была осуществима высокая степень личного контроля, но есть мало данных о том, что Наполеон оказывал не только отрицательное влияние на ход событий после начала битвы. Императору не повезло с погодой в предшествующие двенадцать часов, но это ни на йоту не снимает с него ответственности за пассивность, беспечность и рассеянность, которые он проявлял в различные критические моменты того дня.

Командующим союзников по праву принадлежат все почести за успешное руководство битвой. Веллингтон безусловно выбрал прекрасную оборонительную позицию и затем вел ее защиту замечательно стойко и похвально. Если он заслуживает критики за неиспользование ценных солдат отряда, оставленного в Але, его личное руководство войсками в долгие часы битвы на Мон-Сен-Жан было практически безупречно. «Железный герцог» всегда оказывался в центре кризиса, подбадривая разбитых, уговаривая опасавшихся, хваля преуспевших. Только однажды — когда кавалерия Понсонби превысила свои полномочия, — хладнокровие на мгновение изменило ему. Его солдаты тоже заслужили похвалу. Ведь в лучшем случае армия союзников была весьма гибридным сборищем из многонациональных соединений, и британские войска составляли менее половины всех участвовавших в этой битве. Даже эти британцы большей частью не были ветеранами Испанской войны — те солдаты в это время плыли на транспортах в Северную Америку. Значительная часть британского контингента при Ватерлоо была взята из учебных батальонов и ополчения, а большинство кавалеристов никогда не служили за пределами Британских островов. И все-таки они великолепно сражались весь долгий изнурительный день, а рядом с ними храбро воевали их то-

вариши из Королевского германского легиона и другие контингенты союзников, в особенности нассаусцы.

И наконец, нужно воздать должное фельдмаршалу Блюхеру и его прусским солдатам. У армии Веллингтона едва ли был хоть один шанс на решающую победу в одиночку — своевременное прибытие всевозрастающего потока прусских войск на правом фланге французов, несомненно, качнуло чашу весов в пользу союзников. То, что Бюлов, Пирх и Цитен прибыли вовремя, стало почти целиком заслугой их главнокомандующего, который оставался таким же энергичным и целеустремленным, несмотря на свою болезнь. Прекрасно показал себя и барон Мюфлинг, обеспечивший эффективную связь между армиями союзников, а также нашедший и направивший колонну Цитена в нужное место в критический момент.

Глава 93

ПОСТСКРИПТУМ

Общее военное положение Франции после Ватерлоо совсем не было таким мрачным, как его иногда представляют. Обе стороны понесли тяжелые потери в течение 15—18 июня, и, хотя французы, естественно, пострадали больше, с точки зрения потерь и ущерба моральному духу и престижу, союзники отделались не намного легче. По оценкам, французы потеряли 25 000 убитыми и тяжело ранеными только во время Ватерлоо, и сразу после битвы в руки союзников попало 8000 пленных и 220 пушек; кроме этого, вероятно, еще 8000 человек дезертировали из армии в дни последовавшего хаоса, прежде чем маршалу Сульту удалось восстановить какой-то порядок и дисциплину. Союзники же потеряли 15 000 человек на Мон-Сен-Жан; у пруссаков из 45 000 участвовавших в битве более 7000 были убиты и ранены. Каждая сторона потеряла еще по 2500 человек у Вавра. Таким образом, потери французов составили примерно 43 500 человек (включая дезертиров) по сравнению с 25 000 у союзников в течение 18 июня и сразу после него. Однако если учесть потери, понесенные 16-го и 17 июня, суммарные потери французов равны примерно 60 000 человек, а союзников — 55 000. Конечно, с самого начала у Веллингтона и Блюхера было общее численное превосходство над своим противником, поэтому их потери были не так болезненны для них, как это было у французов.

Тем не менее, хотя стратегический замысел Наполеона теперь лежал в руинах, военное положение императора было отнюдь не таким безнадежным — он продолжал пользоваться поддержкой армии и населения Франции. Со временем Султ собрал около Филиппвиля более 55 000 солдат Северной армии (включая и крыло Груши), и к концу июня имелось не менее 117 000 солдат для обороны Парижа и противодействия наступлению победных союзных войск от бельгийской границы. Были также значительные количества солдат в гарнизонах многих важных крепостей между границей и Парижем, а в учебных центрах на северо-востоке проходили подготовку еще 117 000 молодых солдат. Необходимость выставить заслоны у этих крепостей и учебных лагерей вызвала значительное уменьшение численности армий союзников, и к тому времени, когда командующие перестали выделять силы для этих целей, у Блюхера осталось только 66 000, а у Веллингтона — всего 52 000 солдат (в их число входило много ненадежных частей сомнительной боевой ценности) для завершающего наступления на французскую столицу.

И на второстепенных фронтах успех не сопровождал французских воинов. Альпийская армия Сюше сильно потрепала войска генерала Фримонта в Пьемонте. Генералы Лемарк и Клозель успешно подавляли мятежников в Вандее. Когда австрийский главнокомандующий Шварценберг в конце июня начал переправляться

через среднее течение Рейна, его авангард был решительно остановлен храбрым генералом Раппом с горсточкой войск в сражении у Ле-Суффеля. Поэтому были основания считать, что после катастрофы под Ватерлоо еще оставалась возможность стойкой защиты французской территории.

Однако полностью отсутствовало одно необходимое условие — поддержка императора правительством. Вполне вероятно, что простые люди Парижа были готовы сражаться и дальше, но, хотя Даву и убеждал своего повелителя взять в свои руки контроль над министерствами и провести чистку ненадежных обеих палат силами большого и преданного гарнизона столицы, Наполеон колебался перед этим окончательным решением. Политики же и чиновники, во главе с архинтриганом Фуше, спешили попользоваться, чем успеют. Пока усталый император урвал несколько часов для постоянно недостающего ему отдыха утром 21 июня, после возвращения в Париж, заговорщики торопились: вопреки Конституции, палаты провозгласили себя не подлежащими роспуску, если на то не было их решения, вызвали Национальную гвардию для своей защиты и горячо потребовали нового отречения Наполеона. Не желая прибегать к насилию на улицах своей столицы, Наполеон согласился и 22 июня 1815 года формально отрекся от императорского престола Франции в пользу своего сына — Римского короля — ровно через 4 дня после битвы у Ватерлоо. Через несколько дней экс-император уехал в Мальмезон.

Пока палаты тянули время, обсуждая конституционные мелочи, Фуше торговался с союзниками, ища, кто даст больше. Тем временем союзники наступали вдоль Уазы, а Груши отходил через Лаон и Суасон к Парижу. Блюхер подошел к воротам столицы 30 июня, но был отброшен назад силами Даву (117 000 человек). На последних стадиях своего наступления союзники опасно растянулись, и Наполеон предложил свои услуги Временному правительству, соглашаясь служить в качестве простого генерала, надеясь не упустить эту золотую возможность разбить союзников по отдельности и отомстить за Ватерлоо. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что правительство отказалось взять к себе на службу своего прежнего повелителя. Фуше, по крайней мере, согласился предоставить ему фрегат. Надеясь уехать в Соединенные Штаты Америки и получить там убежище, Наполеон по собственной воле выехал в Рошфор, где у причала стоял его корабль, но, прибыв в порт 3 июля, он увидел, что на рейде уже стоит эскадра британского королевского флота.

В течение 12 дней последовательно обдумывались и взвешивались многие планы и предположения, но после того как Наполеона предупредили, что Людовик XVIII приказал городским властям арестовать его, он наконец согласился подняться на английский военный корабль «Беллерофонт», доверившись милосердию и великодушию принца-регента Великобритании. Не теряя надежды, что его британские противники позволят ему отплыть в Америку или остаться жить в Англии, Наполеон принялся, как всегда, очаровывать офицеров и матросов. Однако принц-регент и правительство лорда Ливерпула имели другие планы, и вскоре Наполеон Бонапарт уже плыл к скалистой крепости-острову Святой Елены в Южной Атлантике, чтобы провести там остаток жизни.

Кончился полет орла. «Чудовище» наконец было надежно заключено в клетку, и измученная Европа начала понемногу приходить в себя от пережитого, пытаясь вернуться к прежним способам жизни и приспособиться к новым правительствам. Но тень Наполеона магически витала над миром и после его смерти в 1821 году. Она притягивает нас и по сей день.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

Армейский корпус — самостоятельное войсковое соединение, включающее пехоту, кавалерию, пушки и собственный штаб.

Батальонные колонны — боевой порядок, при котором в каждой линии (ряду) находятся два батальона.

Вольтижер — солдат второй элитной роты батальона линейной пехоты, сражающийся в составе завесы застрельщиков и в растянутом боевом порядке. Вольтижеры должны были двигаться вровень с кавалерией, идущей на рысях. Отсюда их прозвище — «прыгуны-бегуны».

«Ворчуны» — прозвище, данное Наполеоном пехотинцам гвардии (с 1807 года); часто применялось по отношению к французским солдатам-ветеранам тех времен.

Гренадер — а) вначале пехотинец, вооруженный, помимо табельного оружия, гранатами; б) солдат элитной роты пехотного батальона, прошедший строгий отбор, ростом не менее 173 см, получавший особое жалованье; в) гренадер гвардии — солдат привилегированных частей старой гвардии; г) конный гренадер — рядовой в эскадронах тяжелой кавалерии.

Дивизионная колонна — боевой порядок, в котором дивизия наступает развернутым фронтом одного батальона, за которым остальные следуют на соответствующих дистанциях.

Драгуны — основа линейной кавалерии; способны сражаться в конном строю и шившись.

Егеря конные — легкая кавалерия, способная вести огонь в роли застрельщиков.

Егеря пешие — пехотинцы, служащие в частях легкой пехоты. Два полка были включены в старую гвардию. Это название также относилось к горным частям.

Записные книжки (Carnets) Наполеона служили ему для записи всех сведений, относящихся к войскам, для послужных списков офицеров и т.п.

Зарядный ящик служил для перевозки артиллерийских боеприпасов на хоботе лафета или передке орудия.

Застрельщик — стрелок, находящийся впереди боевой линии и завязывающий бой. К этой роли привлекалось в бою до половины молодой гвардии.

Императорская гвардия — элитное соединение в наполеоновской армии; со временем стало подразделяться на старую, среднюю и молодую гвардию. Обычно ее держали в резерве (до 1813 года).

«Кабшеты» Наполеона — ближайшие друзья и главные подчиненные.

Карабинер — тяжеловооруженный кавалерист.

Картель — самый старый артиллерийский снаряд, предназначенный для поражения живой силы противника на близких расстояниях. Имелись ее разновидности: grapeshot —

матерчатый мешочек с мушкетными пулями, рассеивающимися при выстреле, заключался в жестянку; *barshot* — кроме пуль, закладывался металлический брусок; *langridge* — так называемая наброска картечи (куски железа, гвозди, кремни и т.п.).

Конная разведка — три полка конных разведчиков, приданных молодой гвардии в 1814 году.

Levée-en-masse — первая попытка призыва в армию в большом масштабе, предпринятая в 1793 году.

Легион — иностранные части, включаемые во французскую армию; иногда этот термин обозначал более крупные части Национальной гвардии.

Легкая кавалерия включала гусар, улан, егерей и проч.

Легкая пехота — то же, что и линейная пехота, но подготовленная для более гибкой и мобильной тактической роли; состояла из карабинеров, пеших егерей и вольтижеров.

Летучая артиллерия — «галопирующие пушки»; канониры на лошадях, не передвигавшиеся на передках орудий.

Линейная пехота — обычные полубригады, полки и батальоны «линии» (ист. «линии баталии»). Различались по номерам.

«Малый генеральный штаб» — группа высших офицеров, постоянно сопровождавших Наполеона, когда он ехал верхом.

Мамлюки — а) отряд элитной кавалерии и конных егерей гвардии в восточных костюмах, увешанных оружием; б) привилегированная кавалерия в турецких армиях; иногда мамлюки были полуавтономной правящей кастой в отдаленных территориях, например в Египте.

Морская гвардия — элитные части, которые использовались для особых заданий в пределах операций в бассейнах европейских рек.

Обсервационный корпус — соединение, выделенное из главной армии для ее прикрытия и наблюдения за противником. Использовалось на второстепенном направлении.

Орел — особый штандарт, дарованный большинству частей императорской армии.

Передок — отделяемая передняя часть пушечного лафета (в основном два колеса, ось, дышло и зарядный ящик), используемая для поднятия хобота лафета при движении.

Полубригада — тактическая часть, включающая три батальона (1793—1803 годы), позднее получила наименование «полк».

Понтонеры — саперы (военные инженеры), строящие мосты из штатного оборудования или подручных материалов.

«Представитель народа» (*Représentant-du-Peuple*, а также *Député-en-Mission*) — правительственный чиновник, назначенный в революционную армию и имевший огромные полномочия; политический комиссар.

Рикошетный огонь — вид артиллерийского огня, при котором обеспечивается отраженный полет снаряда (пушечного ядра), ударившегося о какую-либо преграду под небольшим углом к плоскости цели.

Смешанный боевой порядок — часто применявшаяся группировка сил и средств войск, сочетавшая линейный боевой порядок и колонны (огонь и удар), отличавшаяся большой гибкостью.

Телеграф Шанпа — система визуальной передачи приказов, сообщений и т.п. Основана на ряде взаимно видимых сигнальных семафорных станций, оснащенных каждая тремя мачтами, с которых передавались кодированные сообщения.

Угломер — инструмент, укрепленный сбоку орудия, показывающий угол возвышения ствола.

Уланы — легкая кавалерия, вооруженная пиками; вначале польская (1809 год), но позднее включавшая в себя голландские, немецкие и французские части.

Фланкеры — тактические части из егерей и лесной охраны, образованные в 1812 году; часть средней гвардии.

Фузилер — пехотинец непривилегированных рот пехотного батальона.

Шрапнель — тип артиллерийских снарядов, изобретенный британским солдатом, но не применявшийся в наполеоновских армиях. В то время она представляла собой полог

ядро, набитое взрывчатым веществом и мушкетными пулями и взрывавшееся в воздухе над головами противника при помощи центральной трубки.

Хобот лафета — нижняя часть лафета орудия, используемая в качестве противовеса ствола и частично поглощающая силу отката.

Эскорт — личная охрана (конная и пешая) революционных генералов (вначале). Наполеоновский «эскорт» (образован в 1796 году) со временем стал ядром императорской гвардии; состоял из тщательно отобранных солдат, способных выполнять разнообразные особые роли, необходимые для работы генерального штаба.

Gendarmerie d'élite — телохранители императора Наполеона и охрана его багажа.

Masse de décision (иногда *de rupture*) — пехотный, кавалерийский и конно-артиллерийский резерв, сохраняемый Наполеоном для использования в критический момент сражения.

Masse de manoeuvre — часть французской армии, выполняющая стратегический или тактический обход с флангов.

Masse primaire — основная часть французской армии, ведущая сражение на главном направлении (секторе).

Masse secondaire — часть вооруженных сил, сражающихся на второстепенном участке.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ¹

Часть первая

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА СТРАТЕГА

1. Полный текст — см. S. de Clair, *Napoleon's Memoirs* (London: 1947), Appendix B.
2. General H. Camon, *Génie et métier chez Napoléon* (Paris : 1929), p. 77.
3. Семья предположительно происходит из окрестностей Флоренции.
4. M. de Bourienne, *Memoirs of Napoleon Bonaparte* (London: 1836), Vol. I, p. 5.
5. W. M. Sloane, *Life of Napoleon Bonaparte* (London and New York: 1896), Vol. I, p. 29.
6. *Ibid.*, p. 35.
7. F. Masson and G. Biagli, *Napoléon inconnu* (Paris: 1895), Vol. I, p. 170.
8. F. M. Kircheisen, *Memoirs of Napoleon I*, trans. by F. Collins (London: 1929), p. 26.
9. Masson and Biagli, *op. cit.*, Vol. I, p. 353.
10. Bourienne, *op. cit.*, Vol. I, p. 13.
11. *Correspondance de Napoléon Ier* (Paris: 1858), Vol. I, № 2, p. 12.
12. *Ibid.*, № 3, pp. 12—13.
13. *Ibid.*, № 1, p. 11.
14. *Ibid.*, № 4, pp. 15—16.
15. *Ibid.*, Vol. XXIX, p. 14.
16. S. Wilkinson, *The Rise of General Bonaparte* (Oxford: 1930), p. 24.
17. Lord Russell of Liverpool, *Knight of the Sword* (London: 1964), p. 40.
18. *Correspondance*, Vol. I, № 1, p. 11.
19. S. Wilkinson, *op. cit.*, Appendix V, p. 168.
20. *Ibid.*, p. 60.
21. *Correspondance*, Vol. I, № 75, p. 95.
22. Bourienne, *op. cit.*, Vol. I, p. 26.
23. *Correspondance*, Vol. I, № 75, p. 95.
24. *Ibid.*, № 83, p. 103.
25. Wilkinson, *op. cit.*, p. 76.
26. *Ibid.*, pp. 77—78.

¹ Полные названия повторно приводимых трудов даны при первом упоминании; см. также раздел «Библиография».

Часть вторая
СОТВОРЕНИЕ ИМЕНИ

1. *Correspondance*, Vol. I, № 91, p. 107.
2. R. de Cléry, *Lasalle* (Paris: 1899), p. 11.
3. Yorck von Wartenburg, *Napolton as a General* (London: 1902), Vol. I, p. 26.
4. R. W. Phipps, *The Armies of the First French Republic* (Oxford: 1935—39), Vol. IV, p. 17.
5. Marshal A. F. V. L. Marmont, *Memoiren* (Potsdam: 1857), Vol. I, p. 80.
6. *Correspondance*, Vol. I, № 234, p. 187.
7. *Ibid.*, № 337, p. 236.
8. Phipps, *op. cit.*, Vol. IV, p. 34.
9. F. Markham, *Napoleon* (London: 1963), p. 28.
10. Marmont, *op. cit.*, Vol. I, p. 89.
11. *Correspondance*, Vol. I, № 421, p. 279.
12. Phipps, *op. cit.*, p. 39.
13. C. de Laugier, *Mémoires* (Paris: 1853), p. 87.
14. A. N. Delavoye, *Life of Thomas Graham, Lord Lynedoch* (London: 1880), p. 115.
15. E. Adlow, *Napoleon in Italy* (Boston: 1948), p. 77.
16. Phipps, *op. cit.*, Vol. IV, p. 46.
17. Delavoye, *op. cit.*, p. 120.
18. *Correspondance*, Vol. I, № 806, p. 504.
19. A. G. MacDonell, *Napoleon and his Marshals* (London: 1950), p. 15.
20. Phipps, *op. cit.*, Vol. IV, p. 73.
21. M. Reinhard, *Avec Bonaparte en Italie* (Paris: 1946), p. 123.
22. *Correspondance*, Vol. II, № 1170, p. 103.
23. *Ibid.*, № 1182, p. 110.
24. *Ibid.*, № 1180, p. 106.
25. C. Botta, *Storia d'Italia del 1789—1814* (Rome: 1826), Vol. II, p. 120.
26. *Correspondance*, Vol. II, № 1182, p. 110.
27. *Ibid.*, Vol. XXIX, p. 159.
28. Phipps, *op. cit.*, Vol. IV, p. 114.
29. *Correspondance*, Vol. XXIX, p. 159.
30. K. von Clausewitz, *La Campagne de 1796 en Italie* (Paris: 1899), p. 229.
31. T. A. Dodge, *Napoleon* (New York: 1904), Vol. I, p. 376.
32. *Correspondance*, Vol. II, № 1377, p. 238.
33. *Ibid.*, № 1379, p. 239.
34. *Ibid.*, Vol. XXIX, p. 214.
35. Phipps, *op. cit.*, Vol. IV, p. 131.
36. *Ibid.*, p. 133.
37. Gen. M. Weygand, *Historie de l'Armée Française* (Paris: 1938), p. 225.

Часть третья
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА

1. A. Henderson, *Scottish Proverbs* (Edinburgh: 1832).
2. Speech at Columbus, Ohio, August 11, 1880, quoted by L. Lewis, *The Fighting Prophet* (1932), p. 212.
3. Thomas Hardy, *The Dynasts* (London: 1908), Pt. II, Ch. 5.
4. F. L. Petre, *Napoleon's Conquest of Prussia* (London: 1907), p. 31.
5. S. Wilkinson, *op. cit.*, p. 168; см. также *ibid.*, p. 56.
6. B. H. Liddell Hart, *The Strategy of the Indirect Approach* (London: 1954), p. 119.
7. General H. Camon, *Quand et comment Napoléon a conçu son système de bataille* (Paris: 1935), p. x.

8. *Ibid.*, p. XIII.
9. Wilkinson, *op. cit.*, p. 142.
10. H. Sargent, *Napoleon Bonaparte's First Campaign* (London: 1895), p. 16.
11. J. A. H. de Guibert, *Essai générale de tactique* (Liège: 1775), Vol. I, Ch. XIII, *passim*.
12. *Ibid.*, Vol. II, p. 65.
13. S. Wilkinson, *The French Army before Napoleon* (London: 1915), p. 82.
14. E. F. Berthezène, *Souvenirs militaires* (Paris: 1855).
15. Frederick II of Prussia, *The Instructions of Frederick the Great for his Generals* (Harrisonburg: 1960), p. 140.
16. *Ibid.*, p. 139.
17. Sargent, *op. cit.*, p. 139.
18. Camon, *op. cit.*, p. 173.
19. *Ibid.*, Vol. II, p. 238.
20. Weygand, *of. cit.*, p. 222.
21. Napoleon I, *Maximes*, 5th ed. (Paris: 1874), № CXII.
22. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 209.
23. *Ibid.*, Vol. XIII, № 10558, p. 10.
24. *Ibid.*, № 10810, p. 210.
25. P. de Bourcet, *Mémoires historiques sur la guerre... 1757—1762* (Paris: 1792), p. 88.
26. Sargent, *op. cit.*, p. 15.
27. Mme. C. de Rémusat, *Memoirs 1802—8* (London: 1895), p. 135.
28. *The Croker Papers* (London: 1885), Vol. III, p. 276.
29. Commandant J. Colin, *The Transformations of War* (London: 1912), p. 254.
30. *Correspondance*, Vol. XI, № 9392, p. 336.
31. *Ibid.*, Vol. XVIII, № 14707, p. 218.
32. Bourienne, *op. cit.*, Vol. I, p. 349.
33. Colin, *op. cit.*, p. 262.
34. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 418, note 40.
35. Quoted by Liddell Hart, *op. cit.*, p. 114.
36. *Les Campagnes d'Italie*, quoted by Camon, *Les systèmes...*, p. 5.
37. General G. Gourgaud, *Journal* (Paris: 1899), Vol. II, p. 119.
38. *Correspondance*, Vol. VI, № 4855, p. 323.
39. *Ibid.*, Vol. IX, № 7527, p. 239.
40. A. Lévy, *The Private Life of Napoleon* (London: 1894), Vol. II, p. 293.
41. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11813, p. 304.
42. Этого документа нет в «Переписке». См. J. S. C. Abbott, *Life of Napoleon Bonaparte* (London: 1899), p. 403.
43. Sir J. Seeley, *A Short History of Napoleon I* (London: 1899), p. 195.
44. Earl P. H. Stanhope, *Conversations with the Duke of Wellington* (London: 1899), p. 9.
45. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 418, note 40.
46. Sargent, *op. cit.*, p. 175.
47. Marshal V. F. Broglie, «Instruction of 1761», *Archives Nationales, Guerre À 3550*.
48. T. Carlyle, *Critical and Miscellaneous Essays* (London: 1843), Vol. IV, p. 109.
49. Gourgaud, *op. cit.*, Vol. II, p. 32.
50. *Correspondance*, Vol. XII, № 10032, p. 230.
51. General Lloyd, *L'introduction à l'histoire de la guerre en 1756* (Brussels: 1784).
52. Cm. C. J. Duffy, *The Wild Goose and the Eagle* (London : 1964), Ch. XV.
53. *Correspondance*, Vol. XXXI, pp. 328-29.
54. *Ibid.*, Vol. XXXII, p. 27.
55. *Ibid.*, Vol. XXX, p. 447.
56. *Ibid.*, Vol. XXXII, p. 82.
57. A. F. Becke, *An Introduction to the History of Tactics* (London: 1909), p. 31.
58. *Correspondance*, Vol. I, № 842, p. 522.
59. *Ibid.*, Vol. XXIX, p. 435.

60. Colin, *op. cit.*, p. 123.
61. Marmont, *Mémoires* (Paris: 1857), Vol. I, p. 209.
62. *Correspondance*, Vol. I, № 842, p. 525.

Часть четвертая
ВОСТОЧНАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

1. H. A. L. Fisher, *Napoleon* (London: 1950), p. 42.
2. *Correspondance*, Vol. III, № 2307, p. 392.
3. *Ibid.*, Vol. XXX, p. 231.
4. Bourienne, *op. cit.*, Vol. I, p. 230.
5. *Ibid.*, p. 221.
6. A. B. Rodger, *The War of the Second Coalition* (Oxford: 1964), p. 20.
7. *Correspondance*, Vol. III, № 2103, p. 235.
8. Rodger, *op. cit.*, p. 19.
9. *Correspondance*, Vol. IV, № 2629, p. 133.
10. Phipps, *op. cit.*, Vol. V, p. 362.
11. Rodger, *op. cit.*, p. 57.
12. *Correspondance*, Vol. XXIX, p. 458.
13. Captain M. Vertray, *Journal d'un officier de l'armée d'Égypte* (Paris: 1883), p. 64.
14. C. E. de la Jonquière, *L'expédition d'Égypte* (Paris: 1889—1902), Vol. II, p. 144.
15. *Correspondance*, Vol. XXIX, p. 450.
16. A. du Casse, ed., *Mémoires... du Roi Joseph* (Paris: 1854—5), Vol. I, p. 188.
17. *Correspondance*, Vol. IV, № 3259, p. 475.
18. J. P. Doguereau, *Journal de l'expédition d'Égypte* (Paris: 1904), entry for February 29, 1799.
19. *Ibid.*, процитировано: La Jonquière, *op. cit.*, Vol. IV, p. 343.
20. *Correspondance*, Vol. V, № 4138, p. 429.
21. A. Bryant, *The Years of Endurance* (London: 1942), p. 273.
22. C. de Rémusat, *Mémoires*, 24th ed. (Paris: 1893), Vol. I, p. 274.

Часть пятая
К ВЕРШИНЕ. ЗАГОВОРЩИК И МИРОТВОРЕЦ

1. L. J. Gohier, *Mémoires* (Paris: 1824), Vol. I, p. 199.
2. Phipps, *op. cit.*, Vol. V, p. 445.
3. Gohier, *op. cit.*, Vol. I, p. 200.
4. Phipps, *op. cit.*, Vol. V, p. 452.
5. A. C. Thibaudeau, *Mémoires* (Paris: 1913), pp. 6—7.
6. Phipps, *op. cit.*, Vol. V, p. 464.
7. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 25.
8. *Correspondance*, Vol. VI, № 4432, p. 30.
9. *Ibid.*, № 4649, p. 170.
10. Phipps, *op. cit.*, Vol. V, p. 465.
11. General H. Camon, *La guerre Napoléonienne — Précis des campagnes* (Paris: 1925), Vol. I, p. 74.
12. General Baron A. H. Jomini, *Life of Napoleon* (Kansas City: 1897), Vol. I, p. 241.
13. *Correspondance*, Vol. XXX, p. 399.
14. *Ibid.*, p. 399.
15. Jomini, *op. cit.*, Vol. I, p. 241.
16. L. A. Thiers, *Le Consulat* (Paris: 1840), Vol. I, p. 262.
17. *Correspondance*, Vol. VI, № 4711, pp. 214—16.

18. *Ibid.*, Vol. XXX, p. 399.
19. Captain G. J. M. R. de Cugnac, *La campagne de l'armée de réserve en 1800* (Paris: 1900), Vol. I, p. 301.
20. *Ibid.*, Vol. I, p. 321.
21. *Ibid.*, p. 354.
22. *Correspondance*, Vol. VI, № 4795, p. 281.
23. *Ibid.*, № 4795, p. 281.
24. *Ibid.*, № 4846, p. 314.
25. Jomini, *op. cit.*, Vol. I, p. 247.
26. *Ibid.*, p. 247.
27. *Correspondance*, Vol. VI, № 4836, p. 308.
28. Adjudant Commandant Brossier, *Journal*, процитировано: de Cugnac, *op. cit.*, Vol. II, p. 28.
29. De Cugnac, *op. cit.*, Vol. II, p. 43 (f.n.).
30. Sir J. Adye, *Napoleon of the Snows* (London: 1931), p. 175.
31. *Correspondance*, Vol. VI, № 4894, p. 346 (covering letter).
32. *Ibid.*, № 4898, pp. 350—51.
33. Brossier, процитировано: de Cugnac, *op. cit.*, Vol. II, p. 258.
34. General Baron A. H. Jomini, *Histoire des guerres de la Révolution*, Vol. XVI, p. 271.
35. H. Lachouque and A. Brown, *The Anatomy of Glory* (New York: 1961), p. 15.
36. De Cugnac, *op. cit.*, Vol. II, p. 258, f.n. 1, quoting the Duc de Valmy.
37. Bourienne, *op. cit.*, Vol. I, p. 361.
38. MacDonell, *op. cit.*, p. 77.
39. *Correspondance*, Vol. VI, № 4909, p. 360.
40. Fisher, *op. cit.*, p. 84.
41. Camon, *La guerre Napoléonienne — Précis des campagnes*, Vol. I, p. 112 (f.n.).
42. G. von Schlieffen, *Cannae* (Berlin: 1909), p. 534 *et seq.*
43. Marquise de la Tour-du-Pin, *Journal d'une femme de cinquante ans* (Paris: 1913), Vol. II, p. 220.

Часть шестая

МИРНЫЕ ТРУДЫ И ДОРОГА К ВОЙНЕ

1. J. Fouché, *Mémoires*, ed. by L. Madelin (Paris: 1945), Vol. I, pp. 215—17.
2. Gourgaud, *op. cit.*, Vol. II, pp. 324—25.
3. La Marquise de Nadaillac, *Mémoires* (Paris: 1912), pp. 150—51.
4. Fisher, *op. cit.*, p. 72.
5. A. F. F. von Kotzebue, *Mes souvenirs de Paris en 1804* (The Hague: 1805), pp. 38—39.
6. J. A. Chaptal, *Mes souvenirs de Napoléon* (Paris: 1893), p. 350.
7. *Ibid.*, p. 220.
8. J. C. Bailleul, *Examen critique* (Paris: 1822), Vol. II, p. 413.
9. M. Mollien, *Mémoires d'un ministre du trésor publique* (Paris: 1845), Vol. I, p. 413.
10. Countess Potocka, *Mémoires* (Paris: 1897), p. 208.
11. L. Madelin, *Le Consulat et l'Empire* (Paris: 1932), Vol. I, p. 230.
12. Jomini, *op. cit.*, Vol. I, pp. 311—12.
13. C. Manceron, *Austerlitz* (Paris: 1962), p. 57.
14. *Correspondance*, Vol. XI, № 9058, p. 71.
15. *Ibid.*, № 9130, p. 133.
16. Jomini, *op. cit.*, Vol. I, p. 312.
17. F. N. Maude, *The Ulm Campaign* (London: 1912), p. 89.
18. Napoleon I, *Maximes*, *op. cit.*, № XCII. См. также часть III (5).
19. General Camon, *Quand et comment Napoléon a conçu son système de bataille* (Paris: 1935), p. 274.
20. *Correspondance*, Vol. XIX, № 15678, p. 361.
21. Reinhard, *op. cit.*, p. 56 (f.n. 7).

22. Marshal T. R. Bugeaud, *Aperçus sur quelques détails de la guerre* (Paris: 1846).
23. С. М. R. S. Quimby, *The Background of Napoleonic Warfare* (New York: 1957), Ch. XIII
24. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 426, note 4.
25. *Ibid.*, p. 428, note 5.
26. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 428.
27. *Ibid.*, p. 427.
28. *Ibid.*, Vol. XXVI, № 20929, p. 458.
29. Marmont, *op. cit.*, French edn. Vol. V, p. 105.
30. J. Ambert, *Esquisses de l'Armée Française* (Brussels: 1840), pp. 213—14.
31. *Correspondance*, Vol. XIX, № 15358, p. 116.
32. Ambert, *op. cit.*, p. 231.
33. General R. A. P. S. de Fézensac, *Souvenirs militaires* (Paris: 1863), p. 226.
34. General Desaix, *Journal de Voyage de Général Desaix...* (Paris: 1797).
35. General Castellan, *Journal* (Paris: 1895), p. 93.
36. Colonel A. Vachée, *Napoleon at Work* (London: 1914), p. 90.
37. Gourgaud, *op. cit.*, Vol. I, p. 565.
38. Las Cases, *Memoirs of the Emperor Napoleon* (London: 1836), p. 231.
39. Baron C. F. Méneval, *Memoirs* (Paris: 1894), Vol. III, p. 48.
40. *Correspondance*, Vol. XIII, № 10992, p. 344.
41. *Ibid.*, Vol. XIV, № 11517, p. 120.

Часть седьмая
ОТ РЕЙНА ДО ДУНАЯ

1. Manceron, *op. cit.*, p. 215.
2. *Ibid.*, p. 215.
3. *Correspondance*, Vol. XI, № 9286, p. 259.
4. *Ibid.*, № 9720, p. 250.
5. E. Fairon and H. Heusse, *Lettres des grognards* (Paris: 1936), p. 98.
6. *Correspondance*, Vol. XI, № 9325, p. 282.
7. *Ibid.*, № 9348, p. 296.
8. Maude, *op. cit.*, p. 193.
9. *Correspondance*, Vol. XI, № 9364, p. 308.
10. *Ibid.*, № 9374, p. 318.
11. General de Ségur, *Histoire et Mémoires* (Paris: 1837), p. 180.
12. *Correspondance*, Vol. XI, № 94041, p. 342.
13. F. M. Kircheisen, *Napoleon* (London: 1931), p. 328.
14. *Correspondance*, Vol. XI, № 94701, p. 392.
15. *Ibid.*, № 9472, p. 394.
16. *Ibid.*, № 9497, p. 415.
17. Прочитировано: Manceron, *op. cit.*, p. 129.
18. *Correspondance*, Vol. XI, № 9541, p. 447.
19. *Ibid.*, p. 447.
20. De Ségur, *op. cit.*, p. 279.
21. Thiers, *op. cit.*, Vol. V, p. 159.
22. *Correspondance*, Vol. XI, № 9541, p. 448.
23. Fairon, *op. cit.*, pp. 104—05.
24. *Correspondance*, Vol. XI, № 9533, pp. 440—41.
25. Fairon, *op. cit.*, p. 105.
26. *Correspondance*, Vol. XII, № 10032, p. 235.
27. General L. G. Suchet, прочитировано: Manceron, *op. cit.*, p. 254.
28. De Ségur, *op. cit.*, p. 252.

29. Letter to Josephine, процитировано: Manceron, *op. cit.*, p. 305.
30. Manceron, *op. cit.*, p. 74, quoting Thiers.
31. *Correspondance*, Vol. XII, № 10032, p. 230.
32. *Ibid.*, Vol. XI, № 9542, p. 453.
33. *Ibid.*, № 9541, p. 453.

Часть восьмая
ОТМЩЕННЫЙ РОСБАХ

1. *Correspondance*, Vol. XI, № 9542, p. 454.
2. *Ibid.*, № 9577, pp. 481—82.
3. *Ibid.*, Vol. XII, № 9733, p. 20.
4. F. L. Petre, *Napoleon's Conquest of Prussia* (London: 1907), p. 8.
5. *Correspondance*, Vol. XI, № 9656, pp. 528—29.
6. *Ibid.*, № 9546, pp. 457—61.
7. J. F. C. Fuller, *The Decisive Battles of the Western World* (London: 1955), Vol. II, p. 418.
8. Dodge, *op. cit.*, Vol. II, p. 357.
9. General Count C. von Lettow-Vorbeck, *Der Krieg von 1806—7* (Berlin: 1892), p. 163.
10. J. Colin, *Les grandes batailles de l'histoire* (Paris: 1915), p. 104.
11. *Correspondance*, Vol. XIII, № 10744, p. 150.
12. *Ibid.*, № 10756, p. 160.
13. *Ibid.*, № 10757, p. 162.
14. Lachouque and Brown, *op. cit.*, p. 75.
15. *Correspondance*, Vol. XIII, № 10818, p. 217.
16. *Ibid.*, № 10920, pp. 292—96.
17. *Ibid.*, № 10792, pp. 193—94.
18. *Ibid.*, № 10815, p. 213.
19. *Ibid.*, № 10920, p. 296.
20. *Ibid.*, № 10558, p. 10.
21. *Ibid.*, № 10941, pp. 309—10.
22. *Ibid.*, № 10977, p. 334.
23. Процитировано: Camon, *Précis*, Vol. I, p. 174.
24. Colin, *op. cit.*, p. 107.
25. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11000, p. 348.
26. *Ibid.*, № 10922, p. 344.
27. Baron M. de Marbot, *Mémoires* (Paris: 1891), Vol. I, p. 297.
28. Captain J. R. Coignet, *The Notebooks of Captain Coignet*, ed. by J. Fortescue (London: 1929), p. 132.
29. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11004, p. 350.
30. General H. Bonal, *La Manoeuvre d'Jéna* (Paris: 1904), p. 421.
31. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, pp. 297—98.
32. Мнение генерала Раппа, приведено: Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 384.
33. F. N. Maude, *The Jena Campaign, 1806* (London: 1909), p. 156.
34. Lachouque and Brown, *op. cit.*, p. 79.
35. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11009, p. 357.
36. Colin, *op. cit.*, p. 110.
37. Fairon, *op. cit.*, p. 91.
38. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11060, pp. 393—94.
39. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, p. 303.
40. Процитировано: Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 374.
41. *Ibid.*, p. 374.
42. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11009, p. 357.

43. Petre, *op. cit.*, p. 223.
44. De Ségur, *op. cit.*, pp. 302—03.
45. *Correspondance*, Vol. XIII, № 11094, p. 420.
46. Marbot, *op. cit.*: Vol. I, p. 234.
47. *Ibid.*, pp. 238—39.
48. Fairon, *op. cit.*, p. 107.
49. C. V. Wedgwood, *William the Silent* (London: 1944), p. 132.

**Часть девятая
ЗИМНЯЯ ВОЙНА**

1. Madelin, *op. cit.*, Vol. I, p. 307.
2. General A. J. M. R. Savary, *Mémoire sur l'Empire* (Paris: 1828), Vol. III, p. 2.
3. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 7.
4. *Ibid.*, Vol. II, p. 14.
5. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11379, p. 28.
6. Baron S. J. de Comeau, *Souvenirs des guerres d'Allemagne* (London: 1900), p. 281.
7. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 3.
8. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11399, pp. 39—40.
9. *Ibid.*, Nos. 11478 and 11544, pp. 93 and 134.
10. Comte M. Dumas, *Précis des événements militaires* (Paris: 1826), Vol. XIX, p. 490.
11. General J. Rapp, *Mémoires écrit par lui-même* (Paris: 1823), p. 118.
12. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 3.
13. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11521, pp. 121—23.
14. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, p. 327.
15. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11520, p. 131.
16. F. L. Petre, *Napoleon's Campaigns in Poland, 1806—7* (London: 1901), p. 128.
17. General A. J. M. R. Savary, *op. cit.*, Vol. II, p. 9 (f.n.).
18. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11543, p. 133.
19. *Ibid.*, № 11581, p. 162.
20. *Ibid.*, № 11338, pp. 4—5.
21. *Ibid.*, № 11533, p. 129.
22. *Ibid.*, Vol. XV, № 12293, p. 23.
23. *Ibid.*, Vol. XIV, № 11651, p. 207—08.
24. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, pp. 12—13.
25. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11715, pp. 249—50.
26. *Ibid.*, № 11709, p. 245.
27. Jomini, *op. cit.*, Vol. II, p. 355.
28. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11750, p. 270.
29. *Ibid.*, № 11772, p. 280.
30. *Ibid.*, № 11770, p. 279.
31. *Ibid.*, № 11777, p. 283.
32. *Ibid.*, № 11773, p. 281.
33. *Ibid.*, № 11780, pp. 284—87.
34. Dodge, *op. cit.*, Vol. II, pp. 477—78.
35. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, p. 335.
36. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11796, pp. 293—96.
37. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, p. 348.
38. Lachouque and Brown, *op. cit.*, p. 88.
39. MacDonell, *op. cit.*, pp. 146—47.
40. Comte O. de St. Chamans, *Mémoires* (Paris: 1896), pp. 57—61.
41. Chancellor E. D. Pasquier, *Histoire de mon Temps* (Paris: 1893), Vol. I, pp. 301—02 (f.n.).

42. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 17.
43. *Correspondance*, Vol. XIV, № 11899, p. 348.
44. De Fézensac, *op. cit.*, p. 149.

Часть десятая
ВЕСЕННЕЕ ОЖИВЛЕНИЕ

1. A. Massena, *Mémoires* (Paris: 1848), Vol. V, p. 316.
2. MacDonell, *op. cit.*, p. 146.
3. *Ibid.*, pp. 146—47.
4. *Correspondance*, Vol. XV, № 12741, p. 321.
5. *Ibid.*, № 12743, pp. 322—23.
6. *Ibid.*, № 12744, p. 323.
7. J. de Norvins, *Souvenirs d'une histoire de Napoléon* (Paris: 1897), Vol. III, p. 190.
8. Petre, *op. cit.*, p. 296.
9. Savary, *op. cit.*, Vol. III, p. 83.
10. *Correspondance*, Vol. XV, № 12750, p. 331.
11. *Ibid.*, № 12749, p. 330.
12. *Ibid.*, № 12753, pp. 332—33.
13. *Ibid.*, № 12754, p. 333.
14. *Ibid.*, № 12755, p. 334.
15. Dumas, *op. cit.*, Vol. XIX, p. 327.
16. Camon, *Précis*, Vol. I, p. 234.
17. *Correspondance*, Vol. XV, № 12756, pp. 334—35.
18. Marbot, *op. cit.*, Vol. I, p. 364.
19. Norvins, *op. cit.*, Vol. III, pp. 204—05.
20. *Ibid.*, p. 205.
21. *Correspondance*, Vol. XV, № 12758, pp. 335—36.
22. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 18.
23. *Ibid.*, p. 18 (f.n.), quoting the Duc de Rovigo.
24. Прочитировано: Petre, *op. cit.*, p. 337.
25. Bourienne, *op. cit.*, Vol. II, p. 18.
26. *Correspondance*, Vol. XV, № 12826, p. 372.
27. *Ibid.*, № 12875, pp. 395—96.
28. D. A. Bingham, *Selection from the Letters and Despatches of Napoleon* (London: 1884), Vol. II, p. 319.
29. *Correspondance*, Vol. XV, № 12866, p. 404.

Часть одиннадцатая
ИБЕРИЙСКИЕ ИНТРИГИ

1. A. G. MacDonell, *op. cit.*, p. 151.
2. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 25.
3. *Correspondance*, Vol. XV, № 13079, p. 553.
4. *Ibid.*, № 12942, p. 442.
5. *Ibid.*, № 12928, p. 433.
6. D. A. Bingham, *A Selection from the Letters and Despatches of Napoleon* (London: 1884), Vol. II, p. 324.
7. *Correspondance*, Vol. XVI, № 13267, p. 98.
8. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 29.
9. Fairon and Heusse, *op. cit.*, p. 163.

10. Bingham, *op. cit.*, Vol. II, pp. 364—65.
11. *Correspondance*, Vol. XV, № 11911, p. 361.
12. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 384.
13. Fouché, *op. cit.*, Vol. I, p. 13.
14. *Correspondance*, Vol. XVII, № 13778, pp. 39—40.
15. Castelanne, *op. cit.*, Vol. I, p. 13.
16. General M. Dumas, *Souvenirs* (Paris: 1839), p. 316.
17. Marbot, *op. cit.*, Vol. II, p. 33.
18. *Correspondance*, Vol. XVII, № 13821, p. 72.
19. Прочитировано: Grant and Temperley, *Europe in the 19th and 20th Centuries*, 6th ed. (London: 1952), p. 114.
20. *Correspondance*, Vol. XVII, № 14223, pp. 409—13.
21. *Ibid.*, № 14104, p. 314.
22. *Ibid.*, № 14073, p. 284.
23. *Ibid.*, № 14192, p. 382.
24. *Ibid.*, № 14195, pp. 386—93.
25. Castelanne, *op. cit.*, Vol. I, p. 23.
26. *Correspondance*, Vol. XVII, № 14223, pp. 409—13.
27. *Ibid.*, № 14242, p. 427.
28. Dumas, *op. cit.*, p. 321.
29. *Ibid.*, p. 317.
30. *Ibid.*, pp. 321—22.
31. *Correspondance*, Vol. XVII, № 14338, p. 521.
32. *Ibid.*, № 14372, p. 546.
33. General Count A. Hautpoul, *Mémoires* (Paris: 1906), p. 31.
34. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 14445, p. 39.
35. *Ibid.*, № 14518, p. 84.
36. Castelanne, *op. cit.*, Vol. I, p. 34.
37. Dumas, *op. cit.*, p. 200.
38. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 14522, p. 87.
39. De Ségur, *op. cit.*, Vol. III, p. 281.
40. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 14525, p. 88.
41. *Ibid.*, № 14530, pp. 96—97.
42. Sir J. Moore, *Diaries*, Major General Sir J.F. Maurice, ed. (London: 1904), Vol. II, p. 358.
43. *Ibid.*, Vol. II, p. 356.
44. Dumas, *op. cit.*, p. 335.
45. Castelanne, *op. cit.*, Vol. I, p. 40.
46. Dumas, *op. cit.*, p. 335.
47. Colonel M. de Gonnevillle, *Souvenirs militaires*, 3rd edn. (Paris: 1895), p. 61.
48. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 14620, p. 158.
49. Castelanne, *op. cit.*, Vol. I, p. 42.
50. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 14623, p. 159.

Часть двенадцатая
ВОССТАВШИЕ ИЗ ПЕГЛА ГАБСБУРГИ

1. F. Markham, *Napoleon* (London: 1963), p. 170.
2. *Ibid.*, p. 167.
3. *Correspondance*, Vol. XVII, № 14372, p. 546.
4. *Ibid.*, Vol. XVIII, № 14806, p. 285.
5. *Ibid.*, Vol. XIX, № 15678, p. 359.

6. *Ibid.*, Vol. XVIII, № 14975, p. 403 *et seq.*
7. Dodge, *op. cit.*, Vol. III, p. 144.
8. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 88.
9. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 15047, p. 459.
10. *Ibid.*, № 15048, pp. 459—60.
11. Petre, *op. cit.*, p. 82.
12. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 15077, p. 476.
13. *Ibid.*, № 15087, p. 484.
14. Camon, *Précis* (Paris: 1925), Vol. I, p. 250.
15. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 15098, p. 490.
16. *Ibid.*, № 15100, p. 491.
17. M. Dupont, *Napoléon et ses grognards* (Paris: 1945), p. 157.
18. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 15103, p. 493.
19. Camon, *op. cit.*, Vol. I, p. 258.
20. *Correspondance*, Vol. XVIII, № 15105, p. 495.
21. A. G. MacDonell, *op. cit.*, p. 187.
22. Marbot, *op. cit.*, Vol. II, pp. 154—55.
23. Dupont, *op. cit.*, p. 158.
24. Petre, *op. cit.*, pp. 285—86.
25. Marbot, *op. cit.*, Vol. II, p. 194.
26. General J. Rapp, процитировано: Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 94.
27. Lachouque and Brown, *op. cit.*, p. 156.
28. General A. J. M. R. Savary, процитировано: Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 95.
29. Kircheisen, *op. cit.*, p. 466.
30. Marbot, *op. cit.*, Vol. II, pp. 239—40.
31. *Correspondance*, Vol. XIX, №№ 15481 and 15489, pp. 205 and 215.
32. Kircheisen, *op. cit.*, p. 260.
33. Petre, *op. cit.*, p. 361.
34. General Baron A. H. Jomini, *The Art of War* (Philadelphia: 1875), p. 267.
35. Petre, *op. cit.*, p. 361.
36. Marbot, *op. cit.*, Vol. II, p. 272.
37. *Ibid.*, Vol. II, p. 273.
38. Marmont, процитировано: Camon, *op. cit.*, Vol. I, p. 274.
39. Lachouque and Brown, *op. cit.*, p. 163.
40. Major General J. Heilmann, *Feldmarschall Fürst Wrede* (Leipzig: 1881), процитировано: Petre, *op. cit.*, p. 375.
41. Baron W. Constant, *Mémoires* (Paris: 1896), Vol. V, p. 63.
42. *Correspondance*, Vol. XIX, № 15694, p. 379.
43. Colonel C. G. L. Sasaki, *La Campagne de 1809* (Paris: 1900), Vol. III, p. 366.
44. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 90.
45. General J. Rapp, *Mémoires* (Paris: 1821), Vol. I, p. 153.

Часть тринадцатая
ДОРОГА НА МОСКВУ

1. *Correspondance*, Vol. XXIII, № 18855, p. 528.
2. J. Bainville, *Napoleon* (London: 1932), p. 341.
3. General de Caulaincourt, *Mémoires*, pocket edition (London: 1950), Vol. I, p. 108.
4. *Ibid.*, Vol. I, p. 96.
5. *Ibid.*, Vol. I, p. 110.
6. *Correspondance*, Vol. XXIII, № 18458, p. 190.
7. *Ibid.*, № 18801, p. 499.
8. *Ibid.*, № 18725, p. 432.

9. *Ibid.*, № 18402, p. 143.
10. *Ibid.*, № 18622, p. 349.
11. General P. de Ségur, *History of the Expedition to Russia*, Eng. edn. (London : 1825), Vol. I, pp. 103—04.
12. Dodge, *op. cit.*, Vol. III, p. 455.
13. *Correspondance*, Vol. XXIII, № 18781, p. 480.
14. *Ibid.*, № 18782, p. 481.
15. *Ibid.*, № 18769, p. 469.
16. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 154.
17. Fairon, *op. cit.*, p. 272.
18. H. Roeder, *The Ordeal of Captain Roeder* (London: 1960), p. 78.
19. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 157.
20. *Ibid.*, Vol. I, p. 159.
21. *Correspondance*, Vol. XXIII, № 18862, p. 538.
22. *Ibid.*, № 18869, p. 451.
23. *Ibid.*, Vol. XXIV, № 18879, p. 4.
24. *Ibid.*, № 18921, p. 30.
25. *Ibid.*, № 18905, p. 19.
26. *Ibid.*, № 18963, p. 63.
27. *Ibid.*, № 18969, p. 67.
28. *Ibid.*, № 18990, p. 84.
29. Roeder, *op. cit.*, p. 95.
30. *Ibid.*, pp. 123—24.
31. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 232.
32. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19070, p. 138.
33. *Ibid.*, № 19069, p. 138.
34. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 210.
35. *Ibid.*, Vol. I, p. 208.
36. Jomini, *op. cit.*, Vol. II, pp. 285—87.
37. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 210.
38. General C. von Clausewitz, *The Campaign of 1812*, Eng. edn. (London: 1843), pp. 139 and 142.
39. De Ségur, *op. cit.*, Vol. I, pp. 307—08.
40. *Ibid.*, Vol. I, p. 321.
41. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19182, p. 207.
42. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 241.
43. *Ibid.*, Vol. I, p. 246.
44. De Ségur, *op. cit.*, Vol. I, p. 342.
45. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 243.
46. De Ségur, *op. cit.*, Vol. I, p. 360.

Часть четырнадцатая

ОТХОД

1. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19213, p. 232.
2. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 310.
3. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 87.
4. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 283.
5. Marbot, *op. cit.*, Vol. III, p. 147.
6. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19288, p. 275.
7. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 96.
8. Sgt. A. J. B. F. Bourgoigne, *Mémoires of Sgt. Bourgoigne*, P. Cotton, ed., Eng. edn. (London: 1926), pp. 59—60.

9. Sir R. Wilson, *Narratives of Events during the Invasion of Russia* (London: 1860), p. 234.
10. Marbot, *op. cit.*, Vol. III, p. 150.
11. Roeder, *op. cit.*, p. 170.
12. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19316, p. 296.
13. M. Anderson, *The Retreat of the French* (London: 1813), p. 15 (f.n.).
14. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19326, p. 302.
15. Markham, *op. cit.*, p. 183.
16. *Military Panorama or Officers' Companion* (London: 1813), p. 220.
17. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 266.
18. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19337, p. 309.
19. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 249.
20. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19346, p. 313.
21. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 289.
22. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. II, p. 101.
23. Wilson, *op. cit.*, p. 234.
24. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 289.
25. Rapp, *op. cit.*, Vol. I, p. 247.
26. De Ségur, *op. cit.*, Vol. II, p. 313.
27. A. E. Turner, *The Retreat from Moscow and Passage of the Beresina* (Woolwich: 1898), p. 37.
28. *Correspondance*, Vol. XXIV, № 19365, pp. 325—29.
29. *Ibid.*, № 19376, p. 336.
30. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. II, p. 126.
31. Rapp, *op. cit.*, p. 250.
32. «Mlle. Avrillon», *Mémoires*, Vol. II, процитировано: Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 228.
33. Markham, *op. cit.*, p. 187.
34. Marbot, *op. cit.*, Vol. III, p. 208.
35. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. I, p. 155.
36. Dodge, *op. cit.*, Vol. III, p. 696.

Часть пятнадцатая
СУМЕРКИ. «БИТВА НАРОДОВ»

1. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. II, p. 345.
2. *Ibid.*, Vol. II, p. 354.
3. E. d'Odeleben, *Relation de la Campagne de 1813* (Paris: 1817), Vol. II, pp. 363—64.
4. *Correspondance*, Vol. XXV, № 19721, pp. 85—93.
5. *Ibid.*, № 19698, p. 63.
6. C. J. F. T. de Montholon, *Mémoires de Napoléon* (Paris: 1823), Vol. II, p. 125.
7. *Correspondance*, Vol. XXV, № 19857, pp. 192—93.
8. *Ibid.*, № 19852, p. 189.
9. D'Odeleben, *op. cit.*, Vol. I, p. 34.
10. *Correspondance*, Vol. XXV, № 19902, p. 226.
11. Marbot, *op. cit.*, Vol. III, p. 250.
12. *Correspondance*, Vol. XXV, № 19942, p. 254.
13. Marshal A. F. L. V. Marmont, *Mémoires* (Paris: 1857), Vol. V, p. 15.
14. D'Odeleben, *op. cit.*, Vol. I, p. 51.
15. F. L. Petre, *Napoleon's Last Campaign in Germany, 1813* (London: 1912), p. 78.
16. *Ibid.*, p. 84.
17. *Correspondance*, Vol. XXV, № 20031, p. 309.
18. Lanrézac quoted in General H. Camon, *Quand et comment Napoléon a conçu son système de bataille* (Paris: 1932), p. 302.
19. *Correspondance*, Vol. XXV, № 20070, p. 346.
20. Prince C. W. L. Metternich-Winneburg, *Mémoires*, French edn. (Paris: 1880), p. 145.

21. *Correspondance*, Vol. XXVI, № 20398, pp. 77—79.
22. Marmont, *op. cit.*, Vol. V, p. 140.
23. *Correspondance*, Vol. XXVI, № 20437, p. 112.
24. *Ibid.*, № 20472, p. 139.
25. D'Odeleben, *op. cit.*, Vol. I, p. 250.
26. Yorck von Wartenburg, *Napoleon as a General* (London: 1902), Vol. II, p. 246.
27. Baron A. J. F. Fain, *Mémoires* (Paris: 1884), Vol. II, p. 321.
28. Marshal St.-Cyr, *Mémoires* (Paris: 1829), Vol. IV, p. 148.
29. *Correspondance*, Vol. XXVI, № 20537, p. 184.
30. *Ibid.*, № 20619, p. 236.
31. *Ibid.*, № 20719, p. 304.
32. *Ibid.*, № 20775, p. 339.
33. *Ibid.*, № 20801, p. 358.
34. *Cambridge Modern History* (London: 1910), Vol. IX, p. 533.
35. Petre, *op. cit.*, p. 336.
36. Fain, *op. cit.*, Vol. II, p. 404.
37. C. von Plotho, *Der Krieg in Deutschland und Frankreich* (Berlin: 1818), Vol. II, p. 440.
38. Major General J. F. C. Fuller, *The Decisive Battles of the Western World* (London: 1954—56); Vol. II, p. 485.

Часть шестнадцатая
«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»

1. *Correspondance*, Vol. XXVI, № 20921, pp. 448—49.
2. *Ibid.*, Vol. XXVII, № 21062, p. 10.
3. *Ibid.*, № 21078, p. 20.
4. *Ibid.*, № 21239, p. 157.
5. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, p. 294.
6. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21089, pp. 26—31.
7. F. L. Petre, *Napoleon at Bay, 1814* (London: 1913), pp. 2—3.
8. Markham, *op. cit.*, p. 198.
9. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21129, p. 67.
10. Captain J. R. Coignet, *Souvenirs d'un vieux grognard* (Paris: 1912), p. 228.
11. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21141, p. 83.
12. *Ibid.*, № 21190, p. 117.
13. Bourienne, *op. cit.*, Vol. III, pp. 291—92.
14. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21227, p. 147.
15. *Ibid.*, № 21210, p. 132.
16. *Ibid.*, № 21230, p. 150.
17. *Ibid.*, № 21231, pp. 150—51.
18. *Cambridge Modern History, op. cit.*, Vol. IX, p. 548.
19. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21236, p. 156.
20. *Ibid.*, № 21264, p. 174.
21. *Ibid.*, № 21286, p. 187.
22. Coignet, *op. cit.*, p. 234.
23. General H. Camon, *Précis* (Paris: 1925), p. 133.
24. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21343, p. 224.
25. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. III, pp. 11, 15 and 17.
26. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21367, p. 242.
27. *Ibid.*, № 21387, p. 256.
28. *Ibid.*, № 21421, p. 278.
29. Camon, *op. cit.*, Vol. II, p. 143.

30. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21461, p. 301.
31. *Ibid.*, № 21476, pp. 310—11.
32. Coignet, *op. cit.*, pp. 237—39.
33. *Cambridge Modern History, op. cit.*, Vol. IX, p. 552.
34. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21527, p. 317.
35. Camon, *op. cit.*, Vol. II, p. 152 (f.n.).
36. Petre, *op. cit.*, p. 182.
37. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21538, p. 347.
38. *Ibid.*, № 21550, pp. 355—56.
39. Markham, *op. cit.*, p. 203.
40. *Correspondance*, Vol. XXVII, № 21555, p. 358.
41. *Ibid.*, № 21558, p. 361.
42. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. III, p. 340.
43. *Ibid.*, Vol. III, p. 342.
44. Coignet, *op. cit.*, pp. 240—41.
45. Caulaincourt, *op. cit.*, Vol. III, p. 385.
46. *Ibid.*, Vol. III, p. 371.

Часть семнадцатая
КАМПАНИЯ СТА ДНЕЙ

1. H. Houssaye, *1815 — Waterloo* (Paris: 1893), p. 319.
2. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 51.
3. F. M. Kircheisen, *Memoirs of Napoleon I* (London: 1929), p. 220.
4. J. Naylor, *Waterloo* (London: 1960), p. 16.
5. *Correspondance*, Vol. XXVIII, № 22027, p. 264.
6. L. Lecestre, *Lettres inédits de Napoléon Ier* (Paris: 1897), Vol. I, p. 424.
7. A. F. Becke, *Napoleon and Waterloo* (London: 1939), p. 36.
8. Houssaye, *op. cit.*, p. 48.
9. *Correspondance*, Vol. XXVIII, № 22053, pp. 281—86.
10. *Ibid.*, № 22056, p. 288.
11. Fuller, *op. cit.*, Vol. II, p. 510.
12. Marquess of Malmesbury, *A Series of Letters* (London: 1870), Vol. II, pp. 445—46.
13. Capt. C. Mercer, *Journal of the Waterloo Campaign* (London: 1870), Vol. I, pp. 230—33
14. *Correspondance*, Vol. XXVIII, № 220591, p. 291.
15. *Ibid.*, № 22058, pp. 289—91.
16. General L. von Reiche, *Memoiren* (Leipzig: 1857), pp. 183—84.
17. Sir H. Maxwell, *The Life of Wellington* (London: 1899), Vol. II, pp. 19—20.
18. Marshal M. Ney, *Documents inédits du Duc d'Elchingen* (Paris: 1833), № XIII, p. 40.
19. Becke, *op. cit.*, p. 99.
20. Capt. C. F. François, *Jurnal* (Paris: 1903—04), Vol. II, pp. 879—81.
21. Ney, *op. cit.*, № XIV, p. 42.
22. Becke, *op. cit.*, 2 vol. ed., Vol. I, p. 270.
23. Becke, *op. cit.*, 1 vol. ed., p. 83.
24. *Ibid.*, p. 86.
25. *Ibid.*, p. 87.
26. Colonel Sir A. F. Frazer, *Letters* (London: 1859), p. 540.
27. A. Brett-James, *The Hundred Days* (London: 1964), p. 64, quoting B. de Vatry.
28. Becke, *op. cit.*, p. 83.
29. *Ibid.*, Appendix II, № 4.
30. Ney, *op. cit.*, pp. 45—47.
31. Malmesbury, *op. cit.*, Vol. II, p. 447.

32. Drouet, *Mémoires* (Paris: 1884), p. 96.
33. Mercer, *op. cit.*, Vol. I, p. 269.
34. Captain H. de Mauduit, *Les derniers jours de la Grande Armée* (Paris: 1847), Vol. II, p. 230.
35. Napoléon I. *Commentaires*, Vol. V, p. 200.
36. See Section III.
37. Drouet, *op. cit.*, p. 96.
38. *Correspondance*, Vol. XXXI, p. 181.
39. Becke, *op. cit.*, 2 vol. edn., Vol. II, p. 292.
40. Captain J. Kincaid, *Adventures in the Rifle Brigade* (London: 1852), p. 328.
41. C. Kelly, *Memoirs and Wonderful Achievements of Wellington the Great* (London: 1852), p. 276.
42. See Section III.
43. Becke, *op. cit.*, 2 vol. edn., Vol. II, № 29, p. 293.
44. *Correspondance*, Vol. XXVIII, № 22060, pp. 292—93.
45. Becke, *op. cit.*, 1 vol. edn., p. 184.
46. Marbot, *op. cit.*, Vol. III, p. 403.
47. Becke, *op. cit.*, 1 vol. edn., p. 305.
48. *Waterloo Illustré*, № 5 (2/11), pp. 41—42.
49. General G. Gourgaud, *La Campagne de 1815* (Paris: n.d.), pp. 96—97.
50. Ensign R. H. Gronow, *Reminiscences and Recollections* (London: 1900), Vol. I, p. 69.
51. Frazer, *op. cit.*, p. 547.
52. Gronow, *op. cit.*, Vol. I, p. 190.
53. Gourgaud, *op. cit.*, p. 97.
54. Becke, *op. cit.*, 1 vol. edn., p. 216.
55. General Sir J. Kennedy, *Notes* (London: 1865), p. 129.
56. O. Levavasseur, *Souvenirs militaires* (Paris: 1914), p. 303.
57. Major-General H. T. Siborne, *The Waterloo Letters* (London: 1891), № 105, p. 244.
58. Lecestre, *op. cit.*, Vol. II, p. 357.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abbott, J. S. C., *The Life of Napoleon Bonaparte* (London: 1899).
- Adlow, E., *Napoleon in Italy* (Boston: 1948).
- Adye, Sir J., *Napoleon of the Snows* (London: 1931).
- Ambert, J., *Esquisses de l'Armée Française* (Brussels: 1840).
- Anderson, M., *The Retreat of the French* (London: 1813).
- Aubry, O., *Napoléon* (Paris: 1964).
- «Avrillon, Mlle» (Villemarest, M. C. de). *Mémoires* (2 vols.; Paris: 1833).
- Bailleul, J. C., *Examen critique* (Paris: 1822).
- Bainville, J., *Napoleon* (London: 1932).
- Becke, A. F., *An Introduction to the History of Tactics* (London: 1909).
- Becke, A. F., *Napoleon and Waterloo* (1 vol. edition; London: 1939).
- Belloc, H., *Napoleon* (London: 1932).
- Berthezène, E. F., *Souvenirs militaires* (Paris: 1855).
- Bingham, D. A., *Selection from the Letters and Despatches of Napoleon* (3 vols.; London: 1844).
- Bonal, H., *La manoeuvre de Jena* (Paris: 1904).
- Bonaparte, J., *Mémoires* (Paris: 1853—54).
- Bonaparte, L., *Mémoires*; ed. by T. Jung (Paris: 1836).
- Botta, C., *Storia d'Italia del 1789—1814* (8 vols.; Rome: 1826—40).
- Bourcet, P., *Mémoires historiques sur la guerre, 1757—62* (Paris: 1792).
- Bourgogne, Sergeant A. J. B. F., *The Memoirs of Sgt. Bourgogne* (English edition; London: 1926).
- Bourienne, M. de, *Memoirs of Napoleon Bonaparte* (3 vols.; English edition; London: 1836).
- Brett-James, A., *The Hundred Days* (London: 1964).
- Brogie, Marshal V. F. Duc de, *Instruction* (Paris: *Archives de la guerre*, 1761).
- Brossier, Adjt.-Cdt., *Journal*. Входит в книгу Кюньяка (Сидпас); см. ниже.
- Bryant, A., *The Age of Elegance* (London: 1950).
- Bryant, A., *The Tears of Endurance* (London: 1942).
- Bryant, A., *The Tears of Victory* (London: 1944).
- Bugeaud, Marshal T. R., *Aperçus quelques détails de la guerre* (Paris: 1846).
- Burton, R. G., *Napoleon's Invasion of Russia, 1812* (London: 1914).
- Butterfield, H., *The Peace Tactics of Napoleon* (Cambridge: 1929).
- Cambridge Modern History*, Vol. IX (Cambridge: 1910).
- The New Cambridge Modern History*, Vols. VIII and IX (Cambridge: 1965).
- Camon, General H., *Géné et métier chez Napoléon* (Paris: 1929).
- Camon, General H., *La guerre Napoléonienne — les systèmes d'opérations* (Paris: 1907).
- Camon, General H., *La guerre Napoléonienne — Précis des campagnes* (2 vols.; Paris: 1925).
- Camon, General H., *Quand et comment Napoléon a conçu son système de manoeuvre* (Paris: 1931).

- Camon, General H., *Quand et comment Napoléon a conçu son système de bataille* (Paris: 1935).
- Carlyle, T., *Critical and Miscellaneous Essays* (4 vols.; London: 1843).
- Casse, A. du, *Mémoires du Roi Joseph* (2 vols.; Paris: 1854—55).
- Castellanne-Nevejan, Marshal E. V. E. B. de, *Journal* (5 vols.; Paris: 1895—97).
- Caulaincourt, General A. A. L. de, *Mémoires* (3 vols.; English pocket edition; London: 1950).
- Chaptal, J. A., *Mes souvenirs de Napoléon* (Paris: 1893).
- Clair, S. de, *Napoleon's Memoirs*, Vol. I (London: 1947).
- Clausewitz, K. von, *La Campagne de 1796 en Italie* (Paris: 1899).
- Clausewitz, K. von, *The Campaign of 1812* (London: 1843).
- Clausewitz, K. von, *On War* (3 vols.; English edition; London: 1908).
- Cléry, R. de, *Lasalle* (Paris: 1899).
- Coignet, Captain J. R., *The Notebooks of Captain Coignet*; ed. by J. Fortescue (London: 1929).
- Coignet, Captain J. R., *Souvenirs d'un vieux grognard* (Paris: 1912).
- Colin, Commandant J., *La campagne de 1796—97* (Paris: 1898).
- Colin, Commandant J., *L'éducation militaire de Napoléon* (Paris: 1900).
- Colin, Commandant J., *Les grandes batailles de l'histoire* (Paris: 1915).
- Colin, Commandant J., *The Transformations of War* (English edition; London: 1912).
- Comeau, Baron S. J. de, *Souvenirs des guerres d'Allemagne* (Paris: 1900).
- Corbett, J. S., *The Campaign of Trafalgar* (London: 1910).
- The Croker Papers* (4 vols.; London: 1885).
- Cugnac, Captain G. J. M. R., *La campagne de l'armée de réserve en 1800* (2 vols.; Paris: 1900—01).
- Delavoye, A. N., *Life of Thomas Graham, Lord Lynedoch* (London: 1880).
- Delderfield, E. F., *The March of the Twenty-Six* (London: 1962).
- Desaix de Veygoux, General L. C. A., *Journal de voyage de Général Desaix en Suisse et en Italie* (Paris: 1797).
- Dodge, T. A., *Napoleon* (4 vols.; New York: 1904).
- Doguereau, J. P., *Journal de l'expédition de l'Égypte* (4 vols.; Paris: 1904).
- Drouet, Count d'Erlon, *Mémoires* (Paris: 1884).
- Duffy, C. J., *The Wild Goose and the Eagle* (London: 1964).
- Dumas, Count M., *Précis des événements militaires* (Paris: 1826).
- Dumas, Count M., *Souvenirs, 1770—1836* (3 vols.; Paris: 1839).
- Dupont, M., *Napoléon et ses grognards* (Paris: 1945).
- Earle, E. M., *The Makers of Modern Strategy* (Princeton: 1943).
- Esposito, Brigadier General V. J., and Elting, Colonel J. R., *A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars* (New York: 1964).
- Faber du Four, C. W. von, *La campagne de Russie, 1812* (Paris: 1895).
- Fain, Baron A. J. F., *Manuscript de 1822* (2 vols.; Paris: 1908).
- Fain, Baron A. J. F., *Mémoires* (Paris: 1884).
- Fairon, E., and Heusse, H., *Lettres des grognards* (Paris: 1936).
- Falls, Capt. C., *The Art of War from the Age of Napoleon to the Present Day* (London: 1961).
- Falls, Capt. C., *Great Military Battles* (London: 1964).
- Fézensac, General R. A. P. J. de, *Souvenirs militaires* (Paris: 1863).
- Fisher, H. A. L., *Napoleon* (London: 1950).
- Fouché, J., *Mémoires* (Paris: 1945).
- Foy, General M. S., *Histoire de la guerre de la Péninsule* (4 vols.; Paris: 1827).
- François, Captain C. F., *Journal* (3 vols.; Paris: 1903—04).
- Frazier, Colonel Sir A. F., *Letters*, ed. by Major General E. Sabine (London: 1859).
- Frederick H, King of Prussia, *The Instructions of Frederick the Great for his Generals, 1758*; trans. by T. R. Philips (Harrisburg: 1960).
- Fuller, Major General J. F. C., *The Conduct of War, 1789—1961* (London: 1961).
- Fuller, Major General J. F. C., *The Decisive Battles of the Western World* (3 vols.; London: 1954—56).
- Geyl, P., *Napoleon* (London: 1946).
- Gohier, President L.-J., *Mémoires* (Paris: 1824).

- Gonneville, Colonel M. de, *Souvenirs militaires*, 3rd edn. (Paris: 1895).
- Gourgaud, General G., *La campagne de 1815* (Paris: n.d.).
- Gourgaud, General G., *Journal* (2 vols.; Paris: 1899).
- Gronow, Ensign R. H., *Reminiscences and Recollections* (London: 1900).
- Guedella, P., *The Hundred Days* (London: 1934).
- Guibert, J. A. H. de, *Essai général de tactique* (Liege: 1775).
- Hales, E. Y., *Napoleon and the Papacy* (London: 1960).
- Hautpoul, General Count A., *Mémoires* (Paris: 1906).
- Heilmann, Major General J., *Feldmarschall Fürst Wrede* (Leipzig: 1881).
- Herold, C., *The Age of Napoleon* (New York: 1963).
- Herold, C., *Bonaparte in Egypt* (London: 1963).
- Herold, C., *The Mind of Napoleon* (New York: 1955).
- Houssaye, H., *1814* (Paris: 1888).
- Houssaye, H., *1815 — Waterloo* (Paris: 1893).
- Howard, J. E., *Letters and Documents of Napoleon*; Vol. I: 1769—1802 (London: 1961).
- Hudson, W. H., *The Man Napoleon* (London: 1915).
- Jackson, Major W. G. F., *Attack in the West* (London: 1953).
- Jackson, Major W. G. F., *Seven Roads to Moscow* (London: 1958).
- Jomini, General Baron A. H., *The Art of War* (Philadelphia: 1875).
- Jomini, General Baron A. H., *Histoire des guerres de la Révolution* (Paris: 1838).
- Jomini, General Baron A. H., *Life of Napoleon* (Kansas City: 1897).
- Jonquière, C. E. de la, *L'expédition d'Égypte* (5 vols.; Paris: 1889—1902).
- Jourdan, Marshal J. R., *Mémoires militaires* (Paris: 1899).
- Kelly, C., *Memoirs and Wonderful Achievements of Wellington the Great* (London: 1852).
- Kennedy, General Sir J., *Notes on the Battle of Waterloo* (London: 1865).
- Kincaid, Captain J., *Adventures in the Rifle Brigade* (London: 1852).
- Kircheisen, F. M., *Memoirs of Napoleon I* (London: 1929).
- Kircheisen, F. M., *Napoleon* (London: 1931).
- Kotzebue, A. F. F. von, *Mes souvenirs de Paris en 1804* (The Hague: 1805).
- Lachouque, Commandant H., *Jéna* (Paris: 1961).
- Lachouque, Commandant H., *Napoléon à Austerlitz* (Paris: 1960).
- Lachouque, Commandant H., *Napoléon — Vingt ans de campagnes* (Paris: 1964).
- Lachouque, Commandant H., and Brown, A., *The Anatomy of Glory* (London and New York: 1961).
- Lanrezac, C. L. M., *Mémoires — Lutzen* (Paris: 1904).
- Las Cases, E., *Memoirs of the Emperor Napoleon* (London: 1836).
- Laugier, D.J. C., *Mémoires* (Paris: 1853).
- Lecestre, L., *Lettres inédites de Napoléon Ier* (Paris: 1897).
- Lefebvre, G., *Napoléon*; 4th edition (Paris: 1953).
- Lejeune, Colonel L. F., *Souvenirs d'un officier sous l'Empire* (3 vols.; Paris: n.d.).
- Lettow-Vorbeck, General C. von, *Der Krieg von 1806—07* (Berlin: 1892).
- Levasseur, O., *Souvenirs militaires* (Paris: 1914).
- Lévy, A., *The Private Life of Napoleon* (London: 1894).
- Liddell Hart, Captain B. H., *The Ghost of Napoleon* (London: 1933).
- Liddell Hart, Captain B. H., *The Strategy of the Indirect Approach* (London: 1954).
- Lloyd, General, *L'introduction à l'histoire de la guerre en 1756* (Brussels: 1784).
- Ludwig, E., *Napoleon* (London: 1926).
- MacDonald, Marshal J. E.J. A., *Souvenirs* (Paris: 1892).
- MacDonell, A. G., *Napoleon and his Marshals* (London: 1950).
- Madelin, L., *Le Consulat et l'Empire* (2 vols.; Paris: 1932).
- Mahan, Admiral A. T., *The Influence of Sea-power on the French Revolution and Empire* (2 vols.; London: 1892).
- Malmesbury, Marquess of, *A Series of Letters* (London: 1870).
- Manceron, C., *Austerlitz* (Paris: 1962).
- Marbot, Baron M. de., *Mémoires*, ed., by General Koch (3 vols.; Paris: 1891).

- Markham, F., *Napoleon* (London: 1963).
- Marmont, Marshal A. F. L. V., *Memoiren* (4 vols.; Potsdam: 1857).
- Marmont, Marshal A. F. L. V., *Mémoires* (9 vols.; Paris: 1857 *et. seq.*).
- Marshall-Cornwall, General Sir J., *Marshal Massena* (London: 1965).
- Massena, Marshal A., *Mémoires* (7 vols.; Paris: 1848—50).
- Masson, F., and Biagli, G., *Napoléon inconnu* (Paris: 1895).
- Maude, Major General F. N., *The Jena Campaign, 1806* (London: 1909).
- Maude, Major General F. N., *The Ulm Campaign* (London: 1912).
- Mauduit, Captain H. de, *Les derniers jours de la Grande Armée* (Paris: 1847).
- Maxwell, Sir H., *The Life of Wellington* (London: 1899).
- Méneval, Baron C. F., *Mémoires* (Paris: 1894).
- Mercer, Captain C., *Journal of the Waterloo Campaign* (London: 1870).
- Metternich-Winneburg, Prince C. W. L., *Mémoires* (French edition; Paris: 1880).
- Military Panorama or Officer's Companion* (London: 1813).
- Mollien, M., *Mémoires d'un ministre du trésor public* (Paris: 1845).
- Montholon, C. J. F. T. de, *Mémoires de Napoléon* (Paris: 1823).
- Moore, Sir J., *Diaries*, ed. by Major General Sir J. F. Maurice (2 vols.; London: 1904).
- Nadaillac, La Marquise de, *Mémoires* (Paris: 1912).
- Napoleon I, Emperor, *Commentaires de Napoléon Ier* (6 vols.; Paris: 1867).
- Napoleon I, Emperor, *La Correspondance de Napoléon Ier* (32 vols.; Paris: 1858—70).
- Napoleon I, Emperor, *Maximes*; 5th edition (Paris: 1874).
- Naylor, J., *Waterloo* (London: 1960).
- Ney, Marshal M., *Documents inédits du duc d'Elchingen* (Paris: 1833).
- Ney, Marshal M., *Mémoires* (2 vols.; Paris: 1833).
- Norvins, J. de, *Souvenirs d'une histoire de Napoléon* (Paris: 1897).
- Odeleben, E. d', *Relation de la campagne de 1813* (Paris: 1817).
- Oman, Sir C. W. C., *History of the Peninsular War* (7 vols.; Oxford: 1902—30).
- Parker, W. T., *Three Napoleonic Battles* (Durham, N.C.: 1944).
- Pasquier, E. D., Duc de, *Histoire de mon temps* (Paris: 1893).
- Petit, J. M., *Histoire des campagnes de l'Empereur* (3 vols.; Paris: 1843).
- Petre, F. L., *Napoleon and the Archduke Charles* (London: 1909).
- Petre, F. L., *Napoleon at Bay, 1814* (London: 1913).
- Petre, F. L., *Napoleon's Campaigns in Poland, 1806—7* (London: 1901).
- Petre, F. L., *Napoleon's Conquest of Prussia* (London: 1907).
- Petre, F. L., *Napoleon's Last Campaign in Germany, 1813* (London: 1912).
- Phipps, Colonel R. W., *The Armies of the First French Republic* (5 vols.; Oxford: 1935—39).
- Plotho, C. von, *Der Krieg in Deutschland und Frankreich* (Berlin: 1818).
- Quimby, R. S., *The Background of Napoleonic Warfare* (New York: 1957).
- Rapp, General Count J., *Mémoires* (Paris: 1821).
- Rapp, General Count J., *Mémoires écrites par lui-même* (Paris: 1823).
- Reiche, General L. von, *Memoiren* (Leipzig: 1857).
- Reinhard, M., *Avec Bonaparte en Italie* (Paris: 1946).
- Rémusat, Madame C. de, *Mémoires*, 24th edition (Paris: 1893).
- Robespierre, M., *Correspondance*; ed. by G. Michon (Paris: 1941).
- Rodger, A. B., *The War of the Second Coalition* (Oxford: 1964).
- Roeder, H., *The Ordeal of Captain Roeder* (London: 1960).
- Roederer, Count P. L., *Oeuvres* (Paris: 1854—59).
- Rose, J. H., *Life of Napoleon* (2 vols.; London: 1902).
- Rose, J. H., *Lord Hood and the Defence of Toulon* (Cambridge: 1922).
- Rose, J. H., *The Personality of Napoleon* (London: 1906).
- Russell, Lord, of Liverpool, *Knight of the Sword* (London: 1964).
- Sargent, H., *Napoleon Bonaparte's First Campaign* (London: 1895).
- Saski, Colonel C. G. L., *La campagne de 1809* (3 vols.; Paris: 1899—1900).
- Savant, J., *Napoléon raconté par les témoins de sa vie* (Paris: 1954).

- Savant, J., *Tel fut Napoléon* (Paris: 1953).
- Savary, General A. J. M. R., *Mémoire sur l'Empire* (8 vols.; Paris: 1828 *et. seq.*).
- Schlieffen, General Graf von, *Cannae* (Berlin: 1919).
- Seeley, Sir J., *A Short History of Napoleon I* (London: 1899).
- Ségur, General P., Comte de, *Histoire et Mémoires* (Paris: 1837).
- Ségur, General P., *History of the Expedition to Russia* (2 vols.; London: 1825).
- Siborne, Major General H. T., *Waterloo Letters* (London: 1891).
- Sloane, W. M., *Life of Napoleon Bonaparte* (4 vols.; London and New York: 1896).
- St. Chamans, Comte O. de, *Mémoires* (Paris: 1896).
- St. Cyr, Marshal G., *Mémoires* (Paris: 1829).
- Stanhope, Earl P. H., *Conversations with the Duke of Wellington* (London: 1899).
- Suchet, Marshal L. G., *Mémoires* (Paris: 1834).
- Talleyrand-Périgord, C. M., Prince, *Memoirs* (London: 1891).
- Thibaudeau, A. C., *Mémoires* (Paris: 1913).
- Thibaudeau, A. C., the Younger, *Napoleon and the Consulate* (London: 1908).
- Thiébaud, General A. C., *Memoirs* (3 vols.; London: 1896).
- Thiers, L. A., *A History of the Consulate and Empire* (20 vols.; London: 1845).
- Thompson, J. M., *Life of Napoleon* (Oxford: 1952).
- Tour-du-Pin, Marquise de la, *Journal d'une femme de cinquante ans* (Paris: 1913).
- Turner, A. E., *The Retreat from Moscow and Passage of the Beresina* (Woolwich: 1898).
- Vachée, Colonel A., *Napoleon at Work* (London: 1914).
- Vandal, A., *L'avènement de Bonaparte* (2 vols.; Paris: 1903—05).
- Vertray, Captain M., *Journal d'un officier de l'armée d'Egypte* (Paris: 1883).
- Wairy, Baron Constant, *Mémoires* (5 vols.; Paris: 1898).
- Warner, O., *The Battle of the Nile* (London: 1960).
- Wartenburg, General Yorck von, *Napoleon as a General* (2 vols.; London: 1902).
- Weygand, General M., *Histoire de l'armée Française* (Paris: 1938).
- Wheeler, Private, *The Letters of Private Wheeler*; ed. by B. H. Liddell Hart (Boston: 1951).
- Wilkinson, S., *The French Army before Napoleon* (Oxford: 1915).
- Wilkinson, S., *The Rise of General Bonaparte* (Oxford: 1930).
- Wilson, Major General Sir R., *Narrative of Events during the Invasion of Russia* (London: 1860).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Общее введение	9

Часть первая

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА СТРАТЕГА

*Военное образование Наполеона и опыт,
формирующий его личность до 1796 года*

<i>Введение.</i> Первое появление	23
<i>Глава 1.</i> Подготовка	24
<i>Глава 2.</i> Тулон	31
<i>Глава 3.</i> Бригадный генерал артиллерии	39
<i>Глава 4.</i> «Сабля» Поля Барраса	44

Часть вторая

СОТВОРЕНИЕ ИМЕНИ

*Кампания в Северной Италии,
апрель 1796 — апрель 1797*

<i>Глава 5.</i> Главнокомандующий	53
<i>Глава 6.</i> Поражение Пьемонта	58
<i>Глава 7.</i> Мост через Лоди	67
<i>Глава 8.</i> Успех посреди опасностей — Мантуя	73
<i>Глава 9.</i> Кальдьеро и Аркола	79
<i>Глава 10.</i> Риволи	86
<i>Глава 11.</i> Приближение к Леобену	90
<i>Глава 12.</i> Мера успеха	93

Часть третья

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА

Изучение наполеоновской философии войны.

Анализ его стратегических и тактических методов и источники его идей

<i>Введение.</i> Слова учителя	97
<i>Глава 13.</i> Истоки доктрин Наполеона	99
<i>Глава 14.</i> Составные части наполеоновской стратегии	105
<i>Глава 15.</i> Стратегические концепции	116
<i>Глава 16.</i> Общевойсковая тактика	124
<i>Глава 17.</i> Нарождающаяся система: Кастильоне	133

Часть четвертая

ВОСТОЧНАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Шесть акров земли.

Кампания в Египте и Сирии 19 мая 1798 — 9 октября 1799

<i>Введение.</i> Пески Марабута	138
<i>Глава 18.</i> Восточные возможности	139
<i>Глава 19.</i> Средиземноморские гонки	143
<i>Глава 20.</i> Пирамиды смотрят вниз	148
<i>Глава 21.</i> Экспедиция в Сирию	154
<i>Глава 22.</i> Баланс провала	164

Часть пятая

К ВЕРШИНЕ. ЗАГОВОРЩИК И МИРОТВОРЕЦ

Переворот 18 брюмера и итальянская кампания 1800 года

<i>Глава 23.</i> Созревший плод	166
<i>Глава 24.</i> Первый консул	170
<i>Глава 25.</i> Планы кампании	174
<i>Глава 26.</i> Переход через Альпы	179
<i>Глава 27.</i> Маренго	189
<i>Глава 28.</i> Возвращение мира	195

Часть шестая

МИРНЫЕ ТРУДЫ И ДОРОГА К ВОЙНЕ

Перестройка Франции Наполеоном и возобновление борьбы с Англией до образования Третьей коалиции. Создание Великой армии

<i>Глава 29.</i> Правитель и законодворец	200
<i>Глава 30.</i> Булонский лагерь	209
<i>Глава 31.</i> Перспективы расширения войны	214
<i>Глава 32.</i> Великая армия	217
<i>Глава 33.</i> Императорский штаб	235

Часть седьмая
ОТ РЕЙНА ДО ДУНАЯ

Наполеоновский разгром Третьей коалиции

<i>Введение.</i> Канун Аустерлица	243
<i>Глава 34.</i> Планы и подготовка	244
<i>Глава 35.</i> Стратегический триумф — Ульм	248
<i>Глава 36.</i> Воины Святой Руси	255
<i>Глава 37.</i> «Битва трех императоров» — Аустерлиц	262
<i>Глава 38.</i> Слагаемые успеха	272

Часть восьмая
ОТМЩЕННЫЙ РОСБАХ

Кампания 1806 года против Пруссии

<i>Глава 39.</i> Гогенцоллерн — лицемемер	276
<i>Глава 40.</i> Планы войны	282
<i>Глава 41.</i> Батальонные каре	291
<i>Глава 42.</i> Йена — Ауэрштедт	299
<i>Глава 43.</i> Анализ триумфа	312

Часть девятая
ЗИМНЯЯ ВОЙНА

*Кампании Наполеона в Восточной Пруссии и Польше.
Октябрь 1806 — февраль 1807*

<i>Глава 44.</i> Направление наступления — Варшава	315
<i>Глава 45.</i> Людской состав и материальная часть	320
<i>Глава 46.</i> Маневр на Нареве	323
<i>Глава 47.</i> Варшавская интерлюдия	326
<i>Глава 48.</i> Несработавшая ловушка — Ионково	327
<i>Глава 49.</i> Сражение при Прейсиш-Эйлау	332
<i>Глава 50.</i> Заключение: первая неудача	341

Часть десятая
ВЕСЕННЕЕ ОЖИВЛЕНИЕ

*Возобновление кампании против России,
с кульминацией сражения при Фридланде
Тильзитским договором*

<i>Глава 51.</i> Реорганизация	345
<i>Глава 52.</i> Сражение при Гейльсберге	348
<i>Глава 53.</i> Сражение при Фридланде	354
<i>Глава 54.</i> Свидание императоров	360

Часть одиннадцатая

ИБЕРИЙСКИЕ ИНТРИГИ

Кампания в Португалии и Испании 1807—1809 годов

Глава 55. Путь к Лиссабону	365
Глава 56. Подстроенный кризис	371
Глава 57. Байлен и Вимьеро	376
Глава 58. Дипломатический торг в Эрфурте	383
Глава 59. Вмешательство императора	385
Глава 60. Погоня за Муром	398
Глава 61. Незавершенные достижения	407

Часть двенадцатая

ВОССТАВШИЕ ИЗ ПЕГЛА ГАБСБУРГИ

Последний успех.

*Дунайская кампания 1809 года,
завершившаяся сражением при Ваграме и
Шёнбрунским миром*

Глава 62. Новый вызов	410
Глава 63. Кризис на Дунае	418
Глава 64. Асперн — Эсслинг	429
Глава 65. Вторая попытка: Ваграм	437
Глава 66. Иллюзия успеха	449

Часть тринадцатая

ДОРОГА НА МОСКВУ

*Первая часть русской кампании Наполеона
22 июня — 15 сентября 1812 года*

Глава 67. Распад франко-русского союза	453
Глава 68. Военные планы и подготовка	459
Глава 69. Вторжение в Россию	471
Глава 70. Бородино	483

Часть четырнадцатая

ОТХОД

*Вторая часть русской кампании Наполеона
с 16 сентября 1812 года до 6 марта 1813 года*

Глава 71. Опасное положение	495
Глава 72. Гибель армии	502
Глава 73. Березина	510
Глава 74. Назад к Эльбе	517
Глава 75. Поражение гиганта	520

Часть пятнадцатая
СУМЕРКИ. «БИТВА НАРОДОВ»

*Попытки Наполеона удержать Германию и уничтожить союзников
с кульминацией в тяжелом поражении,
понесенном в битве при Лейпциге*

Глава 76. Новые армии	527
Глава 77. Лютцен и Баутцен	536
Глава 78. Перемирие	546
Глава 79. Дрезден	549
Глава 80. «Битва народов»	555
Глава 81. Обратно к естественным границам	570

Часть шестнадцатая
«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»

*Кампания 1814 года,
окончившаяся отречением Наполеона*

Глава 82. Выиграть время!	573
Глава 83. Неутешительное начало	579
Глава 84. Наверстывание успеха	584
Глава 85. Закат Шварценберга	591
Глава 86. Неудача на севере — Лаон	596
Глава 87. Последняя ставка: Арси и отречение	603

Часть семнадцатая
КАМПАНИЯ СТА ДНЕЙ

*Возвращение Наполеона из ссылки и события,
приведшие к его окончательному отречению*

Введение. Встреча в Ле-Кайю	610
Глава 88. Возвращение императора	611
Глава 89. Поражение Блюхера	626
Глава 90. Ошибки маршала Нея	634
Глава 91. Эндшпиль	640
Глава 92. Ватерлоо	644
Глава 93. Постскрипtum	661

Приложения

Словарь военных терминов	665
Ссылки на источники	668
Библиография	684
Карты и схемы сражений	

Чандлер Дэвид
Ч34 **Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя: Монография. — Пер. с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. — 693 с.**

ISBN 5-227-00456-0

Книга военного историка и известного писателя Д. Чандлера поистине уникальна в огромном количестве литературы о Наполеоне — человеке, прошедшем за короткое время путь от незаметного младшего офицера до полководца, перед которым дрожал весь современный ему мир, и ставшем в 1804 году императором Франции, так как в ней описывается каждая кампания и сражение, в котором участвовал лично Наполеон. Автор не ограничился анализом военной карьеры Наполеона, он рассказал о становлении личности своего героя, о развитии его военного гения, разгадкой которого занимались историки и писатели в течение многих десятилетий вплоть до наших дней.

В книге множество иллюстраций и более 70 батальных карт, составленных и вычерченных самим автором.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

Монография

Дэвид Чандлер

**ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ НАПОЛЕОНА
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ**

Ответственный редактор *Л.И. Лебедева*

Редактор *Л.Г. Чудова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *О.А. Левина*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.08.99

Формат 70x100 1/16. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс"

Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,2. Уч.-изд. л. 69,96 + 9 альбомов = 83,4

Тираж 3000 экз. Заказ № 1590

ЗАО "Издательство "Центрполиграф"

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический
комплекс "Ульяновский Дом печати"

432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

OCR - Давид Титиевский, ноябрь 2016 г., Хайфа

P L A Y
O F T H E C I T Y A N D E N V I R O N S O F
T O U L O N .

as occupied by the allied Forces from the 20 of August to the 19 of Decr 1793

Scale 100 Feet to an Inch Paris Measure.

Карта Тулона 90-х гг. XVIII в., на которой показаны оборонительные сооружения

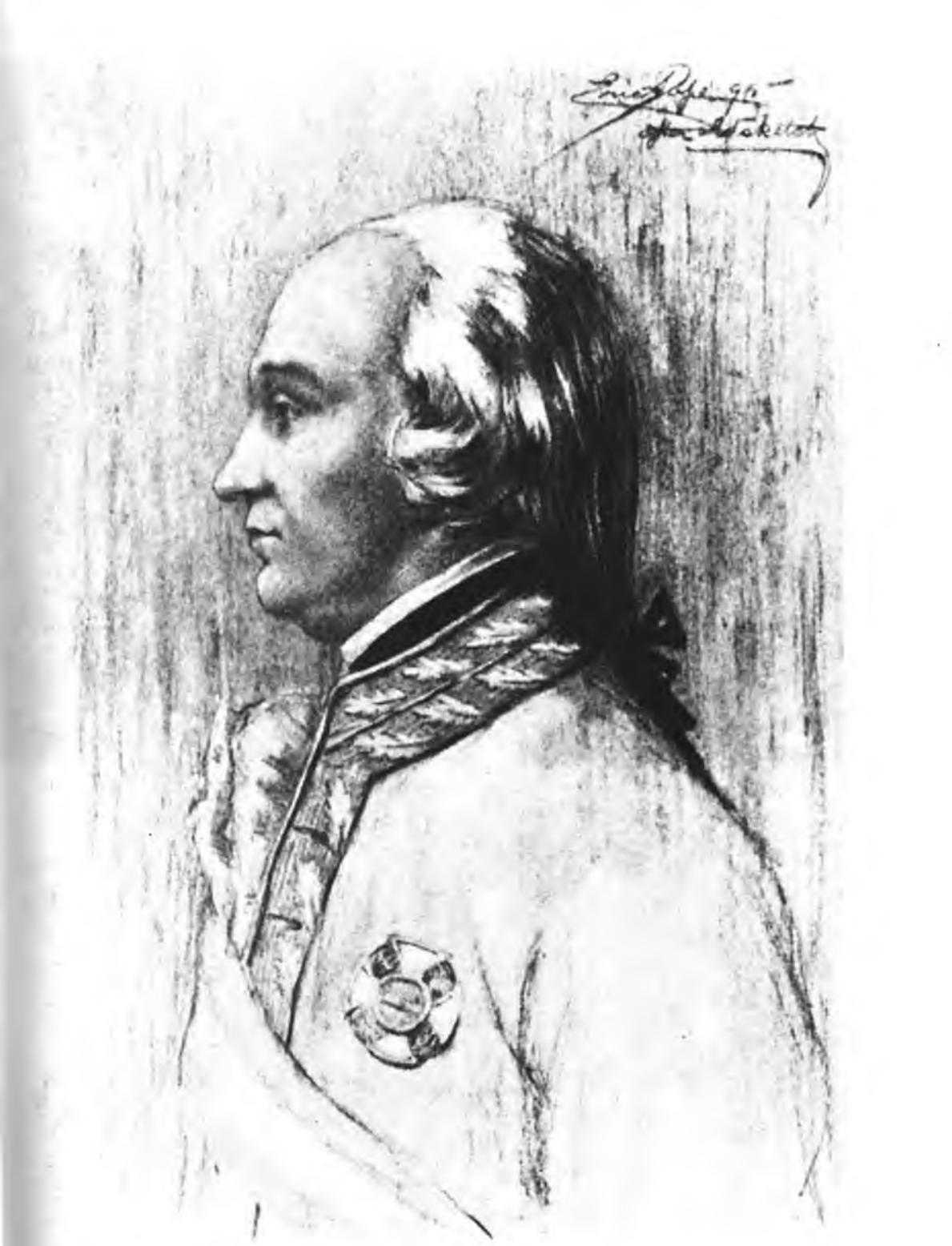
Молодой Наполеон в заключении в Антибском форте, 1794 г.

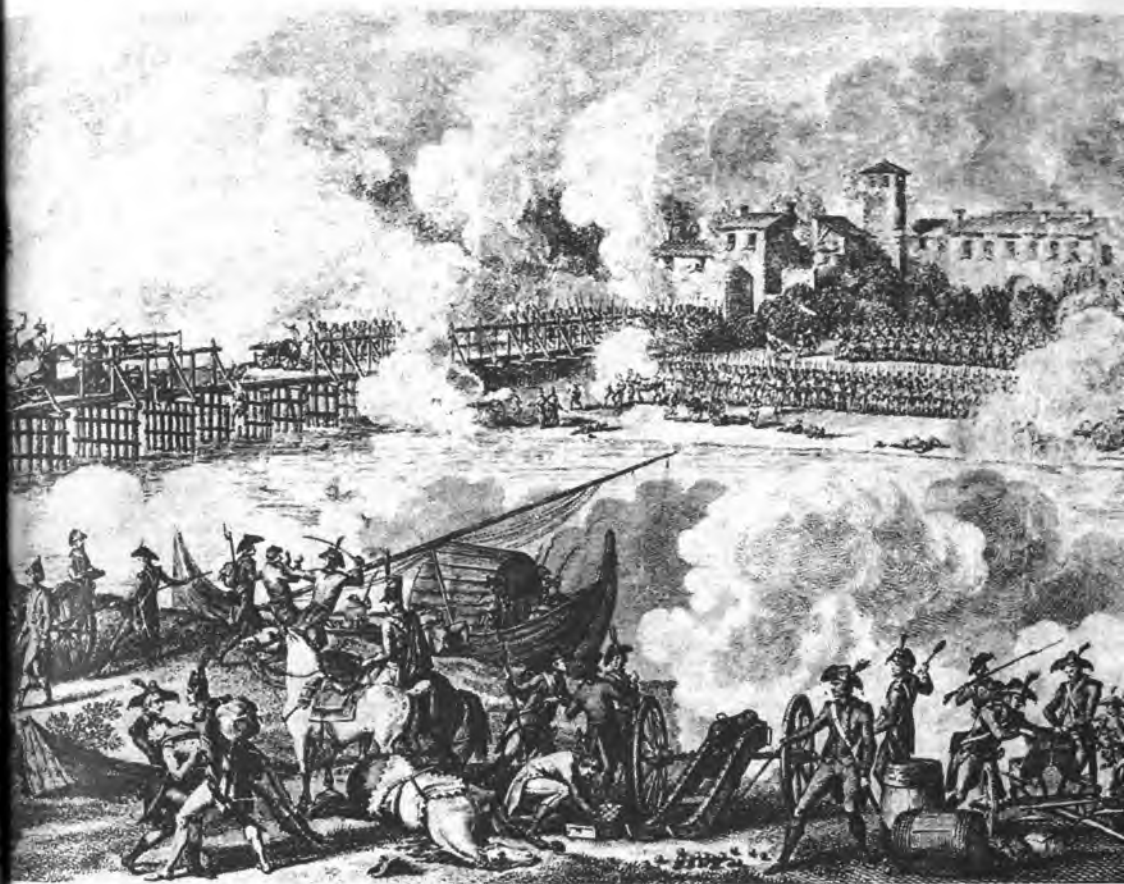
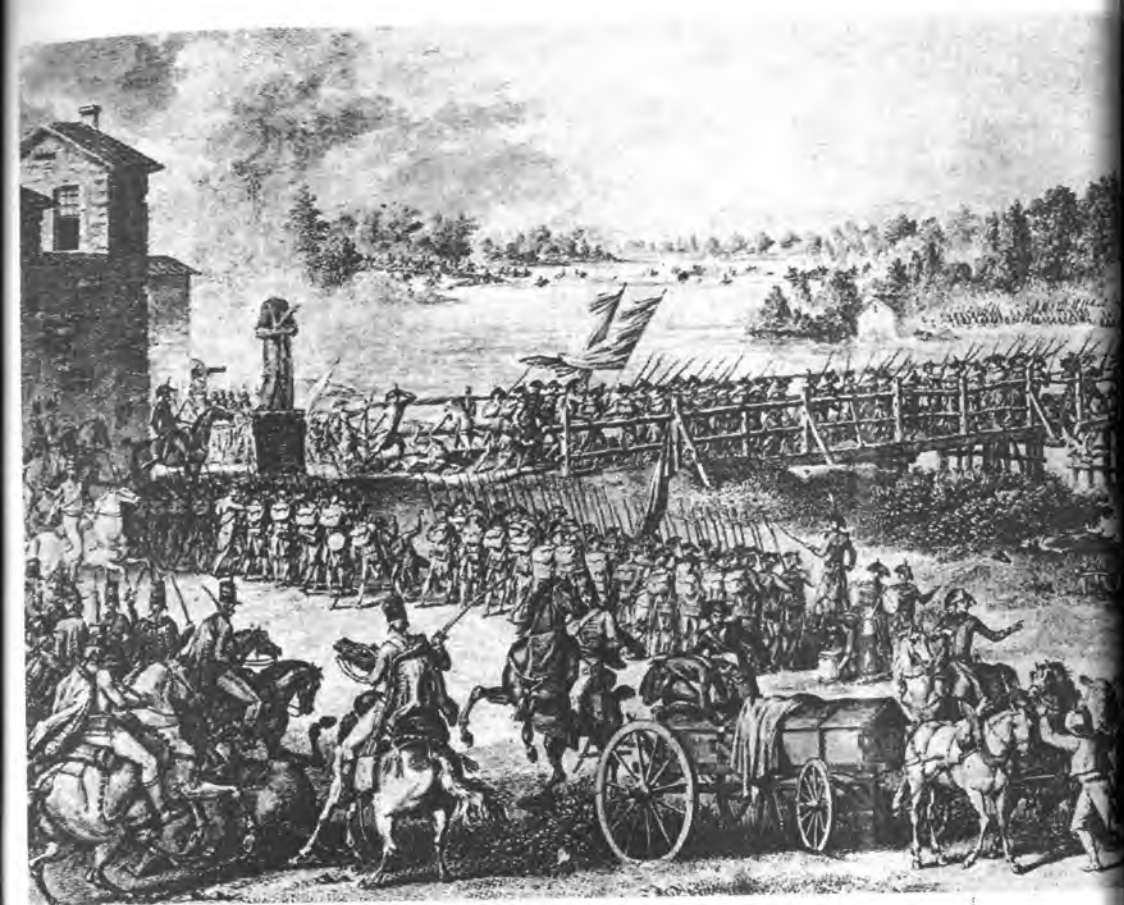
Императрица Жозефина в 1806 г.

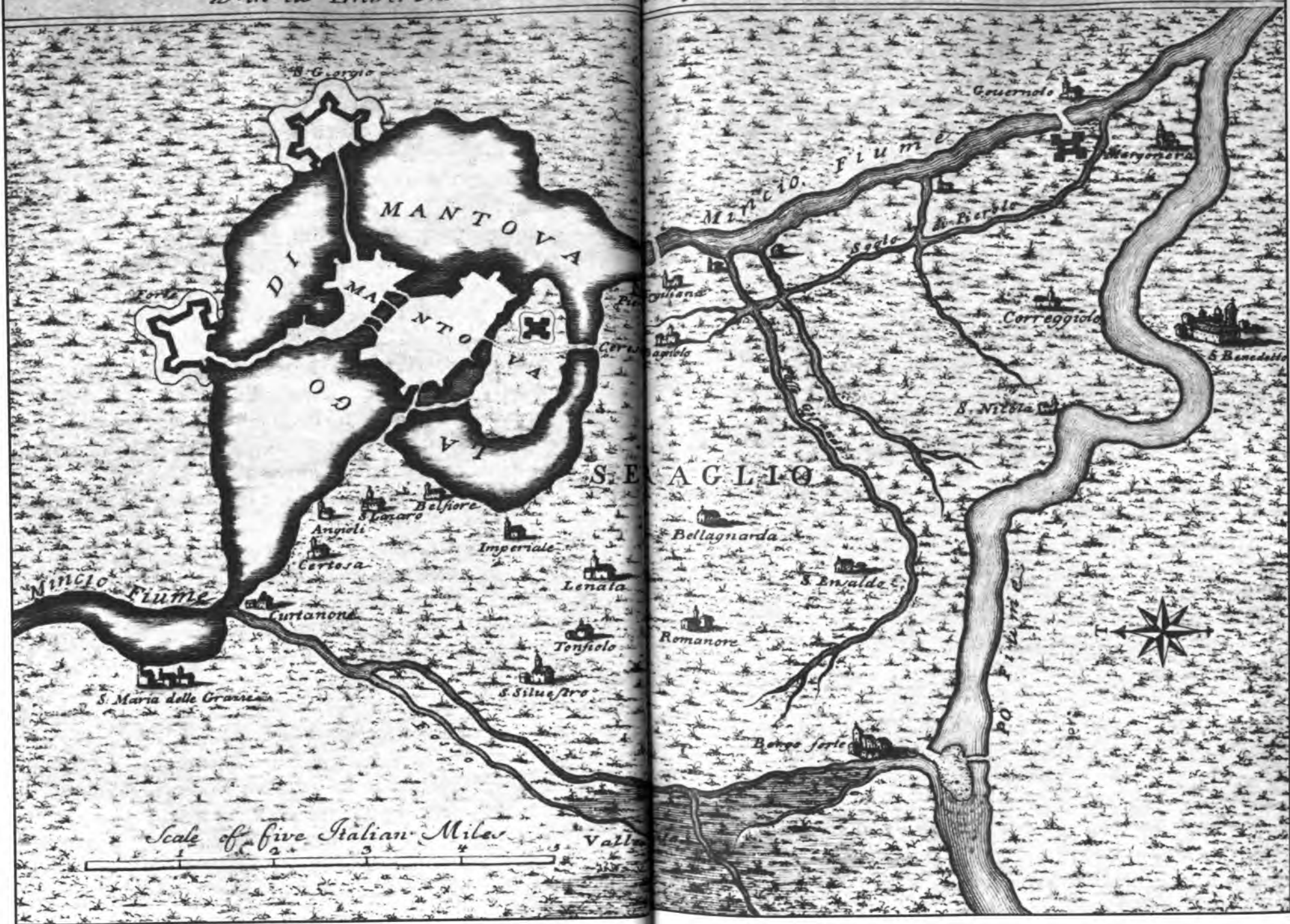
Австрийский генерал Вюрмсер — один из главных противников генерала Бонапарта в кампании 1796—1797 гг. в Северной Италии

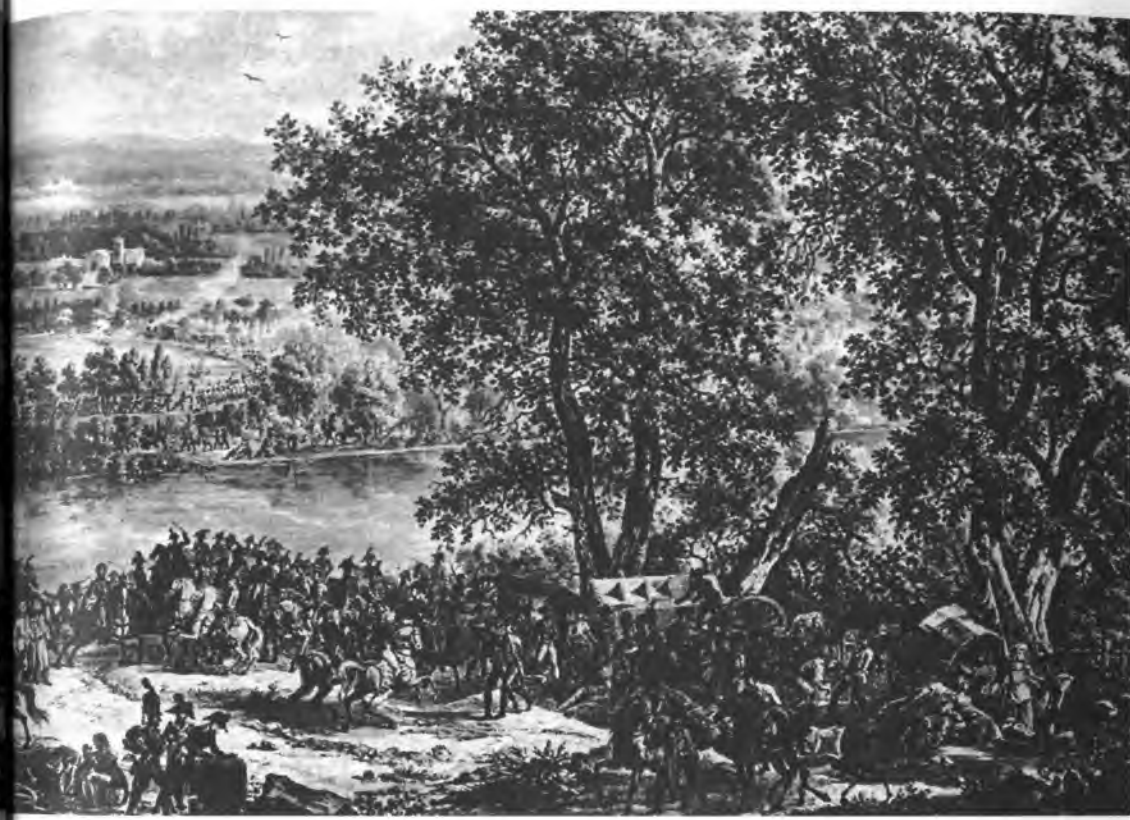
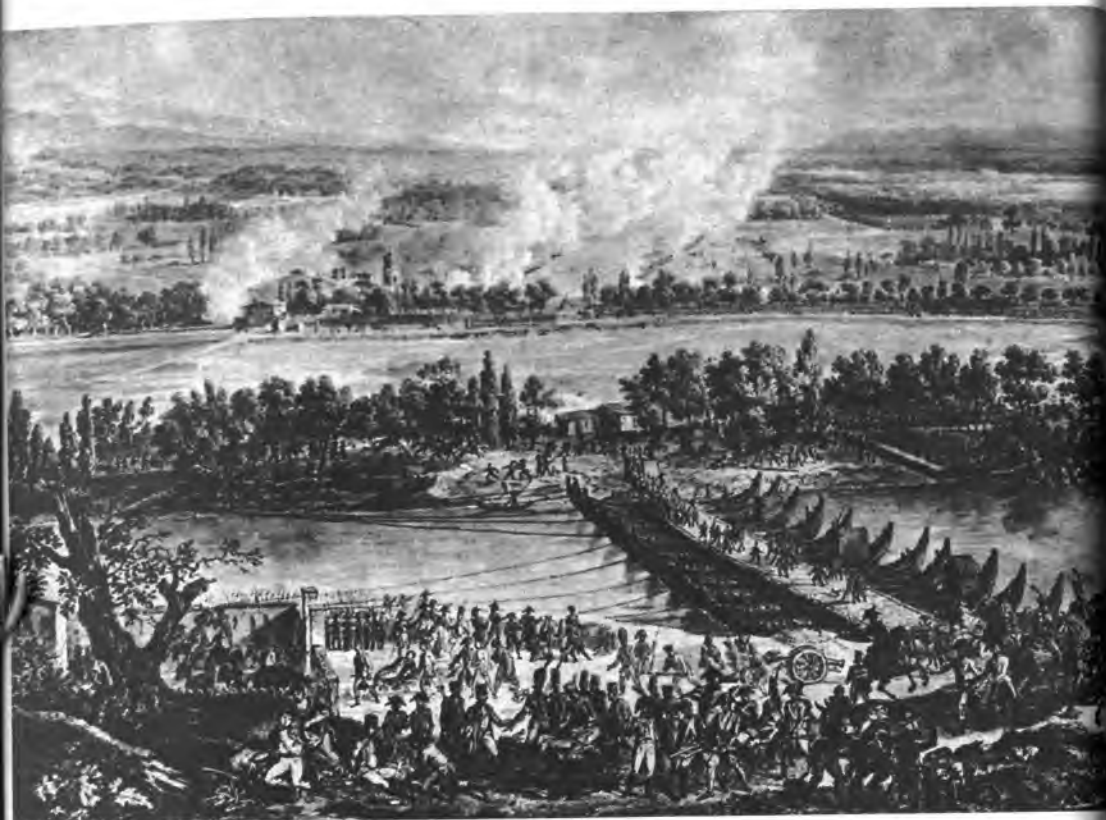
Австрийский генерал Альвинци — один из главных противников генерала Бонапарта в кампании 1796—1797 гг. в Северной Италии

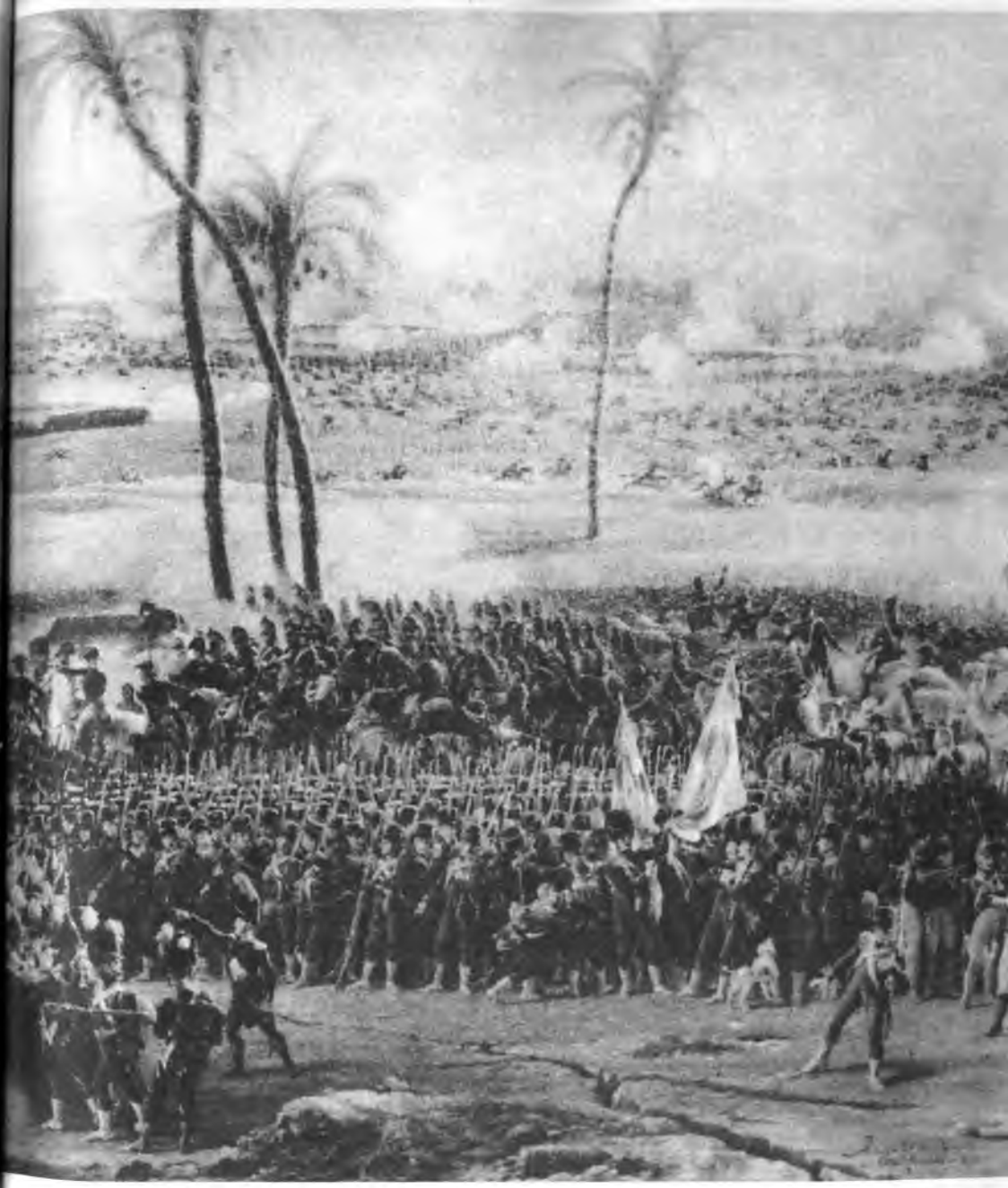
Сражение на мосту у Лоди, 10 мая 1796 г.

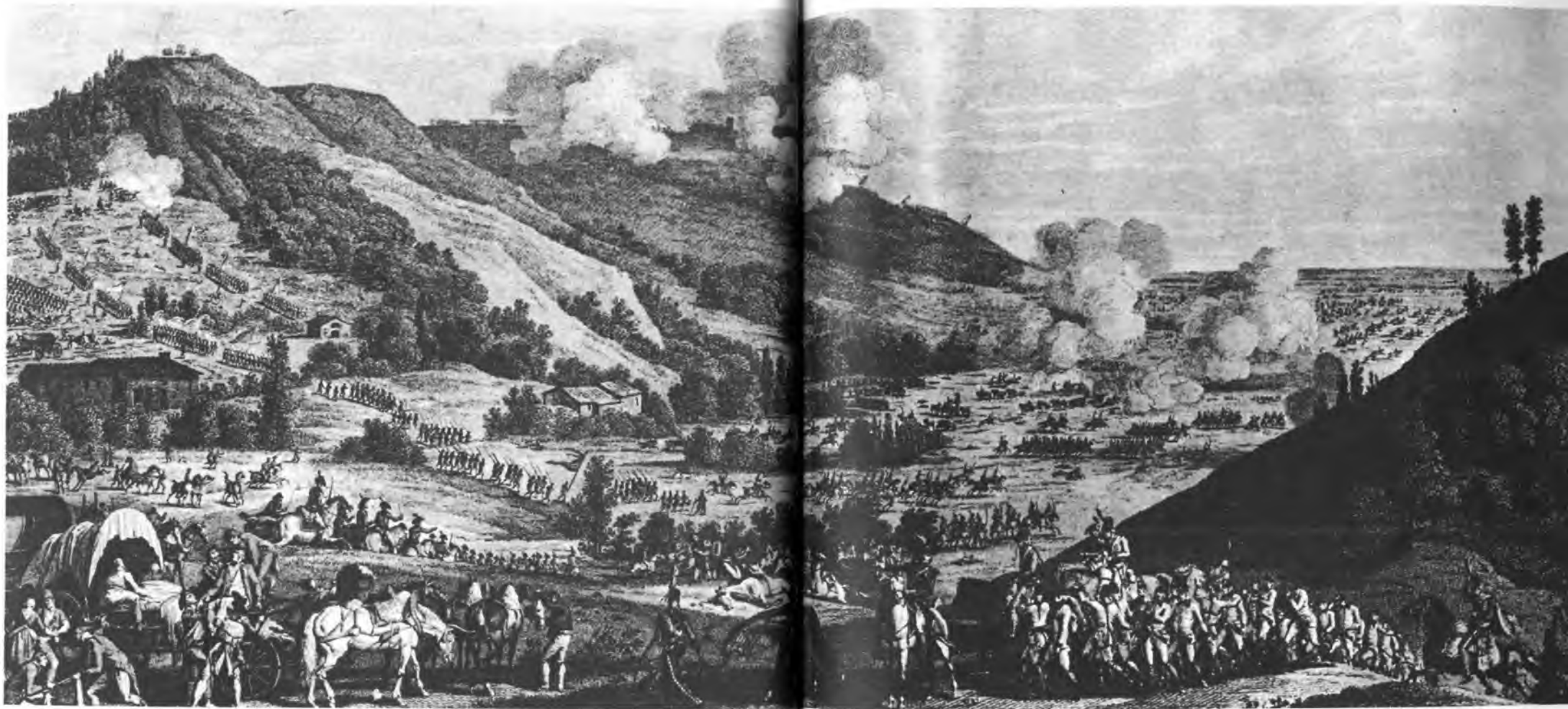
План оборонительных укреплений Мантуи, относящийся к концу XVIII в.

Аркольское сражение: третий день, 17 ноября 1796 г. На переднем плане понтонный мост, построенный саперами Андреосси; на среднем плане, за Арколой (слева), войска Ожеро оттесняют линию Альвинци

Французские дивизионные каре из шести рядов в бою. Деталь картины «Битва у Пирамид» генерала Лежена. Этот тактический боевой порядок был изобретен лично генералом Бонапартом для противостояния массированным атакам мамлюкских всадников в Египте. Фактически это было его единственным вкладом в тактику. Обратите внимание на пушки и роты гренадер, прикрывающие уязвимые углы каре, и на многочисленную кавалерию французов, скрывающуюся внутри каре

Сражение при Кастильоне, 5 августа 1796 г. Обратите внимание на преобладание линейного боевого порядка рот во время наступления французов. На заднем плане — Сольферино; Монте Медолано — на переднем плане справа, за австрийскими пленными

Сражение при Риволи, 14 января 1797 г. — романтизированное изображение; на заднем плане ущелье Остерия

Розеттский камень — ключ к расшифровке древнеегипетских иероглифов. Найден французскими учеными, сопровождавшими Бонапарта в Египте; конфискован британскими властями в 1801 г.

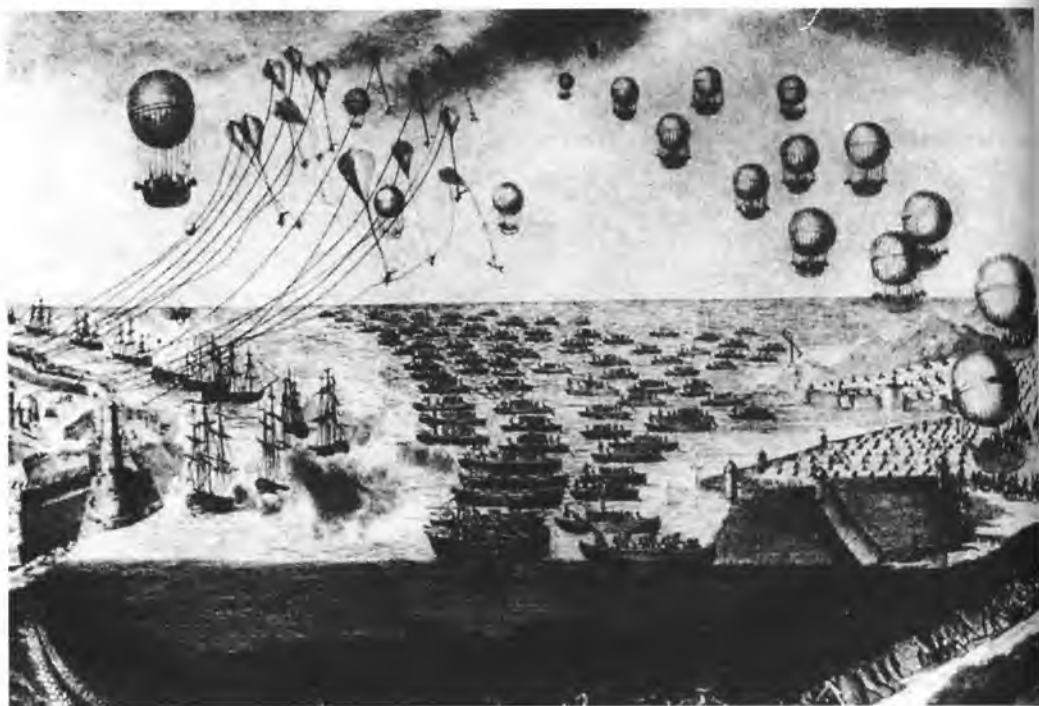
*Достопочтенный Уильям Питт
(1759—1806) — премьер-
министр Великобритании*

*Контр-адмирал сэр Горацио Нельсон и коммодор сэр Уильям Сидней-Смит —
два британских моряка, разрушившие планы Бонапарта в 1798—1799 гг.*

Сражение при Маренго, 14 июня 1800 г. Картина генерала Лежена. Генерал Дезе падает со своего коня (задний план слева) в тот момент, когда он вел своих солдат против австрийской колонны генерала Цаха. На переднем плане слева первый консул выезжает вперед со своим штабом. Бертье находится справа от центра на переднем плане. Художник изобразил и себя (справа, на коне, с латами на левом плече), ведущего австрийских пленных

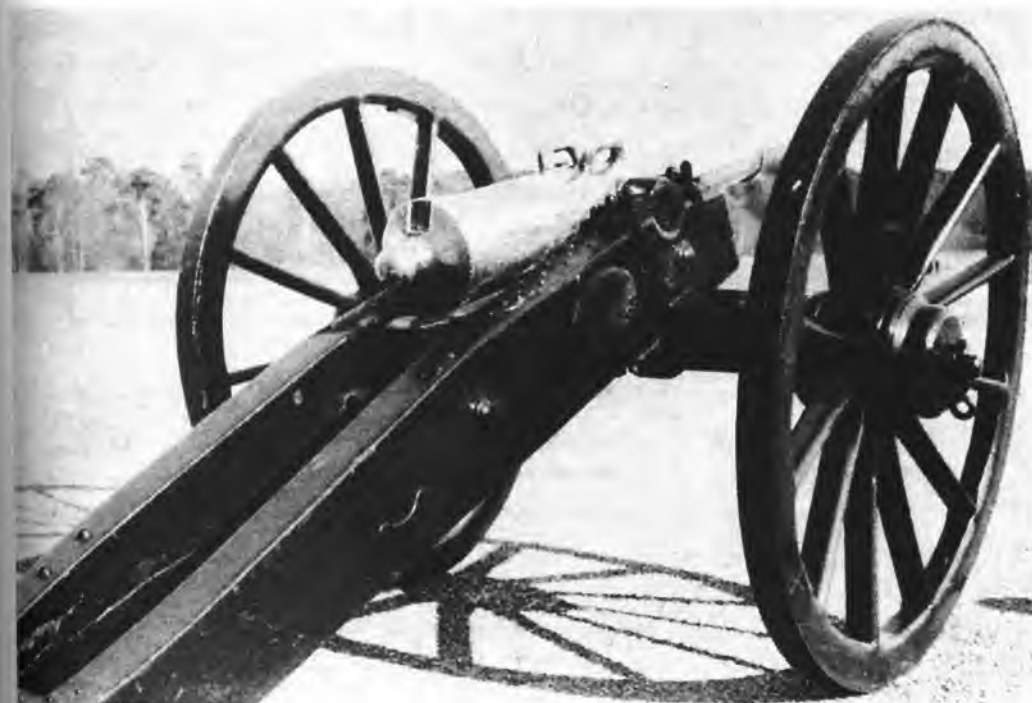
Воображаемый проект высадки в Англии — в том числе туннель под Ла-Маншем и воздушно-десантные силы в зачаточной форме

Питт и Бонапарт делят на части земной шар — английская карикатура того времени

Французская 6-дюймовая гаубица, две такие пушки были обычно приданы каждой артиллерийской батарее Великой армии

Французская 8-фунтовая полевая пушка — захвачена при Ватерлоо

Garde Impériale.

Grenadiers à pied.

Vétérans

MÉMOIRE DE PROPOSITION pour la Solde de retraite en faveur de
M. *Sravalo* (nom *Sravalo* fils de *Sravalo*) et
d'un *Sravalo* né le 7 mai 1771 à *Paris* Département
de *Seine et Oise* du *1er Régiment* Bataillon *Compagnie*.

MOTIFS SUR LESQUELS CETTE DEMANDE EST FONDÉE

Ce Militaire est atteint de *faiblesse de tête et d'ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie) et d'*ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie).

SERVICES EFFECTIFS ET GRADES.

CAMPAGNES.

Entré au service le 1er janvier 1790
dans le Régiment d'Infanterie
de la Seine le 1er mai 1790
Régiment d'Infanterie
de la Seine le 1er mai 1790
Régiment d'Infanterie
de la Seine le 1er mai 1790
Régiment d'Infanterie
de la Seine le 1er mai 1790

fait la campagne 1791, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1806, 1807, 1808, 1809.

RÉCAPITULATION DES SERVICES ET CAMPAGNES.

		AN.	MOIS.	JOURS.			
De	1 ^{er} janvier 1790	au	1 ^{er} février 1809	date du présent Mémoire.....	10	1	10
Pour	13	Campagnes de guerre.....			13	.	.
TOTAL général des Services.....					23	1	10

CERTIFICATS DES OFFICIERS DE SANTÉ

Je soussigné *Commissaire* *certifie* que *Sravalo* (nom *Sravalo*) *Vétérans* est
atteint de *faiblesse de tête et d'ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie) et d'*ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie).
Il est d'ailleurs *ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie) et d'*ophtalmie* (faiblesse de tête et d'ophtalmie).

Paris le 1er février 1809
Commissaire
Sravalo

LES Membres composant le Conseil d'administration dudit Régiment, certifient véritables les Services & Campagnes Infirmités-dessus détaillés; ils attestent et déclarent que le sieur *Sravalo* désire jouir de sa retraite à *Paris*.
Département *Seine et Oise* et *Paris*
A *Paris* le 1er février 1809

Commissaire
Sravalo
Commissaire
Sravalo
Commissaire
Sravalo
APPROUVÉ par le *Commissaire* *Sravalo* (nom *Sravalo*)
Commissaire
Sravalo

Vu par l'Intendant aux revues de la Garde.
Paris le 1er février 1809
Commissaire
Sravalo

Документ об увольнении солдата, 1809 г. Ветеран Сравало получает почетное увольнение из армии по причине «слабости груди» и «кровохарканья». Поступив в армию в январе 1790 г. (в старый королевский Фландрский полк), он служил затем в артиллерии и конном эскорте. Участвовал не менее чем в 13 кампаниях, и это, вкупе с двадцатью годами выслуги, дает ему право на получение пособия из расчета более 33 лет службы и на звание «ветеран». Среди подписей имеется подпись графа Вальтера, дивизионного генерала, командующего императорской гвардией. Французская армия заботилась о своих ветеранах лучше, чем большинство армий того времени

Одна из знаменитых треуголок Наполеона

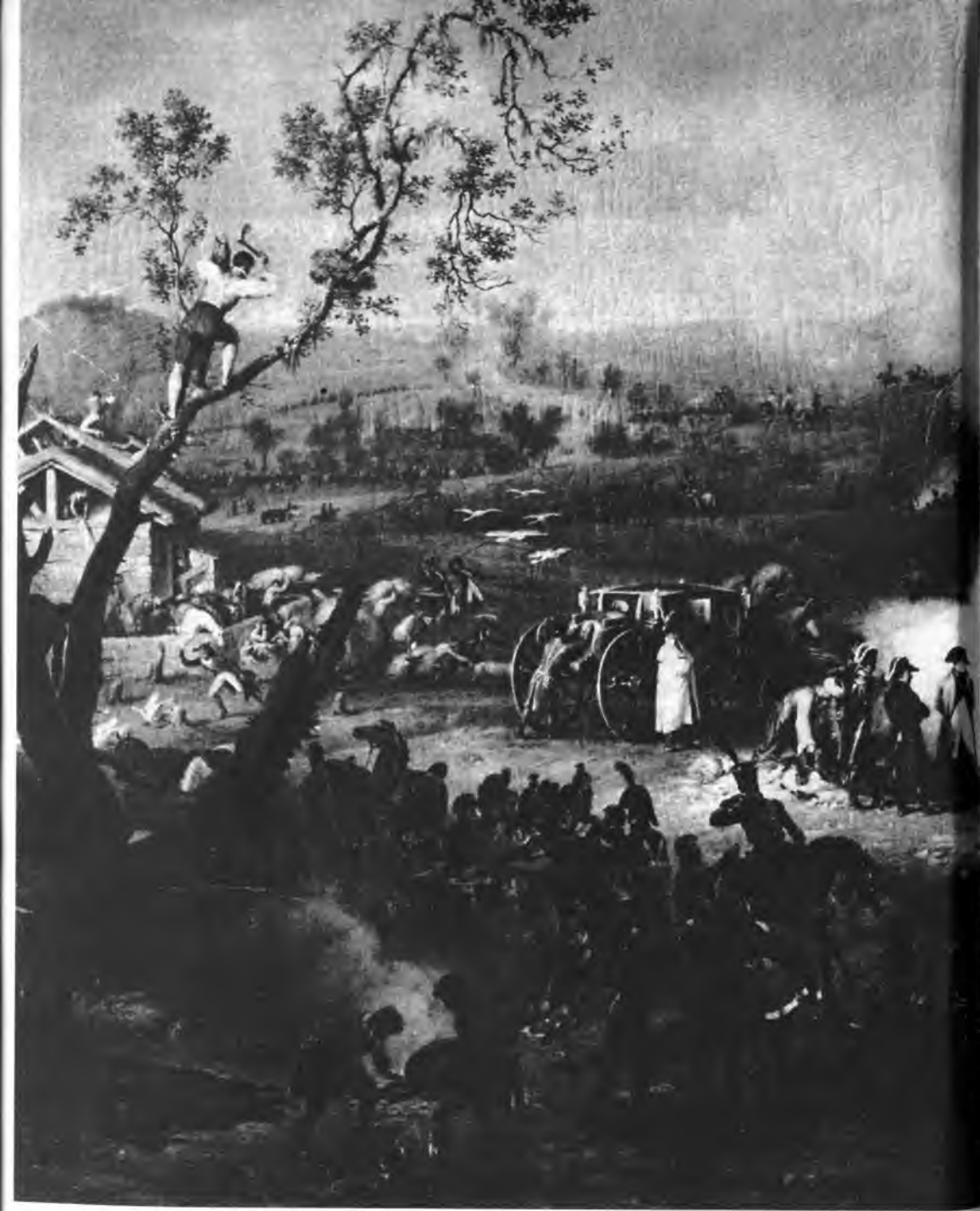

Походная койка императора; занавеси зеленого цвета

Genl Mack drawn at his own Table in a dinner 1805

«Несчастный генерал Мак», сдавшийся в Ульме (1805 г.); акварельный рисунок, сделанный британским офицером (дата не указана) «за его собственным столом во время обеда»

*Канун Аустерлица, 1 декабря 1805 г., картина генерала Лежена. Наполеон
расспрашивает крестьян о передвижениях русско-австрийской армии. Солдаты
разбирают дом (слева), чтобы использовать бревна для укрепления артиллерийских
позиций, оборудуемых на возвышенности Сантон (вдалеке)*

*Бернадот, князь
Понте-Корво*

*Бертье, князь
Невшательский*

Бессьер, герцог Истрии

Генерал Брюн

Граф Журдан

Граф Серюрье

Даву, князь Эмюльский

*Келлерман, герцог
Вальми*

*Ланн, герцог
Монтебелло*

Маршалы — первые назначения от 19 мая 1804 г.

*Лефевр, герцог
Данцигский*

Массена, герцог Риволи

Маркиз Периньон

Монси, герцог Конельяно

Мортье, герцог Тревизо

*Мюрат, король
Неаполитанский*

Ней, князь Московский

*Ожеро, герцог
Кастильонский*

*Сульт, герцог
Далматский*

Ауэрштедтское сражение, 14 октября 1806 г., 10 часов утра. Прусская кавалерия атакует дивизию Морана. Обратите внимание на французские каре и на то, как они размещены для оказания взаимной поддержки. В середине перед задним планом находится деревня Хассенхаусен

Королева Луиза, супруга Фридриха-Вильгельма III, которую Наполеон однажды охарактеризовал как «единственного мужчину в Пруссии»

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), король Пруссии

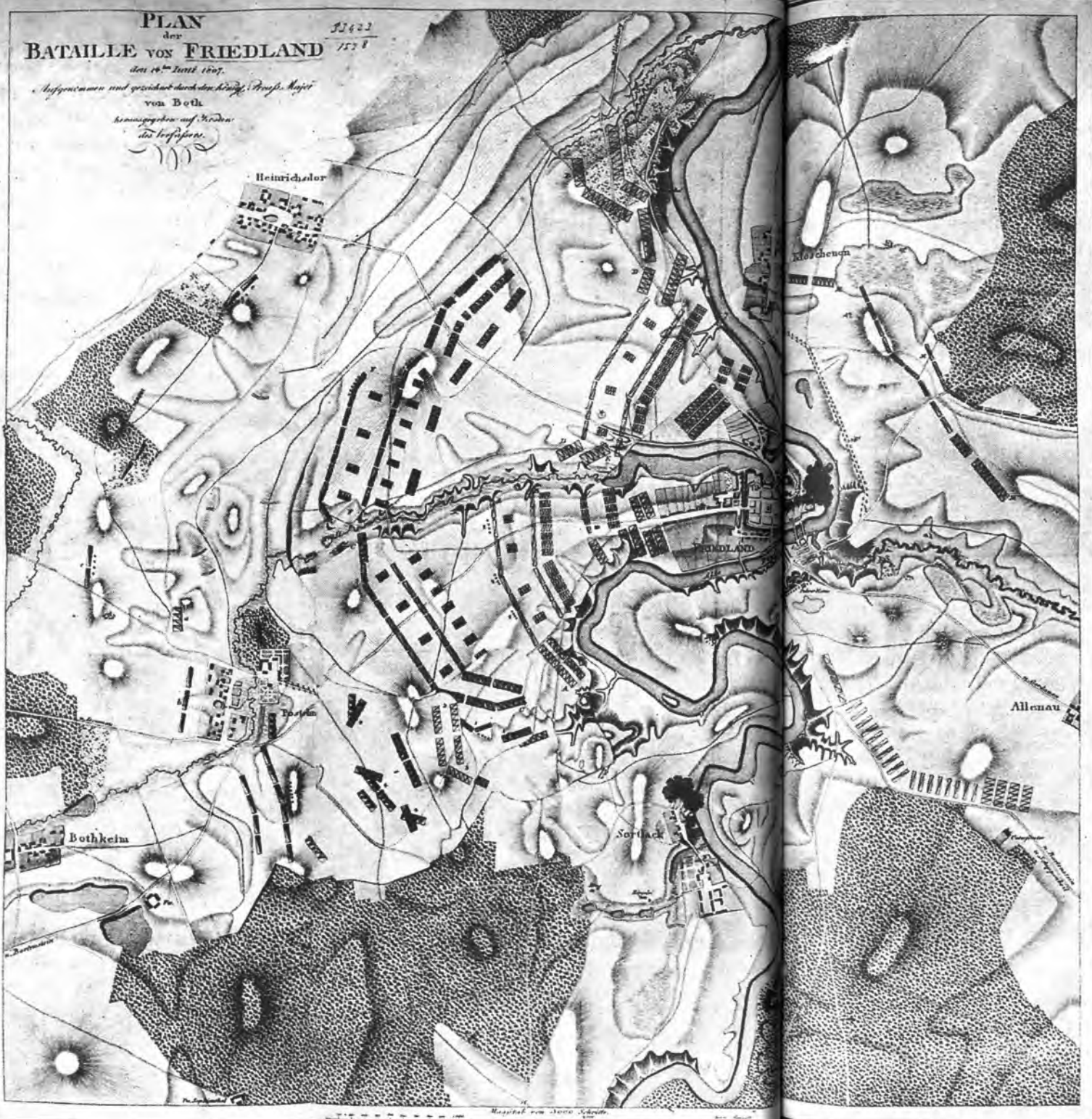

Сражение под Эйлау, 8 февраля 1807 г. Романтическое воссоздание знаменитой кавалерийской атаки Мюрата против русского центра. Однако сомнительно, чтобы Мюрат (размахивающий кавалерийским стеком) часто оказывался бы в такой близости от врага

PLAN
der
BATAILLE von FRIEDLAND 1807

52422
1528

den 14ten Junii 1807.
Aufgenommen und gezeichnet durch den Königl. Preuss. Major
von Both
Königsberg auf Verden
des Ingenieur.

Сражение под Фридрихсдорфом, 14 июня 1807 г. — карта, нарисованная прусскими картографами в 1820-х гг.

Сражение под Фридрихсландом, 14 июня 1807 г. Еще одна известная реконструкция, представляющая интерес с точки зрения тактики: она показывает французскую батальонную колонну (центр среднего плана) и гренадерскую роту, развернутую в линию

«Семейство Карла IV Испанского». Гойя никогда никому не льстил в своих картинах, но рисовал их — независимо от их положения — точно такими, как он их видел. Тем не менее чувство такта заставило его запечатлеть одну безобразную принцессу с отвернутым в сторону лицом

«2 мая 1808 г.», картина Гойи. Мадридцы восстали против французского гарнизона и нападают на мамлюков и драгун

«Расстрел», картина Гойи. Французы расстреливают предполагаемых главарей восстания 2 мая — жестокие реалии французского правления

Жозеф Бонапарт, король Испании (1768–1844), старший брат Наполеона

Полина Бонапарт, княгиня Боргезе (1780—1825), любимая сестра Наполеона, известная своим вольным поведением

Вид на Ла-Корунью с юга; видна местность, где проходили бои перед городом

Генерал сэр Джон Мур — «отец современной британской пехоты»

Австрийский император Франц I (1768—1835) в пожилом возрасте

Переправа французской армии через Дунай на остров Лобау (3 июля 1809 г.) перед Ваграмским сражением

Ваграмское сражение, 6 июля 1809 г., полдень. Наполеон видит, что стреляющие цепи солдат маршала Даву уже минуют колокольню Маркграфнойзидля — разрешился кризис второго дня сражения

Александр I, русский «царь-батюшка», непредсказуемый исторический персонаж

Император Наполеон I, каким его увидел художник в 1812 г.

Виктор, герцог Беллуно

Макдональд, герцог Тарентский

Мармон, герцог Рагуза

Удино, герцог Реджио

Маркиз де Груши

Сюше, герцог Альбуферский

*Маркиз де Сен-Сир
(Гувьон)*

Князь Понятовский

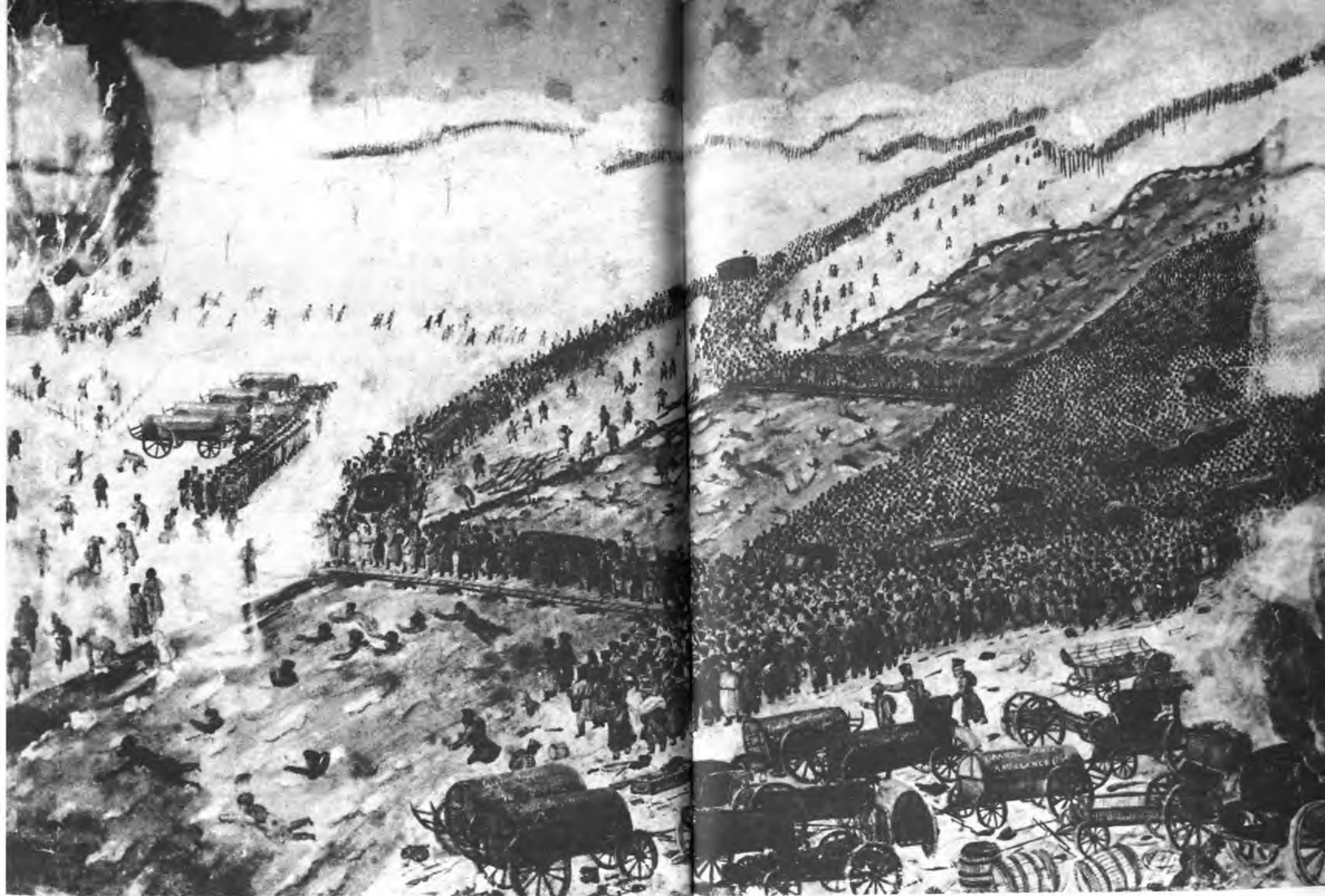

Генерал князь Голенищев-Кутузов

*Бородинская битва (или Московская битва), 7 сентября 1812 г. Маршал Бертье
возвращает саблю русскому генералу, а генерал Коленкур (брат герцога Виченцского)
атакует Большой редут*

Переправа через Березину в 1812 г., рисунок неизвестного очевидца. Обратите внимание на тип повозки, используемой французами (на переднем плане)

Фельдмаршал князь фон Блюхер — вероятно, самый упорный противник Наполеона

Австрийский
командующий при
Маренго генерал Мелас

Прусский
главнокомандующий
Карл-Вильгельм-
Фердинанд, герцог
Брауншвейгский

Русский командующий
при Эйлау и Фридланде
генерал Беннигсен

Австрийский
главнокомандующий
эрцгерцог Карл

Русский
главнокомандующий и
военный министр
Барклай-де-Толли

Австрийский
главнокомандующий
генерал князь
Шварценберг

Le Général W. G. Crémier.

(I) Bourbonnais

Bourbonnais (II)

Figure de notes manuscrites à Paris, le 19
Septembre 1806.

(III) Napoleon

sur
le
plan

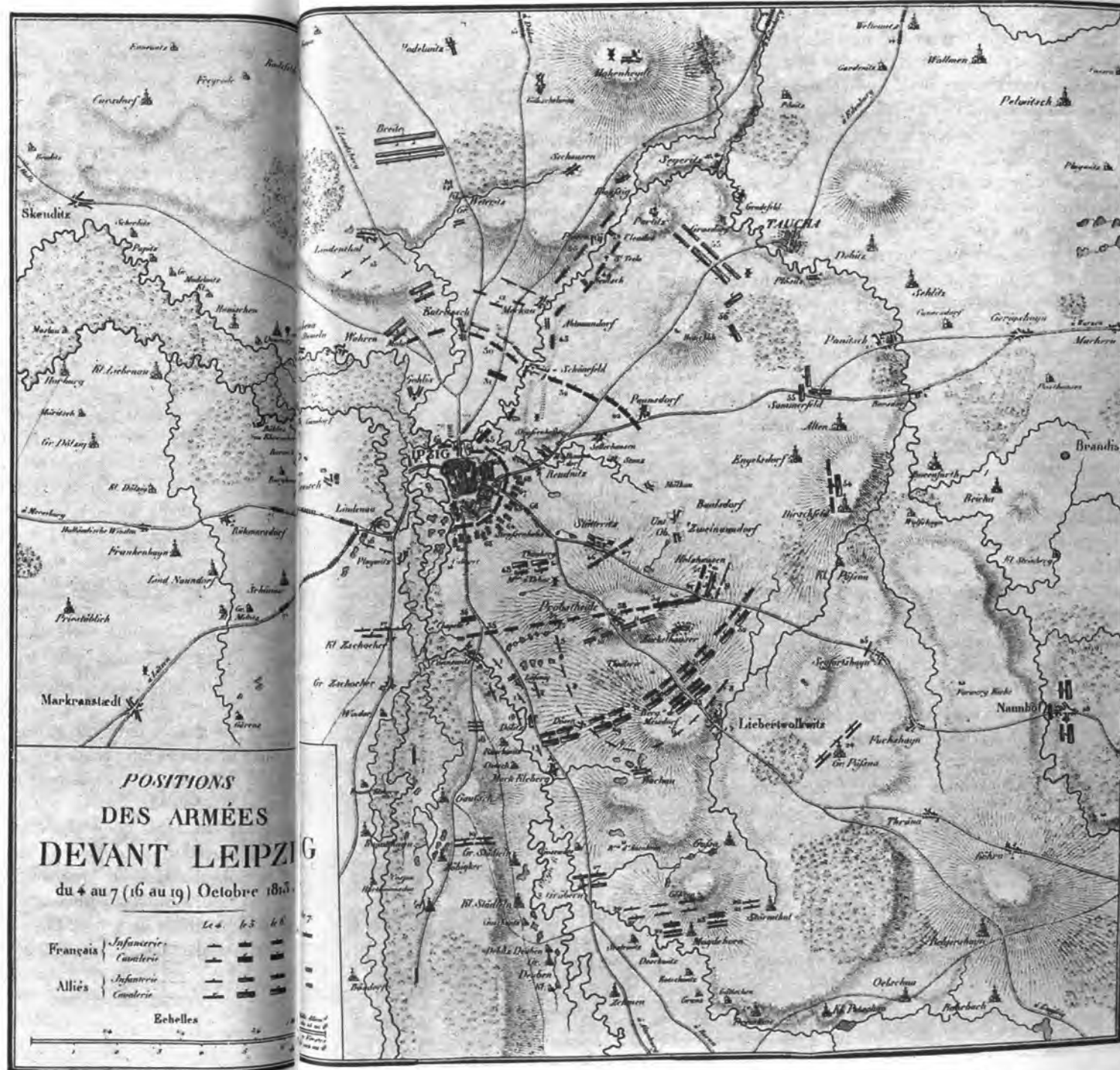
l'original :

N 67
L'original remis
au capitaine Meyer et remis
par lui de la propre main

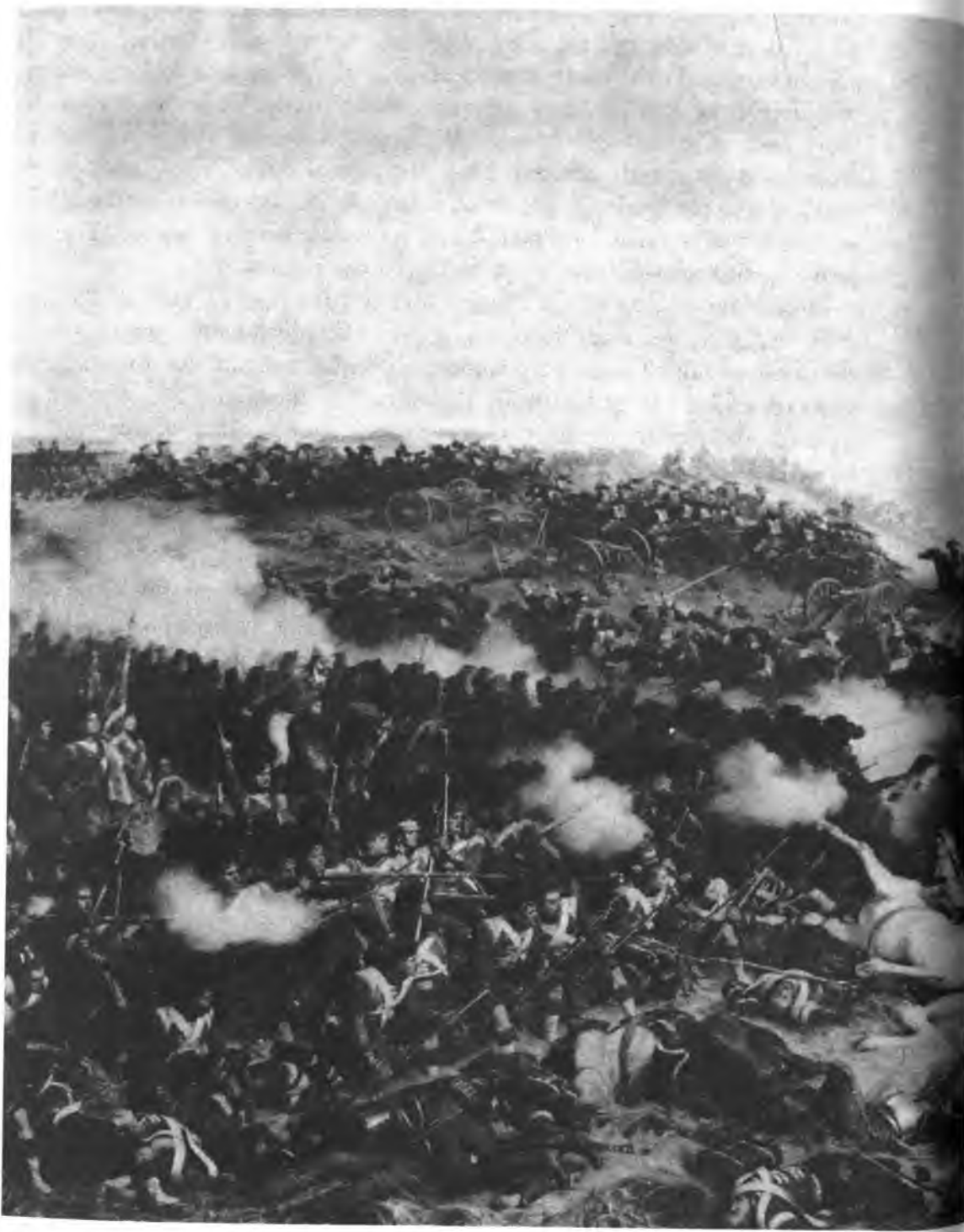
Paris, le 3 août 1815.

Napoleon (IV)

Четыре подлинные подписи Наполеона:
(I) 1794, (II) 1801, (III) 1806, (IV) 1815.
Заметно усиливающееся ухудшение почерка

Лейпцигская битва, 16–19 октября 1813

*Битва при Ватерлоо, 18 июня 1815 г. Французские кирасиры атакуют британские каре
(картина создана в 1874 г.)*

*Артур Уэлсли, первый герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо
(портрет работы Гойи)*

Объяснение условных знаков на картах и схемах

Во всех случаях, за исключением нескольких тактических схем, силы французов показаны черным, а противников — красным цветом. Последовательность движений сторон в сложных сражениях показана постепенным изменением штриховок в черных и красных условных знаках. В некоторых случаях на картах есть собственные обозначения, поясняющие эту последовательность.

1. Условные знаки, показывающие наличие, но не физическое нахождение соединений и частей

АРМИЯ		НАПОЛЕОН 180.000		ПРОСТАК 15.000
КОРПУС				
ДИВИЗИЯ				
БРИГАДА (и полубригада)				
ПОЛК				
БАТАЛЬОН				

Примечание: Имена и арабские цифры возле знаков обозначают командиров и приблизительную численность соединений и частей.

2. Условные знаки, показывающие приблизительное физическое нахождение соединений и частей на местности

КОРПУС		HEB 32.000		МРАСАЕР 15.000
ДИВИЗИЯ				
БРИГАДА				
ПОЛК				
БАТАЛЬОН				
Район, занимаемый соединением				
Действующие силы				

Примечание: Римские цифры на знаке корпуса обозначают его номер. Рядом могут стоять имя командира и арабские цифры (численность).

Например, бивуаки, районы сосредоточения и т. п.

Острый выступ обращен к противнику

3. Разграничительные линии

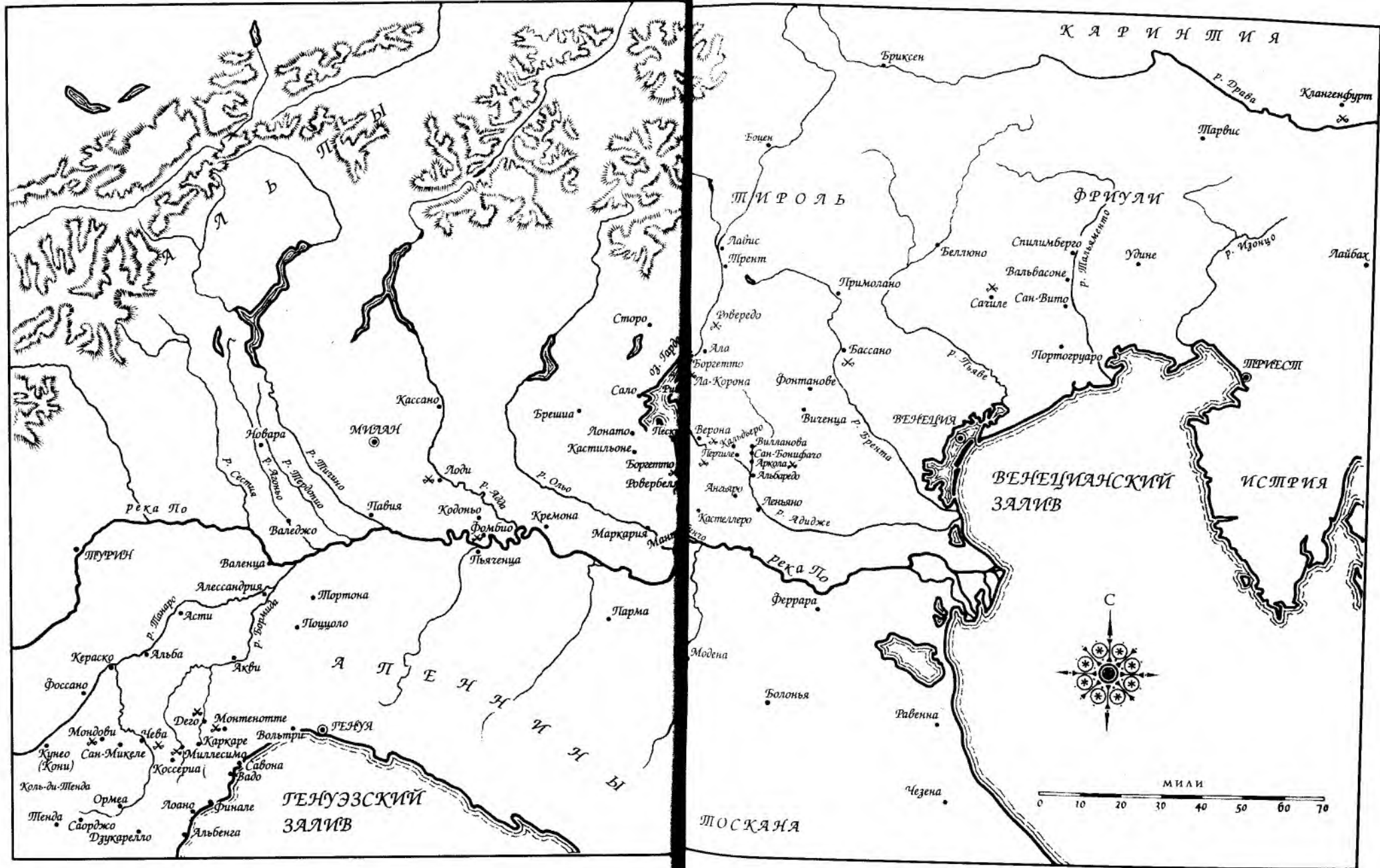
АРМИЙ		
КОРПУСОВ		
ДИВИЗИЙ		
БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ на данное время		

4. Обозначение движений

Направление главного удара			Примечание: Различные фазы операций показаны вариантами этих главных знаков. Когда имеется несколько карт по данной операции (сражению), каждая начинается с основного знака.
Наступление			
Отступление			
Отход			

5. Прочие обозначения

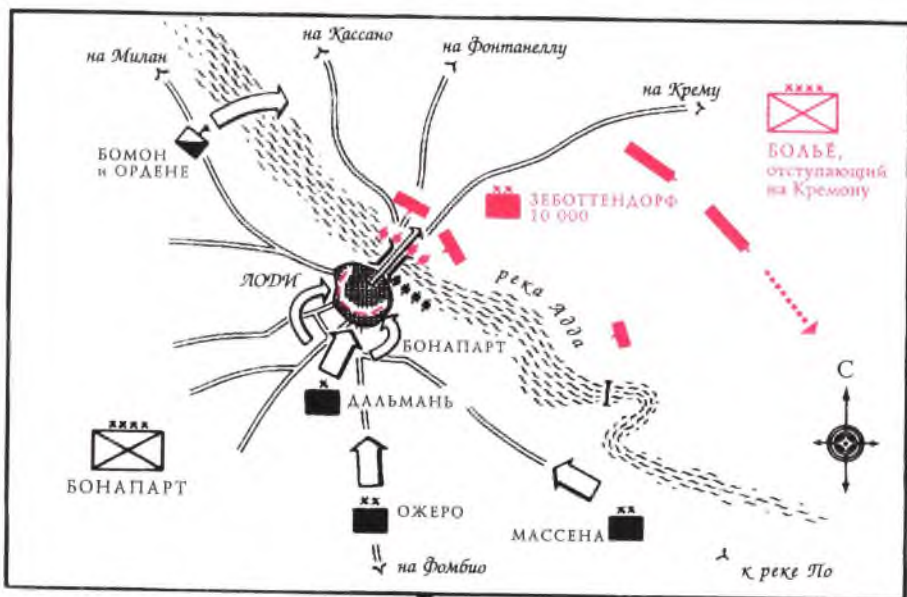
ПЕХОТА			Пехотные каре		
КАВАЛЕРИЯ			Кавалерийские разъезды		
АРТИЛЛЕРИЯ			ШТАБЫ		
ОВОЗЫ И ПАРКИ			Понтонные мосты		
МОСТЫ			Постоянные отдельные форты		
ЛАГЕРЯ					
			Постоянные линейные укрепления		
			Окопы, осадные сооружения и т. п.		
			Полевые укрепления		
			Военно-морские суда		
			ФЛОТИЛИИ		
			МЕСТА СРАЖЕНИЙ		

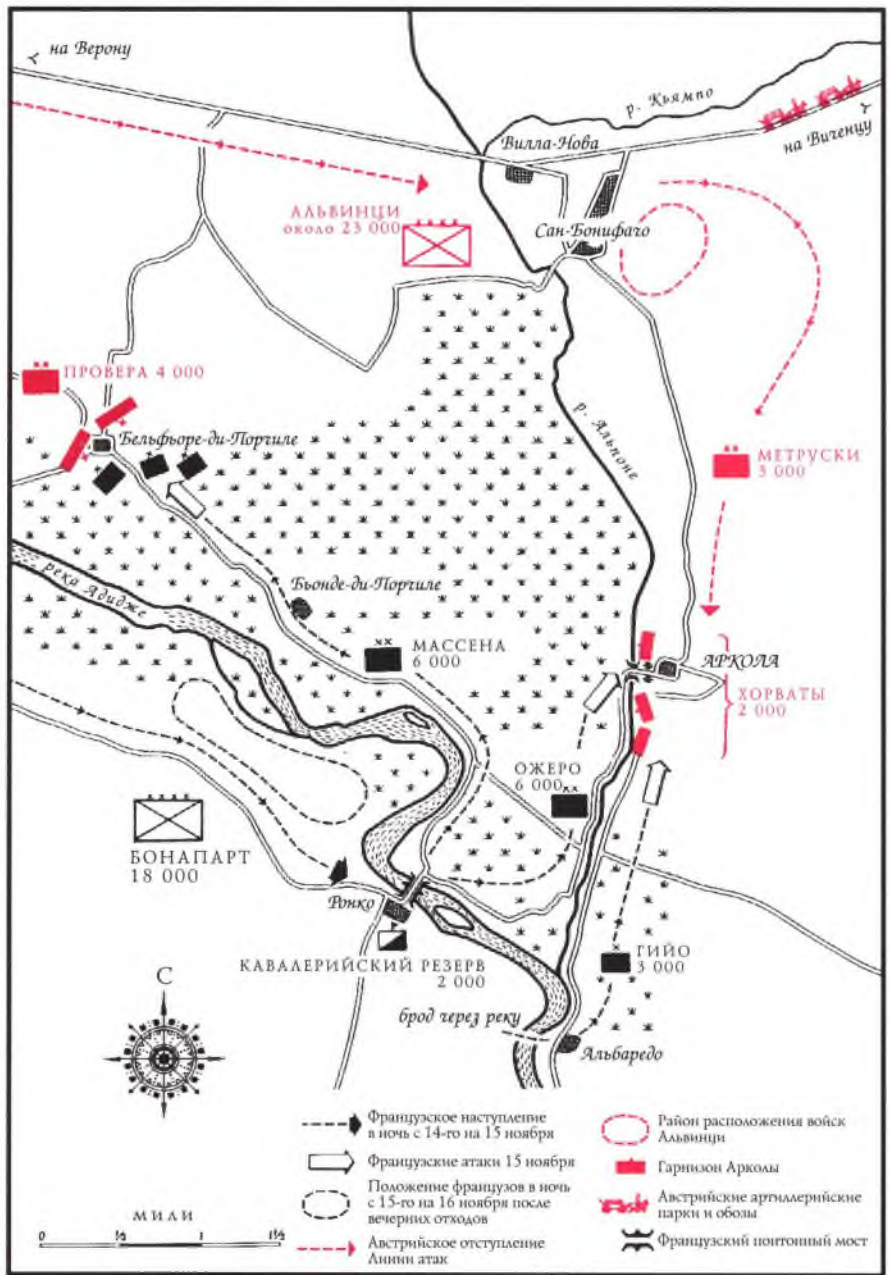
Итальянская кампания 1796—1797 гг.

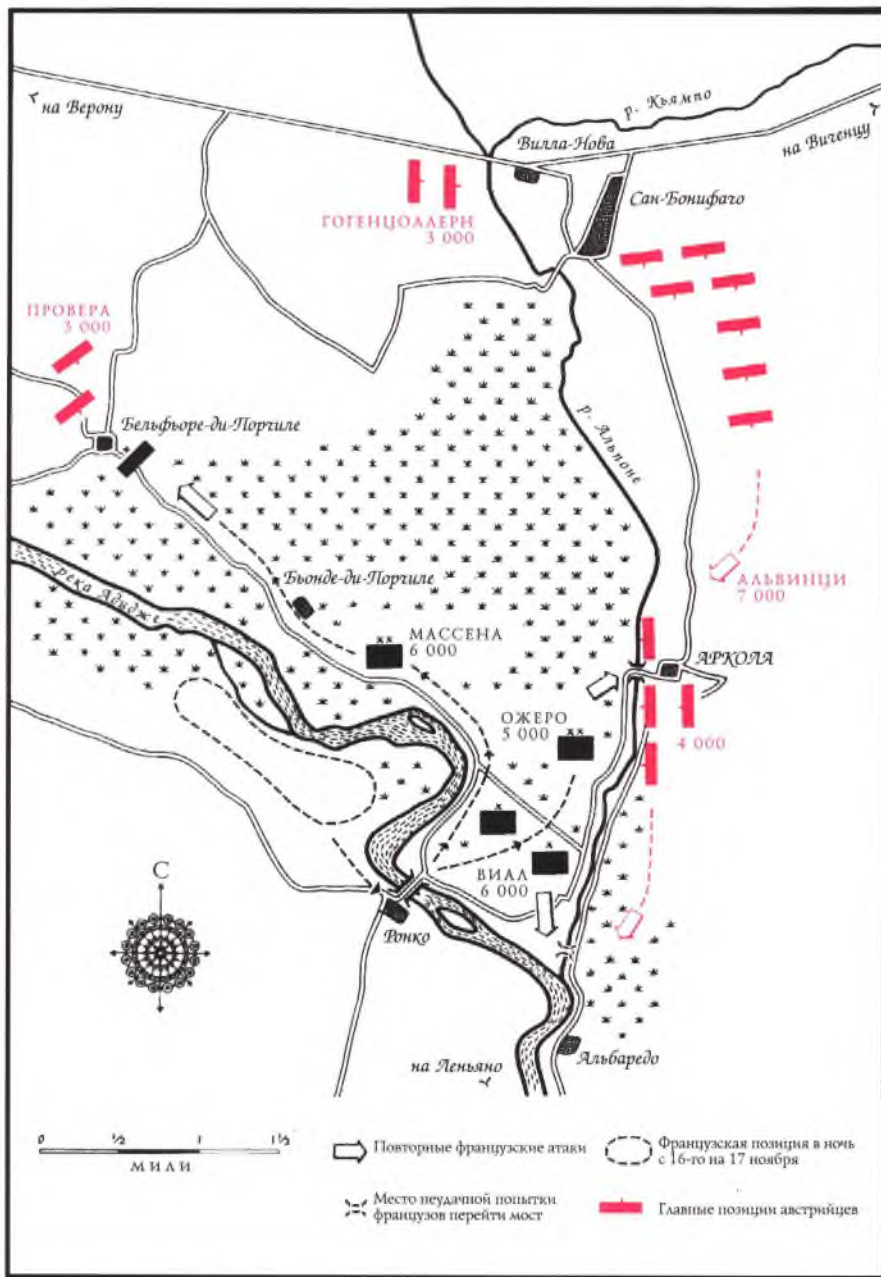
Осада Тулона, 1793 г.

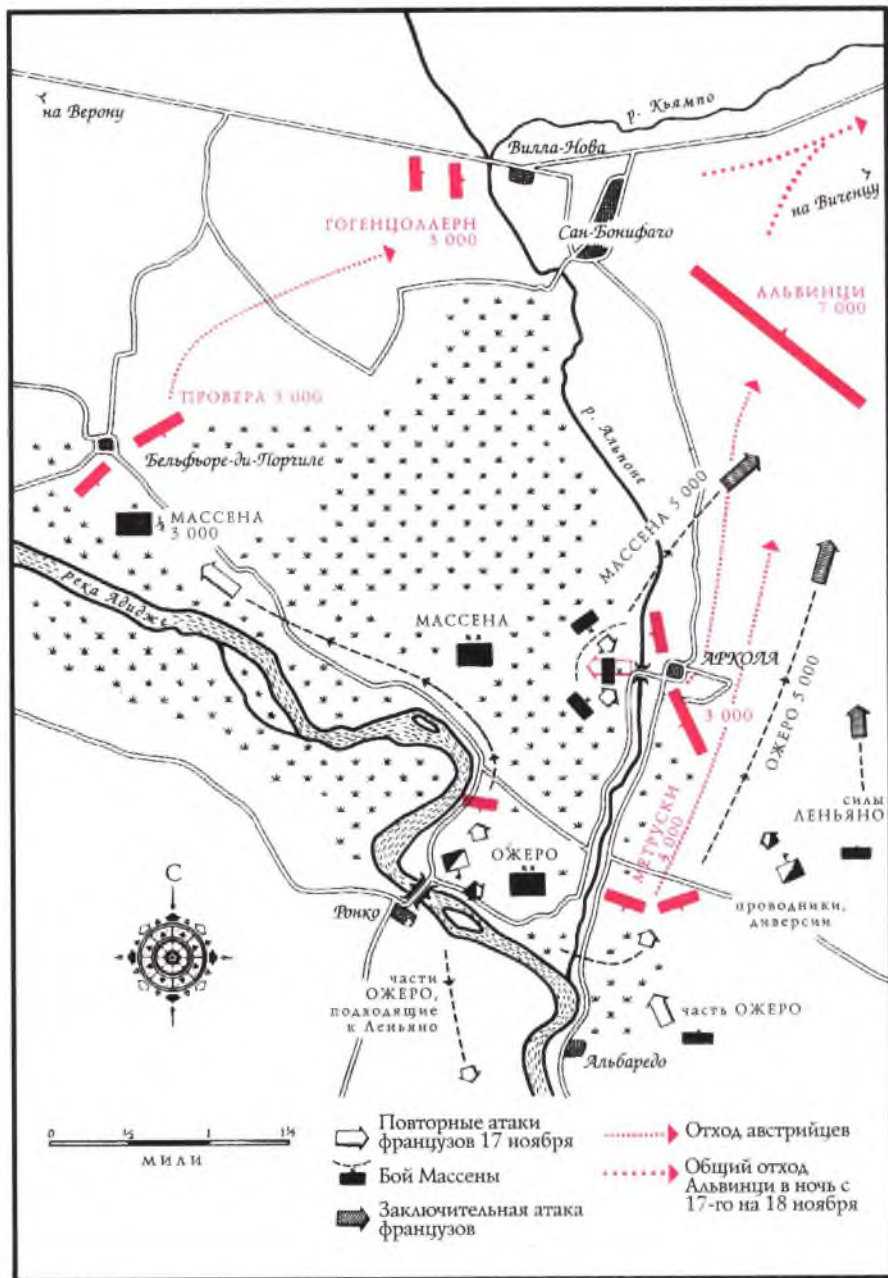
Сражение на мосту у Лоди, 10 мая 1796 г.

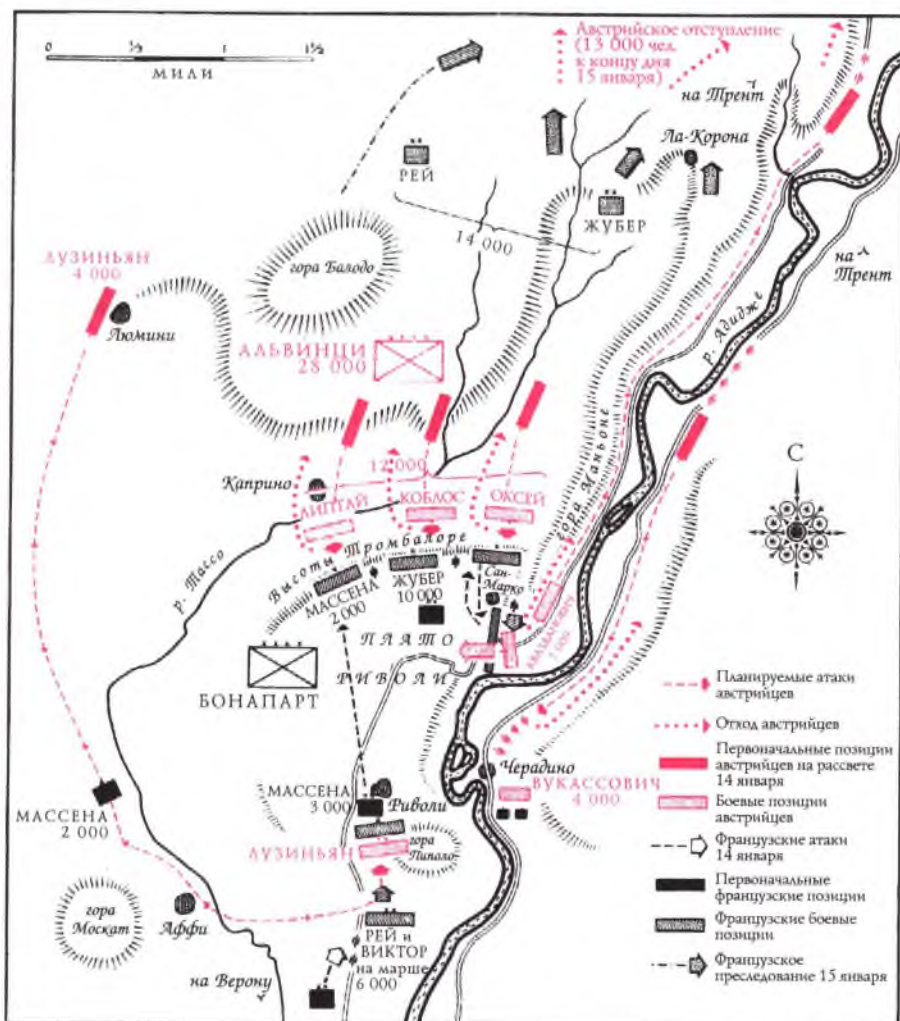
Сражение при Арколе: первый день, 15 ноября 1796 г.

Сражение при Арколе: второй день, 16 ноября 1796 г.

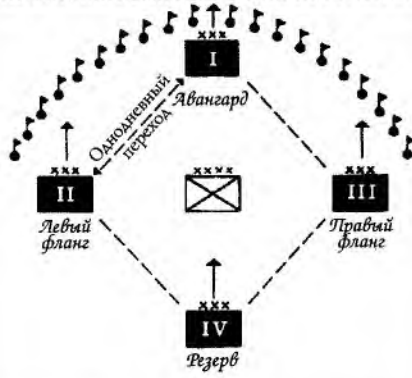

Сражение при Арколе: третий день, 17 ноября 1796 г.

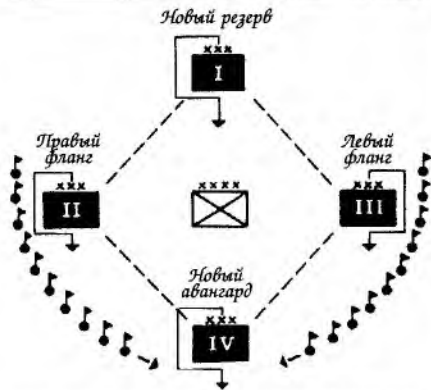
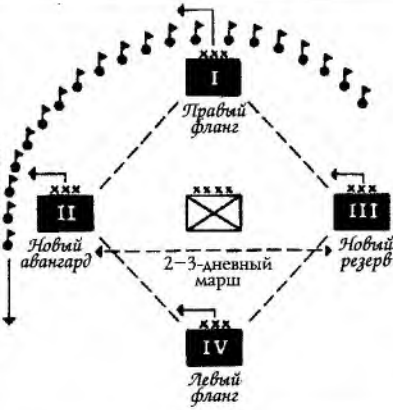

Сражение при Риволи, 14–15 января 1797 г.

1 ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПОЗИЦИЯ ПРОТИВНИКА

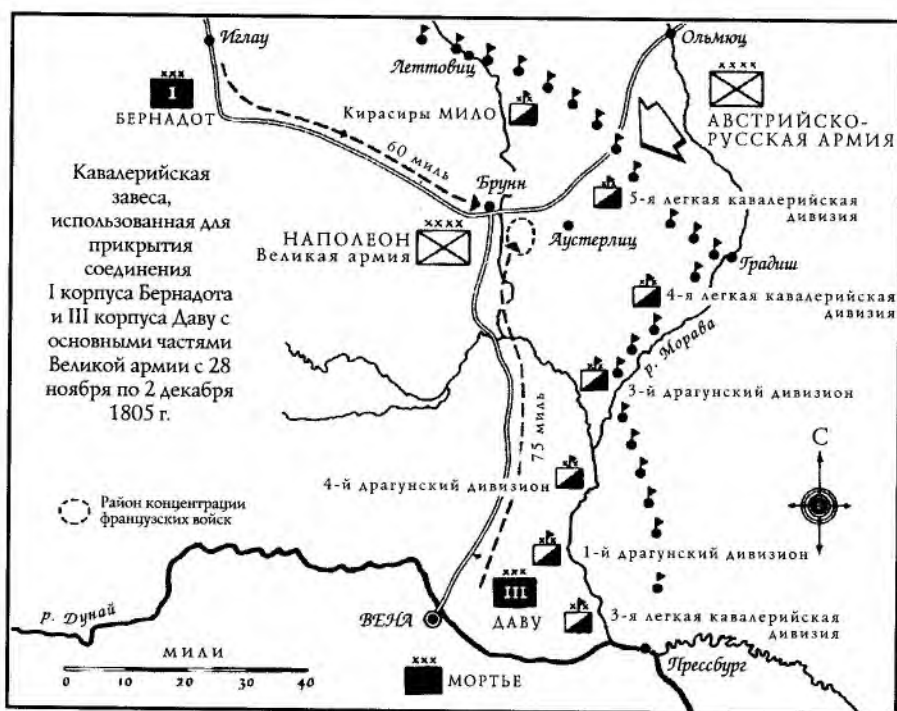
ФАКТИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА

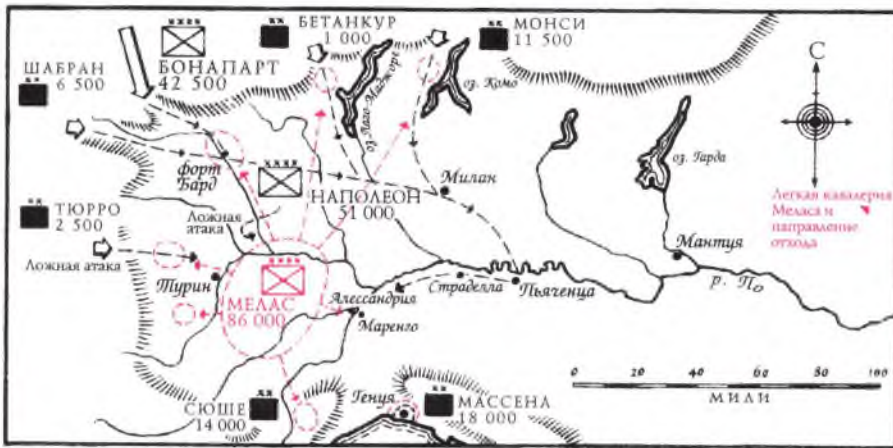
ИЗМЕНИВШАЯСЯ ПОЗИЦИЯ ПРОТИВНИКА

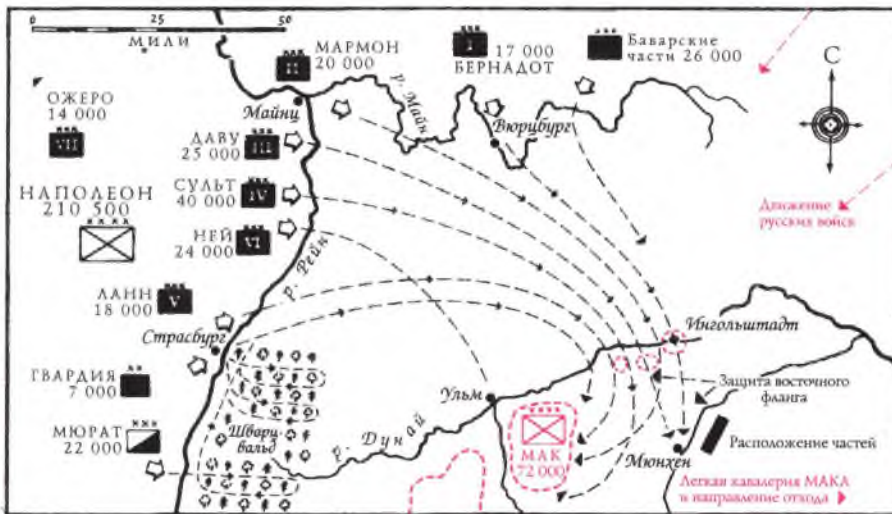
Стратегические боевые порядки в наступлении; четыре варианта

Стратегическое прикрытие: использование кавалерийской завесы перед Аустерлицким сражением, декабрь 1805 г.

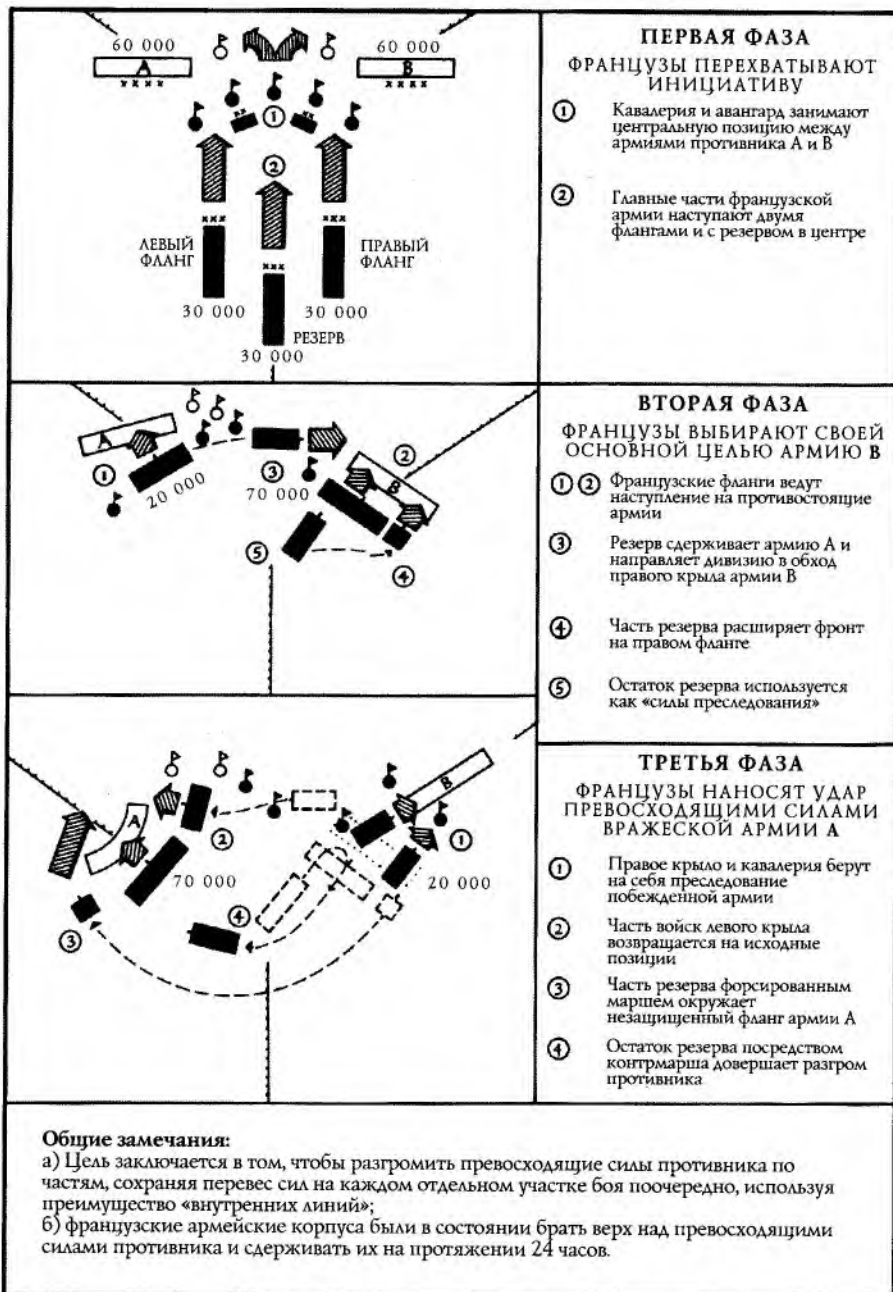

Переход через Альпы в кампании Маренго в 1800 г.

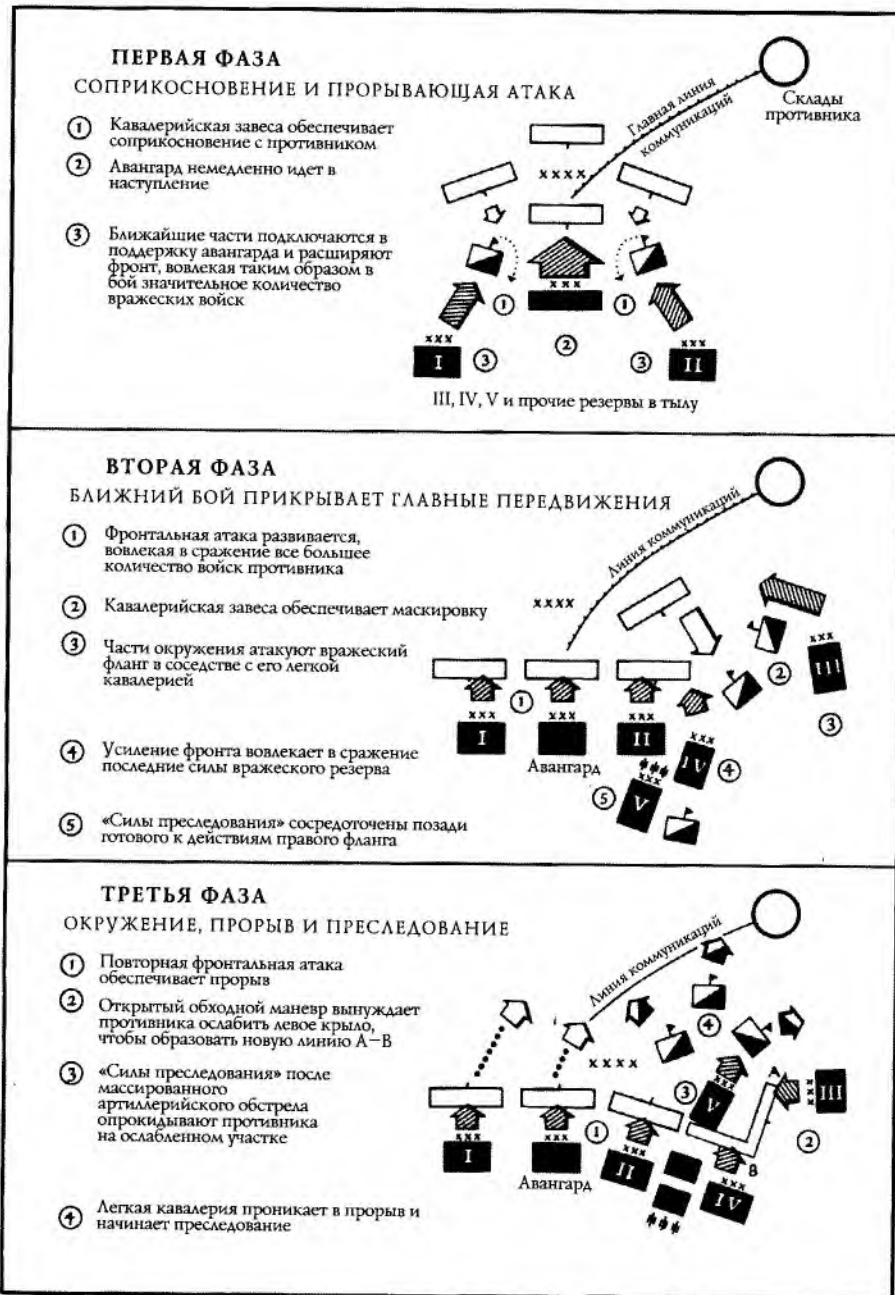

Поворот от Рейна к Дунаю в кампании 1805 г.

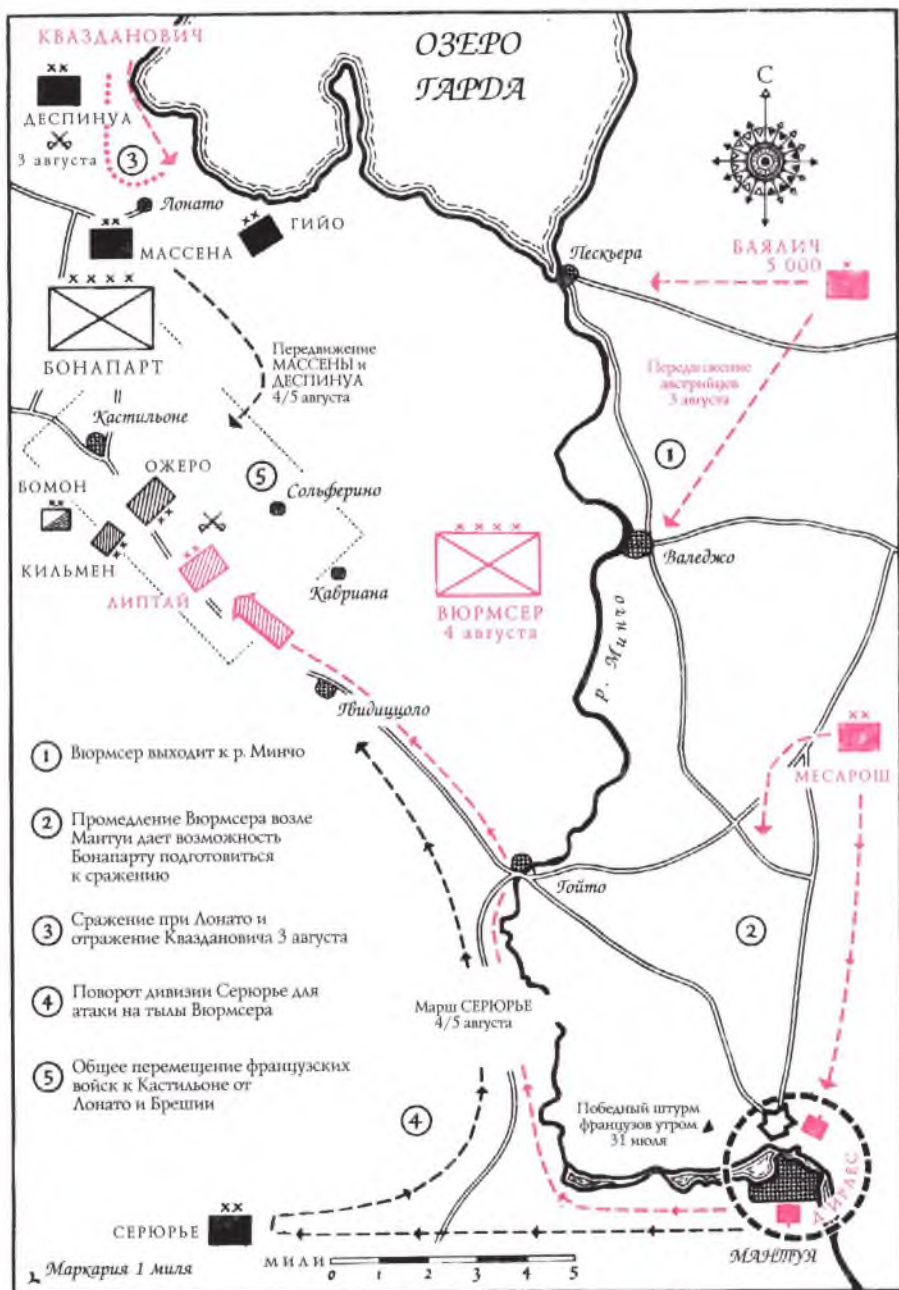
Стратегический обход; два примера

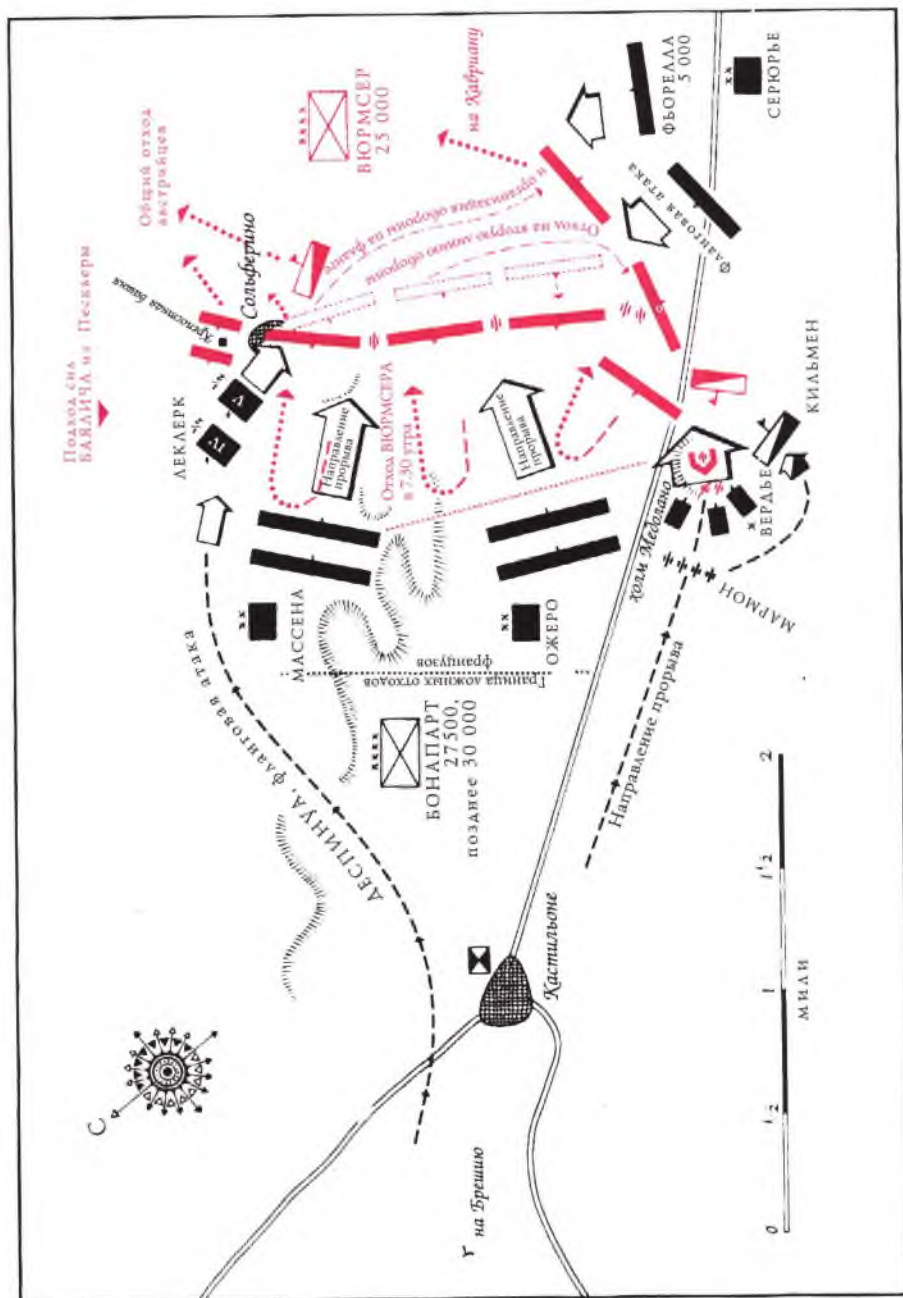
Стратегия центрального положения (фазы); схематично

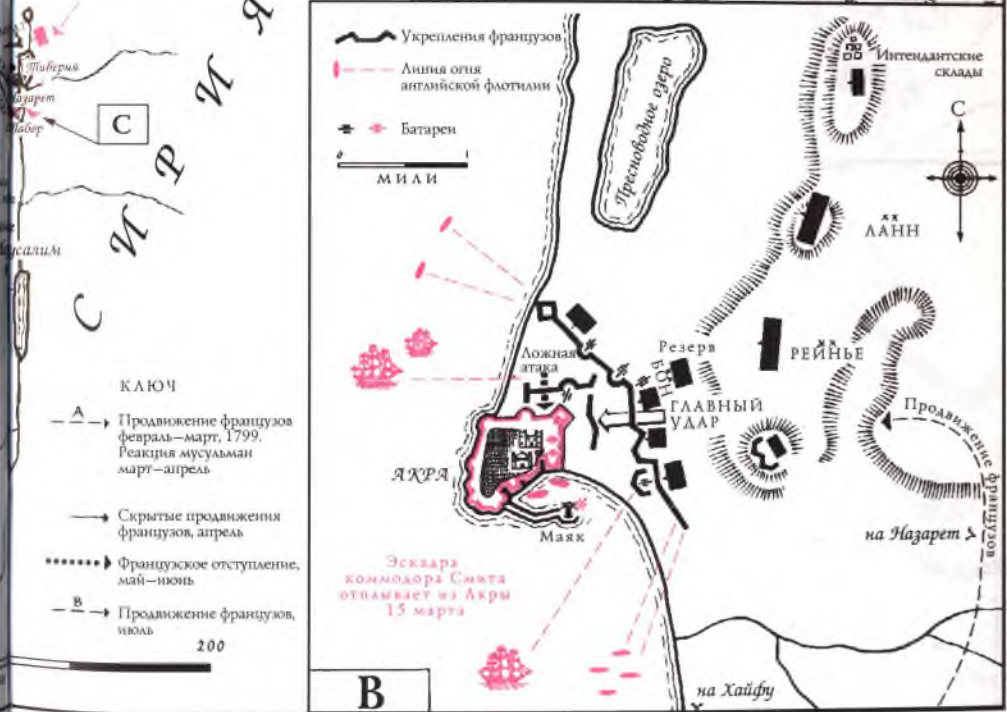
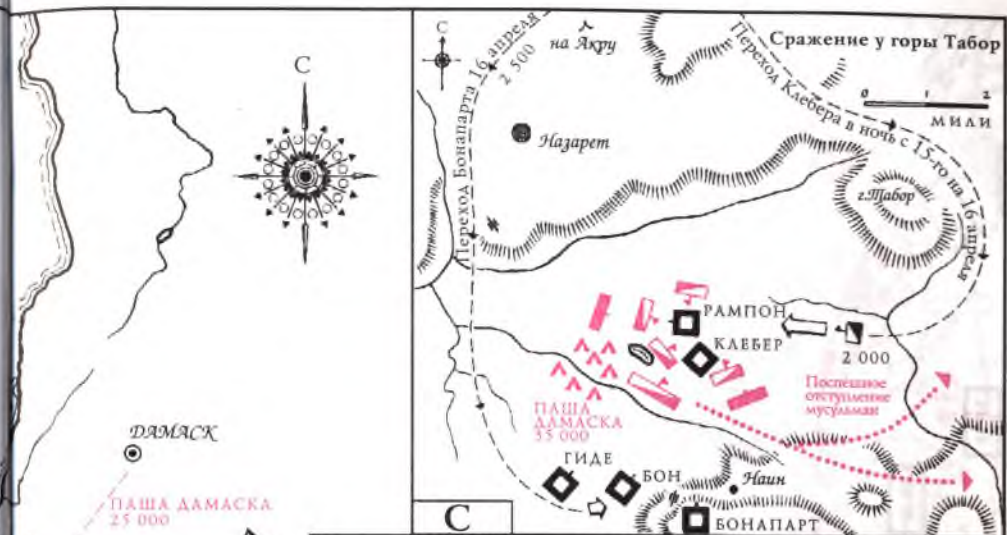
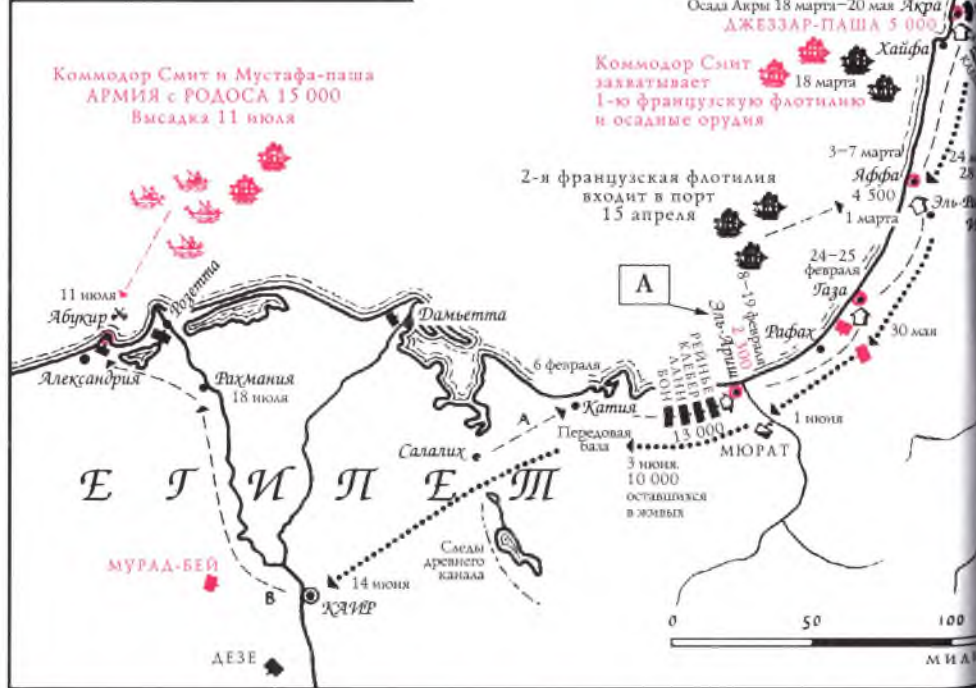
Общевойсковая тактика: обобщенный план боя Наполеона (стратегическое сражение по фазам). Схематическое представление

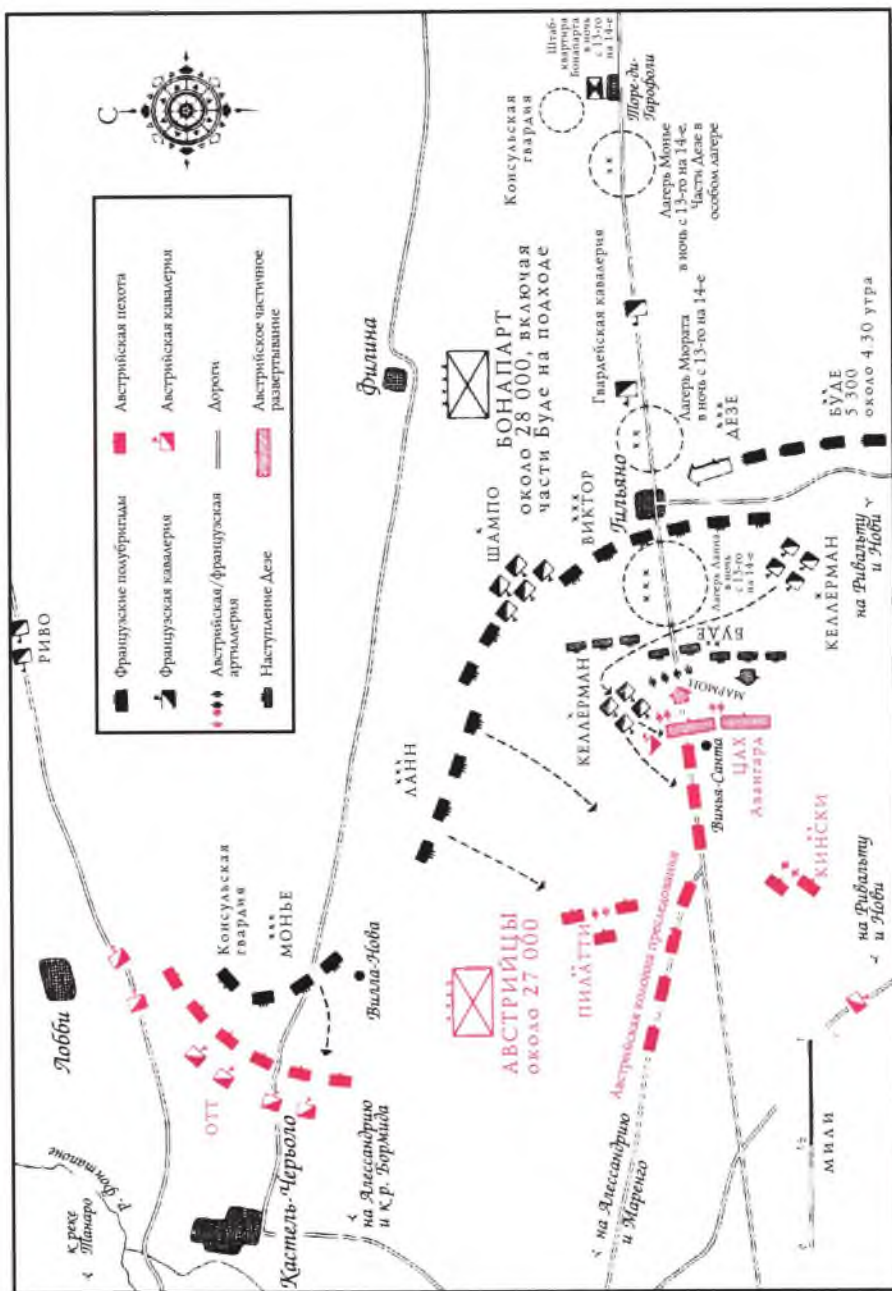
Сражение при Кастильоне, 5 августа 1796 г.:
 стратегическая обстановка в начале августа

Сражение при Кастильоне, 5 августа 1796 г.: позднее утро

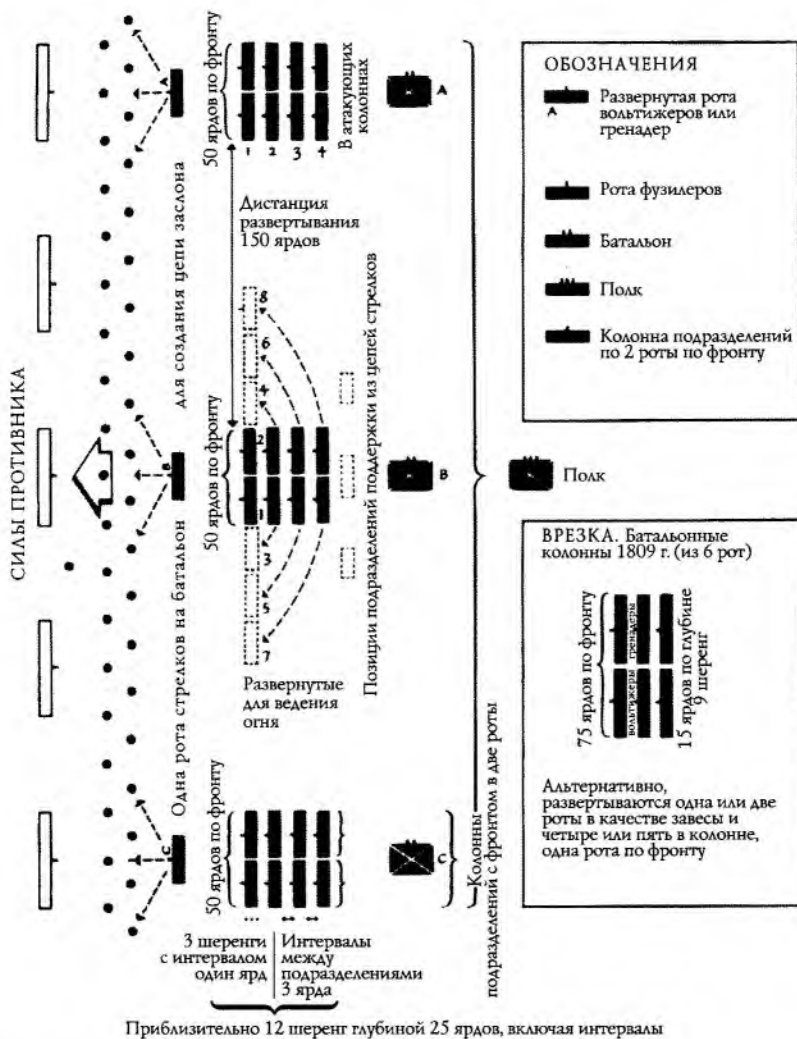
Вторжение в Сирию, 1799 г.; Эль-Ариш, Акра и гора Табор

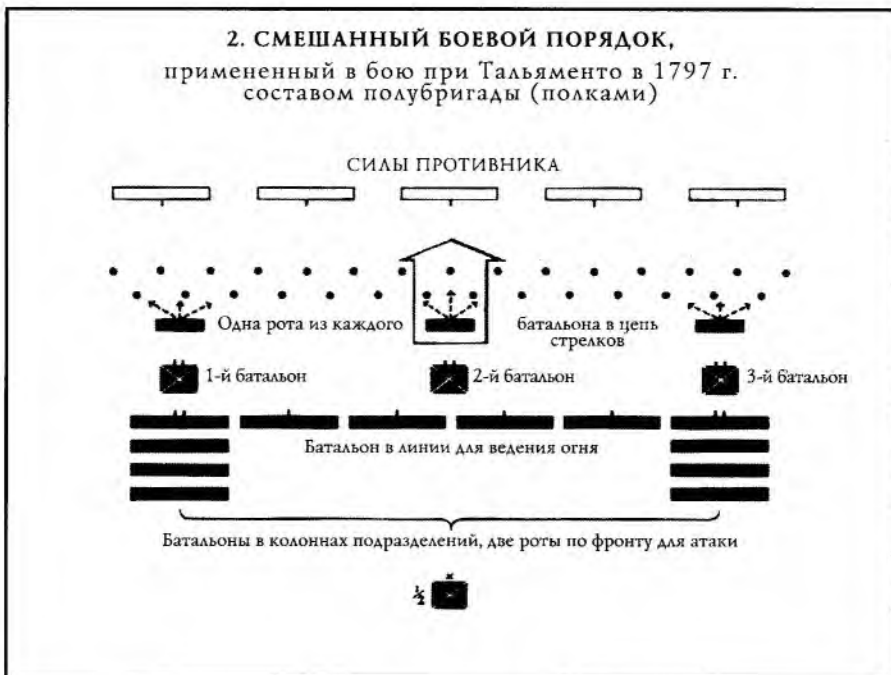
Сражение при Маренго 14 июня 1800 г. Положение дел после полудня

1. ПОЛК ВЫДВИГАЕТСЯ КОЛОННАМИ ПОБАТАЛЬОННО

Колонны подразделений, фронт из двух рот
(в 1805 году батальоны имели в составе по 9 рот)

Французские тактические боевые порядки: батальонные колонны

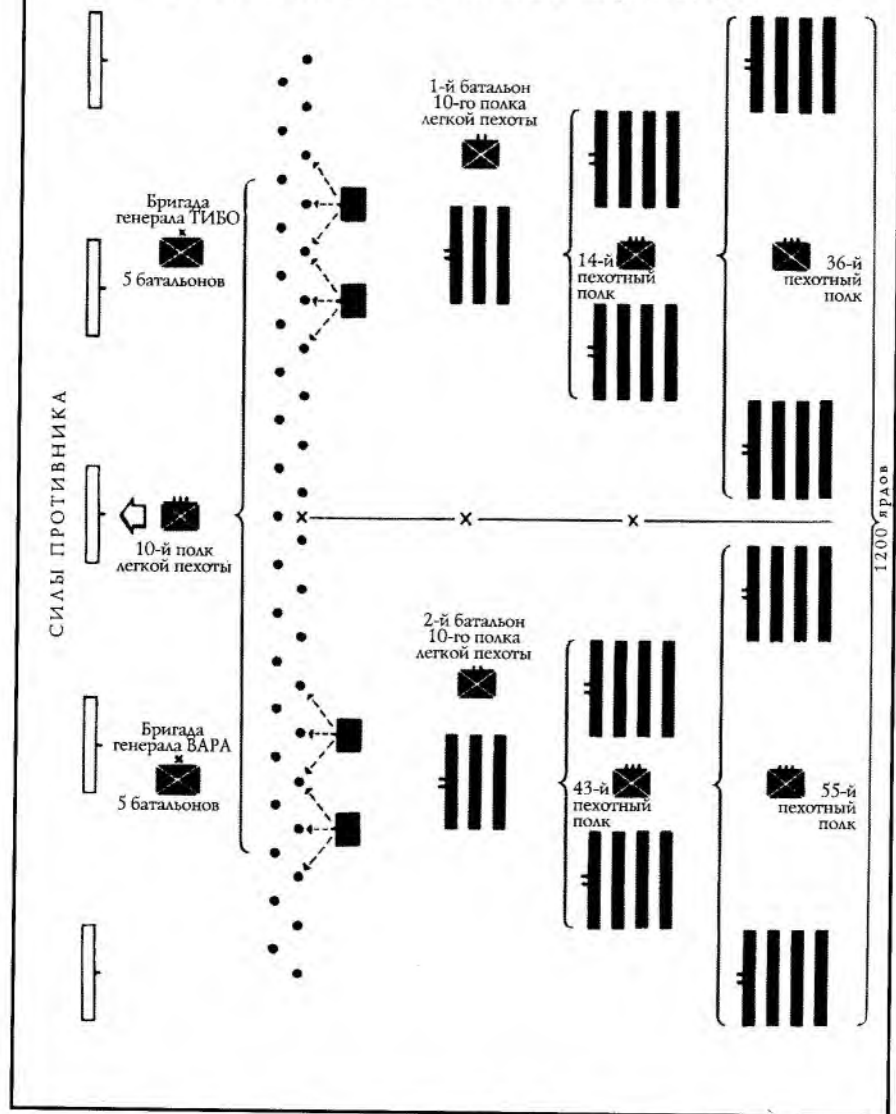
Французские тактические боевые порядки (продолжение): смешанный боевой порядок

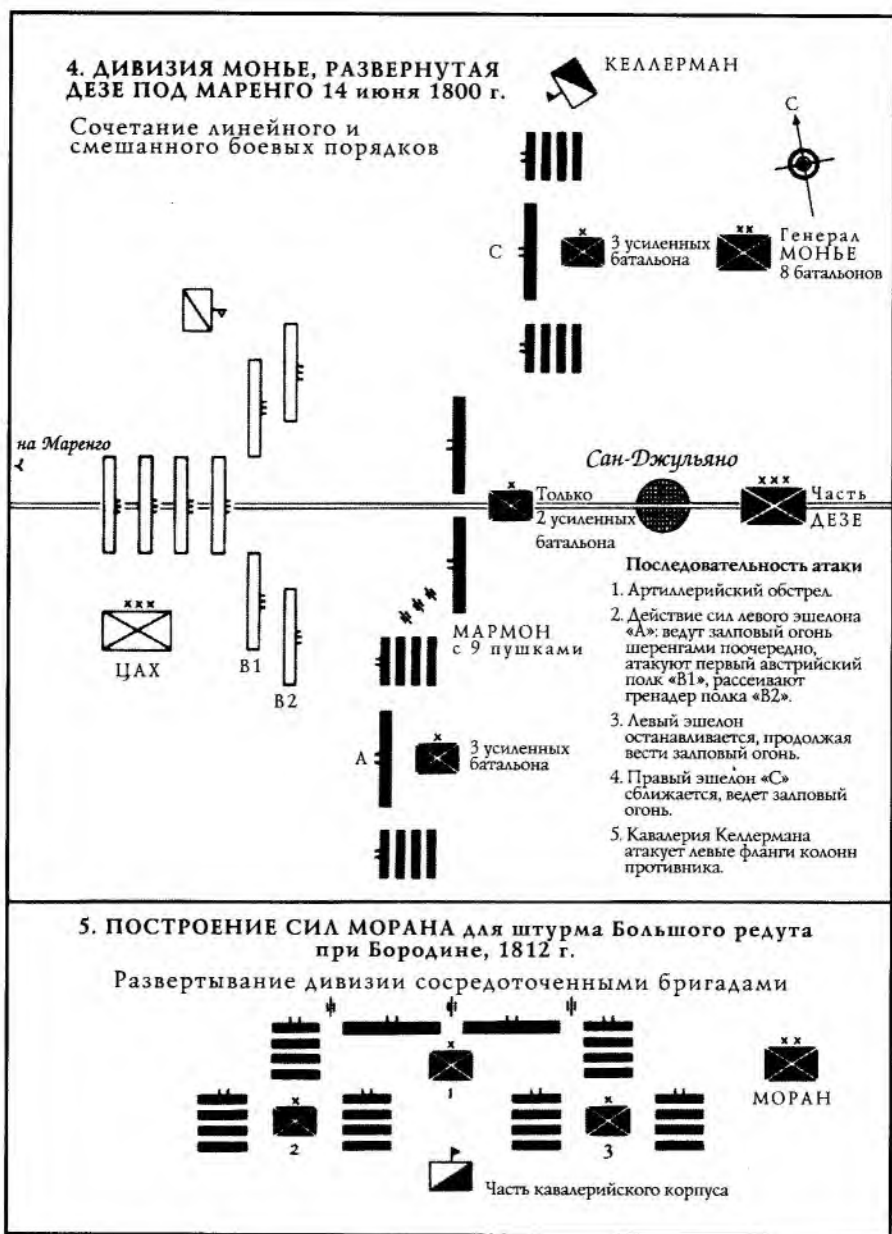
Французские тактические боевые порядки (продолжение): массивные колонны, применяемые при Ваграме и Ватерлоо

3. ДИВИЗИЯ СЕНТ-ИЛЕРА ПОД АУСТЕРЛИЦЕМ

Две бригады в широком клиновидном построении,
каждый батальон — в колоннах подразделений

Французские тактические боевые порядки (продолжение): порядок Сент-Илера под Аустерлицем

Французские тактические боевые порядки (продолжение):
 порядок, принятый для атаки при Маренго генералом Дезе (14.05.1800), и
 боевой порядок дивизии Морана при Бородине (1812) (врезка)

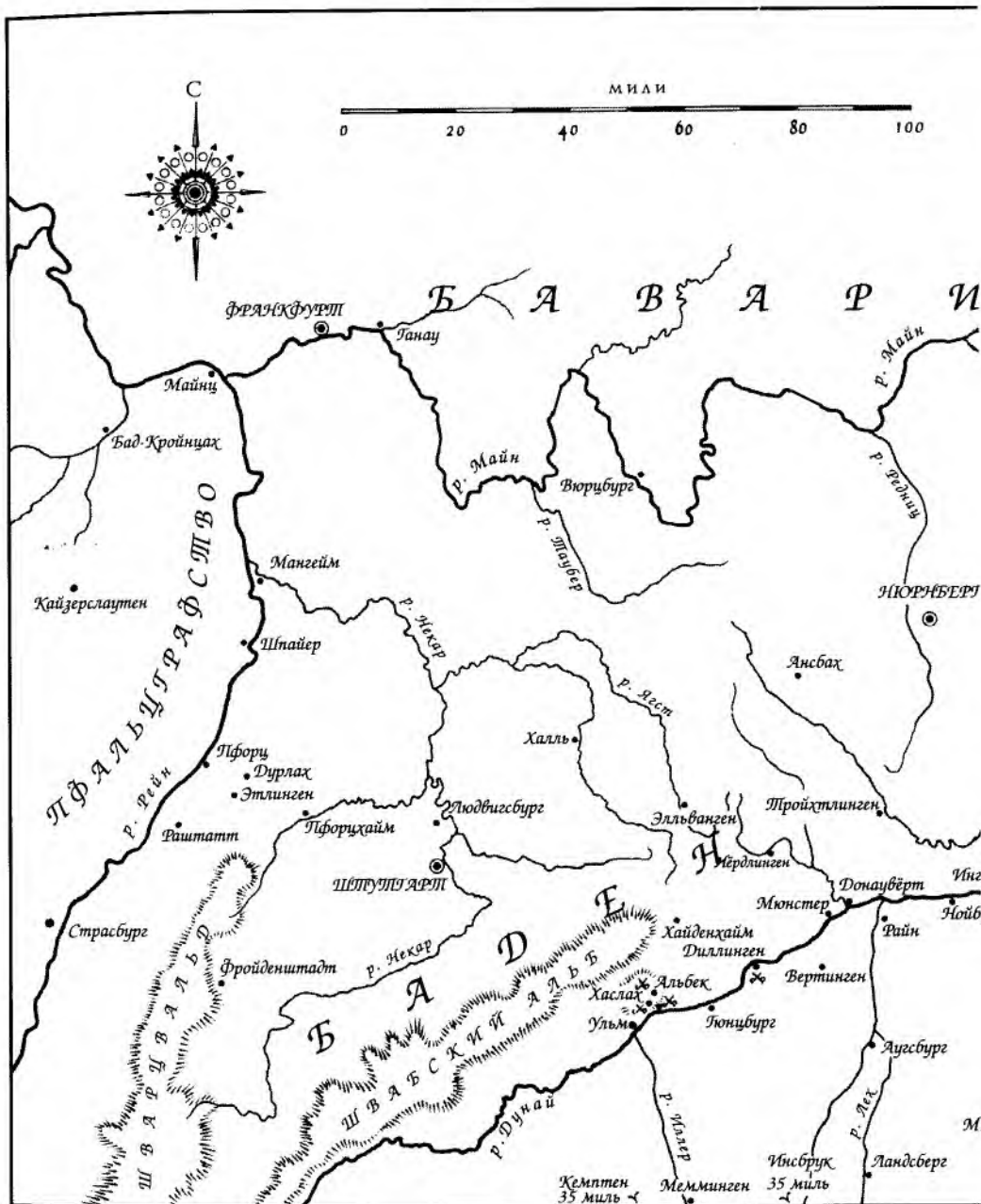
7. ОПЕРАЦИОННАЯ ГИБКОСТЬ, осуществленная дивизией МОРАНА при Ауэрштедте, 1806 г.

	<p>Первая фаза</p> <p>Легкая кавалерия и 13-й полк легкой пехоты сблизились и вошли в соприкосновение с противником. Артиллерия противника открыла стрельбу тяжелыми ядрами, но французская завеса из отрядов кавалерии и легкой пехоты прикрыла войска, находящиеся позади.</p>
	<p>Вторая фаза</p> <p>Дивизия развернута в линию батальонных колонн, артиллерия и легкая пехота на флангах; она оттеснила прусскую пехоту, поддержала 12-й полк, развернутый в линию батальонных колонн (часть дивизии Гюдена, крайнюю слева).</p>
	<p>Третья фаза</p> <p>Дивизия развертывается в линию для залпового огня по пруссакам на холме Хассенхаузен.</p>
	<p>Четвертая фаза</p> <p>Атакующие 15-тысячной прусской кавалерии остатки батальонов вблизи Хассенхаузена сохранили боевую силу, используя в качестве укрытий стены и живые изгороди; остальные 7 батальонов перестроились в каре и встретили кавалерию задними четверть шеренг. Пруссаки отступили в беспорядке.</p>
	<p>Пятая фаза</p> <p>Дивизия перестроилась в линию батальонных колонн, возобновила натиск, атаковала пехоту противника и начала преследование его за рекой.</p> <p>Примечание. Последнее отсутствует на схеме.</p>

Французские тактические боевые порядки (окончание):
 последовательные боевые порядки, принимавшиеся дивизией Морана
 при Ауэрштедте

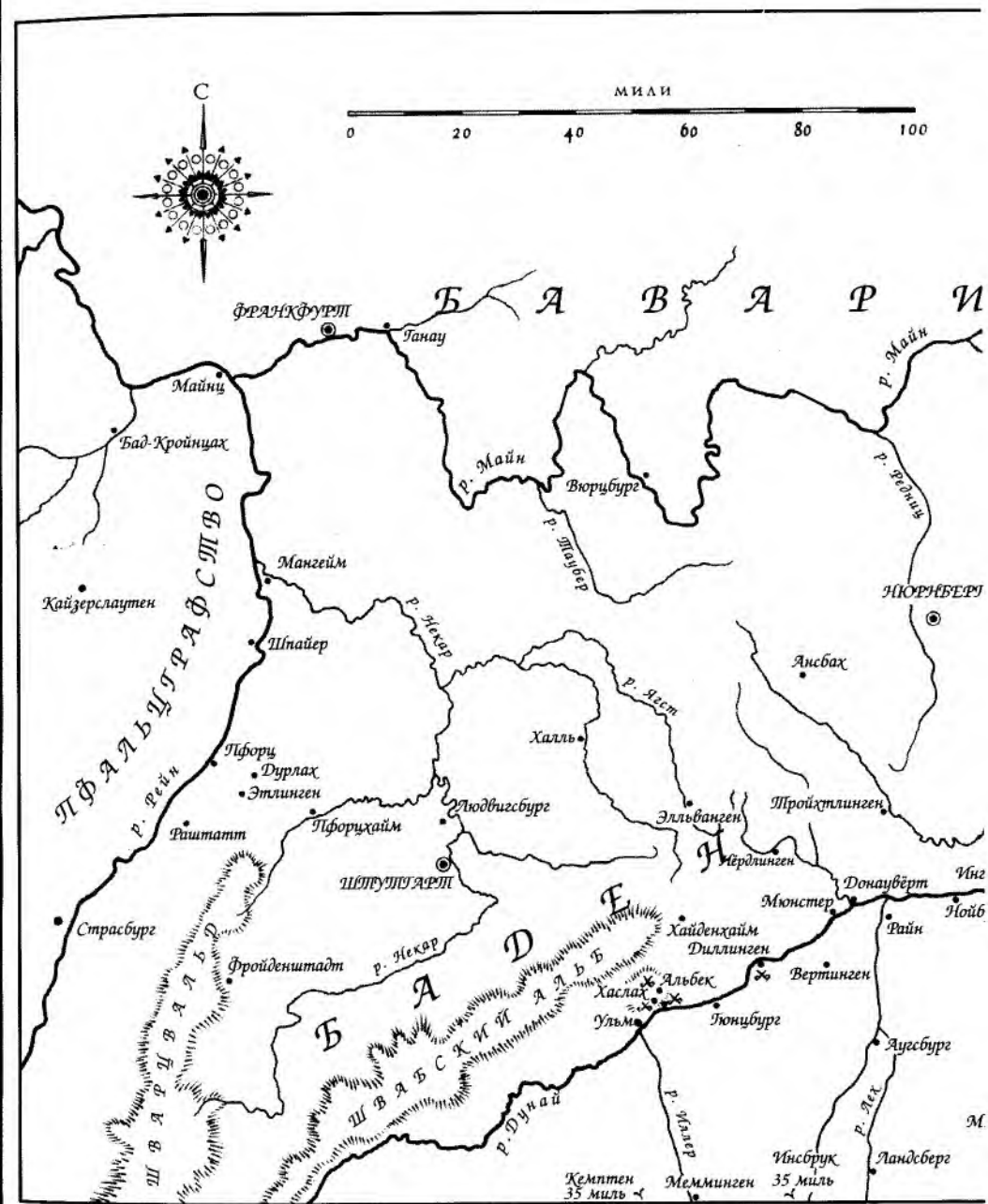
КАЛИБР И СПЕЦИФИКАЦИЯ	ПУШКА (ОРУДИЕ)	ДАЛЬНОБОЙНОСТЬ В МЕТРАХ					ОРУДИЙНЫЙ РАСЧЕТ ■ специалисты □ неспециалисты	БОЕПРИПАСЫ			ТЕМП СТРЕЛБЫ	ДИСЛОКАЦИЯ См. приложение Б
		300	600	900	1200	1500		1800	Лафетный ящик	Зарядный ящик		
12-ФУНТОВЫЕ Калибр 121 мм Длина ствола 231 см 7 футов 7 дюймов Масса ствола 985 кг 2172 фунта Масса лафета 994 кг 2192 фунта							8 15 7	 Ядра	 Ядра	 Картечи	Один выстрел в минуту	Артиллерийский и корпусной резервы (по одной батарее с 8 орудиями на корпусе)
8-ФУНТОВЫЕ Калибр 100 мм Длина ствола 200 см 6 футов 7 дюймов Масса ствола 579 кг 1286 фунтов Масса лафета 819 кг 1851 фунт							8 13 5	Ядра	Ядра	Картечи	Два выстрела в минуту	Дивизионный резерв
4-ФУНТОВЫЕ (см. пр. А) Калибр 84 мм Длина ствола 158 см 5 футов 3 дюйма Масса ствола 301 кг 637 фунтов Масса лафета 660 кг 1454 фунта							5 8 3	Ядра	Ядра	Картечи	Два-три выстрела в минуту	Силы гвардии, дивизионные резервы и артиллерийский резерв (конные батареи)
6-дюймовые ГАУБИЦЫ Калибр 166 мм Длина ствола 71 см 2 фута 4 дюйма Масса ствола 318 кг 701 фунт Масса лафета 860 кг 1895 фунтов							 Разорвавшийся снаряд поражает на расстоянии 40 метров 8 13 5	Бомбы	Бомбы	Картечи	Один выстрел в минуту	Дивизионные резервы и артиллерийский резерв
Примечание А: До 1803-го и после 1809 г., в период 1804—1809 гг. широко использовались 6-фунтовые пушки, дальность их ядер больше на 50 м, чем у 4-фунтовых, при картечном выстреле больше на 30 м. Длина ствола 5 футов 10 дюймов (178 см). Масса 850 фунтов (386 кг).	УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ Эффективная дальность ядрами Максимальная дальность ядрами Дальность картечью Дальность в зависимости от массы снаряда и заряда					При стрельбе из 12-, 8- и 4-фунтовых пушек рикошет составляет 50% и 75% дальности; отскок теоретически уменьшается приблизительно на 50% в зависимости от плотности грунта, т. е. с 600 ярдов до 300, 150, 75, 37 ярдов.			Примечание Б: По большей части орудия объединялись в батареи по 8 пушек; в случаях использования в дивизионных и артиллерийских резервах (а также в корпусных резервах) батареи имели составы от 6 пушек до 2 гаубиц.			

Артиллерия Великой армии: дальность, прислуга, боеприпасы и т.п.

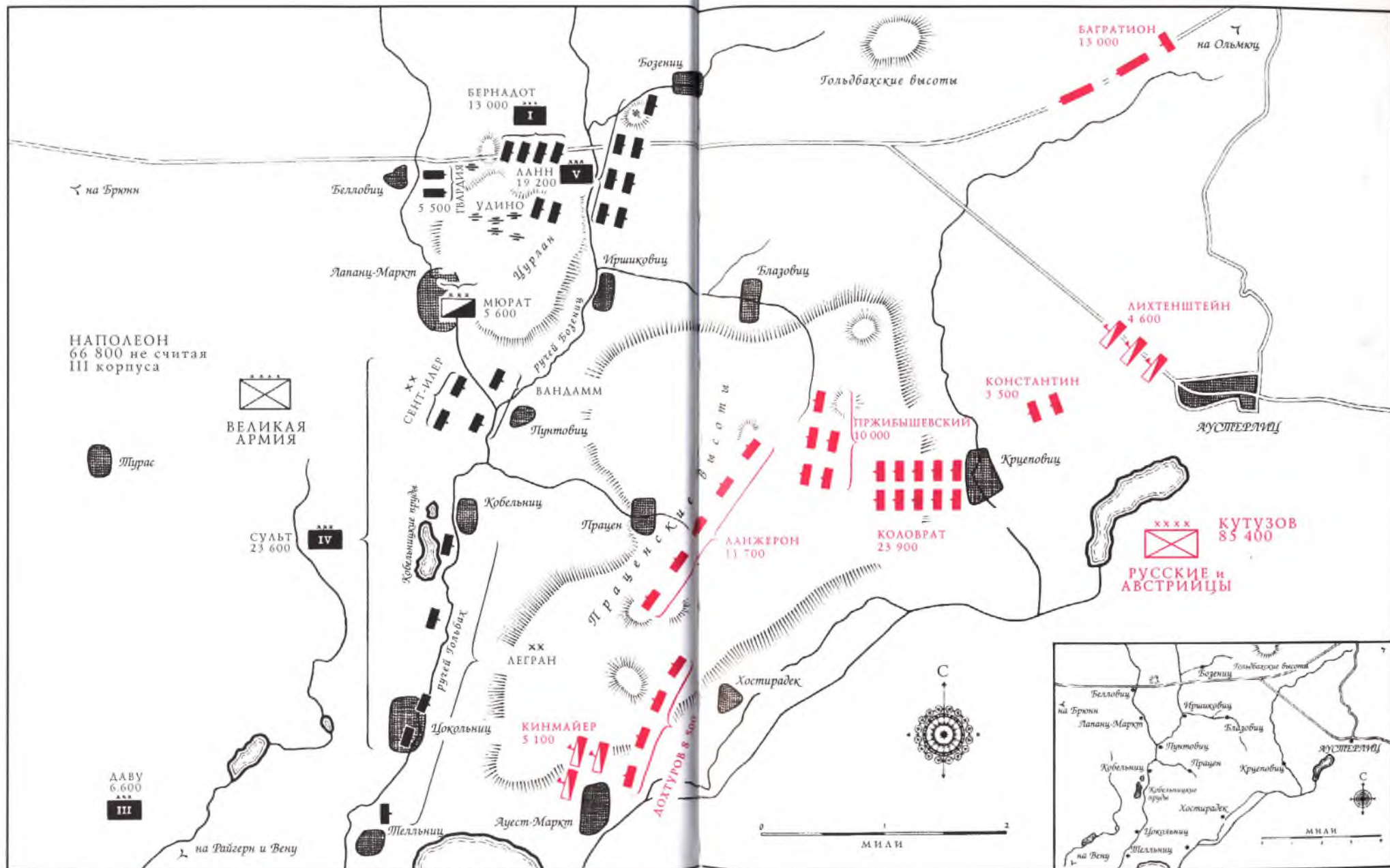

Кампания 1805 г. на Дунае

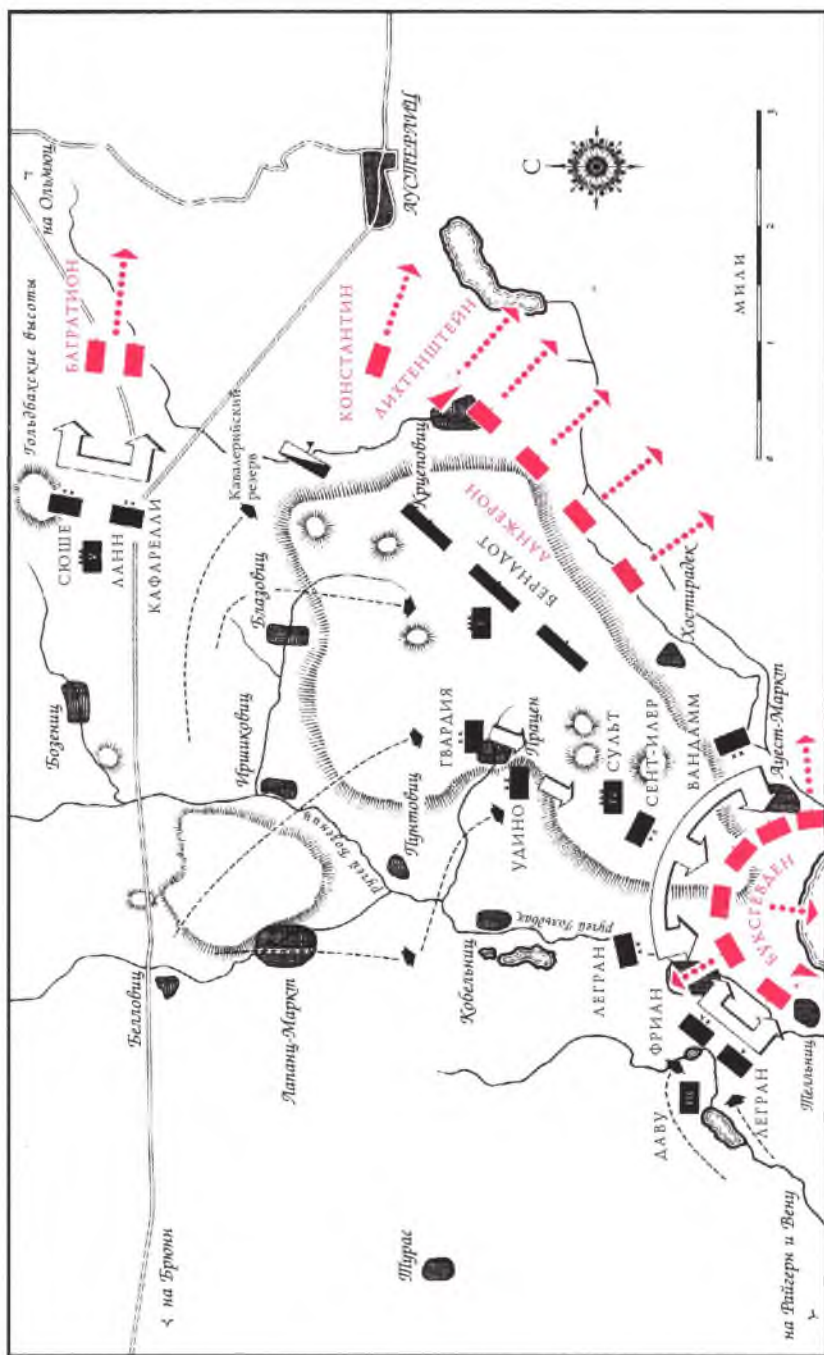

Кампания 1805 г. на Дунае

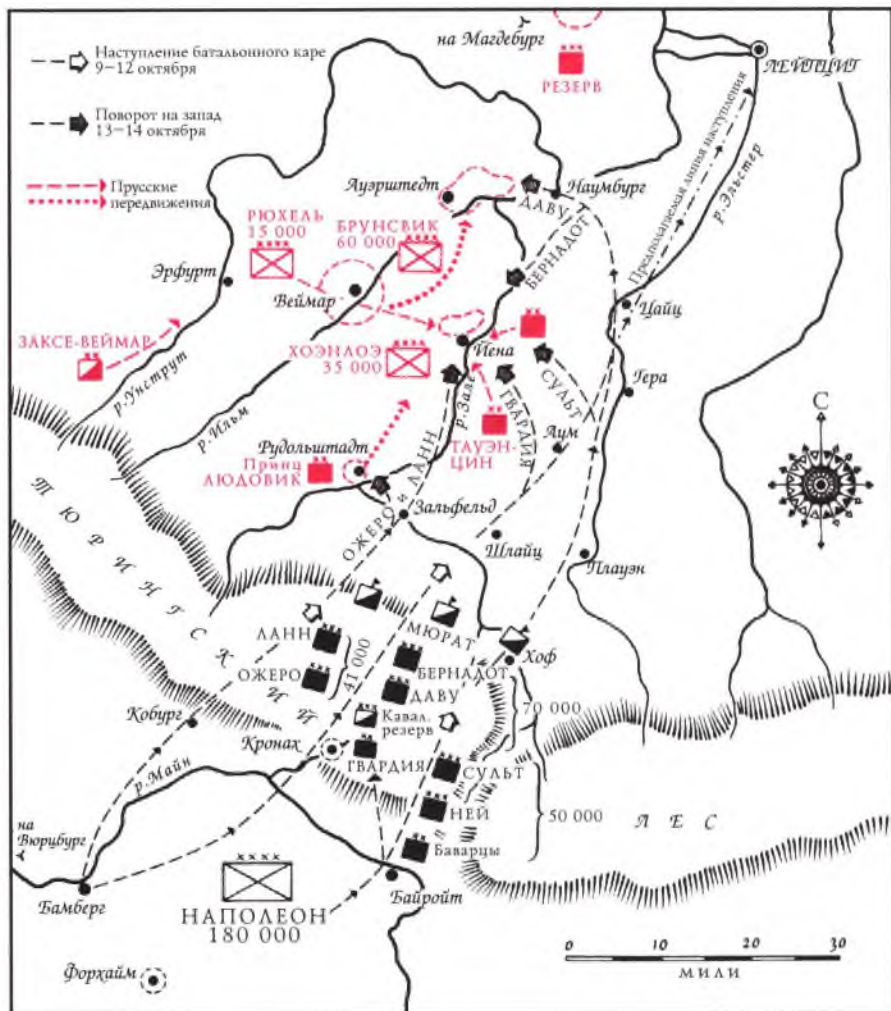
Аустерлицкое сражение, 2 декабря 1805 г.
Общая обстановка к ночи предшествующего дня

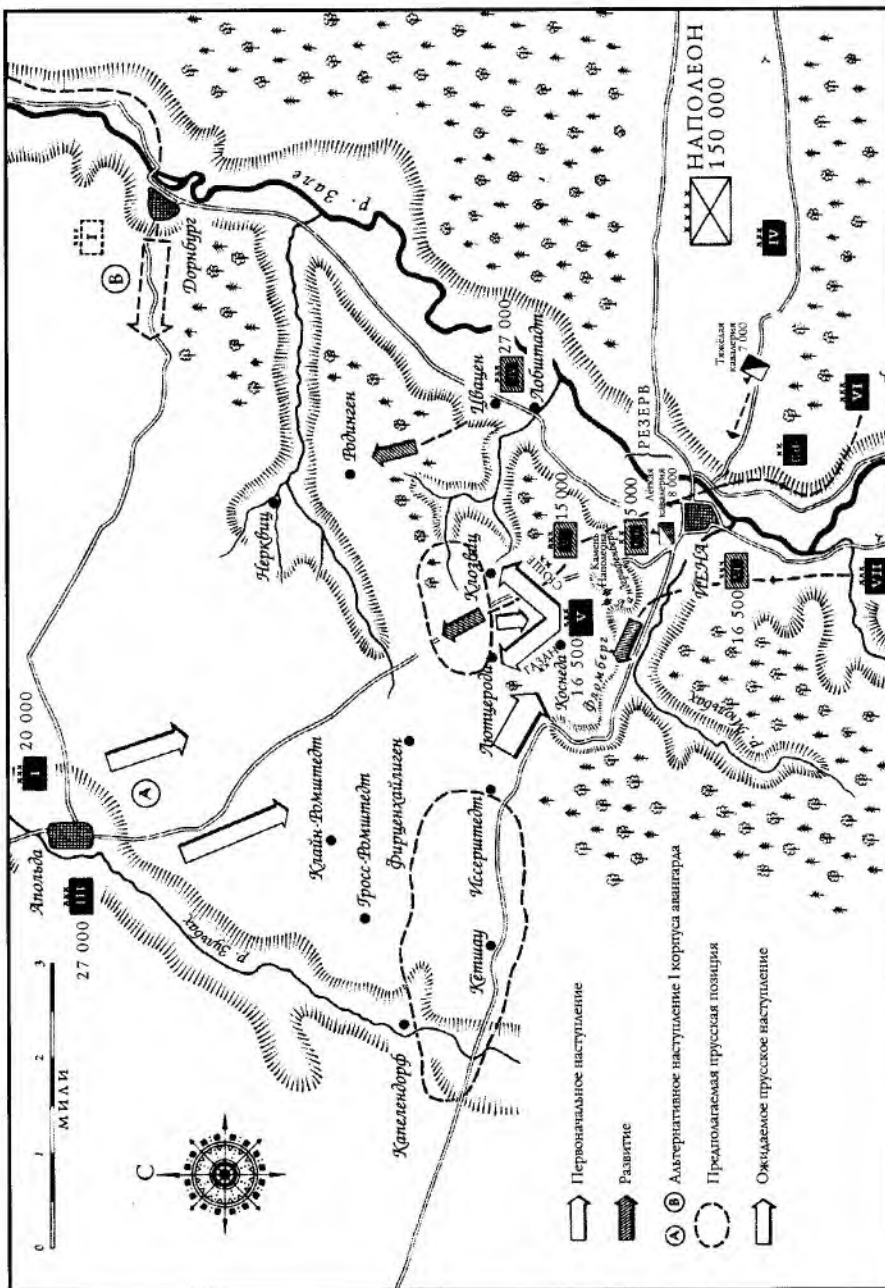
Аустерлицкое сражение, 2 декабря 1805 г.:
 завершающая атака французов, 2 ч. 30 мин. пополудни

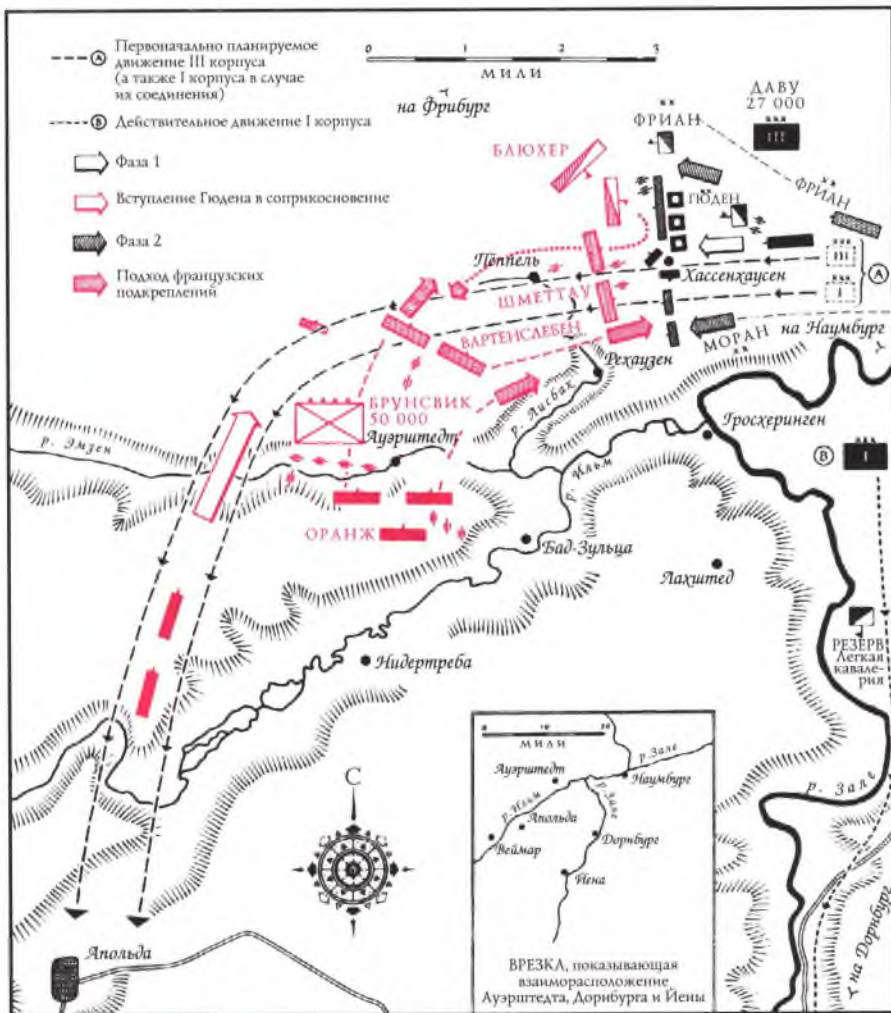
Кампания 1806 г. против Пруссии

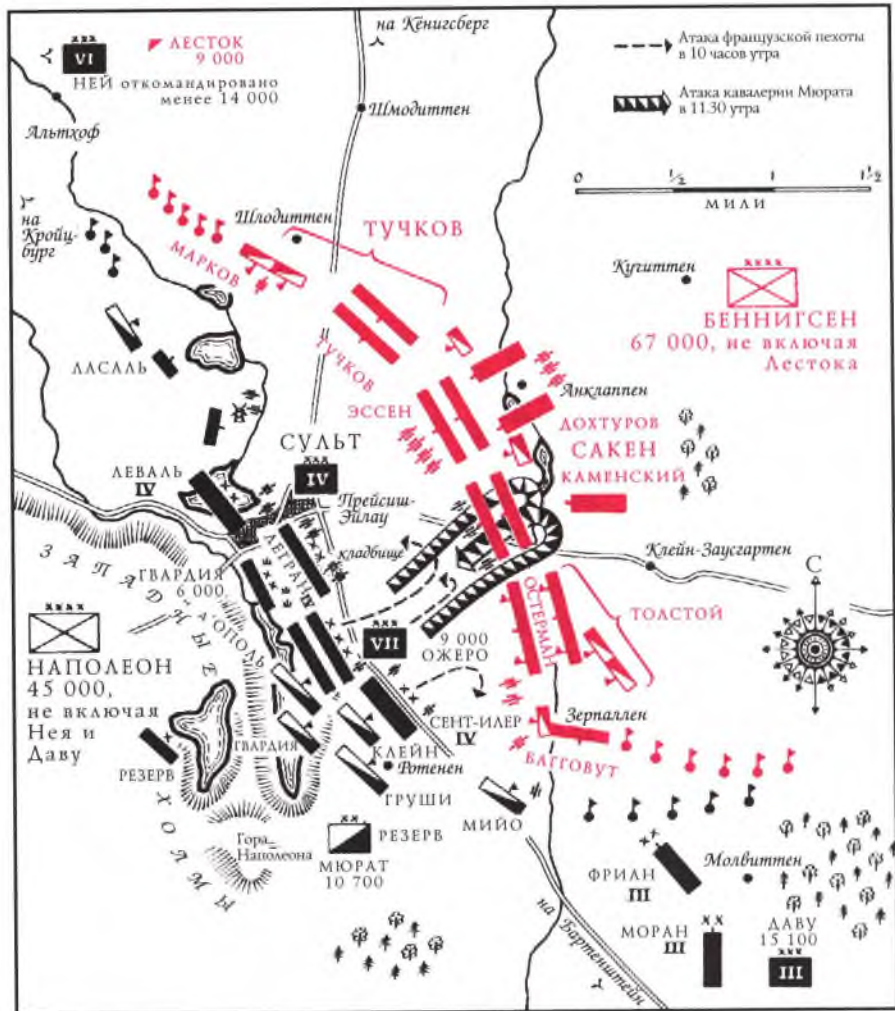
Йенская кампания; батальонное каре в действии

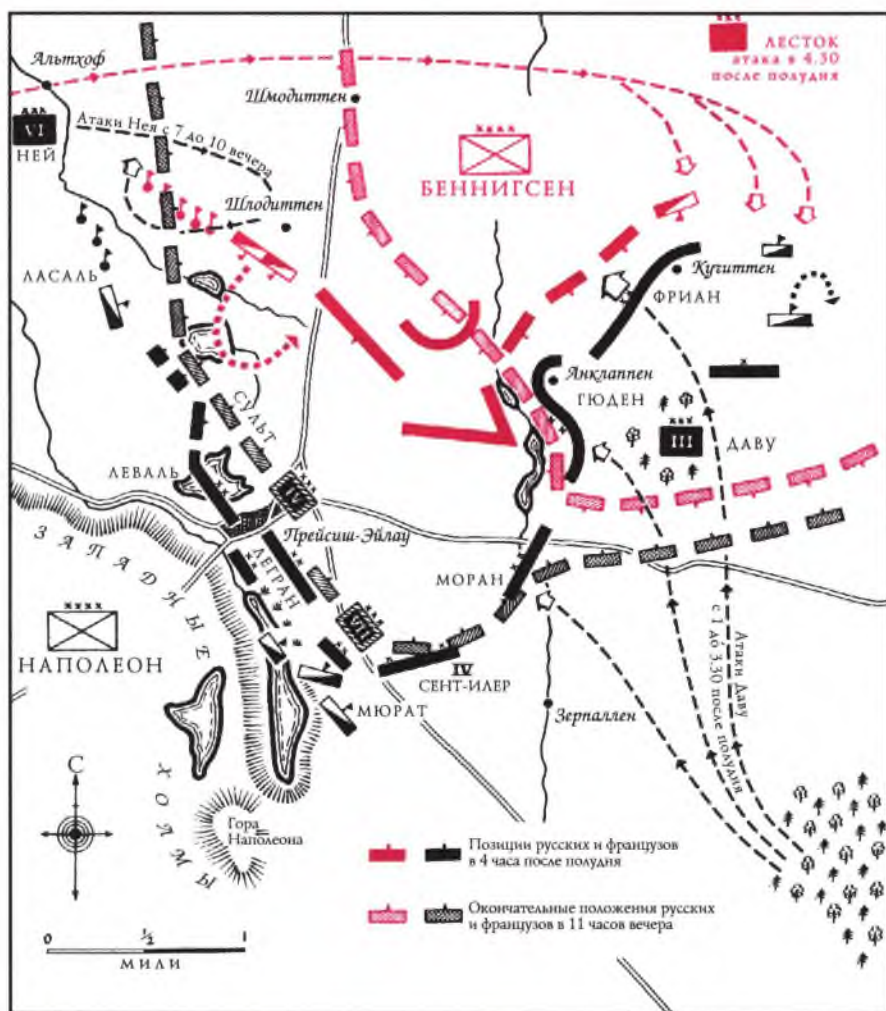
Сражение при Йене—Ауэрштедте, 14 октября 1806 г.: план Наполеона

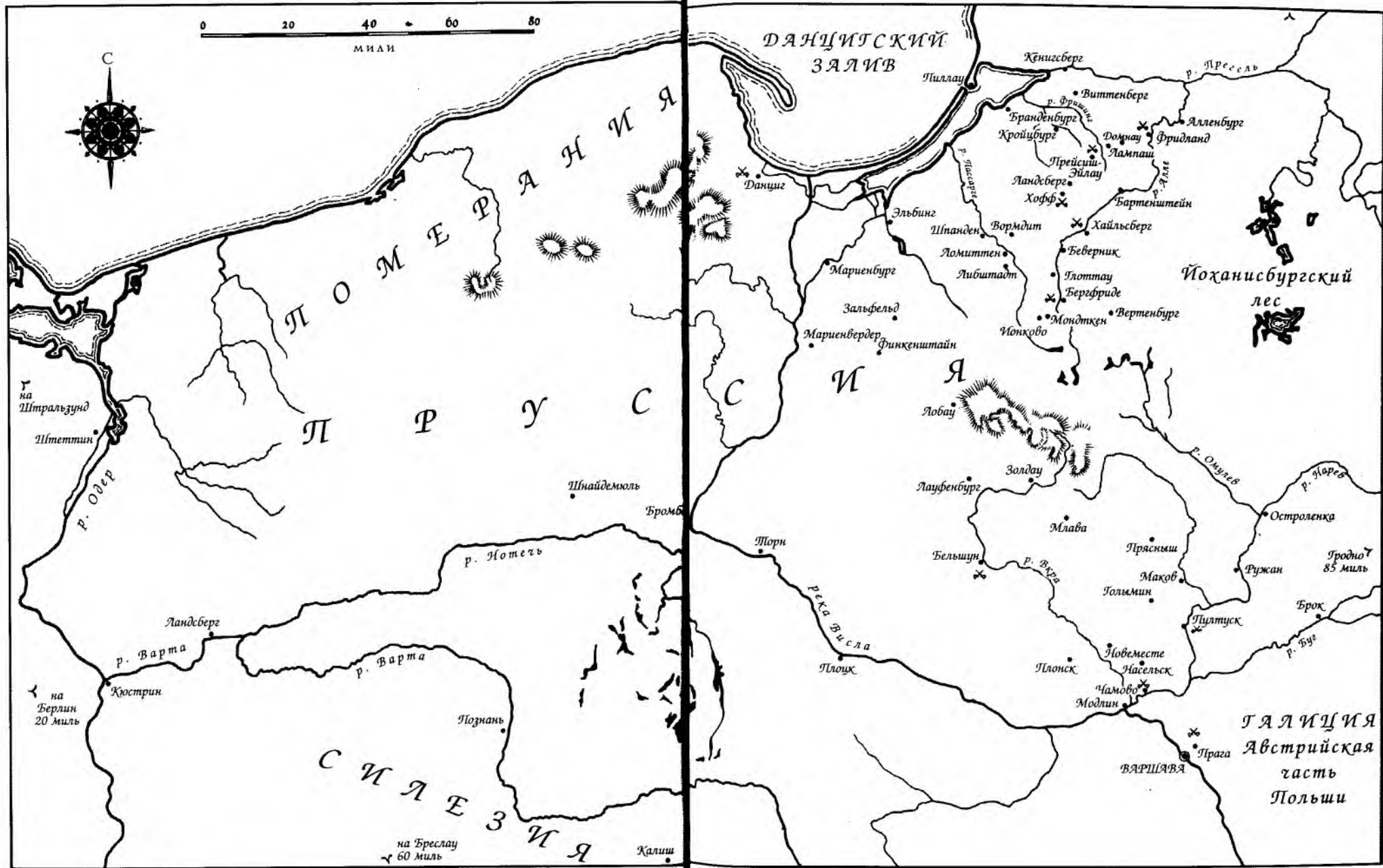
Сражение при Йене—Ауэрштедте, 14 октября 1806 г.: главные фазы Ауэрштедтского сражения

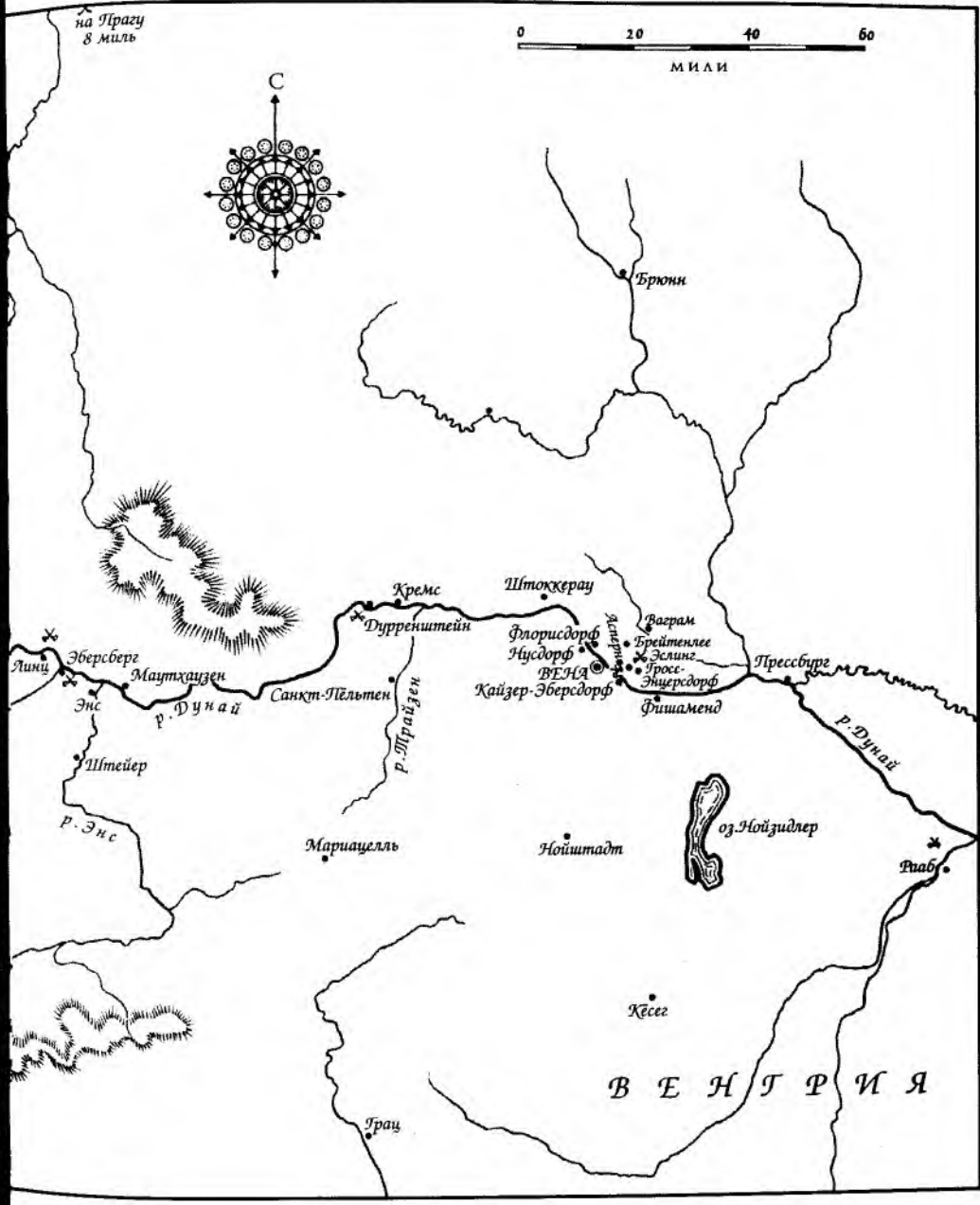
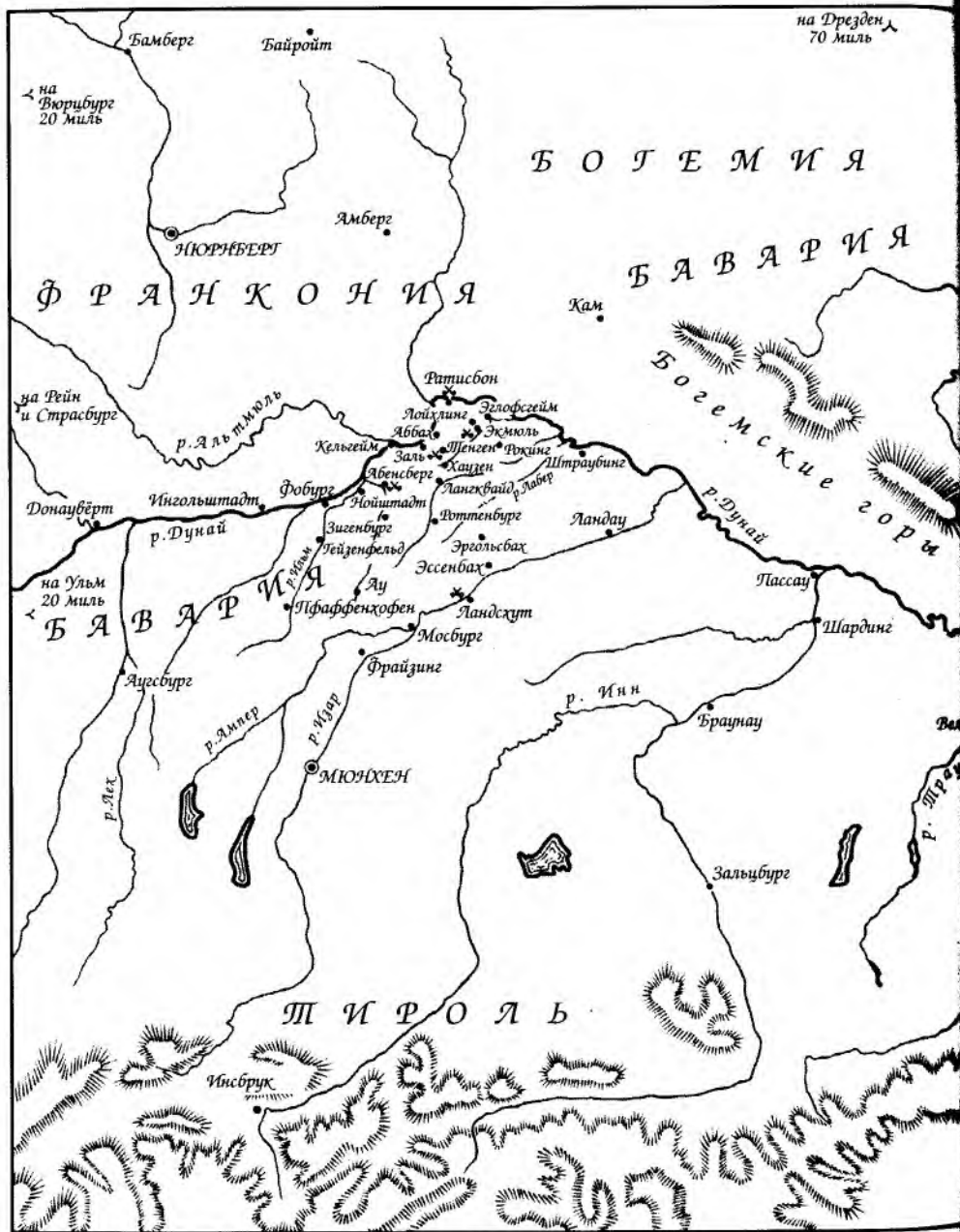
Сражение под Эйлау, 8 февраля 1807 г.: утро

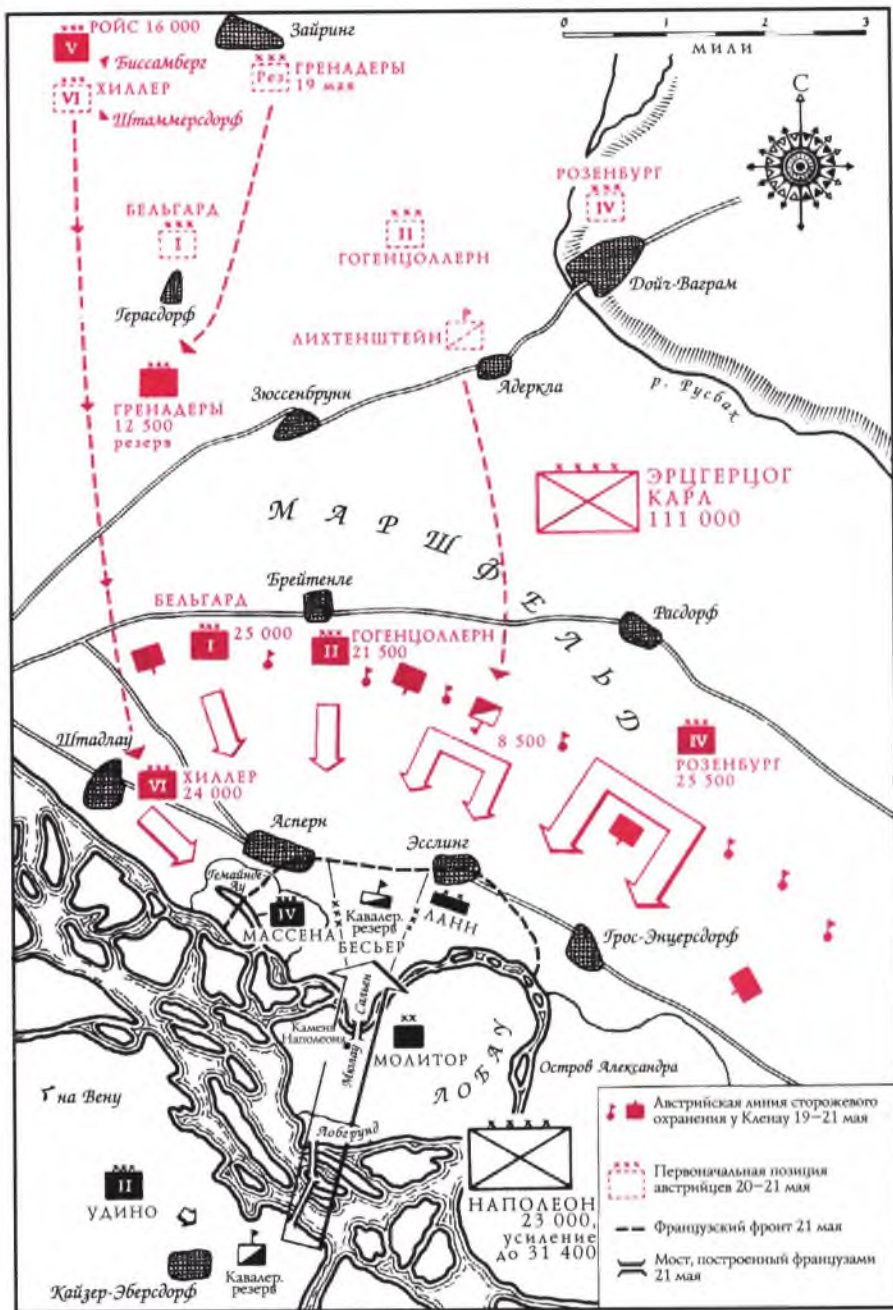
Сражение под Эйлау, 8 февраля 1807 г.: обстановка после полудня

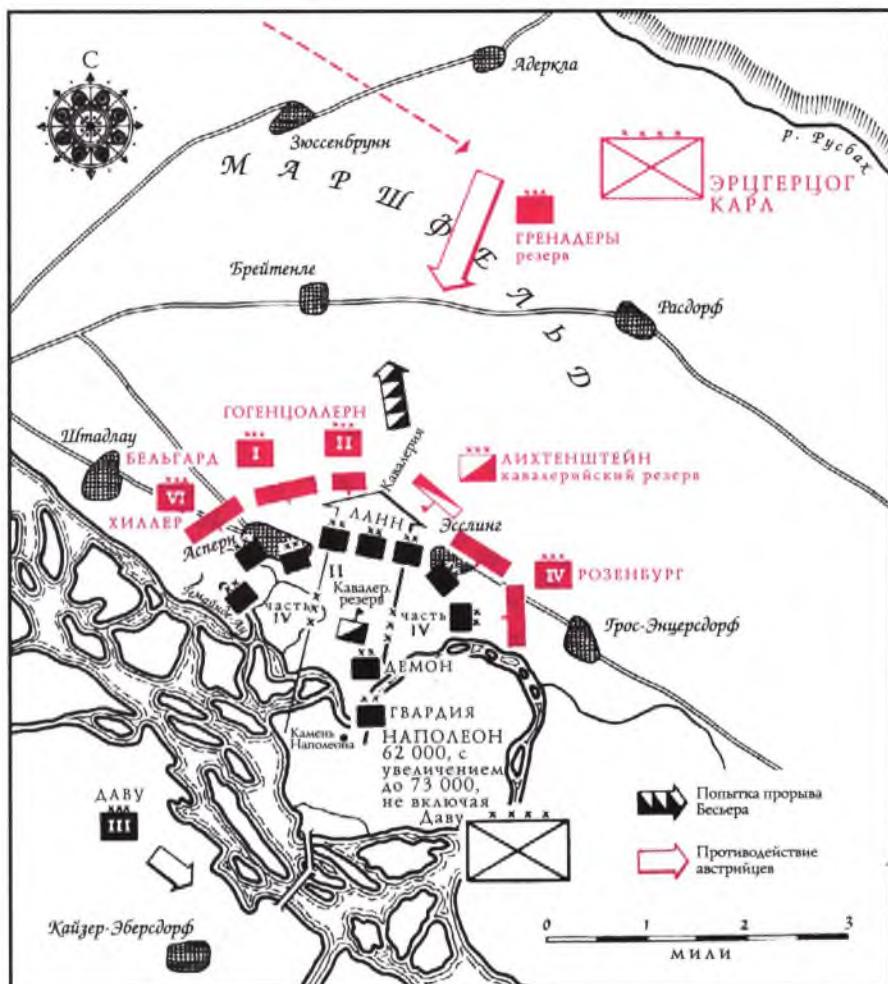
Кампания 1806—1807 гг. в Польше

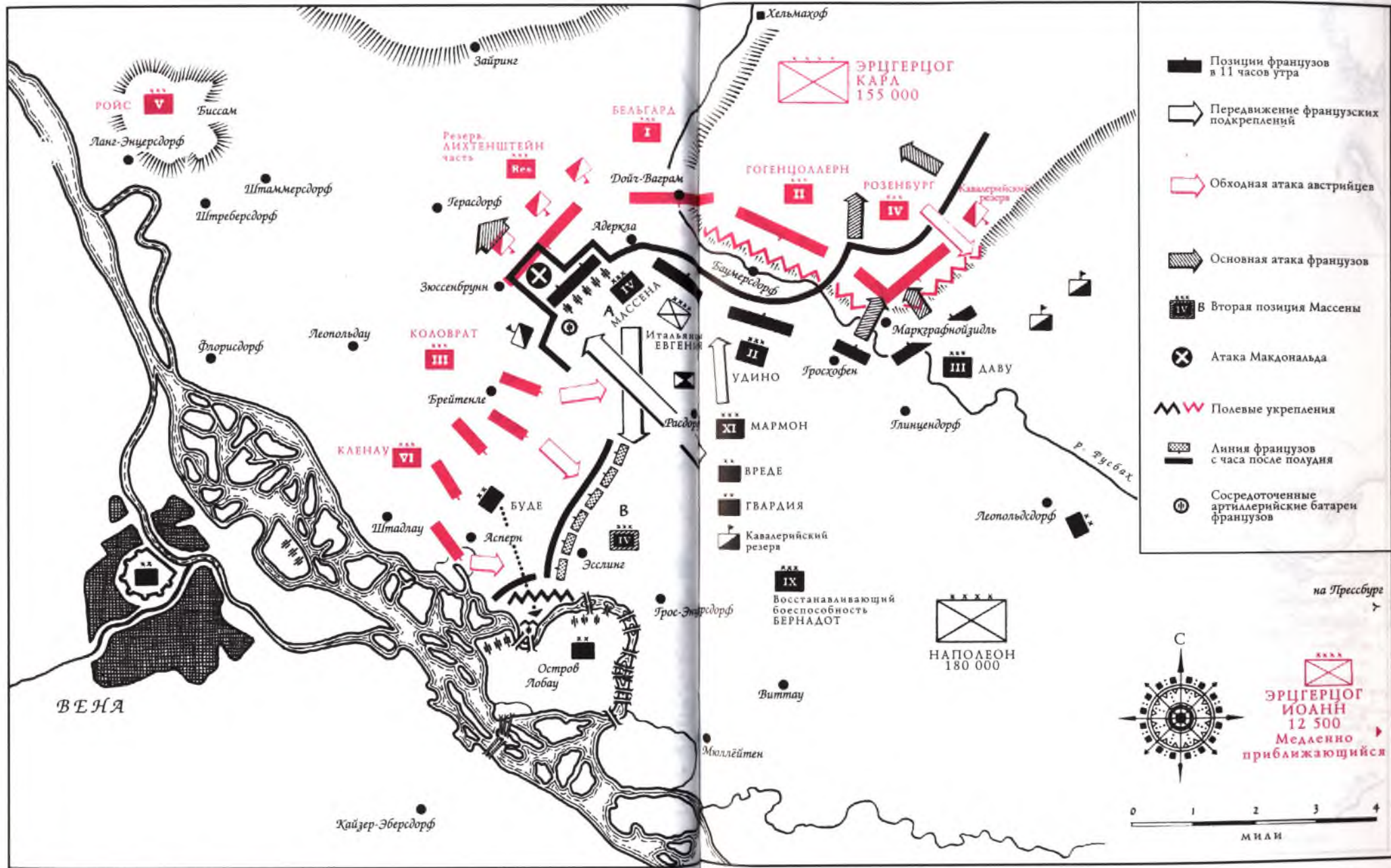
Кампания 1806 г. на Дунае

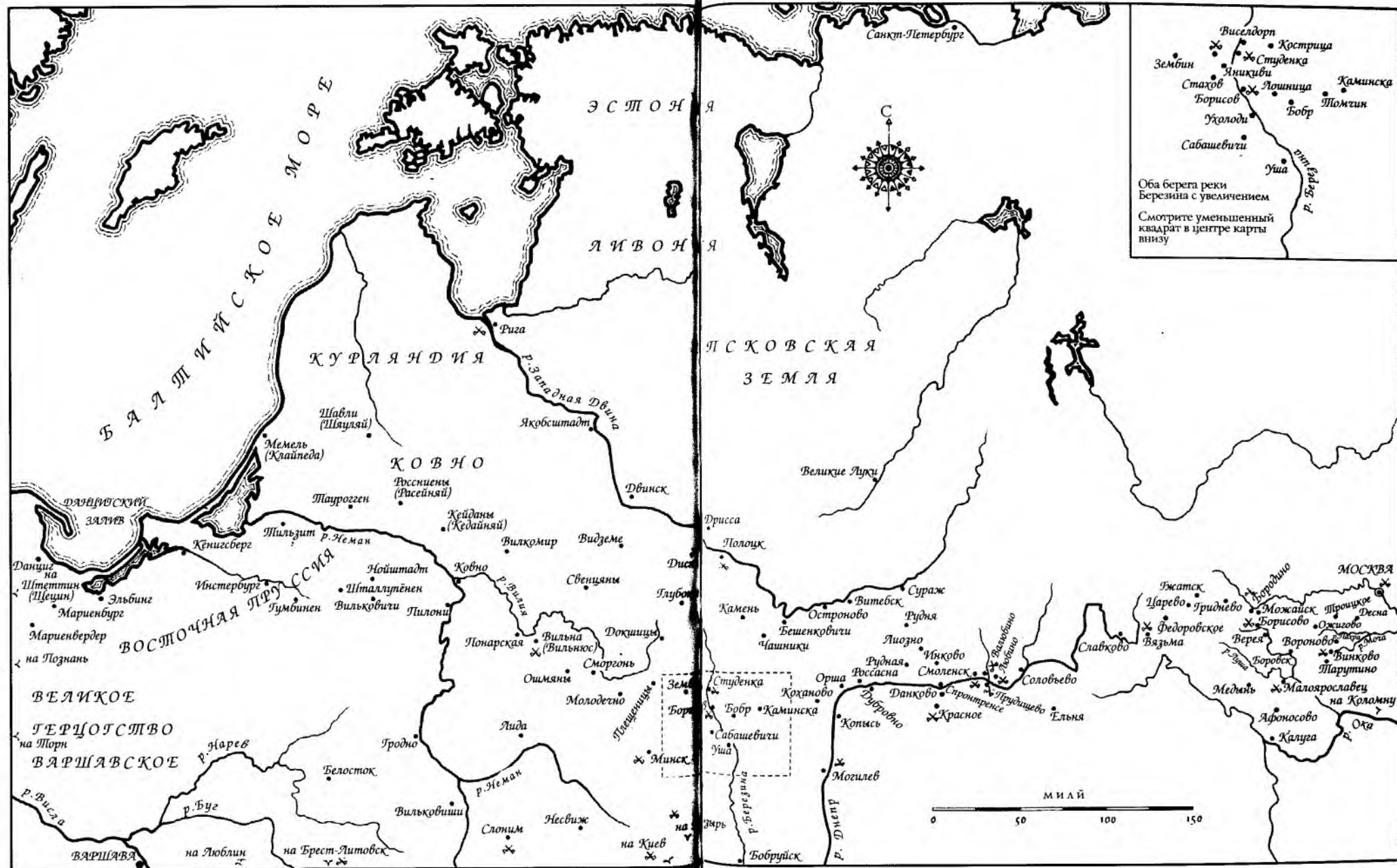
Сражение при Асперне — Эсслинге, 21–22 мая 1809 г.: первый день, 21 мая

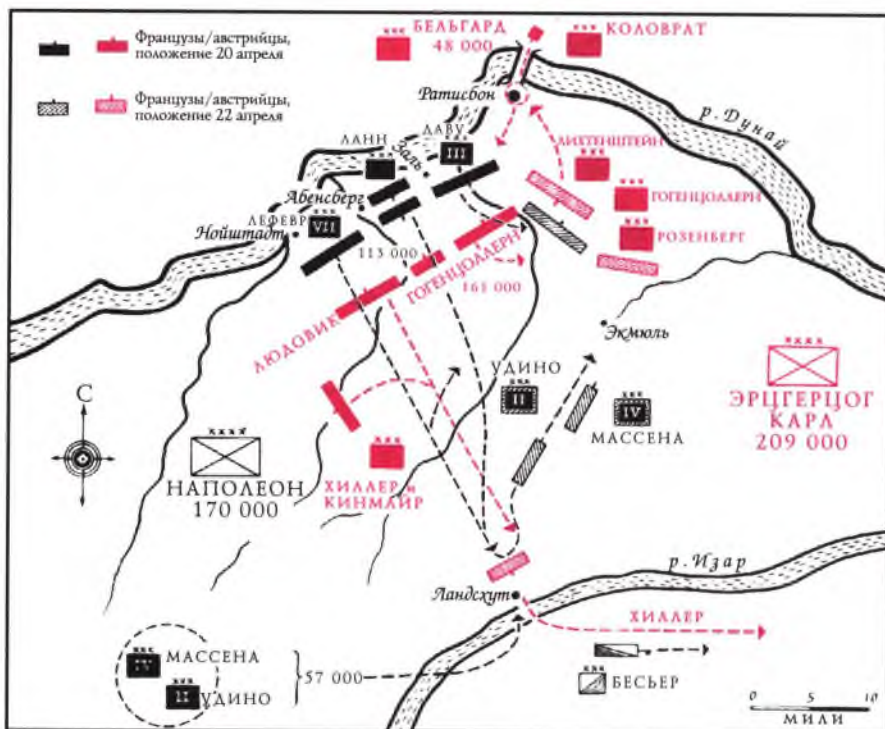
Сражение при Асперне — Эсслинге, 21 — 22 мая 1809 г.: второй день, 22 мая

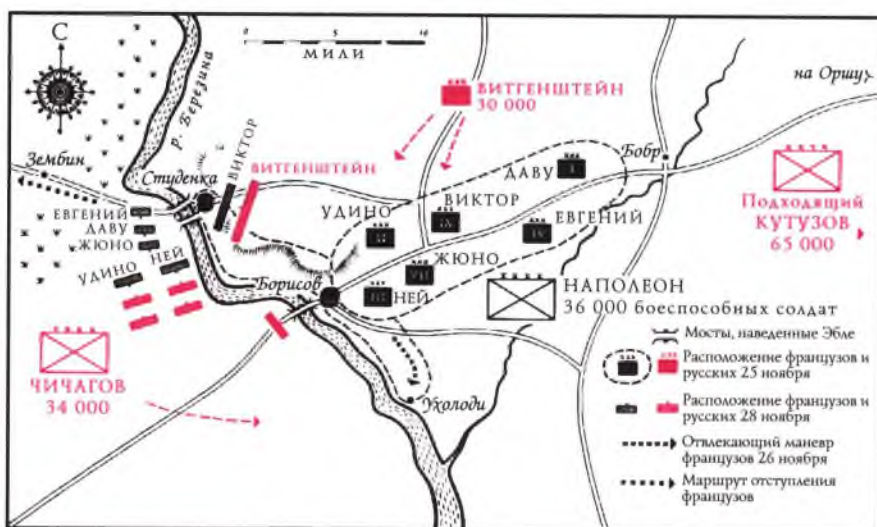
Ваграмское сражение, 5–6 июля 1809 г.; второй день

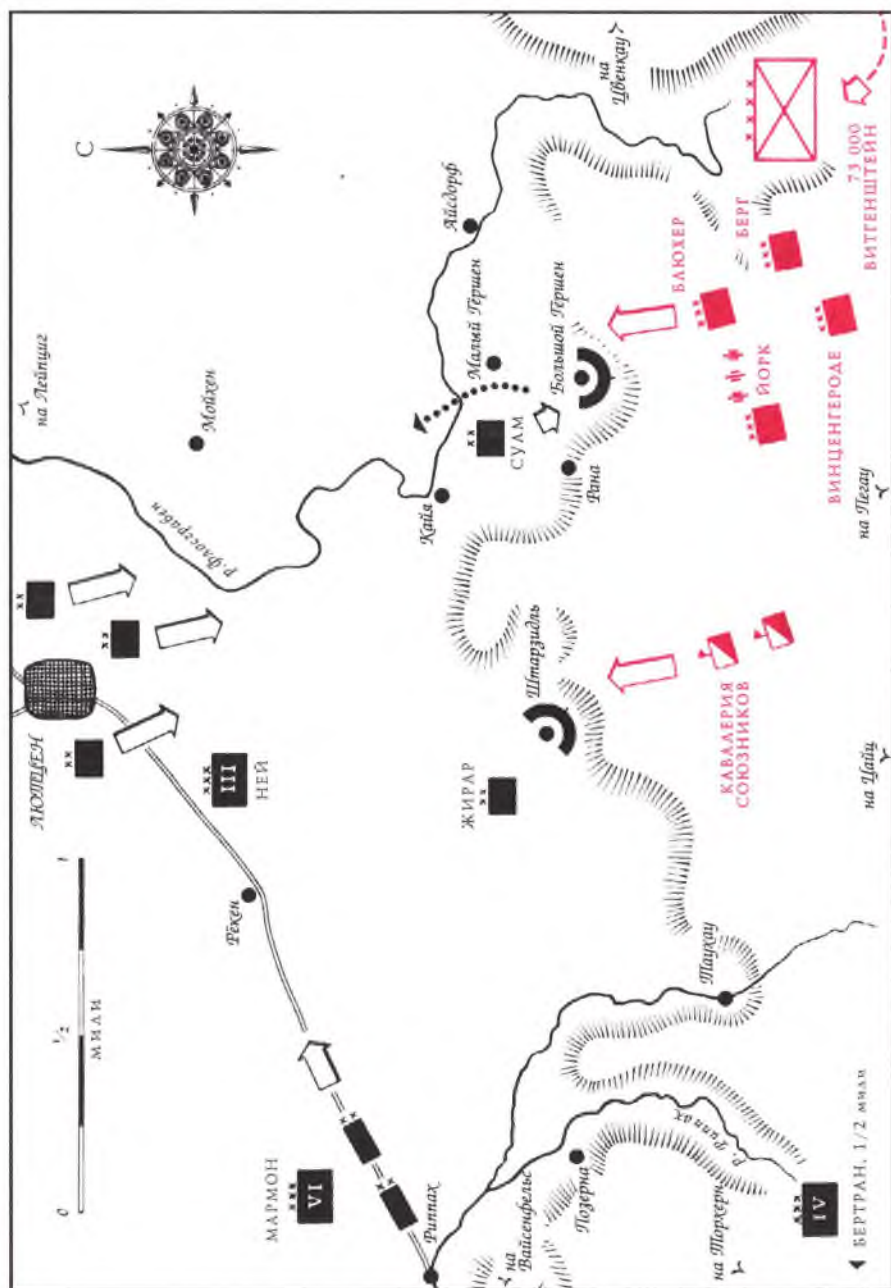
Русская кампания 1812 г.

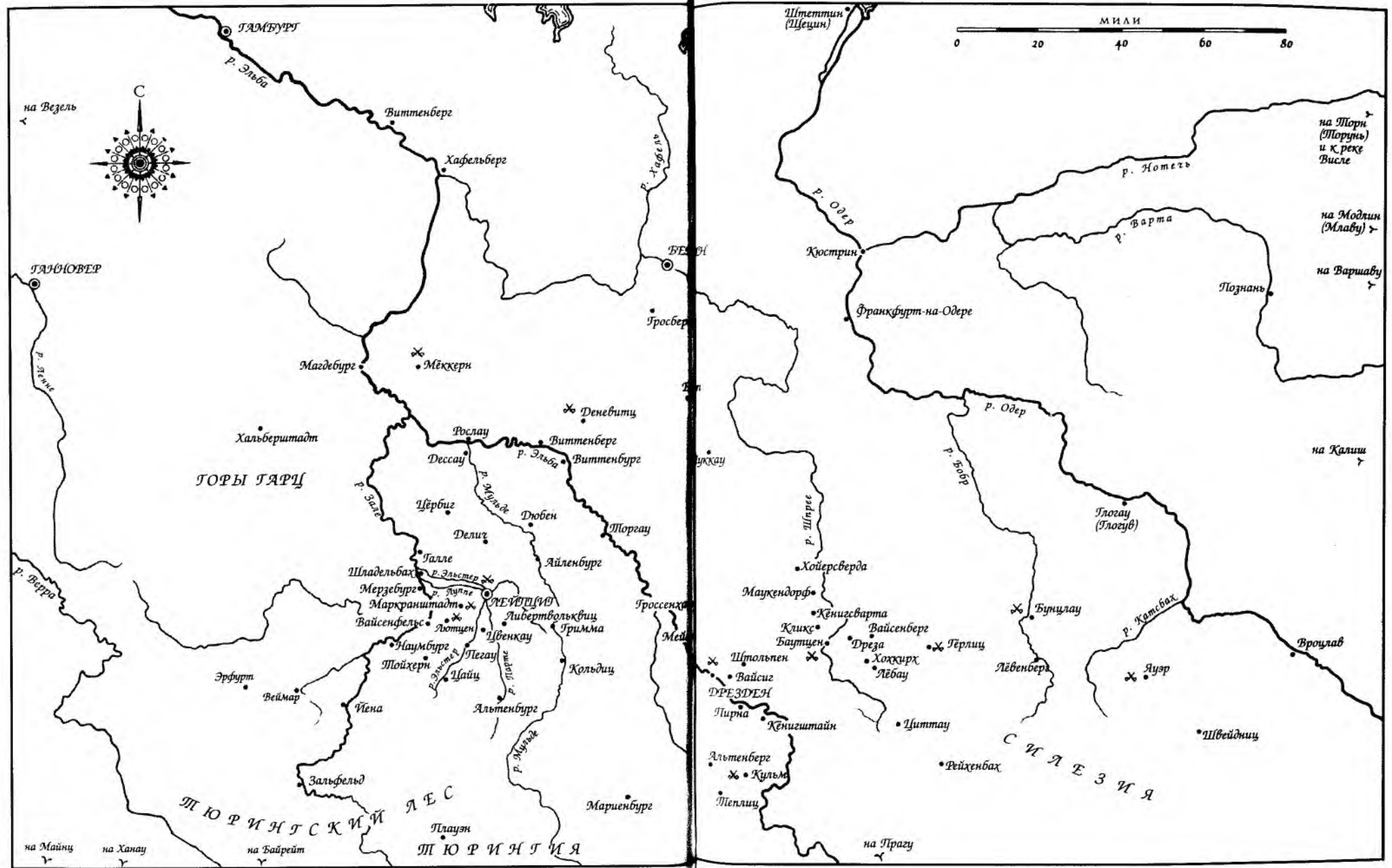
Сражение при Абенсбурге—Экмюле, 20—22 апреля 1809 г.

Переправа через Березину 25—29 ноября 1812 г.

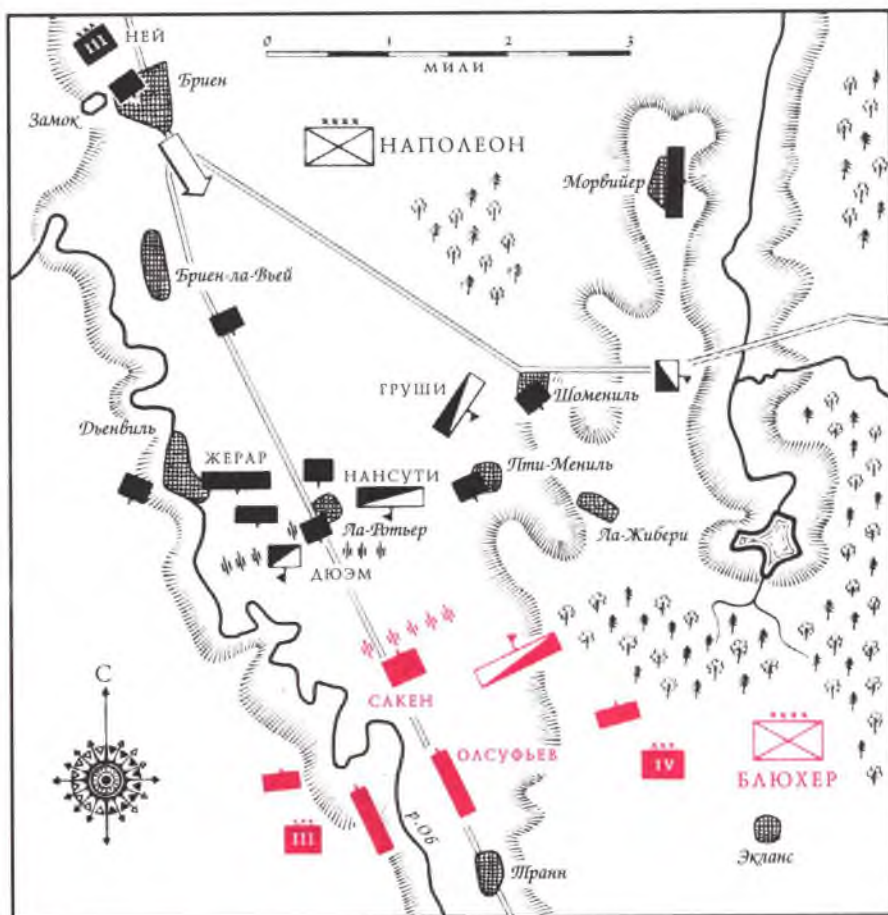
Лутценское сражение 2 мая 1813 г., положение утром, ближе к полудню

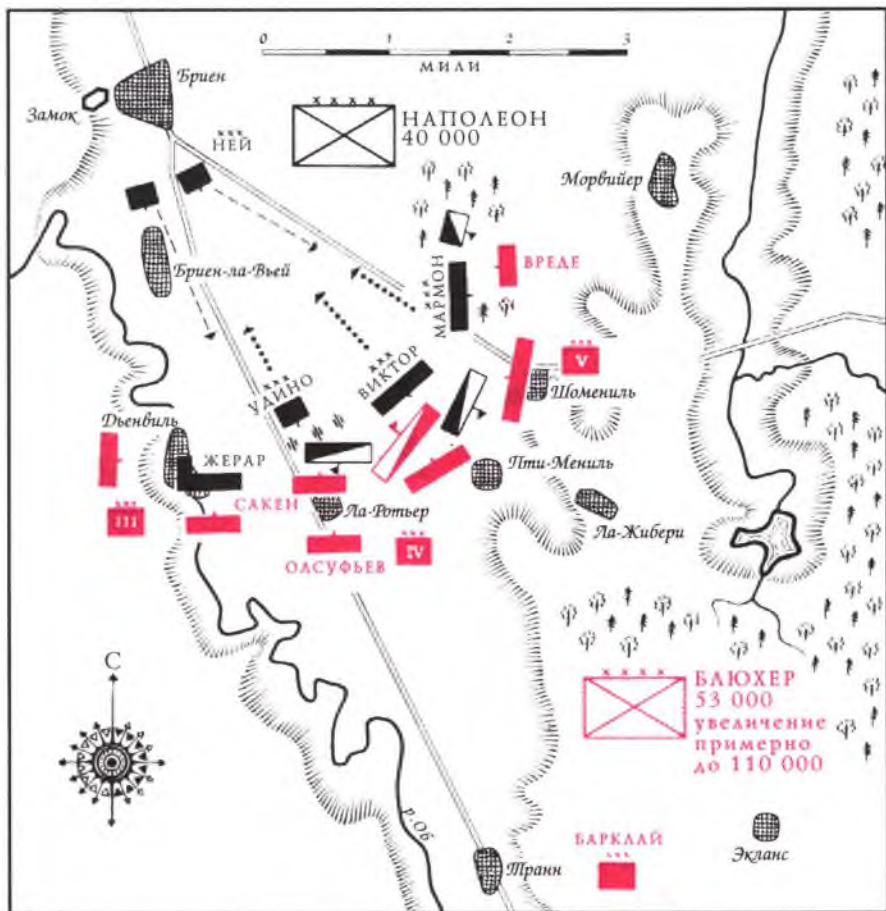
Кампания по освобождению Германии, 1813 г.

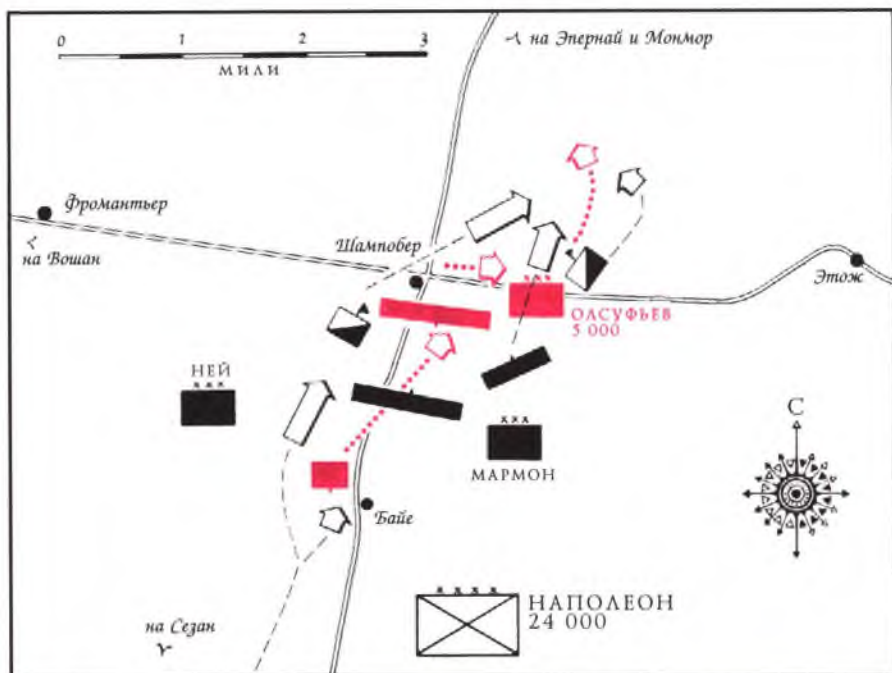
Кампания по обороне Франции 1814 г.

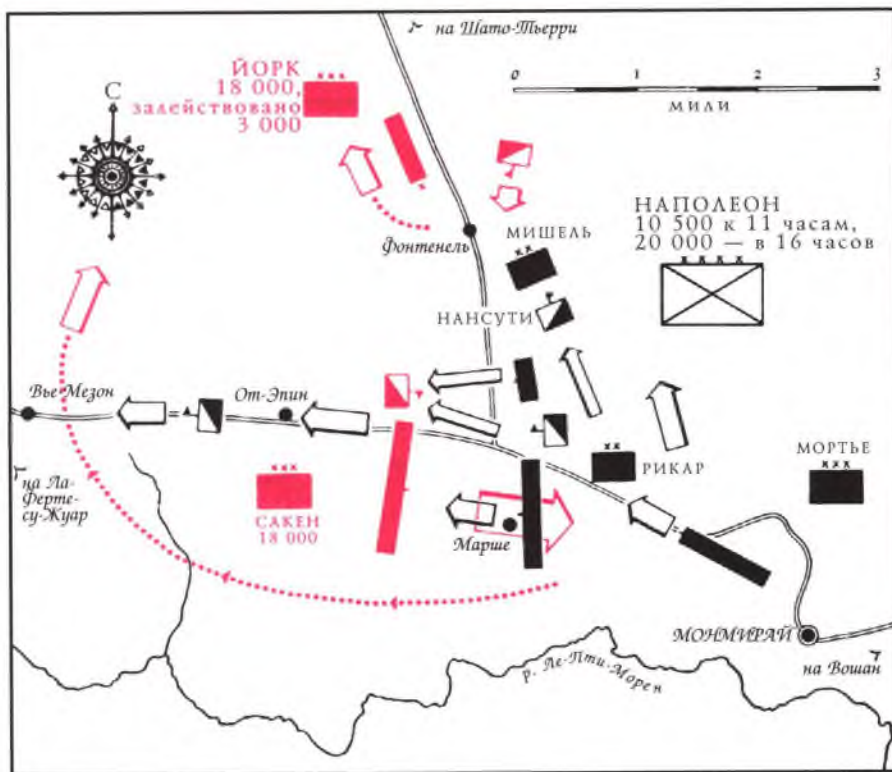
Сражение при Ла-Ротьере, 1 февраля 1814 г.: общая обстановка, 2 часа пополудни

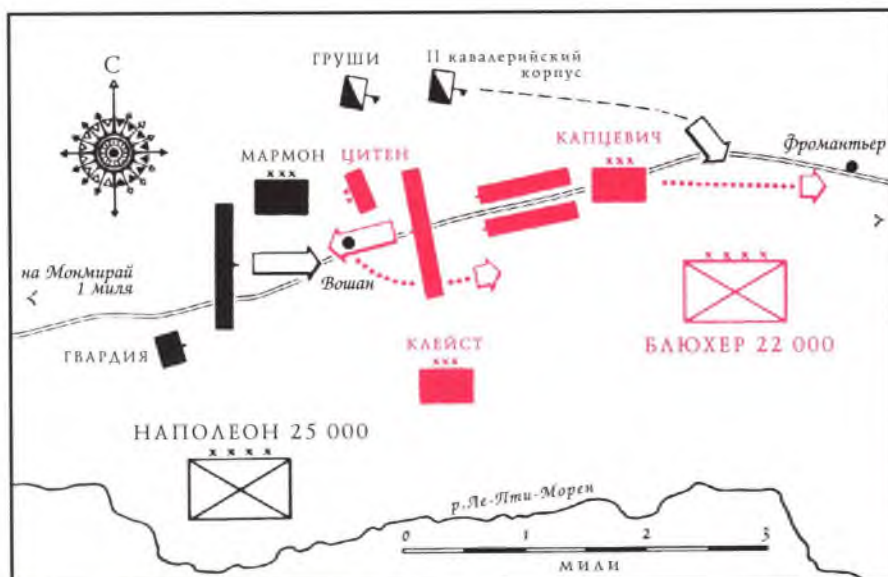
Сражение при Ла-Ротьере, 1 февраля 1814 г.: заключительные этапы,
 4—8 часов вечера

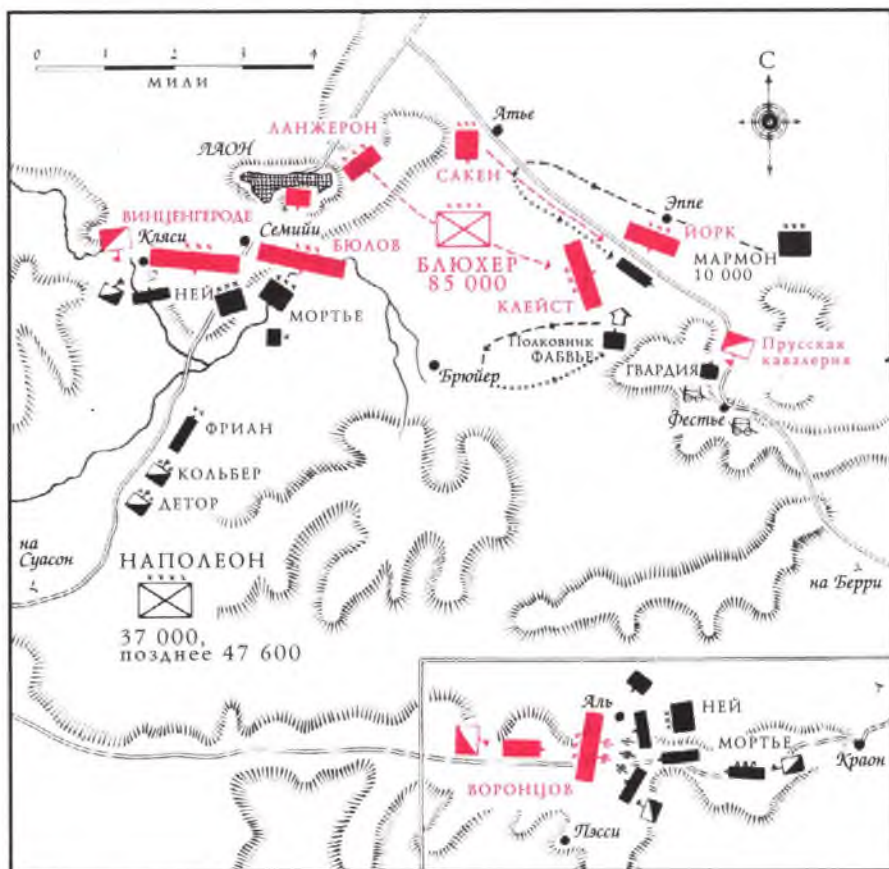
Тройное поражение союзников, 10–14 февраля 1814 г.:
1. Сражение при Шампобере, 10 февраля

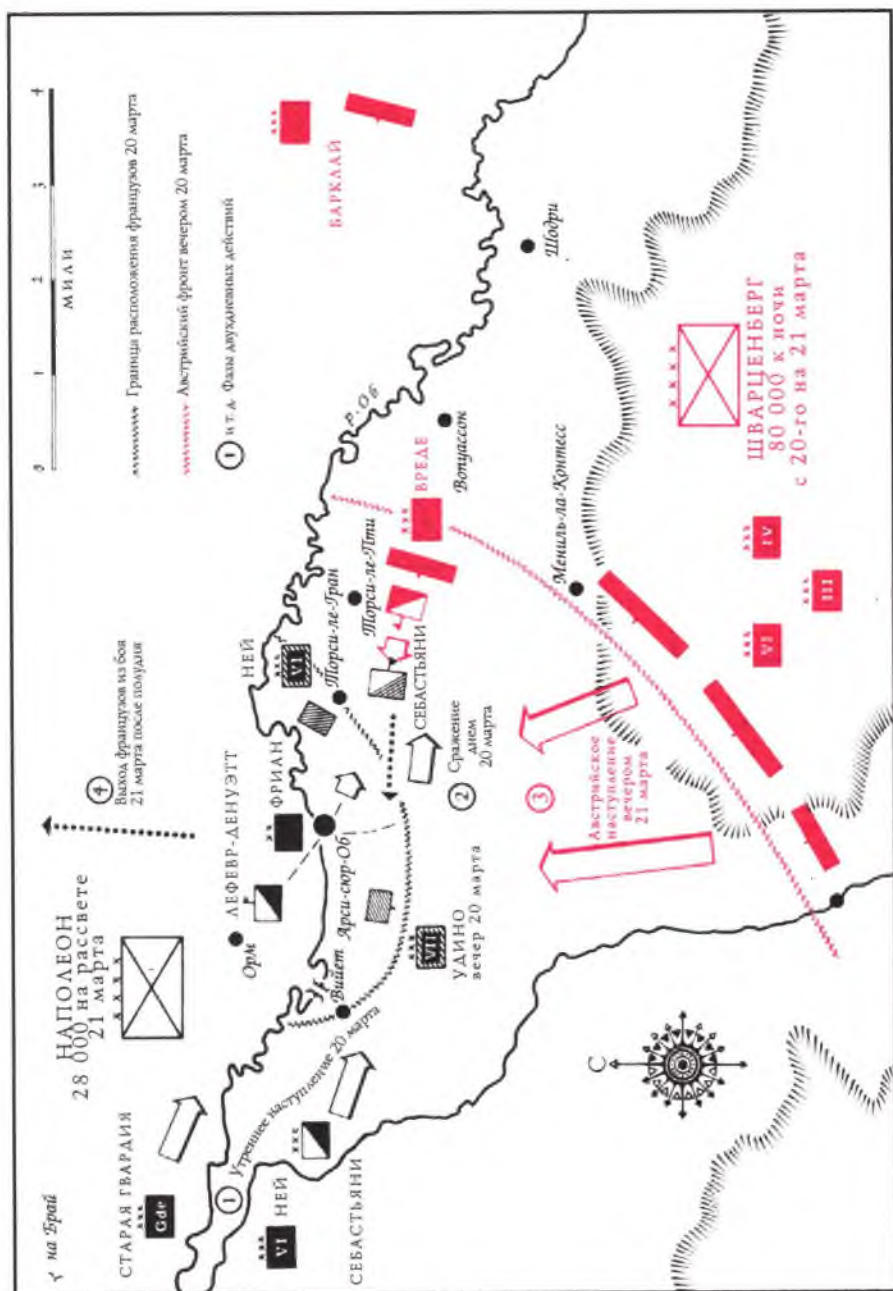
Тройное поражение союзников, 10–14 февраля 1814 г.:
2. Сражение при Монмирае, 11 февраля

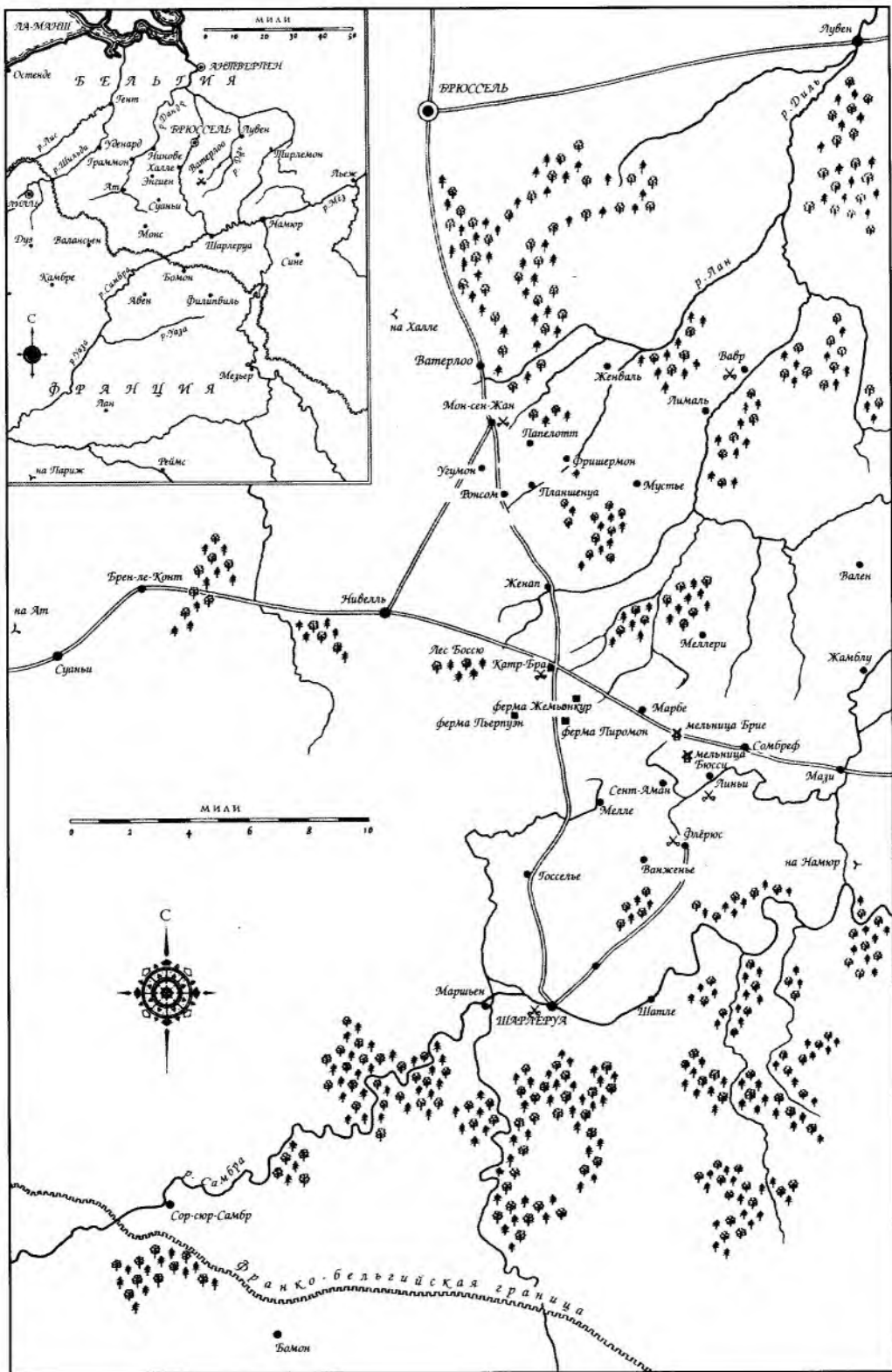
Тройное поражение союзников, 10–14 февраля 1814 г.:
3. Сражение при Вошане, 14 февраля

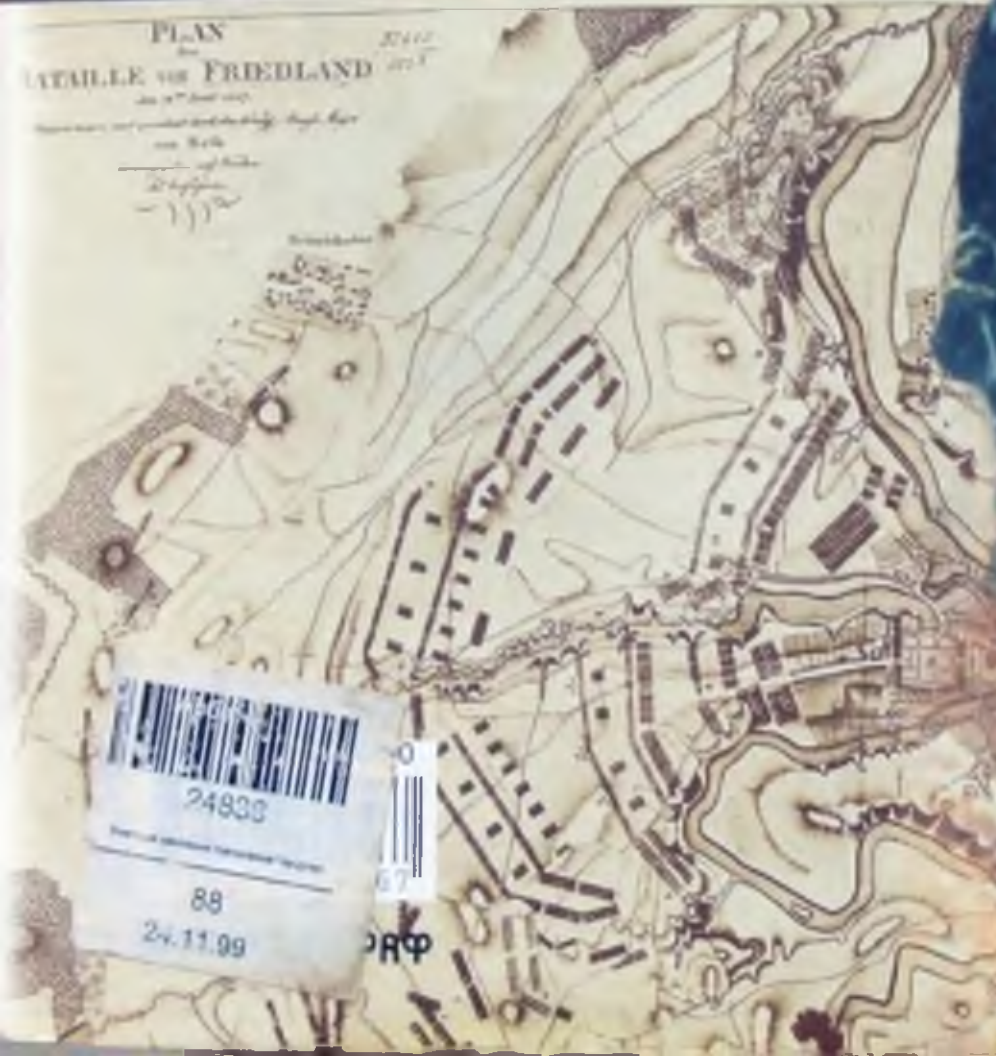
Сражение при Краоне (врезка) и Лаоне, 7–10 марта 1814 г.

Сражение при Арси, 20–21 марта 1814 г.

Кампания Ста дней, 1815 г.

ВОЕННЫЕ
КАМПАНИИ
НАПОЛЕОНА

24833
88
24.11.99

ОРФ

СПБ